Археология северорусской деревни X–XIII веков

Том 1

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА

The Archaeology of the Rural Areas of Northern Rus 900–1300 AD

Medieval settlements and burial grounds in the Kubenskoye lake region

In three volumes

Head of the Project and Chief Editor
Nikolay MAKAROV, Corresponding Member of RAS

Volume 1

Settlements and burial grounds

MOSCOW NAUKA 2007

Археология северорусской деревни X–XIII веков

Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере

В трех томах

Научный руководитель и ответственный редактор
член-корреспондент РАН Н.А. МАКАРОВ

Том 1

Поселения и могильники

МОСКВА НАУКА 2007

УДК 902/904(470+571)
ББК 63.4(2)
А87

Издание подготовлено в рамках программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН "История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте"

Авторы тома:

И.Е. Зайцева, С.Д. Захаров, Н.А. Макаров, С.В. Меснянкина, М.Л. Мокрушин, Е.А. Спиридонова, А.В. Суворов

Рецензенты:

доктор исторических наук *А.Е. Леонтьев*,
доктор исторических наук *А.В. Чернецов*

Археология севернорусской деревни X–XIII веков : средневековые поселения и могильники на Кубенском озере : в 3 т. / отв. ред. Н.А. Макаров ; Ин-т археологии РАН. — М. : Наука, 2007 — .— ISBN 978-5-02-035522-4.

Т. 1 : Поселения и могильники. — 2007. — 374 с. — ISBN 978-5-02-035523-1 (в пер.).

В первом томе излагаются итоги изучения Мининского археологического комплекса на Кубенском озере — уникального сельского микрорегиона, исследование которого позволило реконструировать историю становления и развития сельских поселений на северной периферии Древней Руси в X–XIII вв. Подробно рассматриваются системы расселения, топография и ландшафтная приуроченность средневековых памятников на Кубенском озере, характер культурных напластований, остатки жилых и хозяйственных сооружений. Значительное место уделено средневековым могильникам, раскопки которых дали важный материал для характеристики культуры обитателей сельских поселений. Впервые рассмотрены общие подходы к изучению средневековых сельских поселений, сложившиеся в отечественной и западноевропейской археологии, и современные методы полевых работ на этих памятниках.

Для археологов, историков, этнологов.

Темплан 2007-I-350

ISBN 978-5-02-035522-4
ISBN 978-5-02-035523-1 (том 1)

© Институт археологии РАН, 2007
© Коллектив авторов, 2007
© Редакционно-издательское оформление. Издательство "Наука", 2007

Предисловие

Летом 1996 г. мы разбили палаточный лагерь рядом с площадкой средневекового селища Минино на Кубенском озере, выбранного для раскопок как эталонное сельское поселение на северо-восточных окраинах Руси. За два-три сезона раскопок мы планировали составить археологический портрет обычной северной деревни. Предполагалось, что эта работа будет дополнена сбором данных о других исследованных раскопками селищах в северных областях Руси и сопоставлением новейших материалов, полученных с использованием недавно взятых на вооружение "тонких методов" разборки культурного слоя, с теми археологическими данными, которые были накоплены ранее, за несколько десятилетий раскопок древнерусских селищ в разных регионах лесной полосы Европейской России. Мы рассчитывали проверить, насколько реконструированное археологией сельское поселение соответствует тому образу сельской Руси XI—XIII вв., который сложился в умах историков на основании изучения письменных памятников, заранее ожидая, что археология откроет в этой картине много неожиданного.

Реализация задуманной программы затянулась на девять лет и потребовала значительно больших усилий, чем это первоначально предполагалось. Каждый новый шаг в изучении Минина ставил перед нами новые вопросы и подталкивал к расширению полевых работ, распространению их на другие памятники Кубенозерского края. Чтобы точнее определить место избранного для раскопок поселения в региональной системе потребовалось сначала собрать минимальную информацию о средневековых памятниках ближнего радиуса, образующих единую локальную группу, а затем — некоторые данные о сети поселений X—XIV вв. вокруг всего Кубенского озера. Открытие рядом с первым селищем второго, не уступавшего первому по размерам, неизбежно поставило вопрос об их соотношении и взаимосвязи. Раскопки селищ подтолкнули к поискам и раскопкам соответствующего им могильника как памятника, раскрывающего те аспекты сельской жизни, которые недостаточно полно отражены поселенческими комплексами. Обнаружение могильника, изобилующего украшениями и бытовыми вещами, фиксация необычных, трудноуловимых деталей погребального обряда в определенный момент поставило погребальные памятники в центр внимания, разворачивая исследование в новом направлении, не предусмотренном первоначальным планом. Наконец, расчистка средневекового культурного слоя и погребений в Минино на многих участках завершалась погружением в горизонты эпохи мезолита, неолита, бронзы и раннего железного века, определяя изучение первобытных древностей как особую задачу.

Все же мы попытались не уклониться от главной цели — исследования мининского гнезда поселений как памятников средневековой сельской жизни, ценных для нас не столько как источники для изучения культурной специфики Кубенозерского региона, сколько как археологические объекты, раскрывающие общие, родовые черты севернорусской деревни. Мы исходили из того, что именно воссоздание истории отдельных деревень и гнезд сельских поселений, становление которых связано с колонизационной волной X—XI вв., способно сегодня приблизить нас к пониманию общих механизмов средневековой колонизации, бурного демографического и экономического роста конца I — начала II тыс. н.э., сформировавшего сельский культурный ландшафт русского средневековья. По мере накопления палеоэкологических материалов и уточнения тех вопросов, решение которых находится преимущественно в компетенции естественных наук, к проекту были привлечены палинологи, палеоботаники, палеозоологи и антропологи, исследования которых прояснили многие аспекты жизнеобеспечения сельских поселений, изменения природной среды и биологического состояния средневековых сельских общин.

Полевые исследования на Кубенском озере, систематизация и анализ огромного археологического материала из раскопок селищ и могильников осуществлялись в разные годы при поддержке грантов РФФИ "Средневековые колонисты на Русском Севере: биоархеологические реконструкции" (1996—1998 гг., проекты № 96-06-80287; № 98-06-88014), "Археология северной деревни X—XIII вв.: организация расселения, хозяйство, системы жизнеобеспечения" (1999—2001 гг., проект № 99-06-80177), научной программы ОИФН РАН "История, язык и культура славянских народов в мировом контексте" (проект "Археология севернорусской деревни X—XIII вв.") и гранта фонда ИНТАС "Craft, Production, Environment and Landscape: An Archaeological Study of Centre/Periphery Relationships based on the evidence of the exploitation and processing of natural resources in Novgorod and its region" (INTAS project 2000-154). Поддержка фонда ИНТАС позволила углубить палеоэкологическое направление исследований и привлечь к ним палеозоологов из Борнмутского университета (Великобритания) и палеоботаника из Университета Кристиана-Альбрехта в г. Киле (Германия).

Грант Шведской Королевской Академии наук дал возможность организовать международные полевые семинары по изучению средневековых северных деревень в 1999 г. в Рансбю и в 2000 г. в Минино и провести предварительное обсуждение итогов мининского проекта с археологами и палеоботаниками из Швеции и Дании. Древности севернорусских селищ, таким образом, впервые оказались включены в панораму европейского средневековья, как памятники, отражающие общеевропейские процессы сельской колонизации и становления аграрного ландшафта. Более точному пониманию наших материалов способствовало обсуждение их на месте раскопок с Евой Свенссон (Археологический Институт Лундского университета, Швеция), Марком Брисбейном (Борнмутский университет, Великобритания), Альмут Альслебен (Университет Кристиана-Альбрехта в г. Киле, Германия), Марией Исабель Мартинес Наваррете (Институт истории, Мадрид, Испания).

Особое значение для изучения севернорусских селищ имела финансовая поддержка ОАО "Северсталь", создавшая возможность не только для расширения раскопок, но и для усовершенствования методов полевых работ, модернизации некоторых приемов археологической фиксации и более широкого использования радиоуглеродного датирования. При финансовом участии этой корпорации в сентябре 2005 г. в г. Кириллове была проведена международная конференция "Сельская Русь в IX – XIV вв.: от новых методов изучения к новому пониманию", в рамках которой были подведены основные итоги полевых работ на Кубенском озере. Авторы глубоко признательны генеральному директору ОАО "Северсталь" А.А. Мордашову за понимание и поддержку исследований.

Раскопки в Минино проводились Онежско-Сухонской экспедицией Института археологии РАН, совместно с Научно-производственным центром "Древности Севера", взявшим на себя роль практического организатора полевых работ. Руководители НПЦ "Древности Севера" А.В. Суворов и И.В. Папин привлекли к раскопкам широкий круг любителей истории и археологии из Вологды и студентов исторического факультета Вологодского государственного педагогического университета. При участии студентов и выпускников истфака ВГПУ в НПЦ "Древности Севера" велась обработка коллекций и подготовка отчетной документации о раскопках. Продуктивность исследования кубенозерских селищ и могильников была во многом обеспечена самоотверженным трудом и высоким профессионализмом большого коллектива археологов из Москвы, Вологды и Санкт-Петербурга. Помимо авторов книги, в полевых работах в Минино принимали участие И.А. Сумина, С.В. Шполянский, К.А. Михайлов, А.Ю. Кашинцев, С.А. Кузнецов, И.И. Минаев. Публикуя эту книгу, мы с благодарностью вспоминаем всех участников раскопок, проявивших живой интерес к древностям и готовность разделить с нами тяготы и радости экспедиционной жизни. Особую признательность хотелось бы выразить многолетним участникам мининских раскопок: О.Г. Аванесовой, М.А. Ананьиной, Е.А. Аникиной, А.А. Башлыкову, А.И. Беляевой, А.А. Бобкову, А.С. Булатовой, А.С. Васильевой, А.Н. Геле, В.В. Груничеву, Н.Г. Демидовой, Н.В. Дурягину, А.А. Караваеву, М.А. Крутикову, Е.Е. Лесной, И.Е. Ломакиной, Н.А. Ломовой, А.В. Луневой, О.Н. Мадзигон, Н.Н. Макарову, А.М. Маркевичу, Н.В. и Т.В. Мастюгиным, А.Л. Мокрушину, Н.Е. Несговоровой, Н.Н. Падалкиной, С.В. Перерве, С.А. Платову, А.В. Прокопьевой, В.А. Райковой, Н.Н. Сердюкову, А.А. Смирновой, Е.П. Смирновой, А.В. Смирнову, Е.В. Соколовой, Е.В. Сухареву, Г.В. Тихомировой, Е.В. Тихомировой, А.А. Тришенковой, А.А. и А.А. Филипповым, А.М. Фомичеву, Л.В. Хохловой, М.М. Цетлин, Д.А. Шаркунову, В.А. Яничеву.

На протяжении всего периода работ мы чувствовали неизменную поддержку Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника и его директора Г.О. Ивановой.

Настоящее издание, окончательная подготовка которого была осуществлена в рамках научной программы ОИФН РАН "История, язык и культура славянских народов в мировом контексте", публикуется в трех томах. В первом томе сформулированы общие подходы к изучению средневековых сельских поселений и феномена средневековой деревни, рассмотрены средневековые памятники Кубенозерского края, в том числе Мининский археологический комплекс, изложены результаты исследования культурного слоя, жилых и хозяйственных сооружений, пространственной организации поселений и погребальных древностей этой локальной группы памятников. В первый том помещены также каталог средневековых памятников в бассейне Кубенского озера, описания раскопов на поселениях Мининского археологического комплекса, описания погребений и других средневековых объектов могильника Минино II. Во втором томе систематизирован вещевой материал, собранный при раскопках в Минино, изложены итоги исследования различных категорий бытовых вещей, орудий труда, предметов вооружения и украшений. Этот том содержит раздел, посвященный хронологии мининских памятников и динамике развития поселений. В третьем томе излагаются основные результаты изучения палеоэкологических материалов, итоги изучения антропологических остатков из могильника Минино II и общие наблюдения о хозяйстве и культуре средневековой деревни, основанные на изучении мининских древностей и других севернорусских селищ X – XIII вв., затронутых раскопками.

Иллюстрации для настоящего издания подготовлены И.С. Тороповым, М.Л. Мокрушиным, И.А. Гриньки, С.В. Ольховским. Фотографии выполнены А.В. Суворовым, И.В. Папиным и С.Д. Захаровым. Сканирование вещей произведено С.Д. Захаровым.

С особыми чувствами мы вспоминаем С.Ю. Васильева, исследователя первобытных древностей Кубенского озера, первооткрывателя поселения и могильника в устье р. Дмитриевки. Жизнь этого одаренного археолога оборвалась за несколько месяцев до первого выезда нашей экспедиции на Кубенское озеро. Эта книга никогда не была бы написана, если бы не его дружеский совет провести раскопки в Минино.

Введение

Археологическое изучение древнерусской деревни X–XIII вв.

Проблема древнерусской деревни в археологии

Тысячи древнерусских селищ, разбросанных по территории Восточноевропейской равнины от лесостепных районов Среднего Поднепровья до среднетаежных областей в Приладожье и южной части Северодвинского бассейна, составляют наиболее многочисленную категорию археологических памятников конца I — начала II тыс. н.э. Уже само обилие этих памятников убедительно подтверждает характеристику древнерусского общества как аграрного общества, в котором основная часть населения проживала вне городов и обеспечивала свое существование за счет сельского хозяйства. Тезис о том, что средневековые селища аккумулировали важную информацию о хозяйстве, социально-экономическом строе и культуре древнерусской деревни, не требует доказательств и является обычным обоснованием для активизировавшихся в последние годы раскопок сельских поселений. И все же для изучения негородской части средневековой цивилизации археология сделала пока неизмеримо меньше, чем для изучения города. Селища и сельский культурный ландшафт попрежнему воспринимаются значительной частью археологов и историков как часть локального культурно-исторического контекста, как некий задний план той исторической сцены, на которой происходило основное действие средневековой русской истории.

Между тем современная медиевистика отчетливо раскрывает связь становления средневекового общества и средневековой культуры с выработкой специфических форм организации расселения, обустройства культурного ландшафта, использования природных ресурсов, ведения сельского хозяйства (*Ле Гофф*, 1992. С. 60-63; Medieval villages, 1985; *Andersson*, 1993; *Dyer*, 1997; *Hamerow*, 2002). Древняя Русь не составляет в этом смысле исключения: основой для ее консолидации стало не только появление городов, но и формирование специфического строя сельской жизни. Русь вышла на историческую арену не только как "страна городов", но и как сельское общество, выработавшее хозяйственный уклад, способный обеспечить стабильное существование и рост в различных природных зонах Восточной Европы, и своеобразные культурные традиции, существенные для определения его идентичности. Оценивая задачи и возможности археологии в изучении "Сельской Руси", мы должны ясно представлять то, что уже сделано в этой области.

Археология "Сельской Руси" или "Древнерусской деревни" не является новым направлением в изучении средневековья. Она прошла долгий путь, основными вехами которого стали исследования древнерусских курганов как некрополей сельского населения, первые раскопки средневековых селищ, обследования сельских территорий и создание археологических карт, раскрывающих структуры сельского расселения, наконец, междисциплинарные проекты с использованием методов археологии и естественных наук, воссоздающие реальный облик средневековых сельских ландшафтов.

Термин "древнерусская деревня" был введен в научный обиход Б.А. Рыбаковым в 1940 – 1950-х годах (*Рыбаков*, 1946; 1948. С. 120 – 202, 434 – 452; 1956. С. 5 – 6) и широко используется с той поры. Хотя слово "деревня" впервые появилось в источниках лишь в эпоху Ивана Калиты и употреблялось для обозначения конкретного типа сельского поселения — малодворного поселения с тянущими к нему сельскохозяйственными угодьями (*Кочин*, 1937. С. 92 – 93; 1965. С. 102 – 128) термин "древнерусская деревня" стал широко употребителен в отечественной археологии как собирательное имя всего сельского мира Древней Руси, со свойственным ему хозяйственным и бытовым укладом и общественным устройством. Украинские археологи предпочитают использовать термин "село", как более соответствующий географической терминологии письменных памятников X – XIII вв. Новгородские берестяные грамоты практически не знают слова "деревня" (*Янин, Зализняк*, 1986. С. 274; 1993. С. 329; 2000. С. 73), основным обозначением всех сельских поселений в лексике берестяных документов XI – XV вв. выступает слово "село". Отдавая себе отчет в том, что деревня — одна из исторических форм сельского поселения относительно позднего времени, я не вижу необходимости отказываться от закрепившегося в историографической традиции использования этого термина для обозначения древнерусского аграрного общества X – XIII вв.

Тема древнерусской деревни была принесена в археологию из историко-социологических трудов и

разработок по аграрной истории. Первый опыт привлечения археологических материалов для характеристики исторических форм развития сельских поселений (*Воронин*, 1935) продемонстрировал недостаточность накопленных археологией данных о средневековых поселениях, лишающую археологию почвы для серьезных обобщений (*Романов*, 1960). А.В. Арциховский и Б.А. Рыбаков предложили рассматривать древнерусские курганы как памятники сельского населения, акцентируя внимание на тех особенностях курганных древностей, которые маркируют культурные различия города и деревни и открывают определенные возможности для изучения хозяйства и социальных отношений (*Арциховский*, 1930; *Рыбаков*, 1932). По словам Б.А. Рыбакова, "Курганные инвентари по своей массовости являются таким же важным источником по истории русской деревни X – XIII вв., как писцовые книги XV – XVII вв. для деревни своего времени" (Очерки по истории русской деревни X – XIII вв., 1967. С. 6). Эта идея во многом определила содержание программы изучения русской деревни X – XIII вв., разработанной в 1950-х годах археологами ГИМ и завершившейся изданием трехтомных "Очерков по истории русской деревни X – XIII вв.". Однако воплотить предложенный Б.А. Рыбаковым подход в конкретную работу по изучению древнерусского сельского общества в полной мере не удалось — изучение курганных инвентарей осталось связанным преимущественно с этнокультурной и вещеведческой проблематикой.

Хотя пробные раскопы на древнерусских сельских поселениях закладывались еще в середине XIX в.[1], а отдельные попытки исследования селищ производились в 1930-е годы (*Милонов*, 1950), первыми серьезными опытами стационарного изучения сельских поселений в средней России стали работы второй половины 1950-х — первой половины 1960-х годов, предпринятые экспедициями ГИМ и Института археологии в рамках программы изучения древнерусской деревни. Раскопками М.В. Фехнер на селищах в Верхнем Поволжье (*Фехнер*, 1957; 1960), В.В. Седова в Смоленском Поднепровье (*Седов*, 1960) и А.В. Успенской в бассейне Оки (*Успенская*, 1964) были впервые вскрыты значительные площади на селищах и выявлен реальный облик сельских поселений как археологических объектов. По результатам этих работ сложилось впечатление, что информационный потенциал селищ не стоит переоценивать в силу нарушенности и маломощности культурных напластований и относительной бедности вещевых материалов.

Более продуктивными для изучения внутренней организации и динамики развития сельского общества стали работы по исследованию сельского расселения в рамках отдельных территорий, начатые в 1950-е годы В.В. Седовым в Смоленском Поднепровье и продолженные в 1970-х – 1990-х годах целым рядом исследователей в различных областях Руси (*Носов*, 1984; 1991; *Лапшин*, 1985; *Леонтьев*, 1983; 1984; 1996; *Тимощук*, 1976; *Конецкий*, 1992; *Конецкий, Носов*, 1995; *Макаров*, 1988а, б; 1990. С. 111 – 118; *Исланова*, 1995; *Платонова*, 1988; 1991; *Харлашов*, 1986; *Цыбин*, 1987; *Тропин*, 2004). Основой этого подхода стало обычное для археологии выявление и обследование поселений, картирование их и разделение на отдельные хронологические срезы. Методика этих работ постепенно развивалась: совершенствовались приемы выявления поселений, фиксации их географических координат и топографических характеристик; более полный сбор подъемного материала сделал возможным более точное и надежное датирование памятников (*Чернов*, 1991; *Макаров, Захаров, Бужилова*, 2001; *Кренке*, 2003; *Макаров, Леонтьев, Шполянский*, 2004; *Гоняный*, 2003). В особый жанр выделились микрорегиональные исследования, нацеленные на реконструкцию локальных систем расселения (*Чернов*, 1989; 1991; *Буров*, 1989; 1995; *Макаров*, 1997. С. 48 – 105). Выявление и обследование селищ фактически открыло для науки средневековый культурный ландшафт и заложило основу современных знаний о пространственной организации сельского мира до и после монгольского нашествия. Познавательные возможности этого направления оказались чрезвычайно велики — они дали возможность составить подробное представление о топографии и ландшафтной приуроченности поселений, их размерах, планировке, продолжительности существования, о заселенности и динамике колонизации отдельных средневековых территорий.

Новым направлением в изучении "Сельской Руси", обозначившимся в 1980-е годы, стали комплексные палеоэкологические исследования средневековых ландшафтов, сочетающие методы археологии и естественных наук (*Александровский, Кренке*, 1993; *Бызова, Кренке, Спиридонова, Чернов*, 1993; *Nosov*, 1994; *Альслебен, Кенигсен, Кролль, Мюллер-Вилле, Носов, Хаммер, Янссон*, 1994; *Фоломеев, Александровский, Гласко, Гоняный, Гуман*, 1990; *Гоняный, Александровский, Гласко*, 1996). Эти исследования впервые выявили археологические следы средневековой сельскохозяйственной деятельности и дали возможность конкретизировать наши представления о состоянии природной среды ряда сельских территорий, о характере и масштабах антропогенного воздействия, об особенностях использования различных ландшафтных комплексов. Основные методические подходы, разработанные в рамках этого направления, и некоторые важнейшие результаты исследований изложены в недавно изданной книге об исторических ландшафтах ранней Москвы (Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты, 2004. Т. I). Хотя углубленные палеоэкологические изыскания были ограничены пока отдельными районами (Приильменье, Подмосковье, Куликово

[1] Вероятно, первыми научными раскопками древнерусского селища следует считать работы, произведенные в 1852 г. А.С. Уваровым у Поганого озера близ Суздаля. При раскопках были найдены гвозди, ножи, пряжка, пробой с кольцом, оселки, пуговица и крест-тельник. Не имея представления об облике средневековых поселений, Уваров полагал, что исследованный им объект, выделявшийся на местности в виде бугра — "кургана" — представляет собой погребальный памятник (ГИМ. ОПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 210. Л. 13). Обследования Поганого озера, произведенные в 2001 г. выявили здесь древнерусское селище XII – XIII вв. (*Макаров, Леонтьев, Шполянский*, А-2001).

Поле, Белозерье), далеко не обеспечивая полный охват древнерусских территорий, итоги этих проектов оказались чрезвычайно важны для общего понимания средневекового жизнеобеспечения и колонизации в более широких географических рамках. С появлением этих исследований круг источников, документирующих средневековую сельскохозяйственную активность и облик ландшафтов, формировавшихся вблизи сельских поселений, существенно расширился, открылась возможность сопоставления данных различных дисциплин, характеризующих палеосреду и стратегию жизнеобеспечения средневековых коллективов.

Параллельно с выработкой общих подходов к изучению средневековой деревни с 1970-х годов все чаще стали проводиться раскопки средневековых селищ, ориентированные, главным образом, на сбор материалов для характеристики этнокультурной ситуации в различных регионах Руси и конкретного облика отдельных средневековых памятников. В северо-западных и центральных областях Руси объектами раскопок избирались преимущественно поселения конца I тыс. н.э., более информативные для изучения этнокультурной проблематики, однако исследованиями были затронуты и селища с культурными напластованиями XI–XIII вв. В Приильменье раскопками были исследованы сельские поселения, составлявшие древнейшее историческое ядро Новгородской земли (*Носов, Плохов*, 2002). В Тверском и Ярославском Поволжье и в бассейне Нерли широкие раскопки были проведены на нескольких крупных древнерусских поселениях, возникших в конце I тыс. н.э. и функционировавших до XIII в. (*Олейников*, 2003а, б; *Станкевич*, А-1989; *Праздников*, 2001; *Лапшин*, 1989; *Мошенина*, 1992; Археологическая карта России, 1995. С. 259–260). Значительная серия селищ X–XIII вв., различающихся по своим размерам и ландшафтной приуроченности, была исследована в Белозерском крае, в бассейне Шексны (*Кудряшов*, 1992; 2000). Облик поселений на северной периферии Руси выявился в результате раскопок селищ X–XIII вв. на волоках Белозерья и Поонежья, связывавших древнерусскую метрополию с Заволочьем (*Макаров*, 1997). Полевые работы на юго-восточных территориях Руси, в районе Куликова поля, продолжающиеся более двух десятилетий и сопровождавшиеся вскрытием значительных площадей на селищах второй половины XII – середины XIV в., выдвинули эту окраинную территорию в один из наиболее изученных сельских регионов (*Гоняный*, 2003; 2005). Стационарные раскопки древнерусских селищ на территории России в 1970-х–2000-х годах проводились в рамках отдельных региональных и локальных проектов, не связанных в общую сеть и не преследовавших общих задач. В последние годы выбор объектов для раскопок диктует, в основном, необходимость исследования памятников в зонах строительства.

Несколько иным путем развивалось изучение средневековой деревни Южной Руси, на территориях в современных границах Украины. С 1980-х годов археологическое изучение сельских поселений на Украине было обозначено как особое научное направление, призванное аккумулировать археологические материалы для создания целостной характеристики южнорусского села. Изучение сельских памятников координировалось общей программой, ключевым элементом которой, наряду с составлением археологических карт и реконструкцией общей сети средневекового расселения, стали широкие раскопки селищ в Поднепровье и Подесенье (Південноруське село..., 1997; *Шекун, Веремейчик*, 1999; *Петрашенко*, 2005). Раскопки на значительных площадях должны были раскрыть пространственную структуру, планировку и застройку сельских поселений и стоящую за ними социальную организацию сельских общин. Исследование нескольких эталонных памятников, таких как Григоровка, Лесковое и Автюничи, дало возможность подробно проследить динамику развития поселений, выявить усадьбы как элементы планировочной структуры, идентифицировать и изучить следы производств и ремесленной деятельности, сделать вывод о присутствии военной элиты на некоторых поселениях. На основе этих работ созданы обобщающие исследования, характеризующие различные аспекты хозяйства и культуры южнорусской деревни (Село Київскої Русі, 2003).

Некоторые итоги раскопок селищ в центральных и северных областях Древней Руси

Изучение древнерусской деревни как особого социально-экономического и культурного феномена по археологическим материалам и археологическое изучение древнерусских селищ – два направления исследований, содержание которых не во всем совпадает. В круг материальных памятников, характеризующих сельский мир Древней Руси, входят не только остатки поселений, но и другие категории древностей – могильники, остатки средневековых полей, приходские храмы, местные объекты религиозного почитания ("деревенские святыни) (*Панченко*, 1998). С другой стороны, не все неукрепленные поселения, для именования которых в археологии используется термин "селища", представляют собой остатки рядовых поселений, связанных с сельскохозяйственными занятиями и промыслами. Социальный облик этих памятников мог быть достаточно разнообразным. И все же трудно усомниться в том, что перспектива получения нового знания о древнерусской деревне домонгольского времени связана, прежде всего, с изучением селищ.

В Центре и на Севере Европейской России, на территории современных Псковской, Новгородской, Ленинградской, Вологодской, Тверской, Ярославской, Смоленской, Московской, Костромской, Нижегородской, Ивановской и Владимирской областей раскопки на площади более 80 кв. м производились на 66 селищах X – первой половины XIII в. с вещевыми материалами древнерусского облика (табл. 1; рис. 1) В этот список не вошли открытые поселения на посадах древнерусских городищ, средневековые сельские поселения на площадках городищ железного века, многослойные поселения, на которых вещевые комплексы домонгольского времени трудно отделимы от

Таблица 1

Селища центральной и северной частей Европейской России, на которых производились раскопки на площади более 80 кв. м

№ п.п.	Селище	Положение по современному административному делению	Общая площадь, га	Площадь, вскрытая раскопками, кв. м	Количество находок	Датировка	Автор и годы раскопок	Публикации и архивные материалы
1	Выбуты	Псковская обл.	4,8	300	15	X – XIII вв. XIV – XIX вв.	Харлашов Б.Н., 1988 – 1990	*Харлашов*, А-1988; А-1989; *Александров, Харлашов*, 1990
2	Петровское 3	Ленинградская обл.	0,5	148	38	X – XII вв.	Королькова Л.В., 2001 – 2002 гг.	*Королькова*, А-2001; А-2002; 2002
3	Удрай IV	Новгородская обл.	?	184	95	XI – XIII вв.	Платонова Н.И., 1979 – 1980 гг.	*Платонова*, А-1979; А-1980; 1985
4	Удрай III	Новгородская обл.	?	196	?	X – XII вв.	Платонова Н.И., 1981 – 1982	*Платонова*, А-1981; А-1982; 1985
5	Удрай I	Новгородская обл.	?	172	?	X – XII вв.	Платонова Н.И., 1981 – 1982 гг.	*Платонова*, А-1981; А-1982; 1985
6	Удрай II	Новгородская обл.	?	210	?	XI – XII вв.	Платонова Н. И, 1984 г.	*Платонова*, А-1984; 1985
7	Заполье-2	Новгородская обл.	?	420	?	XI – XII вв.	Селин А.А., 1998 – 2001 гг.	*Кузьмин, Михайлова, Селин, Соболев, Тарасов*, 1999; *Селин, Магола*, 2001
8	Заручьевье IV – VII	Новгородская обл.	4,3	3000	?	X – XI вв.	Конецкий В.Я., 1980 г.; Мильков В.В., 1986, 1990 гг.	*Конецкий*, 1980; *Мильков*, А-1986; А-1990; *Фролов*, 2001
9	Бор IV	Новгородская обл.	0,6	96	165	XI – XIII вв.	Фролов А.А., 1998 г.	*Фролов*, 1999
10	Никольское V на Кеме	Вологодская обл.	0,15	120	Более 100	Вторая пол. X – нач. XI в.	Макаров Н.А., 1982 г.	*Макаров*, А-1982; 1988а
11	Муриновская пристань	Вологодская обл.	3	596	439	X – XIII вв.	Кудряшов А.В., 1995, 2002 гг.	*Кудряшов*, А-1995; А-2002
12	Никольское VI на Суде	Вологодская обл.	0,9	520	294	X – XI вв.	Башенькин А.Н., 1983 г.	*Башенькин*, А-1983
13	Молебный остров	Вологодская обл.	0,12	120	78	X – первая пол. XIвв.	Кудряшов А.В., 1998 г.	*Кудряшов*, 1999
14	Дюково	Вологодская обл.	0,24	120	14	X – первая пол. XIII в.	Кудряшов А.В., 1997	*Кудряшов*, А-1997
15	Нефедово	Вологодская обл.	0,5	492	367	X – начало XI, сер. XII – XIII вв.	Кудряшов А.В., 1994 – 1995 гг.	*Кудряшов*, А-1994; А-1995
16	Селище-Воркопь	Вологодская обл.	3	276	240	XII – XV вв.	Кудряшов А.В., 1999 – 2000 гг.	*Кудряшов*, 2003
17	Андрюшино-Ирма	Вологодская обл.	1	728	387	X – первая пол. XII в.	Кудряшов А.В., 1998 – 2000 гг.	*Кудряшов*, 1999; А-1999; 2000

Таблица 1 (продолжение)

№ п.п.	Селище	Положение по современному административному делению	Общая площадь, га	Площадь, вскрытая раскопками, кв. м	Количество находок	Датировка	Автор и годы раскопок	Публикации и архивные материалы
18	Минино I на Кубенском	Вологодская обл.	1,5	310	5150	Вторая пол. X – первая пол. XIII в.	Макаров Н.А., Захаров С.Д., Зайцева И.Е., Суворов А.В., Меснянкина С.В., 1996 – 2000, 2002	*Макаров, Захаров, Суворов*, А-1996; *Макаров, Захаров*, А-1997; *Макаров, Захаров, Зайцева, Суворов, Минаев*, А-1998; *Макаров, Суворов, Захаров, Зайцева*, А-1999; *Макаров, Суворов, Захаров, Зайцева*, А-2000; *Макаров, Захаров, Суворов, Зайцева, Меснянкина*, А-2002,
19	Минино VI на Кубенском	Вологодская обл.	2	588	1700	XI – первая пол. XIII в., XIV – XVIII вв.	Макаров Н.А., Захаров С.Д., Меснянкина С.В., Мокрушин М.Л., 2000, 2001, 2003 гг.	*Макаров, Суворов, Захаров, Зайцева*, А-2000, *Макаров, Захаров, Зайцева, Меснянкина, Мокрушин*, А-2001, *Макаров, Захаров, Суворов, Зайцева, Меснянкина, Михайлов*, А-2003
20	Кривец	Вологодская обл.	1	540	Более 200	X – XII вв.	Кудряшов А.В., 1989, 1993 гг.	*Кудряшов*, А-1989; А-1993; 1996а
21	Октябрьский мост	Вологодская обл.	5	1180	600 (1989 – 1994)	Вторая пол. X – XIV в.	Кудряшов А.В., 1988 – 1989, 1992 – 1994, 1999 гг.	*Кудряшов*, А-1988; А-1989; А-1992; А-1993; А-1994; А-1996б, А-1999; 2000
22	Соборная Горка	Вологодская обл.	2	155	180	X – XV вв.	Кудряшов А.В., 1991, 1995, 1998 гг.	*Кудряшов*, А-1991; А-1995; А-1998
23	Урывково	Вологодская обл.	0,6	376	?	XI – XIII вв.	Кудряшов А.В., 1988 г.	*Кудряшов*, А-1988
24	Минино 4 на Юге	Вологодская обл.	1	272	480	XII – XIV вв.	Кудряшов А.В., 1996 г.	*Кудряшов*, А-1996
25	Минино 5 на Юге	Вологодская обл.	0,5	380	180	X – XII вв.	Кудряшов А.В., 1991 г.	*Кудряшов*, А-1991
26	Минино 2 на Юге	Вологодская обл.	3	246	Более 100	XII – XV вв.	Кудряшов А.В., 1990 г.	*Кудряшов*, А-1990
27	Телешово 2	Ярославская обл.	0,5	420	119	Вторая пол. X – начало XII в.	Кудряшов А.В., 1991 – 1992 гг.	*Кудряшов*, А-1991; А-1992
28	Морозовица I – II	Вологодская обл.	?	110	152	Вторая пол. XII – XIII в.	Макаров Н.А., 1989; Макаров Н.А., Захаров С.Д., 1990	*Макаров*, А-1989; *Макаров, Захаров*, А-1990
29	Гостинское	Вологодская обл.	?	112	Более 36	XIII – XIV, XVII – XIX вв.	Макаров Н.А., 1988 г.	*Макаров*, А-1988
30	Волково	Тверская обл.	0,6	206	71	XI – XIII вв.	Олейников О.М., 1991 г.	*Олейников*, А-1991; А-2003; 2003
31	Холмово	Тверская обл.	0,54	124	56	Конец X – первая пол. XII в.	Хохлов А.Н., 1985 – 1987 гг.	*Хохлов*, А-1985; А-1986; А-1987; *Дашкова, Дворников, Хохлов*, 1993

Таблица 1 (продолжение)

№ п.п.	Селище	Положение по современному административному делению	Общая площадь, га	Площадь, вскрытая раскопками, кв. м	Количество находок	Датировка	Автор и годы раскопок	Публикации и архивные материалы
32	Благовещение	Тверская обл.	2,5	1118	620	X – начало XIII в.	Олейников О.М., 1985 – 1986 гг.	*Олейников*, А-1985; А-1986; А-2003; 2003
33	Струйское	Тверская обл.	1,2	320	99	X – XIII вв.	Олейников О.М., 1986 – 1988 гг.	*Олейников*, А-1986, А-1987; А-1988; А-2003; 2003
34	Шитовичи 6	Тверская обл.	3,3	520	620	X – XIII вв.	Олейников О.М., 1988 – 1990 гг.	*Олейников*, А-1988; А-1989; А-1990; А-2003
35	Пекуновское	Тверская обл.	3,5	440	?	XI – XIII вв.	Успенская А.В., 1966 – 1967 гг.	*Успенская*,1971
36	Кимрское	Тверская обл.	3,6	480	Не менее 150	XI – XIII вв.	Милонов Н.П., 1934 – 1936 гг.	*Милонов*, 1950
37	Оленино	Ярославская обл.	2,2	155	60	XI – XIII вв.	Леонтьев А.Е., 1988 г.; Кашкин А.В., 1988 – 1990 гг.	*Леонтьев*, А-1988; *Кашкин*, А-1988; А-1989; А-1990.
38	Грехов ручей	Ярославская обл.	0,2	1110	165	X – первая пол. XIII в.	Фехнер М.В., 1957 – 1960 гг.	*Фехнер*, А-1957; А-1958; А-1959; А-1960
39	Алтыново	Ярославская обл.	0,2	120	5	XI – первая пол. XIII в.	Фехнер М.В., 1956 г.	*Фехнер*, А-1956
40	Золоторучье	Ярославская обл.	0,5	241	30 (без учета гвоздей)	XI – первая пол. XIII в.	Фехнер М.В., 1955 – 1956 гг.	*Фехнер*, А-1955; А-1956
41	Нестерово	Ярославская обл.	?	108	8	XI – XII вв.	Фехнер М.В., 1955 г.	*Фехнер*, А-1955
42	Васильки	Ярославская обл.	0,15	216	6 (без учета ножей)	X – XIII вв.	Фехнер М.В., 1955 г.	*Фехнер*, А-1955
43	Усть-Шексна 1	Ярославская обл.	12	202	128 (без учета железных предметов)	Конец X – XIII в.	Станкевич И.В., 1979 г., Затеваева Г.Н., 1980 г., Рыкунов А.Н., 1991 – 1996 гг., Рыкунова И.И., 1995 г.	*Рыкунов*, А-1991; А-1992; А- 1993; А- 1994; *Рыкунова*, А-1995; *Рыкунов*, А-1996; *Рыкунова, Рыкунов, Иванов*, 2003; 2004
44	Усть-Шексна 2	Ярославская обл.	3	720	367 (без учета неопределимых железных предметов)	XII – XV вв.	Рыкунов А.Н., 1991 – 1996 гг., Рыкунова И.И., 1995 г.	*Рыкунов*. А-1991; А-1992; А-1993; А-1994; *Рыкунова*, А-1995; *Рыкунов*, А-1996; *Рыкунова, Рыкунов, Иванов*, 2003; 2004
45	Шурскол 2	Ярославская обл.	6	204	95	X – начало XIII в.	Леонтьев А.Е., 1978 г.	*Исланова*, 1982

Таблица 1 (продолжение)

№ п.п.	Селище	Положение по современному административному делению	Общая площадь, га	Площадь, вскрытая раскопками, кв. м	Количество находок	Датировка	Автор и годы раскопок	Публикации и архивные материалы
46	Введенское	Ярославская обл.	1	5291	2365	X – XIV вв.	Станкевич И.Л., 1983 – 1992 гг.; Праздников В.В., 1994 – 1995 гг.	*Станкевич*, А-1983; А-1984, А-1985; А-1986; А-1987; А-1988; А-1989; 1989; А-1990; А-1991; А-1992: *Праздников*, А-1994; А-1995; А-2000
47	Весь 1	Владимирская обл.	1,5	1042	1654	X – первая пол. XIII в.	Мошенина Н.Н., 1986 – 1991 гг.	*Мошенина*, А-1986; А-1987; А-1988; А-1989; А-1990; А-1991; 1992
48	Гнездилово 2	Владимирская обл.	7	992	389	X – начало XII в.	Лапшин В.А., 1980 – 1987 гг.	*Лапшин*, А-1981; А-1982; А-1984; А-1985; А-1986; А-1987;1989
49	Васильково	Владимирская обл.	6	216	64	X – XII вв.	Яковлева (Мухина) Т.Ф., 1977 – 1978 гг.	*Яковлева*, А-1977; А-1978; *Лапшин, Мухина*, 1988
50	Рыбино (Стрелка 1)	Ивановская обл.	0,3	300	Ок. 20	XII – XIII вв.	Крайнов Д.А., 1967 – 1969 гг.	*Комаров*, 1973
51	Дросненское	Смоленская обл.	2,2	88	Более 20	XI – XV вв.	Седов В.В., 1955 г.	*Седов*, А-1955; 1960
52	Яновское (Березинка-5)	Смоленская обл.	6,8	344	85	Конец X – XV в.	Седов В.В., 1956	*Седов*, А-1956; 1960
53	Саввинская слобода	Московская обл.	Ок. 2	168(?)	?	X(?) – XIII вв.	Станюкович А.К., 1997 – 1999 гг.	*Станюкович, Алексеев, Ёлкина, Насырова*, 2001
54	Писково	Московская обл.	0,12	120	63	XII(?) – XIII вв.	Станюкович А.К.,1977 – 1979 гг.	*Станюкович*, А-1978, А-1979, А-1980; 1980
55	Кутьино 1а	Московская обл.	0,2	790	219	Вторая пол. XII – первая пол. XIII в.	Шполянский С.В., 2001 – 2002 гг.	*Шполянский*, 2001; 2002; 2003б
56	Жданово	Московская обл.	0,5	344	93	Вторая пол. XI – нач. XII в	Гоняный М.И., 1996, 1997	*Гоняный* А-1997, 1999
57	Покров 5	Московская обл.	1	208	26	X(?) – XI вв.	Юшко А.А., Станюкович А.К., 1981, 1985 гг.	*Станюкович*, А-1982; А-1985; *Юшко*, 1986; 1991; 1998; 2001
58	Новое Сьяново 3	Московская обл.	2,7	256	194	Вторая пол. X – первая пол. XII в.	Шполянский С.В., 1996, 1999 г.	*Шоплянский* А-1995; 1996; А-1996; 1999; А-1999
59	Наговицыно I	Нижегородская обл.	?	188	99	Вторая пол. XII – первая пол. XIII в.	Архипов Г.А., 1959; Коновалова З.С., 1990 – 1991 гг.	*Халиков*, А-1959; *Коновалова*, А-1990; А-1991; 1992
60	Прилуки I	Московская обл.		254	129		Сорокин А.Н., 2001 г.	*Сорокин*, А-2001

Таблица 1 (окончание)

№ п.п.	Селище	Положение по современному административному делению	Общая площадь, га	Площадь, вскрытая раскопками, кв. м	Количество находок	Датировка	Автор и годы раскопок	Публикации и архивные материалы
61	Десна	Московская обл.	2	524	350 (?)	XI (?) — XIII вв.	Станюкович А.К., 1976 — 1981 гг.	*Станюкович*, А-1979; А-1980
62	Мякинино 1	Московская обл.	1,5	2100	552	XII—XIII, XV вв.	Векслер А.Г., Коваль В.Ю., 1995; Коваль В.Ю., Энговатова А.В., 2003 г., Коваль В.Ю., Энговатова А.В., 2004 г.	*Энговатова, Коваль, Хижняков*, 2004; *Энговатова, Коваль , Панченко, Смирнов, Хижняков*, 2005; *Коваль*, 2006
63	Весь 5	Владимирская обл.	2,8	96	459	IX—X, вторая пол. XII — первая пол. XIII в.	Макаров Н.А., Шполянский С.В., 2004 г.	*Макаров, Шполянский, Красникова, Федорина*, 2005
64	Вишенки 3	Владимирская обл.	0,5	104	349	XII — первая пол. XIII в.	Макаров Н.А., Краснико-ва А.М., 2004 г.	*Макаров, Шполянский, Красникова, Федорина*, 2005
65	Кистыш 3	Владимирская обл.	2,7	108	324	XII — первая пол. XIII в.	Макаров Н.А., Краснико-ва А.М., 2005 г.	*Макаров, Шполянский, Красникова, Федорина*, 2006

позднейших и более ранних. Таким образом, лишь ничтожная часть общего массива древнерусских селищ Севера и Центра затронута раскопкам. Масштабы стационарных раскопок селищ на этой территории заметно уступают работам, проведенным на Юге, в Поднепровье и Подесенье.

Селища разных регионов охвачены раскопками неравномерно (рис. 1). Во многих значимых в историческом отношении районах Севера Древней Руси стационарные работы на сельских памятниках не производились. Легко заметить существенные диспропорции в исследованности сельских памятников Северо-Запада и Северо-Востока Руси. Примерно две трети затронутых раскопками селищ — памятники северо-восточных областей. Наиболее полно изучены раскопками селища южной части Белозерья (13 поселений), Углицкого и Ярославского Поволжья (9 поселений), Суздальского Ополья (7 поселений). Небольшие серии селищ, исследованных раскопками, представлены на северо-западе Новгородской земли в бассейне р. Луги (5 поселений), в верховьях Волги (4 поселения), в Москворецком бассейне (5 поселений). В остальных районах раскопками затронуты лишь единичные объекты.

Общая систематизация и анализ этих данных затруднены тем, что материалы большинства памятников не изданы, а отчетная документация сильно различается по своему характеру и не всегда позволяет сопоставлять различные поселения. Тем не менее, она дает возможность сделать некоторые общие наблюдения об особенностях севернорусских селищ домонгольского времени как археологических объектов, их культурном слое и вещевых коллекциях.

Площади раскопов на большинстве селищ Севера и Центра Руси не превышают 500 кв. м, на десяти поселениях раскопки проведены на площади от 500 до 1000 кв. м, на семи — на площади свыше 1000 кв. м (Введенское, Заручевье IV—VIII, Грехов ручей, Октябрьский мост, Весь 1, Благовещение, Мякинино 1) (рис. 1). Наиболее значительная площадь (около 5000 кв. м) вскрыта во Введенском под Ярославлем.

Раскопки показали, что при всех индивидуальных и региональных различиях, севернорусские селища в массе своей — памятники с небольшим по мощности (30—40 см) культурным слоем, перемешанным распашкой. Длительная распашка затрудняет или делает невозможными не только стратиграфическое расчленение культурного слоя на многих памятниках, но и реконструкцию планировки поселений, на которых остатки жилищ плохо читаемы. Это в особенности касается северных областей, где жилища не имели подполий и заглубленных частей. Характер и состояние культурных отложений на большинстве севернорусских поселений не дает однозначных оснований для идентификации остатков наземных жилищ и отопительных сооружений. Поэтому планиграфическая картина часто остается смазанной, а вскрытие значительных площадей на селищах далеко не всегда гарантирует получение значимой научной информации. В этой ситуации

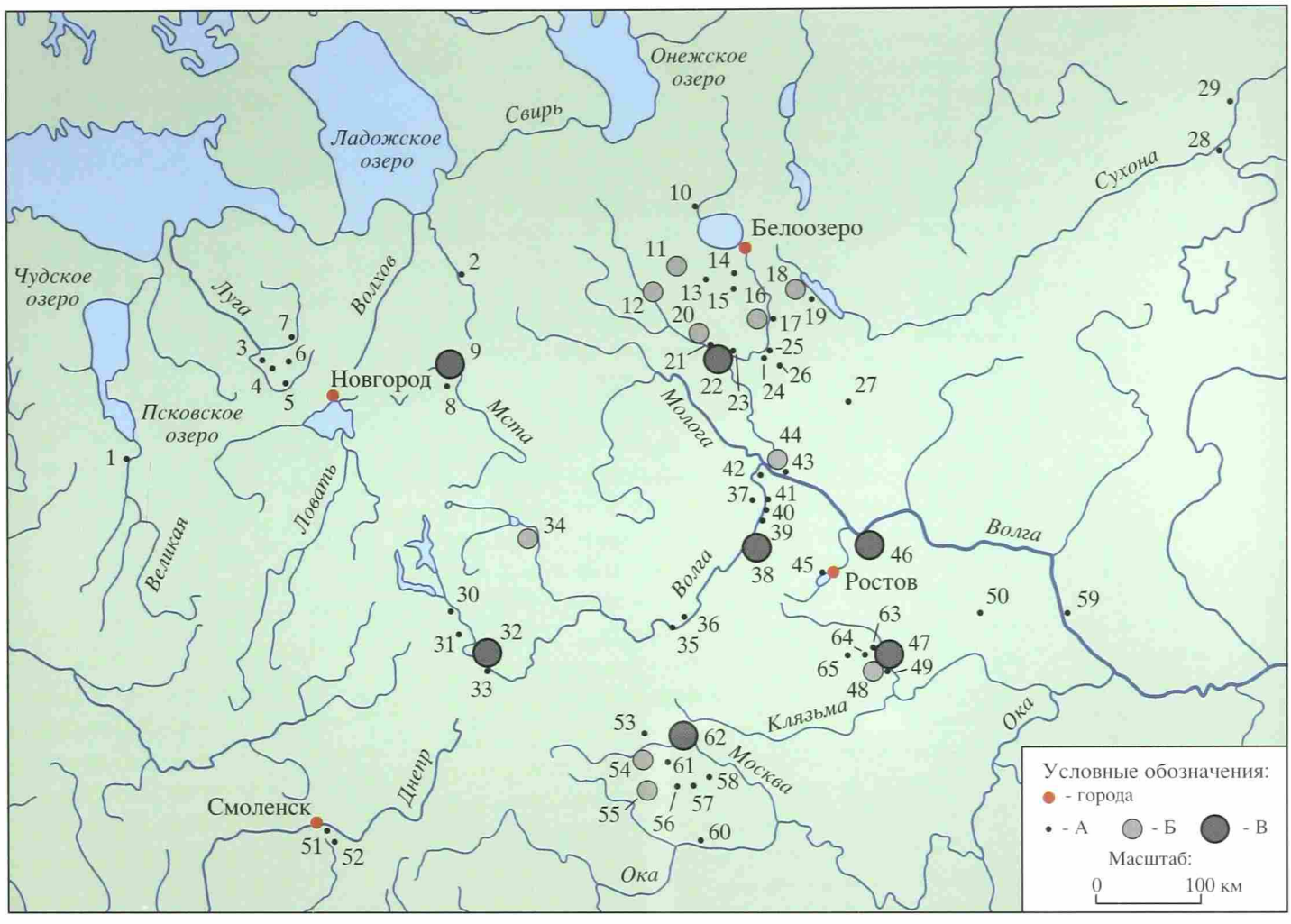


Рис. 1. Древнерусские селища X – первой половины XIII в., исследованные раскопками

А – площадь раскопов от 80 до 500 кв. м; Б – площадь раскопов от 500 до 1000 кв. м; В – площадь раскопов более 1000 кв. м

1 – Выбуты; *2* – Петровское 3; *3* – Удрай IV; *4* – Удрай III; *5* – Удрай I; *6* – Удрай II; *7* – Заполье 2; *8* – Заручьевье IV–VII; *9* – Бор IV; *10* – Никольское V на Кеме; *11* – Муриновская пристань; *12* – Никольское VI; *13* – Молебный остров; *14* – Дюково; *15* – Нефедово; *16* – Селище-Воркопь; *17* – Андрюшино-Ирма; *18* – Минино I на Кубенском; *19* – Минино VI на Кубенском; *20* – Кривец; *21* – Октябрьский Мост; *22* – Соборная Горка; *23* – Урывково; *24* – Минино 4 на Юге; *25* – Минино 5 на Юге; *26* – Минино 2 на Юге; *27* – Телешово II; *28* – Морозовица I–II; *29* – Гостинское; *30* – Волково; *31* – Холмово; *32* – Благовещение; *33* – Струйское; *34* – Шитовичи 6; *35* – Пекуновское; *36* – Кимрское; *37* – Оленино; *38* – Грехов Ручей; *39* – Алтыново; *40* – Золоторучье; *41* – Нестерово; *42* – Васильки; *43* – Усть-Шексна 1; *44* – Усть-Шексна 2; *45* – Шурскол II; *46* – Введенское; *47* – Весь 1; *48* – Гнездилово; *49* – Васильково; *50* – Рыбино (Стрелка 1); *51* – Дросненское; *52* – Яновское; *53* – Саввинская слобода; *54* – Писково; *55* – Кутьино 1а; *56* – Жданово; *57* – Покров 5; *58* – Новое Сьяново; *59* – Наговицыно I; *60* – Прилуки I; *61* – Десна; *62* – Мякинино; *63* – Весь 5; *64* – Вишенки 3; *65* – Кистыш 3. (Нумерация памятников соответствует нумерации в табл. 1)

особое значение приобретает полный сбор вещевого материала, часто являющегося единственным "продуктом" раскопок.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные о вещевых коллекциях, собранных при раскопках 49 селищ, дают определенные представления о насыщенности культурного слоя артефактами и составе вещевых материалов. Шесть вещевых собраний насчитывали не более 20 предметов, 23 – от 20 до 200 предметов, 11 – от 200 до 500 предметов, пять – от 500 до 1000 предметов. В составе четырех коллекций было более 1000 вещей, наибольшее их количество дали раскопки на поселениях Минино I на Кубенском озере (более 5150 артефактов) и Введенское под Ярославлем (более 2360 артефактов) (рис. 2). Концентрация находок на большинстве поселений составляет от 0,25 до 1,0 на квадратный метр вскрытый площади. На шести поселениях на 1 квадратный метр приходится от одной до двух вещей, на четырех – более двух вещей (рис. 3). Различия в численности собраний отражают не только реальное содержание средневековых вещей в культурном слое, но и некоторые другие факторы, прежде всего, тщательность разборки культурных напластований и принципы отбора вещей в коллекцию. Наиболее крупные собрания получены на памятниках, при раскопках которых специально ставилась задача сбора мелких находок. Тем не менее, общий

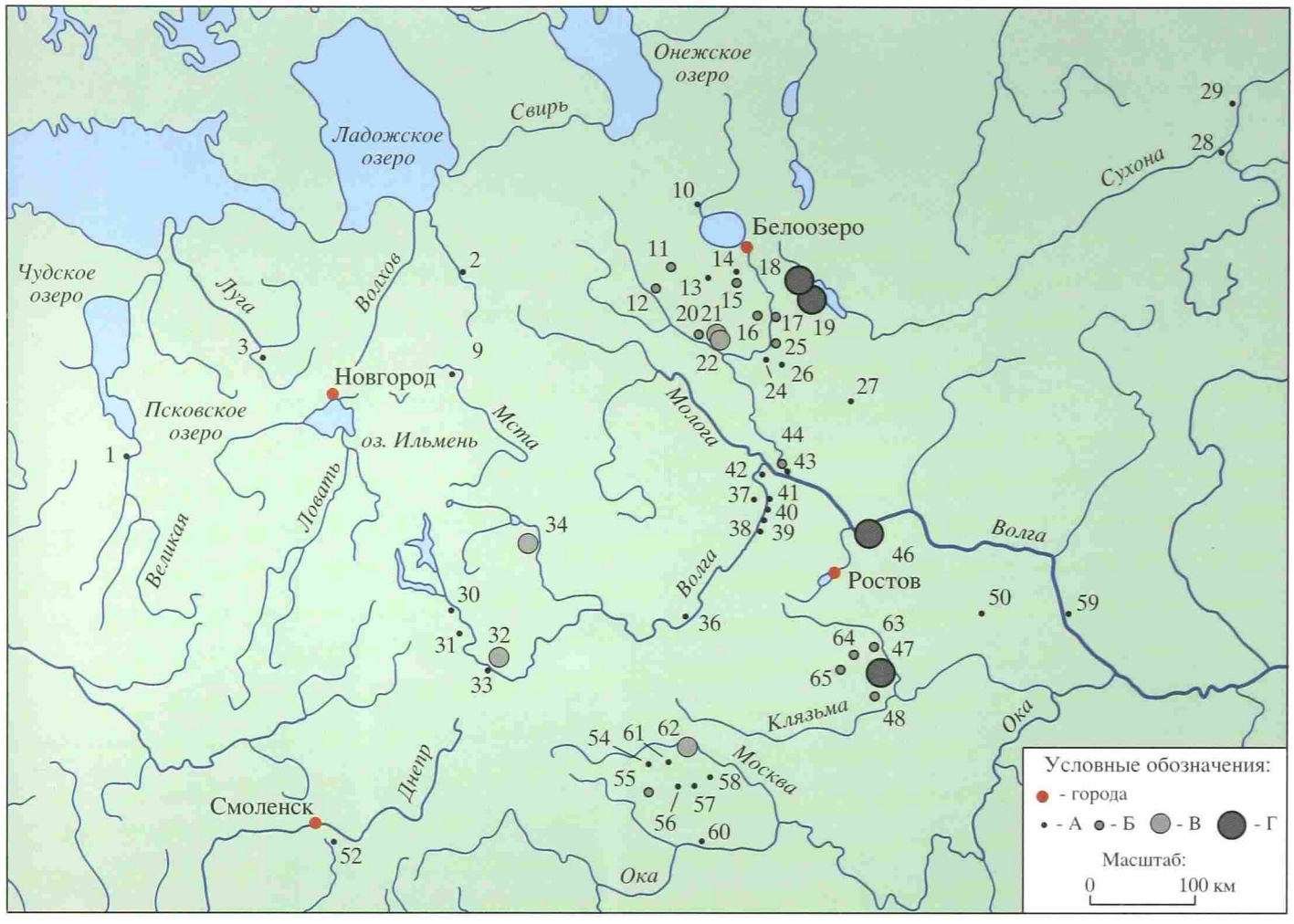


Рис. 2. Вещевые коллекции, собранные при раскопках селищ X – первой половины XIII в.

А – до 200 предметов; Б – 200–500 предметов; В – 500–1000 предметов; Г – более 1000 предметов

1 – Выбуты; *2* – Петровское 3; *3* – Удрай IV; *9* – Бор IV; *10* – Никольское V на Кеме; *11* – Муриновская пристань; *12* – Никольское VI; *13* – Молебный остров; *14* – Дюково; *15* – Нефедово; *16* – Селище-Воркопь; *17* – Андрюшино-Ирма; *18* – Минино I на Кубенском; *19* – Минино VI на Кубенском; *20* – Кривец; *21* – Октябрьский Мост; *22* – Соборная Горка; *24* – Минино 4 на Юге; *25* – Минино 5 на Юге; *26* – Минино 2 на Юге; *27* – Телешово II; *28* – Морозовица I–II; *29* – Гостинское; *30* – Волково; *31* – Холмово; *32* – Благовещение; *33* – Струйское; *34* – Шитовичи 6; *36* – Кимрское; *37* – Оленино; *38* – Грехов Ручей; *39* – Алтыново; *40* – Золоторучье; *41* – Нестерово; *42* – Васильки; *43* – Усть-Шексна 1; *44* – Усть-Шексна 2; *46* – Введенское; *47* – Весь 1; *48* – Гнездилово; *50* – Рыбино (Стрелка 1); *52* – Яновское; *54* – Писково; *55* – Кутьино 1а; *56* – Жданово; *57* – Покров 5; *58* – Новое Сьяново; *59* – Наговицыно I; *60* – Прилуки I; *61* – Десна; *62* – Мякинино; *63* – Весь 5; *64* – Вишенки 3; *65* – Кистыш 3. (Нумерация памятников соответствует нумерации в табл. 1)

состав вещевых коллекций показывает, что культурный слой домонгольских сельских поселений Севера и Центра насыщен средневековыми вещами и мы располагаем достаточно представительными коллекциями для характеристики материальной культуры сельских поселений. В этих коллекциях значительными сериями представлены обычные предметы, характеризующие древнерусскую культуру: ножи, шиферные пряслица, стеклянные браслеты и бусы, украшения из цветных металлов, кресты-тельники.

Одним из важнейших итогов изучения северно-русской деревни можно считать выявление мощных процессов формирования новых расселенческих структур и аграрного ландшафта на огромных пространствах лесной полосы Восточной Европы в X – первой половине XIII в. При всей неравномерности археологической изученности различных областей и при всех различиях ситуаций в отдельных регионах Руси, очевидно, что указанный период был временем стремительного роста сельского населения и аграрного производства. На значительной части Севера и Центра средневековой Руси сеть расселения в этот период формируется на новой основе, вне связи с территориальными структурами предшествующего времени. Этот вывод нельзя считать неожиданным, принимая во внимание материалы, накопленные ранее в ходе массовых раскопок курганных могильников X–XII вв. и обследования сельских территорий. Однако в последнее десятилетие он приобрел новые обоснования, будучи документирован не только археологическими картами, но и

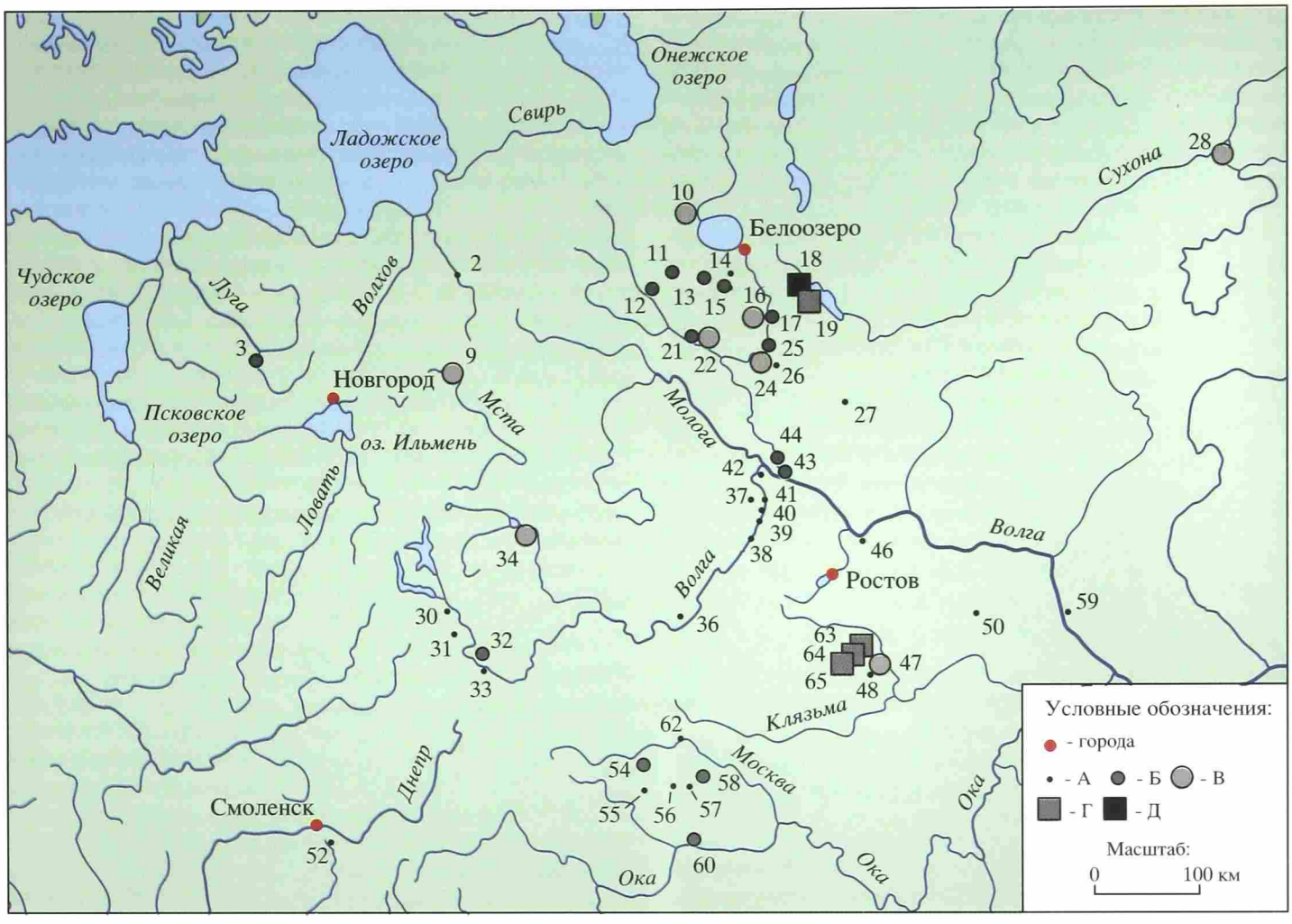


Рис. 3. Концентрация находок в культурном слое селищ X – первой половины XIII в.

А – до 0,5 единиц на 1 кв. м вскрытой площади; Б – от 0,5 до 1,0 единицы на 1 кв. м вскрытой площади; В – от 1,0 до 2,0 единиц на 1 кв. м вскрытой площади; Г – от 2,5 до 4,5 единиц на 1 кв. м вскрытой площади; Д – более 10 единиц на 1 кв. м вскрытой площади.

2 – Петровское 3; *3* – Удрай IV; *9* – Бор IV; *10* – Никольское V на Кеме; *11* – Муриновская пристань; *12* – Никольское VI; *13* – Молебный остров; *14* – Дюково; *15* – Нефедово; *16* – Селище-Воркопь; *17* – Андрюшино-Ирма; *18* – Минино I на Кубенском; *19* – Минино VI на Кубенском; *21* – Октябрьский Мост; *22* – Соборная Горка; *24* – Минино 4 на Юге; *25* – Минино 5 на Юге; *26* – Минино 2 на Юге; *27* – Телешово II; *28* – Морозовица I–II; *30* – Волково; *31* – Холмово; *32* – Благовещение; *33* – Струйское; *34* – Шитовичи 6; *36* – Кимрское; *37* – Оленино; *38* – Грехов Ручей; *39* – Алтыново; *40* – Золоторучье; *41* – Нестерово; *42* – Васильки; *43* – Усть-Шексна 1; *44* – Усть-Шексна 2; *46* – Введенское; *47* – Весь 1; *48* – Гнездилово; *50* – Рыбино (Стрелка 1); *52* – Яновское; *54* – Писково; *55* – Кутьино 1а; *56* – Жданово; *57* – Покров 5; *58* – Новое Сьяново; *59* – Наговицыно I; *60* – Прилуки I; *62* – Мякинино; *63* – Весь 5; *64* – Вишенки 3; *65* – Кистыш 3. (Нумерация памятников соответствует нумерации в табл. 1)

наблюдениями над хронологическим распределением материалов, собранных на селищах в ходе новых раскопок и, что еще более важно, серией спорово-пыльцевых разрезов, раскрывающих интенсивное сведение лесов и формирование открытых пространств в лесной полосе (*Спиридонова, Алешинская, Кочанова*, 2005).

Обращение к конкретным археологическим материалам, собранным при раскопках селищ и характеризующим культуру, производство и потребление сельских поселений, заставило пересмотреть многие стереотипы в оценке древнерусского сельского общества X–XIII вв., ранее сложившиеся в историографии. Археологические источники свидетельствуют о высоком благосостоянии сельского общества, о вовлеченности его в торговлю, о сложной организации экономики сельских поселений, в которой значительную роль играли промыслы и ремесла, о доступности для сельского населения значительной части бытовых вещей и украшений, распространенных в городах. Находки престижных вещей и импортов обычны для многих сельских памятников, хотя конкретный набор подобных предметов на различных поселениях может быть различным.

Оба этих вывода созвучны сделанным в последние годы наблюдениям о динамике развития и характере материальной культуры южнорусских сельских поселений. По мере накопления новых материалов о селищах Поднепровья и Подесенья и дета-

лизации их хронологии все более отчетливо вырисовывается картина роста сельских поселений в XI — первой половине XIII в., расширения их территорий и формирования более густой сети расселения в XII в. Для многих южнорусских территорий XII в. оказывается периодом максимальной заселенности (Село Київскої Русі, 2003. С. 4—62; *Петрашенко,* 2005. С. 151—160, 170—172; *Моргунов,* 2003. С. 163—180). Военная опасность со стороны кочевников и межкняжеская борьба в Киевской и Черниговской земле не подорвали экономический потенциал сельских территорий в лесостепной зоне, динамично развивавшихся в XII в. Значительная колонизационная активность зафиксирована во второй половине XII в. и на юго-восточных окраинах Руси, в верхнем Подонье (*Гоняный,* 2003; 2005; *Тропин,* 2004). Как показали исследования М.И. Гоняного, начало древнерусской колонизации района Куликова поля приходится на конец XII в. (*Гоняный,* 2003. С. 8—13). Таким образом, развитие колонизации на Севере и Юге Руси в XI—XIII вв., несмотря на различия природных условий и военно-политической обстановки, определялось общим ритмом. Раскопки на южнорусских селищах, так же как исследования неукрепленных поселений Северной Руси, выявили значительный пласт находок, связанных с торговлей, ремеслом, военным делом и управлением. Конкретный набор престижных вещей на селищах Севера и Юга различен. Однако вещевые комплексы южнорусских селищ, так же как и севернорусские материалы, заставляют отказаться от заниженных оценок уровня жизни и социальной организации сельского общества, от представлений о подчиненном характере селищ по отношению к городищам (*Петрашенко,* 2005. С. 159).

Эти наблюдения закономерно ставят перед археологией вопросы о факторах и источниках демографического и экономического роста в сельских областях Древней Руси в X—XIII вв., о социально-экономических и культурных процессах, обеспечивших столь быстрое поступательное движение. При поиске ответа на эти вопросы невозможно ограничиться общими рассуждениями о наличии на Русской равнине обширных массивов незанятых земель, пригодных для сельскохозяйственного освоения, и значительных промысловых ресурсов (прежде всего, пушнины), обладавших высокой ценностью в системе товарообмена. Ведь возможности использования этих ресурсов не реализовывались в течение многих столетий. Очевидно, в конце I тыс. н.э. в лесной полосе Восточной Европы сложились особые социальные и хозяйственные механизмы, придавшие развитию сельских территорий новую динамику. Ключ к их пониманию может дать подробное изучение ситуации в отдельных микрорегионах.

Мининский проект в изучении севернорусской деревни

Существующие пробелы в археологическом изучении средневековой деревни не могут быть ликвидированы путем обследований памятников, составления археологических карт и комплексных ландшафтных исследований, без широких раскопок селищ. В археологии остро ощущается дефицит конкретных знаний о внутренней структуре сельских поселений, жилых и хозяйственных сооружениях и обиходных вещах. Но, осознавая необходимость расширения раскопок, мы должны отдавать себе отчет, что эти пробелы определяются не только скромными размерами вскрытых площадей, недостаточным количеством исследованных построек и собранных артефактов, но и недостаточно эффективными приемами старых раскопок, неудовлетворительными методами фиксации и сбора артефактов, неполнотой и неточностью имеющейся археологической документации по раскопанным памятникам, наконец, трудностью сравнительного изучения поселений, раскопанных с использованием различных методик.

Мининский проект был задуман как попытка углубленного изучения истории колонизации компактной сельской территории на северной периферии Руси, как микрорегиональное исследование, нацеленное на выявление механизмов роста и культурных изменений. Идея раскопок эталонного средневекового селища или локальной группы селищ на Севере появилась у авторов в середине 1990-х годов, в момент завершения цикла полевых работ по изучению средневекового расселения на Белом озере, основным содержанием которых было широкое обследование центральной части Белозерского края, с максимально полным выявлением и картированием селищ, но без раскопок. Предполагалось, что следующим шагом в изучении сельских территорий Севера должны были стать стационарные раскопки одного из выявленных памятников с хорошей сохранностью культурного слоя. Поиски оптимального объекта завершились выбором для раскопок селища Минино I, находящегося на Кубенском озере, к востоку от обследованных Онежско-Сухонской экспедицией ИА РАН белозерских территорий. Планируя полевые работы на Кубенском озере, мы исходили из того, что значимые научные результаты должны быть обеспечены не только распространением раскопок на новые памятники, выделяющиеся особым качеством, но и обновлением методов, поиском новых приемов полевых исследований, адекватных тем проблемам, которые предстоит решить.

Общий подход определили три принципиальных момента. Во-первых, полевые работы изначально были организованы как "медленные раскопки", с тонкими методами разборки культурного слоя, позволяющими полнее собрать вещевой материал, часть которого неизбежно уходит в отвал при обычных приемах раскопок, и точнее зафиксировать строение культурного слоя и остатков сооружений. В задачу проекта входило не полное вскрытие памятников, а получение репрезентативных данных, достаточных для реконструкции различных аспектов средневековой жизни. Благодаря тонким приемам разборки культурного слоя на двух селищах, в раскопах общей площадью около 1000 кв. м, было собрано около семи с половиной тысяч средневеко-

вых вещей. Собрание находок из раскопов на поселении Минино I, как уже отмечено, является наиболее крупной коллекцией вещей, когда-либо собранной при раскопках древнерусского селища домонгольского времени. Даже если учесть присутствие в коллекции значительного количества малоинформативных мелких обломков артефактов, это собрание дает неизмеримо более подробные представления о материальной культуре сельских поселений, чем коллекции других близких по характеру памятников. Поэтому она с полным основанием может рассматриваться как эталонная коллекция, характеризующая хозяйство и культуру северной деревни.

Во-вторых, археологическая часть проекта дополнялась естественнонаучными исследованиями, адаптированными к специфике конкретных памятников, прежде всего, изучением палеоэкологических материалов, собиравшихся в ходе раскопок. Специалистами изучены спорово-пыльцевые материалы из культурного слоя и естественных разрезов, зерновые материалы из культурного слоя, археозоологические материалы, включая остатки ихтиофауны, антропологические материалы из могильника. Радиоуглеродным методом датировано около 40 образцов органики из культурного слоя и с площадки могильника. Таким образом, хотя в фокусе проекта изначально находилась история поселений, а не история ландшафта, участие в проекте специалистов-естественников сделало возможным реконструкцию природной среды, окружавшей средневековые поселения, многих аспектов хозяйственной деятельности и жизнеобеспечения. Разнообразные палеоэкологические аспекты средневековой колонизации исследованы в Мининском микрорегионе значительно полнее, чем в других точках подзоны южной тайги, путем сопоставления и взаимопроверки различных категорий источников.

Наконец, существенно параллельное исследование поселений, могильников и хозяйственной зоны, принадлежащих одному археологическому микрорегиону, с учетом всей совокупности археологических данных о средневековом расселении на Кубенском озере. Подобное направление проект приобрел в процессе развития полевых работ, по мере выявления новых памятников и расширения круга обозначенных вопросов. Первоначальный план раскопок поселений был дополнен изучением двух некрополей, материалы которых дали возможность полнее представить культурные традиции обитателей селищ и проверить хронологические разработки, основанные на анализе вещевых материалов и радиоуглеродных дат образцов из культурного слоя. Изучение одного средневекового коллектива по разным группам материалов обеспечило определенную "стереоскопичность" в ви́дении средневековой жизни в Минино. Поиски аргументированного ответа на вопрос о месте Мининского гнезда поселений в региональной системе расселения потребовали целенаправленных разведок средневековых памятников на Кубенском озере, выяснения общего характера средневекового расселения в этом регионе. Эти обследования проводились в 1999 – 2003 гг. одновременно с раскопками селищ и могильников мининской локальной группы. В итоге географические и содержательные рамки проекта, первоначально ориентированного на раскопки эталонного сельского поселения с полным сбором средневековых вещей и палеоэкологических материалов, оказались значительно раздвинутыми.

При выработке подходов к изучению древнерусских селищ оказалось важно в полной мере учесть разработки современной западноевропейской, в особенности северноевропейской, археологии, накопившей богатый опыт изучения сельских поселений и культурного ландшафта.

Основными проблемами, сформулированными западноевропейской археологической руралистикой в 1970 – 1980-е годы, стали выяснение времени и обстоятельств формирования сети исторического сельского расселения на различных территориях, изучение конкретных форм сельских поселений, сложившихся в конце I тыс. н.э., вопрос об устойчивости сельских поселений и локальных центров, о преемственности и разрывах в заселении отдельных микрорегионов, о соотношении различных принципов организации расселения – рассеяного, хуторского и основанного на устройстве крупных многодворных поселений. Особое значение при этом уделялось изучению экологических и экономических факторов, обусловивших становление, рост и упадок сельских поселений. Для решения этих задач использовались разные методы полевых работ – от традиционного картирования поселений различных периодов (*Binderup, Christoffersen, Crumlin-Pedersen, Holmberg, Nielsen, Porsmose, Tharne*, 1996; *O'Connor*, 2000; *Skre*, 2001; *Ulriksen*, 2004; *Müller-Wille, Tummuscheit*, 2004) до комплексных историко-археологических и палеоэкологических исследований средневековых ландшафтов (*Berglund*, 1991; Settlement and landscape, 1999; *Øye*, 2000; *Emanuelsson*, 2001; *Pippon*, 2004) и раскопок селищ широкими площадями с целью полного выявления пространственной организации поселений (*Steensberg*, 1983; *Broberg*, 1992; *Hvass*, 1979; 1993; *Sorensen*, 2000; *Hurst*, 1985; *Beresford, Hurst*, 1990; *Hamerow*, 2002; *Andersson, Svensson*, 2002; *Nekuda*, 2000; 2004). Раскопки ферм и деревень с полным вскрытием площадок поселений были развернуты в Скандинавии, Англии и Германии раньше, чем в России, и дали значительный импульс для осмысления истории расселения, однако их объектами были, преимущественно, памятники I тыс. н.э. В 1990-е годы обозначился интерес к подробному изучению отдельных элементов средневекового сельского ландшафта и расселенческих структур, к конкретизации знаний о сельскохозяйственной практике, домашних производствах и домостроительстве (*Magnusson*, 1986; 1995; *Müller-Wille*, 1999; *Barker*, 1999; *Gardiner*, 2004; *Pettersson*, 2005; *Boscardin*, 2005; *Baug*, 2005). Активизации исследований в этой области способствовал выбор сельского домостроительства и водоснабжения сельских поселений как основных тем двух общеевропейских конференций, организованных международным комитетом по археологическому изучению европейской деревни

"Ruralia" (The Rural House..., 2002). Новым направлением средневековой археологии, акцентировавшим значение периферийных территорий в экономическом развитии Европы, стало изучение внешних ресурсных зон сельских поселений, колонизации и хозяйственной активности на окраинных, преимущественно, северных территориях (*Wallerström*, 1995; *Pollard*, 1997; Outland Use, 1998; "Utmark", 2005; *Svensson*, 1998a; *Mogren*, 2000; *Andersson, Svensson*, 2002; *Altenberg*, 2003). Кристаллизация этого направления стимулировала сравнительное изучение сельских поселений на Севере Руси и в Скандинавии (*Svensson, Makarov, Emanuelsson, Johansson, Nilsson, Pettersson, Zakharov*, 2001).

Ценность западноевропейской археологической руралистики для российских проектов определяется тем, что она демонстрирует многообразие конкретных исследовательских приемов, продуктивных при изучении сельских памятников, гибкость полевых методик, применяемых на различных объектах и в различных природных зонах, в том числе там, где археологические остатки средневековой сельской жизни крайне бедны (как, например, в высокогорных районах Швейцарских Альп (*Meyer, Auf der Maur, Bellwald, BitterlI—Waldvogel, Morel, Obrecht*, 1998; *Meyer*, 2005), в лесных районах Средней Швеции (*Svensson*, 1998; *Andersson, Svensson*, 2002) или на Фарерских островах (*Mahler*, 1998) или сильно нарушены позднейшей хозяйственной деятельностью. Контакты с исследователями из Швеции, Дании, Германии и Великобритании и международные полевые семинары на местах раскопок, один из которых был проведен в Минино, дали возможность заимствовать ряд полезных методических приемов из арсенала западноевропейской археологии и подтолкнули к постановке некоторых новых задач, таких, как изучение остатков производственной деятельности вблизи сельских поселений, поиски сезонных промысловых поселений и т.п. С другой стороны, оказалось, что общие подходы к изучению сельских поселений, сложившиеся в Северной Европе, трудно переносить в Россию из-за различий в характере самих средневековых памятников, ландшафтов и природной среды.

Основной принцип раскопок сельских поселений, сложившийся в западноевропейской археологии, — исследование застройки, выявление и датирование сооружений и планировочных структур, которые рассматриваются как основной источник для реконструкции динамики жизни и социальной организации средневекового общества. Сбору артефактов в культурном слое, анализу и интерпретации вещевого материала уделяется значительно меньше внимания. В практике раскопок сельских поселений Дании, Швеции и Германии общепринято удаление верхнего культурного слоя с помощью землеройной техники до уровня материка или погребенной почвы, на котором при зачистке выявляются ямы и остатки сооружений. Допустимость подобного подхода обосновывается значительной нарушенностью культурного слоя многовековой распашкой. Но даже на тех памятниках, где раскопки проводятся вручную, основная цель работ мыслится как выяснение характера сооружений, а не сбор коллекции средневековых предметов. Такой подход продуктивен в тех областях Европы, где строительство велось с использованием камня или столбовых конструкций и остатки древних и средневековых построек хорошо прослеживаются при раскопках. Древнерусские селища с наземными срубными постройками, конструкции которых часто не были углублены в материк, представляют собой иной тип памятников. Задача сопоставления археологических материалов сельских поселений Северо-Западной Европы и Северной России осложняется, таким образом, тем обстоятельством, что в первом случае результатом раскопок часто является планиграфическая картина средневековых сооружений, а во втором — вещевая коллекция. Поселение Минино I, на котором остатки построек, как будет показано ниже, поддаются идентификации, представляет собой довольно редкое исключение.

Важной составляющей настоящего исследования является сравнительное изучение археологических материалов средневековых селищ северных областей Руси, затронутых раскопками. Выполнить эту задачу в полном объеме невозможно без тщательного анализа и издания материалов отдельных памятников, с обязательным обращением к вещевым коллекциям. Однако в качестве первого шага на этом пути целесообразно предложить составление перечня памятников, на которых производились раскопки, и учет некоторых категорий находок, существенных для характеристики селищ как археологических объектов. Интерпретация археологических материалов из Минино невозможна без сопоставления их с материалами других сельских поселений на широком географическом фоне. Правомерно ли рассматривать мининские селища как рядовые памятники и видеть в этой локальной группе, занимающей положение на крайнем северо-восточном пограничье древнерусского ареала XI—XII вв., археологический объект, обладающий типичными чертами средневековой деревни, или правильнее считать их памятниками, отражающими некую особую ситуацию, индивидуальные черты исторической жизни в одном окраинном микрорегионе? Поиски ответа на этот вопрос подводят нас к оценке распространения на селищах некоторых категорий и типов вещей, рассматриваемых в средневековой археологии как индикаторы уровня развития социально-экономических отношений, интенсивности торговли и включенности в общедревнерусское культурное пространство. Таким образом, находки из Минино дают импульс для осмысления некоторых общих моментов становления и развития сельской Руси, для понимания феномена севернорусской деревни X—XIII вв.

Глава первая

Кубенозерский край: природа, история и археология

Природная среда и первобытные древности

Кубенское озеро — крупный остаточный ледниковый водоем, лежащий южнее параллели 60° с.ш., в подзоне южной тайги. Озеро, площадь которого летом, в межень, составляет около 370 кв. км, дает исток р. Сухоне, от слияния которой с р. Югом берет начало одна из крупнейших рек Беломорского бассейна — Северная Двина. По характеру природных условий приозерные территории, находящиеся вблизи водораздела Каспийского, Балтийского и Беломорского бассейнов представляют собой один из типичных глубинных районов Восточноевропейской равнины (рис. 4, 5).

Котловина Кубенского озера вытянута в направлении с северо-запада на юго-восток почти на 60 км. Ширина озера в центральной части достигает 13 км, в северо-западной оно местами сужается до 2,5 км. Средняя глубина озера составляет 2,5 м (Озерные ресурсы Вологодской области, 1981. С. 5—15). Размеры озера и объем воды в нем сильно меняются по сезонам года в зависимости от высоты уреза воды. Высота озера над уровнем океана — 108 м (*Сердитов*, 1957). Юго-западная и северо-восточная стороны Кубенского озера заметно различаются по характеру рельефа. Вдоль юго-западного берега на расстоянии 2—3 км от современного уреза воды тянется крутой уступ береговой террасы, ограничивающий участки аккумулятивной озерно-ледниковой равнины и болотной равнины. Северо-восточный берег пологий, местами сильно заболоченный, коренной берег удален от озера на 10—16 км. Рельеф представляет собой озерную равнину (Атлас Вологодской области, 1965. С. 3—7).

Кубенское озеро принимает в себя воды до восьмидесяти притоков, включая небольшие речки. Самая крупная река — Кубена, приносящая в озеро 80% общего речного стока. Река Сухона истекает из озера двумя рукавами (рис. 6), один из которых собственно Сухона (или Рабаньгская Сухона), а второй — Большой Пучкас. Оба рукава соединяются на седьмом километре течения Сухоны. Для Кубенского озера характерна большая годовая амплитуда колебаний воды, достигающая 6 м, и тяжелый ледовый режим, при котором вскрытие озера ото льда происходит порой весьма бурно. Одна из причин колебаний уровня воды — обратное течение, возникающее иногда весной в Рабаньгской Сухоне. В настоящее время сток воды из озера регулируется плотиной "Знаменитая" на р. Сухоне, сооруженной в 1834 г. для обеспечения нужд судоходства (*Ильина, Грахов*, 1987. С. 103—105).

Возникновение Кубенского озера связано с гляциодинамическими процессами во время так называемой лопастной стадии деградации ледникового покрова последнего оледенения на северо-западе Русской равнины (Проблемы стратиграфии четвертичных отложений..., 2000). Одной из характерных особенностей данной стадии является образование в краевой части ледниковых лопастей, отражающих кратковременную трансгрессивную подвижку края ледникового покрова.

В отношении лопасти, возникшей на месте современного Кубенского озера, можно сказать, что она имела пульсирующий режим, значительную скорость и во время своего движения оказывала значительное воздействие на свое ложе. Это способствовало образованию в прилегающем пространстве к латеральным частям лопасти выдавленных гряд, которые рассматриваются рядом исследователей в качестве краевых морен. Сложены эти гряды, оконтуривающие депрессию Кубенского озера, преимущественно алевритами озерного типа, имеющими разный возраст — от 55 000 до 15 000 л.н. Это является убедительным свидетельством того, что в процессе выдавливания отложений из-под движущийся ледяной лопасти происходило их интенсивное перемешивание и образование из первоначально существовавших озерных отложений принципиально новых образований, которые могут быть отнесены к гляциотектоническим брекчиям. Как уже отмечалось выше, пульсирующий режим лопасти и значительная скорость движения способствовали дроблению льда на отдельные блоки, которые в обстановке деградации ледникового покрова и относительно кратковременного потепления климата

Рис. 4. Вид Кубенского озера. На переднем плане – устье р. Дмитриевки и Мининский археологический комплекс

достаточно быстро таяли. В результате экзарационной депрессии на месте лопасти возникло озеро Кубенское. Это произошло около 14 000 л.н.

Район Кубенского озера находится под воздействием атлантических и континентальных воздушных масс, активной циклонической деятельности и частых вхождений воздушных масс, характеризуется умеренно-континентальным климатом, с умеренно теплым летом, довольно продолжительной умеренно холодной зимой и неустойчивым режимом погоды.

Определяющий фактор в распределении температуры воздуха в холодную половину года — циркуляция атмосферы. В этот период территория испытывает наибольшее влияние Атлантики. Средняя температура января в районе Кубенского озера составляет −11,5 / −12°. Весной и летом циклоническая деятельность и общая циркуляция атмосферы ослабевают. Средняя температура июля для окрестностей Кубенского озера составляет примерно 17°. Продолжительность теплого периода составляет 200 дней. Вегетационный период — от возобновления роста озимых и зеленения лугов до конца листопада (сумма температур > +5°) — продолжается около 170 дней.

Район Кубенского озера находится в зоне избыточного увлажнения. Годовое количество осадков составляет около 500 мм. Не менее 60% этого количества осадков выпадает в течение вегетационного периода — с мая по сентябрь. Минимум осадков чаще всего приходится на февраль, максимум — на июль или август (Атлас Вологодской области, 1965).

В режиме увлажнения области большую роль играет снежный покров. Продолжительность его залегания составляет около 5,5–6 месяцев (ноябрь–апрель). Максимальной высоты снежный покров достигает в марте.

К такому сочетанию климатических факторов среди современных растений лучше всего приспособились вечнозеленые хвойные и листопадные древесные породы, которые образуют обширные леса. Граница между средней и южной тайгой проходит от побережья Онежского озера на Белое и Кубенское озёра и далее на восток через г. Тотьму. По геоботаническому районированию изученная территория входит в Кубеноозерско-Верхнесухонский округ Восточно-Европейской провинции Восточно-Сибирской темнохвойной подобласти.

Общий состав флоры в районе Кубенского озера определяет гипоарктобореальный ее характер с примесью сибирских видов преимущественно в восточной части района.

Рис. 5. Западный берег Кубенского озера против Спасо-Каменного монастыря

Хвойные леса, которые в значительной степени сведены, образованы елью и в меньшей степени сосной. В западной половине района преобладает *Picea abies* и ее гибриды с *P. obovata*. В восточной половине главной лесообразующей породой еловых лесов становится *P. obovata*, к которой в значительной мере примешивается *Abies sibirica* Ledeb. — вид восточноевропейско-сибирского распространения. Большое число видов флоры свойственно только лесной зоне. Они составляют группу бореальных видов. К ним относятся кислица обыкновенная, линнея северная, грушанки, черника, брусника, толокнянка и многие другие (*Орлова*, 1990).

Западные части района заболочены, особенно в окрестностях оз. Воже. Верховые болота облесены сосной, возраст которой достигает иногда 300—400 лет. Она распространена также и на песчаных почвах холмов и других повышенных участках рельефа.

Гипоарктобореальный характер флоре района придает видовой состав травянистых растений. Здесь находятся самые южные (в северной — приарктической — части ареала) местонахождения арктоальпийского вида северного полушария *Poa alpina* L. Восточнее оз. Воже и западнее г. Сямжа проходит юго-восточная граница в Европейской части СССР гипоарктоальпийского евроазиатского вида *Saussurea alpina* (L.) DC. Восточнее оз. Воже, на севере района находятся, очевидно, крайние юго-восточные местонахождения гипоарктического вида северного полушария *Selaqinella selaginoides*. К гипоарктическим видам также относятся пушица влагалищная, клюква болотная, багульник болотный, береза карликовая, морошка, селягинелла зубчатая.

В восточной части района становится заметным присутствие восточноевропейско-сибирских и в основном сибирских видов. К числу первых относится уже упомянутая *Abies sibirica*, вторые представлены бореальными видами *Cnidium dubium* (Schkuhr) Thell. и *Rubus humulifoliu* C.A. Mey. Кроме того, на юге района расположена южная граница *Atragene sibirica*. В пределах района известно самое северо-западное местонахождение преимущественно сибирского бореального вида *Swida alba* (L.) Opiz, с одной стороны, и крайне восточное местонахождение южнобореального преимущественно восточно-европейского вида *Jovibarba sobolifera* (Sims) Opiz. Южнобореальный *Orchis militaris* L. достигает здесь своего северного рубежа, хотя изолированное его местонахождение известно севернее в Архангельской обл. в окрестностях г. Каргополя.

Рис. 6. Истоки р. Сухоны. Вид от Святой Луки на Кубенское озеро

Кроме указанных групп видов в состав флоры входят растения, занесенные человеком. Среди сорных видов можно назвать мятлик однолетний, горец птичий, крапиву, марь белую, пастушью сумку, одуванчик лекарственный, подорожники.

Наконец, определенным элементом флоры являются виды, культивируемые человеком. Родиной большинства из них являются горные области Азии (голозерный ячмень, гречиха, редька), Средняя Азия (мягкая пшеница, горох, репчатый лук, чеснок), Малая Азия (лук-порей), берега Средиземного моря (капуста, петрушка, репа, укроп).

Как уже отмечалось выше, преобладающим типом растительности Вологодской области являются леса, покрывающие около 68% территории. Коренной тип лесов области — еловые леса. К дренированным местам с подзолистыми суглинистыми и супесчаными почвами приурочены зеленомошные ельники. В понижениях рельефа на слабо дренированных водоразделах произрастают долгомошные, сфагновые и травяно-сфагновые ельники. По долинам речек, ручьев и ложбинам встречаются ельники травяные с папоротниками и высокотравьем.

Сосновые леса приурочены к песчаным подзолистым почвам, при этом наиболее типичны сосняки зеленомошные — брусничные и чернично-брусничные. На плоских водоразделах и по окраинам верховых болот развиты сфагновые сосняки. По боровым террасам рек и на песчаных равнинах произрастают сосняки лишайниковые, связанные с более бедными почвами.

Мелколиственные леса — березовые, осиновые, сероольховые — чаще являются вторичными, сменившими коренные еловые леса по гарям и вырубкам. Под их пологом хорошо развивается травянистая растительность. Березняков много. Осинники встречаются реже и обычно приурочены к более плодородным почвам, чем березняки.

Болота занимают 10—12% площади Вологодской области, однако в районе Кубенского озера их немного меньше. Преобладают верховые болота — кустарничково-сфагновые с низкорослой сосной, реже встречаются кустарничково-травяно-моховые болота, часто с сосной и березой. Низинные (травяные и травяно-моховые) болота занимают нередко пониженные участки долин рек и берега озер или приурочены к местам выхода карбонатных пород.

Луга по берегам Кубенского озера занимают от 2 до 5% площади. Преобладают малоурожайные материковые луга: суходольные — мелкозлаковые и мелкозлаково-разнотравные, и низинные — осоковые, влажнотравные и злаковые. По долинам рек в бассейне Кубенского озера встречаются более урожайные пойменные луга — крупнозлаковые и крупноосоковые.

Сельскохозяйственные угодья — суходольные луга и пашни — возникли в районе оз. Кубенское на месте сведенных лесов, преимущественно ельников и сосняков. На юго-западной стороне озера леса основательно вырублены. Судя по материалам Генерального межевания, в конце XVIII в. большая часть территории использовалась под пашню, участки ле-

Рис. 7. Сямский Рождественский монастырь

са здесь сохранялись лишь в самой приозерной котловине, вблизи береговой линии находились сенокосы (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. № 310; Ф. 1354. Оп. 68, ч. 1 [610]. Д. М-154). В 1960-х годах доля территорий, занятых лесами, была здесь более низкой, чем в других районах Вологодской области, составляя лишь 40 – 50% общей площади. Северо-восточная часть была более облесенной, несмотря на наличие значительных пространств, занятых пашнями (Атлас Вологодской области, 1965. Карта 18).

Современное расселение в районе Кубенского озера представляет собой сеть деревень и поселков, сложившихся на основе многочисленных малодворных деревень, существование которых хорошо документировано писцовыми книгами конца XVI – XVII в. (*Водарский*, 1970. С. 253 – 366; Писцовые книги Русского Севера, 2001. С. 39 – 160; Переписная дозорная книга..., 1972. С. 6 – 177), а в некоторых микрорегионах – актовыми материалами XV в. Исходя из общих представлений о динамике аграрной колонизации Европейского Севера России можно полагать, что большинство этих деревень возникло не позднее XV в. Судить о заселенности различных микрорегионов в более раннее время невозможно без специальных исследований. Ландшафт прибрежных участков, низменных и изобилующих болотами, обусловил формирование деревень на некотором удалении от озера (рис. 7, 8). Большинство из них приурочено к небольшим речкам, впадающим в озеро, или к водораздельным участкам. Непосредственно у воды располагаются лишь населенные пункты в верховьях р. Сухоны и в низовьях р. Кубены, в том числе село Устье Кубенское, один из районных центров Вологодской области. На юго-западной стороне озера важным фактором формирования расселения была дорога из Вологды в Кириллов, проходившая вдоль края береговой террасы. В последние десятилетия сельское население значительно сократилось, многие деревни прекратили свое существование или используются как дачные поселки.

Конкретные представления о природных ресурсах и хозяйстве Мининского микрорегиона в конце XVIII в. дают экономические примечания к материалам Генерального межевания. Из примечания, описывающего дачу деревни Гришинской, находившейся в 450 м от места средневекового поселения Минино I, следует, что "водою довольствуются людем и скоту из вырытых колодезей, которая для употребления людем и скоту здорова.... Та речка (Дмитриевка) в летнее жаркое время течением пересыхает, Кубинское глубиною бывает в сажень, шириною против оной дачи семь верст, рыба в нем ловится: сиги, язи, лещи, щуки, окуни, нельма, ерши, пискари, тарабора, уклея, сорога, налимы, харбюзы и плотва, которая ловится оной деревни, а также и из близлежащих селениев жителями, кои по уловлении довольствуются сами и отвозят в город Вологду для продажи реками Сухоной и Вологдой, земля грунт имеет иловатый, ис посеяннаго на ней хлеба лутче родится рожь и овес, а протчие семена также и сенные покосы травою бывают

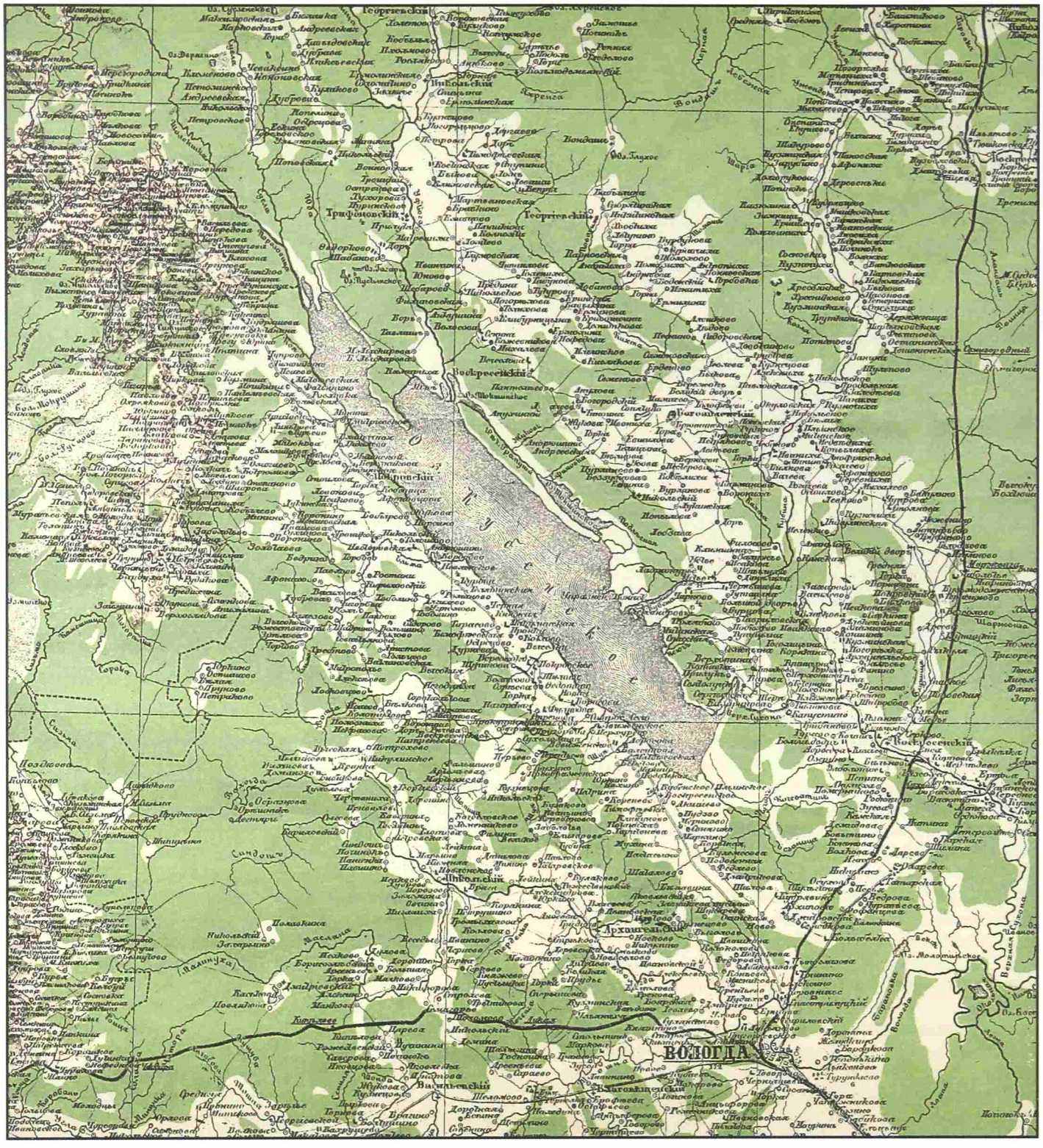


Рис. 8. Кубенское озеро. Специальная карта Европейской России. Издание картографического отдела корпуса военных топографов. Москва, 1920. Л. 55

средственны, лес ростет дровяной еловой, сосновой, осиновой, олховой, березовой, ивовой и мозжеловой, который для поташа неспособен, в нем бывают звери: волки, медведи, зайцы и белки, птицы: ястреба, тетерева, рябки, куропатки, чижи, щеглы, снигири, кокушки, соловьи, овсянки, зяблицы а также и хищные разных родов, крестьяне состоят на оброке и платят по три рубля в год з души, промышляют хлебопашеством, к чему и радетельны, женщины упражняются в рукоделии, прядут лен и шерсть, ткут холсты и сукна для себя и на продажу". Сходные характеристики почти в тех же словах даны в "Примечаниях" к другим дачам Сямской волости (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 23/103. Л. 1101, 1114 — 1115 об., 1124 об.).

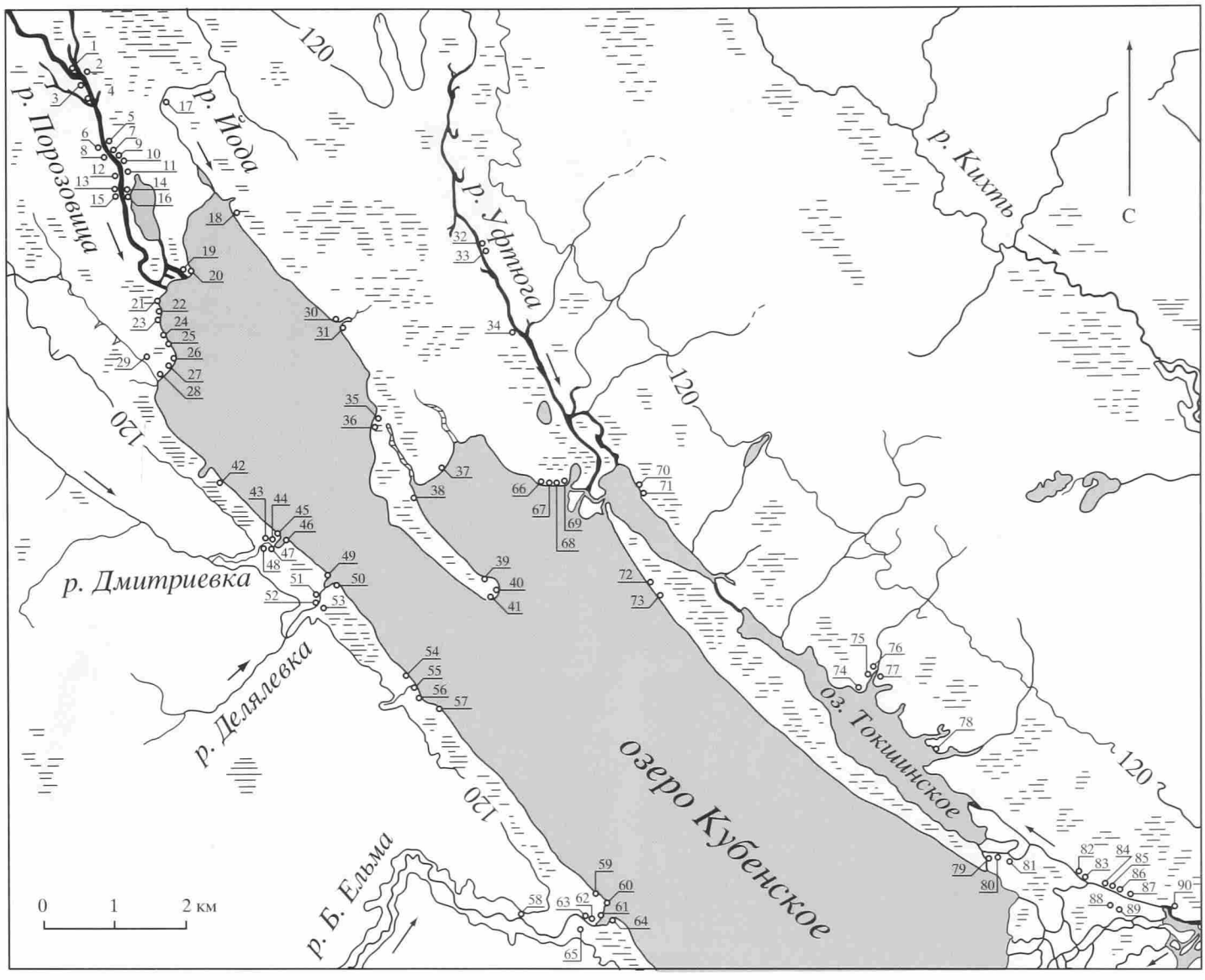


Рис. 9. Памятники первобытности северо-западной части низины Кубенского озера

1 — Шлюз № 6, стоянка 3; *2* — Шлюз № 6, стоянка 1; *3* — Шлюз № 6, стоянка 2; *4* — Шлюз № 6, стоянка 4; *5* — Шлюз № 6, стоянка 5; *6* — Шлюз № 6, поселение 6; *7* — Шлюз № 6, стоянка 7; *8* — Шлюз № 6, стоянка 9; *9* — Шлюз № 6, стоянка 8; *10* — Шлюз № 6, стоянка 10; *11* — стоянка Пески 5; *12* — Шлюз № 6, стоянка 11; *13* — стоянка Пески 1; *14* — стоянка Пески 3; *15* — стоянка Пески 4; *16* — стоянка Пески 2; *17* — стоянка Дор 2; *18* — стоянка Дор 1; *19* — стоянка Пески 9; *20* — местонахождение Мыс Голова; *21* — стоянка Пески 6; *22* — стоянка Пески 7; *23* — стоянка Пески 8; *24* — стоянка Погост Антония 4; *25* — местонахождение Погост Антония 5; *26* — стоянка Погост Антония 3; *27* — местонахождение Погост Антония 6; *28* — стоянка Погост Антония 2; *29* — стоянка Погост Антония 1; *30* — стоянка Бор 4; *31* — стоянка Бор 5; *32* — поселение Подольное 2; *33* — поселение Подольное 3; *34* — стоянка Тавлаш 1; *35* — стоянка Б. Лыскарево 1; *36* — стоянка Б. Лыскарево 2; *37* — местонахождение Мыс 13; *38* — местонахождение Мыс 12; *39* — местонахождение Мыс 11; *40* — местонахождение Мыс 10; *41* — местонахождение Мыс 9; *42* — местонахождение Грозилово 1; *43* — поселение, могильник Минино II; *44* — поселение, могильник Минино I; *45* — стоянка Минино IV; *46* — стоянка Минино V; *47* — стоянка Минино III; *48* — селище Минино VI; *49* — стоянка Владышнево 2; *50* — стоянка Владышнево 3; *51* — стоянка Владышнево I; *52* — стоянка и могильник Владышнево II; *53* — стоянка Владышнево 4; *54* — местонахождение Сяма 1; *55* — местонахождение Горка Покровская 1; *56* — местонахождение Сяма 2; *57* — местонахождение Сазоново 1; *58* — стоянка Новленское 1; *59* — местонахождение Коробово 4; *60* — стоянка Коробово 3; *61* — стоянка Коробово 2; *62* — стоянка Коробово 1; *63* — поселение Коробово 6; *64* — местонахождение Коробово 5; *65* — стоянка Новленское 2; *66* — местонахождение Мыс 8; *67* — местонахождение Мыс 7; *68* — местонахождение Мыс 6; *69* — местонахождение Мыс 5; *70* — местонахождение Мыс 4; *71* — местонахождение Мыс 3; *72* — местонахождение Мыс 2; *73* — местонахождение Мыс 1; *74* — местонахождение Андреевское 4; *75* — стоянка Андреевское 1; *76* — стоянка Андреевское 2; *77* — стоянка Андреевское 3; *78* — стоянка Никола-Корень 1; *79* — местонахождение Устье 13; *80* — стоянка Устье 12; *81* — стоянка Устье 11; *82* — стоянка Устье 10; *83* — стоянка Устье 6; *84* — стоянка Устье 5; *85* — стоянка Устье 7; *86* — стоянка Устье 4; *87* — стоянка Устье 3; *88* — стоянка Устье 8; *89* — стоянка Устье 9; *90* — стоянка Устье 2. Памятники эпох: мезолита — *53, 58, 65*; неолита — *2–5, 7–10, 12–18, 21–31, 35, 36, 40–42, 49, 50, 55, 57, 59–62, 64, 66, 67, 72, 74, 75, 82, 87, 90*; раннего железного века — *37, 38, 47, 56, 69, 79, 80, 85, 88, 89*; памятники многократного заселения — *1, 6, 11, 19, 20, 32–34, 39, 43–46, 48, 51, 52, 54, 63, 68, 70, 71, 73, 76–78, 81, 83, 84, 86*

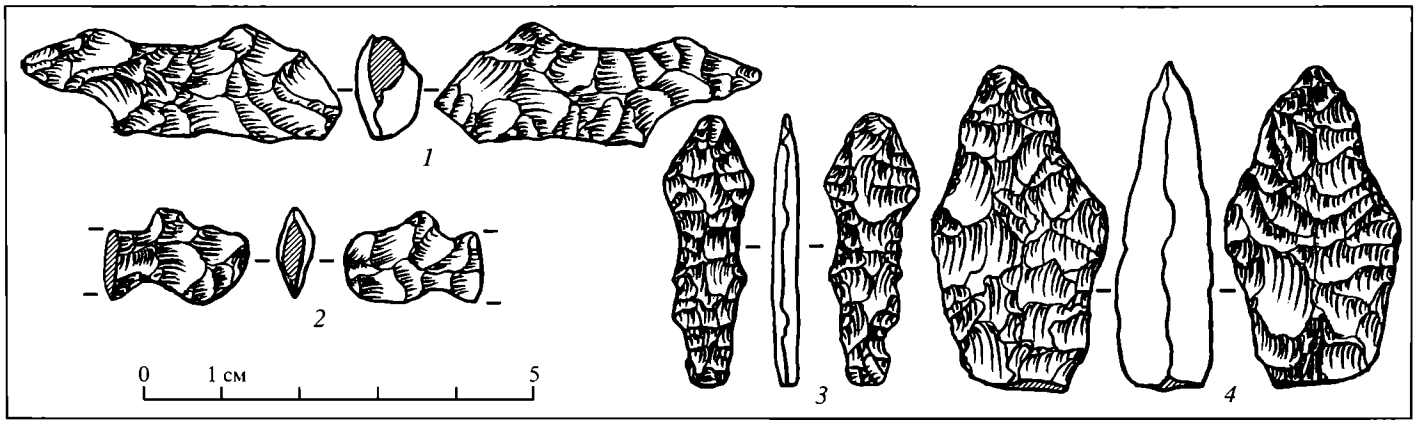


Рис. 10. Фигурный кремень эпохи раннего металла с поселений Кубенозерья (подъемный материал)

1, 2 — Кубенское II; *3* — Капустино 3; *4* — Александрово 7

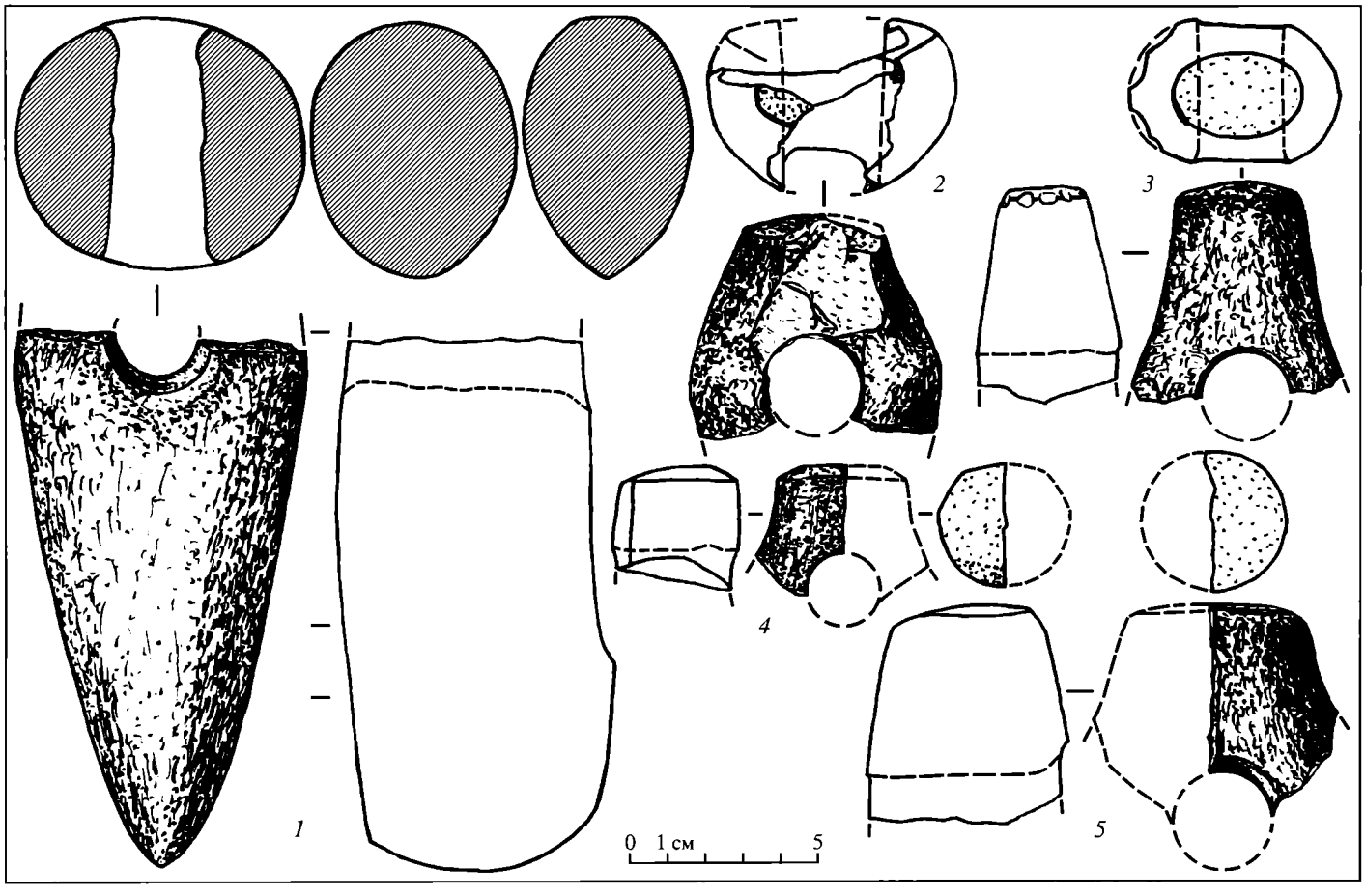


Рис. 11. Каменные сверленые топоры эпохи раннего металла с памятников Кубенозерья

1 — поселение Устье 6, зачистка, глубина 45 см; *2* — стоянка Воздвиженье III, подъемный материал; *3* — Шлюз № 6, поселение 6, раскоп 1, слой 2; *4, 5* — Шлюз № 6, поселение 6, подъемный материал

Первые попытки разведок памятников эпохи первобытности на Кубенском озере были предприняты в 1926 г. М.Е. Арсаковой, выявившей несколько стоянок эпох мезолита — раннего металла на р. Большой Пучкас, возле ее впадения в р. Сухону (*Арсакова*, 1928). В 1978 — 1979 гг. в связи с предполагавшейся переброской части стока северных рек в Волгу верховья р. Сухоны, нижнее течение р. Кубены и участки коренной террасы западного берега Кубенского озера были обследованы С.В. Ошибкиной и Н.А. Макаровым, главным результатом этих работ стало выявление группы мезолитических стоянок на р. Кубене (*Ошибкина, Макаров*, 1979; 1980; *Ошибкина*, 1989). В 1988 — 1994 гг. сплошное обсле-

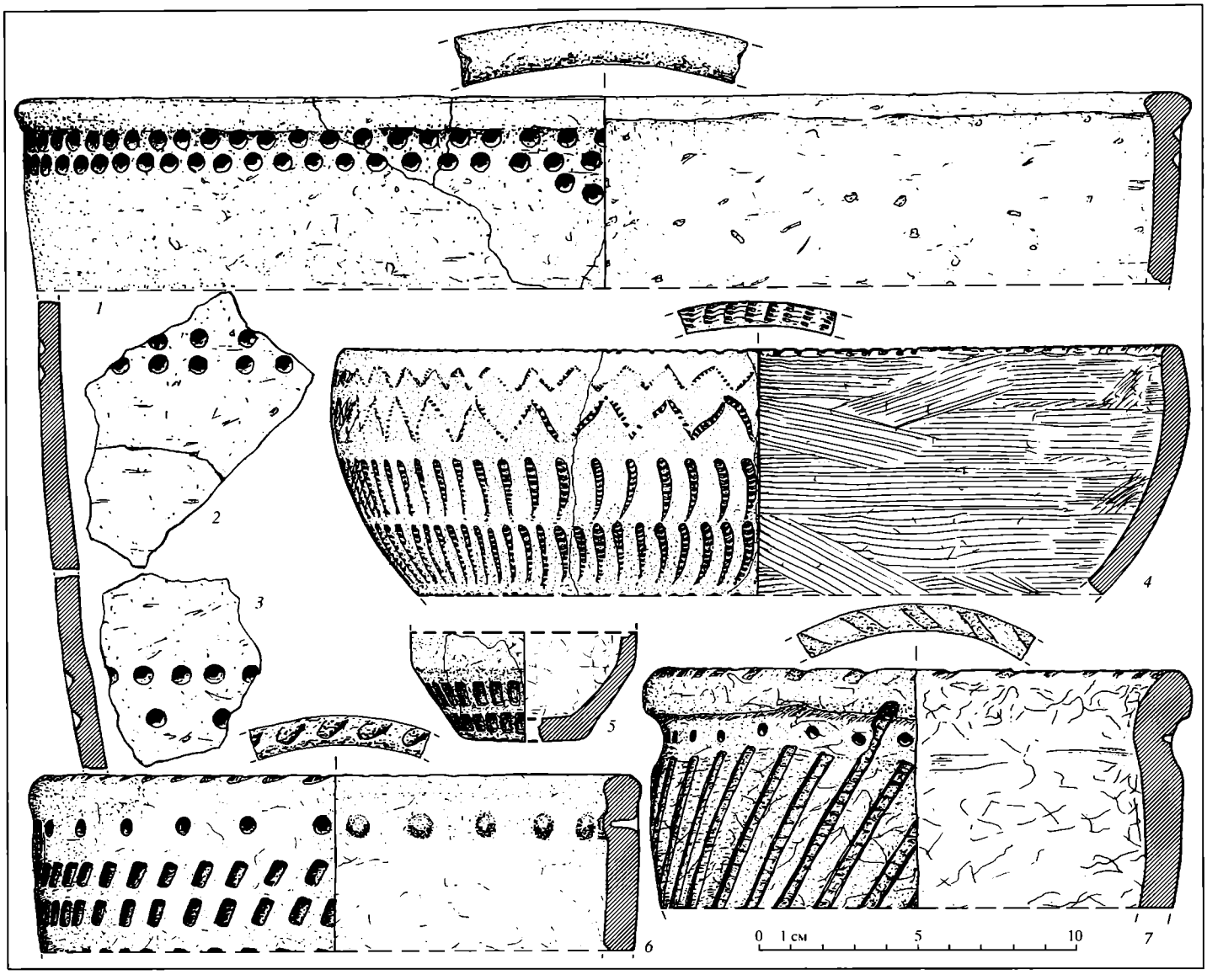


Рис. 12. Пористая керамика энеолитического времени с памятников Кубенозерья

1—3 — поселение Озерко 1, шурф, слой 2; *4, 5* — стоянка Сумароково 2, подъемный материал; *6, 7* — Шлюз № 6, поселение 6, раскоп 1, слой 2

дование котловины Кубенского озера было проведено экспедицией НПЦ "Древности Севера" под руководством С.Ю. Васильева, зафиксировавшей около 170 памятников археологии в хронологическом диапазоне от эпохи мезолита до XI—XII вв. (рис. 9—12) (*Суворов*, 1996). Основная масса древних памятников Кубенозерья (147) представляет собой неукрепленные поселения, а 39 объектов (единичные находки инвентаря, переотложенного в современных прибрежных валах озера) документированы как местонахождения.

40% памятников, которые находятся на открытых участках побережья Кубенского и Токшинского озер или расположены на участках древних прибрежных валов, сильно разрушены прибоем. Подавляющая часть этих памятников не сохранила культурного слоя. Остальные 60% памятников находятся на берегах впадающих в озеро рек или связанных с ним проток на относительной высоте от 0,4 до 2,5 м; основная их часть имеет культурный слой, преимущественно небольшой мощности, на площади от десятков или сотен квадратных метров до 6 гектаров (селище раннего железного века Кубенское IV).

Значительная часть стоянок — многократного заселения: не менее трети памятников содержат материалы нескольких исторических эпох. Памятники многократного заселения, как правило, имеют довольно слабо стратифицированные культурные слои мощностью 0,3—0,8 м, реже до 2,2 м (со стерильными прослойками), они занимают редкие в низкой пойме возвышенные участки с относительной высотой 1,4—2,2 м (*Васильев, Шемякин*, 1990; *Васильев, Папин, Суворов*, 1994; *Суворов*, 1996).

Мезолитический инвентарь, древнейший из обнаруженных в Кубенозерье, на побережье озера практически не представлен, он происходит с десяти памятников на притоках озера, прорезающих террасы с относительной высотой от 2,5 до 9,5 м над средним многолетним годовым уровнем озера, равным 109,4 м над уровнем моря. Большинство мезолитических памятников распахано. На двух мезолитических памятниках сохраняются изделия из кости.

Неолитический инвентарь представлен на 136 памятниках, в том числе на 85-ти без сочетания с инвентарем других эпох. Неолитическая керамика, преимущественно ямочно-гребенчатая, находит многочисленные аналогии на памятниках льяловской культуры Волжского бассейна и каргопольских памятниках Восточного Прионежья. Близки известным на каргопольских памятниках три обломка сланцевых шлифованных колец, извлеченные из неолитического слоя поселения Шлюз № 6, стоянка 6. Среди неолитических орудий выделяются тщательностью исполнения и разнообразием форм орудия деревообработки — диабазовые и сланцевые топоры и тесла, изготовленные в технике точечной оббивки и шлифовки, сланцевые шлифованные топоры, тесла, желобчатые долота, стамески.

Энеолитическая пористая керамика (рис. 12) представлена на 24 памятниках, содержащих несколько комплексов. Разнообразная по облику, в основной массе она близка керамике типа Модлона, памятники с которой расположены поблизости в бассейне р. Онеги. Вероятно, с этой керамикой можно связать и немногочисленный фигурный кремень из подъемного материала ряда многослойных стоянок — фрагменты лунниц и зооморфных изделий (рис. 10) (*Васильев, Шемякин*, 1990; *Недомолкина*, 2000).

В числе находок с многослойных памятников с инвентарем раннего металла — фрагменты сверленых топоров, изготовленные из гранодиоритов или граносиенитов (рис. 11).

Памятники эпохи бронзы и раннего железного века — вторые по численности в долине озера: они представлены ранней сетчатой керамикой с "S"-видной профилировкой венчика (встречена на 17 памятниках со слоями нескольких эпох) и комплексами с сетчатой, штрихованной и гладкостенной керамикой раннего железного века (встречена на 69 памятниках, в том числе в чистом виде — на 28-ми). Керамика раннего железного века ряда памятников Кубенского озера, наряду с соседними верхнесухонскими, имеет аналогии на позднекаргопольских и некоторых ранних дьяковских памятниках (*Шемякин*, 1990).

Таким образом, природные условия района Кубенского озера обычны для внутренних областей Европейского Севера, лежащих в тех же широтах в подзоне южной тайги. Специфические особенности можно видеть, прежде всего, в конфигурации речной сети, обеспечивавшей доступ в речную систему р. Сухоны и Северной Двины и одновременно — удобное сообщение с речными системами Онеги и левого притока Волги — Шексны. Путь из системы Волги в систему Северной Двины через Кубенское озеро с различными вариантами волоковых маршрутов используется с каменного века до настоящего времени. В средневековье движение через водораздел осуществлялось преимущественно через Волок Славенский и далее по реке Порозовице, впадающей в Кубенское озеро с запада (*Макаров*, 1997. С. 57—72).

Концентрация памятников эпохи первобытности в низине Кубенского озера сопоставима с концентрацией их в прилегающих районах — на Онежском озере, на Белом озере и Шексне, на Лозско-Азатской озерной системе, в Присухонской низине. Топография и ландшафтное положение поселений эпохи камня и раннего металла на этой территории, с характерной приуроченностью их к озерной котловине, в особенности к приустьевым частям впадающих в озеро рек, соответствуют закономерностям, зафиксированным при обследовании смежных озерных районов Европейского Севера России. Сходно и хронологическое распределение комплексов различных периодов, с заметным преобладанием памятников и материалов эпохи неолита и раннего железного века над материалами эпох мезолита, энеолита и бронзы, раннего средневековья.

Кубенские волости по письменным источникам XV–XVII вв.

Территориально-административное устройство кубенских земель в конце XIV–XV в.

Кубенозерские земли лежат между Белоозером и Вологдой — двумя крупными территориально-административными образованиями, имена которых появляются в источниках значительно раньше, чем имена кубенских волостей. Формирование Белоозера как особой административной области восходит к древнейшей поре русской истории (*Насонов*, 1951. С. 178—180; *Кучкин*, 1984. С. 57—66; *Макаров, Захаров, Бужилова*, 2001. С. 19—22)[1]. С конца XI в. источники сохранили свидетельства о принадлежности Белоозера к Ростовскому княжеству, а в 1238 г. оно выделилось в самостоятельное княжество. Новгородская волость Вологда впервые упомина-

[1] Обсуждение вопроса о локализации основного территориального ядра этой области в древнейший период выходит за рамки настоящей работы. Материалы археологических исследований последних десятилетий, выявившие отсутствие культурных напластований IX в. в Старом Городе — Белоозере у истока Шексны, где в X—XIII вв. находился центр этого административного образования, и относительно высокая концентрация ранних памятников в Судско-Моложском регионе (*Башенькин*, 1995; *Макаров, Захаров, Бужилова*, 2001. С. 188—198) склоняют к мысли о первоначальной кристаллизации этого ядра на территориях, лежащих к западу от Шексны, но не ставят под сомнение принципиальное положение о формировании его в IX в.

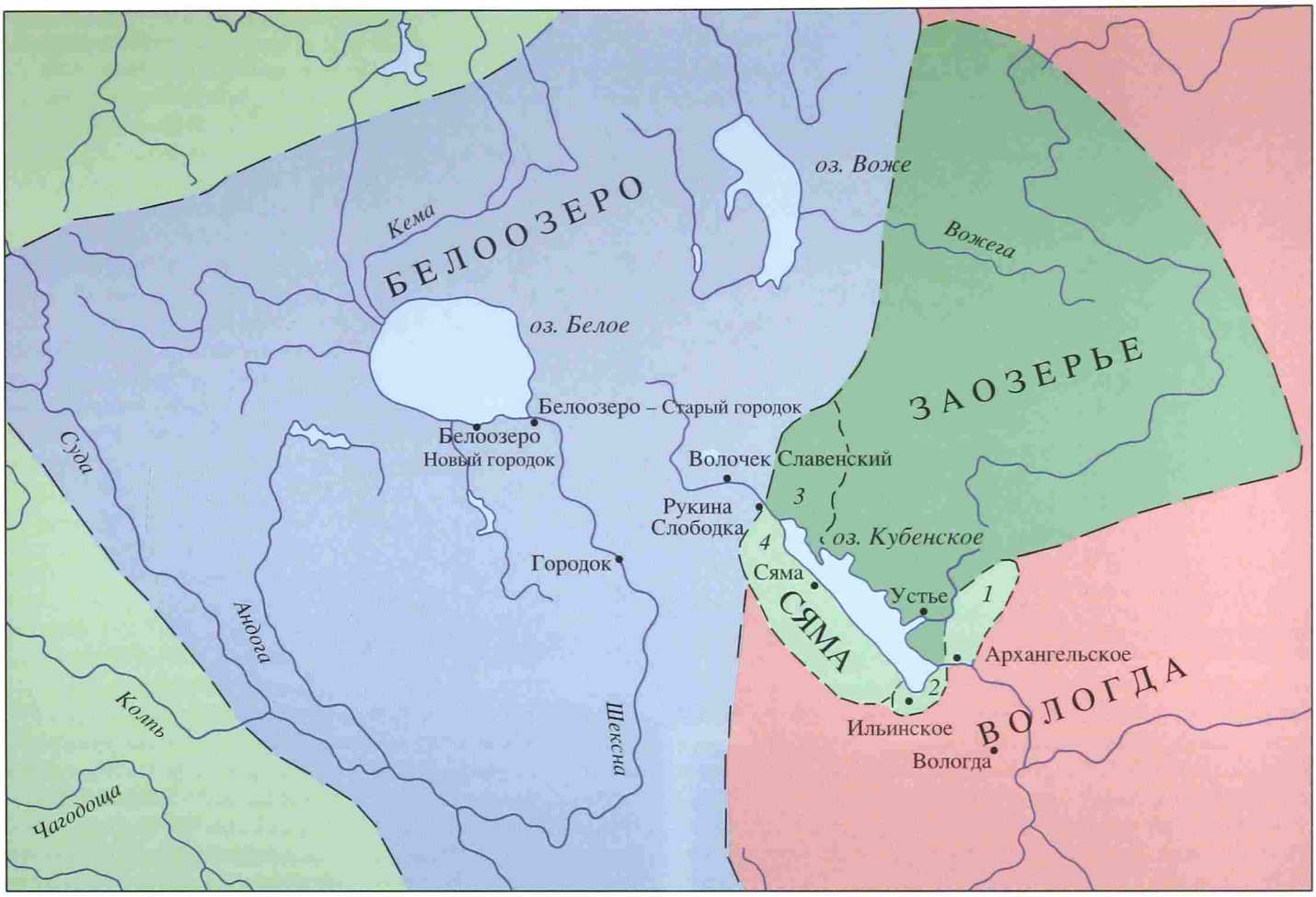


Рис. 13. Территориально-административное устройство белозерских, кубенских и верхнесухонских земель в конце XIV – начале XV в.

1 – Бохтюга; *2* – Кубена; *3* – Ухтюжка; *4* – Карачев

ется в источниках в середине XIII в. (ПСРЛ, 2000. Т. III. С. 322; ГВНП, 1949. № 2. С. 11)[2]. Не позднее первого десятилетия XIV в. в этой волости формируются владимирские великокняжеские владения (*Кучкин*, 1984. С. 126–127; 2003. С. 57–62), однако положение ее как новгородской волости продолжало закрепляться докончаниями вплоть до падения независимости Новгорода (ГВНП, 1949. № 22. С. 49). Имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства не дают возможности очертить границы обеих областей в XIII в. Относительно подробная картина территориального устройства в этом регионе выявляется лишь с конца XIV в., с появлением в летописях и актах упоминаний об отдельных белозерских, вологодских и кубенских волостях (рис. 13).

"Кубенские волости" впервые упомянуты в летописной статье 1398 г. в числе северных волостей, принадлежавших великому князю Василию Дмитриевичу и его союзникам и разграбленных новгородцами во время похода на Двину. Летописный рассказ не позволяет более точно идентифицировать территории, о которых идет речь, однако его общий контекст указывает, что они представляли собой особое образование, отличное от Белоозера и Вологды, упомянутых в том же рассказе (ПСРЛ, 2000. Т. III. С. 392; ПСРЛ, 1921. Т. 24. С. 166). К несколько более раннему времени относятся древнейшие известия о Сяме, упомянутой во второй духовной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича 1389 г. в качестве владения, входившего в удел его четвертого сына – Петра (вместе с другой северной волостью – Тошней), но передававшегося вдове Дмитрия Ивановича до конца ее жизни (ДДГ, 1950. № 12. С. 34). Об этой волости на западном берегу Кубенского озера, на территории которой находится Мининский археологический комплекс, специально пойдет речь ниже. Существенно, что в духовной Дмитрия Ивановича, в отличие от позднейших документов, не отмечена принадлежность Сямы к Вологде. Духовные грамоты Василия Дмитриевича добавляют к уже упомянутой Сяме Оухтюшку, Заозерье, Кубену, Бохтюгу и ряд других волостей, тянувших к Вологде, но удаленных от Ку-

[2] Укоренившаяся в историографии версия, относящая возникновение Вологды к 1147 г., основывается на поздних агиографических источниках, достоверность которых справедливо оспорена (*Макаров*, 1993. С. 20, 178; *Башенькин, Кукушкин*, 1994. С. 3–36).

Рис. 14. Село Чирково – центр Заозерского удельного княжества

бенского озера и поэтому не имеющих отношения к теме нашего исследования. Таким образом, к началу XV в. на Кубенском озере и в верховьях Сухоны сформировалось не менее пяти крупных самостоятельных территориально-административных образований, центры которых находились на западном берегу Кубенского озера (Сяма, Кубена), вблизи устья р. Кубены, впадавшей в озеро с востока (Заозерье), в нижнем течении р. Уфтюги (Оухтюшка) и на левобережье р. Сухоны в ее верховьях (Бохтюга) (рис. 13). Историко-географические исследования М.К. Любавского и В.А. Кучкина показывают, что становление этих центров не связано с Вологдой (*Любавский*, 1929. С. 105–106; *Кучкин*, 1984. С. 296, 299–301).

Заозерье в XV в. представляло собой обширный массив территорий, прилегавших к Кубенскому озеру с юга и востока, включая бассейн р. Кубены вплоть до ее притока, р. Сямжены, и верховья р. Сухоны (рис. 13). Грамоты из архива Спасо-Каменного монастыря свидетельствуют, что в конце XIV в. земли по правой стороне Кубены (Покихтье. с. Заболотье, с. Заднее, с. Корень) входили в состав владений ярославского князя Федора Васильевича (АСЭИ, 1964. Т. 3. С. 281, 286–287, № 263, 271, 272). Остальная территория Заозерья, в том числе приустьевая часть Кубены, перешла в руки четвертого сына Василия Васильевича ярославского, Дмитрия Васильевича – первого заозерского князя. Присутствие его на заозерском столе отмечено в житии Дионисия Глушицкого около 1402 г. (*Кучкин*, 1984. С. 296). В.А. Кучкин полагает, что формирование ярославских владений на р. Кубене могло начаться еще в первой половине XIV в., послужив причиной конфликта между Иваном Даниловичем Калитой и Василием Давыдовичем ярославским в 1339 г. (*Кучкин*, 1984. С. 299–301), но прямые указания на это в источниках отсутствуют. В 1435 г. заозерский князь Федор Дмитриевич поддержал Василия Васильевича Темного в его борьбе с Василием Юрьевичем Косым, ареной которой стало Заозерье. Пришедший из Вологды в Заозерье и ставший "У Дмитриея святого на Устьи" Василий Косой был атакован отрядом Федора Дмитриевича, но нападение закончилось неудачно для заозерского князя (ПСРЛ, 1910. Т. 23. С. 148). "...Много же людей заозерян на том бою избьено бысть" (ПСРЛ, 1921. Т. 24. С. 183). Под "Устьем" в этом рассказе следует понимать местность в низовьях р. Кубены, где находился центр Заозерья. Согласно "Житию Иоасафа Каменского", "житие же имея благоверный князь Дмитрей над рекою, зовомую Кубеницею. Храм же име близ двора, великого мученика Дмитрея Селунского чюдотворца, иже и доныне есть нами видим. Весь же зовома Чиркова" (*Прохоров*, 2005. С. 56). Летописному "Дмитрию святому" наследует построенная в XIX в. каменная часовня Св. Дмитрия, сохранившаяся в селе Чирково (рис. 14) на левом берегу р. Кубены, где позднейшие предания помещали двор заозерских князей (*Суворов*, 1893. С. 36)[3].

В дальнейшем заозерские князья, находившиеся в свойстве с Дмитрием Шемякой и, возможно, поддерживавшие его в борьбе с Василием Темным, потеряли свои владения. В 1447 г. "отчины заозерских князей половина " была отдана Василием Темным белозерскому и верейскому князю Михаилу Андреевичу, он же получил и сто деревень в

[3] "Эти князья имели местопребывания против кубенского села Устья, на левом, высоком берегу р. Кубены, в нынешней д. Чиркове. В этой деревне на месте бывшего княжеского дворца и церкви св. Дмитрия Селунского устроена в 1840-х годах каменная часовня, в ней празднуется память св. Дмитрия Селунского, в честь ангела князя Дмитрия Васильевича, родителя св. Иоасафа Каменского" (*Суворов*, 1893. С. 36).

другой — великокняжеской — половине Заозерья (*Любавский*, 1929. С. 105—106; *Зимин*, 1991. С. 123—124). По договору Михаил Андреевич получил правобережную часть Заозерья (Закубенье), примыкавшую к его белозерским землям (ДДГ, 1950. № 44. С. 128). Вторая — левобережная половина, из которой Михаилу Андреевичу было отдано 100 деревень, в том же году была передана его брату — Ивану Андреевичу. Однако уже в 1450-х годах, после смерти Михаила и бегства Ивана в Литву, Заозерье вернулось в состав великокняжеских земель. В духовной грамоте 1462 г. Василий Васильевич отписал Заозерье вместе с Вологдой и Кубеной своему младшему сыну Андрею Меньшому (*Любавский*, 1929. С. 105). В качестве отдельной волости великих князей Заозерье упоминается в духовных грамотах и докончаниях 1481, 1486 и 1504 гг. (ДДГ, 1950. № 74, 81, 82, 89. С. 276, 317, 320, 323, 326, 356). При этом потомки Федора Васильевича Ярославского — князья Пенковы — сохраняли свои владения в Закубенье, передав некоторые земли Спасо-Каменному монастырю (АСЭИ, 1964. Т. 3; № 263, 269, 271, 272. С. 284—287). В XVI в. заозерские земли вошли в состав Вологодского уезда.

Значительно меньше известно о Кубене, которая должна быть отождествлена с позднейшей Кубенской волостью (Писцовые книги Русского Севера, 2001. С. 156—157; *Водарский*, 1970. С. 299, 329—331; 1977. С. 236, 262; *Богословский*, 1898. С. 1—2), охватывавшей сравнительно небольшую, но плотно заселенную территорию с центром в селе Кубенское вблизи юго-западного берега Кубенского озера (рис. 15). В.А. Кучкин полагает, что Кубена в конце XIV в. входила в состав владений Дмитрия Васильевича Заозерского (*Кучкин*, 1984. С. 300—301, рис. 11), от младшей линии потомков которого происходит, по-видимому, род князей Кубенских (*Зимин*, 1988. С. 85, 87, 94). Многократное упоминание Кубены как отдельной волости в ряду других вологодских волостей в грамотах XV в. (ДДГ, 1950. № 61, 74, 81, 89. С. 195, 276, 317, 320, 356; АСЭИ, 1964. Т. 3. № 256. С. 276) и само существование рода кубенских князей позволяет считать, что формирование Кубены как самостоятельного административного образования относится ко времени не позднее начала XV в.

Волость Ухтюжка (Оухтюшка), впервые поименованная в первой духовной грамоте великого князя Василия Дмитриевича 1406—1407 гг. (ДДГ, 1950. № 20. С. 56) в качестве одного из "примыслов" великого князя и неоднократно упоминаемая в других завещаниях (ДДГ, 1950. № 21, 61, 74. С. 195, 276), идентифицируется с Ухтюжской волостью вологодских писцовых книг XVII в., охватывавшей значительный массив территорий по р. Уфтюге, впадающей в Кубенское озеро с севера (Писцовые книги Русского Севера, 2001. С. 156—157; *Водарский*, 1970. С. 301, 359—361; 1977. С. 236, 262). Писцовые документы XVII в. фиксируют деление этой волости на четыре станка — Богородский, Верхораменский, Оксентьевский и Троицкий (Писцовые книги Русского Севера, 2001. С. 159; *Водарский*, 1970. С. 359—361). Судя по списку селений переписной книги 1678 г., изданному Я.В. Водарским, территория волости была вытянута с юга на север более чем на 60 км, от устья до верховий Уфтюги. Вместе с другими волостями, тянувшими к Вологде, Ухтюжка была передана великим князем Василием Васильевичем младшему сыну Андрею Меньшому, а по духовной грамоте последнего возвращалась в состав великокняжеских земель (ДДГ, 1950. № 74. С. 276). Контекст документов свидетельствует, что эта территория не входила в состав Заозерского княжества и была выделена в административном отношении.

Еще одно малоизвестное суверенное образование конца XIV — первой четверти XV в., находившееся в верхнем течении Сухоны, подробно рассмотрено В.А. Кучкиным. Речь идет о Бохтюжском княжестве — одном из ростовских удельных княжеств, существование которого документировано жалованными грамотами князей Юрия Ивановича и Семена Юрьевича Покровскому Дионисиеву Глушицкому монастырю и Житием Дионисия Глушицкого, рассказывающим о пожалованиях князя Юрия Бохтюжского. В.А. Кучкин убедительно показал тождественность князя Юрия Ивановича жалованных грамот князю Юрию Бохтюжскому, деятельность которого отмечена в Житии в 1420-х годах, и принадлежность этого лица к роду ростовских, а не ярославских князей. Контекст жалованных грамот позволяет локализовать земли Бохтюжского княжества в верхнем течении р. Сухоны, на ее левых притоках Бохтюге и Глушице (*Кучкин*, 1984. С. 280—282), где писцовые книги XVII в. помещают Бохтюжскую волость с центром в селе Архангельском на р. Бохтюге (Писцовые книги Русского Севера, 2001. С. 156—157).

Взгляд на историко-географическую ситуацию XIV—XV вв. в кубенских землях был бы неполным без упоминания о Спасо-Каменном монастыре — одной из древнейших северных обителей, в начальной истории которой много неясного. В XV в. Спас на Каменном, расположенный на небольшом островке в Кубенском озере вблизи устья р. Кубены (рис. 16), был одним из наиболее чтимых и авторитетных монастырских центров, постриженники которого стали основателями других знаменитых монастырей в Присухонье (Покровского Дионисиева Глушицкого, Александрова Куштского). О его особом положении свидетельствует возведение игуменов и старцев Спасо-Каменного на Ростовскую архиепископскую кафедру (Дионисий Царегородский) и на игуменство в Кирилловом (Кассиан) и Троице-Сергиевом (Паисий Ярославов) монастырях, неоднократные поездки сюда на богомолье великих и удельных князей (Василия Васильевича Темного, Ивана Васильевича, Дмитрия Юрьевича Шемяки), наконец, сооружение здесь в 1481 г. первого каменного храма "идеже в той земли от начала миру ничто же бывало каменного от храмов, понеже земля удалела" (*Прохоров*, 1991. С. 161). Земельные пожалования заозерских князей Спасо-Каменному монастырю и пострижение здесь последнего из них — Андрея Дмитриевича, принявше-

Рис. 15. Село Кубенское. Троицкая и Ильинская церкви.
Вид с северо-запада. Фото начала XX в.
(Фотоархив ИИМК РАН. № Q775 – 34)

Рис. 16. Спасо-Каменный монастырь. Общий вид

го имя Иоасафа, указывает на тесную связь обители с заозерским княжеским домом в первой половине XV в.

История основания Спасо-Каменного излагается обычно согласно "Сказанию о начале Каменского монастыря, еже на езере Кубенском стоит", составленному в начале 1480-х годов старцем Паисием Ярославовым (*Прохоров*, 1991. С. 150). Сказание относит основание монастыря к 1341 г., связывая это событие с путешествием белозерского князя Глеба Борисовича из Белоозера в Устюг, во время которого князь был застигнут бурей на озере и чудесным образом спасся на небольшом островке. По версии Сказания, Глеб поставил церковь на острове по обету, данному во время бури, причем попав на остров он встретил уже ранее поселившихся там монахов, не имевших собственного храма и совершавших молитвы в часовне. Особое значение "Сказанию" придает присутствие в нем некоторых историко-географических подробностей, свидетельствующих о существовании в вологодских землях в середине XV в. местных преданий о князе Глебе. Имеется в виду сообщение о спрямлении Глебом русла Сухоны в ее верховьях и русла Вологды во время его путешествия в Устюг. Согласно "Сказанию", спрямленные участки русел были отмечены установками крестов и получили названия "Княже-Глебовы прости" (*Прохоров*, 1991. С. 156).

Тем не менее рассказ Паисия Ярославова об основании Спаса на Каменном трудно признать достоверным по двум обстоятельствам: во-первых, среди белозерских князей XIV в. нет Глеба (Глеб Василькович белозерский умер в 1278 г.), во-вторых, сомнительно основание белозерским князем монастыря за пределами своих владений, на территории, принадлежавшей ярославскому княжескому дому. Возможно, князь Глеб "Сказания" должен быть отождествлен с одним из удельных ярославских князей — Глебом Васильевичем[4]. Невозможность точной идентификации личности основателя монастыря порождает сомнения в надежности даты основания, которые усугубляются другими хронологическими ошибками, содержащимися в "Сказании"[5]. Таким образом, точное время основания монастыря остается неясным. Очевидно лишь, что "Спас на Камени", рассматривавшийся как старейший по отношению к остальным вологодским монастырям, уже существовал в конце XIV в.

Таким образом, во второй половине XIV в. Кубенская область была разделена на несколько разновеликих политико-административных образований, часть которых представляла собой самостоятельные удельные княжества, а другие были наследственным владением или куплей московских князей. Владельческая принадлежность Заозерья, Кубены, Бохтюги и Сямы во второй половине XIV в. определенно указывает, что в более раннее время эти территории в политическом отношении были прочно связаны с Ростово-Суздальским княжеством. При этом контекст источников позволяет полагать обособленность их в начальный период колонизации как

---

[4] Удел Глеба, сына ярославского князя Василия Давыдовича, локализован В.А. Кучкиным на левобережье Волги, к северо-востоку от Ярославля (*Кучкин*, 1984. С. 296—301).

[5] Так, "Сказание" сообщает о поставлении игумена Дионисия Царегородца на Ростовскую митрополию в 1392 г., между тем пребывание Дионисия на Ростовской кафедре относится к 1418—1427 гг. (ПСРЛ, 1921. Т. 24. С. 180, 182).

от Белоозера, принадлежавшего до 1238 г. ростовским князьям, так и от Вологды, в состав которой кубенские волости были постепенно включены в XV в. С другой стороны, источники не дают никаких намеков на территориально-административное единство Кубенской области в начальный период колонизации. По-видимому, проникновение ростово-суздальской колонизации в этот регион не привело к сложению здесь целостного территориального образования, а сопровождалось формированием нескольких волостей.

Сямская волость

Сямская волость, на территории которой находится Мининский археологический комплекс, во второй половине XV – XVII вв. представляла собой западную часть массива вологодских земель и соседствовала на западе с Колкачскими деревнями и волостью Волочек Славенский, относившимися к Белоозеру (рис. 13). Рубеж волокославенских и сямских земель был одновременно рубежом между Белоозером и Вологдой. Географическое название Сяма в новейшее время часто использовалось для обозначения куста деревень в низовьях впадающей в Кубенское озеро р. Крутец, где находился Покровский погост и основанный в 1524 г. Сямский Богородице-Рождественский монастырь, однако в источниках XVI – XVIII вв. подобное использование его было малоупотребительным. Выше уже отмечено, что Сяма впервые упомянута в духовной грамоте великого князя Дмитрия Ивановича 1389 г. — второй духовной (ДДГ, 1950. № 12. С. 34). По духовной великого князя Василия Дмитриевича 1406 г. она завещана его жене (ДДГ, 1950. № 20. С. 56). В духовной грамоте Василия Васильевича 1461 г. и духовной грамоте Андрея Васильевича, составленной не позднее 1481 г., Сяма упомянута среди вологодских, кубенских и заозерских волостей, составлявших удел Андрея Меньшого (ДДГ, 1950. № 61, 74. С. 195, 276).

Судя по актам 1470 – 1490-х годов, территория Сямской волости достигала на западе р. Ягрыша, одного из притоков впадающей в Шексну р. Сизьмы, Заиловского озера и низовьев р. Порозовицы (АСЭИ, 1958. Т. 2. № 92, 202, 205, 219, 287, 289, 290, 293, 300). В грамотах упомянуты названия примерно 30 деревень и починков этого времени в северо-западной части Сямы, находившихся во владении Кирилло-Белозерского монастыря. Часть этих населенных пунктов впоследствии запустела — в сотной с писцовых книг 1544 г. на земли Кириллова монастыря в Вологодском уезде перечислено лишь 17 деревень и починков в Сяме (Сотная с писцовых книг..., 1981. С. 91). 40 деревень из Сямской волости были переданы князем Андреем Васильевичем Меньшим в Троицкий монастырь "на поминок своему роду и свое душе" (ДДГ, 1950. № 74. С. 276). Названия этих деревень неизвестны, а упоминания о вологодских вотчинах в хозяйственных документах Троицкого монастыря как будто бы отсутствуют (*Черкасова*, 1996. С. 96). Тем не менее приведенные в грамотах цифры не оставляют сомнения в том, что Сяма в последней четверти XV в. была крупным административным образованием, в составе которого насчитывалось не менее 100 деревень. О высоком статусе этого административного образования свидетельствует упоминание в жалованной грамоте Андрея Васильевича Меньшого Спасо-Каменному монастырю 1479 г. особых должностных лиц — сямских волостелей (АСЭИ, 1964. Т. 3. № 269. С. 284 – 285). Упоминание под 1492 г. "Ильи святого на Сяме" (АСЭИ, 1958. Т. 2. № 289), идентифицируемого с Ильинским погостом на р. Ельме, позволяет отнести начало формирования приходской системы на этой территории ко времени не позднее XV в.

Поземельные документы XV в. не дают возможности точно очертить восточные и южные границы Сямской волости. В нашем распоряжении нет прямых данных об административной принадлежности территорий на р. Вотче, где источники XVII в. помещают село Хребтово, и территорий в низовьях р. Пучки, где, по источникам позднейшего времени, находился погост Покрова Богородицы. Пустоши на р. Пучке были пожалованы Спасо-Каменному монастырю Василием Васильевичем Темным между 1453 и 1455 гг. (АСЭИ, 1964. Т. 3. № 266. С. 282). Жалованная грамота Андрея Васильевича Меньшого Спасо-Каменному монастырю 1497 г. различает деревни Спасо-Каменного монастыря на Пучке и на Сяме, однако не дает прямых оснований для выделения их в отдельное территориальное образование.

Наиболее полное представление о территории Сямской волости в XVII в. дает переписная книга Вологодского уезда 1645 – 1647 гг., в которой поименованы 19 погостов, находившихся на территории этого административного образования (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 14732) (табл. 2). 14 из этих погостов локализованы на карте с использованием уездного плана Генерального межевания Вологодского уезда (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. № 5/309, 7/311) и "Топографической специальной карты западной части Российской империи" Ф.Ф. Шуберта по изданию 1859 г. (рис. 17). Локализация двух погостов определена предположительно, местоположение еще трех не установлено. Судя по расположению погостов, территория Сямской волости в середине XVII в. простиралась с юго-востока на северо-запад, вдоль Кубенского озера почти на 50 км, с северо-востока на юго-запад, от берега озера к водоразделу с Шекснинской речной системой на 20 – 25 км. Пять погостов располагались вблизи устьев впадающих в Кубенское озеро рек Карачевки (Староселки), Крутца, Ельмы и Пучки, остальные — выше по течению этих рек, на небольших речках или на водораздельных участка (рис. 17). Один из погостов — "На Синдоше" — находился на р. Синдоше, левом притоке р. Вологды, очевидно, он должен быть идентифицирован с погостом св. Кирилла в верховьях этой реки. Особый статус погоста Покрова Богородицы на р. Крутец, на территории, за которой в позднейшее время закрепилось название Сяма, в документах XVII в. никак не обозначен.

Внутриволостное деление Сямы, как и в целом по Вологодскому уезду (Писцовые книги Русского Севера, 2001. С. 156), имело определенную неустойчи-

Таблица 2

Погосты Сямской волости по переписной книге Вологодского уезда 1645–1647 гг.

№ по списку	Название погоста	Посвящение	Местоположение	Локализация на карте Ген. межевания
1	Теребаевский на речке на Еленге	Св. Никола	Еленга/Елегонка	+
2	В Дягилеве	?	д. Дягилево	+
3	Троицкий на речке на Килебовке	Св. Троица	Килебовка/Кильбовка	+
4	Рождественский	Рождество Богородицы	с. Хребтово, Вотча	+
5	Карачевский на речке на Карачевке	Св. Дмитрий	Карачевка/Староселка	+
6	На речке на Карачевке	Св. Никола	Карачевка/Староселка	+
7	На речке на Ельме	?	Устье Ельмы	+
8	На речке на Ельме	Св. Илья	Ельма	+
9	Никольский на Сорнинском озере	Св. Никола	д. Сорицы	+
10	Что была слобода Бабкина	?	?	
11	В Замолье	?	д. Погостец	+
12	Егорьевский на Инхороше	Св. Георгий	д. Фрязиново	+
13	Рождественский	?	?	
14	В Белкове	?	Бильково, верх Вотчи	+
15	Микулинский	?	д. Никулинская, Кубенское оз.	+
16	Покрова Пресвятая Богородицы	Покров Богородицы	Вахневский Ключ, д. Трегубово	+
17	Покрова Пресвятая Богородицы	Покров Богородицы	Сяма, р. Крутец	+
18	Никольский	Св. Никола	Вотча	+
19	На Синдоше	Св. Кирилл	Синдошь	+

вость. Так, село Хребтово и тянущие к нему деревни на р. Вотче и деревни Карачевского станка в одних писцовых описаниях не выделены в самостоятельные административные образования, в других описаны отдельно. В XVII в., как и в более ранее время, система расселения представляла собой сеть небольших деревень, часто сгруппированных в небольшие гнезда. Основываясь на описаниях Писцовой книги поместных и вотчинных земель Вологодского уезда 1628–1631 гг., содержащей наиболее полное и подробное описание деревень Сямской волости (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 14716), можно утверждать, что в это время среди населенных пунктов преобладали двух- и трехдворные деревни. Пашенные земли оценивались писцами как худые и средние. Большая часть деревень Сямской волости в это время была роздана в поместья преимущественно выходцам из разоренных западных уездов. Часть деревень находилась в вотчинах монастырей: Спасо-Каменного, Кириллова, Рождественского Богородицкого в Сяме (Писцовые книги Русского Севера, 2001. С. 66, 72); Вологодской архиепископской кафедры (Писцовые книги Русского Севера, 2001. С. 71) и Ростовской митрополичьей кафедры (Писцовые книги Русского Севера, 2001. С. 93). По писцовой книге 1628–1631 гг. на территории Сямской волости (без учета с. Хребтова и тянувших к нему деревень) в поместьях находилось 2 села, 23 сельца, 130 деревень и 182 пустоши, в которых числилось 66 помещичьих и людских дворов, 377 крестьянских и бобыльских дворов и 193 пустых дворовых места (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 14716. Л. 681–682).

Стабильность западных границ Сямской волости, выявляющаяся при сопоставлении поземельных

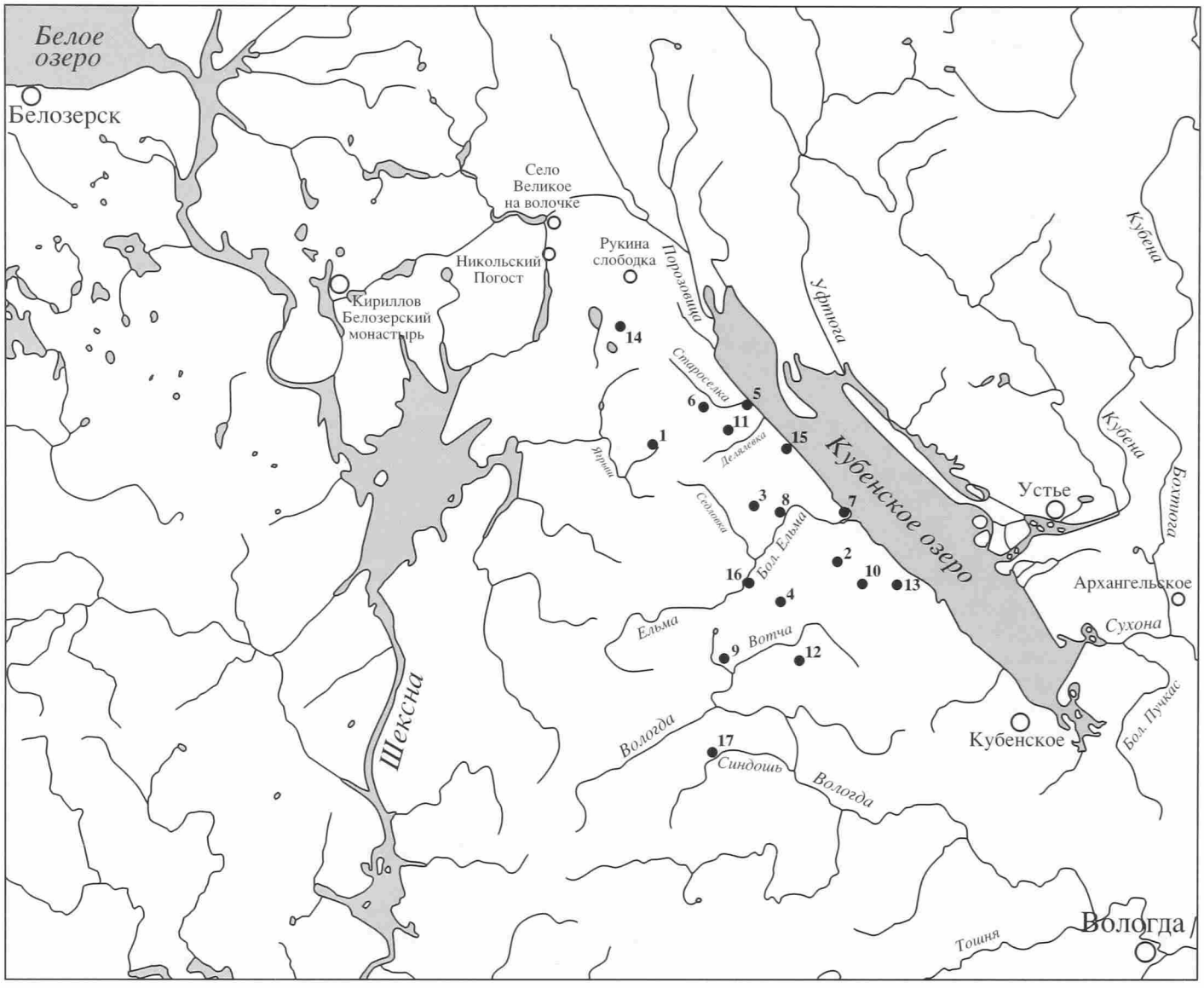


Рис. 17. Погосты Сямской волости по переписной книге Вологодского уезда 1645–1647 гг.

1 — Теребаевский на речке на Еленге (Св. Никола); *2* — в Дягилеве; *3* — Троицкий на речке на Килебовке; *4* — Рождественский; *5* — Карачевский на речке на Карачевке (Св. Дмитрий); *6* — На речке на Карачевке (Св. Никола); *7* — На речке на Ельме; *8* — На речке на Ельме (Св. Илья); *9* — Никольский на Сорнинском озере; *10* — в Замолье; *11* — Егорьевский на Инхороше; *12* — в Белкове; *13* — Микулинский; *14* — Покрова Пресвятой Богородицы; *15* — Покрова Пресвятой Богородицы; *16* — Никольский; *17* — На Синдоше (Св. Кирилл)

документов XV и XVII вв., позволяет полагать определенную устойчивость территориальной организации, сложившейся не позднее XV в.

Карачевский станок

Поземельные документы XV–XVII вв. дают основание сделать заключение о существовании на северо-востоке Сямской волости особого территориально-административного образования "Карачев", центром которого являлся Дмитриевский погост в Карачеве. Хотя Карачев как административная единица лишь несколько раз упомянут в письменных источниках, мы располагаем достаточно надежными данными для определения его границ (рис. 18; 19).

"Карачевский станок" Сямской волости упомянут в Книге сбора даточных денег с вотчинных дворов Вологодского уезда 1700/01 г. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 1437), в Переписной книге Вологодского уезда 1677/78 г. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 14733. Л. 224–229) и в Платежной книге Первой половины Вологодского уезда с дозорных книг и указных грамот 1619–1631 гг. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 14879. Л. 61–62 об.). Упоминание о "пустошах Карачевских в Сяме" в жалованной грамоте князя Андрея Васильевича Меньшого игумену Кирилло-Белозерского монастыря Игнатию, датированной 1471–1475 гг. (АСЭИ, 1958. Т. 2. № 205), указывает, что формирование этой территориально-административной единицы должно быть отнесено по меньшей мере к середине XV в.

Рис. 18. Часть территории Сямской волости на Генеральном уездном плане Вологодского уезда 1785 г. (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. № 310)

На плане выделены деревни, отмеченные в писцовой книге Вологодского уезда 1628–1630 гг. как деревни на р. Карачевке: *1* – Дмитриевский (Митевской) Карачевский погост; *2* – Никольский погост в Карачеве

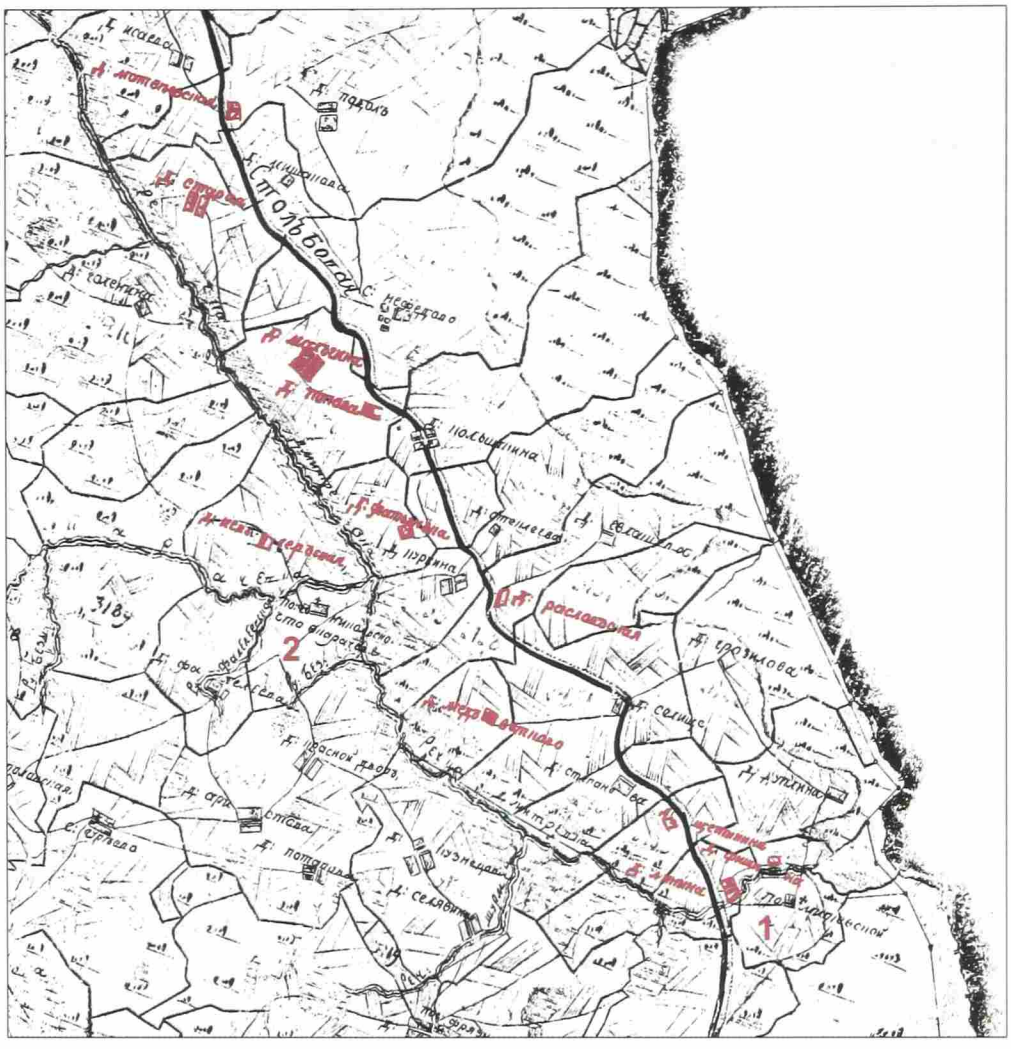
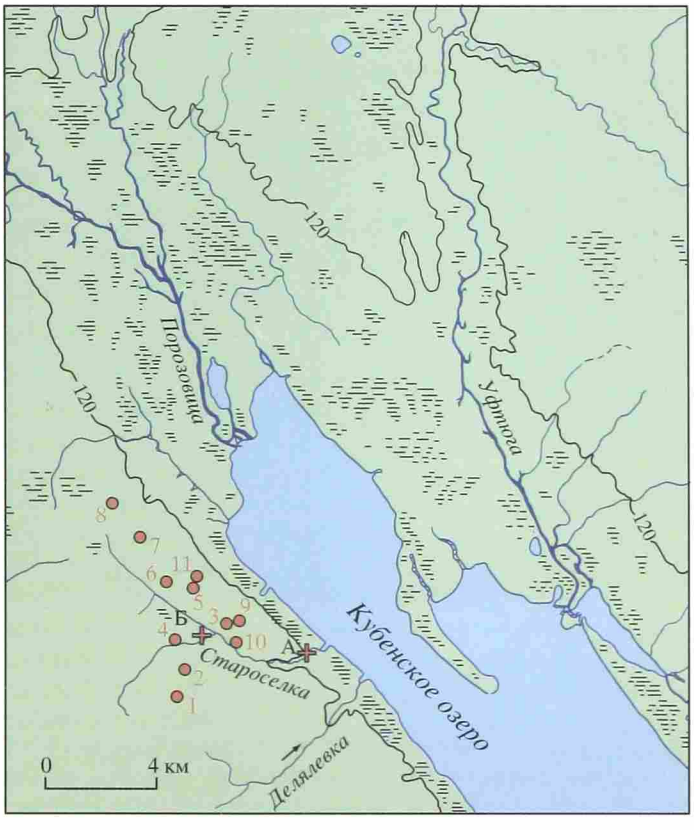


Рис. 19. Деревни Карачевского станка, находящиеся в поместьях, по дозорной книге Вологодского уезда 1619–1631 гг.

1 – Гуреево; *2* – Фалелеево (Далелеево); *3* – Куркино; *4* – Иевлевская; *5* – Мальгино; *6* – Старое; *7* – Зеленино; *8* – Чупрово; *9* – Рословское; *10* – Медведково; *11* – Нефедово. А – Дмитриевский Карачевский погост; Б – Никольский погост в Карачеве



Территориальное ядро Карачевского станка может быть реконструировано на основании Платежной книги 1619–1631 гг., в которой перечислены принадлежащие к нему населенные пункты, находящиеся в поместьях: 4 сельца (Гуреево, Фалелеево, Иевлевское, Малгино) и 10 деревень (Орлово, Куркино, Старое, Зеленино, Орехово, Чупрово, Захарково, Рословское, Медведково, Нефедово) (рис. 19). К пяти из этих населенных пунктов тянули деревни (очевидно, более мелкие), которые не названы в платежной книге. Судя по переписной книге 1677/78 г. и книге сбора даточных денег 1700/01 г., в состав Карачевского станка входила также деревня Останкино, принадлежавшая Кириллову монастырю. Очевидно, к рассматриваемой территориальной единице должны быть отнесены и церковные земли – два погоста, упомянутые в переписной книге Вологодского уезда 1645–1647 гг. среди погостов Сямской волости: "погост Карачевской на речке на Карачевке" с церковной деревней Троповой и "погост на речке на Карачевке" (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 14732. Л. 1384 об.–1385 об.). Местоположение 14 из этих населенных пунктов может быть определено по плану генерального межевания Вологодского уезда (РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. № 310) и Специальной карте Европейской России 1920 г. (л. 55). Они располагаются на волнистой возвышенности, к северо-за-

Рис. 20. Дмитриевский Карачевский погост. Сводный план дач Генерального межевания. (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 68, ч. 1 [610]. Д. Г – 76с; Д – 128с; Д – 129с)

паду от устья р. Дмитриевки-Карачевки, ограниченной с северо-востока краем коренной террасы Кубенского озера и низиной, по которой протекает впадающая в озеро р. Кой и ее левый приток – р. Орловица. Размеры этого участка с северо-запада на юго-восток составляют примерно 12 км, с юго-за-

Рис. 21. Вид на д. Ивлевскую вблизи бывшего Никольского Карачевского погоста

пада на северо-восток — 5—6 км. Крайним северо-западным пунктом в цепочке карачевских деревень являлась д. Останкина, занимавшая несколько обособленное положение (см. рис. 22). Всего источниками XVII в. засвидетельствовано существование на очерченной территории не менее 21 населенного пункта, но в действительности их число было большим, поскольку принадлежность части вотчинных и черных земель Сямской волости к Карачевскому станку, вероятно, не отражена в поземельных документах. Существенным элементом, обеспечивавшим единство этой локальной системы, была речка Дмитриевка-Карачевка, на берегах которой находились оба погоста — Дмитриевский — вблизи устья (рис. 20), Никольский — в 5 км выше по течению, при впадении в Дмитриевку речки Иевлиевской (Мосеевки) (рис. 21). О важности этой небольшой речки как топографического ориентира и системообразующего элемента расселения свидетельствуют материалы Писцовой книги Вологодского уезда 1627—1630 гг., содержащей наиболее полное описание поместных земель Сямской волости (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 14716. Л. 343—684). В этой книге Карачевский станок не выделен как особая административная единица, но отмечена приуроченность к речке Карачевке 13 населенных пунктов, в том числе ряда деревень, удаленных от реки на расстояние не менее 1 км (рис. 18).

Следует ли идентифицировать "пустоши Карачевские" жалованной грамоты 1471—1475 гг. с населенными пунктами, поименованными в переписной книге 1619—1631 гг., как находящиеся в составе Карачевского станка? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо прежде всего установить, о каких именно населенных пунктах идет речь в жалованной грамоте Андрея Васильевича. Обращение к другому документу — жалованной тарханной и несудимой грамоте князя Андрея Васильевича 1471 г., подтверждающей передачу монастырю пустошей в Сяме, данных ему ранее великим князем Василием Васильевичем (АСЭИ, 1958. Т. 2. № 192), не оставляет сомнений в том, что они должны быть отождествлены с перечисленными в этом документе населенными пунктами — 21 пустошью "у которых пустошей вотчичов нет". Сопоставление списка пустошей со списком деревень Карачевского станка переписной книги 1619—1631 гг. показывает полное отсутствие каких-либо совпадений.

Анализ поземельных документов XVI—XVII вв., материалов генерального межевания и топографических карт XIX—XX вв. приводит к выводу, что "пустоши Карачевские" располагались на водораздельном участке между правыми притоками р. Порозовицы, Заиловским озером и верховьями речек, образующих речную систему р. Ягрыш, т.е. на территории, составлявшей в XV в. крайнюю северо-восточную часть Сямской волости, вплотную прилегавшей к землям Карачевского станка, поименованным в платежной книге 1619—1631 гг. Три из перечисленных в грамоте 1471 г. пустошей (Вахнево, Ивашевская и Пантелеевская) идентифицируются с находившимися во владении Кириллова монастыря деревнями Вахневского ключа, упоминаемыми в вытной книге и в хлебном оброчнике 1559 г. (Вотчинные хозяйственные книги..., 1983. Т. I. С. 32—37; Т. II. С. 164—169), и с ныне существующими населенными пунктами, указанными на картах, в том числе на топографической карте 1 : 100 000 1970 г. (см. рис. 22). Здесь же, на компактном участке размером 8 × 4 км, локализуются еще 9 деревень Вахневского ключа, в том числе д. Оста-

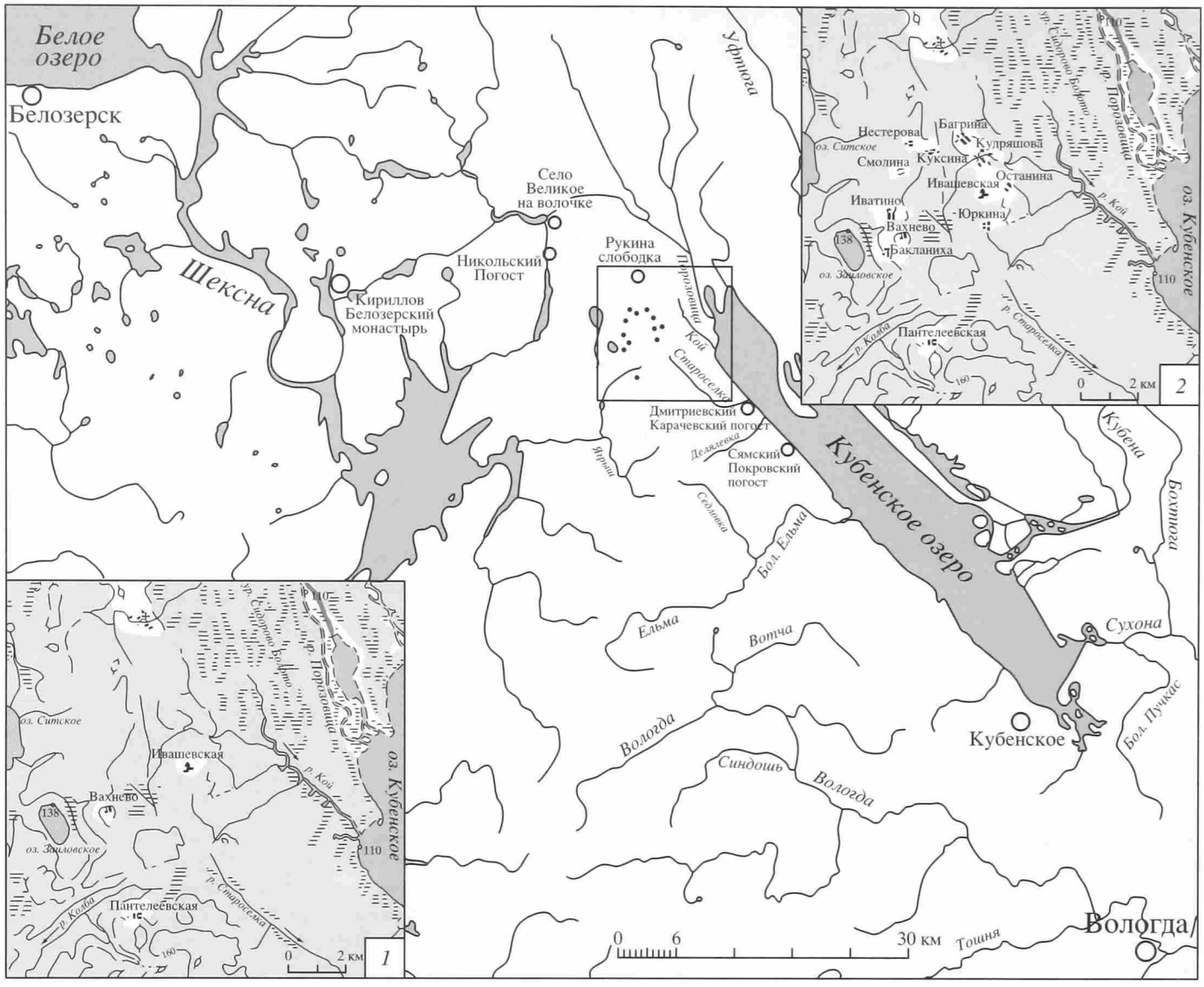


Рис. 22. Карачевские пустоши жалованной тарханной и несудимой грамоты князя Андрея Васильевича 1471 г.

1 — пустоши Карачевские жалованной грамоты князя Андрея Васильевича 1471 г.;
2 — деревни Вахневского ключа Кирилловского хлебного оброчника 1559 г.

нино (Вотчинные хозяйственные книги..., 1983. Т. I. С. 32—37; Т. II. С. 164— 169; Вытная книга села Рукина Слободка..., 1997. С. 238—241, 252—264), принадлежность которой к Карачевскому станку документирована источниками XVII в. Дополнительным аргументом в пользу предложенной локализации "пустошей Карачевских" является упоминание в грамотах 1472 и 1493 гг. в качестве межи сямских владений Кириллова монастыря речки Орловицы или Орловки в топографической связи с "Ермолоковской землей" и "Калинкинской межой" (АСЭИ, 1957. Т. 2. № 219, 293) — географическими объектами, получившими свои названия от двух карачевских пустошей, точное местоположение которых не установлено. Указанная на современных картах р. Орловица — правый приток р. Кой, истоки которого находятся недалеко от д. Останино. Очевидно, что "пустоши Карачевские" жалованной грамоты 1471 г., "сямские деревни" кирилловских поземельных документов XV в. и деревни Вахневского ключа вытных книг и хлебного оброчника 1559 г. представляют собой один и тот же массив мелких населенных пунктов, различающийся лишь в некоторых деталях.

Таким образом, топоним "Карачев" первоначально использовался для обозначения обширного массива земель, площадью не менее 100 кв. км, простиравшегося от северо-западного берега Кубенского озера и устья р. Дмитриевки — Карачевки до верховьев рек, образующих речную систему р. Ягрыш, Заиловского озера и р. Орловицы. Восточная часть Карачева в XV в. попала во владение Кириллова монастыря и составила единый территориальный комплекс с кирилловскими землями на Волоке Славенском, в Колкаче и Рукине Слободке, западная часть оставалась черносошной до передачи большинства деревень в поместья после окончания Смуты. Кара-

чев в XV – XVII вв. не был сколько-нибудь устойчивым территориально-административным образованием, что не должно удивлять, если иметь в виду общую нестабильность административного и особенно внутриволостного деления Вологодского уезда, отмеченную составителями каталога северных писцовых книг (Писцовые книги Русского Севера, 2001. С. 156). С другой стороны, выпадение Карачева из номенклатуры административных единиц Кубенского Поозерья может быть объяснено отмеченными выше особенностями местной исторической ситуации. Периодическое появление этого географического названия в поземельных документах, перемежающееся периодами длительного исчезновения, объяснимо лишь в случае реального бытования его в местной топонимической номенклатуре. Действительно, название "Карачев" и сегодня знакомо жителям северо-западной части Кубенского Поозерья и используется как собирательное имя для группы деревень, некогда входивших в состав Карачевского станка.

Карачев, безусловно, представляет собой достаточно древнее территориально-административное образование, сложившееся до передачи великим князем Василием Васильевичем части карачевских земель Кириллову монастырю, т.е. до середины XV в. Хотя древнейшие упоминаемые в источниках населенные пункты локализуются в западной части Карачева, центр этого территориально-административного образования находился на востоке, о чем свидетельствует местоположение погостов. Карачевские пустоши на водоразделе Заиловского озера, Ягрыша и Порозовицы – небольшие дочерние поселения, возникшие в результате расчистки глубинных лесных участков выходцами из восточных приозерных поселений. На колонизационные интересы "сямлян" в районе Кубенско-Шекснинского водораздела косвенным образом указывают некоторые поземельные документы, специально фиксирующие внимание на отсутствии их расчисток на сопредельном с карачевскими пустошами Колкаче (АСЭИ, 1958. Т. 2. № 289. С. 205).

Средневековые памятники и система расселения X–XIII вв.

Средневековые материалы, датируемые в хронологическом интервале между X и XIV вв. представлены в Кубенском Поозерье на 19 памятниках – 16 поселениях и трех могильниках (рис. 23 – 39). Все эти памятники приурочены к берегам рек, впадающих в Кубенское озеро или в р. Сухону. В трех случаях (Минино, Чирково, Ивановское) поселения образуют небольшие локальные группы. Тесную топографическую связь с поселениями обнаруживают два из трех кубенозерских могильников. Таким образом, всего в Кубенском Поозерье зафиксировано 13 одиночных объектов и локальных групп средневековых памятников: четыре – в приустьевых частях рек, впадающих в Кубенское озеро с запада и юго-запада (р. Порозовицы, Дмитриевки, Делялевки, Большой Ельмы и Княжицы), четыре – в среднем течении р. Уфтюги, на расстоянии 15 – 20 км от озера, один – в низовьях р. Кубены, два – в низовьях рек, впадающих в р. Сухону, в 3 – 12 км к востоку от Кубенского озера (рис. 23).

Выше уже отмечалось, что выявление средневековых памятников в Кубенском Поозерье сопряжено с большими трудностями из-за сильной разрушенности культурного слоя и присутствия на площадках многих поселений обильных позднесредневековых материалов. Первое средневековое поселение – селище в с. Архангельское на р. Бохтюге (рис. 35 – 36) было открыто автором в 1985 г., однако разведки последующих лет, проводившиеся различными отрядами, далеко не всегда были продуктивны. Некоторые объекты, например средневековые селища в с. Чирково (рис. 14; 32 – 34, 38 – 40), долгое время оставались незамеченными и были обнаружены лишь после тщательных повторных обследований соответствующих участков. Учитывая, что береговые террасы наиболее крупных рек и самого Кубенского озера неоднократно подвергались обследованию на всем своем протяжении, можно полагать, что выявленные селища составляют не менее 50% от всего массива домонгольских поселений в Кубенском Поозерье.

Принципы географического размещения и топографические характеристики кубенозерских селищ во многом соответствуют общим средневековым моделям, основные черты которых обнаруживают значительное сходство во многих районах Севера Европейской России (*Макаров, Захаров, Бужилова*, 2001. С. 19 – 69, 217 – 226). Все поселения приурочены к котловине Кубенского озера и долинам наиболее крупных рек, впадающих в озеро или берущих из него исток. Значительная часть селищ (за двумя исключениями) располагается вблизи речных устьев. Большинство из них находится на низких террасах с удобным доступом к воде. Как и большинство селищ X – XIII вв. на севере восточноевропейской равнины, кубенозерские поселения располагаются преимущественно на плоских или слабонаклонных участках террас (рис. 14, 24, 28, 30). Площадки, на которых располагаются поселения, сложены из озерных песков, подстилаемых суглинками и глинами озерного или ледникового происхождения, что обеспечивало благоприятные водно-физические свойства почв.

Площадки двенадцати из шестнадцати кубенозерских селищ вплотную примыкают к воде или

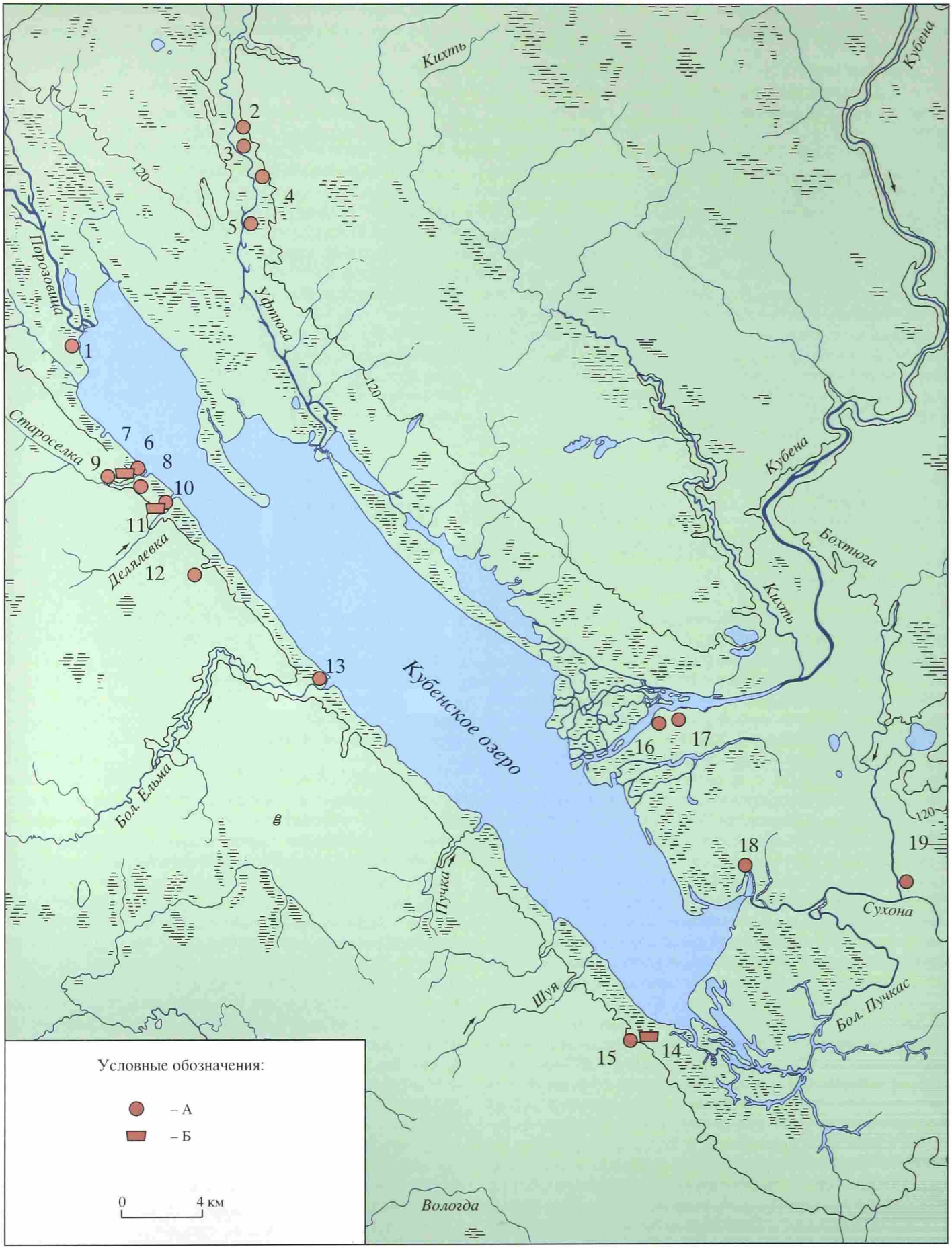

Кихть
Кубена
Порозовица
Уфтюга
Староселка
Делялевка
Бол. Ельма
Кубенское озеро
Кубена
Бохтюга
Кихть
Пучка
Шуя
Сухона
Бол. Пучкас
Вологда
120
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
Условные обозначения:
– А
– Б
0
4 км

Рис. 24. Поселение Коробово VI. Общий вид с юга

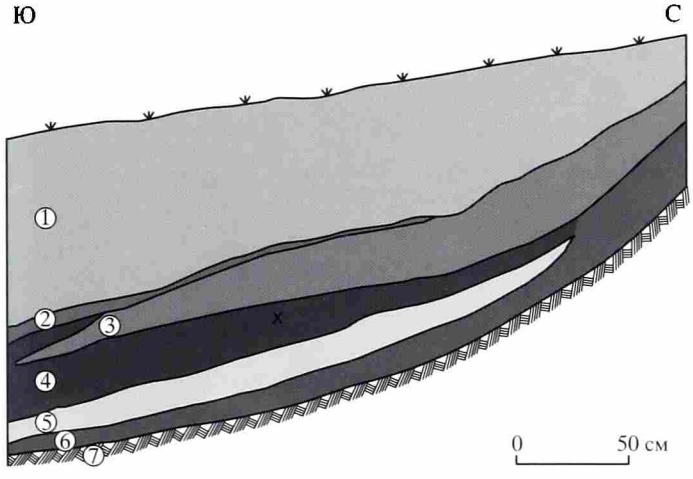


Рис. 25. Поселение Коробово VI. Профиль зачистки культурного слоя

1 — светло-серый крупнозернистый намывной песок (озерные отложения); *2* — темно-серая гумусированная супесь; *3* — темно-серая слабогумусированная супесь (озерные отложения); *4* — темно-серая интенсивно гумусированная супесь с дресвой и очажными камнями; *5* — серый песок (озерные отложения); *6* — темно-серая интенсивно гумусированная супесь; *7* — материк — плотная серая глина с гравием. X — бусина стеклянная желтая лимоновидная

низкой пойме. Их высота над современным уровнем воды в ближайших водоемах составляет от 2 до 6 м. Учитывая, что уровень воды в Кубенском озере был поднят при сооружении Северодвинской водной системы, можно полагать, что первоначальная высота была больше современной на 0,5—1 м. По некоторым особенностям топографического положения кубенозерские селища могут быть разделены на две группы. Первая группа, к которой отнесено 10 поселений (Минино VI, Минино VII, Коробово VI, Чирково II, Владышнево I, Ивановское I, Прилуки II, Куркинская, Архангельское), включает селища на плоских и невысоких террасах со слаборасчлененным рельефом, площадки которых имеют четкие естественные границы лишь с одной или двух сторон (край террасы и прорезающее ее русло реки или ручья) (рис. 24, 30, 35, 36). В состав второй группы включены поселения на таких же невысоких площадках с более пересеченным рельефом (выступы коренных террас и участки террас, прорезанные руслами речек), определяющим конфигурацию и границы площадки поселения. Таких памятников всего четыре (Минино I, Чирково I, Лука VI, Ивановское II) (рис. 14, 28, 174). Участки, на которых находятся поселения, как правило, использовались для хозяйственных целей и поселения в новое и новейшее время. Пять поселений находятся на территории современных деревень, семь — на участках,

Рис. 23. Археологические памятники X—XIV вв. в Кубенском Поозерье

А — поселение; Б — могильник. *1* — Погост Антония (Пески); *2* — Ивановское I (Троицкая Гора); *3* — Ивановское II; *4* — Бережное (Куркинская); *5* — Прилуки II; *6* — Минино I; *7* — Минино II; *8* — Минино VI; *9* — Минино VII; *10* — Владышнево I; *11* — Владышнево II; *12* — Горка Покровская; *13* — Коробово VI; *14* — Кубенское, могильник; *15* — Кубенское, селище; *16* — Чирково I; *17* — Чирково II; *18* — Лука VI; *19* — Архангельское на Бохтюге. Нумерация памятников соответствует нумерации в каталоге (Прил. 1)

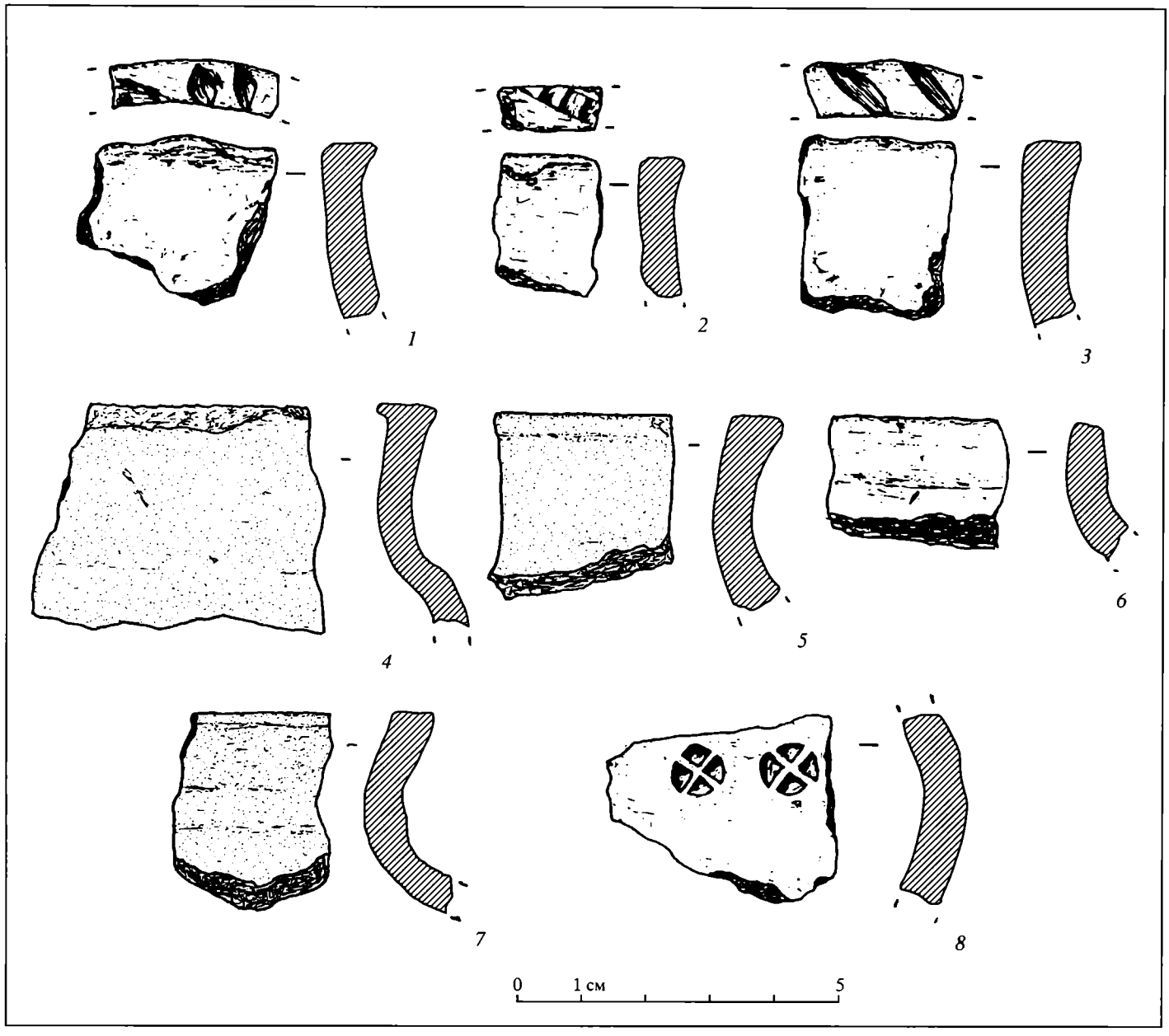


Рис. 26. Поселение Коробово VI. Средневековая керамика из сборов на площадке
1—3, 8 — лепная керамика; *4—7* — круговая керамика

занятых современными полями и сенокосами или недавно выведенных из сельскохозяйственного оборота. Следует отметить, что многие из этих участков осваивались с глубокой древности. На площадках семи поселений собраны керамика неолита, энеолита, бронзового и раннего железного века и кремневые орудия.

Культурный слой кубенозерских селищ представляет собой темно-серую или темно-коричневую супесь с пережженными печными камнями и фрагментами керамики мощностью от 30 до 90 см. В Кубенском Поозерье, как во многих других областях Севера Европейской России, практически на всех селищах культурный слой в большей или меньшей степени нарушен распашкой. На четырех селищах (Чирково I, Чирково II, Лука VI, Погост Антония) культурный слой, по-видимому, почти полностью смыт паводками, вся средневековая керамика и находки на этих памятниках собраны на береговых отмелях. На площадках большинства поселений средневековая керамика сильно измельчена распашкой и залегает вместе с культурными остатками нового и новейшего времени. На ряде памятников (Минино VI, Коробово VI, Ивановское I) зафиксировано увеличение мощности культурного слоя в приречной части террасы, что связано с накоплением здесь слоя напаши, сползавшей к краю террасы в результате многолетней распашки. Стратифицированные культурные напластования зафиксированы лишь на четырех селищах (Коробово VI, Минино VI, Минино I, Владышнево I), при этом лишь два последних памятника выделяются хорошим состоянием средневековых отложений. На этих двух поселениях

только верхняя часть культурного слоя задета конной распашкой.

На селище Коробово VI (рис. 24) в обрыве береговой террасы р. Ельмы, прорезанной строительным котлованом, зафиксированы культурные отложения значительной мощности (до 140 см у края террасы). Прослойки темного гумусированного культурного слоя с пережженными печными камнями здесь перемежались с озерными отложениями — тремя прослойками намывного крупнозернистого песка. Толщина тех и других заметно увеличивается у края террасы (рис. 25). Стратиграфия зачистки показывает, что в момент первоначального заселения береговая терраса р. Ельмы имела покатый склон к югу, при этом участок, выбранный для первоначального освоения, возвышался над уровнем воды лишь на 1 — 1,5 м.

Оценка размеров кубенозерских поселений в ряде случаев сильно затруднена из-за нарушенности культурных напластований и самих площадок, делающей невозможным точное определение их первоначальных границ. Тем не менее можно с полной уверенностью считать, что поселения могли сильно различаться по своим размерам, их площади варьируют от 500 до 15 000 кв. м. При этом четко выделяются группа селищ очень скромных размеров (500 — 3000 кв. м — Ивановское I, Минино VII, Владышнево I) и группа больших по северным меркам поселений с площадью от 1 до 1,5 га (Чирково I, Коробово VI, Минино I, Минино VI). Учитывая разрушенность многих памятников, было бы некорректно делать какие-либо расчеты числа дворов или определять планировку по конфигурации пятна культурного слоя.

Прежде чем переходить к рассмотрению вещевых материалов, собранных на селищах, необходимо изложить некоторые общие сведения о погребальных памятниках. На Кубенском озере выявлено три грунтовых могильника, один из которых, Владышнево II, содержал погребения по обряду кремации, один (Минино II) — погребения по обряду кремации и ингумации, и еще один — погребения по обряду ингумации (Кубенское). Два первых памят-

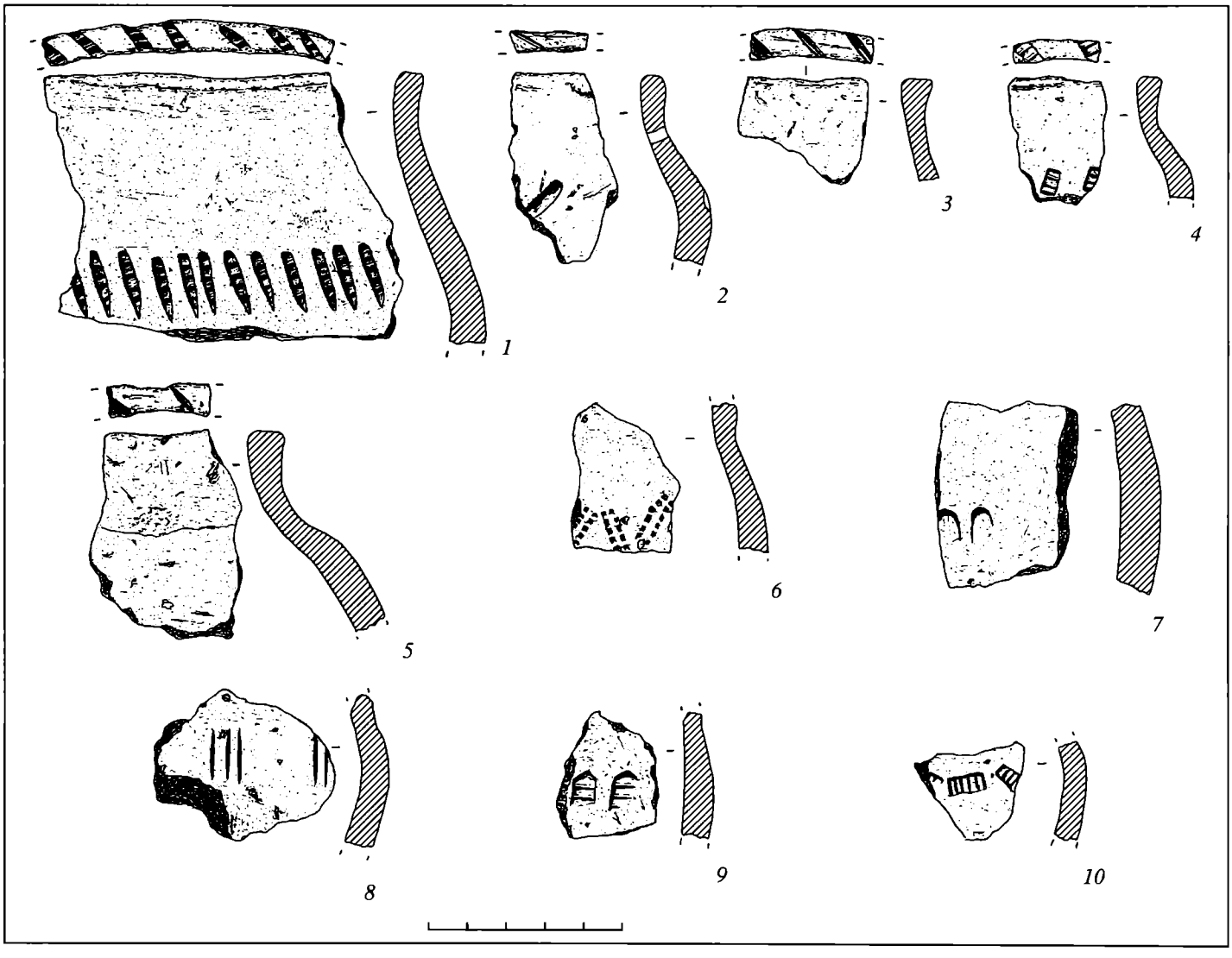


Рис. 27. Поселение Коробово VI. Средневековая лепная керамика из сборов в строительном котловане

1, 2, 4, 5, 8—10 — зачистка стенки котлована; *3, 6, 7* — выброс из котлована

Рис. 28. Поселение Ивановское II. Общий вид с юга

ника исследованы сравнительно широкими раскопками, третий был обнаружен при строительных работах, после которых удалось доследовать два погребения. Возможно, находка оплавленной бронзовой цепочки в шурфе на территории села Кубенского (см. рис. 173) связана с еще одним могильником с кремациями, разрушенным современным поселением. Анализу материалов из могильников Владышнево II и Минино II посвящен специальный раздел работы. Предваряя этот анализ, следует отметить, что все могильники находятся на возвышениях коренных террас рек, впадающих в Кубенское озеро, и не имеют каких-либо внешних признаков. Владышнево II и Минино II находятся в тесном соседстве со средневековыми поселениями, расстояние между памятниками в обоих случаях составляет около 100 м. Могильник Кубенское находится на окраине села, ниже по течению р. Княжицы, примерно в 400 м от исторического центра, где зафиксированы остатки средневекового поселения. Возможно, вблизи него находилось отдельное поселение, следы которого уничтожены современной застройкой. Могильник Минино II — крупный некрополь, функционировавший в течение по меньшей мере двух с половиной столетий, со второй половины X в. до начала XIII в. Вещевой материал из могильника Владышнево II датируется второй половиной X — рубежом X—XI вв., скромные размеры памятника соответствуют размерам поселения, существовавшего непродолжительное время. Зооморфные подвески и подковообразная фибула из могильника Кубенское должны быть отнесены к XII — первой половине XIII в.

Средневековая лепная керамика найдена на восьми селищах. Три из них, исследованные раскопками, дали значительные коллекции лепной керамики, залегающей в культурных напластованиях, насыщенных металлическими украшениями и стеклянными бусами, и потому хорошо датируемые. В коллекциях преобладает грубая и слегка заглаженная керамика с примесью дресвы в тесте, часто украшенная штампованным орнаментом. Форма и орнаментация сосудов во многом сходны с керамикой Белозерья и бассейна Шексны. Типология керамики из раскопок Мининских селищ будет дана ниже в специальном разделе. Коротко остановимся на материалах, собранных на поселениях, не подвергавшихся раскопкам. На двух из них (Минино VII, Прилуки II) лепная керамика представлена фрагментами стенок, не поддающимися типологическому определению. В небольшой коллекции с поселения Ивановское II представлено около полутора десятков фрагментов лепной керамики, в том числе венчик слабопрофилированного сосуда баночного типа (рис. 29, *3*). На поселениях Чирково I и Коробово VI найдено соответственно 50 и 225 фрагментов лепных сосудов (рис. 32, *1—4, 8*; 33, *4, 5*; 26, *1—3, 8*; 27). В коллекциях с обоих памятников представлены фрагменты профилированных горошкообразных сосудов с прямо поставленным или слабо отогнутым наружу венчиком, с прямо срезанным краем (соответственно 5 и 15, рис. 27, *1, 2, 5*; 32, *8*). В коллекции из Чирково I наиболее интересен развал горшка типа I с максимальным расширением в верхней трети, орнаментированного двухъярусным пояском из оттисков гребенчатого штампа (рис. 32, *8*). Фрагменты сосудов из Коробово VI украшены оттисками гребенчатого, рамочного и фигурного штампа, насечками, глубокими вдавлениями и оттисками веревочки (рис. 26, *1—3, 8*; 27). Орнаментировано свыше 80% фрагментов верхних частей сосудов. Орнаментальные композиции представляют собой одноярусные пояски, одноярусные зигзагообразные линии и пояски из сгруппированных штампов. Существенно, что в зачистке края берега здесь зафиксирован слой с большим количеством лепной керамики, не содержащий фрагментов круговых сосудов.

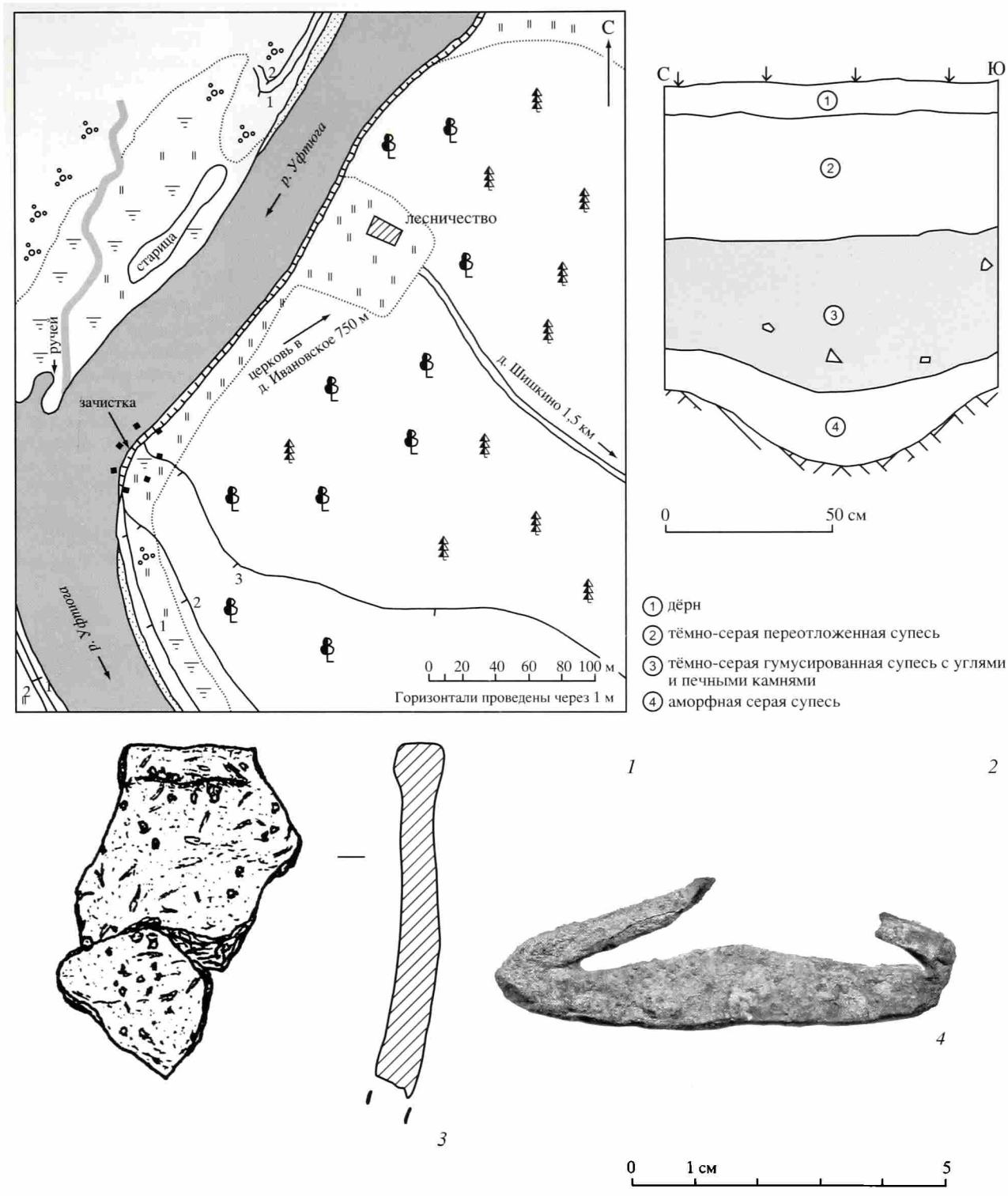


Рис. 29. Поселение Ивановское II

1 — план поселения; *2* — профиль зачистки культурного слоя; *3, 4* — материалы из сборов (фрагмент средневекового лепного сосуда и железное кресало)

Древнерусская круговая керамика с отогнутым наружу венчиком и линейным и волнистым орнаментом найдена на девяти селищах (Минино I, Минино II, Минино VII, Коробово VI (рис. 26, *4—7*); Кубенское, Чирково I (рис. 32, *9—19*; 33, *2*; 34, *1—16, 19, 20, 22—24*), Чирково II, Лука VI (рис. 37, *1—3*), Архангельское на Бохтюге (рис. 35, Б, *1, 2, 8—11*). Для идентификации местных вариантов средневековой круговой посуды основополагающее значение имеют материалы поселений Минино I и Минино II, где подобная керамика найдена в стратифицированных отложениях и закрытых комплексах с датирующими вещами XII — начала XIII в. На пяти селищах, не затронутых раскопками, собраны фрагменты венчиков сосудов характерных домонгольских типов: с s-видным профилем и скругленным, прямо

Рис. 30. Поселение Прилуки II. Общий вид площадки с севера

Рис. 31. Средневековые поселения в бассейне Кубенского озера. Вещевой материал из сборов на разрушенных участках

1 — Прилуки II; *2* — Коробово VI (зеркальное негативное изображение); *3* — Пески (Погост Антония). *1, 3* — цветной металл; *2* — камень

срезанным или секировидным краем (Чирково I (7 — рис. 32, *11, 15, 17, 18*; 34, *2, 4, 6, 24*), Архангельское на Бохтюге (4 — рис. 35, Б, *1, 2*), с утолщенным венчиком, оформленным с заворотом внутрь чернового края (Лука VI (2 — рис. 37, *1*), Архангельское на Бохтюге (1)), с цилиндрическим горлом и прямым венчиком (Чирково I (1 — рис. 32, *10*), Коробово VI (2 — рис. 26, *4, 5*), Архангельское на Бохтюге (3)), с раструбообразным горлом и оттянутым наружу венчиком (Чирково I (1 — рис. 32, *9*), Архангельское на Бохтюге (2)), с короткой шейкой и коротким отогнутым наружу венчиком с прямо срезанным краем (Чирково I (3 — рис. 34, *3, 5*), Коробово VI (1 — рис. 26, *7*)), с косо срезанным внутрь краем венчика и валиком на внутреннем крае (Чирково I (2), Лука VI (2), Архангельское на Бохтюге (2)). Все эти формы представлены в керамических комплексах XII — начала XIII в. на памятниках Мининской локальной группы.

Среди круговой керамики выделяется также серия сосудов, отличающихся от описанных выше менее резкой профилировкой, с короткими отогнутыми наружу венчиками со скругленным или косо срезанным краем (Кубенское (1), Чирково I (10 — рис. 34, *18, 28*), Лука VI (3 — рис. 37, *5—7*)), Архангельское на Бохтюге (1 — рис. 35, Б, *4—7*), Горка Покровская (2)), с s-видными венчиками с наплывом на внутреннем крае (Кубенское (1), Чирково II (1), Лука VI (1 — рис. 37, *9*), Архангельское на Бохтюге (1)) или с вертикальными или раструбообразными венчиками, орнаментированными косой волной (Чирково I (1 — рис. 33, *1*), Лука VI (1 — рис. 37, *4*)). В датированных комплексах XII — начала XIII в. на памятниках Мининской локальной группы и на поселениях сопредельных западных районов — Белоозера и бассейна Шексны — подобная керамика не встречена. Отсутствие закрытых керамических комплексов второй половины XIII—XIV вв. на памятниках Белозерско-Кубенозерского региона не позволяет предложить точную хронологическую

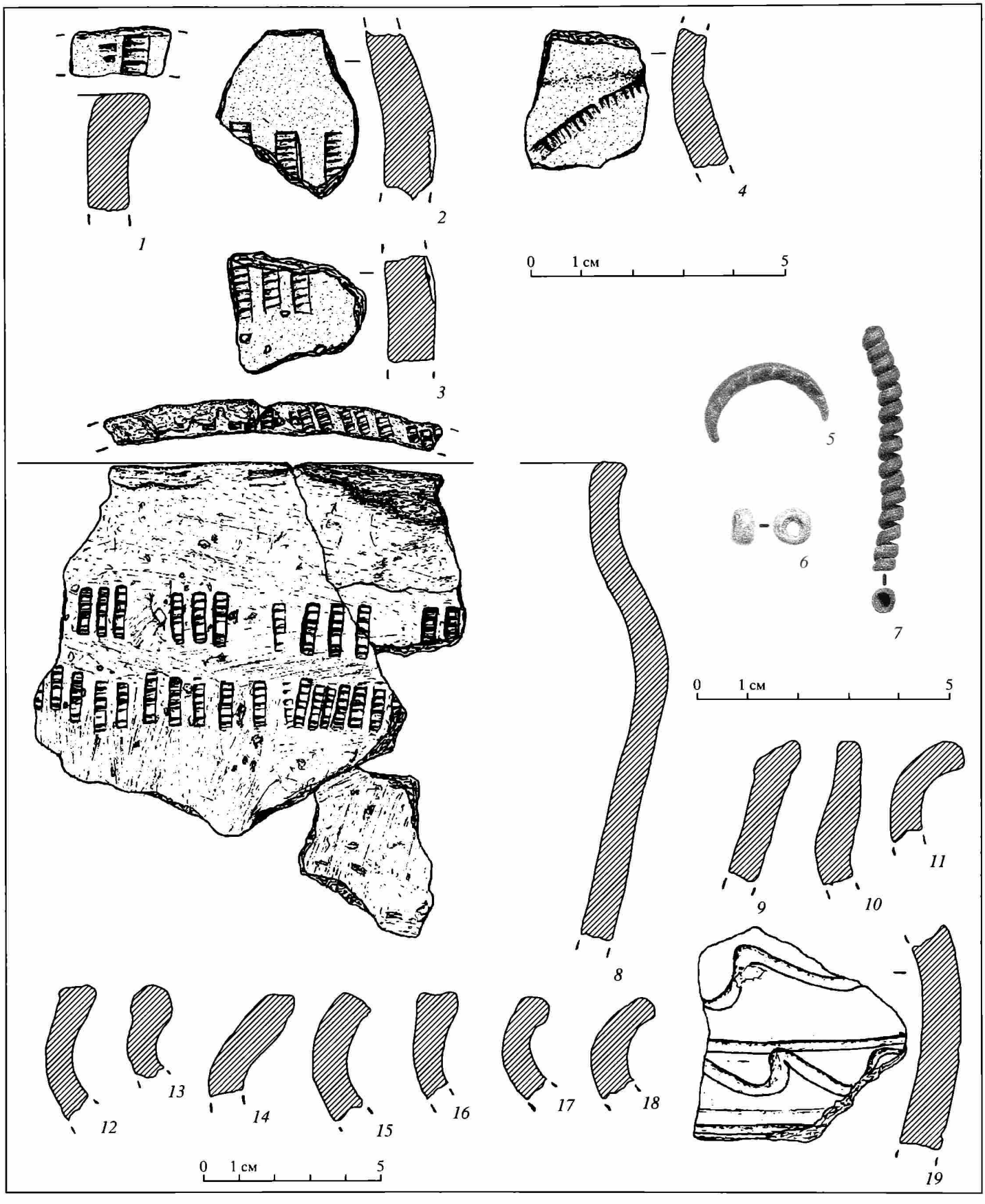


Рис. 32. Поселение Чирково I. Керамика и вещевой материал X – первой половины XIII в. Сборы на участках 1 и 2

1–4, 8 – лепная керамика; *9–19* – круговая керамика; *5, 7* – цветной металл; *6* – стекло.

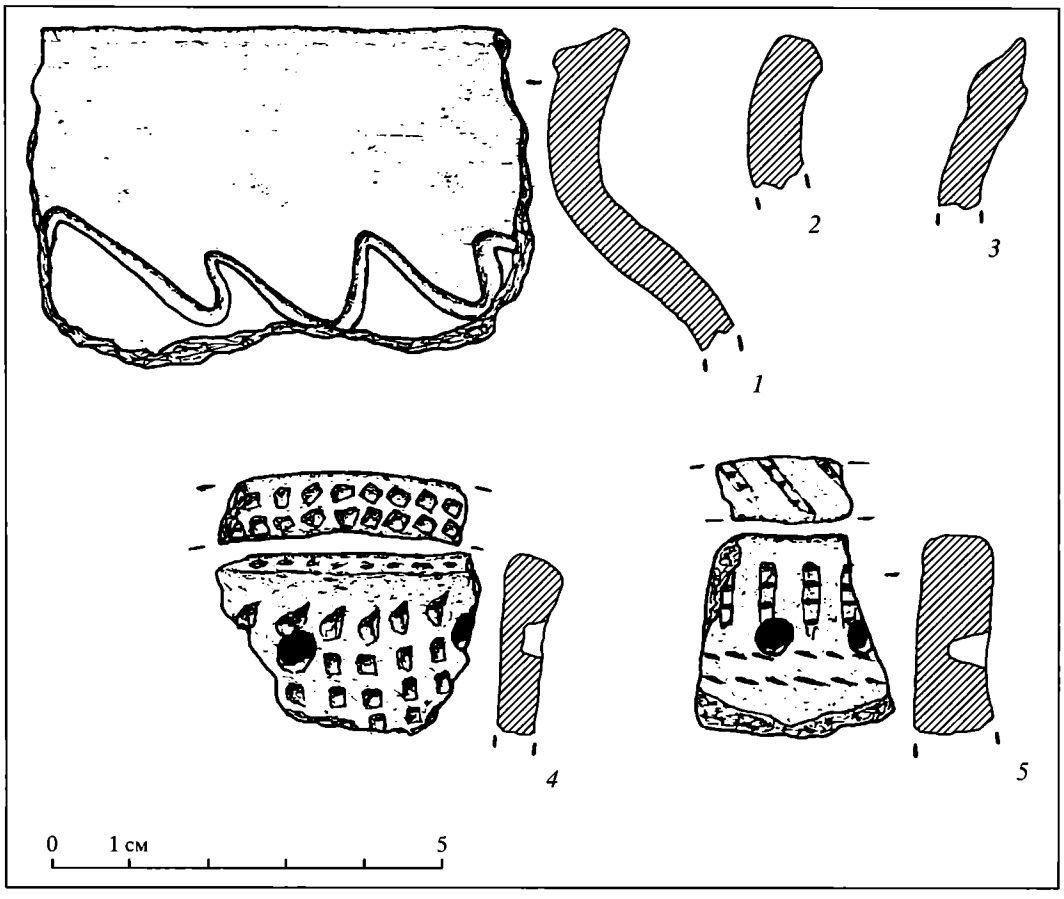


Рис. 33. Поселение Чирково I. Лепная и круговая керамика. Сборы на участке 1

1–3 – круговая керамика, XIII–XV вв.; *4, 5* – лепная керамика, раннее Средневековье (?)

атрибуцию этой группы керамики, однако, исходя из общих представлений об эволюции керамических форм, она может быть с большой долей вероятности отнесена к указанному периоду.

Наряду с керамикой в составе подъемного материала и в шурфах на селищах найдены украшения, бытовые вещи и орудия труда, в том числе предметы, существенные для определения хронологии памятников. На большинстве селищ серии подобных находок невелики. Так, на поселении Ивановское II на р. Уфтюге в размывах берега обнаружены клин от топора, лезвие топора и железное калачевидное кресало с язычком, ограничивающее верхнюю дату памятника серединой XII в. На поселении Прилуки II найдена круглая подвеска-образок с изображением Спасителя, инкрустированным железом по бронзе (рис. 31, *1*). Образки этого типа на древнерусских памятниках немногочисленны. Они найдены в могильнике Нефедьево на Волоке Славенском, в Новгороде, в Среднем Поднепровье и в курганах на северо-западе Новгородской земли и в Суздальской земле (*Макаров*, 1997. С. 154, табл. 139, *11, 12*; 141, *11*). Очевидно, подобные иконки получили распространение в XII – первой половине XIII в., но специальные попытки уточнить их хронологию не предпринимались. В могильнике Нефедьево иконки сопровождали два погребения, одно из которых датируется первой половиной – серединой XII в., а второе – XII – первой половиной XIII в. (*Макаров*, 1997. С. 128). Погребальный комплекс в Которске, содержавший аналогичную иконку, С.Л. Кузьмин датировал третьей четвертью XI в. (*Кузьмин*, 1991. С. 161, рис. 3, *7*), однако эта дата плохо согласуется с датировкой остальных находок. На поселении Кубенское найдена синяя двойная навитая бусина из прозрачного стекла, характерная для комплексов X–XI вв., и фрагмент оплавленной бронзовой цепочки (см. рис. 173, *7, 8*). Из сборов на селище Архангельское на Бохтюге происходит железный нож с широким плоским лезвием.

На поселении Пески (Погост Антония) найдена створка энколпиона с изображением Распятия и предстоящих в боковых медальонах и Архангела в нижнем медальоне (рис. 31, *3*) типа VII.4.1 по классификации А.А. Песковой. Подобные энколпионы появились на Руси в XIII в. и оставались в употреблении в XIV–XV вв. (*Корзухина, Пескова*, 2003. С. 218–220), отдельные находки представлены в комплексах конца XVI – начала XVII в. (*Чернов*, 2000. С. 66–80, рис. 4, *25, 26*). Отсутствие четких хронологических признаков, позволяющих разделить ранние и поздние экземпляры, не позволяет предложить узкую дату для створки энколпиона из Песков, однако в целом он близок находкам XIII–XIV вв., изданным А.А. Песковой (*Корзухина, Пескова*, 2003. Табл. 146–147).

Среди вещей, собранных на селище Коробово VI, – несколько неопределимых железных предметов, железная скоба, глиняный шарик, желтая одночастная бусина-лимонка, фрагмент роговой рукояти (?) с циркульным орнаментом и каменная прикладная печать с изображением зверя и круговой надписью (рис. 31, *2*). Печать изготовлена из серого камня. Щиток имеет овальную форму, раз-

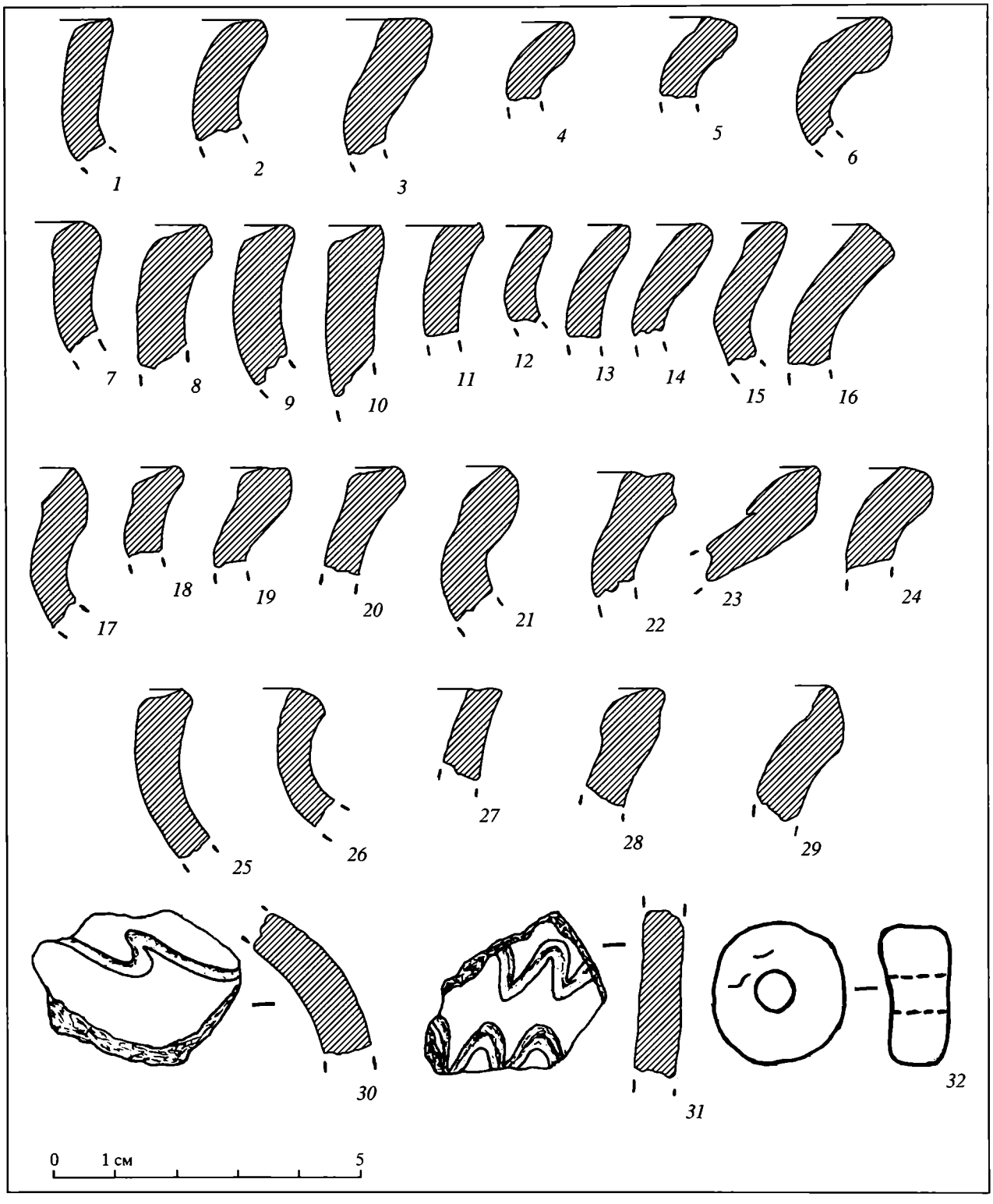


Рис. 34. Поселения Чирково I и Чирково II. Материалы из сборов

1–31 — круговая керамика XII–XV вв.; *32* — керамическое грузило. *1–30* — Чирково I, участки 2 и 3; *31, 32* — Чирково II

меры его 21 × 17 мм, толщина — 3,5 мм. В центре щитка глубоко врезанное профильное изображение повернутого вправо зверя с когтистыми лапами, торчащими ушами и загнутым за спину хвостом. Возможно, на щитке изображен единорог — морда зверя завершается узким выступом. Вокруг изображения надпись: печат протасьіева. Очевидно, печать носилась в оправе, однако никаких следов ее не сохранилось.

По мнению А.А. Медынцевой, палеографические признаки надписи находят соответствие в эпиграфических памятниках XIII–XIV вв. Начертание буквы "Р" с крупной квадратной головкой характерно для XIV в., начертание буквы "В" — для конца

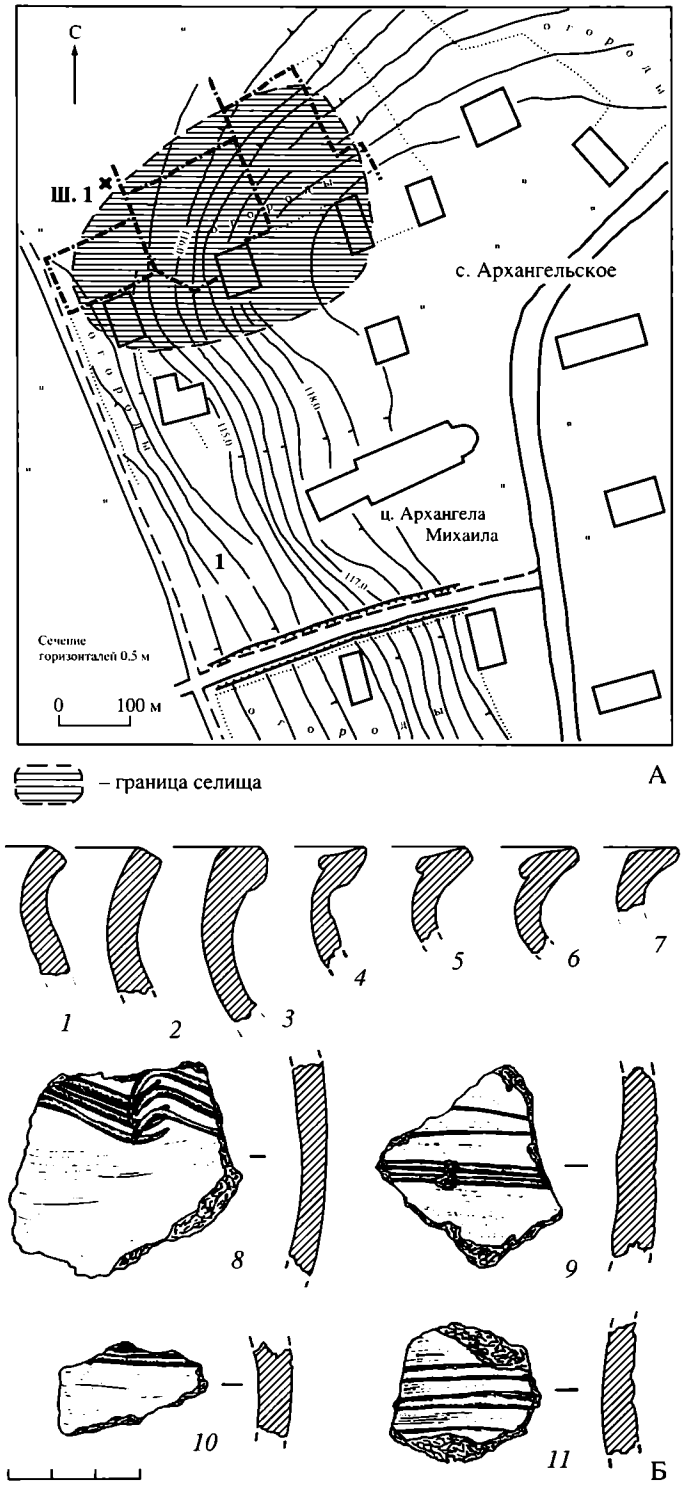


Рис. 35. Селище Архангельское на Бохтюге

А – план поселения; Б – средневековая круговая керамика из сборов на распаханных участках

XIII – XIV вв. Архаичное начертание имеет буква "Ч" в виде бокальчика, но в данном случае оно может быть интерпретировано как особенность "манерного" почерка второй половины XIV в. Однако в целом мелкое "обратное" письмо надписи невыразительно в палеографическом отношении и не может служить надежной основой для датирования.

Известно, что восково-мастичные печати, для оттискивания которых предназначались печати-матрицы, получили широкое распространение на Руси с 80-х годов XIV в. (*Соболева*, 1991. С. 125). Восковые печати с изображением животного, птицы, фигуры человека или многофигурной композиции и круговой надписью обычны для русской сфрагистики конца XIV – начала XVI в. Хорошо известны на этих печатях и профильные изображения животного, в том числе с поднятым изогнутым хвостом. В каталог Н.А. Соболевой включено восемь восковых печатей с подобным изображением и круговой надписью (*Соболева*, 1991. С. 175, 177, 178, 183, 184, 193, 194. № 108, 112, 115, 137, 142, 182, 184), скреплявших документы 1440 – 1490-х годов. По своему оформлению эти восковые оттиски близки печати-матрице с Кубенского озера, хотя надписи на них обычно несут не только имя, но и отчество владельца. Три из этих печатей скрепляют документы из архива Кирилло-Белозерского монастыря – данную, меновую и отводную грамоты на земельные владения на Белоозере. Две печати из этой серии принадлежат должностным лицам – разъездчику и судье великого князя, шесть остальных – частным лицам, участвовавшим в земельных сделках. Исходя из современных представлений о бытовании печатей с круговой надписью и эмблематическим изображением, находка с Кубенского озера может быть датирована концом XIV – XV вв.

Коллекция вещей, собранная на поселении Чирково I, где, согласно житию Иоасафа Каменского, в начале XV в. находился двор заозерских князей (*Прохоров*, 2005. С. 56), насчитывает около 120 предметов из цветного металла, железа, стекла, камня и глины от Средневековья до Новейшего времени (рис. 38 – 40). Часть предметов не поддается точной хронологической атрибуции. Наиболее раннюю хронологическую группу средневековых вещей на селище составляют стеклянная прозрачная навитая желтая бусина (рис. 32, *6*), бронзовая спиральная пластинчатая пронизка (рис. 32, *7*), бронзовый ложновитой перстень (рис. 32, *5*), бронзовое восьмеркообразное звено цепочки с перпендикулярным положением петель и рельефным орнаментом, бронзовая заклепка от котла. Все эти вещи широко представлены на белозерских поселениях и могильниках XI – первой половины XIII в. При этом навитые желтые бусы и спиральные пластинчатые пронизки более характерны для комплексов XII – первой половины XIII в., а восьмеркообразные звенья цепочек с рельефным орнаментом впервые появляются на рубеже XI – XII вв. Ложновитые перстни появились на Белозерье в конце XI в. и продолжали использоваться до начала XIV в., но период их широкого распространения приходится на XII – начало XIII в. (*Сумина*, 1999. С. 177).

В коллекции из Чирково I представлены также вещи, вошедшие в обиход во второй половине XII в. и остававшиеся в употреблении до начала XV в. (два железных ключа типа В – рис. 39, *7*), и предметы, период бытования которых определяется в широких хронологических рамках X – XVI, XI – XV или XII – XV вв. (свинцовый конический грузик (рис. 40, *22*), ножи с широким плоским лезвием (рис. 39, *9*),

Рис. 36. Селище Архангельское на Бохтюге. Общий вид

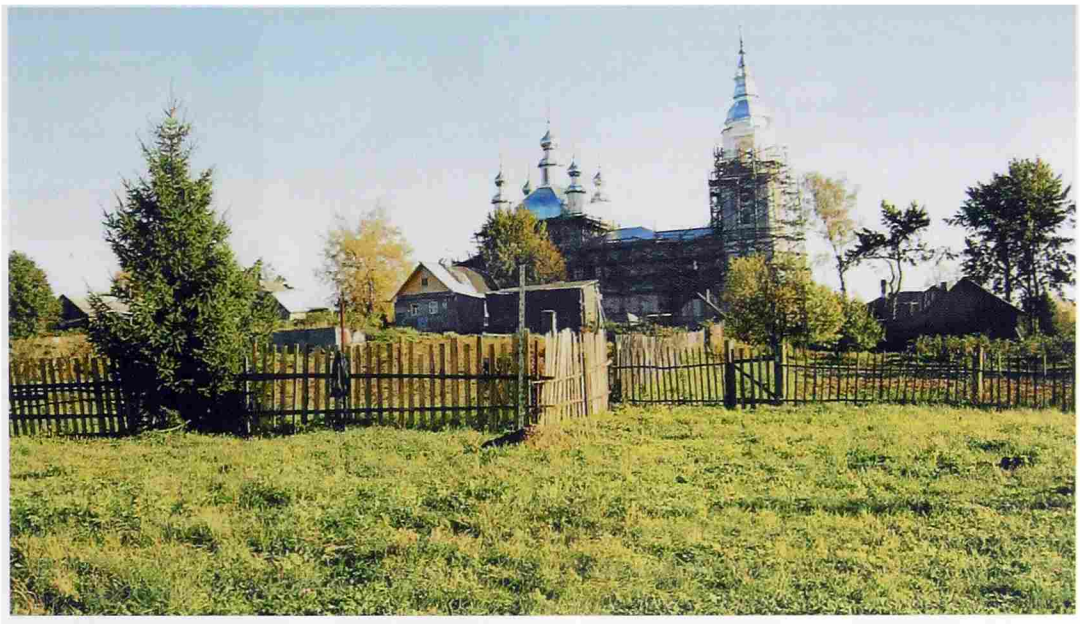


Рис. 37. Селище Лука VI. Круговая керамика эпохи Средневековья и Нового времени из сборов на размытых участках поселения

цилиндрические замки неопределимых типов (рис. 39, *3*), железный ледоходный шип (рис. 40, *18*), бронебойный наконечник стрелы с пером пирамидальной формы типа 85 по А.Ф. Медведеву (рис. 39, *11*) (*Медведев*, 1966. С. 84, табл. 28, *22*), железный ювелирный молоточек (рис. 39, *10*)).

Наиболее выразительную группу вещей, собранных на селище Чирково, составляют предметы XIV–XV вв. Среди них каменный крест с прямоугольными концами прямоугольного сечения и рельефным изображением херувима (рис. 38, *3*). Близкие кресты с изображением херувимов проис-

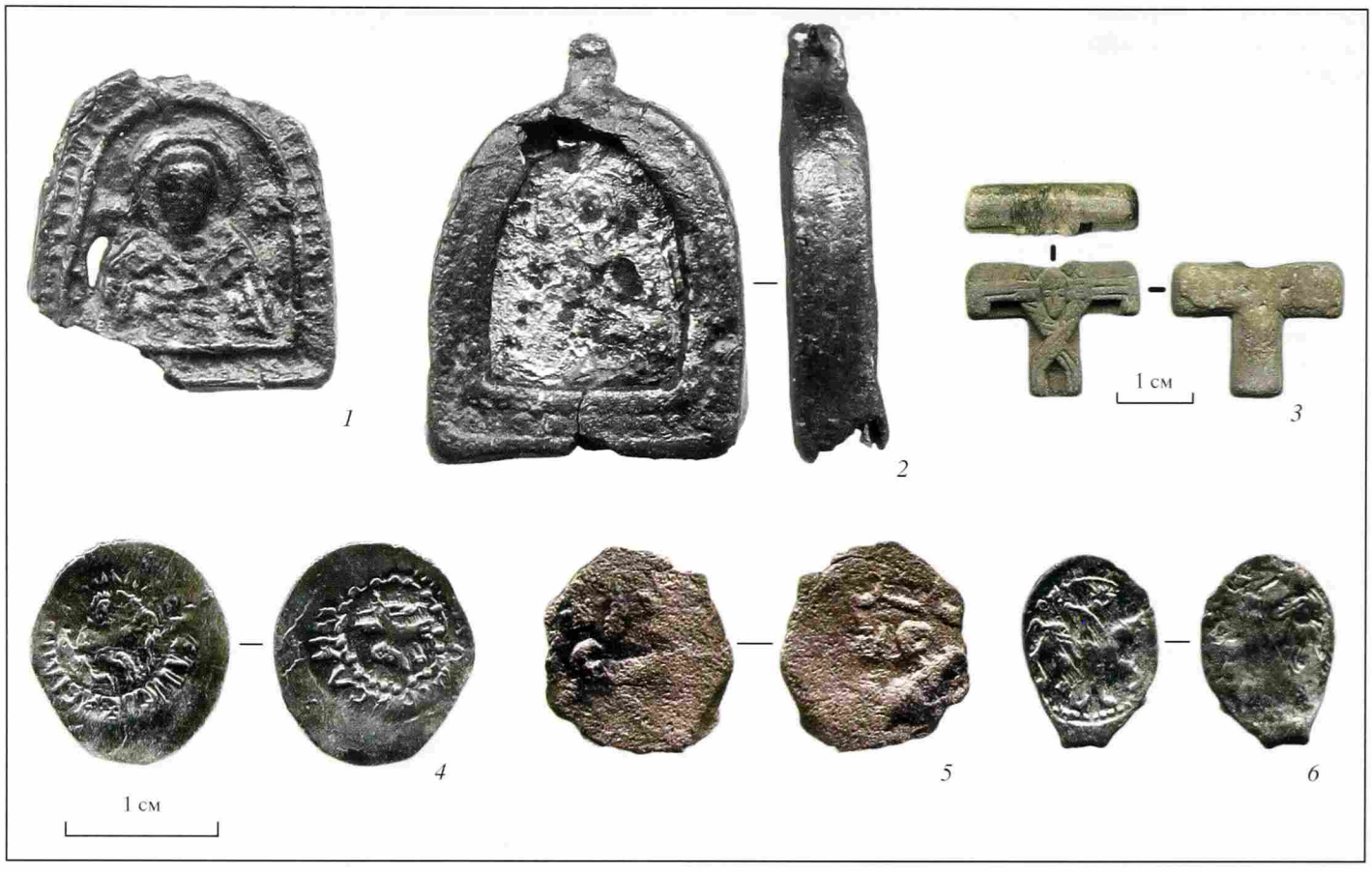


Рис. 38. Поселение Чирково I. Вещевой материал из сборов

1, 2 — образки из свинцово-оловянистого сплава; *3* — каменный крест; *4* — серебряная денга великого князя Василия II 1440—1462 гг.; *5* — неизвестная русская медная монета первой половины XV в.; *6* — серебряная московская денга "дозор" великого князя Ивана III 1462—1485 гг.

ходят из Ростова Великого (*Николаева*, 1983. С. 127—128, табл. 54, *8*) и Орлецкого городка (*Ясински, Овсянников*, 1998. С. 89, рис. 75). На поселении Никола Мокрый на р. Сухоне найден каменный крест с незаконченным изображением херувима (*Никитинский*, А-1982. Рис. 31). Т.В. Николаева датировала крест с изображением херувима из Ростова XIII—XIV вв., крест с Орлецкого городка, исходя из общей хронологии памятника, должен быть датирован второй половиной XIV в. В коллекции представлены пластинчатые кресты из бронзы и свинцово-оловянистого сплава: один с расширяющимися концами, орнаментированными плетенкой (рис. 39, *4*) и три с прямыми концами и килевидным завершением нижней лопасти, несущие изображение креста и креста на Голгофе (рис. 39, *5, 6*; 40, *1*). Кресты с расширяющимися концами, орнаментированные плетенкой, известны по находкам в Новгороде (*Седова*, 1981. С. 55, рис. 16, *21*), в Суздале (*Седова*, 1997. С. 203, рис. 72, *9*), на поселениях Подмосковья (*Беленькая*, 1993. С. 15), Заонежья (*Кочкуркина, Спиридонов*, 1988), Вымского бассейна (Археология Республики Коми, 1997. С. 677, рис. 6, *38*) и в Латвии (*Мугуревич*, 1974. С. 237, рис. 2, *35*). Все датированные находки происходят из слоев конца XIV—XV вв. Хронология нательных крестов с килевидным завершением нижней лопасти не разработана, отдельные экземпляры датируются XIV—XVI вв. (*Гнутова, Зотова*, 2000. С. 22, 2в, 2г) или второй половиной XVI—XVII вв. (*Беляев*, 1994. С. 118, табл. 107, 108). Из слоев начала XV в. на Нутном раскопе в Новгороде происходит деревянный крест с килевидным оформлением нижней лопасти (*Гайдуков*, 1992. С. 133, рис. 42, *6*). Отсутствие подобных крестов в слоях XIV в. в Новгороде делает сомнительным предположение о появлении их в это время.

Среди предметов личного благочестия два образка из свинцово-оловянистого сплава в форме киотцев (рис. 38, *1, 2*). Один из образков несет поясное изображение святого, который с большой долей вероятности может быть идентифицирован как Николай Чудотворец (рис. 38, *1*). На другом образке, находившемся в массивной металлической оправе, плохо сохранившееся поясное изображение неизвестного святого (рис. 38, *2*). В коллекции представлен также еще один фрагмент подобной оправы—пластина из свинцово-оловянистого сплава с пазом. Согласно М.В. Седовой, образки с полуарочным завершением в целом характерны для металлопластики XV—XVI вв. (*Седова*, 1981. С. 64), однако последние находки из Новгорода, близкие образку из Чирково, происходят из слоев несколько более раннего времени: 1370—1380-х годов (*Дубровин*,

2004. С. 14—15, рис. 1, *1, 2*). В качестве одной из наиболее близких аналогий можно указать также иконку с городища Никулицыно в Вятской земле (*Макаров Л.Д.*, 2001. С. 102, рис. 58, *15*).

В числе прочих датирующих вещей бронзовая копоушка (рис. 39, *2*), близкая находкам из Суздаля (*Седова*, 1997. Рис. 64, *17*), Белоозера (*Захаров*, 2004. С. 193, рис. 110, *1*) и Новгорода (последняя происходит из слоев 1360-х годов) (*Гайдуков*, 1992. С. 100, рис. 71, *2*). В коллекции представлен также железный ключ от замка типа Г по Б.А. Колчину (рис. 39, *8*) и замок этого типа, период бытования которого ограничен серединой XIII — первой половиной XV в. (*Колчин*, 1982. С. 162), железный замок типа Е по Б.А. Колчину, появившийся в середине XIV в. и остававшийся в употреблении до XVI в. (рис. 39, *1*) (*Колчин*, 1982. С. 160, 162). Возможно, к этой же хронологической группе должен быть отнесен фрагмент керамики с желтой поливой (золотоордынской?) и фрагмент украшения из свинцово-оловянистого

Рис. 39. Поселение Чирково I. Вещевой материал из сборов

1, 3, 7—11 — железо; *2, 4—6* — цветной металл

Рис. 40. Поселение Чирково I. Вещевой материал из сборов

1–9, 11, 12, 14–17, 19–23 – цветной металл; *10, 13, 18* – железо

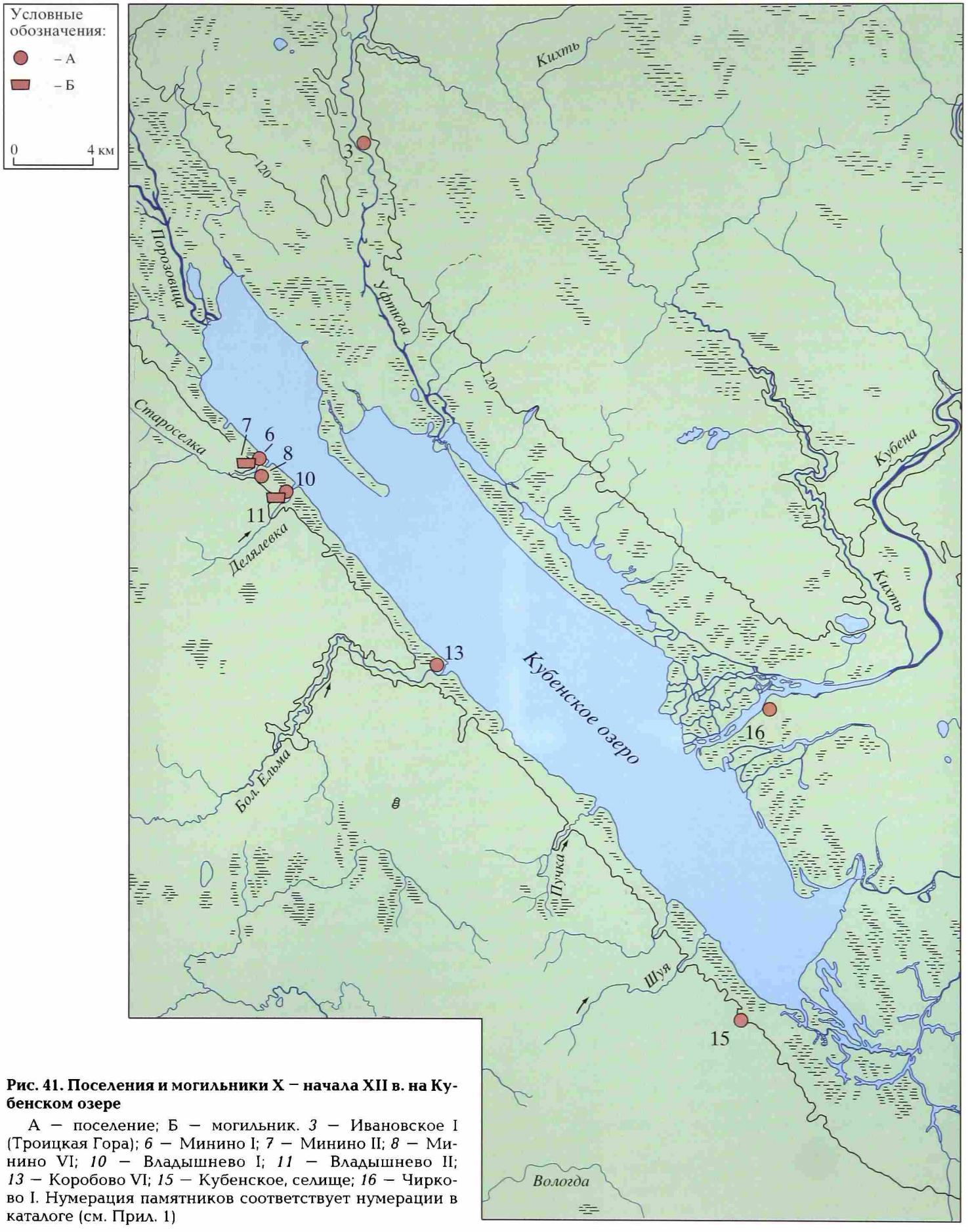
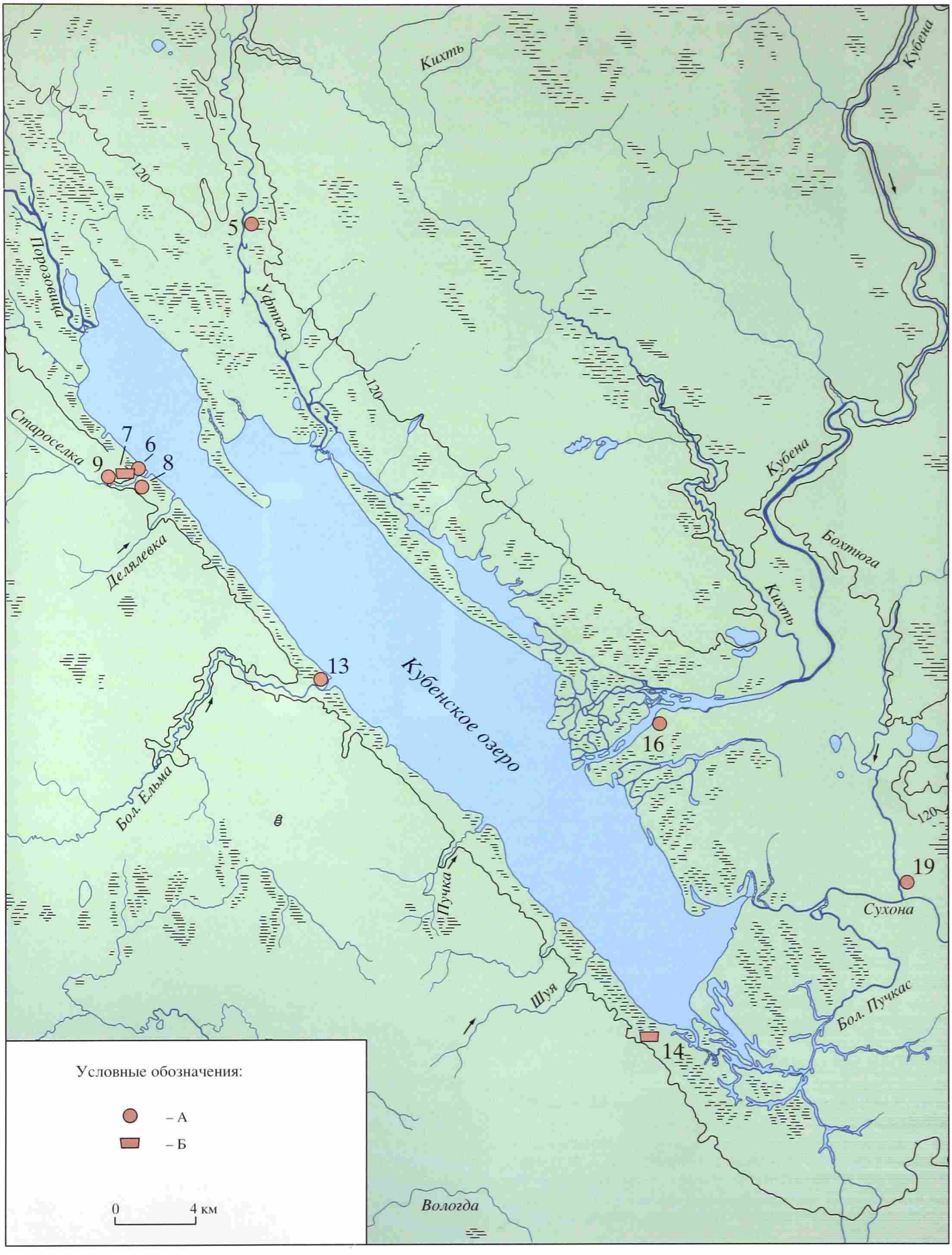


Рис. 41. Поселения и могильники X – начала XII в. на Кубенском озере

А – поселение; Б – могильник. *3* – Ивановское I (Троицкая Гора); *6* – Минино I; *7* – Минино II; *8* – Минино VI; *10* – Владышнево I; *11* – Владышнево II; *13* – Коробово VI; *15* – Кубенское, селище; *16* – Чирково I. Нумерация памятников соответствует нумерации в каталоге (см. Прил. 1)


Кихть
Кубена
120
5
Порозовица
Уфтюга
120
Староселка
7
6
9
8
Делялевка
Кубена
Бохтюга
Кихть
13
Кубенское озеро
16
Бол. Ельма
120
19
Сухона
Пучка
Шуя
Бол. Пучкас
14
Вологда
Условные обозначения:
– А
– Б
0
4 км

сплава (рис. 40, *11*) — витая дужка кольцевидной или подковообразной фибулы, характерной для прибалтийских древностей XIII—XV вв. (*Brivkalne*, 1974. Att. 2, *8—11, 15*; 3, *9—23*).

Для определения хронологии позднесредневекового комплекса исключительное значение имеют монетные находки. Вместе с украшениями, бытовыми вещами и предметами личного благочестия в Чиркове найдены денга великого князя Василия II 1440—1462 гг. (рис. 38, *4*), московская денга "дозор" великого князя Ивана III 1462—1485 гг. (рис. 38, *6*) и неизвестная русская монета первой половины XV в. (рис. 38, *5*). Таким образом, хронология вещевых находок, период бытования которых охватывает XV в., хорошо согласуется с нумизматической хронологией. Из этого не следует, что датировка позднесредневековой группы вещевых материалов должна быть ограничена XV в., часть из них должна быть отнесена ко второй половине XIII—XIV вв., но выделение узкодатированных типов вещей этого времени не представляется возможным.

Таким образом, на кубенозерских памятниках можно выделить керамические и вещевые материалы, являющиеся хроноиндикаторами трех протяженных периодов: второй половины X — начала XII в., XII — первой половины XIII в. и XIII—XV вв. Датирующие материалы X—XI вв. присутствуют на семи поселениях (Минино I, Минино VI, Владышнево I, Коробово VI, Кубенское, Чирково I, Ивановское I) и двух могильниках (Минино II, Владышнево II) в шести микрорегионах (рис. 41). Основанием для выделения этого периода являются наборы лепной керамики без примеси круговой (Владышнево I, Ивановское I), присутствие в составе коллекции лепной керамики сосудов типа I, в том числе с орнаментацией в виде многоярусных поясков (Чирково I, Коробово VI), находки цветных лимонок и рубленого бисера и синих прозрачных навитых бус (Владышнево I, Коробово VI, Кубенское). Ранние комплексы поселений Минино I и Минино VI, а также погребения второй половины X—XI вв. из могильников Минино II и Владышнево II будут специально рассмотрены ниже.

Датирующие материалы XII—XIII вв. выявлены на семи поселениях (рис. 42) (Минино I, Минино VI, Минино VII, Коробово VI, Чирково I, Прилуки II, Архангельское на Бохтюге) и в двух могильниках (Минино II, Кубенское) в шести микрорегионах. Для керамических комплексов XII в. на Кубенском озере характерно сосуществование лепной керамики с круговой. Основным датирующим материалом этого периода на селищах, не подвергавшихся раскопкам (Коробово VI, Чирково I, Архангельское на Бохтюге), является круговая керамика с линейным и волнистым орнаментом, с отогнутым венчиком, в том числе имеющим валик на внешнем крае или утолщение на внешней стороне. Важными хронологическими индикаторами этого периода являются зонные навитые полупрозрачные бусы, некоторые типы образков и металлических украшений.

Выявление древностей второй половины XIII—XV вв. на Кубенском озере основывается в настоящее время в большей мере на хронологической идентификации отдельных вещей (в первую очередь предметов личного благочестия), нежели на анализе массового керамического материала. Определимые материалы этого периода присутствуют на 11 памятниках (Ивановское I, Бережное, Минино VI, Коробово VI, Горка Покровская, Чирково I, Чирково II, Лука VI, Кубенское, Архангельское на Бохтюге, Погост Антония). Действительное количество памятников этого времени несоизмеримо больше, однако ограниченные возможности выделения керамики второй половины XIII—XV вв. в подъемном материале не позволяют по археологическим данным представить подлинную картину расселения этого периода.

Большинство кубенозерских селищ являются остатками стабильных долговременных поселений, функционировавших в течение двух—трех столетий (Минино I, Коробово VI) или в течение более продолжительного периода, включая позднее Средневековье, Новое и Новейшее время (Минино VI, Чирково I, Чирково II, Лука VI, Архангельское). Неясным остается характер лишь нескольких небольших поселений на р. Уфтюге (Ивановское II, Прилуки II) с очень низкой концентрацией культурных остатков. В этих селищах с равной долей вероятности можно видеть остатки небольших стационарных поселений и временные промысловые становища.

Хотя сеть расселения конца I — начала II тыс. н.э. на Кубенском озере была менее плотной, чем на сопредельных западных территориях — на Белом озере и в бассейне Шексны, археологические материалы документируют заметный рост колонизационной активности, подобный процессам, происходившим в этот период во многих других районах Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Пласт древностей X—XII вв. четко выделяется в археологических материалах Кубенского Поозерья, тогда как древности предшествующего периода остаются почти неизвестными. На северо-западном берегу Кубенского озера появление первых поселений, образующих новую сеть, произошло во второй половине X в., возможно, близким временем должно быть датировано появление поселений с лепной средневековой керамикой на Уфтюге и Кубене, но современное состояние изученности этих памятников не позволяет точно определить время их возникновения. Очевидно, освоение западного побережья Кубенского озера, сопредельного с Шекснинским бассейном, развивалось в XI в. более интен-

Рис. 42. Поселения и могильники XII — первой половины XIII в. на Кубенском озере

А — поселение; Б — могильник. *5* — Прилуки II; *6* — Минино I; *7* — Минино II; *8* — Минино VI; *9* — Минино VII; *13* — Коробово VI; *14* — Кубенское, могильник; *16* — Чирково I; *19* — Архангельское на Бохтюге. Нумерация памятников соответствует нумерации в каталоге (см. Прил. 1)

сивно. На поселениях в верховьях Сухоны определимые материалы X—XI вв. не встречены. Общее размещение поселений X—XIII вв. в Кубенском Поозерье и более высокая концентрация древностей X—XI вв. на западном берегу озера показывают, что колонизация распространялась с запада.

Кубенское Поозерье можно считать северо-восточным краем ареала крупных долговременных поселений X—XII вв. с высокой концентрацией артефактов и остатков жилых сооружений в культурном слое — памятников, составлявших важнейшие элементы системы средневекового расселения на Верхней Волге, Мологе, Белом озере и Шексне. Для всех этих памятников характерно присутствие в культурном слое значительного количества металлических бытовых вещей и орудий труда, бронзовых украшений, стеклянных бус и некоторых других импортов, а также присутствие в остеологических коллекциях (в тех случаях, когда кости определены) костей пушных животных. Очевидно, эти признаки отражают определенное единство в системе хозяйства и природопользования. В Юго-Восточном Приладожье, Прионежье, Поважье и Костромском Поволжье подобные поселения не выявлены, на Галичском озере они единичны.

Общая сеть расселения вокруг Кубенского озера в XI — первой половине XIII в. представляла собой совокупность семи локальных групп поселений и одиночных поселений, удаленных друг от друга на значительные расстояния. Выявить какую-либо иерархию в этой системе не удается, скорее всего большинство гнезд (кроме двух поселений на р. Уфтюге и поселения Лука VI на Сухоне) имели равный статус. Расположение поселений обеспечивало, с одной стороны, удобный доступ к водным коммуникациям, с другой стороны, возможность формирования вокруг каждого обширной ресурсной зоны, в том числе собственных промысловых территорий.

Очевидно, эта сеть расселения во многом определила контуры территориально-административной системы XIV—XV вв. Сопоставление карты археологических памятников XII — первой половины XIII в. в Кубенском Поозерье и исторических свидетельств о территориально-административном устройстве Кубенозерья в период позднего Средневековья и раннего Нового времени показывает определенную преемственность между сельскими поселениями домонгольского времени и позднейшими административными центрами. Особенно выразительный пример подобной преемственности — приуроченность двора заозерских князей начала XV в. к поселению на р. Кубене, возникшему не позднее XI в. Несмотря на запустение ряда поселений в XIII в. и начавшийся в этот период выход колонизации на водоразделы, сопровождавшийся изменениями в топографии поселений, освоенные в XI — первой половине XIII в. микрорегионы редко забрасывались. Из семи локальных территорий, освоенных в Кубенском Поозерье в XI — первой половине XIII в. лишь один полностью запустел в позднем Средневековье.

Глава вторая

Мининский археологический комплекс

Мининский археологический комплекс: общая характеристика

Мининский археологический комплекс включает семь археологических памятников, приуроченных к приустьевой части реки Дмитриевки (другие названия: Староселка, Карачевка), на участке протяженностью около 1 км от места впадения ее в Кубенское озеро (рис. 43). На шести из этих памятников выявлен культурный слой различных исторических эпох, разной мощности и сохранности, на двух выявлены и исследованы погребения, часть которых прорезает культурный слой или перекрыта им, одна из стоянок полностью размыта озером и зарегистрирована как местонахождение. Поселения и могильники, получившие свое название по имени ныне существующей д. Минино, тесно соседствуют с бывшим Дмитриевским Карачевским погостом, полуразрушенная церковь которого находится на правом берегу реки, в 900 м от озера. Памятники располагаются на краю береговых террас Дмитриевки, по обеим ее сторонам, два из них — на размытых участках берега, непосредственно при впадении Дмитриевки в озеро (рис. 44). На этих памятниках представлены культурные остатки мезолита (Минино I, II, III, IV, VI, VII), неолита (Минино I, II, IV, V, VI), энеолита (Минино I), эпохи бронзы (Минино I, II, IV), раннего железного века (Минино I, II, III, IV, V, VI). Средневековый культурный слой зафиксирован в приустьевой части р. Дмитриевки на трех поселениях (Минино I, VI, VII), рядом с которыми выявлен обширный средневековый могильник (Минино II).

Еще два археологических объекта — поселение Владышнево I и поселение и могильник Владышнево II выявлены примерно в полутора километрах к юго-востоку от Карачевского погоста, в нижнем течении р. Делялевки, на левом ее берегу, примерно в 1 км от места впадения ее в Кубенское озеро. На первом из них зафиксированы материалы мезолитического времени, эпохи раннего металла (?) и средневековый культурный слой, на втором — культурный слой эпохи мезолита и средневековые погребения. Эти объекты образуют самостоятельную локальную группу, однако, учитывая их географическую близость к мининским памятникам и присутствие культурного слоя и погребений второй половины X — начала XI в., мы будем рассматривать их материалы вместе с материалами Мининского археологического комплекса.

Местность в приустьевой части р. Дмитриевки, где выявлены древние и средневековые памятники, представляет собой наклонный участок первой береговой террасы Кубенского озера, повышающийся с северо-востока на юго-запад, от 2—3 м над меженным уровнем воды (111—112 м в Балтийской системе высот) на расстоянии 250—300 м от озера до 9—10 м (118—119 м в Балтийской системе высот) на расстоянии 1000—1100 м от озера. Она прорезана руслом реки, сильно меандрирующей, с пойменными низинами в излучинах, ширина которых в некоторых местах достигает 200 м. В настоящее время часть этой территории находится под лугами, часть поросла лесом и кустарником, пойма при впадении Дмитриевки в Кубенское озеро и полоса берега озера шириной до 150 м заболочена. На левом берегу р. Дмитриевки находятся базы отдыха, постройки которых частично нарушили археологические памятники. Однако особенности микрорельефа береговых террас р. Дмитриевки и выходы гумусированного пахотного слоя в обнажениях не оставляют сомнения в том, что в прошлом значительная часть территории распахивалась. Эти наблюдения подтверждаются материалами Генерального межевания, позволяющими восстановить основные элементы расселения, особенности ландшафта и землепользования на исследуемом участке в конце XVIII в.

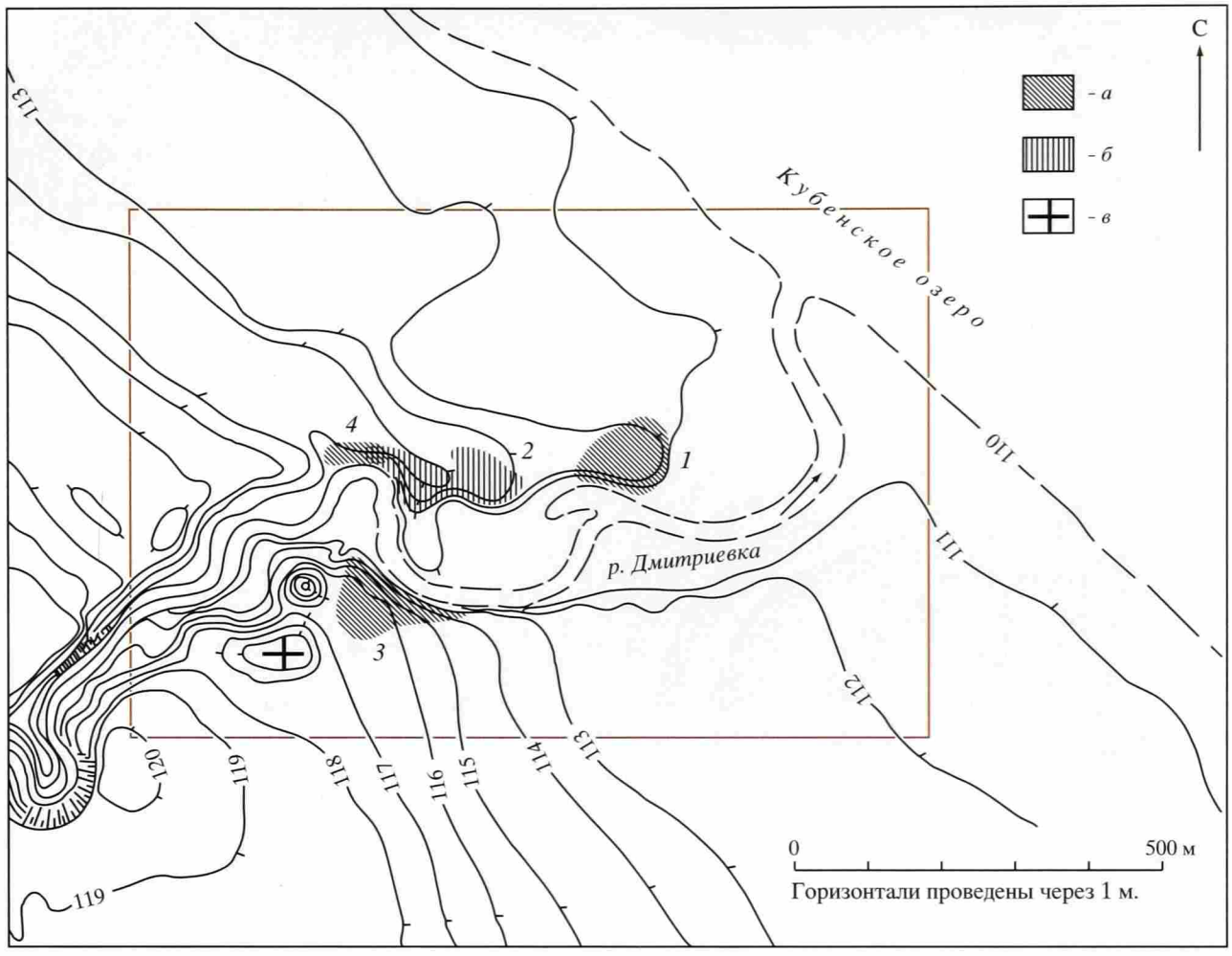
Планы дач Генерального межевания (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 68, ч. 1 [610]. Д. М-285с, М-286с, М-154с, Д-128с, Д-129с, Г-76с, П-295с, Б-80к, Н-74с) показывают, что прибрежная полоса Кубенского озера в этот период использовалась под сенокосы, далее от озера находились участки, занятые "мелким дровяным лесом", еще далее на суходоле — поля (рис. 45, 46).

Рис. 43. Мининский археологический комплекс. Общий вид с юго-востока

На правом берегу р. Дмитриевки показана окруженная полями церковь Дмитриевского погоста "что в Карачеве" с кладбищем, а к западу от нее — несуществующая ныне церковная деревня[1]. Из описания церквей 4-го благочиннеческого округа Вологодской епархии 1853 г. мы узнаем, что "зданием церковь каменная одноэтажная, с таковою же в одной связи колокольнею. Престолов в ней три: в холодной один во имя Живоначальной Троицы, в теплой два, по правую сторону святого великомученика Дмитрия Селунского, по левую — святых мучеников Фрола и Лавра. О первоначальном же существовании церкви на сем месте никаких письменных, ни устных преданий не имеется". Приход Дмитриевской церкви в середине XIX в. включал 14 деревень (ВГИАХМЗ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 5. Л. 63—63 об.). Участок левого берега р. Дмитриевки выше впадения ее в озеро составлял дачу деревни Гришинской с пустошью Могилицыной. Однодворная д. Гришинская, известная по писцовым описаниям XVII в., находилась к востоку от д. Минино, ниже по течению реки. Площадка деревни, прекратившей свое существование в 1970-е годы, в настоящее время почти полностью срыта карьером. Пустошь Могилицына, в отличие от д. Гришинской, не показана на плане земельной дачи. Она может быть локализована в 600—650 м к западу от устья р. Дмириевки, на месте одной из баз отдыха, где на огородных грядах прослеживаются выходы гумусированного слоя и собрана круговая керамика раннего нового времени.

Археологические памятники на р. Делялевке также приурочены к участку, где первая терраса Кубенского озера, отметки которой в Балтийской системе высот 112—114 м, прорезана рекой, однако местность имеет несколько иной облик, как более заболоченная и залесенная. Делялевка — небольшая речка, пересыхающая в мелких местах. Поселение и могильник находятся на небольших полянах с отчетливыми следами старой распашки, а название урочища "Жары" отражает сельскохозяйственное использование участка, однако на плане дачи деревни Березник 1785 г. местность показана как занятая

[1] В экономических примечаниях к плану дачи Дмитриевского погоста нет данных о существовании на момент межевания у церкви жилых дворов, размеры церковной земли определены как 57 десятин, из них 36 десятин пашни (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 23, 103. Л. 1101—1115 об.)



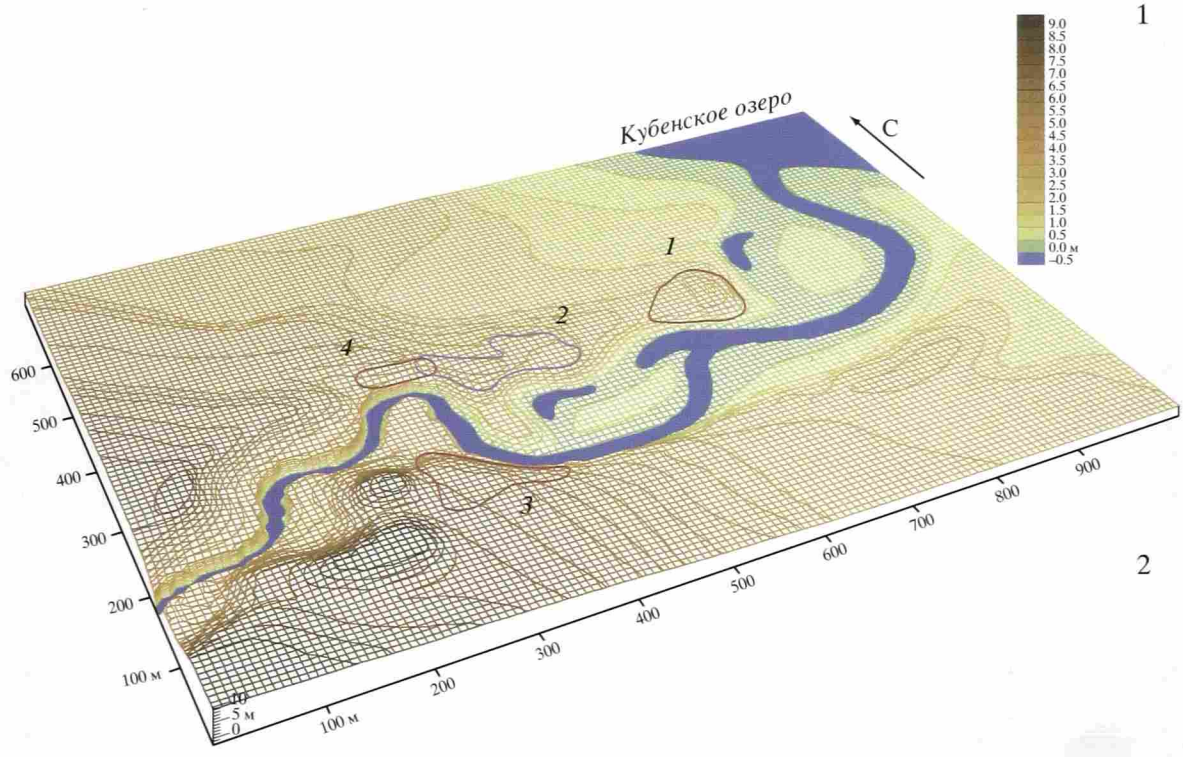


Рис. 44. Мининский археологический комплекс. Схема расположения средневековых памятников

1 — план; 2 — изометрия. *1* — Минино I; *2* — Минино II; *3* — Минино VI; *4* — Минино VII; *а* — поселение; *б* — могильник; *в* — церковь Св. Дмитрия Солунского

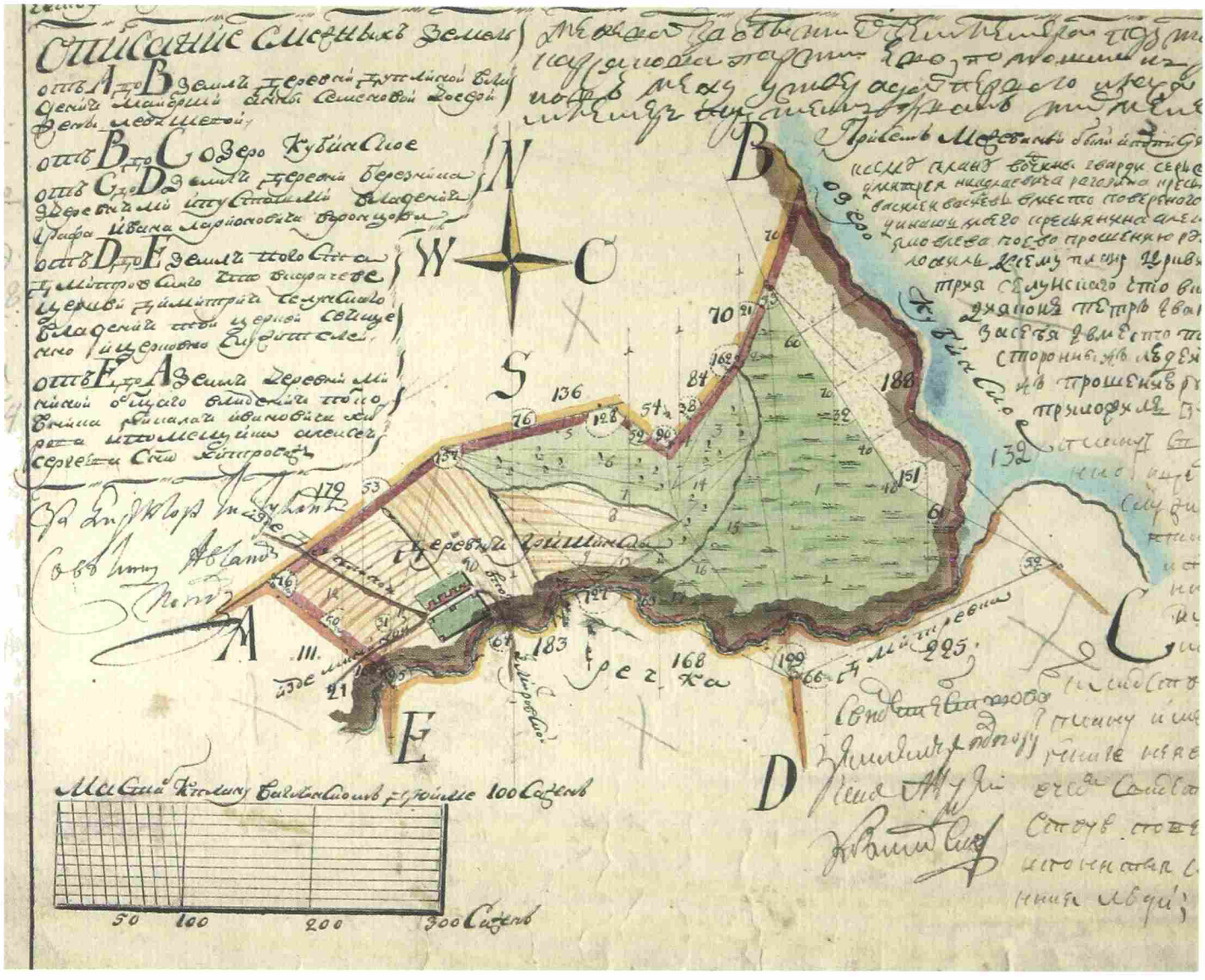


Рис. 45. Участок левого берега р. Дмитриевки при впадении ее в Кубенское озеро на плане дачи Генерального межевания 1785 г. (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 68, ч. 1 [610]. Д. Г – 76с)

На плане показана территория, на которой находится поселение Минино I

лесом, распространяющимся почти на всю территорию от д. Владышнево до Кубенского озера (рис. 47). (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 68, ч. 1 [610], Д. Б-80к.) Место средневекового селища представляет собой наиболее удаленную от озера точку, до которой можно подняться по реке на лодке, поэтому здесь располагаются лодочные сараи д. Владышнево. Несмотря на существование старой дороги из д. Владышнево в урочище Жары и наличие среди леса по обоим берегам Делялевки значительных открытых пространств, очевидно, что этот участок был освоен значительно слабее, чем устье р. Дмитриевки.

Мининский и Владышневский комплексы представляют собой обычные для озерных областей Европейского Севера России компактные топографические группы археологических памятников в приустьевых частях рек, отражающие длительное использование наиболее удобных для промыслового освоения участков побережья или периодическое возобновление жизни на этих участках. Подобные локальные группы отчетливо читаются на археологических картах Белого озера, Онежского озера, озер Лача и Воже (*Макаров, Захаров, Бужилова*, 2001. С. 70–94, 124–167; *Кочкуркина, Спиридонов*, 1988. С. 121–129; *Спиридонов*, 2001. С. 303–309). Количество археологических объектов, составляющих подобные группы, и концентрация культурных остатков в приустьевых микрорегионах определются характером рельефа и ландшафта: предпочтение отдавалось тем участкам, где первые речные террасы, верхняя часть которых сложена супесчанистыми породами, близко подходят к озеру. В котловине Кубенского озера таких участков мало, реки в нижнем своем течении прорезают пойменную низину, малопригодную для стационарных поселений. Устье Дмитриевки – один из немногих микрорегионов с сухими удобными для заселения площадками, находящимися в нескольких сотнях метров от озера. Этим обстоятельством и объясняется высокая освоенность территории в различные периоды. Устье

Делялевки представляет худшие условия для обустройства: ближайший к озеру сухой участок речной террасы удален от устья на 1 км и недоступен для лодок в межень при низком падении воды.

Начало исследования Мининского комплекса было положено С.Ю. Васильевым, заложившим осенью 1993 г., в ходе разведок памятников эпохи камня и раннего металла в котловине Кубенского озера, шурф площадью 16 кв. м на мысовидном возвышении левого берега р. Дмитриевки, а спустя год — на левом берегу Делялевки. В обоих шурфах была обнаружена средневековая керамика. При этом на поселении Владышнево I был зафиксирован обычный для средневековых памятников Севера гумусированный супесчанистый слой незначительной мощности, а на поселении Минино I — слой толщиной до 80 см, содержавший, помимо средневековой керамики, украшения и бытовые вещи XI—XII вв., остатки погребений, керамику эпохи неолита и раннего железного века, кремневые и роговые орудия. Так в устье Дмитриевки был выявлен стратифицированный, сохраняющий кости культурный слой с материалами различных хронологических периодов и остатки могильника, хронологическая позиция которого первоначально осталась неясной (*Васильев, Папин, Суворов*, 1994; *Васильев, Суворов*, 1995. С. 23). Небольшой шурф, заложенный в 1995 г. Онежско-Сухонской экспедицией в северо-восточной

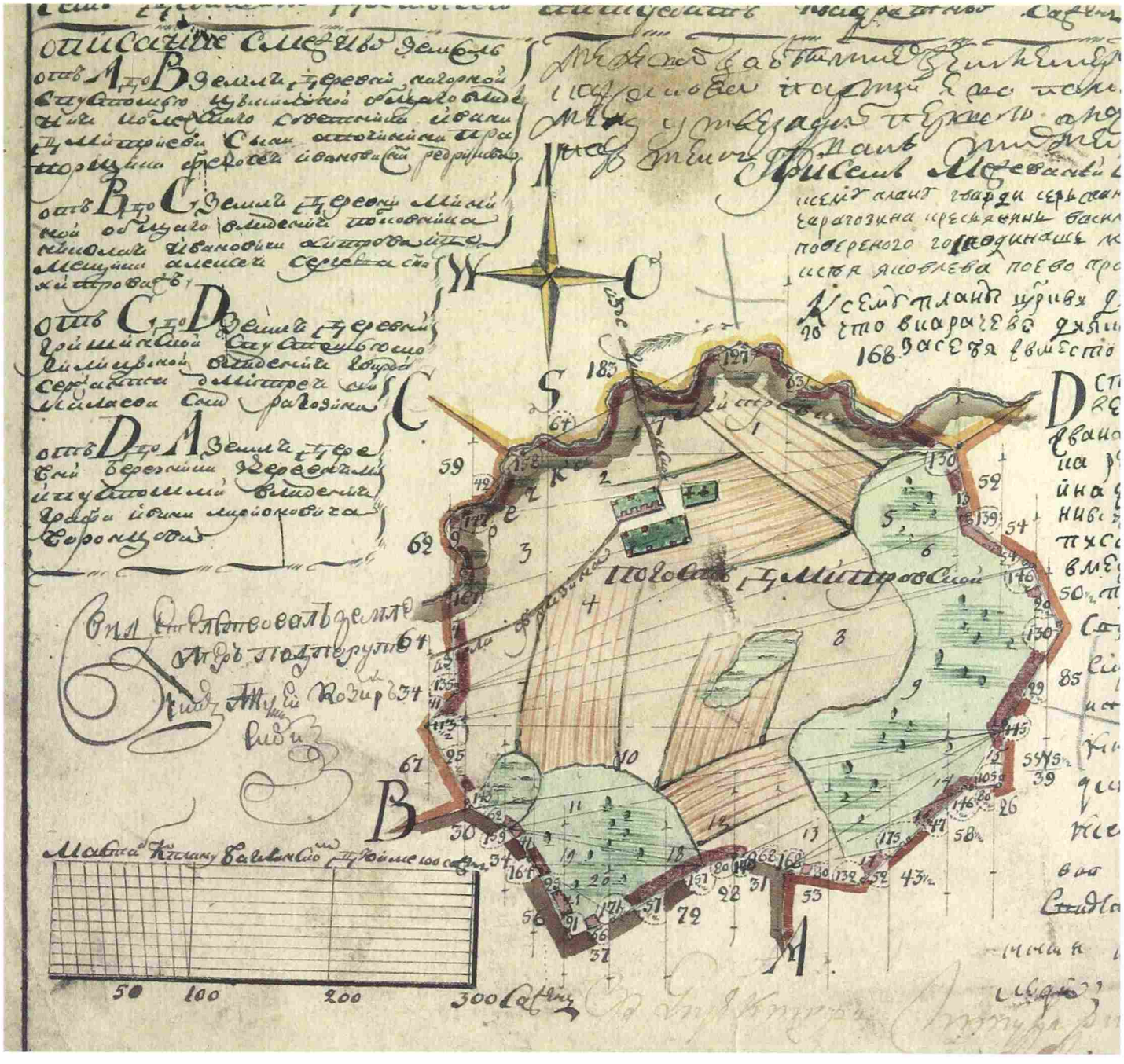


Рис. 46. Дмитриевский Карачевский погост на плане дачи Генерального межевания 1785 г. (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 68, ч. 1 [610]. Д — 128с)

На плане показана часть территории, на которой находится поселение Минино VI

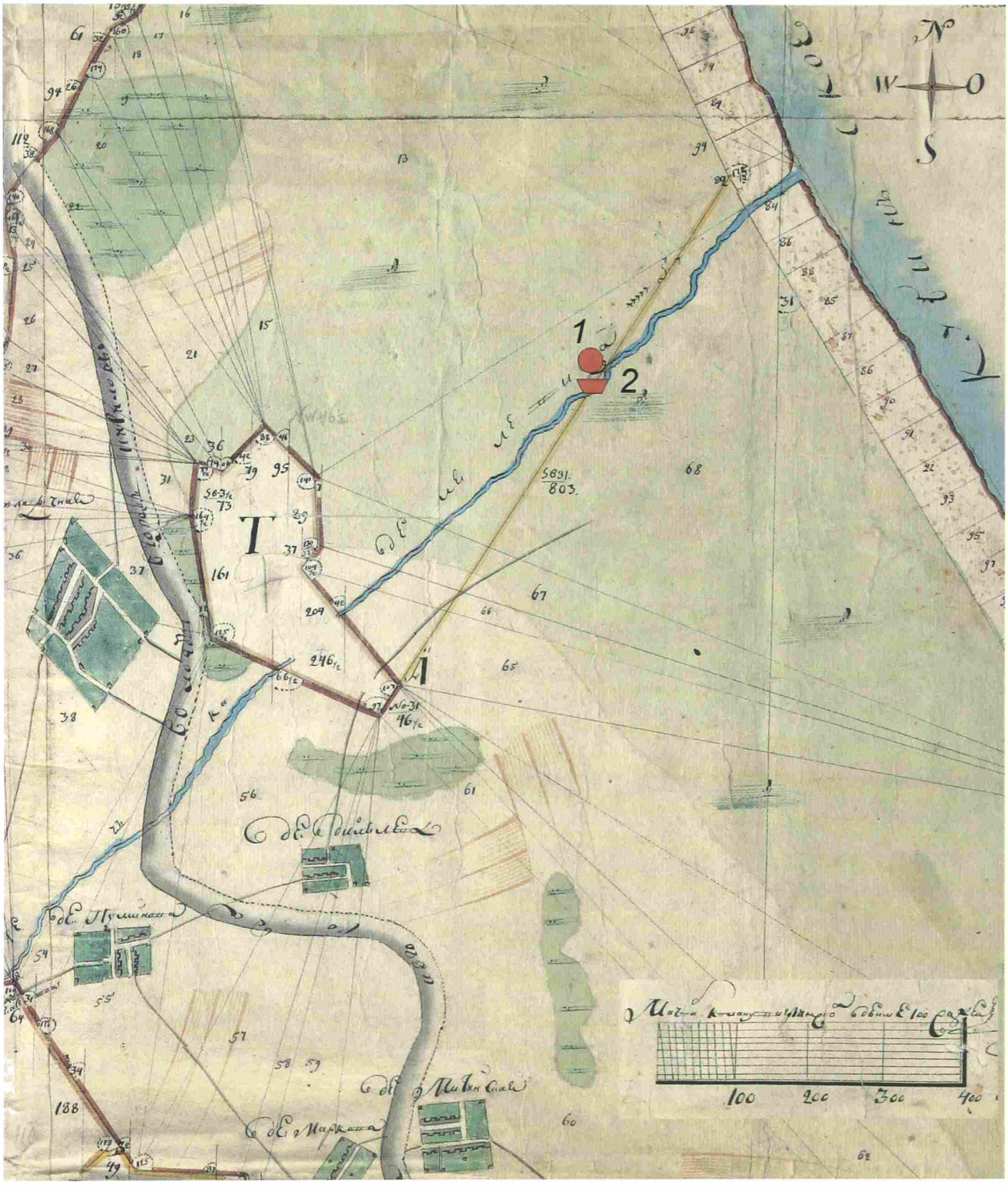


Рис. 47. Поселение и могильник Владышнево на р. Делялевке. Схема расположения средневековых памятников на плане дачи Генерального межевания (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 68, ч. 1 [610]. Д. Б – 80к)

1 — Владышнево I, поселение; *2* — Владышнево II, могильник

части памятника, подтвердил присутствие здесь средневековых культурных напластований хорошей сохранности, насыщенных вещевым материалом и керамикой.

Первое знакомство с культурным слоем поселения Минино I показало, что этот памятник перспективен для раскопок как обычное сельское поселение с необычной сохранностью средневековых напластований, остатков сооружений и палеоэкологических материалов. Именно в этом качестве памятник был избран для стационарных раскопок, начатых в 1996 г. Онежско-Сухонской экспедицией ИА РАН вместе с НПЦ "Древности Севера". Раскопки с самого начала были запланированы как медленное изучение культурного слоя с использованием тонких методов его разборки, точной фиксацией деталей стратиграфии и планиграфии и возможно более полным сбором вещевых материалов и палеоэкологических остатков. Раскоп 1996 г. площадью 60 кв. м, заложенный в юго-восточной, мысовой части поселения, где культурный слой имеет наибольшую мощность, дал возможность прояснить стратиграфическую ситуацию и общий характер памятника: наличие под средневековым слоем отложений эпохи камня, бронзы и раннего железа и могильника с погребениями эпохи мезолита и энеолита. Многослойность восточной части поселения заметно усложнила и замедлила исследование средневекового горизонта, но позволила составить представление о "доисторической подкладке" селища и уникальном древнем некрополе.

Исходя из общей идеи Мининского проекта — получения возможно более полного и разностороннего материала для реконструкции истории одной локальной группы средневекового населения на Севере, — дальнейшие полевые работы потребовали как расширения раскопок на "центральном" поселении Минино I, так и досконального обследования микрорегиона, полного выявления средневековых объектов, составлявших единый комплекс с поселением на мысу левого берега Дмитриевки. Эта работа затянулась на девять лет.

В 1997 г. было начато исследование средневековых погребений в западной части могильника Минино II, открытых после находки в осыпи берега р. Дмитриевки костей и железного топора. В 1998 г. были обнаружены средневековые кремации и ингумации в восточной части могильника, вблизи базы отдыха завода "Мясмолмаш". Северо-восточный участок могильника, на котором была исследована основная часть погребений, был выявлен лишь в 2000 г. в результате пробных раскопок на свободной от леса возвышенной площадке к северу от базы отдыха. Таким образом были примерно определены границы средневекового некрополя. Раскопки на этом участке, где помимо средневековых комплексов были исследованы погребения эпохи мезолита, продолжались до 2004 г.

Селище Минино VI, находящееся на правом берегу р. Дмитриевки, вблизи развалин церкви Дмитрия Солунского, было открыто в 1999 г. в результате закладки серии шурфов на плотно задернованном лугу к востоку от кладбища. Раскопками 2000—2001 и 2003 гг. на селище была вскрыта площадь около 600 кв. м. Для окончательного определения границ памятника, культурный слой которого сильно поврежден распашкой, потребовалось произвести дополнительную шурфовку местности.

Третье селище мининского гнезда — небольшое поселение Минино VII, расположенное на левом берегу р. Дмитриевки выше могильника, — было открыто и исследовано шурфовкой в 2000 г.

Полевые работы на поселении Владышнево I в 1998 и 2000 гг. включали шурфовку, позволившую уточнить границы селища, и небольшие раскопки в его центральной части. В 2000 г. вблизи селища был открыт грунтовый могильник с кремациями, а в следующем году основная часть его была вскрыта раскопками.

Параллельно с раскопками перечисленных памятников продолжалось исследование поселения Минино I — ключевого объекта для изучения истории колонизации Мининского микрорегиона. Расширение раскопа 1 в мысовой части поселения и закладка пяти других раскопов в разных частях площадки дали возможность не только собрать огромную вещевую коллекцию и исследовать остатки жилых построек, но и, при относительно скромных размерах вскрытой площади, прояснить общую планиграфическую картину и получить данные о динамике жизни на различных участках.

Таким образом, в ходе полевых работ 1996—2004 гг. были получены данные о шести средневековых объектах, образующих два компактных гнезда. Программа работ на этих памятниках предусматривала не полное исследование их раскопками, а вскрытие отдельных участков, достаточных для изучения характера и хронологии культурных напластований, и сбор представительных коллекций вещей и палеоэкологических материалов, необходимых для полноценной характеристики культуры и хозяйства. Этот принцип был нарушен лишь при раскопках могильника Владышнево II — грунтового могильника с кремациями, необычный характер которого потребовал максимально полного исследования площадки. Данные о размерах вскрытых площадей и собранных коллекций обобщены в таблице 3.

Несмотря на то, что средневековые памятники Мининского микрорегиона сконцентрированы на компактном участке, протяженность которого с запада на восток не более 600 м, выявленные объекты заметно различаются по своему облику, по характеру и сохранности культурных остатков. Не касаясь подробностей стратиграфии, планиграфии и количественного распределения материала, отмечу некоторые качественные характеристики, определяющие их своеобразие и источниковый потенциал.

Поселение **Минино I** (рис. 43) — селище крупных размеров (площадь его около 1,4 га) с хорошо сохранившимся стратифицированным культурным слоем, выделяющимся высокой концентрацией вещевого материала. Мощность культурных отложений (0,30—0,55 м) здесь выше, чем на большинстве селищ северных областей Руси. На каждый квадратный метр вскрытой площади приходится около

Таблица 3

Вскрытая площадь и размеры полученных археологических коллекций на памятниках Мининского археологического комплекса

Памятник	Площадь раскопов (кв. м)	Средневековые постройки	Средневековые погребения	Индивидуальные находки	Средневековая керамика, количество фрагментов	Радиоуглеродные даты	Палеоботанические материалы
Минино I	308	7	–	5180	31 000	21	4 разреза
Минино II	860	–	81	2970	3255	9	–
Минино VI	588	1	–	1870	9717	7	–
Минино VII	4	–	–	–	6	–	–
Владышнево I	16	1	–	37	1362	1	2 разреза
Владышнево II	200	–	2	91	68	5	–

17 средневековых находок. В отличие от большинства северных селищ поселение мало пострадало от распашки: на плане дачи д. Гришинской 1785 г. (РГАДА, Ф.1354. Оп. 68, ч. 1 [610], Д. Г-76с) этот участок показан как занятый лугом, старая пахота, следы которой отмечены в верхнем слое на отдельных участках, была, вероятно, непродолжительной и не привела к полному нарушению культурного слоя. Хорошо заметные на современной поверхности бугры с камнями, выступающими из-под дерна, представляющие собой остатки печей-каменок, дают основание полагать, что основная часть площадки, на кото-

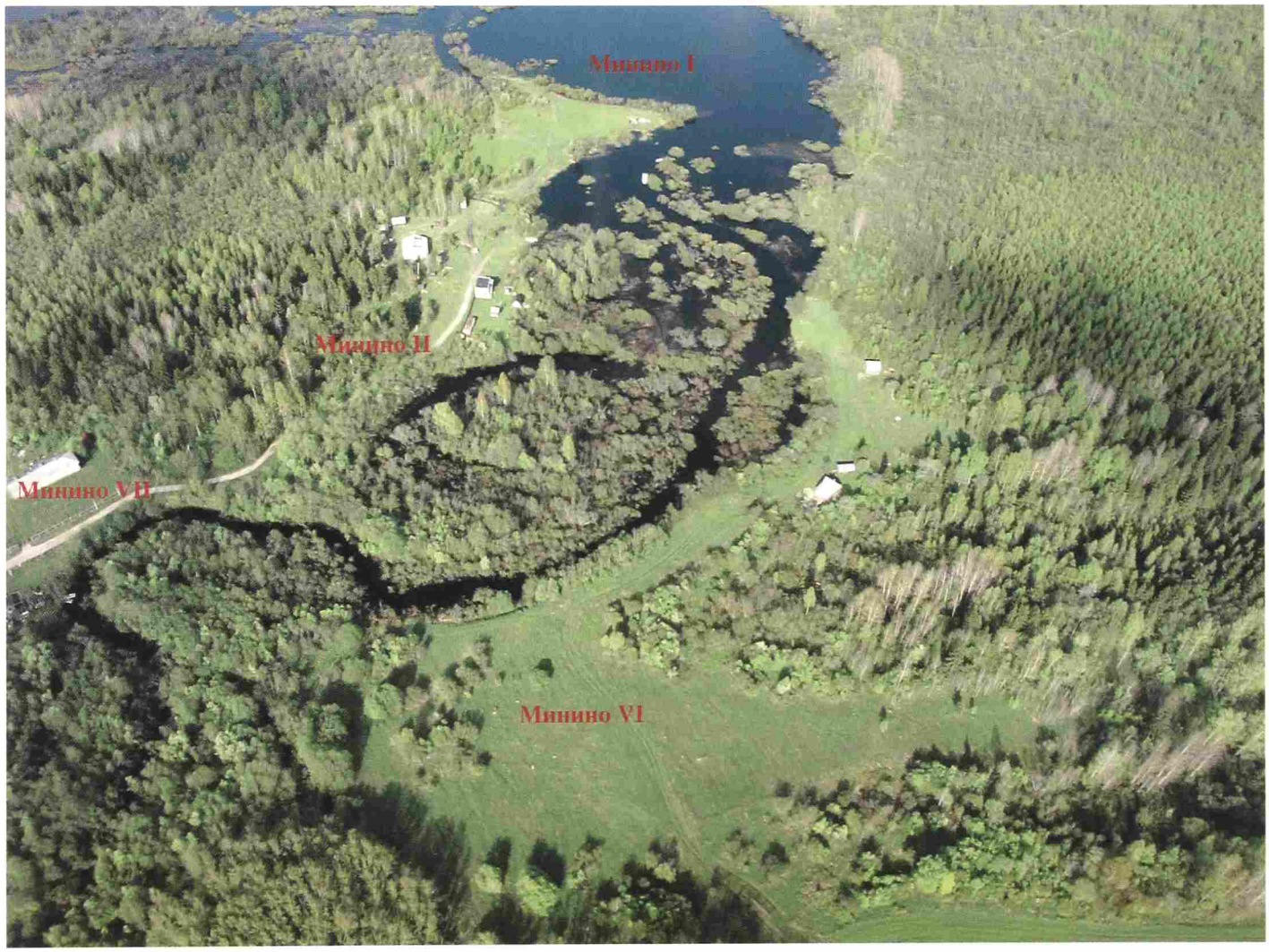


Рис. 48. Поселение Минино VI и могильник Минино II. Вид с юго-востока

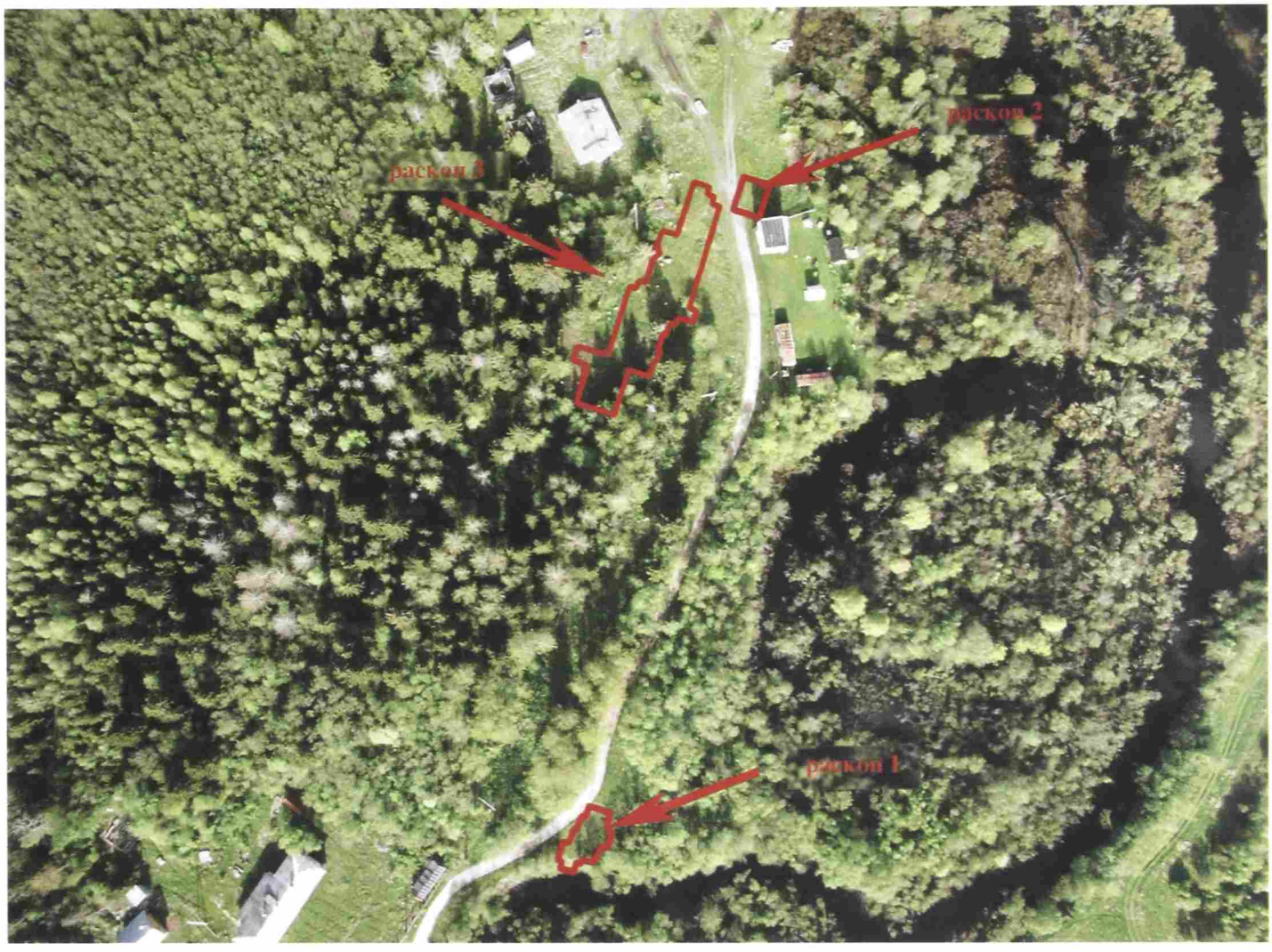


Рис. 49. Могильник Минино II. Вид сверху

рой выявлен культурный слой, в средневековье была заселена и занята постройками. Присутствие в стратифицированном культурном слое костей животных и рыб и карпологических остатков дало возможность собрать значительное количество хорошо датированных палеоэкологических материалов. Таким образом, Минино I — археологический объект редкой сохранности, позволяющий раскрыть многие аспекты жизни средневековых поселений, обычно недоступные для изучения. Судя по характеру вещей и построек, несомненно, что это стационарное долговременное поселение, как мы увидим ниже — центральное в мининском гнезде.

Два других поселения — **Минино VI и VII** (рис. 48) — резко отличаются от первого по характеру культурного слоя, почти целиком переотложенного в результате распашки. На планах дач Генерального межевания оба они показаны под пашнями. Площадь селища Минино VII не превышает в настоящее время 1500 кв. м, концентрация средневековой керамики здесь низкая, участки с ненарушенным средневековым слоем не выявлены. Это небольшое поселение, — возможно, сезонное или имевшее особую хозяйственную специализацию. Минино VI, напротив, — крупное селище, по своей площади в два раза превосходящее поселение Минино I, но заметно уступающее ему по концентрации находок и керамики. На один квадратный метр вскрытой площади здесь приходится около трех вещей, включая находки нового времени. Особенно низкая концентрация средневековых материалов отмечена в западной части селища, которая занята кладбищем. Однако примерно в 80 м к востоку от развалин церкви св. Дмитрия в раскопах были выявлены многочисленные средневековые ямы, в том числе связанные с постройками, и пятна непотревоженного слоя, свидетельствующие о стационарном характере поселения. Перемешанный культурный слой содержит находки различных исторических периодов — от XI до XIX в. Не вызывает сомнения историческая связь селища с Дмитриевским Карачевским погостом. Бедность селища находками, по сравнению с поселением Минино I, объясняется как долговременной распашкой, так возможно и менее плотной застройкой, при которой отдельные усадьбы были разделены пустырями.

Минино II (рис. 48 — 50) — грунтовый могильник, погребения которого в настоящее время никак не обозначены на поверхности, а точные границы могут быть определены только путем раскопок.

Рис. 50. Могильник Минино II. Раскоп 3. Погребения на площадке

Рис. 51. Поселение Владышнево I. Общий вид

Рис. 52. Поселение Владышнево I. Вещевой материал из раскопа

1–9 — стекло; *10, 13, 14, 16, 17* — железо; *11, 12, 15, 18, 19, 21–23* — цветной металл; *20* — глина

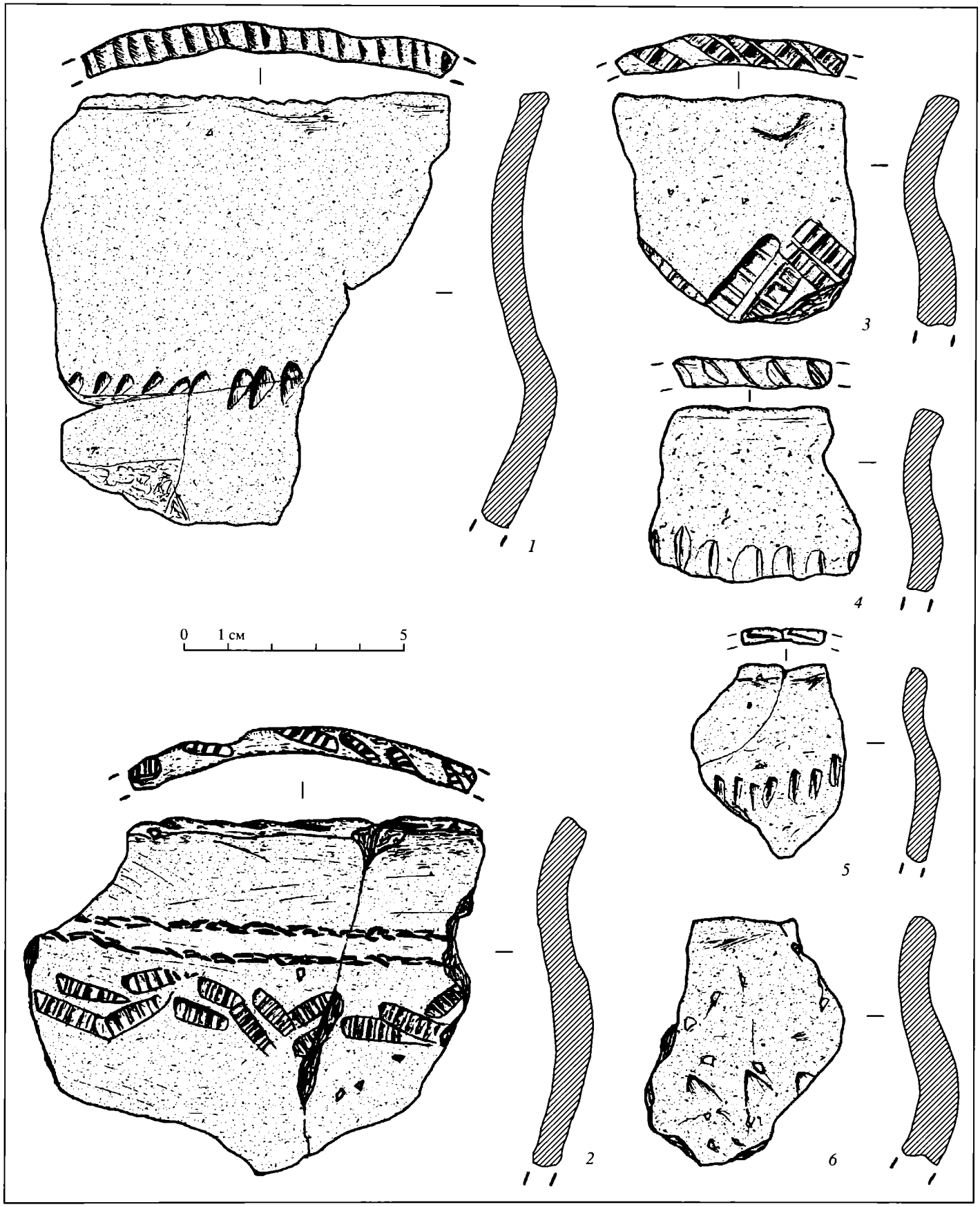


Рис. 53. Поселение Владышнево I. Керамика из раскопа

Площадка могильника частично нарушена старой распашкой, на плане дачи Генерального межевания этот участок изображен как паханное поле. 82 погребения, открытые здесь раскопками 1997–2004 гг., представляют собой одну из наиболее представительных серий средневековых погребальных комплексов, исследованных в последние десятилетия на Северо-Востоке Древней Руси. Просеивание верхнего гумусированного слоя, залегающего на площадке, выявило кальцинированные кости и погребальный инвентарь, сопровождавший кремации, и позволило документировать погребения по обряду кремации, проследить которые при обычных методах исследования могильников не удается. Мно-

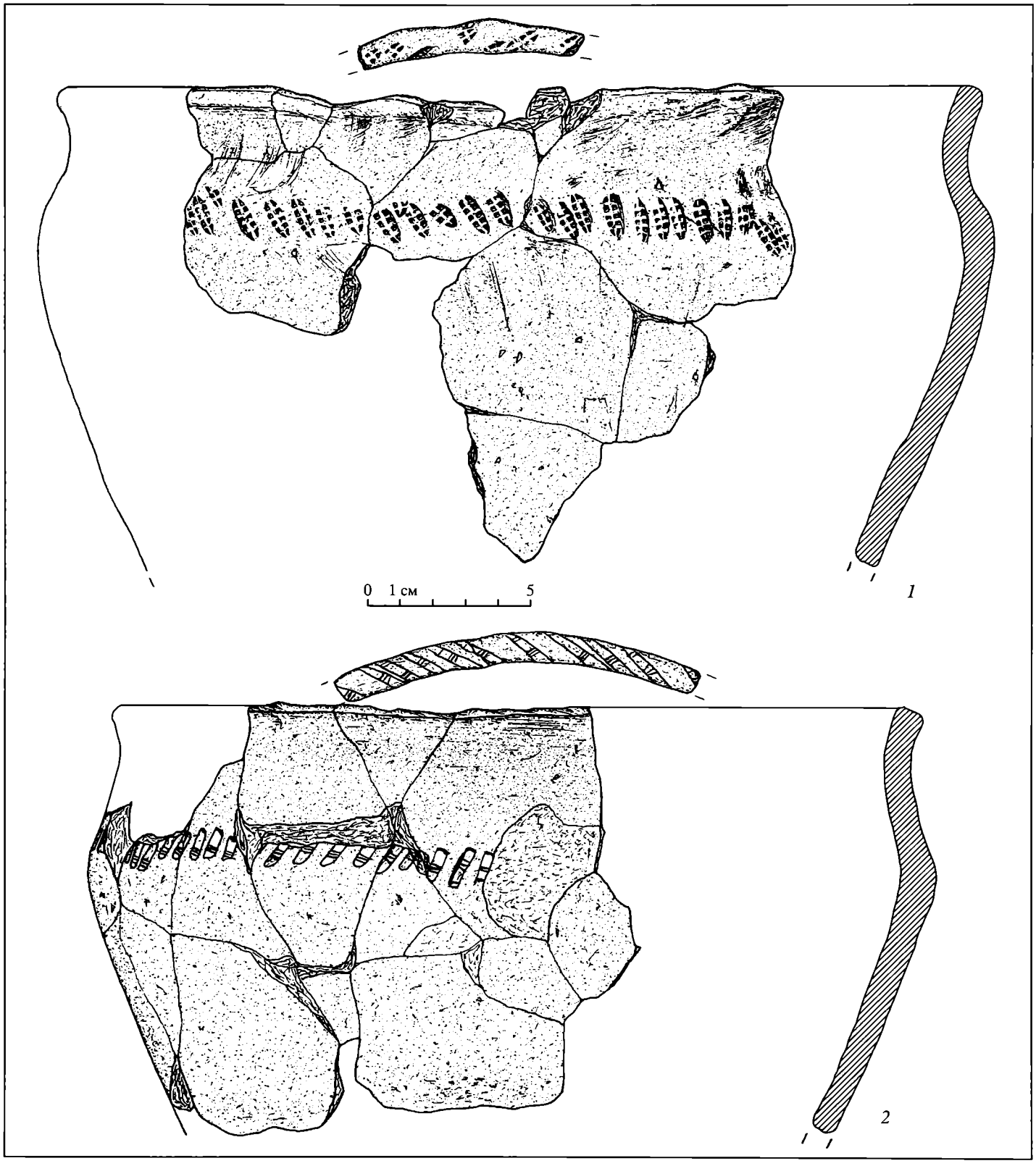


Рис. 54. Поселение Владышнево I. Керамика из раскопа

гочисленный вещевой материал, сопровождавший погребения, дал возможность достаточно точно определить их хронологические позиции и общую динамику функционирования могильника. Однако следует иметь в виду, что для раскопок в 1997—2004 гг. была доступна лишь часть памятника, не занятая лесом и постройками, поэтому полная планиграфическая картина могильника не прояснена.

Средневековые поселение и могильник вблизи устья р. Делялевки (**Владышнево I и II**) представляют собой небольшие памятники с компактными в хронологическом отношении вещевыми комплексами (рис. 51—54). Этот микрорегион мало затронут современной хозяйственной деятельностью, поэтому особенности ландшафтного положения обоих средневековых памятников прочитываются во всех деталях. Хотя оба объекта, в особенности могильник Владышнево II, задеты распашкой, а культурный слой поселения и слой с остатками погребений на площадке могильника имеют небольшую мощность, основные структурные элементы памятников и вещевой материал хорошо сохранились. Как на могильнике, так и на поселении собран достаточно представительный вещевой материал (рис. 52—54). Отсутствие на площадке могильника Владышнево II погребений по обряду ингумации обеспечило более ясное (по сравнению с могильником Минино II) понимание взаимосвязи между кальцинированными костями и украшениями и бытовыми вещами, происходящими из верхнего гумусированного слоя, значительная часть которых была собрана при просеивании грунта через металлические сетки.

Таким образом, ценность средневековых памятников Мининского и Владышневского микрорегионов и значение их для изучения севернорусской деревни определяются, с одной стороны, характером отдельных объектов, их необычной сохранностью и высокой насыщенностью вещевым материалом, с другой стороны, относительной целостностью самих гнезд памятников и их ландшафтного окружения. Эта ситуация открыла неожиданные перспективы для изучения ландшафтных и исторических взаимосвязей между отдельными объектами, для перекрестного изучения различных аспектов средневекового расселения, хозяйства и культуры в рамках одной локальной территории с опорой на разные категории источников и материалов. Полнота ви́дения средневековой хозяйственной жизни и культурных изменений в этой ситуации была обеспечена не за счет наращивания площадей раскопов, а путем поиска более гибких и тонких приемов изучения археологических памятников.

Средневековый культурный слой поселений: методы и приемы исследования

"Вы получите также комплект снарядов для раскопок, состоящий из трех ножей различной величины... и трех решет с отверстиями различной же величины для просыпания земли в несколько приемов, дабы не оставить в ней мелких предметов"

Из предписания Министра уделов графа Л. Перовского
надворному советнику Савельеву
по поводу раскопок во Владимирской губернии
5 мая 1853 г.
(ГИМ, ОПИ, Ф. 17. Оп. 1. Д. 208)

Средневековые поселения Мининского комплекса представляют собой очень разнородные с археологической точки зрения объекты. Существенные отличия в сохранности и мощности культурных отложений, в сложности стратиграфической структуры слоя и масштабах присутствия напластований досредневекового времени обусловили необходимость выработки различных подходов к ведению раскопок на разных памятниках, позволяющих в каждом конкретном случае приблизиться к получению наилучших результатов.

Наиболее сложным для изучения объектом является поселение **Минино I** (рис. 55). На фоне подавляющего большинства средневековых селищ Белозерья, серьезно пострадавших от затопления и многолетней распашки, Минино I можно считать памятником с хорошо сохранившимся культурным слоем, однако воздействие этих разрушительных факторов прослеживается и здесь. Слой поздней пахоты, выявленный во всех раскопах, наиболее четко фиксируется в раскопе 1, заложенном в самой высокой части памятника. Судя по незначительной толщине (около 15 см), мы имеем дело с конной, а не тракторной распашкой. После строительства Мариинской водной системы в начале XIX в. и последующих ее реконструкций, уровень воды в Кубенском озере был поднят примерно на 1 м (рис. 56). Весной, в годы наиболее мощных половодий, почти вся территория памятника затапливается. Следы частичного размывания культурного слоя отмечены на восточном, обращенном к озеру склоне селища (раскоп 1). Они прослеживаются в виде залегающих в пахотном слое прослоек и пятен отмытого и разделенного на фракции песка, конфигурация которых следует рельефу поверхности.

Минино I — многослойный памятник, на площадке которого выявлены стратифицированные культурные напластования различных исторических

Рис. 55. Селище Минино I. Вид на площадку селища с северо-северо-запада. 1999 г. Ведется работа на раскопах 3 и 4

Рис. 56. Селище Минино I. Площадка поселения в период спада весеннего половодья

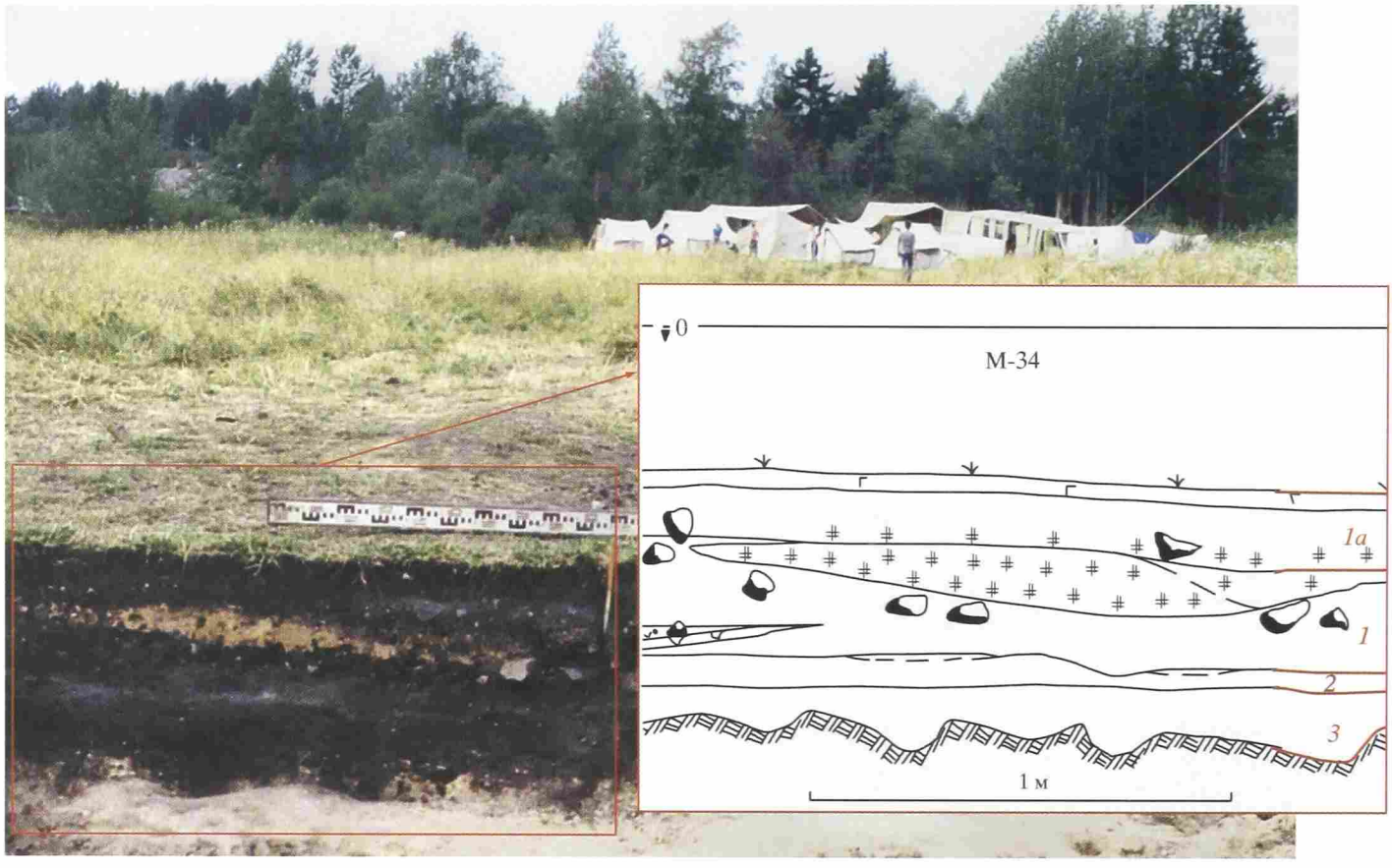


Рис. 57. Селище Минино I. Западный профиль раскопа 1 1997 г.

1 — средневековый горизонт (*1а* — распаханная часть средневекового слоя); *2* — горизонт эпохи раннего железного века; *3* — горизонт каменного века

эпох — мезолита, неолита, раннего железного века и Средневековья. Ранние отложения прослежены в раскопах 1, 4, 5 и 6 (рис. 57). В раскопах 2 и 3 они не выявлены, но средневековый слой содержит находки предшествующего времени. Кроме того, в культурном слое памятника присутствуют отдельные находки, датирующиеся периодами энеолита, бронзы и позднего железного века (середина I тыс. н.э.). Помимо отложений, связанных с разновременными поселенческими структурами, в нижней части слоя на раскопе 1 зафиксированы 20 погребений, относящихся к нескольким могильникам, функционировавшим в период среднего мезолита — раннего неолита.

Существенным отличием средневековой части культурного слоя селища Минино I от "обычных" селищенских напластований можно считать его значительную мощность и относительно сложную стратиграфическую структуру. Данные об общей мощности слоя и толщине его средневековой части в различных раскопах приведены в таблице 4. Средневековый культурный слой представляет собой интенсивно гумусированную темно-серую (почти черную) супесь, содержащую многочислен-

Таблица 4

Поселение Минино I. Толщина культурного слоя в раскопах (без учета ям)

Раскоп	Площадь (кв. м)	Средняя толщина слоя (м)	Наличие отложений предшествующих эпох	Толщина средневековой части культурного слоя (м)		
				минимальная	средняя	максимальная
1	~158	0,75	да	0,20	0,40	0,58
2	6	0,35	?	0,22	0,35	0,40
3	96	0,50	?	0,23	0,50	0,70
4	30	0,55	да	0,25	0,40	0,54
5	10	0,55	да	0,28	0,35	0,37
6	8	1,4	да	0,12	0,20	0,30

Рис. 58. Селище Минино I. Раскоп 3 1999 г. на уровне второго пласта. Печные камни от развалов двух печей, исследованных в раскопе

ные печные камни, фрагменты печной обмазки, кости животных и рыбы. Большое количество обожженных печных камней, составляющее одну из характерных особенностей культурного слоя севернорусских поселений, фиксируется и на этом селище. Практически во всех раскопах на глубине 0,1 – 0,25 м от поверхности печные камни покрывали плотным слоем почти всю вскрытую площадь, залегая в несколько ярусов в районах развалов печей (рис. 58). В среднем они занимают от 6 до 11% в общем объеме средневекового слоя. Сведения о насыщенности исследованных участков средневекового культурного слоя поселения вещевыми находками и различными группами массового материала обобщены в таблице 5.

Больших по площади поздних перекопов, нарушающих средневековый слой, на изученных участках не отмечено, но сам слой содержит значительное количество разновременных ям, прорезающих лежащие ниже напластования. Из-за интенсивной окраски слоя не всегда удается четко зафиксировать контуры таких ям. Часть из них выявляется лишь по концентрации в средневековых напластованиях материалов предшествующих эпох. Однородная черная окраска средневекового слоя существенно затрудняет и выделение в пределах раскопов единых стратиграфических горизонтов. На большинстве раскопов прослойки, визуально выделяющиеся по окраске или составу, занимают небольшие по площади участки, позволяя устанавливать четкие стратиграфические соотношения только для отдельных комплексов или локальных участков. И лишь в раскопе 4 была выявлена мощная прослойка красно-оранжевого суглинка, связанная с разрушением большого теплотехнического сооружения, которая залегала почти на всей площади раскопа. Благодаря этому удалось достаточно надежно разделить слой на три сменяющих друг друга стратиграфических горизонта.

Минино I относится к разряду памятников с так называемым "сухим" культурным слоем. Но особенности кислотного баланса почвы, связанные, по заключению почвоведа, кандидата биологических наук П.В. Красильникова, с высоким удельным весом карбонатов в составе подстилающих моренных отложений, обеспечили хорошие условия для сохранности предметов из органических материалов – в первую очередь кости и рога. В слое встречается и береста, как в виде необработанных кусков, так и единичных изделий. Менее благоприят-

Таблица 5

Поселение Минино I.
Насыщенность средневекового культурного слоя находками (на 1 кв. м)

Раскоп	Индивидуальные находки	Определимые фрагменты средневековой керамики	Печная обмазка (кг)	Кости животных	Кости рыбы (без учета скоплений) (г)
1	12	93	0,31	88	24,3
2	13	118	0,04	50	35,5
3	24	109	5,21	135	98,8
4	16	150	1,62	127	229,6
5	29	99	0,11	118	13,9
6	4	22	0,03	41	0,97
В среднем	**17**	**98**	**1,08**	**121**	**83,6**

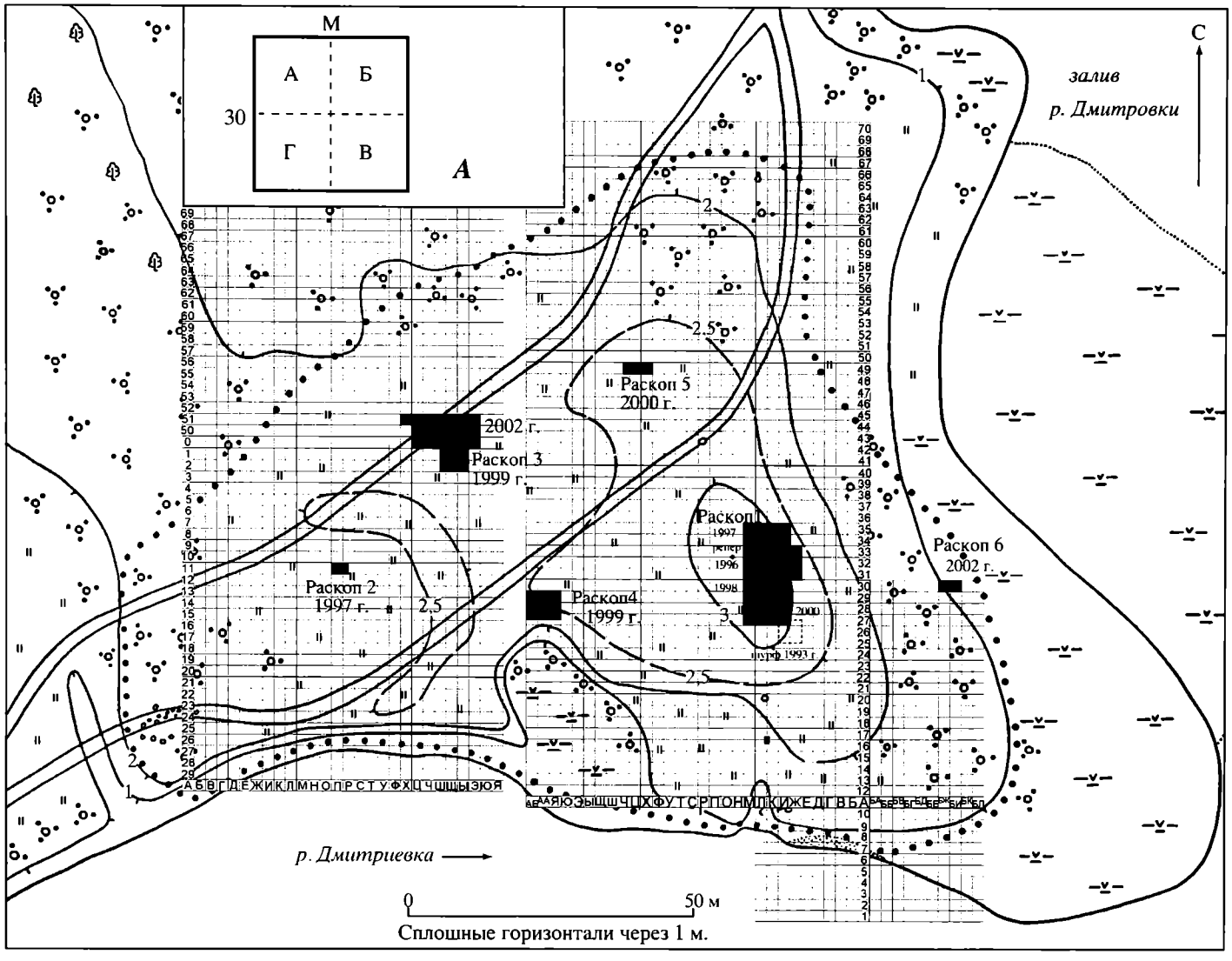


Рис. 59. Селище Минино I. План поселения с заложенными раскопами и сеткой разбивки памятника

А — схема разбивки двухметровых квадратов в раскопах на четверти

ными почвенные условия оказались для дерева. Остатки деревянных конструкций прослеживаются лишь на отдельных участках в виде пятен древесного тлена.

Хорошая сохранность культурных напластований Минино I изначально предполагала особое отношение к качеству проведения полевых работ, достижение которого возможно только при существенных временных и трудовых затратах. И уже первый год раскопок показал, что исключительно высокая насыщенность слоя вещевыми материалами, культурными и палеоэкологическими остатками позволяет качественно исследовать за один сезон лишь весьма ограниченный по площади участок. Это поставило под вопрос целесообразность исследования поселения по традиционной методике — единым раскопом на значительной площади, поскольку на вскрытие принятыми темпами даже 5 % площадки поселения потребовалось бы более 15 лет. Вместо этого на селище было заложено шесть небольших раскопов, обеспечивших возможность изучения культурного слоя и сооружений и сбора вещевого материала на различных его участках. При этом в наиболее интересной части селища (раскоп 1), вскрытая площадь ежегодно увеличивалась за счет исследования примыкавших друг к другу участков (рис. 59). Предложенный подход позволил получить необходимые данные для характеристики планиграфии, стратиграфии и динамики развития всего поселения и собрать представительную коллекцию вещевого материала, сохранив в целостности значительную часть памятника.

Небольшой по размерам раскоп был заложен и на поселении **Владышнево I** (рис. 47, 51), где конная распашка, вероятно недолгая, потревожила лишь верхнюю часть культурного слоя, в то время как лежащие ниже напластования сохранили свою целостность. На этом селище не выявлены стратифицированные слои ранних эпох, но в средневековых отложениях присутствовало некоторое количество кремневых изделий, свидетельствующее о том, что

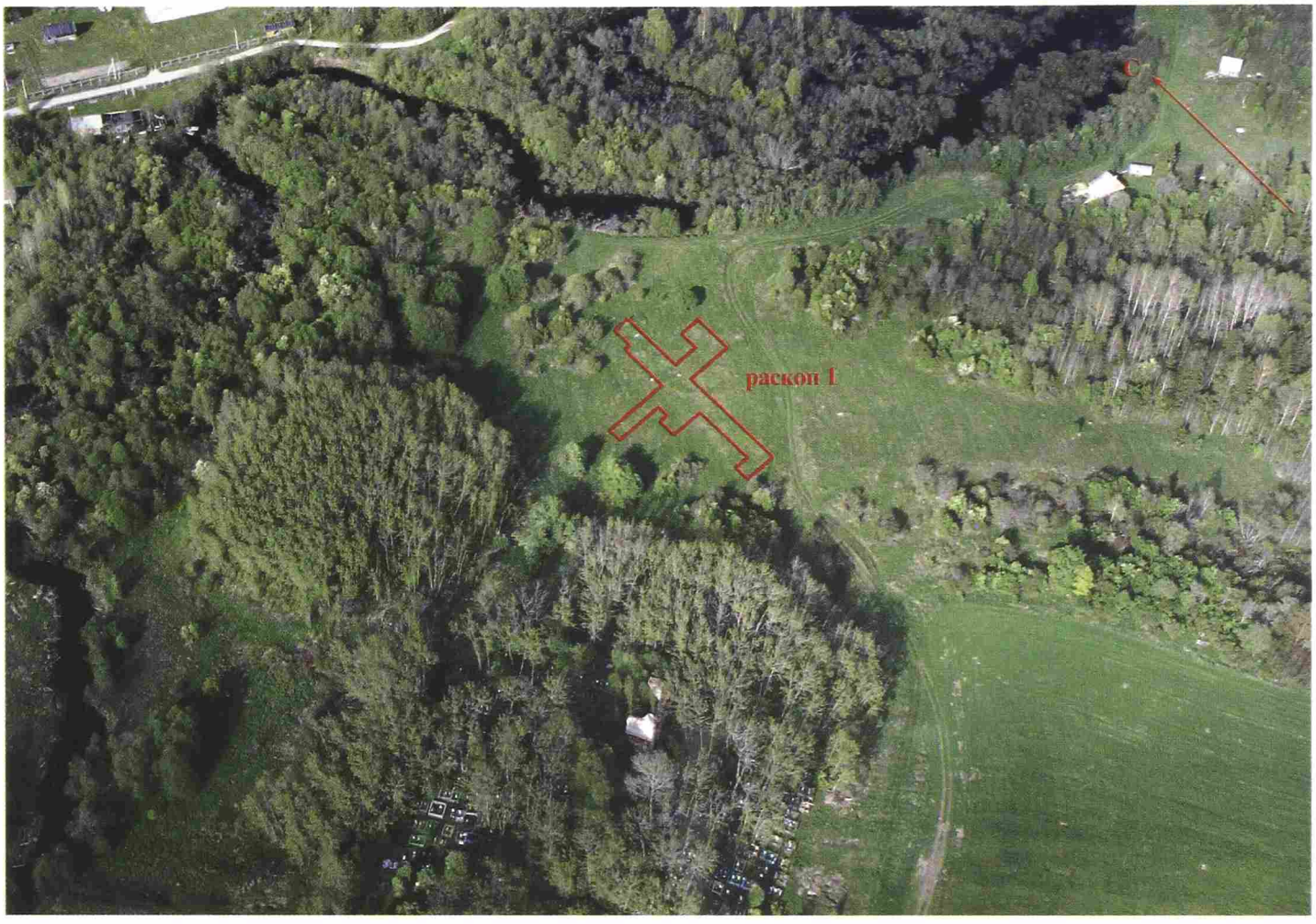


Рис. 60. Селище Минино VI. Вид поселения с юго-запада. В нижней части снимка видны развалины церкви Дм. Солунского и современное кладбище

здесь находилась мезолитическая стоянка, слой которой в пределах раскопа был полностью переработан в средневековое время. Сведения о толщине культурного слоя и насыщенности исследованного участка различными находками обобщены в таблице 6. По степени гумусированности и цвету (почти черная супесь) он близок слою поселения Минино I, но имеет меньшую мощность и более простую структуру. Существенным отличием является и меньшая насыщенность культурного слоя различными видами находок. Это, учитывая, что вся собранная на селище средневековая керамика является лепной, позволяет полагать, что период жизни поселения был достаточно кратким.

Иная ситуация зафиксирована на поселении **Минино VI** (рис. 60), сохранность культурного слоя которого можно считать типичной для основной массы древнерусских селищ. Культурные отложения здесь четко разделяются на два слоя. Верхняя часть представляет собой аморфную темно-серую гумусированную супесь толщиной 20—38 см — пахотный слой, возникший в ходе многолетней, а скорее — многовековой, распашки. Следы тракторной пахоты отчетливо читаются на поверхности в виде многочисленных параллельных гряд и борозд, вытянутых по направлению юго-запад — северо-восток. В этом же направлении идут и наиболее многочисленные и глубокие борозды, прослеженные на материке (рис. 61). Кроме них выявлены более редкие узкие и короткие борозды, идущие еще, по крайней мере, в четырех различных направлениях. Их можно считать следами более ранней конной пахоты,

Таблица 6

Селище Владышнево I.
Толщина культурного слоя в раскопе (без учета ям) и его насыщенность находками (на 1 кв. м)

Площадь (кв. м)	Средняя толщина культурного слоя (м)	Насыщенность (на 1 кв. м)				
		Индивидуальные находки	Определимые фрагменты средневековой керамики	Печная обмазка (кг)	Кости животных	Кости рыбы (без учета скоплений) (г)
16	0,35	1,7	85	0,006	0,13	0,06

Рис. 61. Селище Минино VI. Раскоп 2003 г. на уровне зачистки материка. Видны темные пятна средневековых ям и борозды тракторной распашки, которые отчетливо читаются и на окружающей раскоп поверхности

наличие которой на этом участке фиксируется и планом Генерального Межевания (рис. 46).

Под слоем пахоты залегал не потревоженный распашкой средневековый культурный слой, представленный темно-серой (почти черной) интенсивно гумусированной супесью, насыщенной печными камнями, крупными фрагментами керамики и костями животных и рыбы. Этот слой сохранился практически только в материковых ямах (рис. 62). Помимо ям он был зафиксирован лишь на нескольких, незначительных по площади, участках — в местах естественного понижения материка, где достигал толщины до 0,07 м.

На селище нет напластований предшествующих эпох, но встречены отдельные фрагменты керамики раннего железного века, ямочно-гребенчатой керамики и кремневые изделия. Благодаря небольшой толщине и относительно простой структуре слоя, за три года раскопок здесь удалось исследовать 588 кв. м. Для сбора более полной информации о характере планировки и динамике развития селища заложенный раскоп имел форму двух широких взаимоперпендикулярных траншей, с дополнительным расширением в месте их пересечения там, где была обнаружена наиболее насыщенная культурными остатками часть поселения. Сведения о толщине культурного слоя и его насыщенности вещевыми находками и различными группами массового материала представлены в таблице 7.

Меняя стратегию ведения раскопок в зависимости от характера и сохранности культурных отложений на памятниках, мы, тем не менее, постара-

Таблица 7

Селище Минино VI.
Толщина культурного слоя в раскопе (без учета ям) и его насыщенность находками (на 1 кв. м)

Площадь (кв. м)	Средняя толщина культурного слоя (м)	Насыщенность (на 1 кв. м)				
		Индивидуальные находки	Определимые фрагменты средневековой керамики	Печная обмазка (кг)	Кости животных	Кости рыбы (без учета скоплений) (г)
588	0,30	3	17	0,09	8	6,1

Рис. 62. Селище Минино VI. Не потревоженный распашкой средневековый культурный слой второй половины XI–XII в., сохранившийся в яме 23. Вид с востока

лись выработать и применить единую методику исследования самого слоя, при которой на всех этапах работ ставилась задача повышения в первую очередь их качества, а не скорости проведения.

Разбивка раскопов на поселениях осуществлялась в соответствии с изначально созданными координатными сетками, в которых одна сторона квадрата обозначалась арабскими цифрами, а другая — буквами русского алфавита (исключая буквы Ё, З, Й, Ъ, Ь). При этом после буквы Я для обозначения квадратов использовались сочетания из двух и более букв (АА, АБ, АВ и т.д.), что позволяет построить единую координатную сетку с уникальным индексом для каждого квадрата на памятнике практически любого размера. Квадраты, на которые разбивались раскопы, первоначально имели принятые для исследования средневековых поселений размеры 2 × 2 м. Однако после первого года раскопок стало ясно, что достигаемый при этом уровень точности в фиксации массового материала явно недостаточен для результативного планиграфического анализа и детального изучения особенностей распределения различных категорий находок. Поэтому в дальнейшем каждый квадрат дополнительно разделялся на четыре сектора, которые обозначались буквами русского алфавита (А, Б, В, Г) (рис. 59). В итоге массовый материал, собранный на каждом квадратном метре памятника, получал свой точный адрес, состоящий из трех частей (например: М-30-В).

Раскопки велись по пластам толщиной 0,1 м, а в тех случаях, когда позволяли особенности стратиграфического членения культурных напластований — с учетом литологических слоев. Культурный слой разбирался лопатами и совочками, тонкими горизонтальными зачистками толщиной 1–1,5 см. Места скопления печных камней, которые занимали значительную часть площади раскопов на поселениях Минино I и Владышнево I, и фиксируемые в раскопах ямы, разбирались с помощью совочков и ножей. Вынутый при разборке грунт во всех случаях перебирался руками на месте.

Пластовые чертежи и чертежи профилей раскопов на памятниках с насыщенным слоем выполнялись в масштабе 1 : 10, что позволило существенно повысить их информативную насыщенность. В случае необходимости в местах наиболее плотного скопления печных камней на один пласт вычерчивалось два плана. Печные и необожженные камни, фрагменты керамики, печной обмазки и кости размером более 5 см наносились на планы в масштабе,

менее крупные фрагменты обозначались на чертежах условными значками. При этом особыми знаками маркировались различные хронологические и технологические (для эпохи Средневековья) группы керамики, кости животных, человека и рыбы, необожженные и печные камни, в том числе пережженные до дресвы. При снятии слоя пахоты на селище Минино VI пластовые чертежи и профили раскопа выполнялись в масштабе 1 : 20, но для материковых ям вычерчивались отдельные планы и разрезы в масштабе 1 : 10.

Учет основных групп массового материала (керамики, костных остатков, печной обмазки, шлаков) в первые годы раскопок велся по принятой в средневековой археологии схеме — путем подсчета количества обнаруженных фрагментов. Однако уже предварительные итоги статистического анализа распределения этих находок в различных напластованиях и объектах культурного слоя показали, что для получения достоверных и надежных данных при любых сопоставлениях необходимо оперировать значительными по объемам выборками. В то время как результаты анализа на уровне отдельных комплексов и итоги более детальных сравнений, опирающихся на относительно небольшие по размерам выборки, во многом зависят не только от реальной насыщенности слоя теми или иными находками, но и от степени фрагментированности материала. Причем дать объективную оценку этому фактору и учесть его при дальнейшем анализе оказывается весьма сложно. Поэтому помимо подсчетов мы стали взвешивать все выделяемые при камеральной обработке группы и подгруппы массового материала.

Использование весовых показателей представляется наиболее удобным способом получения самых точных и детальных сведений о распределении массового материала, требующим к тому же наименьших временных затрат. При этом необходимо соблюдать лишь одно простейшее условие — взвешиваться должен только вымытый (очищенный от земли) и полностью высушенный материал. Обобщив опыт применения весовых показателей, в дальнейшем мы полностью отказались от подсчетов двух наиболее многочисленных на мининских селищах групп массового материала — костей и чешуи рыбы и фрагментов печной обмазки, поскольку при весьма значительной трудоемкости этой операции, получаемые сведения оказываются малоинформативны. Однако все остальные группы массового материала не только взвешивались, но и подсчитывались, чтобы не утратить возможности сопоставления полученных данных с результатами исследований тех памятников, где статистический учет велся по традиционной схеме. Опираясь на накопленный опыт можно привести несколько небезынтересных, на мой взгляд, примеров, позволяющих судить об информативности статистических данных, получаемых при подсчете и взвешивании находок.

На селище Минино I в раскопе 3 (2002 г.) общей площадью 66 кв. м было собрано 12 602 фрагмента керамики или 51,1 кг, из которой 5615 фрагментов (42,9 кг) удалось отнести к различным хронологическим и технологическим группам. Остальную керамику (6987 фрагментов или 8,2 кг) соотнести с какими-либо определенными группами, главным образом из-за очень маленьких размеров фрагментов, не удалось. Если мы попытаемся вычислить степень насыщенности культурного слоя керамикой, опираясь на данные о количестве фрагментов, то столкнемся с известными трудностями. В зависимости от включения или исключения из подсчетов мелкой керамики получаются существенно (более чем в 2 раза) отличающиеся результаты — 191 или 85 фрагментов на 1 кв. м. Столь значимая разница заставляет с осторожностью относиться к обеим цифрам и ставит под сомнение возможность их адекватного сопоставления с результатами раскопок на других памятниках. В первом случае полученный результат можно без сомнения считать завышенным, а во втором происходит безусловная потеря части информации. При этом корректно оценить как уровень завышения, так и объем исключаемых из анализа данных практически невозможно. Они зависят не только от объективных, но не поддающихся точной оценке факторов (например, степень измельчения керамики при распашке), но и от субъективно устанавливаемых каждым исследователем размеров фрагментов, относимых к числу мелкой (неопределимой) керамики. Использование весовых показателей исключает подобные проблемы. В данном случае легко определить, что, несмотря на численное преобладание мелких фрагментов, составляющих более 55% от общего количества, на долю мелкой керамики в весовом исчислении приходится лишь 16%. Именно такой объем информации останется за рамками анализа при учете только определимых фрагментов, а наиболее точно и полно устанавливаемая степень насыщенности культурного слоя керамикой в этом раскопе составляет 0,775 кг на 1 кв. м.

Два других примера базируются на результатах раскопок в 2001 и 2003 гг. на селище Минино VI, культурный слой которого серьезно пострадал от распашки. В пахотном слое здесь собрано 8205 фрагментов (38,9 кг), а в комплексах ям — 1856 фрагментов (18,4 кг) определимой средневековой (лепной и круговой) керамики. Пытаясь оценить разницу в степени насыщенности средневековой керамикой пахотного слоя и культурного слоя в ямах, при подсчете по количеству обнаруженных фрагментов выясняем, что пахотный слой содержит в 4,4 раза больше керамики, чем слой ям (81,6% всей средневековой керамики в раскопе), а при использовании весовых показателей — лишь в 2,1 раза (67,4%). Получаемые значения различаются более чем в 2 раза. Причина различий совершенно ясна — керамика в пахотном слое измельчена в ходе многолетней распашки, т.е. количество фрагментов увеличено искусственно. Но без использования весовых показателей невозможно ни установить реальную разницу в насыщенности керамикой различных частей культурного слоя, ни оценить степень измельченности керамики в пахоте.

Приведенные случаи показывают, что даже значительные размеры выборок не всегда гарантируют получение надежных результатов, особенно при

включении в анализ специфических групп находок. Еще сложнее дело обстоит при работе с менее объемными выборками и материалами отдельных комплексов, хотя зачастую именно они являются не только самыми многочисленными, но и содержат наиболее интересную и важную информацию. Так, для средневековых памятников Белозерья соотношение лепной и круговой керамики, благодаря длительному бытованию лепной посуды, является очень важным и надежным хронологическим критерием, актуальным для периода протяженностью более 2,5 столетий. Суммарно во всех комплексах ям на селище Минино VI доля лепной керамики составляет около 68%. Благодаря относительно большому общему объему выборки, различие по этому показателю при подсчетах по весу и количеству фрагментов составляет всего 1,8%. Анализ состава керамических коллекций в конкретных комплексах (данные по 53 закрытым комплексам, содержащим лепную и круговую керамику — всего 1725 фрагментов или 13,38 кг; колебания по количеству — от 2 до 196 фрагментов, в среднем — 32,5 фрагмента, по весу — от 0,007 до 1,88 кг, в среднем — 0,252 кг) показывает, что в разных ямах доля лепной керамики изменяется от 4 до 98%. Однако разница в результатах, получаемых при разных способах учета керамики в каждой яме, может доходить до 38%! Причем, несмотря на общую тенденцию уменьшения разницы с увеличением размеров выборки, даже в комплексах, содержащих более 32 определимых фрагментов (среднее значение для ям), она достигает 10%. И в данном случае лишь использование весовых показателей позволяет установить реальное соотношение лепной и круговой керамики в каждой конкретной яме и провести их датировку более надежно и точно.

С самого начала исследований существенные усилия были направлены не только на как можно более тонкую разборку культурных отложений, повышение информационного потенциала массового материала и уровня фиксации обнаруживаемых в раскопах объектов и предметов, но и на максимально полное извлечение находок из культурного слоя. Особое внимание к вещевому набору представляется необходимым и оправданным, поскольку именно вещевая коллекция является одной из важнейших составных частей любого археологического комплекса, а точность и надежность выводов во многом зависят от количества находок, обнаруженных в ходе раскопок. Причем, как показывает опыт исследований, применение различных технических приемов и приспособлений для извлечения находок из слоя может существенно скорректировать и даже кардинально изменить представление об общем наборе предметов и наиболее ярких особенностях материальной культуры поселения, которые обычно рассматриваются как некая данность, как объективная реальность, не зависящая от субъективных факторов.

В последние годы интерес к решению этой проблемы в средневековой археологии заметно повысился. Довольно широкое распространение получили различные виды металлодетекторов, позволяющие значительно увеличить общие размеры вещевых коллекций, собираемых на исследуемых памятниках. Между тем, эти приборы имеют один весьма существенный недостаток — избирательность действия. С их помощью можно выявлять только металлические предметы, составляющие лишь часть (иногда незначительную) всего списка возможных археологических находок. В результате в вещевом наборе, собранном на памятнике при масштабном использовании металлодетекторов, искусственно завышается доля металлических предметов. Вещевая коллекция утрачивает репрезентативность и не может адекватно отразить все особенности материальной культуры поселения, а его сравнение с другими памятниками наталкивается на значительные трудности. Поэтому применение металлодетекторов в ходе стационарных раскопок может быть рекомендовано лишь как один из приемов, дополняющих общий комплекс мероприятий, призванных увеличить количество находок, извлекаемых из культурного слоя. И использоваться они должны в первую очередь для контроля над качеством ручной переборки грунта. При этом все обнаруженные с помощью металлодетектора вещи необходимо снабжать соответствующими пометками о происхождении в коллекционных описях.

Подобных изъянов лишен другой методический прием — просеивание и промывка культурного слоя на мелкоячеистых металлических сетках или промывочных столах. Просеивание грунта при раскопках для более полного извлечения находок из слоя нельзя назвать чем-то новым. Как явствует из приведенного эпиграфа, сита в состав раскопочного снаряжения впервые были включены еще на заре становления русской археологии — при первых исследованиях владимирских курганов. Ныне промывка и просеивание широко и с большим успехом применяются как зарубежными, так и российскими археологами при изучении памятников эпохи первобытности, а в последнее время все чаще используются и в средневековой археологии (*Носов и др.*, 1995. С. 17; *Френкель*, 1997. С. 129—130).

Широкомасштабная промывка и просеивание исследованного культурного слоя осуществлялись и в ходе раскопок памятников Мининского комплекса. Необходимо подчеркнуть, что земля для промывки и просеивания бралась после переборки — из отвалов. Для того чтобы обеспечить ритмичность работы на раскопе и более точную привязку обнаруживаемых в отвале находок, грунт из каждого пласта ссыпался в раздельные маркированные кучки по четвертям квадратов, откуда затем брался выборочно для промывки или просеивания. Полученные при этом находки не наносились на план — в описях они привязывались к той четверти квадрата (квадратному метру), откуда происходила земля, и помечались словом "сито". В случае промывки небольших порций земли из определенного места, находки отмечались на плане. Оставшаяся часть отвалов, которую не удавалось промыть или просеять на мелкоячеистых ситах, по мере возможности пробрасывалась через грохот — металлическую сетку с ячеей 1,5 × 2 см (рис. 63).

В ходе раскопок мы опробовали различные способы ведения промывки, ежегодно совершенствуя

Рис. 63. Пробрасывание через грохот культурного слоя после ручной переборки в раскопе

Рис. 64. Промывка культурного слоя на круглых мелкоячеистых металлических ситах

методику и технику этой работы с тем, чтобы получить наиболее оптимальное сочетание показателей качества и скорости. Первоначально (в 1996–1998 гг.) промывка велась на круглых металлических ситах заводского изготовления диаметром около 30 см с ячеей 1 × 1 мм в речке, куда подносилась земля из раскопа (рис. 64). Эти сита прекрасно зарекомендовали себя при исследованиях переотложенного водой культурного слоя древнего Белоозера (*Захаров*, 2004. С. 26). Начиная с 2000 г. мы стали применять для промывки большие самодельные сита, представлявшие собой деревянный короб размерами около 1 × 0,5 × 0,12 м, на который натягивалась металлическая сетка с ячеей от 2 × 2 до 4 × 4 мм. Сита подвешивались на треногах в речке, куда доставлялась земля из раскопа (рис. 65). Просеивание слоя производилось возле раскопов на таких же ситах, подвешенных на треногах, но с более крупной ячеей — от 3 × 3 до 5 × 5 мм. (рис. 66). В 1999–2000 гг. помимо сит при работе на Минино I использовался промывочный стол, представлявший собой обтянутую брезентом длинную наклонную плоскость с бортиками и небольшими поперечными валиками, на которую непрерывно подавалась регулируемая струя воды из расположенного на селище источника (рис. 67).

Рис. 65. Промывка культурного слоя на большом мелкоячеистом сите

Рис. 66. Просеивание культурного слоя на большом мелкоячеистом сите

Производительность труда при промывке и просеивании зависит от целого ряда факторов — от состава грунта, опыта рабочих и особенностей организации самого процесса работ. Наличие опыта оказывает существенное влияние и на качество работы. В контрольной промывке из одинакового объема земли (по 600 л.), взятой из одних и тех же мест, рабочие, в течение нескольких сезонов промывавшие переотложенный культурный слой на Белоозере, извлекли в два раза больше находок, чем их менее опытные коллеги. При работе на промывочном столе наличие или отсутствие опыта практически не влияло на качество и скорость работы. Вероятно, поэтому на промывочном столе были достигнуты наилучшие показатели качества промывки. Значительно более высокую производительность, в первую очередь за счет существенного увеличения площади сита, хотя и с несколько худшим качеством, удалось получить при промывке на больших ситах с ячеей 2 — 4 мм. Близкие показатели по скорости работы были достигнуты и при просеивании грунта на больших ситах. В то же время качество работы здесь оказалось наихудшим. Отмечены случаи пропуска крупных по размерам находок, поскольку даже при небольшой влажности грунта (после дождя, при тумане), земля на сите начинает скатываться в комки, налипать на камни и на-

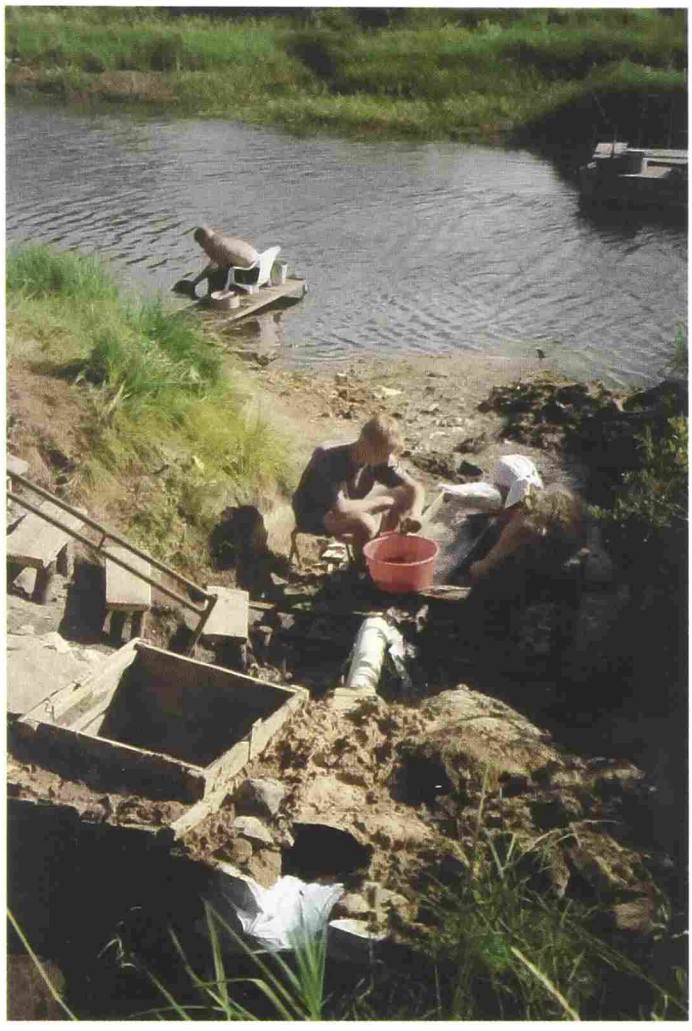


Рис. 67. Промывка культурного слоя с использованием промывочного стола, на который непрерывно подается регулируемая струя воды из источника

ходки. Это обстоятельство, особенно при наличии большого количества мелких камней в культурном слое, не только существенно осложняет поиск находок, но и приводит к резкому падению скорости просеивания. Кроме того, в отличие от промывки, когда находки отмываются водой и становятся более заметными, при просеивании они остаются грязными и поэтому выявляются с большим трудом.

При описанных способах организации работы сам поиск находок осуществлялся непосредственно в ситах. После того как поддающаяся размыванию (просеиванию) часть земли уходила сквозь сетку, оставшийся грунт равномерно распределялся по ситу и перебирался для извлечения находок. Как уже отмечалось, в таких условиях количество обнаруживаемых находок напрямую зависит от опыта работающих на ситах людей. Это накладывает определенные ограничения на возможности увеличения масштабов промывки, поскольку для качественной работы необходимо значительное число промывщиков, обладающих высокой квалификацией. Существенных трудозатрат требовал и сам процесс транспортировки земли от раскопа к водоему, где устанавливались сита. Более того, при масштабной промывке возникали проблемы с засыпкой раскопов после окончания работ, так как для полной рекультивации исследованных участков приходилось восполнять вынутый для промывки объем земли.

Поэтому, начиная с 2001 г., мы изменили схему организации промывочного процесса. В первую очередь из железных листов толщиной 4 мм были изготовлены ванны емкостью около 800 литров каждая. Их форма и размеры разрабатывались с таким расчетом, чтобы при всыпании большого объема земли уровень воды в ванне повышался незначительно, а при ее заполнении отработанный грунт можно было быстро вычерпать совковой лопатой (рис. 68). Ванны, для удобства хранения и транспортировки, изготавливались с небольшой разницей в размерах (на 3—4 см) так, чтобы они могли вкладываться одна в другую.

Ванны устанавливались в непосредственной близости от раскопа и с помощью мотопомпы заполнялись водой из ближайшего водоема; над ними на треногах подвешивались сита (рис. 69). Вода в ваннах заменялась или доливалась по мере необходимости. В среднем воду требовалось полностью менять один раз в сутки. Кроме того, мы отделили процесс поиска находок от самой промывки. Оставшаяся после промывки часть грунта ссыпалась из сит в небольшие емкости, снабженные соответствующими этикетками, и затем перебиралась на специально оборудованном рабочем столе со светлой поверхностью (рис. 70). Такое разделение труда позволило не только существенно увеличить скорость работы, но и повысить ее качество. Благодаря тому, что операция по поиску находок, требующая значительных временных затрат и высокой квалификации работающих, отделена от самой промывки, на ситах могут работать даже люди, не имеющие никакого опыта.

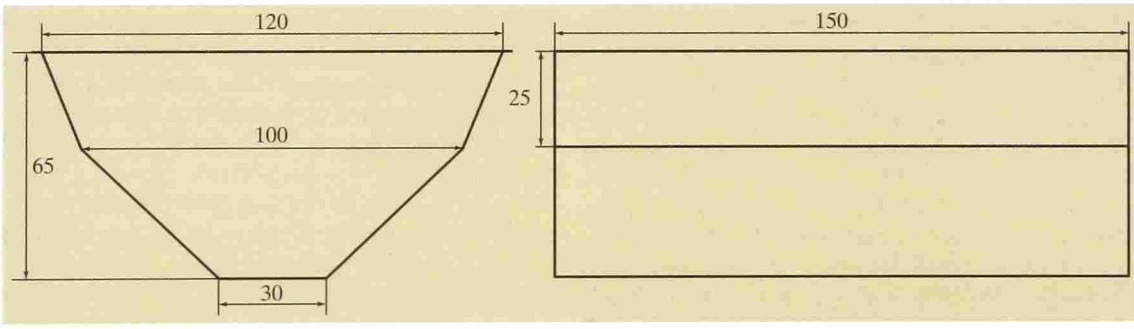


Рис. 68. Железная ванна, использовавшаяся для промывки культурного слоя. Размеры приведены в сантиметрах

Рис. 69. Промывка культурного слоя в ваннах

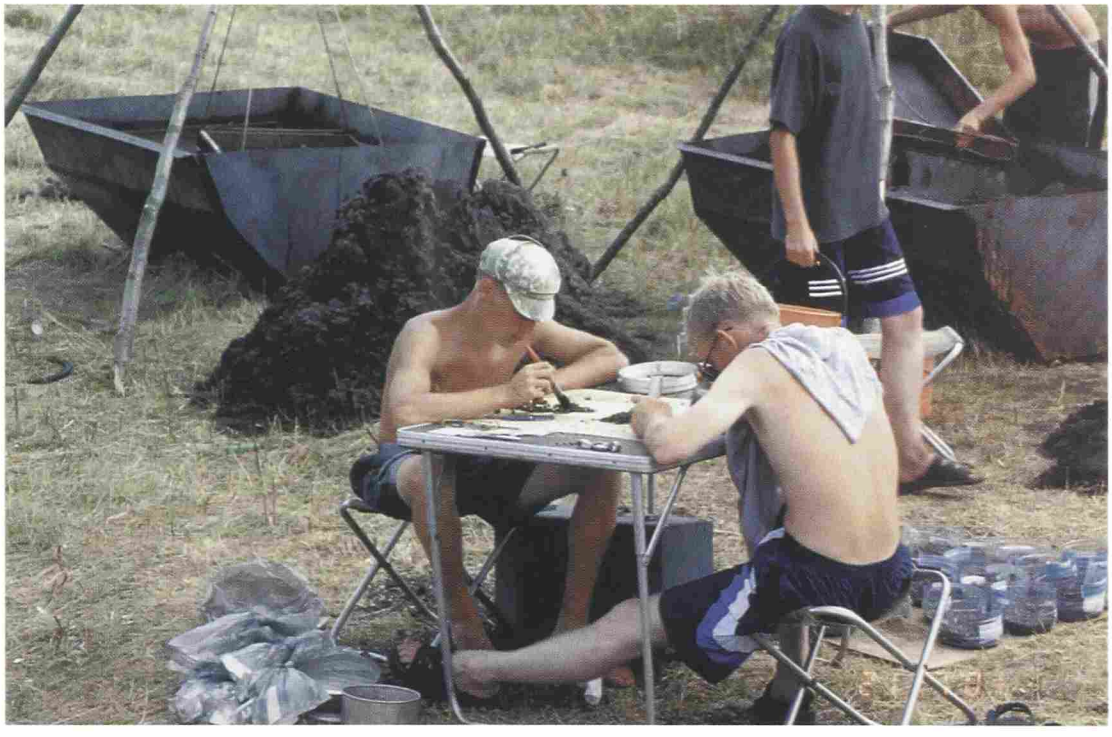


Рис. 70. Извлечение находок из отмытого грунта на рабочем столе со светлой поверхностью

Существенно возросла интенсивность использования оборудования — в одной ванне удавалось промыть до 700 литров грунта за рабочий день. Поскольку поиск находок теперь ведется в более комфортных условиях, увеличилось как количество обнаруживаемых предметов, так и скорость этой работы. Соответственно уменьшилась потребность в высококвалифицированном персонале, так как в зависимости от состава грунта (объема остающейся после промывки части) один человек успевает обработать материалы, поступающие с двух — четырех сит.

Предложенный подход к организации промывки позволил достичь наиболее оптимального сочетания производительности труда и качества работы. Примерная оценка соотношения этих показателей при использовании различных способов промывки и просеивания культурного слоя представлена в таблице 8, где в основу расчетов положены данные, полученные при работе на промывочном столе.

Всего в ходе раскопок на селищах в Минино было промыто и просеяно около 1/3 общего объема вскрытого средневекового культурного слоя, из которого извлечено более 42% всех вещевых находок, собранных на селищах (табл. 9, 10).

Для получения статистически достоверных результатов, дающих представление о преимуществах

Таблица 8

Соотношение качества и производительности работ при использовании разных способов промывки и просеивания

Метод работы	Среднее количество		Средние показатели	
	находок из 100 литров грунта	литров грунта на 1 рабочего в день	качество	производительность
Промывка на промывочном столе	4,8	120	1	1
Промывка в ваннах на больших ситах с ячеей 2–4 мм	3,9	550	0,81	4,58
Промывка в водоеме на больших ситах с ячеей 2–4 мм	3,4	350	0,72	2,92
Промывка в водоеме на круглых ситах с ячеей 1 мм	3,4	65	0,72	0,54
Просеивание на больших ситах с ячеей 3 – 5 мм	2,7	340	0,57	2,83

Таблица 9

Сведения о промытой и просеянной в 1996–2000 гг. части культурного слоя селища Минино I

Раскоп, год	Площадь (кв. м)	Всего в промываемых пластах			Всего в промывке				Доля промытой земли в общем объеме промываемых пластов (%)	Доля находок из промывки в общей коллекции находок из промываемых пластов (%)
		литров	находок*	плотность находок (штук на 100 л. слоя)	литров	находок	литров на находку	литров на находку с учетом плотности находок		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1 – 1996	60	19 530	383	2	1266	58	21,8	10,8	6,5	15,1
2	6	1955	76	3,9	478	45	10,6		24,5	59,2
1 – 1997	32,5	13 890	425	3,1	2665	149	17,9	17,4	19,2	35,1
1 – 1998	32	17 360	334	1,9	2822	94	30		16,3	28,1
3 – 1999	30	17 900	940	5,3	2293	221	10,4		12,8	23,5
4	30	13 020	399	3,1	2516	89	28,3	34,4	19,3	22,3
1 – 2000	33,5	17 900	718	4	12 743	416	30,6		71,2	57,9
5	10	5425	292	5,4	3589	131	27,4		66,2	44,9
Всего	**234**	**106 980**	**3567**	**3,3**	**28 372**	**1203**	**23,6**	**25,6**	**26,5**	**33,7**

*Учтены все находки из промываемых пластов.

и недостатках этого метода, в ходе раскопок 1996 – 2000 гг. проводился точный подсчет объемов промываемого и просеиваемого грунта. Результаты работы отражены в таблице 9. Всего в нее включены данные об итогах промывки и просеивания 28 372 литров культурного слоя. Измерение объема промытой и просеянной части слоя велось ведрами с пересчетом в литры. Промывке подвергались только средневековые напластования. Тем не менее, в первые годы раскопок из-за значительной трудоемкости процесса, она велась не во всех пластах. Лишь после 1999 г., благодаря использованию больших сит и промывочных столов, удалось в той или иной степени охватывать всю толщу средневекового слоя. Для получения более объективной картины в таблицу включены сведения только о тех пластах, из которых бралась земля для промывки. В то же время, представленная выборка достаточно внушительна — из учтенных пластов происходит более 94% всех индивидуальных средневековых находок, обнаруженных в анализируемых раскопах. Расчет общего объема земли в промываемых пластах (столбец 3) основан на предположении о том, что объем пласта толщиной 10 см на площади в 1 кв. м равен 100 литрам. При этом был введен поправочный коэффициент, учитывающий две разнонаправленные тенденции — увеличения объема земли при рыхлении (измерения показали, что объем возрастает на 18 – 20%) и уменьшения объема при извлечении печного камня, занимающего в слое от 6 до 11% объема.

В таблице 9 наиболее интересные для анализа данные содержатся в столбцах 8 – 11. Весьма важны

Таблица 10

Общий состав вещевой коллекции и находки, полученные при промывке и просеивании культурного слоя селищ Мининского археологического комплекса

	Минино I			Минино VI			Владышнево I			**Итого**		
	Всего находок	Из них получено при промывке и просеивании	%	Всего находок	Из них получено при промывке и просеивании	%	Всего находок	Из них получено при промывке и просеивании	%	Всего находок	Из них получено при промывке и просеивании	%
Изделия из стекла	1454	893	*61*	340	254	*75*	9	8	*89*	**1803**	1155	***64,1***
Изделия из цветных металлов	1147	407	*35*	554	358	*65*	8	5	*62*	**1709**	770	***45,1***
Изделия из железа	1925	567	*29*	832	419	*50*	9	1	*11*	**2766**	987	***35,7***
Изделия из камня	180	18	*10*	25	9	*36*	–	–	–	**205**	27	***13,2***
Изделия из кости и рога	288	23	*8*	37	4	*11*	–	–	–	**325**	27	***8,3***
Изделия из глины	183	10	*5*	67	6	*9*	2	1	*50*	**252**	17	***6,7***
Итого	**5177**	**1918**	***37***	**1855**	**1050**	***56***	**28**	**15**	***54***	**7060**	**2983**	***42,2***

цифры, показывающие, сколько промытых литров грунта приходится на одну находку (столбец 8). Это значение, с учетом насыщенности слоя находками (столбец 5), позволяет судить о качестве проведенных раскопок. Действительно, чем меньше плотность находок в слое и выше качество раскопок, тем больше литров отвала необходимо промыть для получения одной находки. Если ввести поправочный коэффициент, учитывающий колебания плотности находок, то все раскопы по этому показателю разделятся на три группы (столбец 9). В группе А (раскопы 1 (1996 г.) и 2) он равен 10,8 литра на находку, в группе Б (раскоп 1 (1997 и 1998 гг.), раскоп 3 (1999 г.)) — 17,4, а в группе В (раскопы 1 (2000 г.), 4 и 5) — 34,4. Исходя из полученных результатов, можно утверждать, что наиболее качественно полевые работы проведены на раскопах 5 и 1 2000 г. и раскопе 4, где учитывался опыт предшествующих лет и велась масштабная промывка слоя, а наименее качественно — на раскопе 2 и раскопе 1 1996 г., когда значительная часть рабочих впервые принимала участие в раскопках средневекового памятника.

Приведенные сведения необходимо учесть при рассмотрении рисунка 71, на котором в виде точечной диаграммы представлено соотношение объема промытой земли и количества находок, происходящих из этого объема (столбцы 10 и 11 табл. 9). При таком способе представления данных можно построить линии тренда для раскопов, объединенных в группы по качеству работ, и предсказать поведение графиков, вычисляя предполагаемые значения переменных на основе уже известных величин[1]. Кроме того, при использовании показателя определенности[2] можно оценить степень достоверности построенных графиков.

Полученные графики (рис. 71) важны тем, что они позволяют определить количество находок, которое может быть получено при промывке всего объема культурного слоя. Иными словами, появляется возможность оценить количество находок, которое при отсутствии промывки попадает в отвалы. Для Минино, с учетом результатов работы на анализируемых раскопах, можно утверждать, что в случае промывки всего слоя, доля находок из промывки, принимая за 100% общее количество реально найденных вещей, увеличится в группе В до 76%, в группе Б — до 180%, а в группе А — до 242 %. Другими словами, при отсутствии промывки в отвалы уходит от 56,6 (группа В) до 79,4% (группа А) всех находок, содержащихся в культурном слое. При этом степень достоверности расчетов весьма высока: показатель определенности колеблется в интервале от 0,84 до 0,99. Чрезвычайно важно отметить близость расчетной величины для группы В с реально полученными в 2000 г. результатами, когда удалось полностью промыть и просеять три пласта культурного слоя из раскопа 1 и два пласта из раскопа 5. В них на долю вещей из промывки и просеивания приходится 55% всех находок.

Выявленное соотношение касается, главным образом, количества, а не качества вещей. В отвалы попадают в первую очередь небольшие по размерам находки или обломки предметов. Вместе с тем, среди наиболее крупных вещей, обнаруженных при промывке слоя в Минино, присутствуют целые ножи, железные гвозди, клинья, височные кольца, а ценность

[1] Линии тренда на графике рассчитаны по арифметической формуле, которая используется для аппроксимации данных по методу наименьших квадратов в соответствии с уравнением: $y = mx + b$, где m — угол наклона и b — координата пересечения оси абсцисс.

[2] Показатель определенности, или R^2 — это число от 0 до 1, которое отражает близость значений линии тренда к фактическим данным. Чем больше величина этого показателя, тем достовернее линия тренда.

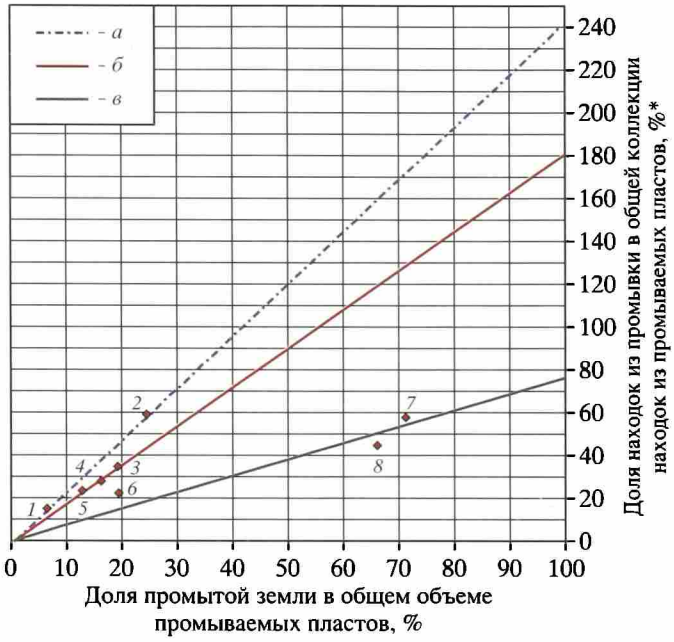


Рис. 71. Расчет количества находок, которые можно получить при промывке и просеивании всего объема средневекового культурного слоя селища Минино I

Реальные показатели по раскопам: *1* — раскоп 1 — 1996 г.; *2* — раскоп 2; *3* — раскоп 1 — 1997 г.; *4* — раскоп 1 — 1998 г.; *5* — раскоп 3 — 1999 г.; *6* — раскоп 4; *7* — раскоп 1 — 2000 г.; *8* — раскоп 5. Расчетные линии тренда по группам: а — группа А (R^2 = 0,999); б — группа Б (R^2 = 0,975); в — группа В (R^2 = 0,843)

* За 100% принято реальное количество находок, полученных из подвергавшейся промывке и просеиванию части культурного слоя

многих находок определяется не только их размерами или степенью сохранности. С другой стороны, совершенно очевидно, что количество и размер попадающих в отвал предметов впрямую зависят от качества проведения полевых работ. Можно выделить три основных фактора, влияющих на этот показатель — скорость работы на раскопе, использование различных приспособлений для просеивания слоя и квалификация рабочих, принимающих участие в раскопках. Но и наиболее оптимальное сочетание этих факторов не может полностью исключить пропуск находок. Как показывают наблюдения в Минино, где качество проведения полевых работ было достаточно высоким, число находок в отвале увеличивается в конце рабочего дня, когда понижается уровень внимания, при плохих погодных условиях, когда падает освещенность или снижается температура, при наличии большого количества обгоревших (потемневших) вещей, близких по цвету культурному слою.

Благодаря промывке и просеиванию на селищах мининской археологической группы было получено 2990 предметов (более 42% всех находок). Состав вещевой коллекции из промывки представлен в таблице 10, где находки объединены в группы по материалам и ранжированы в соответствии с их долей в общем наборе вещей.

Наиболее многочисленна группа изделий из стекла (64,1% всех находок из стекла) (табл. 11). В ней присутствуют все категории встреченных на мининских селищах стеклянных изделий, кроме фрагментов позднесредневекового оконного стекла. Важно отметить, что все стеклянные перстни были обнаружены только при промывке. Самая массовая категория — бусы. Из промывки происходит 63,6% всех бус.

На втором месте по численности стоит группа изделий из цветных металлов (45,1% всех находок из цветных металлов) (табл. 12). Она охватывает всего 48 из 61 выявленной при раскопках категории

Таблица 11

Изделия из стекла, полученные при промывке и просеивании культурного слоя селищ.

Категория находок*	Минино I			Минино VI			Владышнево I			**Итого**		
	Всего находок	Из них получено при промывке и просеивании	%	Всего находок	Из них получено при промывке и просеивании	%	Всего находок	Из них получено при промывке и просеивании	%	Всего находок	Из них получено при промывке и просеивании	%
Перстень	5	5	*100*	2	2	*100*	—	—	—	**7**	**7**	***100***
Шлак (?)	1	1	*100*	—	—	—	—	—	—	**1**	**1**	***100***
Предмет	38	30	*79*	1	1	*100*	—	—	—	**39**	**31**	***79,5***
Вставка	5	3	*60*	1	1	*100*	—	—	—	**6**	**4**	***66,7***
Бусина	1397	850	*61*	335	250	*75*	9	8	*89*	**1741**	**1108**	***63,6***
Пуговица	7	3	*43*	—	—	—	—	—	—	**7**	**3**	***42,9***
Сосуд	3	1	*33*	—	—	—	—	—	—	**3**	**1**	***33,3***
Итого находок/категорий	**1454/6**	**893/6**	***61***	**340/5**	**254/4**	***75***	**9/1**	**8/1**	***89***	**1803/7**	**1155/6**	***64,1***

* В таблицах 11–14 перечислены только те категории находок, среди которых присутствуют предметы, обнаруженные при промывке и просеивании слоя. Но при суммировании столбцов "Всего находок" (в строке "Итого находок/категорий") учтены все находки и категории находок, встреченные на памятниках.

Таблица 12

Изделия из цветных металлов, полученные при промывке и просеивании культурного слоя селищ

Категория находок	Минино I			Минино VI			Владышнево I			Итого		
	Всего находок	Из них получено при промывке и просеивании	%	Всего находок	Из них получено при промывке и просеивании	%	Всего находок	Из них получено при промывке и просеивании	%	Всего находок	Из них получено при промывке и просеивании	%
Трубочка	1	1	*100*	3	3	*100*	–	–	–	4	4	*100*
Шпенек	1	1	*100*	3	3	*100*	–	–	–	4	4	*100*
Обмотка проволоки	3	3	*100*	–	–	–	–	–	–	3	3	*100*
Гвоздик	–	–	–	2	2	*100*	–	–	–	2	2	*100*
Заготовка	1	1	*100*	1	1	*100*	–	–	–	2	2	*100*
Дирхем (?)	1	1	*100*	–	–	–	–	–	–	1	1	*100*
Колечко кольчужное	1	1	*100*	–	–	–	–	–	–	1	1	*100*
Обоймица ременная	–	–	–	1	1	*100*	–	–	–	1	1	*100*
Ушко	1	1	*100*	–	–		–	–	–	1	1	*100*
Ушко подвески (?)	4	3	*75*	1	1	*100*	–	–	–	5	4	*80,0*
Бусина	5	2	*40*	19	17	*89*	–	–	–	24	19	*79,2*
Пуговица	16	11	*69*	6	6	*100*	–	–	–	22	17	*77,3*
Проволока	62	42	*68*	18	16	*89*	–	–	–	80	58	*72,5*
Колечко	5	4	*80*	2	1	*50*	–	–	–	7	5	*71,4*
Украшение	6	4	*67*	8	5	*63*	–	–	–	14	9	*64,3*
Колечко – пронизка	96	57	*59*	7	7	*100*	–	–	–	103	64	*62,1*
Звено цепочки	30	18	*60*	11	7	*64*	–	–	–	41	25	*61,0*
Крючок рыболовный	3	1	*33*	2	2	*100*	–	–	–	5	3	*60,0*
Заклепка	50	24	*48*	21	18	*86*	–	–	–	71	42	*59,2*
Пронизка спиральная	49	25	*51*	6	6	*100*	–	–	–	55	31	*56,4*
Выплеск	43	16	*37*	23	21	*91*	–	–	–	66	37	*56,1*
Денарий	11	4	*36*	5	4	*80*	–	–	–	16	8	*50,0*
Монета	–	–	–	6	3	*50*	–	–	–	6	3	*50,0*
Изделие	2	1	*50*	2	1	*50*	–	–	–	4	2	*50,0*
Пломба	–	–	–	2	1	*50*	–	–	–	2	1	*50,0*
Крестик	17	4	*24*	13	10	*77*	1	1	*100*	31	15	*48,4*
Кольцо височное	40	15	*38*	9	7	*78*	–	–	–	49	22	*44,9*
Пластина	320	107	*33*	171	110	*64*	2	1	*50*	493	218	*44,2*
Гривна (?)	5	2	*40*	–	–	–	–	–	–	5	2	*40,0*
Бубенчик	20	5	*25*	7	5	*71*	1	1	*100*	28	11	*39,3*
Сосуд бронзовый	109	22	*20*	117	60	*51*	2	1	*50*	228	83	*36,4*
Перстень	49	10	*20*	19	13	*68*	1	–	–	69	23	*33,3*
Пряжка	5	1	*20*	4	2	*50*	–	–	–	9	3	*33,3*
Булавка для плетения	–	–	–	3	1	*33*	–	–	–	3	1	*33,3*
Стержень	26	7	*27*	6	3	*50*	–	–	–	32	10	*31,3*
Ушко котла	9	–	–	7	5	*71*	–	–	–	16	5	*31,3*
Накладка ременная	20	3	*15*	6	4	*67*	1	1	*100*	27	8	*29,6*
Бляшка нашивная	6	1	*17*	1	1	*100*	–	–	–	7	2	*28,6*
Слиток	4	–	–	3	2	*67*	–	–	–	7	2	*28,6*
Шлак	4	1	*25*	–	–	–	–	–	–	4	1	*25,0*
Привеска	13	2	*15*	2	1	*50*	–	–	–	15	3	*20,0*
Накладка	2	–	–	3	1	*33*	–	–	–	5	1	*20,0*
Кольцо	11	1	*9*	7	2	*29*	–	–	–	18	3	*16,7*
Наконечник ременной	4	–	–	3	1	*33*	–	–	–	7	1	*14,3*
Фибула	13	2	*15*	2	–	–	–	–	–	15	2	*13,3*
Браслет	20	2	*10*	5	1	*20*	–	–	–	25	3	*12,0*
Язычок пряжки (фибулы)	6	1	*17*	3	–	–	–	–	–	9	1	*11,1*
Подвеска	30	–	–	9	1	*11*	–	–	–	39	1	*2,6*
Итого находок/категорий	**1147/55**	**407/38**	*35*	**554/46**	**358/40**	*65*	**8/6**	**5/5**	*63*	**1709/61**	**770/48**	*45,1*

Таблица 13

Изделия из железа, полученные при промывке и просеивании культурного слоя селищ

Категория находок	Минино I			Минино VI			Владышнево I			Итого		
	Всего находок	Из них получено при промывке и просеивании	%	Всего находок	Из них получено при промывке и просеивании	%	Всего находок	Из них получено при промывке и просеивании	%	Всего находок	Из них получено при промывке и просеивании	%
Подкова конская	–	–	–	1	1	*100*	–	–	–	**1**	**1**	***100***
Спица от прялки	–	–	–	1	1	*100*	–	–	–	**1**	**1**	***100***
Проволока	14	11	*79*	11	11	*100*	–	–	–	**25**	**22**	***88,0***
Колечко кольчужное	6	5	*83*	–	–	–	–	–	–	**6**	**5**	***83,3***
Гвоздик	5	–	–	40	32	*80*	–	–	–	**45**	**32**	***71,1***
Игла	298	172	*58*	113	89	*79*	1	–	–	**412**	**261**	***63,3***
Трубочка (?)	3	1	*33*	4	3	*75*	–	–	–	**7**	**4**	***57,1***
Крючок рыболовный	20	9	*45*	6	4	*67*	–	–	–	**26**	**13**	***50,0***
Накладка	2	1	*50*	–	–	–	–	–	–	**2**	**1**	***50,0***
Ушко котла	–	–	–	2	1	*50*	–	–	–	**2**	**1**	***50,0***
Застежка – петля	–	–	–	2	1	*50*	–	–	–	**2**	**1**	***50,0***
Шило	59	24	*41*	39	18	*46*	–	–	–	**98**	**42**	***42,9***
Пластина	403	140	*35*	148	83	*56*	3	1	33	**554**	**224**	***40,4***
Стержень	281	94	*33*	69	44	*64*	1	–	–	**351**	**138**	***39,3***
Коса (?)	2	–	–	1	1	*100*	–	–	–	**3**	**1**	***33,3***
Скоба	64	14	*22*	41	19	*46*	–	–	–	**105**	**33**	***31,4***
Пряжка (язычок пряжки)	12	4	*33*	4	1	*25*	–	–	–	**16**	**5**	***31,3***
Топор	16	3	*19*	9	4	*44*	2	–	–	**27**	**7**	***25,9***
Заклепка	3	–	–	1	1	*100*	–	–	–	**4**	**1**	***25,0***
Шлак	3	1	*33*	1	–	–	–	–	–	**4**	**1**	***25,0***
Гвоздь	156	19	*12*	169	61	*36*	–	–	–	**325**	**80**	***24,6***
Замок	50	11	*22*	27	8	*30*	1	–	–	**78**	**19**	***24,4***
Кольцо	16	3	*19*	5	1	*20*	–	–	–	**21**	**4**	***19,0***
Нож	288	40	*14*	83	30	*36*	–	–	–	**371**	**70**	***18,9***
Клин	74	9	*12*	17	4	*24*	–	–	–	**91**	**13**	***14,3***
Дужка ведра	18	2	*11*	5	1	*20*	–	–	–	**23**	**3**	***13,0***
Предмет	13	1	*8*	–	–	–	–	–	–	**13**	**1**	***7,7***
Ключ	10	1	*10*	5	–	–	1	–	–	**16**	**1**	***6,3***
Сковорода	19	1	*5*	3	–	–	–	–	–	**22**	**1**	***4,5***
Наконечник стрелы	29	1	*3*	3	–	–	–	–	–	**32**	**1**	***3,1***
Итого находок/категорий	**1925/50**	**567/23**	***29***	**832/40**	**419/23**	***50***	**9/6**	**1/1**	***11***	**2766/62**	**987/30**	***35,7***

вещей. Однако отсутствующие в промывке категории находок представлены в общей коллекции лишь единичными вещами — на их долю приходится менее 1,5% всех находок из цветного металла. При промывке найдено много пластин, фрагментов сосудов, проволоки, колечек-пронизок, заклепок, выплесков. Для 26 категорий находок она дала половину и более общего количества вещей. Промывка позволила обнаружить половину всех нательных крестиков, нумизматических и сфрагистических находок, относящихся к разным историческим эпохам.

Железные находки представлены 30 из 62 зафиксированных категорий (табл. 13). Доля отсутствующих составляет около 3%. Для 11 категорий находок она дала более половины общего количества вещей. Обнаружено большое количество игл, пластин, разнообразных предметов, гвоздей, ножей. Важна находка пяти из шести зафиксированных в Минино кольчужных колец, говорящих о присутствии на сельском поселении профессиональных воинов. Благодаря промывке более рельефно проявилась одна из особенностей материальной культуры мининской группы поселений — значительное количество железных иголок, которые на селищах встречались чаще, чем любые другие инструменты, в том числе и ножи.

Реже всего в отвал попадали изделия из камня (13,2% всех находок из камня), кости и рога (8,3%) и глины (6,7%) (табл. 14).

Рассматривая в целом собранную при промывке коллекцию вещей, необходимо отметить, что

Таблица 14

Изделия из камня, кости и рога и глины, полученные при промывке и просеивании культурного слоя селищ

Категория находок	Минино I			Минино VI			Владышнево I			Итого		
	Всего находок	Из них получено при промывке и просеивании	%	Всего находок	Из них получено при промывке и просеивании	%	Всего находок	Из них получено при промывке и просеивании	%	Всего находок	Из них получено при промывке и просеивании	%
Изделия из камня:												
Крестик	2	1	*50*	—	—	—	—	—	—	**2**	**1**	***50,0***
Бусина	15	4	*27*	3	3	*100*	—	—	—	**18**	**7**	***38,9***
Пряслице	51	4	*8*	10	3	*30*	—	—	—	**61**	**7**	***11,5***
Оселок	96	9	*9*	10	3	*30*	—	—	—	**106**	**12**	***11,3***
Итого находок/категорий	**180/9**	**18/4**	***10***	**25/5**	**9/3**	***36***	—	—	—	**205/11**	**27/4**	***13,2***
Изделия из кости и рога:												
Крестик	1	1	*10 0*	—	—	—	—	—	—	**1**	**1**	***100***
Поделка	3	1	*33*	—	—	—	—	—	—	**3**	**1**	***33,3***
Пластина	3	—	—	1	1	*100*	—	—	—	**4**	**1**	***25,0***
Расческа	9	2	*22*	—	—	—	—	—	—	**9**	**2**	***22,2***
Стержень	7	2	*29*	2	—	—	—	—	—	**9**	**2**	***22,2***
Гребень	27	4	*15*	3	2	*67*	—	—	—	**30**	**6**	***20,0***
Игла	9	1	*11*	4	1	*25*	—	—	—	**13**	**2**	***15,4***
Изделие	16	2	*13*	—	—	—	—	—	—	**16**	**2**	***12,5***
Подвески из кости бобра	12	1	*8*	2	—	—	—	—	—	**14**	**1**	***7,1***
Наконечник стрелы	16	1	*6*	—	—	—	—	—	—	**16**	**1**	***6,3***
Кость со следами обработки	150	8	*5*	21	—	—	—	—	—	**171**	**8**	***4,7***
Итого находок/категорий	**288/20**	**23/10**	***8***	**37/9**	**4/3**	***11***	—	—	—	**325/22**	**27/11**	***8,3***
Изделия из глины:												
Трубка курительная	—	—	—	1	1	*100*	—	—	—	**1**	**1**	***100***
Обмазка печная с отпечатками	9	2	*22*	7	1	*14*	—	—	—	**16**	**3**	***18,8***
Донце с клеймом	8	—	—	8	2	*25*	1	1	*100*	**17**	**3**	***17,6***
Пряслице	2	—	—	4	1	*25*	—	—	—	**6**	**1**	***16,7***
Сосуд краснолощеный	7	1	*14*	—	—	—	—	—	—	**7**	**1**	***14,3***
Игрушка	9	1	*11*	2	—	—	—	—	—	**11**	**1**	***9,1***
Поделка	36	3	*8*	3	—	—	—	—	—	**39**	**3**	***7,7***
Грузило	46	2	*4*	16	1	*6*	—	—	—	**62**	**3**	***4,8***
Тигель	43	1	*2*	13	—	—	—	—	—	**56**	**1**	***1,8***
Итого находок/категорий	**183/14**	**10/6**	**5**	**67/11**	**6/5**	***9***	**2/2**	**1/1**	**50**	**252/15**	**17/9**	***6,7***

по количеству и разнообразию представленных категорий она вполне сопоставима с результатами масштабных раскопок многих древнерусских поселений. При этом важно помнить, что данные находки были получены при промывке лишь трети объема отвалов с раскопов, работа на которых велась на весьма высоком уровне. О качестве этих раскопок можно судить уже по общим размерам вещевой коллекции — самой большой из собранных на древнерусских селищах за всю историю их раскопок.

Другим принципиальным моментом стратегии полевых работ в Минино был возможно более полный сбор разнообразных палеоэкологических материалов, характеризующих природную среду и хозяйственную деятельность обитателей средневековых поселений. В раскопах собраны об-

ширные карпологические и палеозоологические материалы и серия образцов для радиоуглеродного датирования. В ходе раскопок было отобрано для карпологического анализа и промыто 67 проб культурного слоя общим объемом 3125 литров; по образцам из поселений, могильников и естественных разрезов получена 51 радиоуглеродная дата. Целенаправленный сбор палинологических материалов в раскопах и в естественных разрезах в пойме р. Дмитриевки и р. Делялевки вблизи поселений (6 разрезов) позволил характеризовать палеосреду мининского микрорегиона на различных хронологических срезах. Особое значение приобрело комплексное исследование поселений и соответствующего им некрополя, открывающее дополнительные перспективы для изучения культурной ситуации и динамики освоения микрорегиона.

Средневековые постройки и сооружения

Сельское домостроительство до сих пор остается одной из слабо разработанных в древнерусской археологии тем. Это связано не только с относительно небольшим объемом раскопок, проведенных к настоящему времени на сельских поселениях. Дело в том, что основная масса исследованных древнерусских селищ — это памятники с незначительным по мощности культурным слоем, существенно пострадавшим от многолетней, а зачастую и многовековой пахоты. Длительная распашка делает невозможным выявление конструктивных особенностей и даже установление типа и общих размеров построек, поскольку в большинстве случаев от них сохраняются лишь развалы печей или углубленные в материк части.

На этом фоне материалы, полученные в ходе раскопок Мининского археологического комплекса, могут представлять значительный интерес. Применение тонких методов полевых исследований, масштабная промывка и просеивание слоя, тщательная обработка полученных данных и относительно хорошая сохранность культурных напластований селища Минино I впервые позволили достаточно детально и полно охарактеризовать особенности сельского домостроительства в этом микрорегионе. Всего на селищах комплекса были обнаружены остатки не менее девяти построек. Один жилой дом выявлен на селище Владышнево I, однако из-за небольшой площади раскопа удалось исследовать лишь незначительную его часть, включавшую отопительное сооружение. На селище Минино VI, несмотря на достаточно большую раскопанную площадь, только один изученный объект можно уверенно атрибутировать как печь жилого дома. Однозначно установить назначение остальных объектов, вскрытых на этом селище и представлявших собой относительно небольшие по размерам ямы различной конфигурации, практически невозможно. Но наиболее ценная и полная информация была получена в ходе исследований селища Минино I.

Постройки и сооружения

Всего на селище Минино I зафиксированы остатки не менее семи сооружений, выявленных в трех раскопах (рис. 72). Шесть построек — это жилые дома (постройки № 1—6), одно сооружение имело производственное назначение. Состав находок и особенности конструкции позволяют видеть в нем ювелирную мастерскую (постройка № 7). Тщательный анализ обильного вещевого и керамического материала и стратиграфической ситуации свидетельствует о том, что исследованные жилые постройки относятся ко всем этапам жизни на селище (рис. 72). Наиболее ранними являются два дома, вскрытые в восточной части поселения (раскоп 1). Время существования постройки № 2 определяется второй половиной X—XI в., а постройки № 1 — концом X—XI в. К концу XI — первой половине XII в. относится дом № 5 (раскоп 3). Во второй поло-

Таблица 15

Селище Минино I. Результаты радиоуглеродного датирования построек

№ постройки	Место взятия пробы	Индекс лаборатории	Радиоуглеродная дата (BP)	Калиброванная дата (AD)	
				1 s	2 s
1	бревно восточной стены	Ле-5320	1060±30	976—1014	894—1026
1	бревно междукамерной стены	Ле-5321	1000±20	1016—1030	1005—1152
2	бревно западной стены	Ле-5958	1120±40	892—974	822—1014
2	отдельное бревно в горизонте постройки	Ле-5957	1180±100	725—975	665—1020
4	фрагменты пола	Ле-5624	485±35	1414—1444	1404—1466
4	фрагмент пола	Ле-6485	1120±80	810—1000	690—1030
4 или 5	пятно угля	Ле-5827	1025±45	972—1150	892—1162
5	бревно опечка	Ле-6486	820±20	1185—1260	1050—1280
5	бревно юго-западной стены	Ле-5623	1000±35	1002—1154	982—1160
6	бревно южной стены	Ле-5625	920±20	1048—1164	1039—1168

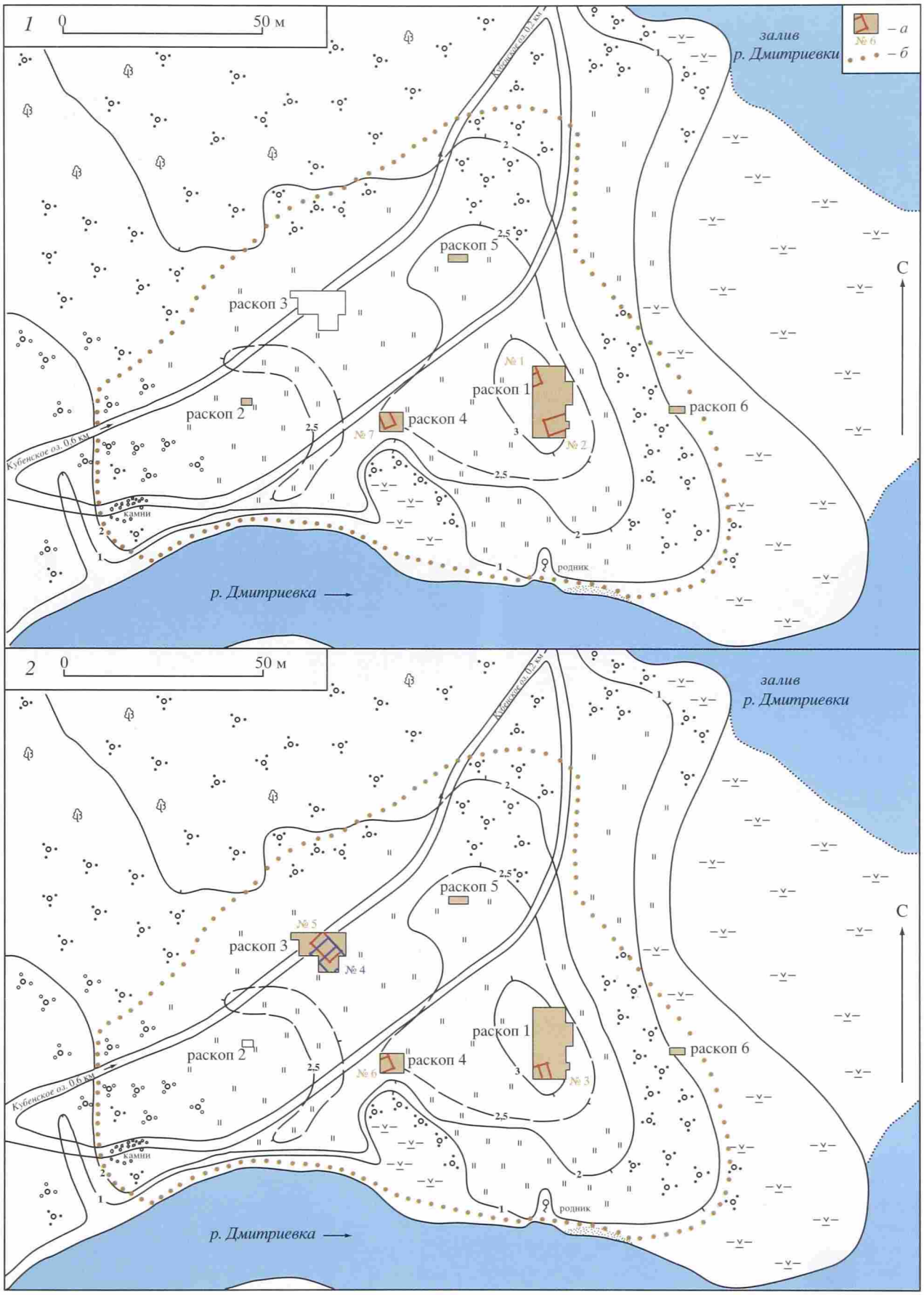


Рис. 72. Селище Минино I на различных этапах существования

1 — горизонт X—XI вв.; *2* — горизонт конца XI — начала XIII в. *а* — раскопы, в которых выявлены напластования данного периода, обнаруженные в них постройки и их номера; *б* — границы распространения культурного слоя селища

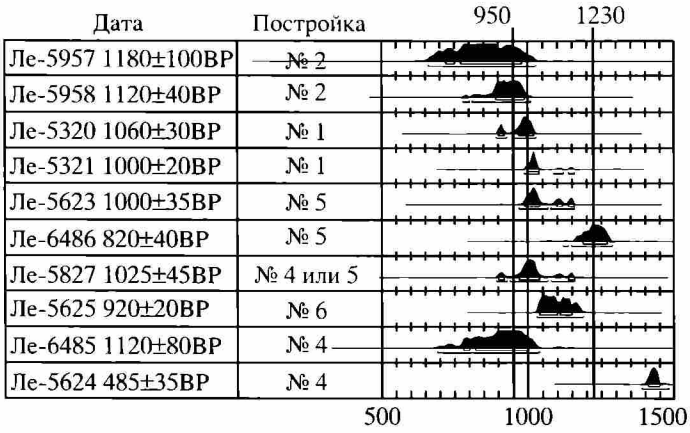


Рис. 73. Селище Минино I. Радиоуглеродные даты построек

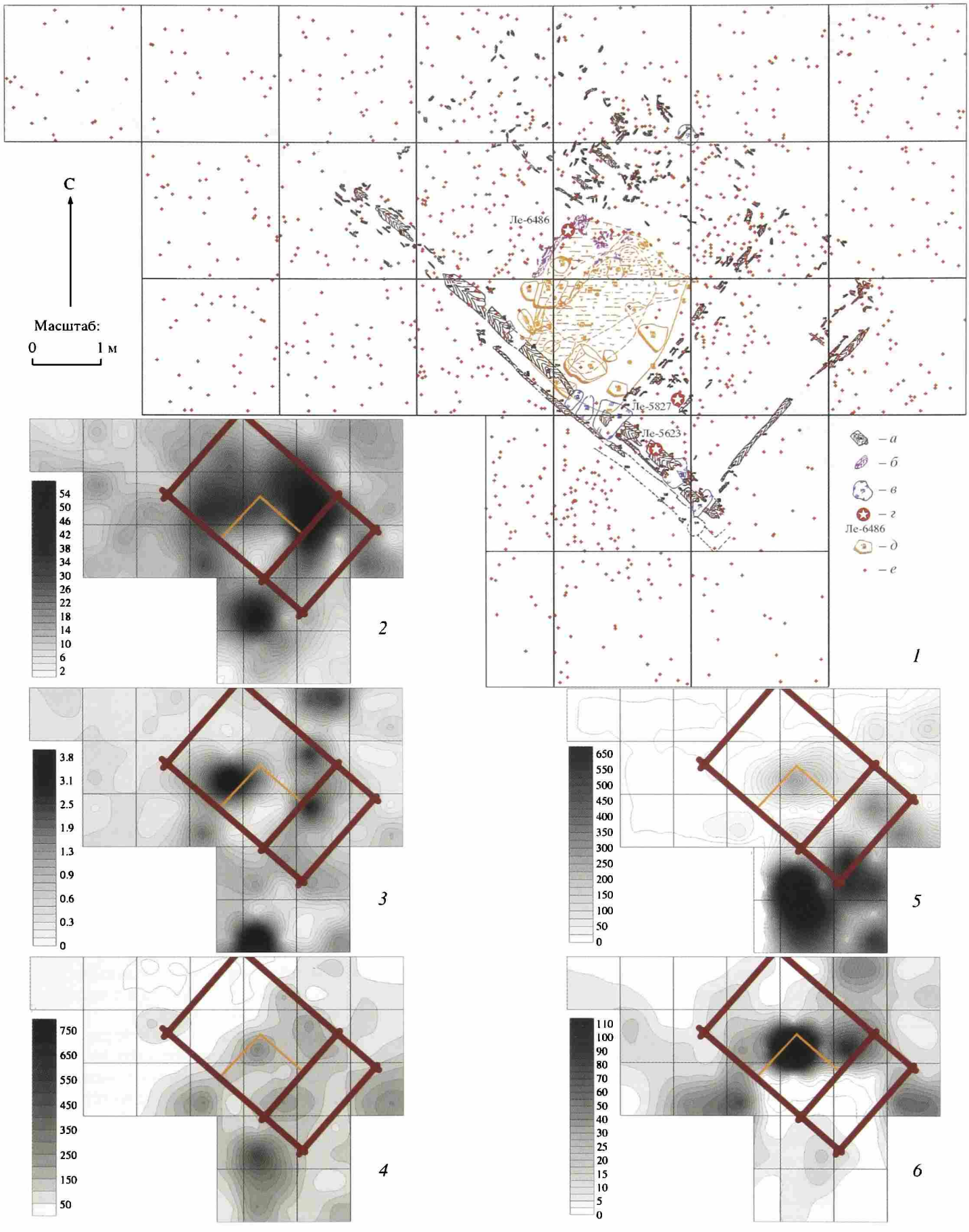
вине этого столетия существовал дом № 6 (раскоп 4). Две наиболее поздние постройки — № 3 (раскоп 1) и № 4 (раскоп 3), датируются второй половиной XII — первой половиной XIII в. Ювелирная мастерская (постройка № 7, раскоп 4) функционировала в XI и, возможно, самом начале XII в. Установленная по археологическим материалам датировка построек в целом согласуется с радиоуглеродными датами, полученными для пяти построек (см. табл. 15, рис. 73). Но две даты, относящиеся к постройке № 4, выбиваются из этого ряда. Причем одна из них (Ле-5624) оказалась значительно моложе, а вторая (Ле-6485) — древнее времени существования постройки.

Рис. 75. Селище Минино I, постройка № 5 (раскоп 3)

1 — план с остатками постройки и распределением вещевых находок в горизонте ее обитания: *а* — фрагменты древесного тлена от постройки; *б* — фрагменты древесного тлена от опечка; *в* — фундаментные камни; *г* — места отбора радиоуглеродных проб и их лабораторные номера (см. табл. 15); *д* — печь; *е* — вещевые находки; *2—6* — плотность распределения различных категорий материала в горизонте обитания постройки: *2* — вещевые находки (предметов на кв. м); *3* — керамика (кг на кв. м); *4* — кости животных (г на кв. м); *5* — чешуя и кости рыбы (г на кв. м); *6* — кальцинированные кости (г на кв. м)

Конструкция, размеры и внутренняя планировка жилых построек. Из-за небольшой площади раскопов только две постройки удалось вскрыть практи-

Рис. 74. Селище Минино I, постройка (№ 5) наилучшей сохранности на уровне фундаментных камней. Вид с юго-востока


С
Масштаб:
0 1 м
Ле-6486
Ле-5827
Ле-5623
– а
– б
– в
– г
Ле-6486
– д
– е
1
2
54
50
46
42
38
34
30
26
22
18
14
10
6
2
3
3.8
3.1
2.5
1.9
1.3
0.9
0.6
0.3
0
4
750
650
550
450
350
250
150
50
5
650
550
500
450
400
350
300
250
200
150
100
50
0
6
110
100
90
80
70
60
50
40
30
25
20
15
10
5
0

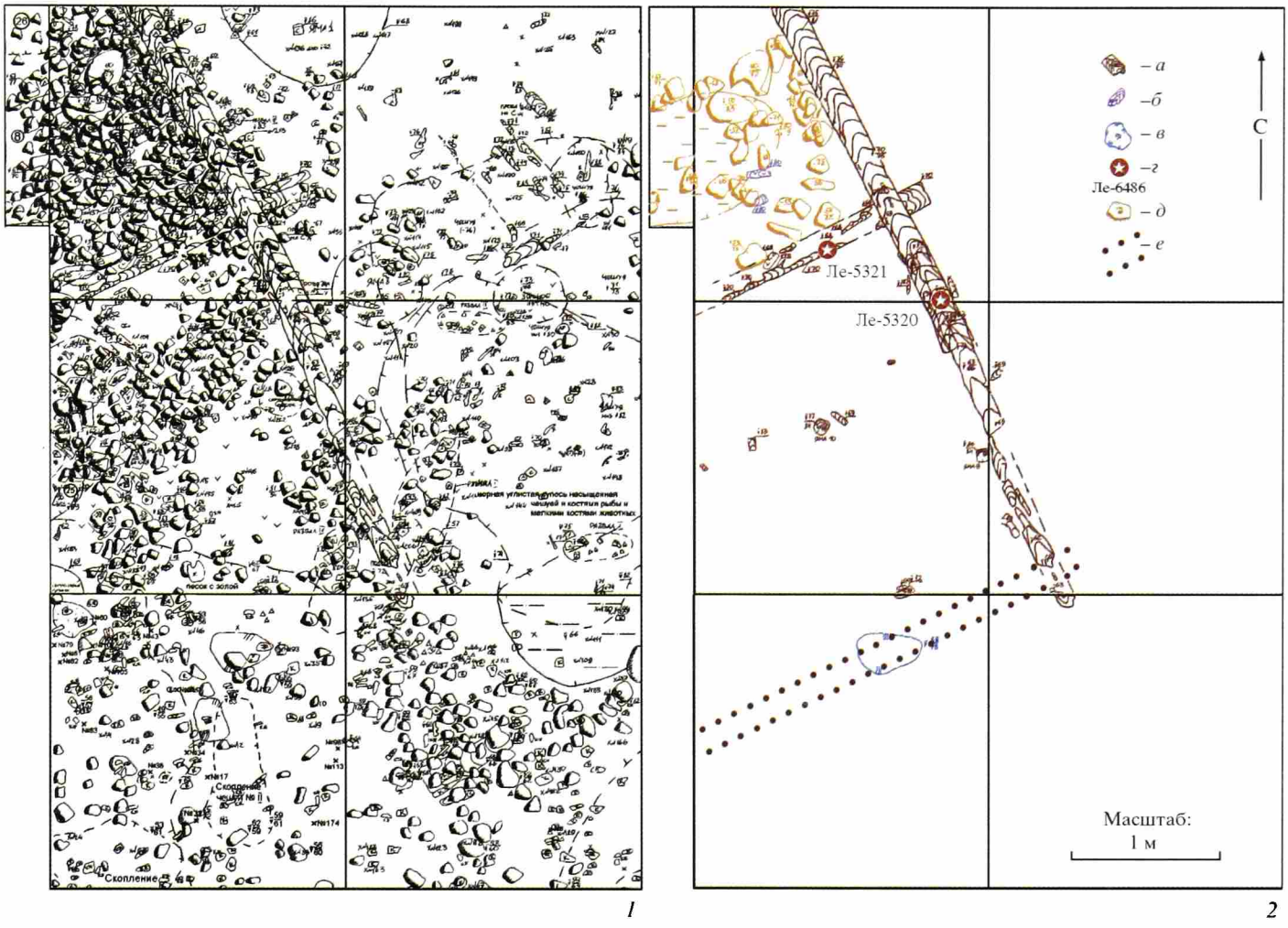


Рис. 76. Селище Минино I, постройка № 1 (раскоп 1, кв. Л–Н/33–35)

1 — сводный план участка на уровне третьего – четвертого пластов; *2* — план с остатками постройки: *а* — фрагменты древесного тлена от постройки; *б* — фрагменты древесного тлена от опечка; *в* — фундаментные камни; *г* — места отбора радиоуглеродных проб и их лабораторные номера (см. табл. 15); *д* — печь; *е* — реконструируемые детали постройки

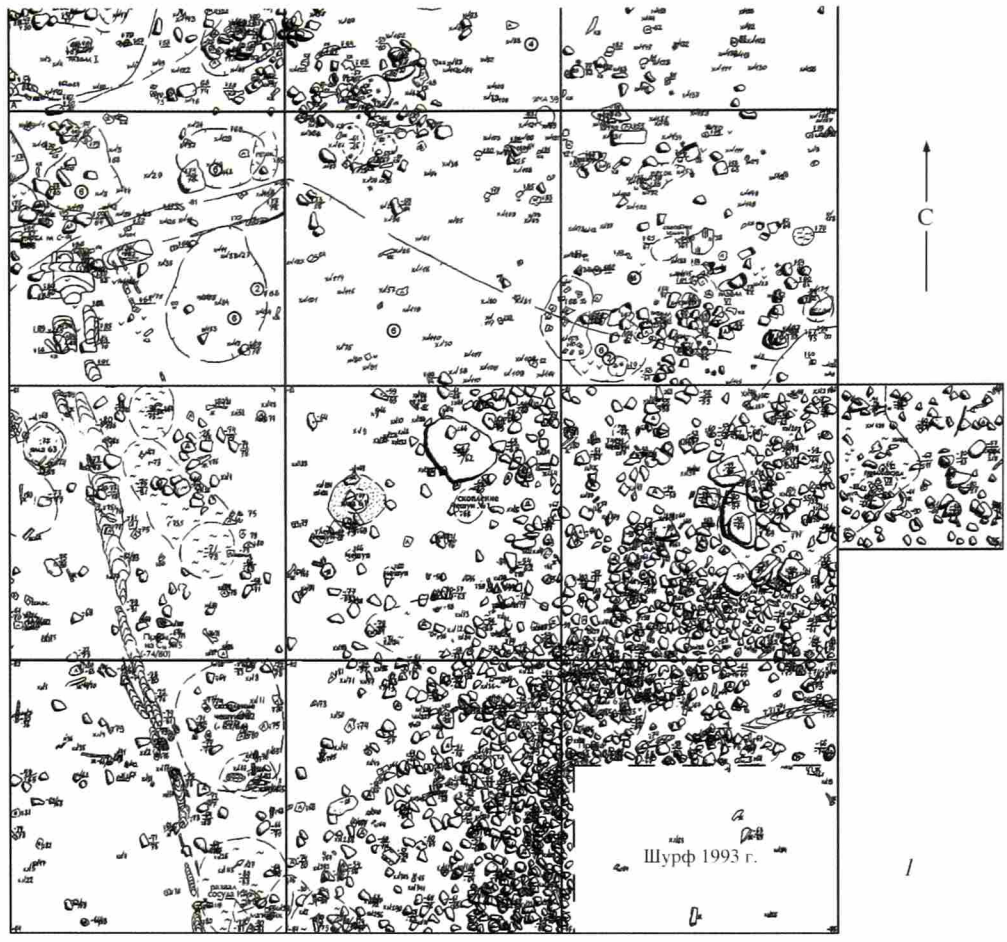
чески полностью, а остальные исследованы лишь частично. Кроме того, выгодно отличаясь от других поселений группы сравнительно хорошей сохранностью средневековых напластований, селище Минино I относится, тем не менее, к разряду памятников с так называемым "сухим" культурным слоем. Средневековые напластования здесь сильно спрессованы: при небольшой мощности они имеют значительную хронологическую емкость. Наличие большого количества ям, плохо прослеживаемых в темном культурном слое, и неудовлетворительная сохранность дерева, фиксируемого лишь в виде тлена, не позволяют на большинстве раскопов провести детальное разделение слоя или вычленить узкодатированные горизонты. В этих условиях не всегда удается однозначно определить границы выявленных построек и особенности внутренней планировки, что делает равновозможными несколько вариантов их реконструкции.

Наиболее эффективным способом решения данного комплекса вопросов стал планиграфический анализ распределения различных категорий материала в напластованиях, относящихся ко времени существования построек. Наблюдения за изменением плотности залегания вещевых находок, керамики, костей животных и рыбы, фрагментов печной обмазки и печных камней внутри и за пределами построек наилучшей сохранности (рис. 74) позволили выявить определенные закономерности в их распределении (рис. 75). Важно отметить, что фиксация многих деталей и нюансов стала возможной лишь благодаря огромным размерам анализируемой коллекции, значительная часть которой была получена в ходе промывки и просеивания культурного слоя.

Выяснилось, что реже всего вещи терялись в узкой полосе по внешнему периметру построек, в местах расположения печей и в узкой полосе вокруг них (рис. 75, *1*). При этом различные категории материала по-разному распределяются в культурном слое (рис. 75, *2–6*). Вещевые находки концентрируются внутри домов, как в сенях, так и в отапливаемых камерах, во всех случаях четко отмечая положение стен постройки, в том числе внутренней стены-перегородки. Концентрация керамических материалов фиксируется как внутри построек, так и снаружи, но внутри домов большая их часть связана с пространством вокруг печей. Основная масса

Рис. 77. Селище Минино I, постройка № 2 (раскоп 1, кв. Ж– Л/27–30)

1 — сводный план участка на уровне второго – четвертого пластов; *2* — план с остатками постройки (условные обозначения те же, что на рис. 76)



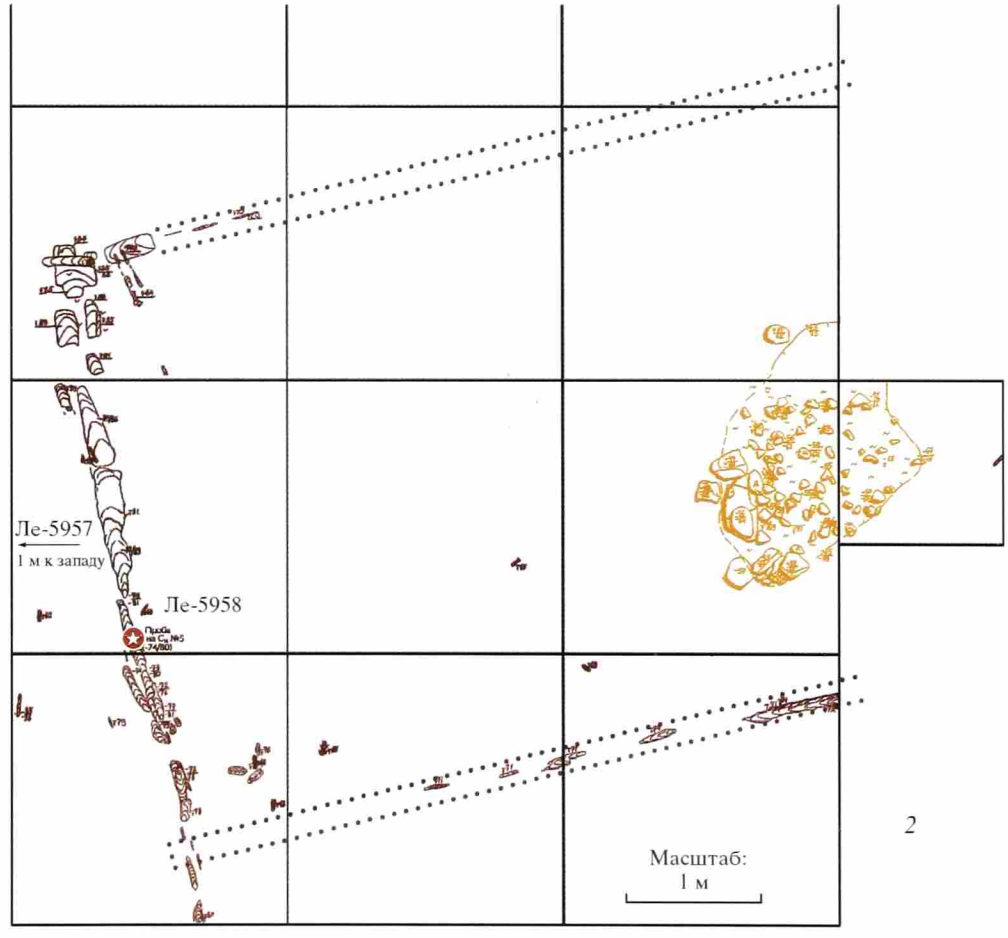


Таблица 16

Селище Минино I. Размерные характеристики построек

№	Тип, назначение	Внешние размеры сруба (м)	Общая внутренняя площадь (кв. м)	Внутренние размеры (м) и площадь (кв. м)		Общие размеры печи (м)	Размеры топочной камеры (м)
				Сени	Отапливаемая камера		
1	двухкамерная, жилая	> 4,9 і > 3,3	?	2,5 і >3,1 (> 7,9)	?	~1,9 і 1,1	~1,9 і 0,8
2	двухкамерная, жилая	> 6,2 і 6,8	>39	> 1,7 і 6,5 (> 11,3)	4,1 і 6,5 (26,6)	1,6 і 1,1	1,4 і 0,5
3	двухкамерная, жилая	> 4,8 і > 4,5	?	2,3 і > 4,4 (> 10,1)	> 2,1 і > 4,4	1,5 і 1,2	1,1 і 0,6
4	двухкамерная, жилая	7,6 і 6,3	42,8	2,8 і 5,9 (16,8)	4,3 і 5,9 (25,2)	1,6 і 1,2	1,6 і 0,5
5	двухкамерная, жилая	6,9 і 4,5	27,0	1,7 і 4,1 (7,0)	4,7 і 4,1 (19,3)	2,0 і 2,1	2,0 і 0,7
6	двухкамерная, жилая	> 4,8 і >3,9	?	> 1,2 і >3,7	3,2 і > 3,7 (> 11,7)	2,3 і 1,5	1,6 і 0,7
7	однокамерная, производственная	> 4,7 і 3	>11,8	—	—	2,3 і 1,7	?

костей животных и рыбы залегает обычно за пределами построек. Вокруг печей отмечается и скопление кальцинированных костей. В ряде случаев удается предположительно установить положение таких трудноуловимых археологически деталей, как дверные проемы. Они маркируются устойчивой концентрацией на определенных участках практически всех категорий материала (рис. 75, *2—6* и 82).

Прослеженные закономерности были использованы при исследовании остальных построек селища, отличающихся худшей сохранностью. Сопоставление планов расположения фрагментов дерева от стен этих домов и распределения печного камня от развалов печей с результатами планиграфического анализа всех групп археологических находок позволило предложить наиболее обоснованные варианты реконструкции размеров построек, их ориентировки и особенностей внутренней планировки.

Все жилые постройки, выявленные на селище Минино I, представляли собой наземные прямоугольные дома срубной конструкции (рис. 75—82). Они рубились из бревен диаметром 0,2—0,25 м. В двух случаях удалось проследить характер соединения бревен. Дома № 1 и № 5 были рублены "в обло" с выпуском концов на 17—20 см. В качестве фундаментных опор часто использовали крупные плоские камни, положенные на землю. Наиболее ярко это видно в постройке № 5, причем самый крупный камень располагался под местом врубки внутренней стенки (рис. 74; 75, *1*). С наружной стороны от стен этого дома и дома № 4 прослежена еще одна линия более тонких бревен. Их можно рассматривать как завалы стен построек, но скорее всего это остатки завалинки, служившей для утепления нижних венцов дома.

Вероятно, все жилые дома имели деревянные полы. Однако их остатки достоверно выявлены в трех постройках. В сенях и отапливаемых камерах домов № 5 и 6 пол был настлан "по ходу". Это наиболее часто встречаемый вариант настила полов в жилых постройках Древней Руси. В постройке № 4 зафиксировано разное положение половиц. В сенях они были настланы, вероятно, "по ходу", а в отапливаемой камере — "против хода". В этом доме была выявлена и еще одна интересная деталь. В прямоугольном пространстве вокруг печи деревянный пол отсутствовал (рис. 79, *2*). Возможно, это делалось в противопожарных целях. С этой же целью стены срубов возле печей промазывались глиной. В ходе раскопок было обнаружено несколько фрагментов глины с отпечатками крупных бревен.

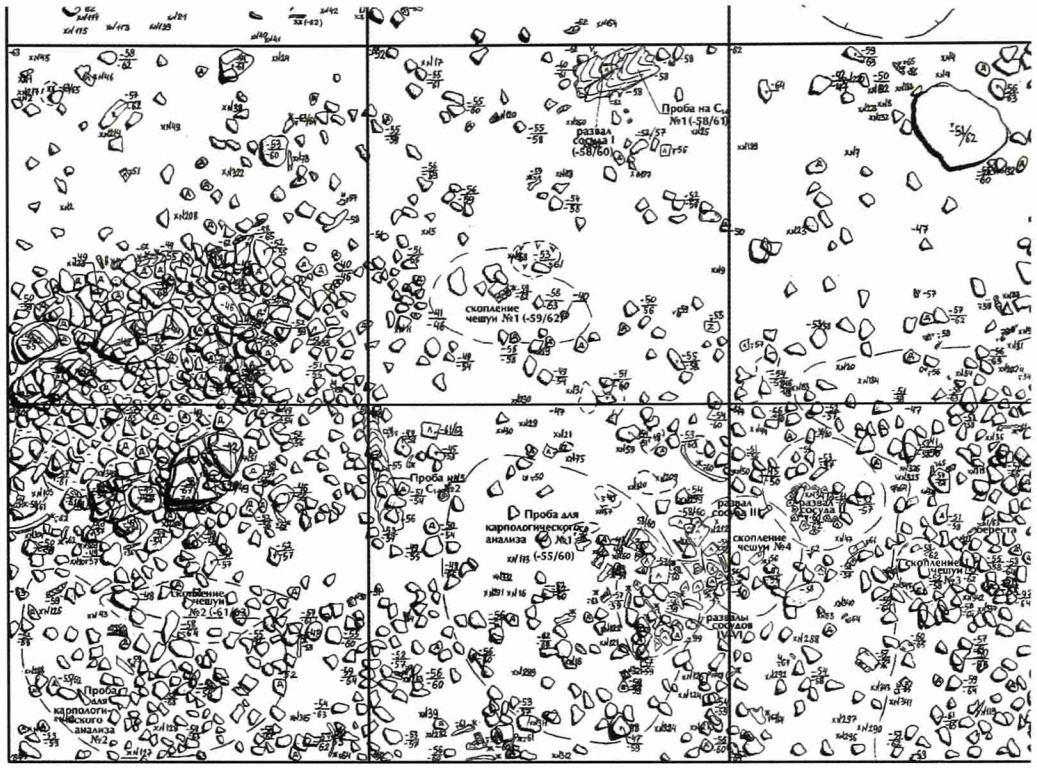
Необходимо отметить, что все исследованные жилые дома, начиная с самых ранних, с высокой степенью достоверности реконструируются как двухкамерные постройки с внутренней стеной-перегородкой (пятистенные дома) (рис. 82). Внутренняя стена разделяла дом на две неравные по площади камеры. Печь всегда ставилась в большей камере. Прослежено три варианта положения печей. В ранних постройках (дома № 1, 2 и 5) печь располагалась возле внутренней стенки, параллельно ей. Устье печи было направлено к межкамерной двери. Во всех случаях эта дверь находилась не по центру внутренней стенки, а была сдвинута к внешней, дальней от печи, стене сруба. На более поздних этапах появляются другие варианты положения печи. В двух постройках (№ 3 и 6) печки стояли возле внешних стен срубов, параллельно им. Их устья были направлены к межкамерным стенкам. В доме № 4 печь стояла ближе к задней стене отапливаемой камеры, параллельно ей. Дверь, соединявшая камеры, располагалась напротив печи.

Вход в дом во всех достоверно реконструируемых случаях осуществлялся через неотапливаемую камеру (сени). Дверь располагалась в короткой стене сеней. Лишь в одном случае (постройка № 3) можно предполагать наличие наружной двери в длинной стене сеней. Но нельзя исключать и того, что вход в эту постройку находился в южной (короткой) стене сеней, оставшейся за пределами раскопа. В тех случаях, когда удается восстановить положение обеих дверей (внешней и межкамерной), выясняется, что они были максимально удалены друг от друга, находясь в противоположных концах сеней (дома № 1, 4, 5).

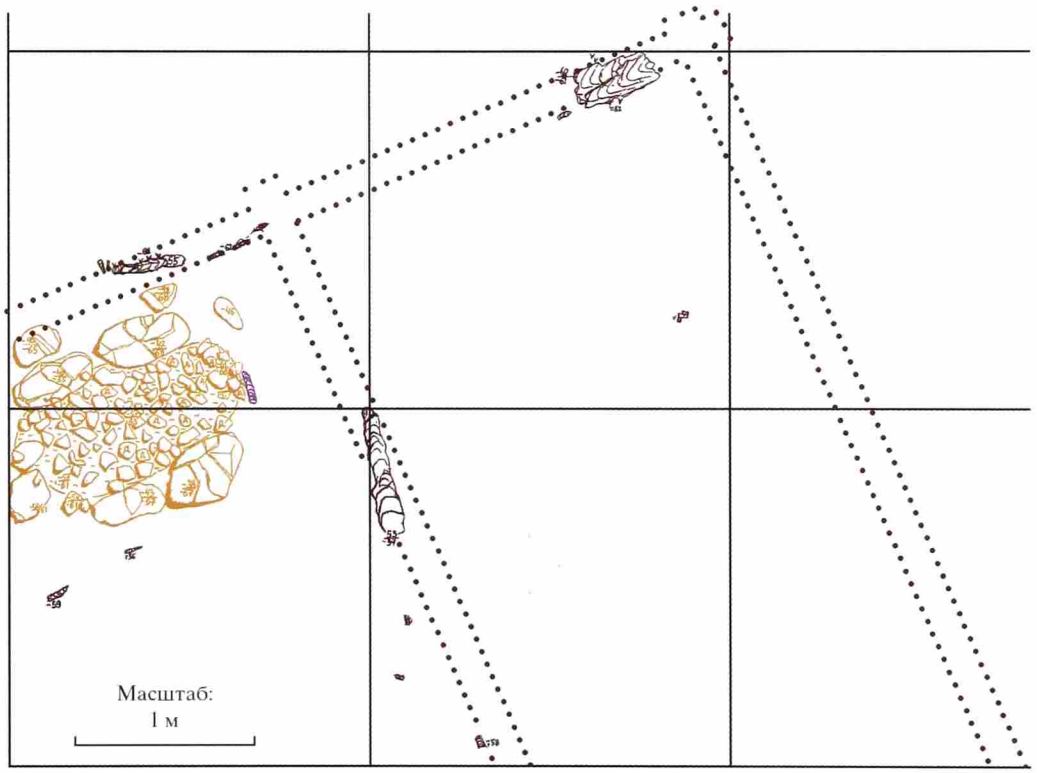
Размеры домов были различны (табл. 16). Очевидно, самым большим был самый ранний из обнаруженных домов, существовавший во второй половине X—XI вв. (дом № 2). Его реконструируемая ширина составляла 6,8 м, длина — более 6,2 м. Площадь отапливаемой камеры была около 27 кв. м. Полные

Рис. 78. Селище Минино I, постройка № 3 (раскоп 1, кв. К–М/27–29)

1 — сводный план участка на уровне первого – второго пластов; *2* — план с остатками постройки (условные обозначения те же, что на рис. 76)

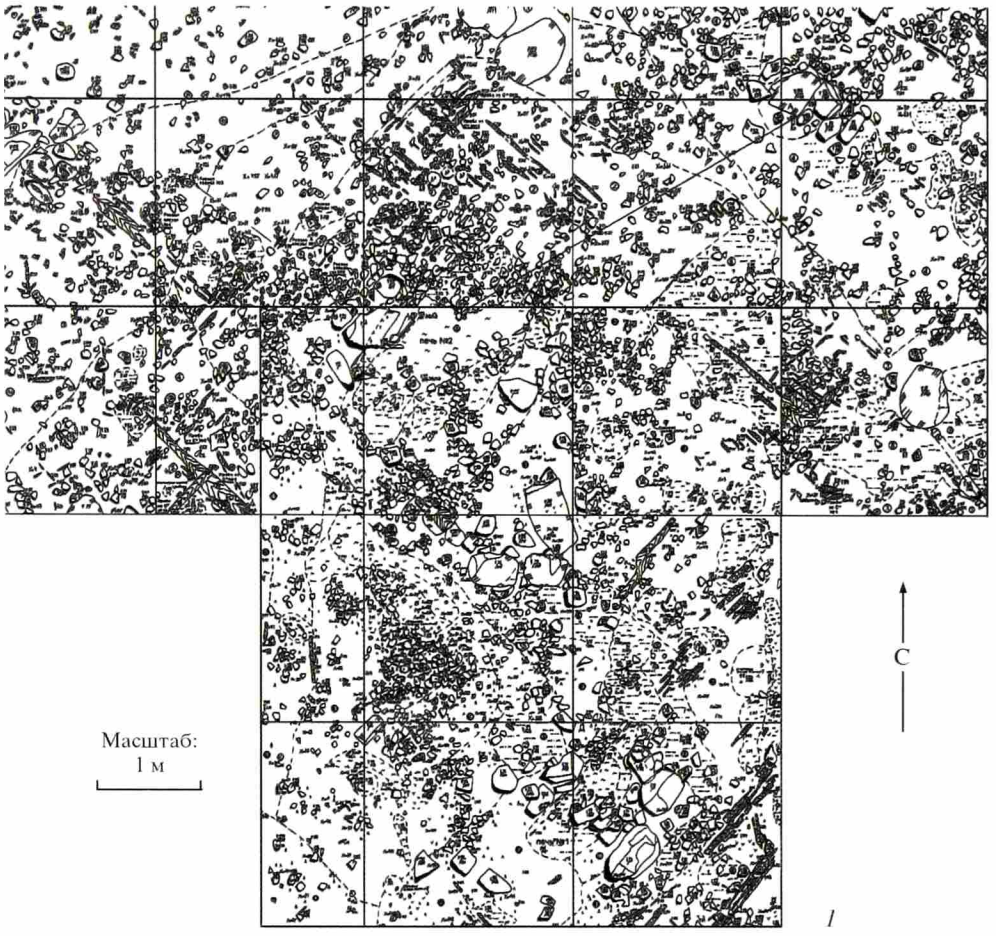


1



2

размеры установлены только для двух построек. Внешние размеры сруба № 4, датируемого второй половиной XII — первой половиной XIII в., равнялись 7,6 × 6,3 м. Внутренняя площадь постройки приближалась к 43 кв. м. Из них на отапливаемую камеру приходилось более 25 кв. м, а на сени — около 17. Общая внутренняя площадь одного из самых маленьких домов — постройки № 5, относящейся к концу XI — первой половине XII в. — составляла около 27 кв. м., площадь теплой камеры — более 19 кв. м, сеней — 7 кв. м. Для четырех построек (№ 1, 3–5) удалось измерить длину сеней, составлявшую от 1,7 до 2,8 м. У четырех домов (№ 2, 4–6) установлена длина отапливаемых камер, которая варьировалась от 3,2 до 4,8 м. Внутренняя площадь жилых (теплых) камер, определенная у трех домов, колебалась от 19,3 до 26,6 кв. м. От 7% (дома № 2 и 4) до 20% (дом № 5) этой площади занимали печи.



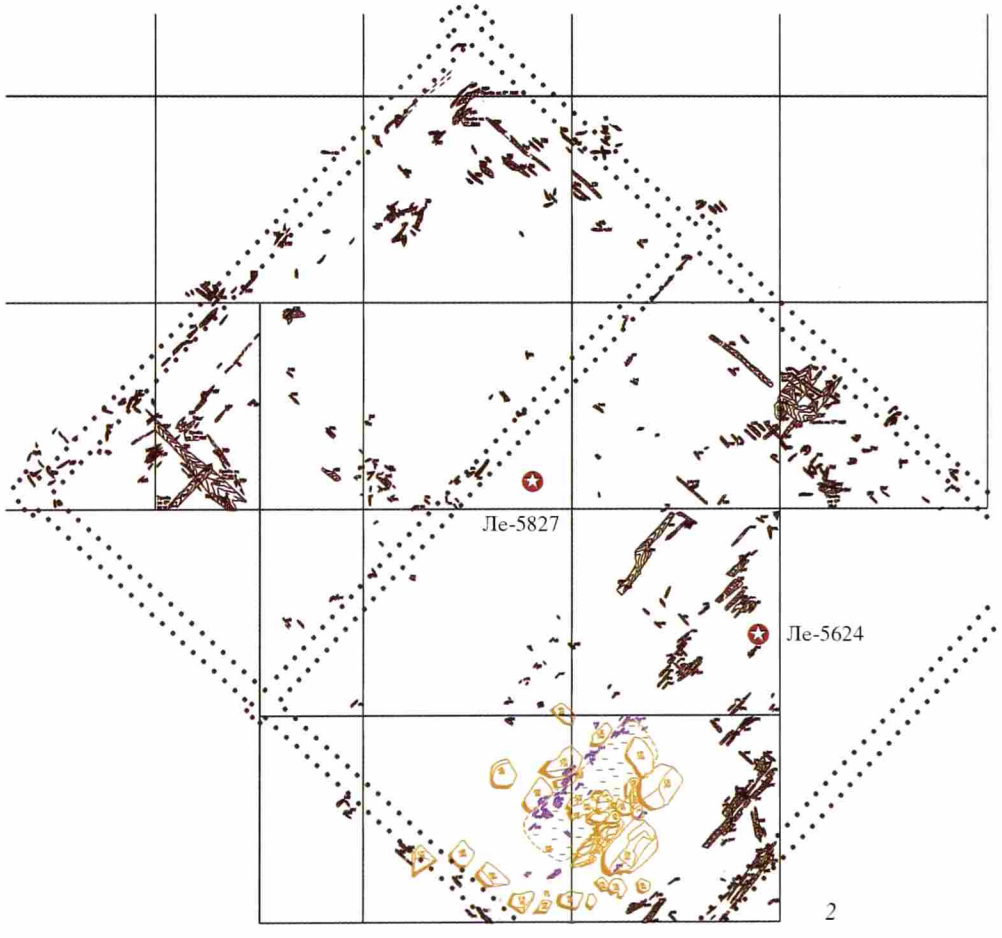
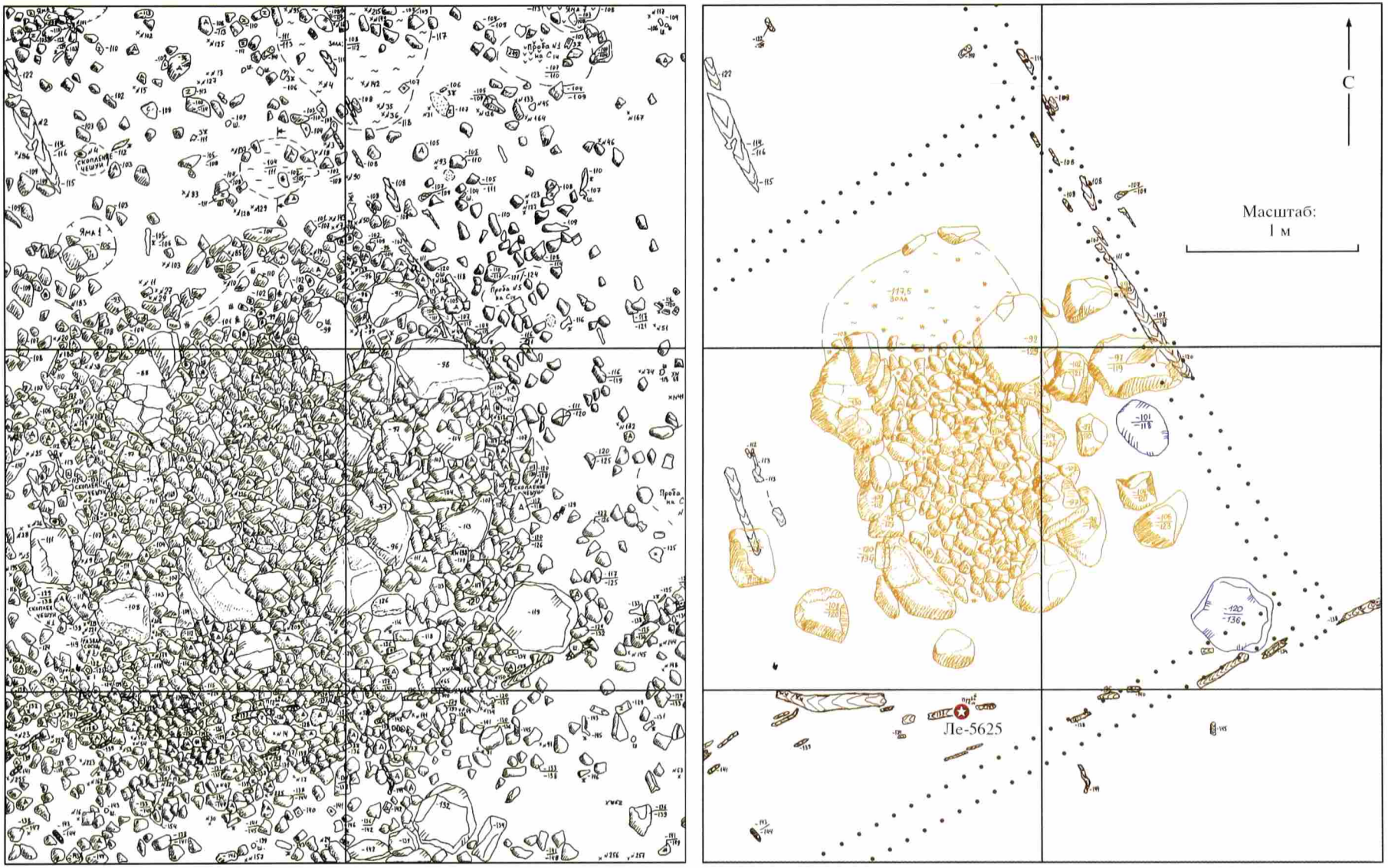


Рис. 79. Селище Минино I, постройка № 4 (раскоп 3, кв. Ч–Э/51, 50, 0–2)

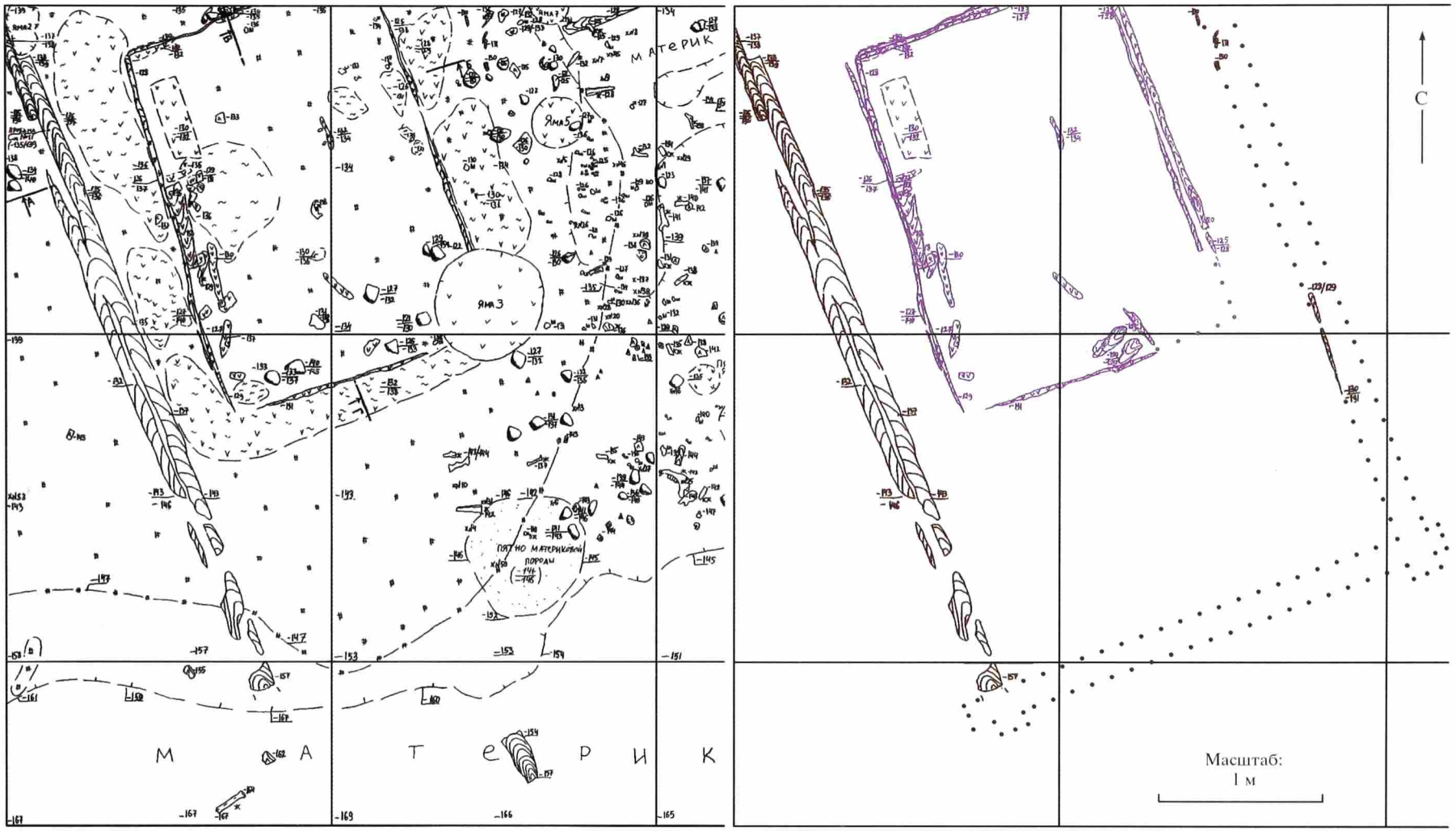
1 — план участка на уровне третьего пласта; *2* — план с остатками постройки (условные обозначения те же, что на рис. 76)



1 2

Рис. 80. Селище Минино I, постройка № 6 (раскоп 4, кв. АА–АБ/27–29)

1 — план участка на уровне второго пласта; *2* — план с остатками постройки (условные обозначения те же, что на рис. 76)



1 2

Рис. 81. Селище Минино I, постройка № 7 (раскоп 4, кв. Я–АБ/27–29)

1 – план участка на уровне третьего пласта; *2* – план с остатками постройки (условные обозначения те же, что на рис. 76)

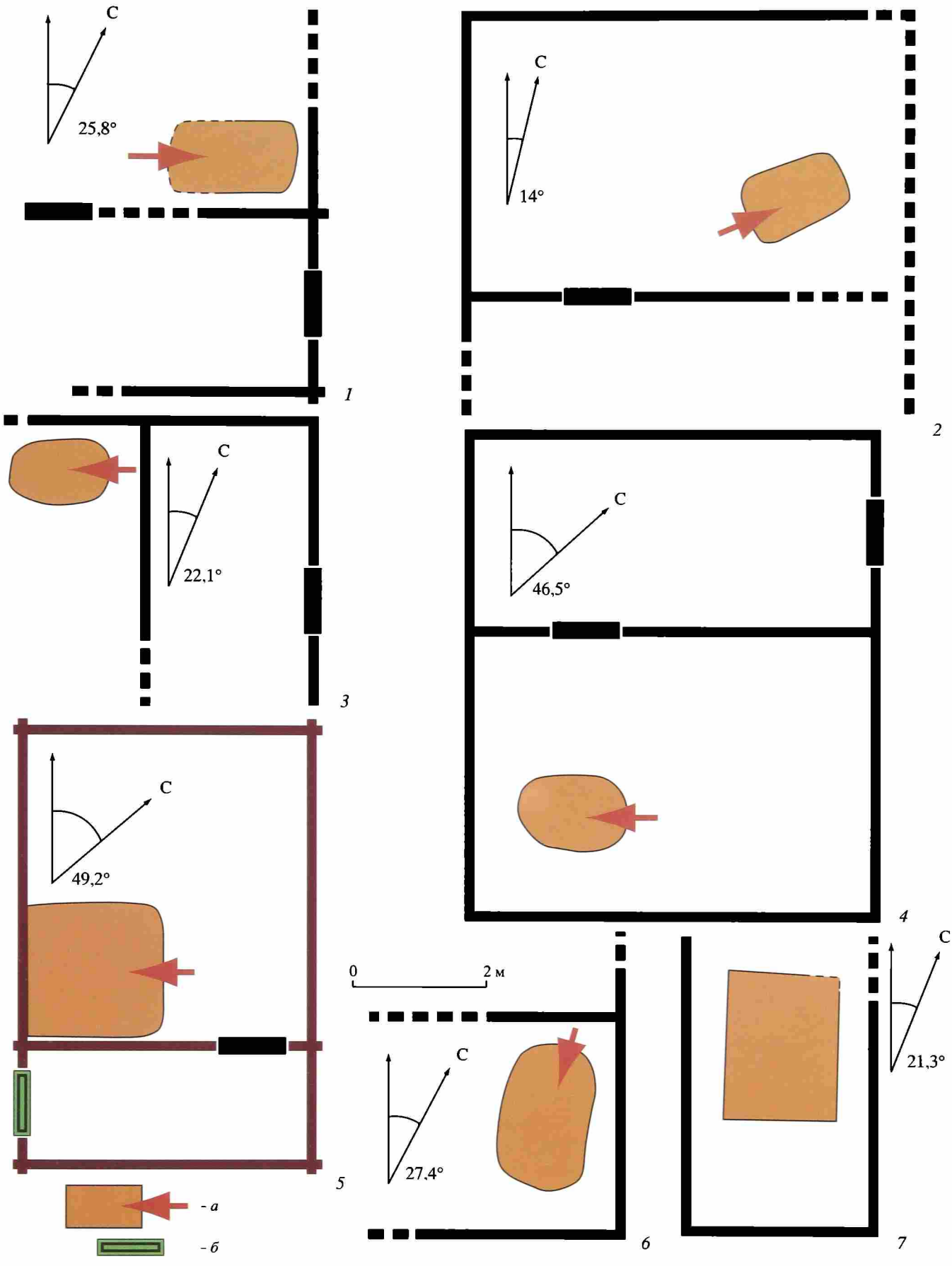


Рис. 82. Схематические планы построек, обнаруженных на селище Минино I

1 — постройка № 1 (раскоп 1); *2* — постройка № 2 (раскоп 1); *3* — постройка № 3 (раскоп 1); *4* — постройка № 4 (раскоп 3); *5* — постройка № 5 (раскоп 3); *6* — постройка № 6 (раскоп 4); *7* — постройка № 7 (раскоп 4); *а* — отопительные сооружения и предполагаемое положение устья топочной камеры; *б* — предполагаемое положение дверных проемов

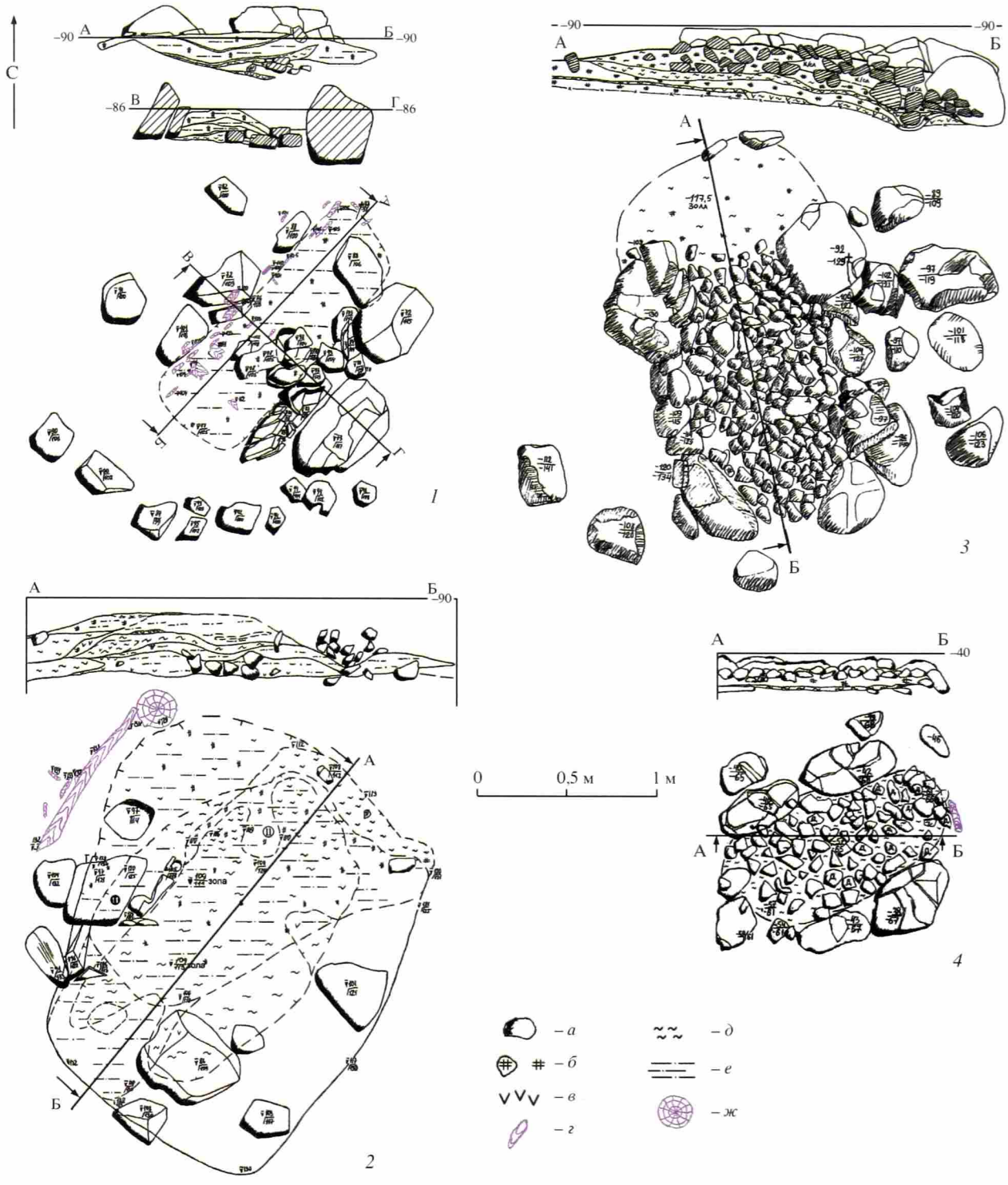


Рис. 83. Развалы отопительных сооружений из жилых построек на селище Минино I

1 — печь из постройки № 4; *2* — печь из постройки № 5; *3* — печь из постройки № 6; *4* — печь из постройки № 3; *а* — печные камни; *б* — фрагменты печной обмазки; *в* — уголь; *г* — фрагменты древесного тлена от опечков; *д* — зола; *е* — суглинок; *ж* — столб опечка

Отопительные сооружения. Именно наличие печи, помимо определенного набора бытовых предметов, свидетельствует о том, что постройка представляла собой жилой дом, а не хозяйственное сооружение. Все отопительные сооружения, обнаруженные в жилых домах селищ Минино I и Владышнево I, представляли собой печи, близкие по основным конструктивным принципам (рис. 83; 84, *3*). Они сооружены с использованием камня и глины. Основу конструкции составляли 5—6 крупных камней (размерами до 0,5 × 0,6 м), часто поставленных на ребро, которые оконтуривали заполненное глиной пространство подпрямоугольной формы. В промежутках между большими камнями

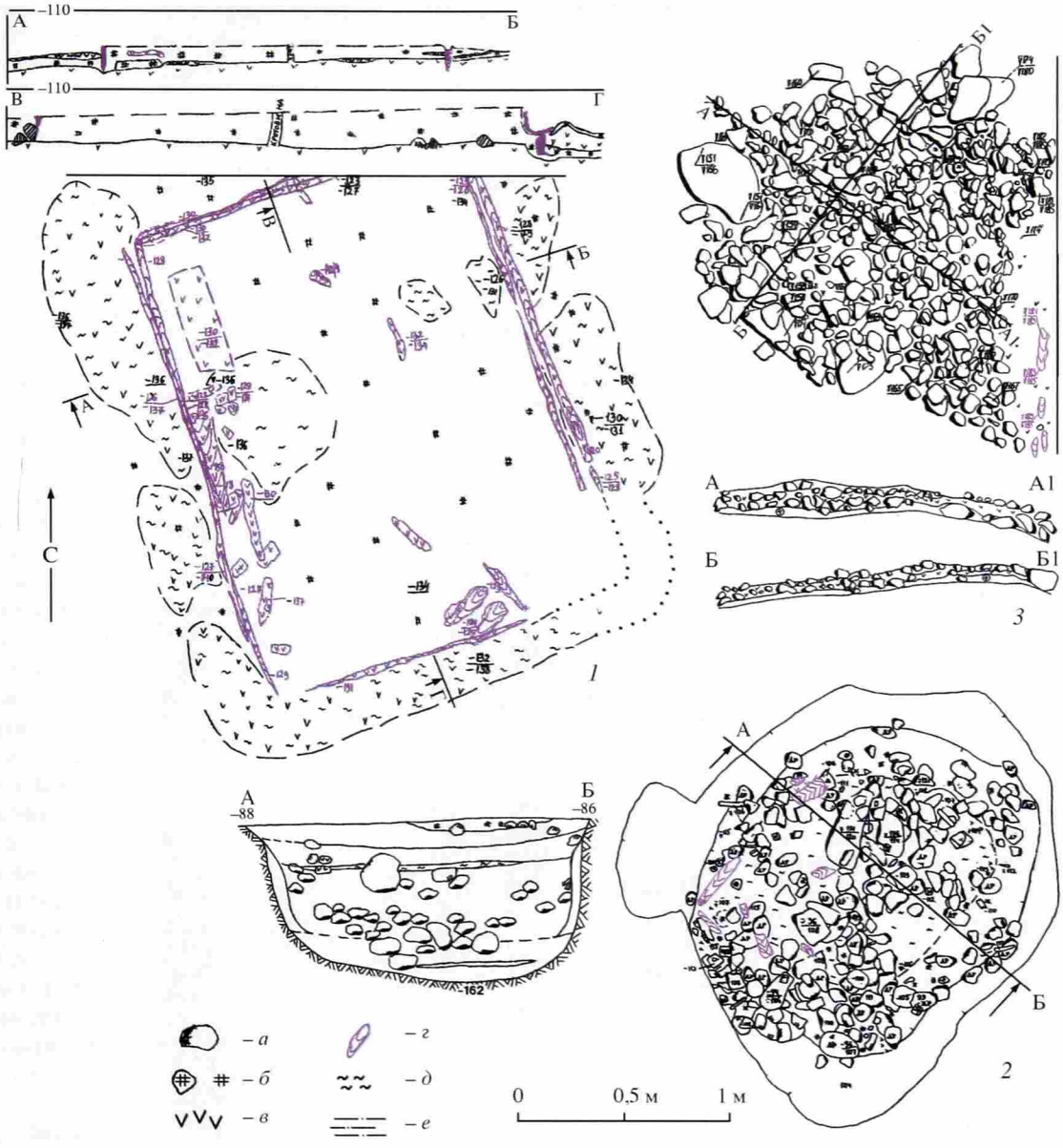


Рис. 84. Развалы отопительных сооружений из производственной постройки на селище Минино I и жилых построек на селищах Минино VI и Владышнево I

1 — отопительное сооружение из постройки № 7 на селище Минино I; *2* — печь из постройки № 1 на селище Минино VI; *3* — печь из постройки на селище Владышнево I; *а* — печные камни; *б* — фрагменты печной обмазки; *в* — уголь; *г* — фрагменты древесного тлена от опечков; *д* — зола; *е* — суглинок

располагались более мелкие — пережженные или имевшие характерные термические сколы. В ряде случаев отмечено использование для этих целей небольших, поставленных на ребро, каменных плиток (рис. 85—89).

Общие размеры печей варьировались от 1,5 × 1,2 м (дом № 3) до 2,0 × 2,1 м (дом № 5), а занимаемая ими площадь — от 1,8 до 4,2 кв. м (табл. 16). Ширина внутреннего (топочного) пространства составляла от 0,5 до 0,8 м при площади от 0,7 до 1,4 кв. м. Количество глины, использованной при сооружении печей, было различным. В печи жилого дома на селище Владышнево I глина отсутствовала практически полностью. Вес глины в печи из дома № 5 составлял 532 кг (около 0,33 куб. м), а печи из дома № 4 — 120 кг (около 0,08 куб. м). В то время как вес глины, происходящей из печей домов № 1—3, колебался от 10 до 25 кг, а печи дома № 6 не превышал 40 кг.

Стратиграфическая ситуация позволила в одном случае — дом № 6 из раскопа 4 — уверенно отделить печные камни, относящиеся к одному развалу печи. Измерение их объема показало, что для сооружения этой печки было использовано около 1 куб. м камней. Некоторые мелкие камни, лежавшие плотным слоем в верхней части топочной камеры этой печки, были скреплены между собой глиной (рис. 83, *3*; 88). Здесь же обнаружены фрагменты печной обмазки с отпечатками ткани грубого плетения (типа мешковины). В остальных печах подобные явления не зафиксированы, но в глиняном заполнении топочных камер печей из домов № 4 и 5, особенно в его верх-

Рис. 85. Печь из постройки № 3 на селище Минино I. Вид с юга

Рис. 86. Печь из постройки № 4 на селище Минино I. Вид с юго-запада

ней части, обнаружены крупные фрагменты печной обмазки, одна из поверхностей которых имела следы заглаживания. В разрезах заполнения топочных камер практически всех печей прослежены разделяющие глину зольно-угольные прослойки (рис. 87, *1*). Их можно рассматривать как свидетельства существования сводов и реконструировать печи № 4 и 5 как имевшие глиняный, а печь из дома № 6 — каменно-глиняный, свод. В то же время ряд наблюдений не соответствует такой интерпретации. В первую очередь — это слабая обожженность глины, заполнявшей верхнюю часть топок. Объем хорошо обожженной (не растворяющейся в воде) глины составлял лишь около 15 — 20% от общего объема. Кроме того, не удалось найти ни одного достоверного, т.е. заглаженного с двух сторон, фрагмента свода. Поэтому в отмеченных зольно-угольных прослойках можно видеть следы ремонта печек и поиному реконструировать их верхнюю часть.

В пяти случаях непосредственно под слоем камней и глины были зафиксированы фрагменты древесного тлена, которые можно рассматривать как

остатки опечков. Их конструкция в печах из домов № 3 и 4 (рис. 83, *1, 4*) и дома во Владышнево (рис. 84, *3*) осталась неясной. Опечек из дома № 5 имел, очевидно, столбовую конструкцию (рис. 83, *2*). При этом плахи, образующие две стенки опечка, могли крепиться одним концом в пазах, выбранных в стоящем в углу столбе, а вторым — в пазах, выбранных в бревнах стен постройки.

Ни в одном из домов на селищах Минино I не были прослежены подполья или подпечные ямы. Но на селище Минино VI единственная достоверно зафиксированная жилая постройка, датирующаяся второй половиной XII—XIII в., имела значительную по размерам подпечную яму (рис. 84, *2*). Размеры ямы, имевшей почти вертикальные стенки и округлое дно, по верхнему контуру составляли 2 × 1,6 м, при сохранившейся глубине до 0,75 м. Яма была заполнена культурным слоем с большим количеством печных камней и фрагментами обмазки, который перемежался зольно-угольными прослойками. В верхней части ее заполнения, вдоль стенок ямы, обнаружено несколько обугленных деревянных плашек, лежащих под прямым углом друг к другу. Вероятно, это остатки перекрывавшей яму деревянной конструкции (опечка), на которой располагалась печь. Очевидно печка после разрушения дома (в результате пожара?) полностью провалилась в яму, поэтому судить о ее конструкции трудно. При сооружении печи было использовано около 15 кг глины и 0,45 куб. м камня.

Овальная яма размерами около 0,9 × 0,6 м при глубине до 0,28 м была выявлена в предполагаемых пределах сеней жилого дома во Владышнево. Учитывая местоположение и состав находок, ее можно интерпретировать как небольшую подпольную яму, но условный характер реконструкции самого дома не исключает возможности иного определения назначения ямы.

Производственная постройка. Большой удачей можно считать обнаружение на селище Минино I в раскопе 4 производственной постройки. Постройка № 7 представляла собой прямоугольный однокамерный сруб, ориентированный с небольшим (21°) отклонением к западу от линии север—юг (рис. 81). Площадка перед строительством была засыпана слоем глины толщиной до 0,1 м. Дерево от постройки сохранилось очень плохо. Четко прослежена ее западная стена — в виде полосы тлена шириной около 0,2 и длиной более 4,35 м, выходящей в северо-западном направлении за пределы раскопа. От восточной стены сохранилось лишь несколько небольших фрагментов древесного тлена, лежащих параллельно западной стене постройки. Реконструируемая ширина сруба составляла 3 м, длина превышала 4,7 м, а внутренняя площадь была более 12 кв. м.

В центре постройки зафиксирована большая глинобитная конструкция с деревянной обвязкой из обугливших толстых плах, поставленных на ребро. Конструкция располагалась параллельно стенам постройки и имела размеры 2,34 × 1,67 м при сохранившейся высоте в 0,18—0,25 м. В нижней части ее за-

Рис. 87. Печь из постройки № 5 на селище Минино I

1 — разрез печи по северной стенке раскопа 1999 г., вид с юга; *2* — северная часть печи, исследованная в 2002 г., вид с запада

Рис. 88. Печь из постройки № 6 на селище Минино I. Вид с юга

Рис. 89. Печь из постройки на селище Владышнево I. Вид с запада

полнения обнаружены небольшие фрагменты обугленной древесины и отдельные тонкие пятна золы. Видимо, эта конструкция являлась глинобитным основанием (опечком) печи или очага. Расстояние от опечка до западной и восточной стен постройки составляло 0,4 – 0,5 м. В этом пространстве и вдоль южной стенки опечка на одном уровне с основанием западной стены четко прослежена заглубленная на 1 – 3 см уплотненная полоса шириной около 0,4 м, интенсивно окрашенная сажистыми и зольными включениями. Вероятно, это утоптанная рабочая зона (рис. 84, *1*). Учитывая данное наблюдение и тот факт, что внутри постройки (за пределами опечка) никаких фрагментов дерева не зафиксировано, можно полагать, что пол в постройке был глинобитным.

Во второй половине XII в. на месте постройки был возведен жилой дом (№ 6). При этом глина из конструкции, стоящей в центре постройки № 7, была использована для выравнивания площадки под новое строительство. Стратиграфически данный слой четко отделяется от слоя глины, лежащего в основании постройки № 7. Общий объем глины из слоя разрушения составил более 1,5 куб. м. Очевидно, глинобитная печь или очаг в постройке № 7 имела очень большие размеры и высоту.

Таким образом, в отличие от других (жилых) построек Минино, постройка № 7 представляла собой небольшой однокамерный сруб с земляным полом. В центре ее располагался значительный по размерам глинобитный очаг или печь на глинобитном опечке.

Особенности планировки поселений

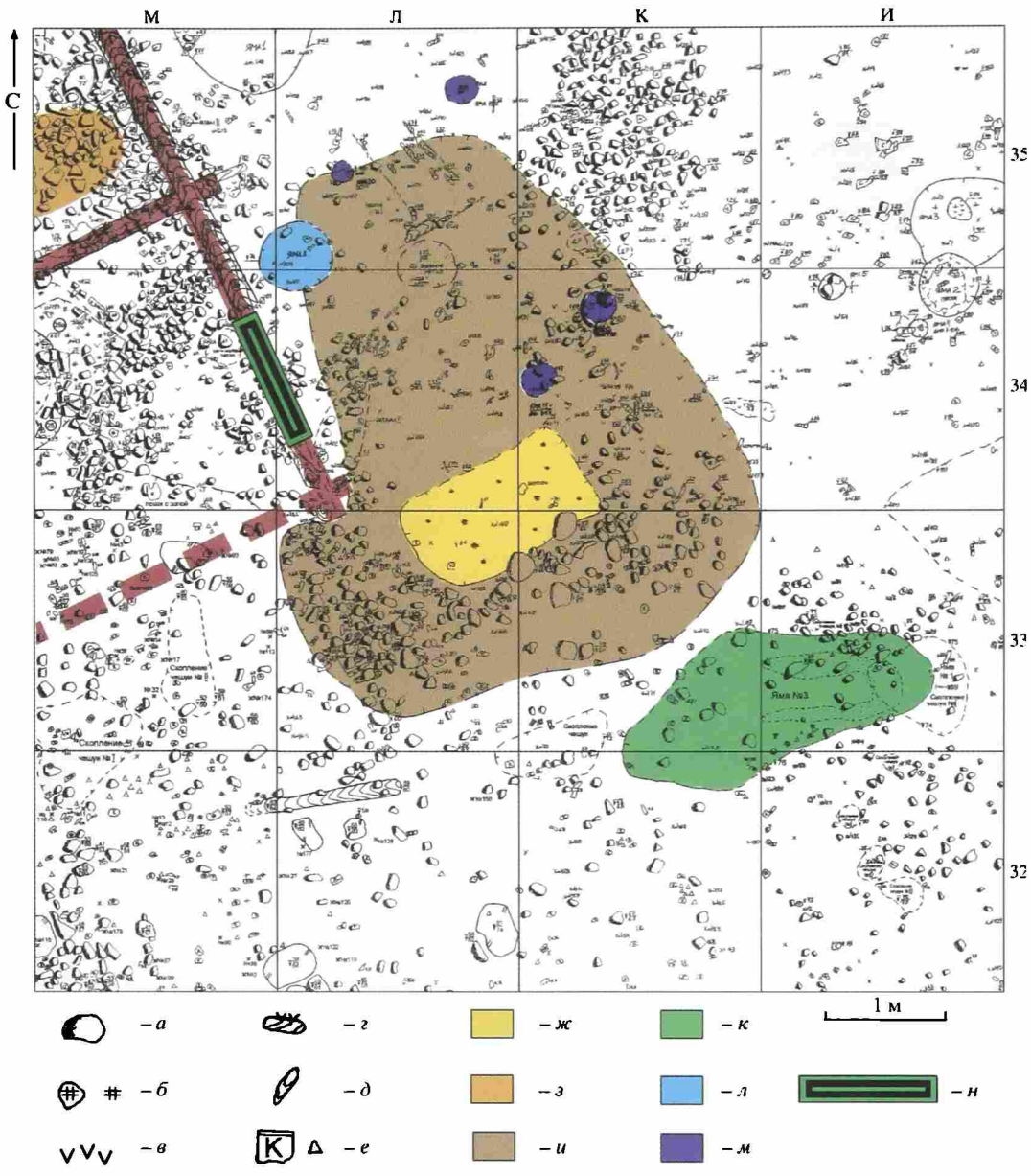
Небольшая площадь раскопов на селище Минино I ограничивает наши возможности в изучении особенностей организации пространства вокруг жилых домов. Наиболее интересные наблюдения удалось сделать в раскопе 1. В его северной части, к востоку и югу от дома № 1, был выявлен ряд объектов, дающих представление об использовании пространства вокруг дома (рис. 90). Здесь обнаружено пятно утоптанной земли подпрямоугольной формы. Слой в пределах пятна содержал большое количество костей животных и рыбы и различные находки. В центре пятна располагался открытый очаг, использовавшийся длительное время. К северу от него выявлена яма круглой формы. Судя по тонкой полоске древесного тлена на стенках ямы, здесь находилась вкопанная в землю бочка диаметром 0,6 м. К востоку от бочки прослежена серия столбовых ям и деревянных плашек. С южной стороны от очага была выкопана большая овальная яма, из которой удалось извлечь более 12,5 литров чешуи и костей рыбы. В действительности ее было значительно больше, поскольку основная масса чешуи истлела. Кроме того, в яме встречены кости животных, птиц и керамика.

Сложность стратиграфического членения слоя не позволяет настаивать на безусловной синхронности этих объектов. В пользу того, что перед нами комплекс сооружений, использовавшихся одновременно, говорят совпадение ориентации объектов, взаимозависимость границ и близость стратиграфического положения. Если воспринимать все объекты как комплекс, то перед нами жилой дом с расположенным рядом открытым очагом, представлявшим собой, вероятно, летнюю кухню. Площадка вокруг очага интенсивно использовалась, очевидно, именно сюда выходила внешняя дверь постройки. В этой части площадки существовали какие-то легкие деревянные сооружения (навес?) и находилась вкопанная в землю бочка. С юга к площадке примыкала помойная яма, в которую сбрасывались пищевые отходы.

Следует отметить и еще одно обстоятельство. В ранних напластованиях раскопа 1 были вскрыты

Рис. 90. Постройка № 1 на селище Минино I и ее окружение

а — печные камни; *б* — фрагменты печной обмазки; *в* — уголь; *г* — обожженное дерево; *д* — древесный тлен; *е* — фрагменты керамики; *ж* — открытый очаг; *з* — печь; *и* — пятно утоптанной земли, *к* — помойная яма; *л* — вкопанная в землю бочка; *м* — столбы от навеса; *н* — предполагаемое положение входной двери



два жилых дома (№ 1 и 2; рис. 72, *1*) сосуществовавшие в течение некоторого периода. Следов оград или частоколов, разделявших эти дома, обнаружено не было, поэтому вопрос о наличии на селище усадеб со стабильными границами остается открытым. Вместе с тем можно утверждать, что селище было застроено весьма плотно, поскольку расстояние между домами составляло около 8 м, т.е. практически было равно длине дома. Существенную плотность застройки селища подтверждает и тот факт, что три из шести исследованных жилых домов были возведены на месте ранее существовавших построек, частично или полностью перекрывая их остатки.

Для восстановления общей планировки селища Минино I помимо материалов из раскопок в нашем распоряжении имеется и другой источник информации. В первые годы исследований на поверхности селища были отмечены небольшие всхолмления. В ряде случаев на их верхушках проступали крупные камни. На план памятника удалось нанести более 40 таких объектов (рис. 91). Мы предположили, что они являются развалами печей от построек. Такая атрибуция полностью подтвердилась при раскопках. Три подобных всхолмления, исследованные в раскопах 3 и 4, оказались печами жилых домов.

Расположение выявленных остатков печей на плане на первый взгляд выглядит весьма хаотичным. При попытке увидеть за ними какую-либо систему необходимо учесть ряд важных моментов. Во-первых, на плане отражены далеко не все существовавшие на селище постройки с печами, а лишь наиболее четко выраженные на поверхности и, вероятно, наиболее поздние из стоявших на каждом участке поселения. Часть всхолмлений несомненно была уничтожена в позднее время, когда территория селища распахивалась. Во-вторых, мы не имеем данных о датировке подавляющего большинства нанесенных на план развалов печей, поскольку они не раскопаны. Они могут относиться к любому из периодов существования селища. Эти обстоятельства затрудняют интерпретацию полученных данных, в значительной мере запутывая общую картину. Своеобразным ключом к ее пониманию может стать анализ ориентации изученных раскопками

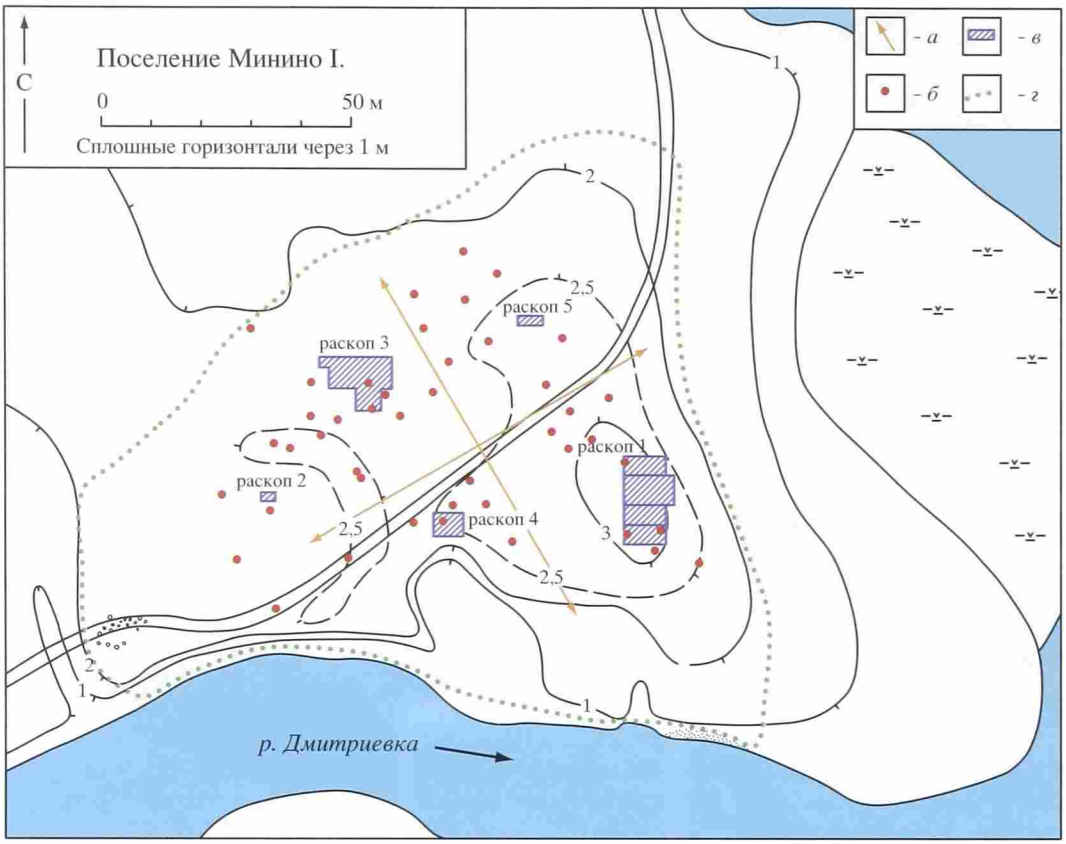


Рис. 91. Особенности планировки селища Минино I

а — ориентировка построек, вскрытых в раскопах (среднее значение); *б* — развалы печей, фиксируемые на поверхности селища; *в* — раскопы и их номера; *г* — границы селища

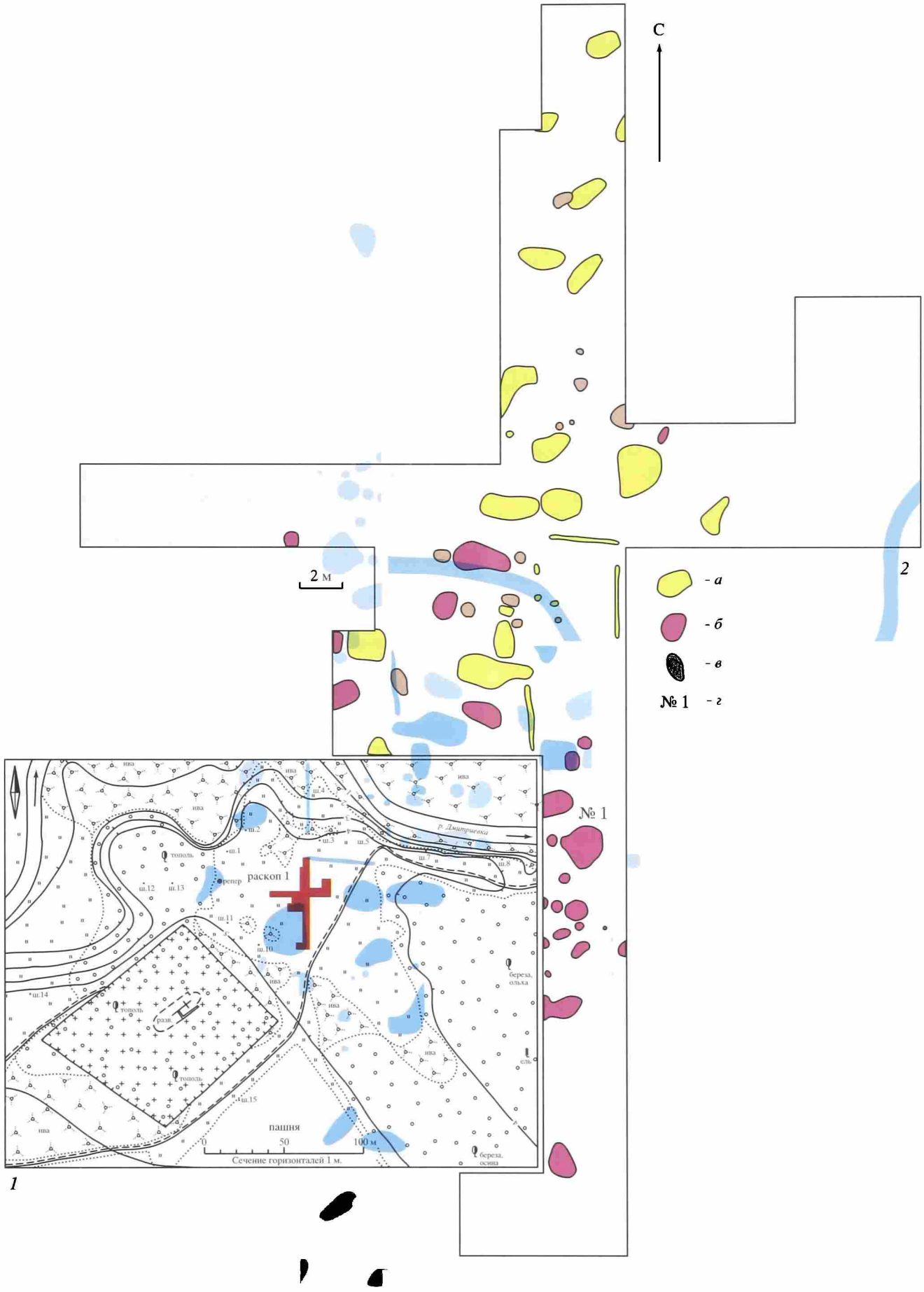
построек. Наблюдения показывают, что все дома, выявленные на разных участках и относящиеся к разным этапам жизни селища, были сориентированы примерно в одном направлении — по линии северо-запад — юго-восток. Причем в большинстве случаев с этим направлением совпадает длинная ось построек (рис. 82). Поэтому можно полагать, что при возведении домов принимались во внимание постоянно существующие и ясно видимые ориентиры. Совмещение этого направления с планом поселения позволяет увидеть в расположении развалов печей определенную закономерность (рис. 91). Выделяются несколько перпендикулярных друг другу рядов построек. Они четко прослеживаются в южной, центральной и северной частях селища. Наиболее протяженный ряд, идущий с юго-запада на северо-восток, фиксируется в центральной части.

Опираясь на эти наблюдения, можно высказать ряд предположений о планировке селища. Уже при первом взгляде на конфигурацию и размеры площадки становится очевидным, что Минино I не относится к числу поселений с прибрежно-рядовой планировкой, наиболее часто встречающейся на древнерусских селищах. Можно, конечно, определять планировку поселения как кучевую. Но приведенные факты свидетельствуют о ярко выраженных элементах упорядоченности в размещении построек, что, учитывая значительную плотность их расположения, позволяет отнести Минино I к селищам с уличной планировкой. Любопытно отметить, что ориентация наиболее протяженного ряда домов совпадает с направлением современной дороги, которая, пересекая памятник, ведет от некрополя селища на берег Кубенского озера. Перпендикулярный ему ряд выводит на наиболее удобный для использования участок берега речки Дмитриевки.

Иная ситуация фиксируется на селище Минино VI, культурный слой которого существенно пострадал от многолетней распашки и в целом виде сохранился практически только в материковых ямах. Вещевой материал и результаты радиоуглеродного датирования позволили разделить средневековые ямы на два основных периода — середина XI—XII в. и вторая половина XII—XIII в. Анализ размещения относящихся к разным периодам ям по площади раскопа показывает, что ранние материалы концентрируются в северной, близкой к речному берегу, части раскопа (рис. 92). Во второй половине XII в. площадь селища увеличилась за счет освоения южных, удаленных от реки, участков. К этому периоду относятся и остатки единственного обнаруженного на селище жилого дома, располагавшегося в южной части раскопа. Пятна культурного слоя разных периодов частично перекрывают друг друга, но, учитывая, что здесь исследована в два раза большая площадь, чем на селище Минино I, можно достаточно обоснованно утверждать, что жилые дома на этом поселении располагались более свободно, на значительном удалении друг от друга. Существенная разница фиксируются и в насыщенности культурного слоя селищ разнообразными находками.

Рис. 92. Селище Минино VI

1 — план селища; *2* — расположение ям разных периодов в раскопе; *а* — ямы, относящиеся к периоду середины XI—XII в.; *б* — ямы, относящиеся к периоду второй половины XII—XIII в.; *в* — средневековые ямы, датировку которых уточнить не удалось; *г* — жилой дом № 1


С
2 м
- а
- б
- в
№ 1 - г
№ 1
2
р. Дмитриевка
раскоп 1
репер
тополь
ива
береза, олька
ель
береза, осина
разв.
пашня
0
50
100 м
Сечение горизонталей 1 м.
1

Если на селище Минино I на 1 кв. м вскрытой площади приходится в среднем более 17 вещевых находок и около 0,6 кг керамики, то на селище Минино VI эти показатели составляют около трех предметов и 0,25 кг керамики.

Вместе с тем прослеживаемые отличия в плановой структуре, плотности застройки и насыщенности культурного слоя различными находками нельзя рассматривать как свидетельство значимых различий в уровне жизни или системах жизнеобеспечения обитателей селищ. По общему набору и качеству находок, структуре вещевых и остеологических коллекций селища чрезвычайно близки между собой. Особо важна находка на Минино VI свинцовой пломбы, показывающая, что в руках жителей этого селища находились какие-то официально удостоверенные документы. Возможно, основную причину отмеченных различий следует искать в топографических особенностях расположения поселений. Сравнительно небольшая площадка, которую занимало селище Минино I, имела естественные границы и в момент расцвета поселения была, очевидно, застроена почти полностью. В то время как возможности территориального роста селища Минино VI были практически не ограничены. С другой стороны, этот показатель можно воспринимать и как проявление определенных различий в статусе поселений.

Таким образом, исследования поселений мининской археологической группы, располагавшейся на отдаленной северной окраине Руси, позволяют по-новому взглянуть на характер и принципы организации жизни на рядовых сельских поселениях. Результаты раскопок свидетельствуют о том, что даже не выделяющиеся по своим размерам селища могли представлять собой достаточно сложные образования, по целому ряду параметров близкие городским поселениям. Помимо высокого уровня благосостояния жителей, отразившегося в чрезвычайно яркой и насыщенной коллекции вещевых находок, и фиксации на селищах следов существования различных ремесел, следует отметить наличие здесь двухкамерных жилых домов. Такие постройки — дома-пятистенки — считаются одним из значимых элементов городской культуры домостроения. Они открыты в древнейших напластованиях Новгорода, выявлены в слоях X—XI вв. в Пскове и Новогрудке, а в XII—XIII вв. получают широчайшее распространение на территории Руси (*Раппопорт*, 1975. С. 62—67; *Фараджева*, 1999). Двухкамерные жилые дома этого времени открыты практически во всех исследованных раскопками городских центрах лесной и лесостепной зоны, но наиболее характерными они могут считаться, вероятно, для Северо-Западной Руси (*Раппопорт*, 1975. С. 95—111, 166—168). В Новгороде пятистенные дома являлись самым многочисленным типом жилых построек на протяжении 2,5 столетий — со времени основания города до рубежа XII—XIII вв. (*Колчин, Янин*, 1982. С. 73). По мнению Ю.П. Спегальского, они представляли собой основной тип жилища зажиточной части посадского населения Новгорода (*Спегальский*, 1972. С. 95—97).

Благодаря раскопкам в Минино впервые удалось надежно зафиксировать факт широкого распространения двухкамерных жилых построек в сельской среде. Важно отметить, что дома-пятистенки на всем протяжении жизни на селище, начиная с момента его возникновения, были основным, а по сути, единственным типом жилых построек. Истоки этой традиции для мининского микрорегиона на сегодняшний день остаются неясными, поскольку мы практически не имеем данных о характере домостроительства в Северо-Восточной Руси в ранний период. Возможно, традиция сооружения двухкамерных домов приходит сюда с Северо-Запада, где их широкое распространение фиксируется уже в X в. Но нельзя не обратить внимания на то, что пятистенные жилые дома, наряду с постройками других типов, присутствуют в ранних напластованиях Белоозера, относящихся ко второй половине — концу X в. (*Голубева*, 1973. С. 69, 71—74). Интересные данные были получены и при раскопках поселения Крутик, существовавшего в IX—X вв. в среднем течении р. Шексны, в 55 км к западу от Минино. Несмотря на плохую сохранность дерева в культурном слое, удалось выяснить, что основной тип построек на этом поселении — срубные наземные дома, из которых, по крайней мере, один можно достаточно уверенно реконструировать как двухкамерный жилой дом (*Голубева, Кочкуркина*, 1991. С. 39).

Весьма значимыми можно считать и результаты анализа плановой структуры селищ. Выяснилось, что застройка поселения Минино I складывалась не стихийно. В общей организации жилого пространства поселения, безусловно, присутствовала определенная система. Она нашла свое выражение в существовании уличной планировки — принципа, лежащего в основе территориальной организации древнерусских городов. При отсутствии археологически зафиксированных следов деления территории этого селища на усадьбы обращает на себя внимание существенная плотность расположения построек, которые зачастую возводились на месте ранее существовавших сооружений.

В последние годы, благодаря проведению широкомасштабных раскопок на целом ряде селищ Северо-Восточной и Южной Руси, удалось выявить комплексы сооружений, состоящие из жилого дома и различных хозяйственных построек, которые обычно интерпретируются как усадебные дворы или усадьбы (*Гоняный, Кац, Наумов*, 2003; *Шполянский*, 2003а). Правомерность прямого сопоставления таких дворов с городскими усадебными комплексами дискуссионна, поскольку вопрос о стабильности их границ во времени и пространстве, являющейся важнейшим признаком городских усадеб, остается открытым. В подавляющем большинстве случаев сельские усадебные дворы представляют собой комплексы планиграфически взаимосвязанных разнофункциональных объектов, отделяющиеся от других подобных комплексов не археологически фиксируемыми оградами, а свободным незастроенным пространством (*Шполянский*, 2003а. С. 256—

257). Наиболее четко их удается выделять в тех случаях, когда разновременные усадебные дворы не перекрывают друг друга. В этих условиях сложно говорить о длительном существовании усадеб в границах одного и того же участка селища. Остатками подобного усадебного двора могут являться различные по назначению объекты, исследованные вокруг подпечной ямы жилого дома № 1 в южной части раскопа на селище Минино VI (рис. 92, *2*), но, поскольку этот комплекс вскрыт лишь частично, достоверность такой трактовки вызывает определенные сомнения.

В отличие от подобной ситуации, высокая плотность застройки селища Минино I, существенно затрудняя возможности выделения комплексов одновременных построек, в то же время может рассматриваться как яркий признак существования некоторых пространственных ограничений, заставлявших жителей возводить дома на одних и тех же местах. Это, в свою очередь, может свидетельствовать о наличии у обитателей селища определенных прав собственности на земельные участки, занятые ими, и отражать более высокий статус Минино I в иерархии поселений мининской локальной группы.

Материалы эпохи камня, бронзы и раннего железного века

Микрорегион в устье р. Дмитриевки оставался неизменно привлекательным для человека на протяжении приблизительно девяти тысячелетий. Здесь представлены памятники всех известных в регионе типов, содержащие материалы обширного хронологического диапазона от среднего мезолита до позднего Средневековья. Концентрацию древних памятников в приустьевой части небольшой речки, последовательно прорезающей несколько террас и прибрежный вал озера, можно считать типичной чертой местного культурного ландшафта. Причем эти немногочисленные удобные площадки вблизи озерной низины в большинстве случаев заселялись многократно (*Суворов*, 1996). Разновременные материалы первобытной эпохи были собраны на территории всех семи памятников, выявленных на берегах р. Дмитриевки на удалении до 1,2 км от ее устья.

Не случайно первый памятник на р. Дмитриевке был открыт в 1993 г. в ходе поисков памятников каменного века отрядом экспедиции НПЦ "Древности Севера" (*Васильев*, А-1993; *Васильев, Суворов*, А-1994). Заложенный шурф показал наличие на небольшом возвышенном участке левого берега р. Дмитриевки, сегодня почти не затопляющемся в половодье, культурных отложений мощностью до 0,9 м. Культурный слой дал инвентарь всех известных в регионе периодов — позднего Средневековья, древнерусского времени, раннего железного века, эпохи бронзы, энеолита, неолита и мезолита. В нижней части слоя были расчищены два безынвентарных трупоположения каменного века, сильно поврежденных перекопами. Эти погребения первоначально не удалось убедительно датировать, возникало даже предположение о принадлежности их древнерусскому времени, основанное на обнаружении в разрушенной части погребения 1 двух пастовых бусин и фрагмента бронзовой спиралевидной пронизки (*Васильев, Папин, Суворов*, 1994). В ходе раскопок памятника в 1996—2000, 2002, 2003 гг. на Минино I собрана коллекция из десятков тысяч артефактов первобытности от среднего мезолита до позднего железного века, исследовано еще 19 погребений каменного века. В 2002 г. в раскопе 6 в пойме Дмитриевки, огибающей суходольную часть памятника с востока, выявлен влажный культурный слой мощностью до 1,5 м (*Макаров, Захаров, Суворов, Зайцева, Меснянкина*, 2003). В 2003 г. шурфом 2 × 2 м (кв. БС-17) уточнены границы участка переотложенного культурного слоя (пойменного шлейфа) каменного — железного веков, сохранившегося на восточной периферии Минино I далеко за пределами суходольной части территории памятника. Здесь в отдельные периоды складывались условия, способствовавшие консервации влажного культурного слоя, сохраняющего органические материалы.

В 1996 г. открыто три новых памятника — Минино II, III, IV (*Макаров, Захаров, Суворов*, А-1996; 1997; *Папин, Суворов*, 1997; *Суворов*, А-1996). Памятник Минино II находится на левом берегу реки, в 0,6—0,8 км выше ее устья. Высота площадки памятника — 3—5 м над уровнем воды. По относительно немногочисленному инвентарю памятник датируется эпохами мезолита, неолита, бронзы, раннего железного века и совпадает с территорией средневекового могильника, исследовавшегося в 1997, 1998, 2000, 2002—2005 гг. Помимо поселенческого культурного слоя в раскопе 3 на памятнике в 2000, 2002—2005 гг. выявлено 8 погребений каменного века (*Суворов, Бужилова*, 2004).

Стоянка Минино III расположена на правом берегу р. Дмитриевки на первой надпойменной террасе высотой до 3,5 м. Культурный слой представляет собой сильно поврежденную распашкой черную, сильно гумусированную супесь мощностью до 20 см, распространенную вдоль края берега на протяжении около 50 м. Материал, собранный в шурфе 2 × 2 м и в береговой осыпи, — фрагменты штрихованной керамики раннего железного века и гончарной позднесредневековой.

Стоянка Минино IV расположена на левой стрелке реки при впадении ее в Кубенское оз. на намывном песчаном валу, высота которого не превышает 1,5 м над уровнем воды. Культурный слой, вероятно, полностью размыт. Подъемный материал, собран-

ный на пространстве около 70 × 90 м, относится к эпохам мезолита, неолита и раннего железного века.

Стоянка Минино V, открытая в 2002 г., расположена на правой стрелке р. Дмитриевки при впадении ее в оз. Кубенское. В размывах берега реки на протяжении 70 м собран немногочисленный подъемный материал, произведена зачистка берегового обнажения, вскрыт шурф размерами 2 × 2 м. Сохранившиеся культурные отложения выявить не удалось, очевидно, они полностью перемыты прибоем. В числе находок — кремневый скребок на осколке; пренуклеус; отходы кремнеобработки; фрагменты керамики — ямочно-гребенчатой эпохи неолита, орнаментированной мелкими ямками сетчатой эпохи бронзы, сетчатой железного века, позднесредневековой сероглиняной. Большая часть находок несет следы окатанности.

На территории средневекового селища Минино VI, выявленного в 1999 г., в ходе раскопок 2000—2001, 2003 гг. сделаны единичные находки кремневых изделий, керамики неолитической эпохи и раннего железного века. Рассредоточение этих предметов на удалении от древних поселений может быть связано с хозяйственной деятельностью древнего и средневекового населения.

На территории селища Минино VII, выявленного в 2000 г., в шурфах 4 (2000 г.) и 5 (2002 г.) обнаружены немногочисленные кремневые изделия мезолитического облика — вкладыш из медиальной части пластины с ретушью, отщепы, чешуйки.

Как видно из приведенного перечня, в Мининском микрорегионе удалось выявить памятники всех характерных для региона типов. Обнаружено местонахождение отдельных древних предметов (Минино VI); стоянки с культурным слоем, полностью переотложенным озерным прибоем (Минино IV, V); суходольные стоянки, селища и поселения, в разной степени поврежденные распашкой (Минино I, II, III, VII); участок влажного культурного слоя (Минино I); могильники каменного века (Минино I, II). Наибольшее типологическое и хронологическое разнообразие демонстрируют объекты на наиболее крупном памятнике — Минино I.

Мезолитические материалы обнаружены на четырех памятниках микрорегиона — Минино I, II, IV, VII. Артефакты встречены на разрушенных застройкой и размываемых участках левого берега р. Дмитриевки в общей сложности на протяжении более 300 м, местами на удалении до 90 м от него. Высота прорезаемых рекой террас составляет от 5 м (Минино VII) до 2 м (Минино I). Мезолитические культурные напластования изучены в расположенных на этих террасах раскопах 1—3 и шурфах 4 и 5 на Минино II, в раскопах 1—3 и шурфе 5 на Минино I. Участок залегающего ниже уровня воды влажного культурного слоя выявлен в раскопе 6 на Минино I. Кроме того, находки встречены на левой стрелке при впадении р. Дмитриевки в оз. Кубенское на береговой отмели и прибрежном вале озера высотой до 1,5 м (Минино IV). Разновременный культурный слой здесь, очевидно, полностью размыт прибоем. В подъемном материале с этих памятников присутствуют кремневые ножевидные пластины и изделия из них, фрагменты костяных наконечников рогатин.

По образцам грунта, взятым из нижней части культурного слоя Минино I, с помощью споро-пыльцевого анализа установлено, что в ранний период стоянка располагалась на приречном лугу, окруженном негустыми сосново-березовыми и сосново-еловыми лесами. На основании палинологических данных появление человека на Минино датировано временем не позднее 9500—9300 лет назад — периодом стабилизации климатических условий, последовавшим за отступлением ледника и обмелением послеледниковых водоемов.

Древнейшие находки, принадлежащие мезолитическим стоянкам, позволяют воссоздать фрагменты картины быта древнего населения Кубенозерья — охотников, рыболовов и собирателей. В культурном слое собраны сотни костей — преимущественно бобра, а также лося, лисицы, собаки и множество полуистлевших рыбьих костей. Найдены следы кострищ и хозяйственные ямы с охотничьим и бытовым инвентарем. Находки представлены изготовленными из галечникового и мелового кремня различных цветов многочисленными пластинами и их сечениями, вкладышами, орудиями на пластинах (ножами, скребками, проколками, сверлами, наконечниками стрел), орудиями на отщепах и заготовках случайных форм. Древний культурный слой Минино I хорошо сохраняет кость и рог. Коллекция изделий из кости и рога, фрагментов этих материалов со следами обработки резанием, колкой, шлифовкой, сверлением насчитывает более трехсот единиц. В ее составе имеются представленные большей частью обломками предметы охотничьего вооружения (наконечники стрел, в том числе вкладышевые, крупные наконечники рогатин из метаподиев лося, одно- и двухлезвийные ножи и кинжалы с пазами для кремневых вкладышей), рыболовные орудия (крючки, гарпуны и зубчатые острия), орудия для обработки дерева и кости (роговое тесло с прорезанным отверстием для рукоятки, долото, серия орудий для обработки органических материалов из челюстей и резцов бобра), орудия для обработки шкур (скребла, острия, шилья). Детали костюма представлены подвесками и нашивками из зубов животных и рыб, фрагментов костей животных, подвесками в виде прямоугольной тонкой костяной пластинки с круглым отверстием, фрагментами орнаментированных нарезками пластинок.

Отдельные мезолитические находки обнаруживают соответствие в материалах культур веретье и бутовской. Однако большая часть находок может быть датирована лишь в широких пределах от второй половины мезолита до раннего неолита (бореал — начало атлантикума). Затруднения с датировкой объясняются тем, что супесчаный культурный слой, достигающий местами мощности 1 м, не разделен стерильными прослойками. Можно лишь с известной долей уверенности полагать, что разновременные отложения мало смешаны. Это не позволяет корректно подразделить на культурно-хронологические комплексы коллекцию изделий из кремня, насчитывающую свыше 11 тысяч единиц. Пер-

Таблица 17

Минино I. Радиоуглеродные датировки погребений каменного века

Шифр даты	Номер погребения, характеристика образца	C^{14} лет назад (BP)	Лет до н.э. (68% вероятности)*	Лет до н.э. (95% вероятности)
AAR-5791	погребение 19, индивид 2, кость человека	9320±55	8640 – 8530	8740 – 8420
AAR-5792	погребение 19, индивид 2, подвеска из резца лося (№ 11)	8960±55	8280 – 8180	8290 – 7960
AAR-5793	погребение 19, индивид 3, кость человека	9435±55	8780 – 8630	8850 – 8550
AAR-5794	погребение 19, индивид 2 или 3, подвеска из фрагмента крупной трубчатой кости животного (№ 27)	8790±55	7970 – 7730	8250 – 7600
GIN-8837	погребение 3, кость человека	7240±160	6260 – 5970	6450 – 5800
AAR-5787	погребение 4, кость человека	6680±50	5645 – 5555	5710 – 5510
AAR-5788	погребение 4, фрагмент зубчатого острия из ребра крупного копытного (№ 1)	6165±45	5210 – 5050	5230 – 4980
AAR-5789	погребение 13, кость человека	6590±50	5560 – 5480	5620 – 5470
AAR-5790	погребение 4, фрагмент гарпуна из трубчатой кости лося (№ 2)	6140±50	5210 – 5090	5220 – 4940
GIN-8838	погребение 5, кость человека	6210±210	5400 – 4850	5650 – 4600

* Калибровка радиоуглеродных дат осуществлена с помощью программы OxCal v.3.10.

спективу выявления не смешанных отложений дают начатые в 2002 – 2003 гг. исследования сырого стратифицированного культурного слоя, хорошо сохраняющего органические материалы. В пойме р. Дмитриевки, примыкающей к суходольной части памятника с востока, в раскопе 6 и шурфе (кв. БС-17) выявлен культурный слой каменного века и раннего металла мощностью до 1,5 м.

К сожалению, на территории памятников с сухим слоем обнаружено немного четко датируемых комплексов древности. К числу таких комплексов относятся, например, погребения. В восточной части Минино I, в раскопе 1, заложенном на обращенном в сторону озера крае надпойменной террасы, на глубинах 0,45 – 0,8 м от современной поверхности обнаружено более двух десятков погребений с человеческими останками средней сохранности (рис. 93). Изучение этих погребений значительно пополнило знания о погребальном обряде мезолитического населения (*Суворов, Бужилова,* 2004) и особенностях биологической адаптации охотников-собирателей к природной среде (*Бужилова,* 2005. С. 26 – 28, 53 – 55). На Севере России мезолитические могильники с сохранившимися костяками немногочисленны, и число погребений в них, как правило, невелико (*Ошибкина*, 1983; 1994; 1998).

На Минино I и II погребения выявлены в толще мезолитического культурного слоя или в материке в неглубоких узких ямах, часто практически соответствующих размерам погребенному телу. Уже первое знакомство с планами погребений убеждает, что перед нами не единый могильник (рис. 93), а сумма разновременных и разнообразных по обряду захоронений, принадлежащих к различным стадиям развития представлений о загробном мире. Сегодня еще не все мининские погребения датированы (см. табл. 17). При анализе имеющихся дат нельзя забывать, что особенности питания (в частности, употребление рыбы и продуктов зоособирательства) иногда приводили к накоплению древнего углерода в тканях человека, что приводит к удревнению радиоуглеродных датировок костей человека на 300 – 400 лет. Охарактеризуем несколько наиболее значимых погребальных комплексов.

Особый интерес представляет древнейшее в Кубенозерье погребение 19, по своей структуре не имеющее аналогов на Севере лесной полосы Европы (*Суворов,* 2000). Это ярусное погребение: в нем одни над другими помещены в могилу останки трех индивидов (рис. 94). Останки индивида 1 (только части черепной коробки) лежали на 0,1 м выше останков индивидов 2 и 3 — единовременно положенных в могилу тел молодой женщины и юноши, лежащих друг над другом вытянуто на спине, головами в одну сторону, на ССЗ. Лежащий в основании комплекса юноша 18 – 19 лет (индивид 3), видимо, не имел сопровождающего инвентаря. Костюм женщины 20 – 24 лет (индивид 2), напротив, имел более 160 мелких подвесок (по сути — нашивок) с нарезками для пришивания у одного из концов. Нашивки изготовлены из зубов животных (лося, куницы, собаки/волка) и рыб, фрагментов крупных трубчатых костей и мелких костей животных, птиц и рыб. Между фрагментами черепа индивида 1 расчищены обломок костяного двухлезвийного кинжала с пазами и три кремневых вкладыша. Для погребения по-

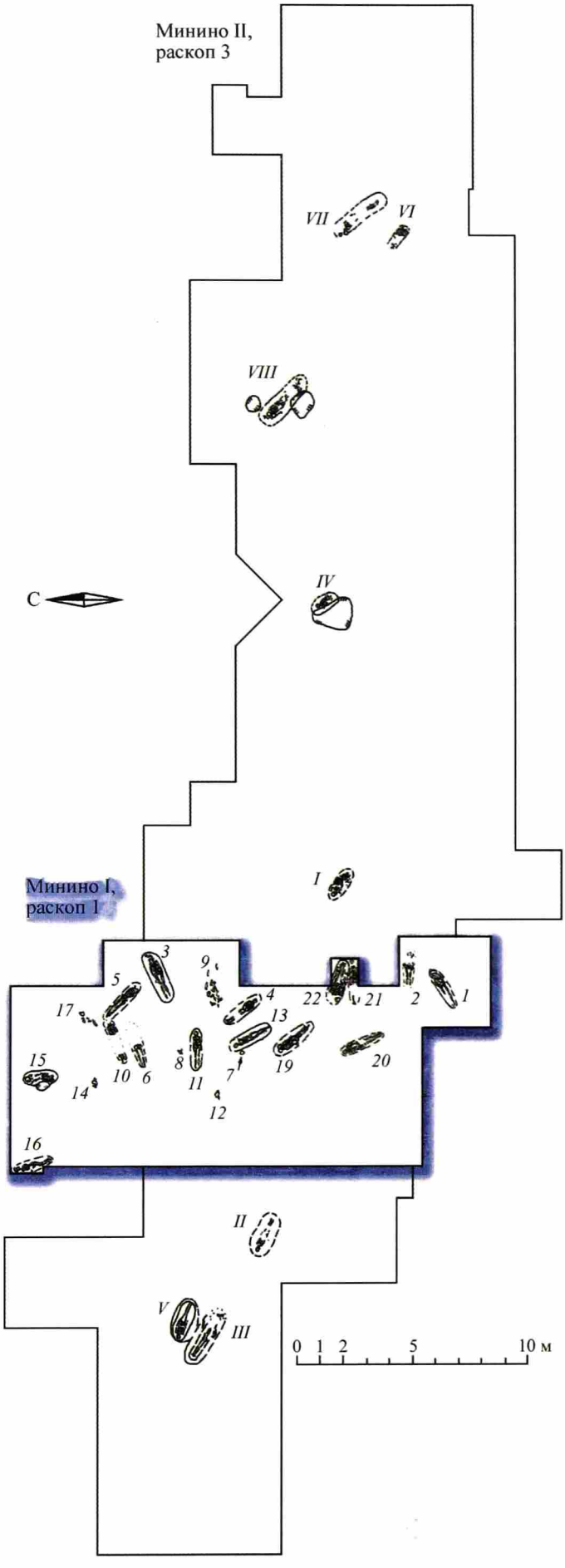


Рис. 93. План размещения погребений каменного века на памятниках Минино I (шурф 1993 г. и раскоп 1, № 1–17, 19–22) и Минино II (раскоп 3, № I–VIII)

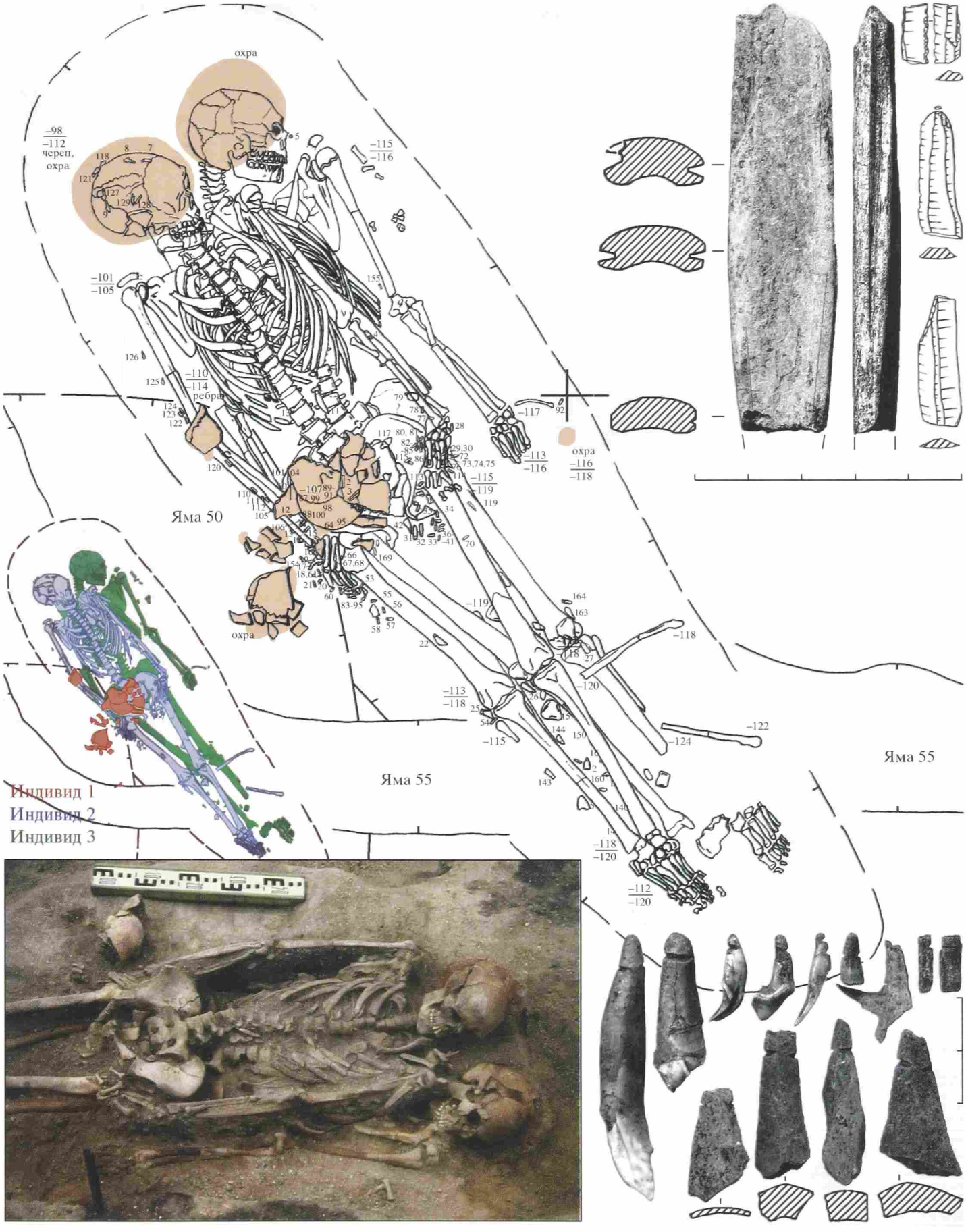
лучены четыре радиоуглеродные датировки, две — по фрагментам костей индивидов 2 и 3, и две — по костяным нашивкам (табл. 17). Погребение 19 относится к среднему мезолиту.

К позднему мезолиту (табл. 17) относится погребение 3 — вытянутое на спине погребение мужчины 30–39 лет в материковой яме, ориентированной на СВ, сопровожденное только шилом из грифельной кости крупного копытного (*Суворов*, 1998). Единичность или отсутствие инвентаря — черта, свойственная большей части мининских погребений каменного века.

Также мезолитическим временем могут быть предварительно датированы неординарные погребения I, VI, VIII на памятнике Минино II и погребение 22 на Минино I. В этих погребальных комплексах вокруг останков одного индивида, помещенных в могилу целиком, располагались фрагменты еще одного или двух (в погребении 22) расчлененных до отдельных костей человеческих тел (*Суворов, Бужилова*, 2004). В погребении I инвентарь был представлен единственной подвеской из клыка куницы, а в других могилах, вероятно, отсутствовал. Здесь в рамках единовременно сформированных погребальных комплексов сочетались два противоположных по смыслу подхода к останкам человека — стремление сохранить тело нетронутым и стремление максимально полно расчленить останки, однако, не повреждая при этом кости.

Отметим, что в каждом третьем погребении на Минино I и II зафиксированы следы обрядов, включавших элементы расчленения погребенных тел. Выделяется среди остальных погребение III на Минино II: здесь впервые на Минино зафиксировано расчленение тела, проведенное не по суставным щелям, но сопровождавшееся фрагментированием ряда костей. Левая половина туловища вместе с рукой, начиная от ключицы, лопатки, левых ребер и заканчивая левой половиной таза и головкой бедренной кости, была отделена от остальной части тела и размещена в могиле в 0,3–0,4 м в стороне от своего нормального положения. Телу была придана противоположная типичной ориентировка — ЮЗ. Картина посмертного расчленения тела оказалась дополнена находкой двух орудий (костяных вкладышевых кинжала и наконечника копья или клевца), оставленных воткнутыми в тело погребенного мужчины (*Суворов, Васильева*, 2003). Оба предмета вооружения носят следы намеренного повреждения. Объяснение этому, видимо, следует искать за пределами рационального мышления: возможно, манипуляции с мертвым телом могли считаться эффективными в магическом смысле именно при исполь-

Рис. 94. Минино I, раскоп 1, погребение 19. План, фото, инвентарь: фрагмент костяного кинжала и кремневые вкладыши (индивид 1); типы костяных нашивок из зубов лося, куницы, собаки/волка, зубов и лучевых костей плавников рыб (индивиды 2 и 3)


охра
–98
–112
череп,
охра
–115
–116
–101
–105
–110
–114
ребра
–117
–113
–116
охра
–116
–118
–115
–119
Яма 50
–119
–118
–120
–113
–118
–115
–122
–124
Яма 55
Яма 55
–118
–120
–112
–120
Индивид 1
Индивид 2
Индивид 3

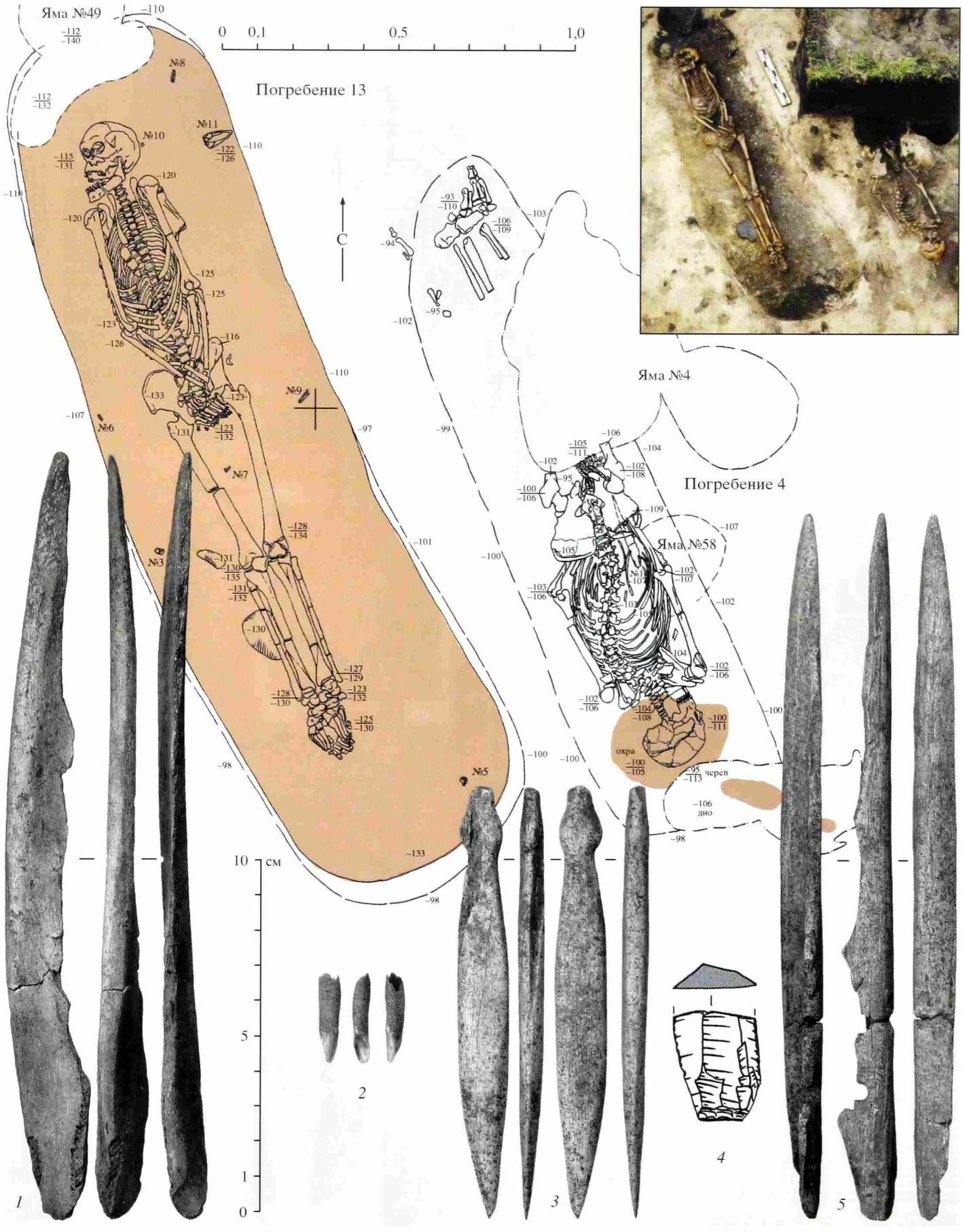


Рис. 95. Минино I, раскоп 1, погребения 4 и 13. План, фото, инвентарь

1 — зубчатое острие из ребра крупного копытного; *2* — нашивка из резца лося, *3* — кинжал из рога, *4* — кремневый скобель, *5* — фрагменты костяного гарпуна

зовании такого поврежденного (т.е. также "мертвого") оружия. Отметим, что находки кремневых вкладышей вместе с оправой достаточно редки. И тем более интересен факт обнаружения хорошо сохранившегося составного оружия непосредственно в объекте воздействия. Исследователи-трасологи неоднократно отмечали сложность изучения следов изношенности на метательном оружии и оружии ближнего боя, что объясняется кратковременностью контакта инструмента и материала, на который направлено воздействие. Н.Б. Васильевой рассмотрены следы изношенности, зафиксированные на этих подлинных эталонных образцах (*Суворов, Васильева*, 2003. С. 290—292).

Погребение 20 (женщины), также предположительно отнесенное к мезолиту, оказалось в наибольшей степени насыщено находками. Костюм погребенной включал около 300 нашивок нескольких типов — изготовленных из клыков и коренных зубов куницы, резцов лося, костей плавников рыб, подвесок в виде прямоугольных костяных пластинок с отверстием. Наибольшее количество нашивок концентрировалось на головном уборе, окруженном венчиком из полутора сотен зубов куницы. В зоне запястий множество нашивок располагалось на какой-то детали костюма, закрывающей кисти рук. В зоне пояса, близ правой кисти, нашивки окружали мешочек (?) с кремневой пластиной внутри. Засыпка охрой концентрировалась преимущественно вокруг черепа.

Значительный интерес представляет выявленное на Минино II погребение IV. Здесь впервые за пределами Оленеостровского могильника на Онежском озере найден в погребении сланцевый шлифованный нож оленеостровского типа. При трасологическом анализе Н.Б. Васильевой установлено, что предмет использовался для раскроя кожи и в качестве скобеля по шкуре. Такие признаки, как расположение погребения под проекцией крупного камня-валуна и скорченная на спине поза погребенного, выявлены в регионе также впервые.

На рубеже мезолита и неолита на Минино были совершены несколько одиночных захоронений. Особенно выразительны мужские погребения 4 и 13, совершенные в расположенных рядом ямах почти одновременно (рис. 95). Для них получены четыре радиоуглеродные даты — две по костям погребенных и две — по фрагментам зубчатых орудий из сопровождающего инвентаря (табл. 17). Некоторые черты конструкции этих погребений сходны: могильные ямы параллельны, в обоих наличествует посыпка охрой и присутствует намеренно поврежденный сопровождающий охотничий инвентарь. Инвентарь захоронений представлен костяным кинжалом с рукояткой в виде головы змеи и обломком крупной кремневой пластины (№ 13), двумя костяными гарпунами, намеренно лишенными зубьев (№ 4, 13). Но столь же заметно и противопоставление деталей обряда. Яма погребения 13 вдвое (на 0,2 м) глубже ямы погребения 4. Поза обоих погребенных — вытянутая, но в одном случае — на спине (№ 13), а в другом — на животе, причем ориентировка костяков противоположна. Если один костяк посыпан охрой полностью (№ 13), то второй — лишь вокруг черепа.

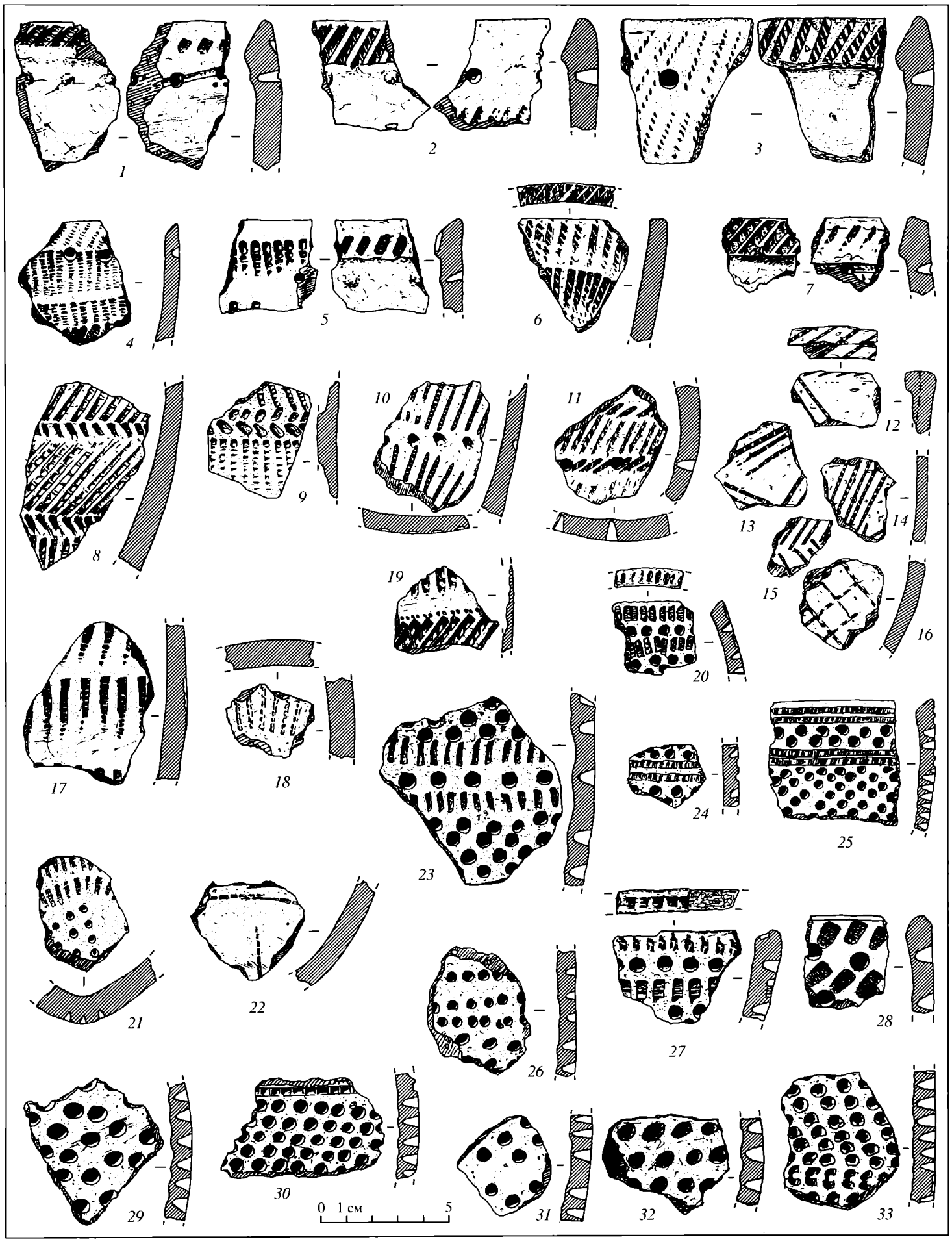
Как видим, в ранних погребальных комплексах на Минино зафиксированы разнообразные способы обращения с телами умерших, вплоть до их расчленения. Привычный нам универсальный подход к останкам умерших отсутствовал. Помимо различных ориентировок и поз, придаваемых телам, по крайней мере каждый третий индивид был расчленен, каждый четвертый был погребен частично (парциально). Погребальных комплексов с такими неординарными способами обращения с телами хотя бы одного из индивидов почти половина. В ряде случаев необходимо признать наличие у людей каменного века наряду с навыками разделки охотничьей добычи и определенных анатомических познаний.

Хорошая сохранность кости описанных погребений позволила провести исследования по реконструкции питания обитателей каменного века. Микроэлементный анализ костей, проведенный антропологом М.В. Козловской, показал, что преобладающими пищевыми продуктами, употреблявшимися мининцами в мезолите, были мясо и продукты зоособирательства (например, моллюски).

Находки хорошо опознаваемой керамики **эпохи неолита** сделаны на пяти памятниках на р. Дмитриевке (Минино I, II, IV, V, VI). Однако, исключая Минино I, это преимущественно единичные находки. Такая ситуация объясняется весьма значительной трансгрессией озера в неолитическую эпоху и вызванным ею смещением стоянок ближе к береговой линии. Сегодня уровень озера, сток из которого сдерживается плотиной на истоке р. Сухоны, заметно выше, и часть неолитических стоянок оказалась на береговых отмелях озера. Таковы памятники Минино IV и V в устье Дмитриевки, культурный слой которых, видимо, полностью переотложен прибоем. Только на Минино I распространение неолитического инвентаря прослежено в шурфах и раскопах на протяжении около 100 м вдоль береговой линии — от раскопа 6 в пойменной восточной части памятника до раскопа 3 на его СЗ. Встречена разновременная керамика с минеральными примесями к глиняному тесту: архаичная гребенчатая (около

Рис. 96. Минино I, раскоп 1 (*1, 2, 4–8, 10–22, 24–26, 28–33*); раскоп 5 (*3, 9, 23, 27*). Керамика эпохи неолита

1–11, 17–32 — с минеральными примесями к тесту; *12–16* — с органическими. *1* — пласт 7, И-34Г, яма 23; *2* — пласт 7, И-35, яма 20; *3* — пласт 5, Х-49А; *4* — пласт 5, К-32; *5* — пласт 5, И-31, яма 4; *6* — пласт 5, Л-27А; *7* — пласт 6, И-35Б; *8* — пласт 4, Ж-32; *9* — пласт 6, Ч-49Б; *10* — пласт 7, И-27/28, яма 74; *11* — пласт 7, И-27/28, яма 74; *12* — пласт 6, И-27А; *13* — пласт 6, И-27А; *14* — пласт 7, И-27/28, яма 74; *15* — пласт 7, И-27/28, яма 74; *16* — пласт 6, И-27А; *17* — яма 11; *18* — пласт 7, К/Л-35, заполнение верхней части ямы погребения 15; *19* — пласт 7, Л-35А, яма 17; *20* — пласт 3, М-34В; *21* — пласт 6, Л-32; *22* — пласт 6, М-34А; *23* — пласт 4, Х-49В; *24* — пласт 7, Л-27А; *25* — пласт 6, Л-27Б; *26* — пласт 7, М-27В; *27* — пласт 5, Ц-49Б; *28* — пласт 5, М-28Б; *29* — пласт 7, Л-28Б; *30* — пласт 7, Л-27А; *31* — пласт 5, М-28А; *32* — пласт 5, М-31; *33* — пласт 5, Л-32


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
0 1 см 5

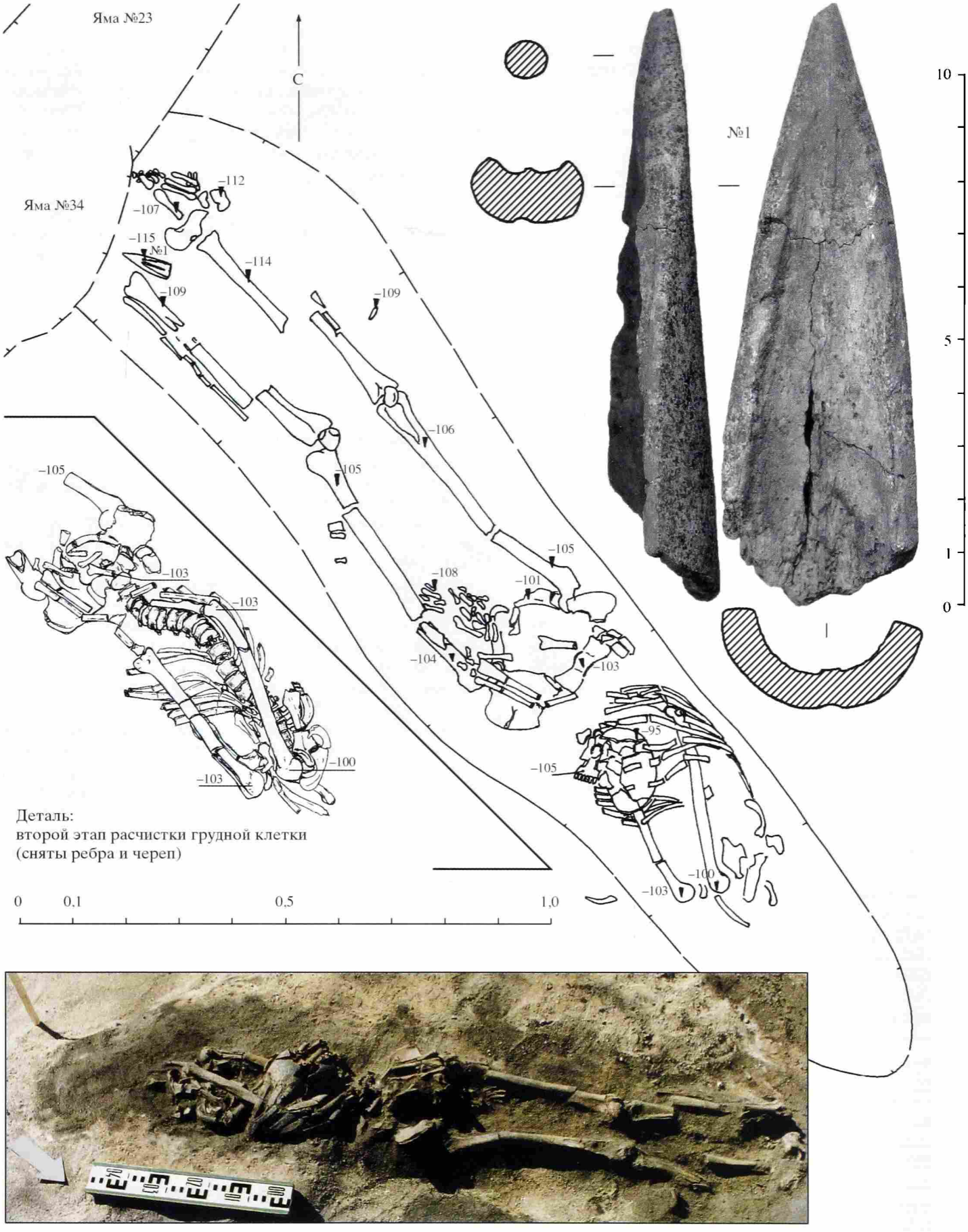


Рис. 97. Минино I, раскоп 1, погребение 5. План, фото, наконечник рогатины из длинной трубчатой кости копытного с удаленным эпифизом

80 фрагментов) (рис. 96, *1—11, 17—19, 21, 22*), ямочно-гребенчатая и редкоямочная (около 800 фрагментов) (рис. 96, *20, 23—33*). В нижней части слоя встречены и единичные фрагменты тонкостенной керамики с примесью раковины к глиняному тесту, орнаментированные узким гребенчатым штампом (рис. 96, *12—16*). Фрагменты архаичной гребенчатой керамики с минеральными примесями близки сосудам, бытовавшим на древнейших неолитических памятниках Южного Прионежья и бассейна р. Сухоны на рубеже VI—V тыс. до н.э. (*Иванищев, Иванищева,* 2000). Ямочно-гребенчатая керамика находит аналогии на памятниках льяловской культуры (*Энговатова,* 1997), на каргопольских стоянках и датируется периодом конца V—IV тыс. до н.э. Хозяйство мининцев по-прежнему носило присваивающий характер и базировалось на охоте, собирательстве и рыболовстве.

К неолитическому времени по результатам радиоуглеродного датирования должно быть отнесено погребение 5 на Минино I (табл. 17). Останки мужчины 20—29 лет лежали вытянуто на спине в яме, заглубленной в материк лишь на 0,06 м, и были сориентированы на юго-восток (рис. 97). Зафиксированы следы совершения погребения по необычному обряду — отчлененные вместе с лопатками и ключицами руки и голова покойного оказались помещены внутрь его грудной клетки, очевидно, освобожденной от внутренностей. При этом руки, расположенные полностью в анатомическом порядке и "на своих местах" — слева и справа соответственно, были сложены кистями в области паха. Череп обращен лицевой частью к внутренней левой стенке грудной клетки. Между стоп погребенного лежал массивный наконечник рогатины из крупной трубчатой кости копытного.

Энеолитическая эпоха представлена на памятнике Минино I находками почти 300 фрагментов керамики с характерными порами от выгоревших неминеральных добавок к глиняному тесту — дробленых створок раковин и, преимущественно, других, не опознаваемых визуально, добавок органического происхождения. Керамика орнаментирована разнообразными по форме ямочными вдавлениями, оттисками зубчатого и гладкого штампов, отступающей лопаточкой. Разнообразная по облику, она близка керамике типа Модлона, памятники с которой расположены поблизости, в бассейне Онеги.

Эпоха бронзы представлена относительно немногочисленными фрагментами сетчатой керамики, встреченными на четырех памятниках микрорегиона (Минино I, II, IV, V). В связи с отсутствием чистых комплексов из массы сетчатой керамики к эпохе бронзы надежно могут быть отнесены лишь фрагменты сосудов с наиболее выразительной профилировкой — например, со специфической "S"-видной профилировкой венчика, орнаментированные небольшими ямочными вдавлениями, наколами и оттисками узкого гребенчатого штампа. Очевидно, к эпохе бронзы должна быть отнесена и значительная часть слабо профилированных сетчатых сосудов с орнаментом бордюрного типа под венчиком. К сожалению, закрытые комплексы с такой керамикой на Минино не встречены.

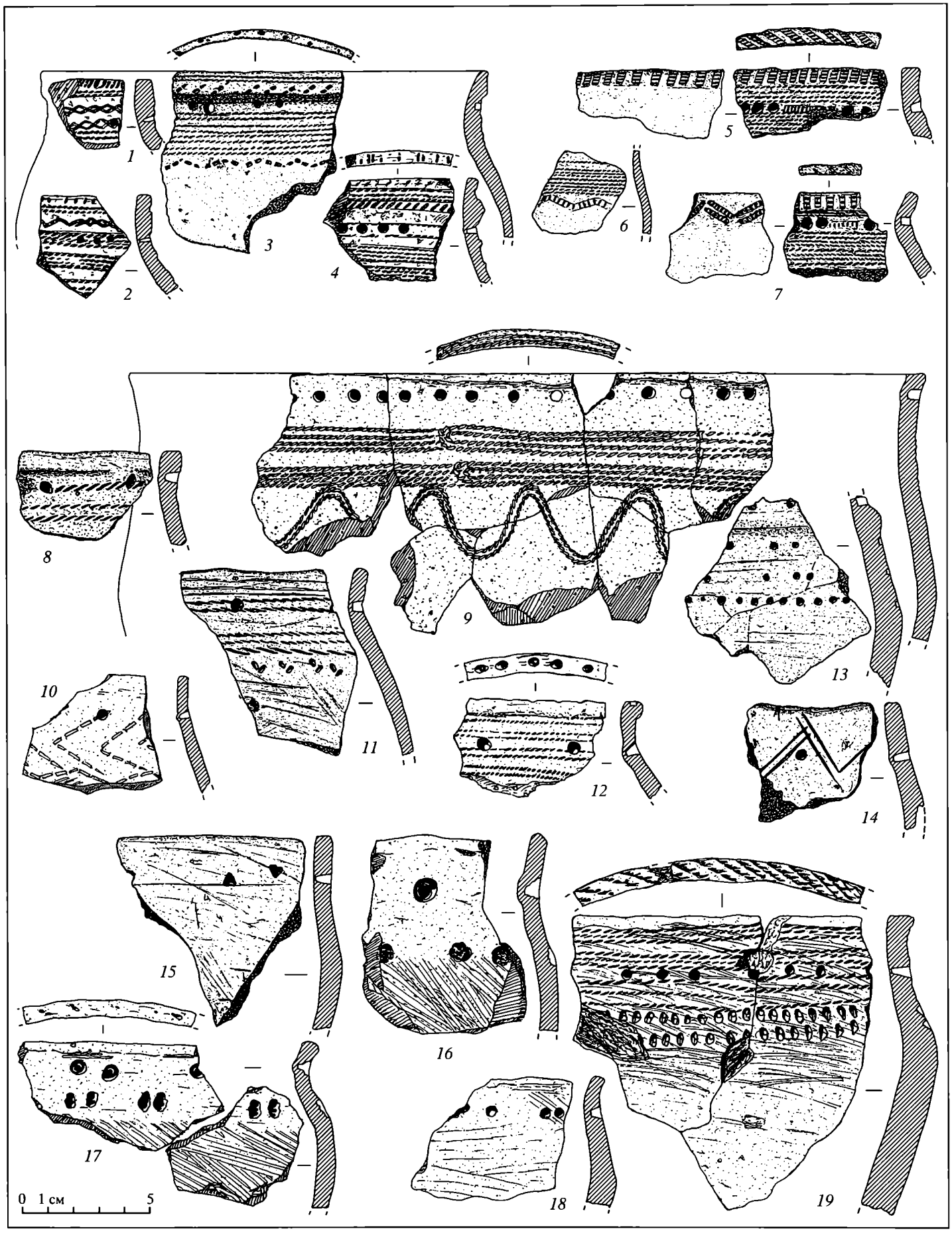
Ранний железный век представлен на шести памятниках на р. Дмитриевке, но только в раскопе 1 на Минино I слой раннего железного века имеет мощность до 0,2 м и местами выделяется несколько более темной окраской. Перспективен для раскопок участок стратифицированного культурного слоя, выявленный в раскопе 6 в пойменной части памятника Минино I.

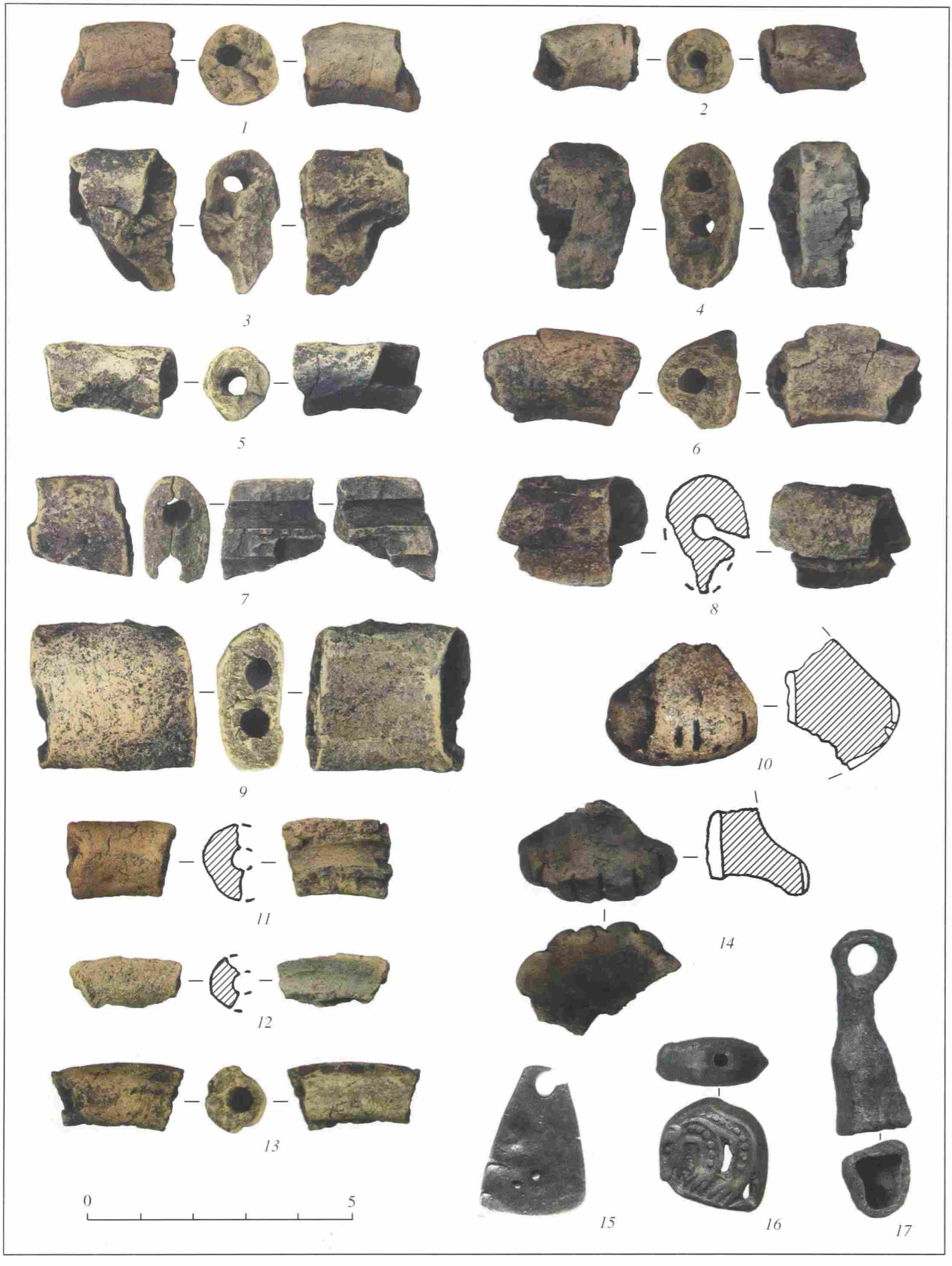
Собранная керамика раннего железного века разнообразна. Наиболее архаичны найденные на Минино I несколько десятков фрагментов тонкостенной керамики с раковинной примесью к тесту, часто с утолщенным в виде "воротничка" или валика венчиком, орнаментированной оттисками тонкого шнура и мелкозубчатого штампа, ямками с плоским дном (рис. 98, *1—7*). Эта посуда имеет аналогии на территории Республики Коми и в Прикамье на памятниках средней и поздней стадий ананьинской культуры (середина — третья четверть I тыс. до н.э.). На Минино I в шурфах и раскопах 1—6 собрана коллекция из почти десяти тысяч фрагментов керамики с минеральной примесью к тесту — сетчатой (более 2 тыс. фрагментов), штрихованной (более 5 тыс.) и гладкостенной (около 1,5 тыс. фрагментов) с разнообразным орнаментом (рис. 98, *8—19*). Эта керамика находит аналогии на соседних позднекаргопольских и верхнесухонских селищах середины I тыс. до н.э. — середины I тыс. н.э. (*Косменко,* 1992. С. 162—193; *Манюхин,* 2002; *Патрушев,* 1989). На Минино I и II собрана выразительная серия керамики, орнаментированной отпечатками шнура, уложенного горизонтально по 4—16 рядов и иногда в виде волн (рис. 98, *8, 9, 11, 12, 19*). Этот орнамент, унаследованный от ананьинской посуды, является одним из характерных для керамики позднекаргопольской культуры.

Помимо керамики, к раннему железному веку относятся сделанные на Минино I находки пяти фрагментов грузиков дьякова типа (рис. 99, *10, 14*), более полутораста фрагментов глиняных литейных форм-трубочек с одним (реже — двумя или тремя) параллельными округлыми, слабо изогнутыми каналами (рис. 99, *1—9, 11—13*). В подавляющем числе случаев эти каналы гладкие, в единственном случае (рис. 99, *5*) — имеет вид, напоминающий отпечаток спиральной пластинчатой пронизки. Находки такого рода в раскопе 1 рассредоточены практически равномерно, а на прибрежном участке, затронутом раско-

Рис. 98. Минино I, раскоп 1 (*1–8, 10–19*), раскоп 4 (*9*). Керамика раннего железного века

1—7 — с органическими примесями к тесту, *8—19* — с минеральными. *1* — пласт 5, И-28Б, яма 66; *2* — пласт 4, К-27А; *3* — пласт 5, К-29А; *4* — пласт 5, К-28Г; *5* — пласт 5, К-29А; *6* — пласт 4, К-30А/Б, яма 37; *7* — пласт 5, М-29Г; *8* — пласт 6, М-29В; *9* — пласт 5, АБ-28В; *10* — пласт 5, Ж-31; *11* — пласт 6, Л-29А; *12* — пласт 7, М-34Г; *13* — пласт 6, М-29Б; *14* — пласт 5, К-29А; *15* — пласт 5, М-30А; *16* — пласт 4, К-27Б; *17* — пласт 4, К-28В; *18* — пласт 3, И-34Г; *19* — пласт 3, И-35А/Б


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
0 1 см 5


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
0
5

пом 6, залегают в количестве, на порядок превышающем среднее. С эпохой железа могут быть связаны находки нескольких обработанных металлическими орудиями костяных изделий, обломок глиняной фигурки конька, бронзовая литая трапециевидная подвеска и крупная колоколовидная подвеска с петлей (рис. 99, *15, 17*).

Видимо, уже к раннему средневековью (VI—VII вв.?) относится бронзовая подвеска-пронизка в виде фигурки медведя, обнаруженная в самой нижней части средневекового горизонта в раскопе 1 (рис. 99, *16*). Объемная полая подвеска, литая по восковой модели, имеет отверстие для шнурка в верхней части. Аналогии подвеске обнаруживаются в памятниках Неволинской и Ломоватовской культур, в том числе очень близкая — на Веслянском I могильнике в бассейне р. Выми (*Голдина,* 1985. С. 49, табл. XXIII, *26—33; Голдина, Кананин,* 1989. С. 68, рис. 55, *16, 18; Голдина, Водолаго,* 1990. С. 139, табл. XLII; Угорское наследие, 1994. С. 95; *Спицын,*1902. Табл. XXII, *5*).

Важным событием исследования железного века в Кубенозерье стало обнаружение в культурном слое Минино I карбонизированных зерен культурных растений. Впервые в центре Вологодских земель найдены зерна ячменя и пшеницы, семена льна столь раннего времени. Эти зерна были выявлены в хозяйственной яме, содержавшей лишь находки железного века, в частности, фрагмент грузика дьякова типа. Однако в ситуации, когда нельзя полностью исключить возможность перемещения вышележащего средневекового слоя кротами, полученный единичный результат требует критического осмысления и подтверждения новыми образцами. Развитие другой отрасли производящего хозяйства — скотоводства — документируют находки костей домашних животных: крупного и мелкого рогатого скота, лошади, свиньи. Вероятно, именно развитие скотоводства и земледелия, наряду с климатическими изменениями, вызвали в этот период изменение соотношения количества пыльцы древесных пород и травянистых растений: безраздельно господствовавший прежде лес на прилегающей к селищу территории отступал.

Резюмируя, нужно подчеркнуть значимость памятников первобытности, исследуемых на Дмитриевке. Выявлены следы культурных импульсов в Кубенозерье как с юго-запада, из Поволжья, так и с северо-востока, из тяготеющих к Приуралью областей. Такая активность и разнонаправленность связей были обусловлены как выгодным географическим положением Кубенского озера вблизи водно-волоковых путей из Волжского бассейна в Двинский, так и богатством природных ресурсов микрорегиона.

Рис. 99. Минино I, раскоп 1 (*1–4, 6–17*), шурф 1993 г. (*5*). Керамические изделия

1—9, 11—13 — фрагменты литейных форм; *10, 14* — фрагменты грузиков дьякова типа и украшения из цветного металла; *15—17* — цветной металл. *1* — пласт 5, И-35; *2* — пласт 4, И-34; *3* — пласт 5, Л-32; *4* — пласт 5, М-35; *5* — пласт 3, Р-42; *6* — пласт 6, Л-28Г; *7* — пласт 5, Л-33; пласт 3, К-32; *8* — пласт 4, К-30А; *9* — пласт 6, К-29А; *10* — пласт 7, М-35, яма 25; *11* — пласт 2, И-32; *12* — пласт 6, М-28В; *13* — пласт 5, М-35; *14* — пласт 5, М-30В; *15* — пласт 6, И-32, яма 7; *16* — пласт 4, М-29Б; *17* — пласт 3, М-30Г

Мининский археологический комплекс: погребальные памятники

Местоположение могильников, история их исследования

В ходе археологического изучения памятников Мининской группы были проведены исследования на двух средневековых грунтовых могильниках: Минино II и Владышнево II, располагающихся вблизи одноименных поселений. В топографии и ландшафтной приуроченности памятников много общего. Оба они находятся на берегах рек, впадающих в Кубенское озеро, в их приустьевых частях, на небольших повышениях коренных террас, в тесной близи со средневековыми поселениями, выше по течению рек. Могильник Владышнево II удален от селища Владышнево I на 100 м, площадка могильника была отделена от поселения небольшой ложбиной и возвышалась над селищем на 0,5 – 1 м. Могильник Минино II находился на расстоянии 80 м от средневекового поселения Минино I и также был отделен от него ложбиной с пересыхающим в летнее время ручьем. Он располагался на участке коренной террасы, находившемся на 1 – 1,5 м выше площадки поселения. Хотя места обоих могильников не были обозначены какими-либо наземными сооружениями, характер ландшафта позволял предполагать, что соответствующий селищу некрополь следует искать именно на этих возвышенных участках вблизи поселений.

Площадка могильника Владышнево II представляла собой поляну с крупными камнями, местами поросшую молодым сосняком. Пробный раскоп, заложенный в 2000 г., выявил здесь коричнево-серый гумусированный пахотный слой с кальцинированными костями и обожженным погребальным инвентарем и материковые ямы, одна из которых содержала остатки кремации. Для более полного исследования этих объектов раскоп в 2001 г. был расширен до 196 кв. м (рис. 100; 101). Очевидно,

Рис. 100. Могильник Владышнево II. Общий вид площадки могильника после разборки гумусированного слоя с кальцинированными костями

На ближнем плане пятно ямы 2, содержащее погребение по обряду кремации, на заднем плане пятно ямы 1 с гумусированным заполнением, содержавшим единичные кальцинированные кости

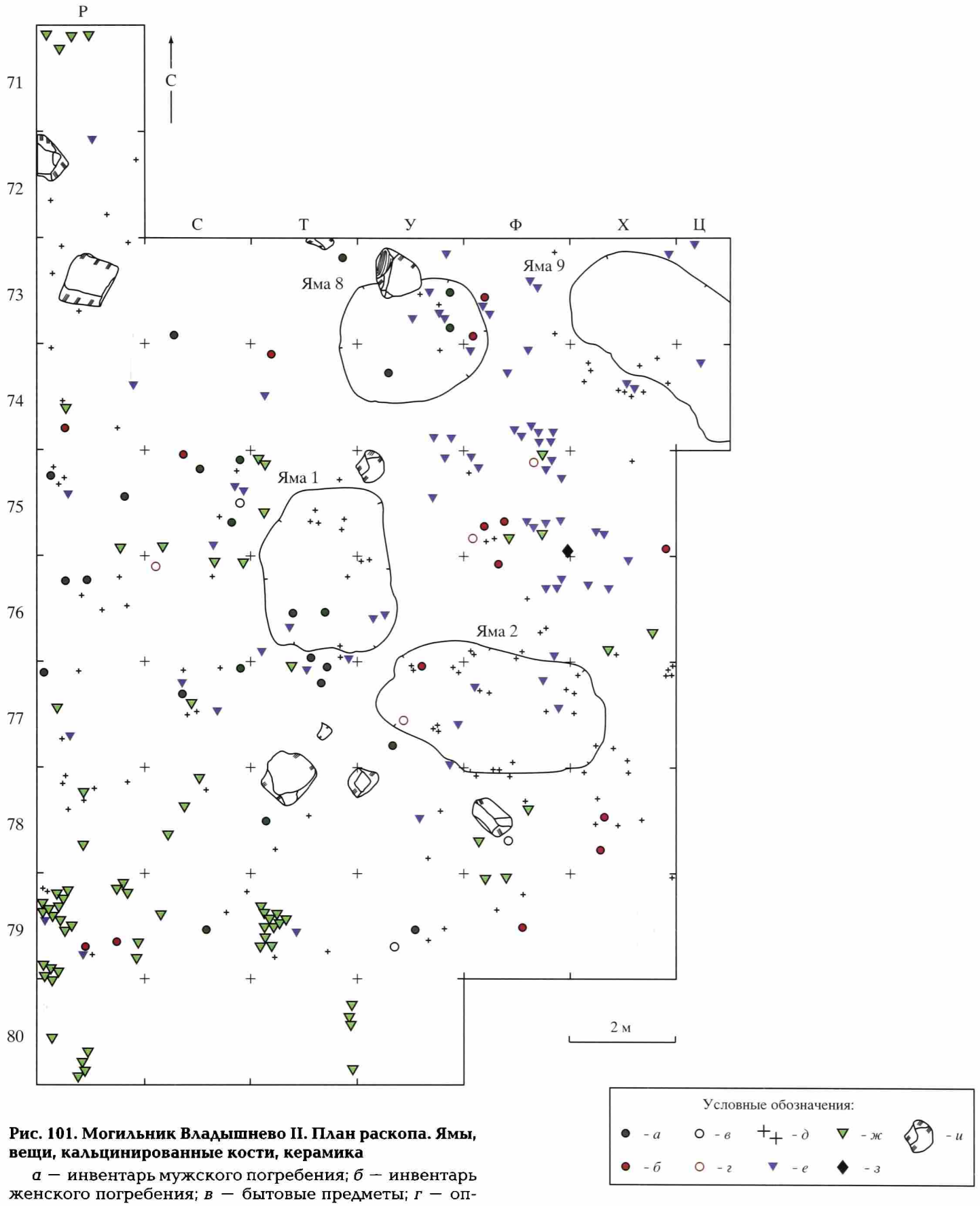


Рис. 101. Могильник Владышнево II. План раскопа. Ямы, вещи, кальцинированные кости, керамика

а — инвентарь мужского погребения; *б* — инвентарь женского погребения; *в* — бытовые предметы; *г* — оплавленные неопределимые предметы; *д* — кальцинированные кости; *е* — фрагменты средневековой лепной керамики; *ж* — фрагменты позднесредневековой круговой керамики; *з* — кости животных и рыбы; *и* — камни

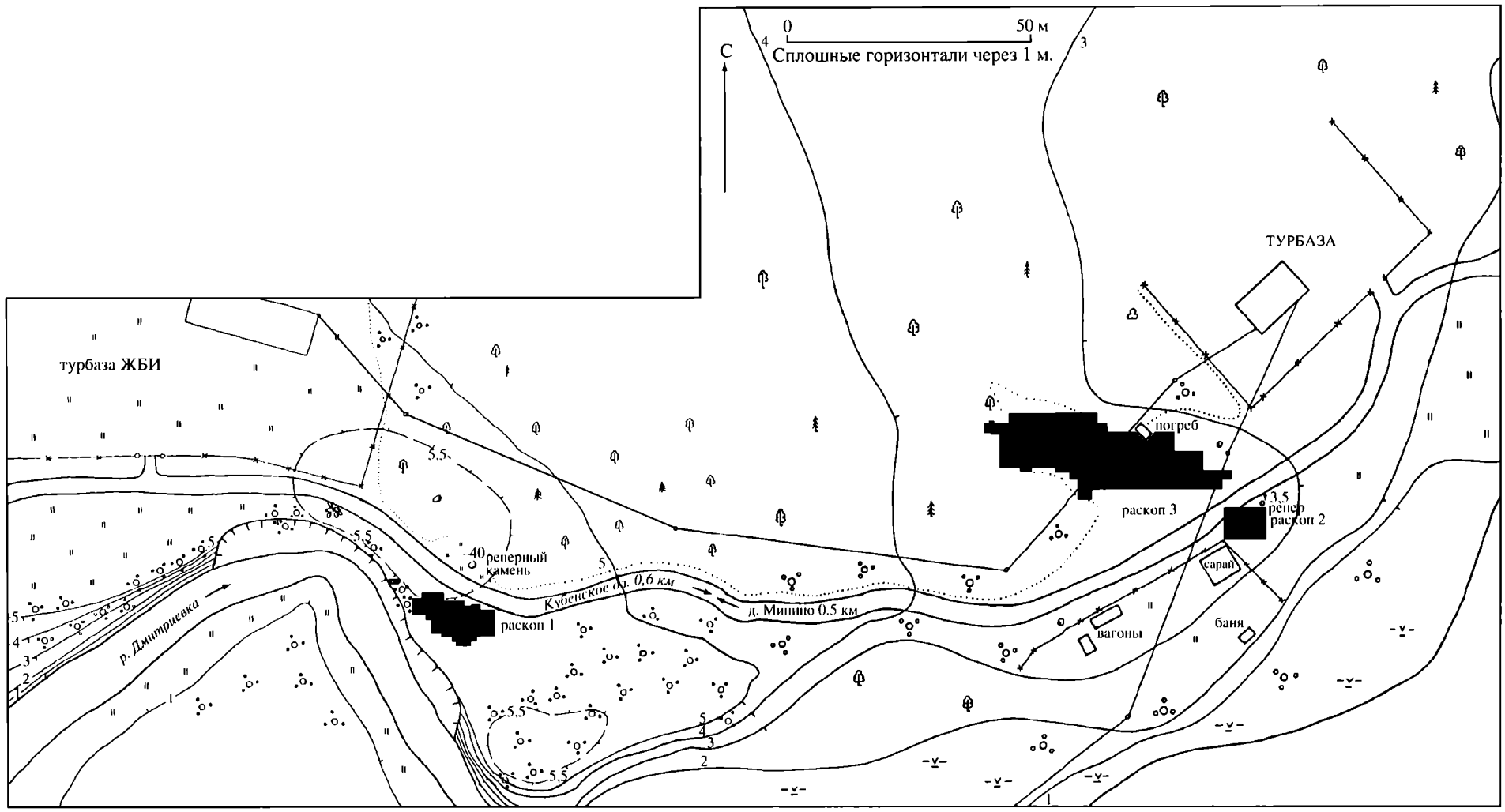


Рис. 102. Могильник Минино II. План местности

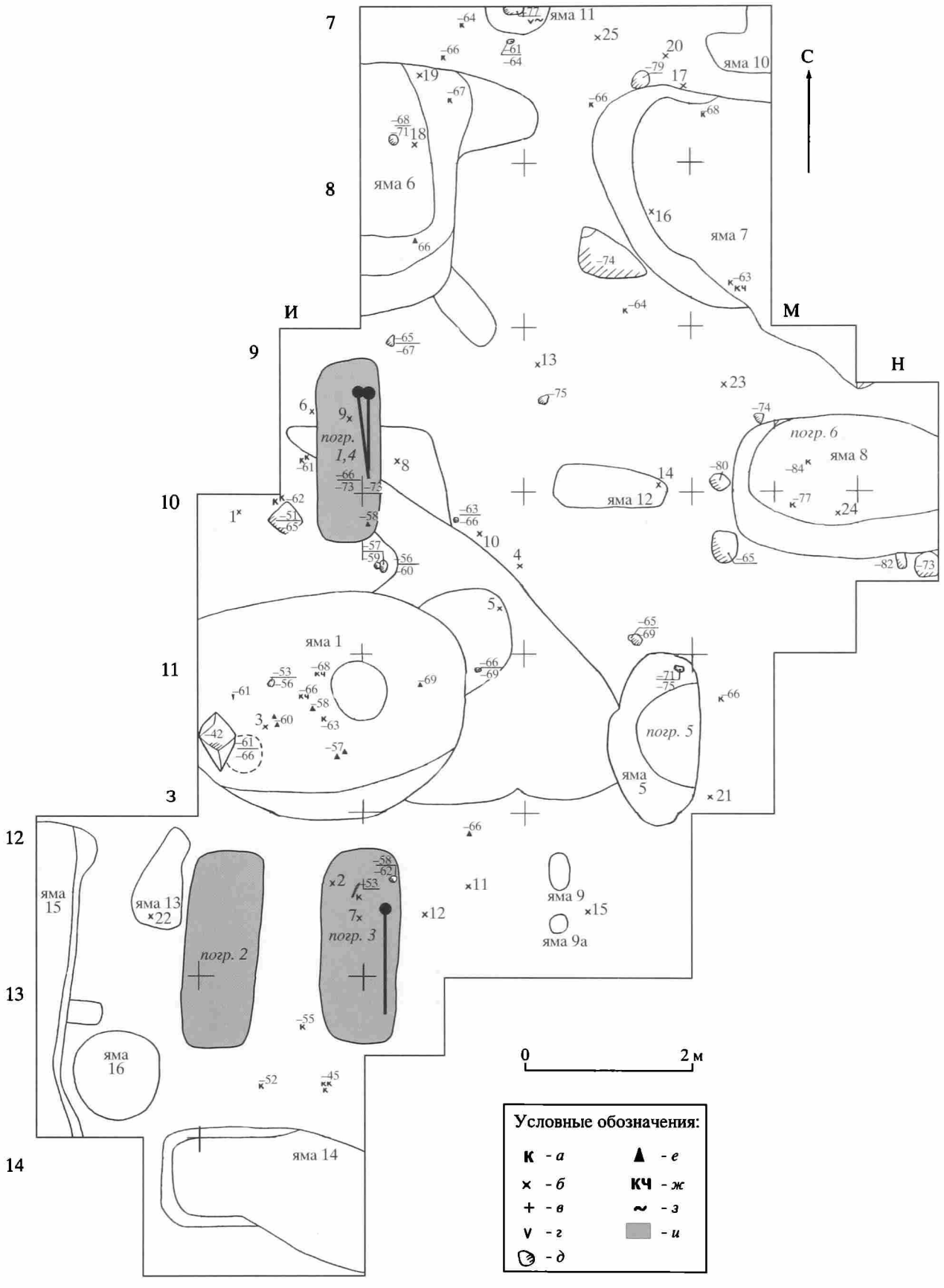


Рис. 103. Могильник Минино II. Раскоп 1. Комплексы эпохи средневековья

а — кость; *б* — индивидуальная находка; *в* — кальцинированная кость; *г* — уголь; *д* — камень; *е* — фрагмент керамики; *ж* — кость человека; *з* — зола; *и* — ямы погребений. Расшифровку условных обозначений слоев см. на рис. 104

1 - дерн
2 - серо-коричневая супесь с камешками
3 - темная углистая супесь
4 - коричневая супесь
5 - погребенный дерн
6 - рыжая супесь, перемешанная с черным гумусом
7 - рыжая супесь, перемешанная с коричневой супесью
8 - белый слабогумусированный песок
8а - белый слабогумусированный песок с галькой
9 - желтый слабогумусированный песок
10 - рыжая супесь
11 - черный гумус
12 - темно-коричневая супесь с белыми камешками
13 - темно-коричневая супесь
14 - темная серо-коричневая супесь
14а - темная серо-коричневая супесь с галькой
16 - материк
17 - светло-серая супесь
18 - рыжая супесь с белесым налетом
19а - серый гумусированный песок
19б - серый гумусированный песок с галькой
20 - серо-коричневая гумусированная супесь
21 - коричневая гумусированная супесь
22 - рыжая супесь, перемешанная с серо-коричневой
23 - серо-коричневая супесь, насыщенная золой
24 - серый золистый песок
26 - переотложенный материк
27 - рыжая супесь, перемешанная с серым слабогумусированным песком и белым материковым песком
28 - серо-коричневая рыхлая гумусированная супесь
29 - розовый песок
30 - серо-коричневая супесь с камешками, перемешанная с желтым песком

Рис. 104. Условные обозначения слоев на чертежах могильника Минино II

площадка могильника при этом была раскопана почти полностью.

Основными средневековыми объектами, исследованными в раскопе, были, во-первых, слой коричнево-серой гумусированной супеси толщиной от 15 до 40 см с кальцинированными костями и средневековыми вещами, залегавший под дерном по всей площади раскопа, во-вторых, четыре большие материковые ямы (№ 1, 2, 8 и 9), содержавшие кальцинированные кости, угли и погребальный инвентарь (рис. 101; см. также рис. 115). Наряду со средневековыми, на раскопе исследованы отложения эпохи первобытности. Слой серо-коричневой супеси подстилался незначительным по мощности слоем светло-красной слабогумусированной супеси, содержавшим кремневый инвентарь мезолитического времени. На раскопе изучен также ряд ям мезолитического времени. Всего на площади раскопа собрано 579 находок эпохи первобытности, происходящих из частично переотложенного слоя мезолитической стоянки, 71 фрагмент средневековой лепной керамики, один фрагмент средневековой круговой, 80 фрагментов позднесредневековой круговой керамики, 93 средневековые находки, принадлежащие к комплексу могильника, и около 220 г кальцинированных костей.

Кальцинированные кости, фрагменты лепной керамики и отдельные средневековые вещи залегали в гумусированном слое равномерно, практически на всей площади раскопа, не образуя четко выраженных скоплений. Подобное распределение их в какой-то мере связано с тем, что гумусированный слой был поврежден распашкой, борозды которой в некоторых местах были хорошо заметны на материке, однако маловероятно, что распашка полностью видоизменила первоначальное положение остатков кремации и погребального инвентаря. Очевидно, зафиксированное в ходе раскопок рассеянное залегание вещей и кремированных останков в большей или меньшей степени отражает их изначальное положение. Кроме распашки, другие нарушения недавнего времени на могильнике Владышнево II не зафиксированы. Таким образом, могильник Владышнево II представляет собой небольшой некрополь, функционировавший в течение непродолжительного периода и сохранившийся практически полностью.

Площадка могильника Минино II частично поросла лесом, частично находится под лугом, с запада на восток ее пересекает грунтовая дорога, на восточной части располагаются строения турбазы (рис. 102). Для исследований в настоящее время доступна лишь часть территории, свободная от леса и строений. Нам удалось заложить раскопы на трех участках, в западной (раскоп 1) и восточной (раскопы 2 и 3) частях могильника. Первоначально кости человека были зафиксированы на западном, удаленном от поселения краю площадки, в обрыве берега р. Дмитриевки, где ранее местными жителями был обнаружен железный топор. Вблизи этого места в 1997 г. был заложен раскоп № 1 (рис. 103, 104), в котором были выявлены 6 погребений по обряду ингумации и культурный слой селища Минино VII, частично перекрывающий площадку могильника. Для уточнения границ селища в 2002 г. в 36 м к ЮВ от раскопа был заложен шурф, в котором были обнаружены кости нарушенных погребений по обряду кремации и ингумации и средневековые вещи, часть которых с большой долей вероятности может быть интерпретирована как инвентарь погребений. Расширить раскоп и шурф здесь не удалось из-за густого леса и кустарника. В 1998 г. раскопки были перенесены на участок, расположенный примерно в 200 м к востоку от раскопа 1, вблизи турбазы, при строительстве которой было задето средневековое захоронение. Работы показали, что эта часть могильника плотно насыщена погребениями. В раскопе № 2 площадью 52,6 кв. м было исследовано девять погребений по обряду ингумации и не менее пяти кремаций, нарушивших культурный слой эпохи мезолита (рис. 105). На вскрытом участке были зафиксированы также культурные отложения и ямы мезолитического времени, содержавшие обильный кремневый инвентарь (в раскопе обнаружено около 200 обломков кремневых орудий и пластин и около 770 кремневых сколов), около 20 фрагментов керамики эпохи бронзы и раннего железного века и остатки средневекового железодела-

Рис. 105. Могильник Минино II. Раскоп 2. Комплексы эпохи средневековья

а — шлак; *б* — индивидуальная находка; *в* — кальцинированная кость; *г* — уголь; *д* — камень; *е* — кость; *ж* — кость человека; *з* — обожженное дерево; *и* — фрагмент керамики. Расшифровку условных обозначений слоев см. на рис. 104

Рис. 106. Могильник Минино II. Раскоп 3. Общий вид после разборки пахотного слоя

В раскопе расчищены пятна ям с гумусированным заполнением, в том числе ямы 1, содержавшей остатки кремаций, и фундаментные столбы охотничьего домика 1960-х годов

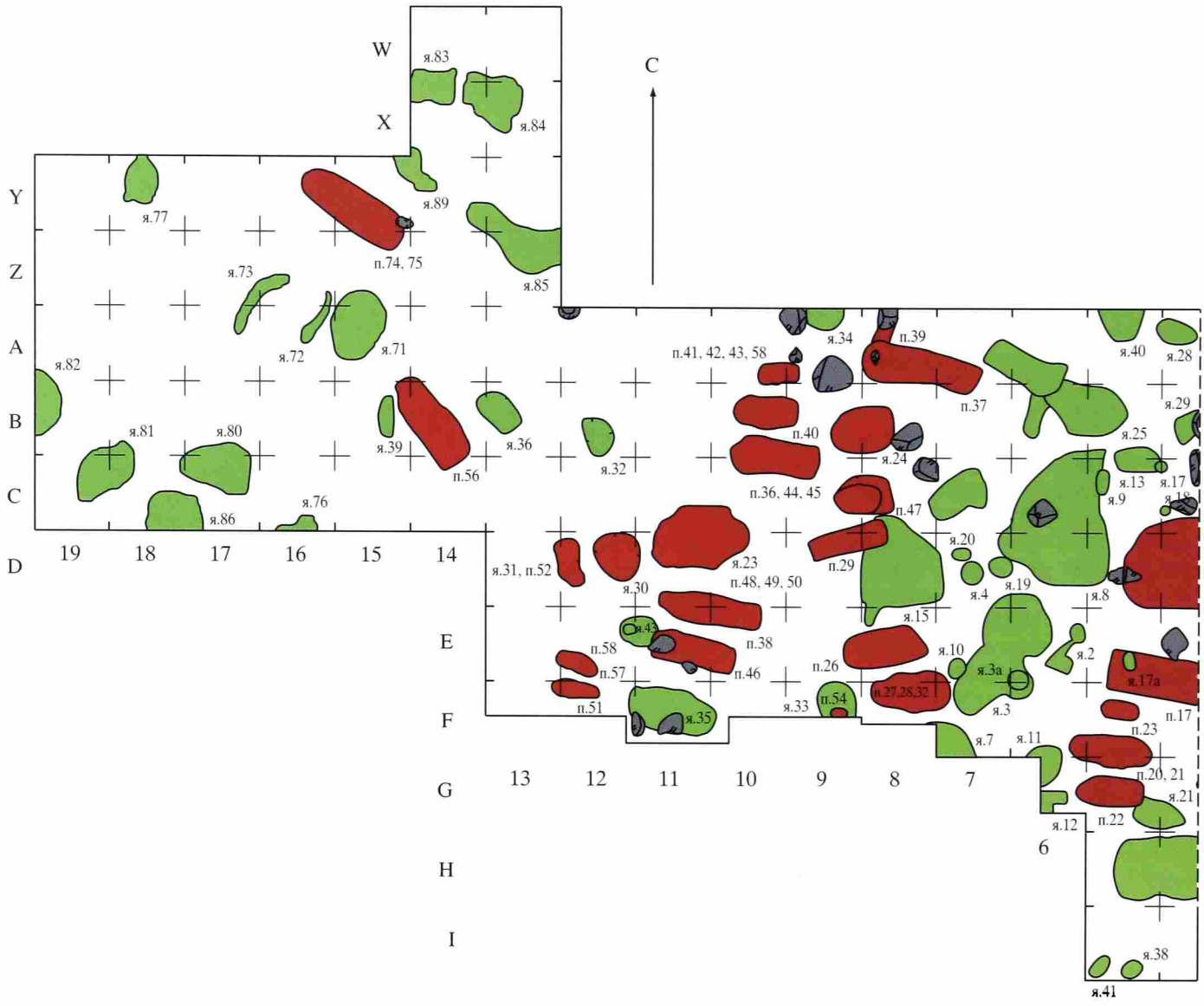
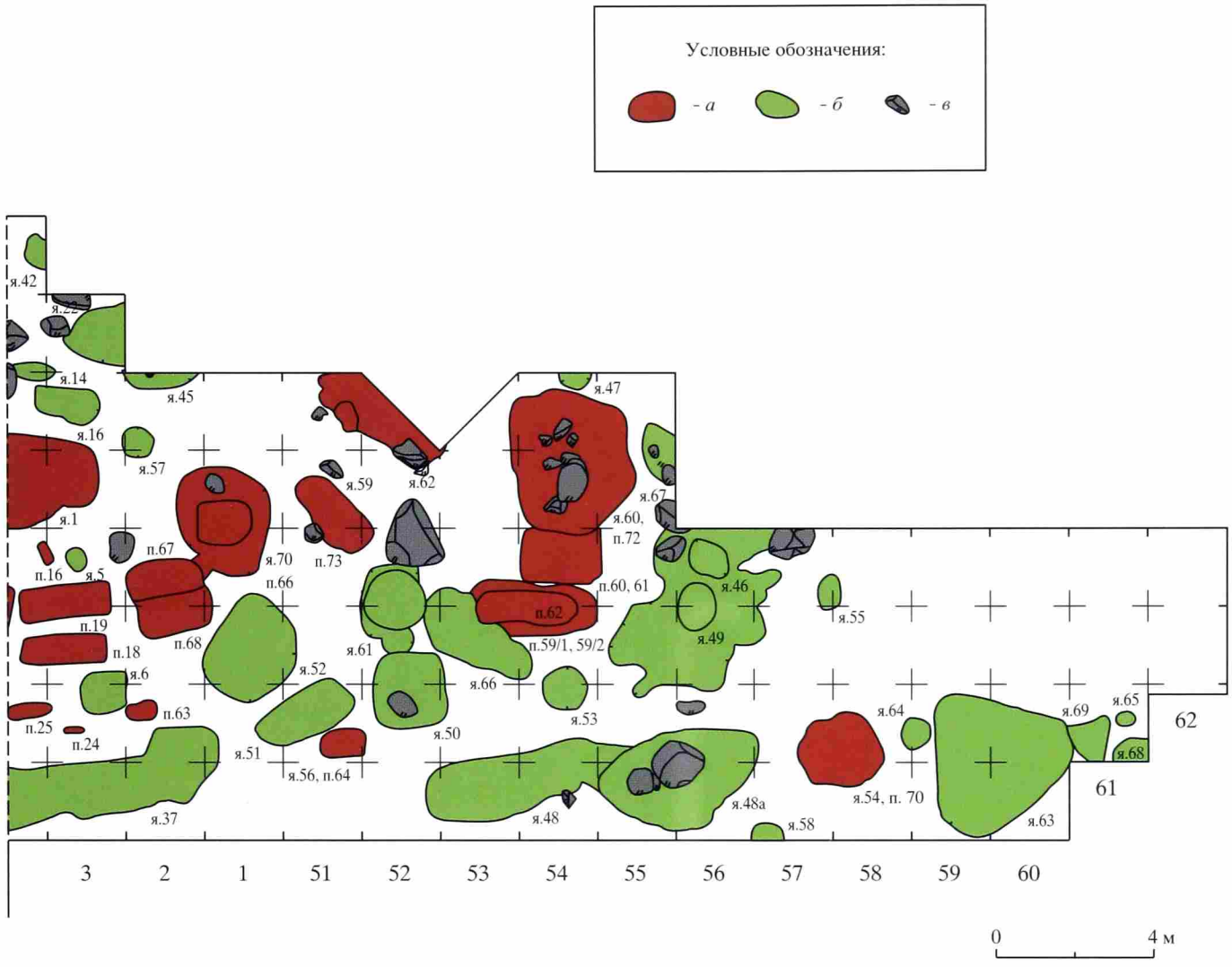


Рис. 107. Могильник Минино II. Раскоп 3. Комплексы эпохи средневековья

а — погребения по обряду кремации и ингумации; *б* — ямы в материке; *в* — камни

тельного производства. С последним связаны более 23 кг шлаков, собранных в раскопе, и ряд материковых ям. Вскрыть более обширную площадь на этом участке оказалось невозможно из-за строений турбазы и дороги.

В 2000, 2002—2004 гг. раскопки производились в наиболее возвышенной северо-восточной части площадки, свободной от деревьев или поросшей редким лесом, где удалось вскрыть площадь около 730 кв. м (раскоп № 3). Эта часть могильника наиболее существенно пострадала от распашки и хозяйственной деятельности недавнего времени: на поверхности заметны ямы, современные кострища, кирпичные столбы от фундамента охотничьего домика, стоявшего здесь до 1980-х годов. Верхний гумусированный слой мощностью 5—20 см, в отдельных местах до 35 см (рис. 106), содержал мелкие кальцинированные кости человека и животных, отдельные фрагменты необожженных костей человека и животных, фрагменты средневековой и позднесредневековой керамики, средневековые вещи из железа, цветного металла, рога и стекла, оплавленные и без следов пребывания в огне, кремневые орудия и сколы, а также на отдельных участках — современный бытовой и хозяйственный мусор — круглые гвозди, битое оконное и бутылочное стекло, куски жести, шифера и кирпича. Этот слой, сформировавшийся в значительной степени в результате конной распашки, на одних участках подстилался белым или желтоватым материковым песком, на других — слоем рыжей слабогумусированной супеси — культурным слоем мезолитического времени, содержавшим отдельные кремневые орудия и сколы. В раскопе было выявлено более 50 средневековых погребений по обряду кремации и ингумации, часть которых находилась в материковых ямах, а часть — в верхнем гумусированном слое, 31 материковая яма средневекового времени, не предназначавшаяся для помещения человеческих



останков, 8 погребений эпохи мезолита, несколько ям эпохи мезолита и ряд ям неопределенного времени (рис. 107, 108).

Присутствие в раскопах 2 и 3 следов человеческой деятельности широкого хронологического диапазона — от мезолита до новейшего времени, — отложившихся в слоях небольшой мощности, в целом ряде случаев затрудняет хронологическое расчленение и интерпретацию открытых раскопками объектов. Основную часть культурных остатков, исследованных в восточной части памятника, составляют средневековые погребения, которые частично нарушили мезолитические могильник и культурный слой и в свою очередь были нарушены поздними перекопами и распашкой. Происхождение основной массы кальцинированных костей, собранных в верхнем слое (их более 1500 г), связано, вероятно, с наземными погребениями по обряду кремации, аналогичными зафиксированным в могильнике Владышнево II. Среди почти 600 средневековых предметов, собранных в верхнем слое в обоих раскопах, большая часть также относится к наземным кремациям, меньшая — к нарушенным погребениям по обряду ингумации.

Таким образом, в могильнике Минино II вскрыта площадь более 880 кв. м и исследовано более 80 средневековых погребений, при этом разные участки могильника затронуты раскопками в разной степени. Западная граница могильника зафиксирована в раскопе 3 — в его западной части не было погребений, на северо-востоке погребения распространялись вплоть до края низины, разделявшей могильник и поселение. Хотя протяженный участок береговой террасы между раскопами 1 и 2 не удалось исследовать, можно полагать, что он также использовался для захоронений, и рассматривать погребения, вскрытые во всех трех раскопах, как единый некрополь, вытянутый с запада на восток не менее чем на 250 м. Трудно определить, как велика часть

Рис. 108. Могильник Минино II. Раскоп 3. Расчистка погребений по обряду ингумации и ямы 1 с остатками кремаций

могильника, оставшаяся невскрытой, скорее всего, раскопками исследовано менее половины всех погребений.

Кремации и ингумации

На площадке Мининского могильника исследовано в общей сложности 65 погребений по обряду ингумации (рис. 109). 41 из них представляет собой ненарушенные или незначительно нарушенные захоронения, находящиеся в грунтовых могильных ямах и сохранившие анатомический порядок костей (№ 1, 3, 4, 7 – 10, 14, 15, 17 – 29, 31, 36, 38, 40 – 43, 47 – 49, 51, 56 – 58, 60, 61, 63, 68, 75; рис. 110). В эту группу включен комплекс из четырех погребений (№ 41 – 43, 58) – вторичное перезахоронение, произведенное в средневековье, без следов позднейших нарушений.

11 погребений представляют собой нарушенные комплексы, частично сохранившие анатомический порядок костей. Эти погребения также располагаются в грунтовых могильных ямах (№ 11, 13, 30, 32, 37, 44 – 46, 62, 64, 73; рис. 111, 112). Время и происхождение нарушений в каждом случае требует особого разбора, некоторые захоронения могли быть нарушены в средневековье, другие получили повреждения в результате недавней хозяйственной деятельности.

11 погребений – полностью утратившие анатомический порядок скопления костей и разрозненные кости, залегающие в пахотном слое или в ямах в переотложенном состоянии (№ 5, 6, 12, 32 – 35, 53, 54, 59/I, 59/II). Заключение о возможной принадлежности костей к одному индивиду было сделано антропологом.

Наконец, в качестве погребений по обряду ингумации рассматриваются две могильные ямы без захоронений (№ 2, 67), в которых костные остатки, вероятно, полностью истлели.

Погребений по обряду кремации исследовано не менее 17 (табл. 18; рис. 113). Атрибуция этих погребений представляет известную сложность, поскольку кальцинированные кости в могильнике, как уже отмечалось выше, были зафиксированы в большей или меньшей концентрации почти на всей восточной части площадки, причем принадлежность части этих костей человеку или животному не может быть с точностью установлена. В качестве погребений были первоначально атрибутированы 12 комплексов, в которых кальцинированные кости залегали в виде относительно компактных скоплений, находившихся на поверхности материка под пахотным слоем или в небольших ямках (№ 16, 39, 52), иногда у краев материковых ям (№ 65; рис. 114) или в более глубоких ямах

Рис. 109. Могильник Минино II. Средневековые погребения по обряду ингумации в раскопе 3

Рис. 110. Могильник Минино II. Погребение 40 – ненарушенная ингумация XII в.

Рис. 111. Могильник Минино II. Погребения 44 и 45. Ингумации, нарушенные в средневековье при производстве повторных захоронений

(№ 50, 53, 66, 70, 72), в некоторых случаях во вторичном залегании в заполнении могильных ям с ингумациями (№ 69, 74). Антропологическое изучение выявило присутствие во всех этих скоплениях костей человека. Однако общий вес костей из погребений 52 и 53 настолько мал (соответственно 20 и 11 г), что правомерность интерпретации их как самостоятельных погребений оказывается под вопросом. Общий вес кальцинированных костей в остальных комплексах составлял от 86 до 471 г, в девяти из них определимы фрагменты черепных костей и зубов человека. В ямах на площадке могильника зафиксировано также восемь скоплений кальцинированных костей, которые первоначально не были выделены как отдельные погребения, однако после определения их веса и антропологической атрибуции появились веские основания рассматривать семь из них (яма 3б,

Рис. 112. Могильник Минино II. Погребение 62. Нарушенная ингумация

скопление 2-98; яма 3, скопление 3-98; яма 3, скопление 5-98; скопление 4-98; скопление 6-98; яма 1-00; яма 24-02) как самостоятельные погребальные комплексы. Вес кальцинированных костей в этих скоплениях колебался от 48 до 555 г, значительная часть костей определяется как человеческие, в шести комплексах отмечено присутствие черепных костей. Эти комплексы не получили специальных номеров, но рассматриваются как погребения.

Из 17 скоплений кальцинированных костей, атрибутированных как погребения, 12 содержали останки одного индивида, четыре — останки двух индивидов и одно — останки трех индивидов. Три комплекса, содержавшие, по антропологическим определениям, останки двух и более индивидов, выделяются большим весом общей массы кальцинированных костей (от 200 до 555 г). Ввиду того, что одним из способов погребения кремированных на стороне останков было их рассыпание по поверхности земли, 17 — это минимально возможное число кремаций на площадке могильника Минино II.

На площадке могильника Владышнево II вскрыты четыре материковые ямы (рис. 115; 116), содержавшие кальцинированные кости, однако лишь одна из них — яма 2, в заполнении которой находилось 135 г пережженных костей, принадлежавших одному взрослому человеку, и 32 средневековых предмета — может быть достоверно атрибутирована как

Рис. 113. Могильник Минино II. Средневековые погребения по обряду кремации и ингумации в раскопе 3

Таблица 18

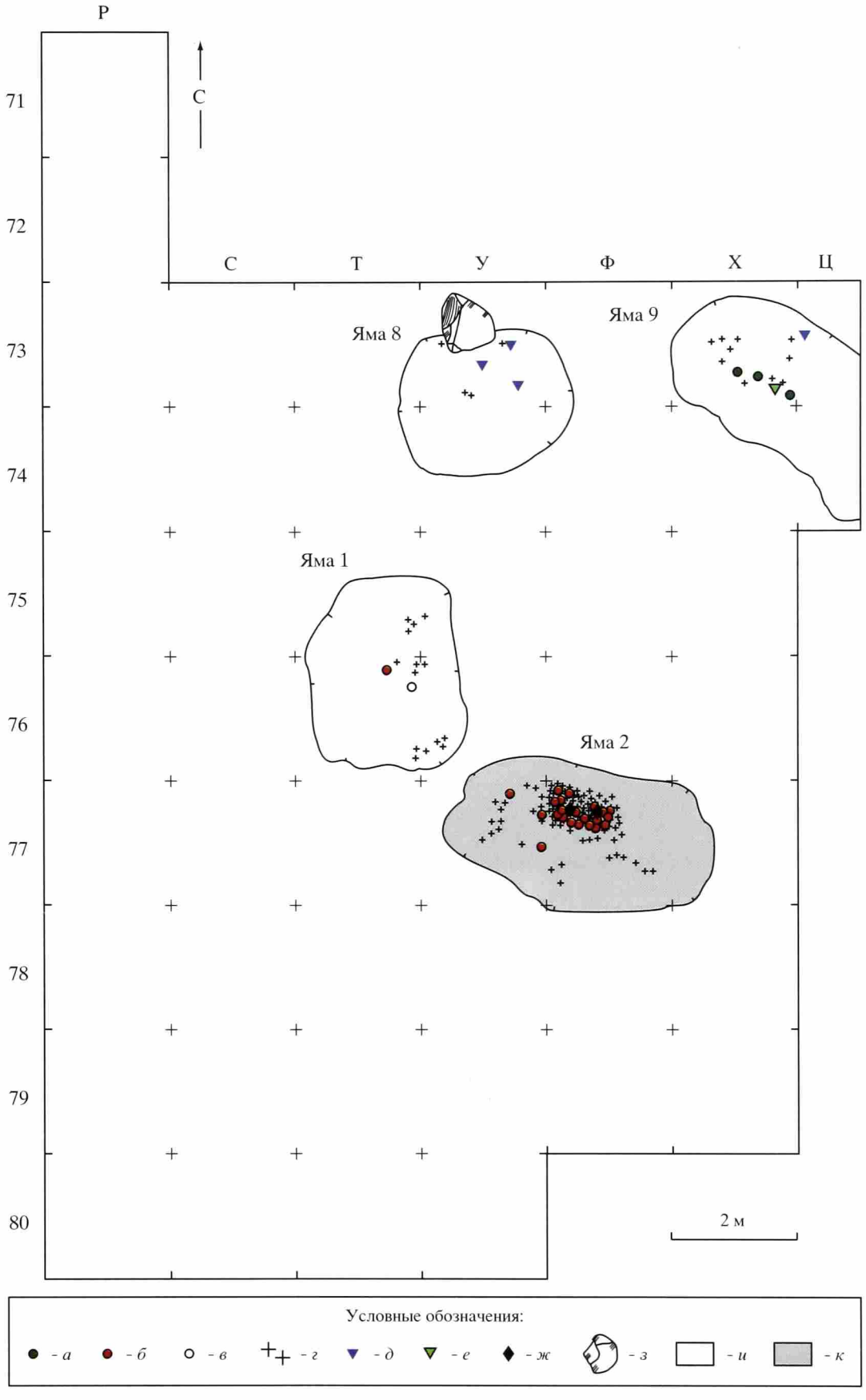
Погребения по обряду кремации могильника Минино II

№ погребения	Общий вес костей (г)	Вес костей человека (г)	Количество индивидов по данным антропологии	Черепные кости и зубы	Мужской инвентарь	Женский инвентарь	Атрибуция комплекса как отдельного погребения
16	146	146	1	+	нет	есть	+
39	208	208	2 (взрослый (мужчина?) и ребенок 4 – 7 лет)	+	нет	нет	+
50	385	385	1 (взрослый, женщина?)	+	есть	есть	+
52	22	20	1 (взрослый)	–	нет	есть	?
53	11	11	1 (взрослый)	+	нет	есть	?
65	128	128	1 (женщина 15 – 18? лет)	?	нет	есть	+
66	471	152	1 (взрослый)	+	есть	нет	+
69	86	более 43	1 (взрослый)	+	нет	есть	+
70	106	14	1 (молодая женщина)	+	нет	есть	+
71	?		1 (взрослый)	+	нет	нет	+
72	454	184	1 (взрослый)	+	нет	есть	+
74	240	228	1 (взрослый (женщина?))	+	есть	есть	+
яма 2 скопл.1-98	62	62	1 (взрослый)	?	нет	есть	+
яма 3б скопл.2-98	180	156	1 (взрослый)	–	нет	нет	+
яма 3 скопл. 3-98	29	20	2 (взрослый и ребенок)	+	нет	нет	?
яма 3 скопл. 5-98	555	544	3 (2 взрослых и ребенок)	+	нет	есть	+
скопление 4-98	117	84	2 (взрослый (женщина) и ребенок)	+	нет	нет	+
скопление 6-98	341	249	1 (молодая женщина)	+	нет	есть	+
яма 1-00	350	?	2 или 3 (взрослый (в том числе женщина) и ребенок)	+	есть	есть	+
яма 24-02	48	?	1 (взрослый)	+	есть	нет	+

Рис. 114. Могильник Минино II. Погребение 65. Остатки кремации

Рис. 115. Могильник Владышнево II. Распределение средневековых находок и кальцинированных костей в материковых ямах

а — инвентарь мужского погребения; *б* — инвентарь женского погребения; *в* — бытовые предметы; *г* — кальцинированные кости; *д* — фрагменты средневековой лепной керамики; *е* — фрагменты позднесредневековой круговой керамики; *ж* — кости рыбы; *з* — камни; *и* — ямы, не содержащие остатков погребения; *к* — яма, содержащая погребение по обряду кремации



отдельное погребение. В трех других ямах кости и вещи были единичны (рис. 115). Как и в Мининском могильнике, значительная часть кальцинированных костей и погребального инвентаря была собрана здесь в верхнем пахотном слое (рис. 101).

В могильнике Минино II первоначально было выявлено 39 объектов, зафиксированных как ямы и отнесенных к средневековому времени по находкам в заполнении. После полной расчистки этих ям и определения остеологических материа-

Рис. 116. Могильник Владышнево II. Материковые ямы в раскопе. На заднем плане – ямы 8 и 9 с гумусированным заполнением, содержавшим единичные кальцинированные кости

лов из их заполнений установлено, что девять из них (№ 2-1998, № 3-1998, № 3б-1998, № 11-1998, № 1-2000, № 24-2000, № 54-2003, № 60-2003, № 70-2003) содержали кремированные останки человека, которые должны быть атрибутированы как погребения. Очевидно, большинство этих ям были специально вырыты для помещения кальцинированных костей внутрь ямы или на дневную поверхность у ее верхнего края. Все эти ямы имеют значительные размеры, чашевидную форму и гумусированное заполнение с несколькими линзообразными прослойками. Еще 16 ям содержали неопределимые кальцинированные кости, а три из них (№ 16-2000, № 63-2003, № 2-2002 — шурф 5) — кальцинированные кости человека, однако количество и расположение костей в этих ямах не дает основания для атрибуции их в качестве погребений.

Таким образом, среди средневековых ям, вскрытых в Мининском могильнике, остается 30 объектов, которые не предназначались для помещения погребений. Три подобных ямы выявлены во Владышневе. Как мы покажем ниже, часть этих ям связана с совершением поминальных и охранительных обрядов на площадках могильников, происхождение и назначение другой части остается неясным.

Кремации – размещение кальцинированных костей и погребального инвентаря, состав сопровождающих вещей

Выяснение точных форм обряда кремации, практиковавшегося на Кубенском озере, представляет большие сложности, как в силу специфики самого обряда и трудности археологической фиксации его деталей, так и в силу нарушенности ранней хронологической группы погребений в Мининском могильнике позднейшими захоронениями и хозяйственной деятельностью на площадке. Для более точного уяснения особенностей обряда первостепенное значение приобретают материалы могильника Владышнево II, где кремации не были нарушены при производстве более поздних захоронений.

В могильнике Владышнево II залегавший под дерном слой коричнево-серой супеси содержал мелкие, рассеянные по всей площади раскопа, единичные кальцинированные кости человека и животных (всего 67 г), оплавленные и неповрежденные огнем предметы из металла и стекла, немногочисленные фрагменты лепной средневековой керамики. Из этого слоя происходит основная часть средневековых находок — всего 56 предметов (рис. 117; 118, *3–12*; 119). Несмотря на присутствие в слое более поздних и более ранних материалов — круговой позднесредневековой керамики и кремневого инвентаря — можно полагать, что это компактный в хронологическом отношении комплекс. Хотя, как уже отмечено выше, гумусированный слой на этом памятнике был частично поврежден распашкой, очевидно, что зафиксированное в ходе раскопок рассеянное положение вещей и кремированных останков в большей или меньшей степени отражает их изначальное положение.

Большие материковые ямы (№ 1, 2, 8 и 9 — рис. 120 — 123), выявленные в центральной и северо-восточной частях раскопа, имели в плане неправильную овальную форму, их длина составляла от 3,0 до 4,1 м, ширина — от 2,0 до 2,5 м, глубина — от 60 до 85 см. У всех ям было сложное неоднородное заполнение, основу которого образовывала серо-коричневая гумусированная супесь с линзами более светлой желто-коричневой супеси, перекрывавшими более темные прослойки с обугленными кусками деревянных плашек. В центре двух ям (№ 1 и 2) находились крупные камни. Как уже отмечено, по составу находок заметно отличалась от трех других

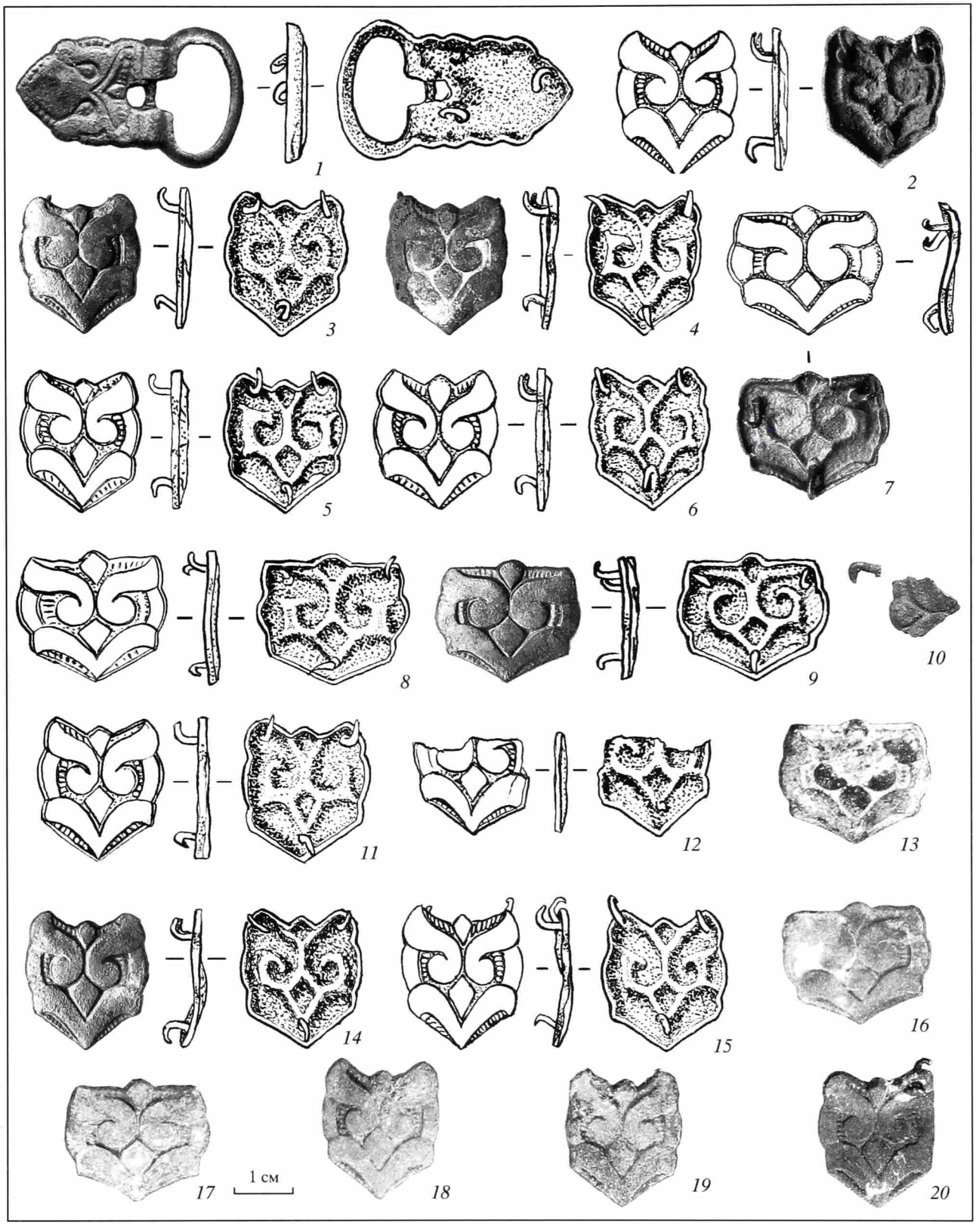


Рис. 117. Могильник Владышнево II. Вещевой инвентарь из верхнего гумусированного слоя
1–20 – бронза; *1* – пряжка ременная; *2–20* – накладки поясные

яма 2, в заполнении которой собрано около 135 г кальцинированных костей человека разной величины и степени кремации (от белой до темно-серой окраски), хорошо очищенных от углей и пепла костра, и ряд средневековых вещей. В заполнении ямы 2 прослежено нескольких линзовидных прослоек, различающихся по своей окраске. Кальцинированные кости и оплавленные вещи находились на разной глубине в различных прослойках, однако основная их часть была расчищена в прослойке желто-

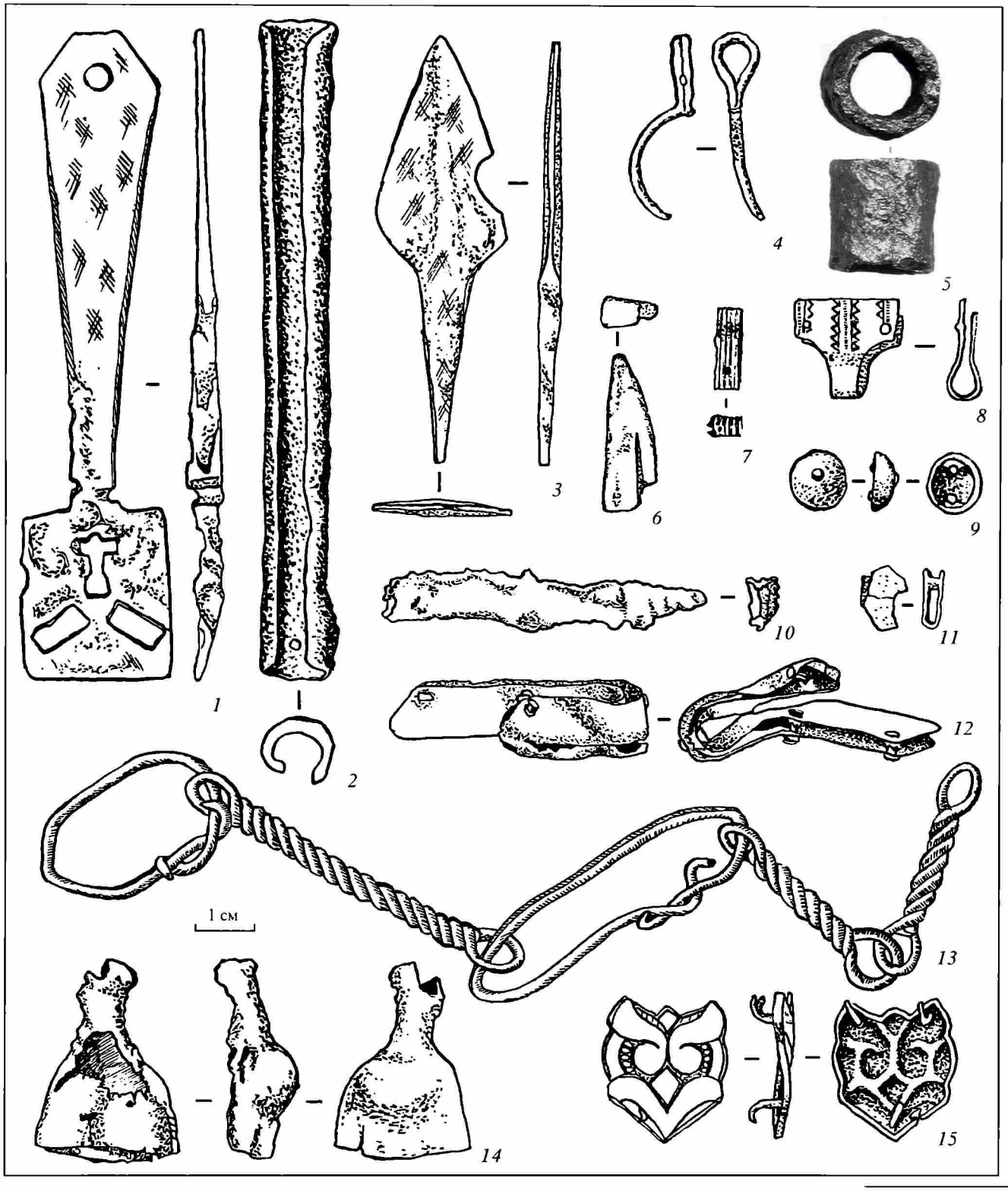
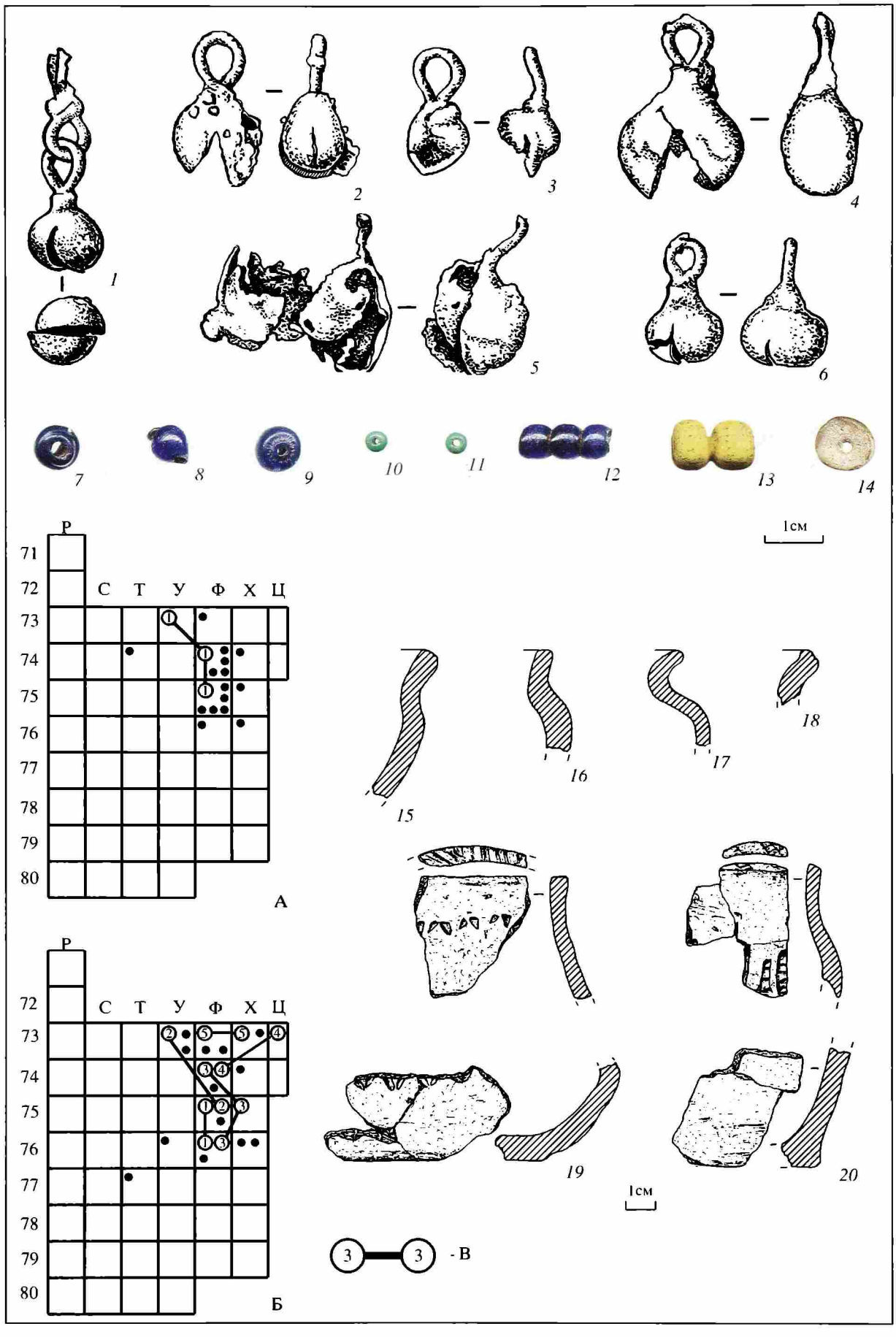


Рис. 118. Могильник Владышнево II. Вещевой инвентарь из верхнего гумусированного слоя и ям с гумусированным заполнением

1–3, 5, 6, 10, 13 — железо; *4, 7–9, 11, 12, 14, 15* — бронза. *3–12* — верхний гумусированный слой; *1, 14* — яма 1; *2, 13, 15* — яма 9. *1* — ключ; *2* — фитильная трубка; *3* — наконечник стрелы; *4* — кольцо с петельчатым ушком; *5* — томар; *6* — острога; *7, 8* — детали крепления ножен; *9* — накладка полусферическая; *10* — нож; *11, 12* — детали сумки; *13* — цепь; *14* — бутылковидная пронизка; *15* — накладка поясная

Рис. 119. Могильник Владышнево II. Вещевой инвентарь и керамика из верхнего гумусированного слоя

1–6 — бронза; *7–14* — стекло; *15–20* — керамика. *1–6* — привески-бубенчики; *7–9, 12–14* — бусы; *10, 11* — бисер; *15–17* — профили венчиков позднесредневековой керамики; *18* — профиль венчика древнерусской круговой керамики; *19, 20* — средневековая лепная керамика. *19* — сосуд № 1, *20* — сосуд № 2. А — схема распределения фрагментов сосуда № 1 на площади раскопа и склеивающиеся фрагменты; Б — схема распространения фрагментов сосуда № 2 на площади раскопа и склеивающиеся фрагменты; В — склеивающиеся фрагменты сосудов


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
1см
Р
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
С Т У Ф Х Ц
А
Р
72
73
74
75
76
77
78
79
80
С Т У Ф Х Ц
Б
15
16
17
18
19
20
1см
- В

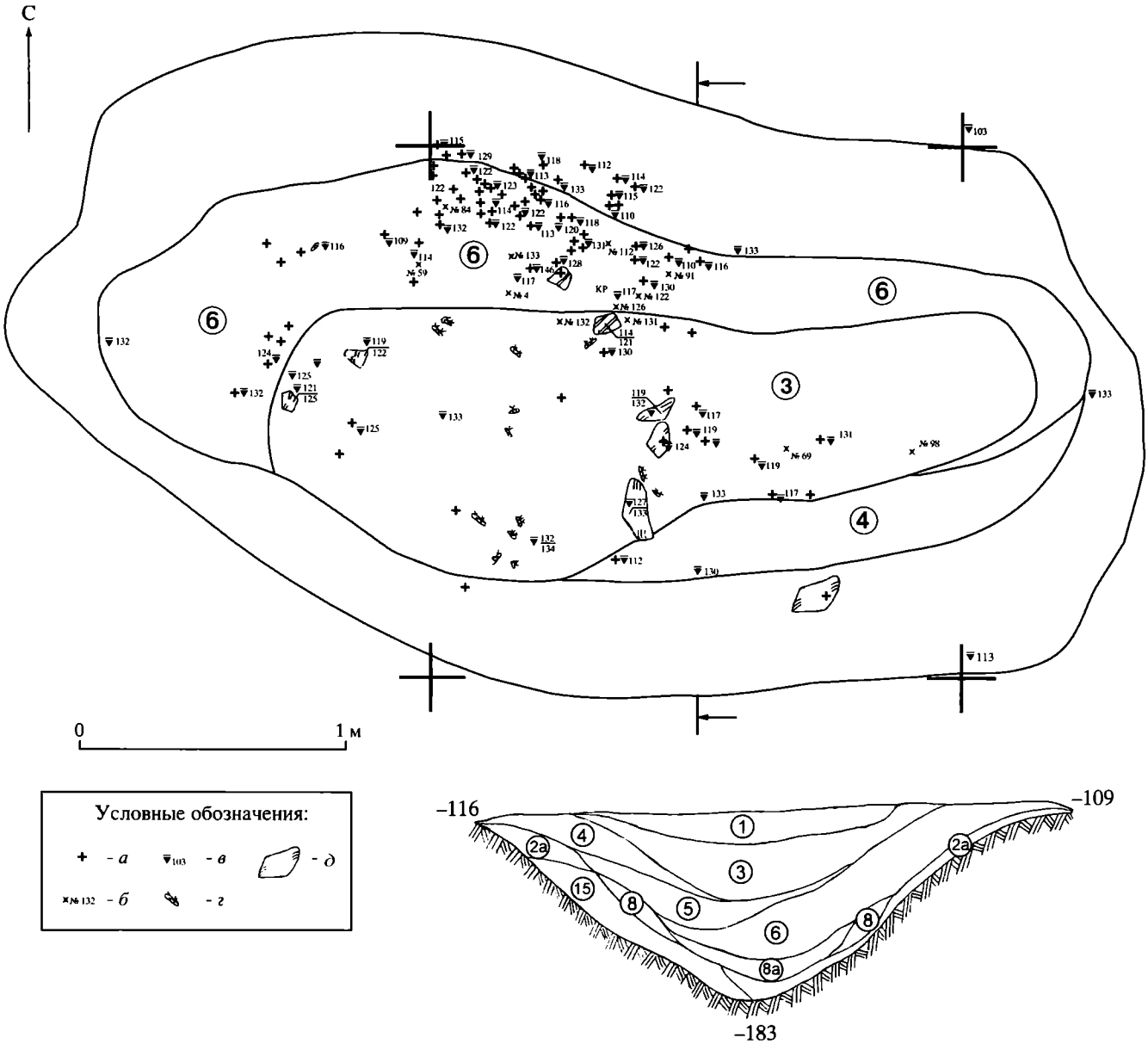


Рис. 120. Могильник Владышнево II. Погребение по обряду кремации в яме 2. План (на глубине −110 / −135 см) и разрез

а — кальцинированные кости; *б* — номера находок (соответствуют полевой описи); *в* — нивелировочная отметка; *г* — фрагменты обугленных плашек; *д* — камень. 1 — коричнево-серая гумусированная супесь (пахота); 2а — красная или желтая слабогумусированная супесь; 3 — серо-коричневая гумусированная супесь; 4 — серо-желтая гумусированная супесь; 5 — темно-серая гумусированная супесь; 6 — желто-серая крупнозернистая супесь с мелкими белыми камешками; 8 — серая крупнозернистая слабогумусированная супесь; 8а — темно-серая крупнозернистая слабогумусированная супесь с включениями мелких угольков; 15 — желто-коричневая крупнозернистая супесь

серой супеси, залегавшей ближе к нижней части ямы в центре ее и с северной ее стороны (рис. 120).

Среди кальцинированных костей было найдено семь оплавленных стеклянных бусин и 24 деформированных огнем бронзовых украшения, в том числе спекшихся между собой (рис. 121, *2—5*). Среди последних пять полутрубчатых горизонтальных подвесок-пронизок с привесками-бубенчиками (рис. 121, *8, 9, 11, 14*), три грушевидных линейнопрорезных бубенчика (рис. 121, *1, 7, 13*), одна крупная бутылковидная (рис. 121, *10*) и одна колоколовидная подвески-пронизки, цепочка с 8-видными звеньями, неопределимые оплавленные предметы и их фрагменты. В западной половине ямы, за пределами россыпи кальцинированных костей, находилась глиняная льячка (рис. 121, *12*). В заполнении ямы 2 встречены также нежженые 21 кость рыбы и пять костей животных, три фрагмента лепной средневековой керамики. Судя по составу находок, яма 2 содержала кремированные останки женщины. Обнаруженные здесь полутрубчатые подвески и бубенчики составляют единый комплект женских украшений.

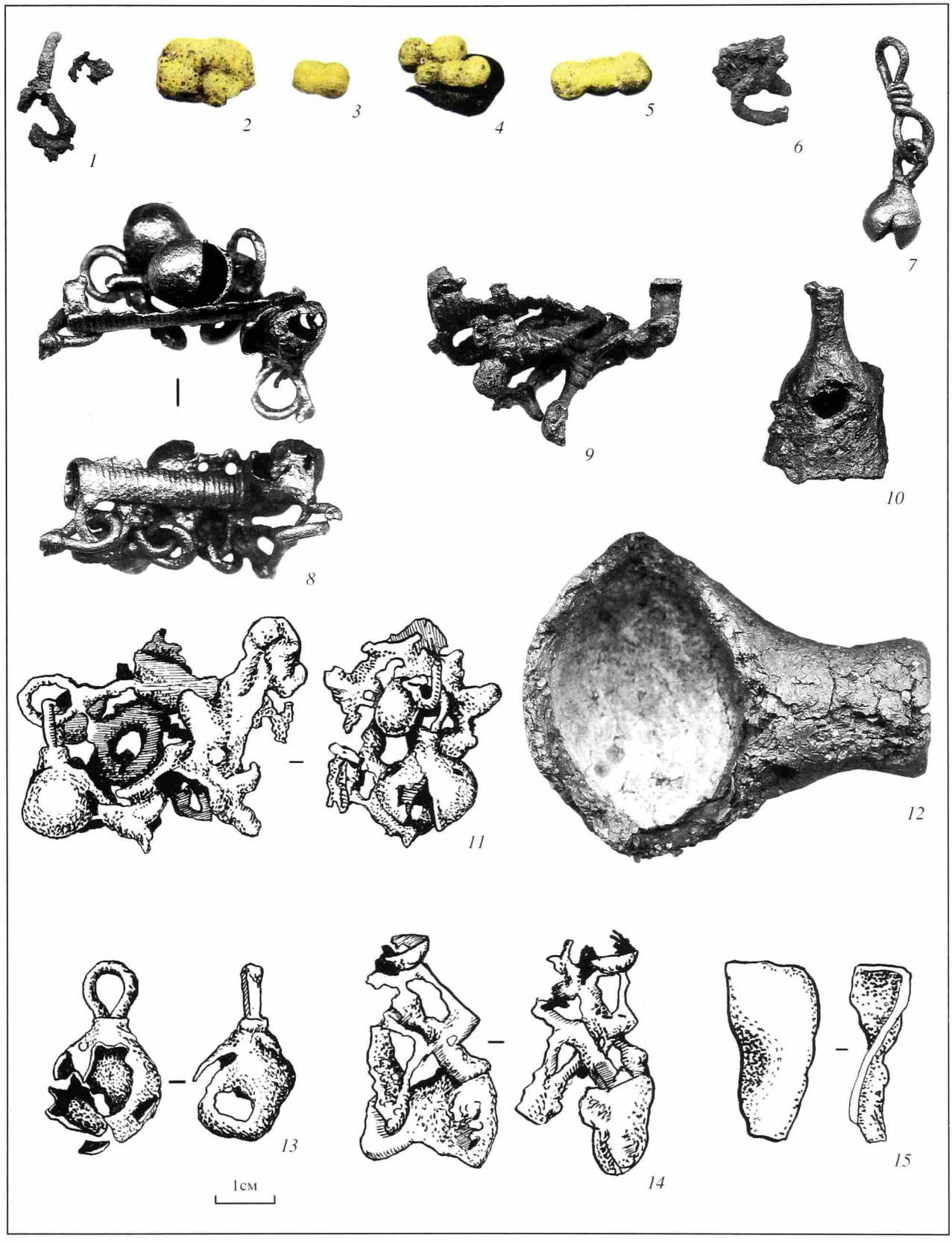


Рис. 121. Могильник Владышнево II. Погребение в яме 2. Инвентарь

1, 6–11, 13–15 – бронза, *2–5* – стекло; *12* – глина. *1, 7, 13* – привески-бубенчики; *8, 9, 11, 14* – полутрубчатые подвески-пронизки с бубенчиками; *15* – трапециевидная подвеска; *2–5* – бусы; *12* – льячка с остатками свинцово-оловянного сплава

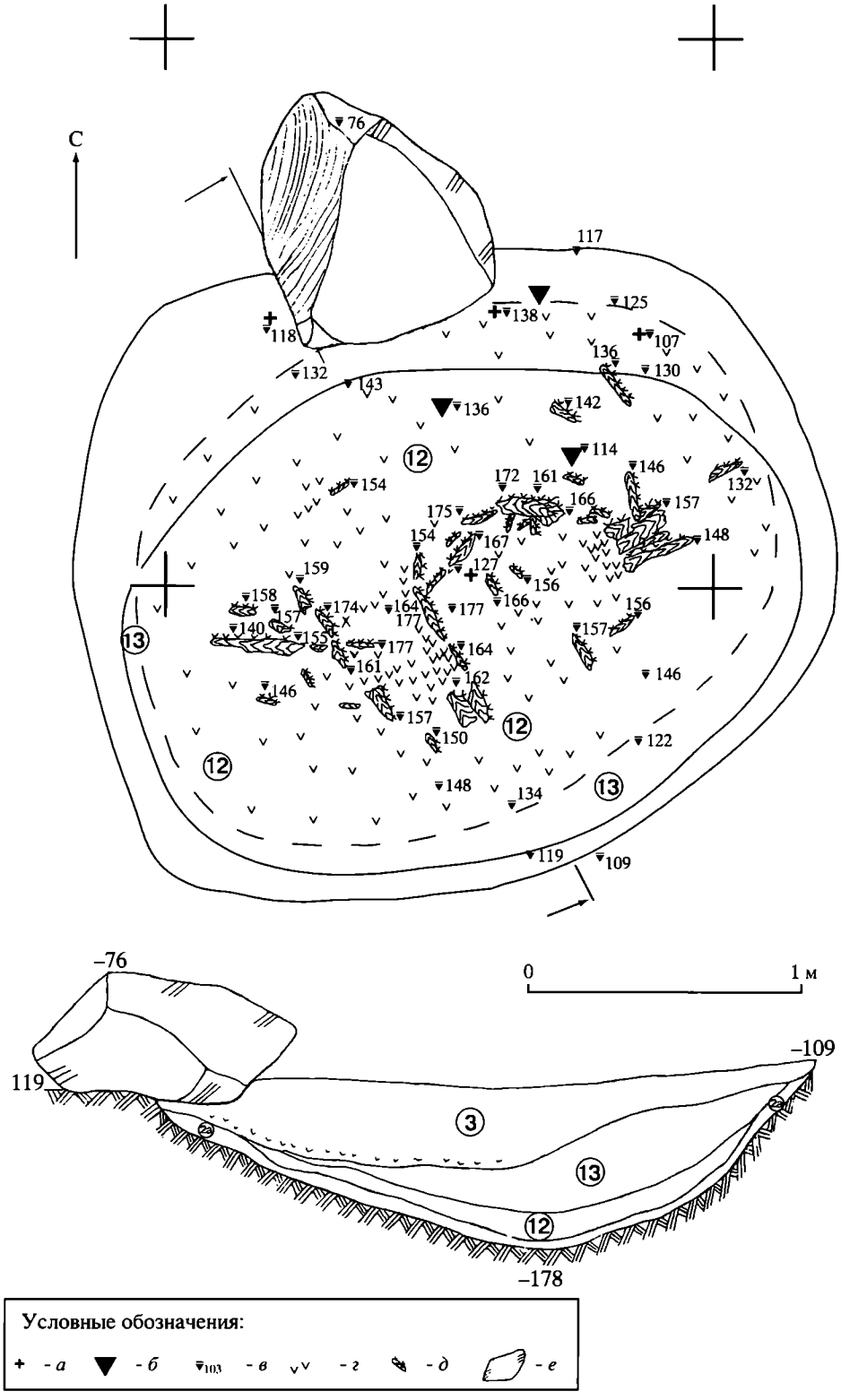


Рис. 122. Могильник Владышнево II. Материковая яма 8 с гумусированным заполнением, содержавшим единичные кальцинированные кости. План и разрез

а — кальцинированные кости; *б* — фрагменты лепной средневековой керамики; *в* — нивелировочная отметка; *г* — уголь; *д* — фрагменты обугленных плашек; *е* — камень. 2а — красная или желтая слабогумусированная супесь; 3 — серо-коричневая гумусированная супесь; 12 — черная углистая супесь; 13 — желто-коричневая супесь

Находки льячек характерны для женских погребений конца I тыс. н.э. в различных финно-угорских памятниках на широкой территории от Поочья до Белозерья.

Масса кальцинированных костей, найденных в трех других ямах, составляла от 2 до 10 г. В яме 9 были найдены бронзовая поясная накладка с растительным орнаментом, железная проволочная витая цепь и железная фитильная трубка (рис. 118, *15, 13, 2*), в яме 1 — бронзовая бутылковидная подвеска-пронизка и железный ключ (рис. 118, *14, 1*). Яма 8 не содержала находок. Характер и назначение этих ям остаются неясными. Найденные в яме 9 поясная бляшка, железная цепь и фитильная трубка относятся, вероятно, к комплекту мужских вещей из пахотного слоя. Можно определенно полагать, что эти ямы не предназначались специально для помещения остатков кремации.

Состояние кальцинированных костей не позволяет установить число индивидов, кремированные

Рис. 123. Могильник Владышнево II. Яма 8 с гумусированным заполнением в процессе расчистки

кости которых были помещены на вскрытом раскопками участке. Можно предположить, что основная часть вещей, найденных в пахотном слое, и немногочисленные находки из ямы 9 составляли инвентарь одного мужского погребения. 21 пятиугольная ременная накладка с растительным декором и пряжка с аналогичным декором, очевидно, принадлежали одному набору поясных украшений. В состав этого же комплекта мужских вещей могли входить детали сумки, наконечник стрелы, железный томар, фитильная трубка, металлические детали кожаных ножен от большого боевого ножа и железная цепочка. Вероятно, основная часть кальцинированных костей этого погребения и сопровождающий инвентарь были помещены непосредственно на поверхности земли.

Таким образом, в могильнике Владышнево II представлены две разновидности обряда кремации, одна из которых предполагала помещение кальцинированных костей и остатков сгоревших украшений в глубокую грунтовую яму, а другая — на поверхность земли *россыпью*. В последнем случае, по крайней мере, часть погребального инвентаря не помещалась на костер в момент кремации, так как большинство железных и бронзовых вещей, составляющих комплекс мужского погребения, не пострадало от огня.

Зафиксированный во Владышневе обряд, при котором остатки кремации помещались в глубокую яму округлой или овальной в плане формы, представлен и в Мининском могильнике (погребение № 50, яма 2-1998, скопление 1, яма 3-1998, скопление 2, яма 3-1998, скопление 5; рис. 124). Наибольшее сходство с владышневским комплексом обнаруживает погребение 50 — чашевидная яма с линзообразными прослойками в заполнении, в которой пережженные кости и вещи находились на разной глубине. Кальцинированные кости принадлежали одному взрослому индивиду, предположительно, женщине. Погребение сопровождалось многочисленным инвентарем: оплавленными стеклянными бусами (58 экз., включая спекшиеся), целыми шумящими украшениями и их оплавленными фрагментами (фрагмент подвески-конька (?), две привески-лапки, многоспиральная подвеска, фрагмент проволоки), кальцинированными обломками двух односторонних роговых расчесок с геометрическим орнаментом, раковиной каури. В составе находок присутствовал и мужской инвентарь: пластинчатая обкладка от сумочки, фрагменты рогового томара, железный наконечник стрелы. Три других погребения с кальцинированными костями, помещенными в ямы, выявленные в раскопе 2 на юго-восточном краю площадки могильника Минино II (рис. 125), сопровождались скромным инвентарем: фрагментами гребней, стеклянными бусами. При этом одно из них содержало более 500 г костей, принадлежавших трем индивидам — двум взрослым и ребенку.

Другой вариант обряда кремации, представленный в Мининском могильнике, — помещение кремированных останков компактно на поверхность земли (возможно, в какое-то деревянное сооружение) или в неглубокую ямку. В могильнике зафиксировано 6 подобных погребений (№ 16, 39, 69, 74 (?), скопление 4-1998, скопление 6-1998). Наиболее выразительными — в силу лучшей сохранности — примерами погребений такого типа являются погребения 16 и 39. В первом из них (рис. 126) в плотном скоплении кальцинированных костей находилось 40 стеклянных бус, фрагменты роговой расчески и необожженная подковообразная фибула, лежавшая поверх костей. Кости, принадлежавшие одному индивиду, находились в небольшой (58 × 27 см) подпрямоугольной в плане ямке, углубленной в материк на 11 см. Второе погребение представляло собой плотное скопление кальцинированных костей двух индивидов — взрослого и

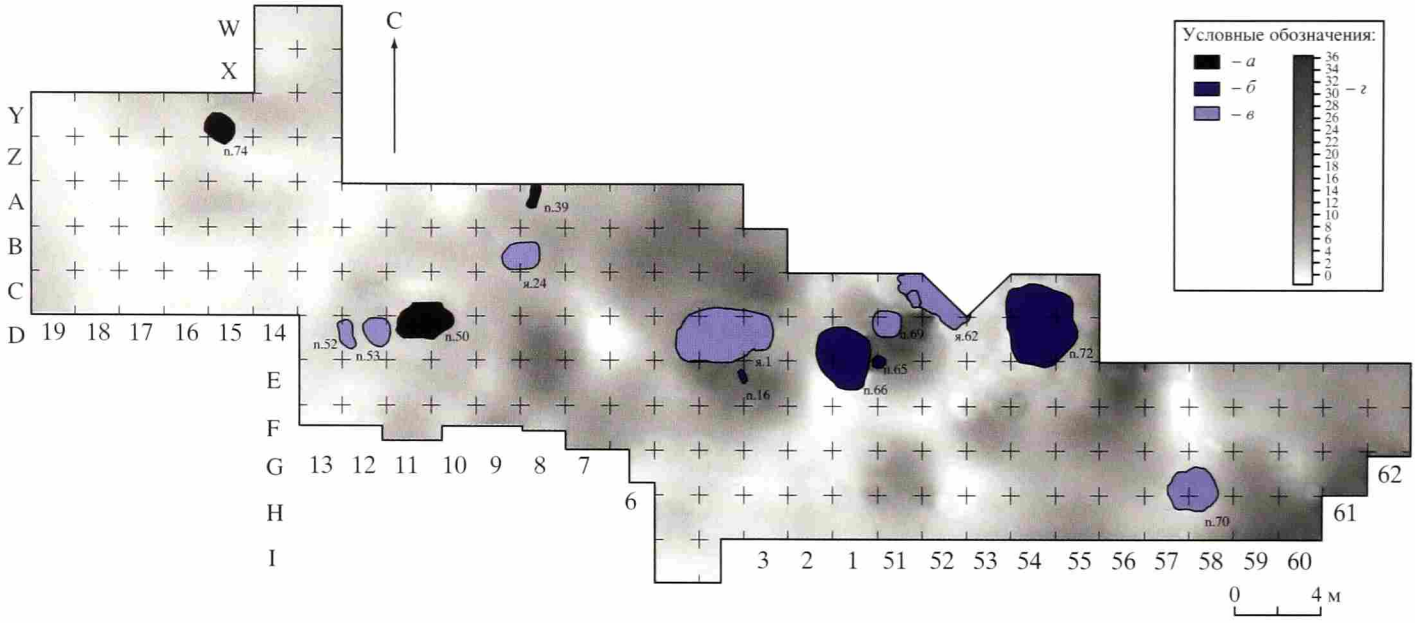


Рис. 124. Могильник Минино II. Погребения по обряду кремации в раскопе 3

а — погребения с общим весом костей более 200 г; *б* — погребения с общим весом костей от 100 до 200 г; *в* — погребения с общим весом костей менее 100 г; *г* — фоновой заливкой показано распределение кальцинированных костей в верхнем слое по площади раскопа (г на 4 кв. м)

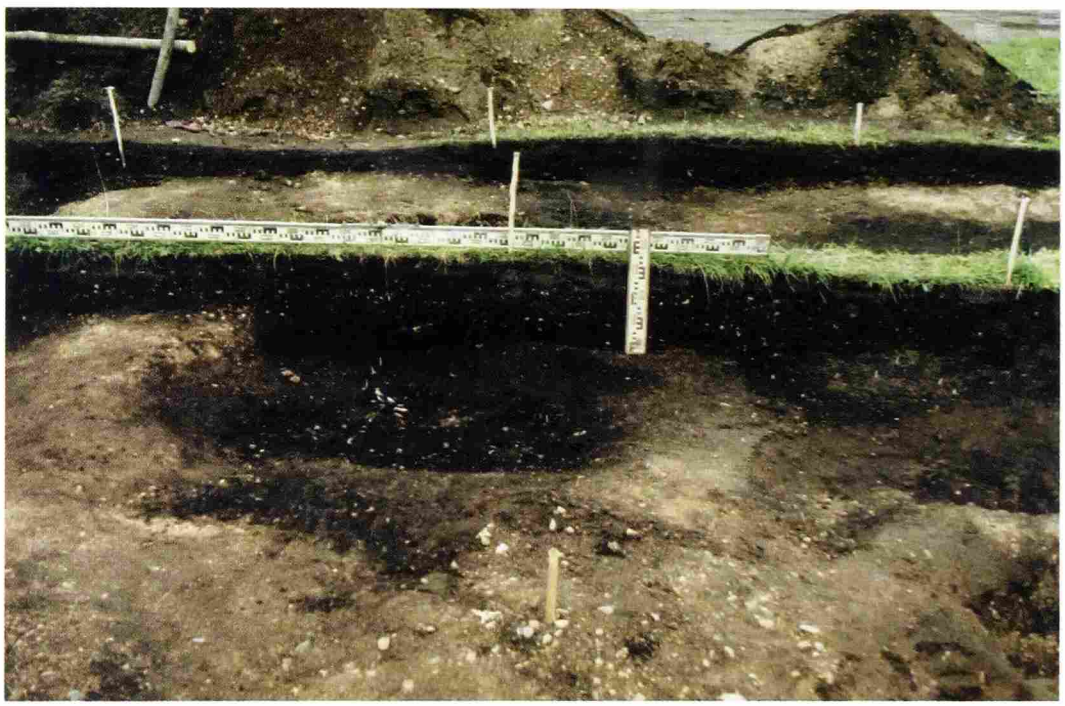


Рис. 125. Могильник Минино II. Материковая яма с гумусированным заполнением, содержавшим остатки кремации (Раскоп 2, яма 2, скопление кальцинированных костей № 1)

ребенка — без сопровождающих вещей, лежащее на древней дневной поверхности на участке размерами 20 × 27 см (рис. 127).

Своеобразным вариантом обряда можно считать помещение кремированных остатков в большие материковые ямы, остававшиеся не засыпанными, или размещение их на краю подобных ям. На площадке могильника исследовано четыре таких ямы (№ 1-00, 60-03 (погребение 72), 70-03 (погребение 66), 54-03 (погребение 70), выделяющиеся крупными размерами: длина их составляла 2,7 – 4,3 м, ширина — 2,4 – 3,1 м, глубина от поверхности материка — 70 – 100 см. Возможно, к этой же группе объектов следует отнести яму № 24, имеющую меньшие размеры (180 × 150 см) и содержащую меньшее количество пережженных костей. Структура заполнения ям с чередованием различных гумусированных прослоек линзообразной формы, утолщающихся к центру, не имеет следов каких-либо поздних нарушений. Основная масса кремированных костей находилась не на дне ям, а в заполнении, большей частью вблизи стенок. Часть костей залегала у стенок относи-

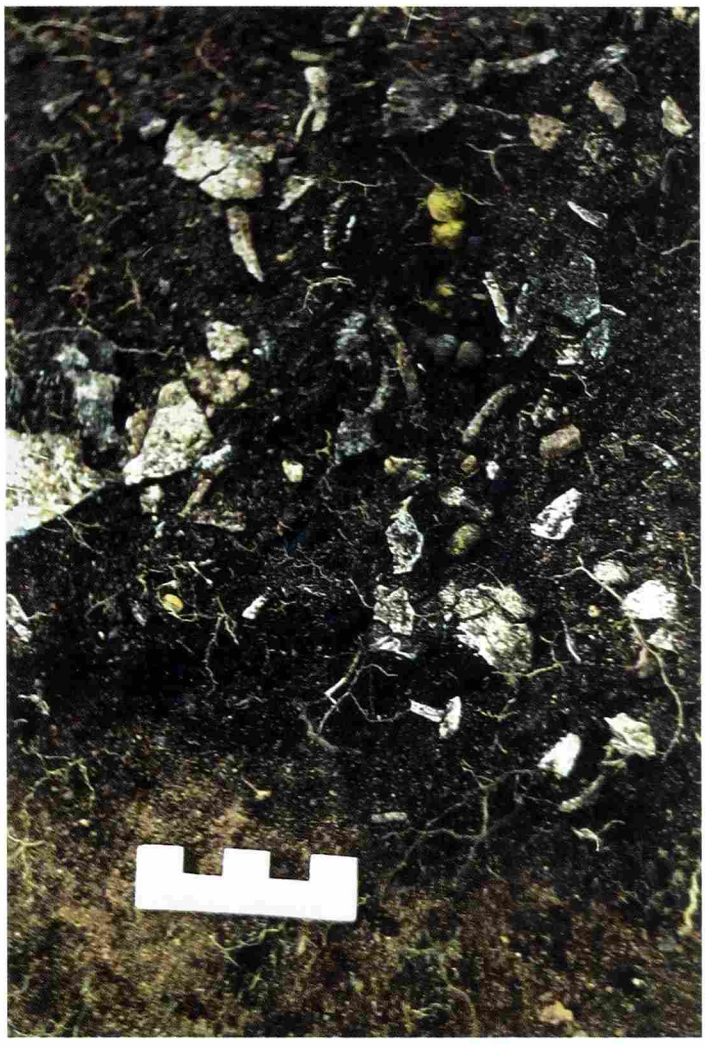


Рис. 126. Могильник Минино II. Раскоп 3. Погребение 16. Остатки кремации, помещенные в неглубокую яму

Рис. 127. Могильник Минино II. Раскоп 3. Погребение 39. Остатки кремации, помещенные на поверхность земли или в неглубокую ямку

тельно компактной массой, однако основная их часть была рассеяна в толще заполнения, не образуя скоплений. Во всех этих комплексах встречены бытовые вещи и украшения, пережженные и не имеющие следов пребывания в огне, развалы сосудов и кремированные и нежженые кости животных, в том числе собак (рис. 128). В этих ямах найдены также и необожженные человеческие кости, бытовые вещи и украшения без следов воздействия огня. Среди них фрагменты круговой средневековой керамики, перстнеобразное височное кольцо и ложнозолотостеклянная бочонковидная бусина — предметы, появление которых на Кубенском озере должно быть отнесено к рубежу XI—XII вв. В стенке одной из ям (№ 1-00) расчищены два погребения младенцев (ингумации № 30, 31).

В яме 1-00 собрано около 350 г кальцинированных костей, часть которых определена как кости человека — взрослого (одного или двух индивидов) и ребенка. Среди вещей со следами пребывания в огне — женские украшения и бытовые вещи (стеклянные бусы, фрагменты двух расчесок), предметы мужского снаряжения (железная фитильная трубка, обоймица от сумочки, обмотка рукояти ножа).

В яме 70 (рис. 129) найдены кремированные останки двух индивидов (погребения 65, 66), при этом удалось проследить, что часть кальцинированных костей погребения 65 компактно располагалась в пахотном слое вблизи восточного края ямы и непосредственно на ее краю, а часть — в заполнении на восточной стенке. Всего в яме собрано около 470 г кальцинированных костей, из которых около 150 г принадлежит человеку. Среди обожженных вещей представлены как женские украшения (стеклянные бусы, привески, бубенчики), так и мужской инвентарь (ременные накладки, обоймицы, стрелы).

В яме 60 собрано около 800 г кальцинированных костей, в том числе 170 г костей человека, принадлежащих, вероятно, одному индивиду (погребение 72). Вещи, имеющие следы пребывания в огне: стеклянные бусы, бубенчики и колоколовидные привески, фрагменты расчески — представляют собой характерный женский инвентарь. На южном краю ямы, как за ее пределами, так и внутри около стенки, расчищено четыре компактных скопления кальцинированных костей, принадлежащих собакам. Здесь же обнаружены целые обожженые кольчатые удила.

Рис. 128. Могильник Минино II. Раскоп 3. Материковая яма с гумусированным заполнением, содержавшим остатки кремации (погребение 72)

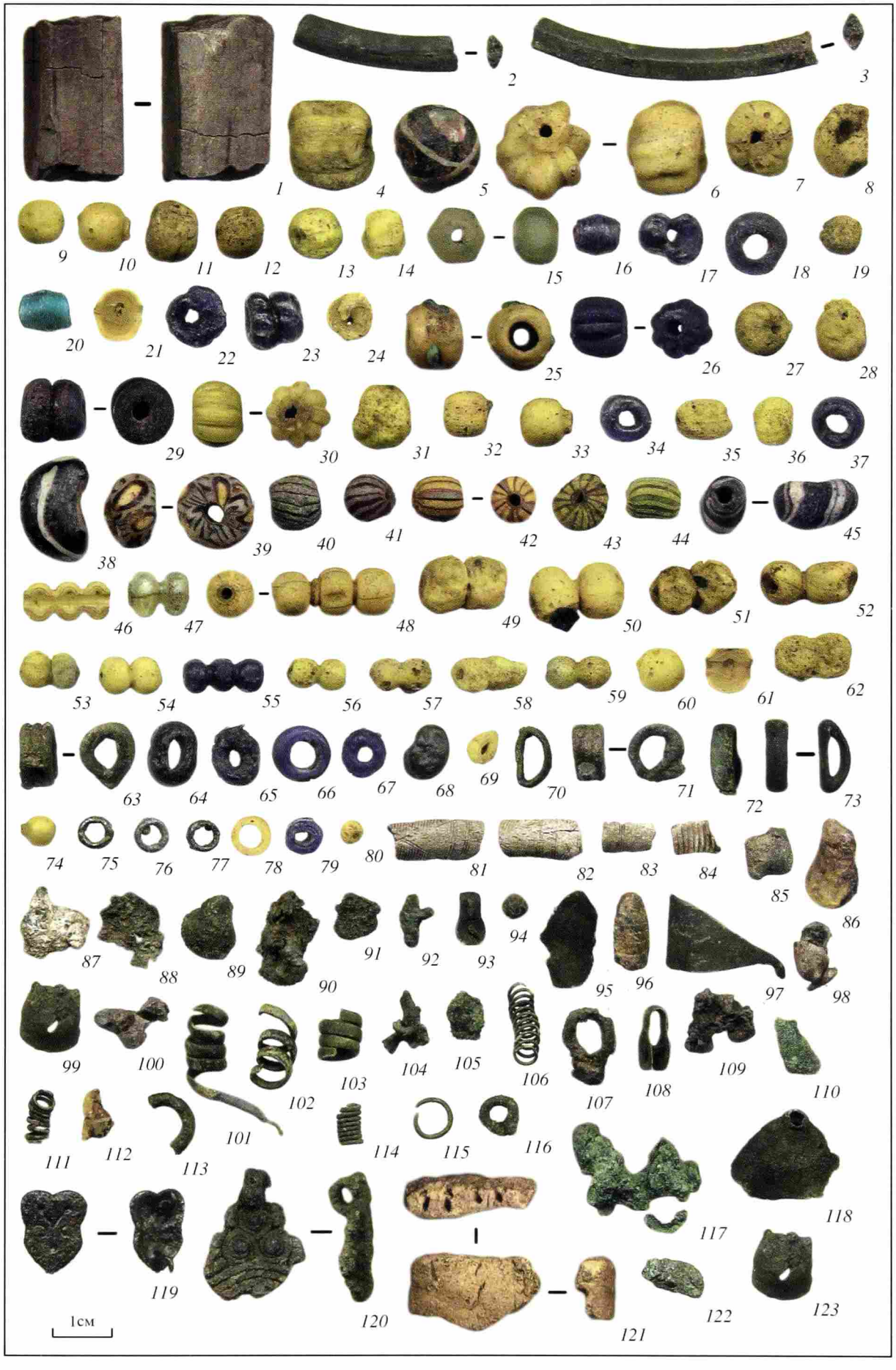
Рис. 129. Могильник Минино II. Раскоп 3. Материковая яма с гумусированным заполнением, содержавшим остатки кремации (погребение 66)

В яме 24 из 48 г кальцинированных костей как человеческие определимы лишь несколько, инвентарь включает вещи из "мужского набора" — кресало, нож, металлические детали кошелька.

Объяснить присутствие кальцинированных костей и характерного для кремаций сопровождающего инвентаря второй половины X — первой половины XI в. вместе с необожженными костями и бытовыми вещами можно только предположив, что ямы остались не засыпанными после первого помещения в них или вблизи них остатков поминальных приношений. В них попадали кости из погребений, нарушавшихся при рытье новых могил, здесь же производились погребения младенцев. О том, что

Рис. 130. Могильник Минино II. Раскоп 3. Вещевой материал из верхнего гумусированного слоя

1 — фрагмент оселка; *2, 3* — фрагменты шейной гривны; *4—62, 64—69, 74, 78—80, 85, 86, 112* — бусины и их фрагменты; *70, 72, 73* — обоймицы; *63, 71, 107, 113, 117, 120* — фрагменты шумящих подвесок; *81—84* — фрагменты расчесок; *87—92, 94, 95, 98—100, 104, 105, 109, 110, 122, 123* — обломки оплавленных предметов; *93, 108* — заклепки; *96* — пуля; *97* — фрагмент перстня; *101—103, 106, 111, 114, 115* — спиральные пронизки; *75—77, 116* — колечки-пронизки; *118* — фрагмент бубенчика; *119* — накладка; *121* — поделка. *1* — камень; *2, 3, 63, 70—73, 75—77, 87—111, 113—120, 122, 123* — цветной металл; *4—62, 64—69, 74, 78—80, 85, 86, 112* — стекло; *81—84* — рог; *121* — глина


1см

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
1см

ямы оставались частично открытыми в XI в., свидетельствуют находки фрагментов одних и тех же сосудов в яме 1 и в засыпке погребения 19. Ямы были окончательно снивелированы распашкой в позднее средневековье и ранее новое время, когда в заполнение попали кальцинированные кости поверхностных погребений и кости ингумаций, совершенных в неглубоких могилах и нарушенных пахотой.

Таким образом, в кубенозерских могильниках прослеживается несколько разновидностей обряда кремации: помещение кремированных останков компактно на поверхность земли (возможно, в какое-то деревянное сооружение) или в неглубокую ямку; помещение кальцинированных костей в глубокую яму округлой в плане формы; помещение кальцинированных костей на дно или на край крупных ям овальной формы, остававшихся не засыпанными, так что впоследствии кости из других разрушаемых захоронений отлагались в их заполнении; наконец, помещение сожженных останков и погребального инвентаря в рассеянном виде на поверхность площадки. Значительная часть инвентаря, соотносимого с погребениями по обряду кремации, в обоих могильниках находилась в верхнем пахотном слое. Такое положение может объясняться как относительно большой численностью погребений с "рассеянным" размещением останков, так и существованием обычая помещать вещи отдельно от кальцинированных костей.

Характеристика кубенозерских кремаций была бы неполной без анализа состава вещей, найденных в верхнем слое и в заполнении могильных ям, содержавших ингумации. Часть из этих вещей имеет следы пребывания в огне и безусловно связана с погребениями по обряду кремации, другие могут быть отнесены к периоду совершения кремаций исходя из своей хронологической атрибуции. Хронологическая принадлежность части вещей и связь их с кремациями или разрушенными погребениями по обряду ингумации XI—XII вв. остается неопределенной.

В верхнем слое собрано около 140 стеклянных бус (рис. 130). Еще более 200 бус происходит из погребений по обряду кремации. Многие бусы оплавлены, есть спекшиеся и деформированные экземпляры. Вместе с ними обнаружены нетронутые огнем целые бусины. Среди всех значительно преобладают желтые, цветные и полосатые лимоновидные одно- и многочастные бусины, много синих зонных. Остальные типы представлены меньшим числом украшений: это черные глазчатые, золотостеклянные лимоновидные, рубленый бисер и др. Несколькими экземплярами представлены голубые навитые бусины, происходящие, вероятно, из разрушенных ингумаций.

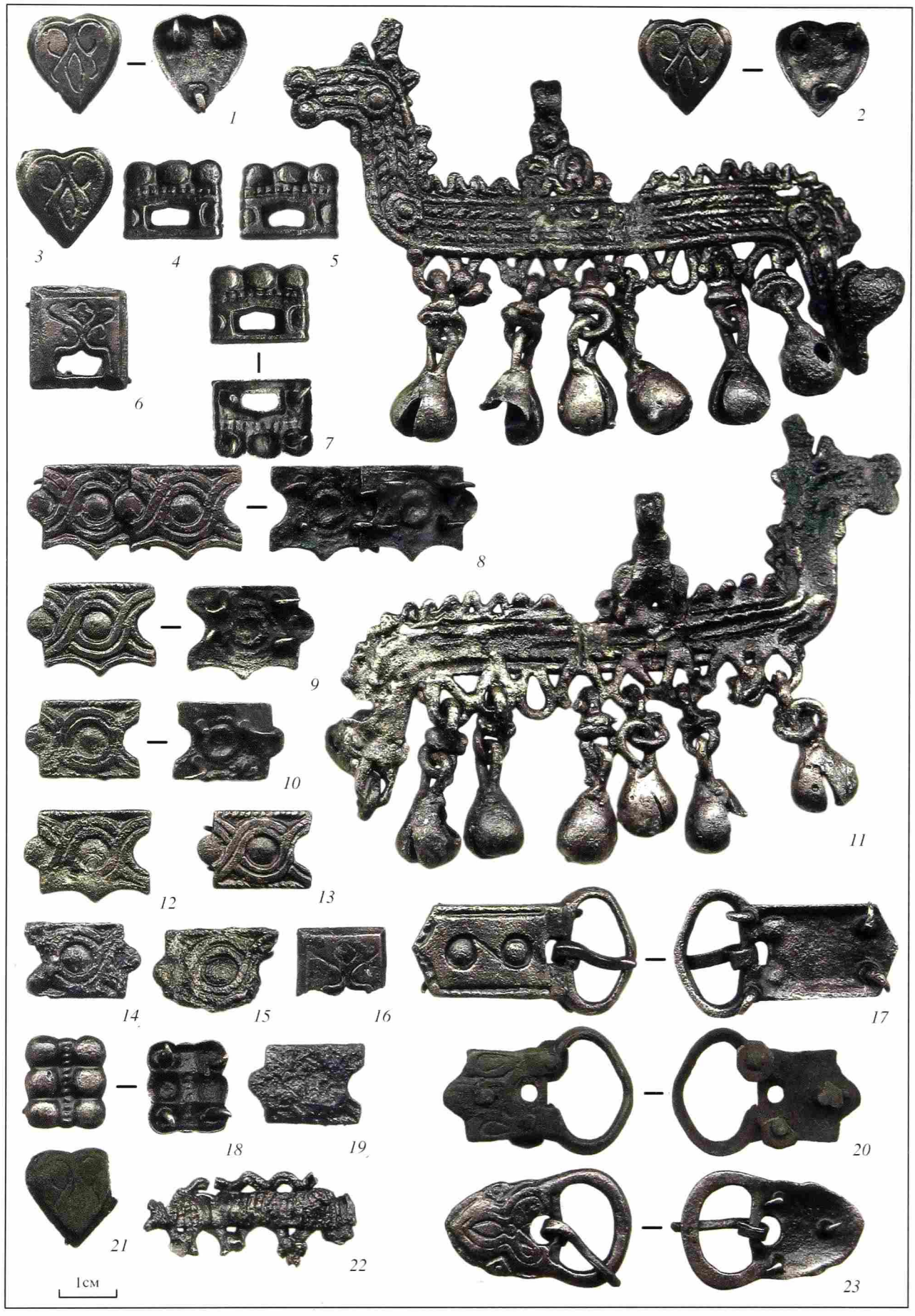
В верхнем слое обнаружено около 25 мелких обломков кальцинированных односторонних расчесок. Некоторые из них сопоставимы с фрагментами расчесок из кремаций и являются частями одних предметов. Всего на исследованном участке могильника собраны обломки не менее девяти кальцинированных расчесок. Металлические украшения представлены оплавленными фрагментами шумящих украшений, изготовленных по моделям, выполненным в технике воскового вязания: коньками, многоспиральными, каркасными и полутрубчатыми подвесками и привесками к ним (бубенчиками, лапками; рис. 131). Здесь же найдены пять флаконовидных бусин, обломки двух дротовых гривен, одно целое и два обломка втульчатых височных колец, семь перстней, четыре из которых относятся к типу широкосрединных с продольными валиками. В слое почвенного гумуса и ямах зафиксированы 74 бронзовые накладки от поясов и кошельков, два наконечника пояса и восемь пряжек. Собранные накладки украшали не менее шести поясов и два кошелька. Многочисленны медные заклепки от небольших сумочек подковообразной формы, согнутые из пластин. Их планиграфический анализ показывает, что количество сумочек из кремаций составляло не менее 3—5 экз. Целая подобная сумочка происходит из самой ранней ингумации, совершенной в конце X — начале XI в. и, вероятно, синхронной погребениям по обряду кремации. К верхнему слою относятся 11 железных ножей, два железных наконечника стрел, большая железная подковообразная фибула с дугой прямоугольного сечения и спиральными концами, четыре фитильные трубки[1].

Реконструкция набора вещей, сопровождавшего мужские и женские погребения по обряду кремации, может быть произведена путем анализа комплектов вещей, которые происходят из закрытых комплексов или могут быть с большой долей вероятности связаны с конкретными погребениями. Пять погребений по обряду кремации (№ 16, 50, 65, 69, 70), с уверенностью определяемых как женские по остеологическим остаткам или по вещам, содержали кальцинированные фрагменты роговых расчесок, одно (скопление 6-98) — фрагмент рогового гребня. Выше уже упоминалось, что обломки расчесок представляют собой одну из распространенных категорий вещей в верхнем слое могильника, часть из них, несомненно, связана с женскими погребениями. Таким образом, эти предметы были почти обязательной и обычно единственной сопровождающей вещью в женских погребениях. Женское погребение во Владышневе не содержало фрагментов расчески, но сопровождалось глиняной льячкой.

Рис. 131. Могильник Минино II. Раскоп 3. Вещевой материал из верхнего гумусированного слоя

1—7 — ножи; *8* — кольцо; *9, 10* — клинья от топоров; *11* — наконечник стрелы; *12, 14* — пластины; *13* — игла; *15, 46* — фрагменты поясных пряжек; *16, 18, 19, 38, 44, 45* — поясные накладки; *17, 21, 35* — подвески-бубенчики; *20, 28, 37* — колоколовидные пронизки; *22, 23, 25—27, 32, 40—42* — привески-бубенчики; *24* — бутылковидная пронизка; *29* — фрагмент проволоки; *30, 31* — скобы ленточные, *33, 48* — фрагменты оплавленных украшений; *36* — фрагмент подвески; *39, 47* — фрагменты шумящих украшений; *43* — бусина. *1—14, 30, 31* — железо; *15—29, 32—42, 44—48* — цветной металл; *43* — стекло

[1] Еще три фитильные трубки происходят из погребений второй половины X — начала XI в.


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
1см

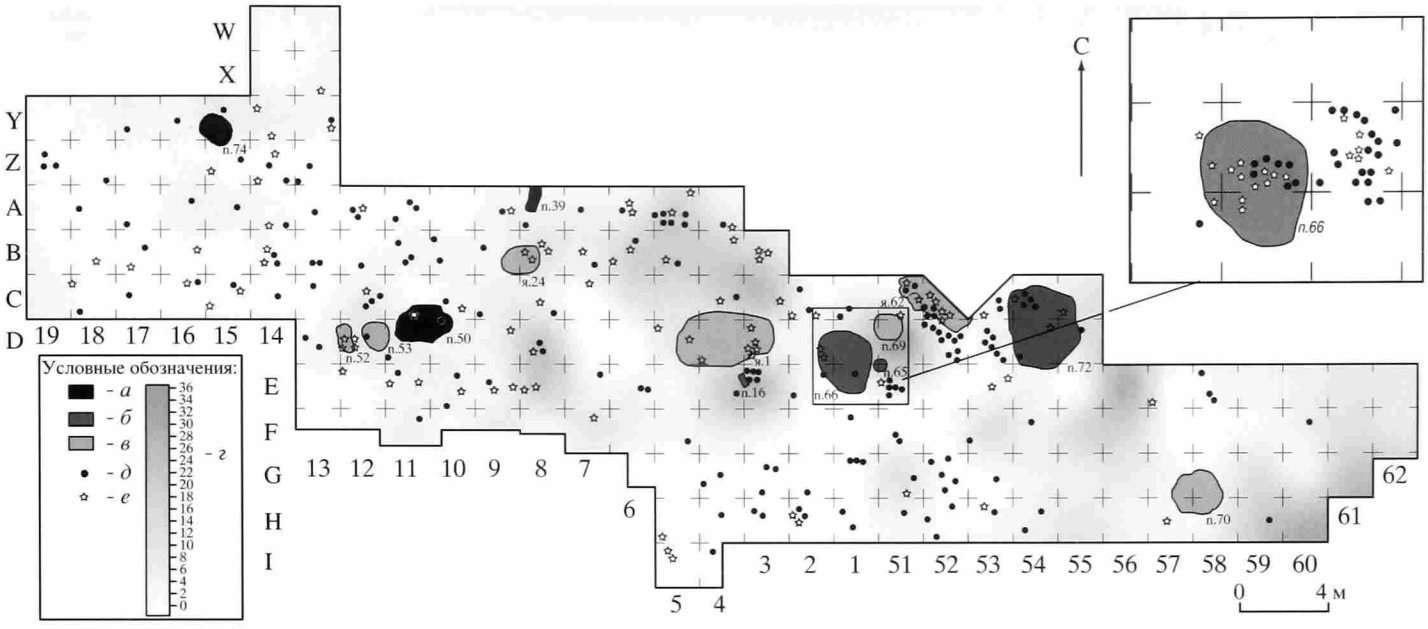


Рис. 133. Могильник Минино II. Раскоп 3. Погребения по обряду кремации и планиграфия вещевого материала, относящегося к кремациям

а — погребения с общим весом костей более 200 г; *б* — погребения с общим весом костей от 100 до 200 г; *в* — погребения с общим весом костей менее 100 г; *г* — фоновой заливкой показано распределение кальцинированных костей в верхнем слое по площади раскопа (г на 4 кв. м); *д* — женский инвентарь; *е* — мужской инвентарь

Предметы, обычно определяемые как части мужских наборов: железные и роговые наконечники стрел, роговые томары, кресала, фитильные трубки, удила, ножи, оковки и обоймицы от сумочки, клин от топора, оселок были найдены в Минино в пяти погребениях, причем два из них наряду с мужским инвентарем содержали и женские украшения и, скорее всего, должны быть атрибутированы как парные. Находки в некоторых из этих комплексов расчесок, а в погребении 50 — двух расчесок, позволяют считать, что последние могли сопровождать как женщин, так и мужчин. С одним погребением (№ 66) связывается комплект поясных накладок и пряжка.

Похож на мининский и набор вещей из верхнего слоя могильника Владышнево, включавший поясную гарнитуру (1 комплект) (рис. 117), металлические детали сумочки, две металлические обоймицы от кожаных ножен большого боевого ножа, железный томар, наконечник стрелы и фитильную трубку (рис. 118, *11, 12, 7, 8, 5, 3, 2*). К этому же набору могли относиться железная цепочка и ключ (рис. 118, *13, 1*), находившиеся в одной из ям. Выше уже отмечалось, что скорее всего эти вещи происходят из одного мужского погребения. Примечательно, что среди "мужских вещей", найденных на площадке обоих могильников, нет топоров, обычных для средневековых северных некрополей, хотя в Минино и присутствуют три клина от них.

Предметы "мужского набора" могут дать определенные ориентиры для оценки количества мужчин, кремированные кости которых были помещены на площадку (рис. 132; 133). Фитильные трубки дважды найдены в погребениях и четыре раза в верхнем слое могильника, пластинчатые оковки сумочек трижды в погребениях и четыре раза в верхнем слое, кресала — дважды в погребениях и три раза в верхнем слое, наконечники стрел — трижды в погребениях и дважды в верхнем слое, томары — дважды в погребениях и два раза в верхнем слое. В составе поясной гарнитуры, собранной в верхнем слое, шесть ременных пряжек. Таким образом, на исследованном участке могильника представлены вещи, составлявшие не менее шести комплектов мужского снаряжения.

С кремациями в Мининском могильнике связаны развалы керамических сосудов, расчищенные в верхнем слое рядом с погребениями (№ 39, 52, 69, 74), в заполнении ям, остававшихся не засыпанными (яма № 1-2000, погребения № 70, 72) или, реже, в ямах вместе с кальцинированными костями (скопление 6-1998). Наиболее выразителен комплекс из трех сосудов, находившихся в небольшой ямке вблизи уровня древней дневной поверхности, обозначенный как погребение 52. Выше уже отмечено, что этот объект должен быть интерпретирован скорее как комплекс сосудов, сопровождающих погребение 53 или 50. Присутствие в ямах чашеобразной формы, содержавших остатки кремации, развалов двух или трех сосудов отмечено еще в

Рис. 132. Могильник Минино II. Раскоп 3. Вещевой материал из верхнего гумусированного слоя

1–10, 12–16, 18, 19, 21 — поясные накладки; *11* — зооморфная подвеска; *17, 20, 23* — поясные пряжки; *22* — фрагмент шумящего украшения. *1–23* — цветной металл

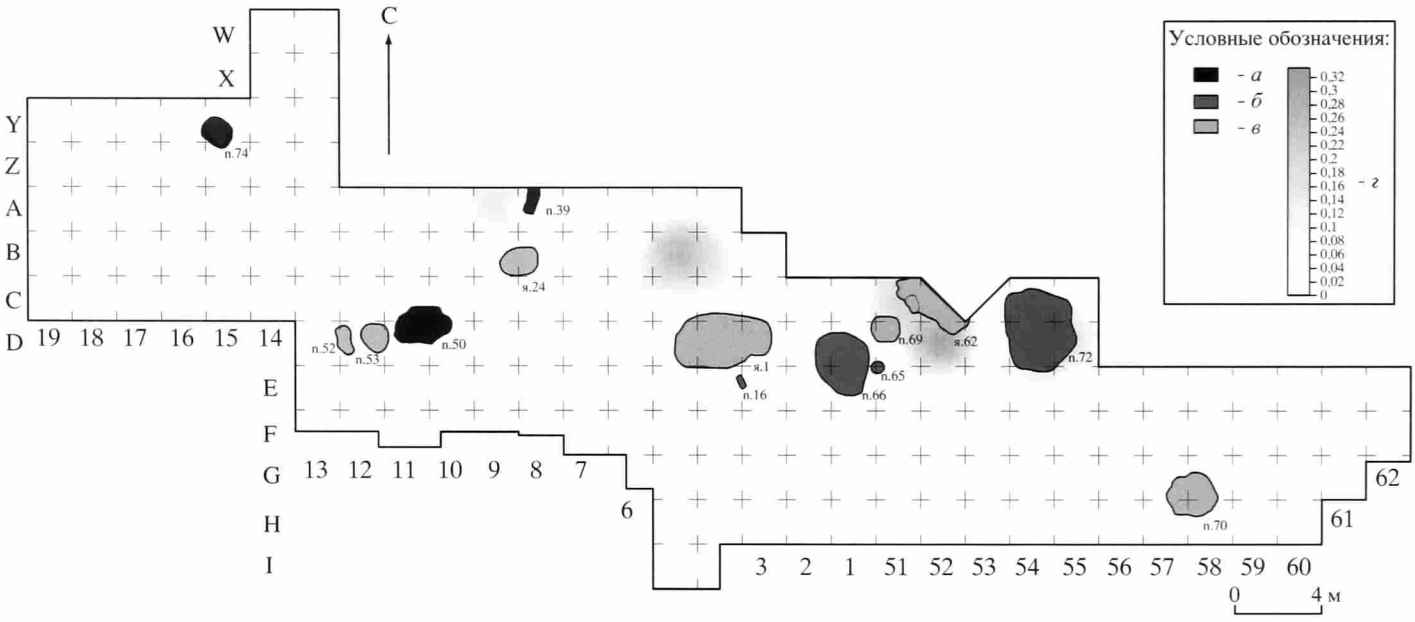


Рис. 134. Могильник Минино II. Погребения по обряду кремации в раскопе 3

а — погребения с общим весом костей более 200 г; *б* — погребения с общим весом костей от 100 до 200 г; *в* — погребения с общим весом костей менее 100 г; *г* — фоновой заливкой показано распределение фрагментов лепной керамики в верхнем слое по площади раскопа (г на 4 кв. м)

трех случаях. В восьми погребениях в Минино собраны отдельные фрагменты лепной керамики в скоплениях кальцинированных костей. Обломки лепных сосудов обнаружены в верхнем слое по всей площадке могильника (рис. 134). В могильнике Владышнево II обломки двух лепных сосудов найдены в пахотном слое в северо-восточной части раскопа, главным образом на участке между материковыми ямами и частично в их заполнении (рис. 119, *19, 20,* А, Б).

В могильнике Минино II в 12 погребениях по обряду кремации в скоплениях костей вместе с останками человека встречены пережженные кости животных. Масса определимых костей животных колебалась от 5 до 430 г, при этом в двух случаях (погребения № 66, 72) она заметно превышала массу костей человека. Видовая принадлежность животных установлена лишь в погребениях № 72 — собранные здесь кости принадлежат собакам, и в скоплении 6, из которого происходят кости бобра. В пяти погребениях по обряду кремации найдены нежженые кости животных, в одном — кости рыбы. Определимы костные остатки из двух погребений (скопления № 6-98 и № 2-98), принадлежащие в одном случае собаке и белке, в другом — зайцу, бобру и лосю. Кальцинированные кости животных находились также в пахотном слое в могильнике Владышнево II вместе с кальцинированными костями человека и вещевым инвентарем. В единственном погребении этого могильника, помещенном в материковую яму, вместе с останками человека обнаружены нежженые кости рыбы.

Отметим общие черты обряда кремации, характеризующие оба исследованных раскопками погребальных памятника. Для могильников характерно сочетание кремаций, остатки которых помещались на поверхности земли или в неглубоких ямах, с кремациями, остатки которых ссыпались в более глубокие сужающиеся ко дну ямы округлой или овальной в плане формы. Общими чертами является также присутствие в составе инвентаря как пережженных, так и нетронутых огнем вещей, наличие в сопровождающем инвентаре мужских погребений таких категорий вещей, как поясные накладки, обоймицы от кошельков, железные томары, а в женском — бус и шумящих украшений, изготовленных в наборной технике.

Пространственная организация погребений

Для могильника Минино характерно размещение погребений на площадке с большими межмогильными пространствами. На каждое погребение по обряду ингумации здесь приходится 13,5 кв. м вскрытой площади, на каждое погребение по обряду кремации — 35—40 кв. м (рис. 135). Подобное свободное размещение погребений в целом обычно для грунтовых могильников Севера: в могильнике Нефедьево на каждое погребение приходилось 22 кв. м вскрытой площади (*Макаров*, 1997. С. 106).

Специфика обряда кремации, практиковавшегося на Кубенском озере, и многочисленные нарушения верхнего слоя могильника снижают возможности для анализа планиграфии кремаций. Тем не менее, достоверно установлено, что площадка, на которой помещались остатки кремаций, изначально

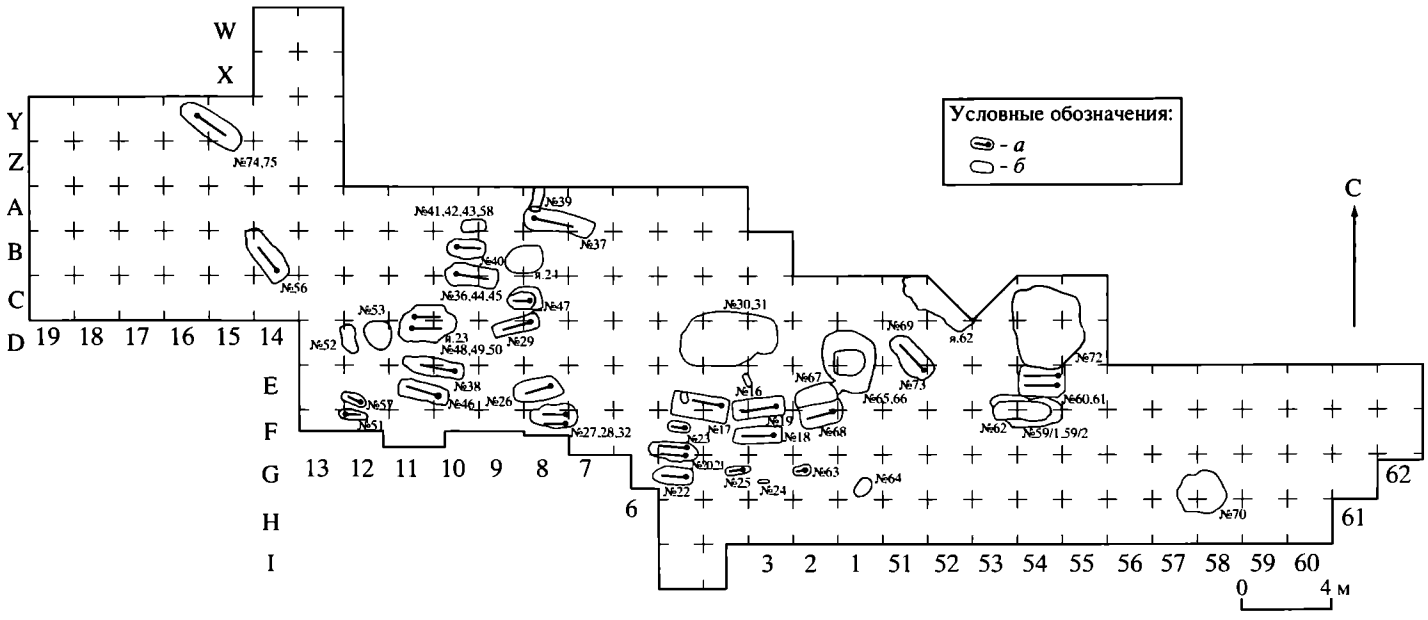


Рис. 135. Могильник Минино II. Раскоп 3. Планиграфия погребений

а — ингумации; *б* — кремации с помещением остатков сожжения в ямы

имела значительные размеры, простираясь с запада на восток не менее чем на 40 м. Первоначально ямы с кремациями помещали в наиболее возвышенной части площадки на значительном расстоянии друг от друга, вдоль оси дюны. Несколько позднее для размещения кремаций стали использовать юго-западный край той же возвышенности, обращенный к реке, здесь кремации располагались более плотно, о чем свидетельствует более высокая концентрация кальцинированных костей.

Ингумации в раскопе 3 образуют компактные группы с плотным размещением могил, разделенные значительными (4—5 м) участками, не занятыми погребениями. Всего выделяется три таких группы (западная: погребения № 26—29, 32, 35—38, 40—49, 51, 54, 57; центральная: погребения № 17—25, 63, 67, 68; восточная: погребения № 59—62) с подобием рядового расположения могил в каждой из них. Расстояния между погребениями в одном ряду составляли от 20 до 80 см. Вероятно, некоторые погребения (№ 56, 73, 75, возможно, 64) не были включены в систему этих групп и занимали обособленное положение на площадке. Погребения западной локальной группой датируются в рамках XII — начала XIII в., при этом узкодатированные комплексы первой половины XII в. здесь не выявлены. Центральная группа включает погребения второй четверти XI — первой половины XII в. и несколько погребений с широкими датами, которые скорее всего относятся к этому же интервалу. Погребения восточной группы сильно разрушены распашкой, здесь, как и в центральной группе, представлены могилы середины XI в. Часть разрушенных погребений, относилась, вероятно к XII в. Таким образом, различные локальные группы, во всяком случае, центральная и западная, не вполне синхронны. Локальные группы погребений с рядовым расположением могил просматриваются как будто бы и в раскопах 1 и 2, однако вскрытые здесь площади слишком малы для каких-либо определенных заключений.

Структура могильника в виде отдельных локальных групп погребений может отражать, с одной стороны, семейно-родственное членение общины, с другой стороны, разновременность использования различных участков могильника. Стоит отметить, что все три группы ингумаций в раскопе 3 формируются на тех участках площадки, где ранее размещались остатки кремаций, часть которых была нарушена при рытье могильных ям. Вероятно, в центральной и восточной группах, в которых хронологический разрыв между кремациями и ингумациями невелик, топографическая преемственность отражает генетическую связь между первыми и последними.

Могильные ямы, внутримогильные конструкции

Контуры большинства могильных ям, содержавших погребения по обряду ингумации, были выявлены в Мининском могильнике на глубине 25—35 см от современной поверхности после снятия гумусированного слоя, при зачистке материка. Ямы выделялись на фоне подзолистого горизонта и желтого материкового песка более темным слабогумусированным заполнением. Из-за многочисленных нарушений площадки и длительной распашки ее поверхности определить контуры ряда могильных ям и их примерную глубину от уровня древней дневной поверхности не представлялось возможным.

Ненарушенные могильные ямы в плане имели форму овала (23 погребения; № 3, 7, 8, 20—22, 25—29, 36, 37, 40, 48, 49, 51, 53, 57, 63, 68, 73, 75; рис. 136, 137) или прямоугольника со скругленными углами (9 погребений; № 1, 4, 9, 10, 15, 17—19,

Рис. 136. Могильник Минино II. Погребение 75

Рис. 137. Могильник Минино II. Погребение 7

23). Среди последних выделяется группа ям правильной прямоугольной формы, углы которых лишь немного скруглены (№ 17—19; рис. 138). Обычай совершать погребения в ямах прямоугольной формы получил распространение в XI — первой половине XII в. Во второй половине XII в. погребения производились преимущественно в ямах овальной формы.

Необычный характер имела засыпка одной из могильных ям — погребения 9, состоявшая в значительной части из металлических и стекловидных шлаков, перемешанных с камнями (рис. 139). Шлаки общим весом около 14 кг располагались вдоль длинной оси могильной ямы на участке 106 × 45 см, покрывая верхнюю часть костяка (рис. 140). Трудно предположить случайное происхождение этой засыпки, возможно, помещение шлаков в могильную яму представляло собой один из способов ритуального обезвреживания покойника. В засыпке ямы погребения 15, непосредственно на костяке расчищено скопление крупных очищенных углей, располагающееся на участке размерами 100 × 55 см. Максимальная концентрация углей отмечалась в области таза и берцовых костей.

О глубине могильных ям можно судить по глубине залегания 44 ненарушенных погребений. Она составляет от 17 до 86 см от современной дневной поверхности, преимущественно в интервале от 45 до 70 см. Могильные ямы врезаны в материковый песок на глубину от 2 до 68 см, основная масса — на 25—40 см (рис. 141). В наиболее глубокие ямы были помещены некоторые погребения второй половины

Рис. 138. Могильник Минино II. Погребение 18

Рис. 139. Могильник Минино II. Погребение 9. Металлический и стекловидный шлак в засыпке могильной ямы

XII — начала XIII в., в том числе парные (№ 7, 27, 28, 48, 49, 56).

Точная длина и ширина определена для 25 могильных ям, содержавших погребения взрослых, и семи ям, содержавших погребения детей. Длина могил взрослых варьируется от 166 до 287 см, у большинства могил она определяется в интервале между 200 и 240 см (рис. 142), ширина могил варьируется от 55 до 110 см. В большинстве случаев она находится в интервале от 70 до 105 см (рис. 143, 144).

Детские погребения располагались в могильных ямах длиной от 86 до 209 см. Обычно они помещались в могилы меньшей длины, сообразно длине тела погребенного, однако два погребения детей 7—10 лет были помещены в большие могильные ямы длиной 190—210 см (№ 68, 29).

Проведение статистического анализа взаимозависимости ширины, длины и глубины могильных ям (рис. 145) показало, что самые короткие и узкие ямы имеют несколько большую глубину (кластер № 1).

Следы дерева с волокнами, ориентированными по оси могильной ямы, зафиксированные при расчистке девяти погребений (№ 3, 9, 17, 18, 36, 38, 40, 48, 49), указывают на то, что по крайней мере часть погребенных была помещена в могилы в деревянных сооружениях. Характер остатков не позволяет судить ни об их форме, ни об их конструкции. Не исключено, что эти сооружения представляли собой дощатые гробы. Однако свободное размещение костяков на дне некоторых могильных ям, в том числе в могилах, сохра-

Рис. 140. Могильник Минино II. Погребения 9 и 10. Металлический и стекловидный шлак в засыпке могильной ямы погребения 9

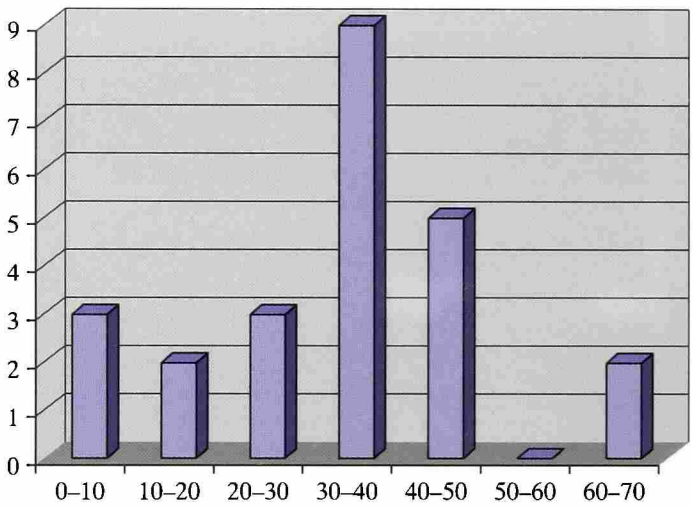


Рис. 141. Могильник Минино II. Глубина могильных ям с ингумациями (в см от уровня поверхности материка)

нивших остатки дерева (№ 9, 17, 18, 36, 40) — с раздвинутыми и иногда чуть согнутыми руками, склоняет к мысли, что погребальные сооружения были достаточно просторными. Железные гвозди встречены лишь в четырех могилах (№ 27, 29, 36, 48), по 1 — 2 экз., из чего можно заключить, что дерево скреплялось в основном без их использования. Возможно, умерших помещали в ямы, в нижней части обложенные деревом и перекрытые деревянными настилами. Подобным образом Н.В. Хвощинская реконструировала погребальные сооружения под курганами XI в. в могильнике Залахтовье на западном берегу Чудского озера (*Хвощинская*, 2004. С. 48 — 49, 152). Однако тлен от сгнивших перекрытий, выявленный в могилах в Залахтовье, в Мининском могильнике не прослежен.

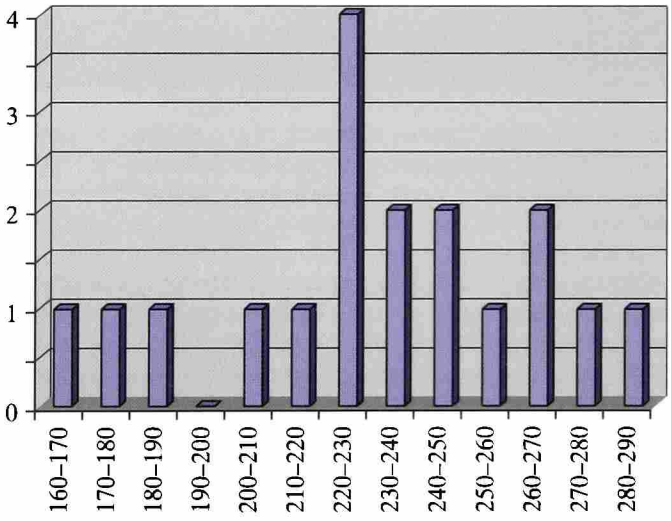


Рис. 142. Могильник Минино II. Длина могильных ям с ингумациями взрослых индивидов (в см)

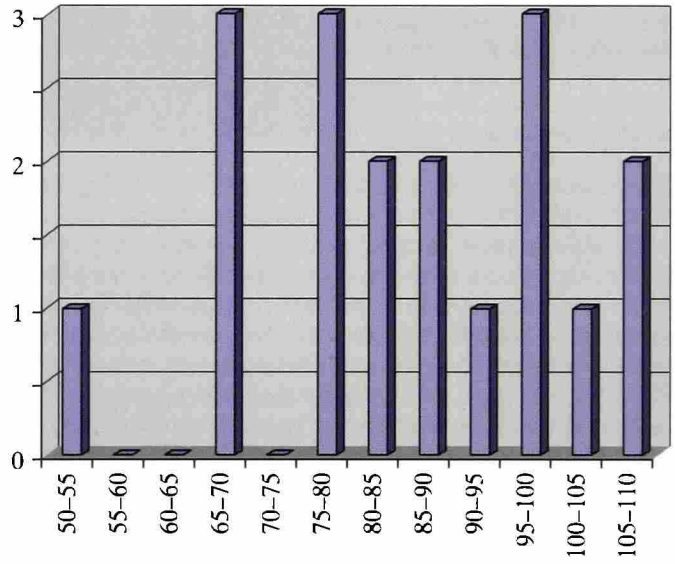


Рис. 143. Могильник Минино II. Ширина могильных ям с ингумациями взрослых индивидов (в см)

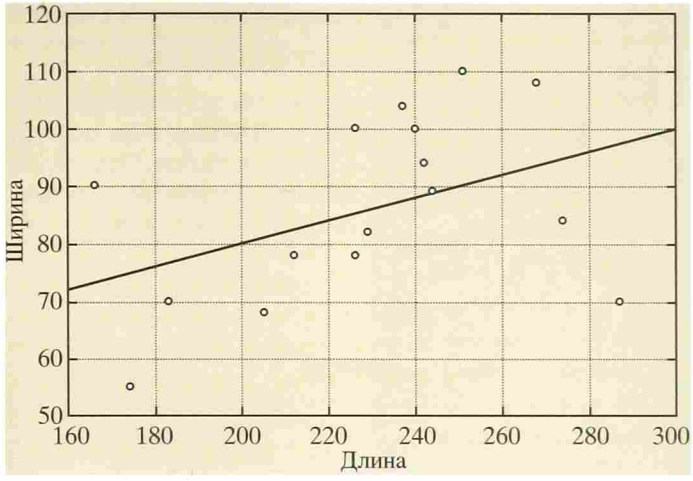


Рис. 144. Могильник Минино II. Длина и ширина могильных ям с ингумациями взрослых индивидов (в см)

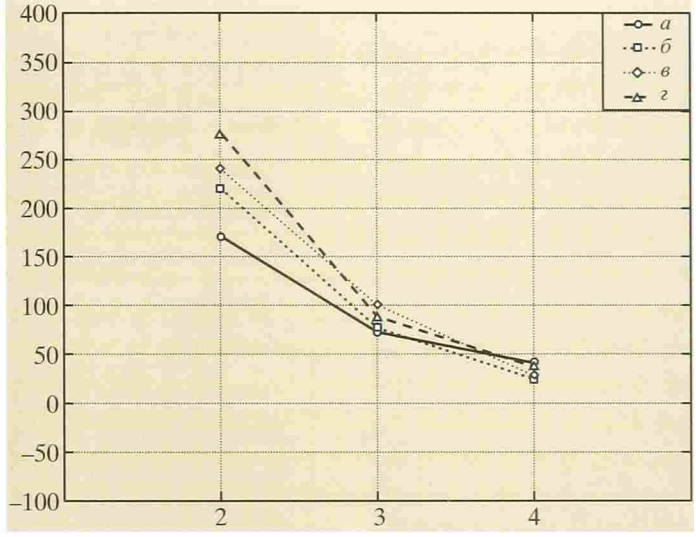


Рис. 145. Могильник Минино II. Взаимосвязь длины, ширины и глубины могильных ям с ингумациями взрослых индивидов

а — кластер 1; *б* — кластер 2; *в* — кластер 3; *г* — кластер 4. 2 — длина; 3 — ширина; 4 — глубина

В погребении № 36 под топором выявлены остатки грубой ткани, находившейся на дне погребального сооружения, а в погребении № 3 — остатки ткани редкого плетения (рядины), лежащие поверх бронзовых украшений.

Ориентировка

В Мининском могильнике определена ориентировка 43 погребений по обряду ингумации (рис. 146). 34 погребенных имеют восточную, северо-восточную или юго-восточную ориентировку, направление их колеблется в пределах 45—126° (при условии нулевой точки на севере). Распределение ориентировок внутри этого сектора показывает, что направление на восток выдерживалось достаточно строго, у 26 погребений отклонение составляло не более 15°, лишь у четырех отклонение превышало 30°. Семь погребений ориентированы строго на запад или на запад с небольшим (до 10°) отклонением на юг. Два погребения ориентированы на северо-запад.

Древнейшие погребения, ориентированные головой на восток, были произведены в Мининском могильнике не позднее начала XI в., позднейшие датируются второй половиной XII — началом XIII в. Погребения, ориентированные на восток, выявлены на всей площадке могильника. Все погребения с западной ориентировкой, сопровождавшиеся датирующим инвентарем (№ 36, 40, 48, 49), должны быть отнесены ко времени не ранее середины XII в. Пять погребений (№ 7, 8, 14, 58, 74) не содержали ни украшений, ни бытового инвентаря. Погребения с западной ориентировкой локализуются в южной части могильника (в раскопе 2), а также в северной — в восточной части раскопа 3, где они образуют компактную планиграфическую группу. Очевидно, что эти погребения составляют в могильнике поздний хронологический пласт.

Погребения с восточной ориентировкой широко представлены в грунтовых могильниках Белоозера и Шекснинского региона (*Макаров*, 1990; *Макаров*, 1997. С. 111—112, *Макаров, Захаров, Бужилова*, 2001). В наиболее крупном из исследованных здесь грунтовых могильников — Нефедьеве — она была преобладающей. По материалам раскопок грунтовых могильников Белозерья и Каргополья, проведенных в первой половине 1980-х годов, было сделано предположение, что западная ориентировка постепенно вытеснила здесь иную систему, в которой направление могилы могли определять не стороны горизонта, а какие-то местные ориентиры (*Макаров*, 1990). Дальнейшее накопление материала подтвердило, что западное направление устанавливается в качестве нормативного во многих могильниках достаточно поздно. Ситуация в Минино, где распространение западной ориентировки погребений в качестве

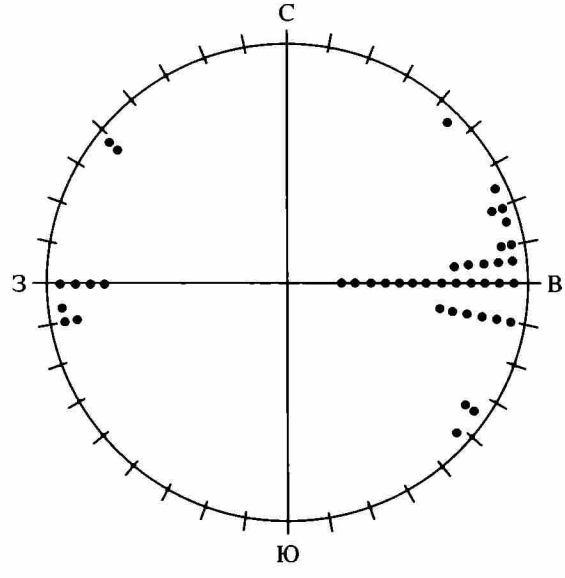


Рис. 146. Могильник Минино II. Распределение ингумаций по ориентировке

нормативной произошло во второй половине — конце XII в., в точности повторяет ситуацию на Волоке Славенском, зафиксированную в могильниках Нефедьево и Шуйгино. Однако значительное пополнение серии погребений с восточной ориентировкой на Белоозере и в смежном с ним Кубенозерском регионе не позволяет определенно утверждать, что более ранняя система была связана с местными ориентирами.

Пол, возраст и положение погребенных

В ходе исследований площадки могильника Минино II было обнаружено 63 погребения по обряду ингумации. Из них 40 погребений были одиночными, пять парными, три тройными и одно четверным. Распределение погребенных по полу и возрасту приведено в таблице 19.

Таблица 19

Могильник Минино II. Распределение ингумаций по полу и возрасту

№ погребения	Пол	Возраст (лет)	Расположение	№ погребения	Пол	Возраст (лет)	Расположение
1	Женщина	Старше 50	Парное с № 4	35	Ребенок	8 – 10	?
3	Женщина	25 – 35	Одиночное	36	Мужчина	40 – 49	Тройное с № 44, 45
4	Женщина	35 – 45	Парное с № 1	37	Женщина	Старше 50	Одиночное
5	Ребенок	5 – 6	?	38	Мужчина	Старше 50	Одиночное
6	Женщина	35 – 45	?	40	Женщина	40 – 45	Одиночное
7	Мужчина	Старше 50	Одиночное	41	Ребенок	2 – 3	Четверное с № 42, 43, 58
8	Мужчина (?)	16 – 18	Одиночное	42	Ребенок	6 – 7	Четверное с № 41, 43, 58
9	Мужчина	35 – 45	Парное с № 10	43	Ребенок	8	Четверное с № 41, 42, 58
10	Женщина	Старше 50	Парное с № 9	44	Ребенок	8 – 9	Тройное с № 45, 36
11	Ребенок	Младше 0,5	?	45	Ребенок	8	Тройное с № 44, 36
12	Ребенок	0,5 – 1,5	?	46	Женщина (?)	15 – 18	Одиночное
13	Ребенок	3 – 4	Одиночное	47	Ребенок	4 – 5	Одиночное
14	Ребенок	0,5	Одиночное	48	Женщина	45 – 55	Парное с № 49
15	Мужчина	45 – 55	Одиночное	49	Мужчина	Старше 45	Парное с № 48
17	Женщина	Старше 50	Одиночное	51	Ребенок	3 – 4	Одиночное
18	Женщина	40 – 49	Одиночное	53	Ребенок	?	?
19	Женщина	40 – 49	Одиночное	54	Женщина	Старше 50	?
20	Мужчина	40 – 49	Парное с № 21	55	Женщина	40 – 49	?
21	Женщина	30 – 39	Парное с № 20	56	Женщина	Старше 50	Одиночное
22	Ребенок	0,5 – 1	Одиночное	57	Ребенок	1,5 – 2	Одиночное
23	Ребенок	1	Одиночное	58	Мужчина	20 – 29	Четверное с № 41 – 43
24	Ребенок	Младше 0,5	Одиночное	59/I	Женщина	45 – 49	Тройное с № 59/II, 62
25	Ребенок	1,5 – 2	Одиночное	59/II	Ребенок	3 – 4	Тройное с № 59/I, 62
26	Женщина	25 – 35	Одиночное	60	Мужчина	25 – 35	Парное
27	Женщина	45 – 49	Тройное с № 28, 32	61	Неопределим	Старше 45	Парное
28	Мужчина	40 – 49	Тройное с № 27, 32	62	Мужчина	40 – 49	Тройное с № 59/I, 59/II
29	Ребенок	7	Одиночное	63	Ребенок	1 – 1,5	Одиночное
30	Ребенок	Младше 0,5	Одиночное	64	Подросток	15 – 18	?
31	Ребенок	Младше 0,5	Одиночное	68	Ребенок	9 – 10	Одиночное
32	Ребенок	2 – 3	Тройное с № 27, 28	73	Мужчина	40 – 44	Одиночное
33	Мужчина	35 – 39	?	75	Мужчина	40 – 49	Одиночное
34	Женщина	20 – 29	?				

Рис. 147. Могильник Минино II. Погребение 56

Рис. 148. Могильник Минино II. Погребение 38

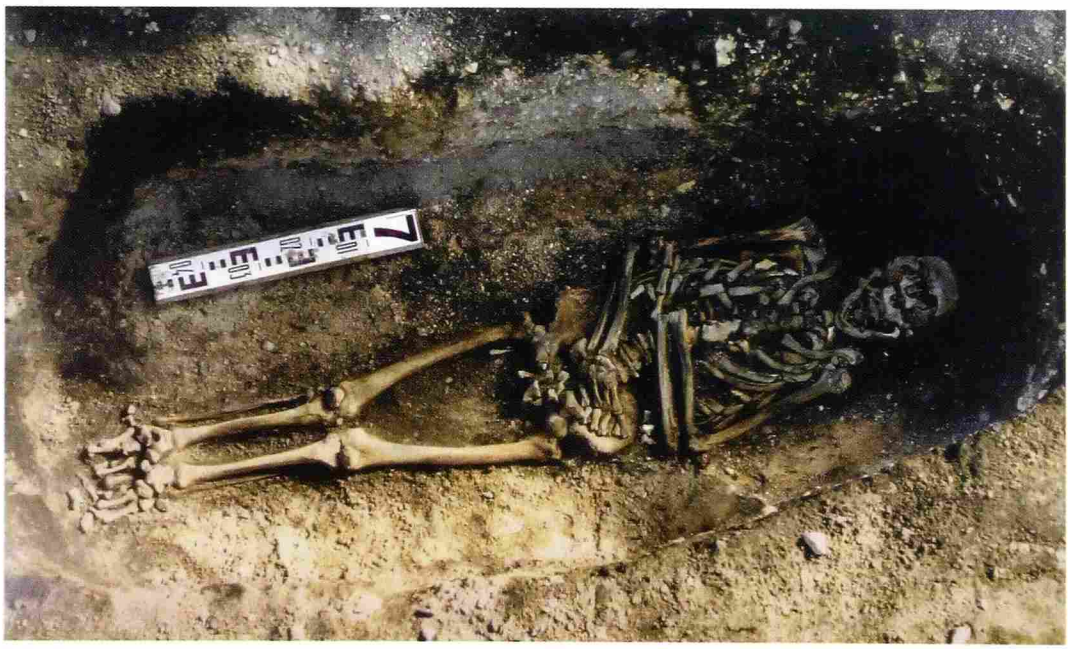


Рис. 149. Могильник Минино II. Погребение 7. Безынвентарное погребение с западной ориентировкой с руками, сложенными на животе

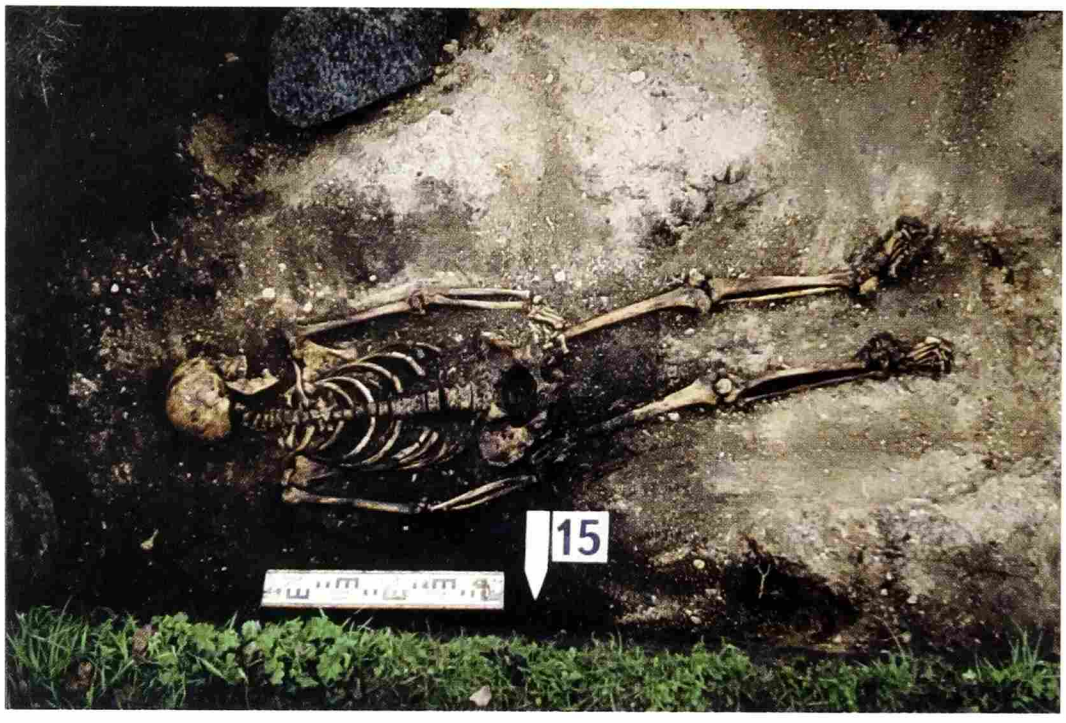


Рис. 150. Могильник Минино II. Погребение 15

Рис. 151. Могильник Минино II. Погребение 19

Точное положение костяков в могильнике Минино II зафиксировано в 40 погребениях (№ 1, 3, 4, 7 – 10, 14, 15, 17 – 29, 36, 38, 40 – 44, 47 – 49, 51, 56 – 58, 60, 63, 68, 75), еще в шести погребениях (№ 31, 37, 46, 61, 64, 73), сохранность костей позволяет проследить его частично.

Как и в большинстве средневековых могильников с ингумациями, в Мининском могильнике умершие обычно погребались на спине в вытянутом положении (рис. 147). Такое положение зафиксировано в 30 ненарушенных могилах и, по меньшей мере, в четырех нарушенных комплексах. Черепа погребенных лежали прямо, лобными костями вверх или покоились на боку, на височных костях (рис. 148). Руки погребенных чаще всего лежали вдоль тела (18 случаев) или были чуть согнуты (6 случаев), кисти рук располагались на тазовых костях или рядом с ними. В трех погребениях прослежено положение с одной вытянутой и одной согнутой рукой, в одном (№ 18) — положение, при котором одна рука была вытянута, а другая согнута и положена за голову. Наконец, в четырех погребениях (№ 7, 8, 48, 63) обе руки были согнуты в локтях и положены на грудь или на живот (рис. 149). Погребения с вытянутыми или чуть согнутыми руками доминируют в Мининском могильнике как в ранний, так и в поздний период, однако все погребения с согнутыми руками, положенными на живот или на грудь, относятся к

Рис. 152. Могильник Минино II. Погребение 29

Рис. 153. Могильник Минино II. Погребение 47

позднему периоду существования могильника — второй половине XII — началу XIII в. Ноги погребенных, за единичными исключениями, были вытянуты, стопы лежали вместе. Необычное положение ног в подогнутом состоянии в погребении 18 — следствие травмы.

Одиннадцать погребений из числа произведенных на спине в вытянутом положении отличаются от остальных более свободным размещением костяка на дне могильной ямы — раздвинутыми и иногда чуть согнутыми в локтях руками и положением ног, при котором стопы разведены в разные стороны (№ 4, 9, 15, 17—19, 36, 40, 56, 57, 68). Подобное положение характеризует наиболее ранние ингумации, относящиеся к первой половине — середине XI в. (№ 15, 17—19; рис. 150, 151). Однако этот вариант положения костяков зафиксирован и в поздних могилах, относящихся ко второй половине XII — началу XIII в. (№ 36, 40, 56, 57). Очевидно, подобное положение костяка было связано с помещением умершего в просторное погребальное сооружение, отличное от дощатого гроба.

Отметим некоторые необычные варианты положения костяков. Это, прежде всего, положение на боку (№ 14, 48, 49), с наклоном части туловища на бок (№ 27, 28, 29; рис. 152) или на спине с подогнутыми ногами (№ 47; рис. 153), зафиксированное в детских погребениях и в парных погребениях мужчин и жен-

Рис. 154. Могильник Минино II. Погребения 41, 42, 43 и 58

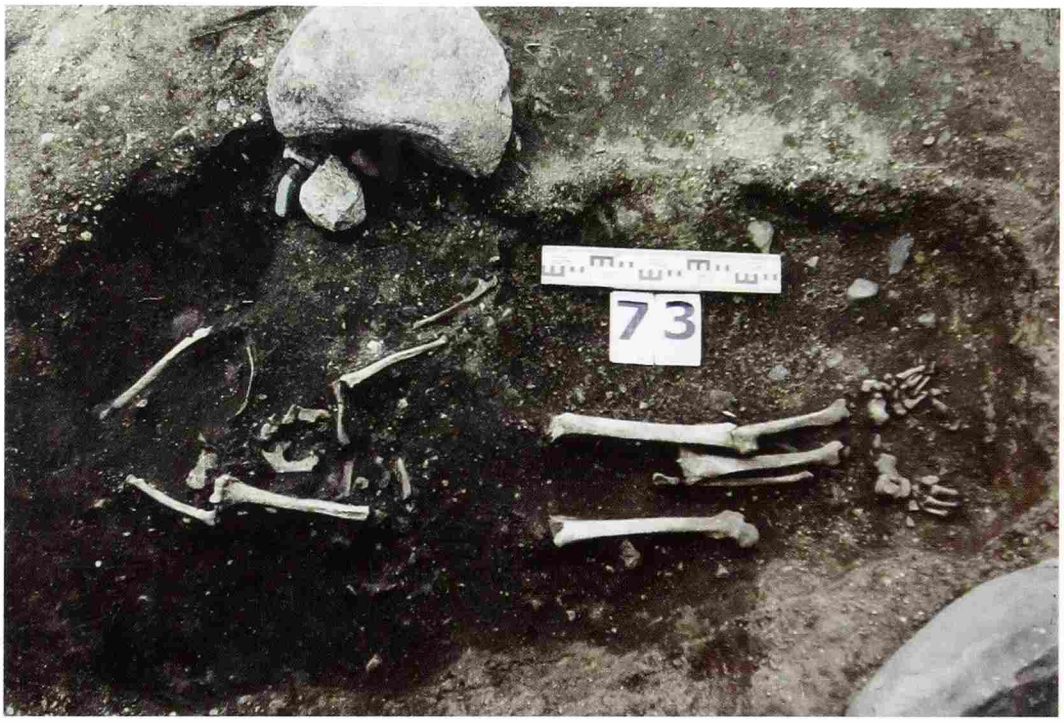


Рис. 155. Могильник Минино II. Погребение 73

щин (см. ниже). Наклон костяков на бок во всех случаях, кроме погребений 48 и 49, был небольшим, так что отклонение от нормативного вытянутого положения на спине было не слишком заметным. Погребение детей на боку с подогнутыми ногами спорадически встречается в древнерусских могильниках.

Необычный характер имела небольшая яма размерами 100 × 50 см, содержавшая полные скелетные остатки четырех индивидов: одного взрослого и трех детей, залегающие в виде плотного скопления в несколько ярусов (погребения № 41 – 43, 58; рис. 154). Кости скелетов частично сохранили анатомическое положение, но, в основном, они лежали без анатомического порядка. В центре ямы в нижнем ярусе костей был расчищен череп и верхняя часть костяка мужчины, лежавшая на спине, и, в основном, сохраняющая анатомический порядок. Рядом с одним из детских черепов находилось перстнеобразное височное кольцо. Судя по плотному залеганию костей, останки были завернуты в какой-то органический материал и тесно спеленаты. Существенно, что могильная яма, в которую были помещены скелетные остатки, была точно вписана в структуру рядов погребений. Очевидно, комплекс должен быть интерпретирован как захоронение или перезахоронение индивидов, встретивших смерть вдали от дома в каких-то чрезвычайных обстоятельствах и перенесенных впоследствии на общее кладбище.

Еще один необычный комплекс — могильная яма с погребениями 36, 44 и 45, в верхней части заполнения которой расчищены погребения двух детей в возрасте восьми лет (№ 44, 45; рис. 111), кости которых частично перемешаны, а частично сохраняют анатомический порядок, а в нижней — мужское погребение с западной ориентировкой, в обычном положении и с ненарушенным порядком костей. Очевидно, детские погребения были помещены в качестве дополнительных в могилу или в погребальное сооружение, верхняя часть которого оставалась не засыпанной землей. Оба детских погребения были нарушены до того, как полностью истлели мягкие ткани. В погребении 44 частично сохранили анатомическое положение кости грудной клетки, лопатка, плечевая и локтевая кости правой руки, а также кости таза. Судя по их положению, ребенок лежал лицом вниз с небольшим наклоном на правый бок, с вытянутой левой и чуть согнутой правой рукой. У погребения 45, частично перекрывавшего погребение 44, в анатомическом положении находились кости ног, согнутых в коленях и обращенных коленями в разные стороны. Необычное положение обоих погребенных объясняется, вероятно, тем, что останки были смещены и перевернуты. Причины и обстоятельства нарушения погребений остаются неясными, его преднамеренный характер маловероятен.

Отметим, наконец, присутствие на площадке четырех могильных ям, содержавших перемешанные кости, лишенные анатомического положения, но оставленные в могилах (погребения № 37, 46, 59/I, 59/II, 62, 73; рис. 112). В одной из этих могил частично сохраняли анатомическое положение кости стоп (№ 73) (рис. 155), в другой, содержавшей перемешанные и разбитые кости трех индивидов (59/I, 59/II, 62) — in situ находился развал сосуда. В трех могилах перемешанные кости частично сохраняли свой первоначальный порядок, так что черепные кости и длинные кости ног были помещены в противоположные концы ямы. Время и причины нарушений остаются не установленными. Нельзя полностью исключить, что могилы преднамеренно перекапывались в Средневековье, однако следы интенсивной распашки, поздних построек и разнообразной хозяйственной деятельности на площадке могильника делают более правдоподобным заключение о случайных нарушениях.

Сопровождающие вещи и украшения

31 погребение по обряду ингумации в Мининском могильнике содержало сопровождающие вещи — бытовой инвентарь и орудия труда. Среди ненарушенных ингумаций доля погребений с сопровождающим инвентарем составляет 57% (23 из 40). Отсутствие сопровождающего инвентаря в большей мере характерно для погребений детей в возрасте до трех лет, среди погребений взрослых таких комплексов лишь три (№ 1, 7, 58). В 35 погребениях найдены металлические украшения и детали костюма, которые были надеты на умерших, а в отдельных случаях положены в могилу в качестве дара. Среди непотревоженных комплексов погребений с украшениями и деталями костюма 28, т.е. 70%. Как и в первом случае, украшения отсутствуют большей частью в погребениях детей до трех лет (7 комплексов).

Из числа бытовых вещей в погребениях по обряду ингумации наиболее многочисленны железные ножи, найденные в 25 захоронениях, принадлежавших мужчинам, женщинам и детям (№ 3, 4, 9, 10, 15, 17—20, 22, 26—30, 36, 38, 40, 46, 48, 49, 56, 60, 61, 73). Ножи сопровождали 55% от всех ненарушенных погребений. В двух погребениях найдено по два ножа, однако не исключено, что в обоих случаях это следствие нарушений могил. Односторонние расчески и гребни найдены в девяти погребениях — семи женских и двух мужских (№ 3, 4, 10, 17—20, 38, 48; рис. 156, 157).

Рис. 156. Могильник Минино II. Погребение 4

В области таза погребенной женщины расчищены прикрепленные к поясу бронзовые подвески, роговая расческа в футляре и железный нож, на фаланге пальца — сломанный бронзовый перстень

Рис. 157. Могильник Минино II. Погребение 19

В области таза погребенной женщины около кисти руки расчищены роговая расческа в футляре, железный нож с остатками деревянной рукояти и развал сосуда

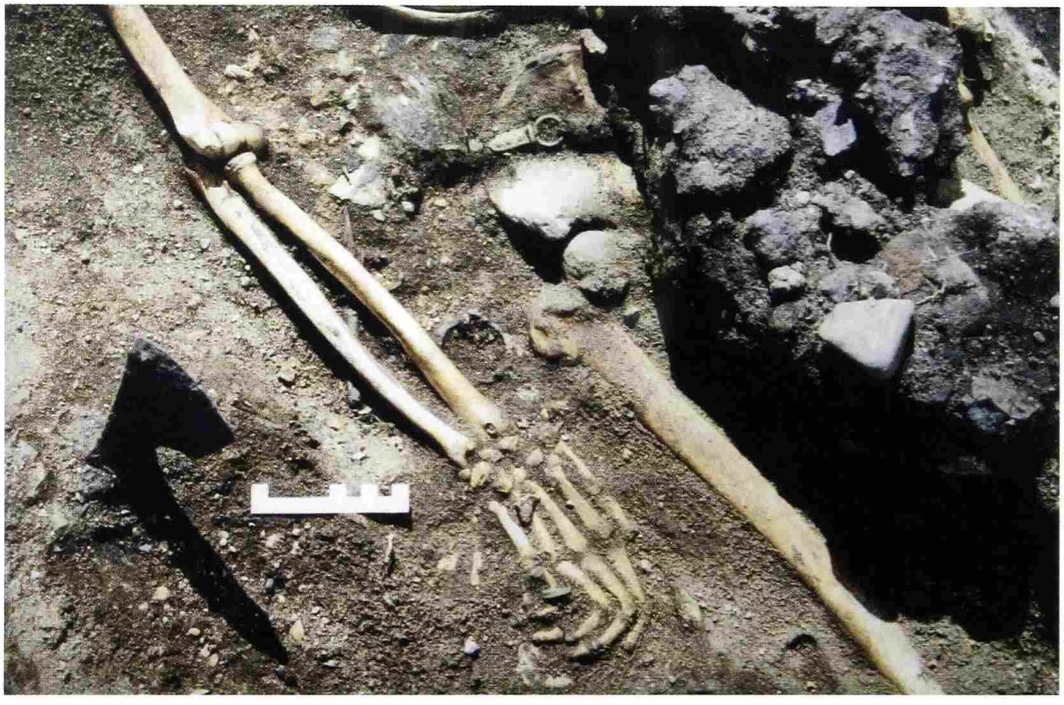


Рис. 158. Могильник Минино II. Погребение 9

В области таза погребенного мужчины металлические детали наборного пояса, на фаланге пальца правой руки — перстень, справа от руки — железный топор

Кресала найдены в пяти могилах, принадлежавших взрослым мужчинам и детям (№ 15, 37 (?), 47, 60, 61). В четырех мужских погребениях (№ 9, 36, 38, 49) найдены топоры, еще один топор обнаружен в осыпи берега на площадке могильника. Из разрушенного погребения 33 происходит клин от топора. В четырех могилах, принадлежавших взрослым женщинам и детям, обнаружены железные иглы (№ 27, 29, 45, 56). В двух мужских погребениях (№ 15, 37) найдены металлические оковки сумочек, женское погребение 40 сопровождалось кожаным кошельком. В двух мужских погребениях найдены оселки (№ 15, 60), один из которых был помещен в сумочку, в двух (№ 15, 37 (?)) — бронзовые фитильные трубки. По одному разу встречены в ингумациях железный наконечник сулицы (№ 59), железный наконечник стрелы (№ 73), железное шило (№ 33), шиферное пряслице (№ 40), керамическая писанка (№ 22).

В трех ненарушенных мужских погребениях набор сопровождающих вещей включал нож и топор (№ 9, 36, 49), в одном случае этот набор был дополнен гребнем (№ 38). Набор вещей из мужского погребения 60 состоял из кресала, оселка и двух ножей, набор вещей из погребения 15 — из подвешенной к поясу сумочки с кресальным кремнем, кресала, фитильной трубки, ножа и оселка. В некоторых мужских погребениях сопровождающий инвентарь был ограничен ножом (№ 28) или ножом и расческой (№ 20). Ножи находились чаще всего у таза — слева или справа (6 раз), вероятно, в этих случаях ножны были прикреплены к поясу. В двух мужских погребениях ножи найдены у колена (№ 20, 49): один из этих ножей, су-

Рис. 159. Могильник Минино II. Погребение 10

В ногах погребенной женщины роговой гребень

Рис. 160. Могильник Минино II. Погребение 17

В ногах погребенной женщины 2 лепных сосуда

дя по длине клинка, боевой. Гребень, найденный в мужском погребении 38, был помещен в ногах. Топоры в трех мужских погребениях (№ 9, 36, 38) находились в области таза, с лезвием, повернутым к костяку или к стенке могилы, так что их рукояти должны были быть обращенными к ногам (рис. 158), в погребении 49 топор лежал в ногах выше уровня костяка.

В женских погребениях набор бытовых вещей чаще всего включал нож и расческу в футляре или гребень (8 комплексов — № 3, 4, 10, 17—19, 21 (?), 48). В одном из женских погребений (№ 46) единственным сопровождающим предметом был нож, в двух — ножи и иглы (№ 27, 56). Набор вещей из женского погребения 40 включал нож и кожаный кошелек с шиферным пряслицем и подвеской-петушком. Обычно все эти вещи находились в области таза, живота или у бедер и, вероятно, были прикреплены к поясу погребенных женщин. Трижды зафиксировано положение гребней и ножей у кисти руки, лежавшей слева у бедра (№ 17, 19), или у плеча — за головой погребенной (№ 18), в одном из женских погребений гребень находился в ногах (№ 10; рис. 159).

Среди детских погребений сопровождающий инвентарь зафиксирован лишь в четырех случаях. В состав инвентаря двух из них входило лишь по одному предмету — игле или кресалу (№ 45, 47), третий комплекс включал две железных иглы и железный нож (№ 29). Все эти погребения принадлежат индивидам четырех—восьми лет. Еще одно погребение (№ 22), принадлежавшее ребенку в возрасте до одного года, сопровождалось железным ножом с остатками кожаных ножен и керамической писанкой-погремушкой.

Сосуды, кости животных и рыб

Целые керамические сосуды и их развалы найдены в 11 погребениях по обряду ингумации (№ 1, 3, 4, 17, 19, 37, 38, 60—62, 68, 73). Среди ненарушенных захоронений комплексы с сосудами составляют 20%. Шесть из этих погребений женские, два — мужские, одно принадлежит ребенку, в двух случаях пол погребенных не установлен. Чаще всего сосуды помещали в ногах погребенных (7 случаев), дважды они зафиксированы в головах, в одной из могил сосуд был помещен в области таза. Как правило, в могилы помещали по одному сосуду, в погребении 17 их было два (рис. 160). Большинство сосудов были небольшими, объемом от 0,6 до 1,5 л, с максимальным диаметром от 13 до 19 см, лишь один, сопровождавший парное погребение 60, 61, имел объем более двух литров. Очевидно, сосуды содержали напутственную пищу. В одном из них обнаружены кости барана, в другом — рыбы. В остальных случаях пища была, очевидно, растительного происхождения.

В пяти погребениях (№ 9, 17, 19, 36 и 71) — двух женских, двух мужских и детском обнаружены кости рыб (щуки, леща и окуня), причем в трех случаях (№ 17, 19, 36) установлено, что эти кости принадлежат двум особям. В четырех случаях они находились в ногах погребенных, в одном погребении — у рук. В погребении 17 вместе с костями рыбы найдены кости птицы и небольшого животного. Таким образом, рыба использовалась в качестве напутственной пищи в Минино чаще, чем мясо. Возможно, в могилу помещали "рыбники" — запеченную в тесто рыбу — традиционное блюдо севернорусской кухни.

В погребении 8 рядом с черепом погребенного юноши расчищен целый скелет лесного хоря. Возможно, это был ручной зверек, положенный в могилу своего хозяина (рис. 161).

Парные и двойные ярусные погребения

В Мининском могильнике исследованы 6 пар погребений, в которых останки двух индивидов были помещены в общую могильную яму или в две вплотную примыкающие друг к другу ямы, образуя топографическое единство. Эти комплексы заслуживают особого внимания.

Одна из таких пар — погребения 1 и 4, первое из которых было впущено в яму второго и помещено строго над ним, на 35 см выше. Оба эти погребения принадлежали женщинам. Они были совершены не одновременно, но с небольшим временным разрывом, одно — в первой четверти XII в., другое — в последней четверти XI в. Ярусные двойные погребения хорошо известны по материалам раскопок городских грунтовых некрополей с высокой концентрацией погребений на ограниченной площадке, но нехарактерны для сельских могильников. На Белозерье подобное погребение было исследовано лишь в могильнике Крохинские Пески — некрополе города Белоозеро (*Макаров*, 1990).

Две пары погребений — 9 и 10 и 60 и 61 представляли собой комплексы, в которых останки двух индивидов были размещены симметрично на небольшом (5—20 см) расстоянии друг от друга. В первой паре одно из погребений было мужским, а второе — женским (рис. 162), во второй пол одного погребенного был мужским (№ 60), а второго (№ 61) точно не определим, но состав украшений указывает скорее на принадлежность его женщине. Сделать определенный вывод об одновременности или разновременности погребений 60 и 61 трудно ввиду их сильной нарушенности. Близкое соседство и симметричное расположение погребений 9 и 10 производят впечатление их одновременности, но в действительности яма погребения 9 прорезана соседней могилой, а смещенная при этом лучевая кость погребен-

Рис. 161. Могильник Минино II. Погребение 8. Скелет лесного хоря у черепа погребенного

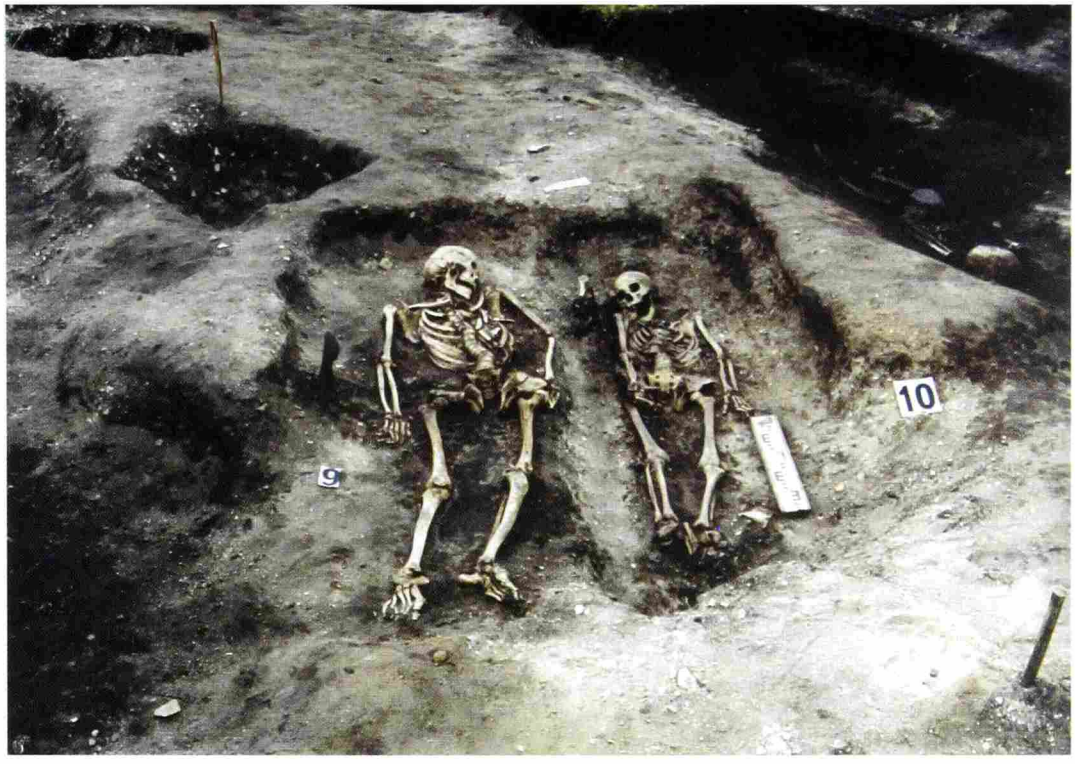


Рис. 162. Могильник Минино II. Погребения 9 и 10

Рис. 163. Могильник Минино II. Погребения 20 и 21

ного мужчины находилась в заполнении ямы женского захоронения. Состав погребального инвентаря указывает, что женское погребение моложе мужского по меньшей мере на полстолетия.

Погребения 20 и 21 находились в одной могильной яме, костяки мужчины и женщины лежали на спине, параллельно, тесно прижатыми друг к другу (рис. 163). Костяк мужчины (погребение № 20) был помещен в могилу таким образом, что перекрыл левую половину женского костяка (погребение № 21), а черепа обоих погребенных оказались рядом. Судя по положению костяков, погребения, скорее, не одновременны, но произведены с небольшим хронологическим интервалом.

Иной характер имели два других парных погребения, содержавшие останки мужчин и женщин, помещенных в общие могильные ямы, на боку, лицом друг к другу, как бы заключая друг друга в объятиях. Погребения 27 и 28 были ориентированы головами на восток, женский костяк лежал справа, мужской — слева (рис. 164). Левая рука женщины находилась под тазовыми костями мужчины, обе руки мужчины были обращены к женщине, кисть правой лежала поверх правого крыла ее таза. Черепа погребенных были тесно сомкнуты и обращены лицевой частью друг к другу. Возраст мужчины определен в интервале 30—39, возраст женщины — 40—45 лет. Погребения 48 и 49 были

Рис. 164. Могильник Минино II. Погребения 27, 28 и 32

Рис. 165. Могильник Минино II. Погребения 48 и 49

ориентированы головами на запад, как и в предыдущей паре, женский костяк находился справа (рис. 165). Правая рука женщины (погребение 48) была вытянута, кисть ее находилась на правой тазовой кости, левая рука была несколько отведена вперед, кисть ее обращена ладонью вниз и находилась под кистью руки мужчины. Позвоночник мужчины (погребение 49) был слегка изогнут, правая рука согнута в локте, кисть ее находилась в области таза, на кисти руки женщины, левая рука была согнута, кисть ее покоилась в области бедра. Череп мужчины лежал на правом боку и был несколько наклонен лицевой частью вниз, челюсти его плотно прилегали к лобным костям черепа женщины (рис. 166). Можно полагать, что погребенные находились в одном гробу. Возраст погребенной женщины — 45—55 лет, мужчины — старше 45 лет.

Сопровождающий инвентарь (украшения, ножи и гребень в женских погребениях и ножи и топор в мужских) в целом обычен для Мининского могильника. В состав ожерелья, сопровождавшего погребение 48, входила подвеска-образок с изображением святого воина. Наборы украшений, сопровождающие женские погребения, позволяют датировать погребение 27 последней третью XII — началом XIII в., погребение 48 — серединой XII — началом XIII в. Положение костяков в обеих могилах не оставляет сомнения в том, что они были произведены одновременно или с очень небольшим интервалом.

Проблема одновременности и символики парных погребений XI—XIII вв. впервые стала предметом специального рассмотрения после открытия серии парных могил в могильнике Нефедьево. Анализ парных ингумаций в Нефедьево показал, что, несмотря на устройство могил вплотную друг к другу, эти погребения не являются одновременными, устройство парного погребения производилось путем подхора-

нивания одного умершего к другому. Сложный ритуал устройства таких погребений, безусловно, символизировал значимость брачных союзов и семейных отношений (*Макаров*, 1997. С. 142–143). В оформлении парных погребений в Нефедьевском и Мининском могильниках много общего, однако в Мининском могильнике помимо разновременных выявлены и парные погребения, произведенные единовременно, скорее всего, в каких-то необычных ситуациях. Условия и причины одновременной смерти остаются неясными.

Парные погребения — яркий феномен средневековой культуры, существенный для характеристики семейно-родственных связей, психологического склада и религиозного сознания. Формирование этого обычая показывает, что малая семья, брачный союз воспринимались как важнейший общественный институт, причем этот союз не был лишь социальной ячейкой, но основывался на личной привязанности. Характер оформления погребений 27-28 и 48-49 свидетельствует, что исполнители обряда стремились выразить глубину чувств, силу личных отношений, связывавших брачные пары. Символическое значение этих погребений вполне определенно и не требует комментариев. Возможно, формирование самого обычая производить парные погребения в Мининском микрорегионе восходит еще к эпохе кремаций. На это указывает, в частности, присутствие мужского и женского инвентаря в кремациях № 50 и 74, хотя антропологическое изучение кальцинированных костей и не дает прямого свидетельства принадлежности их двум индивидам.

Рис. 166. Могильник Минино II. Погребения 48 и 49. Деталь

Детское погребение с писанкой

Среди сопровождающих вещей в Мининском могильнике представлены некоторые необычные предметы, редкие в древнерусских погребениях. В их числе глиняное яйцо-писанка, найденное в погребении 22, принадлежавшем ребенку в возрасте от полугода до года. Писанка лежала справа у колена погребенного. Судя по составу украшений, захоронение принадлежало девочке (рис. 167). Его хронологические рамки определены в пределах второй половины XI — первой четверти XII в.

Вопросам географии распространения, хронологии, производства и назначения керамических поливных писанок посвящена обширная литература (*Макарова*, 1967; *Gabriel*, 1988; *Седов*, 1998). Считается общепризнанным, что распространение этих вещей в XI–XII вв. было ограничено, в основном, восточнославянским миром, хотя значительные серии их найдены в Польше и западнославянских землях между Эльбой и Одером, а отдельные находки происходят из Скандинавии. Как показала Т.И. Макарова, писанки производились в Киеве, Новгороде и, возможно, Рязани (*Макарова*, 1967), предполагается, что они могли изготовляться также и на территории Польши (*Седов*, 1998). Что касается назначения этих вещей, то этот вопрос не столь ясен. К. Яжджевский предположительно атрибутировал писанки, найденные в Лютомерском могильнике, как детские погремушки (*Jażdżewski*, 1951. S. 145–146). Многие исследователи полагали, что писанки связаны со славянскими языческими верованиями и обрядами. Этой точки зрения придерживается, в частности, В.В. Седов, указавший, что они были распространены на тех территориях, где языческие верования были наиболее стойкими (*Седов*, 1998). М. Мюллер-Вилле рассматривает находки писанок на Балтике как свидетельства посещений греко-православными христианами севера Европы (*Müller-Wille*, 1997. S. 420), полагая, вслед за И. Габриэлем, что эти предметы были наделены христианской символикой. В. Дучко, соглашаясь с тем, что технология призводства украшенных поливой писанок была принесена в Киев из Византии, выражает сомнение в том, что они имели какое-либо отношение к христинским религиозным представлениям, и считает, что их появление в землях западных славян отражает существование неких общих верований, связывавших запад и восток славянского мира (*Duczko*, 1997. S. 293–297).

Прояснить вопрос о назначении писанок позволяет контекст находок на погребальных памятниках. Помимо кубенозерского погребения нам известно 5 погребальных комплексов, сопровождавшихся писанками. Эти предметы дважды найдены в погребе-

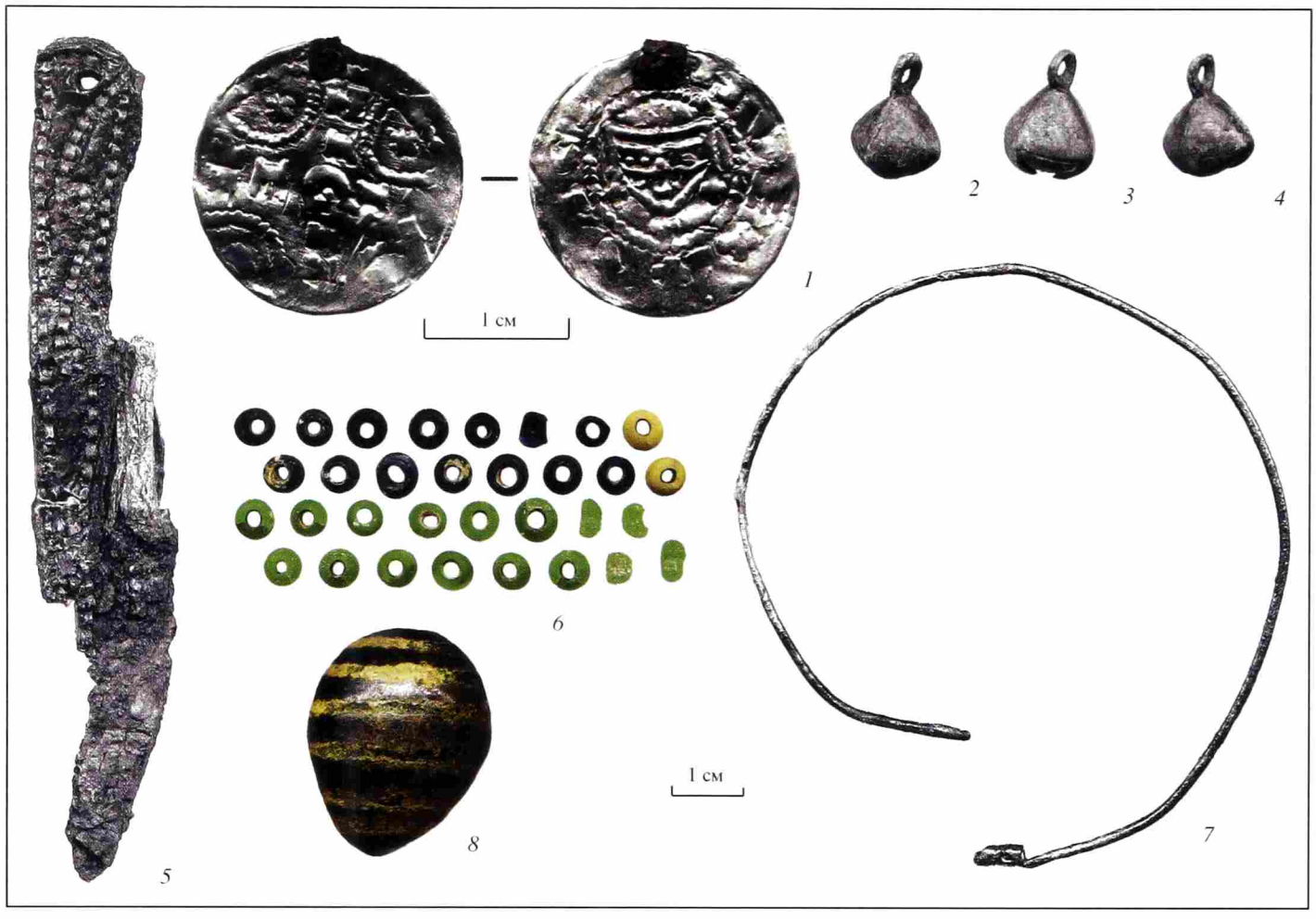


Рис. 167. Могильник Минино II. Погребение 22. Сопровождающий инвентарь

1 — подвеска из денария (№ 7); *2* — подвеска-бубенчик (№ 3); *3* — подвеска-бубенчик (№ 4); *4* — подвеска-бубенчик (№ 5); *5* — нож в ножнах (№ 6); *6* — бусины (№ 1); *7* — височное кольцо (№ 7); *8* — писанка (№ 2). *1* — серебро; *2—4, 7* — цветной металл; *5* — железо, кожа, цветной металл; *6* — стекло; *8* — глина

ниях Кемского некрополя на сопредельном с Кубенским Белом озере (*Макаров*, 1990. С. 149—150, 157) и трижды — в курганных могильниках на левобережье Днепра, на юге Древней Руси (*Хвойко*, 1904. С. 40—48; *Самоквасов*, 1915. С. 32; *Моруженко, Косиков*, 1977. С. 281—289; *Моця*, 1990. С. 89, 91). Наиболее подробно документированы погребения Кемского некрополя. Одно из них — погребение 2 в кургане 8 — сопровождалось богатым набором женских украшений, подвесками-амулетами и поливной чашечкой, второе — погребение 3 в кургане 37 — ножом и топориком-амулетом. Писанки находились в ногах погребенных. По находкам монет, позднейшие из которых чеканены в 1068—1090-х годах, оба комплекса с наибольшей вероятностью датируются 1070-ми годами. Оба эти погребения — детские, первое из них принадлежало ребенку 4—8 лет, второе — 3—5 лет. Еще одно детское погребение с писанкой, находившейся у кисти сложенной на животе руки, было исследовано в 1915 г. Д.Я. Самоквасовым в кургане 99 в Гочевском могильнике на р. Псел. В кургане 31 у д. Городное в междуречье Ворсклы и Северского Донца писанка была найдена в женском погребении, сопровождавшемся, предположительно, погребением ребенка. Комплекс находок включал круговой сосуд, сердоликовые бипирамидальные и стеклянные глазчатые бусы. Писанка расчищена у локтя погребенной. В кургане 4 у с. Броварки на р. Псел, исследованном в 1904 г. В.В. Хвойко, писанка найдена в погребении, сопровождавшемся серебряным головным венчиком, спиральными височными кольцами, ожерельем из бус, фибулой и бронзовой цепочкой с бубенчиками. Керамическое яйцо находилась в ногах у костяка. Антропологические материалы не определены, судя по составу украшений погребение принадлежало женщине. По находкам бус два последних комплекса датированы XI — началом XII в. (*Моця*, 1990. С. 89, 91). Таким образом, из шести погребений с писанками четыре — детские, а еще одно представляет собой, предположительно, совместное погребение женщины и ребенка. Все эти комплексы, верхняя дата которых не выходит за рамки первой половины XII в., образуют компактную хронологическую группу.

Учитывая, что сопровождающий инвентарь детских погребений в Древней Руси в целом заметно беднее, чем инвентарь погребений взрослых индивидов, трудно предположить, что находки писанок в детских погребениях на юге и на севере восточнославянского

ареала — простая случайность. Новые материалы указывают на то, что покрытые глазурью керамические яйца с камушком или глиняным шариком внутри были погремушками и именно в этом качестве были положены в детские могилы, подтверждая справедливость атрибуции, некогда предложенной К. Яжджевским, но не получившей признания. Разумеется, подобная атрибуция не исключает возможности существования тех или иных религиозных представлений, связанных с этими предметами и определявших их использование в погребальном обряде. Находка писанки в Мининском могильнике — выразительное проявление проникновения "южных" элементов в культуру северных областей Руси. Совпадение в использовании писанок в погребальном обряде на Севере и на Юге — свидетельство того, что на Север проникали не только вещи южнорусского происхождения, но и связанные с ними верования и обычаи.

Ямы на площадке могильника, поминальные и жертвенные комплексы

Как уже отмечалось, на площадках обоих могильников помимо погребений расчищены ямы со средневековой керамикой и вещами. В могильнике Владышнево II таких ям выявлено три, в могильнике Минино II — 29.

Материковые ямы (№ 1, 8 и 9), исследованные в могильнике Владышнево, имели подовальные очертания и значительные размеры, при длине от 2,8 до 3,4 м и ширине от 1,9 до 2,45 м, их глубина достигала 0,6—0,72 м. Для всех ям характерно неоднородное сложное заполнение, в основе которого находилась серо-коричневая гумусированная супесь с линзами желто-коричневой супеси, перекрывавшими более темные прослойки с обугленными кусками крупных деревянных плашек (рис. 122, 123). В центре одной из ям (№ 1), в ее верхней части, находился камень размерами 49 × 36 × 42 см. В этих ямах, в верхнем слое их заполнения, было встречено весьма незначительное количество кальцинированных костей (от 2 до 10 г), единичные фрагменты керамики и отдельные находки, которые, как уже отмечалось выше, вероятнее всего относятся к набору вещей, происходящих из пахотного слоя (рис. 118, *1, 2, 13—15*). В связи с чем можно достаточно определенно полагать, что эти ямы не были специально предназначены для размещения в них остатков кремации. Образцы древесного угля из каждой ямы были датированы радиоуглеродным методом (табл. 20).

Калиброванная дата угля из ямы 2, содержавшей кальцинированные кости и погребальный инвентарь, близка дате, определяемой по вещевому материалу. Возраст остальных образцов моложе на 400—650 лет. Принимая во внимание серийность поздних дат, в расчищенных объектах можно видеть либо ямы, вырытые на площадке могильника в период его функционирования и оставленные незасыпанными, так что их углистое заполнение продолжало формироваться в течение нескольких столетий, либо следы промысловых или сельскохозяйственных работ, произво-

Таблица 20

Владышнево II. Результаты радиоуглеродного датирования образцов древесного угля из ям

Образец	Возраст по С-14	Калиброванная дата, 1 сигма	Калиброванная дата, 2 сигмы
Ле-6045, яма 1, уголь	565 ± 30 BP	1327—1413 л.н.э.	1305—1423 л.н.э.
Ле-6046, яма 2, уголь	1210 ± 45 BP	731—887 л.н.э.	689—955 л.н.э.
Ле-6048, яма 8, уголь	835 ± 30 BP	1189—1255 л.н.э.	1131—1273 л.н.э.
Ле-6047, яма 9, уголь	620 ± 30 BP	1303—1393 л.н.э.	1297—1399 л.н.э.

дившихся спустя несколько столетий после того, как могильник перестал использоваться для захоронений.

В могильнике Минино II большинство ям, отличных от могильных по форме и не содержавших человеческих останков, были заполнены гумусированной супесью серого или коричневого цвета, часто с чередованием линзообразных прослоек, различных по цвету. В заполнении большинства ям встречены углистые включения. В заполнении 16 ям находились сырые кости животных, в заполнении трех — кальцинированные кости животных, в заполнении 14-ти — фрагменты лепной керамики, в том числе в заполнении восьми — развалы лепных сосудов, в заполнении пяти — фрагменты круговой средневековой керамики, в заполнении 17-ти — обожженные и оплавленные средневековые вещи, в заполнении 12-ти — средневековые вещи без следов пребывания в огне. В заполнении двух ям зафиксированы отдельные кальцинированные кости человека, в заполнении шести — фрагменты нежженых человеческих костей из разрушенных погребений.

Пять ям (№ 34-02, 39-02, 57-03, 64-03, 65-03) содержали фрагменты средневековой керамики без каких-либо других находок или фрагменты керамики и кости животных. По-видимому, эти ямы связаны с совершением поминальных обрядов на площадке могильника. Вероятно, число поминальных комплексов может быть расширено за счет включения шести ям со средневековой керамикой, содержащих также неопределимые кальцинированные кости и кальцинированные кости животных (№ 22-02, 25-02, 27-02, 50-03, 53-03, 67-03; рис. 168).

Весьма выразительный комплекс представляет яма 7 в раскопе 1, в заполнении которой расчищены кости животных, в том числе зубы и челюсти крупного рогатого скота, и железный запертый замок типа Б. Находки замков в составе специальных жертвенных комплексов и отдельно на площадках могильников не оставляют сомнения в том, что эти предметы использовались при совершении особых охранительных обрядов, призванных оградить живых от вредоносного воздействия мертвых (*Макаров*, 1990; *Савельева*, 1987). Возможно, эти обряды включали ритуальную трапезу, остатками которой являются находившиеся в яме кости животных.

Рис. 168. Могильник Минино II. Раскоп 3. Яма № 67 с развалом сосуда и фрагментами кальцинированных костей

Для определения хронологии и происхождения ям существенные результаты дало исследование ямы 1 в раскопе 1, отличавшейся значительными размерами (5,1 × 2,8 м). В верхней части заполнения этой ямы найдено несколько разрозненных человеческих костей, единичные фрагменты лепной средневековой керамики, невыразительный железный предмет, кремневые отщепы, пластины и сколы. В нижней части заполнения расчищено несколько крупных (до 20 см в поперечнике) камней, при промывке гумусированного слоя обнаружены два зерна ячменя. Калиброванная радиоуглеродная дата гумусированного грунта из этого слоя: 1298 – 1320, 1340 – 1394 A.D. Основываясь на радиоуглеродном датировании, можно полагать, что эта яма, как и ямы на площадке могильника Владышнево II, хронологически значительно отстоит от времени функционирования могильника и не может быть интерпретирована как поминальный комплекс. Скорее всего она представляет собой остатки какого-то легкого хозяйственого сооружения, возможно, небольшого примитивного овина, разрушившего одно из погребений. Присутствие такого комплекса на могильнике показывает, что часть ям неясного назначения, вскрытых на площадке, может относиться к позднесредневековому времени.

Погребальный обряд: общие наблюдения

Исследование двух средневековых могильников на Кубенском озере позволяет проследить развитие погребального обряда на протяжении по меньшей мере двух с половиной столетий от языческих кремаций к безынвентарным ингумациям с западной ориентировкой, соответствующим христианскому канону. Основная линия трансформации обряда, зафиксированная в кубенозерских могильниках, соответствует общему направлению изменений погребальной обрядности на территории Северной Руси. Однако исследование могильников широкой площадью, с точной фиксацией взаимного положения разновременных комплексов и деталей обряда, с возможно более полным сбором остатков кремаций и сопровождающего инвентаря в подпочвенном слое и привлечением антропологов и палеозоологов для обработки остеологических материалов впервые открыло возможность прояснить многие существенные особенности этого процесса.

Значение кремаций, исследованных в кубенозерских могильниках, определяется прежде всего тем, что они позволяют надежно документировать редкие и малоизученные формы погребального обряда, практиковавшиеся в конце I — начале II тыс. н.э. Разумеется, ни кремации с поверхностным размещением остатков сожжения, ни кремации с помещением остатков сожжения в округлые ямы не уникальны для погребальной обрядности севера лесной полосы России, однако во Владышневе и Минине их удалось зафиксировать точнее и достовернее, чем на других памятниках. Кубенозерские могильники с трупосожжениями обнаруживают определенные черты сходства с широким кругом погребальных памятников Балтийского ареала и Северо-Западной Руси, для которых характерны поверхностные кремации. В средневековье подобный обряд господствовал, например, на территории Финляндии.

Поверхностные кремации выявлены и на памятниках, не связанных с прибалтийско-финскими традициями — например, в ровиках волховских сопок (*Петренко*, 1994. С. 44 – 68) или в могильниках близ Которска на р. Плюссе, исследованных С.Л. Кузьминым (*Кузьмин, Михайлова, Соболев*, 2000. С. 70). Территориально наиболее близкие к Кубенскому озеру памятники этой традиции — могильники Юго-Западного Белозерья, в которых остатки трупосожжения помещались в неглубокие грунтовые ямки, на поверхность земли и в срубные конструкции, получившие название "домики мертвых", или в оконтуривавшие их ровики (*Башенькин*, 1985. С. 77 – 81; 1995. С. 3 – 29; 1997. С. 16; *Макаров*, 1997. С. 64). На площадках некоторых из этих могильников, например, в Пугине и Усть-Ситском III, выявлены отдельные глубокие ямы, содержавшие остатки трупосожжений.

Принципиальная разница между кубенозерскими и белозерскими могильниками с кремациями заключается в том, что наиболее характерный элемент последних — срубные конструкции типа "домиков мертвых" — на Кубенском озере отсутствует.

Отметим также, что трупосожжения кубенозерских могильников существенно отличаются по своему характеру от кремаций в могильниках Ветлужско-Вятского и Волго-Клязьминского регионов, для которых характерно сочетание кремации и ингумации, с помещением останков на дно прямоугольных грунтовых ям, как правило, образующих рядовые структуры. По характеру погребального обряда кубенозерские памятники близки трем грунтовым могильникам с кремациями, один из которых — Большое Молочное — исследован в среднем течении р. Костромы (*Леонтьев*, 1996. С. 263—267), второй — Минино VII — на р. Большой Юг, левом притоке р. Шексны в среднем ее течении (*Кудряшов*, 2001), третий — Черный ручей на р. Андоге (раскопки А.В. Кудряшова). Для всех этих могильников характерны небольшие размеры (на первых двух некрополях исследовано, соответственно, 6 и 8 погребений), помещение остатков кремации в грунтовые ямы овальной или круглой формы, возможно, в сочетании с помещением кальцинированных костей на поверхности земли и неполный сбор остатков кремации с погребального костра, при котором в ямы попадала лишь часть сожженных останков умершего. К этой же группе памятников должны быть отнесены и несколько более ранние могильник Попово на р. Унже (*Леонтьев*, 1996) и могильник на Ратницком городище в верховьях р. Дубны (*Вишневский*, 2002. С. 550—557), в которых остатки кремаций и погребальный инвентарь также находились в округлых в плане ямах глубиной до 0,7 м, а также (в могильнике на Ратницком городище) в верхнем гумусированном слое. Эти памятники рассматриваются как принадлежащие поволжско-финскому населению — мерянскому или родственному мере.

Вместе с недавно исследованными грунтовыми могильниками близ Которска и на площадке Ратницкого городища, материалы из Минина и Владышнева позволяют полагать, что традиция устройства могильников с размещением останков кремации в неглубоких ямах или на поверхности земли получила во второй половине I тыс. н.э. широкое распространение в лесной полосе Восточной Европы. Часть подобных памятников могла быть стерта распашкой еще в Средневековье, по мере развития колонизации и нарастания интенсивности использования сельскохозяйственных угодий. Постепенно выясняется, что погребальный обряд северных областей Руси конца I тыс. н.э. характеризуется значительным разнообразием форм и вариантов, отражающим, по-видимому, не только различия этнокультурных традиций средневекового населения, но и некоторые фундаментальные черты языческого мировоззрения и обрядовой практики.

Для изучения смены погребальных обычаев важно уточнить хронологическое соотношение кремаций и ингумаций. Выше отмечалось, что комплекс вещей из могильника Владышнево II должен быть отнесен ко второй половине X в. Этим же временем датируются древнейшие погребения по обряду кремации в могильнике Минино II, например № 50. Основная масса вещей, связанных с погребениями по обряду кремации (односторонние роговые расчески, поясные накладки, бусины-лимонки, ножи с узким клиновидным лезвием, украшения, изготовленные в наборной технике) датируются в широких хронологических рамках X — начала XI в., однако предметы, которые могли бы рассматриваться как хроноиндикаторы первой половины X в., в этой коллекции отсутствуют. В кремациях, исследованных в раскопе 3, также нет предметов, время появления которых относится к началу XI в. Древнейшие ингумации, исследованные в этом раскопе, относятся ко второй — третьей четверти XI в.

Сложнее определить хронологические позиции кремаций из раскопа 2. Найденные здесь золотостеклянная цилиндрическая бусина (остальные бусы типологически неопределимы), обломки односторонних расчесок и двусторонних гребней, ножи обозначают очень широкие хронологические рамки. Возможно, трупосожжения в этом раскопе должны быть датированы несколько более поздним временем, чем кремации в раскопе 3. В пользу этого свидетельствуют два обстоятельства. Во-первых, в яме 3, содержавшей кремированные остатки не менее четырех погребенных, найден нетронутый огнем денарий, чеканенный графом Германом III в Утрехте в 1048—1064 гг. Во-вторых, эта яма частично прорезает могильную яму одного из захоронений по обряду ингумации — погребения 15. Это мужское трупоположение, сопровождавшееся пластинчатым кресалом, фитильной трубкой и подковообразной сумочкой с заклепками, было совершено не позднее рубежа X—XI вв. и является наиболее ранней ингумацией, открытой раскопками в Минино. Нарушение ямы этого погребения ямой с остатками трупосожжений свидетельствует, что обряд кремации практиковался в Минино в течение некоторого времени в первой половине XI столетия параллельно с обрядом ингумации. Переход к ингумации на Кубенском озере не был одномоментным отказом от старой погребальной традиции (рис. 169).

Наблюдения над составом погребального инвентаря, сопровождавшего кремации и наиболее ранние ингумации, выявляют определенные черты преемственности в погребальном обряде. Ее отражают, прежде всего, общность наборов вещей, — присутствие в мужских погребениях поясной гарнитуры, металлических деталей сумочек и фитильных трубок, а в женских — стеклянных бус, подковообразных фибул и роговых односторонних расчесок.

Обряд ингумации в грунтовых ямах с различными вариантами ориентировки с помещением в могилах многочисленных украшений и бытовых вещей в целом соответствует погребальным обычаям Белозерского края XI—XII вв., сформировавшимся в результате скрещения славянской и финской традиций. Этот обряд изучен благодаря раскопкам ряда грунтовых могильников на Белом озере и на Шексне (*Макаров*, 1990; 1997; *Кудряшов*, 2001), в том числе могильников Нефедьево и Шуйгино на сопредельном с Сямской волостью Волоке Славенском.

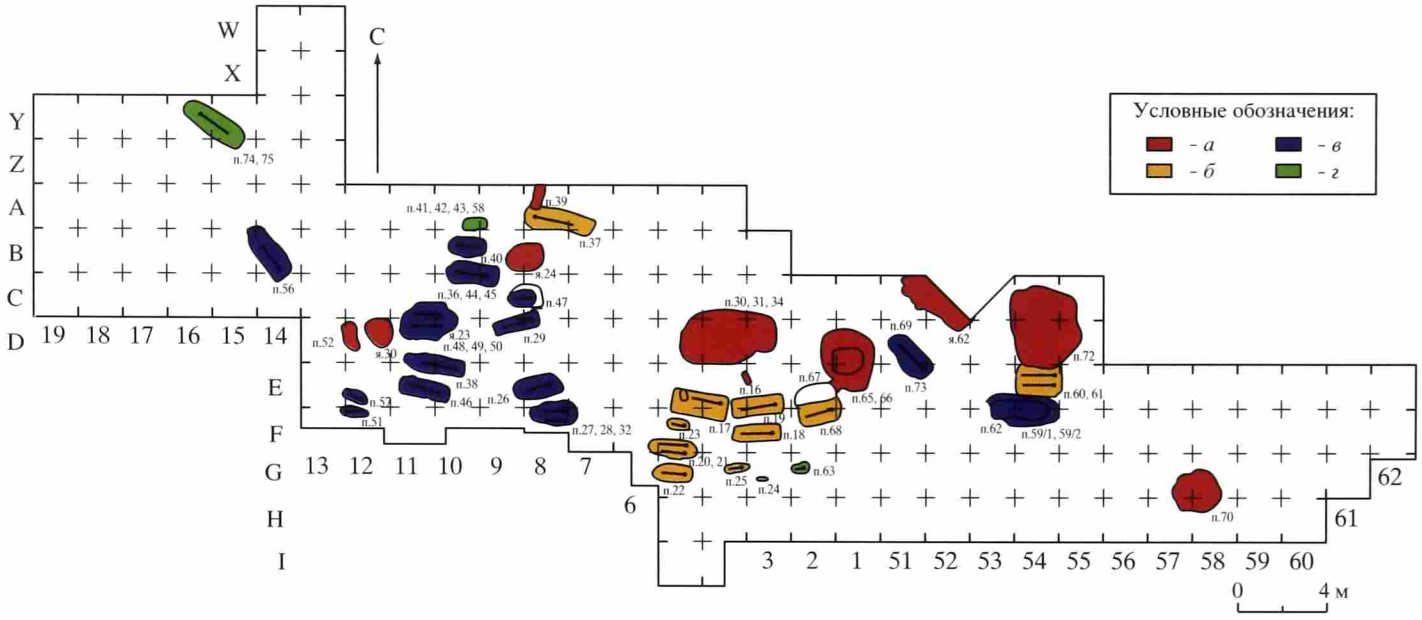


Рис. 169. Могильник Минино II. Погребения различных хронологических периодов в раскопе 3

а — погребения второй половины X — начала XI в.; *б* — погребения XI в.; *в* — погребения XII — начала XIII в.; *г* — погребения с неопределимой датой

Своеобразие этой погребальной традиции определяется, с одной стороны, бескурганным характером погребений, с другой — устойчивым сохранением богатого убранства женских костюмов и обычая сопровождать умерших бытовым инвентарем. Постепенный отказ от этих обычаев и переход к погребению с западной ориентировкой без вещей или с малым количеством украшений в центре Белозерского края должен быть датирован первой половиной XII в., на восточной окраине Белозерья, на Волоке Славенском — рубежом XII—XIII вв.

Мининский могильник отмечен некоторыми выразительными особенностями погребального обряда, отличающими его от других грунтовых могильников: сосуществованием обряда кремации и ингумации в начале XI в., отсутствием дощатых гробов, скреплявшихся гвоздями (последние широко представлены в Нефедьеве), своеобразными парными погребениями мужчин и женщин, своеобразным набором сопровождающего инвентаря в мужских погребениях второй половины X—XI в. (кошельки-сумочки с металлическими обкладками, фитильные трубки, наборные пояса). При несомненном наличии общих норм обряда, индивидуальные детали оформления погребений в этом могильнике разнообразнее, чем в Нефедьеве. Создается впечатление, что архаическая народная культура здесь более ярко проявила себя в погребальном обряде. Вопрос о сходствах и различиях в локальной культуре Мининского и Волокославенского микрорегионов будет специально рассмотрен ниже. Отметим пока, что в обоих микрорегионах зафиксированы некоторые специфические детали погребального обряда, не связанные с традициями каких-либо крупных групп населения. К их числу относится, например, обряд погребения в просторных внутримогильных конструкциях с раздвинутыми в локтях руками, обычай ставить в погребение не один, а два сосуда и помещать сосуд не в изножье, а у таза погребенного.

Древнейшие погребения с западной ориентировкой в Мининском могильнике (№ 36, 40, 48, 49) были произведены не ранее середины XII в. К их числу принадлежит одно из парных погребений. Эти погребения были совершены с вытянутыми руками и сопровождались бытовыми вещами и напутственной пищей. Они одновременны поздним погребениям с восточной ориентировкой, содержащим украшения, вошедшие в обиход в последней трети XII в., и вписаны в ту же рядовую структуру. Четыре других погребения с западной ориентировкой были произведены без бытовых вещей и украшений, два из них — со сложенными на груди и на животе руками. Все они локализуются на периферии площадки. Определить точную дату этих погребений невозможно, но очевидно, что они были совершены на финальном этапе функционирования могильника.

Таким образом, два важнейших переломных момента в развитии погребальных традиций на Кубенском озере — переход от кремации к ингумации с восточной ориентировкой в начале — первой половине XI в. и переход к безынвентарным ингумациям с западной ориентировкой в конце XII — на рубеже XII—XIII вв. Обе эти перемены связаны с распространением христианства и отражают разные этапы христианизации. Очевидно, могильник перестал функционировать спустя короткое время после того, как обычай совершать захоронения головой на запад, без сопровождающих вещей стал нормативным на Кубенском озере. Для характеристики культурной ситуации существенна топографическая устойчивость Мининского некрополя, использование места первоначального языческого могильника для совершения захоронений в течение двух с половиной столетий, несмотря на коренные изменения погребальных обычаев.

Приложения

1. Средневековые поселения и могильники в бассейне Кубенского озера

Каталог археологических памятников

1. Поселение Погост Антония (Пески). Находится на северо-западном берегу Кубенского озера, вблизи устья р. Порозовицы, на территории рыбозавода у д. Пески (Погост Антония). Открыто и обследовано Онежско-Сухонской экспедицией в 1983 г., на поселении заложен шурф площадью 16 кв. м. Поселение занимает участок ровного пологого берега, возвышающегося над меженным уровнем воды на 1,5 – 2 м, площадка сильно размыта озером. Находки окатанной ямочно-гребенчатой керамики эпохи неолита и неопределимой круговой керамики в 1983 г. были зафиксированы на берегу на протяжении 100 м. В шурфе зафиксирован слой темно-серой гумусированной супеси с углями и кусками печной обмазки, найдено около 450 фрагментов круговой поздней керамики, около 30 фрагментов грубой толстостенной лепной керамики хозяйственного назначения, три глиняных грузила, две сильно корродированные медные монеты ("деньги" первой половины XVIII в.?). Определимых материалов эпохи Средневековья в шурфе не встречено. В озере на мелководье вблизи берега в начале 1980-х годов рыбаками при выемке невода найдена створка креста-энколпиона с закругленными концами и изображениями предстоящих святых и архангела в медальонах (тип VII.4 по А.А. Песковой).

(*Макаров*, А-1983. Л. 5 – 6).

2. Поселение Ивановское I (Троицкая Гора). Находится на левом берегу р. Уфтюги, в 0,3 км к западу от д. Ивановское, на мысу высотой около 10 м, образованном при впадении в Уфтюгу ручья. Памятник открыт в 1989 г. А.В. Кудряшовым, при обследовании в обрыве берега выявлен слой серой слабогумусированной супеси толщиной до 20 см и собран подъемный материал — круговая керамика и кремневые отщепы. В коллекции, хранящейся в Череповецком краеведческом музее, представлено около 10 фрагментов сероглиняной круговой керамики, в том числе три венчика сосудов с профилировкой XIII – XIV вв. При повторном обследовании местности Онежско-Сухонской экспедицией в 2002 г. средневековые материалы не обнаружены.

(*Кудряшов*, А-1989. Л. 56).

3. Поселение Ивановское II. Находится на левом берегу р. Уфтюги в 1 км к юго-западу от д. Ивановское, в 750 м ниже Троицкой церкви. Занимает участок береговой террасы, возвышающийся над меженным уровнем воды в р. Уфтюге на 2,5 – 3,5 м. Памятник был открыт в 1989 г. А.В. Кудряшовым, поставившим здесь зачистку культурного слоя длиной 6 м и собравшим подъемный материал (*Кудряшов*, А-1989. Л. 56 – 57). Повторное обследование было произведено в 2002 г. Онежско-Сухонской экспедицией.

Местность представляет собой плоскую террасу, край которой размывается р. Уфтюгой. Приречная полоса шириной до 20 м занята лугом и частично заросла кустарником, далее на восток начинается смешанный лес. На площадке прослеживается слабо заметная ложбина глубиной до 0,5 м — русло небольшого ручья, некогда впадавшего в р. Уфтюгу. На излучине реки, на бичевнике, на протяжении 36 м выявлены пережженные печные камни и фрагменты керамики. В обнажениях берега на этом же участке заметны выходы темно-серого гумусированного культурного слоя. В напольную сторону культурный слой распространяется на 10 – 15 м. Основная часть печных камней концентрируется на 10-метровом участке берега к северу от ручьевины. В зачистке, поставленной в 2002 г., на этом участке зафиксирована следующая стратиграфия: дерн — 10 см, слой темно-серой переотложенной супеси — 35 см, слой темно-серой гумусированной супеси с углями и фрагментами керамики и печными камнями — 45 см, слой аморфной серой супеси без находок — 20 см. На глубине 90 – 115 см от поверхности залегает материк — плотная желтая супесь. В центральной части профиля прослежена яма шириной до 85 см и глубиной до 20 см с наклонными стенками и полукруглым дном. В зачистке найден один фрагмент лепной средневековой керамики.

При обследованиях 1989 и 2002 гг. на бичевнике и в обрыве берега собраны железный клин от топора, обломок лезвия железного топора, железное калачевидное кресало, около 20 фрагментов лепной средневековой керамики (в том числе с отпечатками шелухи от зерен) (рис. 29), три фрагмента неопределимой круговой керамики, два фрагмента поздней круговой керамики, несколько кремневых отщепов и сколов, нуклеус, грубый скребок с ретушью, фрагмент печной обмазки.

(*Макаров*, А-2002).

4. Поселение Бережное (Куркинская). Находится на правом берегу р. Уфтюги, на территории д. Кур-

кинская. Выявлено и обследовано в 1989 г. А.В. Кудряшовым. При обследовании в обрыве берега высотой около 8 м выявлен слой темно-серой гумусированной супеси толщиной до 0,45 м, на берегу собран подъемный материал — многочисленные фрагменты поздней круговой и неопределимой круговой керамики, фрагмент венчика сосуда с профилировкой XIV—XV вв. и железный нож.

(*Кудряшов*, А-1989. Л. 56).

5. Поселение Прилуки II. Находится на левом берегу р. Уфтюги, в 150 м к юго-западу от д. Прилуки, ниже по течению реки. Оно занимает участок береговой террасы высотой 2—4 м над меженным уровнем воды, ограниченный с северо-запада обрывом берега р. Уфтюги, с северо-востока — ложбиной, по дну которой весной протекает ручей. Печные камни и отдельные фрагменты керамики собраны на бичевнике на протяжении 270 м. В напольную сторону культурный слой распространяется на 20—30 м. Общая площадь памятника составляет около 6500 кв. м, однако на большей части протяженности берега концентрация подъемного материала очень низкая. Заметная концентрация пережженных печных камней и керамики отмечена лишь на 50-метровом участке берега в центральной части поселения. Край площадки здесь имеет наибольшую высоту, в обрыве берега зафиксирована наибольшая мощность и наиболее темная окраска серого подпочвенного слоя.

При сборе подъемного материала на северном участке поселения, протяженность которого вдоль берега составляет 115 м от устья ручья на юго-запад, в составе подъемного материала поднято 19 фрагментов позднесредневековой круговой керамики, два фрагмента неопределимой и один фрагмент средневековой круговой (?). На южном краю северного участка, в 90 м от устья ручья найдена круглая подвеска-образок с изображением Спасителя, инкрустированным железом по бронзе. В этой точке на краю берегового обрыва поставлена зачистка культурного слоя протяженностью 2 м, в которой зафиксирован темно-коричневый гумусированный пахотный слой, перемешанный старой распашкой, мощностью от 20 до 30 см. На центральном участке протяженностью 45 м вдоль берега в составе подъемного материала четыре фрагмента лепной средневековой керамики, шесть фрагментов средневековой неопределимой и шесть фрагментов круговой поздней. На южном участке, протяженность которого вдоль берега 110 м, на бичевнике встречены отдельные печные камни и несколько фрагментов поздней круговой керамики.

(*Макаров*, А-2002).

6. Поселение Минино I. Находится на западном берегу Кубенского озера, в устье р. Дмитриевки (Староселки), в 700 м к востоку от д. Минино. Занимает ближайший к озеру мысовидный выход трехметровой надпойменной террасы. Памятник был открыт в 1993 г. С.Ю. Васильевым, заложившим здесь раскоп площадью 16 кв. м. Раскопки поселения производились в 1996—2000 и 2002 гг. Онежско-Сухонской экспедицией. На площадке поселения заложено 6 раскопов общей площадью около 310 кв. м.

В раскопах выявлен культурный слой мощностью от 0,4 до 0,9 м, залегающий на участке общей площадью 1,4 га. В восточной части площадки верхнюю часть этого слоя составляют средневековые отложения толщиной 0,3—0,5 м, ниже залегают отложения эпохи камня и раннего металла и погребения могильника позднемезолитического или ранненеолитического времени. В северной и западной части площадки культурный слой имел мощность от 0,4 до 0,55 м и целиком относился к средневековому времени. В раскопах исследованы остатки семи построек и собрано в общей сложности более 5150 средневековых вещей, не считая керамики. На основании вещевого материала и радиоуглеродных дат средневековый горизонт поселения датирован второй половиной X — началом XIII в.

(*Макаров, Захаров*, 2003; *Макаров, Захаров, Зайцева, Меснянкина, Суворов*, А-2002; *Макаров, Захаров, Суворов, Зайцева, Меснянкина, Михайлов*, А-2003).

7. Могильник Минино II. Расположен на левом берегу р. Дмитриевки, в 450 м от впадения ее в Кубенское озеро, на участке коренной террасы, возвышающейся над меженным уровнем воды на 3—4 м, в 500 м к северо-востоку от д. Минино. Отделен от поселения Минино I с востока небольшой ложбиной с пересыхающим в летнее время ручьем. Площадка могильника частично поросла лесом, частично находится под лугом, с запада на восток ее пересекает грунтовая дорога, на восточной части площадки располагаются строения турбазы. Погребения не имеют внешних обозначений на поверхности, но, судя по находкам костей в обнажениях, площадка могильника вытянута с запада на восток не менее чем на 220 м.

Могильник был открыт Онежско-Сухонской экспедицией ИА РАН в 1997 г., раскопки были продолжены в 1998, 2000, 2002 и 2003 гг. Исследования были произведены на четырех участках, в западной (раскоп 1, шурф 2002 г.) и восточной (раскопы 2 и 3) частях площадки. Всего за 6 полевых сезонов вскрыта площадь около 880 кв. м. и исследованы остатки не менее 82 погребений — 65 трупоположений и не менее 17 трупосожжений с инвентарем второй половины X — второй половины XII — начала XIII в.

(*Макаров, Зайцева*, 1999; *Макаров, Зайцева*, 2003; *Макаров, Захаров, Зайцева, Меснянкина, Суворов*, А-2002; *Макаров, Захаров, Суворов, Зайцева, Меснянкина, Михайлов*, А-2003).

8. Селище Минино VI. Находится в 350 м к востоку от д. Минино, в 250 м к юго-западу от поселения Минино I, на противоположном, правом, берегу р. Дмитриевки. Располагается на краю коренного берега р. Дмитриевки к северу и востоку от ограды кладбища бывшего Дмитриевского погоста. Памятник открыт в 1999 г. Онежско-Сухонской экспедицией ИА РАН. Местность представляет собой береговую террасу, в западной части имеющую сильный уклон к северу, в центральной и восточной части — плоскую. Поверхность поселения занята в настоящее время лугом, в некоторых местах она поросла кустарником и лесом. На свободной от леса и кустарника части поселения на поверхности заметны следы гряд старых полей и кучи камней, убранных с

полей. По восточной части селища проходит дорога из д. Минино к Кубенскому озеру. Высота местности над меженным уровнем воды в р. Дмитриевке составляет от 4 до 5,5 м. Поверхность поселения плотно задернована. Для точного определения границ селища и характера культурного слоя на площадке поселения в 1999 и 2001 гг. было заложено 16 шурфов размерами 1 × 1 м и 1,5 × 1,5 м. Раскопками 2000, 2001 и 2003 гг. вскрыта площадь 588 кв. м.

Шурфовка показала, что селище в плане имеет форму неправильного овала, вытянутого с запада на восток на 300 м. Точное определение его площади затруднено из-за залесенности части местности и наличия действующего кладбища. Присутствие средневековой керамики отмечено в 14 шурфах на общей площади около 3 га, однако в западной части, на участке площадью не менее 1 га концентрация средневековой керамики в слое низкая. На всей площади поселения культурный слой сильно поврежден распашкой. Наибольшая его мощность и концентрация керамики отмечены в центральной части селища, примерно в 80 м к северо-востоку от церкви св. Дмитрия. Здесь был заложен раскоп в форме двух широких взаимоперпендикулярных траншей.

Культурные отложения на большей части раскопа четко разделялись на два слоя — аморфную темно-серую гумусированную супесь (пахотный слой) толщиной 20—38 см и залегающую ниже темно-серую (почти черную) интенсивно гумусированную супесь, насыщенную печными камнями, крупными фрагментами керамики и костями животных и рыбы — не потревоженный распашкой средневековый культурный слой. Во всех пластах пахотного слоя численно преобладала керамика эпохи Средневековья, среди которой отмечено наличие круговых венчиков с профилировкой, характерной для XIII—XIV вв. В заполнении материковых ям присутствовала преимущественно средневековая керамика — как лепная, так и круговая. В раскопе собрано в общей сложности около 1870 находок, не считая керамики. Вещевой материал включает предметы всех эпох от XI в. до новейшего времени, численно преобладают бытовые вещи и украшения XI — первой половины XIII в.

(*Макаров, Захаров, Зайцева, Суворов*, А-1999; *Макаров, Захаров, Зайцева, Меснянкина, Суворов*, А-2000; *Макаров, Захаров, Зайцева, Меснянкина, Мокрушин*, А-2001; *Макаров, Захаров, Суворов, Зайцева, Меснянкина, Михайлов*, А-2003).

9. Поселение Минино VII. Находится на левом берегу р. Дмитриевки вблизи турбазы завода ЖБИ в 450 м к востоку от д. Минино. Памятник открыт Онежско-Сухонской экспедицией в 2000 г. Поселение занимает край коренной террасы р. Дмитриевки высотой 5,0—5,5 м над меженным уровнем воды. Участок, на котором оно располагается, частично занят лугом, частично порос кустарником. По территории памятника проходит дорога из д. Минино к берегу Кубенского озера. Северная часть поселения находится на территории турбазы Вологодского завода ЖБИ, юго-западная приобретена в частное владение и застраивается. С запада поселение вплотную примыкает к могильнику Минино II и частично распространяется на его площадку.

Перемешанный распашкой культурный слой поселения был первоначально зафиксирован в обнажениях берега р. Дмитриевки и в ямах и рытвинах на площадке, где ведется строительство. Для уточнения его распространения заложено 4 шурфа размером 1 × 1 м. Культурный слой в шурфах представлял собой серую или серо-коричневую гумусированную супесь, перемешанную старой распашкой, мощность его колебалась от 30 до 45 см. В двух шурфах собраны немногочисленные фрагменты поздней круговой сероглиняной керамики, круговой древнерусской керамики и лепной средневековой керамики, в двух других средневековая керамика отсутствовала.

Средневековая керамика и перемешанный распашкой культурный слой зафиксированы на участке берега протяженностью около 90 м вдоль реки и распространяются вглубь террасы на 10—30 м. Общая площадь селища около 1500 кв. м. Наиболее высокая концентрация керамики зафиксирована на центральном и восточном участках поселения.

(*Макаров, Захаров, Зайцева, Меснянкина, Суворов*, А-2000).

10. Поселение Владышнево I. Располагается на склоне левого берега р. Делялевки, впадающей в Кубенское озеро, в 1 км к юго-западу от ее устья. Памятник был открыт С.Ю. Васильевым в 1994 г., при повторном обследовании Онежско-Сухонской экспедицией в 1998 г. на площадке были заложены три шурфа, в 2000 г. на поселении были произведены небольшие раскопки. Площадь поселения составляет около 2,5 тыс. кв. м. Зона распространения культурного слоя читается по микронарушениям дернины и в колеях грунтовой дороги, пересекающей памятник с юго-запада на северо-восток. Максимальное превышение площадки селища над уровнем воды в реке достигает 5 м. Вся площадь поселения плотно задернована, за исключением прибрежной части, где культурный слой размывается рекой. В составе подъемного материала мелкие фрагменты лепной средневековой керамики, несколько кремневых пластин и отщепов и медная монета — полушка 1735 г.

Раскоп 2000 г., площадью 16 кв. м был заложен в наиболее возвышенной юго-восточной части селища, где в разведочном шурфе № 3, включенном в пределы раскопа, в 1997 г. был обнаружен развал печи-каменки. Разборка культурного слоя производилась по пластам мощностью 0,1 м и сопровождалась просеиванием и промывкой всего грунта.

Первый и начало второго пласта были сложены серой гумусированной супесью, в которой были встречены мелкие фрагменты круговой позднесредневековой, лепной древнерусской керамики и пять индивидуальных находок, в том числе две железные пластины, железный стержень прямоугольного сечения и фрагмент железной остроги. Наиболее выразительная находка — литой бронзовый нательный крест XVII—XVIII вв. В восточных квадратах раскопа на уровне первого пласта было расчищено небольшое количество бессистемно располо-

женных печных камней. В верхних пластах вся встреченная керамика была сильно измельчена, что связано с тем, что они в течение какого-то времени подвергались пахоте. Однако наличие в пределах пахотного горизонта компактных скоплений керамики говорит скорее всего о непродолжительности распашки.

Нижняя часть второго, третий и четвертый пласты были сложены темно-серой (черной) супесью, содержавшей значительное количество обломков керамики, среди которых абсолютно преобладали фрагменты лепных сосудов, и 30 индивидуальных находок. Находки представлены лимоновидной серебростеклянной бусиной, разноцветным бисером (желтым и синим), бронзовым пластинчатым перстнем, поясной накладкой, привеской-бубенчиком с щелевидной прорезью, замком типа А, обломками лезвий топоров, фрагментами бронзовых неорнаментированных пластинок. Кроме находок, относящихся к Средневековью, на памятнике в пределах раскопа 2000 г., было обнаружено девять кремневых пластин и их сечений, относящихся к подстилающему средневековый культурному слою мезолитической стоянки. В пределах раскопанной площади была, по-видимому, затронута периферия этого памятника, расположенного, по всей вероятности, ближе к реке.

Наиболее выразительные находки, относящиеся к древнерусскому слою, концентрируются вокруг скопления камней, расчищенных в центральной и восточной частях раскопа, которое было интерпретировано как остатки отопительного сооружения (печи-каменки). Печь представляла собой подпрямоугольное в плане сооружение, сложенное из дикого камня, практически ничем не скрепленного. Сооружение было сориентировано по линии северо-запад — юго-восток, его размеры без учета развала камней составляли 1,8 на 1,5 м. По периметру основной объем печи фиксировался наиболее крупными валунами, на которые опиралась выкладка из небольших камней. В стратиграфическом разрезе печи было зафиксировано два ряда такой выкладки, разделенных прослойкой культурного слоя (темно-серая супесь с мелкими угольками) мощностью до 0,1 м. Нижний ряд выкладки лежал на материке (желто-бурая супесь). Среди печных камней в юго-восточной оконечности сооружения на уровне 3-го пласта были прослежены остатки двух сгоревших бревен. Они лежали вдоль южной и восточной стенок печи и пересекались под острым углом, возможно, представляя собой часть ее конструкции. При разборке печи в ее заполнении у южной стенки были обнаружены два скопления керамики, оказавшиеся развалами лепных сосудов. После разборки печи при зачистке материка были обнаружены две ямы, частично перекрывавшиеся кладкой основного объема сооружения. Овальная яма 3, расположенная к северу от печи, максимальными размерами 0,93 на 0,65 м при глубине до 0,28 м была заполнена культурным слоем (темно-серая супесь) с включениями крупных (до 0,15 м в диаметре) камней. В восточной ее части при зачистке материка было обнаружено округлое углубление в дне ямы, заполненное камнями. Кроме фрагментов лепных сосудов в яме были обнаружены две индивидуальные находки: керамическая льячка и ключ от замка типа А. Яма 2, расположенная под южной стенкой печи, имела подковообразную в плане форму. Максимальные размеры ямы 1,55 на 0,68 м при глубине 0,12 м. В заполнении ямы, которое было сложено темно-серым суглинком, так же как и в яме 3, было обнаружено несколько крупных камней, лежащих на пологих стенках и дне. В ее центре, на материке, был обнаружен крупный фрагмент верхней части лепного сосуда.

Общая мощность культурного слоя в раскопе составила от 0,26—0,4 м, в понижениях — до 0,45 м, в ямах — до 0,55 м. Культурный слой оказался достаточно хорошо стратифицирован, стерильные прослойки отсутствовали, визуально четко разделялись только верхний пахотный слой и слой средневекового селища, который представлен темно-серой (черной) и серо-коричневой супесью. В профиле восточной стенки раскопа культурный слой содержал достаточно большое количество очажных камней, углистые прослойки, связанные с исследованной в раскопе печью-каменкой. Встреченные в толще культурного слоя мезолитические находки, представленные незначительным количеством предметов — кремневыми пластинами и сколами, равномерно распределены по всей площади раскопа. По всей видимости, в процессе функционирования древнерусского памятника был переработан слой мезолитической стоянки, расположенной, вероятно, ниже по рельефу.

Судя по составу керамического комплекса, представленного почти исключительно лепной керамикой (более 1300 фрагментов), и набору находок, сооружение, изученное в процессе раскопок 2000 г. представляет собой компактный, с хронологической точки зрения, комплекс, который, исходя из небольшого количества угля и золы в заполнении печи, функционировал в течение непродолжительного времени во второй половине X — первой половине XI в. Находки в верхнем горизонте керамики и креста-тельника XVII— XVIII вв., связаны, скорее всего, с временным пребыванием сельчан в урочище, где располагались поля и рыболовецкие тони.

(*Макаров, Захаров, Зайцева, Меснянкина, Суворов*, А-2000).

11. Владышнево II, могильник, находится вблизи западного берега Кубенского озера, на берегу впадающей в него речки Делялевки, в 100 м от селища Владышнево I, выше по течению реки. Местность, возвышающаяся над меженным уровнем воды примерно на 5 м, представляет собой поляну с крупными камнями, заросшую молодым сосняком. Место могильника не было обозначено какими-либо наземными сооружениями. Раскопками 2000—2001 гг. вскрыта площадь около 200 кв. м, охватывающая большую часть площадки могильника.

Основными средневековыми объектами, исследованными в раскопе, был, во-первых, слой коричнево-серой гумусированной супеси с кальцинированными костями и средневековыми вещами, зале-

гавший под дерном по всей площади раскопа, во-вторых, 4 большие материковые ямы (№ 1, 2, 8 и 9), содержавшие кальцинированные кости, угли и погребальный инвентарь. В раскопе выявлен также незначительный по мощности слой светло-красной слабогумусированной супеси, содержавший кремневый инвентарь эпохи мезолита, и ряд ям мезолитического времени. Всего на площади раскопа собрано 579 находок эпохи первобытности, происходящих из частично переотложенного слоя мезолитической стоянки, 91 средневековая вещь, принадлежащая к комплексу могильника, и около 220 г кальцинированных костей.

В составе коллекции средневековых вещей, происходящих из пахотного слоя и заполнения грунтовых ям, 15 стеклянных бус (в том числе три бисерины), девять предметов из железа — нож, черешковый наконечник стрелы, томар, фитильная трубка, ключ, фрагмент гарпуна и цепочка, два гвоздя, два предмета из глины (фрагмент тигля и льячка) и 63 предмета из бронзы, главным образом, украшения. Наиболее многочисленные категории бронзовых вещей — части поясной гарнитуры (накладки, наконечник ремня (?), пряжка — всего 25 экз.) и комплекс женских украшений, в числе которых грушевидные привески-бубенчики с линейной прорезью (9 экз.), шаровидный крестопрорезной бубенчик, полутрубчатые горизонтальные подвески-пронизки с грушевидными бубенчиками (5 экз.), бутылковидные подвески-пронизки (2 экз.), колоколовидная подвеска-пронизка и пластинчатая трапециевидная подвеска. Среди найденных бронзовых предметов имеются также пластинчатые оковка и ушко с заклепкой от сумки или кошелька, круглопроволочное кольцо с петельчатым ушком и пластинчатое ушко с валиком и отверстием.

Судя по набору находок, основная часть вещей, найденных в пахотном слое, составляла инвентарь одного мужского погребения, а яма 2 содержала кремированные останки женщины. Время сосуществования средневековых вещей определяется в пределах середины — второй половины X в.

(*Макаров, Захаров, Зайцева, Меснянкина, Суворов*, А-2000; *Макаров, Захаров, Зайцева, Меснянкина, Мокрушин*, А-2001).

12. Селище Горка Покровская находится на территории д. Горка Покровская, в центральной ее части, на обоих берегах р. Крутец, в 0,8 км от впадения ее в Кубенское озеро (рис. 170). Местность представляет собой гребень коренной террасы Кубенского озера, возвышающийся над уровнем озерной поймы на 5—8 м, прорезанный руслом реки. Поверхность памятника занята жилыми постройками и огородами д. Горка Покровская, часть его находится под лугом. С запада селище вплотную примыкает к кладбищу и руинам церкви Покрова — бывшего приходского храма Покровского погоста Сямской волости. Памятник открыт и обследован Онежско-Сухонской экспедицией ИА РАН в 2001 г.

Границы памятника определены путем осмотра обнажений, прежде всего огородов д. Горка Покровская, и закладки шурфов на задернованных участках. Установлено, что культурный слой образует два пятна. Одно из них, овальной в плане формы, локализуется на склоне левого берега р. Крутец и имеет размеры 140 × 70 м. Другое пятно, также овальное в плане, локализуется на краю террасы правого берега Крутца, оно вытянуто вдоль реки на 240 м, в напольную сторону культурный слой распространяется на 60 м. Общая площадь памятника составляет около 2,2 га. Культурный слой в распашке имеет темно-серую окраску. Среди подъемного материала, собранного на огородах, представлена главным образом неопределимая круговая и поздняя круговая керамика, с профилировкой венчиков, характерной для XVII—XIX вв. Два фрагмента венчиков сосудов с характерной профилировкой XIV—XVI вв. найдены в южной части восточного пятна. Возможно, к XIII—XIV вв. относятся несколько фрагментов стенок круговой керамики с шероховатой поверхностью и трехслойным обжигом, собранных в северной части западного пятна.

Для изучения стратиграфии культурного слоя на селище заложено 3 шурфа размерами 1 × 1 м. Шурфы располагались на правом берегу Крутца у края второй речной террасы (шурф *1*), на левом берегу Крутца, в 45 м к юго-востоку от церкви Покрова Богородицы (шурф *2*), в 100 м к северо-востоку от церкви Покрова Богородицы и в 3 м от русла реки на краю высокой береговой террасы (шурф *3*). Во всех шурфах зафиксированы напластования темно-коричневой или темно-серой супеси мощностью от 0,4 до 0,6 м с печными камнями, фрагментами печной обмазки, фрагментами фаянсовой посуды и оконного стекла, костями животных и многочисленными фрагментами круговой керамики. Почти вся керамика из шурфов по профилировке должна быть отнесена к эпохе позднего Средневековья и раннего Нового времени. Шесть фрагментов венчиков из шурфа 2 могут быть датированы в широких хронологических рамках второй половины XII—XIV вв. Средневековая лепная керамика в шурфах отсутствует.

(*Макаров, Захаров*, А-2001. Л. 4—8).

13. Поселение Коробово VI находится на юго-восточной окраине д. Коробово. Открыто Онежско-Сухонской экспедицией в 1999 г., разведочные работы проводились в 2000—2001 гг. Располагается на краю береговой террасы р. Ельмы, возвышающейся над меженным уровнем воды на 3—5 м. Площадка поселения повышается по направлению к северо-западу. Центральная часть площадки разрушена при строительстве коттеджа и хозяйственных построек и сооружении пруда. В результате земляных работ искажен первоначальный ландшафт и срезана часть выступа террасы с культурным слоем. Северо-западная часть площадки поселения используется под огороды, восточная частично задернована. Границы поселения определены по находкам подъемного материала и выходам культурного слоя на обнаженных участках. Многочисленные обнажения позволили собрать обильный керамический материал и зафиксировать стратиграфическую ситуацию в различных точках.

Поселение вытянуто с запада на восток вдоль края террасы на 180 м, с юга на север — на 30—75 м.

Рис. 170. Поселение Горка Покровская

1 — общий вид с юго-востока; *2* — план поселения

Культурный слой сохранился на площади около 1 га, на площади не менее 0,2 га слой срезан. В обрыве строительного котлована в центральной части поселения встречены выходы темного гумусированного слоя, пережженные печные камни, крицы и шлаки, кости животных. Культурный слой здесь имеет наибольшую мощность и наибольшую насыщенность средневековыми культурными остатками. На западном участке поселения в бороздах огородов и обнажениях у северной ограды усадьбы зафиксирован темный пахотный слой толщиной 20—40 см.

На восточном участке поселения (к востоку от ограды коттеджа, "участок 1") собраны прикладная печать-матрица из темно-серого камня с изображением зверя и круговой надписью "печат протасіева", железная скоба, 61 фрагмент грубой лепной средневековой керамики, 21 фрагмент неопределимой лепной керамики, 99 фрагментов круговой средневековой керамики, 51 фрагмент поздней круговой, 37 фрагментов неопределимой круговой керамики, а также материалы более раннего времени: фрагмент грузика дьякова типа (?), один фрагмент ямочно-гребенчатой керамики, 71 фрагмент сетчатой керамики, 21 фрагмент штрихованной керамики раннего железного века, 30 кремневых пластин, 121 кремневый отщеп, 13 кремневых скребков, 11 кремневых сколов, два осколка кварца, а также две кости человека и кости животных.

В выбросе из котлована у южной стены ограды коттеджа собраны: железная пластина, глиняный шарик, 83 фрагмента лепной средневековой керамики, один фрагмент сетчатой керамики, 14 костей животных и многочисленные кости рыб. У северной стены ограды усадьбы на огородных грядах ("участок 2") собраны: два фрагмента лепной средневековой керамики, два фрагмента круговой древнерусской и шесть фрагментов круговой поздней керамики, одна кремневая пластина и фрагмент черепа человека (?). На участке к западу от котлована ("участок 3") на старых огородных грядах и в отвале из котлована собраны: 30 фрагментов лепной средневековой керамики, пять фрагментов круговой средневековой, 15 фрагментов круговой поздней, семь фрагментов круговой неопределимой и один фрагмент штрихованной керамики раннего железного века, два кремневых отщепа и три кремневых пластины. На западном краю поселения ("участок 4") собраны: девять фрагментов лепной средневековой керамики, четыре фрагмента круговой средневековой керамики, десять фрагментов поздней круговой керамики, два кремневых отщепа и два кремневых скола.

В зачистке края строительного котлована, прорезавшего береговую террасу, произведена зачистка культурного слоя на трехметровом участке. В зачистке зафиксировано несколько прослоек темного гумусированного культурного слоя, перекрытых прослойками намывных озерных отложений. Общая мощность этих напластований в южной части зачистки, у края террасы, составляла 140 см, в северной — 70 см при 40-сантиметровом падении дневной поверхности на трехметровом участке зачистки. Стратиграфия отложений имеет следующий характер: озерные отложения — намывной крупнозернистый песок 20—85 см (большинство прослоек имеет бóльшую ширину в южной части профиля), темно-серый гумусированный слой — 4—6 см, серый слабогумусированный слой (озерные отложения) — 10—30 см, интенсивной гумусированный темно-серый слой с печными камнями (развал очага?) и средневековыми находками — 6—26 см, озерные отложения — перемытый серый песок — 10—15 см, интенсивно гумусированный темно-серый слой со средневековыми материалами 7—12 см. Материк — плотная серая глина с гравием. Из прослоек интенсивно гумусированного темного слоя в нижней части слоя происходят бусина-лимонка, два железных предмета, 40 фрагментов лепной средневековой керамики, один кремневый отщеп, кости животных и рыб.

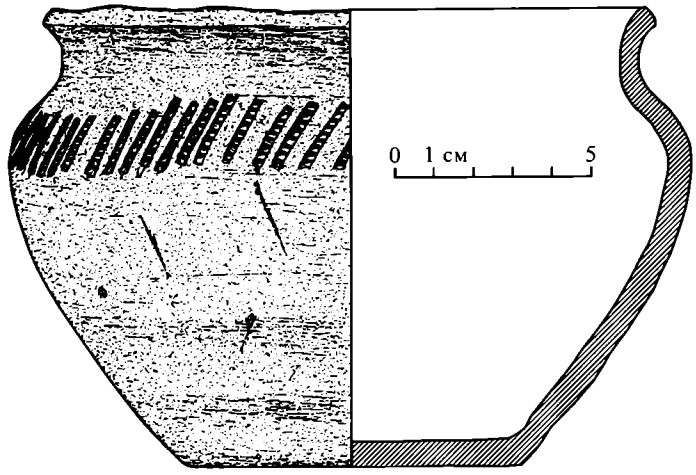


Рис. 171. Могильник Кубенское. Керамика

На поселении представлены материалы различных исторических эпох — от мезолита до XIV—XV вв. Наиболее многочисленную группу находок составляет лепная и круговая керамика X—XII вв., распространенная на всей площади поселения. Керамика эпохи раннего железа и позднего Средневековья концентрируется в восточной части площадки, здесь же собрана большая часть мезолитического материала.

(*Макаров, Захаров, Зайцева, Меснянкина, Суворов*, А-2000; *Макаров, Захаров*, А-2001).

14. Могильник Кубенское находится в восточной части села Кубенское, на правом берегу р. Княжицы, впадающей в Кубенское озеро, на второй надпойменной террасе (высота над уровнем воды 10 м). В 1995 г. при проведении работ по углублению подвала частного дома (ул. Гражданская, 48/50) обнаружены костные останки нескольких индивидов и бронзовые украшения — остатки парного (?) погребения XII — начала XIII в. Фиксация находки была произведена сотрудником ВГИАХМЗ И.Ф. Никитинским. Коллекция вещей включает бронзовые пронизки, подковообразную фибулу, две бронзовые подвески-уточки, железный нож, круговой горшок с гребенчатым орнаментом (рис. 171).

(*Никитинский*, 2006. С. 31—38).

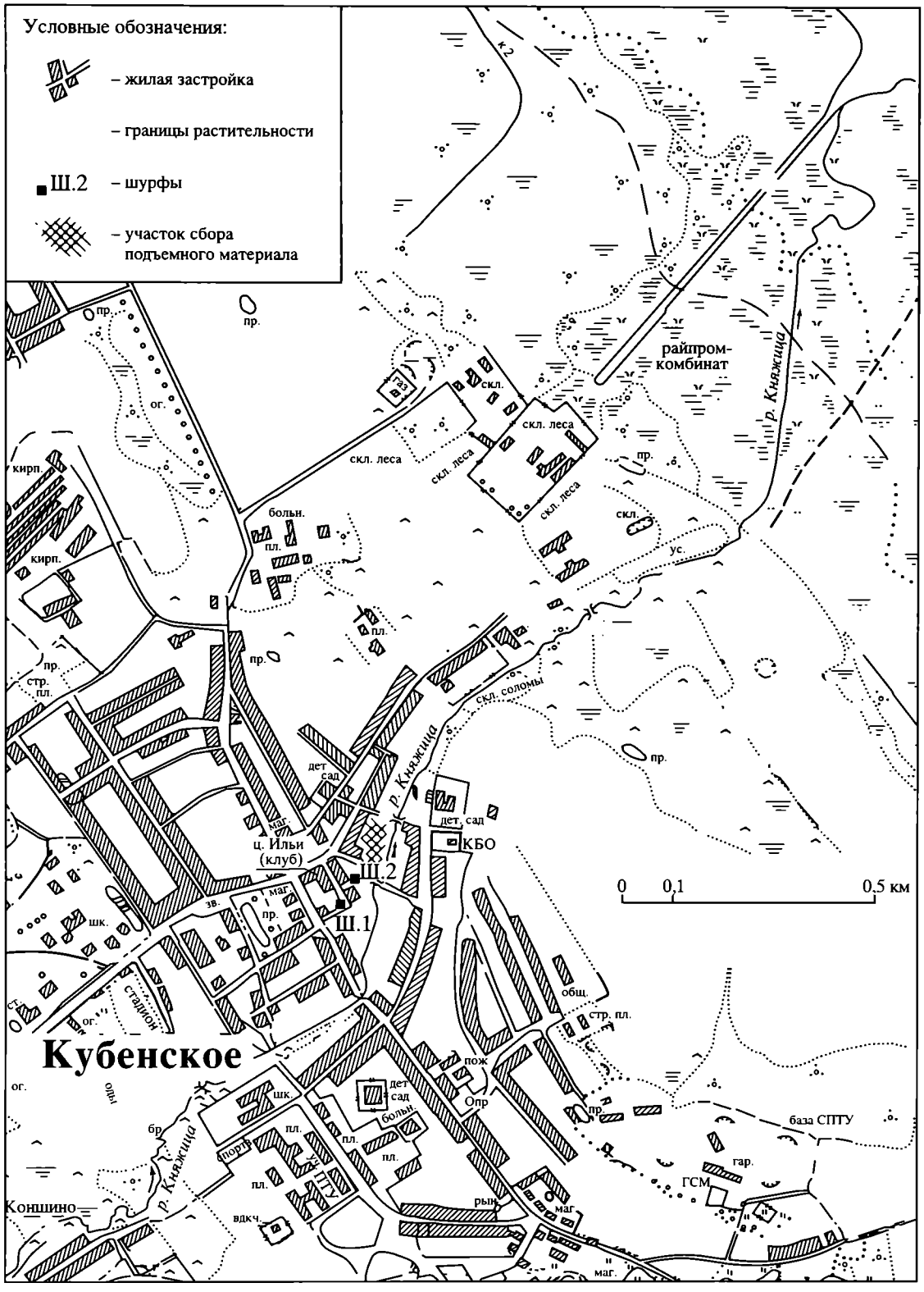


Рис. 172. Поселение Кубенское. План

15. Селище Кубенское. Находится на территории села Кубенское, на левом берегу р. Княжицы, на 20-метровой надпойменной террасе (рис. 172). Средневековая керамика и культурный слой выявлены Онежско-Сухонской экспедицией в 2002 г. при осмотре поверхностных обнажений и шурфовке. Точные границы поселения не установлены.

При обследовании поселения вблизи церкви св. Ильи пророка, превращенной ныне в клуб, были заложены два шурфа размерами 1 × 1 м. Первый из них находился в 34 м к ЮЮВ от восточного угла церкви, в огороде дома № 44 по ул. Ленина, второй — в 47 м к СВ от западного угла церкви, в переулке перед домом № 4 по ул. Советской, на понижении террасы к реке. В обоих шурфах культурный

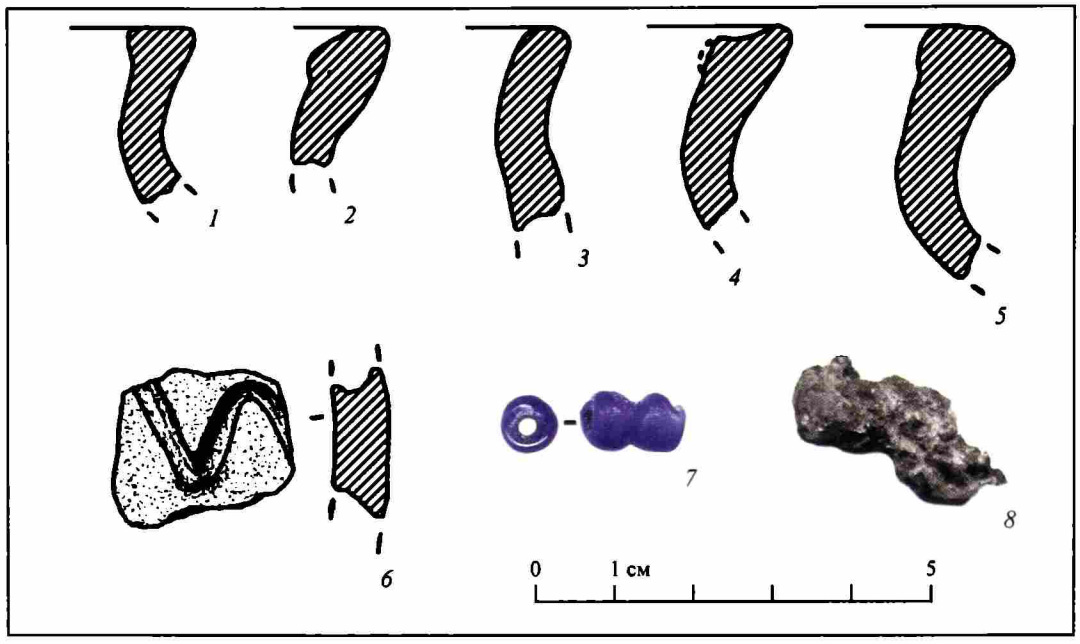


Рис. 173. Поселение Кубенское. Круговая керамика и вещевой материал из шурфов (*2, 4, 5, 7, 8*) и сборов на огородах (*1, 3, 6*)

слой представлял собой перемешанную серую и серо-коричневую супесь с различными прослойками и включениями кирпича, извести и углей, насыщенную в верхней части битым стеклом, железными гвоздями, фаянсом и поздней сероглиняной керамикой. В шурфе 1 общая мощность культурных напластований достигала 55 см, в шурфе 2 — 90 см.

В шурфе 1 собрано свыше 1200 фрагментов керамики, преимущественно круговых сероглиняных сосудов. Кроме того, в первом пласте обнаружены два средневековых предмета: стеклянная навитая светло-синяя бусина и фрагмент оплавленной бронзовой цепочки. Среди других находок две медные монеты: денежка (1/2 копейки) 1859 г. (3-й пласт), две копейки 1850-х годов (5-й пласт). В четвертом пласте найдена вырезанная из кости ложечка с гладкой, расширяющейся к концу ручкой, в шестом пласте — глиняное рыболовное грузило с клеймом.

В шурфе 2 собрано свыше 850 фрагментов керамики, в том числе около 80 ошлакованной. Большая часть фрагментов принадлежит сероглиняным круговым сосудам позднего Средневековья и Нового времени, меньшая часть — чернолощеным и поливным сосудам. В коллекции представлено также два фрагмента венчиков сосудов с профилировкой XIII — XIV вв. и два с профилировкой XV — XVI вв. (рис. 173). Найдены также фрагмент глиняного грузила (пласт 7) и фрагмент печного рельефного изразца (пласт 10).

На огородах с. Кубенского на левом берегу р. Княжицы, к ССВ от шурфа собран подъемный материал, в том числе обломок лезвия топора, обломок глиняного грузила с тычковым орнаментом по периметру, два обломка красноглиняных курительных трубок и 10 фрагментов круговой сероглиняной керамики, в том числе 2 с профилировкой XIII — XIV вв.(рис. 173).

(*Макаров*, А-2002).

16. Селище Чирково I находится на левом берегу р. Кубены, на территории с. Чирково, в западной его части. Селище открыто Онежско-Сухонской экспедицией ИА РАН в 2001 г., повторные обследования производились в 2002 — 2003 гг. Занимает участок береговой террасы, возвышающийся над меженным уровнем воды на 5 — 6 м, круто обрывающийся к реке. Территория селища занята в настоящее время жилыми постройками села и огородами. В восточной части площадки располагается бывшая церковь св. Дмитрия Солунского. Концентрация основной массы подъемного материала на отмели, ширина которой достигает в некоторых местах 20 — 25 м, свидетельствует о том, что значительная часть площадки поселения смыта паводковыми водами. С запада поселение ограничено руслом небольшого безымянного ручья, впадающего в р. Кубену.

Судя по распространению подъемного материала, селище вытянуто вдоль реки на 350 м. На самой береговой террасе интенсивно гумусированный культурный слой локализуется на узком участке (10 — 40 м) вдоль ее края. В зачистке культурного слоя в обрыве берега реки в западной части селища выявлена темно-серая гумусированная супесь толщиной до 0,55 м, в верхней части перемешанная распашкой. Слой содержит фрагменты поздней круговой сероглиняной керамики и отдельные фрагменты более ранней средневековой. Точное определение южной границы распространения культурного слоя затруднено из-за плотной застройки деревни. По приблизительным оценкам площадь селища составляет около 1 га.

Коллекция вещей, собранная на размытых участках селища, включает два фрагмента лепной керамики эпохи железного века — раннего Средневековья с ямочным, гребенчатым и веревочным орнаментом (рис. 33, *4, 5*), 50 фрагментов грубой лепной средневековой керамики (в том числе 37, составляющих развал одного сосуда — рис. 32, *8*), 77 фрагментов венчиков круговой керамики с профилировкой XII — XV вв. и около 120 предметов из цветного металла, железа, стекла, камня и глины от Средневековья до Новейшего времени (рис. 38 — 40). Часть этих предметов не поддается точной хронологиче-

ской атрибуции. Основная часть лепной керамики (47 фрагментов) собрана в западной части селища (участок 1), здесь же найдено восемь венчиков круговых сосудов с профилировкой XII – XIII вв. и пять венчиков сосудов с профилировкой XIII – XV вв. В центральной части селища собраны три фрагмента лепной средневековой керамики, 15 фрагментов венчиков круговых сосудов с профилировкой XII – XIII вв. и 39 венчиков сосудов с профилировкой XIII – XV вв. В восточной части селища (участок 3 и западная часть участка 4) концентрация керамики снижается, здесь собрано 10 мелких фрагментов венчиков круговых сосудов XII – XIII вв.

В западной части селища на участке 1 собраны также: крест каменный с прямыми концами прямоугольного сечения и изображением херувима, замок железный навесной типа Е, монета – 25 копеек серебром 1838 г., две пластины бронзовые, кольцо бронзовое круглопроволочное замкнутое, две костяные заготовки, опиленная кость.

Основная масса подъемного материала (более 110 предметов) собрана на 35-метровом отрезке участка 2 в центральной части селища. Разборка переотложенного слоя на берегу сопровождалась промывкой части грунта на металлических сетках. В составе коллекции фрагмент золотой пластины, серьга серебряная кругопроволочная (проба 84), серебряная пластина, серебряная монета (Великий князь Василий II, денга 1440 – 1462 гг.), серебряная монета (Великий князь Иван III, московская денга "дозор", 1462 – 1485 гг.), неизвестная русская медная монета первой половины XV в. с изображением зверя на лицевой стороне и надписью на обороте, два образка из свинцово-оловянистого сплава в форме киотцев, один из которых находился в металлической оправе, с поясными изображениями святых (Николая Чудотворца?), часть оправы из свинцово-оловянистого сплава от аналогичной иконки (?), иконка бронзовая овальная со штампованным изображением Черниговской Богоматери и преподобного Сергия Радонежского, 11 крестов-тельников, в том числе один бронзовый пластинчатый с расширяющимися концами и плетенкой, два бронзовых пластинчатых с килевидным завершением и изображением креста на Голгофе, один из свинцово-оловянистого сплава с килевидным завершением и изображением креста, два бронзовых пластинчатых с изображением креста и орудий страстей и надписью на обороте, три бронзовых пластинчатых различной формы со штампованными изображениями распятия или креста на Голгофе, один серебрянный с эмалью пластинчатый с круглым средокрестием, расширяющимися концами и изображением креста на Голгофе (проба 84), фрагмент фибулы бронзовой кольцевидной с ложновитой дужкой, перстень бронзовый ложновитой, копоушка бронзовая пластинчатая, грузик свинцовый конический, пронизка бронзовая спиральная пластинчатая, звено цепочки бронзовое восьмерковидное перпендикулярное, пять пуговиц: три бронзовых грибовидных с гравированным декором, бронзовая позолоченная шаровидная полая, стеклянная полупрозрачная светло-зеленая с молочно-белыми разводами, два фрагмента бронзовых пластин от оклада иконы с гравированным растительным и прорезным орнаментом, три бронзовых заклепки от металлической посуды (?). Собраны также многочисленные фрагменты бронзовой проволоки и бронзовых пластин и бронзовые булавки для плетения кружев. Среди определимых вещей из железа шесть целых и фрагментированных ножей, ювелирный молоточек, наконечник бронебойной стрелы, два ключа типа В, ключ типа Г, замок навесной типа Г и три корпуса цилиндрических замков неопределимых типов, ледоходный шип. Вещи из стекла: бусина прозрачная навитая желтая, бисерина стеклянная непрозрачная навитая коричневая. Среди прочих находок призматический оселок, два глиняных грузила с орнаментом и владельческими знаками, три фрагмента красноглиняной круговой керамики с желтой полупрозрачной односторонней поливой золотоордынского (?) происхождения, обрезки кости и костяные заготовки.

На поселении представлены вещи различных хронологических периодов – от XII – XIII вв. до Новейшего времени. Судя по концентрации лепной керамики, древнейшая часть селища должна быть локализована на западном участке, при впадении в Кубену безымянного ручья. Основная масса вещей XII – XIII и XIV – XVI вв. концентрируется в центральной части селища.

(*Макаров, Захаров*, А-2001. Л. 4; *Макаров*, А-2002; А-2003).

17. Селище Чирково II находится на левом берегу р. Кубены, на территории с. Чирково, в центральной его части, в 170 м к востоку от селища Чирково I, примерно в 500 м к востоку от устья безымянного ручья, впадающего в р. Кубену. Занимает участок береговой террасы, возвышающийся над меженным уровнем воды на 4 м, круто обрывающийся к реке. Территория селища занята жилыми постройками и огородами д. Чирково. Границы памятника определены по распространению подъемного материала на береговых отмелях и в обрывах берега. Основная часть подъемного материала собрана на бичевнике. На самой площадке определимых фрагментов средневековой керамики собрать не удалось, однако на участке, прилегающем к отмели, зафиксирована более темная окраска почвенного слоя на огородных грядах. По-видимому, значительная часть селища смыта разливами реки. Сохранившаяся часть вытянута вдоль реки на 100 м, в напольную сторону культурный слой распространяется на 20 – 25 м. Площадь селища около 3000 кв. м. В составе подъемного материала, собранного на бичевнике, круговая керамика XIII – XIV вв. (3 фрагмента венчиков, 2 фрагмента стенок с волнистым орнаментом, 4 фрагмента неорнаментированных стенок), поздняя круговая керамика (3 фрагмента венчиков, 5 фрагментов стенок) и глиняное пряслице.

(*Макаров, Захаров*, А-2001. Л. 4; *Макаров*, А-2002; А-2003).

18. Селище Лука VI находится на правом берегу р. Окольной Сухоны на территории д. Лука (Погост Лука), в северо-западной ее части (рис. 174). Открыто и обследовано Онежско-Сухонской экспедицией

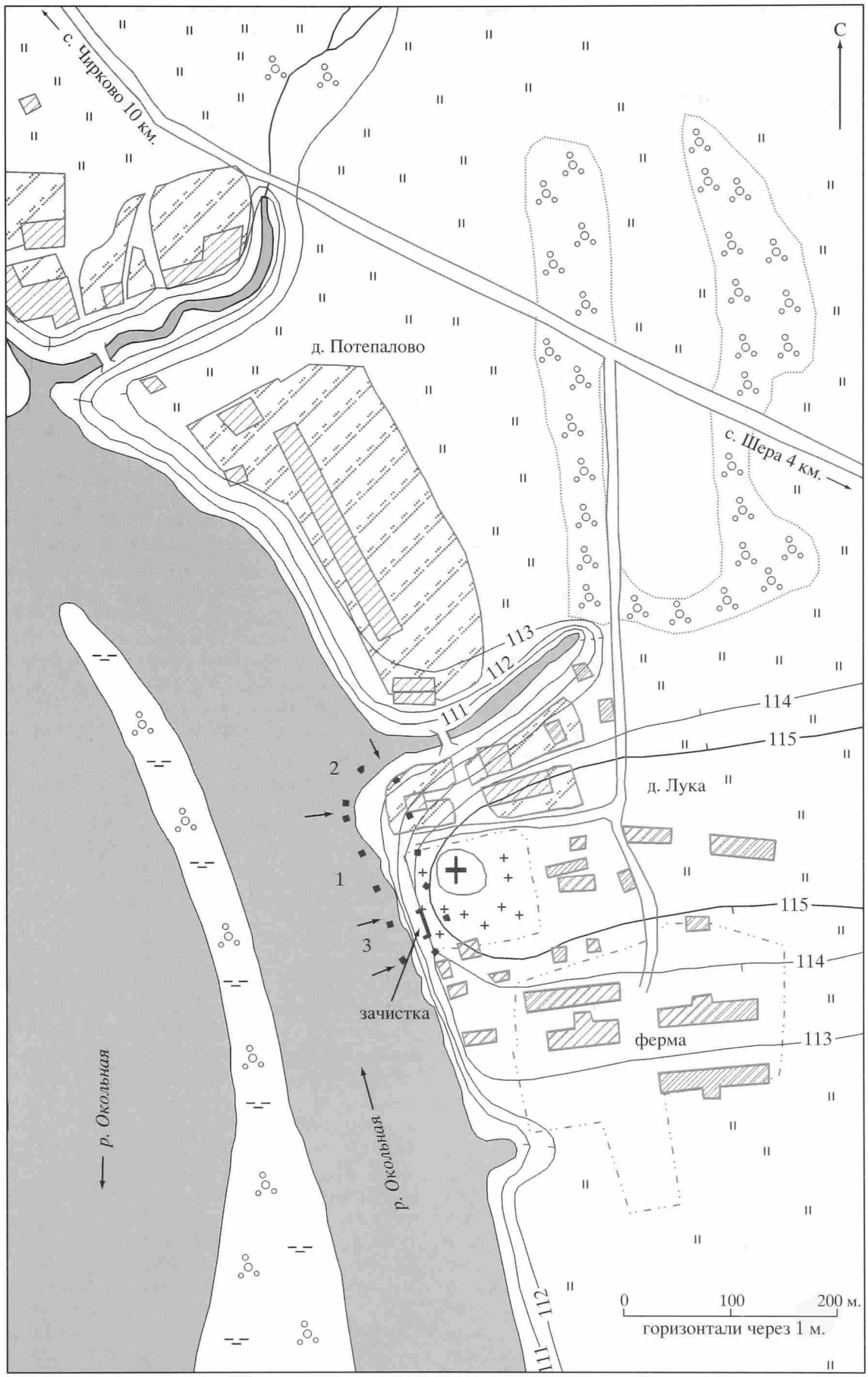


Рис. 174. Поселение Лука VI. План

в 2001 г. Занимает участок береговой террасы высотой 3 – 4 м над меженным уровнем воды, ограниченный с запада Окольной Сухоной, а с севера — руслом небольшой безымянной речки. Границы памятника определены по распространению подъемного материала (фрагменты керамики, пережженные печные камни, кости животных) в размывах берега и путем осмотра обнажений в обрывах береговой террасы. Судя по концентрации подъемного материала преимущественно на бичевнике и в реке вблизи берега, значительная часть площадки смыта во время паводков. Северная часть селища занята жилыми постройками и огородами, южная — старым кладбищем. На его территории, в 20 м от селища заметны развалины церкви св. Луки. Селище вытянуто вдоль реки на 180 м, в глубину террасы культурный слой распространяется на 25 м.

В зачистке культурного слоя в обрыве берега у кладбища длиной 1 м выявлен слой слабогумусированной серо-коричневой супеси толщиной до 30 см. Основная масса подъемного материала собрана в северной части поселения на участке протяженностью около 100 м. Отсюда происходят 13 крупных фрагментов круговой керамики XII – XIV вв. с линейным и волнистым орнаментом (6 фрагментов венчиков и 7 фрагментов стенок) и 20 фрагментов позднесредневековой керамики. На других участках собраны лишь отдельные фрагменты поздней круговой и неопределимой круговой керамики.

(*Макаров, Захаров*, А-2001. Л. 8 – 10).

19. Селище Архангельское находится на северной окраине с. Архангельское на мысу левого коренного берега р. Бохтюги, левого притока р. Сухоны, в 3,5 км выше устья р. Бохтюги. Выявлено разведками Онежско-Сухонской экспедиции в 1985 г., повторное обследование в 2001 г. сопровождалось закладкой шурфа и зачисткой обнажений культурного слоя.

Селище располагается на пологом склоне мыса, повышающегося по направлению к востоку, на высоте от 1 до 5 м над уровнем заболоченной низины в пойме реки, в 40 м к северу от церкви Архангела Михаила. Культурный слой прослеживается в распашке на огородах, границы памятника установлены по распространению подъемного материала. С севера площадка селища ограничена оврагом, с запада — поймой р. Бохтюги. Пятно культурного слоя в плане имеет овальную форму, размеры его по линии север – юг — 70 м, запад – восток — 90 м, площадь — около 6000 кв. м. Среди подъемного материала железный нож с широким плоским лезвием и оттянутым вниз концом, девять фрагментов венчиков круговой керамики XII — первой половины XIII в., девять фрагментов венчиков круговой керамики XIII – XIV вв., несколько стенок круговой древнерусской керамики с линейным и волнистым орнаментом и многочисленные фрагменты позднесредневековой сероглиняной керамики. В шурфе на северо-восточной окраине селища и в зачистке края хозяйственной ямы на восточной его части зафиксирован слой гумусированной серо-коричневой супеси толщиной до 0,35 см, собрана позднесредневековая сероглиняная и неопределимая круговая керамика.

(*Макаров*, А-1985. Л. 22; *Макаров, Захаров*, А-2001.)

2. Поселения Мининского археологического комплекса

Описание раскопов

Селище Минино I. Раскоп 1

Раскоп 1, самый большой по исследованной площади, располагался в восточной части поселения на его наиболее возвышенном участке. Высота местности составляет около 3 м над меженным уровнем воды в р. Дмитриевке. Южная стенка раскопа находилась в 36 м к северу от современного берега речки (рис. 56, 175—179).

Размеры раскопа по линии север—юг составляют 18 м при ширине от 8 до 10 м. Общая вскрытая площадь равняется 157,9 кв. м. Работы на раскопе велись в течение четырех полевых сезонов — в 1996—1998 и 2000 гг. При этом вскрывавшиеся участки непосредственно примыкали друг к другу и имели единую западную стенку. Раскоп был привязан к восточной сетке разбивки памятника, согласно которой линии квадратов получили по направлению с востока на запад буквенные обозначения (Ж, И, К, Л, М, Н), а с юга на север — цифровые (27—35).

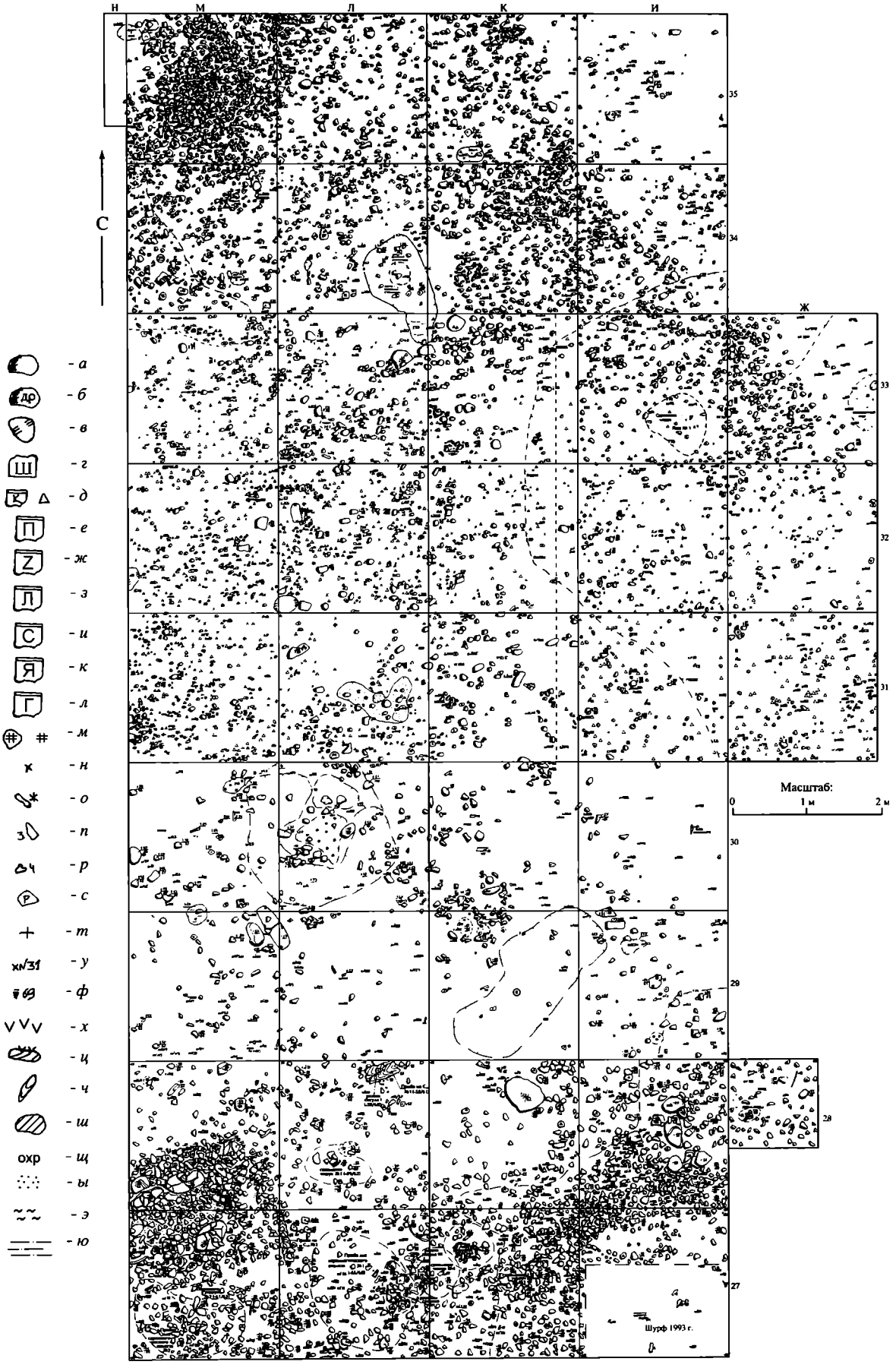
В 1996 г. было исследовано 60 кв. м. — вскрыты квадраты Ж—М в линиях 31—33. Участок площадью 32,45 кв. м, раскопанный в 1997 г., примыкал к участку 1996 г. с севера. Изучены квадраты И—М в линиях 34—35. Кроме того, для полного изучения погребения, открытого в нижней части слоя, в квадрате Н-35 была произведена прирезка размерами 1,5 × 0,3 м. Участок, исследованный в 1998 г., имел площадь 32 кв. м (квадраты И—М в линиях 29— 30) и примыкал к раскопу 1996 г. с юга. В 2000 г. раскоп вновь расширился в южном направлении — были исследованы квадраты И—М в линиях 27—28. Кроме того, в квадрате И-28 была произведена прирезка размерами 1,2 × 1,2 м для полного исследования двух погребений, выявленных под культурным слоем. Площадь раскопа 2000 г. составила 33,45 кв. м, но в его юго-восточный угол вошла часть шурфа 1993 г. площадью 2,3 кв. м.

В качестве репера, единого для всего памятника, использовалась металлическая труба, вбитая в самой высокой точке поселения в двух метрах к западу от раскопа 1, на границе квадратов Н/О-32/33 и поднимающаяся над поверхностью примерно на 0,2 м.

Покрытая луговой растительностью достаточно ровная поверхность раскопа имела слабое падение к западу, северу и югу, и более выраженное в восточном и северо-восточном направлении. Высшая точка (—0,26 м от репера) располагалась над западной стенкой раскопа на границе кв. 32/31. Южные квадраты раскопа имели среднюю высоту —0,4 / —0,45 м. Самой низкой точкой (—0,89 м) являлся северо-восточный угол раскопа 1996 г. На поверхности раскопа прослеживались три небольших нарушения дерна глубиной до 0,2 м — в северной части кв. И-35 и Ж-33 и на границе квадратов К/И-30/31.

Мощность культурного слоя в раскопе (без учета ям) колебалась от 0,4 м до 1 м при средней толщине 0,75 м (рис. 176). Верхняя его часть отложилась в эпоху средневековья (слои 1 и 2 и входящие в них прослойки). На ряде участков средневековый слой подстилался слоем серо-коричневой золистой супеси с отдельными угольками (слой 3), которая представляет собой погребенную почву — дневную поверхность на момент возникновения селища. Ниже располагался слой темной серо-коричневой супеси с углями и небольшим количеством печных камней, отложившийся в эпоху раннего железного века (слой 4а). Его нижняя граница на большей части раскопа была очень нечеткой и сливалась с лежащим ниже и относящимся к эпохе камня слоем темной серо-коричневой супеси с углями, светлеющей по мере приближения к материку (слой 4). Уклон древней (средневековой) дневной поверхности исследованного участка по линии север—юг в целом повторял современный. Однако гребень возвышенности, проходящий ныне по западной стенке раскопа, в момент заселения располагался в трех—четырех метрах восточнее — в линиях квадратов К и Л. Это смещение произошло за счет более интенсивного накопления культурного слоя в квадратах линии М и, очевидно, к западу от раскопа.

Толщина средневековых напластований в раскопе 1 колебалась от 0,2 (в восточной части раскопа) до 0,58 м (в западной), при средней мощно-


н
м
л
к
и
ж
С
35
34
33
32
31
30
29
28
27
- а
- б
- в
- г
- д
- е
- ж
- з
- и
- к
- л
- м
- н
- о
- п
- р
- с
- т
- у
- ф
- х
- ц
- ч
- ш
- щ
- ы
- э
- ю
Масштаб:
0
1 м
2 м
Шурф 1993 г.

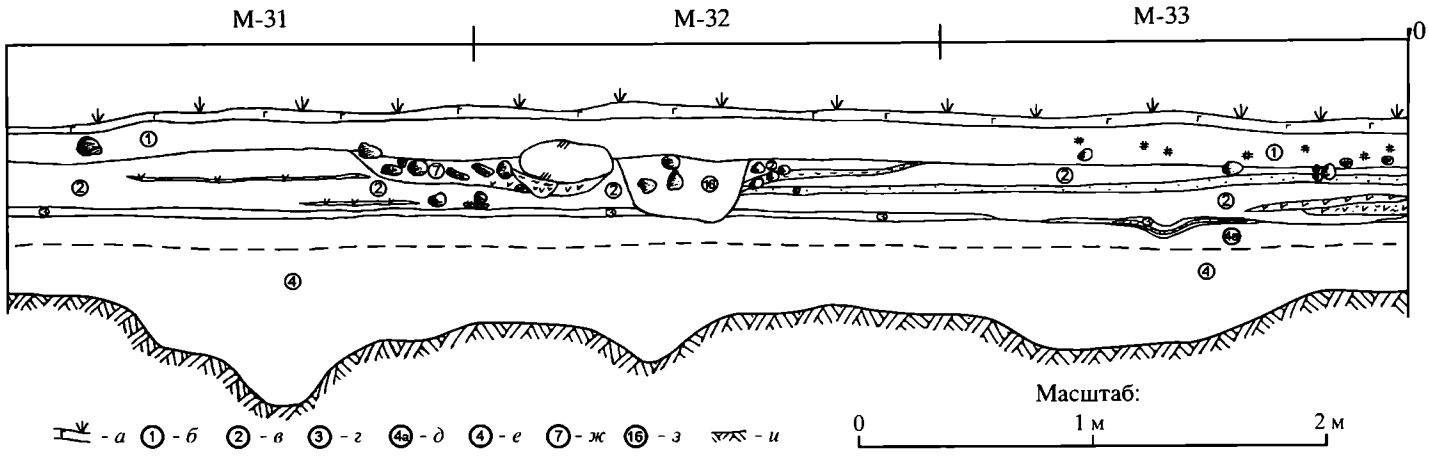


Рис. 176. Селище Минино I, раскоп 1. Западный профиль раскопа на участке, исследованном в 1996 г.

а — дерн; *б* — однородная темно-серая супесь с отдельными печными камнями (пахотный слой); *в* — темно-серая (черная) супесь с печными камнями, углем и фрагментами обмазки; *г* — серо-коричневая золистая супесь с отдельными угольками (погребенная почва); *д* — темная серо-коричневая супесь с углями и небольшим количеством печных камней; *е* — темная серо-коричневая супесь с углями, светлеющая к материку; *ж* — темно-серая (черная) супесь с повышенным содержанием печных камней, угля и обмазки; *з* — темно-серая супесь, насыщенная углем; *и* — материк

сти около 0,4 м. Верхняя его часть (слой 1) была потревожена конной распашкой. Кроме того, в восточной части зафиксированы следы частичного размывания культурного слоя. Они прослеживаются в виде залегающих в пахотном слое прослоек и пятен отмытого и разделенного на фракции песка, конфигурация которых следует рельефу поверхности. Под слоем 1 выявлена темно-серая, практически черная, супесь с большим количеством печных камней, фрагментов обмазки и углем (слой 2) — не потревоженный средневековый культурный слой. Он включал в себя различные по окраске и составу прослойки. Однако, как и на большинстве раскопов, такие прослойки занимают здесь лишь небольшие по площади участки, позволяя устанавливать стратиграфические соотношения только для отдельных комплексов.

Основными сооружениями, обнаруженными в раскопе, являются три частично вскрытые средневековые жилые постройки. Две из них (№ 2[1] и 3), отличающиеся очень плохой сохранностью, выявлены в южной части раскопа, одна (№ 1) — в его северо-западном углу (рис. 72). В пространстве между ними (линии квадратов 30—31) следов построек не зафиксировано, культурный слой здесь имеет меньшую мощность и слабее насыщен различными категориями находок.

Древнейшим сооружением, обнаруженным на селище, является ***постройка № 2*** (рис. 77). Плохая сохранность дерева и тот факт, что постройка вскрыта частично, не позволяют однозначно реконструировать форму и размеры дома. Лучше всего сохранились западное бревно сруба, прослеженное на протяжении около 5 м, и его северо-западный угол. Кроме того, выявлены остатки бревна межкамерной стенки. Реконструируемая ширина сруба составляет около 6,8 м при длине более 6,2 м. Это самый большой из исследованных в Минино домов. Остатки *печи* обнаружены в восточной части теплой камеры. От нее сохранилось лишь несколько крупных камней и пятно прокаленного суглинка. Общие размеры печки были около 1,6 × 1,1 м. По образцу древесного тлена, взятому из западной стены, получена радиоуглеродная дата (Ле-5958). Еще одна дата получена по остаткам небольшой плашки (или бревна), залегавшей в горизонте постройки в одном метре к западу от ее стенки (Ле-5957) (см. табл. 21).

Так же лишь частично исследованная ***постройка № 1*** обнаружена в северо-западном углу раскопа (рис. 76), однако дерево постройки отличается достаточно хорошей сохранностью. Пятно тлена от бревна восточной стены, прослеженное на длину более 4,5 м имело ширину от 15 до 30 см. Выявлено и

Рис. 175. Селище Минино I, раскоп 1. Сводный план раскопа на уровне второго пласта (−10 / −20 см)

а — печные камни; *б* — пережженные печные камни; *в* — камни; *г* — шлак; *д* — фрагменты керамики; *е* — круговая позднесредневековая керамика; *ж* — круговая средневековая керамика; *з* — лепная средневековая керамика; *и* — сетчатая и штрихованная керамика; *к* — ямочная неолитическая керамика; *л* — гребенчатая неолитическая керамика; *м* — фрагменты печной обмазки; *н* — кремень (массовый материал); *о* — кости животных; *п* — зубы животных; *р* — кости человека; *с* — кости рыбы; *т* — кальцинированные кости; *у* — индивидуальные находки; *ф* — нивелировочные отметки; *х* — уголь; *ц* — обугленное дерево; *ч* — древесный тлен; *ш* — береста; *щ* — охра; *ы* — песок; *э* — зола; *ю* — суглинок

[1] Нумерация построек — общая для всего селища.

Рис. 177. Селище Минино I, раскоп 1. Участок, исследованный в 1997 г. на уровне второго пласта. Вид с запада

Рис. 178. Селище Минино I, раскоп 1. Участок, исследованный в 1997 г. на уровне предматерика. Вид с запада

перпендикулярное ему пятно тлена от бревна межкамерной стены, шириной 0,25 м. Благодаря хорошей сохранности можно установить, что этот двухкамерный жилой дом был рублен "в обло" — конец бревна межкамерной стены выступает на 0,3 м. Южная стенка сруба не выявлена, но на предполагаемой трассе ее прохождения обнаружен плоский камень размерами около 0,5 × 0,4 м, очевидно служивший фундаментной опорой. Реконструируемая ширина дома — более 3,3 м, длина — более 4,9 м. Длина сеней — 2,5 м. *Печь* располагалась в большей по размерам камере, параллельно внутренней стенке. Ее размеры составляют около 1,9 × 1,1 м. Древесный тлен от восточной (Ле-5320) и межкамерной (Ле-5321) стенок был взят для радиоуглеродного анализа. Получены очень близкие даты (табл. 21).

От ***постройки № 3*** (рис. 78) дерево практически не сохранилось. Прослежены лишь отдельные фрагменты, вероятно, относящиеся к северной и межкамерной стенкам постройки. Основанием для рекон-

Рис. 179. Селище Минино I, раскоп 1. Участок, исследованный в 2000 г. после разборки второго пласта. Вид с западо-северо-запада

струкции стали наблюдения за распределением печных камней на этом участке раскопа и изменением плотности различных категорий вещевого материала. Реконструируемая на основании этих данных длина постройки превышала 4,8 м, а ширина была более 4,5 м. Гораздо лучше сохранилась *печь постройки* (рис. 83, *4*; 85). Печь вытянута по оси ЮЗЗ – СВВ (около 65°) и имеет размеры около 1,5 × 1,2 м. Конструкция печи состоит из вытянутого зольника размерами около 1,1 × 0,6 м, мощностью до 0,04 м, окруженного крупными камнями-валунами и перекрытого в 2 – 3 яруса завалом мелких расколотых камней (вероятно, остатками свода печи). Количество обожженной глины в составе завала печного камня было минимальным, что не позволяет реконструировать сколько-нибудь значительное использование при сооружении печи глины в качестве связующего или основного материала свода. Завал расколотого печного камня был весьма значителен по мощности непосредственно вокруг печи, резко убывая по интенсивности к северу и востоку. Под печью обнаружен расположенный перпендикулярно ее длинной оси фрагмент древесного тлена, который может относиться к конструкции опечка.

Помимо выявленных построек в раскопе было обнаружено 114 ям. Из-за интенсивной окраски

Таблица 21

Минино I, раскоп 1. Радиоуглеродные даты из средневековой части слоя

Индекс лаборатории	Радиоуглеродная дата (BP)	Калиброванная дата (AD)		Происхождение
		1σ	2σ	
Ле-5207	990±30	1012 – 1154	998 – 1160	пл. 3, кв. Л-31-Б, сгоревшие плашки
Ле-5208	920±50	1038 – 1168	1022 – 1223	пл. 4, кв. М-31-Г, сгоревшие плашки
Ле-5209	950±40	1028 – 1160	1016 – 1209	пл. 4, кв. И-32-Б, плашка над ямой 7
Ле-5320	1060±30	976 – 1014	894 – 1026	пл. 3, кв. М-34-Б, М-35-В, постр. 1, бревно восточной стены
Ле-5321	1000±20	1016 – 1030	1005 – 1152	пл. 4, кв. М-35-Г, постр. 1, бревно междукамерной стены
Ле-5463	930±30	1042 – 1162	1026 – 1202	пл. 3, кв. М-30-Б, Л-30-А, пятно угля
Ле-5468	1260±20	711 – 784	685 – 855	пл. 5, кв. К-30-Б, яма 37, дно
Ле-5957	1180±100	725 – 975	665 – 1020	пл. 3, кв. М-28-В, Г, постр. 2, отдельное бревно в горизонте постройки
Ле-5958	1120±40	892 – 974	822 – 1014	пл. 4, кв. Л-28-Г, постр. 2, бревно западной стены

Таблица 22

Минино I, раскоп 1. Статистика распределения индивидуальных находок по пластам

Пласт	Средневековые								Досредневековые		
	стекло	цветной металл	железо	кость (рог)	глина	камень	ткань	береста	кремень, сланец	кость (рог)	глина
	шт.	шт.	шт.	шт.	шт.	шт.	шт.	шт.	шт.	шт.	шт.
1	19	19	40	1	8	4	–	–	78	21	1
2	172	172	396	38	34	22	–	–	425	13	8
3	158	128	204	51	23	19	1	1	386	10	11
4	100	45	77	36	15	7	–	–	702	56	45
5	16	18	24	23	9	3	–	–	683	117	58
6	3	7	7	7	6	1	–	–	585	118	22
7	6	4	6	10	2	–	–	–	580	146	6
8	–	–	–	–	1	1	–	–	327	122	–
отвал	–	–	–	–	–	2	–	–	17	3	–
погребения	–	–	–	–	–	–	–	–	41	443	–
Итого	**474**	**393**	**754**	**166**	**98**	**59**	**1**	**1**	**3824**	**1049**	**151**

средневекового слоя не всегда удается четко зафиксировать контуры таких ям. Часть из них выявляется лишь в месте контакта с менее окрашенным слоем раннего времени, а в средневековых напластованиях они проявляются только повышенной концентрацией материалов предшествующих эпох. Из всех ям с эпохой Средневековья связаны 24, еще четыре представляют собой современные перекопы. Остальные ямы относятся к предшествующим эпохам или имеют естественное происхождение. Из числа средневековых ям восемь, имеющих округлую форму и диаметр от 0,1 до 0,4 м, можно отнести к числу столбовых.

Среди оставшихся наиболее интересны две ямы, прослеженные в северной части раскопа вблизи постройки № 1. Яма № 3 (1996 г.) имела форму неправильного овала, вытянутого по линии запад — восток, и пологие стенки. Размеры ямы составляли 2,6 × 1,3 м, при глубине до 0,3 м. Она представляла собой типичную помойную яму, заполненную кухонными отбросами — чешуей и костями рыбы, среди которых встречались фрагменты керамики и кости животных. Чешуя, перемешанная с небольшим количеством серой золистой супеси, залегала по стенкам и дну ямы слоем толщиной до 10 см. Всего удалось извлечь более 12,5 литров чешуи и костей рыбы. В действительности чешуи было значительно больше, но ее основная масса истлела.

Яма № 8 обнаружена возле восточной стенки постройки № 1. Эта яма имела почти правильную круглую форму, диаметр 0,6 м и глубину 0,42 м. Стенки ямы были почти отвесны, дно — уплощенное. По ее периметру прослежены остатки вертикально ориентированного древесного тлена, что позволяет интерпретировать комплекс как некое деревянное изделие (скорее всего, бочку), врытое в землю. Из находок в ней необходимо отметить янтарный крестик-тельник.

Всего в раскопе было найдено 6970 индивидуальных находок; 67 840 фрагментов керамики, из которой 39 906 представлены мелкими неопределимыми фрагментами; 48,7 кг (14 825 фрагментов) печной обмазки; 22 компактных скопления чешуи и костей рыбы (включая скопление объемом более 12,5 л в средневековой яме 3) и около 50 тыс. единичных; 19 541 кость животных; 3591 кальцинированная кость; 8626 фрагментов отходов кремнеобработки; 20 погребений, относящихся к каменному веку и 305 разрозненных костей человека, 133 фрагмента шлаков (табл. 22, 23) и 2774 современных предмета. Основную массу современных предметов составили катыши керамзита, принесенные сюда, очевидно, во время половодий, осколки стекла от банок и бутылок и круглопроволочные гвозди из современных кострищ.

Численно в вещевой коллекции преобладают предметы, относящиеся к досредневековому периоду — 5024 находки. Большая их часть (3824 находки) представлена разнообразными орудиями из кремня и сланца, принадлежащими различным историческим эпохам от мезолита до раннего железного века. 41 такая находка связана с инвентарем погребений. Роговые и костяные изделия раннего времени составляют 1049 экз., причем 443 из них происходят из погребений. Изделий из глины найдено 151. Значительная их часть — это фрагменты глиняных литейных форм-трубочек с одним или несколькими (до трех) параллельными округлыми, слабо изогнутыми каналами (рис. 99). Среди керамических материалов более тысячи фрагментов неолитических сосудов и

Таблица 23

Минино I, раскоп 1. Статистика распределения массового материала по пластам

Пласт	Керамика								Отходы кремнеобработки
	эпохи камня	эпохи раннего металла	средневековая				позднесредневековая	неопределимая (мелкая)	
			лепная	круговая	подправленная	неопределимая			
	фр.	фр.	фр.	фр.	фр.	фр.	фр.	фр.	шт.
1	3	149	334	292	6	62	96	1123	396
2	60	745	3217	1896	75	319	44	11 913	1395
3	102	1230	4164	495	19	121	–	12 529	1067
4	218	2563	3183	82	10	63	–	10 627	1398
5	383	4687	753	27	2	26	–	2675	1517
6	173	1405	152	–	–	–	–	673	1264
7	131	446	56	4	–	1	–	308	930
8	14	104	19	–	–	3	–	58	659
отвал	–	–	–	–	–	–	–	–	–
погребения	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Итого	**1084**	**11 329**	**11 878**	**2796**	**112**	**595**	**140**	**39 906**	**8626**

Пласт	Обмазка		Кости					Шлаки
			рыбы	рыбы (скопления)	животных	кальцинированные	человека	
	шт.	кг	шт.	шт.	шт.	шт.	шт.	шт.
1	720	2,2	516	1	286	104	1	–
2	8582	27,7	7634	4	4163	1097	21	110
3	4282	14,9	15 201	14	3964	490	11	6
4	941	3,3	8588	3	3383	525	60	6
5	213	0,5	3481	–	2181	466	56	10
6	28	0,06	2847	–	1708	219	44	1
7	56	0,16	7863	–	2786	625	94	–
8	1	–	3816	–	1070	65	18	–
отвал	–	–	–	–	–	–	–	–
погребения	–	–	–	–	–	–	–	–
Итого	**14 825**	**48,76**	**49 945**	**22**	**19 541**	**3591**	**305**	**133**

более 11 тыс. фрагментов керамики эпохи раннего металла (см. с. 117–129).

К средневековой эпохе относятся 1946 предметов. Преобладают в коллекции железные изделия — 754 находки (38,7%). Наиболее многочисленны разнообразные орудия труда: иглы (114 экз.), ножи (113), шилья (20), фрагменты топоров (5). Найдены ножницы, обломок серпа и заготовка иглы. Обнаружены наконечники стрел (17), три кольчужных колечка, два втока, ременная накладка, пряжка и шесть язычков от пряжек, 11 рыболовных крючков и шесть острог. Бытовой и хозяйственный инвентарь представлен замками и их фрагментами (17), ключами (2), дужками (7) и ушками (3) от котлов и ведер, фрагментами сковородок (9), кресалами (3), светцом. Важно отметить находку железной омедненой гирьки, обнаруженной во втором пласте.

На долю изделий из стекла приходятся 474 находки (24,4%). В единичных экземплярах обнаружены фрагменты сосуда из прозрачного красно-фиолето-

вого и синего стекла, обломок перстня и две стеклянные вставки. Преобладают бусы и бисер (455), выполненные в технике навивки (319 экз.), тянутые из трубочек (131 экз.) и мозаичные (3). Наиболее многочисленны бусы, относящиеся к X—XI вв. (40%), в то время как на долю бус, датирующихся XII—XIII вв., приходится 13%.

Из цветных металлов изготовлено 393 предмета (20,2%). В числе находок 10 денариев, фрагмент дирхема (?), пять нательных крестиков, 22 височных кольца, две бусины, пять браслетов, 16 перстней, восемь бубенчиков, семь из которых грушевидные крестопрорезные, пять колоколовидных подвесок, 15 спиральных пронизок, 14 ременных накладок, три наконечника, четыре язычка от пряжек, восемь фибул, шесть пуговиц, две нашивные бляшки и 16 фрагментов цепочек. Бытовой и хозяйственный инвентарь представлен ушками (2), пластинами (34) и заклепками (9) от котлов, рыболовными крючками (2). Найдено два слитка, 11 выплесков и моточек проволоки.

Среди изделий из кости и рога (166 находок — 8,5%) восемь манков на рябчика, 12 наконечников стрел, восемь фрагментов расчесок, четыре гребня, две копоушки, четыре подвески из клыков медведя и шесть из астрагалов бобра.

В числе находок из глины (98 предметов — 5%) поливное пряслице, фрагмент яйца-писанки, семь фрагментов краснолощеной болгарской керамики, 35 рыболовных грузил, восемь обломков тиглей и 28 разнообразных поделок (игрушек?).

Изделия из камня (59 находок — 3%) представлены хрустальными (2), сердоликовыми (3) и аметистовыми (1) бусами, янтарными крестиком и обломком перстня, 13 шиферными пряслицами, 32 оселками и обломком жернова(?).

Кроме того, обнаружено берестяное донце туеса и фрагмент ткани полотняного плетения, пропитанный окислами металла.

В процессе раскопок в западной стенке кв. М-31 были отобраны образцы грунта для споро-пыльцевого анализа. Кроме того, из раскопа взяты семь проб общим объемом 32 л для карпологического анализа. По образцам древесного угля и тлена из средневековых слоев получено девять радиоуглеродных дат (табл. 21).

Многочисленный вещевой и керамический материал, стратиграфические наблюдения и результаты радиоуглеродного датирования позволяют определить время отложения средневекового культурного слоя, изученного в раскопе, в пределах второй половины X — первой половины XIII в. Наиболее ранние напластования связаны с южной частью вскрытого участка, где располагалась жилая постройка № 2, существовавшая во второй половине X—XI в. Постройка № 1, находящаяся в северной части раскопа, датируется концом X—XI в. Наиболее ярко в раскопе представлены материалы именно этого периода. Постройка № 3, остатки которой перекрывают постройку 2, датируется уже второй половиной XII — первой половиной XIII в. Однако культурный слой в раскопе имеет столь значительную хронологическую емкость, что стратиграфически этот разрыв выражен очень слабо.

Селище Минино I. Раскоп 2

Раскоп 2 был исследован в 1997 г. Он располагался в западной части поселения, в 72 м к западу от западной стенки раскопа 1, в 32 м к северу от берега р. Дмитриевки, на высоте около 2,5 м над меженным уровнем воды (рис. 56).

Раскоп общей площадью 6 кв. м и размерами 2 × 3 м был вытянут по линии З—В. Раскоп привязан к западной сетке разбивки памятника, согласно которой квадраты получили буквенно-цифровое обозначение: с запада на восток — буквенное (П и Р), с юга на север — цифровое (11) (рис. 59). В качестве нулевой отметки использовался общий для всего поселения репер, расположенный возле раскопа 1.

Поверхность раскопа, поросшая густой травой, была практически ровной, максимальный перепад нивелировочных отметок не превышал 0,05 м. Какие-либо ямы и нарушения дерновой поверхности отсутствовали. Уровень дневной поверхности раскопа находился на 0,82—0,87 м ниже условного "0".

Общая мощность культурного слоя в раскопе (без учета ям) составляла от 0,22 до 0,4 м, при средней толщине 0,35 м. В процессе раскопок были отмечены последовательно сменяющие друг друга напластования культурного слоя (рис. 180). Под дерновым гумусом мощностью 0,04—0,1 м располагалась однородная гумусированная темно-серая супесь (слой 1) толщиной от 0,05 м до 0,10 м, имеющая нечеткую нижнюю границу и представляющая собой перемешанную конной пахотой часть культурного слоя. Ниже находился слой такой же по цвету и составу супеси, непотревоженной распашкой (слой 2) мощностью от 0,03 до 0,15 м. Под ним выявлен слой черной, интенсивно гумусированной, насыщенной углем супеси толщиной от 0,03 до 0,1 м (слой 3), который отсутствовал в северо-восточном углу раскопа. Ниже располагался слой белесой супеси с редкими угольками (погребенный дерн?) (слой 4) мощностью 0,03—0,1 м (рис. 181). В этом слое в восточной части южного профиля и в южной части западного профиля прослежены прослойки серо-коричневой супеси, имевшие волнообразную нижнюю границу (слой 5). Неясным остался характер образования серо-желтой, практически негумусированной супеси (слой 6), полукольцом охватывающей выход материка в северо-восточном углу раскопа. Материк — желтый и серо-желтый песок выявлен на глубине —1,06 / —1,27 м.

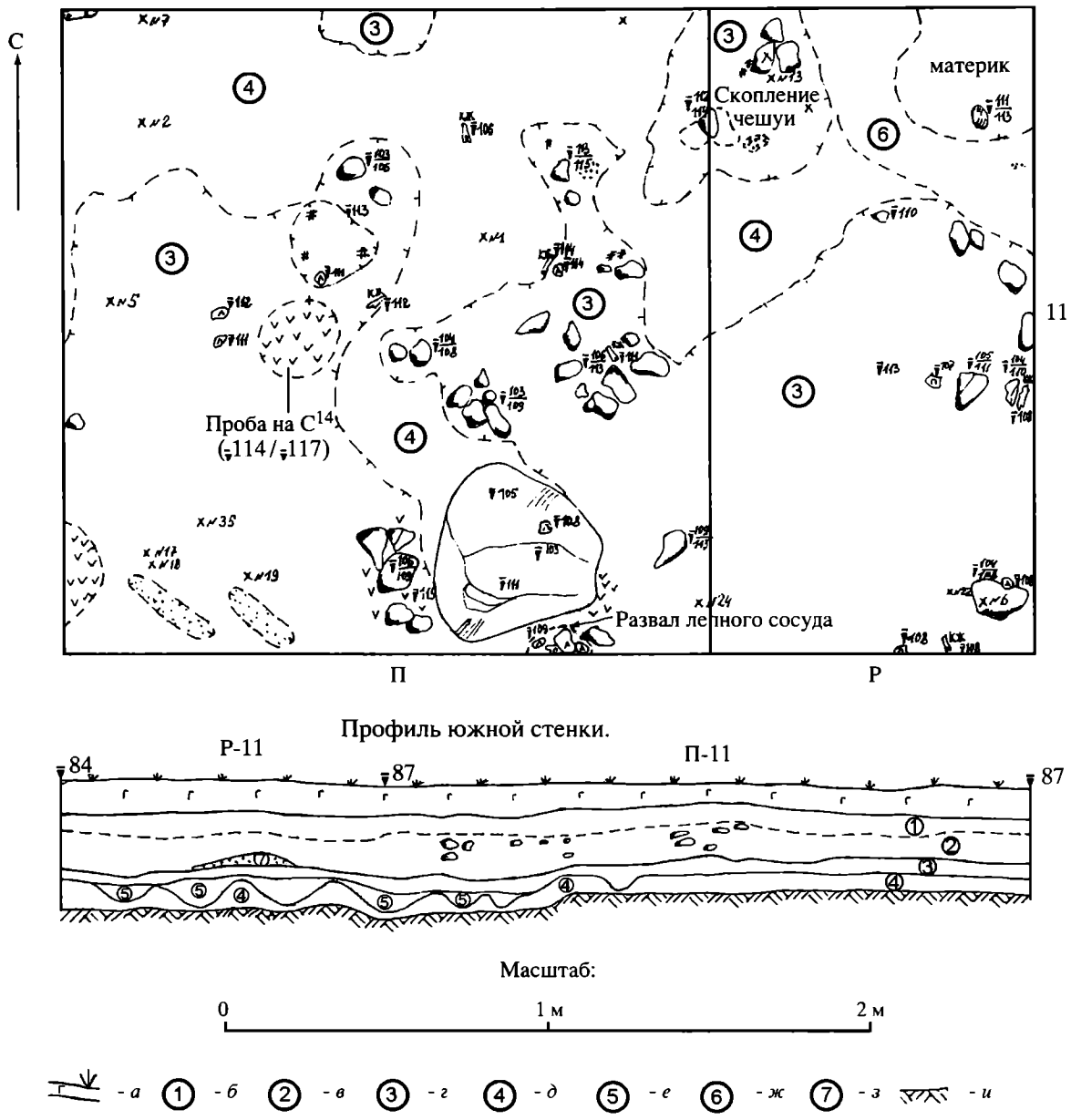


Рис. 180. Селище Минино I, раскоп 2. План раскопа на уровне третьего пласта (−20 / −30 см) и профиль южной стенки раскопа

а — дерн; *б* — однородная темно-серая супесь с отдельными печными камнями (пахотный слой); *в* — темно-серая (черная) супесь с печными камнями, углем, фрагментами обмазки и вкраплениями желтого песка; *г* — черная, насыщенная углем супесь с вкраплениями золы, желтого песка и печной обмазки; *д* — белесая супесь с редкими вкраплениями угля (подзол); *е* — серо-коричневая супесь; *ж* — серо-желтая супесь; *з* — желтый песок; *и* — материк. См. также условные обозначения на рис. 175

Археологическими объектами, открытыми в раскопе, являлись четыре материковые ямы, выявленные на глубине −1,19 / −1,23 м. Ямы 1 и 2 находились в пределах раскопа, а ямы 3 и 4 обрезались западной и северной стенками раскопа. Глубина ям составляла 0,07−0,23 м. К средневековому времени относятся ямы 1 и 2, заполненные однородным культурным слоем в виде серо-коричневой супеси с находками лепной, преимущественно, древнерусской керамики, и слоем серой супеси. Ямы 3 и 4, содержащие в заполнении белесую оподзоленную супесь с включениями угольков, имеют, вероятно, природное происхождение.

Помимо отмеченных ям в восточной части раскопа на глубине −1,2 / −1,21 м были прослежены две узкие параллельные полосы серо-коричневой супеси шириной 0,03−0,04 м и длиной около 0,3 м, вытянутые по линии северо-запад — юго-восток, и одна перпендикулярная им полоса такой же ширины длиной около 0,5 м. Границы их были очень нечеткими из-за обилия кротовин. Возможно, они представляют собой следы средневековой распашки. В пользу этого предположения говорит наличие достаточно четко фиксируемой волнообразной структуры в виде прослоек серо-коричневой супеси, присутствующей в слое белесой супеси (погребенного

Рис. 181. Селище Минино I, раскоп 2 на уровне третьего пласта. Вид с востока

Таблица 24

Минино I, раскоп 2. Статистика распределения индивидуальных находок и массового материала по пластам

Пласт	Керамика							Отходы кремнеобработки	Обмазка	
	эпохи раннего металла	средневековая				позднесредневековая	неопределимая (мелкая)			
		лепная	крутовая	подправленная	неопределимая					
	фр.	фр.	фр.	фр.	фр.	фр.	фр.	шт.	шт.	кг
1	3	38	37	3	6	1	69	6	12	0,01
2	8	162	56	10	57	–	471	12	108	0,24
3	2	239	8	4	19	–	259	26	15	0,01
4	3	33	1	–	1	–	1	19	–	–
Итого	**16**	**472**	**102**	**17**	**83**	**1**	**800**	**63**	**135**	**0,26**

Пласт	Кости			Индивидуальные находки					
	рыбы	животных	кальцинированные	стекло	цветной металл	железо	кость и рог	камень	кремень, сланец
	шт.	шт.	шт.	шт.	шт.	шт.	шт.	шт.	шт.
1	2	4	6	–	–	1	–	–	1
2	270	79	56	13	4	21	–	1	–
3	1847	209	58	21	7	4	3	1	1
4	11	6	6	–	–	–	–	–	5
Итого	**2130**	**298**	**126**	**34**	**11**	**26**	**3**	**2**	**7**

дерна) в восточной части южного и в южной части западного профиля.

Из раскопа происходят 83 индивидуальные находки; 1491 фрагмент керамики, из которой 800 представлены мелкими неопределимыми фрагментами; 0,26 кг (135 фрагментов) печной обмазки; 2130 костей рыбы; 298 костей животных; 126 кальцинированных костей; 63 фрагмента отходов кремнеобработки (табл. 24) и 27 современных предметов.

Досредневековая часть коллекции включает в себя семь изделий из кремня — три пластины и четыре скребка — и 16 фрагментов керамики раннего железного века.

К средневековью относятся 76 индивидуальных находок. Значительную часть этой коллекции составляют стеклянные бусы и бисер — 34 экземпляра (45%). Преобладают изделия, изготовленные в технике навивки — 32 экземпляра, две бусины сделаны из тянутой трубочки. Изделий из цветного металла найдено 11 (14%). В их числе колечко-пронизка, фрагменты привесок-бубенчиков, пластинчатый завязанноконечный и ложновитой разомкнутый перстни и выплеск бронзы. Найдены четыре пластины, в том числе одна из свинцово-оловянного сплава. Изделий из железа было собрано 26 (36%). Среди них иглы — 10 экземпляров, ножи — 6, клинья — 3, пластины — 4 экземпляра, стержень, гвоздь и кусочек шлака. Изделия из кости и рога представлены цельным двусторонним гребнем и двумя фрагментами костной ткани со следами обработки. К предметам, сделанным из камня, относятся два сланцевых оселка.

Среди средневековой керамики в раскопе преобладает лепная (70,0%), на долю круговой приходится 17,3%, еще 2,5% лепной керамики подправлены на гончарном круге. Технологию изготовления 12,3% средневековой керамики определить не удалось. В третьем пласте был расчищен один развал сосуда. Статистика изменения соотношения лепной и круговой керамики по пластам представлена в таблице 24.

К поздней керамике относится один фрагмент сероглиняной посуды с профилировкой, характерной для XVIII—XIX вв., происходящий из заполнения первого пласта.

Из раскопа взяты две пробы для карпологического анализа объемом 50 л.

Таким образом, период жизни на этом участке поселения по вещевому материалу и соотношению лепной и круговой керамики может быть определен в пределах XI — второй половины XII в. Несколько предметов относятся к более позднему времени — второй половине XII—XIII в. В раскопе присутствуют и отдельные артефакты эпохи камня и раннего железного века, но стратифицированных культурных напластований этих периодов не выявлено.

Селище Минино I. Раскоп 3

Раскоп 3 исследовался в 1999 и 2002 гг. Он располагался в северо-западной части поселения (рис. 56, 58). Его юго-западный угол находился в 23 м к северо-востоку от северо-восточного угла раскопа 2, а южная стена проходила на расстоянии около 90 м к северу от берега р. Дмитриевки. Общая площадь раскопа, вскрытая за два полевых сезона, составляет 96 кв. м (30 кв. м — 1999 г. и 66 кв. м — 2002 г.).

Участки, раскопанные в 1999 и 2002 гг., вплотную примыкали друг к другу и были вписаны в единую западную сетку разбивки памятника (рис. 59, 182—185). Квадраты размером 2 × 2 м получили в раскопе буквенно-цифровое обозначение: с запада на восток — буквенное (Х, Ц, Ч, Ш, Щ, Ы, Э) и с юга на север — цифровое (2, 1, 0, 50, 51). В качестве нулевой отметки использовался общий для всего поселения репер, находящийся возле раскопа 1. Поверхность раскопа, поросшая густой луговой растительностью, была неровной. Наиболее высоко располагалась его юго-восточная часть. Отсюда отмечалось падение поверхности во всех направлениях. Перепад нивелировочных отметок от максимальной отметки —75 см (юго-западный угол квадрата Ы-1) к северо-западному углу раскопа составлял 50 см, к северо-восточному —23 см, к юго-восточному — 19 см, к юго-западному —23 см. Какие-либо нарушения дневной поверхности и видимые ямы до начала раскопок не прослеживались. Уровень дневной поверхности находился на 75—125 см ниже условного нуля.

Культурный слой в раскопе был разобран шестью пластами. Толщина пластов снятия слоя составляла 10 см, однако в местах резких перепадов поверхности она имела незначительные колебания в бóльшую или меньшую стороны. Общая мощность культурных отложений в раскопе колебалась от 23 до 70 см при средней величине около 50 см. В ямах она достигала 105 см (рис. 183). Вся толща культурного слоя, вскрытая в раскопе, за исключением заполнения одной ямы, относится к эпохе средневековья.

Под дерном по всей вскрытой площади был прослежен слой темно-серой однородной гумусированной супеси, представляющий собой подпаханную часть культурного слоя (слой 1а). Ниже были прослежены слои темно-серой гумусированной супеси, практически одинаковые по составу и цветности и различающиеся лишь по насыщенности печными камнями (слои 1 и 2). Под слоем 2 на большей части раскопа, за исключением его северо-западного и северного участков, была отмечена темная серо-коричневая золистая супесь (слой 3). Ниже слоя 3 и слоя 2 располагались слои темно-коричневой супеси, насыщенной истлевшей органикой (слой 4) и серо-коричневой углистой супеси с редкими вкраплениями мелких угольков (слой 4а). Слой 4а был отмечен только в северных квадратах раскопа. Под

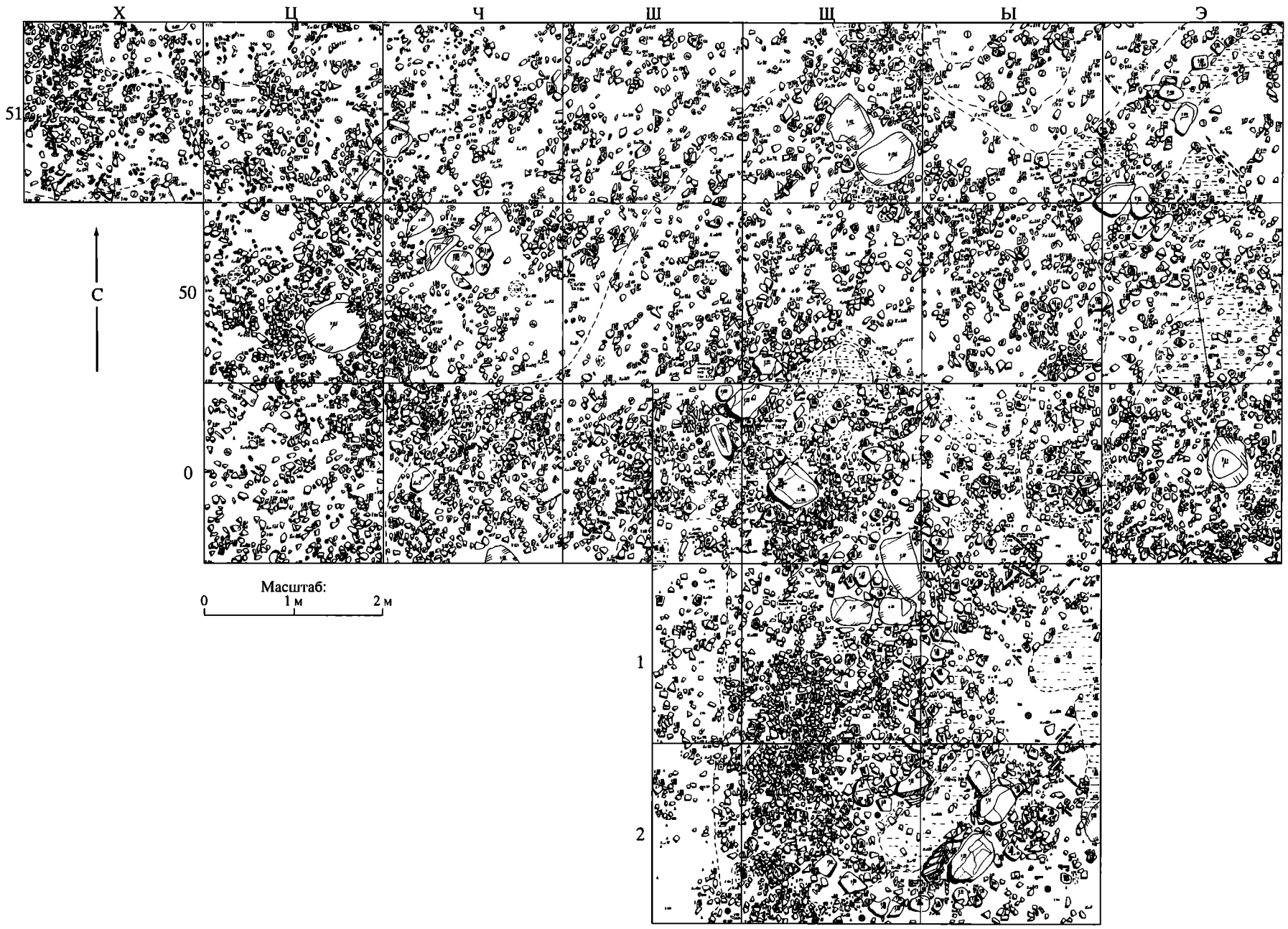

Х
Ц
Ч
Ш
Щ
Ы
Э
51
50
0
1
2
С
Масштаб:
0
1 м
2 м

Рис. 183. Селище Минино I, раскоп 3. Восточный профиль раскопа на участке, исследованном в 1999 г.

а — дерн; *б* — однородная темно-серая супесь с отдельными печными камнями (пахотный слой); *в* — темно-серая (черная) супесь с печными камнями, углем и фрагментами обмазки; *г* — темно-серая супесь, насыщенная печными камнями, углем и фрагментами обмазки; *д* — темно-серая золистая супесь с углем и золой, отдельными печными камнями и фрагментами обмазки; *е* — темно-коричневая супесь, насыщенная истлевшей органикой; *ж* — серая супесь с включениями отдельных углей (древняя пахота); *з* — светлая серо-желтая супесь с включениями отдельных углей; *и* — светлый оранжево-красный частично обожженный суглинок с вкраплениями угля; *к* — материк

слоем 4 на большей части раскопа залегала серая супесь с включениями отдельных угольков и вкраплениями желтой супеси, местами имеющая волнообразную нижнюю границу, на отдельных участках нечетко выраженную (слой 5). Ниже слоя 5 по всей площади раскопа находилась светлая желто-серая слабогумусированная супесь (слой 6). Слой 6 залегал непосредственно на материке — серо-желтой супеси с мелкой галькой и валунами. Поверхность материка представляла собой относительно ровную площадку с отдельными углублениями, зафиксированную на глубине —137 / —170 см, а в ямах материк был отмечен на глубине — 151 / —191 см.

Наиболее интересными сооружениями в раскопе являются две жилые постройки (№ 4 и 5) с печами. Развалы печей просматривались на поверхности раскопа до начала работ в виде небольших округлых всхолмлений, и в целом остатки печей имели значительно лучшую сохранность, чем сами постройки. Стратиграфически разделить горизонты, относящиеся ко времени существования построек, не удалось, поскольку их остатки перекрывают друг друга и на многих участках древесный тлен от построек залегал на одной глубине. Учитывая этот факт, можно полагать, что постройка 4 была возведена непосредственно сразу после разборки постройки 5.

Постройка 4. Дерево от постройки сохранилось лишь частично в виде тлена (рис. 182). Детальное изучение планиграфии и стратиграфии залегания фрагментов тлена позволило предположительно выделить остатки от стен и пола постройки (рис. 79). Длина фрагментов составляла от 10 до 77 см. Фрагменты лежали параллельными рядами, ориентированными преимущественно по линии юго-запад — северо-восток. У южной стены раскопа были прослежены также остатки древесного тлена, ориентированные в перпендикулярном направлении по линии северо-запад — юго-восток и расположенные на расстоянии 77 см от юго-западной стены печки. Они, возможно, являлись следами южной стены постройки. Несколько перпендикулярно расположенных фрагментов тлена было расчищено под северо-восточной стеной печи. Вероятно, это остатки опечка (рис. 83, *1*).

Восстанавливаемые размеры сруба составляют 7,6 × 6,3 м, а его внутренняя площадь — 42,8 кв. м. Особенности распространения вещевых находок, массового материала и камней от развала печи позволяют утверждать, что дом был двухкамерным. При этом внутренние размеры отапливаемой камеры составляют 4,3 × 5,9 м, а сеней — 2,8 × 5,9 м.

Печь постройки располагалась в юго-восточной части раскопа, занимая квадраты Щ-2 и Ы-2 (рис. 86). Она была сложена из глины и крупных камней. Печь имела подпрямоугольную форму в плане и сегментовидную в разрезе и была ориентирована по линии юго-запад — северо-восток. Зафиксированные максимальные размеры печи составляли 158 × 120 см. Внешний контур печи составляли несколько крупных валунов размерами от 15—17 см до 37 × 66 × 44 см. Пространство между валунами вдоль стенок было забито более мелкими камнями. В юго-восточной части печи сохранилась конструкция из примыкающих с внутренней стороны валунов, каменных плиток довольно правильной прямоугольной формы, поставленных на ребро и притертых вплотную к друг другу. Высота плиток составляла 15—17 см. Связующий глиняный раствор между камнями отсутствовал. Устье печи вероятнее всего находилось с северо-восточной стороны, поскольку там не были отмечены опорные торцевые камни. Часть камней из конструкции печи была растащена и смещена со своих мест.

Конструкция из камней окружала сложенное из плотной частично обожженной глины тело печи общей толщиной 20—21 см. Верхняя часть печи (свод?) имела покатую поверхность, зафиксированную на глубине — 84 / —86 см. Свод печи был сложен из оранжево-красного прокаленного суглинка толщиной до 9 см. Массив свода проседал к центру

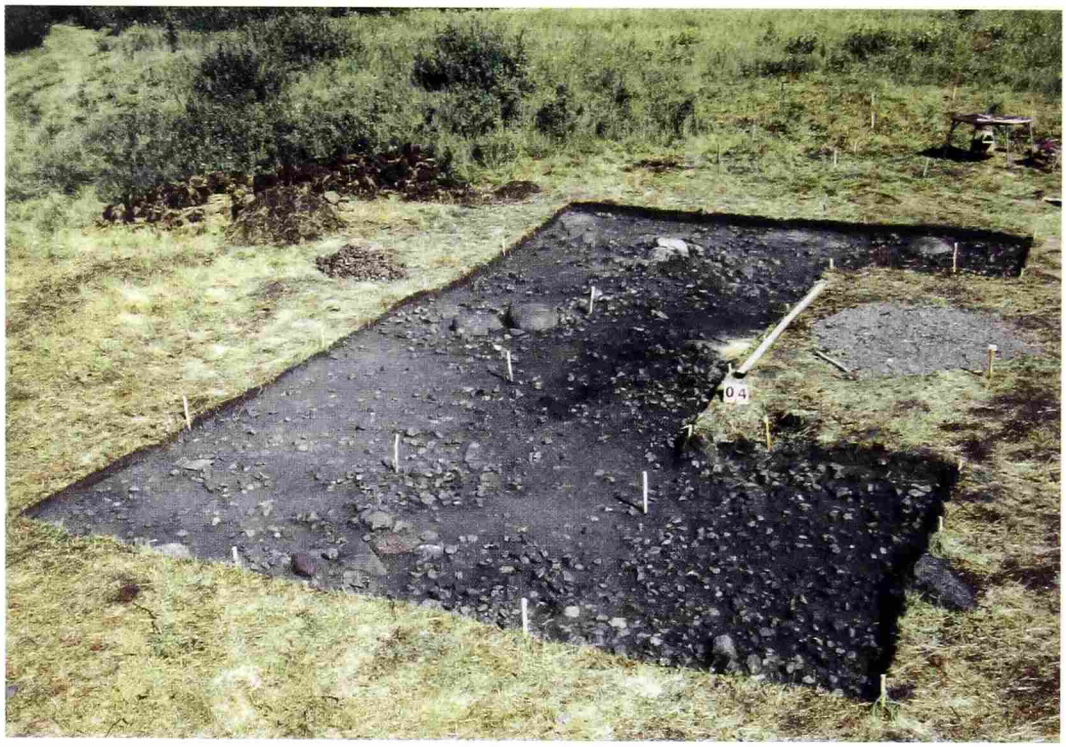


Рис. 184. Селище Минино I, раскоп 3 2002 г. на уровне второго пласта. Вид с юго-востока

Рис. 185. Селище Минино I, раскоп 3 2002 г. Разборка второго пласта, рабочий момент. Вид с востока

печи. Ниже находилась прослойка светло-желтого суглинка, максимальная мощность которой — 5 см — была в юго-восточной части печи. В центральной и северной части печи его мощность не превышала 1 см. Под прослойкой светло-желтого суглинка вновь располагался слой оранжево-красного суглинка толщиной 5—9 см, представляющий собой под печи. Размеры пода не отличались от размеров свода и составляли 158 × 59 см. Также как и свод, массив глиняного пода прогибался в центральной части печи. Под печи находился на прослойке светло-желтого, обесцвеченного золой суглинка толщиной 1 см, а в северной части печи — на слое серо-коричневой супеси с включениями угля, золы, печной обмазки, чешуи и костей животных. Под слоем светло-желтого суглинка шла прослойка золы толщиной 1—6 см. Ниже, на глубине —99 / —107 см располагалась прослойка, представляющая собой обесцвеченный культурный слой.

Постройка 5 — жилой двухкамерный дом, один из самых лучших по сохранности, но и он сохранился лишь частично (рис. 74, 75). Четко прослежены две наружные стены постройки — юго-западная и северо-восточная — и одна внутренняя. Наилучшую сохранность имела юго-западная стена постройки. Юго-западная линия стены, представленная полосой древесного тлена шириной около 20 см и толщиной 1 см, ориентированной по оси СЗ-ЮВ,

имела длину около 6,9 м. У ее юго-восточного конца был зафиксирован юго-восточный угол постройки, от которого в северо-восточном направлении отходила полоса древесного тлена шириной 5—15 см, представляющая ее юго-восточную стенку. Длина полосы тлена в раскопе составляла около 4 м. Юго-западная стена постройки была сооружена на фундаменте, роль которого выполняли открытые в раскопе пять крупных валунов, лежащих в ряд. Три камня размерами 33 × 17 × 15, 32 × 23 × 20 см и 52 × 40 × 18 см располагались вплотную с расстоянием в 5 см около юго-восточного угла печи под местом врубки внутренней стенки. Один камень размерами 40 × 17 × 18 см лежал под углом сооружения и один размерами 35 × 44 × 17 см — в 30 см от него. Полоса тлена юго-западной стены постройки лежала поверх камней на глубине —113 см (на них зафиксированы ее обрывки), а в местах их отсутствия на глубине —128 / —130 см в северо-западной части и на глубине —117 / —120 — в юго-восточной. Дом был рублен в обло, так как был отмечен выступающий за угол на 25 см край бревна.

Внутренняя стена постройки прослежена вдоль юго-восточной стороны печи № 2. От нее сохранились лишь небольшие фрагменты древесного тлена длиной от 10 до 25 см, лежащие на некотором расстоянии друг от друга. Зафиксированная длина этой стены составляла около 4,5 м. Она располагалась параллельно юго-восточной наружной стенке, на расстоянии 170—184 см от нее. Кроме длинных полос древесного тлена от стен постройки были также зафиксированы и многочисленные фрагменты тлена меньших размеров. Часть фрагментов, ориентированных по линии северо-запад — юго-восток и находящихся в северо-восточной части раскопа, по-видимому, представляют собой остатки северо-восточной стены постройки.

Параллельно линии юго-западной стены практически вплотную к фундаментным камням с внешней стороны постройки была расчищена еще одна полоса древесного тлена, частично перегнившего и превратившегося в сплошной слой коричневой органики. Тлен шириной 4—9 см сохранился в северной части полосы на протяжении 205 см. Далее на южном отрезке шла полоса коричневой органики шириной около 20 см. От линии стены полоса органики отделялась полосой золы шириной около 10 см.

Печь постройки находилась в центральной части раскопа, занимая квадрат Щ-50-0 и частично квадрат Ш-0 (рис. 83, *2*; 87; 182). Она, как и печь постройки 4, была сложена из глины и камней. Печь имела подквадратную в плане форму и подтрапецивидную в разрезе. Ее максимальные размеры по низу составляли 210 × 200 см. Внешний контур печи образовывали несколько крупных валунов подпрямоугольных очертаний, практически выступающие на поверхность. Большинство из таких камней было растащено, in situ сохранилось только три: два по северо-западной стенке (размерами 51 × 28 см и 44 × 17 см) и один (размерами 47 × 53 × 24 см) по юго-восточной линии границы печи. Они располагались, в основном, на уровне нижней границы печи. В процессе расчистки были расчищены еще несколько камней в виде "плиток", находящихся между большими крупными валунами и телом печи, очевидно предназначавшихся для скрепления конструкции. Кроме использования в конструкции крупных камней, сверху и по периметру между крупными камнями тело печи было укреплено слоем мелких и средних камней (5—20 см в поперечнике). По большей части эти камни были смещены с первоначальных мест и разбросаны в виде бесформенного завала на участке, окружающем печь. Наибольшая их концентрация наблюдалась с северо-западной и юго-восточной сторон печи.

Тело печи было сложено из плотной обожженной глины общей толщиной 33—35 см. Поверхность свода (?) печи, зафиксированная на глубине —84 / —86 см, была горизонтальной и довольно ровной. Местами на ней сохранились участки верхнего заглаженного слоя обмазки. Глиняное тело печи состояло из двух слоев свода, сложенного из обожженной глины оранжево-красного цвета, и пода. Толщина свода достигала 7—15 см. В глиняном массиве свода, преимущественно в середине его толщи, были отмечены тонкие прослойки светло-кремового цвета — глина, перемешанная с золой, мощностью от 1—1,5 до 3 см. Слои глины свода и пода разделялись более мощной золистой прослойкой светло-кремового цвета толщиной от 3,5 до 11 см. В ее северо-восточную оконечность вклинивалась линза золы серого цвета длиной 37 см и мощностью до 7 см. По-видимому, линза серой золы маркировала устье печи. Здесь также отсутствовали крупные камни. Прослойки обожженной глины и золы залегали не горизонтально, а с некоторым прогибом к центру печи. Верхняя граница пода располагалась на глубине от —110 / —117 см до —115 / —123 см, а нижняя граница — на глубине от 120 до 130—135 см. Под печи также имел прогиб в центральной его части. Глиняный массив пода печи состоял из неоднородной структуры. Верхнюю его часть, толщиной от 3—7 см до 7—11 см составляла хорошо обожженная оранжево-красная глина, а нижнюю — прослойка желто-коричневого частично обожженного суглинка с включениями золы, толщиной 7—14 см. Граница между прослойками была неровной. Кроме того, юго-западный край пода печи на площади 62 × 67 см был сложен из желтого необожженного суглинка мощностью 13 см. Печь была поставлена непосредственно на ниже лежащий культурный слой, достаточно насыщенный под ней углем.

Вдоль северо-западной стены печи была расчищена плаха, вытянутая по линии северо-запад — юго-восток, залегающая на глубине —130 / —132 см. Ее длина — 100 см, ширина 4—8 см. У северо-восточной оконечности плахи были прослежены древесные остатки столба диаметром 20 см. Столб и плаха, по-видимому, составляли конструкцию опечка печи. Печь вплотную примыкала к юго-западной стене постройки 5.

В раскопе были выявлены 18 материковых ям. Все ямы, за исключением трех (ямы 2, 7, 15), относятся к Средневековью. Одна из них (яма 15) относится, вероятно, к мезолиту, а ямы 2 и 7, очевидно,

Таблица 25

Минино I, раскоп 3. Статистика распределения индивидуальных находок по пластам

Пласт	Стекло	Цветной металл	Железо	Кость и рог	Глина	Камень	Кремень, сланец
1	29	20	38	1	3	4	3
2	245	224	418	18	20	42	16
3	255	223	267	26	20	31	20
4	168	67	105	16	7	10	7
5	22	11	35	6	–	2	5
6	1	2	1	–	–	–	6
отвал	2	–	8	–	–	2	1
Итого	**722**	**547**	**872**	**67**	**50**	**91**	**58**

имели природное происхождение. Обнаруженные средневековые ямы были сосредоточены в северной половине раскопа. Все они, за исключением ямы 3, были зафиксированы на уровне предматериковой и материковой поверхности на глубине – 138 / – 155 см. Практически все ямы имели округлую форму диаметром от 20 до 42 см, прямые вертикальные стенки и плоское дно. Их зафиксированная глубина колебалась от 6 до 27 см.

Яма 3, отличающаяся от остальных ям своими размерами, обрезалась северной стенкой раскопа. Ее исследованная часть имела в плане подтреугольную форму размерами 155 × 250 × 270 см, покатые стенки и ровное плоское дно. Глубина ямы составляет 28 см. Заполняла яму темно-серая супесь, плотно забитая печными камнями, дресвой, угольками и золой. Из ее заполнения происходит значительное количество фрагментов керамики, развал лепного сосуда и 25 индивидуальных средневековых находок.

Помимо отмеченных объектов, в южной части раскопа на уровне контакта серой однородной супеси с включениями угольков и вкраплениями желтой супеси (слой 5) и предматерикового слоя светло-желтой супеси (слой 6) были зафиксированы следы средневековой пахоты. Следы распашки были прослежены в виде 13 полос, заполненных слоем 5 и частично пересекающихся друг с другом. Девять полос имели ориентировку СЗ – ЮВ. Четыре полосы были ориентированы перпендикулярно в направлении СЗ – ЮВ. Длина полос равнялась от 84 до 295 см, ширина 7 – 10 см, максимальная их толщина 1 см.

В процессе раскопок было извлечено 2349 индивидуальных находок, относящихся к Средневековью, и 58 находок, являющихся артефактами предшествующих периодов (табл. 25). При учете массового материала в ходе работ 2002 г. широко исполь-

Таблица 26

Минино I, раскоп 3. Статистика распределения массового материала по пластам

Год	Пласт	Керамика													
		эпохи камня		эпохи раннего металла		средневековая лепная		средневековая круговая		средневековая подправленная		средневековая неопределимая		позднесредневековая	
		фр.	кг	фр.	кг	фр.	кг	фр.	кг	фр.	кг	фр.	кг	фр.	кг
1999	1	–	–	–	–	48	–	147	–	3	–	2	–	7	–
	2	–	–	7	–	270	–	1232	–	26	–	203	–	1	–
	3	–	–	11	–	929	–	711	–	6	–	331	–	–	–
	4	1	–	11	–	624	–	392	–	26	–	228	–	–	–
	5	5	–	1	–	432	–	58	–	–	–	92	–	–	–
	6	–	–	–	–	4	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Итого 1999 г.		**6**	**–**	**30**	**–**	**2307**	**–**	**2540**	**–**	**61**	**–**	**856**	**–**	**8**	**–**
2002	1	–	–	1	0,00	104	0,5	288	1,5	2	0,0	29	0,2	–	–
	2	2	0,00	1	0,00	762	4,9	1711	9,8	12	0,1	278	1,5	7	0,2
	3	1	0,00	7	0,04	1040	9,3	626	5,1	14	0,1	114	0,8	–	–
	4	–	–	9	0,04	705	7,3	95	0,9	1	0,0	26	0,2	–	–
	5	–	–	1	0,00	180	2,7	8	0,1	–	–	5	0,0	–	–
	6	–	–	1	0,01	27	0,3	10	0,1	–	–	1	–	–	–
Итого 2002 г.		**3**	**0,01**	**20**	**0,09**	**2818**	**25,0**	**2738**	**17,5**	**29**	**0,2**	**453**	**2,7**	**7**	**0,2**
Всего		**9**	**–**	**50**	**–**	**5125**	**–**	**5278**	**–**	**90**	**–**	**1309**	**–**	**15**	**–**

зовались весовые показатели, в то время как в 1999 г. взвешивались лишь фрагменты печной обмазки. Детальные статистические данные, полученные при этих способах учета материала, представлены в таблице 26. Всего в раскопе было собрано 23 498 фрагментов керамики, из которой 11 622 представлены мелкими неопределимыми фрагментами; 710 кг печной обмазки; 16 компактных скоплений костей и чешуи рыбы, а также более 85 тысяч отдельных костей и чешуи рыбы в 1999 г. и 988,9 г в 2002 г.; 12 984 костей животных; 6159 кальцинированных костей; 659 фрагментов отходов кремнеобработки; одна кость человека; восемь фрагментов шлаков и 64 современных предмета.

К периоду, предшествовавшему Средневековью, относятся 58 индивидуальных находок. Среди них преобладают кремневые пластины, микропластины и скребки. Имеются кремневые сверло, наконечник стрелы, нож и заготовка топора. Обнаружен обломок сланцевого тесла. Ранняя керамика, встреченная во всех пластах раскопа, представлена находками 59 фрагментов, из которых девять относятся к неолитическому времени, а 50 принадлежат к эпохе раннего железного века.

Наиболее многочисленную группу предметов в средневековой части коллекции составляют железные изделия — 872 экземпляра (37,1%). В значительном количестве на раскопе был получен железный бытовой и специализированный инструментарий. В его числе многочисленные иглы — 142 экземпляра, ножи — 136 экземпляров, шилья — 29 экземпляров, клинья — 22 экземпляра. Встречены также обоймица ножа, пружинные ножницы и топоры. Из специальных инструментов имеются зубила, два втульчатых тесла, скобель, стамеска и проушное долото. Многочисленны предметы хозяйственного и домашнего инвентаря. В их числе замки и их детали — 28 экземпляров, ключи от замков (7 экз.), пробой, однолучинные светцы, калачевидные кресала, вертлюг, цепь с S-видными плоскими звеньями. Металлическая посуда представлена находками целых и фрагментированных дужек ведер, заклепками и сковородами. Найдены в большом количестве гвозди и ленточные скобы. Орудия промыслов составляют крючки рыболовные, наконечники стрел разных типов и фрагмент косы. В числе железных предметов имеются и детали ременного набора. Это — поясное кольцо, лировидная и кольцевидные пряжки. Из числа украшений найден фрагмент гривны. Снаряжение воина представлено находками кольчужных колечек — 3 экземпляра.

Весьма значительную часть собранной коллекции составляют стеклянные изделия — 722 экземпляра (30,7%). Среди находок изделий из стекла присутствуют пуговицы (6 экз.), перстни (4), стеклянные вставки (3) и несколько обломков неопределимых стеклянных предметов. Подавляющее большинство ее составляют находки бус — 592 экземп-

Керамика		Отходы кремнеобработки		Обмазка		Кости								Шлаки	
неопределимая (мелкая)						рыбы		рыбы (скопления)	животных		кальцинированные		человека		
фр.	кг	шт.	г	шт.	кг	г	шт.	шт.	шт.	г	шт.	г	шт.	шт.	г
213	–	5	–	333	0,3	–	33	–	57	–	17	–	–	–	–
1844	–	36	–	7998	86,8	–	5654	4	3036	–	318	–	–	–	–
1143	–	64	–	1733	170,4	–	51 234	5	3418	–	350	–	–	–	–
1121	–	48	–	860	228,9	–	23 695	2	2090	–	287	–	–	–	–
314	–	27	–	38	0,1	–	4690	1	637	–	27	–	–	–	–
–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–		–	–	–	–
4635	–	**180**	–	**10 962**	**486,5**	–	**85 306**	**12**	**9238**	–	**999**	–	–	–	–
472	0,6	20	5,3	–	1,1	6,3	–	–	85	49	185	19	–	1	0,1
3573	3,9	171	109,1	–	80,9	94,5	–	–	946	753	1615	255	–	4	0,8
1984	2,5	179	145,4	–	104,3	379,2	–	2	1174	2012	1960	262	–	2	14,0
829	1,0	87	57,3	–	36,6	461,1	–	2	1298	2648	1183	191	1	1	0,1
124	0,2	16	14,2	–	0,5	38,2	–	–	215	409	208	44	–	–	–
5	0,1	6	15,8	–	0,1	9,6	–	–	28	47	9	1	–	–	–
6987	**8,2**	**479**	**347,1**	–	**223,5**	**988,9**	–	**4**	**3746**	**5917**	**5160**	**772**	**1**	**8**	**15,0**
11 622	–	**659**	–	–	**710,0**	–	–	**16**	**12 984**	–	**6159**	–	**1**	**8**	–

Таблица 27

Минино I, раскоп 3. Радиоуглеродные даты

Индекс лаборатории	Радиоуглеродная дата (BP)	Калиброванная дата (AD)		Происхождение
		1σ	2σ	
Ле-5623	1000±35	1002 – 1154	982 – 1160	пл. 4, кв. Щ-1-Б, постр. 5, бревно ЮЗ стены
Ле-5624	485±35	1414 – 1444	1404 – 1466	пл. 3, кв. Ы-1-Б, В, Г, постр. 4, фрагменты пола (?) (перекоп?)
Ле-5826	1300±35	676 – 770	660 – 788	пл. 4, кв. Ш-2-В, уголь из предматерика
Ле-5827	1025±45	972 – 1150	892 – 1162	пл. 3, кв. Щ-0-В, постр. 4 или 5, пятно угля
Ле-6485	1120±80	810 – 1000	690 – 1030	пл. 3, кв. Ш-0-Г, постр. 4, фрагменты пола
Ле-6486	820±40	1185 – 1260	1050 – 1280	пл. 4, кв. Щ-50-Г, постр. 5, бревно опечка
Ле-6487	1235±20	710 – 820	680 – 880	пл.5, кв. Ч-50-Г, уголь из материковой ямы 5

ляра и бисера — 104 экземпляра, изготовленных в технике навивки (651 экз.) или из тянутых трубочек (38). Единичными находками представлены мозаичная бусина и бусина из слоеного стекла. Подавляющая часть бус относится к XI – XIII вв., причем 40% их датируются более узко — XII – XIII вв.

Изделия из цветного металла представлены 547 находками (23,3%). В их числе целая серия нательных крестиков — 12 экземпляров, фрагмент серебряного денария и бронзовая вилка складных весов. Достаточно многочисленную группу находок из цветного металла составляют украшения и детали костюма, среди которых имеются височные кольца, флаконовидная и узелковая бусины, обломок гривны, подвески-лунницы, монетовидные подвески и подвеска-коготь, перстни и браслеты. Найдены шаровидные бубенчики, зооморфные плоские и полые щумящие подвески, колоколовидная, бутылковидная и крестовидная подвески, подвеска-ключ, колоколовидные подвески-пронизки и привески — бубенчики и лапка, многочисленные пронизки-колечки и спиральные пронизки. В числе находок этой группы имеются детали поясного набора — ременные пряжки, накладки, наконечник ремня, поясные кольца. Были встречены также бронзовые пуговицы, фибулы, нашивные бляшки, круглопроволочные колечки, цеперазделитель и звенья цепочек.

На раскопе были собраны многочисленные находки ювелирного дела. В их числе бронзовый слиток, моток и обмотка пластинчатой проволоки и ее обрезки, выплески цветного металла и заготовки спиральной пронизки и заклепок. Из раскопа происходят и находки таких бытовых предметов, как иглы, накладка, обоймица ножа, рыболовный крючок и многочисленные фрагменты котлов, представленные, преимущественно стенками со швами, заклепками и ушками.

Предметов, изготовленных из кости и рога, найдено 67 (2,9%). Наиболее многочисленны были находки роговых двусторонних гребней. Найдены иглы, проколки, фрагмент футляра от расчески, манок, томар, подвеска из кости бобра, крестик.

Изделия из глины насчитывают 50 экземпляров (2,1%). Они представлены грузилами — 5 экземпляров; игрушкой-коньком, поделками, биконическим пряслицем. Найдены донца древнерусских круговых сосудов с клеймами, с отпечатками подставки и два фрагмента круговых белоглиняных сосудов с непрозрачной односторонней и двусторонней поливой. Наиболее многочисленные из изделий из глины, относятся к бронзолитейному производству, в их числе находки льячек — 2 экземпляра и фрагменты тиглей — 27 экземпляров, среди которых четыре экземпляра с остатками бронзового сплава.

Изделия из камня представлены 91 находкой (3,9%). В их числе янтарные бусы и крестик с прямыми концами, сердоликовая бусина и бусина из окаменелости. Самыми многочисленными были находки шиферных пряслиц (29 экз.), изготовленных преимущественно из розового и вишневого шифера, и сланцевые оселки (50 экз). Найдены также обломки каменных жерновов, точильный камень и галька с отверстием.

Среди определимой средневековой керамики лепная и круговая представлены в раскопе практически в равных долях. Но если в первом и втором пластах на долю круговой приходится более 70%, то, начиная с третьего пласта, лепная керамика становится более многочисленной, а в пятом пласте она занимает уже более 90%. Из раскопа происходят развалы тринадцати лепных и девяти круговых средневековых сосудов.

Находки керамики эпохи позднего Средневековья представлены 15 фрагментами сероглиняной и красноглиняной посуды, обнаруженными в первом и втором пластах.

В процессе раскопок были отобраны образцы грунта для споро-пыльцевого анализа (в западной стенке кв. Ш-2), отсыпано и промыто 24 пробы культурного слоя общим объемом 1238 литров для карпологического анализа и получено семь радиоуглеродных дат (табл. 27).

Многочисленный вещевой и керамический материал, стратиграфические наблюдения и результаты радиоуглеродного датирования позволяют определить время отложения культурного слоя, изученного в раскопе, второй половиной XI — первой половиной XIII в. Древнейшая из обнаруженных в раскопе построек — дом № 5 — существовала в самом конце XI — первой половине XII в. Во второй половине XII в. на ее месте был построен жилой дом № 4. Важно отметить, что до возникновения жилой застройки этот участок селища распахивался.

Селище Минино I. Раскоп 4

Раскоп 4, исследованный в 1999 г., был заложен на южной окраине центральной части памятника, на краю первой надпойменной террасы высотой 2,5 м над меженным уровнем воды в р. Дмитриевке. Он располагался в 32 м к западу от западной стенки раскопа 1. От современного русла реки край надпойменной террасы здесь находится на удалении в 30 – 40 м. Пространство к югу от раскопа занято участком подтопляемой поймы высотой около 1 м, образовавшейся, вероятно, на месте древней излучины реки (рис. 56).

Раскоп общей площадью 30 кв. м и размерами 6 × 5 м был ориентирован длинной стороной по линии З – В. Он привязан к восточной сетке разбивки памятника, согласно которой линии квадратов получили по направлению с востока на запад буквенные обозначения (Я, АА, АБ), а с юга на север — цифровые (27, 28, 29). При этом у квадратов 27 линии были вскрыты лишь северные половины (рис. 59, 186 – 188).

Покрытая луговой растительностью поверхность раскопа, средняя высота которой составляла –0,95 / –1,35 от единого для памятника репера, имела общее падение к югу (на 0,3 м) и, менее выраженное, к западу (на 0,1 м). У западной стенки раскопа отчетливо прослеживалась небольшая возвышенность (высотой до 0,2 – 0,3 м), представляющая собой задернованный развал печи. По квадратам линии 27 и 28 проходила полевая дорога, активно используемая для подъезда к стоянке лодок. Самая высокая точка раскопа (центр развала печи) имела отметку –0,83 м, а самая низкая (середина южной стенки раскопа) — отметку –1,39 м.

Мощность культурного слоя в раскопе (без учета ям) колебалась от 0,27 м до 0,72 м при средней толщине 0,55 м (рис. 186). Основная его толща отложилась в эпоху Средневековья (рис. 186, слои 1, 2, 4, 6, 9), но самая нижняя часть, представляющая собой погребенную почву в виде слоя светло-серой, светлеющей книзу супеси, включала вещевые и керамические материалы различных эпох от мезолита до раннего железного века (слой 7). Верхняя часть слоя погребенной почвы местами была перемешана и содержала светло-коричневые гумусные включения и отдельные угольки (слой 11). Вероятно, она была переработана в результате средневековой распашки, предшествовавшей заселению этой части селища. При этом древняя (средневековая) дневная поверхность исследованного участка в целом повторяла современную, имея общий уклон к югу и юго-западу.

Средневековые напластования в раскопе 4 имели среднюю толщину около 0,4 м. В отличие от большинства других раскопов на селище, они достаточно четко разделялись стратиграфически на три слоя.

Верхний слой (слой 1), состоящий из темно-серой (почти черной) супеси, насыщенной (особенно в нижней части) печным камнем, углями и фрагментами печины, имел толщину от 0,16 до 0,27 м. Верхняя его часть была потревожена позднесредневековой конной распашкой. Этот слой отложился за время существования жилой постройки № 6.

Почти на всей площади раскопа, за исключением его юго-восточной части, верхний слой подстилался слоем охристой (местами красно-коричневой) слабо обожженной глины толщиной до 0,3 м, которая на отдельных участках разделялась прослойками серо-коричневой или темно-коричневой супеси с угольками, включениями сажи и золы (слои 2 и 4). Этот слой связан с этапами строительства и существования производственной постройки № 7, в центре которой располагалось значительное по размерам глинобитное теплотехническое сооружение. Причем наиболее мощной была верхняя часть слоя глины (слой 2 толщиной до 0,17 м), связанная с разрушением остатков глинобитного сооружения при выравнивании площадки под строительство дома № 6.

Ниже залегал слой темной (светлеющей книзу) серо-коричневой супеси с включениями отдельных печных камней, угольков, фрагментов древесного тлена и бересты, толщина которого составляла 0,05 – 0,15 м (слой 6). С этим слоем связаны находки огромного количества различных шлаков, являющихся, вероятно, остатками бронзолитейного производства. Причем их концентрация существенно выше, чем в слое, относящемся ко времени сооружения и существования производственной постройки 7. Различается и планиграфия залегания — шлаки в нижнем слое концентрировались главным образом в северной и северо-восточной частях раскопа. Поэтому можно полагать, что рядом со вскрытым участком (к северу или северо-востоку от него) в период, предшествовавший времени строительства постройки 7, располагались какие-то сооружения, связанные с бронзолитейным производством.

Основными сооружениями, обнаруженными в раскопе, являются две средневековые постройки.

Постройка № 6, представлявшая собой жилой дом с печью, вскрыта на глубине первого и второго пластов (рис. 80). Плохая сохранность дерева не позволяет однозначно реконструировать форму и размеры дома. Основанием для реконструкции стали наблюдения за распределением печных камней на площади раскопа. В плане пятно наиболее плотного массива камней имеет отчетливо выраженную подпрямоугольную форму. Его восточная и южная границы совпадают с направлением двух перпендикулярных бревен, прослеженных в виде пятен древесного тлена и обугленного дерева. Оба они являлись, вероятно, внешними стенами сруба. Для южного бревна основным аргументом в пользу этого служит значительное падение поверхности к югу от раскопа, где пролегает русло р. Дмитриевки. Наличие больших камней по трассе восточного бревна, вероятно, использовавшихся в качестве фундаментных, также позволяет видеть в нем внешнюю, а не внутреннюю стену дома. В этом случае северная граница развала

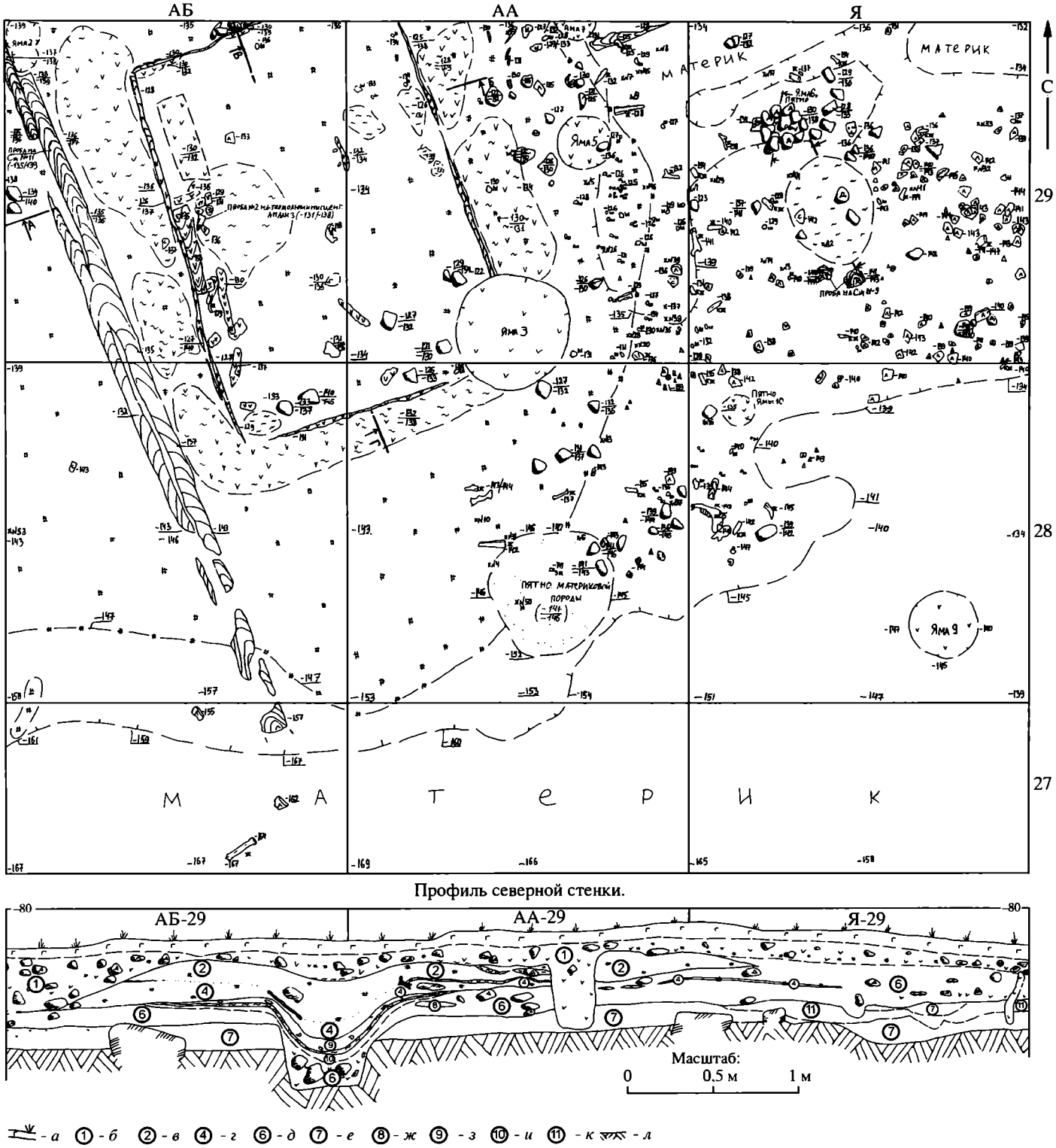


Рис. 186. Селище Минино I, раскоп 4. План раскопа на уровне четвертого пласта (−30 / −40 см) и профиль северной стенки раскопа

а — дерн и поздняя конная пахота; *б* — темно-серая (черная) супесь, насыщенная (особенно в нижней части) углями, крупинками печины, печным камнем (слой, отложившийся за время существования постройки 6, и заполнение опущенных из слоя ям); *в* — охристая (местами красно-коричневая) слабо обожженная глина с примесью мелкой карбонатной гальки (слой разрушения глинобитной конструкции постройки 7); *г* — прослойка охристой глины (слой строительства постройки 7); *д* — темная серо-коричневая супесь, светлеющая книзу, с включениями отдельных угольков, фрагментов древесного тлена и бересты, печных камней, в верхней части — шлаков (нижний древнерусский культурный слой); *е* — светло-серая супесь, светлеющая книзу (погребенная почва с инвентарем эпох от мезолита до РЖВ); *ж* — желто-серая светлая супесь с несортированной галькой (преимущественно карбонатной) и валунами (перемещенная материковая порода); *з* — слой (6), сильно насыщенный углями и шлаком; *и* — обесцвеченная светло-серая супесь; *к* — светло-серая супесь с отдельными мелкими угольками (погребенная почва (распаханная ?) с инвентарем эпох от мезолита до РЖВ); *л* — материк. См. также условные обозначения на рис. 175

Рис. 187. Селище Минино I, раскоп 4 на уровне второго пласта. Вид с северо-востока

Рис. 188. Селище Минино I, раскоп 4 на уровне зачистки материка. Вид с юго-востока

камней может маркировать положение внутренней стенки, разделявшей холодную и теплую камеры дома. Фрагменты дерева к северу и западу от печи, лежащие параллельно восточной стенке дома, можно рассматривать как остатки пола, настланного "по ходу". При таком варианте реконструкции длина восточной стены дома составляет более 4,8 м, южной — более 3,9 м, а длина отапливаемой камеры — около 3,5 м. Печь, расположенная у восточной стены дома, параллельно ей, была обращена устьем к внутренней стенке. По бревну южной стены постройки получена одна радиоуглеродная дата 920±20 л.н. (1048—1164 с вероятностью 1 σ) (Ле-5625).

Печь постройки прослеживалась в виде небольшого всхолмления на поверхности раскопа. Основу ее конструкции составляли несколько крупных (до 0,5 м) валунов, поставленных на ребро. Такие камни ограничивали печь с трех сторон, кроме ССЗ торца, где, очевидно, располагалось устье (рис. 83, *3*; 88). Тело верхней части печи слагали мелкие, расколовшиеся от жара камни, которыми была перекрыта в три — четыре яруса вся площадь печи. Промежутки между камнями были заполнены слабо обожженной глиной (видимо, связывавшей камни) и золой. В линзе золы обнаружены мелкие угольки, скопление чешуи и костей рыб, единичные находки. Внешние размеры печи — около 2,3 × 1,5 м Зольная линза в площади печи не имеет четких границ, ее размеры — около 1,6 × 0,7 м при толщине 0,001—0,005 м. Общая высота развала печи — 0,3—0,5 м, концентрация печного камня была высока и на удалении до 2 м от печи. При разборе печи

отмечено, что заполнявший пространство между камнями грунт отличался от типичного культурного слоя менее темной окраской и насыщенностью мелкими фрагментами печины, включавшей в качестве естественной примеси мелкую меловую крошку. В составе развала печи среди обожженных фрагментов обмазки встречены куски, имеющие отпечатки камней ткани (типа мешковины), и куски с участками заглаженной внешней поверхности, местами светлой (отожженной или выбеленной?).

Поскольку в раскопе 4 была исследована только одна печь-каменка, полностью вошедшая в пределы раскопа, можно предполагать, что основная часть встреченного в раскопе печного камня относится к конструкции именно этой печи. Для того, чтобы оценить объем камня, использованного для сооружения и эксплуатации одной печи-каменки было произведено измерение общего объема печного камня в раскопе 4. Измерение производилось методом вытеснения. Использовалась металлическая бочка объемом 260 л. Камень насыпался в пустую бочку, которая затем наполнялась водой ведрами, количество которых подсчитывалось. Общий чистый объем печного камня раскопа составил 995 л, т.е. 1 куб. м.

От лежащей ниже производственной *постройки № 7* (рис. 81; 84, *1*; 186) хорошо сохранилось лишь бревно нижнего венца западной стены и стоявшая в центре мощная глинобитная конструкция. Полная археологизация дерева при разрушении глиняной конструкции и, как следствие, ограничение доступа воздуха, очевидно, способствовали его сохранности. Тлен от бревна стены был прослежен в раскопе на протяжении 4,35 м. Он располагался параллельно длинной стороне глинобитной конструкции, на удалении 0,4 м от нее и имел ширину около 0,2 м при толщине от 0,1 до 1,0 см. Примерно на таком же расстоянии к востоку от глинобитной конструкции выявлены отдельные фрагменты древесного тлена, представляющие собой, очевидно, остатки восточной стены постройки. Детальное описание постройки представлено во второй главе (с. 111 – 112).

Помимо построек в раскопе были обнаружены 18 ям. 5 ям имеют, вероятно, естественное происхождение. Остальные относятся к эпохе Средневековья. Пять ям заполнены верхним культурным слоем и связаны со временем существования постройки 6. Три из них столбовые, диаметром 0,25 – 0,3 м и глубиной до 0,47 м. Одна крупная круглая яма диаметром 0,65 м и глубиной 0,75 м имела, вероятно, хозяйственное назначение. Она располагалась возле восточной стены дома с наружной стороны. При ее выкапывании был разрушен юго-восточный угол глинобитной конструкции постройки 7.

Остальные ямы связаны с нижним древнерусским культурным слоем, отложившимся до сооружения постройки 7. Четыре ямы – столбовые, диаметром 0,2 – 0,35 м. Наиболее интересны две ямы. Яма 8 зафиксирована в северной стенке раскопа на границе квадратов АБ – 29Б/АА – 29А. Округлая яма диаметром около 0,5 м имеет глубину до 0,5 м. Она была вырыта до строительства производственной мастерской и заполнена в нижней части слоем с бронзолитейными шлаками, а в верхней, вероятно, какими-то органическими материалами. После того как органика сгнила, очевидно уже после разрушения постройки 7, произошло оседание слоев, и остатки глинобитной конструкции опустились в яму (рис. 186).

Крупная яма № 15 с пологими стенками выявлена в нижней части древнерусского культурного слоя в квадрате Я-29. На дне ямы, прослеженные размеры которой составляли 1,9 × 1,5 м при глубине до 0,2 м, выявлены лежащие в анатомическом порядке отдельные части разделанной туши лошади. Обнаружены следующие кости: минимум 19 ребер, объединенных в две (?) группы, лежащих параллельно и одинаково направленных; семь или восемь позвонков, залегавших в основном порознь; две целые лопатки, положенные накрест одна на другую поверх всех костей; кости трех нижних частей ног животного, лежащие практически в анатомическом порядке; три длинные кости конечностей. Сверху кости перекрывало зольно-угольное пятно с прослойкой прокала.

Всего в раскопе было найдено 527 индивидуальных находок; 9800 фрагментов керамики, из которой 4708 представлены мелкими неопределимыми фрагментами; 48,5 кг (15 147 фрагментов) печной обмазки; 13 компактных скоплений чешуи и костей рыбы и около 70,5 тыс. единичных; 3878 костей животных; 418 кальцинированных костей; 304 фрагмента отходов кремнеобработки; 1789 фрагментов шлаков (табл. 28) и 22 современных предмета.

К периоду, предшествовавшему Средневековью, относятся 46 индивидуальных находок. Среди них преобладают кремневые пластины и скребки. Имеются кремневые сверла, пренуклеусы и комбинированные орудия. Керамика эпохи первобытности в раскопе представлена фрагментами, относящимися к раннему железному веку (253 фрагмента) и неолиту (4 фрагмента). Резко преобладает штрихованная посуда эпохи железа, наибольшее количество которой было собрано в заполнении пятого и шестого пластов.

481 предмет относится к Средневековью. Преобладают в коллекции железные изделия – 157 находок (32,6%). Наиболее многочисленны иглы (29 экз.), ножи (21), наконечники стрел (5), замки и их фрагменты (5), шилья (4), фрагменты топоров (2). Кроме того, обнаружено калачевидное кресало с язычком, рыболовный крючок, фрагмент ножниц, светец. Важно отметить заготовку железной иглы, обнаруженную во втором пласте.

Из цветных металлов изготовлен 131 предмет (27,2%). Найдено четыре височных кольца, монетовидная свинцово-оловянистая подвеска с процветшим крестом, три бубенчика, восемь перстней, два обломка браслетов, восемь спиральных и одна трубчатая пронизки, три пуговицы, пряжка, три ременные накладки, поясное кольцо. Важно отметить находки связанные с бронзолитейным производством – таблетковидный серебряный слиток, 14 выплесков, 11 фрагментов проволоки, литник.

На долю изделий из стекла приходится 109 находок (22,7%). Преобладают бусы и бисер, выполненные в технике навивки (71 экз.) и тянутые из трубочек (32 экз.). Причем в нижних пластах (4 и 5) основную массу находок составляют бусы, относящиеся к

Таблица 28

Минино I, раскоп 4. Статистика распределения индивидуальных находок и массового материала по пластам

Пласт	Керамика							Отходы кремнеобработки	Обмазка	
	эпохи камня	эпохи раннего металла	средневековая лепная	средневековая круговая	средневековая подправленная	средневековая неопределимая	неопределимая (мелкая)			
	фр.	фр.	фр.	фр.	фр.	фр.	фр.	шт.	шт.	кг
1	–	–	53	61	1	14	96	8	266	0,11
2	–	4	234	729	14	156	1231	97	9330	20,88
3	3	6	547	102	2	79	782	68	3408	11,19
4	–	8	1291	19	–	20	1448	54	1811	14,80
5	1	75	1338	58	–	47	1145	43	326	1,57
6	–	160	70	–	–	–	6	34	6	–
Итого	**4**	**253**	**3533**	**969**	**17**	**316**	**4708**	**304**	**15 147**	**48,54**

Пласт	Кости				Шлаки	Индивидуальные находки						
	рыбы (единичные)	рыба (скопления)	животных	кальцинированные		стекло	цветной металл	железо	кость (рог)	глина	камень	кремень
	шт.	шт.	шт.	шт.	шт.	шт.	шт.	шт.	шт.	шт.	шт.	шт.
1	105	–	63	6	1	1	1	9	2	1	14	–
2	10 744	7	1941	341	134	52	65	90	16	4	–	21
3	18 890	3	644	35	850	16	22	23	6	8	2	6
4	16 677	–	544	16	443	17	21	13	5	9	1	5
5	22 464	3	619	20	327	23	21	21	8	4	3	6
6	1552	–	67	–	34	–	1	1	1	–	–	8
Итого	**70 432**	**13**	**3878**	**418**	**1789**	**109**	**131**	**157**	**38**	**26**	**20**	**46**

X – XI вв., в то время как в верхних (1 и 2) преобладают бусы XII – XIII вв.

Основную часть изделий из рога и кости (38 находок – 7,9%) составляют фрагменты со следами обработки (24). Кроме того, следует отметить находку колчанной петли, наконечника стрелы, манка на рябчиков и пяти подвесок из астрагала бобра. Среди изделий из глины (26 экз. – 5,4%) привлекают внимание находки шести льячек и их обломков и семи фрагментов тиглей. Найдены так же два фрагмента печной обмазки с отпечатками ткани. В числе каменных находок (20 экз. – 4,2%) семь шиферных пряслиц и два известняковых, шесть оселков, два рыболовных грузила и хрустальная бусина.

Среди определимой средневековой керамики (4519 фрагментов) преобладает лепная (78,6%), однако существенная хронологическая разница между верхними и нижними пластами, выявленная при анализе стеклянных бус, ярко проявляется и на керамических материалах. Если в первом и втором пластах на долю круговой керамики приходится около 72%, то уже в третьем пласте численно преобладает лепная (84%), а ниже круговая керамика представлена лишь единичными находками. Соотношение различных групп керамики по пластам представлено в таблице 28.

Помимо уже упомянутой, в раскопе была получена еще одна радиоуглеродная дата. Проба представляла собой площадной сбор угля в нижней части верхнего древнерусского культурного слоя. Полученная дата – 1200 ± 20 л.н. (776 – 932 с вероятностью 1 σ) (Ле-5626) – не соответствует археологической датировке слоя. Можно полагать, что в пробу попали фрагменты угля из нижележащих слоев.

В процессе раскопок в восточной стенке квадрата Я-27 были отобраны образцы грунта для спорово-пыльцевого анализа, кроме того, были взяты четыре плоскостных образца из культурного слоя. Из раскопа взяты три пробы объемом 80 л для карпологического анализа.

Многочисленный вещевой и керамический материал, стратиграфические наблюдения и результаты радиоуглеродного датирования позволяют определить время отложения культурного слоя, изученного в раскопе, в пределах второй половины – конца X – первой половины XIII в. До застройки на этом участке селища располагались поля. Ювелирная мастерская (постройка № 7) функционировала в XI и, возможно, самом начале XII в. Важно отметить, что следы бронзолитейного производства зафиксированы и в предшествующих напластованиях. Жилой дом № 6, сменивший мастерскую, существовал во второй половине XII – начале XIII в. При этом, судя по соотношению лепной и круговой керамики и стеклянных бус, между постройками имелся определенный хронологический разрыв.

Селище Минино I. Раскоп 5

Раскоп 5 был исследован в 2000 г. Он располагался в северо-восточной части поселения и был вписан в западную сетку разбивки памятника (рис. 56, 59). Раскоп имел размеры 2 × 5 м и был разбит на квадраты 2 × 2 м. Квадраты получили буквенно-цифровое обозначение: с запада на восток — буквенное (Ч, Ц и Х), с юга на север — цифровое (49). В качестве нулевой отметки использовался общий для всего поселения репер, находящийся возле раскопа 1. Поверхность раскопа, поросшая густой луговой растительностью была неровной. Отмечалось общее понижение поверхности в северо-восточном направлении. Перепад нивелировочных отметок от северо-западного угла к северо-восточному составлял 0,19 м, а от юго-западного угла к юго-восточному и по линии юг—север разница в отметках — 0,09 м. Какие-либо видимые ямы и нарушения дневной поверхности отсутствовали. Уровень дневной поверхности раскопа находился на 0,63—0,82 м ниже условного "0".

Культурный слой на раскопе был разобран шестью горизонтальными пластами толщиной по 10 см. Общая мощность культурных напластований в раскопе составляла 50—65 см, при средней толщине около 55 см. В ямах толщина слоя достигала 70—90 см (рис. 189). Средневековые напластования представлены верхней частью культурного слоя, состоящего из дернового гумуса и слоев темно-серой, черной, серо-коричневой и темно-коричневой гумусированной супеси, и прослойкой желто-серой уплотненной супеси (слои 1, 2, 3, 3а, 4). Их общая мощность в раскопе составляла от 28 до 37 см, а в ямах достигала 55—70 см. Самая верхняя его часть (слой 1 мощностью 3—9 см) потревожена конной распашкой. Ниже залегали отложения, относящиеся к эпохе раннего железного века и неолита (слои 5, 6, 7), общей мощностью 20—25 см (без учета ям). Материк — светлая желтая озерная супесь с известняковой крошкой или красная супесь с мелкой галькой — был зафиксирован на глубине —121 / —144 см, а в ямах на глубине —128 / —163 см. Поверхность материка, открытая раскопом, в целом повторяла уклон дневной поверхности.

Средневековые слои были интенсивно насыщены дресвой, золой, угольками, фрагментами печной обмазки, очажными камнями мелких и средних размеров и отдельными фрагментами древесного тлена, длиной 6—10 см. Помимо мелких включений в них также присутствовали небольшие линзы прокаленного суглинка, золы, белого песка, выбросов желтой материковой супеси и скопления углей. Одно из таких скоплений, связанное со слоем 4 и зафиксированное в пласте 3 в квадрате Х-49-А, содержало угольки, расположенные очень плотно друг к другу, образующие в плане очертания горелой деревянной плашки длиной 36 см (рис. 189). По этой плашке получена радиоуглеродная дата 1130 ± 30 л.н. (890—965 с вероятностью 1 σ) (Ле-5959).

В раскопе в толще культурного слоя и в материковом грунте было зафиксировано 18 ям. К средневековью относятся 12 из них. Это ямы № 2, 2а, 4—10, 12, 13 и 17. Ямы 3, 11, 14—16 и 18 принадлежат к эпохе камня и раннего железного века. Одна из ям (№ 1), по-видимому, являлась перекопом современного времени, который не прослеживался до начала раскопок. Зафиксированная глубина средневековых ям колебалась от 11 до 51 см. Несколько ям имели округлую в плане форму диаметром 18—40 см, практически вертикальные стенки и плоское дно. Другая часть ям имела в профиле корытообразную и чашевидную форму.

Наиболее интересным объектом в раскопе является часть большой ямы (№ 4), обнаруженная на глубине —94 / —104 см в северо-восточном углу. Заполняла яму темно-серая углистая супесь, насыщенная дресвой и содержавшая линзы белого песка, золы, обожженного красного суглинка и печные камни (слой 3). Из нее происходят два куска железного шлака, значительное количество костей животных и рыбы, кальцинированных косточек, фрагментов керамики и 23 средневековых индивидуальных находки. По углю из слоя 3 заполнения этой ямы получена радиоуглеродная дата 1020 ± 20 л.н. (1009—1024 с вероятностью 1σ) (Ле-5960). С южной стороны ямы 4 находились две ямы (№ 12 и 13) округлой формы. В их заполнении присутствовали куски печной обмазки и древесного тлена длиной 8—10 см, причем в одной из них фрагмент дерева располагался вертикально.

В процессе работы на раскопе из культурного слоя были извлечены 372 индивидуальные находки; 3400 фрагментов керамики, из которых 1711 (3,45 кг) представлены мелкими неопределимыми фрагментами; 1,08 кг печной обмазки; 231 г кость рыбы; 1354 кости животных; 610 кальцинированных костей; 191 фрагмент отходов кремнеобработки; 19 костей, принадлежащих человеку и являющихся,

Таблица 29

Минино I, раскоп 5. Статистика распределения индивидуальных находок по пластам

Пласт	Стекло	Цветной металл	Железо	Кость и рог	Глина	Камень	Кремень, сланец
1	2	4	7		2	—	4
2	20	16	50	5	1	2	6
3	62	22	46	6	1	4	15
4	13	5	8	4	5	—	34
5	1	2	1	2	—	1	13
6	—	—	—	—	—	—	6
отвал	—	—	2	—	—	—	—
Итого	**98**	**49**	**114**	**17**	**9**	**7**	**78**

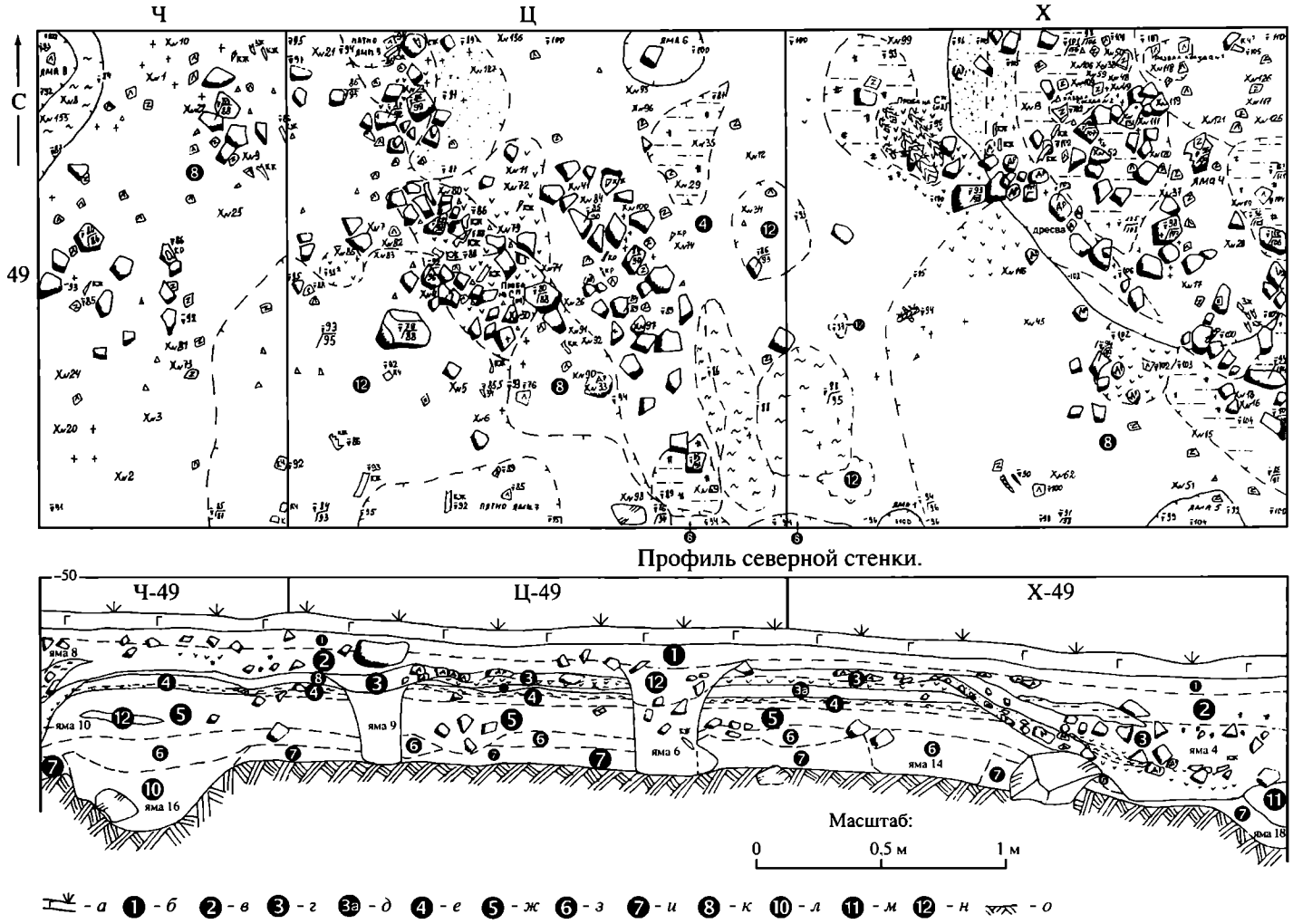


Рис. 189. Селище Минино I, раскоп 5. План раскопа на уровне третьего пласта (−20 / −30 см) и профиль северной стенки раскопа

а — дерн; *б* — однородная темно-серая супесь с отдельными печными камнями (пахотный слой); *в* — темно-серая супесь, насыщенная печными камнями, углем и фрагментами обмазки; *г* — темно-серая (черная) супесь, насыщенная углем, пережженными печными камнями, фрагментами обмазки и золой; *д* — серо-коричневая супесь с углем, дресвой, золой и фрагментами обмазки; *е* — темно-коричневая гумусированная супесь, насыщенная углем и золой в верхней части и отдельными угольками в нижней; *ж* — серо-коричневая гумусированная супесь, светлеющая книзу; *з* — серо-желтая гумусированная супесь; *и* — желтая слабогумусированная супесь с мелкой галькой; *к* — желто-серая уплотненная супесь с вкраплениями угольков, печной обмазки и известняковой крошки; *л* — серо-коричневая гумусированная однородная супесь; *м* — коричнево-серая гумусированная супесь; *н* — желтая супесь с известняковой крошкой; *о* — материк. См. также условные обозначения на рис. 175

по-видимому, остатками разрушенного погребения эпохи первобытности, находящегося за пределами раскопа; 5 фрагментов стекловидных шлаков (табл. 29, 30) и шесть современных предметов.

К периоду, предшествовавшему Средневековью, относятся 80 индивидуальных находок. Среди них преобладают кремневые пластины, микропластины и скребки. Имеются кремневые сверла, нуклеус, нож и скол. Были также найдены миниатюрный неолитический сосуд и относящиеся к раннему железному веку сланцевое тесло и обломок глиняной литейной формы в виде трубочки. Керамика эпохи первобытности в раскопе представлена 526 фрагментами, характерными для эпохи раннего металла и каменного века. Наибольшее количество ранней керамики, представленной фрагментами ямочно-гребенчатой и гребенчатой неолитической посуды, и сетчатой, штрихованной и гладкостенной посуды эпохи раннего железа, было собрано в заполнении четвертого и пятого пластов.

292 предмета относятся к Средневековью. Значительная часть средневековой коллекции приходится на долю изделий из стекла — 98 экз. (33,6%). Преобладают бусы и бисер, выполненные в технике навивки (57 экз.) и тянутые из трубочек (36 экз.). Обнаружена одна мозаичная бусина. Более половины бус, которые концентрировались в нижней части средневекового слоя (пласт 3), относятся к X—XI вв. Но встречены и бусы, датирующиеся XII—XIII вв. Кроме того, необходимо отметить находку фрагмента сосуда из красно-фиолетового стекла.

Таблица 30

Минино I, раскоп 5. Статистика распределения массового материала по пластам

Пласт	Керамика								
	эпохи камня	эпохи раннего металла	средневековая лепная	средневековая круговая	средневековая подправленная	средневековая неопределимая	позднесредневековая	неопределимая (мелкая)	
	фр.	фр.	фр.	фр.	фр.	фр.	фр.	фр.	кг
1	1	3	15	49	1	10	3	220	0,24
2	3	14	174	317	6	85	–	670	1,46
3	7	33	175	144	4	57	–	412	0,89
4	77	167	55	30	–	14	–	291	0,62
5	78	101	14	4	–	1	–	113	0,24
6	22	20	5	–	–	–	–	5	0,01
Итого	**188**	**338**	**438**	**544**	**11**	**167**	**3**	**1711**	**3,45**

Пласт	Отходы кремнеобработки	Обмазка	Кости				Шлаки
			рыбы	животных	кальцинированные	человека	
	шт.	кг	г	шт.	шт.	шт.	шт.
1	13	0,06	0,2	5	25	–	–
2	24	0,36	2	203	155	1	1
3	63	0,54	58,7	724	266	15	1
4	32	0,12	60,5	250	116	3	2
5	40	0,00	96,2	106	36	–	1
6	19	–	13,8	66	12	–	–
Итого	**191**	**1,08**	**231**	**1354**	**610**	**19**	**5**

Изделий из цветного металла найдено 49 (16,7%). Среди них наиболее многочисленны фрагменты бронзовых пластин и сосудов. В единичных экземплярах найдены круглодротовый ложновитой браслет, пластинчатый широкосрединный перстень, перстнеобразное височное кольцо с заходящими концами, пряжка, нашивная полусферическая бляшка, грушевидный и шаровидный бубенчики, колоколовидная привеска-пронизка, колечки-пронизки и спиральные пронизки. Найдены также звено проволочной цепочки, ременная щитовидная накладка и пуговица.

Железных предметов собрано 114 (39%). Наиболее многочисленны пластины — 33 экземпляра, иглы — 12, ножи — 11, шилья — шесть, скобы — девять клинья — пять и гвозди — пять экземпляров. К единичным находкам относятся ключ от нутряного замка, поясная накладка, обоймица, наконечник стрелы-срезня, вток, фрагменты топора, сковороды и косы (?).

Предметов из рога и кости найдено 17 (5,8%). К ним относятся отходы роговой и костной ткани со следами обработки, фрагменты иглы, цельного двустороннего орнаментированного гребня, стержня, поделки дисковидной формы и обломки орнаментированных и неорнаментированных кальцинированных изделий.

Среди находок, сделанных из камня — семь экземпляров (2,4%) — имеются сланцевые оселки и известняковое грузило. Различные изделия из глины насчитывают семь экземпляров. В их числе глиняный "хлебец", шарик, грузила, обломок тигля и кусочек печной обмазки с отпечатками.

Среди определимой средневековой керамики (993 фрагмента) преобладает круговая (54,8%), которая наиболее многочисленна в первом — втором пластах. Лепной, подправленной на гончарном круге керамики, найдено 11 фрагментов. В заполнении ямы 4 были расчищены развалы лепного и кругового сосудов. Соотношение различных групп керамики по пластам представлено в таблице 30.

К находкам позднего Средневековья относятся три фрагмента сероглиняной посуды, обнаруженной в заполнении первого пласта.

Для получения зерновых материалов был промыт культурный слой общим объемом 55 литров.

Таким образом, вскрытый на раскопе культурный слой относится к нескольким большим историческим периодам. Здесь прослежены слои, относящиеся к каменному веку, эпохе раннего железного века и Средневековью. Средневековый период жизни на этом участке, исходя из полученного вещево-

го и керамического материала и радиоуглеродных дат, определяется в пределах второй половины — конца X — начала XIII в. С периодом второй половины — конца X—XI вв. предположительно можно соотнести нижние слои средневекового культурного слоя (слои 3, 3а, 4). Вышележащие напластования можно датировать лишь в широких рамках XII—XIII вв. При этом нельзя исключать того, что в течение некоторого времени этот участок селища не был заселен.

Селище Минино I. Раскоп 6

В 2002 г. на самой восточной окраине памятника, в пределах низкой поймы р. Дмитриевки высотой около 1 м над меженным уровнем воды, для уточнения характера культурных отложений на этой окраине поселения и поиска участков стратифицированного влажного культурного слоя эпохи камня, был заложен небольшой разведочный раскоп 6. Он располагался в 34 м к востоку от западной стенки раскопа 1 (рис. 56).

Раскоп общей площадью 8 кв. м и размерами 2 × 4 м был длинной стороной ориентирован по линии З—В. Он привязан к восточной сетке разбивки памятника, согласно которой вскрытые квадраты получили номенклатуру БЖ-30 и БИ-30 (рис. 59).

Относительно ровная дневная поверхность раскопа имела отметки —2,37 / —2,55 м от единого для памятника репера. Она плавно понижалась к северо-востоку-востоку, в сторону старицы р. Дмитровки. Максимальная разница отметок между самой высокой точкой (юго-западным углом) и самой низкой (северо-восточным углом) составила 0,25 м. Поверхность раскопа была покрыта высокой травой и плотно задернована.

Глубина вскрытия в раскопе составила от 1,13 до 1,55 м от дневной поверхности (рис. 190). Несмотря на засушливый год, нижняя треть толщи культурного слоя оказалась сильно обводнена. В раскопе выявлены потревоженные аллювиальными процессами напластования эпохи средневековья, раннего железного века, развитого и раннего неолита и мезолита (?). При этом часть исследованных слоев (включая верхние 0,2 м) представляла собой стерильные или содержащие незначительный переотложенный вещевой материал аллювиальные прослойки. Наибольшей сохранностью и толщиной отличались отложения эпохи Средневековья (до 0,3 м) и раннего железного века (до 0,35 м).

Толщина средневековой части напластований, представляющих собой темно-серую (почти черную) интенсивно гумусированную супесь с включениями печных камней, дресвы, мелких древесных углей и фрагментов печной обмазки, колебалась от 0,12 до 0,3 м. В западной части раскопа они были разделены прослойкой толщиной до 0,08 м из смытого с верхней части склона и переотложенного культурного слоя, содержащего материалы от мезолита до эпохи Средневековья (рис. 190, слой 3). Каких-либо объектов и ям в средневековых напластованиях не выявлено. Отмечалось лишь повышение концентрации печных камней в западной части раскопа.

Всего в раскопе было найдено 499 индивидуальных находок; 2617 фрагментов керамики (7,37 кг), из которой 1861 фрагмент (2,28 кг) представлен мелкими неопределимыми фрагментами; 0,26 кг печной обмазки; четыре фрагмента стекловидных шлаков; 0,208 кг чешуи и костей рыбы; 848 (0,46 кг) костей животных; 1332 кальцинированные кости (0,276 кг); 2164 фрагмента отходов кремнеобработки (2,505 кг) (табл. 31, 32) и три современных предмета.

Досредневековая часть коллекции включает 386 изделий из кремня, пять сланцевых орудий, 40 изделий из рога, костей и зубов животных; 36 находок из глины, среди которых 34 фрагмента

Таблица 31

Минино I, раскоп 6. Статистика распределения индивидуальных находок по слоям

Слой	Стекло	Цветной металл	Железо	Кость (рог)	Глина	Камень	Кремень, сланец	**Итого**
3	5	13	1	—	1	1	48	**69**
4	6	—	—	—	1	—	66	**73**
5	—	1	—	—	—	—	3	**4**
6	1	1	1	—	11	—	4	**18**
7	—	—	—	1	22	—	21	**44**
8	—	—	—	—	3	—	—	**3**
10	—	—	—	1	—	—	—	**1**
11	—	—	—	10	—	—	74	**84**
12	—	—	—	28	—	—	175	**203**
Итого	**12**	**15**	**2**	**40**	**38**	**1**	**391**	**499**

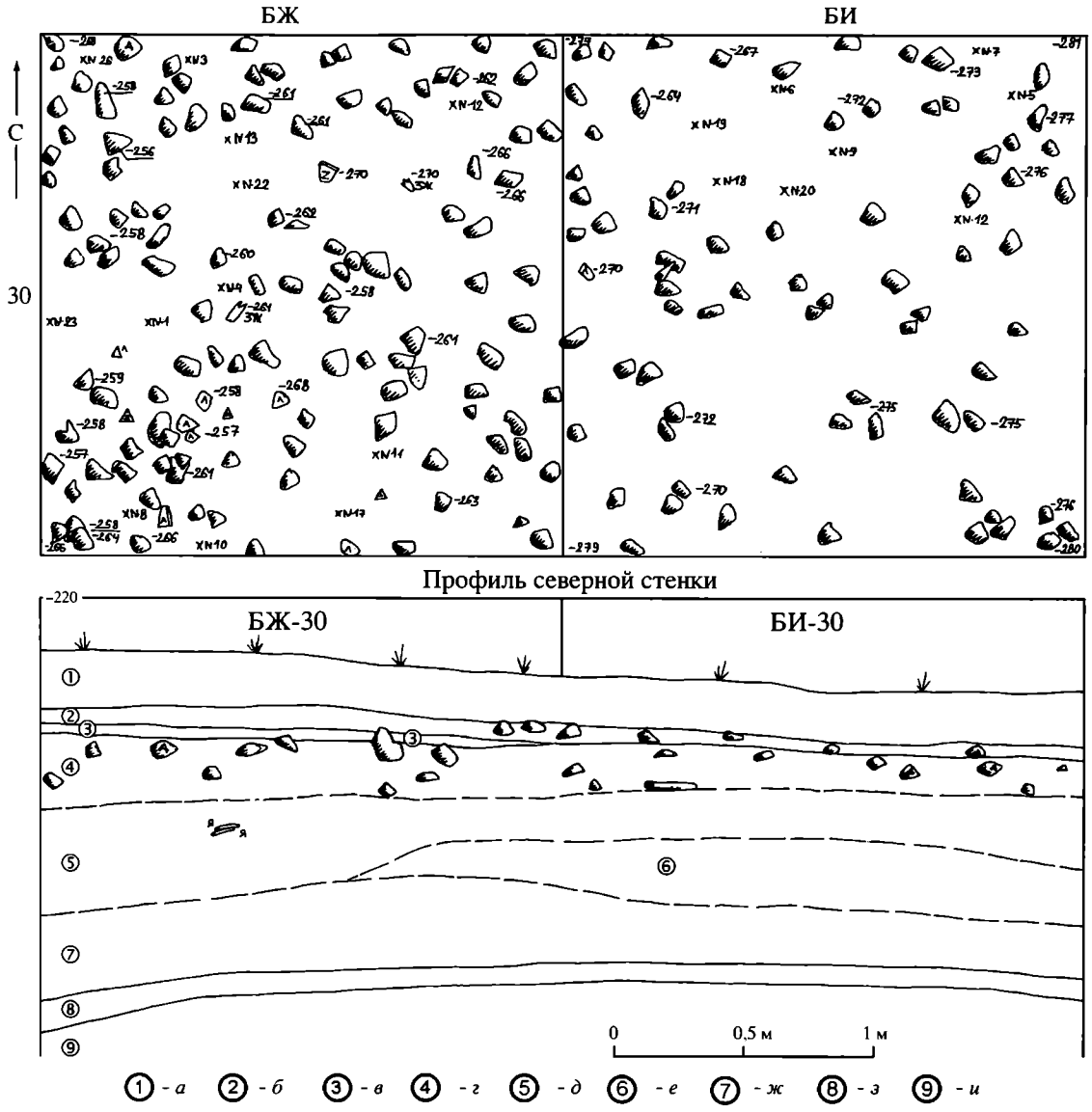


Рис. 190. Селище Минино I, раскоп 6. План раскопа на уровне третьего слоя снятия и профиль северной стенки раскопа

а — дерн и серо-коричневый суглинок, гумусированный в верхней части (аллювиальные отложения XIX—XX вв.); *б* — темно-серая супесь с включениями печных камней, дресвы, мелких древесных углей (культурный слой древнерусского времени); *в* — свита прослоек светло-серого сортированного песка с включениями дресвы и мелких камней (переотложенный и отсортированный аллювиальными процессами культурный слой эпох от мезолита до средневековья, залегавший некогда выше по склону); *г* — темно-серая (черная) супесь с включениями печных камней, дресвы, мелких древесных углей, фрагментов печной обмазки (культурный слой древнерусского времени в верхней трети и раннего железного века в нижней части); *д* — свита серо-коричневых и серо-желтых глин и суглинков (аллювиальные отложения, содержат отдельные артефакты развитого неолита); *е* — свита серо-желтых глин и суглинков (аллювиальные отложения); *ж* — свита светло-серых и белых суглинков и супесей (аллювиальные отложения с отдельными артефактами эпохи неолита); *з* — светло-серая сортированная супесь, сильно насыщенная мелкой галькой, с косо залегающими линзами темно-коричневой гумусированной супеси (сортированный аллювиальными процессами культурный слой развитого и раннего неолита, мезолита (?)); *и* — материк. См. также условные обозначения на рис. 175

кольцевидных литейных формочек, относящихся к эпохе раннего железного века (в том числе 15 фрагментов воронковидных литниковых чаш). В керамической коллекции пять фрагментов (0,045 кг) пористой энеолитической керамики; 105 фрагментов (0,621 кг) неолитической керамики и 467 фрагментов (2,97 кг) керамики раннего железного века.

Средневековые индивидуальные находки представлены 32 предметами — 12 стеклянных бус и бисерин; 15 предметов из цветного металла (в том числе 13 фрагментов пластинчатых спиральных пронизок из свинцово-оловянистого сплава); два изделия из железа; два глиняных предмета и обломок сланцевого оселка. Из 178 фрагментов средневековой керамики (1,44 кг) 147 (1,23 кг) относятся к

Таблица 32

Минино I, раскоп 6. Статистика распределения массового материала по слоям

Слой	Керамика									
	эпохи камня		эпохи раннего металла		средневековая лепная		средневековая круговая		средневековая неопределимая	
	фр.	кг	фр.	кг	фр.	кг	фр.	кг	фр.	кг
3	12	0,04	48	0,19	76	0,45	23	0,16	7	0,03
4	4	0,00	20	0,04	8	0,05	–	–	–	–
5	2	0,00	13	0,10	8	0,12	–	–	1	0,02
6	13	0,02	137	0,74	55	0,61	–	–	–	–
7	15	0,06	208	1,29	–	–	–	–	–	–
8	24	0,21	39	0,59	–	–	–	–	–	–
10	17	0,22	2	0,02	–	–	–	–	–	–
11	2	0,04	–	–	–	–	–	–	–	–
12	21	0,09	–	–	–	–	–	–	–	–
Итого	**110**	**0,68**	**467**	**2,97**	**147**	**1,23**	**23**	**0,16**	**8**	**0,05**

Слой	Керамика		Отходы кремнеобработки		Обмазка	Кости					Шлаки
	неопределимая (мелкая)					рыбы	животных		кальцинированные		
	фр.	кг	шт.	г	кг	г	шт.	г	шт.	г	шт.
3	527	0,78	375	323	0,10	2,1	63	63	125	18,7	1
4	283	0,20	340	82	0,02	0,6	106	20,5	340	31	–
5	76	0,14	63	16	–	0,4	24	3,8	97	11	1
6	445	0,64	127	58	0,02	4,6	135	40,6	133	20,3	–
7	479	0,46	182	146	0,10	13,6	236	56,8	266	41,8	–
8	48	0,05	6	17	0,01	2,0	22	23,5	2	0,1	1
10	3	0,00	3	26	–	0,4	2	4	2	4,6	1
11	–	–	189	439	–	34,1	68	44,7	49	22,2	–
12	–	–	879	1398	–	150,5	192	203,5	318	126,5	–
Итого	**1861**	**2,28**	**2164**	**2505**	**0,26**	**208,3**	**848**	**460,4**	**1332**	**276,2**	**4**

лепным, а 23 фрагмента (0,16 кг) — к круговым. Техника изготовления восьми фрагментов (0,05 кг) осталась неясной.

Судя по значительному преобладанию в средневековых напластованиях лепной керамики (более 82%) и набору стеклянных бус, половина которых изготовлена из тянутой трубочки, они могут быть датированы концом X — началом XII в. При этом процессы, связанные с размывом склона и формированием прослойки, разделившей средневековый слой, можно отнести ко второй половине — концу XI в.

Селище Минино VI. Раскоп 1

Площадка поселения представляет собой береговую террасу, в западной части имеющую сильный уклон к северу, в центральной и восточной части — относительно плоскую (рис. 60). Поверхность поселения занята лугом, местами она поросла кустарником, на ней отчетливо прослеживаются следы от старых полей в виде практически параллельных борозд и кучи убранных с них камней. Борозды являются следствием многолетней тракторной распашки. Они располагаются довольно ровными рядами в направлении СВ—ЮЗ. Однако в целом, благодаря все той же распашке, площадка памятника не имеет особых перепадов при общем плавном уклоне в направлении с юга на север (к реке). По восточной части селища проходит дорога из д. Минино к Кубенскому озеру. Высота местности над меженным уровнем воды в р. Дмитриевке составляет от 4 до 5,5 м. Поверхность поселения в настоящее время плотно задернована и используется для сенокоса.

Рис. 191. Селище Минино VI, раскоп 1, участки 2 и 3 после снятия пахотного слоя. Вид с юго-востока

В качестве общего для всего поселения репера был выбран крупный вросший в землю валун размерами 0,95 × 0,6 м, находящийся в западной части памятника и возвышающийся над поверхностью на 0,35 – 0,4 м. За нулевую отметку принята вершина камня. Перепад высотных отметок на раскопе доходил до 50 см. Так, в южной части раскопа высота поверхности от репера составляла – 58 / – 73, в северной части – – 90 / – 117, в западной – – 74 / – 88, в восточной – – 89 / – 106 м.

Полевые изыскания проводились на памятнике в 2000, 2001 и 2003 гг. на пяти участках в рамках раскопа 1 (рис. 92, *1*). Раскоп располагался в центральной части памятника и был ориентирован по сторонам света. Квадраты 2 × 2 м получили буквенно-цифровое обозначение в соответствии с единой для всего селища координатной сеткой, в которой буквенная нумерация идет с запада на восток, а цифровая – с севера на юг. Раскоп был заложен в 2000 г. площадью 20 кв. м (участок 1, линии АГ/АД-52-54).

В 2001 г. площадь раскопа была увеличена к северу и югу от участка 1 (рис. 191). Общая площадь южной части раскопа – участка 2 – составила 116 кв. м (линии АГ – АД/54 – 66, а также АБ – АВ/65 – 66). Длина участка 2 (с севера на юг) равнялась 25 м при ширине от 4 до 8 м. В северной части раскопа – на участке 3 – было вскрыто 168 кв. м (линии АГ – АД/39 – 51, АВ/40 – 51 и АГ – АД/37 – 38). Протяженность участка 3 с севера на юг составляла 30 м, при ширине от 4 до 6 м.

В 2003 г. изучались участки, примыкающие к участку 1 с запада и востока (рис. 61). Общая площадь западного участка 4 составила 164 кв. м (линии Ц – АБ/48 – 49, Я – АБ/50 – 51, а также Ю – АВ/52 – 54). Длина участка (с запада на восток) равнялась 22 м при ширине от 4 до 14 м. На восточном участке (5) раскопа было исследовано 120 кв. м (линии АЛ – АН/44 – 46, АЕ – АН/47 – 49). Длина участка 5 (с запада на восток) составляла 14 м при ширине от 6 до 12 м. Таким образом, общая площадь раскопа 1 составила 588 кв. м.

Культурные напластования в раскопе четко разделяются на два основных слоя (рис. 192). Верхняя часть напластований представляет собой однородную аморфную темно-серую гумусированную супесь – пахотный слой. Толщина пахотного слоя составляет 10 – 26 см, в понижениях – до 28 – 32 см, ямах – до 45 см. Она увеличивается в середине гряд, уменьшаясь в расположенных между ними бороздах. На большей части протяженности профилей пахотный слой непосредственно залегает на материке.

Под пахотным слоем располагается темно-серая (почти черная) интенсивно гумусированная супесь, насыщенная печными камнями, крупными фрагментами керамики и костями животных и рыбы – не потревоженный распашкой средневековый культурный слой. Он сохранился практически только в материковых ямах (рис. 62, 193, 194).

В ряде мест – понижениях, многочисленных ямах – пахотный слой подстилают прослойки смешанной с материком серо-коричневой супеси мощностью 7 – 8 см и предматериковые слои перемещенного слабогумусированного материкового песка и белесого подзола, не имеющие четких границ и залегающие пятнами. Их мощность составляла от 2 – 5 до 10 см. Происхождение этих прослоек, по всей видимости, следует связывать с пахотой. Верхние части материковых ям в большинстве случаев также были повреждены распашкой.

В юго-западной части участка 4 зафиксирована тонкая горизонтальная прослойка серо-коричневой супеси толщиной около 3 – 5 см, под которой

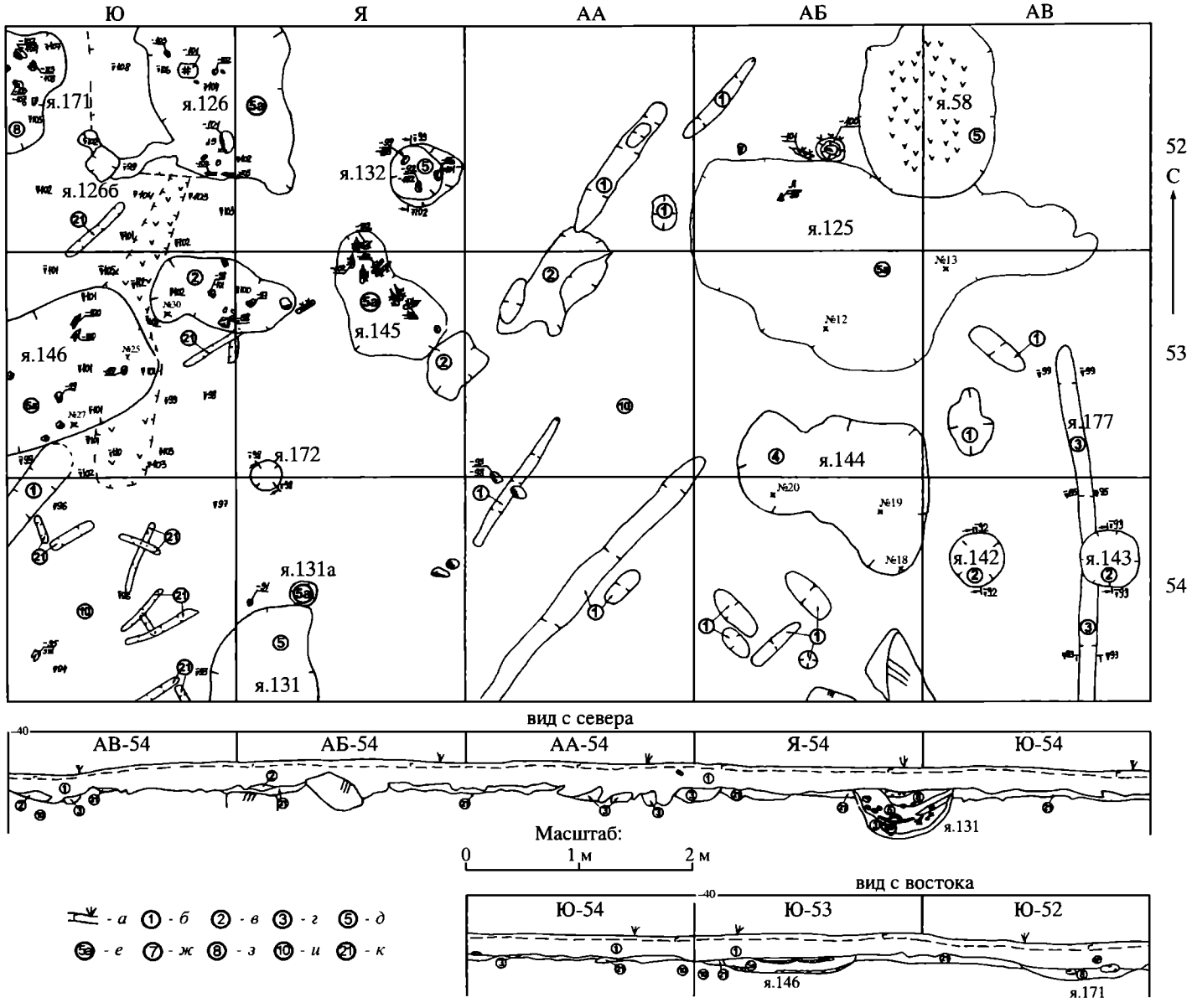


Рис. 192. Селище Минино VI, раскоп 1, участок 4. План южной части участка на уровне зачистки материка и профили южной и западной стенок

а — дерн; *б* — однородная темно-серая гумусированная супесь (пахотный слой); *в* — серая перемешанная супесь с включениями материкового песка; *г* — серо-коричневая перемешанная супесь с включениями материкового песка; *д* — темно-серая гумусированная супесь с мелкими угольками; *е* — темно-серая гумусированная супесь с мелкими камешками и угольками; *ж* — светло-желтый песок (перемещенная материковая порода); *з* — темно-серая гумусированная супесь; *и* — материк; *к* — коричнево-серая перемешанная супесь (древний пахотный горизонт?). См. также условные обозначения на рис. 175

на материке были зафиксированы узкие короткие взаимно перпендикулярные борозды шириной от 2,5 до 10 см, заполненные этим же слоем (рис. 192, слой 21). Ориентировка и размеры этих борозд отличались от расположения борозд поздней конной и тракторной распашки. По-видимому, этот слой является еще одним — погребенным — слоем пахоты, относящейся к средневековому времени. Учитывая тот факт, что этот слой был прорезан средневековыми ямами 126, 126а, 126б, 131, 131а, 145, 146, 171 и 172, не являющимися, судя по составу находок, самыми ранними из вскрытых на селище, его можно отнести к раннему этапу существования поселения. Материалы, происходящие из этого слоя крайне малочисленны, но лепная керамика здесь преобладает над круговой (12 и 6 фрагментов соответственно). Необходимо отметить, что близкий по структуре и окраске слой зафиксирован и в северо-восточной части участка 5. Но там он занимал существенно меньшую площадь, в нем не прослеживались борозды, и связь его с ямами установить не удалось.

Материк, представленный светлым рыжевато-желтым песком, имеет довольно неровную поверхность, покрытую ямами различной формы и глубины, пахотными бороздами, следами от нор кротов и

Рис. 193. Селище Минино VI, раскоп 1, участок 3. Средневековые ямы № 24 и 29 после снятия основного слоя поздней пахоты. Вид с северо-востока

Рис. 194. Селище Минино VI, раскоп 1, участок 4. Яма № 129, относящаяся ко второй половине XII–XIII в. Вид с юго-востока

корней деревьев. Поверхность материка плавно понижается в северном направлении (к реке).

Полученная при раскопках коллекция вещевого материала включает в себя 1869 индивидуальных находок, 16 400 фрагментов керамики (более 58 кг) и значительное количество костей животных, рыбы и фрагментов печной обмазки. В целом, на один метр вскрытой площади приходится около трех предметов и 0,25 кг керамики. Керамический материал в пахотном слое измельчен, что затрудняет его атрибуцию, но во всех пластах численно преобладала керамика эпохи Средневековья, среди которой отмечено наличие круговых венчиков с профилировкой, характерной для XIII–XIV вв. Статистика находок представлена в таблицах 33–35.

Наблюдения за распределением вещевых находок и керамики в ямах позволили разделить ямы, относящихся к средневековому периоду, на две хронологические группы (рис. 92, *2*). В первую группу, датирующуюся серединой XI–XII в., можно включить 23 ямы, концентрирующиеся в центральной и южной частях раскопа (ямы № 21, 23, 24, 25, 25а, 26, 27, 29, 53, 53а, 56, 58, 60, 61, 64, 87, 89, 92, 93, 125, 126, 131, 148). Большая часть ям, относящихся ко второму периоду (вторая половина XII–XIII в.), располагалась на участках 2 и 4 (ямы № 12, 16, 17, 20, 31, 32, 34, 35, 38, 43, 129, 135, 144, 146, 150, 171). Яма № 17 (участок 2) представляет собой развал печи-каменки с подпечной ямой (рис. 84, *2*). Значительное количество печных камней, обнаруженных в яме 12 (уча-

Таблица 33

Селище Минино VI. Общая статистика индивидуальных находок раскопа 1

Год	Участок	Всего	Индивидуальные находки							
			железо	цветн. металл.	стекло	кость	ткань	глина	камень	кремень
2000	1	114	60	42	9			2	1	
2001	2	266	92	100	42	16		10	4	2
	3	408	144	125	108	11		15	2	3
2003	4	729	324	218	135	9	1	23	15	4
	5	352	213	69	45	2		17	3	3
Итого		**1869**	**833**	**554**	**339**	**38**	**1**	**67**	**25**	**12**

Таблица 34

Селище Минино VI. Статистика распределения индивидуальных находок по основным слоям

Основные слои	Всего	Индивидуальные находки							
		железо	цветн. металл.	стекло	кость	ткань	глина	камень	кремень
Пахота	1490	778	442	166	15	1	57	19	12
Ямы	379	55	112	173	23	0	10	6	0

Таблица 35

Селище Минино VI. Статистика распределения массовых находок по основным слоям

Основные слои	Керамика							
	эпохи первобытности		средневековая				поздняя	
			круговая		лепная			
	фр.	кг	фр.	кг	фр.	кг	фр.	кг
Пахота	6	0,008	5449	25,1	2756	13,8	4404	26,8
Ямы	–	–	596	5,7	1260	13,1	18	0,1
Всего	**6**	**0,008**	**6045**	**30,8**	**4016**	**26,9**	**4422**	**26,9**

Основные слои	Керамика			Обмазка	Кости				
	неопределимая		мелкая		рыбы	животных		кальцинированные	
	фр.	кг	кг	кг	кг	шт.	кг	шт.	кг
Пахота	3324	15,9	23,2	20,2	2,1	2335	3,1	600	0,2
Ямы	206	1,6	2,1	31,7	1,5	2372	3,7	914	0,3
Всего	**3530**	**17,5**	**25,3**	**51,9**	**3,6**	**4707**	**6,8**	**1514**	**0,5**

сток 2), не исключает возможности того, что она является остатками печи от еще одной жилой постройки, но достаточных оснований для утверждения этого нет.

Предположительно, с опорой лишь на планиграфию, ко второму периоду можно отнести ямы № 11, 14, 15, 18, 19, 45, 48, 72. Часть ям (№ 33, 37, 39, 73а, 74, 78, 80, 83, 84) содержит в заполнении слой второго периода, но могла образоваться и в более позднее время. К эпохе Средневековья, включая оба периода, относятся ямы № 22, 28, 54, 55, 57, 59, 62, 63, 66, 68, 88.

Кроме того, выявлена группа ям, относящихся к позднесредневековому периоду и датирующихся по керамическому материалу XVII–XIX вв. Большая их часть обнаружена на участках 2 и 5 (ямы № 32а,

Таблица 36

Селище Минино VI. Радиоуглеродные даты

Индекс лаборатории	Радиоуглеродная дата (BP)	Калиброванная дата (AD)		Участок	Яма	Происхождение
		1σ	2σ			
Ле-6040	810±30	1213 – 1265	1163 – 1281	2	17	бревно конструкции печи
Ле-6041	1225±20	728 – 810	721 – 883	3	24	плашки из слоя 5
Ле-6042	1130±60	781 – 985	777 – 1019	3	21	площадной сбор угля между камнями
Ле-6043	930±35	1037 – 1157	1023 – 1187	3	23	площадной сбор угля из заполнения ямы
Ле-6044	1120±70	781 – 999	721 – 1027	2	12	площадной сбор угля из заполнения ямы
Ле-6749	1030±65	890 – 1160	880 – 1190	4	126	плашка от обшивки стенок ямы
Ле-6750	1070±100	780 – 1160	650 – 1250	4	135	площадной сбор угля из заполнения ямы

82, 147, 152, 154, 157, 162). Изучение планиграфии этих ям не позволяет связать их с какой-либо конструкцией. Вероятно, все они имели хозяйственное назначение или служили мусорными ямами. На участке 4 с этим периодом связана группа из четырех столбовых ям, образующих в плане квадрат. Они могут представлять собой остатки легкой столбовой конструкции (типа сарая). Остальные ямы, вероятнее всего, также относятся к позднему средневековью и новому времени или имеют природное происхождение.

Важно отметит существенную концентрацию находок, связанных с ювелирным делом, в южной части участка 4, где найден слиток, собрана большая часть происходящих из пахотного слоя бронзовых выплесков (16 экз.) и фрагменты глиняных тиглей.

В процессе раскопок из заполнения материковых ям брались пробы для карпологического анализа. В общей сложности было промыто 22 пробы общим объемом 1037 л, в которых были обнаружены карбонизированные остатки культурных злаков. Также в ямах производился и сбор угля для радиоуглеродного анализа. Для передачи в лабораторию были отобраны семь образцов, наиболее значимых для установления времени возникновения и динамики развития селища. Результаты датирования представлены в таблице 36.

В ходе раскопок было установлено, что заселение исследованного участка произошло не позднее середины XI в. Здесь, в центральной части селища, в самом пахотном слое и материковых ямах представлены материалы, относящиеся как к самому раннему этапу его существования, так и к XII – XIII вв. При этом ранние материалы концентрируются в северной, расположенной ближе к речному берегу, части раскопа (участок 3). Во второй половине XII в. площадь селища, по всей видимости, значительно увеличилась за счет освоения южных, более удаленных от реки, участков (участок 2). Значительный и разнообразный вещевой материал, относящийся ко второй половине XI – XIII вв., позволяет говорить о весьма высоком уровне жизни обитателей селища в этот период. Помимо этого в распаханной части слоя собрана керамика с профилировкой XIII – XV вв. и ряд предметов XV – XVI вв. и более позднего времени, а на площадке выявлены следы хозяйственной активности в XVIII – XIX вв.

Селище Владышнево I. Раскоп 1

На поселении Владышнево I в 2000 г. был заложен раскоп в наиболее возвышенной южной части памятника (рис. 51), на месте разведочного шурфа № 3 (1997 г.), в котором удалось обнаружить часть развала печи-каменки. Раскоп располагался на первой надпойменной террасе р. Делялевки на высоте около 4,5 м над меженным уровнем воды в реке, примерно в 60 м от ее русла.

Раскоп общей площадью 16 кв. м имел размеры 4 × 4 м. Согласно единой сетке разбивки памятника квадраты получили с запада на восток буквенное обозначение Ц и Ч, а с севера на юг — цифровое — 43 и 44. В качестве нулевой отметки при работе на селище в 2000 г. использовался промежуточный репер, находящийся на 0,35 м ниже основного репера, который был избран после обнаружения могильника и впоследствии стал использоваться в качестве единого репера для обоих памятников.

Поверхность раскопа, покрытая травой и плотно задернованная, находилась на высоте 1,71 – 2,02 м ниже единой нулевой отметки. Она имела общее понижение по направлению с ЮЗ на СВ. Максимальный перепад высот по этой диагонали раскопа составил 0,31 м.

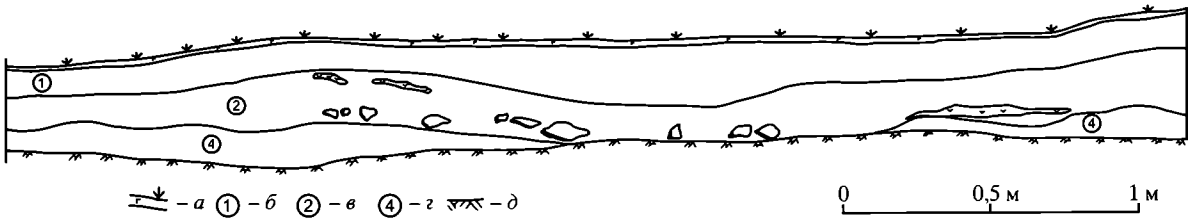


Рис. 195. Селище Владышнево I, раскоп 1. Профиль восточной стенки раскопа

а — дерн; *б* — однородная темно-серая гумусированная супесь с отдельными печными камнями (пахотный слой); *в* — темно-серая (черная) интенсивно гумусированная супесь с печными камнями и прослойками угля; *г* — серо-коричневая супесь с отдельными угольками, светлеющая к материку; *д* — материк

Общая мощность культурного слоя колебалась от 0,26 до 0,45 м, при средней толщине около 0,35 м, а в ямах достигала 0,55 м. Наибольшую мощность культурный слой, без учета ям, имел в восточной части раскопа, а наименьшую — в юго-западном углу. Культурный слой в раскопе разделялся на два основных слоя (рис. 195). Верхний представлял собой слой средневекового селища в виде темно-серой (почти черной) интенсивно гумусированной супеси с печными камнями и прослойками угля, толщиной от 0,17 до 0,36 м. Его верхняя часть толщиной 0,09—0,15 м была более аморфной и однородной и содержала измельченную керамику. Эта часть слоя подвергалась распашке, которая, судя по незначительной толщине и наличию двух небольших компактных скоплений позднесредневековой керамики, велась с помощью конной тяги и была, вероятно, недолгой. Ниже слоя темно-серой супеси залегал слой серо-коричневой светлеющей книзу супеси толщиной до 0,2 м с пятнами подзола, сильно нарушенный кротовинами. Он содержал незначительное количество материала, но в верхней его части отмечена некоторая концентрация кремневых сколов и отщепов. Учитывая достаточно равномерное присутствие во всей толще средневекового слоя кремневых изделий, можно полагать, что это остатки культурного слоя мезолитической стоянки, практически полностью переработанного в средневековое время. При этом древняя (средневековая) дневная поверхность исследованного участка в целом повторяла современную, имея общий уклон к северу и северо-востоку.

Основным сооружением, обнаруженным в раскопе, был частично вскрытый жилой дом, от которого удалось полностью исследовать лишь развал печи-каменки (рис. 84, *3*; 89). По своей конструкции она близка печам, обнаруженным на селище Минино I, но сохранилась хуже. Основу вытянутого по линии СЗ—ЮВ прямоугольного сооружения размерами 1,8 на 1,5 м (без учета развала камней) составляли несколько расположенных по периметру крупных камней, пространство между которыми заполняли более мелкие камни. В отличие от мининских печей, в ее конструкции практически не использовалась глина: во всем раскопе было собрано лишь несколько десятков мелких фрагментов печной обмазки. К сожалению, небольшие размеры раскопа не позволяют однозначно реконструировать форму и размеры жилого дома, в котором располагалась эта печь. Судя по отсутствию какого-либо заглубления, остаткам дерева от юго-западной стены дома и небольшим фрагментам дерева, лежащим в перпендикулярных направлениях к северу от развала печи, он представлял собой наземный прямоугольный дом срубной конструкции. Подпрямоугольная форма самого развала камней от печи и его соотношение с остатками дерева от постройки позволяют полагать, что дом был двухкамерный, но детали конструкции дома остаются неясными. По остаткам бревна от юго-западной стены дома получена радиоуглеродная дата 1135 ± 25 л.н. (890—961 с вероятностью 1σ) (Ле-5961).

Помимо остатков жилого дома, в раскопе выявлены четыре средневековые ямы, прослеженные с уровня зачистки материка. Одна из них (яма № 3 размерами около 0,9 × 0,6 м при глубине до 0,28 м), возможно, служила подпольной ямой в жилом доме. Об этом может свидетельствовать ее расположение в предполагаемых пределах сеней дома и тот факт, что в ней обнаружен ключ от кубического замка, корпус которого был найден в развале печи. Важно отметить и находку глиняной льячки в этой яме. Еще одна яма, глубиной до 0,12 м, выявленная под южной частью развала печи, хронологически предшествовала времени сооружения дома. Кроме того, в юго-западном углу раскопа выявлена столбовая ямка диаметром около 0,24 м и вскрытая частично большая яма аморфной формы глубиной до 0,25 м.

Всего в раскопе было найдено 47 индивидуальных находок; 2097 фрагментов керамики, из которой 466 представлены мелкими неопределимыми фрагментами; 66 фрагментов печной обмазки; одна кость рыбы; две кости животных; 14 кальцинированных костей; 53 фрагмента отходов кремнеобработки (табл. 37) и 10 современных предметов.

Среди определимой керамики присутствует только средневековая лепная (1362 фрагмента, включая два развала сосудов) и позднесредневековая круговая (269 фрагментов), которая была обнаружена только в распаханной части слоя.

Досредневековая часть вещевой коллекции включает в себя 19 кремневых изделий, среди которых 16 пластин (одна с притупляющей ретушью по краю), сечение пластины, микропластина и ребристый скол со следами использования.

Средневековые индивидуальные находки представлены 26 предметами. Найдено девять стеклян-

Таблица 37

Владышнево I, раскоп 1. Статистика распределения индивидуальных находок и массового материала по пластам

Пласт	Керамика			Отходы кремнеобработки	Обмазка	Кости			Индивидуальные находки				
	средневековая лепная	позднесредневековая	неопределимая (мелкая)			рыбы	животных	кальцинированные	стекло	цветной металл	железо	глина	кремень
	фр.	фр.	фр.	шт.	фр.	шт.	шт.	шт.	шт.	шт.	шт.	шт.	шт.
1	102	102	229	2	2					1	4		
2	352	162	194	13	22				3	3		1	7
3	803	5	40	24	34	1		12	5	4	4		9
4	52			7	6		2						1
ямы	53		3	7	2			2	1		1	1	2
Итого	**1362**	**269**	**466**	**53**	**66**	**1**	**2**	**14**	**9**	**8**	**9**	**2**	**19**

ных бус и бисерин, из которых две изготовлены способом навивки из синего прозрачного стекла, а остальные сделаны из тянутых трубочек. Семь предметов изготовлены из цветного металла. В их числе привеска-бубенчик, ременная накладка, перстень, изготовленный из обломка браслета, и бронзовые пластины, в том числе обломки котлов. Среди девяти железных предметов необходимо выделить навесной кубический замок типа А и ключ к нему с Т-образной прорезью в лопасти. Найдены также два обломка топоров, игла (?) и неопределимые пластины и стержни. Изделия из глины представлены частично фрагментированной льячкой.

Кроме того, в раскопе найден бронзовый литой нательный крест с остатками эмали на лицевой стороне, датируемый по аналогиям XVII—XVIII вв., донце позднесредневекового кругового сосуда с клеймом, а в кротовине возле раскопа подобрана медная полушка 1735 г.

В ходе разборки непотревоженной части культурного слоя была взята проба объемом 30 л., для промывки на зерно, а в стенке раскопа в квадрате Ч-44 отобраны образцы для палинологического анализа.

Сооружение, изученное в процессе раскопок, судя по составу керамического комплекса, представленного исключительно лепной керамикой, набору находок и радиоуглеродной дате, представляет собой довольно компактный с хронологической точки зрения комплекс. Исходя из небольшого количества угля и золы в заполнении печи и относительно слабой насыщенности культурного слоя различными видами находок, можно полагать, что он функционировал в течение непродолжительного времени во второй половине X — первой половине XI в.

3. Могильник Минино II

Описание погребальных комплексов

Раскоп 1 (1997 г.)

Погребение 1 (рис. 196–198) расчищено в квадратах И-9, К-9, И-10, К-10 на контакте пахотного слоя и материка, на глубине 20 – 27 см от современной дневной поверхности. Вокруг костяка хорошо читалось пятно серой гумусированной супеси в форме прямоугольника со скругленными углами, прорезавшее лежавший на поверхности материка двухсантиметровый слой черной углистой супеси. Пятно могильной ямы было ориентировано точно по линии запад – восток. Его размеры составляли: ЗВ – 226 см, СЮ – 78 см.

Костяк, залегавший в слое серой гумусированной супеси с камешками, имел не очень хорошую сохранность: отсутствовало большинство костей обеих рук и большая берцовая кость правой ноги, фрагментарно сохранились ребра и позвонки. Он находился в вытянутом положении головой на восток. Череп лежал прямо, он был раздавлен, лицевая часть отсутствовала. Левая рука, судя по фалангам пальцев, была немного согнута в локте, ноги вытянуты, стопы повернуты внутрь. Погребенной была женщина старше 50 лет. В районе отсутствующей большой берцовой кости правой ноги, на 2 – 3 см выше костяка были найдены берцовая кость и зуб лошади. Вероятно, эти кости попали сюда в результате распашки.

В области висков погребенной находилось два серебряных ромбощитковых завязанных на одну сторону височных кольца, по одному с каждой стороны (№ 43, 56). На шее было надето ожерелье из 45 стеклянных бусин, шести янтарных и одного металлического колечка-пронизки. В центре располагалась бронзовая круглая тисненая подвеска (№ 24). Под подвеской сохранился небольшой (площадью около 1 кв. см) фрагмент ткани простого переплетения.

Справа от позвоночника, в 7 см выше таза обнаружены две подвески уточки, обе развернутые головами к ногам погребенной (№ 6, 7). Подвески лежали на 2 – 3 см выше костяка, вероятно, они были потревожены распашкой. Также справа от позвоночника, практически около таза найдена бронзовая поясная пряжка (№ 8), перевернутая лицевой стороной вниз. С лицевой стороны к пряжке прикипел фрагмент льняной веревочки.

На фаланге пальца левой руки погребенной был расчищен бронзовый рубчатый разомкнутый перстень, перевитый сканными проволочками (№ 9). В ногах стоял круговой сосуд (№ 5), верхняя часть которого была срезана распашкой. В сосуде находились фрагменты черепа и одна фаланга пальца подростка, а также 10 обломков костей барана.

Погребение 4 (рис. 199–203) расчищено в квадратах И-9, К-9, И-10, К-10, после разборки погребения 1 на глубине 60 – 62 см от современной дневной поверхности. Углубленная в материк на 35 см могильная яма была засыпана сыпучим желтым материковым песком и поэтому плохо читалась на материке. Яма имела форму прямоугольника со скругленными углами. Ее размеры составляли: ЗВ – 205 см, СЮ – 68 см. Она была ориентирована по линии запад – восток с отклонением 6° к югу и размещалась практически под ямой погребения 1 с небольшим смещением к востоку. Стенки ямы отвесные.

Костяк сохранился практически полностью, за исключением нескольких мелких костей правой стопы. Он располагался в вытянутом положении на спине головой на восток с небольшим отклонением к югу. Череп лежал на боку, лицом на север, в 12 см восточнее костяка, челюсть была вывернута. Руки располагались вдоль туловища, ноги вытянуты, ступни развернуты наружу. Костяк принадлежал женщине 35 – 45 лет. Сбоку от черепа (на уровне нижней челюсти) с каждой стороны находилось по одному браслетообразному височному кольцу с заходящими концами (№ 19, 20). Ниже кольца, лежавшего слева, расчищены восемь спиральных пронизок (№ 21). Вероятно, они были подвешены к кольцу на двух шнурках по четыре на каждом. Пронизки находились в скоплении органики темно-коричневого цвета толщиной 0,3 – 0,5 см. Скорее всего это остатки войлочного головного убора, надетого поверх украшений.

На шее погребенной расчищено ожерелье из двух низок бус. В первой из них было 27 стеклянных бусин, в центре низки находились две подвески из денариев с приклепанными биллоновыми ушками (№ 22, 24). Одна монета чеканена при Генрихе III (1039 – 1056), тип 1046 – 1056 гг., другая при Конраде II (1024 – 1039) или Генрихе III. Рядом с монетами в центре ожерелья располагались золото-

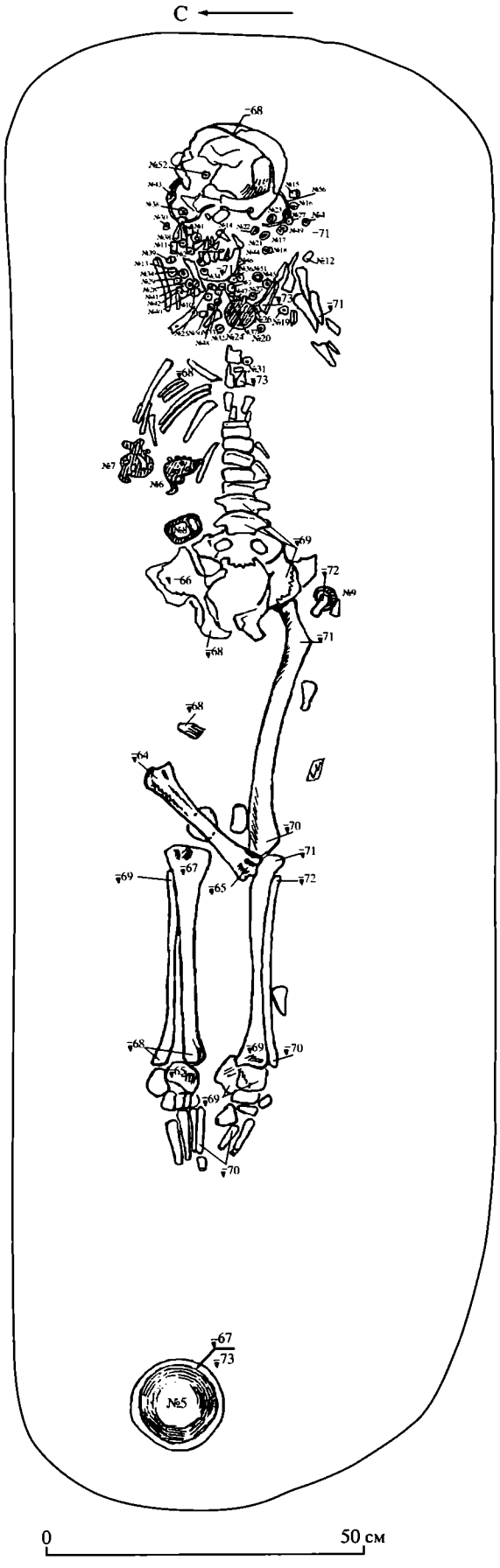


Рис. 196. Могильник Минино II. Погребение 1

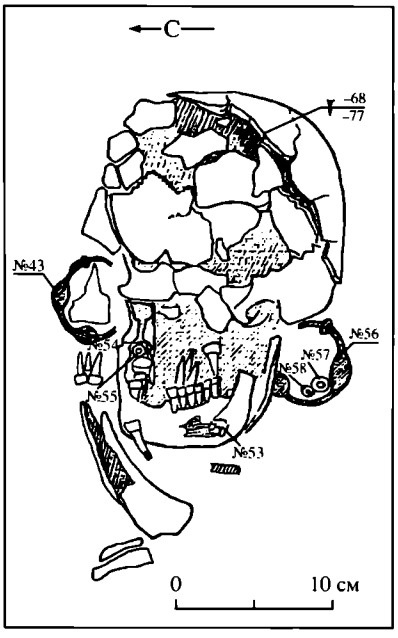


Рис. 197. Могильник Минино II. Погребение 1. Деталь

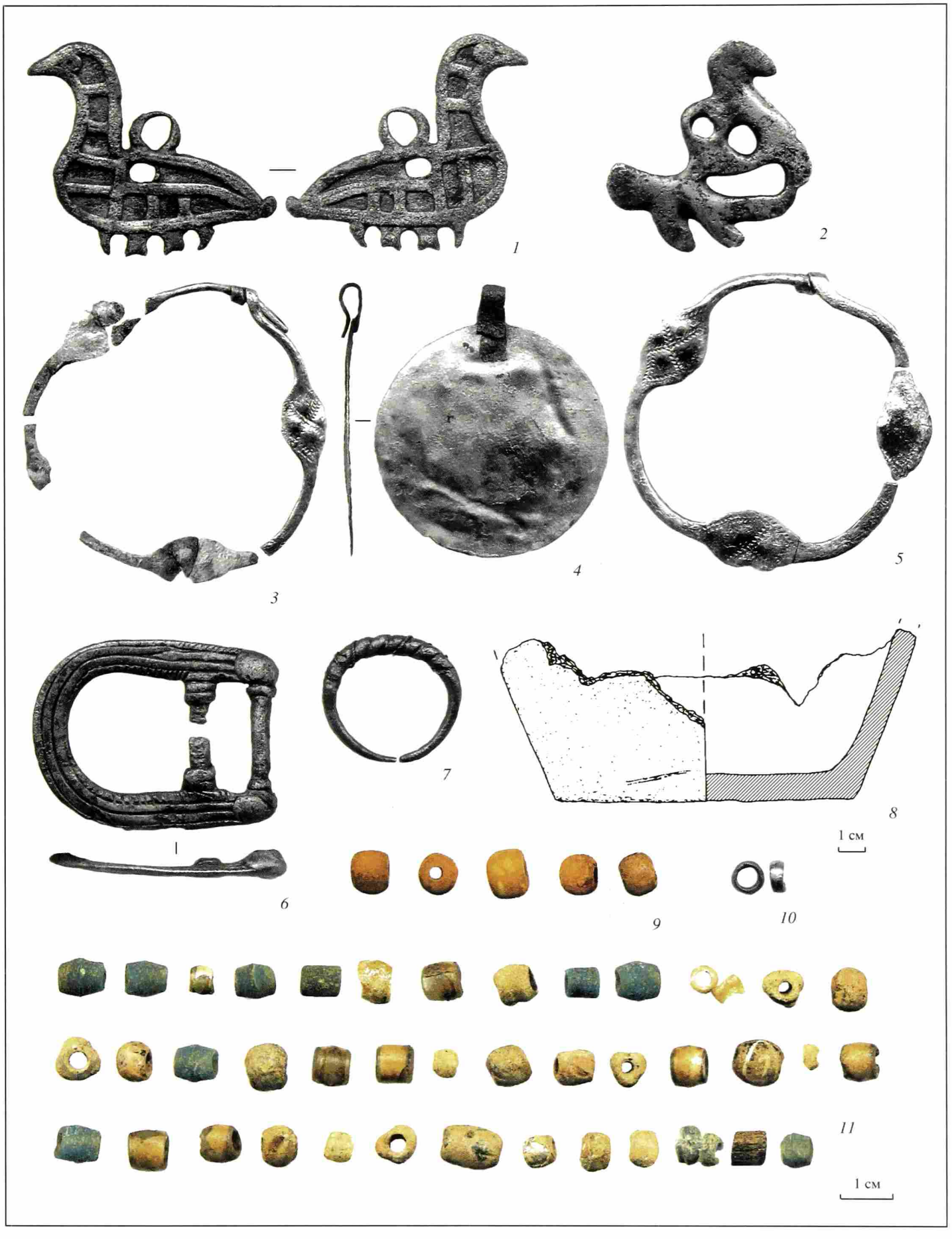
стеклянные бусы с прокладками из настоящей золотой фольги, здесь сохранился фрагмент веревочки, на которую они были нанизаны. Вторая низка представляла собой длинную, несколько раз обернутую вокруг шеи нитку, на которую были довольно плотно нанизаны кольцевидные бусы из стекла молочно-белого цвета (всего собрано 106 целых и 16 фрагментов бусин; № 7).

Вокруг лучевых костей обеих рук располагались оловяно-свинцовые бляшки очковидной формы (№ 12). Они концентрировались в верхней части рук, примерно в равных количествах около каждой. Сохранность бляшек довольно плохая, многие из них разломаны, всего собрано 55 целых и фрагментированных экземпляров. Большинство бляшек было смещено со своего первоначального положения, но около левой руки зафиксирован ряд из лежащих in situ, вплотную друг к другу. Очевидно, бляшками была расшита верхняя часть рукавов одежды погребенной.

На одной из фаланг правой руки расчищен пластинчатый широкосрединный разомкнутый перстень (№ 13). На палец левой руки надето колечко из тонкой проволоки (№ 34). В районе пояса с левой стороны чуть выше таза находилось железное поясное кольцо диаметром 3,2 см (№ 36). К нему была подвешена сложная конструкция, состоящая из подвесок, висящих на шнурах, украшенных бронзовыми спиральными пронизками. Вся конструкция

Рис. 198. Могильник Минино II. Находки из погребения 1

1 — зооморфная подвеска (№ 6); *2* — зооморфная подвеска (№ 7); *3* — височное кольцо (№ 43); *4* — круглая подвеска (№ 24); *5* — височное кольцо (№ 56); *6* — поясная пряжка (№ 8); *7* — перстень (№ 9); *8* — фрагмент кругового сосуда (№ 5); *9* — бусины (№ 15, 16, 26, 27, 60); *10* — колечко-пронизка (№ 51); *11* — бусины (№ 1—4, 10—14, 17—23, 25, 28—35, 37—42, 44—48, 50, 55, 57, 59). *1*—*7*, *10* — цветной металл; *8* — глина; *9* — янтарь; *11* — стекло


1
2
3
4
5
6
7
8
1 см
9
10
11
1 см

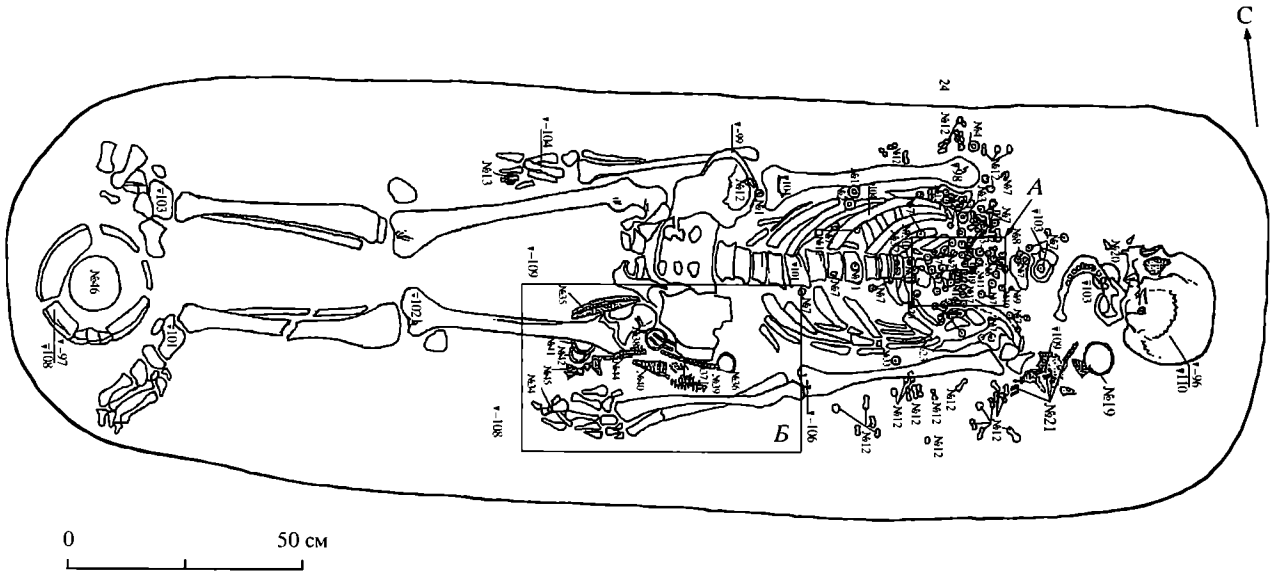


Рис. 199. Могильник Минино II. Погребение 4

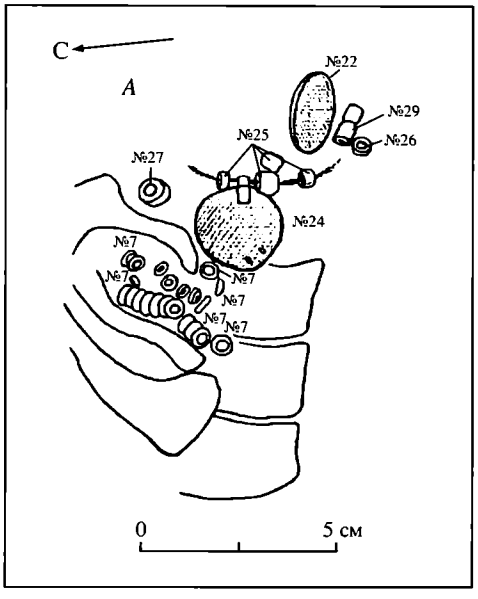


Рис. 200. Могильник Минино II. Погребение 4. Деталь

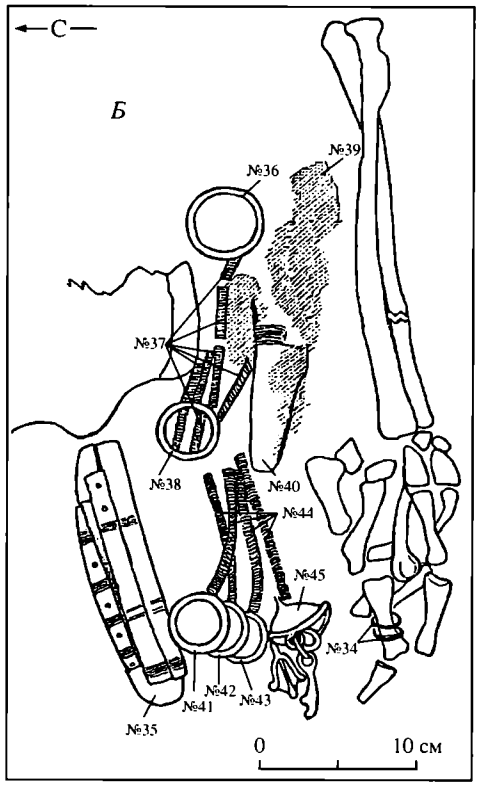


Рис. 201. Могильник Минино II. Погребение 4. Деталь

расчищена под костями таза и ног, что указывает на положение ее сзади на боку. К железному кольцу было привязано не менее трех шнуров: на одном висело три спиральных пронизки, на остальных двух шнурах находилось по одной пронизке, большей длины. Общая длина шнура составляла не менее 7,7 см. Все три шнура в нижней части крепились к бронзовому поясному кольцу диаметром 2,9 см овального сечения (№ 38). Внутри кольца, в середине, были вертикально привязаны еще три бронзовые спиральные пронизки, надетые на шнуры, привязанные к кольцу снизу (сохранились бронзовые окислы, окружавшие полностью истлевшие шнуры) так, что на заднем плане было две, а на переднем в середине одна пронизка. Вероятно, эта конструкция должна была имитировать поясную подвеску с вертикальным стержнем внутри и петлями для подвешивания внизу. К кольцу прикипел железный оки-

Рис. 202. Могильник Минино II. Находки из погребения 4

1 — поясное кольцо с пронизками (№ 38); *2* — расческа с футляром (№ 35); *3* — височное кольцо (№ 19); *4* — височное кольцо (№ 20); *5* — спиральные пронизки (№ 44); *6* — зооморфная подвеска (№ 45); *7* — спиральные пронизки (№ 21); *8* — подвеска-денарий (№ 22); *9* — подвеска-денарий (№ 24); *10* — перстень (№ 13); *11* — поясное кольцо (№ 41); *12* — поясное кольцо (№ 42); *13* — спиральные пронизки (№ 37); *14* — поясное кольцо (№ 36); *15* — поясное кольцо (№ 43); *16* — нож в ножнах и спиральные пронизки с остатками органики (№ 40). *1, 3–7, 10–13, 15, 16* — цветной металл; *2* — рог; *8, 9* — серебро; *14, 16* — железо

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
1 см

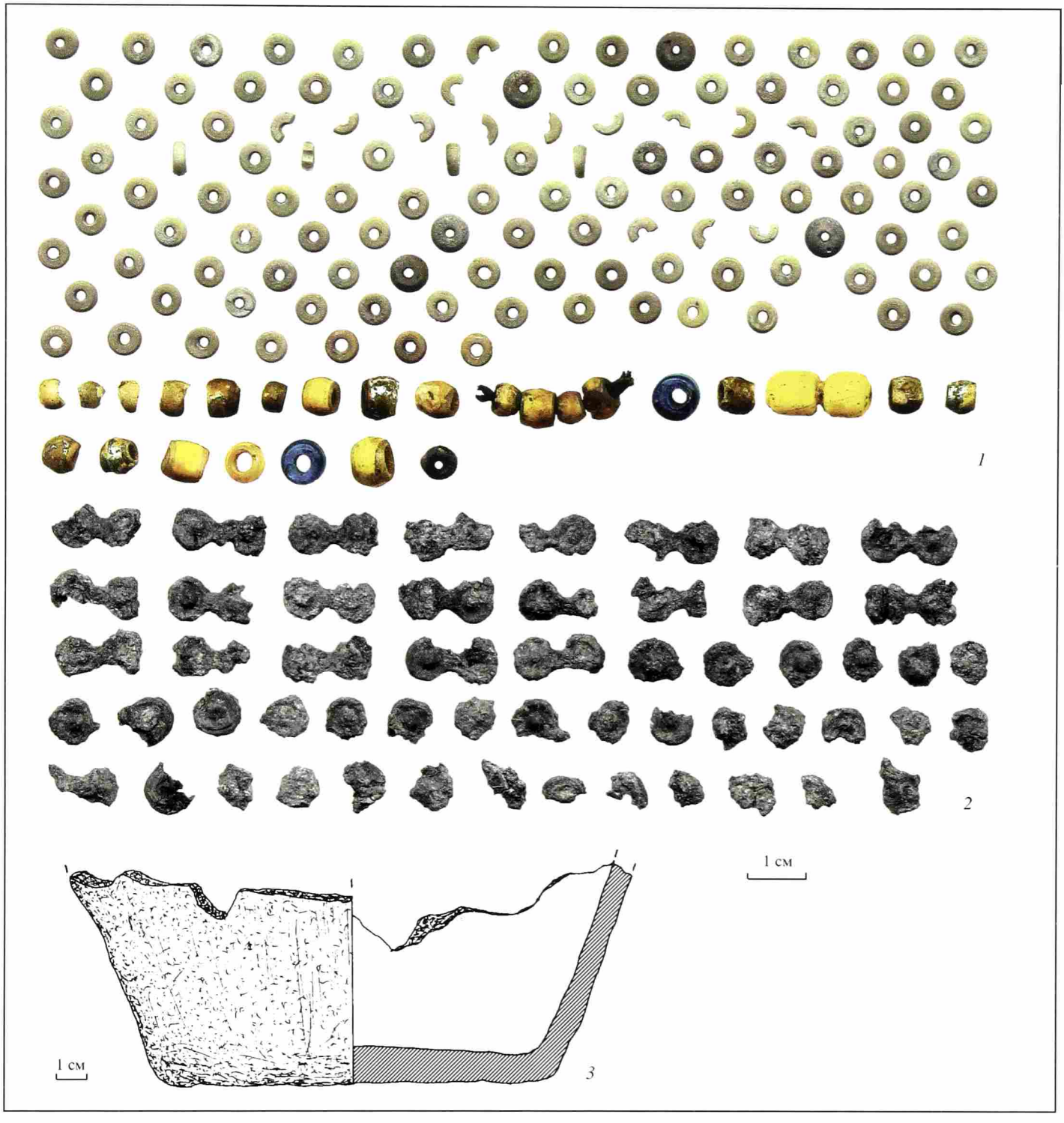


Рис. 203. Могильник Минино II. Находки из погребения 4 (продолжение)

1 — бусы стеклянные (№ 1 – 11, 14 – 16, 23, 25 – 33); *2* — нашивные бляшки (№ 12); *3* — фрагмент лепного сосуда (№ 46). *1* — стекло; *2* — цветной металл; *3* — глина

сел, на котором сохранился небольшой фрагмент плотной ткани, изначально занимавшей положение под телом погребенной.

К нижней части кольца также крепились шнуры с пронизками (всего 4), к трем из которых были привязаны бронзовые поясные кольца (№ 41 – 43). На четвертом шнуре была закреплена полая подвеска уточка (№ 45). Можно полагать, что бронзовые кольца должны были имитировать недостающие подвески. При расчистке подвесок и пронизок обнаружены небольшие фрагменты бересты.

К этому же кольцу, вероятно, был прикреплен на шнуре со спиральной пронизкой небольшой железный нож в кожаных ножнах (№ 40). Место рукояти ножа и участок, прилегающий к нему с востока, были заполнены темно-коричневым тленом (мех?) с отдельными окислами меди, среди которых находился обрывок бересты площадью 2,5 кв. см. В ка-

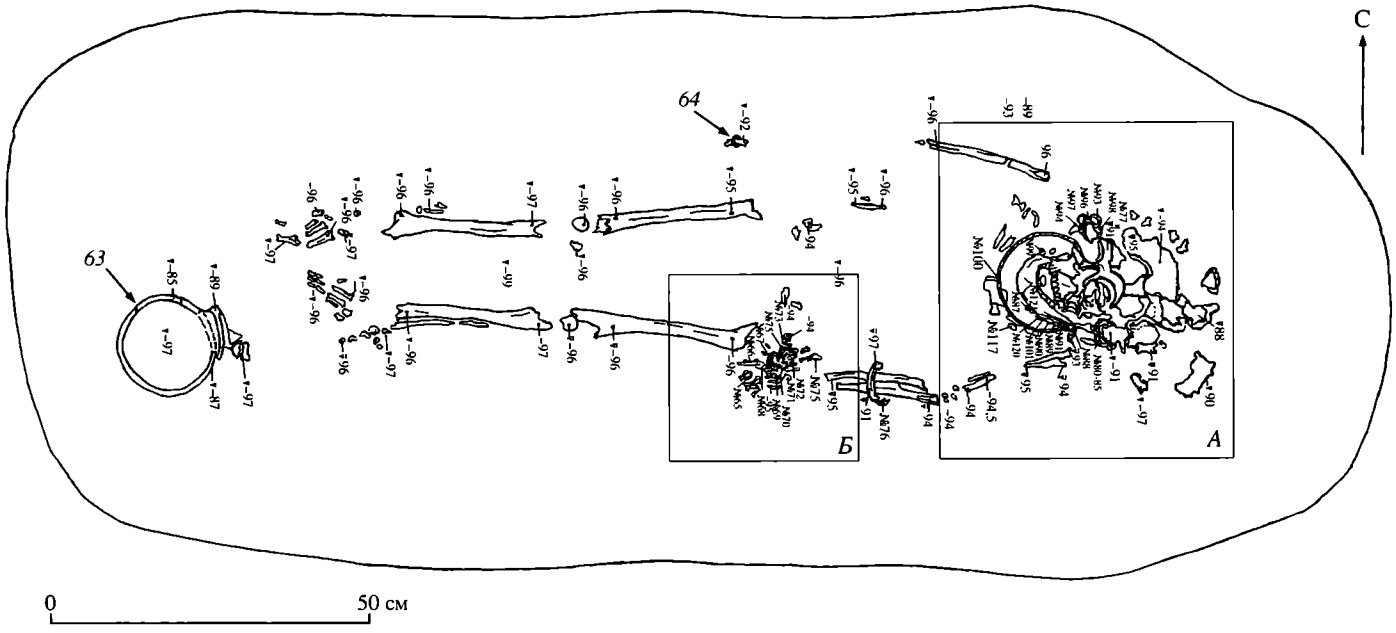


Рис. 204. Могильник Минино II. Погребение 3

меральных условиях был расчищен фрагмент асимметричных кожаных ножен, в которые для жесткости была проложена береста. Сохранились две полоски кожи с перфорацией по краю, одна из полосок была украшена ромбическим тиснением (лицевая часть ножен с тиснением была обращена вниз). Обе полоски были скреплены через перфорацию тонкой бронзовой лентой шириной 0,8 мм. С торца около самой широкой части ножен находилась бронзовая спиральная пронизка длиной 1,1 см. Вероятно, ею была украшена верхняя часть рукояти ножа. С лицевой стороны выступа ножен, поверх тиснения, расчищены небольшие фрагменты плотной ткани. В слое органики находились еще две бронзовые спиральные пронизки: очевидно, они также были закреплены на шнуре, на котором висел нож.

В один ряд с уточкой и кольцами, ближе к центру под большой берцовой костью левой ноги лежала костяная односторонняя наборная расческа в футляре с орнаментом из перекрещивающихся ромбов (№ 35). Скорее всего она также была подвешена к бронзовому кольцу с вертикальными пронизками.

Поскольку в нескольких местах под украшениями сохранились незначительные фрагменты ткани одинакового переплетения, в качестве предположения можно допустить, что поверх простой одежды, на поясе которой крепилась описанная конструкция, была надета теплая одежда (шуба?). Возможно, на ее рукава и были нашиты оловяно-свинцовые бляшки. Дополнительным аргументом в пользу такого предположения является факт наличия войлочного головного убора.

Между стопами погребенной, развернутыми наружу, находилась нижняя часть лепного сосуда (№ 46).

Погребение 2 (рис. 103) располагалось в квадратах З-12, З-13, И-12, И-13. При зачистке материка здесь обнаружено пятно серо-коричневой слабогумусированной супеси, перемешанной с желтым песком и редкими мелкими угольками, в форме прямоугольника со скругленными углами. Пятно было ориентировано по линии запад—восток с отклонением 6°. При выборке пятна выявлена яма длиной 244 см, шириной 89 см и глубиной 15—20 см от поверхности материка. Заполнение ямы — коричневая слабогумусированная супесь, стенки отвесные, дно плоское. Костяк отсутствовал. Тем не менее, судя по форме и размерам, яма может быть интерпретирована как могильная с полностью истлевшими костными остатками.

Погребение 3 (рис. 204–207) расчищено в квадратах И-12, И-13, К-12, К-13. Могильная яма, контур которой выявлен при зачистке материка, в плане имела форму прямоугольника со скругленными углами. Заполнение ее — серо-коричневая слабогумусированная супесь. Яма ориентирована по линии запад—восток с отклонением 6° к югу. Длина ямы — 240 см, ширина — 100 см, стенки отвесные. В заполнении ямы обнаружено три кремневых пластины (№ 124—126).

Костяк находился на глубине 21—32 см от поверхности материка. Он принадлежал женщине 25—35 лет. Сохранность костяка очень плохая: череп раздавлен, сохранились отдельные полуистлевшие длинные кости без эпифизов и кости стопы, а также фаланги пальцев, на которые были надеты перстни. Погребенная находилась в вытянутом положении на спине, головой на восток. Череп лежал прямо, лицом вверх, руки, вероятно, располагались вдоль туловища, стопы развернуты внутрь. Вероятно, женщина лежала в деревянном гробу, незначительные фрагменты которого сохранились около металлических украшений.

На обоих висках умершей расчищены височные кольца, по шесть штук с каждой стороны. Кольца

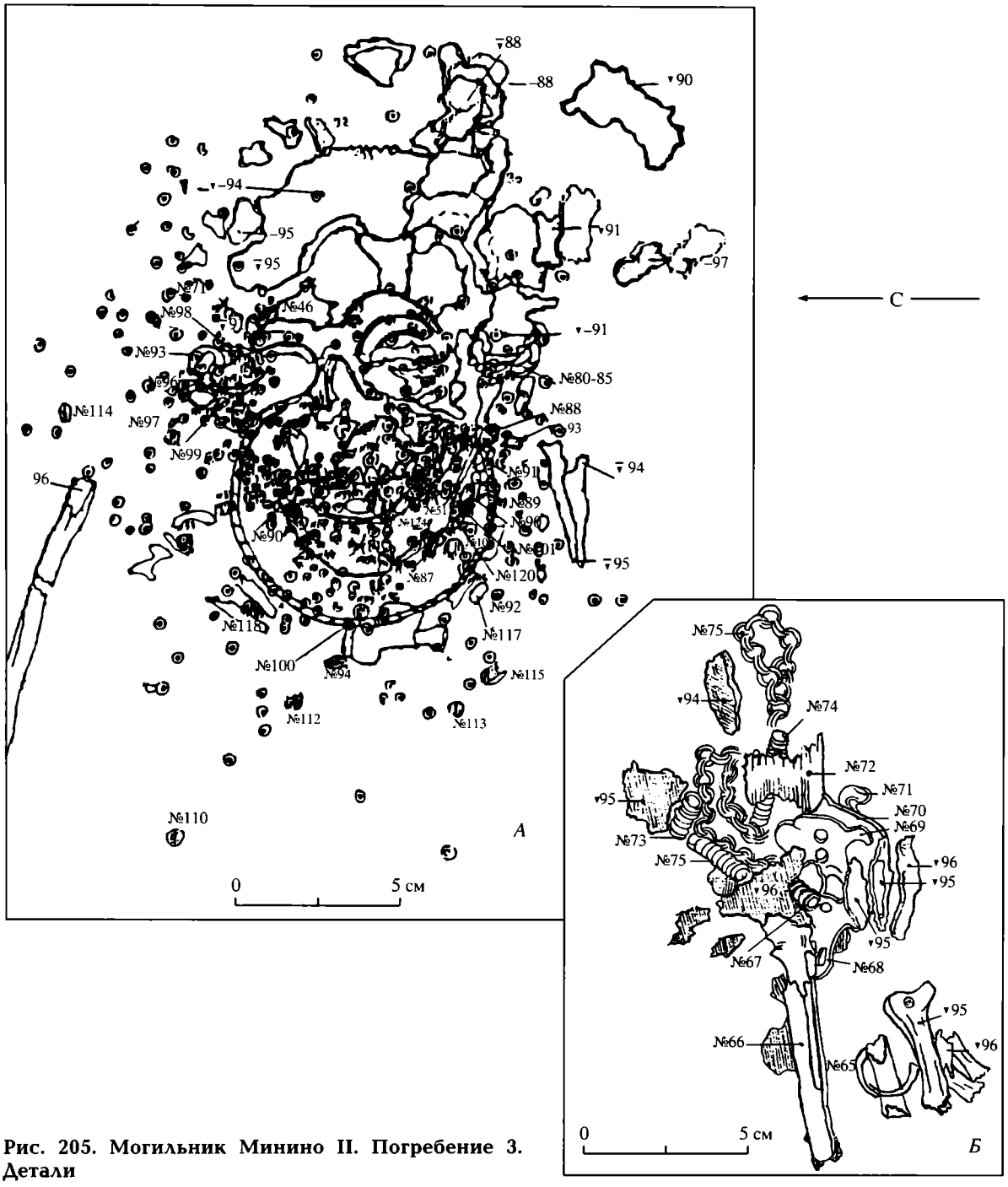
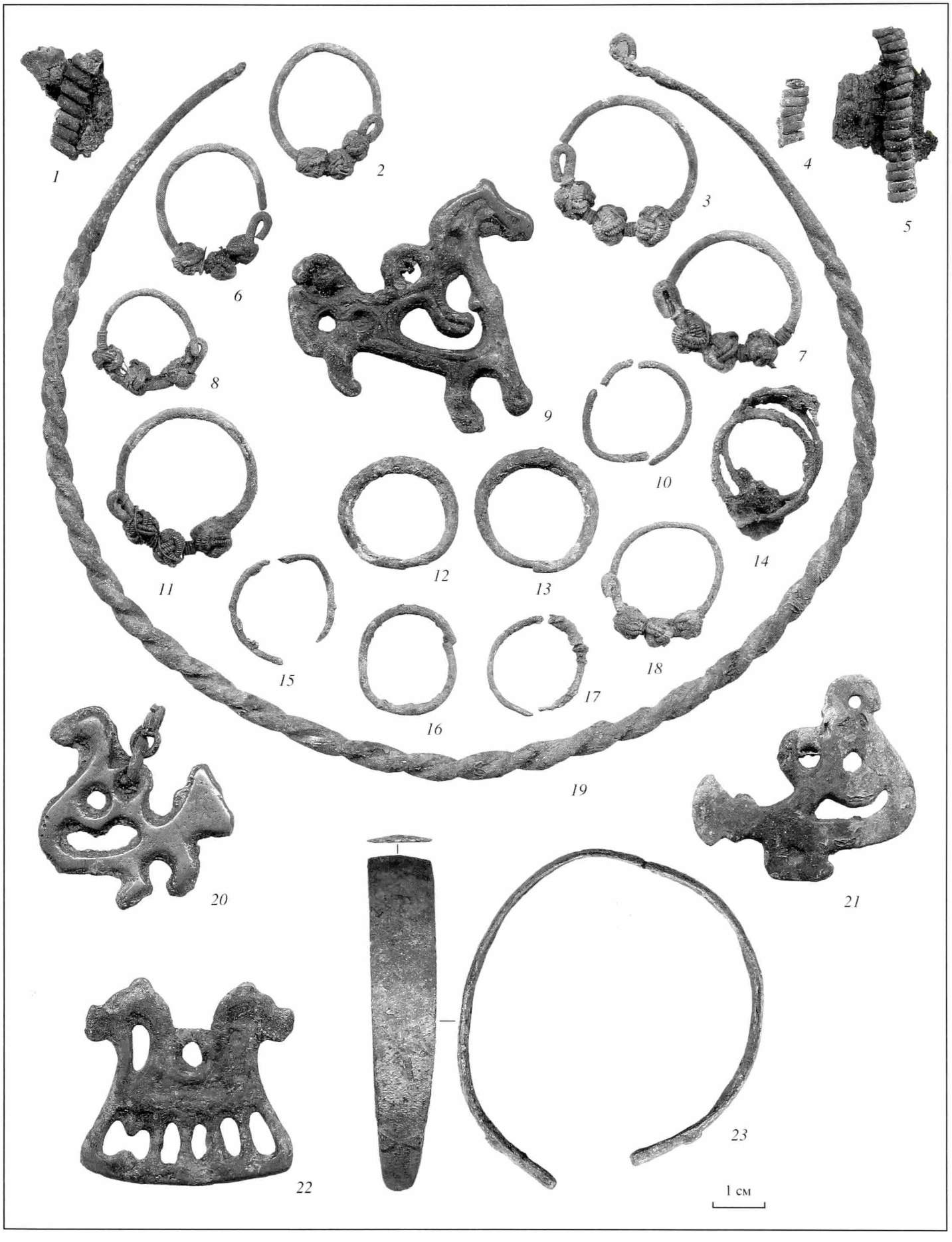


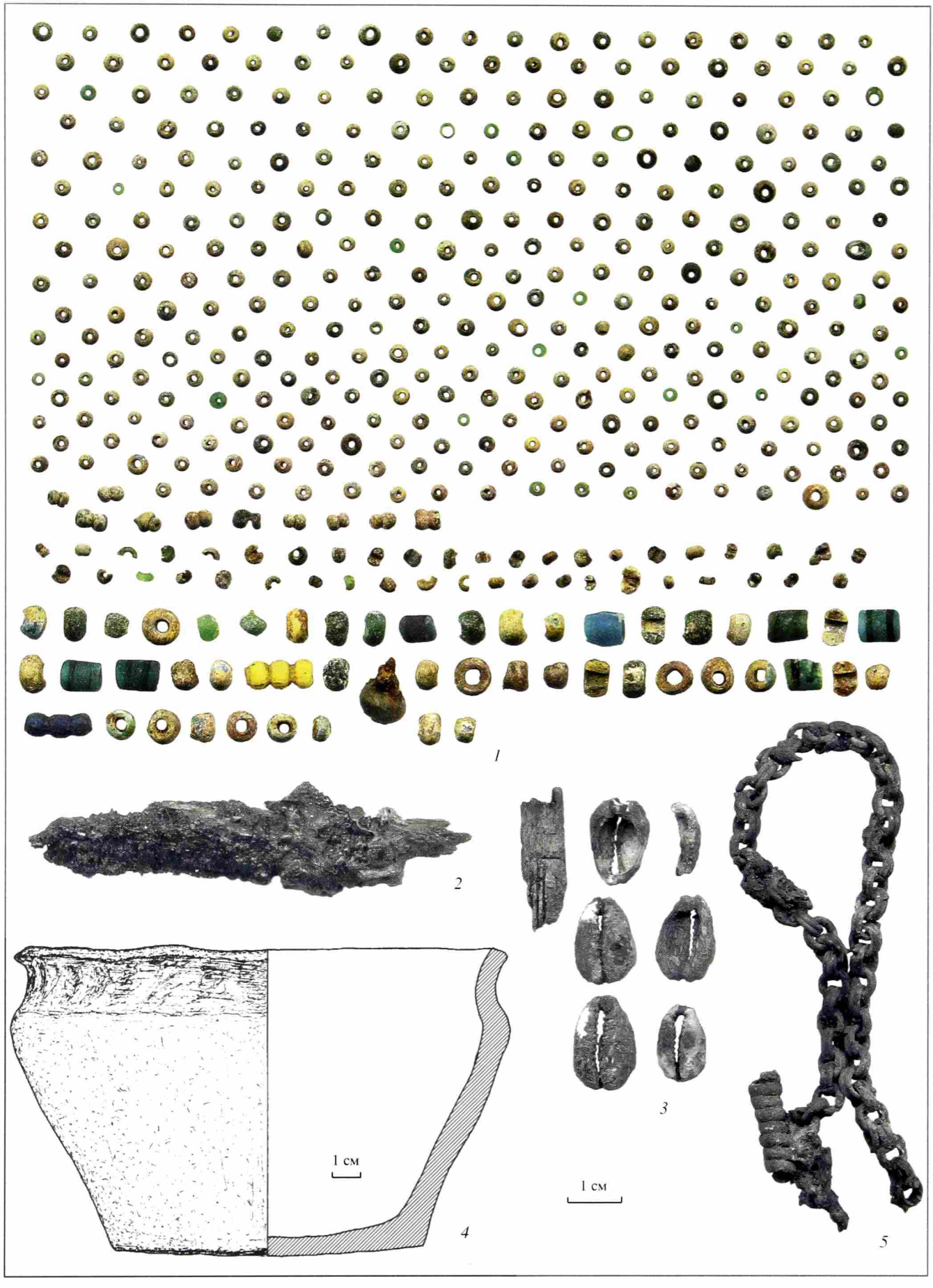
Рис. 205. Могильник Минино II. Погребение 3. Детали

были связаны вместе и пучком нашиты на ткань (к бусине одного кольца с обратной стороны прикипел небольшой фрагмент ткани простого переплетения) таким образом, чтобы они располагались на висках. На левом виске находились бронзовые трехбусинные узелковые кольца (№ 80—85), три из которых (№ 82, 83, 85) совершенно идентичны. Верхнее кольцо, находившееся на правом виске, было трехбусинным узелковым (№ 93). Ниже расчищены два проволочных бронзовых кольца с заходящими концами, на каждом из которых было подвешено по одной стеклянной черной непрозрачной пуговице с железным ушком (№ 94, 95). Следующие два проволочных кольца были разомкнутыми (№ 96, 97), на

Рис. 206. Могильник Минино II. Находки из погребения 3

1 — спиральная пронизка (№ 67); *2* — височное кольцо (№ 81); *3* — височное кольцо (№ 82); *4* — спиральная пронизка (№ 73); *5* — спиральная пронизка с остатками органики (№ 74); *6* — височное кольцо (№ 80); *7* — височное кольцо (№ 85); *8* — височное кольцо (№ 83); *9* — подвеска зооморфная (№ 69); *10* — височное кольцо (№ 77); *11* — височное кольцо (№ 93); *12* — перстень (№ 64); *13* — перстень (№ 65); *14* — височные кольца (№ 94); *15* — височное кольцо (№ 97); *16* — височное кольцо (№ 98); *17* — височное кольцо (№ 96); *18* — височное кольцо (№ 84); *19* — гривна (№ 100); *20* — зооморфная подвеска (№ 71); *21* — зооморфная подвеска (№ 70); *22* — зооморфная подвеска (№ 68); *23* — браслет (№ 76). *1—23* — цветной металл


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
1 см


1
2
3
1 см
1 см
4
5

одном из них сохранились бесформенные окислы. Вероятно, на него была надета подвеска (стеклянная бусина?). Нижнее кольцо было проволочным сомкнутым (№ 98). На него были надеты две стеклянные битрапецоидные бусины, полностью расстеклованные и сразу же рассыпавшиеся. В 2,5 см к востоку находилось еще одно кольцо белого металла, аналогичное № 96 и 97, оно рассыпалось на фрагменты (№ 77).

На шее погребенной расчищена биллоновая гривна из перекрученного дрота прямоугольного сечения (№ 100). Диаметр гривны составлял 15 см, т.е. она плотно облегала шею. Здесь же находилось ожерелье, состоявшее из пяти раковин каури, чередовавшихся со стеклянными бусинами. Еще одна раковина каури располагалась во рту умершей. Раковины в ожерелье висели не вертикально, а "вереницей". Всего в районе нижней челюсти и шеи погребенной собрано 20 целых стеклянных бусин. Здесь же зафиксировано 27 половинок зонных бусин из зеленого стекла и обесцвеченных. Бусины были специально расколоты на половинки, и, вероятно, нашиты на ткань. В области черепа и шеи собрано 350 целых и 43 обломка мелкого навитого бисера зеленого стекла. Первоначальное положение бусин и бисера в костюме неясно. Можно полагать, что на погребенной были надеты воротник-ожерелок, расшитый зеленым бисером и более крупными половинками зонных зеленых бусин, и ожерелье из стеклянных бусин и раковин каури.

На левой руке погребенной выше запястья находился пластинчатый бронзовый браслет с концами в виде звериных морд (№ 76). Сверху на браслете зафиксированы отпечатки ткани редкого плетения, поверх которых сохранились незначительные фрагменты дерева. На обеих руках умершей было надето по перстню: на правой — рубчатый (№ 64), на левой — круглодротовый разомкнутый (№ 65).

В районе кисти левой руки расчищены сложенная пополам бронзовая цепочка длиной 20 см (№ 75) и подвески, крепившиеся с ее помощью к поясу. В верхней части цепочки, в месте ее перегиба сохранились остатки двух плоских веревочных шнурков шириной 2 мм, которыми цепочка привязывалась к поясу. На цепочке на плоском кольце овальной формы была закреплена плоская подвеска-уточка (№ 71), а на другом конце, два прорезных конька (№ 68, 69). На отдельном шнуре находилась плоская прорезная уточка (в месте ее крепления к шнуру сохранились его отпечатки шириной 4 мм). На шнур были нанизаны три бронзовые спиральные пронизки (№ 67, 74). Под последней пронизкой сохранился фрагмент ткани простого переплетения размерами

Рис. 207. Могильник Минино II. Находки из погребения 3 (продолжение)

1 — бусины (№ 1—62, 78, 79, 86, 88, 92, 99, 101—119, 122, 123, 127) и пуговица (№ 95); *2* — нож (№ 66); *3* — фрагмент гребня (№ 72) и раковины каури (№ 87, 90, 91, 117, 120, 121); *4* — лепной сосуд (№ 63); *5* — цепочка и спиральная пронизка (№ 75). *1* — стекло, стекло и железо; *2* — железо; *3* — рог, раковины; *4* — глина; *5* — цветной металл

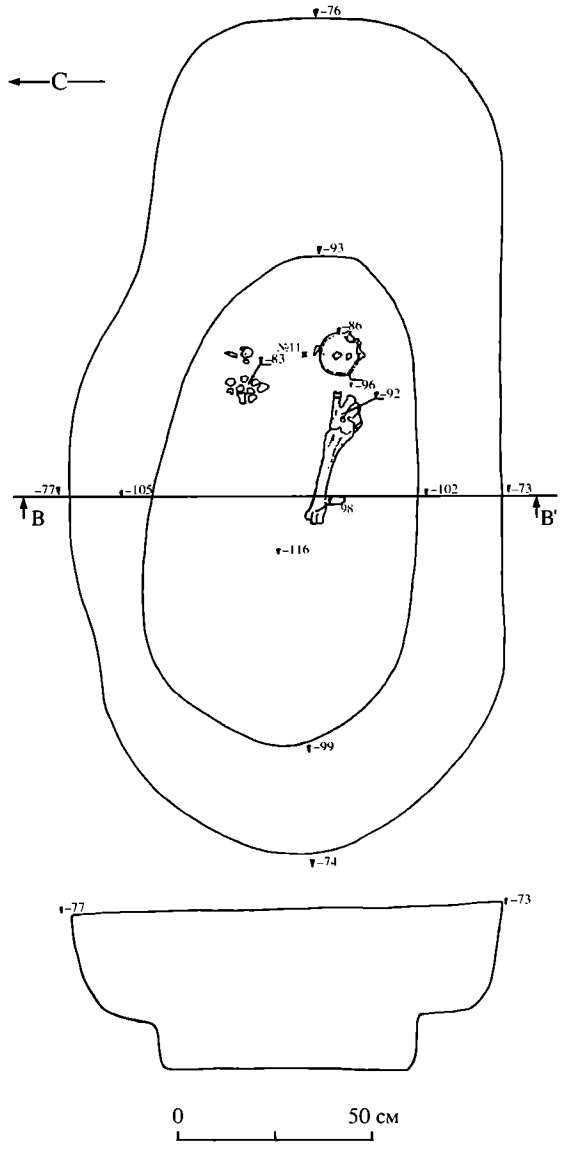


Рис. 208. Могильник Минино II. Погребение 5

1 × 2 см. Поверх одной из спиральных пронизок лежал костяной гребень очень плохой сохранности (№ 72). Ниже подвесок расчищен железный нож с остатками деревянной рукояти (№ 76), находившийся в вертикальном положении острием вниз. Все описанные вещи были покрыты слоем органики темно-коричневого цвета толщиной 0,3 см, сохранившейся в виде небольших фрагментов.

В 10 см к западу от фаланг пальцев стопы около левой ноги погребенной находился развал лепного сосуда (№ 63).

Погребение 5 (рис. 208, 209) открыто в южной части квадрата Л-11. При зачистке материка здесь зафиксирована яма овальной в плане формы, ориентированная по линии запад — восток (яма 5). Размеры ямы: ЗВ — 212 см, СЮ — 110 см. Общая глубина составляет 60 см от уровня дневной поверхности, 34—40 см от уровня материка. В верхней части стенки ямы отвесные, в придонной они имеют уступ. Дно — плоское. Основное заполнение ямы — серая гумусированная супесь, перемешанная с желтым материковым пес-

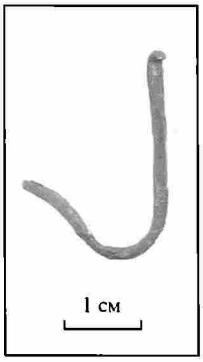


Рис. 209. Могильник Минино II. Фрагмент бронзового височного кольца из погребения 5

ком. В центральной части ямы на глубине 37 см от уровня дневной поверхности расчищены мелкие кости пясти и запястья взрослого (?) человека, а в 13 см к югу от них на глубине 40—49 см фрагменты лобной кости ребенка 5—6 лет. Череп был повернут теменной частью вниз, рядом с ним обнаружен обрывок биллоновой проволоки с раскованным концом, вероятно, обломок височного кольца (№ 11). В 5 см западнее черепа расчищена берцовая кость коровы. Несмотря на переотложенность костных остатков не исключено, что данная яма была могильной.

Погребение 6 (рис. 210) зафиксировано в квадратах М-9, М-10, Н-9, Н-10. При зачистке материка выявлен контур овальной в плане ямы, вытянутой в направлении север—юг (яма 8). Южная часть ямы обрезается стенкой раскопа. Размеры расчищенной части: СЮ — 250 см, ЗВ — 77 см. Стенки — практически отвесные. Общая глубина ямы равна 63 см от современной дневной поверхности. Заполнение ямы имеет сложный характер: залегающий в нижней части слой желто-коричневой супеси, перемешанной с черно-коричневым гумусом мощностью 5—15 см, перекрыт слоем серой пылевидной супеси толщиной до 32 см, также лежащим по всей площади ямы, и темно-серым гумусированным слоем с угольками. Мощность этого слоя в центре ямы составляет 12—16 см, в восточной части — 3—6 см. В темном слое среди камней размерами 8—20 см в поперечнике обнаружено несколько фрагментов костей человека, находящихся в беспорядке: два обломка бедренных костей, левая лопатка, один позвонок шейного отдела и фрагмент ребра. Кости принадлежали женщине (?) 35—45 лет. Все кости находятся в переотложенном состоянии.

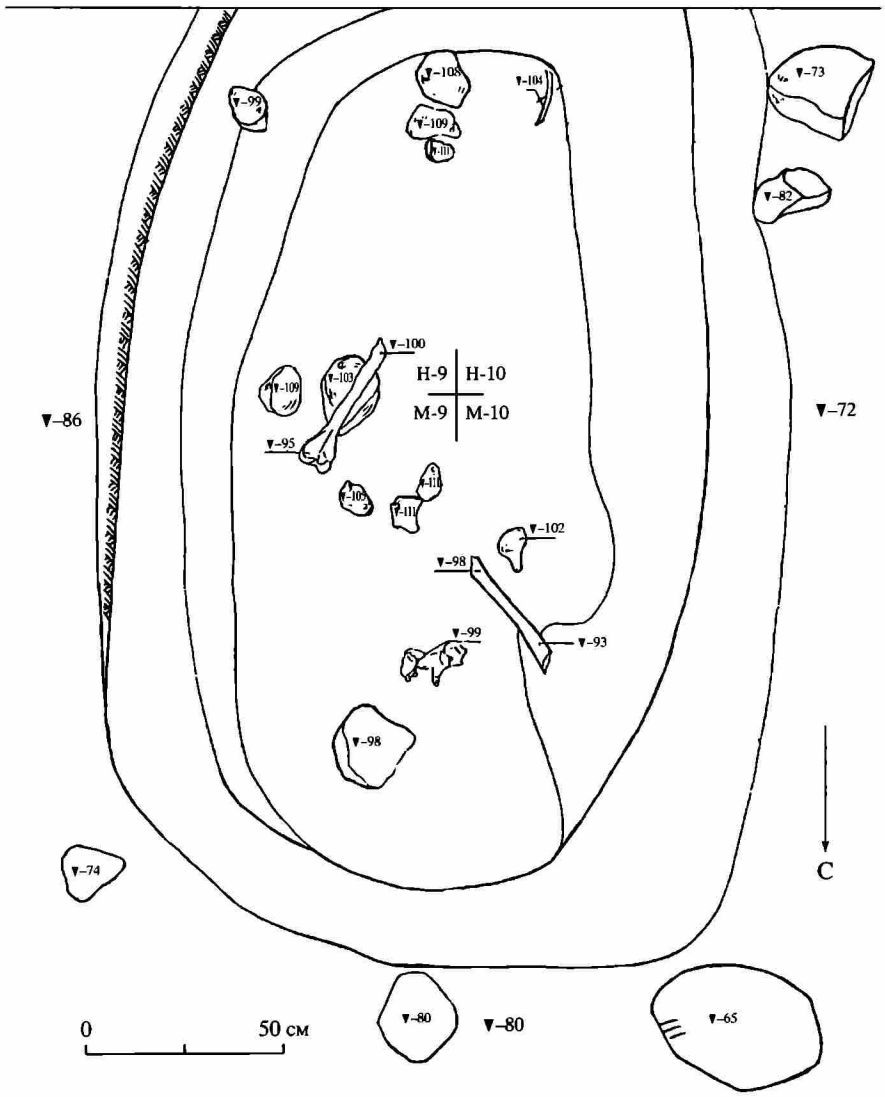


Рис. 210. Могильник Минино II. Погребение 6

Яма 7 (рис. 103, 104) выявлена в квадратах Л-7, М-7, Л-8, М-8, Н-9. Она обрезается стенками раскопа, в плане имеет округлую форму, размеры вскрытой части составляют: СЮ — 216 см, ЗВ — 369 см. Стенки ямы отвесные, с небольшим уклоном к центру, дно неровное. Общая глубина от поверхности материка равна 50—55 см. В верхней части яма заполнена слоем коричневой гумусированной супеси толщиной до 34 см, ниже идет слой серой супеси с редкими угольками мощностью 17— 35 см, в котором обнаружены 4 фрагмента древнерусской круговой керамики. Внутри слоя серой супеси в центральной части ямы зафиксирована линза темной гумусированной супеси с большим количеством мелких угольков. В плане она имеет треугольную форму, ее размеры равны: СЮ — 151 см, ЗВ — 132 см, толщина 5—6 см. На поверхности этой прослойки обнаружен целый медный цилиндрический замок типа Б (№ 9) и 10 костей животных, в том числе два зуба и две лежащие друг на друге челюсти крупного рогатого скота. Придонная часть ямы заполнена слоем серой супеси, перемешанной с белым крупнозернистым песком, мощностью 5—10 см.

Яма 1 (рис. 103, 104) выявлена в квадратах И-10, И-11, К-10, К-11, имеет в плане округлые очертания, несколько вытянутые в меридиональном направлении. Ее северный край остался за пределами раскопа. Размеры вскрытой части составляют: СЮ — 512 см, ЗВ — 282 см. Стенки ямы скошены внутрь, плоское дно имело понижение в северном направлении. Глубина ямы от поверхности материка составляет 25—77 см; размеры ямы по дну равны: СЮ — 276 см, ЗВ — 144 см. Заполнение ямы имеет довольно ровную слоистую структуру. Сверху располагается слой серо-коричневой супеси с большим количеством мелких белых камешков толщиной около 10 см. В нем обнаружены фрагмент теменной кости, фрагмент ребра и фрагмент верхней челюсти человека. Предположительно все эти кости могут быть отнесены к одному индивиду — женщине (?) 40—49 лет. В этом же заполнении находились два фрагмента древнерусской лепной керамики, невыразительный обломок железного предмета (№ 12), кремневые отщепы (№ 1—4, 13), кремневая пластина (№ 5) и три кремневых скола. В южной части ямы слой серо-коричневой супеси лежит на материке — белом крупнозернистом песке. В центральной и северной частях ямы под верхним слоем располагается слой черной углистой супеси толщиной 9 см, в котором расчищено скопление камней 7—22 см в поперечнике. Здесь найден кремневый отщеп (№ 14). В отмывке органики из этого слоя обнаружено одно целое зерно ячменя и один обломок. Гумусированный грунт из этого слоя датирован по C^{14}: 640 ± 53 BP (калиброванная дата 1298—1320, 1340—1394 AD). В северной и западной частях ямы черная углистая супесь подстилается прослойкой серой супеси с желтым песком мощностью 22 см, в которой найдены кремневые отщеп (№ 6), пластина (№ 7) и скребок (№ 8).

Яма 6 (рис. 103, 104) открыта в квадратах К-7, К-8, имеет в плане форму овала, северная часть которого обрезается стенкой раскопа. Размеры ямы по верху: СЮ — 116 см, ЗВ — 255 см. Заполнение в центре — серая супесь с мелкими белыми камешками. Вдоль южного и западного краев оно оконтуривается прослойкой темной углистой супеси шириной 27—60 см. Стенки ямы в нижней части имеют скос к центру, дно плоское. Глубина ямы составляет 46—56 см от уровня поверхности материка. Размеры ее по дну равны 82 × 44 см, стенки отвесные. В верхней части на глубине до 30 см от поверхности материка яма была заполнена прослойками серой, серо-коричневой и серой супеси с мелкими белыми камешками, перемежающимися с небольшими углистыми включениями. Все прослойки проседали к центру ямы. В этих слоях обнаружена фаланга стопы взрослого человека, один фрагмент позднесредневековой круговой керамики и обломок трубчатой кости животного.

Нижнюю часть ямы заполняли прослойки желтого песка, перемешанного с серой гумусированной супесью (в восточной части ямы), и белого крупнозернистого песка со щебнем (в центральной части ямы). Здесь обнаружен кремневый концевой скребок на корковом отщепе (№ 10) и два кремневых скола.

Раскоп 2 (1998 г.)

Погребение 7 (рис. 211) расчищено в центральной части квадрата К-8. Могильная яма имела в плане овальную форму, вытянутую в широтном направлении с отклонением 17° к югу. Длина ямы равна 185 см, ширина — 81 см, стенки отвесные. Глубина ее от уровня дневной поверхности составляла около 70 см, от поверхности материка — 48—50 см. Дно — плоское. Заполнение — серо-коричневая супесь с белыми камешками. В заполнении ямы собрано 206,3 г кальцинированных костей, располагающихся бессистемно в переотложенном состоянии. Среди них определяются фрагменты лучевой кости и нескольких ребер, обломки губчатой ткани и плоской части тазовой кости (?), а также несколько частей фаланг стопы взрослого человека. Из заполнения происходят шесть сырых костей животных (лисица (?), бобр и куница[1]), две кости рыбы, 11 кремневых сколов и 17 г стекловидного шлака. В нижней части заполнения обнаружено два крупных фрагмента лепного средневекового сосуда. Фрагмент этого же сосуда найден в южной части квадрата К-8 за пределами ямы.

Костяк находился в слое темно-серого гумуса, пятно которого имело овальную форму, длину 174 и ширину 55 см. Он лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад с отклонением 17° к югу. Череп располагался прямо, левая рука была согнута в локте и положена на грудь, правая находилась на тазу, ступни ног лежали прямо. Костяк принадлежал мужчине старше 50 лет. Вещи отсутствовали.

Погребение 8 (рис. 212) обнаружено в квадратах М-8, N-8, М-9, N-9. Могильная яма имела в плане форму овала, длина ее составляла 225 см, ширина

[1] Определение костей животных произведено доктором биологических наук А.Б. Савинецким и О. Крылович.

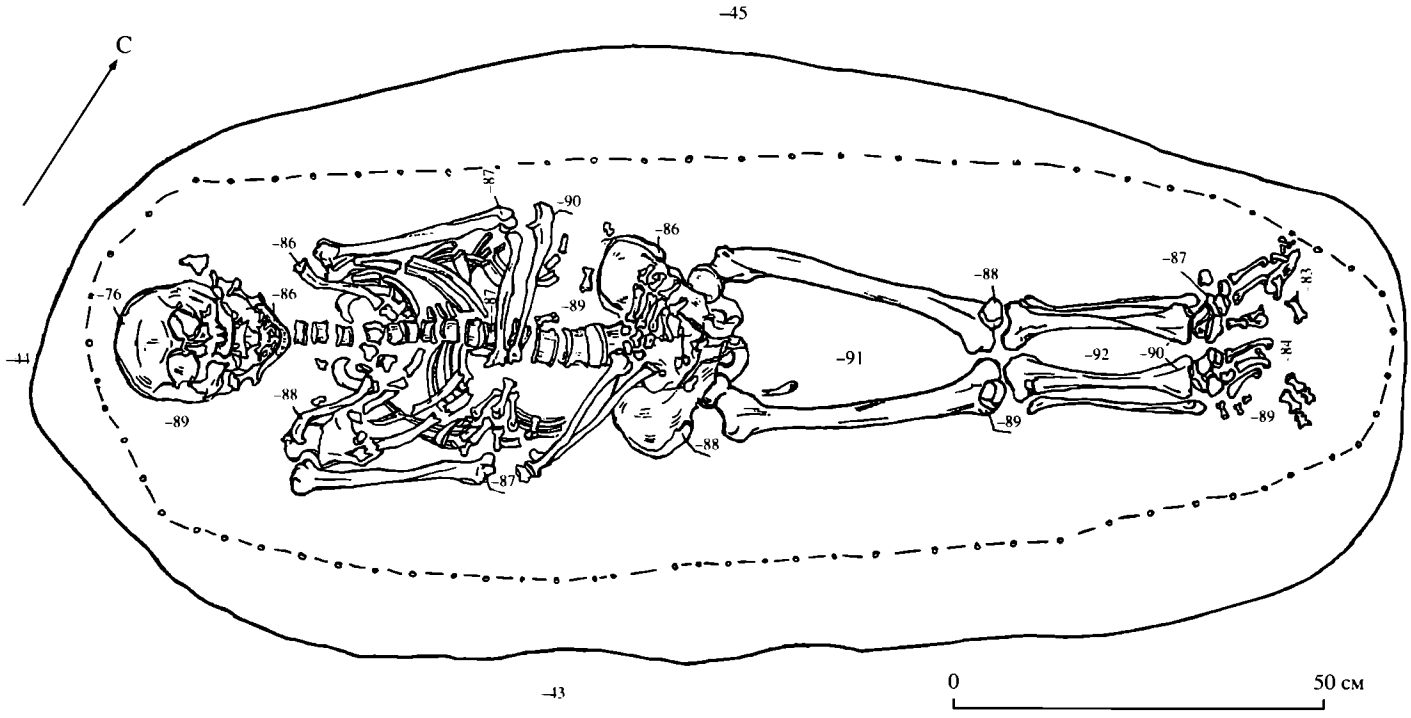


Рис. 211. Могильник Минино II. Погребение 7

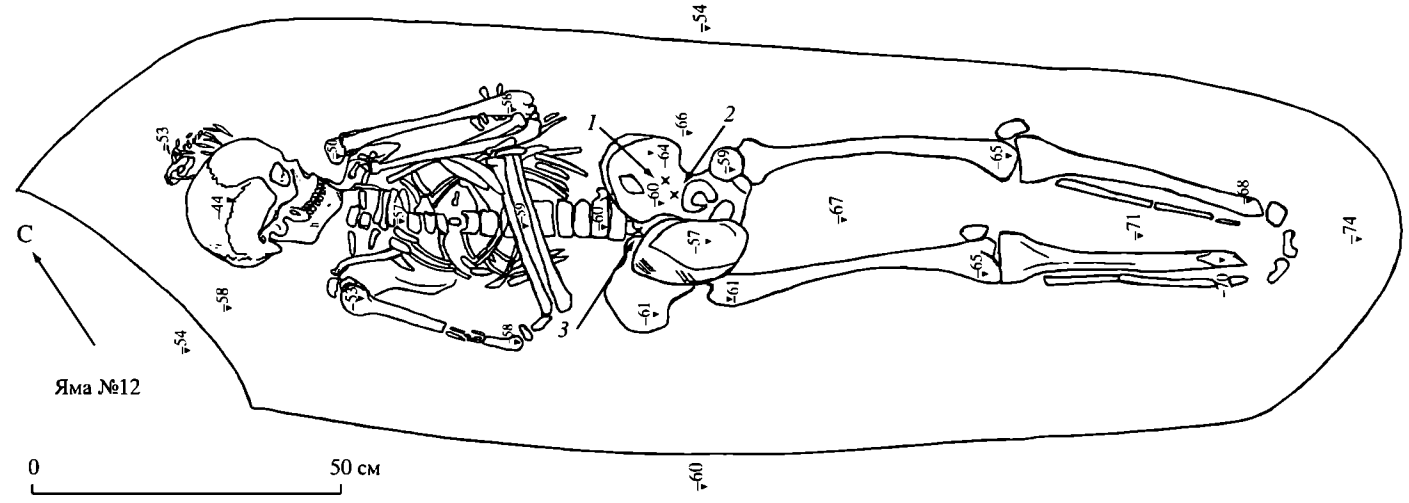


Рис. 212. Могильник Минино II. Погребение 8

67 см. Она была ориентирована по линии запад-восток с отклонением 41° к северу. Западный край ямы был частично прорезан ямой 12. Верхняя часть заполнения ямы погребения потревожена. В нижней части стенки ямы отвесные, дно округлое. Оно имело наклон к востоку с перепадом до 20 см. Глубина ямы составляет 55—60 см от уровня современной дневной поверхности. В заполнении ямы обнаружена фаланга стопы человека старческого возраста, 2,5 г кальцинированных и три сырые кости животных, а также два кремневых скола.

Костяк расчищен в слое темной углистой супеси. Он лежал в вытянутом положении на спине головой на запад с отклонением к северу 41°. Череп располагался выше ног примерно на 20 см. Сохранились практически все кости, за исключением костей стоп, но многие из них частично истлели. Голова погребенного была повернута на левую сторону, левая рука согнута в локте и положена так, что кости кисти располагались в области шеи, правая рука согнута в локте и положена на грудь. Погребенным был подросток (мужчина?) 16—18 лет.

С северо-западной стороны около черепа расчищен скелет хоря, кости которого находились в анатомическом порядке. На тазу погребенного лежал плоский камень размерами 10 × 19,5 см и два нагеля (№ 1, 2). Здесь же находилась кремневая пластина (№ 3).

Погребения 9 и 10 (рис. 213–215) обнаружены в квадратах L-8, L-9, M-8, M-9. Пятно могильной ямы,

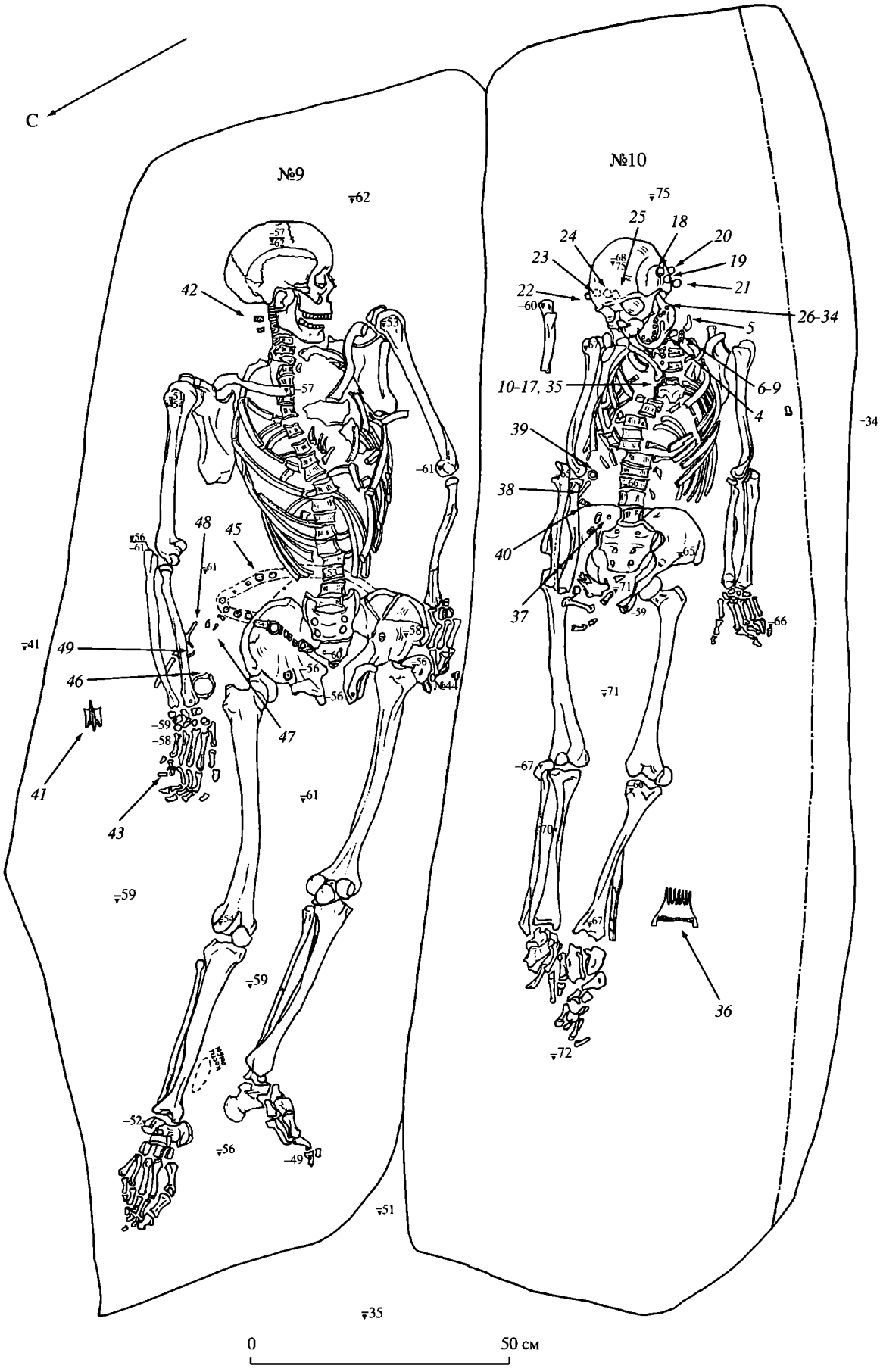


Рис. 213. Могильник Минино II. Погребения 9, 10

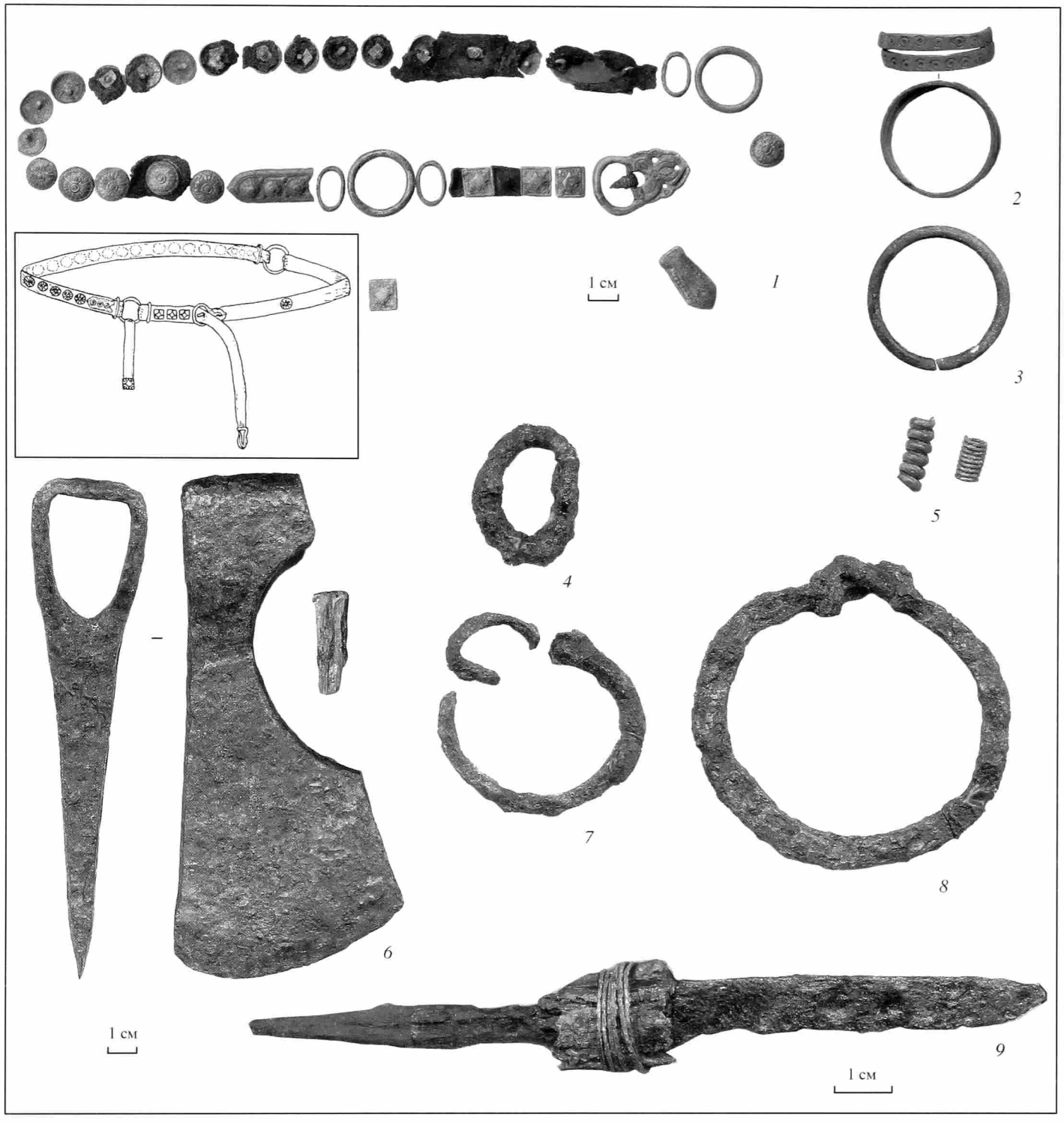


Рис. 214. Могильник Минино II. Находки из погребения 9

1 — наборный пояс (№ 45); *2* — перстень (№ 43); *3* — перстень (№ 44); *4* — кольцо (№ 47); *5* — спиральные пронизки (№ 42); *6* — топор с клином (№ 41); *7* — кольцо (№ 49); *8* — кольцо (№ 46); *9* — нож с остатками рукояти (№ 48). *1—3, 5* — цветной металл; *4, 6—8* — железо; *9* — железо, дерево

ориентированное по линии СЗ — ЮВ, имело размеры 226 × 148 см. В заполнении ямы читаются два параллельных овальных пятна темной серо-коричневой супеси — ямы двух отдельных погребений.

Погребение 9. Яма погребения занимает северную половину общей ямы. Длина ее 226 см, ширина 77 см. Яма ориентирована по линии восток — запад с отклонением 41° к югу. Ее северный край немного подрезан ямой 3. Стенки ямы практически отвесные, плоское дно зафиксировано на глубине 20 — 29 см от поверхности материка, 48 см от современной дневной поверхности.

Костяк хорошей сохранности лежал в вытянутом положении на спине, немного развернутый на ле-

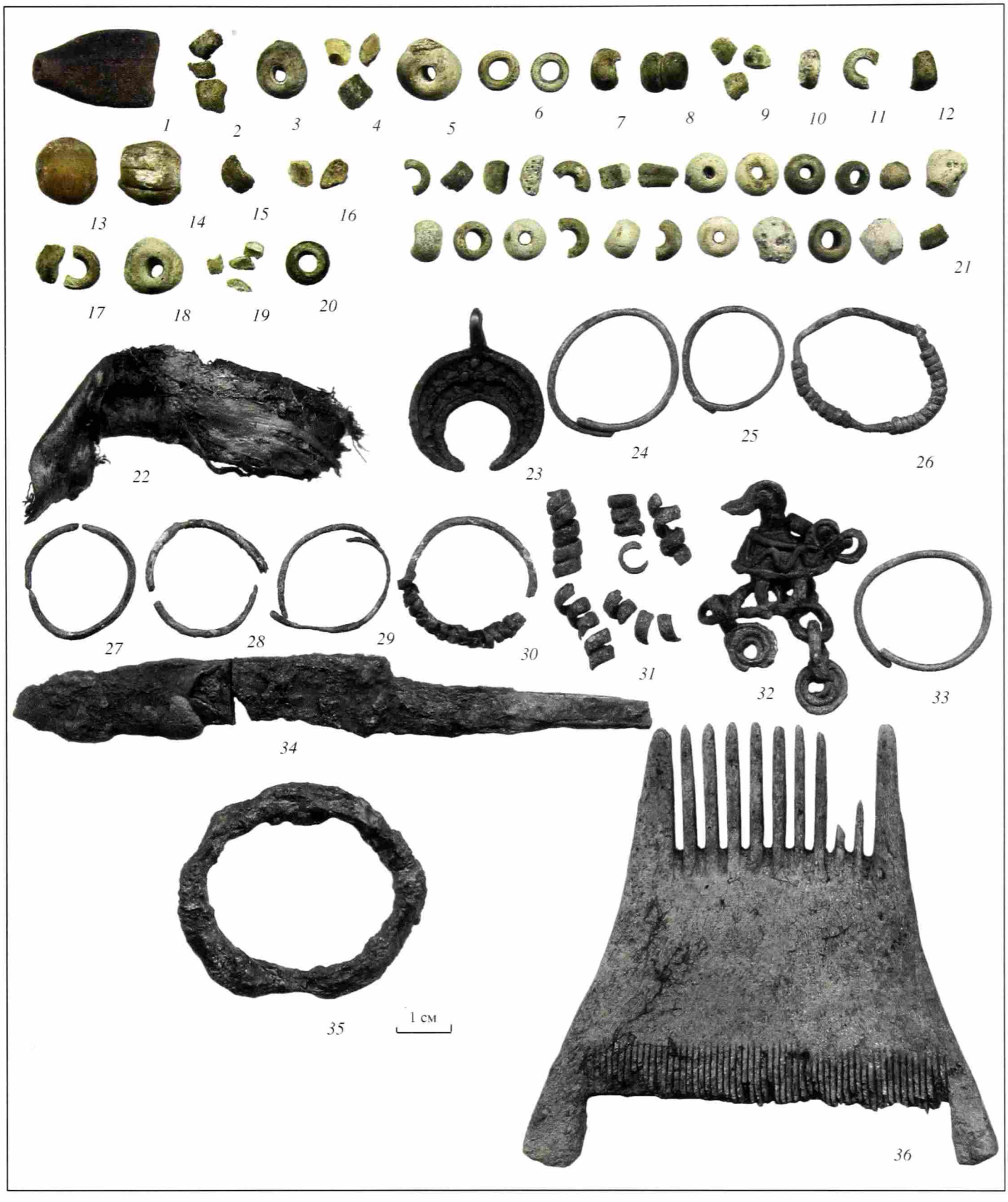


Рис. 215. Могильник Минино II. Находки из погребения 10

1–21 — бусины (№ 4, 6–11, 13, 14, 16, 17, 26, 30–33, 29, 34, 28, 27, 35); *22* — воротник (№ 5); *23* — лунница (№ 12); *24–30* — височные кольца (№ 18–22, 25, 24); *31* — спиральные пронизки (№ 37); *32* — зооморфная подвеска (№ 40); *33* — височное кольцо (№ 23); *34* — нож (№ 38); *35* — поясное кольцо (№ 39); *36* — гребень (№ 36). *1–21* — стекло; *22* — ткань, береста; *23–33* — цветной металл; *34, 35* — железо; *36* — рог

вый бок. Он был ориентирован головой на восток с отклонением 41° к югу. Череп повернут на левую сторону, руки вытянуты вдоль тела, правая нога лежит прямо, левая развернута наружу. Костяк принадлежал мужчине в возрасте 35—45 лет.

Верхняя половина погребенного была завалена кусками металлического и стекловидного шлака, перемешанного с камнями. Шлаки общим весом 13 700 г (около 300 фрагментов) и камни располагались вдоль центральной оси ямы на площади размерами 106 × 45 см в слое темной серо-коричневой супеси. Они лежали прямо на костях. Среди них обнаружен кремневый скребок (№ 2). В районе таза погребенного на участке справа и сверху от него зафиксированы истлевшие волокна древесины, ориентированные вдоль костяка — тлен от гроба.

Справа около шеи погребенного обнаружены две бронзовые спиральные пронизки (№ 42). У кисти правой руки — железный топор с клином, положенный лезвием кверху (№ 41). Около костей фаланг пальцев сохранились незначительные фрагменты истлевшей деревянной рукояти топора. На мизинец правой руки был надет узкопластинчатый бронзовый перстень (№ 43). На безымянном пальце левой руки — круглодротовое бронзовое кольцо с сомкнутыми концами (№ 44). В области таза расчищены остатки кожаного пояса, декорированного бронзовыми накладками (№ 45).

Наилучшую сохранность имела часть пояса, находящаяся под костяком и справа от него. Здесь сохранились фрагменты кожи, поэтому удалось установить ширину пояса, равную 1,3—1,5 см. Сверху костяка остались только металлические детали, украшавшие пояс. На бедрах находилась несколько смещенная на правый бок бронзовая односоставная пряжка со щитком подтреугольной формы. Углубленный орнамент на щитке сделан в виде трилистника. Язычок пряжки — железный. Справа от нее располагались три квадратные накладки. Расстояние между накладками равно 0,5 см, длина их шпеньков до заклепок составляет 4 мм. Еще одна такая же накладка находилась на 8,5 см ниже линии пояса. Далее располагалось бронзовое круглое кольцо диаметром 2,4 см, по обеим сторонам от которого помещались бронзовые овальные обоймицы. Далее находился бронзовый наконечник и три накладки круглой формы, после чего ремень перегибался, и следующие такие же накладки (15 экз.) лежали уже обратной стороной вверх. Накладки располагались равномерно на расстоянии 0,3—0,4 см одна от другой. К ремню они крепились при помощи штифтов. В одном месте среди накладок имеется пропуск. Через кожу ремня под пятой после перегиба накладкой была пропущена тонкая спутанная бронзовая проволочка. Ряд накладок доходил до середины левой стороны таза (под ним). Здесь находился еще один наконечник, аналогичный описанному, и круглое кольцо с одной обоймицей, прикрепленной со стороны наконечника. Одна круглая накладка лежала слева на крыле таза. Около кисти левой руки, слева от нее, лежал третий наконечник рыбовидной формы. Под полосой пояса сохранился второй слой древесного тлена, волокна которого шли параллельно костяку.

Под правой рукой погребенного располагался железный нож с остатками деревянной рукояти (№ 48). Между правой рукой и тазом расчищены две железные круглорамчатые пряжки и железное кольцо с завязанными концами размерами 5 × 5,5 см, выкованное из дрота прямоугольного сечения (№ 46, 47, 49). Вероятно, эти предметы были подвешены к поясу.

Около голени правой ноги, с внутренней стороны зафиксированы кости щуки в анатомическом порядке.

Погребение 10 находилось в южной половине общей могильной ямы, параллельно погребению 9. Могильная яма имела длину 287,5 см, ширину около 70 см. Стенки ямы были отвесными, плоское дно зафиксировано на глубине 31—37 см от поверхности материка, 58—61 см от уровня дневной поверхности. Заполнение ямы — темная серо-коричневая супесь. При сооружении ямы погребения 10 погребение 9 было немного нарушено, так что лучевая кость погребенного 9 оказалась в заполнении ямы 10. В заполнении ямы собрано 500 г металлического и стекловидного шлака, восемь сырых костей животных: семь неопределенных млекопитающих и одна бобра, и 2 г кальцинированных костей животных, три кости рыбы, кремневые пластина (№ 3) и отщеп с ретушью (№ 52). Костяк находился на 11—13 см ниже погребения 9.

Костяк хорошей сохранности лежал в вытянутом положении на спине головой на восток с отклонением 41° к югу. Череп располагался прямо с небольшим наклоном к правому плечу, руки были вытянуты вдоль тела. Анатомическое положение костей кисти правой руки и ступней ног было несколько нарушено. Костяк принадлежал женщине старше 50 лет.

На висках погребенной были расчищены кольца, по четыре с каждой стороны (№ 18—25). Судя по остаткам органики, височные кольца были последовательно надеты на ленту. С каждой стороны находилось по три перстнеобразных височных кольца с заходящими концами и по одному перстнеобразному с сомкнутыми концами, обмотанному бронзовой лентой плосковыпуклого сечения. На шее погребенной было надето ожерелье из 38 стеклянных бус: 30 зеленых зонных навитых, половины черной рыбовидной бусины (№ 4), одной двухчастной пронизки из зеленого стекла (№ 13), трех коричневых треугольных (№ 7, 9, 34), одной желтой шарообразной (№ 30), одной прозрачной бочонкообразной ребристой (№ 31), одной цилиндрической серебростеклянной (№ 33). Практически все они были расстеклованы и потеряли цвет. Бусы в ожерелье на шее располагались плотно, в центре находилась бронзовая круторогая лунница (№ 12). Нитка с 16 бусинами спускалась сзади вдоль позвоночника. Под ожерельем расчищены фрагменты тканевого воротника шириной 2 см с берестяной вставкой (№ 5). Верхняя ткань воротника была расшита золотыми нитями.

В районе пояса погребенной с правой стороны находилось железное поясное кольцо овальной формы (№ 39). Под локтевой костью правой руки лежал железный нож (№ 38). Под тяжестью руки он

Рис. 216. Могильник Минино II. Погребение 13

а — камень; *б* — индивидуальная находка; *в* — кость; *г* — уголь. Расшифровку условных обозначений слоев см. на рис. 217

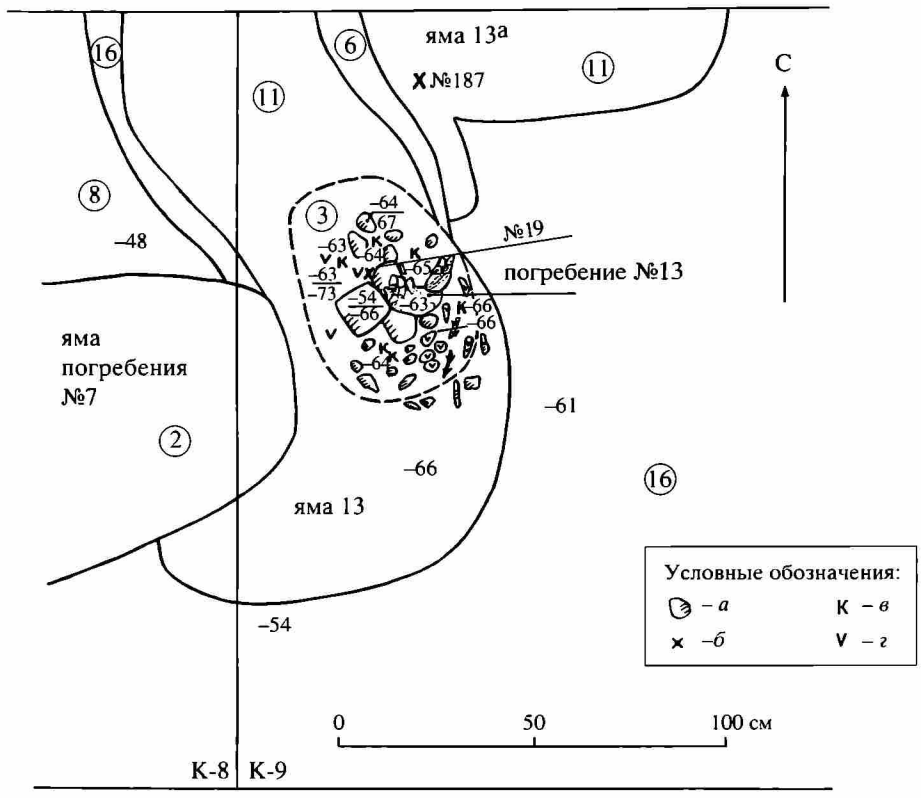
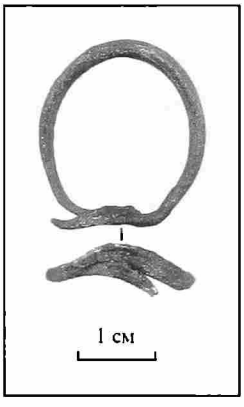


Рис. 217. Условные обозначения слоев на чертежах могильника Минино II

1 - дерн
2 - серо-коричневая супесь с камешками
3 - темная углистая супесь
4 - коричневая супесь
5 - погребенный дерн
6 - рыжая супесь, перемешанная с черным гумусом
7 - рыжая супесь, перемешанная с коричневой супесью
8 - белый слабогумусированный песок
8а - белый слабогумусированный песок с галькой
9 - желтый слабогумусированный песок
10 - рыжая супесь
11 - черный гумус
12 - темно-коричневая супесь с белыми камешками
13 - темно-коричневая супесь
14 - темная серо-коричневая супесь
14а - темная серо-коричневая супесь с галькой
16 - материк
17 - светло-серая супесь
18 - рыжая супесь с белесым налетом
19а - серый гумусированный песок
19б - серый гумусированный песок с галькой
20 - серо-коричневая гумусированная супесь
21 - коричневая гумусированная супесь
22 - рыжая супесь, перемешанная с серо-коричневой
23 - серо-коричневая супесь, насыщенная золой
24 - серый золистый песок
26 - переотложенный материк
27 - рыжая супесь, перемешанная с серым слабогумусированным песком и белым материковым песком
28 - серо-коричневая рыхлая гумусированная супесь
29 - розовый песок
30 - серо-коричневая супесь с камешками, перемешанная с желтым песком

Рис. 218. Могильник Минино II. Бронзовый перстень из погребения 13



был сломан, и его лезвие торчало вверх. Рядом с ножом на крыле таза располагались две спиральные пронизки (№ 37). Под тазом в этом же месте сохранился фрагмент войлока размерами около 8 см. При его расчистке обнаружена еще одна спиральная пронизка и полая подвеска-уточка со спиралевидными подвесками (№ 40). Для крепления украшения был использован железный стерженек длиной 2 см, вставленный в завиток на спине уточки. Около левой ноги погребенной находился роговой двусторонний цельный гребень (№ 36).

Погребение 13 (рис. 216–218) расчищено в квадратах К-8, К-9. Оно находилось в яме № 13, имевшей в плане форму неправильного овала, вытянутого в меридиональном направлении. Северная часть ямы обрезалась стенкой раскопа. Размеры ямы в раскопе составляли: СЮ — 152 см, ЗВ — около 75 см. Стенки ямы отвесные, дно плоское. Глубина ямы равна 12—19 см от уровня поверхности материка. Заполнение ямы — черный углистый гумус, в котором встречены отдельные кальцинированные кости, небольшие фрагменты металлического шлака и четыре кремневые пластины (№ 39, 121—123). В центральной части ямы на глубине 0—12 см от уровня поверхности материка расчищено округлой формы скопление камней размерами до 12 см в попе-

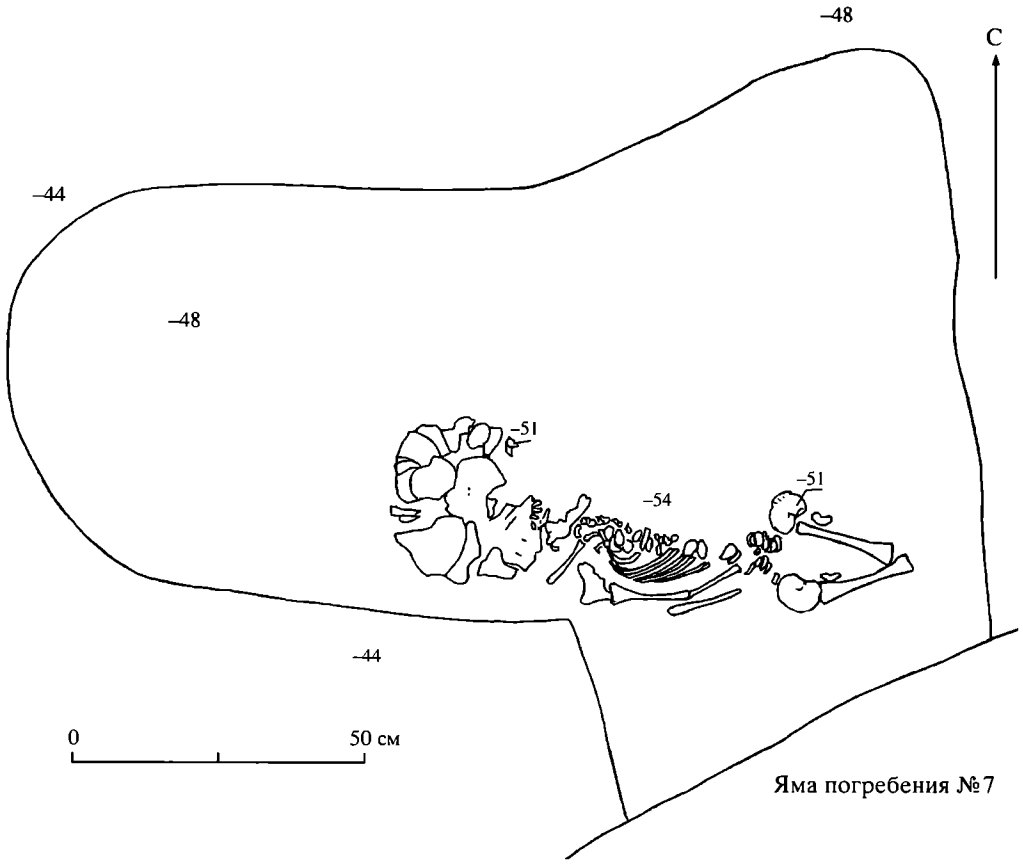


Рис. 219. Могильник Минино II. Погребение 14

речнике. Диаметр скопления составляет 50 см. Среди камней находились фрагменты шлака (общий вес 400 г), редкие кальцинированные кости (общий вес 28,5 г), а также 18 сырых костей крупных млекопитающих и 1 кость рыбы. На камнях обнаружен бронзовый круглопроволочный перстень с заходящими концами (№ 19; рис. 218), 2 фрагмента лепной керамики и кремневый скребок (№ 194).

После снятия верхнего слоя камней в середине скопления на глубине 2 – 4 см от уровня материка обнаружены фрагменты черепа ребенка в возрасте 3 – 4 лет (?). Фрагменты черепа не имеют следов пребывания в огне, но находились в пятне черной углистой супеси, окружавшем нижний слой камней. Пятно имело овальную форму, размеры 59 × 43 см и было вытянуто в меридиональном направлении.

Погребение 14 (рис. 219) открыто в квадрате К-8. Яма имела в плане вид прямоугольника, ориентированного в широтном направлении, размерами 47 × 94 см. Стенки скошены к центру, дно плоское. Глубина ямы составляет 33 см от уровня современной дневной поверхности и 10 см от уровня поверхности материка. Яма заполнена слоем темной серо-коричневой супеси. Костяк ребенка в возрасте 3 – 6 месяцев лежал на левом боку головой на запад практически без отклонения. Череп раздавлен, левая рука подогнута в локте, кости ног ниже колен отсутствовали. Сопровождающего инвентаря нет.

Погребение 15 (рис. 220, 221) расчищено в квадрате К-10. Могильная яма, вытянутая по линии ЗВ с небольшим отклонением к северу, имеет в плане подпрямоугольную форму. Ее размеры равны 183 × 70 см. В западной части могильная яма практически до уровня погребения испорчена ямой 3, в северной части она прорезает яму 16. Стенки ямы отвесные, дно плоское. Глубина ямы равна 58 см от уровня современной дневной поверхности и 9 – 17 см от уровня поверхности материка. Заполнение – желтый песок, перемешанный с черным гумусом. В нем собраны один фрагмент средневековой лепной керамики, 6,6 г кальцинированных костей, находящихся преимущественно в верхней части заполнения, 330 г металлического шлака, 6 сырых костей животных, среди которых определяются кости бобра, и 54 кремневых скола (происходящих, вероятно, из нарушенного заполнения ямы 16). Яму погребения 15 перекрывало погребение по обряду кремации (скопление кальцинированных костей № 6).

Костяк имел хорошую сохранность: несколько потревожены были только фаланги пальцев левой ноги, задетые ямой 3. Он лежал в вытянутом положении на спине головой на восток с отклонением 7° к северу. Череп находился на левом боку, руки были вытянуты вдоль тела, ноги лежат прямо, ступни развернуты наружу. Костяк принадлежал мужчине 45 – 55 лет. Остатков гроба не отмечено.

Над костяком в центре могилы зафиксировано скопление крупных углей овальной формы размерами 100 × 55 см. Максимальная концентрация углей отмечалась в области таза и берцовых костей. На погребенном был надет пояс, от которого сохранились два бронзовых поясных кольца овальной

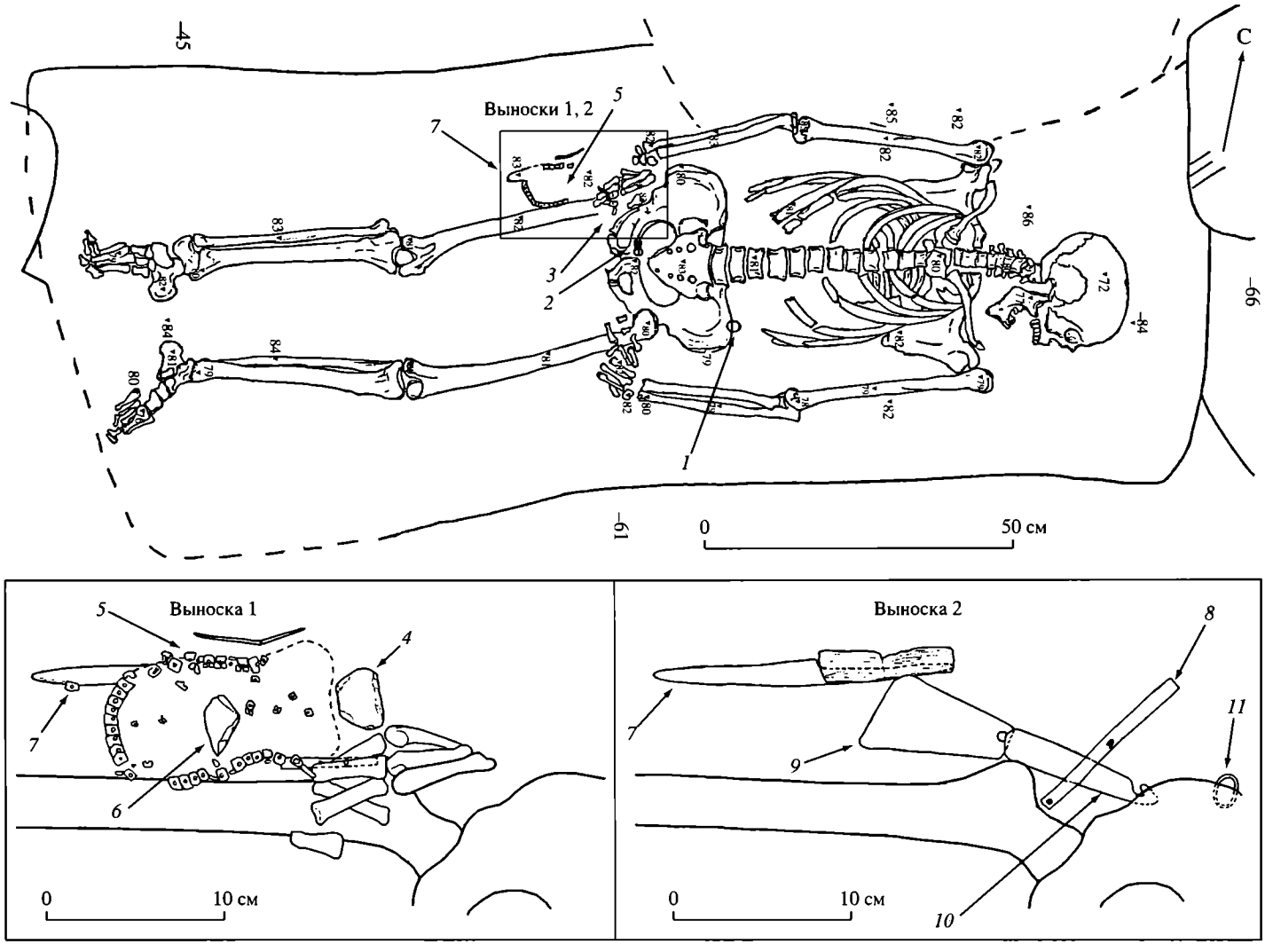


Рис. 220. Могильник Минино II. Погребение 15

формы, располагающихся одно слева над тазом (№ 1), а другое справа под тазом (№ 11; кольцо стояло на ребре), и лежащая на тазу бронзовая односоставная поясная пряжка (№ 2). Справа к поясу была привешена кожаная (?) сумочка размерами 13 × 7 см (№ 3, 5), располагающаяся около верхней части бедра. Она состояла из двух полотен, скрепленных по краю бронзовыми заклепками из согнутых пополам тонких прямоугольных пластинок, пробитых бронзовыми гвоздиками. Верх сумочки с обеих сторон был отделан пластинками длиной 6,5 см. К одной из пластинок была прикреплена петля для подвешивания. Органика полотен сумочки сохранилась только в виде тлена. Внутри сумочки находился кресальный кремень (№ 6). Второй кремень также, вероятно, был в сумочке, но выпал и лежал около нее (№ 4).

Под сумочкой лежали сланцевый оселок трапециевидной формы с отверстием в верхней части (№ 9), пластинчатое кресало (№ 10), бронзовая фитильная трубочка с двумя отверстиями, висевшая горизонтально (№ 8), и железный нож с остатками деревянной рукояти (№ 7), располагающийся вертикально.

Кроме ям с ингумациями в раскопе зафиксированы пять компактных скоплений кальцинированных костей (погребения по обряду кремации), приуроченных к ямам в материке.

Яма 2, скопление кальцинированных костей № 1 (рис. 222). Яма выявлена в квадратах К-7 и L-7. Она имеет в плане форму неправильного овала, вытянутого в меридиональном направлении. Западный край ямы обрезается стенкой раскопа. В раскопе размеры ямы составляют: СЮ — 330 см, ЗВ — 248 см. Стенки ямы наклонные, дно чашеобразное, глубина 8—21 см от уровня поверхности материка. Основное заполнение ямы — слой черной углистой супеси, в центральной части перекрытый слоем серо-коричневой супеси с мелкими камешками. В этом слое в квадрате К-7 обнаружены негорелые зуб и фрагмент черепа взрослого индивида. **Скопление кальцинированных костей № 1** зафиксировано на глубине 28—36 см от уровня современной дневной поверхности (6—11 см от уровня поверхности материка) в восточной части ямы в пределах пятна черной супеси с повышенной концентрацией угля. Пятно имело подовальную форму и было вытянуто в меридиональном направлении. Его размеры составляли: СЮ —

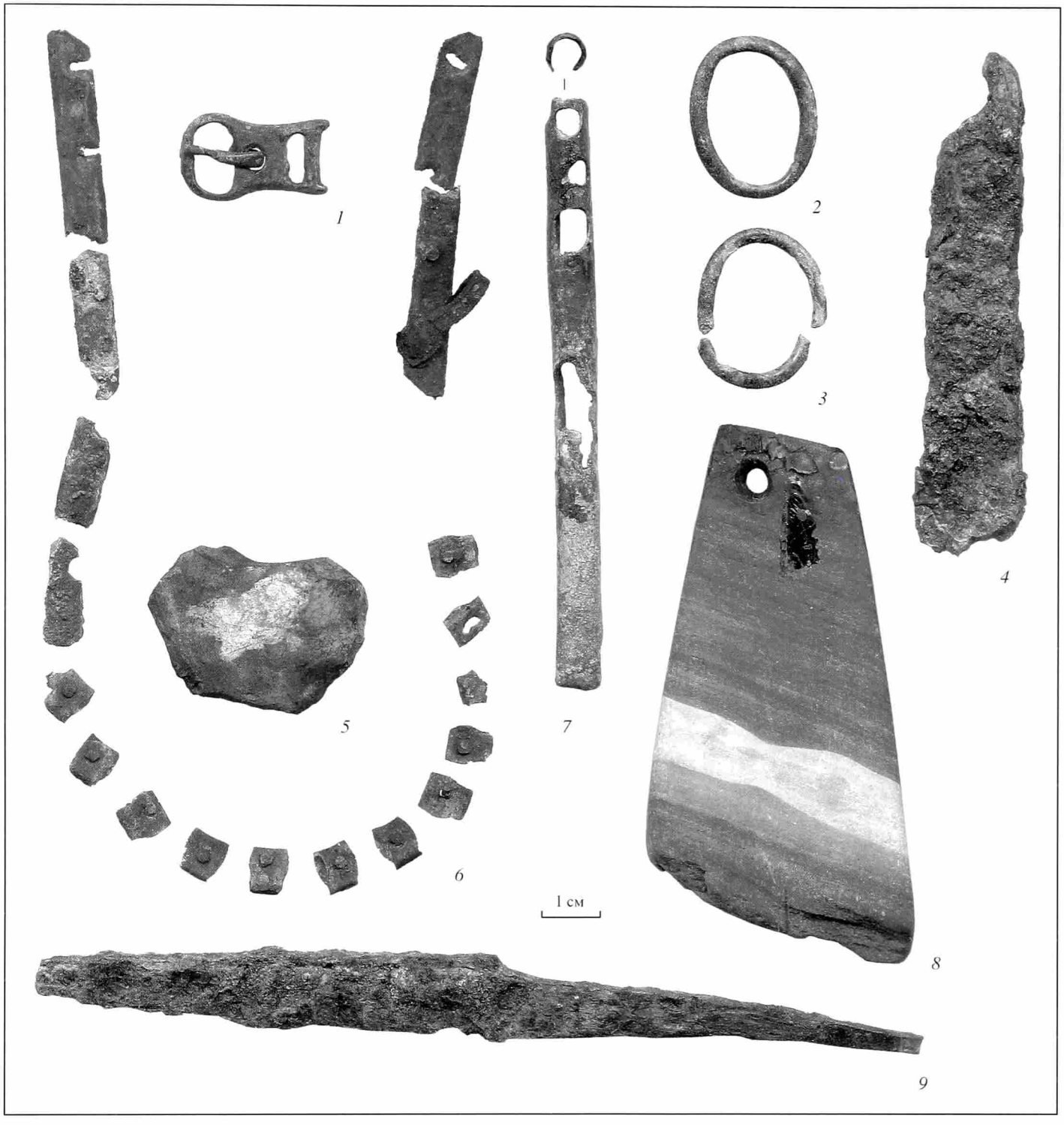


Рис. 221. Могильник Минино II. Находки из погребения 15

1 — пряжка (№ 2); *2* — поясное кольцо (№ 1); *3* — поясное кольцо (№ 11); *4* — кресало (№ 10); *5* — кремень кресальный (№ 4); *6* — детали поясной сумочки (№ 3, 5); *7* — трубка фитильная (№ 8); *8* — оселок (№ 9); *9* — нож (№ 7). *1–3, 6–7* — цветной металл; *4, 9* — железо; *5* — кремень; *8* — сланец

70 см, ЗВ — 42 см. Всего в скоплении собрано 61,5 г костей человека, принадлежащих взрослому индивиду. Кости располагались достаточно компактно, преимущественно между крупными углями. В скоплении обнаружен обожженный фрагмент одностороннего наборного гребня (№ 28), обломок стеклянной навитой оплавленной бусины (№ 179) и два обломка лепных сосудов. Слой с углями и кальцинированными костями находился на тонкой (1 см) подсыпке из желтого песка.

Яма 3б, скопление кальцинированных костей № 2 (рис. 222) выявлена в квадрате L-8, 9 Яма 3б имеет в

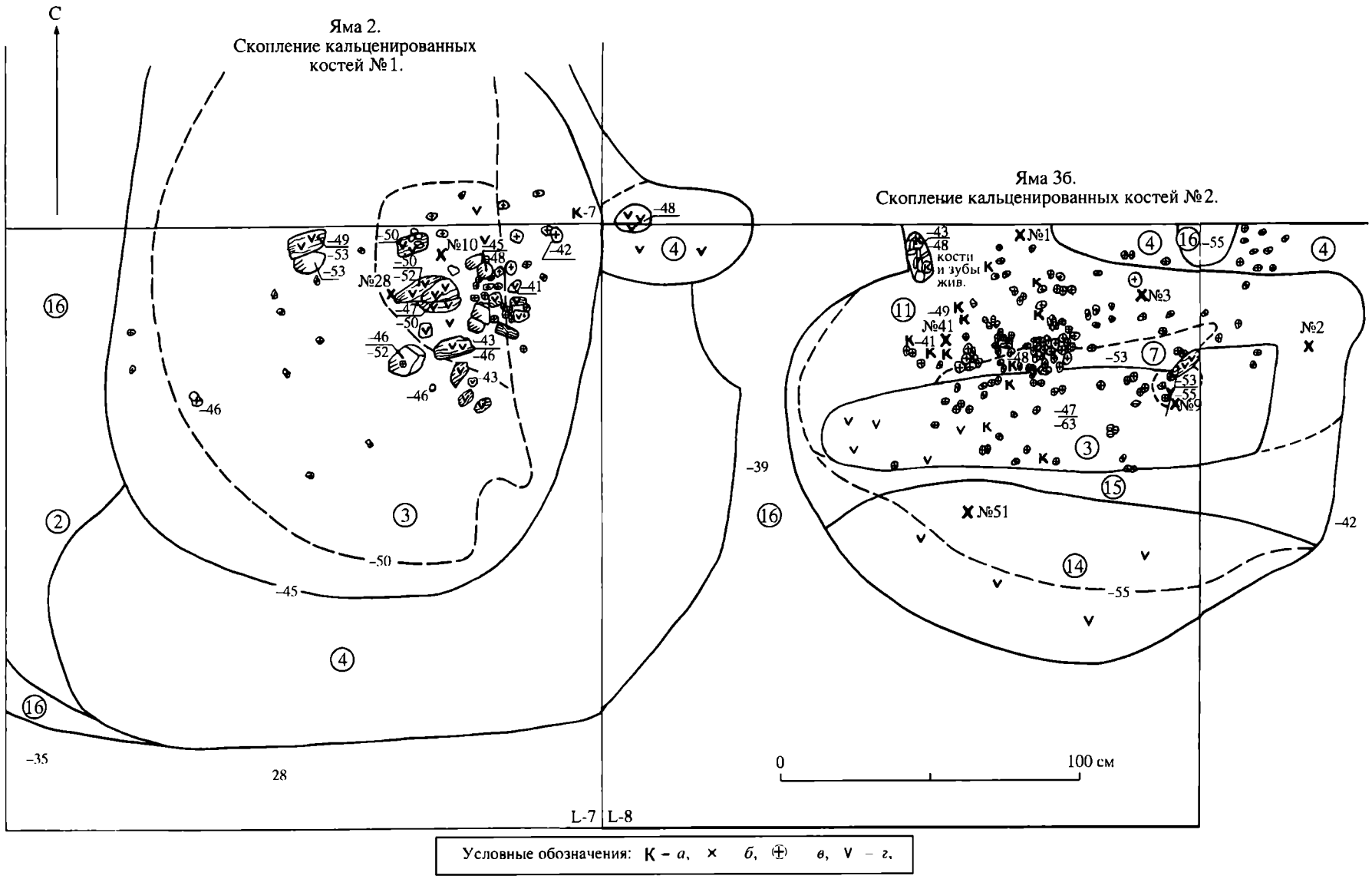


Рис. 222. Могильник Минино II. Скопления кальцинированных костей № 1 и № 2

а — кость; *б* — индивидуальная находка; *в* — кальцинированная кость; *г* — уголь. Расшифровку условных обозначений слоев см. на рис. 217

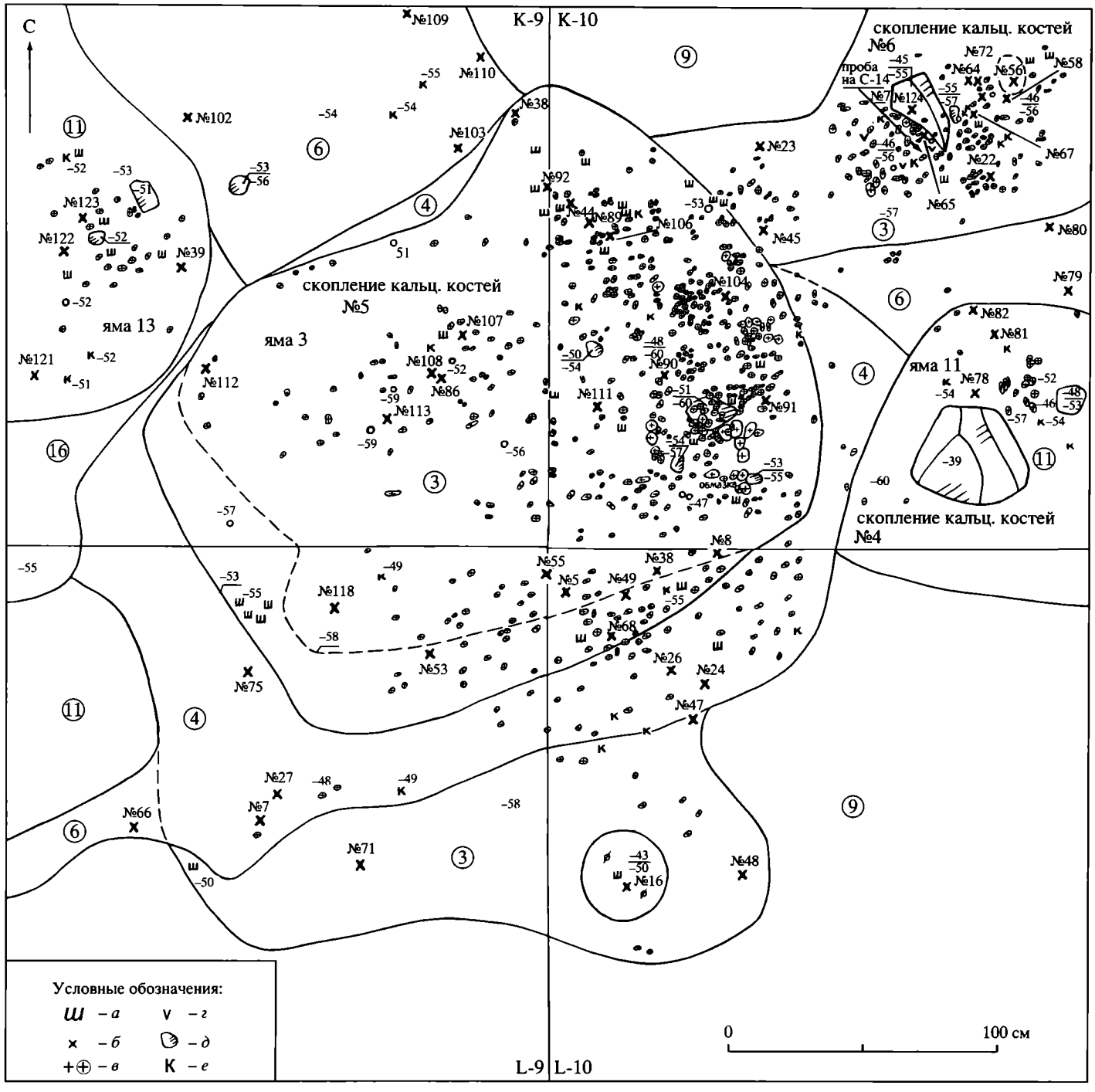


Рис. 223. Могильник Минино II. Скопления кальцинированных костей № 3–6

а — шлак; *б* — индивидуальная находка; *в* — кальцинированная кость; *г* — уголь; *д* — камень; *е* — кость. Расшифровку условных обозначений слоев см. на рис. 217

плане округлую форму и размеры СЮ — 170 см, ЗВ — 188 см. Ее южная стенка прорезает яму погребения 9. Стенки ямы имеют скос к центру, глубина ямы от уровня поверхности материка 16—44 см. Заполнение центра ямы в верхней ее части — слой серо-коричневой супеси с белыми камешками, ниже залегает слой черной гумусированной супеси толщиной 18 см. В этом слое на глубине 8—14 см от уровня поверхности материка зафиксировано скопление кальцинированных костей, залегающих компактно в центральной части ямы на площади 60 × 80 см, наиболее плотно — на участке около 30 см в поперечнике **(скопление кальцинированных костей № 2).**

Всего в скоплении собрано 180 г костей: из них 156 г составляют кости взрослого человека (один индивид) — фрагменты трубчатых бедренных и плечевых костей, губчатой ткани, фрагмент мыщелка дистальной части плечевой кости. 24 г являются костями крупных млекопитающих. Среди кальцинированных костей находились негорелый фрагмент черепа ребенка до семи лет и 33 сырые кости живот-

ных, среди которых определяются кости крупных и мелких млекопитающих (заяц, бобр). Около западной стенки ямы на глубине 4—9 см от уровня поверхности материка обнаружено скопление костей лося — фрагменты черепа и длинных костей, зуб, — лежащих кучкой. Здесь обнаружено 4 разрозненных фрагмента лепной древнерусской керамики и обрывок бронзовой проволоки (№ 1).

Яма 3, скопления кальцинированных костей № 3 и 5 (рис. 105, 223). Восточная половина ямы 3 в квадратах К-9—10 и L-9—10 представляет собой отдельный комплекс, имеющий в плане форму прямоугольника размерами 283 × 277 см, ориентированного по линии ЮЗ—СВ, с выступающей южной стенкой. Стенки ямы наклонные, форма — чашевидная, глубина — 14—16 см от уровня поверхности материка. В центре ямы зафиксирован слой темной углистой супеси толщиной 6—15 см, подстилаемый слоем коричневой супеси без углей. Слой черной углистой супеси на всю глубину насыщен кальцинированными костями. Кости встречались на всей площади ямы, занятой углистым слоем, но преимущественно концентрировались в ее восточной половине. Отмечено два их компактных скопления.

Скопление кальцинированных костей № 3 находилось в юго-восточной части ямы (северо-восточная часть квадрата L-9) на глубине 7—13 см от уровня поверхности материка. Здесь на участке размерами 66 × 42 см собрано 20 г костей человека, из которых определяются фрагменты плоских и трубчатых костей и коронка зуба ребенка, а также фрагменты трубчатых и плоских костей черепа коричневого цвета взрослого индивида, и 9 г костей животных. Вместе с костями в скоплении обнаружен небольшой фрагмент металлического шлака. В северо-восточной части ямы (восточная часть кв. К-10) на уровне поверхности материка находилось **скопление кальцинированных костей № 5.** Его границы нечеткие, наибольшее количество костей было сконцентрировано на участке размерами 60 × 45 см, а в нем вокруг и над камнем размерами 36 × 24 см. На камне и вокруг него находились крупные фрагменты костей черепа. Всего в скоплении собрано 554,5 г костей. Среди них определяются фрагменты черепа, лопатки, трубчатых костей верхних и нижних конечностей, ребер, фрагменты фаланг стопы и позвонков взрослого мужчины (одного индивида, возможно, того же, которому принадлежат кости из скопления 3). Наряду с этим диагностируются фрагменты костей еще по крайней мере двух индивидов. Это плоские кости черепа, ребра и трубчатые кости верхних конечностей ребенка и сильно пережженные с синим отливом множественные фрагменты трубчатых костей взрослого индивида. Из скопления № 5 происходит также необожженный фрагмент черепа ребенка.

Вместе с костями человека собрано 11 г кальцинированных костей животных, среди которых определяются кости собаки. В скоплении зафиксированы два фрагмента лепной древнерусской, один неопределимый фрагмент керамики и отдельные мелкие кусочки металлического шлака, располагающиеся преимущественно по его периферии. В северной части скопления, где количество шлаков было наибольшим, находились два железных предмета (№ 44 и 106). В квадрате К-9 обнаружена стеклянная оплавленная бусина (№ 117).

Помимо костей из скоплений из гумусированного черного углистого слоя в яме 3 собрано еще 80,5 г кальцинированных костей, из них 60,5 г определяются как кости животных. Меньше всего костей происходит из юго-западной части ямы (кв. L-9). Из этого же слоя с площади ямы собрано 2082 г металлического и стекловидного шлака. В яме обнаружено также 65 индивидуальных находок, большую часть которых составляют кремневые пластины и скребки. К находкам более позднего времени, кроме уже описанных, относятся оплавленный предмет из белого металла (№ 4), кальцинированный зуб от двустороннего гребня (№ 46), медная пластина (№ 53) и неопределенной формы бронзовый предмет (№ 87). В коричневом слое находились негорелые два железных ножа (№ 26, 49), денарий (Утрехт, Генрих III, 1044—1065 (?); № 76), квадратная бронзовая поясная накладка (№ 114), аналогичная накладкам, обнаруженным в погребении 9, и железный томар (№ 115). Из ямы также происходят четыре фрагмента лепной древнерусской, два обломка керамики раннего железного века, восемь фрагментов неопределимой керамики; 18 сырых костей животных, девять костей рыбы и 17 кремневых сколов.

Яма 11, скопление кальцинированных костей № 4, погребение 11 (рис. 223, 224). Яма 11 выявлена в юго-восточной части квадрата К-10. Восточная часть ямы обрезается стенкой раскопа. Вскрытая часть ямы имеет в плане прямоугольные очертания. Ее размеры составляют: СЮ — 114 см, ЗВ — 20—70 см. Яма имеет чашеобразную форму. Ее глубина равна 39 см от уровня поверхности материка. Основным заполнением ямы является слой черной гумусированной супеси. В нем располагалось **скопление кальцинированных костей № 4**. Кальцинированные кости собраны во всей толще слоя черной гумусированной супеси, однако большая их часть сосредотачивалась в северной половине ямы вокруг большого валуна на глубине до 43 см от уровня поверхности материка. Всего в скоплении собрано 116,6 г костей, из которых 84 г определяются как кости человека. Среди них имеются фрагменты свода черепа, резца, нижней челюсти, губчатой ткани (таз?) и бедренной кости женщины и фрагменты свода черепа и коронка коренного зуба ребенка 12—20 месяцев. Остальные кальцинированные кости принадлежат животным, среди которых определяются кости бобра и лисицы. Среди кальцинированных костей на глубине 37 см от уровня дневной поверхности обнаружены необожженые кости человека: фрагмент черепа и обломки длинных костей ребенка в возрасте до полугода (**погребение 11**). В заполнении ямы собраны семь кремневых пластин (№ 10,

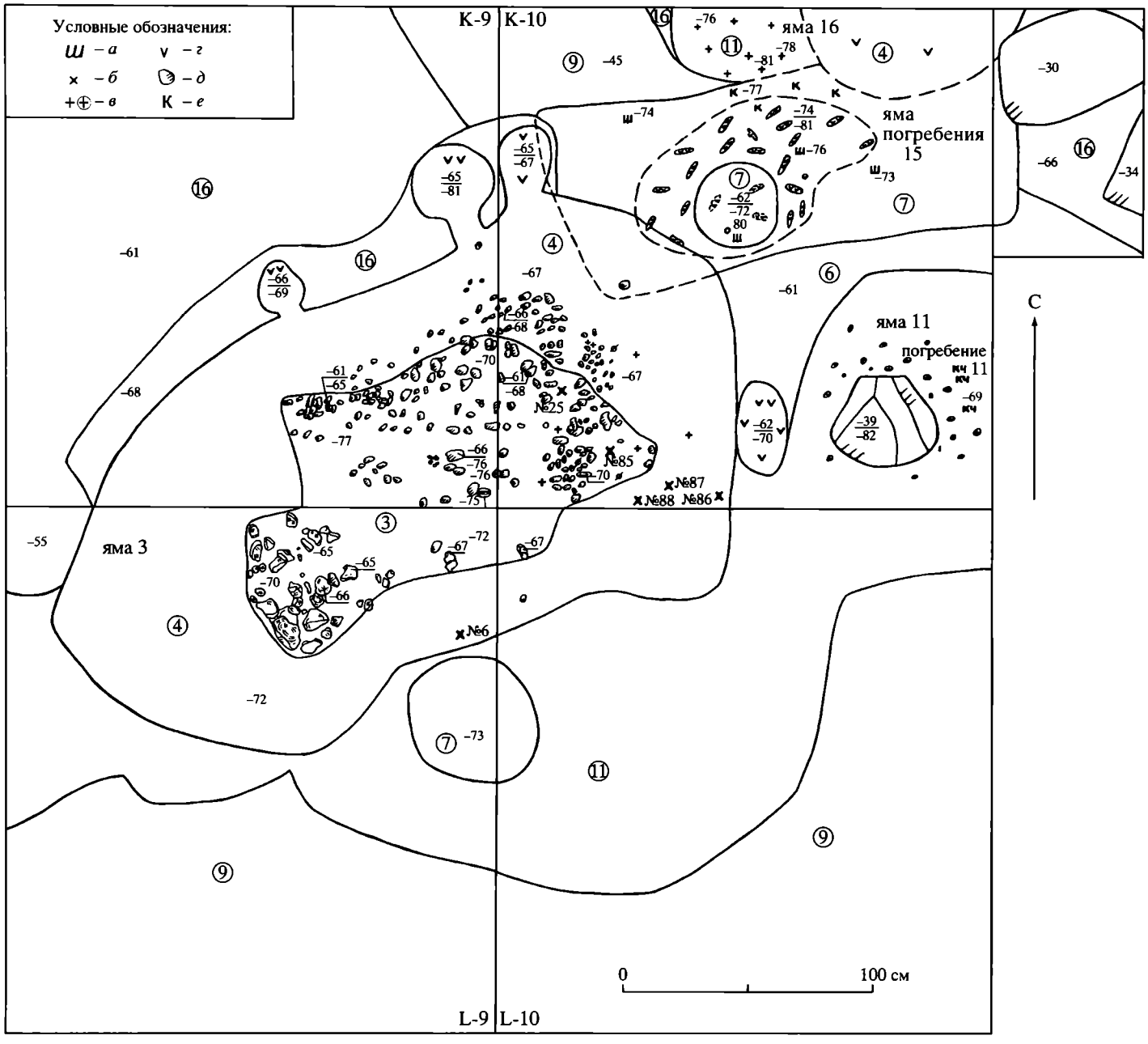


Рис. 224. Могильник Минино II. Раскоп 2. Ямы 3 и 11. Погребение 11

а — шлак; *б* — индивидуальная находка; *в* — кальцинированная кость; *г* — уголь; *д* — камень; *е* — кость. Расшифровку условных обозначений слоев см. на рис. 217

16, 17, 20, 26, 81, 82) и кремневый скребок (№ 8), а также 57 сырых костей животных, 13 костей рыбы и 18 кремневых сколов.

Скопление кальцинированных костей № 6 (рис. 223) зафиксировано в квадрате К-10 на уровне 18 — 28 см от современной поверхности. Оно залегало в слое черной углистой супеси, подстилающем верхний слой темно-серого гумуса, в яме, вытянутой с запада на восток на 97 см, с нечеткими очертаниями, глубиной до 28 см. Кальцинированные кости располагались на площади 80 × 50 см, вокруг камня размерами 30 × 15 см. Наибольшее количество костей зафиксировано непосредственно около камня. Всего в скоплении собрано 248,6 г костей человека и 92,6 г костей животных. Среди кальцинированных костей человека определяются фрагменты черепного свода, глазниц и нижней челюсти, трубчатых костей верхних и нижних конечностей, позвонков шейного отдела, фрагменты плоских костей (ребра), тазовых костей, фрагмент головки бедренной кости и ногтевая фаланга кисти. Все кости принадлежат одному индивиду — взрослой молодой женщине.

Кальцинированные кости животных принадлежат млекопитающим среднего размера, среди них определяются кости бобра и собаки. Здесь же собрано девять сырых фрагментов костей мелкого млекопитающего.

В скоплении обнаружены: железная заклепка (№ 22), фрагмент обожженного двустороннего костяного гребня с линейным орнаментом (№ 61), три стеклянные бусины, две из которых были полно-

стью обожжены (№ 65, 72), а третья — цилиндрическая золотостеклянная с золотой прокладкой (№ 124) — лишь немного тронута огнем, кальцинированная костяная поделка (№ 67) и скопление лепной керамики (№ 56). Среди костей находились фрагменты металлического шлака общим весом 180 г. Скопление кальцинированных костей № 6 лежало в слое, перекрывающем могильную яму ингумации № 15.

Яма 12, погребение 12 (рис. 105). Яма зафиксирована в квадрате М, №-8, часть ее осталась за пределами раскопа. В плане яма имеет округлые очертания. Размеры вскрытой части составляют: СЮ — 40 см, ЗВ — 150 см. Стенки — чашевидные, плавно переходящие в дно. Общая глубина ямы 11—40 см от уровня поверхности материка. Верхняя часть ямы заполнена слоем черной углистой супеси, по краям его мощность составляет около 7 см, в центре ямы достигает 35 см. В этом слое на глубине 16 см от современной дневной поверхности обнаружена плечевая кость взрослого человека и трубчатые кости нижних и верхних конечностей ребенка 0,5—1,5 лет (***погребение 12***). В яме найдены три костяных некальцинированных заготовки (№ 85, 120, 157), большой железный кованый гвоздь (№ 116) и кремневая пластина (№ 119), три фрагмента позднесредневековой круговой керамики, 50 г шлака и шесть сырых костей животных, из которых определяются кости крупных млекопитающих.

Раскоп 3 (2000 г.)

Погребение 16 (рис. 225, 226) располагалось в квадратах Е-3 и Е-4 на контакте пахотного слоя и слоя рыжей слабогумусированной супеси (мезолитический слой) на глубине 10 см от уровня дневной поверхности. Погребение представляет собой скопление кальцинированных костей, залегающих в слое темной серо-коричневой углистой супеси, имеющее вид овала, вытянутого в направлении СЗ—ЮВ. Размеры пятна слоя по верху равны 72 × 58 см. Темная углистая супесь была окружена серо-коричневым заполнением, не имеющим четких границ. Кальцинированные кости, в основном мелкие неопределимые обломки, среди которых диагностируются фрагменты черепа и трубчатых костей взрослого человека, находились преимущественно в южной части углистого заполнения. Среди них расчищены отдельные крупные угольки, а также многочисленные стеклянные бусины и фрагменты кальцинированной роговой расчески и футляра от нее с линейным и циркульным орнаментом (№ 15). Некоторые бусины были полностью деформированы, некоторые спеклись по несколько штук. Всего среди костей собрано 40 бусин. В их числе: девять прозрачных навитых зонных синих, одна синяя трехчастная, три призматические синие белоромбические, 11 двухслойных лимоновидных белых полосатых, одна такая же двойная, шесть двухслойных лимоновидных желтых полосатых, четыре желтые лимоновидные двухчастные, четыре желтые лимоновидные одно-

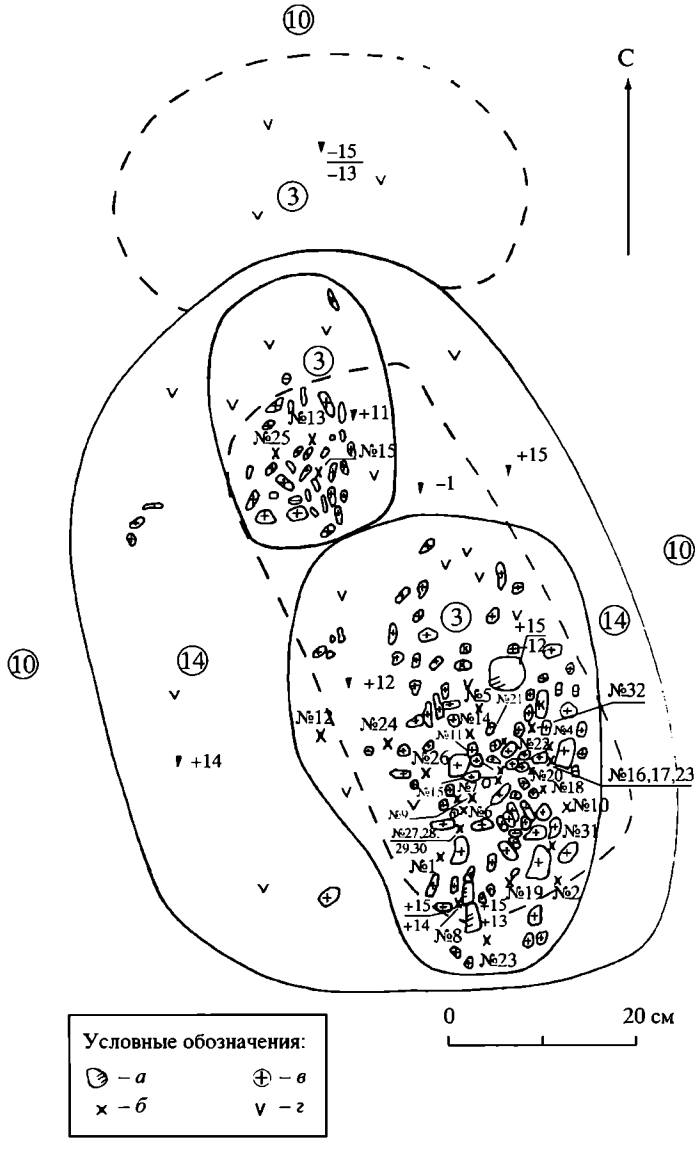


Рис. 225. Могильник Минино II. Погребение 16

а — камень; *б* — индивидуальная находка; *в* — кальцинированная кость; *г* — уголь. Расшифровку условных обозначений слоев см. на рис. 217

частные и одна желтая бисерина из тянутой трубочки. Сверху на скоплении костей лежала необожженная бронзовая подковообразная фибула треугольного сечения со спиральными головками (№ 8). Основание иглы фибулы было сломано. Очевидно, именно в таком виде она и была положена на погребение. Фибула располагалась в южной части скопления. Среди кальцинированных костей собрано также 11 необожженных мелких костей животных и две необожженные кости рыбы. По мере расчистки погребения и снятия верхнего слоя костей и слоя черно-коричневой углистой супеси оконтурились границы небольшой (58 × 27 см) подпрямоугольной в плане ямки, заполненной углистой супесью с кальцинированными костями. В ней помимо кальцинированных костей обнаружено 6 бусин и еще несколько фрагментов роговой расчески. Глубина ямки составляет 10—11 см от уровня поверхности материка. Общий вес кальцинированных костей, собранных в погребении, ра-

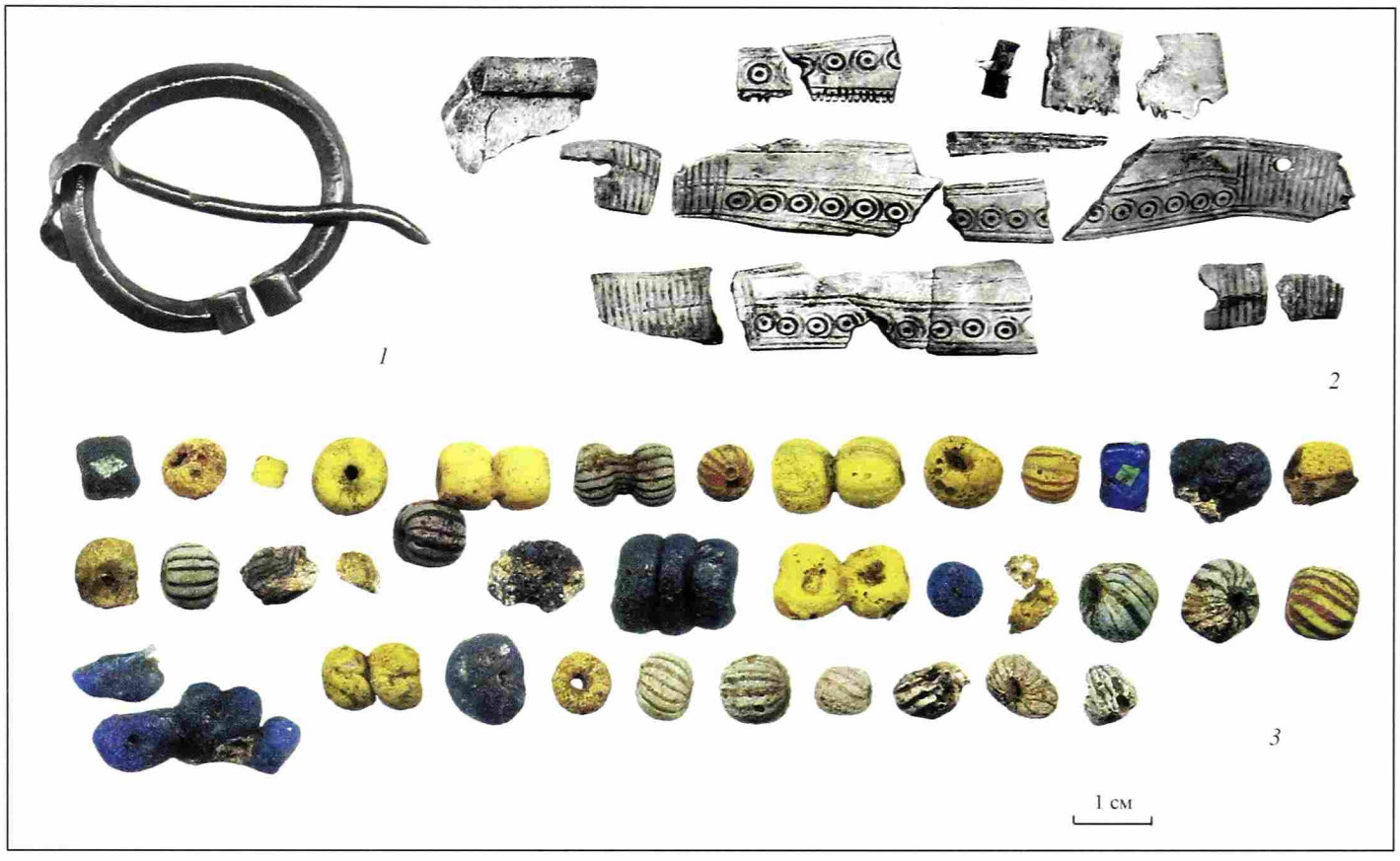


Рис. 226. Могильник Минино II. Находки из погребения 16

1 — фибула (№ 8); *2* — фрагменты расчески и футляра (№ 15); *3* — бусины (№ 1—7, 9—14, 16—32). *1* — цветной металл; *2* — рог; *3* — стекло

вен 146 г. Вероятно, верхняя часть погребения 16 была потревожена распашкой, в результате которой часть костей и бусин была смещена.

Погребение 17 (рис. 227, 231) открыто в квадратах E-5, F-5, E-4 и F-4 на глубине 20 см от современной дневной поверхности. Яма подпрямоугольных очертаний, ориентированная по линии З—В с небольшим отклонением к северу, имела размеры 251 × 110 см. Стенки ямы отвесные, дно — плоское. Основное заполнение ямы — слой серо-коричневой супеси с мелкими камешками. В центральной части ямы на протяжении всей ее длины прослежено пятно более темного гумуса шириной 48—51 см и длиной 200 см. В заполнении ямы обнаружены два фрагмента смятой обрезанной медной пластины (№ 1).

Костяк хорошей сохранности расчищен в слое темного гумуса на глубине 42—44 см от современной дневной поверхности и 21—24 см от уровня материка. Вероятно, он был помещен в деревянный гроб, фрагменты тлена от которого прослежены поверх металлических украшений. Скелет лежал на спине головой к востоку, с отклонением к югу 10°. Череп располагался прямо. Руки помещались прямо и были несколько разведены в стороны. Кости левой кисти разбросаны, вероятно, мелким грызуном. Ноги располагались прямо, стопы развернуты наружу. Костяк принадлежал женщине старше 50 лет.

На черепе обнаружены остатки пластинчатого венчика из оловяно-свинцового сплава шириной 1—1,1 см (№ 15). Венчик сохранился фрагментарно на участке лба. В районе головы и шеи находилось пять браслетообразных височных колец. Три кольца располагались вертикально в ряд справа около черепа и под правой ключицей (№ 5, 19, 20). Два кольца находились слева — у челюсти (№ 14) и под костями ребер (№ 21).Четыре кольца были сделаны из серебра, а одно из бронзовой проволоки (№ 5). У двух колец один из концов был раскован и обмотан вокруг другого (завязанные на одну сторону), у двух концы были загнуты крючками и сцеплены между собой. У бронзового экземпляра они просто перекрещивались. На шее погребенной находилась бронзовая витая из двух проволок гривна с пластинчатыми наконечниками (№ 13) и ожерелье из 28 стеклянных бус (№ 4) и двух подвесок, сделанных из денариев (№ 2, 12). Бусы располагались в области челюсти и ребер довольно редко и плотного ряда не образовывали. Всего собрано четыре цилиндрические ложнозерненые бусины из свинцово-оловянного сплава и 24 стеклянные бусины: две двухчастные синие лимоновидные, по одной одночастной синей и желтой лимоновидной, одна битрапецоидная белоромбическая, одна глазчатая гладкая светло-коричневая, восемь треугольных зонных красно-коричневых, по одной синей битрапецоидной, синей зонной, синей цилиндрической четырехчастной, призматической

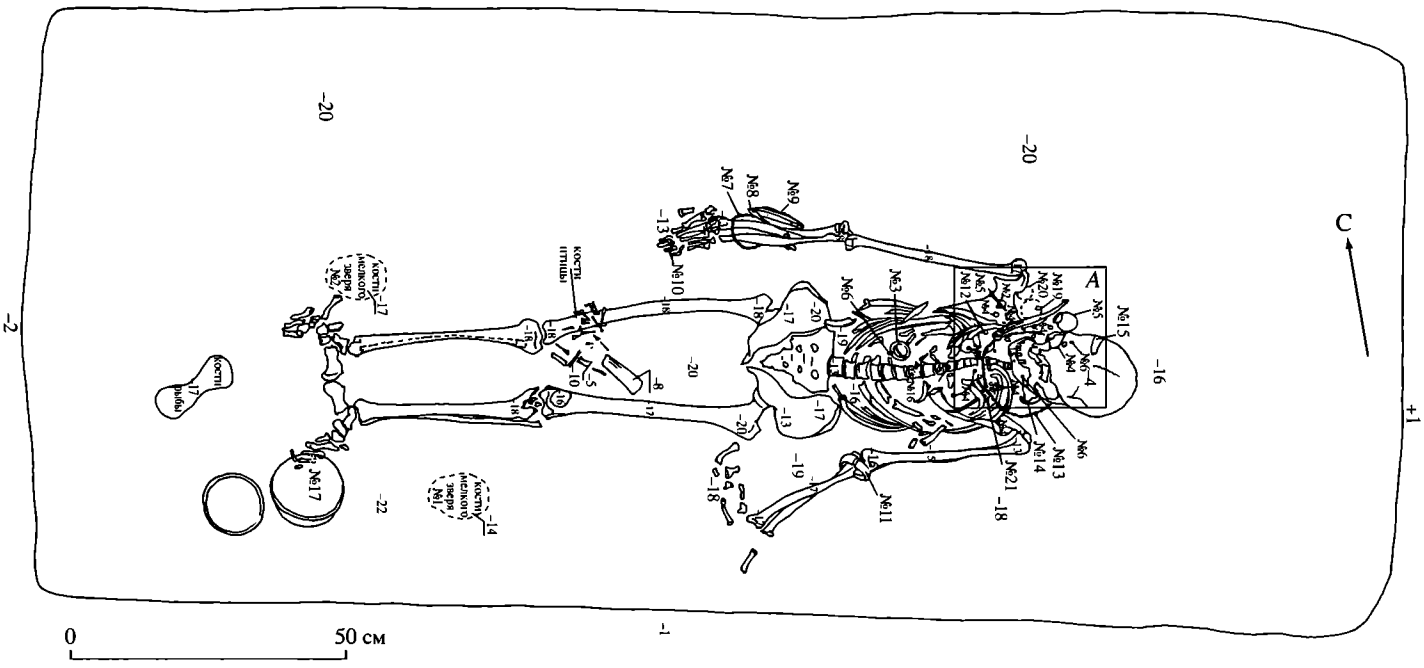


Рис. 227. Могильник Минино II. Погребение 17

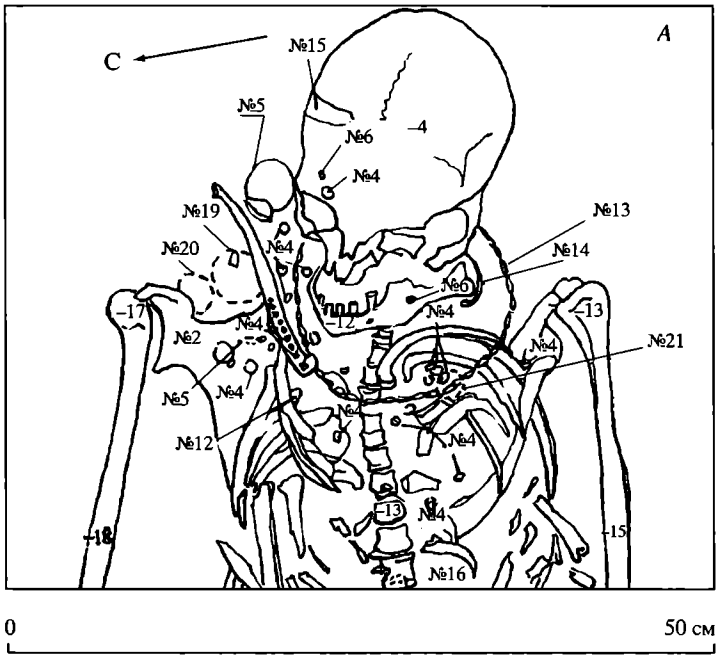


Рис. 228. Могильник Минино II. Погребение 17. Деталь

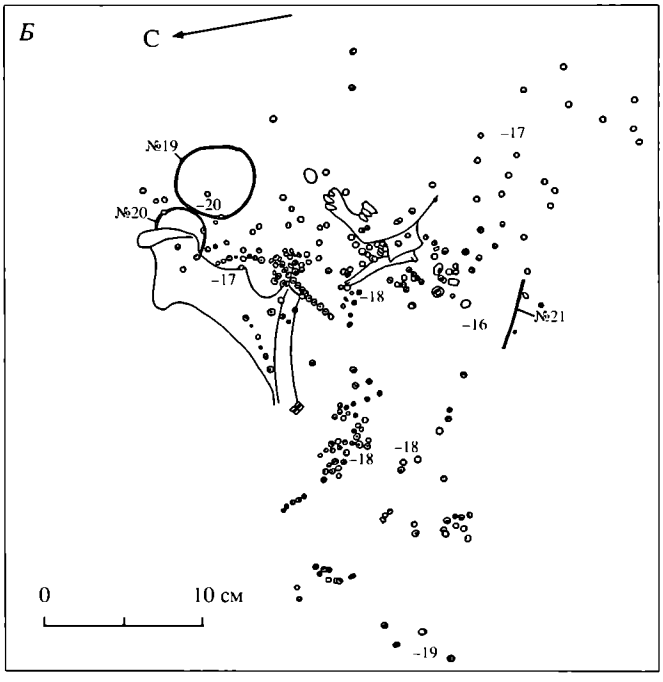


Рис. 229. Могильник Минино II. Погребение 17. Деталь

красно-коричневой с пластическим декором, цилиндрической серебростеклянной, две цилиндрических золотостеклянных, две красно-коричневых, одна бисерина из тянутой фиолетовой трубочки. Подвески из монет с приклепанными ушками (№ 12 — Бавария, Регенсбург, Оттон 976—982 гг.[2]; № 2 — Швабия, Страсбург, Генрих II (1002—1024) или Вернер I (1001—1028)) находились в центре ожерелья. Около позвоночника на груди лежала бронзовая подковообразная фибула со спиральными головками (№ 3). На локте левой руки погребенной был надет бронзовый пластинчатый браслет с расширяющимися концами (№ 11), на запястье правой руки — бронзовый витой браслет (№ 7). С внешней стороны запястья вертикально лежала роговая односторонняя расческа в футляре (№ 9). Рядом, под рукой, находился железный нож длиной 13 см с остатками деревянной рукояти (№ 8). На пальце правой руки был надет бронзовый круглопроволочный разомкнутый перстень (№ 10).

В области шеи и груди костяка найдены отдельные бисеринки (№ 6). После снятия костей под ними было обнаружено большое количество бисера, лежаще-

[2] Определение монет произведено членом-корреспондентом РАН П.Г. Гайдуковым.

Рис. 230. Могильник Минино II. Находки из погребения 17 и заполнения могильной ямы

1 — браслет (№ 11); *2* — подвеска-денарий (№ 2); *3* — подвеска-денарий (№ 12); *4* — лунница (№ 16); *5* — височное кольцо (№ 5); *6* — браслет (№ 7); *7* — височное кольцо (№ 19); *8* — бусины (№ 4); *9* — обрезки пластины (№ 1); *10* — бусины (№ 4) и бисер (№ 6). *1, 4–6, 8, 9* — цветной металл; *2, 3, 7* — серебро; *10* — стекло

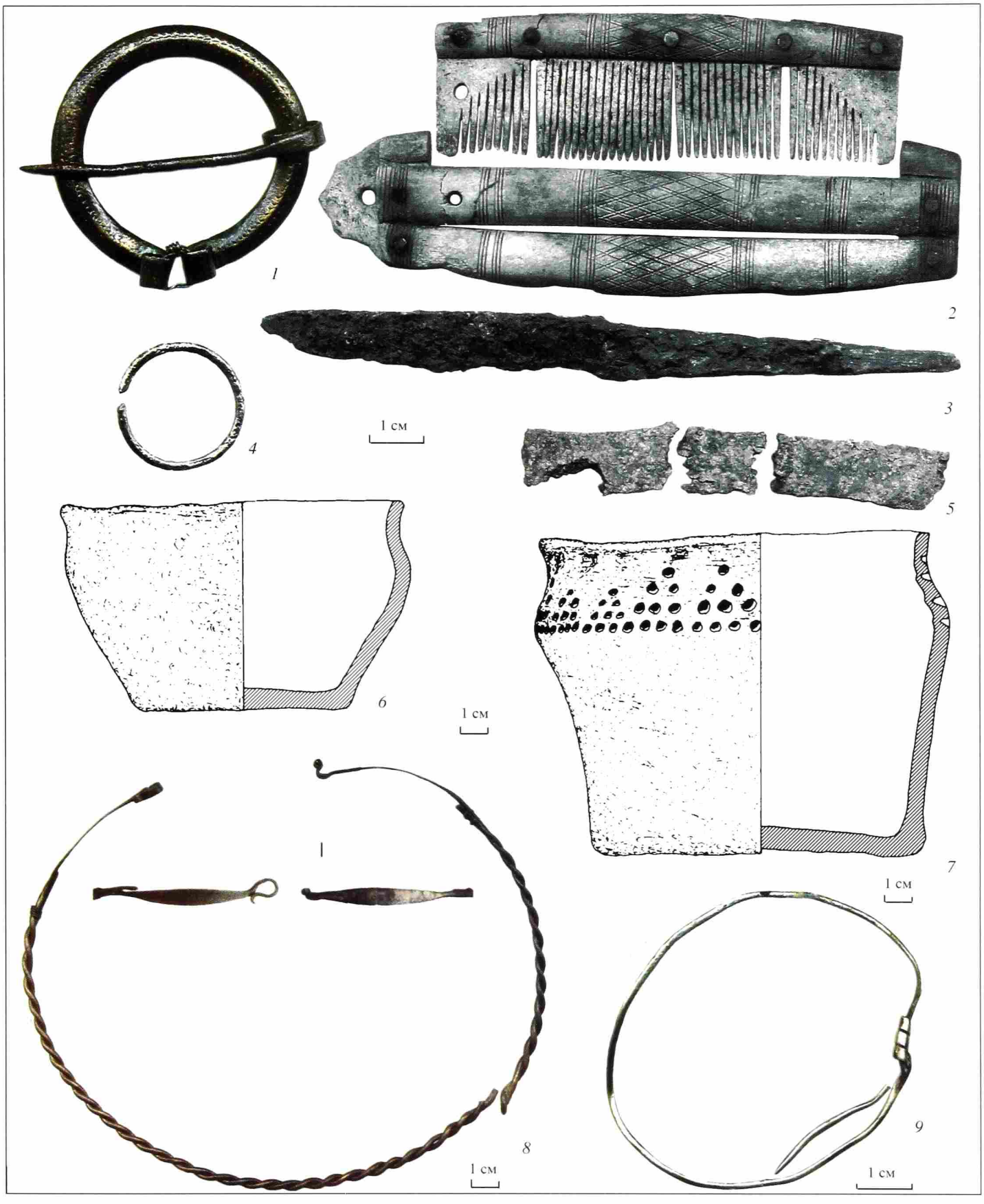


Рис. 231. Могильник Минино II. Находки из погребения 17 (продолжение)

1 — фибула (№ 3); *2* — расческа с футляром (№ 9); *3* — нож (№ 11); *4* — перстень (№ 10); *5* — головной венчик (№ 15); *6* — лепной сосуд (№ 18); *7* — лепной сосуд (№ 17); *8* — гривна (№ 13); *9* — височное кольцо (№ 14). *1, 4, 5, 8* — цветной металл; *2* — рог; *3* — железо; *6, 7* — глина; *9* — серебро

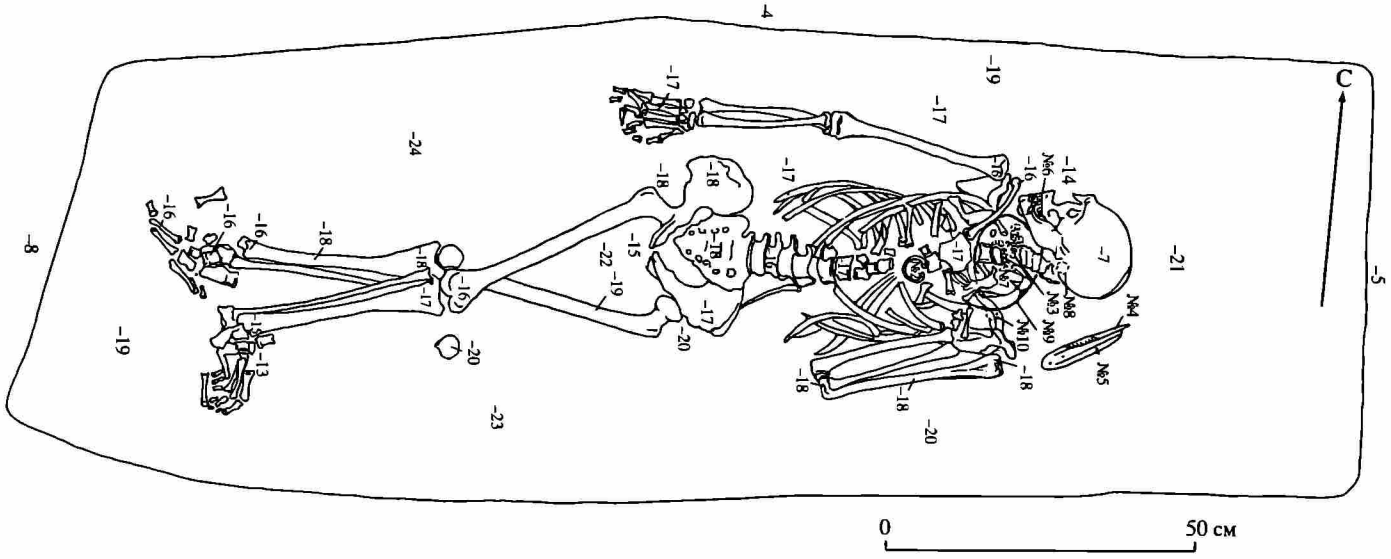


Рис. 232. Могильник Минино II. Погребение 18

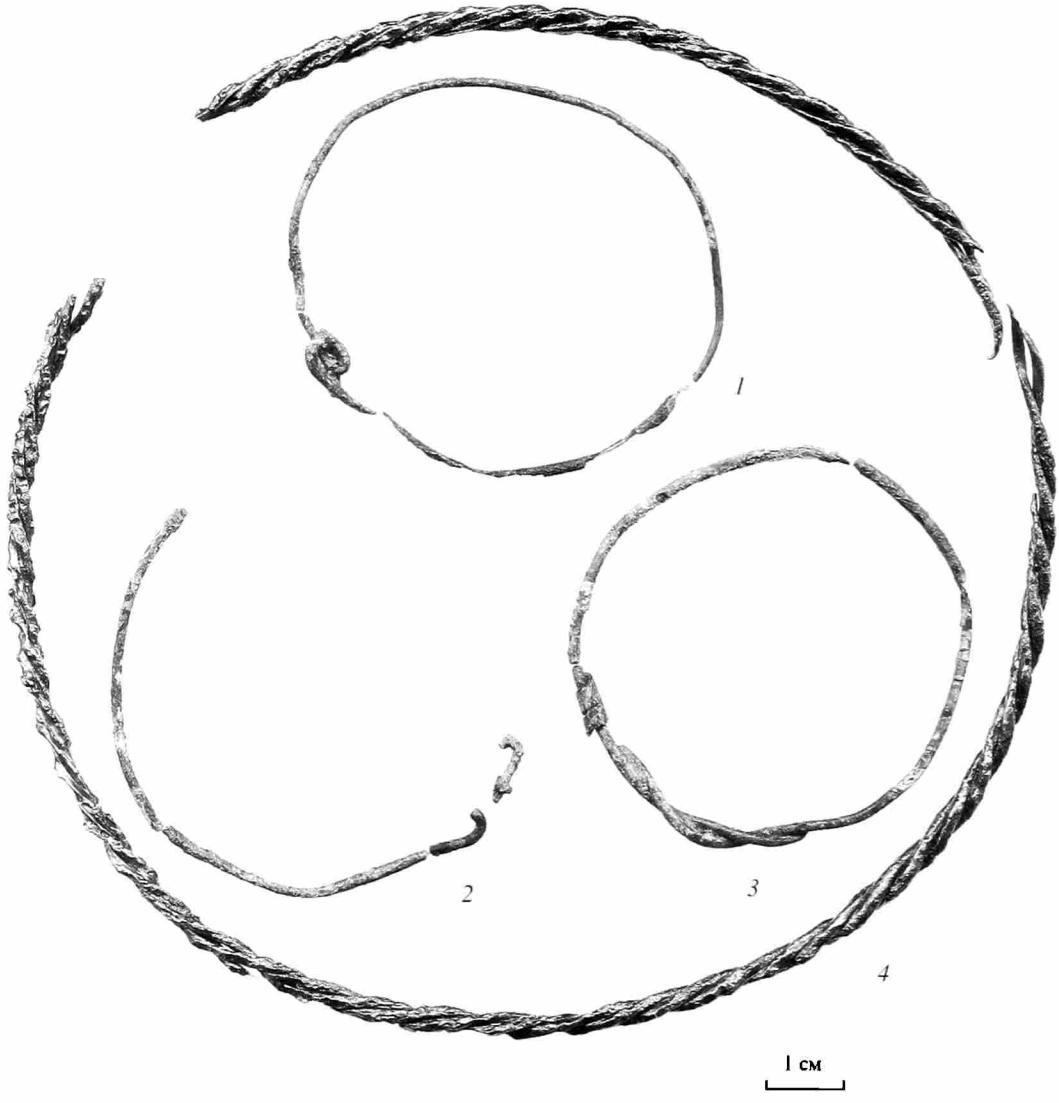


Рис. 233. Могильник Минино II. Находки из погребения 18

1 — височное кольцо (№ 7); *2* — височное кольцо (№ 6); *3* — височное кольцо (№ 8); *4* — гривна (№ 9). *1—4* — цветной металл

го в слое гумусированного песка (всего 366 шт.). Расчищены отдельные ряды бисера, идущие в разных направлениях. Вероятно, он был нашит на одежду. Под одним из позвонков в середине позвоночника лежала обломанная широкорогая ложнозерненая лунница из легкоплавкого сплава (№ 16).

В заполнении ямы в районе правого колена на 8—13 см выше костей ног размещались кости птицы (всего собрано около 50 костей) и фрагмент ребра крупного животного. Около правой стопы лежал скелет мелкого животного № 2, а в 10 см слева от левой голени — скелет мелкого животного № 1.

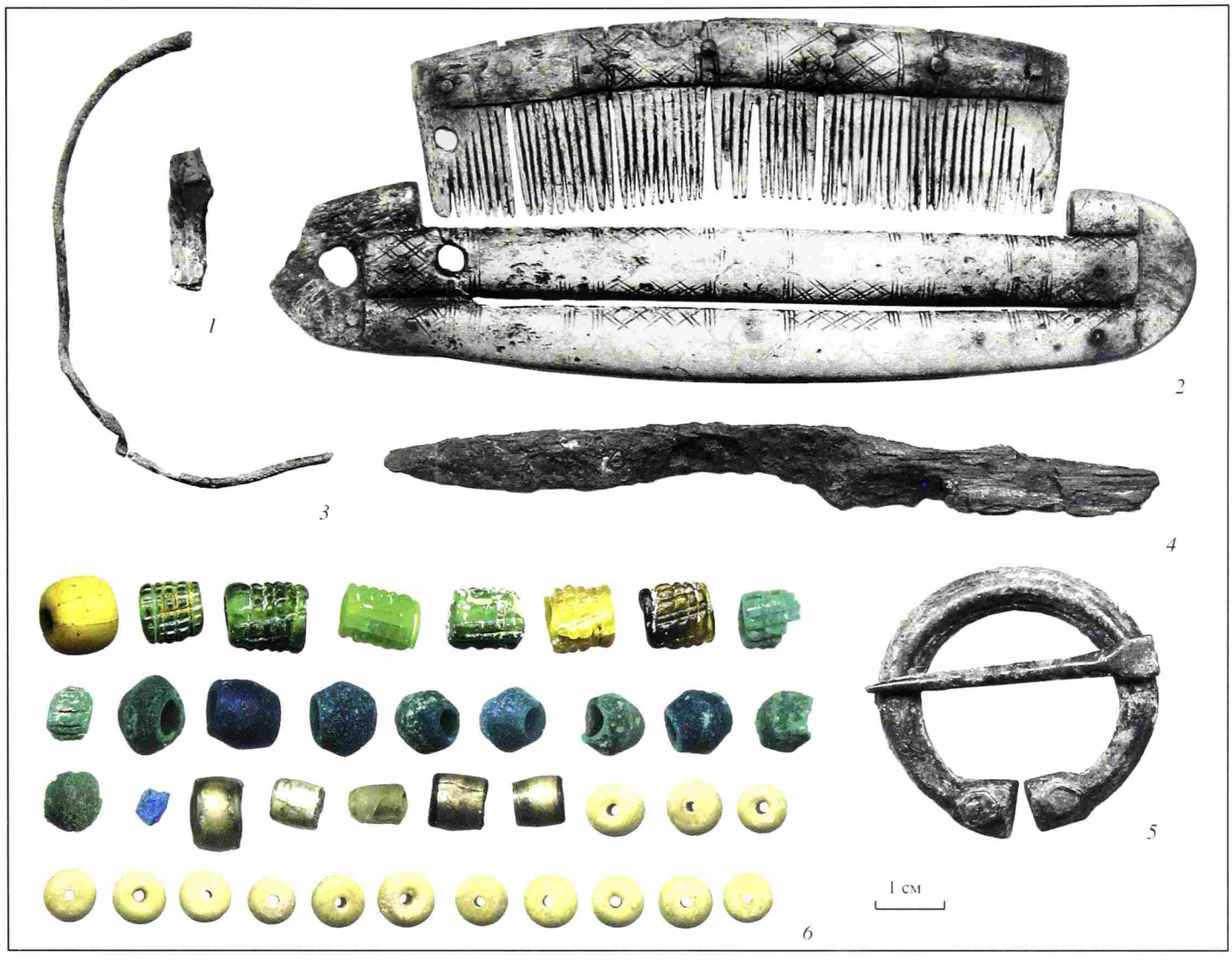


Рис. 234. Могильник Минино II. Находки из погребения 18 (продолжение)

1 — пластина (№ 1); *2* — расческа с футляром (№ 5); *3* — височное кольцо (№ 10); *4* — нож с остатками рукояти (№ 4); *5* — фибула (№ 2); *6* — бусины (№ 3). *1* — кремень; *2* — рог; *3, 5* — цветной металл; *4* — железо, дерево; *6* — стекло

В 16 см ниже ног собраны кости не менее двух рыб семейства карповых[3]. Около левой стопы погребенной вплотную стояли два целых лепных сосуда (№ 17, 18), на дне одного из них обнаружены четыре кости рыбы.

Погребение 18 (рис. 232–234) находилось в квадратах F-3, F-4. Могильная яма имела подпрямоугольную форму, вытянутую в широтном направлении. Контур ямы, заполнение которой составлял белый слабогумусированный песок, по верхнему уровню читался недостаточно четко. Длина ее была определена как 212 см, ширина как 78 см. Стенки ямы были отвесными. Западная стенка ямы шла не параллельно восточной, а была несколько скошена в западном направлении. В западной части заполнения ямы обнаружена кремневая пластина (№ 1). Костяк располагался на глубине 36 — 44 см от уровня современной дневной поверхности и 16 см от уровня поверхности материка. Он лежал на спине головой на восток с отклонением 6° к северу. Череп был повернут на правый бок, правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте под углом 180°, так что кисть располагалась на левом плече. Ноги были скрещены в коленях, ступни развернуты наружу. У погребенного диагностирован анкилоз в голеностопном суставе правой ноги (неподвижность стопы), возможно, являющийся результатом травмы[4]. Костяк принадлежал женщине 40 — 49 лет. На черепе и на металлических украшениях в области груди сохранились фрагменты древесного тлена от гроба.

С левой стороны около черепа погребенной в 6 см к югу от него расчищены лежащие параллельно роговая односторонняя расческа в футляре, украшенная ромбическим узором (№ 5) и железный нож

[3] С уверенностью можно утверждать, что одна рыба была лещом.

[4] Определение А.П. Бужиловой.

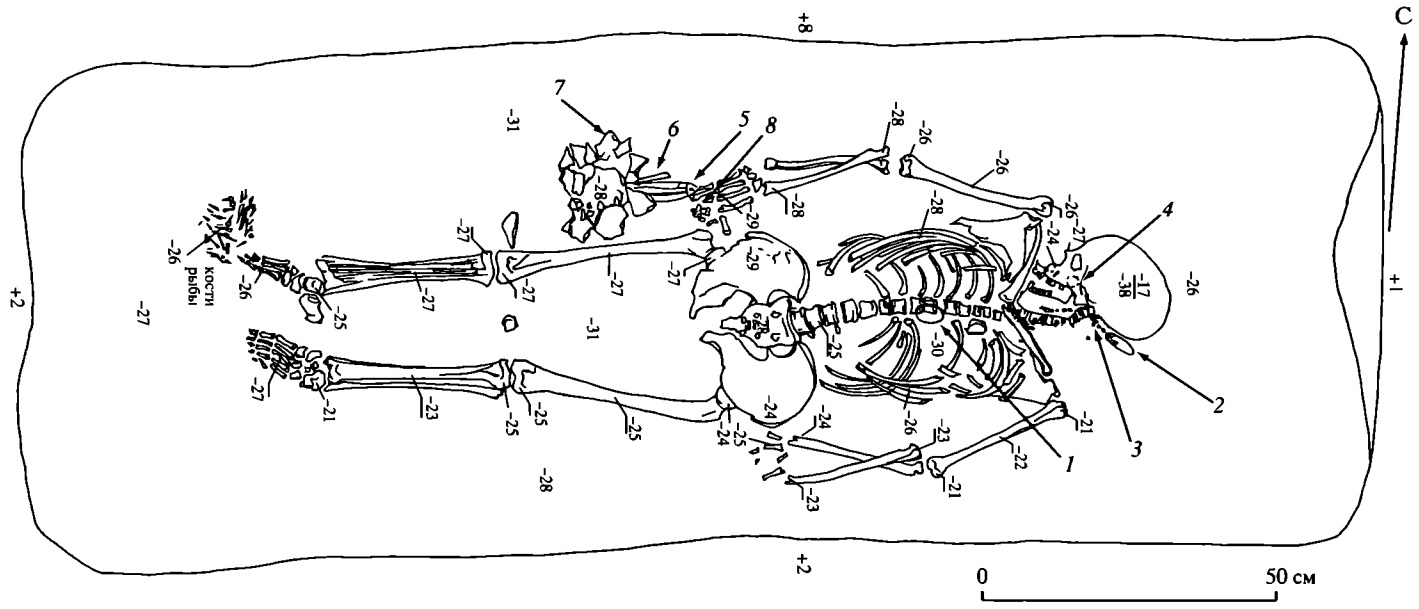


Рис. 235. Могильник Минино II. Погребение 19

длиной 11,5 см с остатками деревянной рукояти (№ 4). Нож располагался рукоятью вниз. В районе головы находились четыре бронзовых браслетообразных височных кольца (№ 6 – 8, 10). Все они были разломаны, части колец были сдвинуты. Одно из колец расчищено справа под нижней челюстью (№ 6), фрагменты другого находились под затылочной частью черепа и сзади около шеи, еще два – с левой стороны в районе шеи и под ключицей. Два кольца были завязанными на одну сторону. У двух других концы были оформлены в виде сцепленных крючков. На шее погребенной были надеты бронзовая витая из трех проволок гривна (№ 9) и ожерелье из 38 стеклянных бус (№ 3). Концы гривны находились впереди, один из них был обломан. Ожерелье из бус плотно облегало шею в два ряда. Пять бусин спускались вертикально на шее спереди с правой стороны, возможно, они представляли собой расшивку воротника. Бусины разных видов располагались вперемежку, не образуя системы. Всего собраны бусины следующих типов: одна лимоновидная желтая, четыре зеленых ягодовидных, две голубых ягодовидных, две желтых ягодовидных, девять голубых битрапецоидных, 14 зонных желтовато-белых, четыре цилиндрических.

В центре грудной клетки на позвоночнике лежала подковообразная фибула с гранчатыми головками (№ 2). На верхней и нижней поверхностях фибулы при увеличении были прослежены отпечатки отдельных длинных нитей, не переплетенных в ткань (бахрома платка или шали, скрепленной на груди фибулой?).

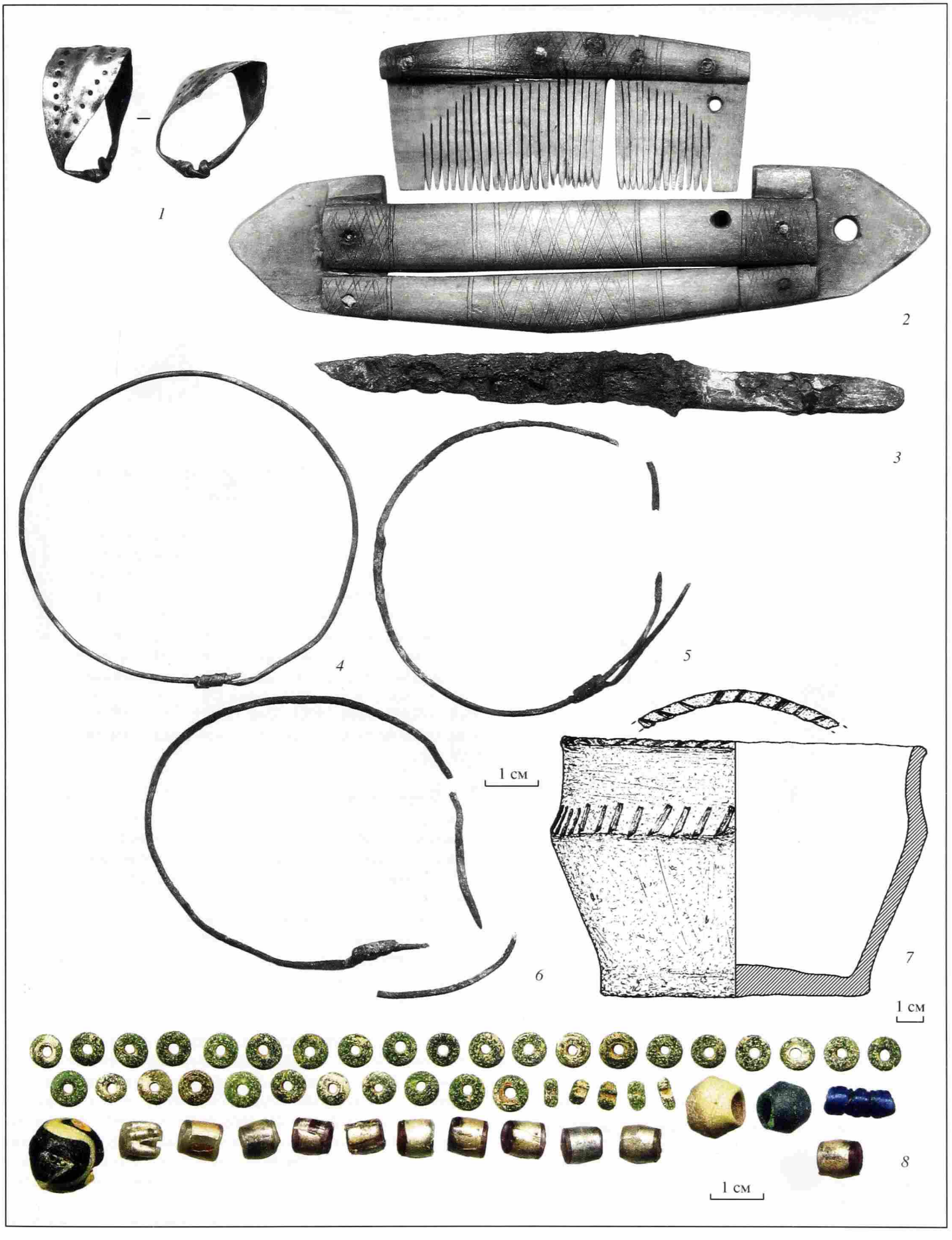
Погребение 19 (рис. 235, 236) располагалось в квадратах Е-4, Е-3, F-4 и F-3. Яма прямоугольной формы вытянута в направлении З – В с незначительным отклонением к югу. Размеры ямы по верхнему краю составляли 232 × 87 см. Стенки отвесные, дно плоское. Основная часть заполнения – светло-коричневый гумусированный песок. В заполнении ямы собраны 12 крупных и несколько мелких фрагментов лепных сосудов, 3 г мелких неопределимых кальцинированных костей, шесть необожженных костей животных и одна кость рыбы.

Костяк хорошей сохранности расчищен на глубине 54 – 59 см от уровня современной дневной поверхности и на глубине 31 – 42 см от уровня материка, имевшего ощутимое падение в южном направлении. Костяк лежал на спине головой на восток с отклонением к северу 5°. Череп был повернут на правую сторону, руки от плеч несколько разведены в стороны, локти раздвинуты. Кости кисти левой руки были перемешаны, часть костей отсутствовала. Ноги лежали прямо. Костяк принадлежал женщине 40 – 49 лет. На лежавшем на груди височном кольце прослежен фрагмент тлена от гроба.

Около головы погребенной, под черепом и в районе затылка, обнаружены два браслетообразных височных кольца, завязанных на одну сторону (№ 2, 4). Вероятно, первоначально кольца располагались в районе висков умершей по одному с каждой стороны. Третье такое же кольцо диаметром 5,6 см лежало на середине груди (№ 1). Вероятно, оно было использовано в качестве фибулы для скрепления концов платка или шали. В районе черепа и шеи собрано 49 стеклянных бус (№ 3). По их рядному расположению можно предположить, что на погребенной было надето ожерелье в одну нитку, довольно плот-

Рис. 236. Могильник Минино II. Находки из погребения 19

1 – перстень (№ 8); *2* – расческа с футляром (№ 5); *3* – нож с остатками рукояти (№ 6); *4* – височное кольцо (№ 2); *5* – височное кольцо (№ 1); *6* – височное кольцо (№ 4); *7* – лепной сосуд (№ 7); *8* – бусины (№ 3). *1, 4–6* – серебро; *2* – рог; *3* – железо, дерево; *7* – глина; *8* – стекло


1
2
3
4
5
6
7
1 см
1 см
8
1 см

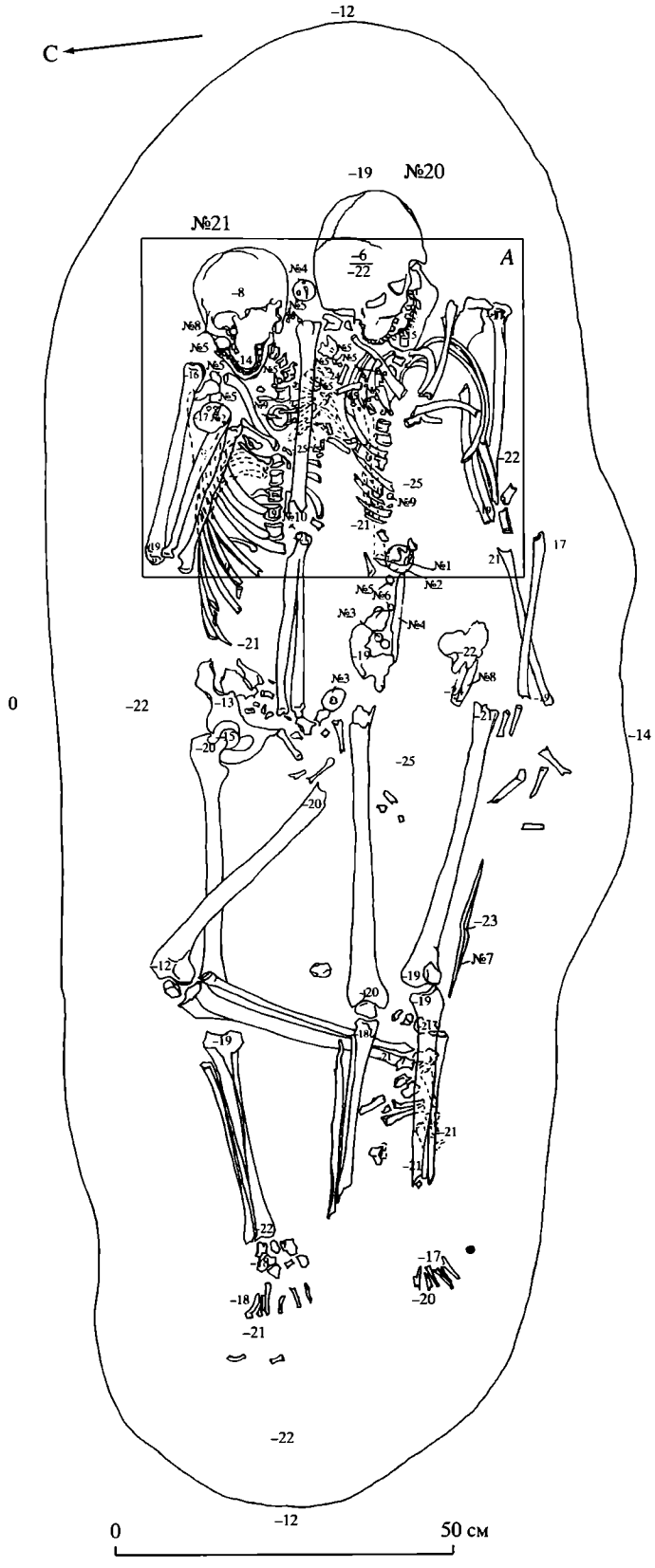


Рис. 237. Могильник Минино II. Погребения 20, 21

но облегающее шею. Ожерелье состояло из 34 навитых кольцевидных зеленых бус, десяти цилиндрических серебростеклянных и одной цилиндрической ребристой серебростеклянной, и по одной битрапецоидной желтовато-белой, битрапецоидной голубой, синей цилиндрической трехчастной, зонной

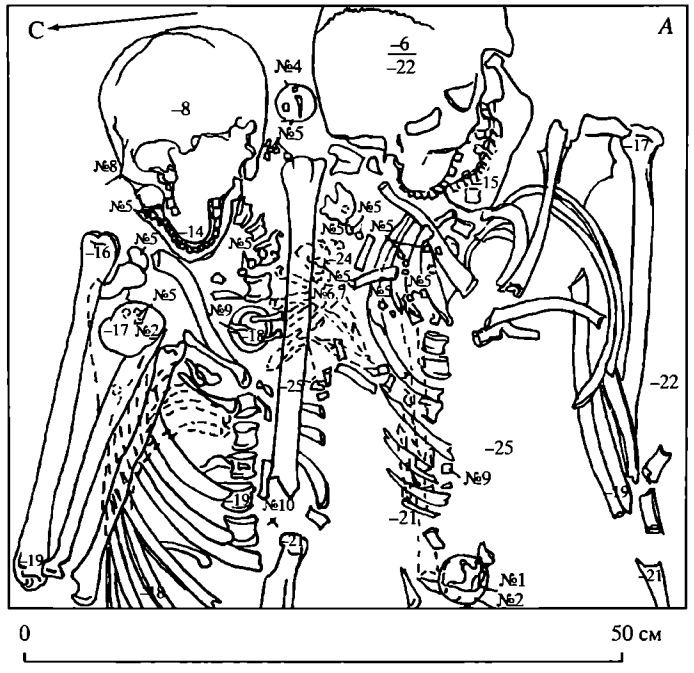


Рис. 238. Могильник Минино II. Погребения 20, 21. Деталь

черной с пластическим декором зигзаг и пятна. На фалангу одного из пальцев правой руки был надет кованый серебряный пластинчатый широкосрединный завязанный перстень с чеканным орнаментом (№ 8). Около кисти вертикально располагались роговая односторонняя расческа в футляре с ромбическим и линейным орнаментом (№ 5) и железный нож длиной 11,2 см с остатками деревянной рукояти, лежащий острием вниз (№ 6). Здесь же находился раздавленный лепной сосуд (№ 7). Около ступни правой ноги лежали кости двух рыб семейства карповых.

Погребения 20, 21 (рис. 237–240) исследованы в квадратах F-5, F-6 и G-5. Могильная яма овальной в плане формы вытянута в широтном направлении. Ее размеры составляли 221 × 85 см, стенки были отвесными. Плоское дно находилось на глубине 49 – 51 см от уровня современной дневной поверхности и 14 – 31 см от уровня материка, имевшего сильное падение в южном направлении. В верхней части северная половина ямы на всю длину заполнена слоем рыжей слабогумусированной супеси. Ширина слоя равна 37 см. Южная половина ямы на всю длину заполнена перемесом рыжей гумусированной супеси с серо-коричневой супесью. Постепенно ширина слоя рыжей гумусированной супеси сокращается, заменяясь ее перемесом с серо-коричневой супесью. На глубине 5 см от уровня поверхности материка в центральной части ямы оконтурилось пятно темного, почти черного гумуса в форме овала длиной 101 см, шириной 21 – 27 см, толщиной 2 см. В заполнении ямы обнаружена кремневая пластина (№ 1).

В яме расчищено парное погребение мужчины и женщины, лежавшее на слое гумусированной супеси толщиной 4 – 6 см. Костяк *погребения 20* лежал

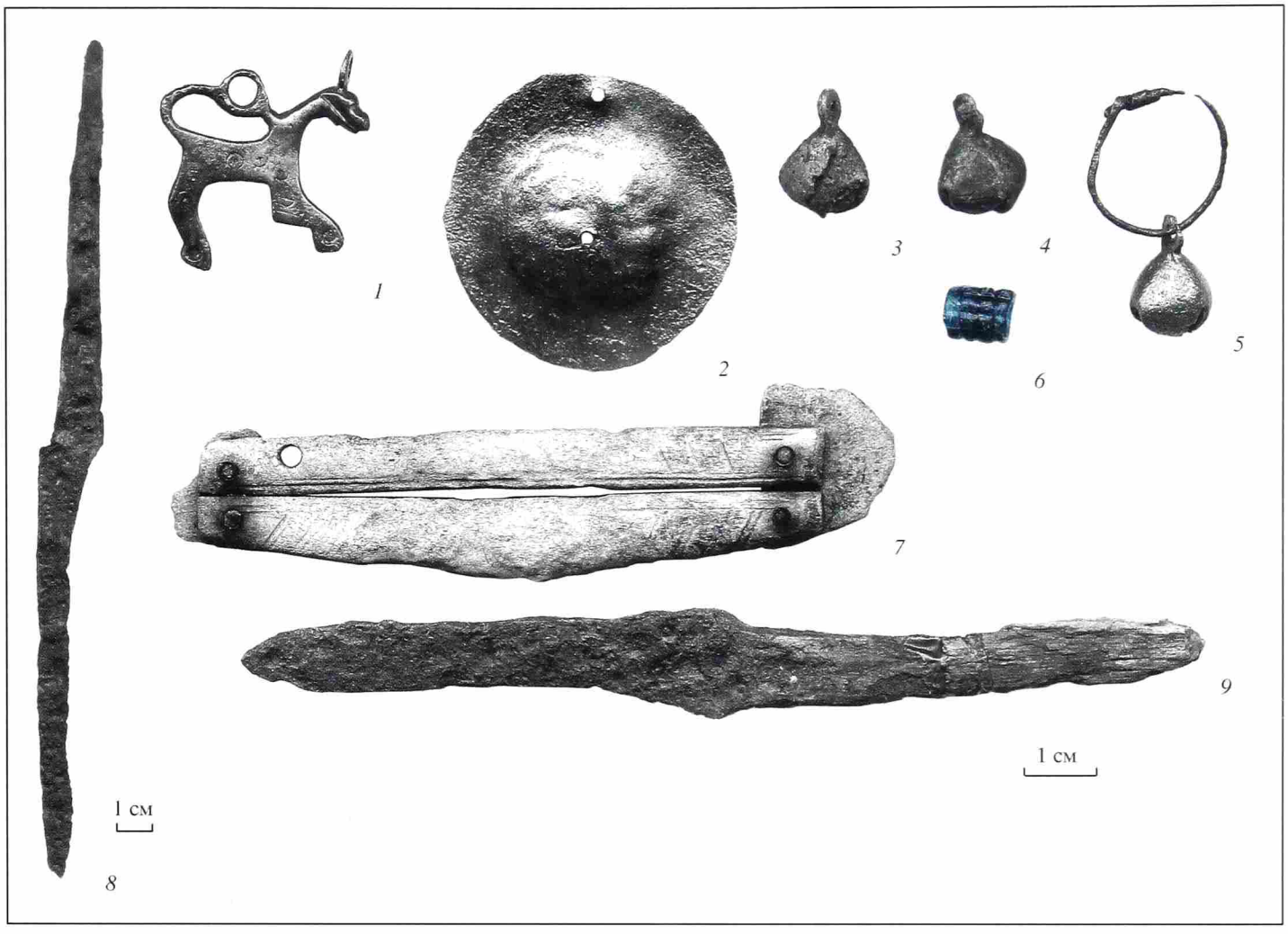


Рис. 239. Могильник Минино II. Находки из погребения 20

1 — зооморфная подвеска (№ 1); *2* — умбоновидная подвеска (№ 2); *3* — подвеска-бубенчик (№ 6); *4* — подвеска-бубенчик (№ 5); *5* — подвеска-бубенчик (№ 3); *6* — бусина (№ 9); *7* — футляр от расчески (№ 8); *8* — нож (№ 4); *9* — нож с остатками рукояти (№ 7). *1—5* — цветной металл; *6* — стекло; *7* — рог; *8* — железо; *9* — железо, дерево

на спине головой на восток с отклонением 7° к югу в южной половине ямы. Сохранность костяка средняя, многие мелкие кости и часть крупных истлели. Череп располагался на затылке, но был несколько склонен вправо к голове погребенного 21. Руки лежали вдоль тела, кости кисти левой руки находились в беспорядке. Костяк принадлежал мужчине 40—49 лет. Ноги располагались прямо. В центре груди погребенного на ребрах обнаружена стеклянная синяя ягодовидная бусина (№ 9). На костях таза и несколько выше, на животе, находился железный нож длиной 13,5 см с остатками деревянной рукояти (№ 4). Он располагался вдоль тела острием вверх. С правой стороны от него вдоль всей длины ножа расчищены три бронзовых грушевидных крестопрорезных бубенчика (№ 3, 5, 6). Они лежали в начале, середине и конце ножа. Бубенчик № 3 был нанизан на проволочное колечко диаметром 2,1 см, завязанное на одну сторону. Все бубенчики, вероятно, представляли собой украшение ножен. У острия ножа расчищены две бронзовые подвески, лежавшие в середине нижней части грудной клетки одна на другой. Сверху находилась подвеска-конек смоленского типа (№ 1), обращенная к черепу, под ней лежала круглая умбоновидная подвеска (№ 2). Слева под тазом расчищен роговой футляр от односторонней расчески с линейным орнаментом (№ 8). Сама расческа отсутствовала. Вдоль большой берцовой кости левой ноги (нижняя часть до колена) лежал железный нож с остатками деревянной рукояти длиной 24 см (№ 7). Судя по размерам, нож мог быть специальным боевым оружием.

Погребение 21 находилось в северной части ямы. Оно принадлежало женщине 30—39 лет. Костяк располагался на спине параллельно скелету мужчины, вплотную к нему. Голова женщины находилась около головы мужчины. Скорее всего, она была положена в яму первой. Из-за небольшой ширины ямы положенный сверху мужчина закрыл всю левую половину скелета женщины, так что его правая рука лежала около ее позвоночника поверх ребер. Кости лицевого отдела черепа и значительная часть верхней челюсти отсутствовали. Левая рука была вытянута вдоль тела, правая согнута в локте под уг-

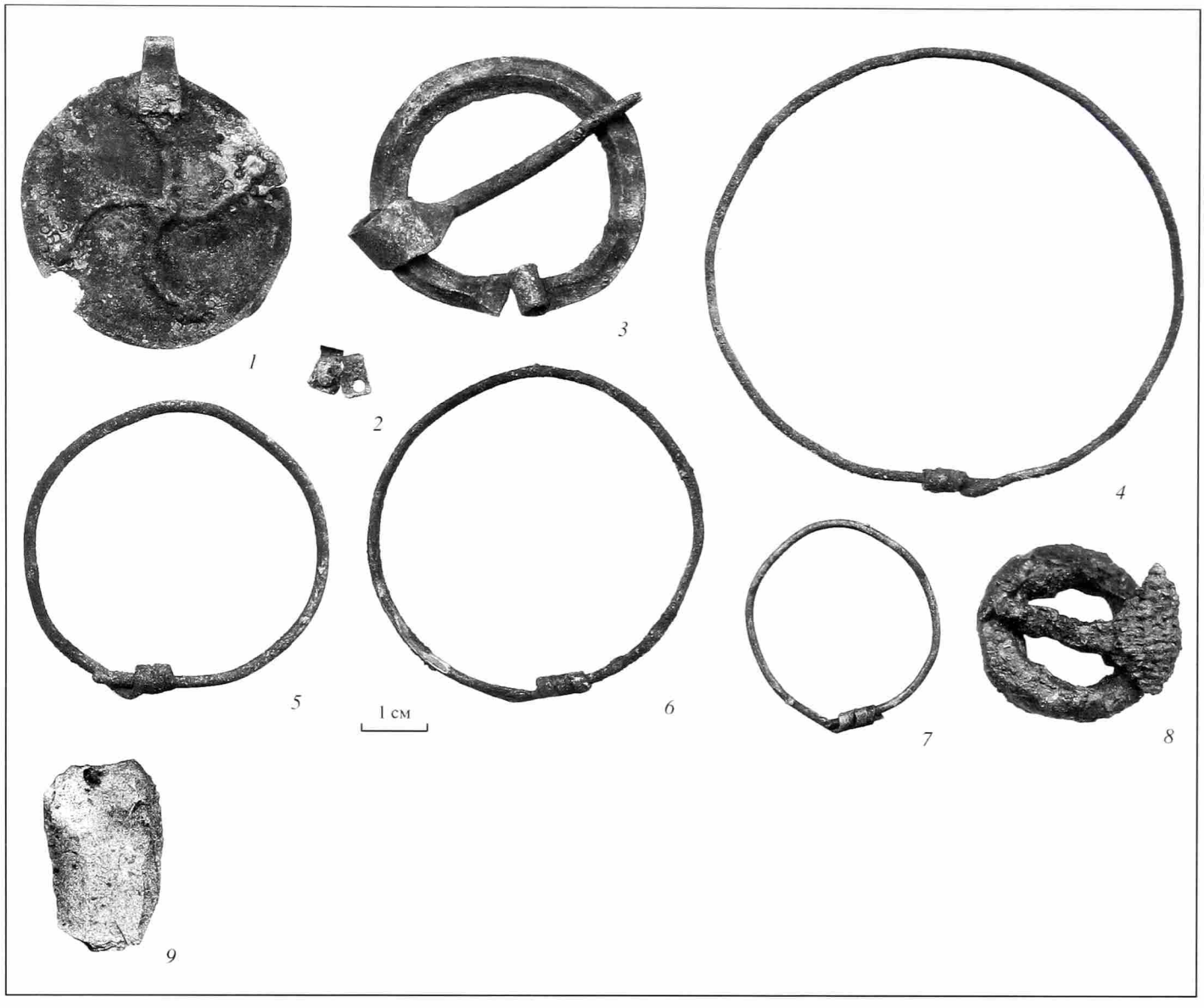


Рис. 240. Могильник Минино II. Находки из погребения 21

1 — умбоновидная подвеска (№ 2); *2* — ушко от подвески (№ 10); *3* — фибула (№ 9); *4* — височное кольцо (№ 8); *5* — височное кольцо (№ 6); *6* — височное кольцо (№ 4); *7* — височное кольцо (№ 7); *8* — поясная пряжка с остатками ткани (№ 3); *9* — пластина (№ 1). *1—7* — цветной металл; *8* — железо; *9* — кремень

лом 180°, кисть положена на грудь. Правая нога вытянута вдоль тела, левая сильно согнута в колене (под углом 90°), так что ее колено находилось поверх правой ноги, а кости стопы лежали под костями ног мужчины.

По бокам головы погребенной расчищено два проволочных браслетообразных височных кольца с завязкой на одну сторону (№ 4, 8), по одному с каждой стороны. Еще два бронзовых браслетообразных височных кольца, завязанных на одну сторону, располагались на левой ключице погребенной, одно внутри другого (№ 6, 7). Возможно, первоначально они размещались около черепа. На шее погребенной было надето ожерелье из стеклянных бус (№ 5), в центре которого находилась круглая металлическая подвеска (№ 2). Бусины ожерелья были смещены со своих первоначальных положений и располагались в районе черепа и груди женщины. Многие бусины скатились в левую сторону и лежали под скелетом мужчины. Всего собрано 45 бусин. Из них четыре зеленых ягодовидных, восемь серебростеклянных, две битрапецоидных — синей и оранжевой, одной бочонковидной зелено-коричневой глазчатой гладкой, зонных — синей, зеленой, десять желтовато-белых, четыре красно-коричневых, десять темно-коричневых с пластическим декором в виде двухцветных пятен, четыре треугольных темно-коричневых. Подвеска к ожерелью лежала на груди с правой стороны (ее край немного перекрывал кости правой согнутой руки, т.е. она лежала поверх руки). Она представляла собой вырезанный из листа биллона круг диаметром 4,1 см с пластинчатым приклепанным ушком. На ее лицевой поверхности сделан выпуклый рисунок в виде сегнерова колеса. В сере-

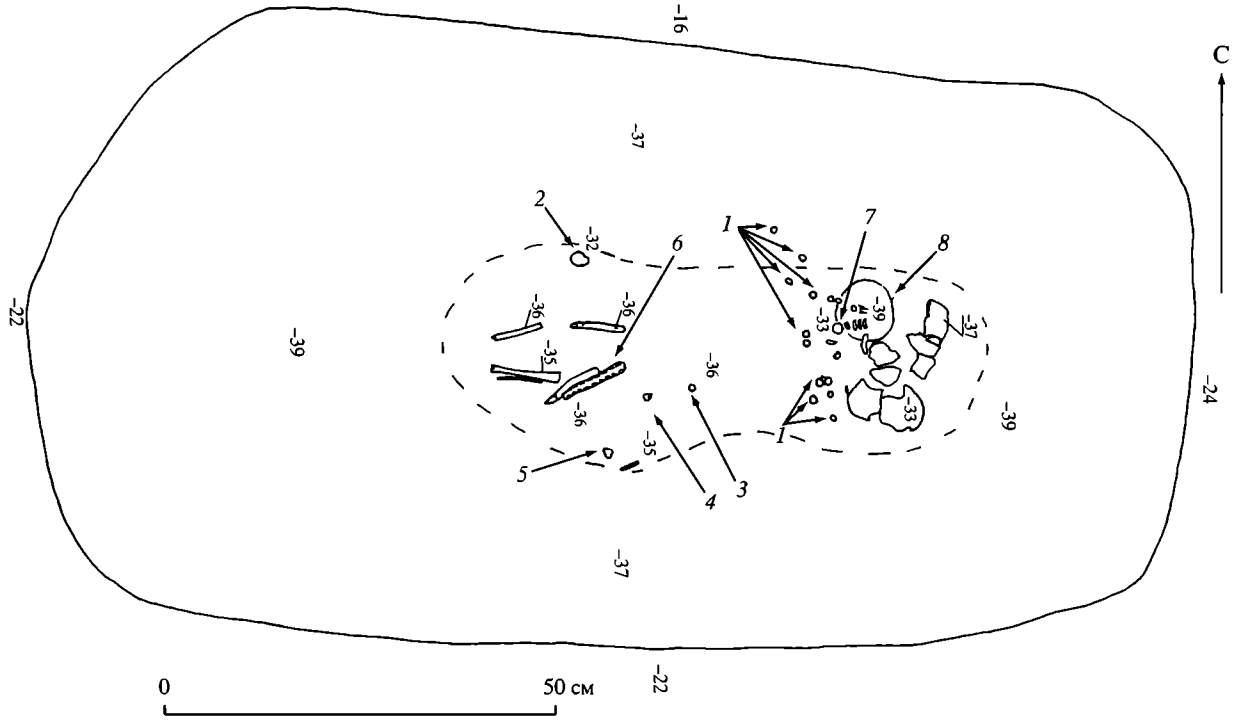


Рис. 241. Могильник Минино II. Погребение 22

дине груди погребенной находилась бронзовая подковообразная фибула со спиральными концами (№ 9). В средней части позвоночника около одного из позвонков лежало пластинчатое медное ушко от подвески с целой заклепкой (№ 10). На тазовых костях, на левом крыле, располагалась круглая железная пряжка с железным язычком (№ 3). На обороте пряжки сохранился фрагмент грубой ткани редкого плетения.

Погребение 22 (рис. 167, 241) выявлено в квадрате G-5. Яма, вытянутая в широтном направлении, в плане имела форму прямоугольника со скругленными углами. Размеры ямы 149 × 78 см, стенки прямые, заполнение — перемешанная рыжая и серо-коричневая гумусированная супесь. Общая глубина ямы составила 57 — 58 см от уровня современной дневной поверхности и 23 — 32 см от уровня поверхности материка. Яма располагалась в ряд с ямами погребений 20, 21, 23.

На дне ямы в центральной ее части зафиксировано пятно более темного гумуса овальной формы размерами 70 × 22 — 28 см. В его границах расчищены полуистлевшие кости ребенка в возрасте 6 — 12 месяцев. Лучше всего сохранились кости раздавленного черепа, находившиеся в восточной части ямы. Представлены также несколько позвонков шейного отдела и берцовые кости. Костяк лежал головой на восток без отклонения. Под костями черепа находилось браслетообразное височное кольцо, завязанное на одну сторону (№ 8). К западу от костей черепа собраны 40 стеклянных бус (№ 1). Они лежали в некотором беспорядке полосой длиной 28 см, шириной около 10 см, вытянутой в направлении С — Ю. Вероятно, они составляли ожерелье. Всего собрано 40 бусин, в том числе 19 близких бисеру зонных черных, 19 зонных зеленых и две желтовато-белые. Здесь же расчищена подвеска из денария (Фризия, Эмден, граф Генрих (1020 — 1051)) с медным пластинчатым ушком (№ 7). Поверх большой берцовой кости левой ноги лежал маленький железный ножичек длиной 7,5 см с остатками деревянной рукояти (№ 6). Нож находился в кожаных ножнах, от которых полностью сохранился треугольной формы выступ с ушком для подвешивания длиной 7,7 см. По краям выступа в коже была сделана перфорация, прошитая узкой бронзовой полоской. Центральная часть ушка была украшена двумя завитками, вышитыми такой же лентой. Слева от ножа и выше к черепу расчищены три бронзовых бубенчика (№ 3 — 5), лежавших в ряд вдоль тела погребенного на расстоянии 6 и 8 см один от другого. Верхний бубенчик находился в районе пояса. Справа на расстоянии 7 см от большой берцовой кости правой ноги обнаружена глиняная писанка с поливой (№ 2).

Погребение 23 (рис. 242, 243) находилось в квадрате F-5. Могильная яма в плане имела форму овала, контур ямы нечеткий, ее видимые размеры по верху составляли 100 × 49 см. Стенки ямы скошены к центру. В нижней части яма сужается до размеров 86,5 × 34 — 36 см. Заполнение ее представляет собой темную серо-коричневую гумусированную супесь. В нем в восточной части ямы обнаружена фаланга пальца взрослого человека. На дне ямы найдена кремневая пластина (№ 2). Яма погребения располагалась в ряд с ямами погребений № 20 — 22.

На глубине 28 — 29 см от уровня современной дневной поверхности и 4 — 8 см от уровня материка расчищен скелет ребенка в возрасте 9 — 12 месяцев. Костяк имел хорошую сохранность, он лежал на спине головой на восток с отклонением 5° к югу. Ко-

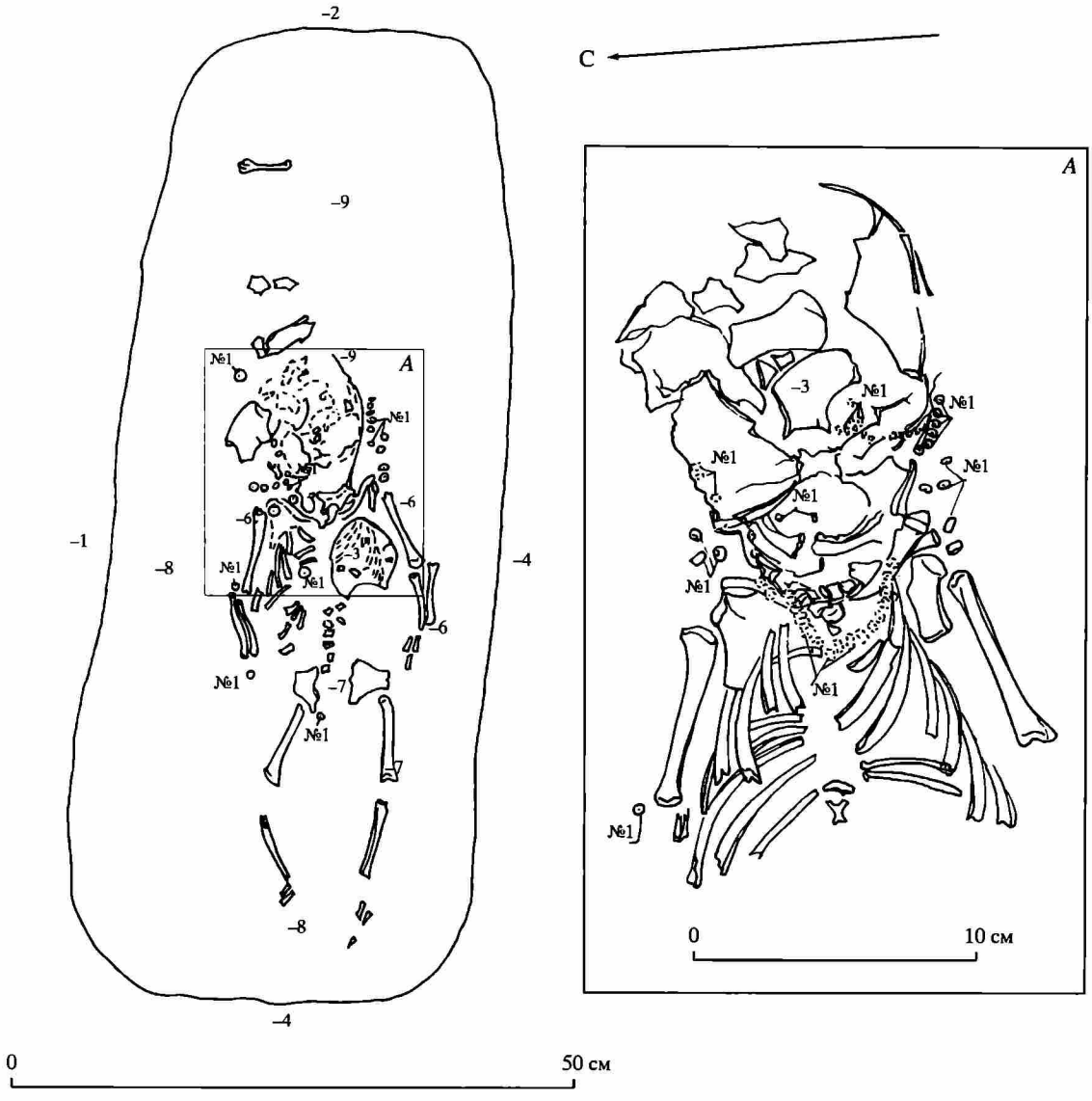


Рис. 242. Могильник Минино II. Погребение 23

Рис. 243. Могильник Минино II. Стеклянные бусины из погребения 23

сти верхней части черепа были раздавлены и смещены со своего первоначального положения. Один из крупных фрагментов находился в области грудной клетки. Нижняя часть черепа лежала на месте прямо. Руки и ноги ребенка вытянуты вдоль тела. В районе головы находилось ожерелье из 63 стеклянных бус (№ 1). Некоторая часть бусин лежала разрозненно от головы до таза преимущественно в правой части костяка. На шее обнаружен фрагмент ожерелья из плотно нанизанных бусин. Ряды бусин располагались также справа и слева вдоль черепа, а под черепом находился горизонтальный ряд. Очевидно, это была одна нитка, надетая на шею ребенка таким образом, что она лежала не по плечам, а была поднята под голову. Всего собрано 63 бусины: 57 — кольцевидные желтовато-белые, четыре зе-

леные зонные, одна красно-коричневая зонная и одна треугольная зонная черная.

Погребение 24 (рис. 244) обнаружено в квадрате G-3 в слое коричневой гумусированной супеси на контакте верхнего слоя и материка. Границы могильной ямы в плане не прослеживались. На 28 см от современной дневной поверхности расчищен костяк ребенка в возрасте около двух месяцев, лежавший на левом боку головой на восток, лицом на юг. Руки и ноги подогнуты. Череп раздавлен. Длина скелета составляла 42 см. Вещи отсутствуют.

Погребение 25 (рис. 245, 246) расчищено в квадрате G-4. Яма погребения, вытянутая в направлении З – В с небольшим отклонением к югу, имела овальную форму. Длина ямы равна 112 см, ширина по верху 27 – 38 см, в нижней части 27 – 30 см. Стенки ямы отвесные, дно плоское. Яма заполнена коричневым гумусом. Яма располагалась в ряд с ямами погребений 19 и 18. Костяк ребенка в возрасте полутора – двух лет хорошей сохранности расчищен в слое коричневой супеси в центральной части ямы на глубине 10 – 24 см от уровня материка и 55 – 57 см от уровня современной дневной поверхности. Костяк лежал на спине головой на восток с отклонением 18° к северу. Раздавленный череп лежал прямо, кости рук не сохранились, ноги располагались прямо. В районе шеи и грудной клетки ре-

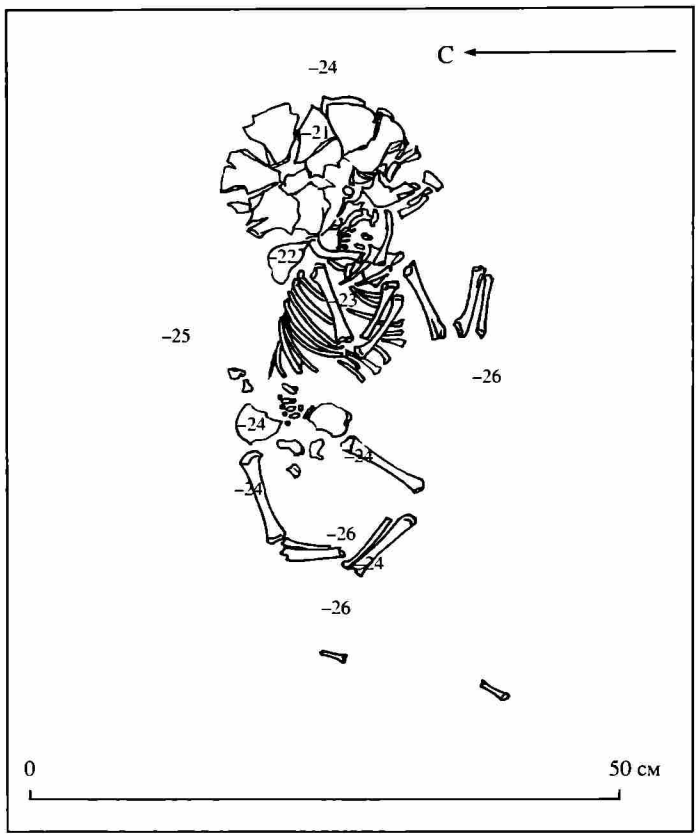


Рис. 244. Могильник Минино II. Погребение 24

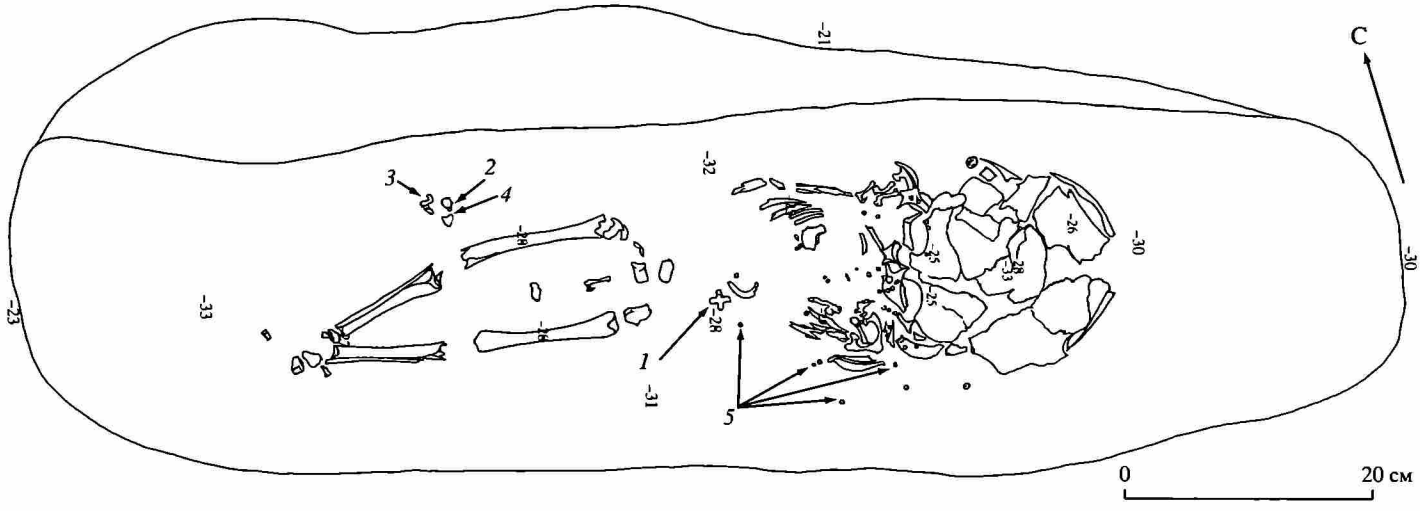


Рис. 245. Могильник Минино II. Погребение 25

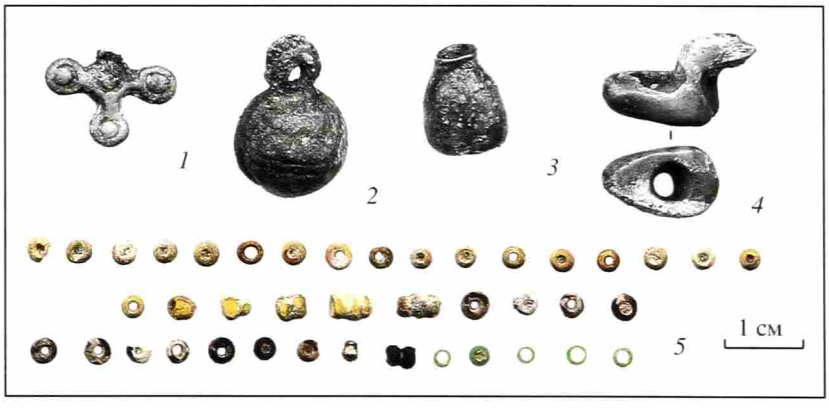


Рис. 246. Могильник Минино II. Находки из погребения 25

1 – крест-тельник (№ 1); *2* – подвеска-бубенчик (№ 2); *3* – колоколовидная пронизка (№ 4); *4* – зооморфная подвеска (№ 3); *5* – бусины (№ 5). *1–3* – цветной металл; *4* – минерал; *5* – стекло

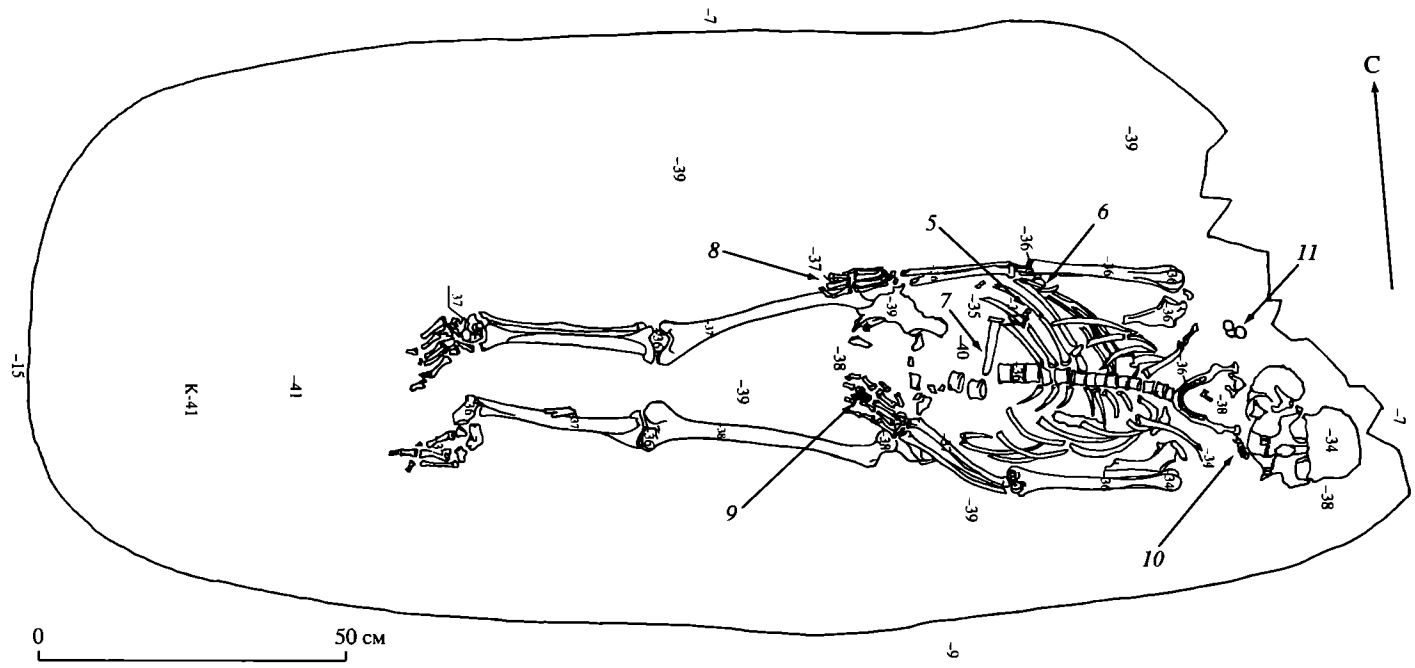


Рис. 247. Могильник Минино II. Погребение 26

бенка собраны 43 стеклянные навитые бисерины, лежащие в беспорядке (№ 5). Из них пять экземпляров были зелеными, 15 черными (1 двойная), 23 желтыми (2 двойные, 2 тройные). В области живота находился равноконечный крест-тельник из свинцово-оловянного сплава (№ 1). Справа от костяка (в 2 см от правого колена) расчищены три подвески, вероятно, висевшие на шнурках на поясе: бронзовый шаровидный линейнопрорезной бубенчик (№ 2), бронзовая колоколовидная пронизка (№ 4) и роговая подвеска-уточка (№ 3).

Погребение 26 (рис. 247, 248) обнаружено в квадратах Е-8 и Е-9. Могильная яма ориентирована по линии З — В с небольшим отклонением к югу. В восточной части пятно ямы прорезал фундаментный столб постройки 1960-х годов, поэтому ее первоначальная длина точно не установлена. Видимые размеры ямы составляют 226 × 100 см. Стенки прямые, дно — плоское. Заполнение ямы в верхней части представляло собой серо-коричневую супесь с мелкими камешками, в нижней прослежено пятно более темной гумусированной супеси, в котором и расчищен костяк. В заполнении собраны отдельные разрозненные кальцинированные кости, в основном мелкие неопределимые фрагменты трубчатых костей, среди которых имеется фрагмент коренного зуба человека. Общий вес кальцинированных костей равен 12 г. Из заполнения происходят одна кость рыбы и один фрагмент средневековой лепной керамики.

В слое серо-коричневой супеси в переотложенном состоянии находились три обожженные поясные накладки от одного набора (№ 1, 2, 4), бронзовое браслетообразное височное кольцо с крючками на концах (№ 3) и фрагмент еще одного (№ 12).

Костяк хорошей сохранности расчищен на глубине 57 — 59 см от уровня современной дневной поверхности и 31 — 32 см от уровня поверхности материка. Он лежал на спине головой на восток с отклонением 4° к югу. Череп располагался прямо. При сооружении столба фундамента лицевой отдел черепа был горизонтально срезан и смещен в юго-восточном направлении. Разрушения были минимальны, о чем свидетельствуют сохранившиеся in situ по обеим сторонам черепа связки височных колец. Правая рука располагалась вдоль тела, кисть левой была положена на таз. Ноги лежали прямо, кости стоп повернуты на левую сторону. Костяк принадлежал женщине 25 — 35 лет. Диагностирован перелом правых большеберцовой и малоберцовой костей. Под костями сохранились фрагменты древесного тлена от гроба.

Около головы погребенной справа и слева в районе висков находились связки проволочных перстнеобразных височных колец: семь слева (№ 10) и три справа (№ 11). Они располагались в ряд вместе с остатками органики, возможно, первоначально они были скреплены шнурком. Под ребрами около локтя правой руки обнаружен рубчатый замкнутый перстень (№ 6). Здесь же под ребрами, ближе к позвоночнику, расчищены бронзовая плоская прорезная подвеска (№ 5) и железный нож (№ 7). Нож располагался перпендикулярно позвоночнику, лезвием к позвонкам. Под этими предметами зафиксированы фрагменты древесного тлена. На средних пальцах обеих рук было надето по одному замкнутому щитковому шестиугольному перстню (№ 8, 9). На голени левой ноги расчищен фрагмент трубчатой кости животного, еще одна кость животного находилась на дне ямы ниже ног.

Погребения 27, 28, 32 (рис. 249, 250) обнаружены в квадратах F-7, F-8, E-7, E-8. Могильная яма в плане имела форму неправильного овала, с неровными краями. Длина ямы составляла 210 см, ширина от 62 см в западной части до 98 — 105 см в восточной.

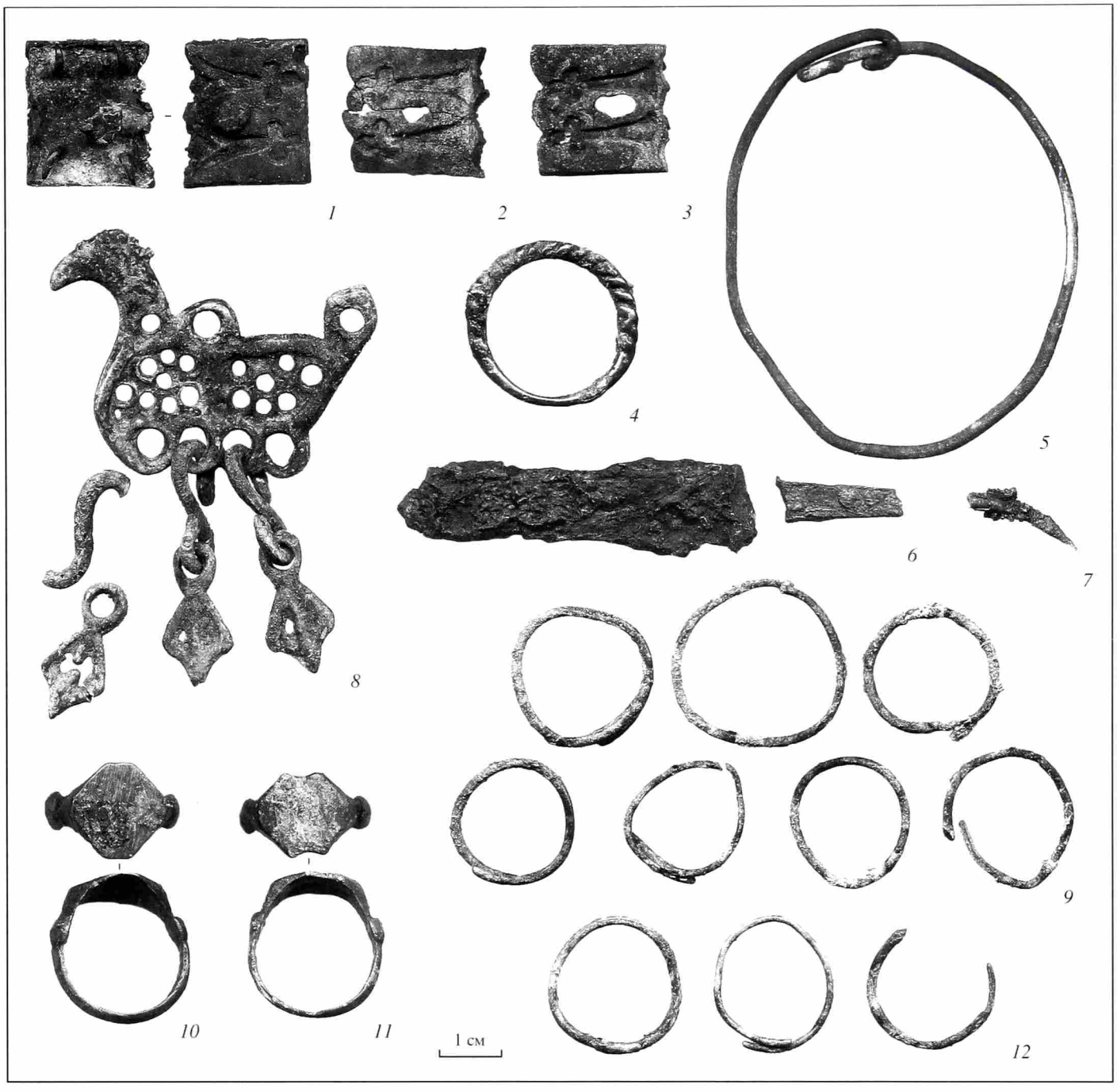


Рис. 248. Могильник Минино II. Находки из погребения 26 и заполнения могильной ямы

1 — накладка поясная (№ 1); *2* — накладка поясная (№ 2); *3* — накладка поясная (№ 4); *4* — перстень (№ 6); *5* — височное кольцо (№ 3); *6* — нож (№ 7); *7* — фрагмент височного кольца (№ 12); *8* — зооморфная подвеска (№ 5); *9* — височные кольца (№ 10); *10* — перстень (№ 8); *11* — перстень (№ 9); *12* — височные кольца (№ 11). *1–5, 7–12* — цветной металл; *6* — железо

Заполнение могильной ямы представляло собой перемешанную рыжую и серо-коричневую супесь. На глубине 60–68 см от уровня современной дневной поверхности и 15–41 см от уровня поверхности материка, имевшего сильный уклон в южном направлении, открыто парное погребение мужчины и женщины.

Оба костяка очень хорошей сохранности лежали на боку: женщина (погребение 27) на левом, а мужчина (погребение 28) на правом, головами на восток, лицами друг к другу, сомкнувшись лбами. Таз и ноги мужчины были развернуты прямо. Правая рука женщины располагалась вдоль тела, левая рука находилась под костяком прямо, от локтя она была несколько вытянута вперед и кисть положена под таз мужчины. Правая рука мужчины также была вытянута вдоль тела, от локтя она выдавалась вперед так, что ее кисть лежала поверх левого крыла таза женщины. Левая рука мужчины была согнута в локте и обнимала женщину (кисть лежала

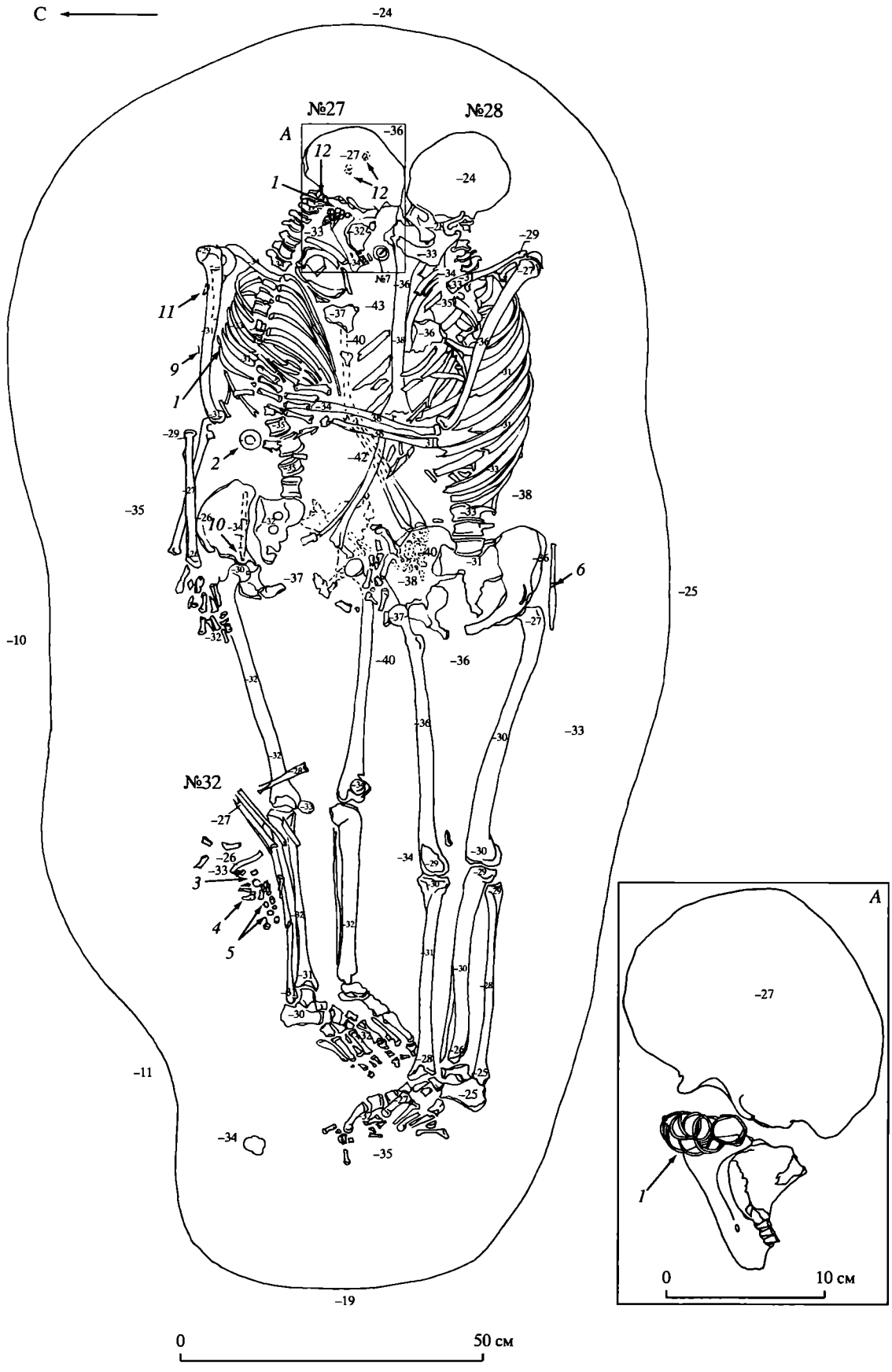


Рис. 249. Могильник Минино II. Погребения 27, 28

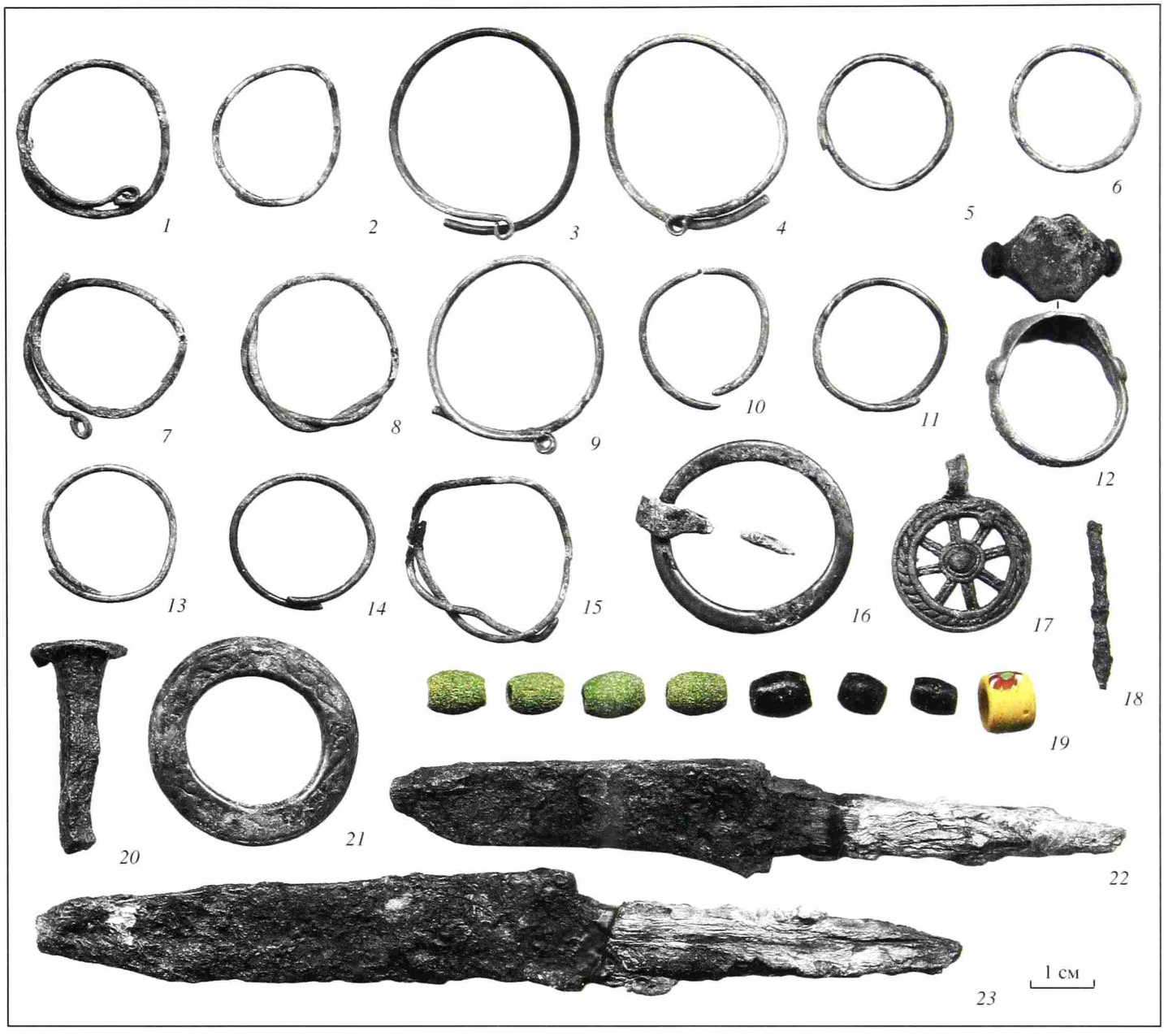


Рис. 250. Могильнтк Минино II. Находки из погребений 27, 28

1–6 — височные кольца (№ 12); *7–11, 13–15* — височные кольца (№ 1); *12* — перстень (№ 3); *16* — фибула (№ 7); *17* — подвеска (№ 4); *18* — игла (№ 9); *19* — бусины (№ 5); *20* — гвоздь (№ 20); *21* — поясное кольцо (№ 2); *22* — нож с остатками рукояти (№ 6); *23* — нож с остатками рукояти (№ 10). *1–17, 21* — цветной металл; *18, 20* — железо; *19* — стекло; *22, 23* — железо, дерево

на ее позвоночнике и ребрах). Ноги обоих костяков лежали прямо. Возраст погребенной женщины 45—49 лет, на костях стопы диагностирована травма голеностопа. Возраст погребенного мужчины 40—49 лет. У мужчины диагностирован заживший перелом носа.

Поверх правой ноги женщины в районе колена и верхней части голени на 3—4 см выше уровня костяка на участке размерами 25 × 15 см расчищены фрагменты трубчатых костей, ключица и отдельные мелкие кости ребенка 2—3 лет (*погребение 32*). Анатомический порядок костей нарушен.

Около черепа погребенной № 27 находилось два набора перстнеобразных височных колец. На нижней челюсти (правая сторона головы) расчищены семь колец, лежавших в два ряда. В нижнем ряду было четыре кольца, частично перекрывающих друг друга. Поверх них лежали еще три частично перекрывающих друг друга кольца. Здесь же находились два фрагмента бронзовой проволоки, один из них не был согнут в кольцо. Возможно, эти фрагменты использовались в креплении конструкции из височных колец (№ 1). Другой набор, также из семи перстнеобразных колец (№ 12), был обнаружен под черепом, на левой стороне головы. Из них четыре кольца лежали под шейными позвонками, а три под черепом. Между нижними челюстями погребенных лежала кольцевидная фибула с обло-

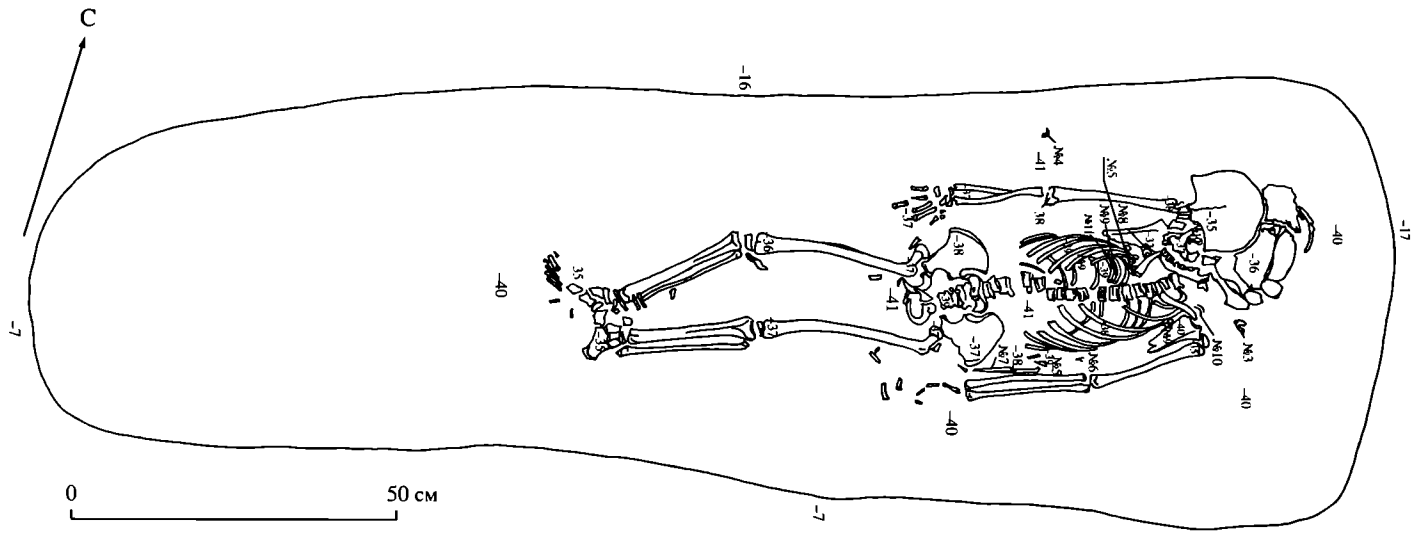


Рис. 251. Могильник Минино II. Погребение 29

манной иглой (№ 7). Точно определить, кому именно она принадлежала невозможно. Около плечевой кости правой руки погребенной женщины (под ней) расчищен железный гвоздь с обломанным концом (№ 11), последний находился между рукой и ребрами. Чуть ниже располагалась железная игла (№ 9). В области пояса погребенной справа лежало бронзовое поясное кольцо лицевой стороной вниз (№ 2). Под правым крылом таза погребенной вертикально обнаружен железный нож с остатками деревянной рукояти (№ 10). Около верхней части голени правой ноги женщины находились бронзовый щитковый перстень с шестиугольным щитком (№ 3[5]), металлическая круглая ажурная подвеска (№ 4) и восемь стеклянных бусин (№ 5), положенные, видимо, в качестве дара. Среди бусин четыре непрозрачные зеленые эллипсоидные, три такие же черные и одна непрозрачная желтая глазчатая гладкая цилиндрическая. Кости детского погребения № 32 лежали над этими вещами.

Мужское погребение № 28 сопровождалось железным ножом с остатками деревянной рукояти (№ 6), лежавшим вертикально вдоль левого края костей таза.

Погребение 29 (рис. 251, 252) находилось в квадратах С-8, С-9, D-8, D-9. Могильная яма ориентирована по линии ЮЗ – СВ. Она имела в плане прямоугольную форму. Длина ямы составляла 209 см, ширина в западной части 59 – 60 см, в восточной – до 70 см. Стенки ямы отвесные, только в западной части ямы они имеют небольшой скос к центру. Яма была заполнена серо-коричневой супесью с мелкими белыми камешками, в которой зафиксирована полоса слоя черно-коричневой углистой супеси шириной 22 – 25 см, располагающаяся по центру по всей длине ямы. В юго-восточной части ямы прослежены два фрагмента обгорелого дерева длиной 7 и 12 см, шириной чуть больше 3 см, находящиеся под углом 90° один к другому. В заполнении ямы погребения 29 обнаружены две кремневые пластины (№ 2, 32[6]) и железная подковообразная фибула со спиральными головками (№ 1). Фибула была обожжена. В верхней части заполнения ямы на всей ее площади собраны отдельные кальцинированные кости. Среди них определимы обломки трубчатых костей человека. Из заполнения происходят 17 фрагментов лепной средневековой керамики (15 из них принадлежат одному сосуду), концентрирующихся преимущественно в южной части ямы, и три кремневых отщепа.

На глубине 34 – 38 см от уровня рыжей супеси (слой эпохи мезолита) и 51 – 57 см от уровня дневной поверхности расчищен скелет ребенка в возрасте около семи лет, лежавший головой на восток с отклонением 21° к северу. Кости имели хорошую сохранность. Череп лежал прямо, склоненный к правому плечу. Руки были вытянуты вдоль тела, кости кисти левой руки в беспорядке. Ноги вытянуты, правая немного согнута в колене. Около головы погребенного обнаружены два перстнеобразных височных кольца: бронзовое кольцо с заходящими концами лежало под черепом (№ 12), фрагменты другого из свинцово-оловянного сплава расчищены над левой ключицей (№ 10). В районе грудной клетки располагались семь стеклянных бусин: шесть кольцевидных желтых и одна кольцевидная двухчастная темно-коричневая (№ 9), и три узкорогие литые лунницы из свинцово-оловянного сплава (№ 3, 8, 11) – остатки рассыпанного ожерелья (лунница № 3 лежала слева от головы). Около локтя правой руки расчищен фрагмент железного гвоздя (№ 4). Около правой руки, между рукой и ребрами, на расстоянии 5 см одна от другой лежали две железные иглы (№ 5, 6). Здесь же, чуть ниже вдоль лучевой кости левой руки находился железный нож длиной

[5] Нумерация находок в яме для всех погребений единая.

[6] Пластина № 32 вошла в список находок второго пласта.

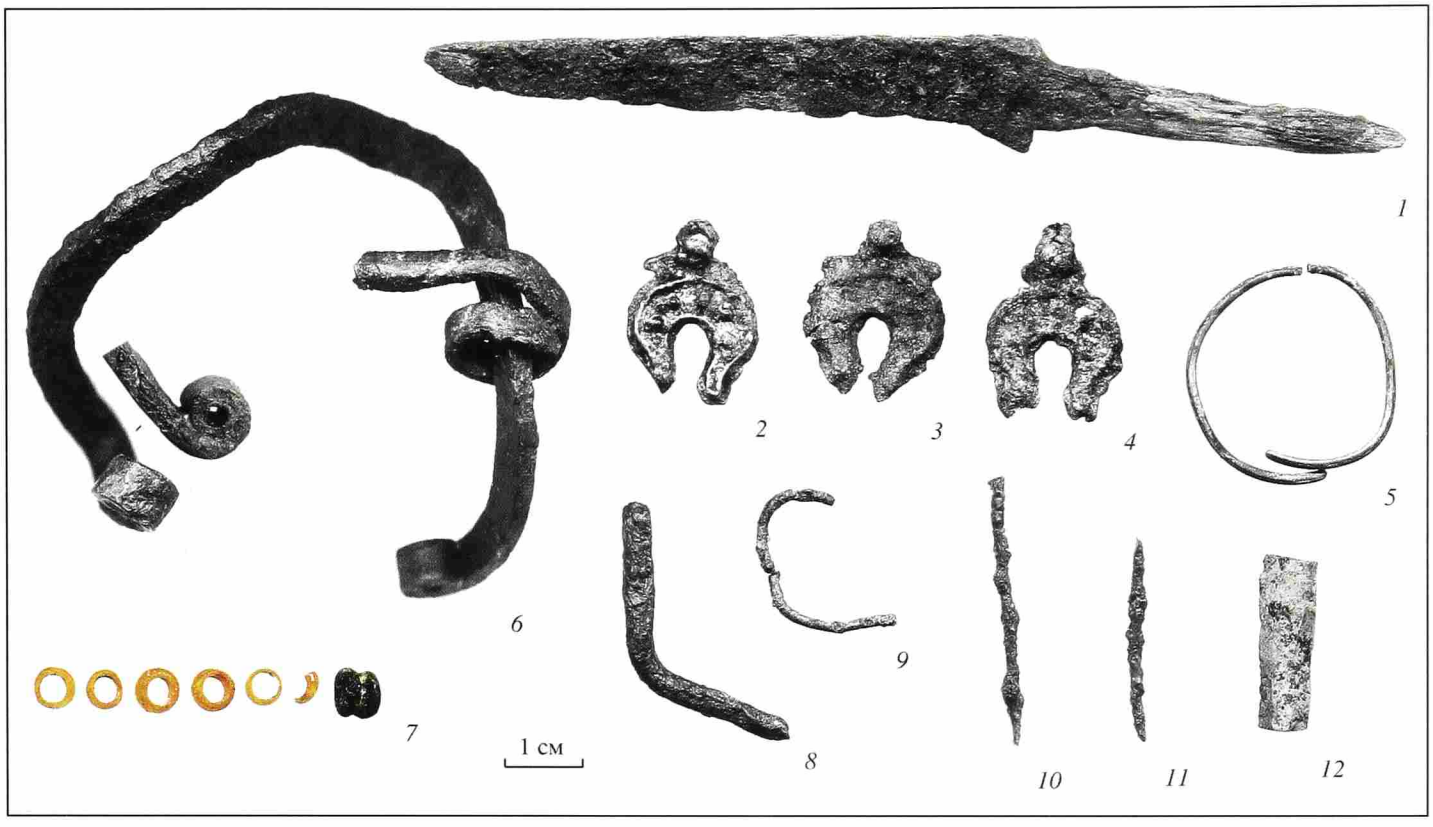


Рис. 252. Могильник Минино II. Находки из погребения 29 и заполнения могильной ямы

1 — нож с остатками рукояти (№ 7); *2* — лунница (№ 3); *3* — лунница (№ 8); *4* — лунница (№ 11); *5* — височное кольцо (№ 12); *6* — фибула (№ 1); *7* — бусины (№ 9); *8* — фрагмент гвоздя (№ 4); *9* — височное кольцо (№ 10); *10* — игла (№ 6); *11* — игла (№ 5); *12* — пластина (№ 2). *1* — железо, дерево; *2–5, 9* — цветной металл; *6, 8, 10, 11* — железо; *7* — стекло; *12* — кремень

12,4 см с остатками деревянной рукояти (№ 7). Нож располагался ручкой вверх.

Погребение 34. В квадрате G-3 на контакте пахотного слоя и материка на глубине 25 — 28 см обнаружены поясничный позвонок и кости стопы молодого индивида 20 — 29 лет, находящиеся в переотложенном состоянии. Вместе с ними располагались лимоновидная желтая двухслойная стеклянная бусина из тянутой трубочки (№ 43) и серебряное перстнеобразное височное колечко с загнутым концом (№ 45).

Яма 1, Погребения 30, 31, 33 (рис. 253 – 255). Яма 1 выявлена в квадратах C-3, C-4, C-5; D-3, D-4, D-5, E-4 в виде пятна овальной формы, вытянутого в широтном направлении. Размеры ямы по верху составляют: СЮ — 241 см, ЗВ — 435 см. Яма имеет форму чаши и плоское дно. Общая глубина ямы от уровня поверхности материка равна 50 — 59 см. Размеры ямы по дну — 408 × 150 — 222 см. Заполнение ямы состоит из трех основных слоев. Верхнюю его часть составляет слой серо-коричневой супеси толщиной 38 — 45 см с максимальной мощностью в центре ямы, где он проседает к ее дну. В этом слое собран ряд находок, часть которых носит следы пребывания в огне: фрагменты двух роговых расчесок (№ 2, 8), оплавленная стеклянная мозаичная бусина (№ 5), железная фитильная трубка (№ 9), железный нож (№ 7). Необожжеными были стеклянная желтая бисерина (№ 3), бронзовые одночастная поясная пряжка (№ 4), кольцевидный разделитель ремня (№ 14), перстень с прорезным щитком (№ 23), железный клин из ножа (№ 12), пластина с остатками дерева (№ 15) и стержень прямоугольного сечения (№ 22). Из этого же слоя происходят круглый железный гвоздь, 64 фрагмента средневековой лепной керамики, три осколка кремня, восемь костей животных, 0,2 г костей рыбы и отдельные разрозненные и фрагментированные кости человека, среди которых находились кости нижних конечностей мужчины в возрасте 35 — 39 лет (***погребение 33***). В серо-коричневой супеси собраны 129 г кальцинированных костей разной степени обжига, залегающие во всей толще слоя. Среди них определяются фрагмент бедренной кости и мелкие фрагменты большеберцовой кости, ногтевая фаланга взрослого человека, корень резца взрослого человека (женщина?) и мелкие фрагменты костей черепа, а также коронка коренного зуба ребенка 9 — 24 месяцев. Фрагменты керамики принадлежат трем сосудам, причем фрагменты одного из них обнаружены также в заполнении ямы погребения 19 и в квадратах D-3, E-3, C-4, F-5 и E-6 в пахотном слое. Фрагменты от двух других сосудов обнаружены в яме 1 и заполнении ямы погребения 19.

Слой черной углистой супеси, залегающий ниже почти по всей площади ямы, также проседая к ее цен-

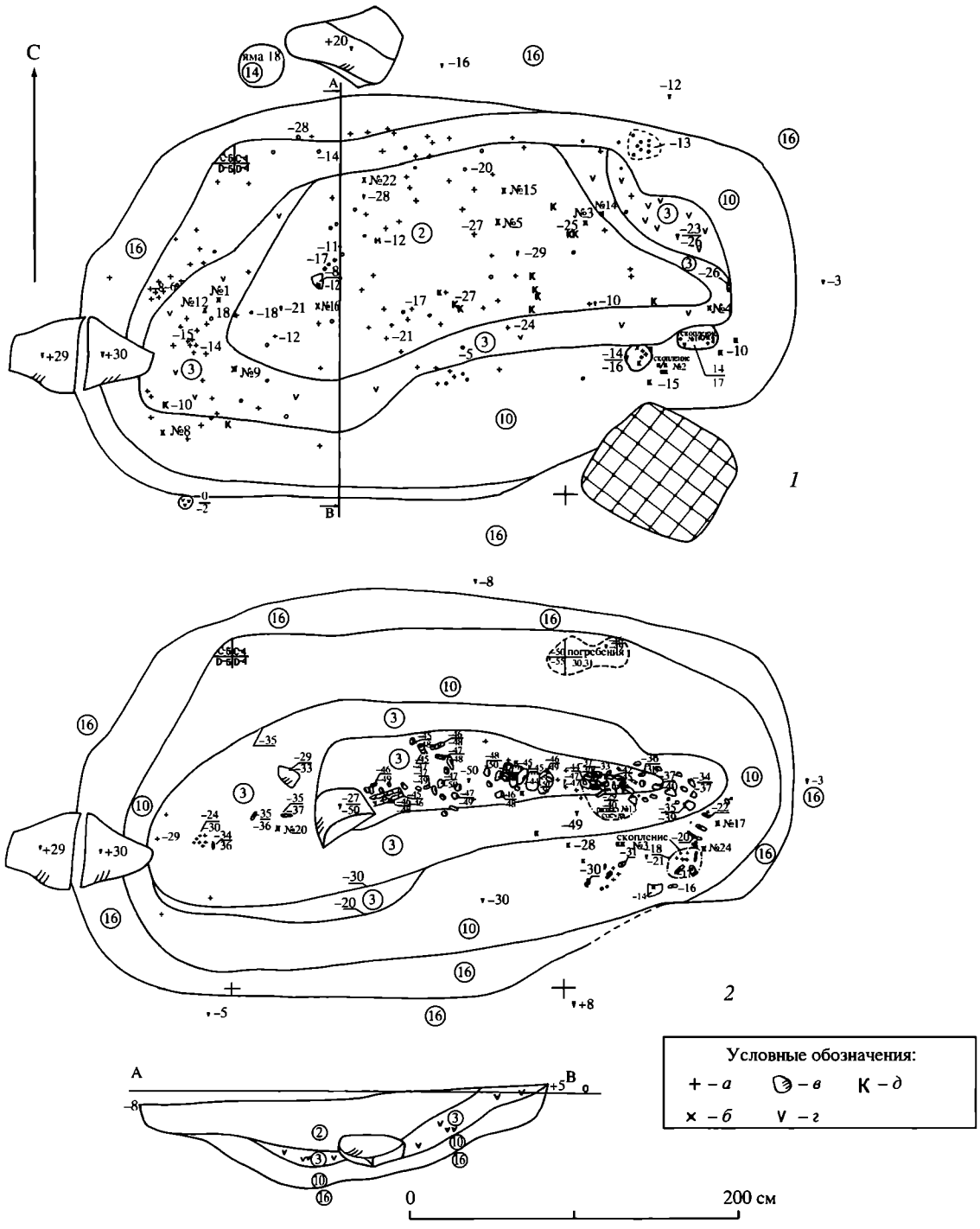


Рис. 253. Могильник Минино II. Раскоп 3. Яма 1. Погребения 30, 31, 34

а — кальцинированная кость; *б* — индивидуальная находка; *в* — камень; *г* — уголь; *д* — кость. Расшифровку условных обозначений слоев см. рис. 217

тру, имеет мощность 10—16 см, в северо-восточном углу ямы он интенсивно насыщен углями. В юго-восточной части ямы в этом слое расчищены два небольших скопления кальцинированных костей. В скоплении № 1 собрано 25 г костей, среди которых определяются фрагменты черепа женщины (?) и мелкие фрагменты трубчатых костей человека. В скоплении № 2, располагающемся в 18 см к западу от скопления № 1, собрано 70 г костей, среди которых определяются фрагменты трубчатых костей нижних конечностей взрослого человека. Здесь же находились обож-

Рис. 255. Могильник Минино II. Находки из ямы 1 (раскоп 3)

1 — пряжка (№ 4); *2* — нож (№ 7); *3* — обоймицы от сумочки (№ 6); *4* — разделитель ремня (№ 14); *5* — клин из ножа (№ 12); *6* — клин (№ 17); *7* — шило (№ 24); *8* — стержень (№ 22); *9* — перстень (№ 23); *10* — фрагмент расчески (№ 38); *11* — фрагменты обмотки ножа (№ 11); *12* — фрагменты пластины с остатками дерева; *13* — фрагмент расчески (№ 2); *14* — бусина (№ 3); *15* — бусина (№ 5); *16* — фрагмент расчески (№ 8); *17* — фрагмент расчески (№ 40); *18* — фитильная трубка (№ 9). *1, 3, 4, 9, 11* — цветной металл; *2, 5–8, 12, 18* — железо; *10, 13, 16, 17* — рог; *14, 15* — стекло

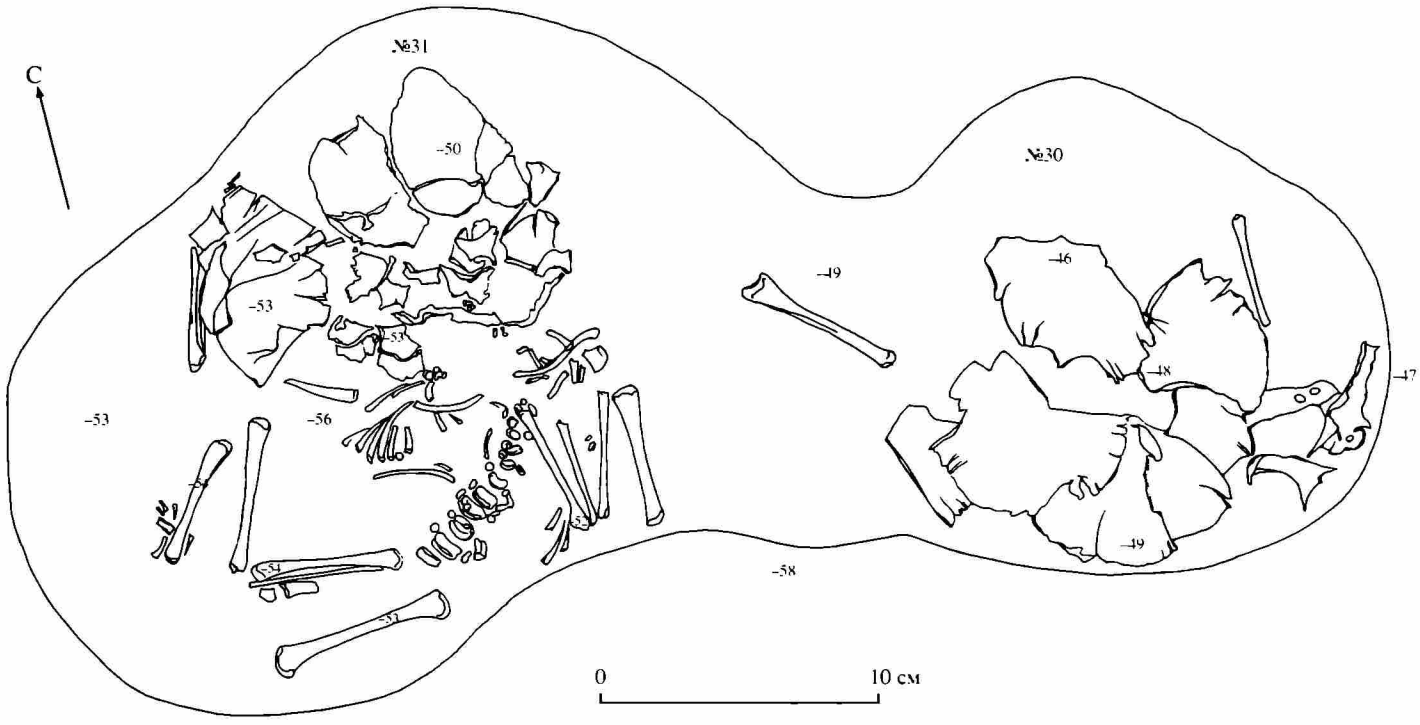


Рис. 254. Могильник Минино II. Погребения 30, 31

женные, спекшиеся вместе медные пластинчатые обоймицы от кожаной сумочки (№ 6) и фрагмент бронзовой проволочной обмотки ножа или игольника (№ 11). В восточной части ямы на контакте черного и серо-коричневого слоев расчищены фрагменты средневекового кругового сосуда (№ 18). В нижней части слоя черной супеси выявлено скопление камней, лежащих грядкой по длинной оси ямы, и крупные фрагменты обугленного дерева длиной от 5 до 20 см. Между камнями и под одним из них обнаружены негорелые поясничные позвонки человека, принадлежащие тому же индивиду, что и кости из серо-коричневой супеси (*погребение 33*) и девять костей животных. В слое черной углистой супеси на всей площади ямы помимо скоплений обнаружены кремневый нуклеус (№ 16), фрагмент кальцинированной роговой расчески (№ 38), три обломка лепной средневековой керамики, пять фрагментов от одного кругового сосуда, три осколка кремня и 179 г кальцинированных костей. В восточной половине отмечены единичные кальцинированные кости, в западной они были более многочисленны. Среди костей разной степени обжига определяются фрагменты черепа, трубчатой кости и костей стопы взрослого индивида.

Залегающий ниже в придонной части ямы слой рыжей супеси имеет толщину от 8 до 17 см. В этом слое в юго-восточной части ямы на глубине 20—23 см от уровня материка обнаружено еще одно скопление кальцинированных костей (№ 3). Всего собрано 35 г мелких неопределимых костей человека. Здесь же концентрировались лежащие без анатомического порядка кости человека: фрагмент лопатки, ребра, мелкие фрагменты крестца и довольно крупный обломок таза. Среди костей обнаружены железный клин из ножа (№ 17) и железное шило (№ 24). Как и собранные в вышележащих слоях в той же яме, они принадлежат одному индивиду — мужчине 35—40 лет (*погребение 33*). Возможно, из этого погребения происходят бронзовые поясная пряжка и разделитель. Кроме того, в слое рыжей супеси зафиксированы отдельные редкие кальцинированные кости.

При расчистке северо-восточной стенки ямы в придонной ее части выявлено пятно гумусированной коричневой супеси размером 49,3 × 12,6—23,6 см, в границах которого обнаружены два погребения младенцев в возрасте до полугода. Их могильные ямы, расположенные рядом наклонно, были заглублены в стенку и дно ямы 1 на 3—4 см. В *погребении 30* расчищены раздавленный череп и несколько длинных костей младенца, лежащих без анатомического порядка. Кости младенца из *погребения 31* лежали in situ и имели хорошую сохранность. Костяк лежал на спине, головой на северо-восток, череп его был раздавлен, левая рука согнута в локте и положена на живот.

Яма 2 (рис. 107) выявлена в квадратах Е-5, Е-6. Она имеет сложную форму в виде овала и четырехугольника, соединенных между собой канавкой. Северо-восточная часть ямы овальная в плане, размерами 50 × 40 см, заполнена черно-коричневой супесью, светлеющей в нижней части. Стенки ямки отвесные, плоское дно находилось на глубине 19 см от края. В ней обнаружены фрагмент роговой кальцинированной расчески (№ 40), четыре сырые кости животных и 3 г мелких неопределимых фрагментов кальцинированных костей. Юго-западная часть ямы в плане четырехугольная, размерами 65 × 44 см. Она заполнена слабогумусированным песком, в котором обнаружена одна сырая кость животного. Стенки ямки отвесные, плоское дно зафиксировано на глубине 22 см от края. Обе части соединены канавкой длиной около 50 см, шириной 11—25 см, глубиной 10 см, заполненной слабогумусированным материковым песком. Сверху обе ямки были перекрыты слоем углистой черно-коричневой супеси неправильной подпрямоугольной формы, вытянутым в направлении ЮЗ—СВ. В нем находилось небольшое скопление кальцинированных костей. Вместе с костями собраны две стеклянные лимоновидные двухчастные обожженные бусины — желтая и синяя (№ 39, 10), оплавленный небольшой кусочек бронзы (№ 10). Недалеко лежал обожженный железный нож (№ 4). Возможно, данный комплекс является остатками погребения по обряду кремации, значительно потревоженного распашкой.

Яма 14 (рис. 107)[7] располагалась в квадратах С-3, С-4, В-4. В плане имеет овальную форму, размеры ее СЮ — 74 см, ЗВ — 102 см. Стенки ямы наклонные, дно — округлое, общая глубина от уровня поверхности материка равна 42 см. Верхняя часть заполнения ямы — углистая гумусированная супесь мощностью до 8 см, нижняя часть заполнения — рыжая супесь. В заполнении обнаружены бронзовая поясная накладка (№ 89), часть кремневой пластины (№ 141), два фрагмента лепной керамики, 4,5 г кальцинированных костей и один кремневый скол.

Яма 15 (рис. 107) выявлена в квадратах D-7, D-8, E-8. В плане яма имеет форму прямоугольника. Размеры исследованной в раскопе части ямы составляли: СЮ — 200—250 см, ЗВ — 228 см. Стенки ямы были наклонными, дно — округлым, глубина достигала 72 см от края. Центральную часть ямы заполнял слой черно-коричневой углистой супеси, окружающее пространство вдоль стенок — слой рыжей супеси. В северной и южной частях ямы в черно-коричневом углистом заполнении расчищены два скопления камней средних и малых размеров и фрагменты обугленного дерева длиной от 3 до 9 см. В черно-коричневом заполнении в южной части ямы обнаружены две обгорелые стеклянные бусины (№ 27, 30) и обломок бронзовой поясной накладки (пласт 2; № 28). Квадратная накладка с трефовидным орнаментом идентична накладкам из заполнения могильной ямы погребения 26 и, очевидно, составляла с ними один набор. В толще черно-коричневого слоя собрано пять кремневых пластин, 11 г мелких неопределимых кальцинированных костей, пять сырых костей животных, 11 пережженных фрагментов средневековой лепной керамики (один из фрагментов из ямы 15 и один из ямы 4 происходят от одного сосуда). В слое рыжей супеси, заполняющем нижнюю часть ямы, обнаружена кремневая пластина и отдельные редкие фрагменты кальцинированных костей.

---

[7] Яма исследовалась в раскопах 2000 и 2002 гг.

Яма 16 (рис. 107) выявлена в квадратах С-3, С-4. Яма вытянута в направлении З — В и имеет в плане прямоугольную форму. Ее размеры: СЮ — 54 — 75 см, ЗВ — 160 см, стенки прямые, общая глубина 27 см от уровня поверхности материка. Основным заполнением ямы является слой черно-коричневой супеси, в придонной части он подстилается рыжей супесью. В средней части ямы собрано 36 фрагментов от одного средневекового лепного сосуда. Из ямы происходят три фрагмента средневековой лепной керамики, 10 г мелких неопределимых обломков кальцинированных костей, среди которых определяется один полуобожженный фрагмент свода черепа взрослого мужчины (?), один осколок кремня и кремневая пластина.

Раскоп 3 (2002 г.)

Яма 24, погребение 35 (рис. 256, 257). *Погребение 35* выявлено в квадратах В-8, С-8. В верхнем пахотном слое собраны отдельные разрозненные кости, частично в обломках, принадлежащие ребенку 8 — 10 лет. Половина нижней челюсти и кости черепа ребенка (того же индивида) были найдены в заполнении ямы 24.

Яма 24 выявлена в квадратах В-8, В-9. В плане она имеет форму овала, вытянутого в широтном направлении. Размеры ее по верхнему краю равны: СЮ — 148 см, ЗВ — 185 см. С востока яму ограничивал валун размерами 67 × 88 см. Стенки ямы плавно сужались к ее центру, дно плоское. Глубина ямы от уровня поверхности материка равна 52 — 59 см. Основ-

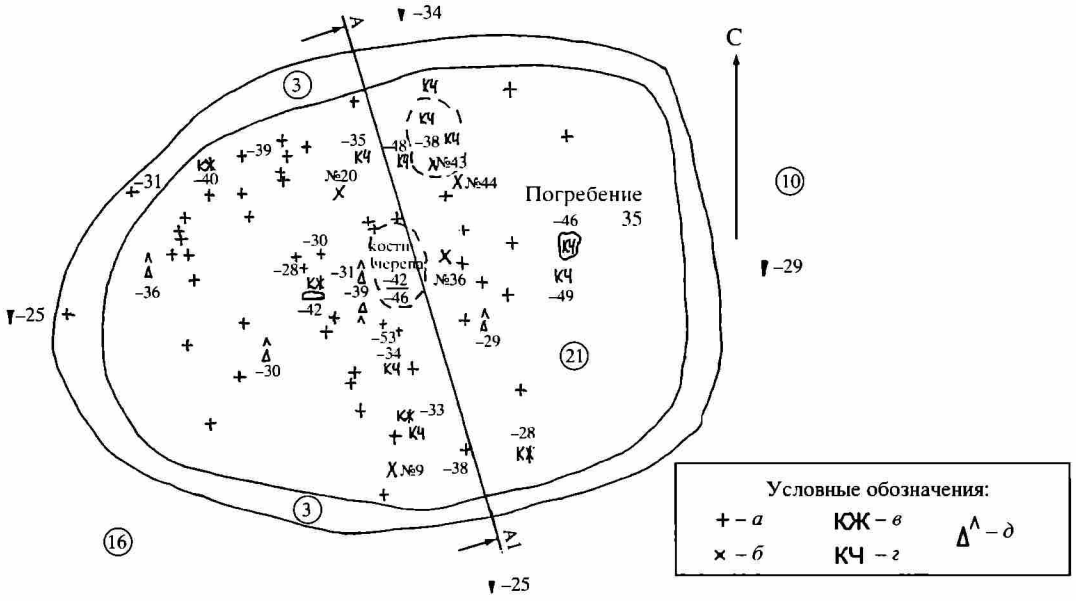


Рис. 256. Могильник Минино II. Раскоп 3. Яма 24. Погребение 35

а — кальцинированная кость; *б* — индивидуальная находка; *в* — кость животного; *г* — кость человека; *д* — фрагмент лепной керамики. Расшифровку условных обозначений слоев см. рис. 217

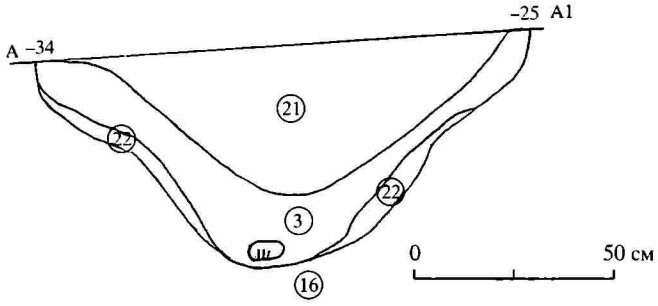
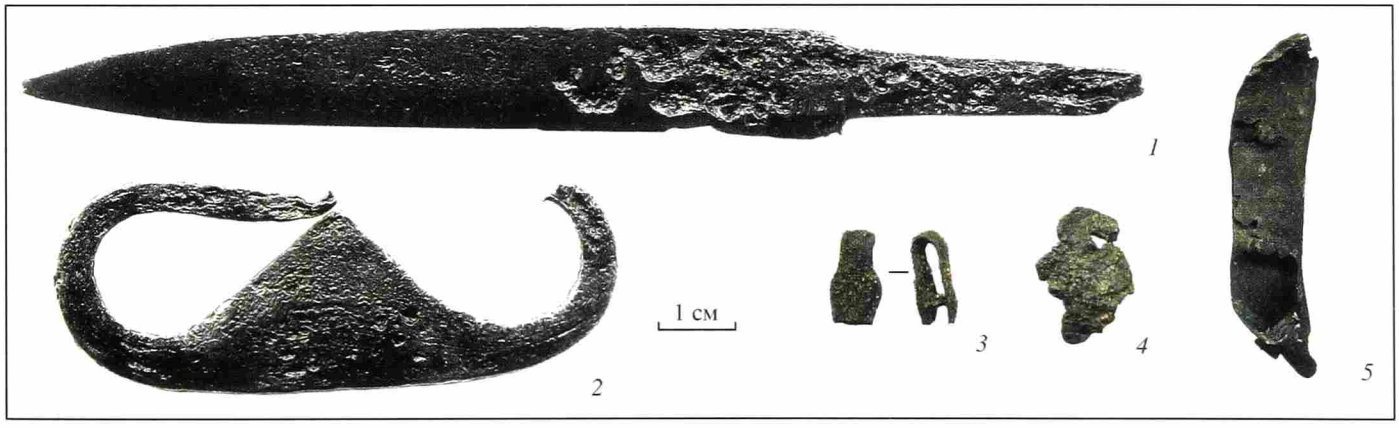


Рис. 257. Могильник Минино II. Находки из погребения 35

1 — нож (№ 36); *2* — кресало (№ 44); *3* — заклепка (№ 9); *4* — оплавленное украшение (№ 43); *5* — обкладка (№ 20). *1, 2* — железо; *3—5* — цветной металл



ным заполнением верхней части ямы являлся слой коричневой гумусированной супеси толщиной до 85 см, по периметру окруженный слоем темной углистой супеси, спускавшимся вдоль стенок ямы. Придонная часть ямы заполнена слоем темной углистой супеси толщиной до 36 см.

В заполнении ямы, преимущественно в слое углистой супеси, собраны многочисленные обломки кальцинированных костей разной степени обжига, рассеяные по всей толщине заполнения. Всего собрано 47,5 г костей. Из них определяются разные по степени кремации мелкие кости животных, два фрагментированных резца, фрагменты трубчатых костей и фрагмент ребра взрослого человека. Здесь же обнаружены обломки необожженных костей человека. В центе ямы на глубине 13 – 21 см от края расчищены разбитые кости черепа. Все кости принадлежали ребенку 8 – 10 лет (*погребение 35*).

В заполнении ямы собраны следующие находки: медные пластинчатые заклепка (№ 9) и обкладка (№ 20), оплавленное бронзовое украшение (№ 43), обожженые железные нож (№ 36) и калачевидное кресало (№ 44), скребок на кремневом отщепе (№ 83), три фрагмента лепной, один круговой, и несколько фрагментов мелкой неопределимой керамики, пять сырых костей животных и два кремневых скола.

Погребения 36, 44, 45 (рис. 258–262). Могильная яма зафиксирована в квадратах В-9, В-10, С-9, С-10. Она была вытянута в широтном направлении и имела в

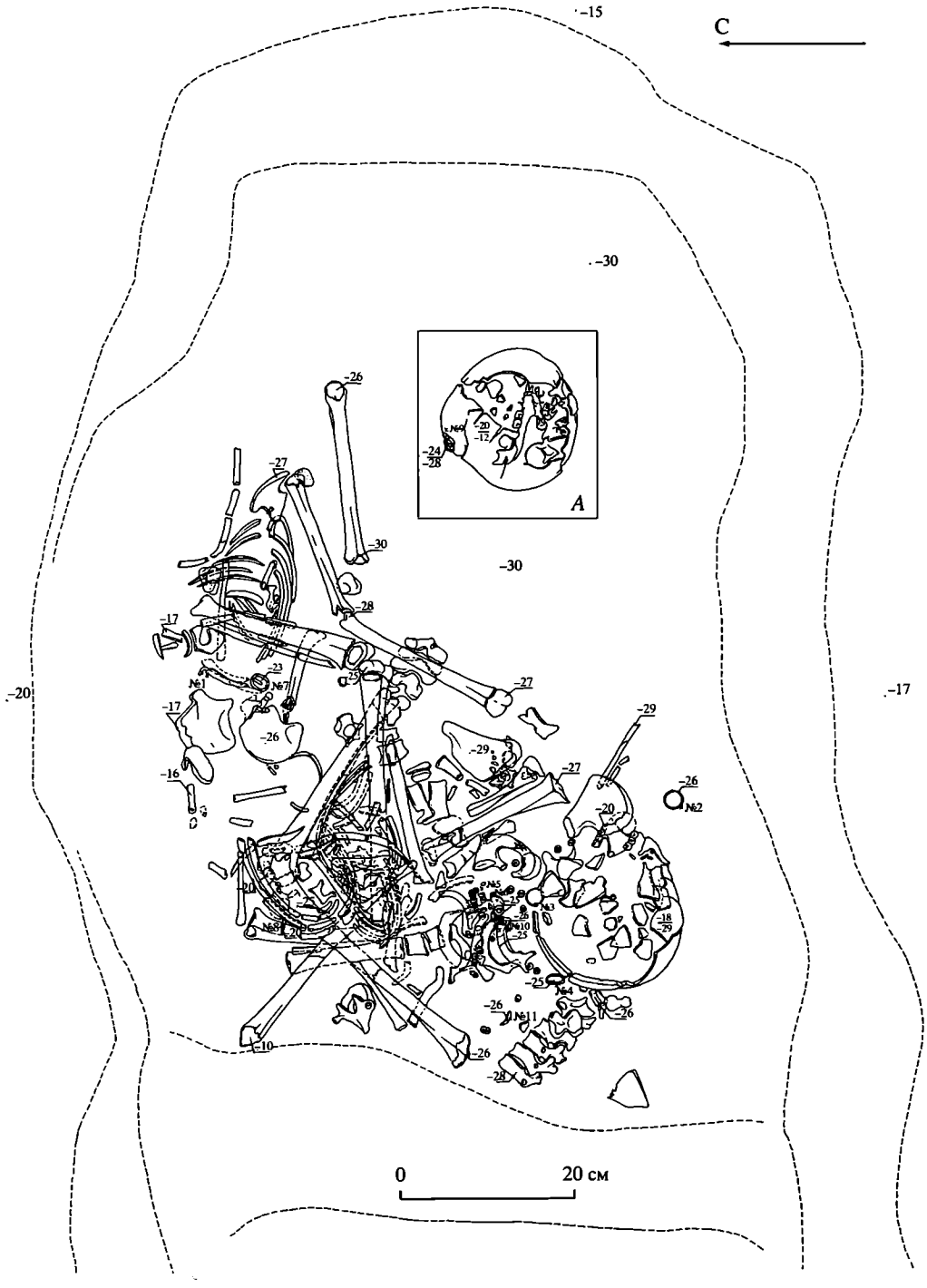


Рис. 258. Могильник Минино II. Погребения 44, 45

Рис. 259. Могильник Минино II. Погребение 45. Деталь

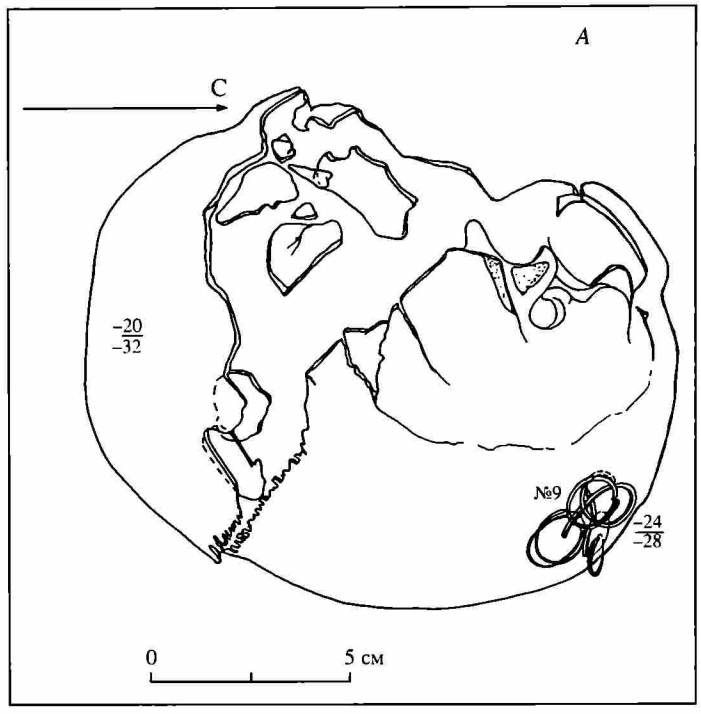
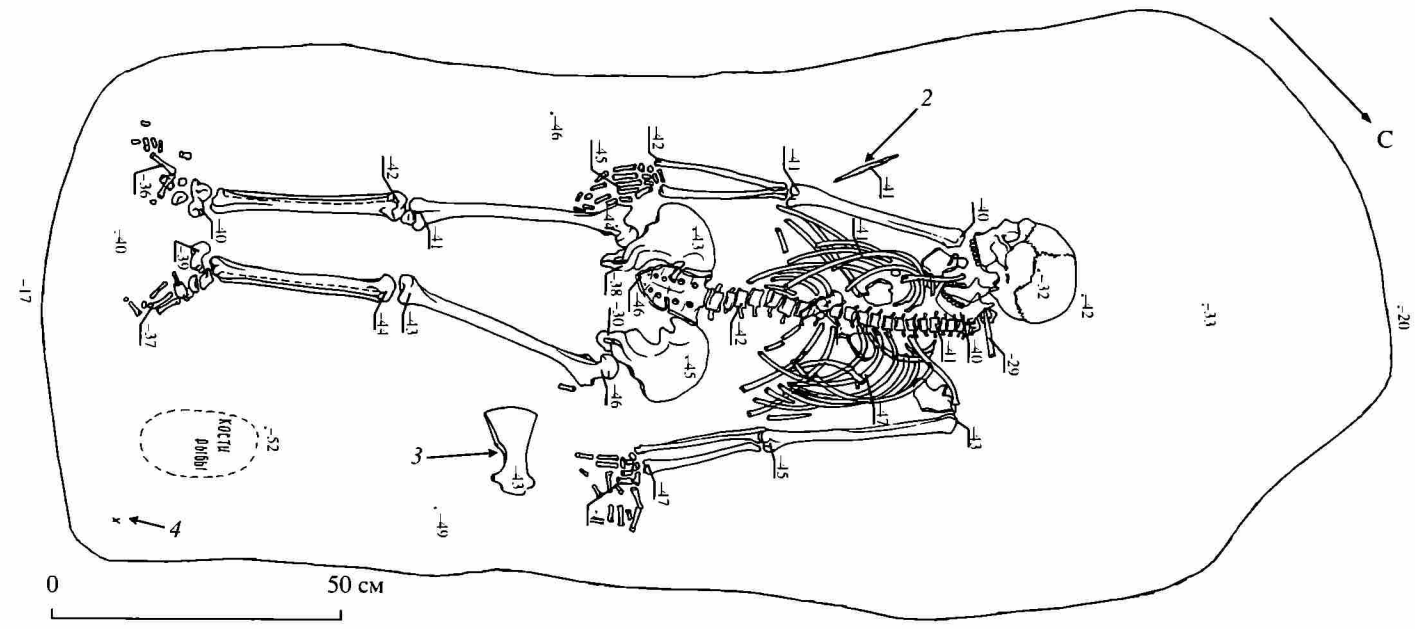


Рис. 260. Могильник Минино II. Находки из погребений 44, 45

1 — подвеска-иконка (№ 6); *2* — лунница (№ 10); *3* — фрагмент обоймицы (№ 1); *4* — подвеска-клык (№ 11); *5* — игла (№ 8); *6* — пряжка (№ 7); *7* — височное кольцо (№ 2); *8* — височное кольцо (№ 4); *9* — височные кольца (№ 9); *10* — височное кольцо (№ 3); *11* — бусины (№ 5); *12* — бусина (№ 12); *13* — бусина (№ 13). *1–3, 7–10* — цветной металл; *4* — зуб животного; *5, 6* — железо; *11–13* — стекло



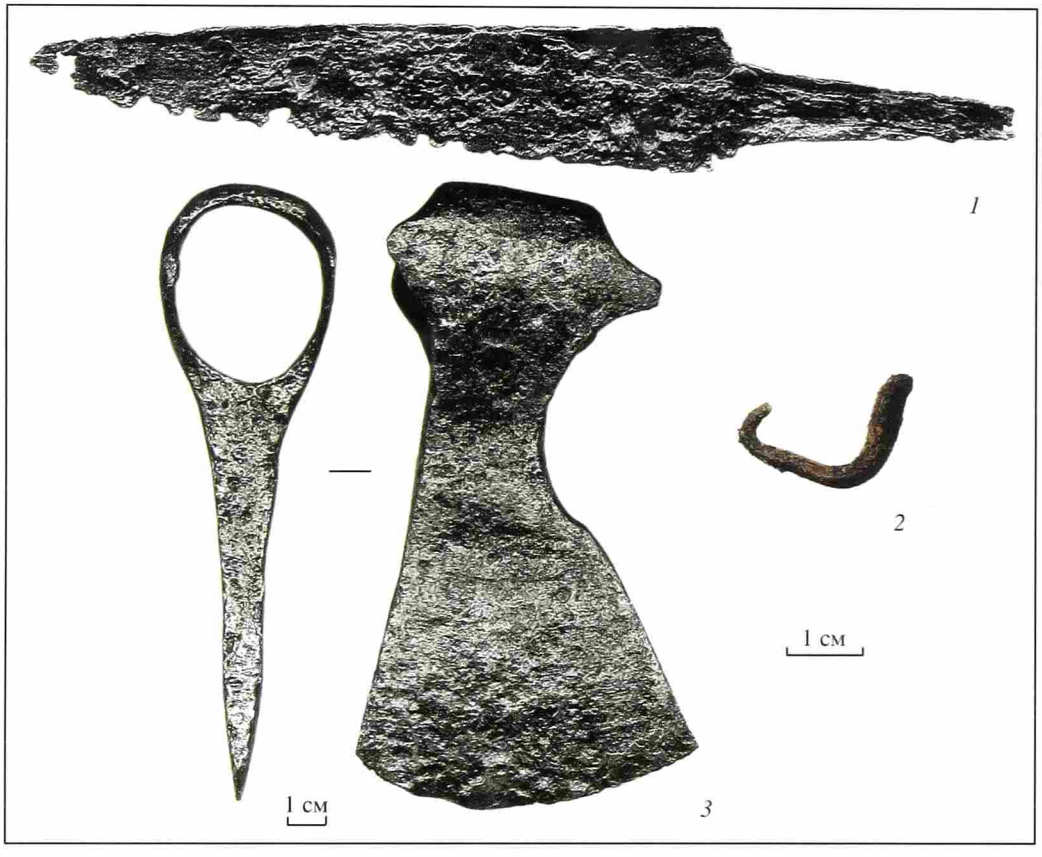


Рис. 261. Могильник Минино II. Погребение 36

Рис. 262. Могильник Минино II. Находки из погребения 36

1 — нож (№ 2); *2* — фрагмент гвоздя (№ 4); *3* — топор (№ 3). *1—3* — железо

плане форму неправильного четырехугольника. Размеры ямы составляли 237 × 88/104 см. Стенки отвесные, дно плоское. Основное заполнение — слой серо-коричневой супеси с мелкими белыми камешками. В заполнении найдена кремневая пластина (№ 1 для погребения 36), семь фрагментов лепной и два неопределимой керамики, две кальцинированные кости (1,5 г), 2 г костей рыб и три кремневых скола.

В верхней части заполнения ямы на глубине 23—33 см от современной дневной поверхности расчищены два детских захоронения — мальчика (?) 8—9 лет (***№ 44***) и девочки 8 лет (***№ 45***). Кости погребенных находились в центральной и северной частях ямы и частично сохраняли анатомический порядок. Череп *погребенного № 45* располагался в центральной части ямы. Рядом с ним находились несколько лежащих без анатомического порядка костей этого индивида — ребра, бедренная кость, крестец, тазовая кость, позвонки, фаланга, ключица, лопатки. Здесь же лежали кости двух ног (бедренные и большие и малые берцовые), согнутые в коленях и обращенные коленями в разные стороны. Тазовые кости, сочлененные в суставах с бедренными, в верхней части скопления отсутствуют. Около черепа собрано

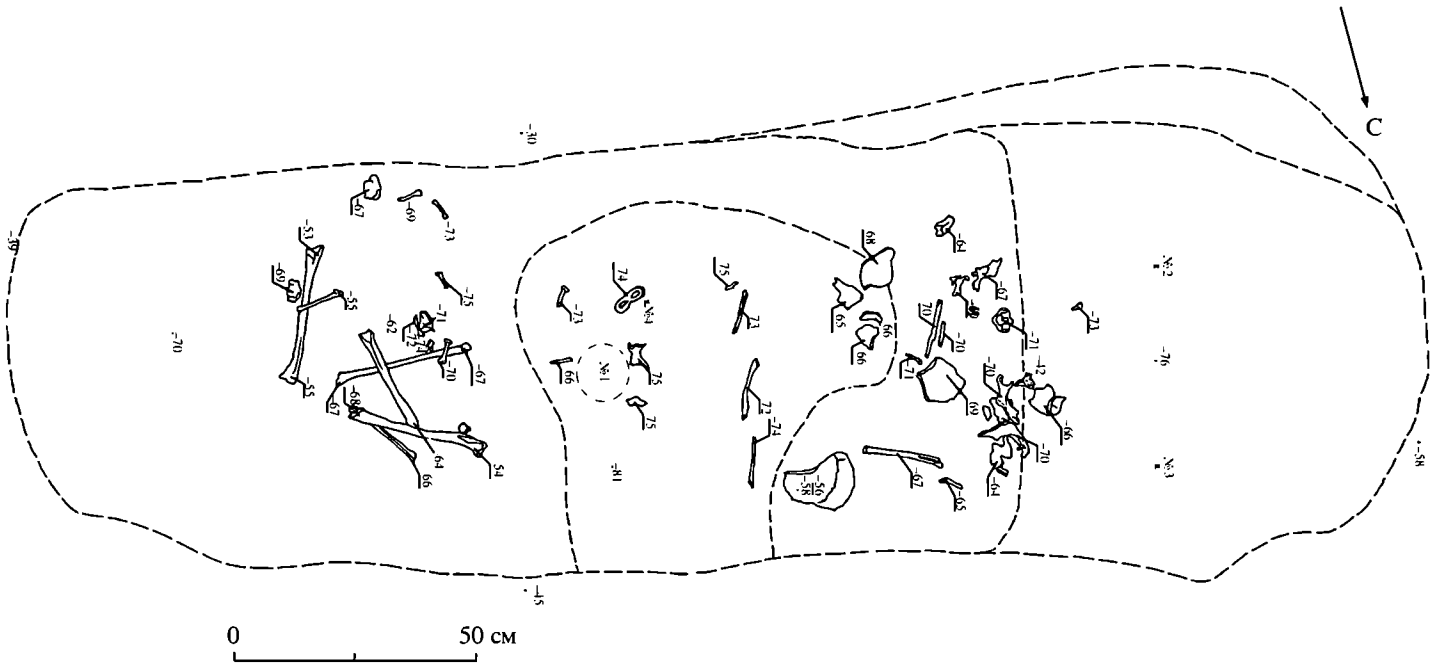


Рис. 263. Могильник Минино II. Погребение 37

три перстнеобразных височных кольца (№ 2 – 4), располагающихся по одному с западной, северной и восточной сторон черепа. На участке, прилегающем к черепу с севера, расчищено ожерелье из 51 стеклянной бусины (№ 5[8]). Ожерелье состояло из следующих навитых бус: 17 голубых зонных, восемь зелено-коричневых зонных, девять зеленых зонных, одна фиолетовая зонная, одна бирюзовая кольцевидная, по две бочонковидных черных, зеленых и желтых, одна коричневая кольцевидная двухчастная, три коричневых винтообразных (?) и пять желтых винтообразных (?). Бусины лежали в два ряда вплотную друг к другу. Вероятно, они располагались только спереди, а не по всему шнурку. Среди бусин, лежащих в ближнем к черепу ряду расчищены две бронзовые подвески – круглая иконка с погрудным изображением святого воина с копьем в правой руке (№ 6) и круторогая лунница (№ 10). Подвески лежали лицевыми сторонами вниз. Еще одна подвеска, сделанная из клыка хищного животного, располагалась к северо-западу от черепа (№ 11).

Кости ног погребенного № 45 частично перекрывали кости *погребения № 44*, расположенного в северной части ямы вдоль ее северной стенки. Погребенный лежал головой на восток. Череп отсутствовал, на его месте найдено лишь несколько зубов. Нижняя челюсть находилась под костями грудной клетки. Частично сохранили анатомическое положение кости грудной клетки, лопатка, плечевая и локтевая кости правой руки, а также кости таза. Очевидно, ребенок лежал лицом вниз с небольшим наклоном на правый бок. Правая рука была чуть согнута, левая вытянута. Бедренная и берцовая кости этого же погребения, лежащие без анатомического порядка, расчищены в западной части скопления под костями ног погребения № 45.

[8] Нумерация находок погребений 44 и 45 единая.

При расчистке *погребения 44* обнаружены две стеклянные бусины. Одна навитая зеленая бочонковидная (№ 12) располагалась в области таза. Вторая, навитая зонная фиолетовая (№ 13) лежала между обломками челюсти под костями грудной клетки. Выше таза находились поясная железная овальная пряжка (№ 7) и фрагмент обоймицы из свинцово-оловянной проволоки (№ 1). Западнее, ниже тазовых костей, расчищена железная игла (№ 8).

В восточной части ямы несколько в стороне от основного скопления костей на глубине –20 / –32 см расчищен череп ребенка, лежащий лицевой частью вниз (погребение 44?). На его левой стороне находилась связка из шести бронзовых перстнеобразных височных колец (№ 9).

Основным погребением в могильной яме было *погребение № 36*, располагающееся на глубине 55 см от уровня современной дневной поверхности и 30 – 36 см от уровня поверхности материка. Костяк лежал на спине головой на запад с отклонением 10° к северу. Череп был повернут на правую сторону лицом к югу. Руки и ноги располагались прямо. Стопы были развернуты в разные стороны. Костяк принадлежал мужчине 40 – 49 лет. Справа около плечевой кости правой руки располагался железный нож, обращенный лезвием вниз (№ 2). Ниже левой руки под костями кисти расчищен железный топор (№ 3), лежавший на боку лезвием к телу погребенного. Судя по его расположению, рукоять топора была обращена к ногам мужчины. Под топором сохранились остатки древесного тлена (гроб?), ориентированные по оси ямы. В северо-восточном углу ямы расчищено скопление костей двух окуней. Недалеко находился железный кованый гвоздь, обращенный острием внутрь (№ 4).

Погребение 37 (рис. 263, 264). Яма погребения 37 располагалась в квадратах А-8, А-7 и В-7. В плане она имела форму прямоугольника со скругленными угла-

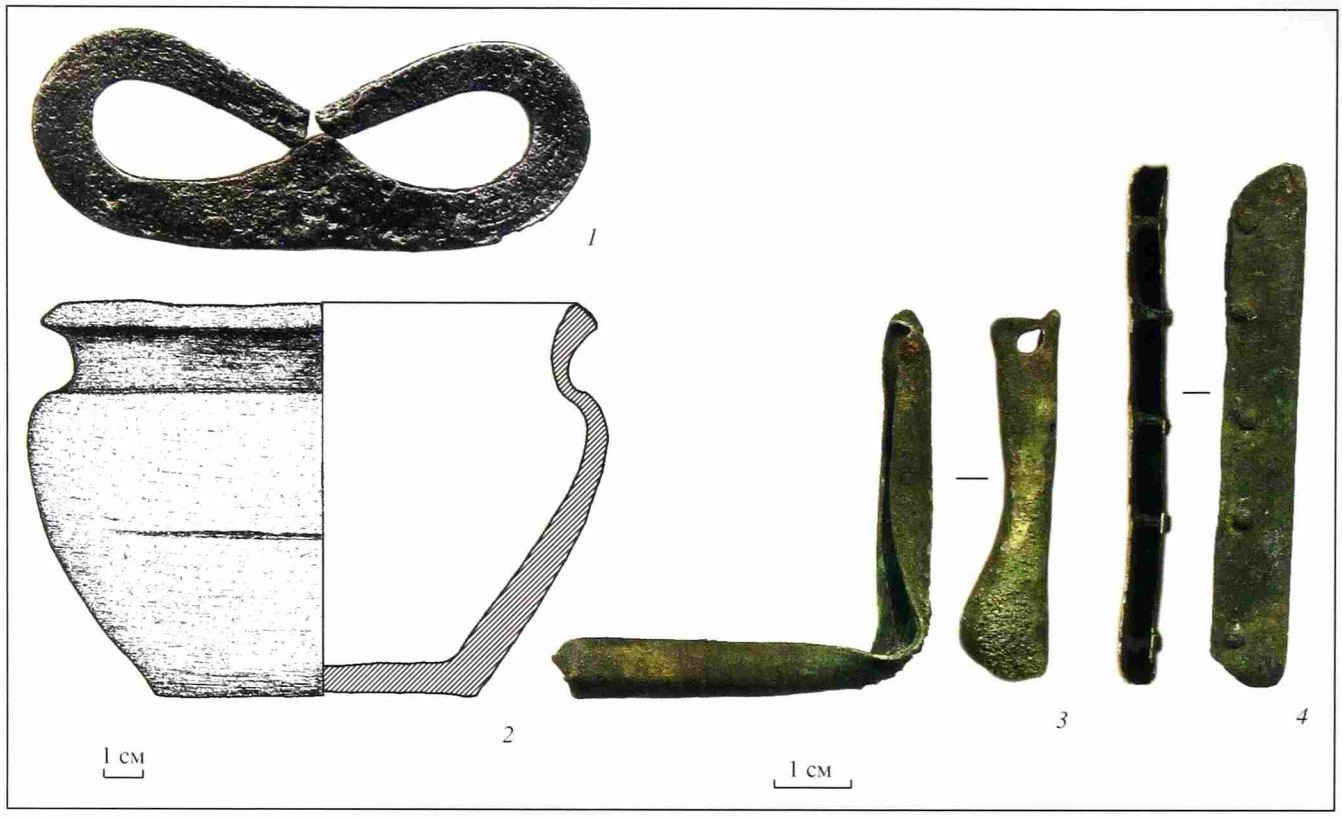


Рис. 264. Могильник Минино II. Находки из погребения 37

1 — кресало (№ 4); *2* — круговой сосуд (№ 1); *3* — фитильная трубка (№ 2); *4* — обкладка (№ 3). *1* — железо; *2* — глина; *3, 4* — цветной металл

ми, вытянутого в широтном направлении с небольшим отклонением к северу. Размеры ямы равны 314 × 82/102 см. Стенки ямы отвесные, дно плоское. Глубина ямы составила от уровня дневной поверхности 64—66 см, от поверхности материка — 25—39 см. Основным заполнением ямы является светло-коричневый слабогумусированный песок. В нем в западной части ямы находился камень размерами 35 × 18 см. В западной части ямы в ее заполнении обнаружены бронзовая фитильная трубка (№ 2) и медная пластинчатая обкладка (от сумочки?; № 3). В центре ямы лежал развал средневекового кругового сосуда (№ 1). Несколько обломков этого сосуда располагались немного в стороне. В центральной части ямы собрано пять фрагментов лепной керамики, 7,7 г кальцинированных костей, пять кремневых сколов.

На глубине 36—55 см от современной дневной поверхности расчищены отдельные разломанные кости скелета взрослого человека, находящиеся в переотложенном состоянии. Несмотря на фрагментарность костей, можно отметить, что обломки черепа и костей верхнего отдела позвоночника расчищены в западной части ямы, а кости ног — в восточной. Это указывает на первоначальную западную ориентировку погребения. На костях черепа сохранились зеленые окислы, возможно, от височных колец. Погребенной была женщина старше 50 лет. Среди костей находилось железное калачевидное кресало с язычком (№ 4).

Центральная часть ямы погребения 37 была испорчена ямой более позднего времени, имеющей подовальную форму. Яма перекопа размерами 76 × 78 см пробивала само погребение и врезалась в дно могилы на 10—14 см (развал сосуда № 1 и кресало № 4 находились в засыпке этой ямы). Она выделялась более темным заполнением.

Погребение 38 (рис. 265, 266) обнаружено в квадратах D-10, D-11, E-10, E-11. Могильная яма в плане имела форму неправильного четырехугольника, вытянутого в широтном направлении. Ее размеры составляли 274 × 70—84 см. Стенки ямы отвесные. Глубина ямы погребения равна 45—55 см от уровня современной дневной поверхности и 15—31 см от уровня поверхности материка. Основным заполнением ямы является светло-коричневый слабогумусированный песок. В нем в центральной части ямы на глубине 16—20 см от уровня поверхности материка зафиксировано пятно коричневой супеси овальной формы размерами 50 × 40 см. В заполнении ямы собраны 12 фрагментов от одного (?) лепного сосуда, 6,5 г кальцинированных костей и один кремневый скол. Здесь же найдена кремневая пластина (№ 1).

Костяк средней сохранности лежал на спине головой на восток с отклонением 13° к югу. Череп располагался прямо. Сохранились череп, длинные кости и отдельные мелкие кости кистей и стоп. Позвоночник и ребра полностью истлели. Руки и ноги погребенного лежали прямо. Кисти рук находились по сторонам от таза, ступни вытянуты. Костяк принадлежал мужчине старше 50 лет.

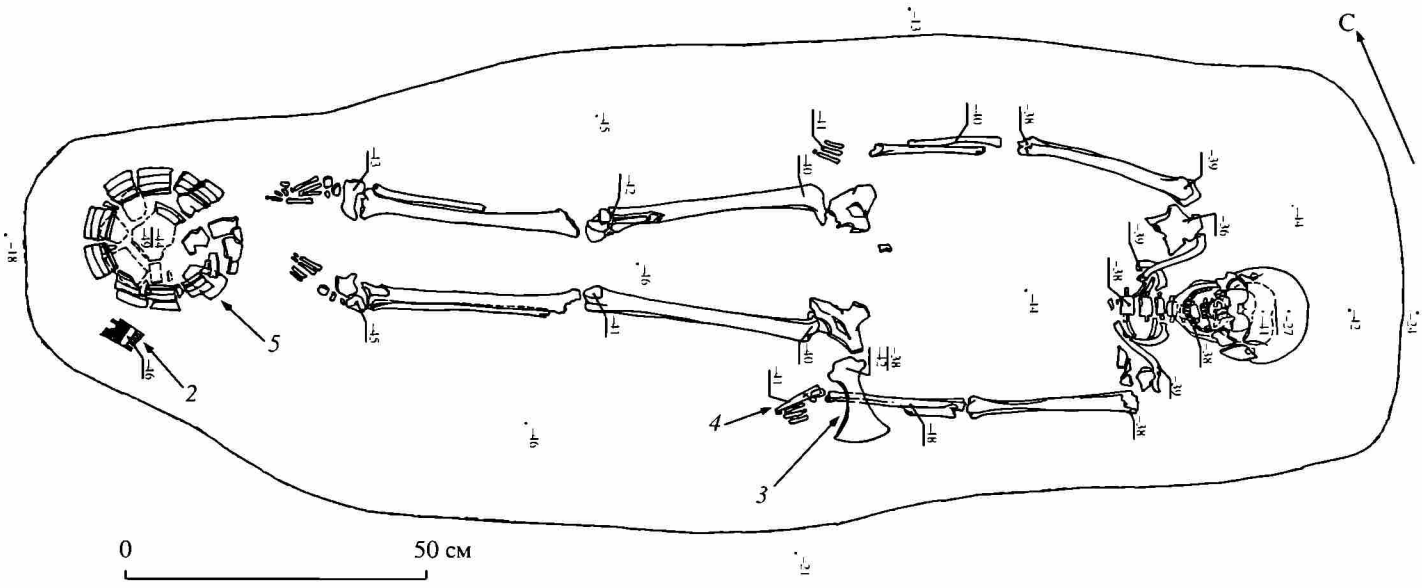


Рис. 265. Могильник Минино II. Погребение 38

Рис. 266. Могильник Минино II. Находки из погребения 38

1 — нож с остатками рукояти (№ 4); *2* — гребень (№ 2); *3* — топор (№ 3); *4* — круговой сосуд (№ 5). *1* — железо, рог; *2* — рог; *3* — железо; *4* — глина

Рис. 267. Могильник Минино II. Погребение 39

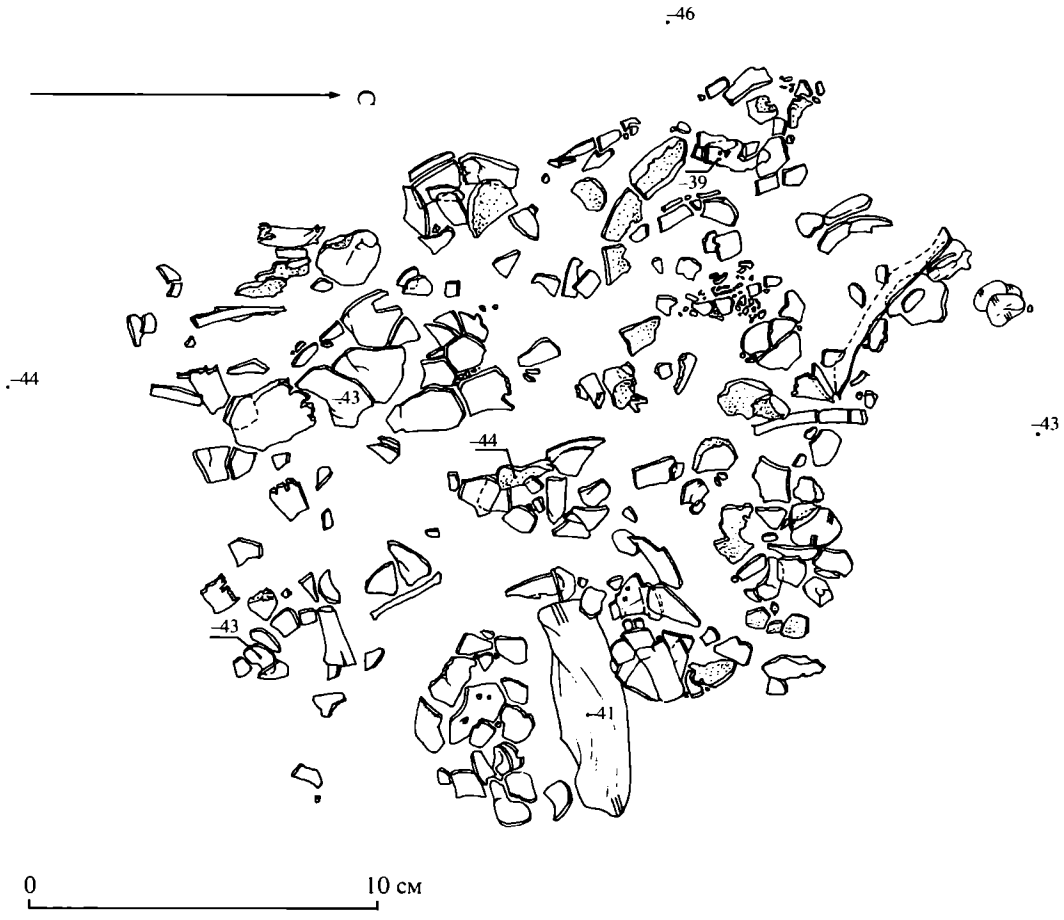
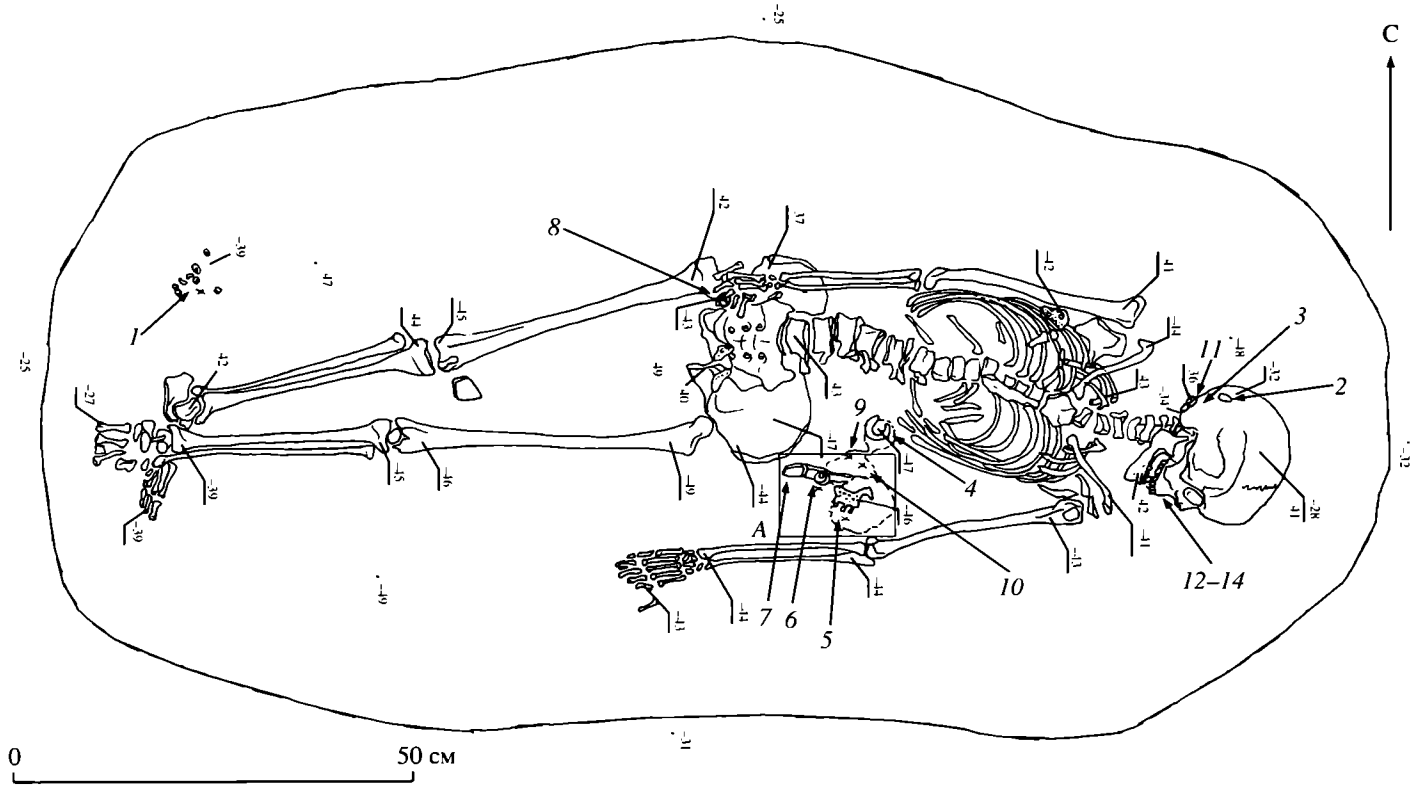


Рис. 268. Могильник Минино II. Погребение 40



Поверх лучевой кости левой руки погребенного лежал железный топор (№ 3), повернутый обухом к тазовым костям, рукоятью к ногам. Под топором сохранились остатки волокон древесного тлена (от гроба?), ориентированные по оси ямы. Рядом с топором под костями кисти левой руки находился железный нож с роговой (?) рукоятью в кожаных ножнах (№ 4). Он был обращен острием к ногам погребенного. В западной части ямы западнее ступней ног мужчины находился раздавленный круговой сосуд (№ 5). Около него с южной стороны расчищен двусторонний роговой гребень (№ 2).

Погребение 39 (рис. 267) выявлено в квадрате А-8 на глубине 20—25 см от современной дневной поверхности. Погребение представляет собой компактное скопление кальцинированных костей, лежащих очень плотно на участке размерами 27 × 20 см на поверхности материка около камня размерами 60 × 50 × 40 см. Общий вес собранных костей составил 208 г. Среди костей определяются фрагменты свода черепа и зубов одного взрослого индивида (мужчина?) и мелкие фрагменты свода черепа и зубов ребенка 4—7 лет (?). Слой вокруг костей и между ними был насыщен золой. Золистое пятно имело вид прямоугольника размерами 52 × 46 см, вытянутого в направлении СВ—ЮЗ. Находок среди костей нет.

Погребение 40 (рис. 268–270) открыто в квадратах В-10, В-9. Могильная яма в плане имеет овальную форму, вытянутую в широтном направлении. Размеры ямы равны 166 × 90 см, стенки отвесные, глубина от уровня современной дневной поверхности 50—60 см, от уровня материка — 18—31 см. Яма погребения заполнена слоем коричневой гумусированной супеси. В нем обнаружено пять фрагментов керамики: два лепных, один средневековый круговой и два средневековых неопределимых, а также один кремневый скол. Дно могильной ямы неровное: в центре оно было на 10—12 см глубже, чем в краевых частях.

Костяк хорошей сохранности лежал на спине, слегка развернутым на левый бок. Он был ориентирован головой строго на запад. Череп и ступни ног немного приподняты, возможно, из-за того, что тело погребенного оказалось немного длиннее могильной ямы. Череп был повернут на левую сторону, руки вытянуты вдоль туловища, левая рука несколько отведена влево, кисть правой покоилась на тазу. Ноги вытянуты прямо, ступни скрещены, так, что правая ступня была развернута влево, а поверх нее положена левая, находящаяся прямо. Погребенной была женщина 40—45 лет. В области таза зафиксированы фрагменты волокон дерева, ориентированные по оси ямы, поверх них находился слой бересты.

Около правого виска погребенной расчищены три бронзовых перстнеобразных височных кольца. Два из них (№ 3, 11) лежали рядом, а третье (№ 2) — в 2 см дальше к затылку. Около левого виска также находилось три перстнеобразных кольца (№ 12—14). На одно из них была нанизана бусина, сделанная из окаменелости (№ 12), от другого (№ 14) сохранился небольшой фрагмент. На среднем пальце правой руки женщины был надет бронзовый перстень (№ 8). Слева от позвоночника на уровне пояса расчищена железная поясная пряжка (№ 4).

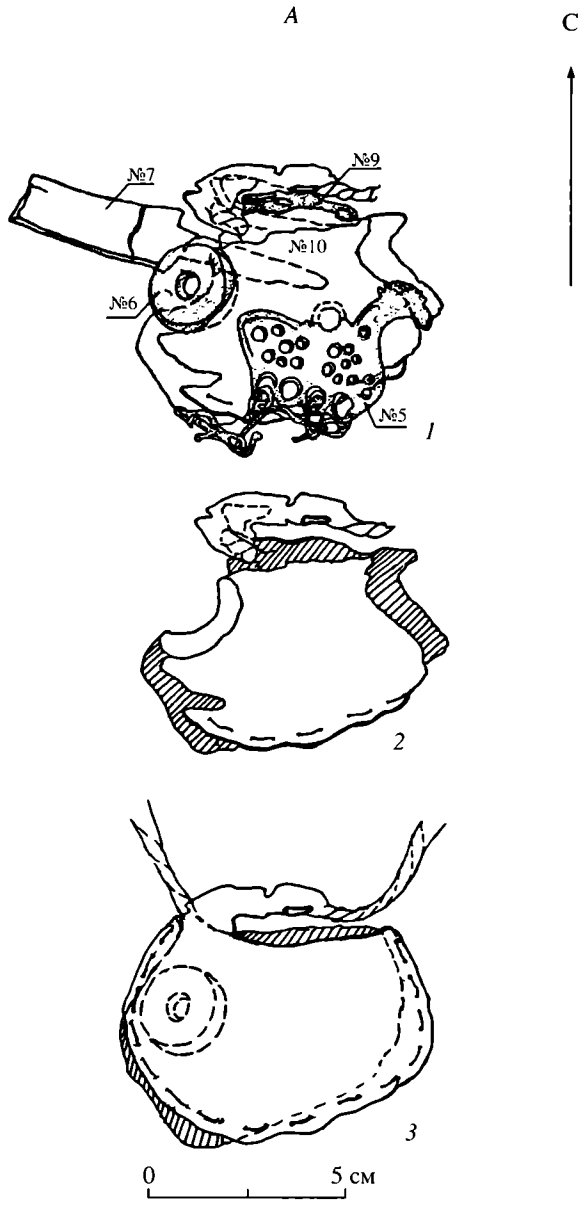


Рис. 269. Могильник Минино II. Погребение 40. Деталь

Около левого локтя погребенной, между рукой и позвоночником, лежал кожаный кошелек, сшитый из двух полотнищ кожи (№ 10). Он имел форму мешочка, стягивающегося в верхней части двумя полосками кожи. Размеры кошелька составляют 80 × 65 мм. К поясу кошелек крепился при помощи этих двух кожаных веревочек, каждая из которых была перекручена. В кошельке находились (?) бронзовая полая подвеска-уточка (№ 9) и шиферное пряслице (№ 6). Поверх кошелька располагалась бронзовая подвеска-петушок, повернутая спинкой к позвоночнику погребенной (№ 5). Под кошельком параллельно позвоночнику

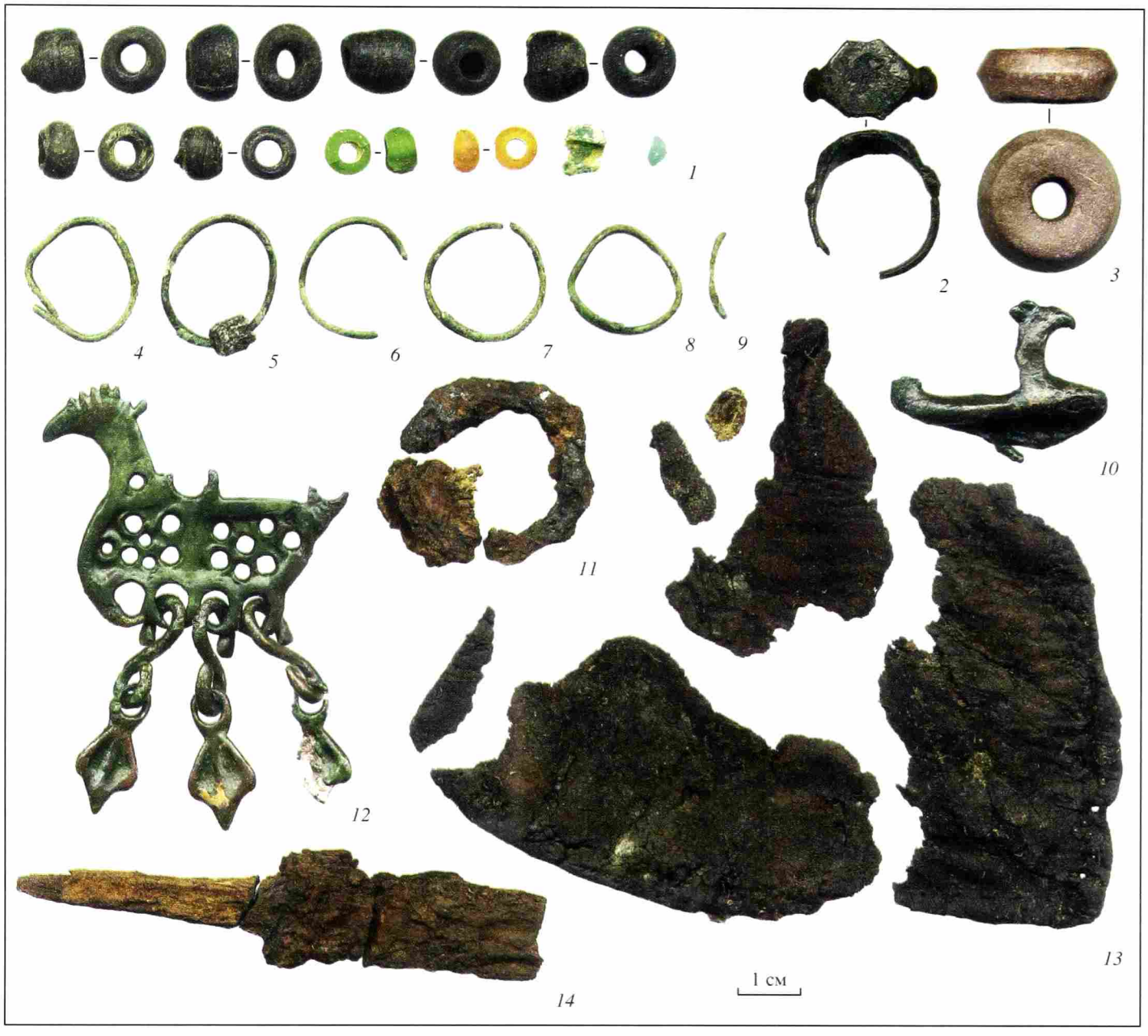


Рис. 270. Могильник Минино II. Находки из погребения 40

1 — бусины (№ 1); *2* — перстень (№ 8); *3* — пряслице (№ 6); *4* — височное кольцо (№ 3); *5* — височное кольцо (№ 12); *6* — височное кольцо (№ 11); *7* — височное кольцо (№ 2); *8* — височное кольцо (№ 13); *9* — височное кольцо (№ 14); *10* — зооморфная подвеска (№ 9); *11* — пряжка (№ 4); *12* — зооморфная подвеска (№ 5); *13* — кошелек (№ 10); *14* — нож с остатками рукояти (№ 7). *1* — стекло; *2, 4, 6–10, 12* — цветной металл; *3* — пирофиллитовый сланец; *5* — цветной металл, окаменелость; *11* — железо; *13* — кожа; *14* — железо, дерево

острием вниз лежал железный нож (№ 7). Справа от костей стопы женщины было расчищено девять стеклянных навитых бусин (ожерелье), положенных отдельно (№ 1).

Погребения 41, 42, 43, 58 (рис. 271–274). Могильная яма выявлена в квадратах А-9, А-10, В-10. В плане она имеет подпрямоугольную форму, вытянутую в широтном направлении. Размеры ямы составляют 96 × 48 см. Стенки прямые, дно плоское. Глубина ямы равна 58 см от уровня современной дневной поверхности и 23 – 32 см от уровня поверхности материка. Заполнение — слой коричневой гумусированной супеси.

В заполнении ямы расчищены кости четырех индивидов: одного взрослого и трех детей, залегающие в виде плотного скопления в несколько ярусов на глубине 1 – 23 см от уровня поверхности материка. Кости скелетов частично сохранили анатомическое положение, но в основном они лежали без анатомического порядка. В яме находились полные скелетные остатки всех четырех индивидов. В центральной части ямы расчищены длинные кости — бедренные, берцовые и плече-

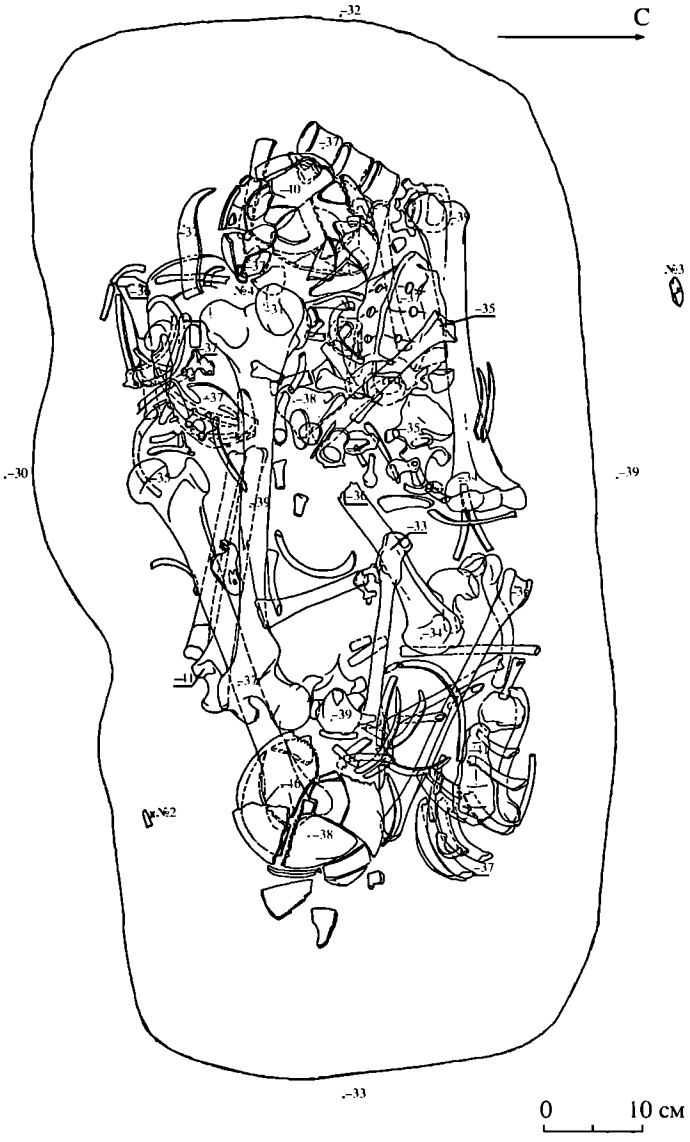


Рис. 271. Могильник Минино II. Погребения 41–43, 58. Первый уровень расчистки

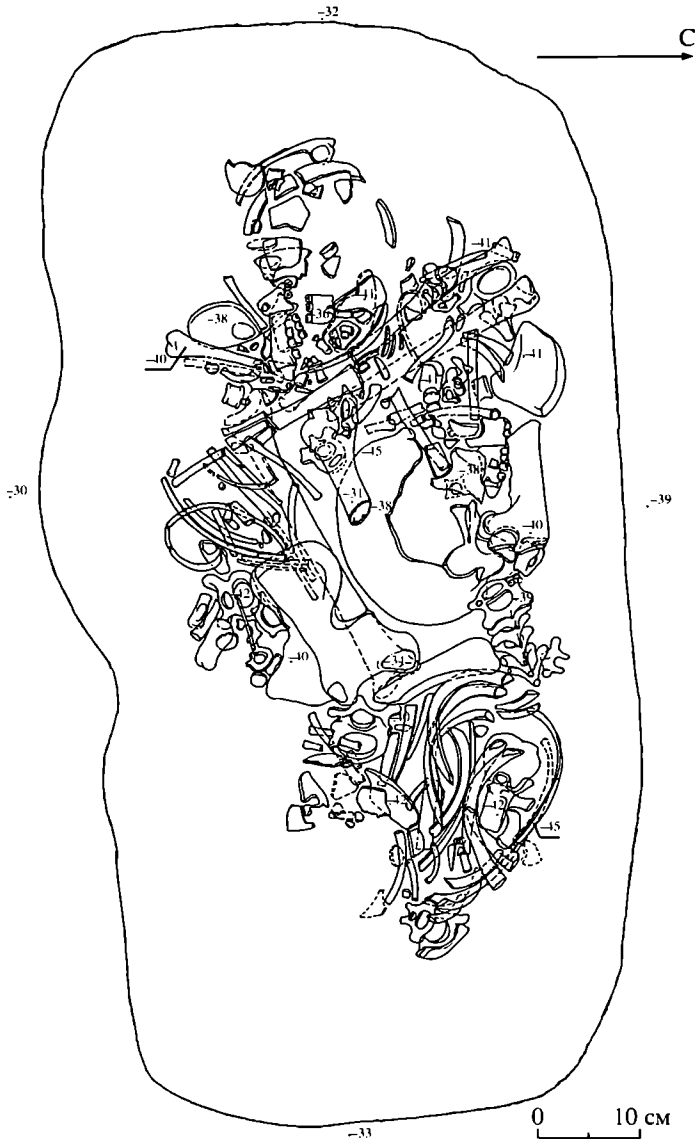


Рис. 272. Могильник Минино II. Погребения 41–43, 58. Второй уровень расчистки

вые, ориентированные в направлении запад – восток. В западной части ямы под детским черепом, лежащим в верхнем ярусе (*погребение 43*, ребенок 8 лет), находился еще один череп ребенка шести – семи лет (*погребение 42*). Под длинными костями в центре ямы расчищен череп и верхняя часть костяка мужчины в возрасте 20 – 29 лет (*погребение 58*), в основном сохраняющая анатомический порядок. Череп покоился на правом боку, к востоку от него располагались позвонки грудного и шейного отделов, кости грудной клетки и плечевая, локтевая и лучевая кости правой руки. Верхняя часть тела погребенного мужчины лежала на спине. Третий череп ребенка двух – трех лет (*погребение 41*) находился в восточной части ямы.

На черепе ребенка (*погребение 43*) обнаружено проволочное перстнеобразное височное кольцо (№ 4). Еще один фрагмент бронзовой согнутой проволоки (№ 1) и две кремневых пластины (№ 2, 3) собраны в заполнении ямы.

Погребение 46 (рис. 275, 276) открыто в квадратах Е-10, Е-11. Яма погребения имела вид прямоугольника, вытянутого в широтном направлении с небольшим отклонением к северу. Размеры ямы составляли 229 × 80 см. Стенки прямые. В западной части ямы ее заполнение – коричневую гумусированную супесь – перекрывал валун размерами 78 × 50 см. Плоское дно ямы находилось на глубине 56 – 57 см от уровня современной дневной поверхности и 20 – 22 см от уровня поверхности материка. В юго-восточном углу могильной ямы зафиксировано углубление овальной формы с отвесными стенками размерами 48 × 26 – 30 см, глубиной 10 см. В заполнении ямы собраны четыре кости животных, из которых три принадлежали неопределенным млекопитающим, а одна собаке.

В яме находились отдельные кости скелета подростка (женщины?) 15 – 18 лет, лежащие без анатомического порядка. В восточной части ямы располагались фрагменты черепа, далее на запад – ключицы, лопатка, ребра, позвонки, плечевая и локтевая и лу-

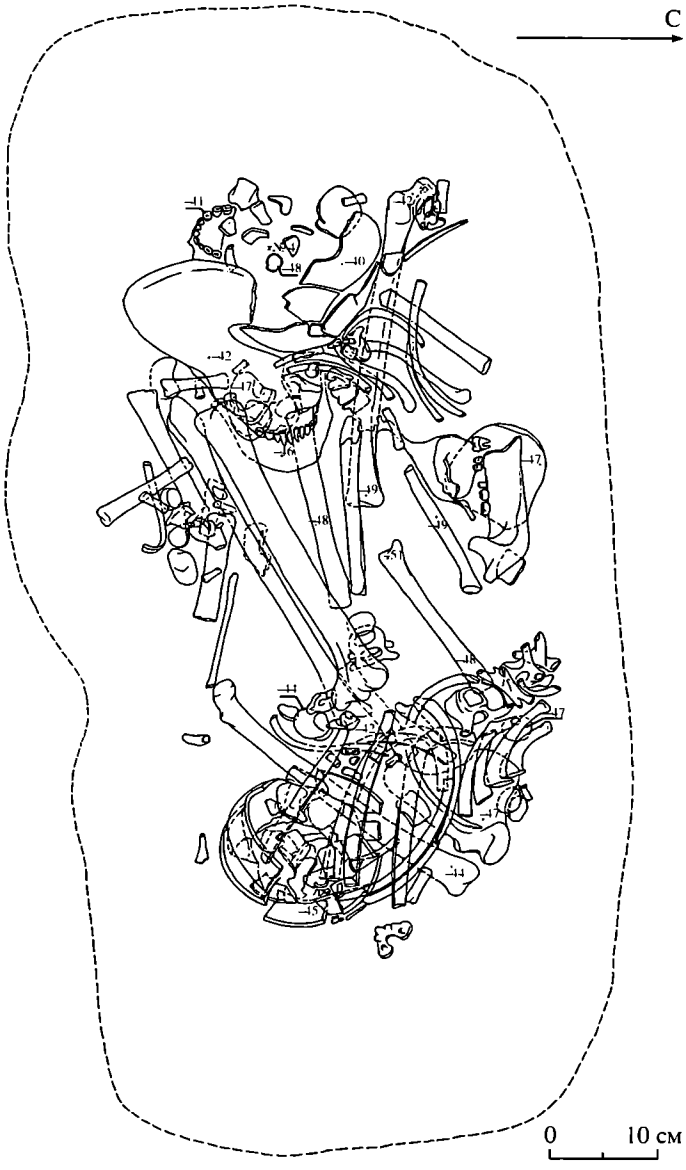


Рис. 273. Могильник Минино II. Погребения 41–43, 58. Третий уровень расчистки

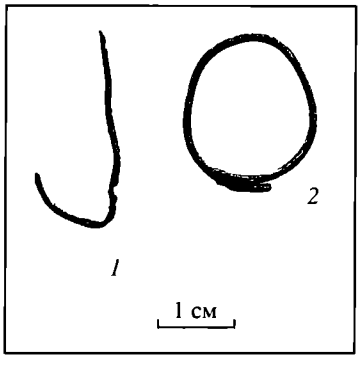


Рис. 274. Могильник Минино II. Находки из погребений 41–43, 58

1 — височное кольцо (№ 1); *2* — височное кольцо (№ 4). *1, 2* — цветной металл

чевая, обломки таза, в западной части — бедренные и берцовые кости и кости стоп. Часть костей отсутствует. Положение костных остатков указывает, что погребенная была ориентирована головой на восток и лежала скорее всего в вытянутом положении. В центральной части ямы около ее южного края расчищены железный нож (№ 2) и бронзовый рубчатый перстень, надетый на отдельно лежащую фалангу пальца (№ 1).

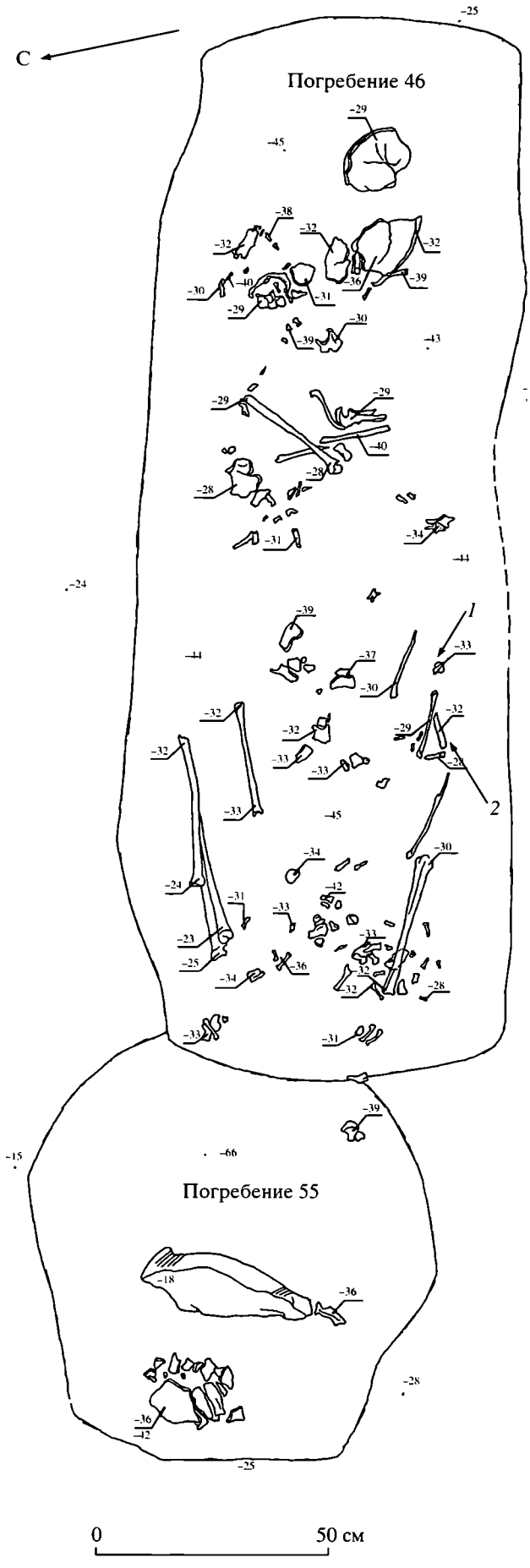


Рис. 275. Могильник Минино II. Погребения 46, 55

Рис. 276. Могильник Минино II. Находки из погребения 46

1 — перстень (№ 1); *2* — нож (№ 2). *1* — цветной металл; *2* — железо

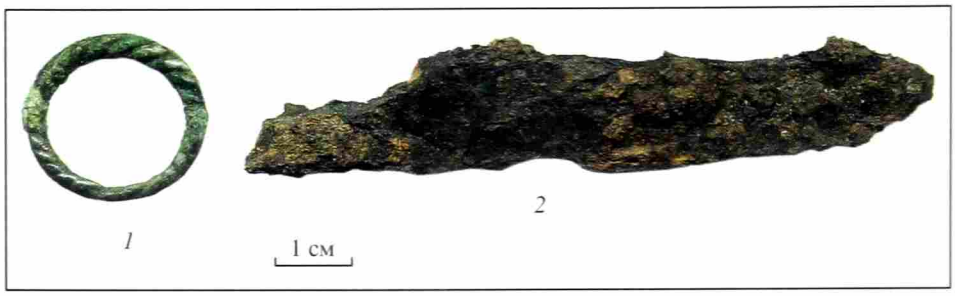


Рис. 277. Могильник Минино II. Погребение 47

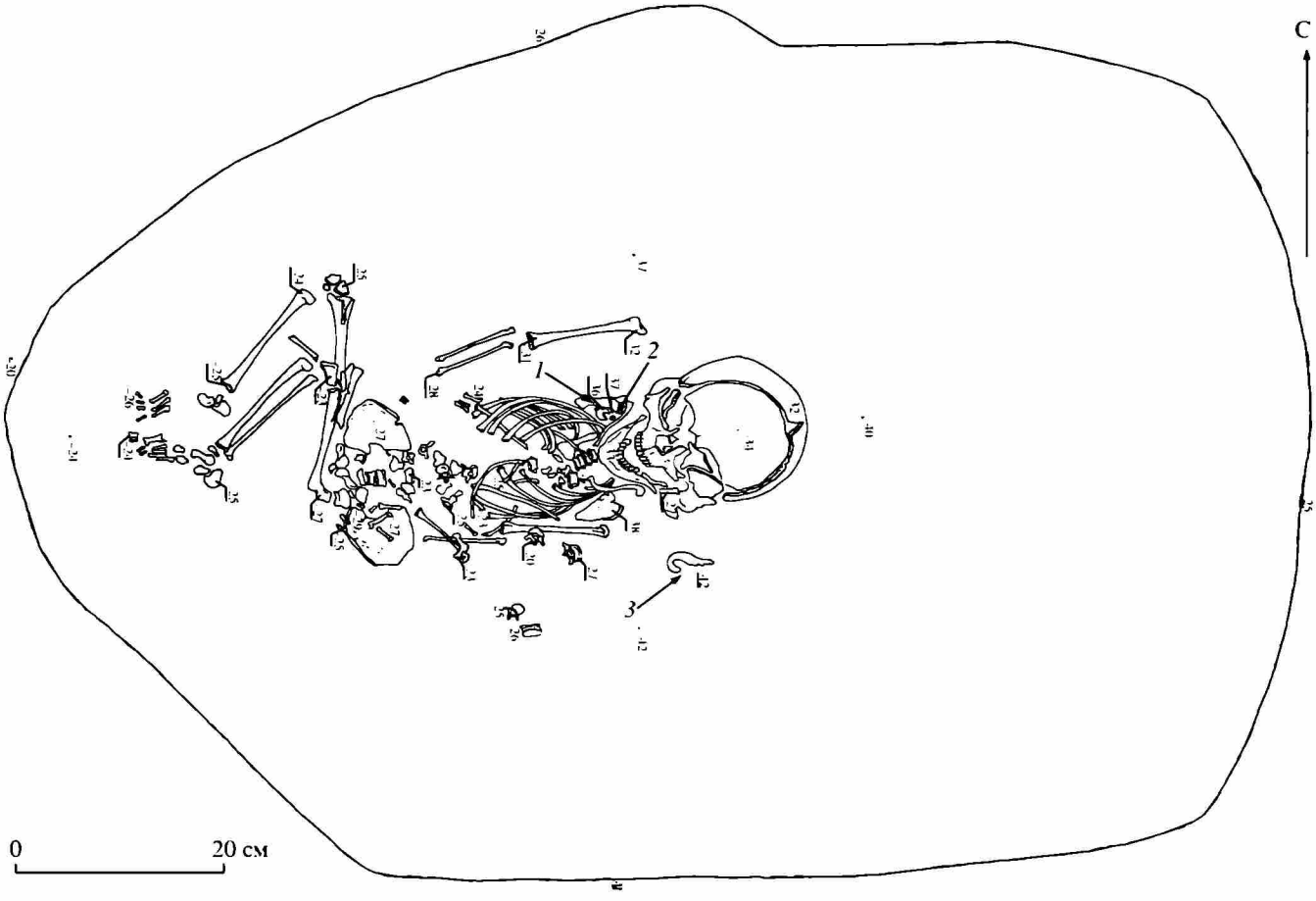


Рис. 278. Могильник Минино II. Находки из погребения 47

1 — лунница (№ 1); *2* — фрагмент кресала (№ 3); *3* — бусина (№ 2). *1* — цветной металл; *2* — железо; *3* — стекло

Погребение 47 (рис. 277, 278) открыто в квадратах С-8, С-9 точно под заполнением ямы 26, имеющей в плане форму неправильного овала размером 103 × 159 см. Стенки ямы имеют чашевидную форму. Основным заполнением ямы является слой темно-коричневой супеси с остатками органики, в котором обнаружены современный (?) железный пробой (№ 63), чеыре фрагмента лепной, один фрагмент круговой и один фрагмент позднесредневековой керамики, пять костей животных, 10 г кальцинированных костей, кремневые пластины и концевой скребок, восемь кремневых сколов. Нижняя часть ямы была заполнена белым слабогумусированным песком. Погребение 47 находилось на контакте слоя темно-коричневой и белой слабогумусированной супеси. Оно не было потревожено. Прослежено пятно могильной ямы, заполненной белой супесью с мелкими камешками, имеющее форму неправильного овала, вытянутого в направлении запад — восток. Его размеры составляют 159 × 75/80 см. Глубина могильной ямы равна 49 см от уровня дневной поверхности и 17 — 24 см от уровня поверхности материка.

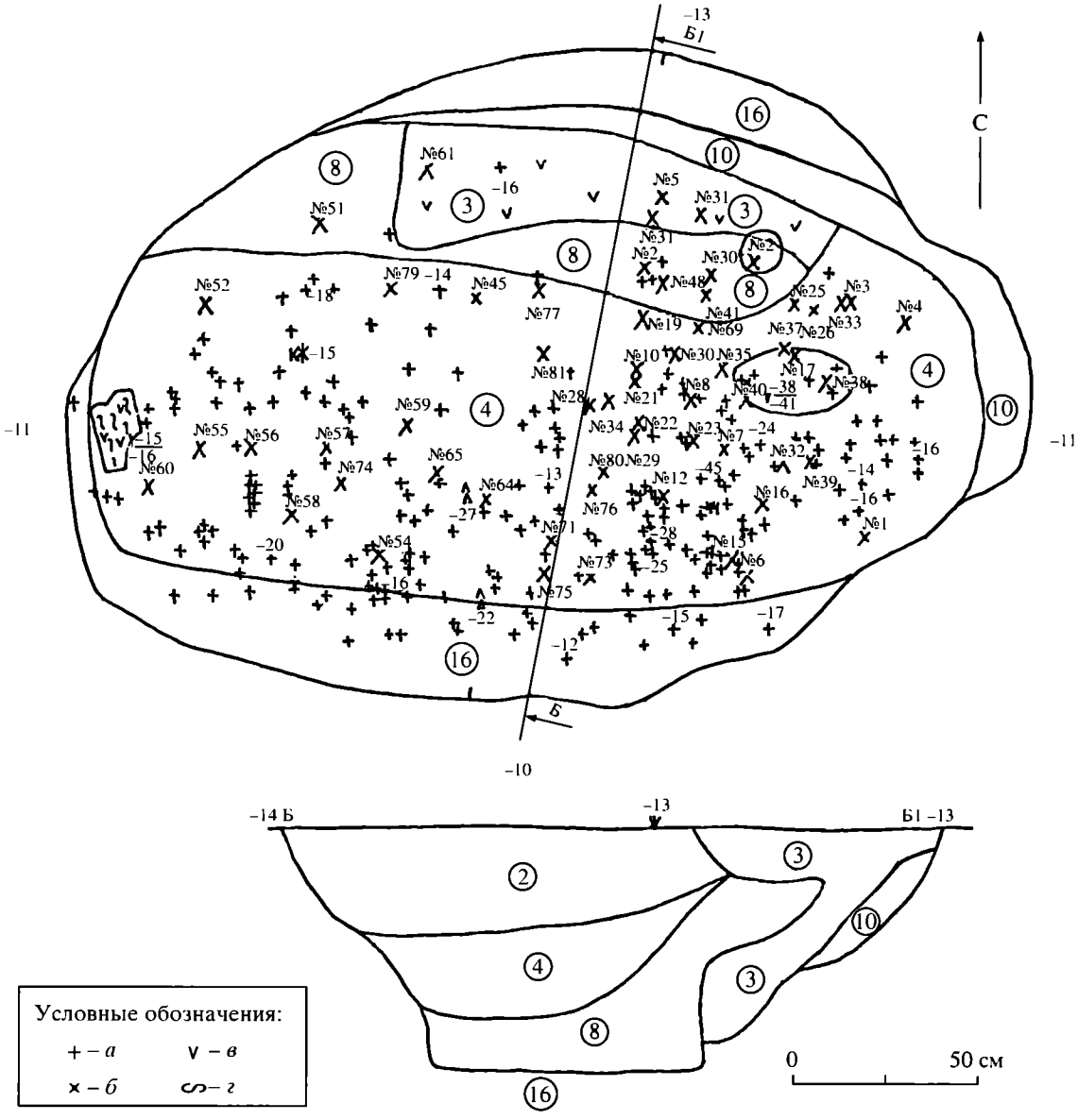


Рис. 279. Могильник Минино II. Раскоп 3. Яма 23. Погребение 50

а — кальцинированная кость; *б* — индивидуальная находка; *в* — уголь; *г* — обгорелое дерево. Расшифровку условных обозначений слоев см. рис. 217

Костяк хорошей сохранности находился в западной части ямы. Он лежал головой на восток. Скелет располагался наклонно, так, что его ноги находились на 7 — 14 см выше черепа. Череп покоился прямо, руки были вытянуты вдоль туловища, обе ноги сильно подогнуты вправо. Костяк принадлежал ребенку четырех — пяти лет. Около челюсти с правой стороны находились круторогая лунница из свинцово-оловянного сплава (№ 1) и стеклянная зонная голубая бусина (№ 2). Слева около черепа лежал обломок железного калачевидного кресала с язычком (№ 3).

Погребение 50 (рис. 279–281) открыто в квадратах С-10, С-11, D-10, D-11 в материковой яме 23. Яма, содержавшая кальцинированные кости, в плане имела форму неправильного овала размерами 190 × 258 см, стенки ее сужались ко дну, общая форма — чашевидная. Глубина ямы от уровня поверхности материка составляла 65 — 66 см. Южная и центральная части ямы с кальцинированными костями были прорезаны ямой погребений 48 и 49. В северной непотревоженной части основным заполнением ямы являлся слой черной углистой супеси. Яма погребений 48, 49 была заполнена коричневой супесью.

В заполнении ямы находились многочисленные фрагменты кальцинированных костей, располагавшиеся по всей ее площади и глубине, не образовывая скоплений. Наибольшее количество костей было сконцентрировано в верхней части ямы. Всего собрано 385,6 г костей человека и животных. Среди них определяются фрагменты, принадлежащие одному взрослому индивиду (женщине?): фрагменты свода черепа, фрагменты зубов, позвонков от разных отделов, мелкие фрагменты трубчатых костей, дистальные фаланги кисти и стопы. Среди костей имеется один коренной молочный зуб. Наряду с костями человека в яме находились кальцинированные кости собаки, бобра и лисицы.

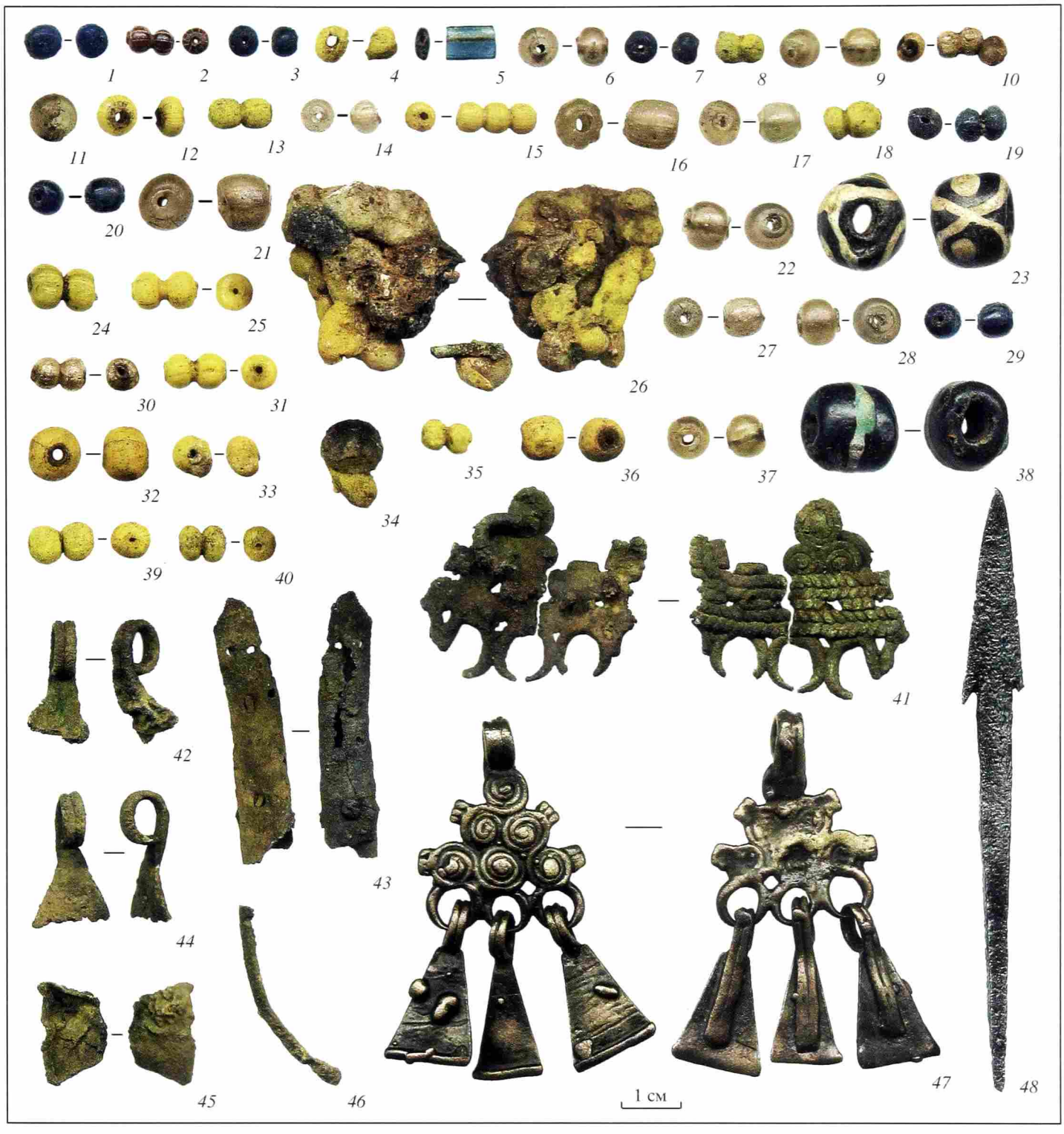


Рис. 280. Могильник Минино II. Находки из погребения 50

1 — бусина (№ 3); *2* — бусина (№ 4); *3* — бусина (№ 5); *4* — бусина (№ 7); *5* — бусина (№ 8); *6* — бусина (№ 10); *7* — бусина (№ 11); *8* — бусина (№ 13); *9* — бусина (№ 14); *10* — бусина (№ 16); *11* — бусина (№ 17); *12* — бусина (№ 18); *13* — бусина (№ 19); *14* — бусина (№ 21); *15* — бусина (№ 22); *16* — бусина (№ 23); *17* — бусина (№ 25); *18* — бусина (№ 28); *19* — бусина (№ 29); *20* — бусина (№ 30); *21* — бусина (№ 31); *22* — бусина (№ 34); *23* — бусина (№ 33); *24* — бусина (№ 32); *25* — бусина (№ 38); *26* — спек бусин (№ 26); *27* — бусина (№ 39); *28* — бусина (№ 40); *29* — бусина (№ 45); *30* — бусина (№ 35); *31* — бусина (№ 58); *32* — бусина (№ 55); *33* — бусина (№ 57); *34* — спек бусин (№ 81); *35* — бусина (№ 56); *36* — бусина (№ 75); *37* — бусина (№ 66); *38* — бусина (№ 76); *39* — бусина (№ 73); *40* — бусина (№ 74); *41* — фрагменты зооморфной подвески (№ 6, 80); *42* — привеска-лапка (№ 59); *43* — обкладка (№ 77); *44* — привеска-лапка (№ 79); *45* — фрагмент украшения (№ 12); *46* — фрагмент проволоки (№ 54); *47* — шумящая подвеска (№ 52); *48* — стрела (№ 64). *1–40* — стекло; *41–47* — цветной металл; *48* — железо

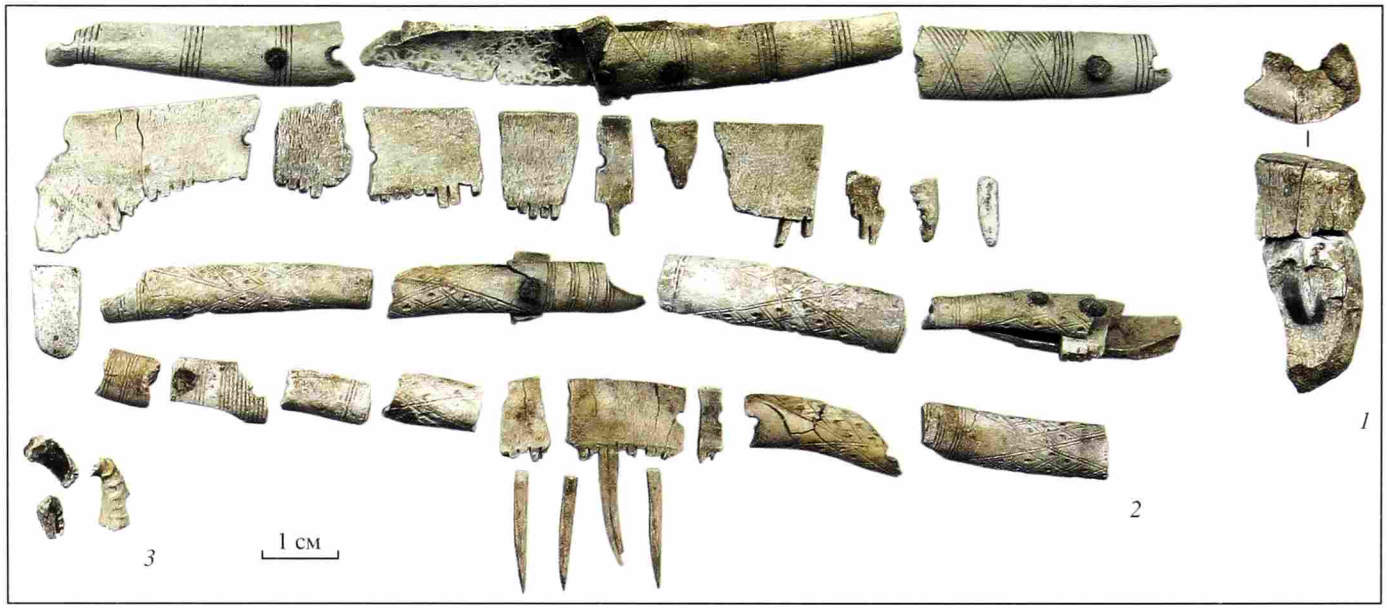


Рис. 281. Могильник Минино II. Находки из погребения 50 (продолжение)

1 — фрагмент томара (№ 82); *2* — фрагменты двух расчесок (№ 15); *3* — фрагменты раковины каури (№ 27);. *1, 2* — рог; *3* — раковина

Вместе с костями располагались стеклянные бусы, часть которых была оплавлена и спеклась в комок. Отдельных бусин собрано 43 экз. Еще около 15 штук спеклось (№ 26). Среди них два экземпляра представлены навитыми черными глазчатыми бусами с белыми петлями (№ 33, 76). Одна бусина была сделана из тянутой палочки голубого цвета (№ 8). Все остальные экземпляры изготовлены из тянутых трубочек. Две бусины были двухчастными красно-коричневыми: одна полосатая (№ 4) и одна одноцветная (№ 35). Лимоновидных синих бусин найдено семь одночастных (№ 2, 3, 5, 11, 26, 30, 45) и одна двухчастная (№ 29), желтых — три трехчастных (№ 22, 26, 81), 13 двухчастных (№ 13, 19, 26, 28, 32, 38, 56, 58, 73, 74) и восемь одночастных (№ 7, 18, 26, 55, 57, 75), бесцветных 14 одночастных гладких (№ 10, 14, 17, 21, 25, 26, 31, 34, 39, 40, 60, 81) и одна ребристая (№ 23). Обнаружены также две молочно-белые бусины (№ 26), две красно-фиолетовые (№ 26) и две золотостеклянные — двухчастная и одночастная (№ 16).

Здесь же найдены предметы из бронзы: два фрагмента одного оплавленного шумящего украшения (подвески-конька? № 6, 80), две привески-лапки (№ 59, 79), целая неоплавленная шумящая многоспиральная подвеска (№ 52), фрагмент проволоки (височное кольцо? № 54), фрагмент оплавленного украшения (№ 12) и пластинчатая неоплавленная обкладка от сумочки (№ 77). В заполнении ямы собраны также отдельные кальцинированные фрагменты двух односторонних роговых расчесок с геометрическим орнаментом (№ 15), кальцинированные фрагменты рогового томара (№ 82) и раковины каури (№ 27), железный обожженный наконечник стрелы (№ 64), семь фрагментов лепной керамики, пять мелких обломков сырых костей животных, среди которых один принадлежит козе (овце). В заполнении ямы, помимо средневековых вещей, собраны 6 кремневых пластин (№ 41, 65, 69, 94, 95, 102) и три кремневых скола.

Погребения 48, 49 (рис. 282–285) находились в квадратах C-10, C-11, D-10, D-11. Могильная яма погребений прорезала южную и центральную часть ямы 23, содержавшей остатки кремации (*погребение 50*). Верхняя часть заполнения ямы 23 в этом секторе представляла

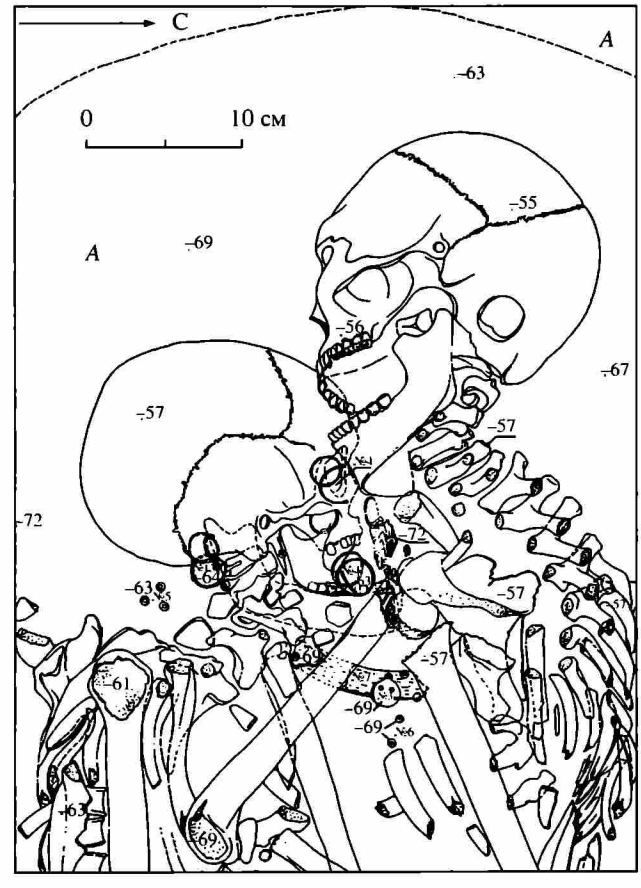


Рис. 283. Могильник Минино II. Погребения 48, 49. Деталь

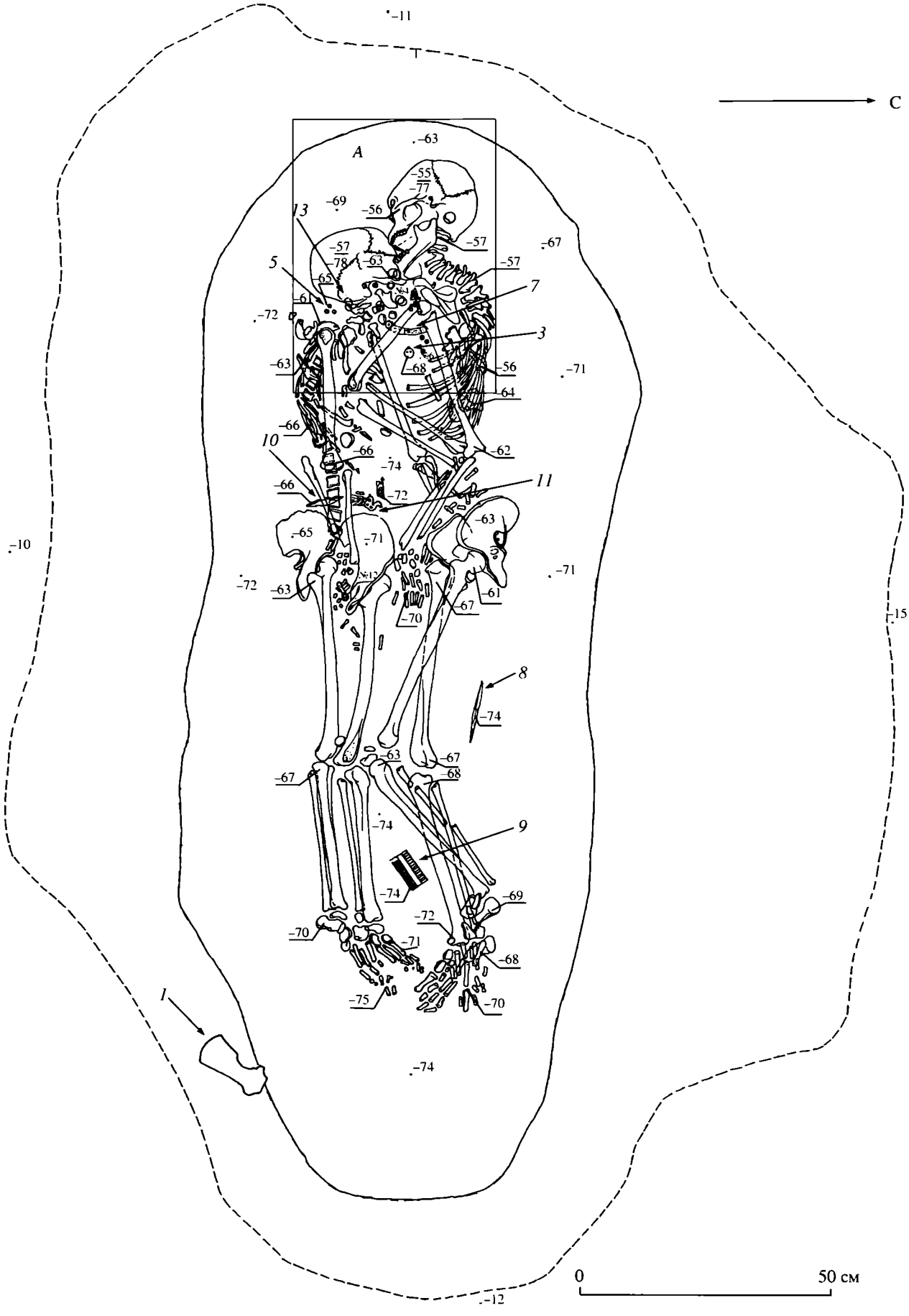


Рис. 282. Могильник Минино II. Погребения 48, 49

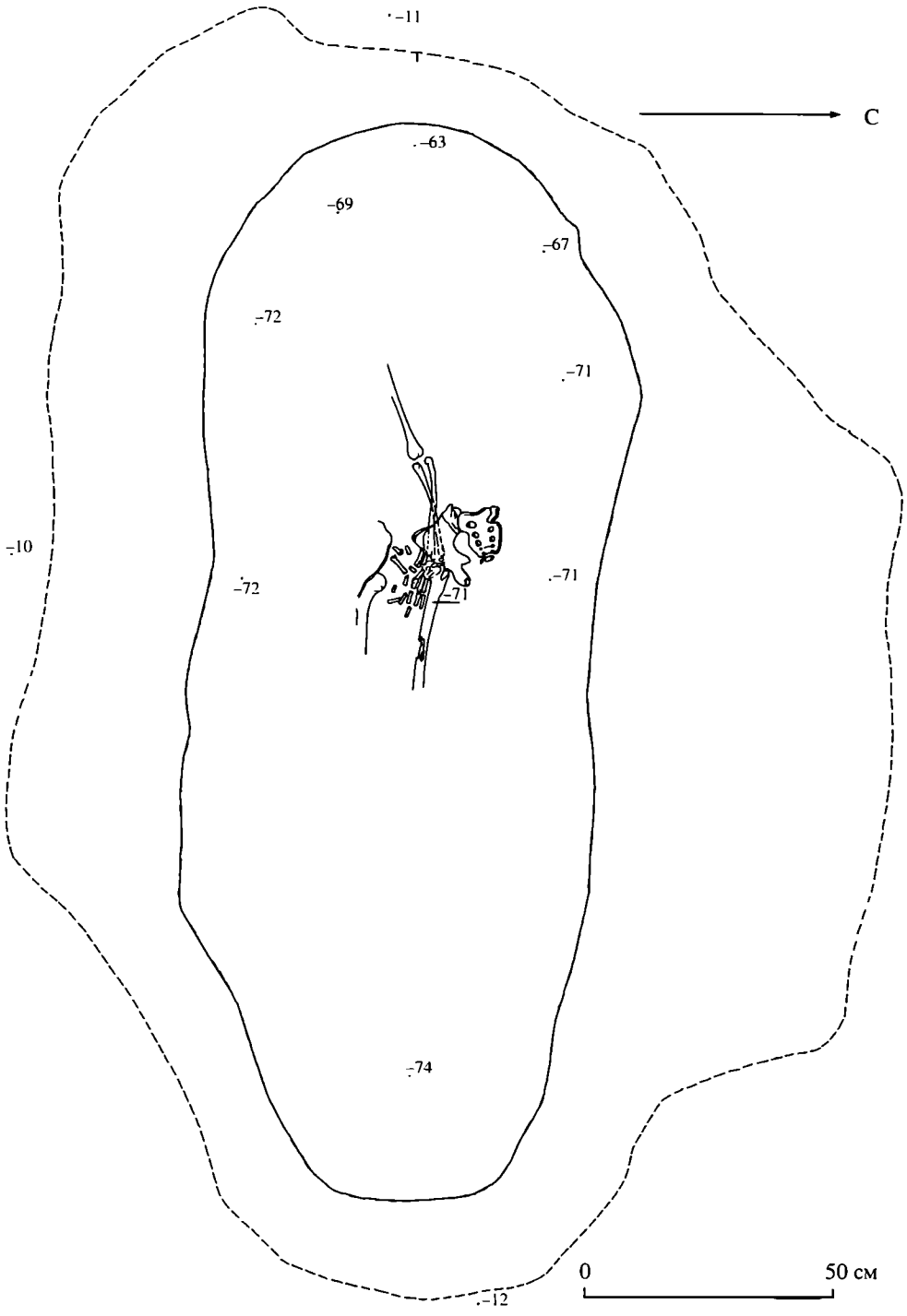


Рис. 284. Могильник Минино II. Погребения 48, 49. Деталь

Рис. 285. Могильник Минино II. Находки из погребений 48, 49

1 — нож с остатками рукояти (№ 8); *2* — нож с остатками рукояти (№ 10); *3—7, 9, 10* — височные кольца (№ 4); *8* — черенок ножа (№ 2); *11—13, 15, 16* — височные кольца (№ 13); *14* — перстень (№ 12); *17* — подвеска-иконка (№ 3); *18* — зооморфная подвеска (№ 11); *19* — топор (№ 1); *20* — гребень (№ 9); *21* — бусины (№ 5). *1, 2* — железо, дерево; *3—7, 9—18* — цветной металл; *8, 19* — железо; *20* — рог; *21* — стекло

собой серо-коричневую супесь с мелкими белыми камешками, при разборке которой расчищен фрагмент обугленного дерева длиной 22 см, шириной 6—12 см, с волокнами, ориентированными в направлении СЗ—ЮВ. На глубине 28 см от современной дневной поверхности обозначился контур могильной ямы прямоугольной формы размером 240 × 90—95 см. Стенки ямы отвесные, дно плоское. Глубина ямы составила 81—86 см от уровня современной дневной поверхности и 66—68 см от уровня поверхности материка. Яма заполнена коричневой супесью. При ее разборке в юго-восточной части ямы около стенки обнаружен железный топор (№ 1), а в северо-восточной части ямы черенок железного ножа (№ 2), возможно, использованный в качестве гвоздя.

Парное погребение хорошей сохранности располагалось в нижней части слоя коричневой супеси и слое белого слабогумусированного песка. Придонная часть ямы имела форму неправильного овала. Ее размеры составляли 220 × 58/82 см. Погребенные лежали в вытянутом положении вплотную друг к другу головами на запад с отклонением 3° к югу. *Погребение 48* — костяк женщины, лежащий на левом боку. Позвоночник в спинном отделе был слегка изогнут. Череп покоился на левом боку, правая рука была вытянута, кисть ее находилась на правой тазовой кости, левая рука была несколько отведена вперед, кисть ее обращена ладонью вниз и находилась под кистью руки мужчины. Ноги вытянуты, стопы оттянуты. *Погребение 49* — костяк мужчины, лежащий на правом

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
1 см
19
1 см
20
21
1 см

боку в вытянутом положении. Череп покоился на правом боку и был несколько наклонен лицевой частью вниз, челюсти его плотно прилегали к лобным костям черепа женщины. Позвоночник был слегка изогнут, правая рука согнута в локте, кисть ее находилась в области таза, на кисти руки женщины, левая рука была согнута, кисть ее покоилась в области бедра. Ноги немного согнуты в коленях, стопы обращены вправо. Возраст женщины — 45—55 лет, мужчины — старше 45 лет. Можно полагать, что погребенные находились в одном гробу. На это указывает ровное параллельное положение позвоночников и присутствие в разных частях могилы небольших фрагментов древесного тлена, ориентированных по оси ямы.

Справа и слева у черепа женщины в области висков находились бронзовые перстнеобразные височные кольца. Около правого уха и челюсти расчищено семь колец, образующих вертикальный ряд (№ 4). Около левого уха расчищено пять колец, располагавшихся вместе (№ 13). В области шеи погребенной обнаружены фрагменты тканевого воротника, расшитого серебряной нитью (№ 7). Ниже затылка и в районе груди собрано 10 стеклянных навитых зонных бусин от ожерелья (№ 5, 6). Среди них: три зеленых, одна зеленая двухчастная, две голубые, одна желтая ребристая, одна желтая гладкая, две коричневых. В центре ожерелья находилась бронзовая круглая подвеска-иконка с изображением святого воина (№ 3). Под лучевой костью правой руки на костях позвоночника лежал железный нож с остатками деревянной рукояти (№ 10). Он располагался поперек тела лезвием на юг. Недалеко от ножа спереди костяка выше таза расчищена бронзовая подвеска-петушок (№ 11). На палец правой руки был надет рубчатый перстень (№ 12). Между костями ног погребенных в районе голеней находился роговой двусторонний наборный гребень (№ 9). Мужское погребение сопровождалось железным ножом (№ 8), располагавшимся вертикально около больших берцовых костей ног.

Погребение 51 (рис. 286) обнаружено в квадрате F-12. Оно находилось на контакте пахотного слоя и слоя рыже-коричневой супеси мезолитического времени на глубине 16—17 см от уровня современной дневной поверхности. Контуры пятна могильной ямы овальной формы размерами 131 × 30—50 см, вытянутой в направлении запад—восток, читались на фоне рыжей супеси по более темной окраске гумусированного слоя, окружавшего костяк.

Костяк хорошей сохранности лежал на спине головой на запад с отклонением 10° к северу. Раздавленный череп имел небольшой наклон влево, ноги были вытянуты. Левая рука располагалась вдоль туловища, правая была несколько согнута в локте. Погребенным был ребенок в возрасте трех—четырех лет. Сопровождающий инвентарь отсутствовал. Около костяка обнаружен один фрагмент круговой керамики.

Погребение 52 (рис. 287–289[9]) выявлено в квадратах

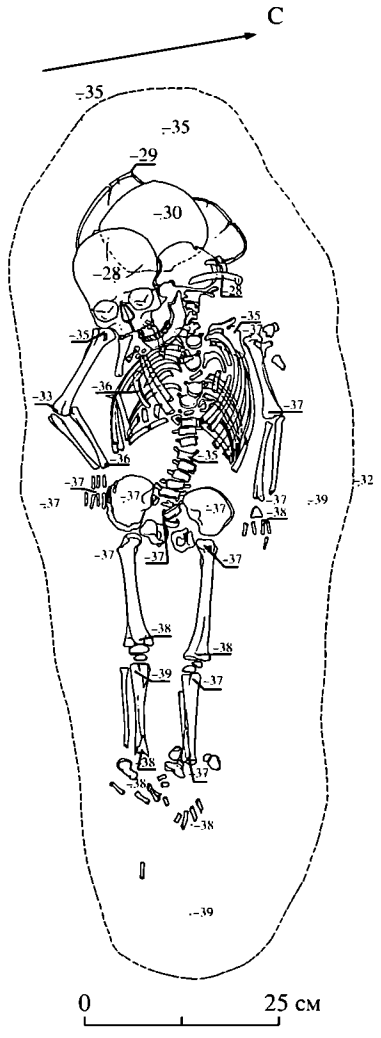


Рис. 286. Могильник Минино II. Погребение 51

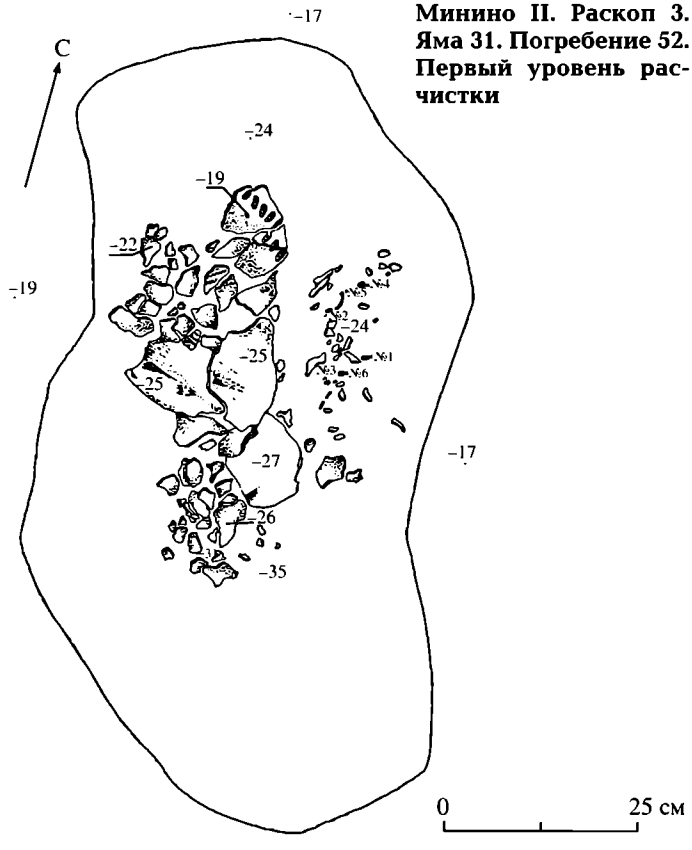


Рис. 287. Могильник Минино II. Раскоп 3. Яма 31. Погребение 52. Первый уровень расчистки

[9] Можно полагать, что комплексы, описанные как погребения 52 и 53, являются остатками одного погребения.

D-12, D-13, в яме 31. Размеры ямы, имевшей вид неправильного овала, вытянутого в меридиональном направлении, составляли 132 × 62 см. Яма имела наклонные стенки и округлое дно. Глубина ее от уровня материка равна 28 см. Основным заполнением верхней части ямы является слой темной углистой супеси толщиной 20 см, в нижней — слой коричневой слабогумусированной супеси толщиной 33 см. В темном углистом слое в центральной и северо-восточной частях ямы находились фрагменты кальцинированных костей (*погребение 52*). Всего собрано 22 г костей. Среди них определяются фрагменты ребер взрослого человека и мелкие фрагменты трубчатых костей человека (?), а также три фрагмента костей животных. Вместе с костями собрано четыре оплавленных стеклянных бусины: навитая цилиндрическая черная с однократной поперечной линией (№ 1), лимоновидные синие одночастная (№ 3) и двухчастная (№ 2), а также желтая одночастная (№ 6), оплавленные бронзовые грушевидный бубенчик (№ 4) и фрагмент браслетообразного (?) височного кольца (№ 5).

В слое коричневой слабогумусированной супеси в центральной и западной частях ямы к западу от скопления кальцинированных костей расчищены

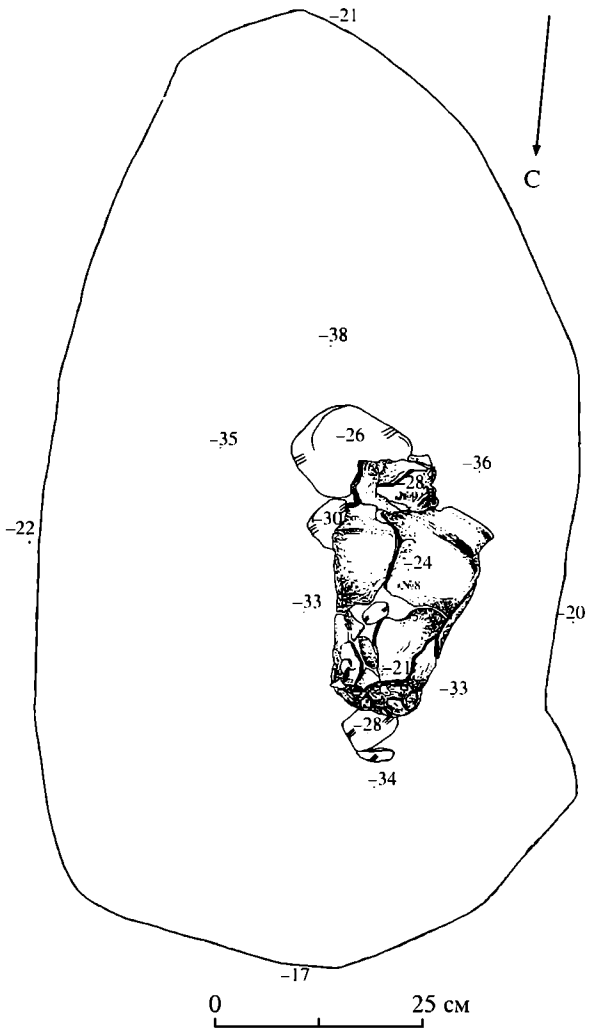


Рис. 288. Могильник Минино II. Раскоп 3. Яма 31. Погребение 52. Второй уровень расчистки

три лепных сосуда (№ 7—9). Все сосуды были раздавлены и лежали на боку. Их венчики были обращены к югу. Два сосуда были сильно фрагментированы. Лучше всего сохранился сосуд № 8. Он лежал на боку венчиком к югу. Внутри него найден один фрагмент кальцинированной кости. Венчик сосуда лежал на краю камня размерами 14,5 × 11 см, еще один камень размерами 7 × 5 см находился около его дна. Вероятно, первоначально все три сосуда стояли на участке, прилегающем с севера к большому камню. Интерпретация комплекса как отдельного погребения предположительна, с равной вероятностью он может рассматриваться как поминальный комплекс и часть погребения 53.

Погребение 53 (рис. 290, 291) обнаружено в квадратах D-11, D-12, в яме 30. Яма в плане имела форму овала, вытянутого в направлении СЗ—ЮВ. Ее размеры составляли 136 × 110 см. Стенки ямы имеют форму чаши, дно округлое, глубина от уровня поверхности материка равна 27 см. Основным заполнением верхней части ямы является слой темной углистой супеси толщиной около 10 см, его подстилает светлокоричневый гумусированный песок мощностью 20 см, являющийся основным заполнением нижней части ямы. Граница разделения слоев проходит практически горизонтально.

В слое темной гумусированной супеси, преимущественно в северо-западной части ямы, находились отдельные кальцинированные кости и многочисленные стеклянные бусы. Всего собрано 11,25 г кальцинированных костей. Среди них определяются фрагментированные передние зубы и мелкие фрагменты свода черепа взрослого индивида, а также фрагменты костей животных. Стеклянных бусин найдено 72 экземпляра, часть из них оплавлена. Пять бусин — навитые глазчатые с петлями: четыре черные (№ 11, 12, 37, 63) и одна винно-красная (№ 64). Одна бесцветная бусина изготовлена однократным обертыванием полосы стекла (№ 50). Остальные сделаны из тянутых трубочек: две двухчастные лимоновидные розовые (№ 1, 36), две лимоновидные полосатые красно-коричневые (№ 21, 27); четыре лимоновидные синие одночастные (№ 2, 17, 34, 56), одна синяя одночастная ребристая (№ 59), шесть синих двухчастных (№ 8, 10, 19, 20, 42, 62) и одна синяя трехчастная (№ 55); 11 лимоновидных желтых одночастных (№ 9, 15, 22, 24, 28, 29, 41, 47, 48, 61), семь желтых двухчастных (№ 4, 30—33, 46, 67) и две желтые трехчастные (№ 51, 52); 22 лимоновидных бесцветных одночастных (№ 3, 5—9, 13, 14, 17, 35, 38—40, 43, 45, 49, 51, 53, 57, 60, 65, 66), одна бесцветная ребристая (№ 34), одна бесцветная двухчастная (№ 16); одна лимоновидная золотостеклянная (№ 18), одна золотостеклянная двухчастная (№ 54), одна лимоновидная серебростеклянная (№ 44), одна голубая бисерина (№ 17). Здесь же найдены один бронзовый оплавленный предмет (№ 58) и один фрагмент лепной керамики. В придонной части ямы зафиксировано углубление круглой формы с прямыми стенками диаметром

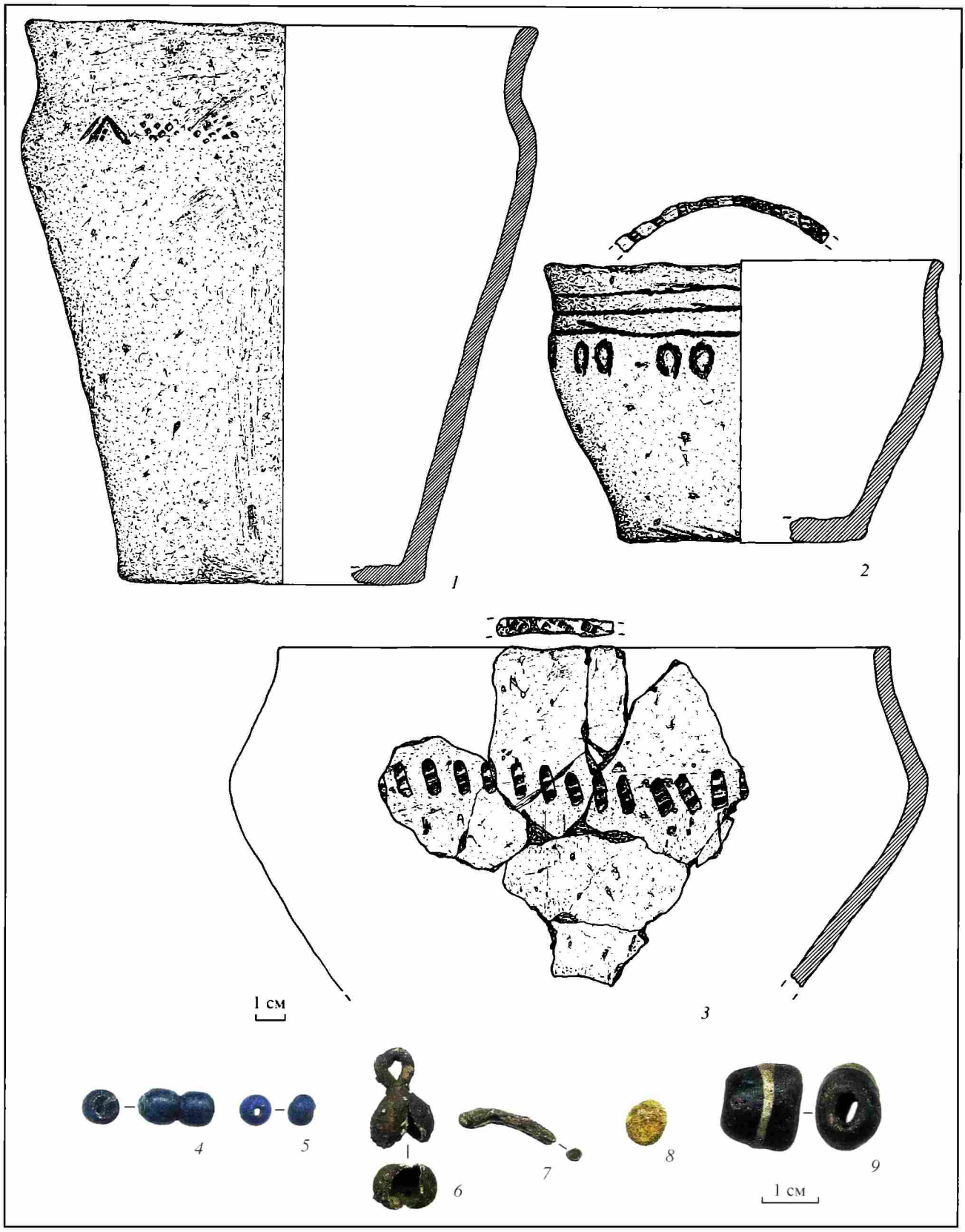


Рис. 289. Могильник Минино II. Находки из погребения 52

1 — лепной сосуд (№ 8); *2* — лепной сосуд (№ 9); *3* — лепной сосуд (№ 7); *4* — бусина (№ 2); *5* — бусина (№ 3); *6* — привеска-бубенчик (№ 4); *7* — фрагмент височного кольца (№ 5); *8* — бусина (№ 6); *9* — бусина (№ 1). *1–3* — глина; *4, 5, 8, 9* — стекло; *6, 7* — цветной металл

Рис. 290. Могильник Минино II. Раскоп 3. Яма 30. Погребение 53

а — кальцинированная кость; *б* — индивидуальная находка; *в* — уголь; *г* — фрагмент лепной керамики. Расшифровку условных обозначений слоев см. рис. 217

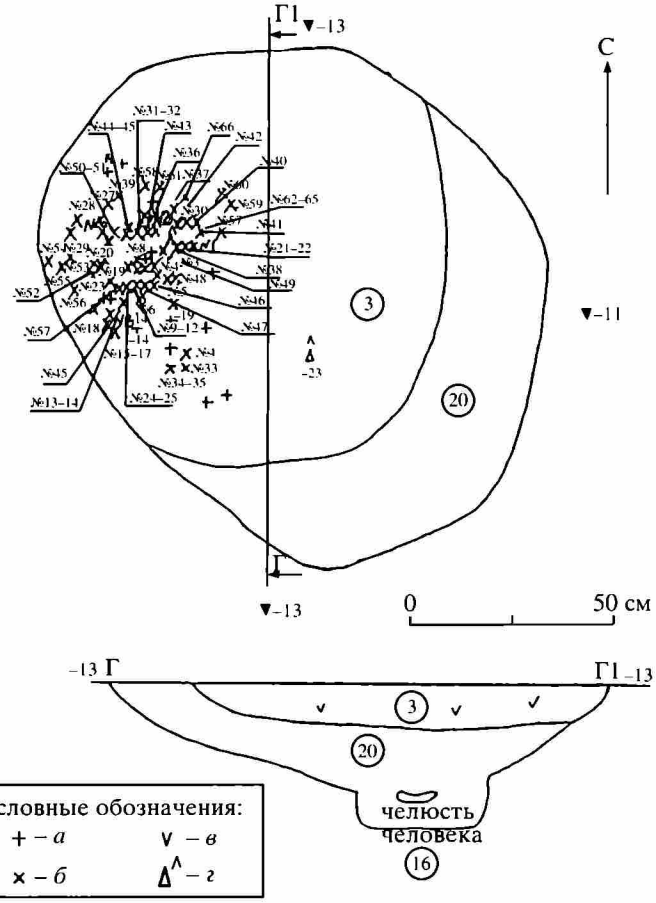
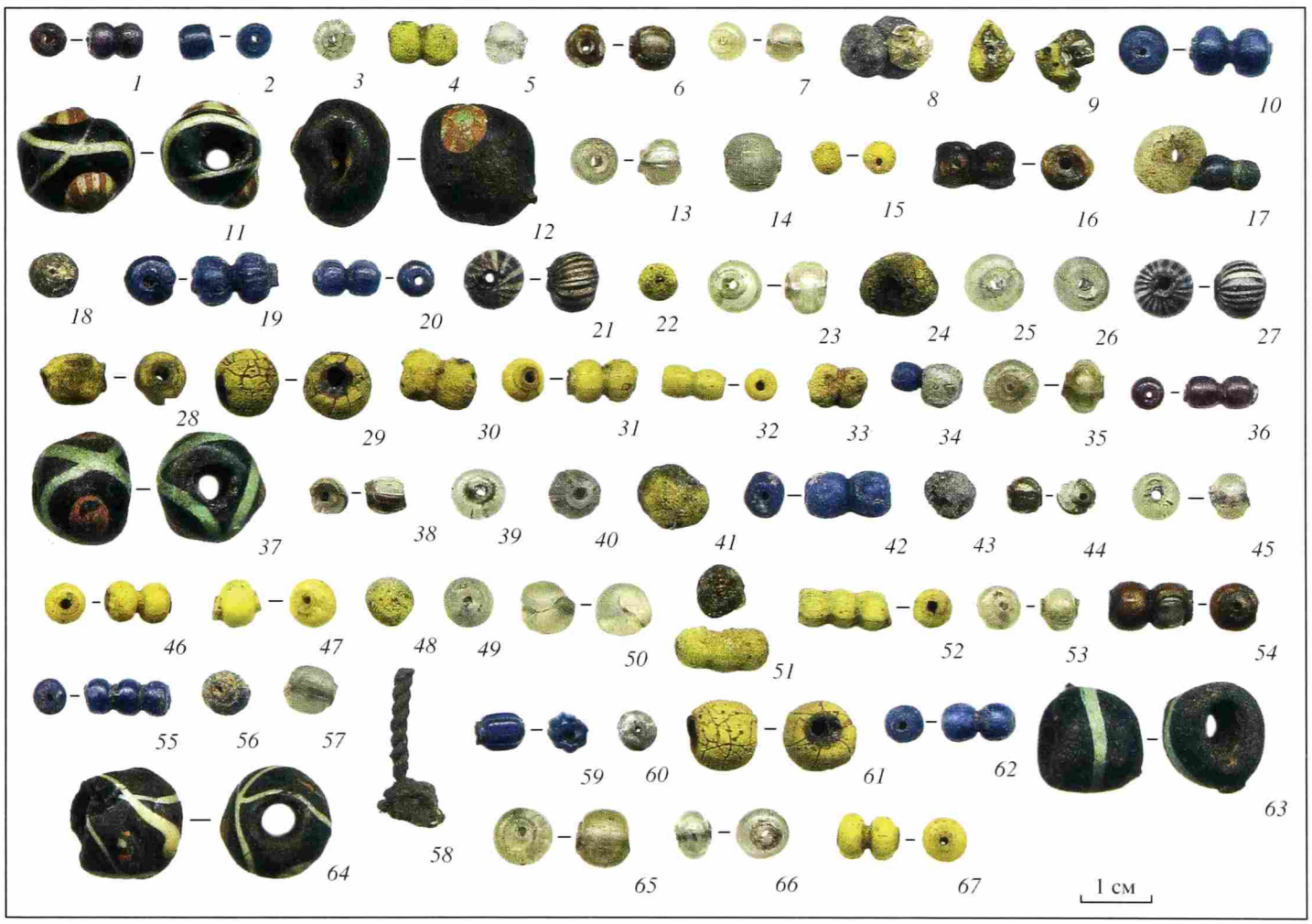


Рис. 291. Могильник Минино II. Находки из погребения 53

1–57, 59–67 — бусины; *58* — оплавленный предмет. *1–57, 59–67* — стекло; *58* — цветной металл



32 см, заполненное тем же слоем светло-коричневого гумусированного песка. Плоское дно находилось на глубине 36 см от уровня материка. В углублении найден фрагмент негорелой нижней челюсти ребенка.

Погребение 54 (рис. 292, 293) обнаружено в квадрате F-9 в яме 33. Яма в плане имеет форму овала, вытянутого в меридиональном направлении, южная часть ее находится за пределами раскопа. Размеры вскрытой части составляют: СЮ — 100 см, ЗВ — 102 см. Стенки ямы имеют скос внутрь, дно плоское. Глубина ямы равна 43 см от уровня поверхности материка. Основным заполнением верхней части ямы являлся слой черной углистой супеси толщиной 11 см, нижняя часть ямы заполнена слоем белого слабогумусированного песка толщиной 18—23 см. В верхнем слое собраны: один фрагмент лепной и один фрагмент неопределимой керамики, одна сырая кость животного и 0,1 г сырых костей рыбы, 3,3 г кальцинированных костей и два кремневых скола. В центральной части ямы около южной стенки раскопа на глубине 14—19 см от уровня поверхности материка в нижнем слое расчищен фрагментированный череп человека (женщина старше 50 лет?) и обломок трубчатой кости. Анатомический порядок костей нарушен. Рядом с черепом найдена бронзовая крестовключенная подвеска (пласт 2, № 53).

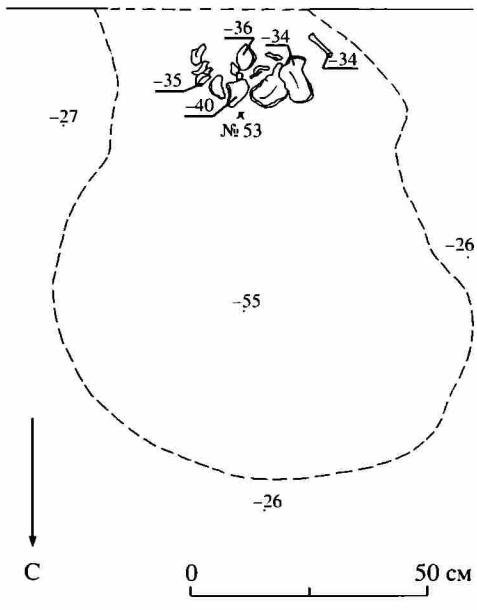


Рис. 292. Могильник Минино II. Погребение 54

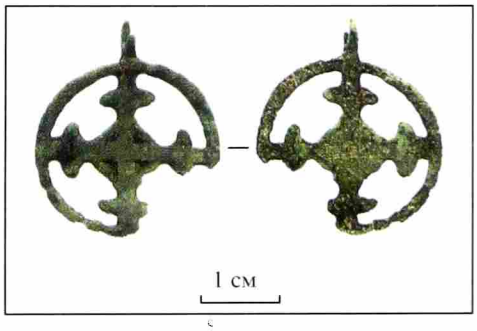


Рис. 293. Могильник Минино II. Бронзовая подвеска из погребения 54

Погребение 55 (рис. 275) обнаружено в квадратах Е-11, Е-12, в яме 43, которая частично прорезала яму погребения 46, имела в плане форму неправильного овала размерами: СЮ — 80 см, ЗВ — 102 см, стенки отвесные, дно плоское. Глубина ямы равна 40—43 см от уровня поверхности материка. Заполнение ямы — темная серо-коричневая супесь. В западной части ямы на глубине 11—17 см от уровня поверхности материка расчищен фрагментированный череп человека 40—49 лет (женщины?). Вещи отсутствуют.

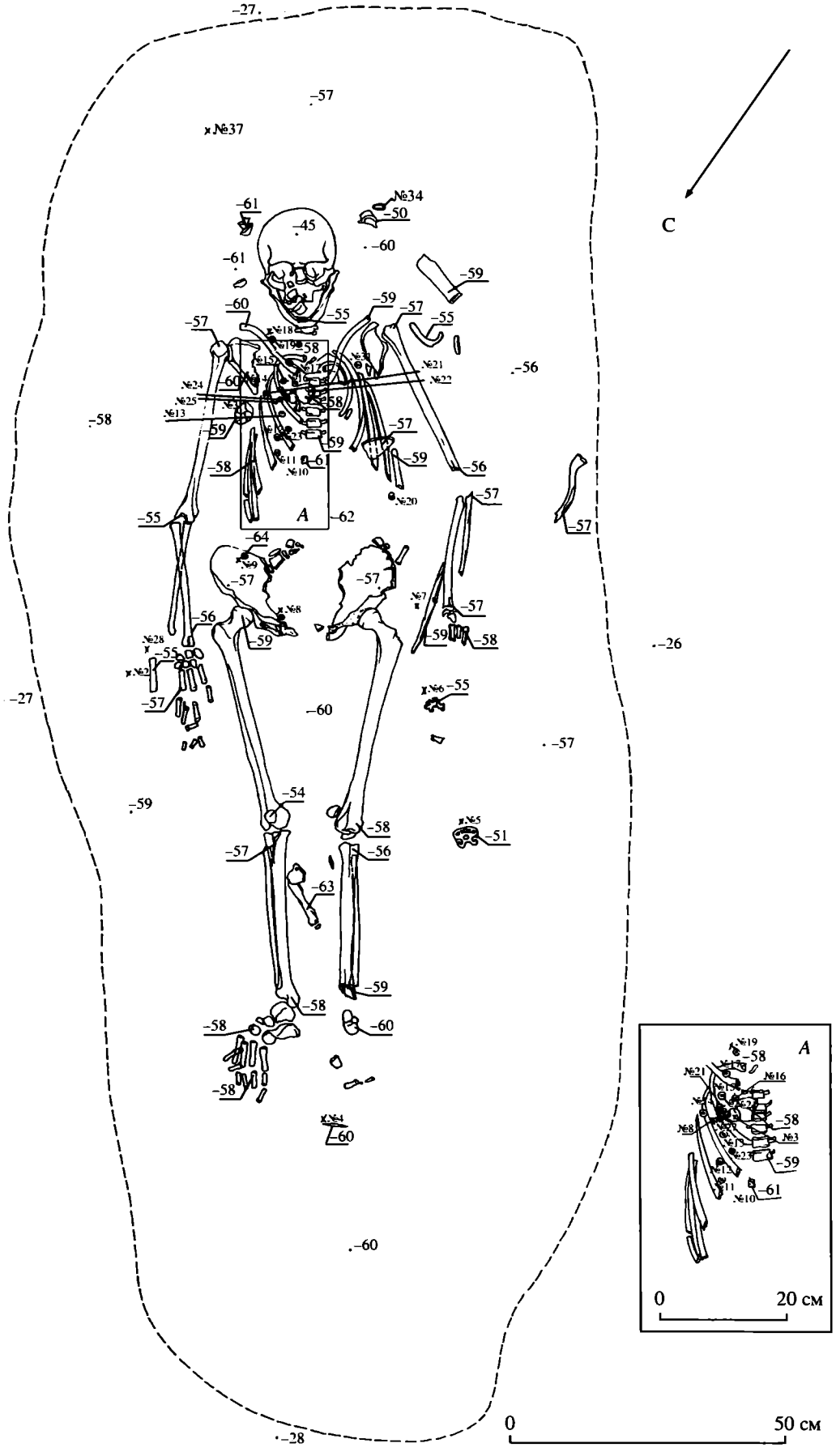
Погребение 56 (рис. 294, 295) находилось в квадратах В-14, В-15, С-14. Яма погребения имела форму прямоугольника со скругленными углами с небольшим выемом в северо-западном углу. Ее размеры равны: 268 × 106—108 см. Стенки отвесные, дно плоское. Глубина могильной ямы составляет 69—71 см от уровня современной дневной поверхности и около 45 см от уровня поверхности материка.

В верхней части яма была заполнена слоем темной серо-коричневой супеси, в нижней — желтым и белым переотложенным материковым песком. В заполнении ямы собраны многочисленные фрагменты сырых костей человека из потревоженной ингумации мезолитического времени. Очевидно, к разрушенному погребению следует отнести находки двухчастной пронизки, сделанной из трубчатой кости (№ 20) и несколько обломков костей со следами обработки (№ 28, 33—43). Вместе с ними в заполнении ямы находились бронзовая поясная накладка (№ 1) и две кремневые пластины (№ 2, 29), 18 фрагментов лепной керамики, 2 г негорелых костей рыб, 14 обломков сырых костей животных, среди которых две кости принадлежат лосю и девять неопределенным млекопитающим, 2 г кальцинированных костей и один кремневый скол.

Костяк средней сохранности лежал на спине головой на юго-восток (35° к востоку от направления на юг). Полностью истлели кости нижнего отдела позвоночника, в небольших фрагментах сохранились мелкие кости левой кисти и левой стопы. Череп располагался прямо, руки были немного разведены в локтях, кисти рук лежали в районе больших берцовых костей. Ноги располагались прямо, ступни обращены наружу. Погребенной была женщина старше 50 лет.

Слева от черепа на расстоянии 5 см от него находилось бронзовое перстнеобразное височное кольцо с заходящими концами (№ 34). Еще одно такое кольцо располагалось в области груди (№ 22). Под шеей расчищены фрагменты тканевого воротника, расшитого золотной нитью (№ 32). На груди женщины лежала бронзовая крестовключенная подвеска ушком вниз (№ 21). С правой стороны костяка вдоль позвоночника до таза выявлены бусы, лежащие в ряд. Всего здесь собрано 25 бусин. Из них две шаровидные с выпуклым декором были сделаны из сплава олова и свинца (№ 11, 24). Остальные бусины были стеклянные навитые: 16 голубых зонных (№ 8, 9, 12—17, 23, 25—27, 30), одна бочонковидная темнокоричневая с выпуклым декором зигзаг (№ 10), четыре фиолетовые зонные (№ 19, 27, 35, 36), одна зонная

Рис. 294. Могильник Минино II. Погребение 56



1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
1 см
33
34
35
1 см
36
1 см

желтая (№ 27), одна кольцевидная зеленая (№ 19). Одна голубая зонная бусина (№ 31) лежала с левой стороны костяка недалеко от ключицы. С правой стороны костяка около ребер расчищена плоская овальная подвеска из сплава олова и свинца с выпуклым декором, сохранившаяся фрагментарно (№ 3).

Между костями таза и локтевой костью левой руки погребенной лежал железный нож с остатками деревянной рукояти (№ 7). Он был обращен острием вниз. В районе несохранившихся костей левой кисти находилась бронзовая полая зооморфная шумящая подвеска-барашек, лежавшая головой вниз (№ 6). Слева от скелета в районе колен расчищена еще одна подвеска, также лежавшая головой вниз — плоский двухголовый конек (№ 5). Ниже ступней ног поперек них располагалась железная игла (№ 4).

Погребение 57 (рис. 296, 297) обнаружено в квадрате Е-12. Могильная яма имела вид овала, вытянутого в широтном направлении с отклонением к северу. Размеры ямы составляют 120 × 53 см, стенки отвесные, дно плоское. Глубина могильной ямы

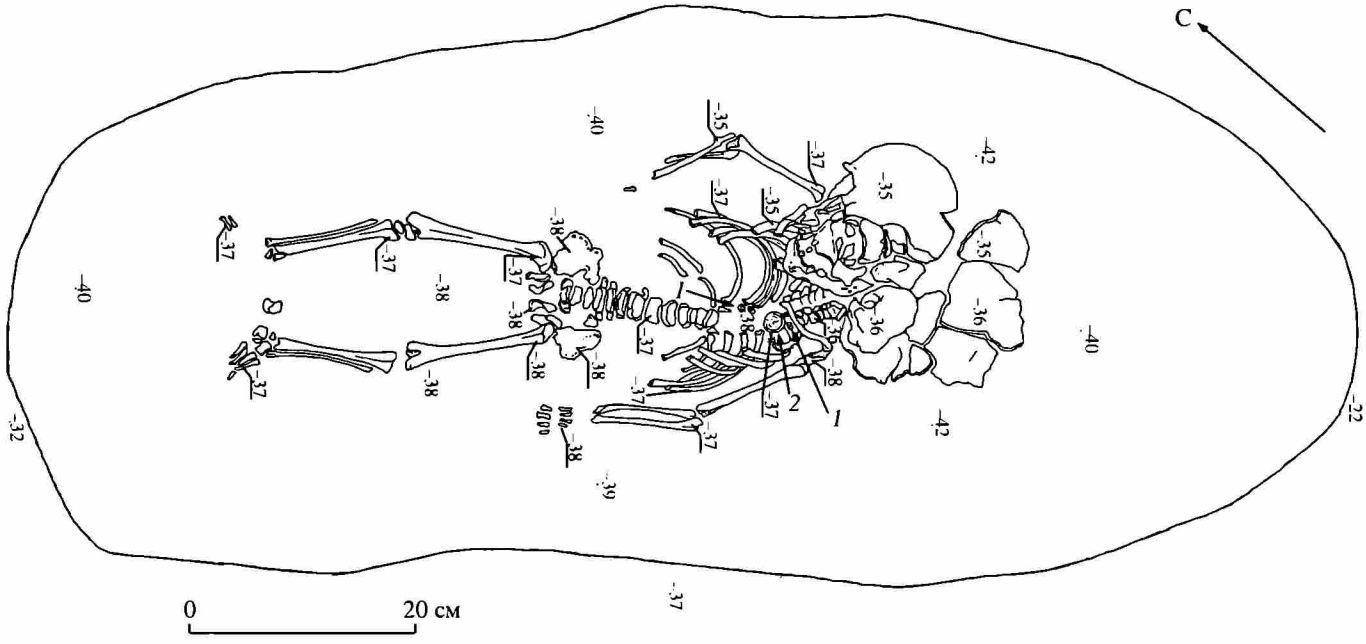


Рис. 296. Могильник Минино II. Погребение 57

Рис. 297. Могильник Минино II. Находки из погребения 57

1 — подвеска-иконка (№ 2); *2* — бусины (№ 1). *1* — цветной металл; *2* — стекло

Рис. 295. Могильник Минино II. Находки из погребения 56 и заполнения могильной ямы

1 — зооморфная подвеска (№ 5); *2* — фрагменты подвески (№ 3); *3* — зооморфная подвеска (№ 6); *4* — игла (№ 4); *5* — подвеска (№ 21); *6* — поясная накладка (№ 1); *7* — височное кольцо (№ 34); *8* — височное кольцо (№ 22); *9* — бусина (№ 10); *10* — бусина (№ 11); *11* — бусина (№ 12); *12* — бусина (№ 13); *13* — бусина (№ 14); *14* — бусина (№ 15); *15* — бусина (№ 16); *16* — бусина (№ 9); *17* — бусина (№ 30); *18* — бусина (№ 19); *19* — бусина (№ 35); *20* — бусина (№ 8); *21* — бусина (№ 27); *22* — бусина (№ 31); *23* — бусина (№ 27); *24* — бусина (№ 27); *25* — бусина (№ 25); *26* — бусина (№ 27); *27* — бусина (№ 27); *28* — бусина (№ 27); *29* — бусина (№ 36); *30* — бусина (№ 17); *31* — бусина (№ 18); *32* — бусина (№ 26); *33* — нож с остатками рукояти (№ 7); *34* — бусина (№ 24); *35* — фрагменты воротника с шитьем золотыми нитями (№ 32); *36* — фрагмент кости со следами обработки (№ 39). *1–3, 5–8, 10, 34* — цветной металл; *4* — железо; *9, 12–32* — стекло; *33* — железо, дерево; *35* — ткань, береста; *36* — кость

составила 33—37 см от уровня современной дневной поверхности и 8—17 см от уровня поверхности материка. Заполнение — коричневая гумусированная супесь.

В яме расчищен костяк ребенка полутора—двух лет хорошей сохранности. Отсутствовали только мелкие кости кисти правой руки и стопы правой ноги. Он покоился на спине в вытянутом положении головой на восток с отклонением 24° к северу. Череп раздавлен, руки были немного согнуты, кисти лежали по обе стороны таза, ноги были вытянуты. В области шеи погребенного находилось ожерелье из трех стеклянных навитых бусин (№ 1): одной зеленой зонной, одной зеленой кольцевидной трехчастной и одной зонной коричневой ребристой. На груди расчищена бронзовая круглая подвеска-иконка с изображением святого воина (№ 2).

Кроме погребальных на площадке могильника обнаружен целый ряд ям, не содержащих погребений.

Яма 22 (рис. 107) выявлена в квадрате В-3. Восточная часть осталась за пределами раскопа. Размеры вскрытой части ямы, имеющей в плане сегментовидную форму, по верху составили: СЮ — 186 см, ЗВ — 170 см. С северо-западной и западной стороны к яме примыкали два крупных валуна. Стенки ямы были наклонными, дно — округлым. Глубина ямы составляла 68 см от уровня поверхности материка. Основным заполнением верхней части ямы являлся слой рыжей супеси толщиной около 25 см. В придонной части яма сужалась до размеров 155 × 110 см. Здесь ее заполнял слой темной серо-коричневой супеси с отдельными угольками толщиной 10—14 см. В заполнении ямы обнаружены часть кремневой пластины (№ 1), стеклянная лимоновидная одночастная желтая бусина (№ 107), два лепных и один круговой фрагменты керамики, две сырые кости животных, 0,2 г костей рыб, 3 г кальцинированных костей и один кремневый скол.

Яма 25 (рис. 107) выявлена в квадрате В-5. В плане имеет сложную неправильную форму, размеры ее составляют: СЮ — 112 см, ЗВ — 122 см. Стенки ямы отвесные, глубина от края до 44 см. Заполнение ямы — рыжий слабогумусированный песок, перемешанный с серо-коричневой супесью. В северной части ямы обнаружено скопление лепной керамики (развал сосуда), две кремневых пластины (№ 85, 90), 1,5 г кальцинированных костей и один кремневый скол.

Яма 27 (рис. 107) расчищена в квадрате С-7. В плане яма имела форму прямоугольника с расширением в юго-восточной части, вытянутого в направлении СВ—ЮЗ. Размеры ямы составляли 144 × 83/113 см, стенки отвесные, дно плоское. В темном гумусированном заполнении ямы в северной ее части на глубине 5—9 см от края выявлено пятно супеси, интенсивно насыщенной углями, и камень размерами 58 × 28 см. В углистой прослойке собрано три негорелых зуба и фрагмент челюсти животных (определяются собака и лисица). Прослойка перекрывала развал средневекового лепного сосуда (№ 62). Придонная часть ямы была заполнена слоем белого слабогумусированного песка толщиной около 5 см. Кроме перечисленных выше в заполнении ямы собраны семь кремневых пластин, одна кость животного, 0,3 г кальцинированных костей и 11 кремневых сколов.

Яма 32 (рис. 107) располагалась в квадрате В-12. Она имела форму неправильного овала, ориентированного в меридиональном направлении. Размеры ямы по верхнему краю составляли 100 × 78 см, стенки были наклонными, в придонной части она сужалась до размеров 83 × 70 см. Глубина достигала 43 см от уровня поверхности материка. В заполнении ямы в слое светлокоричневого гумусированного песка обнаружены бронзовые втульчатое браслетообразное височное кольцо (№ 91) и оплавленная грушевидная привеска-бубенчик (№ 92).

Яма 34 (рис. 107) открыта в квадрате А-9. Северная часть осталась за пределами раскопа. В раскопе яма имела овальные очертания. Ее размеры составляли: СЮ — 64 см, ЗВ — 94 см. У восточного края ямы находился валун размерами 74 × 62 см. Стенки ямы были плавно скошены к ее центру, дно плоское. Глубина ямы равна 18 см от уровня поверхности материка. В верхней части она была заполнена слоем темной углистой супеси толщиной 5—7 см. Его подстилал слой серого золистого песка толщиной 3—5 см. Ниже, в придонной части ямы залегал слой рыжей супеси толщиной 5 см. В заполнении вдоль южной стенки расчищено скопление лепной керамики (развал сосуда).

Яма 36 (рис. 107) выявлена в квадратах В-13, В-14. Она имеет в плане форму прямоугольника со скругленными углами, вытянутого в направлении СЗ—ЮВ, размером 123 × 80 см. Стенки отвесные, дно плоское. Глубина ямы равна 31 см от уровня поверхности материка. Основным заполнением ямы является слой рыжей супеси, перемешанной с серо-коричневой супесью. В юго-западном углу ямы расчищен фрагмент горелого дерева длиной 10 см, шириной 4 см, лежащий вдоль ее стенки.

Около северной стенки ямы на глубине 6 см от уровня поверхности материка обнаружен фрагмент необожженной кости человека. Еще три позвонка человека найдены на той же глубине за пределами ямы у северного ее края. Здесь же собрано четыре бронзовых височных перстнеобразных кольца (№ 122, 138—140) и стеклянная зонная бусина (№ 137). Вероятно, и кости, и вещи принадлежали одному разрушенному погребению.

Яма 39 (рис. 107) выявлена в квадрате В-15. В плане она имела вид овала, вытянутого в меридиональном направлении. Размеры ямы по верху составляли 122 × 26—44 см, стенки ее были наклонными, дно плоским. Глубина ямы равна 16 см от уровня поверхности материка. Яма заполнена слоем слабогумусированной серо-коричневой супеси. В центральной части ямы расчищены развалы двух лепных сосудов, стоящих вплотную друг к другу (№ 128, 129).

Раскоп 3 (2003 г.)

Погребения 59/I, 59/II, 62 (рис. 298, 299) зафиксированы в квадратах Е-53, Е-54, F-53, F-54. Могильная яма имела форму несколько неправильного овала, вытянутого в широтном направлении. Размеры ямы по верху составляли: 332 × 122 – 140 см. Стенки ямы имеют скос внутрь. Дно плоское. Размеры ямы в придонной части равны 258 × 74 – 83 см. Глубина могильной ямы от уровня современной дневной поверхности составляет 51 – 56 см, от уровня материка – 29 – 34 см. Яма заполнена слоем серо-коричневой гумусированной супеси с большим количеством мелкой гальки белого цвета. В слое почвенного гумуса, перекрывающего восточную часть ямы, на глубине 14 – 24 см от современной поверхности в переотложенном состоянии находились отдельные кости женщины 45 – 49 лет (*погребение 59/I*). Представлены нижняя челюсть, ключица, лопатка, фрагменты ребер, отдельные позвонки. Среди костей найдены бронзовый пластинчатый широкосрединный перстень (№ 1), оплавленная стеклянная лимоновидная бусина (№ 2), бронзовые трубчатая пронизка (№ 3) и подвеска в виде полой уточки (№ 4).

Яма погребений прорезала материковый песок, а своей западной и юго-западной частями – заполнение ямы 66. При этом отдельные камни из ямы 66 находились в переотложенном состоянии в заполнении ямы погребений. В яме собраны две кремневые пластины (№ 9, 10), три кремневых скола, пять фрагментов лепной керамики, восемь сырых костей белки и девять костей неопределимых млекопитающих, а также 0,9 г костей рыбы.

На глубине 10 – 20 см от уровня современной дневной поверхности расчищено скопление разрозненных костей человека, находящихся в беспорядке. Кости концентрировались в центральной части ямы. Среди них находились отдельные кости стоп *погребения 59/I* и ребенка трех–четырех лет (*погребение 59/II*). Третьим индивидом, кости которого были обнаружены в яме, был мужчина 40 – 49 лет (*погребение 62*). Его череп располагался в центральной части ямы около ее южной стенки лицевым отделом вниз, нижняя челюсть лежала отдельно. Кости скелета находились в беспорядке в западной половине ямы. Берцовые кости ног лежали параллельно вдоль длинной оси ямы, но были повернуты наоборот. Среди костей собраны следующие находки: три стеклянные навитые бусины – коричневая четырехчастная бисерина (№ 5) и две зеленые зонные (№ 7, 11), фрагмент малой круторогой лунницы из свинцово-оловянного сплава (№ 6), бронзовый пластинчатый широкосрединный перстень (№ 13), железная свернутая пластина (№ 8), железный черенковый наконечник сулицы (№ 12). В юго-западном углу ямы in situ находился развал средневекового кругового сосуда (№ 14).

Погребения 60, 61 (рис. 300–303) обнаружены в квадрате Е-54 под дерном в слое серо-коричневой супеси с мелкими белыми камешками на глубине около 10 см от современной поверхности. Контуры могильной ямы прямоугольной формы, вытянутой в направлении восток – запад, прослежены только на уровне ее дна. Размеры ямы составляют 200 × 140 см. Глубина от уровня поверхности материка равна 1 – 2 см, от уровня современной дневной поверхности 19 – 23 см.

Погребенные (№ 60 – южное, № 61 – северное) лежали рядом головами на восток. Кости были потревожены распашкой и имели плохую сохранность. Часть костей истлела. ***Погребение 60***. Костяк мужчины в возрасте 25 – 35 лет лежал вытянуто на спине. Череп был раздавлен, руки и ноги располагались вытянуто вдоль тела, кости ног сохранились фрагментарно. Между левым крылом таза и костя-

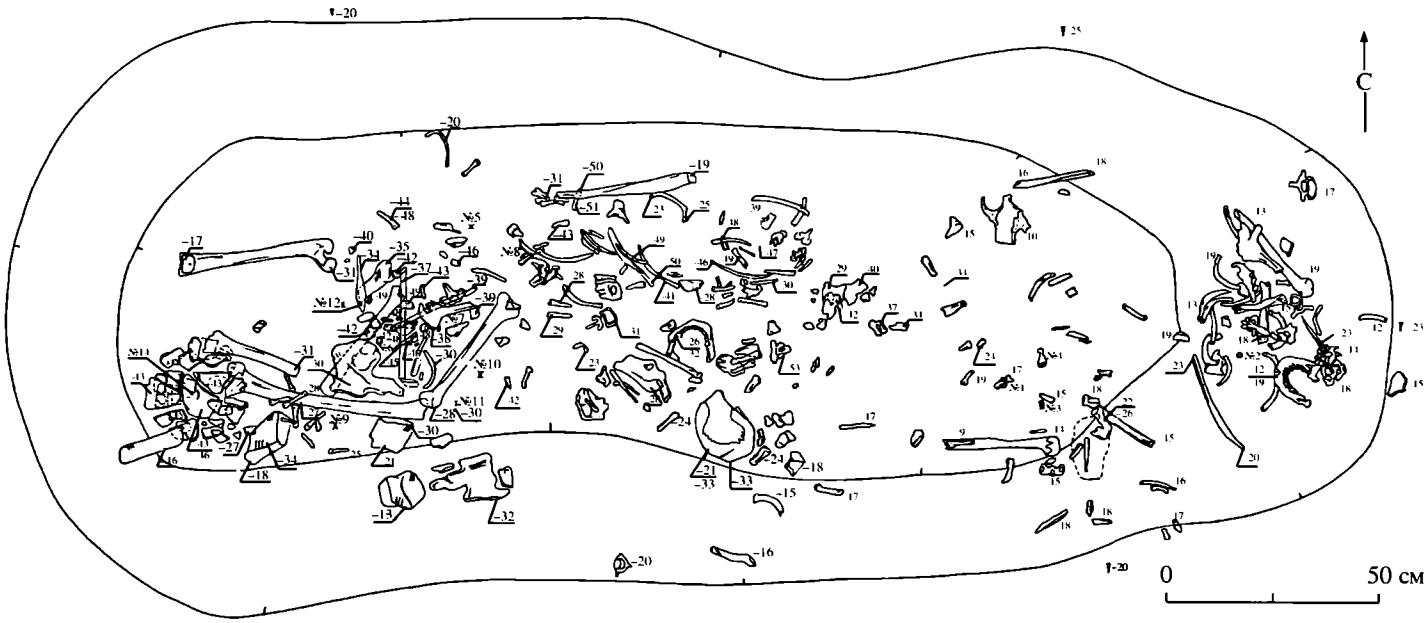


Рис. 298. Могильник Минино II. Погребения 59/I, 59/II, 63

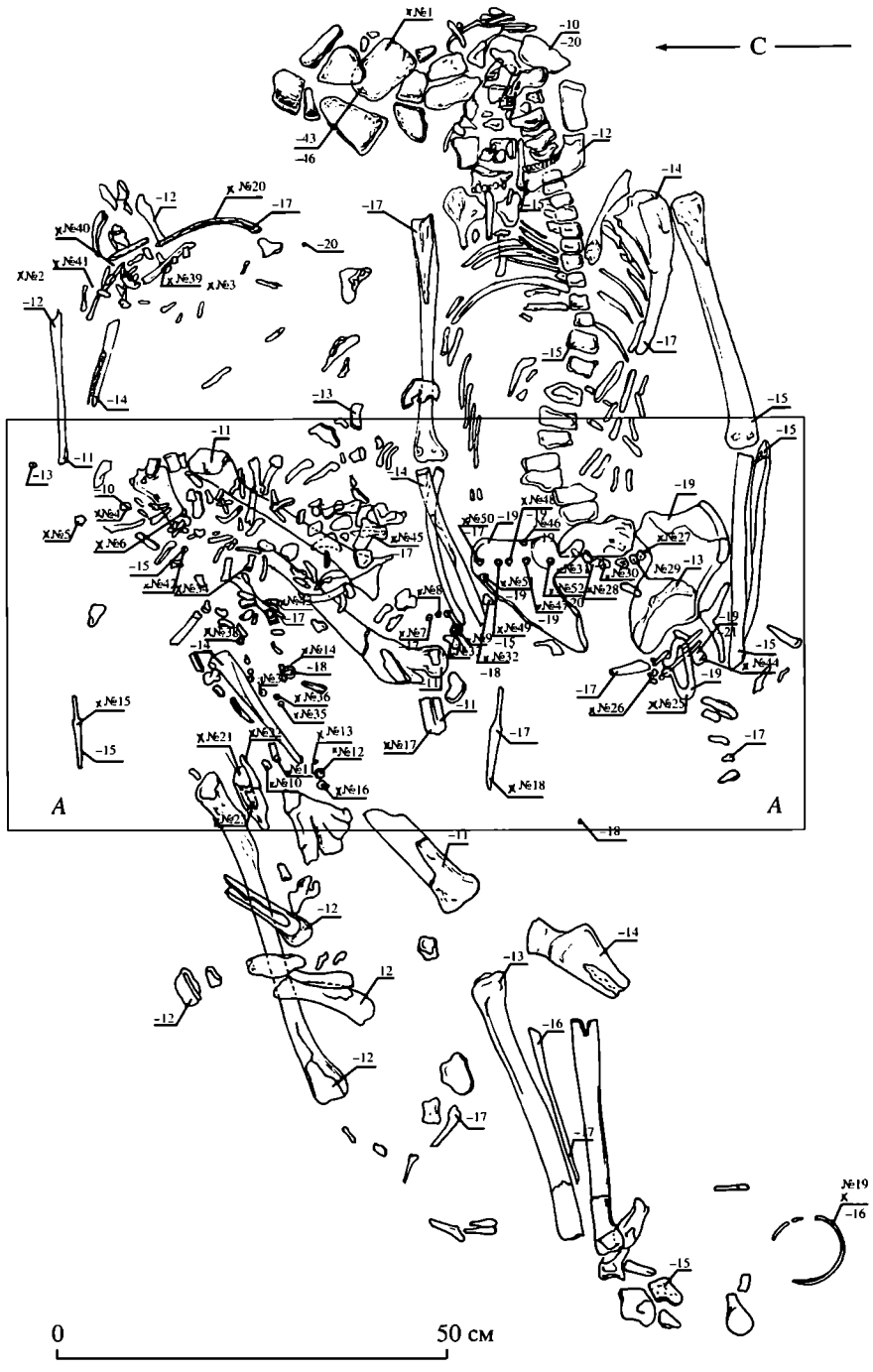
Рис. 299. Могильник Минино II. Находки из погребений 59/I, 59/II, 62

1 — перстень (№ 13); *2* — перстень (№ 1); *3* — трубчатая пронизка (№ 3); *4* — пластина (№ 8); *5* — бусина (№ 2); *6* — бисерина (№ 5); *7* — бусина (№ 7); *8* — фрагмент лунницы (№ 6); *9* — бусина (№ 11); *10* — зооморфная подвеска (№ 4); *11* — наконечник сулицы (№ 12); *12* — крутовой сосуд (№ 14). *1—3, 8, 10* — цветной металл; *4, 11* — железо; *5—7, 9* — стекло; *12* — глина

ми кисти левой руки находилось железное калачевидное кресало (№ 25[10]). Поверх кресала сохранился фрагмент грубой ткани простого плетения. Непосредственно под кресалом расчищены односторонняя роговая расческа в футляре (№ 26) и сланцевый оселок (№ 44). Справа от несохранившегося бедра правой ноги лежал острием вниз железный нож с остатками деревянной рукояти (№ 18). В 5 см к северо-востоку от него расчищен обломок еще одного сланцевого оселка (№ 17). Очевидно, все эти предметы были подвешены к поясу. Еще один железный нож (№ 45) лежал между костяками в 5 см к северу от локтевой кости правой руки погребенного № 60. Он был развернут острием на север. В районе истлевших костей кисти правой руки мужчины находился бронзовый узкопластинчатый

[10] Нумерация находок погребений 60 и 61 — единая.

Рис. 300. Могильник Минино II. Погребения 60, 61



перстень с рельефным орнаментом с заходящими концами (№ 33).

На бедрах погребенного, вероятно, был надет кожаный пояс, украшенный бронзовыми накладками. В районе тазовых костей мужчины, преимущественно под ними, расчищены 13 накладок пятиугольной формы (№ 27 – 32, 46 – 52). Большинство накладок лежало в два ряда в направлении север – юг. В одном ряду они располагались лицевыми частями вверх, а в другом – тыльными. Еще три накладки: две пятиугольные (№ 8, 9) и одна круглой формы (№ 7) расчищены рядом около локтевой кости правой руки мужчины; девять бронзовых накладок: четыре пятиугольных (№ 5, 10, 37, 38), три круглых (№ 11, 35, 36) и две каплевидных (№ 6, 42), а также четыре бронзовых поясных наконечника (№ 13, 23, 34, 43), бронзовая лировидная поясная пряжка с железным язычком (№ 14) и бронзовое поясное кольцо (№ 12) собраны среди костей *погребения 61*. Они не располагались компактно, а лежали группами по 2 – 3 предмета. Возможно, такое положение – результат разрушения погребения распашкой. Очевидно, все эти предметы украшали один пояс. Слева от костей стопы погребенного 60 расчищено бронзовое браслетообразное височное кольцо (№ 19). Между головами погребенных стоял лепной, подправленный на круге сосуд (№ 1).

Погребение 61 располагалось к северу от погребения 60 вплотную к нему. Оно было сильно потревожено и частично истлело, так что костей в анатомическом порядке практически не сохранилось. Ясно только, что погребенный лежал головой на восток с небольшим отклонением к северу. Его

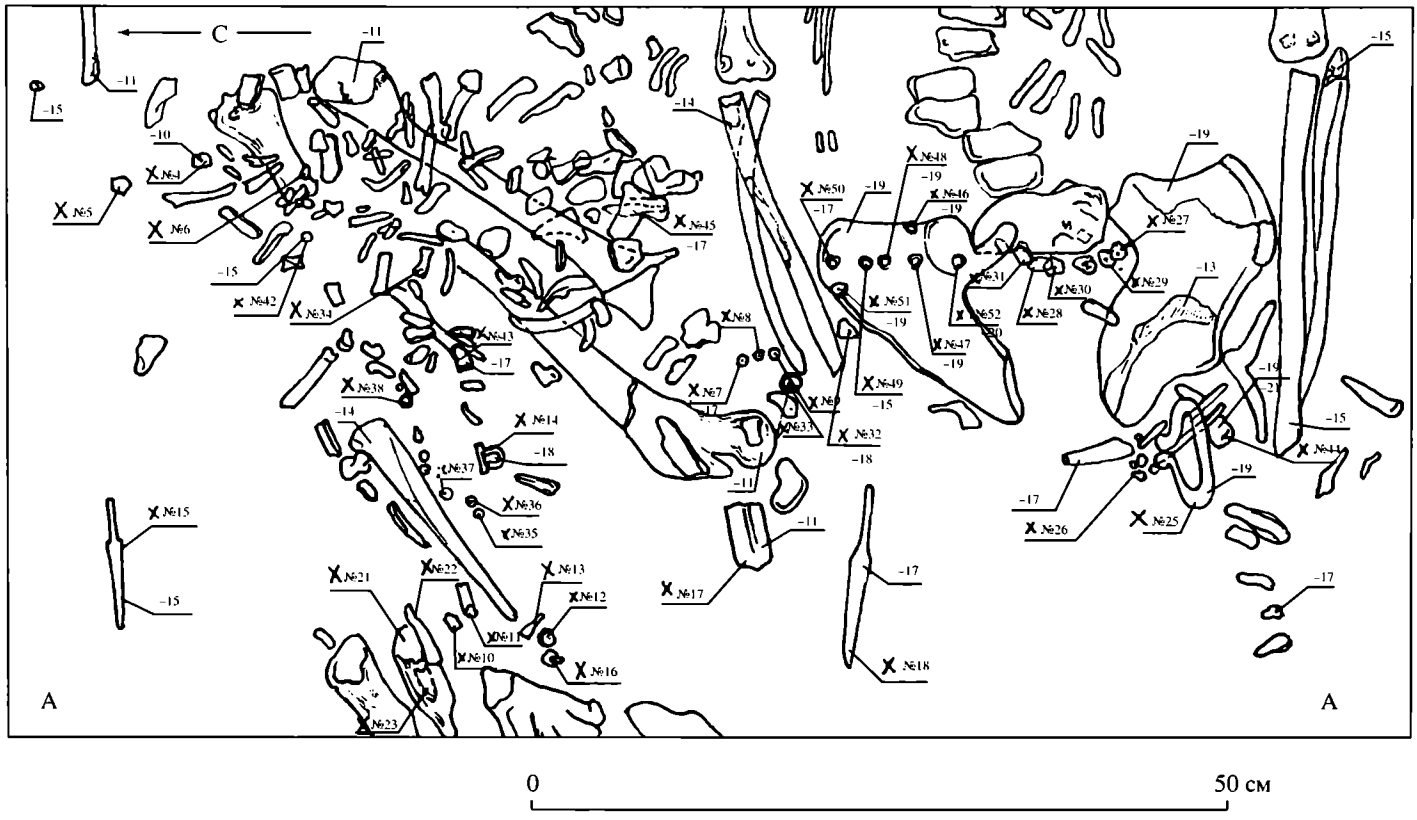


Рис. 301. Могильник Минино II. Погребения 60, 61. Деталь

пол не определен, возраст — старше 45 лет. Кости черепа не сохранились. В области шеи находилась железная тордированная гривна (№ 20). Гривна представлена фрагментарно, так что способ оформления ее концов неясен. Здесь же обнаружены пять желтых стеклянных навитых бисерин (№ 2, 3, 20, 40, 41), одна зеленая бусина (№ 24) и бронзовый перстень с чеканным геометрическим орнаментом (№ 39). В 30 см к западу расчищена бронзовая пронизка колоколовидной формы (№ 4). В 15 см к северу от предполагаемого места расположения пояса лежал железный нож, повернутый черенком к голове погребенного (№ 15), а параллельно внутренней стороне верхней части правой большой берцовой кости находились железные пластинчатое кресало (№ 21) и обломок еще одного ножа (№ 22). В 7 см к югу от них в районе предполагаемой кисти обнаружен бронзовый перстень со спиральным щитком (№ 16), надетый на полуистлевшую фалангу пальца.

Заполнение могильной ямы подстилается слоем серого слабогумусированного песка толщиной около 7 см, в котором обнаружен один фрагмент средневековой лепной керамики и 4,5 г кальцинированных костей.

Погребение 63 (рис. 304, 305) зафиксировано в квадрате G-2. Могильная яма в плане имела овальную форму. Она была ориентирована в широтном направлении с небольшим отклонением к югу и имела размеры 84 × 40—48 см. Стенки ямы отвесные, дно плоское. Глубина ямы составляет 32—33 см от уровня современной дневной поверхности и 8—12 см от уровня поверхности материка. Заполнение ямы — коричневая гумусированная супесь. В яме расчищен костяк хорошей сохранности, принадлежащий ребенку в возрасте одного года — полутора лет. Он располагался на спине головой на восток с отклонением 9° к северу. Раздавленный череп лежал прямо лицевым

Рис. 302. Могильник Минино II. Находки из погребений 60, 61

1 — перстень (№ 33); *2* — перстень (№ 16); *3* — поясная накладка (№ 49); *4* — поясная накладка (№ 50); *5* — поясная накладка (№ 27); *6* — поясная накладка (№ 29); *7* — поясная накладка (№ 30); *8* — поясная накладка (№ 31); *9* — поясная накладка (№ 46); *10* — поясная накладка (№ 48); *11* — поясная накладка (№ 10); *12* — поясная накладка (№ 46); *13* — поясная накладка (№ 47); *14* — поясная накладка (№ 51); *15* — поясная накладка (№ 32); *16* — поясная накладка (№ 8); *17* — поясная накладка (№ 9); *18* — поясное кольцо (№ 12); *19* — поясная пряжка (№ 13); *20* — поясной наконечник (№ 23); *21* — поясной наконечник (№ 43); *22* — поясная накладка (№ 28); *23* — поясной наконечник (№ 34); *24* — поясной наконечник (№ 36); *25* — поясная накладка (№ 11); *26* — поясная накладка (№ 37); *27* — поясная накладка (№ 38); *28* — поясная накладка (№ 29); *29* — поясная накладка (№ 35); *30* — поясная накладка (№ 36); *31* — поясная накладка (№ 7); *32* — поясная накладка (№ 42); *33* — поясная накладка (№ 6); *34* — гривна (№ 20); *35* — бусина (№ 24); *36* — бусина (№ 40); *37* — бусина (№ 41); *38* — бусина (№ 2); *39* — бусина (№ 3); *40* — колоколовидная пронизка (№ 4); *41* — перстень (№ 39); *42* — кресало (№ 25). *1—33, 40* — цветной металл; *34, 42* — железо; *35—39* — стекло; *41* — серебро

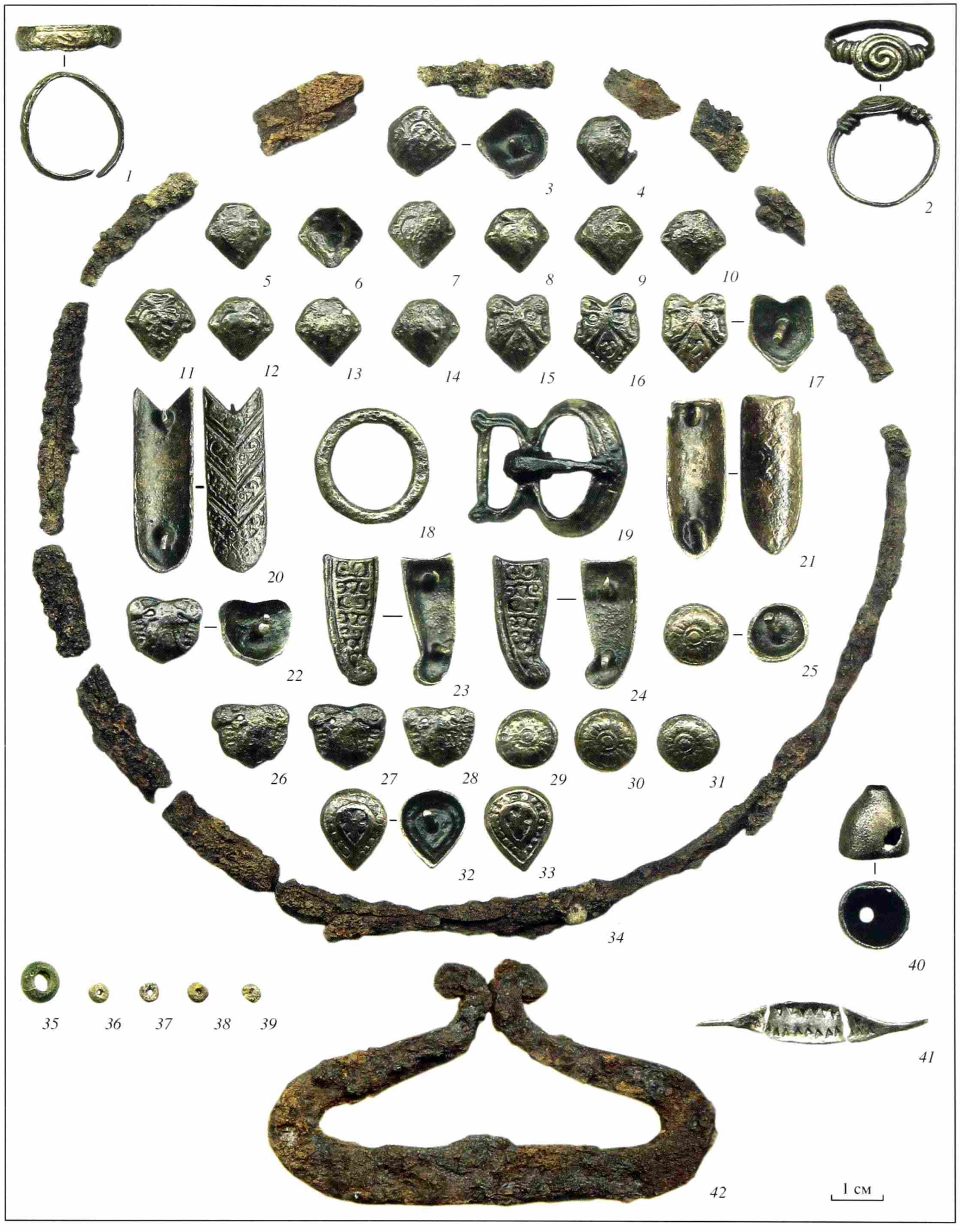
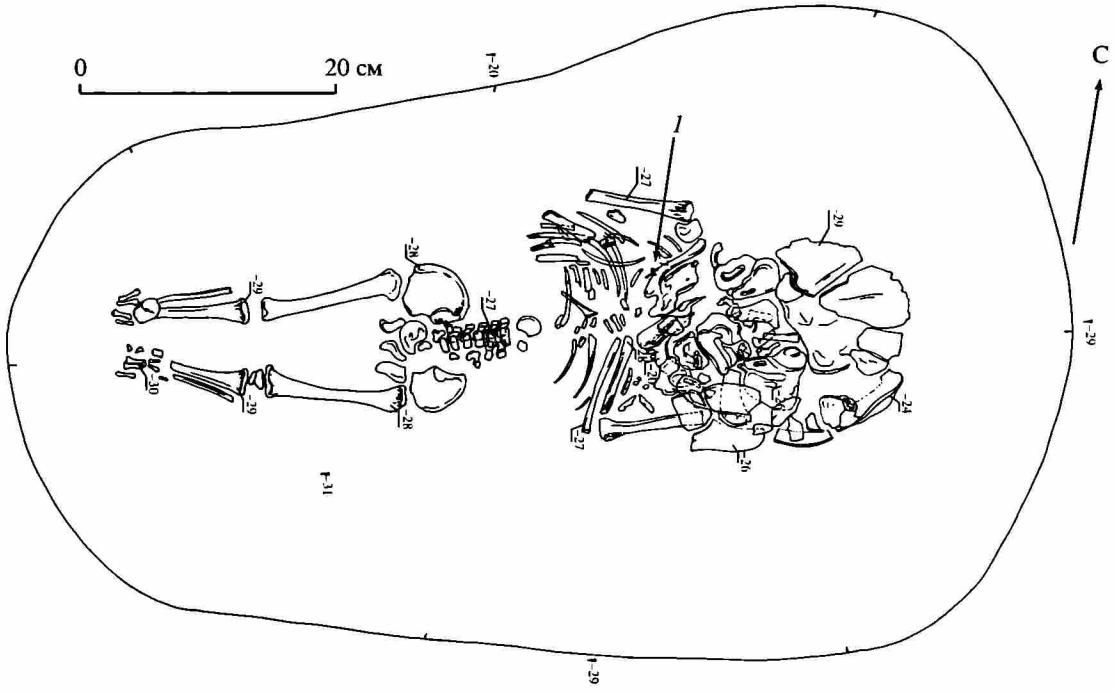

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
1 см

Рис. 303. Могильник Минино II. Находки из погребений 60, 61 (продолжение)

1 — височное кольцо (№ 19); *2* — лепной сосуд (№ 1); *3* — фрагмент ножа (№ 22); *4* — оселок (№ 44); *5* — оселок (№ 17); *6* — кресало (№ 21); *7* — расческа с футляром (№ 26); *8* — нож (№ 15); *9* — нож (№ 18). *1* — цветной металл; *2* — глина; *3, 6, 8, 9* — железо; *4, 5* — камень; *7* — рог

Рис. 304. Могильник Минино II. Погребение 63



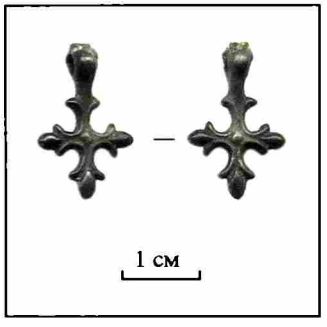
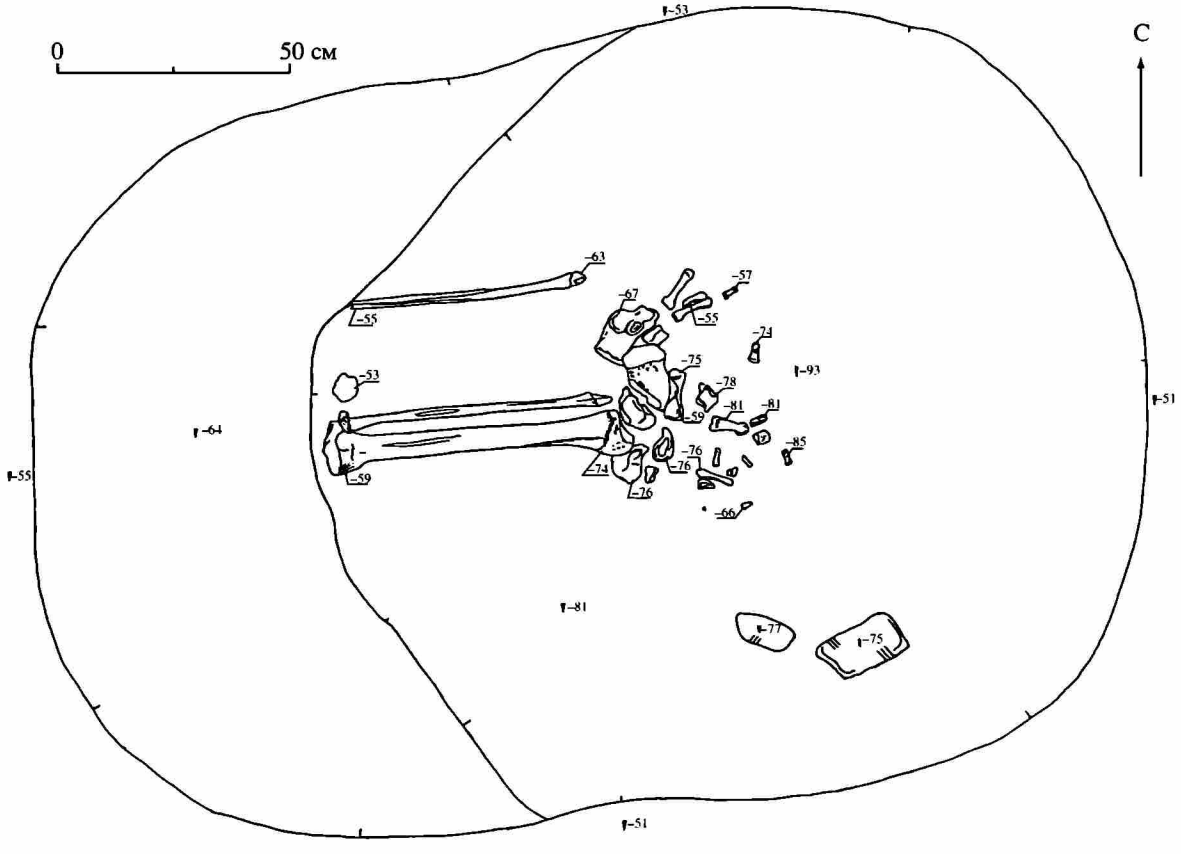


Рис. 305. Могильник Минино II. Бронзовый крест-тельник из погребения 63

Рис. 306. Могильник Минино II. Погребение 64



отделом вверх. Правая рука была вытянута вдоль тела, левая согнута в локте и положена на грудь. Ноги лежали прямо. В области шеи находился бронзовый крест-тельник (№ 1).

Погребение 64 (рис. 306) зафиксировано в квадрате G-51, G-52, в яме 56. Яма имела в плане овальную форму и была ориентирована в широтном направлении. Размеры ямы по верху составляли 116 × 74 см. Ее южная, восточная и северная стенки были отвесными, западная имела уступ в виде ступеньки шириной около 20 см. Глубина ямы от уровня материка равна 38 – 42 см. Яма заполнена слоем темной серо-коричневой супеси. В заполнении собраны пять фрагментов лепной керамики, четыре фрагмента позднесредневековой красно- и сероглиняной керамики, 7 современных предметов, преимущественно осколков стекла и фаянса, одна кость коровы, восемь костей неопределимых млекопитающих, 15 г кальцинирванных костей человека и 7 г кальцинированных костей животных. На глубине 2 – 34 см от уровня поверхности материка расчищены кости голеней и стоп подростка 15 – 18 лет, лежащие в анатомическом порядке (погребение 64). Кости голеней располагались под наклоном, ступни лежали стопами кверху. При анализе костей, собранных в слое почвенного гумуса, выяснилось, что отдельные кости ребенка-подростка собраны в юго-западной части раскопа в кв. F-1, G-1, 51, H-51, 52, а также в заполнении ямы 52. Возможно, все они принадлежали одному погребению.

Погребение 65 (рис. 307, 308) открыто в квадратах E-1, E-51, D-1, D-51, на контакте слоя почвенного гумуса и материка на глубине 17 см от уровня современной дневной поверхности. Погребение представляет собой скопление кальцинированных костей, залегающих компактно в границах пятна темной углистой супеси овальной в плане формы, вытянутого в широтном направлении, размерами 55 × 30 см. Общий вес собранных костей составляет 128 г. Среди них определяются кости девушки-подростка 15 – 18 лет (?). Вместе с кальцинированными костями обнаружены несколько небольших необожженных фрагментов черепа другого (?) индивида. Среди костей собраны кальцинированные фрагменты односторонней роговой расчески (№ 1), четыре фрагмента оплавленных бронзовых украшений (№ 4, 8, 10, 11), сплавленные вместе железная пластина треугольного сечения и бронзовое украшение (№ 7), три бронзовые неоплавленные спиральные пронизки (№ 5, 6, 12), железная пластина (№ 2) и три обломка средневековой лепной керамики. Скопление костей лежало на материке, желтом песке. Вероятно, кальцинированные кости были просто ссыпаны на поверхности на восточном краю большой материковой ямы (яма 70), в которой также находилось погребение по обряду кремации (погребение 66).

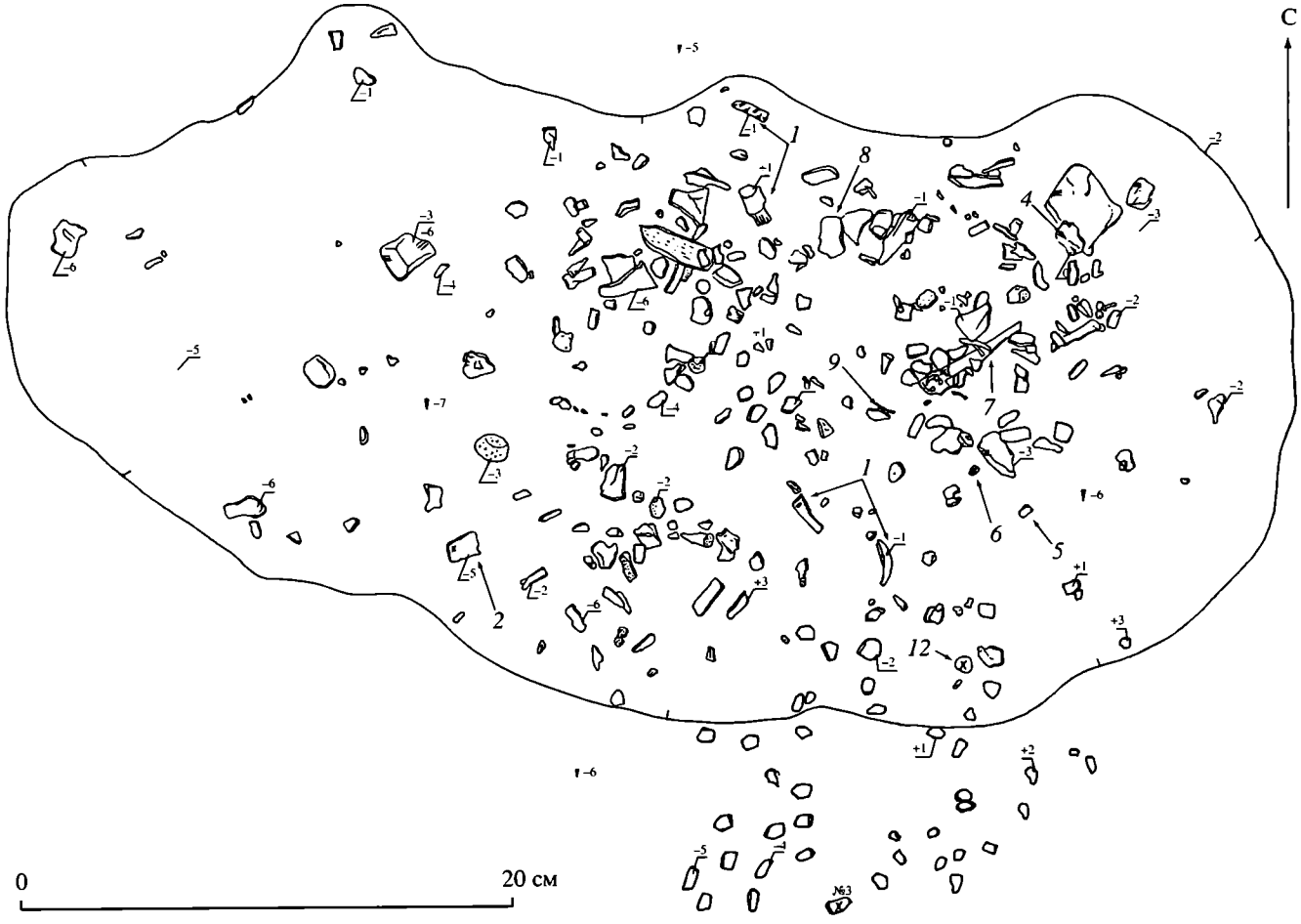


Рис. 307. Могильник Минино II. Погребение 65

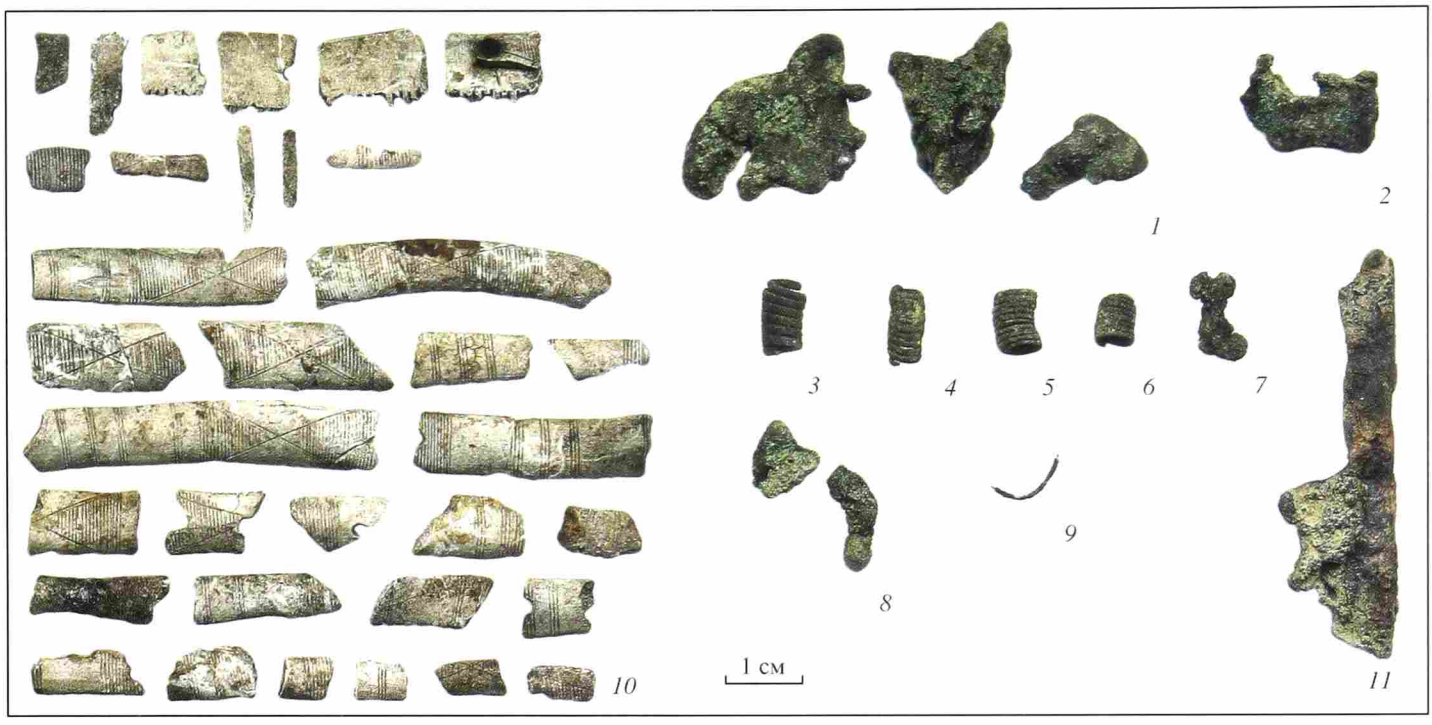


Рис. 308. Могильник Минино II. Находки из погребения 65

1 — оплавленные обломки украшений (№ 4); *2* — оплавленный обломок украшения (№ 8); *3* — спиральная пронизка (№ 12); *4* — спиральная пронизка (№ 3); *5* — спиральная пронизка (№ 6); *6* — спиральная пронизка (№ 5); *7* — оплавленный обломок украшения (№ 11); *8* — оплавленный обломок украшения (№ 10); *9* — проволока (№ 9); *10* — фрагменты расчески (№ 1); *11* — сплавленные пластина и обломок украшения (№ 7). *1—9* — цветной металл; *10* — рог; *11* — железо, цветной металл

При разборе заполнения ямы 70 вдоль ее восточной стенки расчищено скопление кальцинированных костей, "стекающих" вдоль стенки. Возможно, эти кости также относятся к погребению 65. Угли, собранные среди костей, датированы радиоуглеродным методом: 780—990 AD (Ле-6751).

Погребение 66 (рис. 309, 310) по обряду кремации находилось в заполнении ямы 70, располагающейся в квадратах D-1, D-2, E-1, E-2. Яма в плане имела форму овала и была вытянута в меридиональном направлении. Ее размеры по верху составляли: СЮ — 276 см, ЗВ — 240 см, стенки имели чашевидную форму, дно плоское. Глубина ямы составляет 47—59 см от уровня поверхности материка. Основным заполнением верхней части ямы является почвенный слой гумусированной супеси с мелкими белыми камешками толщиной 32 см. Этот слой на всей площади ямы подстилался черной углистой супесью толщиной 20—38 см. В центральной части ямы на глубине 28—42 см располагалось скопление камней размерами от 2 до 10 см в поперечнике, лежащих в ряд. В северо-западной части ямы около ее стенки на материке лежал валун размерами 56 × 43 см. Придонная часть ямы заполнена коричневой гумусированной супесью толщиной 5—10 см, равномерно выстилающей дно и стенки.

В заполнении ямы по всей ее площади, преимущественно в слоях почвенного гумуса и темной углистой супеси, обнаружены многочисленные кальцинированные кости, оплавленные вещи, фрагменты керамики и отдельные сырые кости. Скопление кальцинированных костей зафиксировано вдоль восточной стенки ямы и в ее восточной части на глубине 15—33 см от края. Это скопление располагалось в непосредственной близости от погребения 65 и, возможно, было связано с ним (часть костей погребения 65 сползла вниз вдоль стенки ямы 70 и оказалась в ее заполнении). Всего в заполнении ямы собрано 470,5 г костей. Из них 152,5 г принадлежат человеку: определяются мелкие фрагменты черепа, фрагмент нижней челюсти, корни коренных зубов, коронка коренного зуба, резцы, фрагменты трубчатых костей, ребер и тазовой кости одного взрослого индивида. Вероятно, здесь были и кальцинированные кости другого человека. Вместе с ними находились 318 г кальцинированных костей животных, 6 сырых костей животных, из которых четыре кости принадлежат неопределимым млекопитающим и по одной — белке и собаке, а также 14 сырых костей человека.

Из заполнения ямы 70 происходят 43 индивидуальные находки: 20 стеклянных бусин — 19 желтых лимоновидных (№ 1, 3, 4, 7, 8, 10—12, 15—17, 21—23, 26—28, 33) и один фрагмент синей навитой (№ 33); шесть бронзовых поясных накладок — пять квадратных с боковой прорезью и углубленным растительным декором (№ 5, 13, 21, 34, 36) и одна сердцевидная с углубленным растительным декором (№ 25), три сегментовидные ременные обоймицы (№ 18—20), 4 бронзовые спиральные пронизки (№ 2,

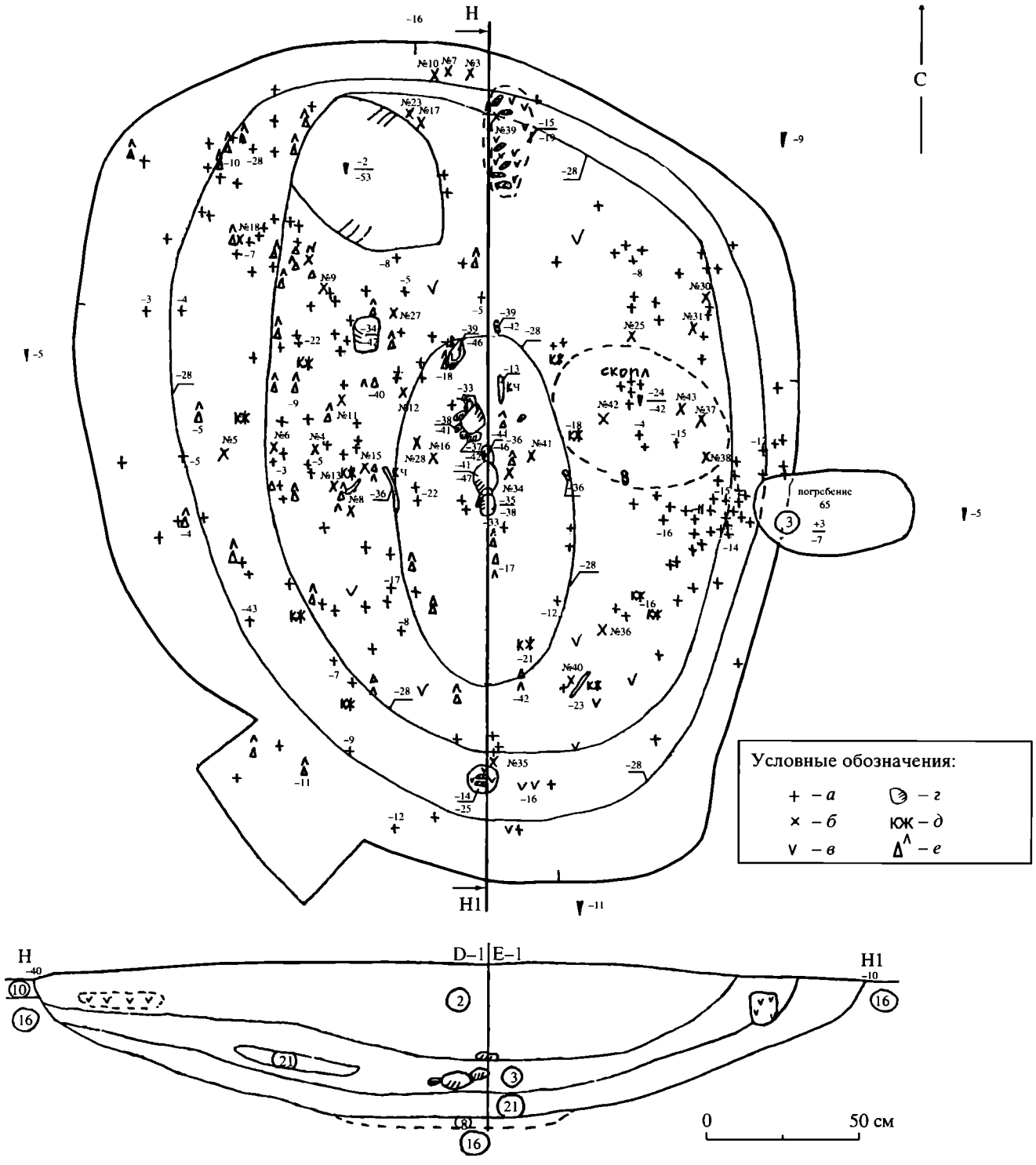


Рис. 309. Могильник Минино II. Яма 70. Погребение 66

а — кальцинированная кость; *б* — индивидуальная находка; *в* — уголь; *г* — камень; *д* — кость животного; *е* — фрагмент лепной керамики. Расшифровку условных обозначений слоев см. рис. 217

31, 37, 43), две бронзовые привески-бубенчика грушевидных линейнопрорезных (№ 6, 24), проволочное перстнеобразное несомкнутое височное кольцо (№ 30) и фрагмент еще одного проволочного кольца (браслетообразного?; № 9), обломки оплавленных бронзовых украшений (№ 5, 14); роговые наконечник стрелы (тип 29?; № 32) и обломки кальцинированной односторонней расчески (№ 38; один предмет с расческой из погребения 65), железные нож (№ 40) и наконечник стрелы (тип 28; № 42), три кремневые пластины (№ 29, 39, 41). Многие предметы были оплавлены или сплавлены по несколько штук вместе. Часть предметов, в том числе детали поясного набора (за исключением одной накладки), бронзовые пронизки, нож, стрела, перстнеобразное височное кольцо не имеют следов пребывания в ог-

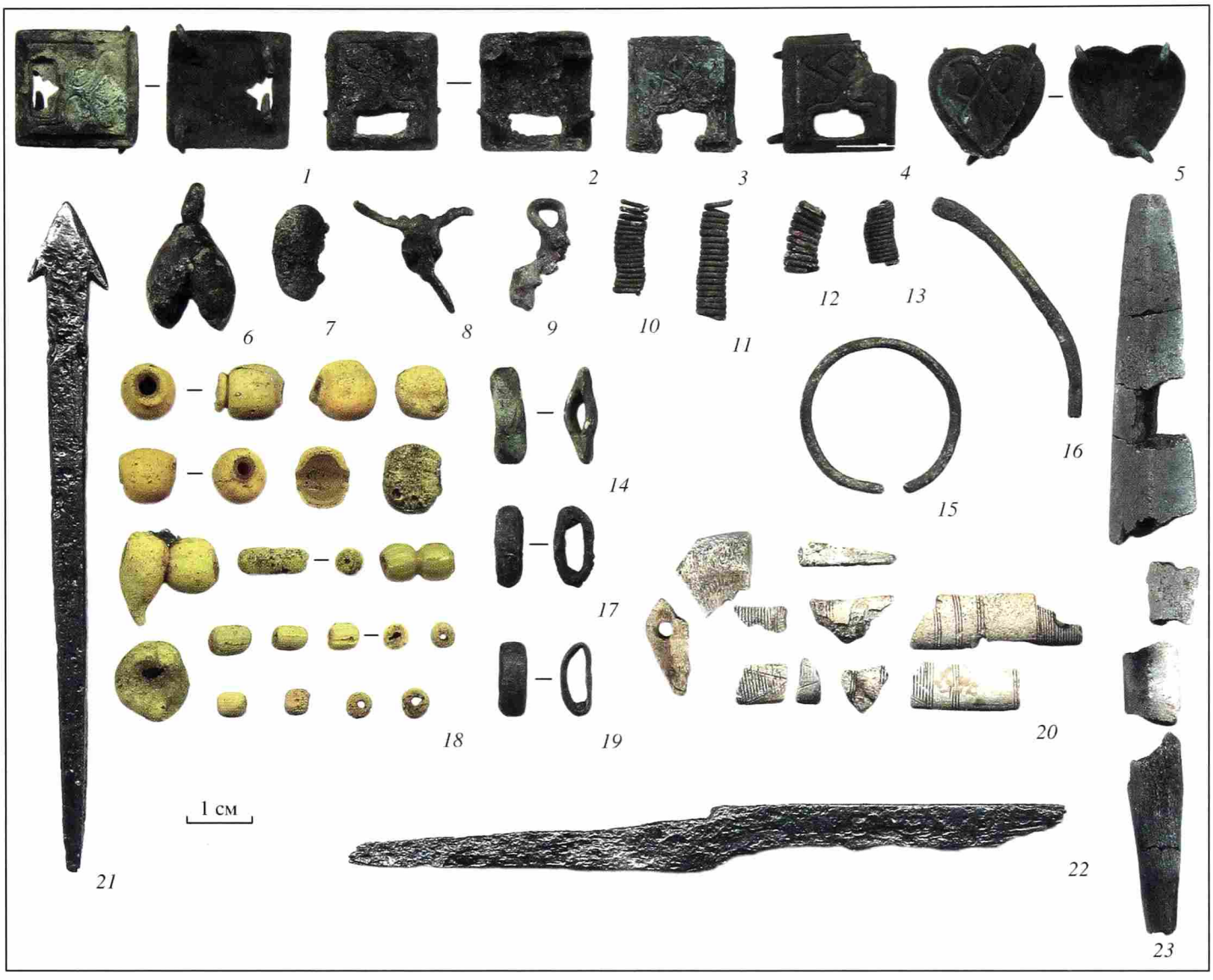


Рис. 310. Могильник Минино II. Находки из погребения 66

1 — поясная накладка (№ 36); *2* — поясная накладка (№ 13); *3* — поясная накладка (№ 21); *4* — поясная накладка (№ 34); *5* — поясная накладка (№ 25); *6* — привеска-бубенчик (№ 24); *7* — оплавленный обломок бронзового украшения (№ 14); *8* — оплавленный обломок бронзового украшения (№ 5); *9* — привеска-бубенчик (№ 6); *10* — спиральная пронизка (№ 2); *11* — спиральная пронизка (№ 31); *12* — спиральная пронизка (№ 37); *13* — спиральная пронизка (№ 43); *14* — обоймица (№ 19); *15* — височное кольцо (№ 30); *16* — фрагмент височного кольца (№ 9); *17* — обоймица (№ 20); *18* — бусины (№ 7, 11, 17, 28, 35, 1, 33, 22, 8, 3, 27, 10, 15, 4, 23, 16, 26, 12); *19* — обоймица (№ 18); *20* — фрагменты расчески (№ 38); *21* — наконечник стрелы (№ 42); *22* — нож (№ 40); *23* — наконечник стрелы (№ 32). *1—17, 19* — цветной металл; *18* — стекло; *20, 23* — рог; *21, 22* — железо

не. В яме собраны также 17 фрагментов лепной керамики, 0,1 г чешуи и костей рыб, 14 кремневых сколов.

Погребение 67 (рис. 311) располагалось в квадратах E-2, F-2. Овальная в плане яма погребения вплотную примыкала с севера к яме погребения 68. Яма размерами 193 × 93 см была вытянута в широтном направлении. Стенки ямы имели небольшой скос к центру, дно — плоское, яма прорезала край ямы 70. Глубина ямы равна 35 см от уровня материка. Заполнение ямы — светло-серый слабогумусированный материковый песок. В заполнении найдены две кремневые пластины (№ 49, 106 (пласт 2)) и бронзовая привеска-бубенчик (№ 107), попавшая сюда, вероятно, из ямы 70, 29 кремневых сколов, четыре фрагмента лепной керамики, 2 г кальцинированных костей и 0,4 г костей рыбы. Костяк на дне ямы отсутствовал.

Погребение 68 (рис. 311, 312) расчищено в квадратах E-2, F-2. Могильная яма вплотную примыкала к яме погребения 67 с юга. Яма в плане имела овальную форму, вытянутую в широтном направлении, размеры ее 191 × 95—99 см. Стенки ямы были немного скошены к центру, дно плоское. Глубина могильной ямы составляла около 50 см от уровня современной дневной поверхности и 16—17 см от уровня поверхности материка. Заполнение ямы — перемешанный светло-серый слабогумусирован-

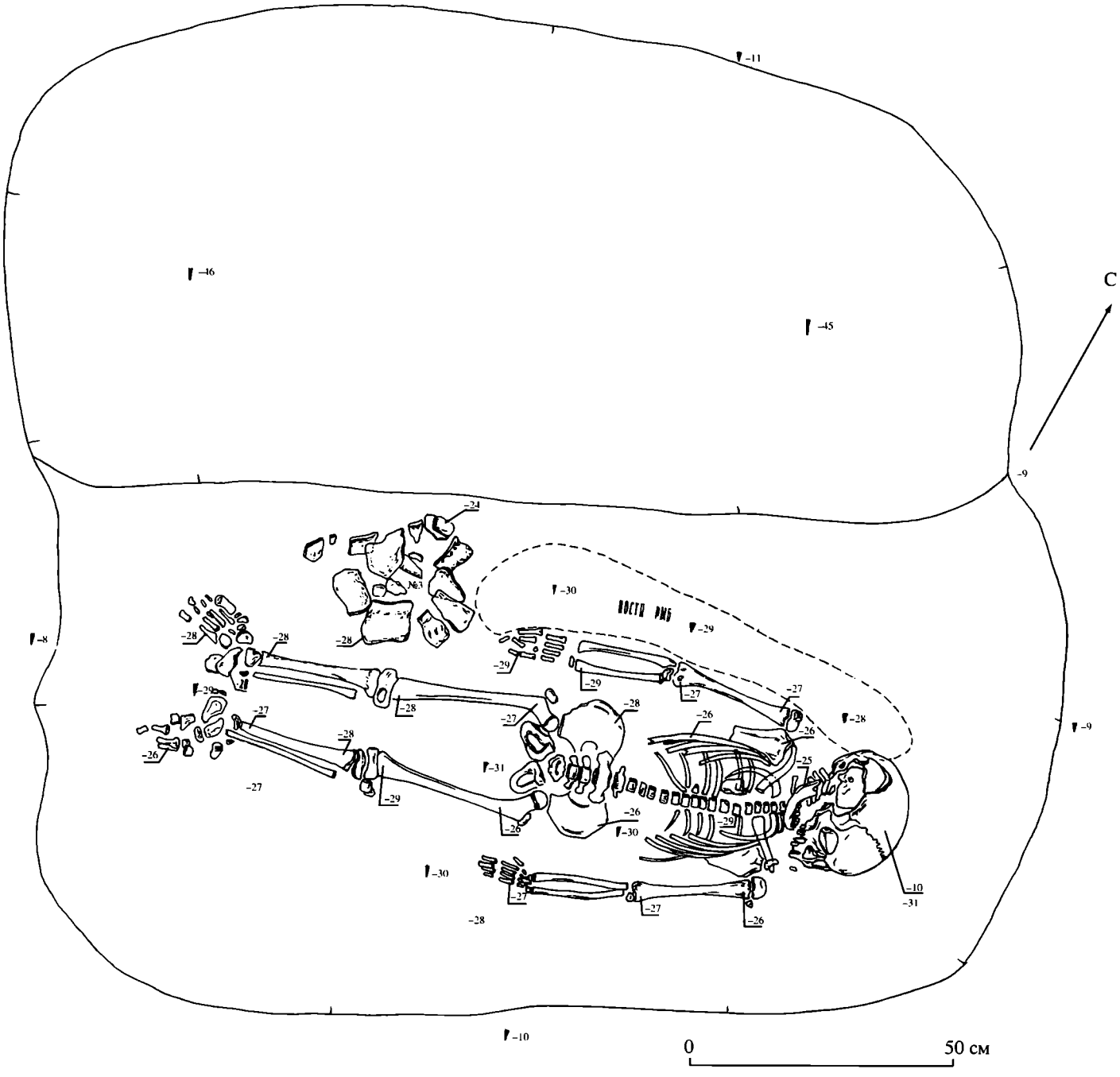
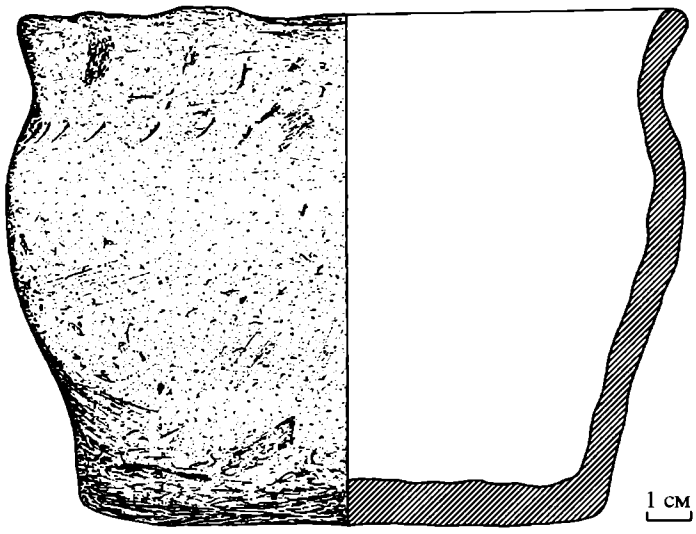


Рис. 311. Могильник Минино II. Погребения 67, 68

ный и белый материковый песок и рыжая супесь. В заполнении ямы собраны две кремневые пластины (№ 1, 2), два кремневых скола, 0,7 г кальцинированных костей, среди которых четыре кости принадлежали неопределимым млекопитающим. Костяк хорошей сохранности лежал на спине головой на восток с отклонением 15° к северу. Он принадлежал ребенку 9—10 лет. Череп располагался на боку лицевым отделом к югу. Руки были широко разведены и лежали вдоль тела. Ноги лежали прямо, стопы были повернуты наружу. С внешней стороны вдоль всей правой руки ребенка зафиксировано скопление костей рыбы, лежащее полосой шириной 9—16 см. Справа у колена расчищен развал лепного сосуда (№ 3).

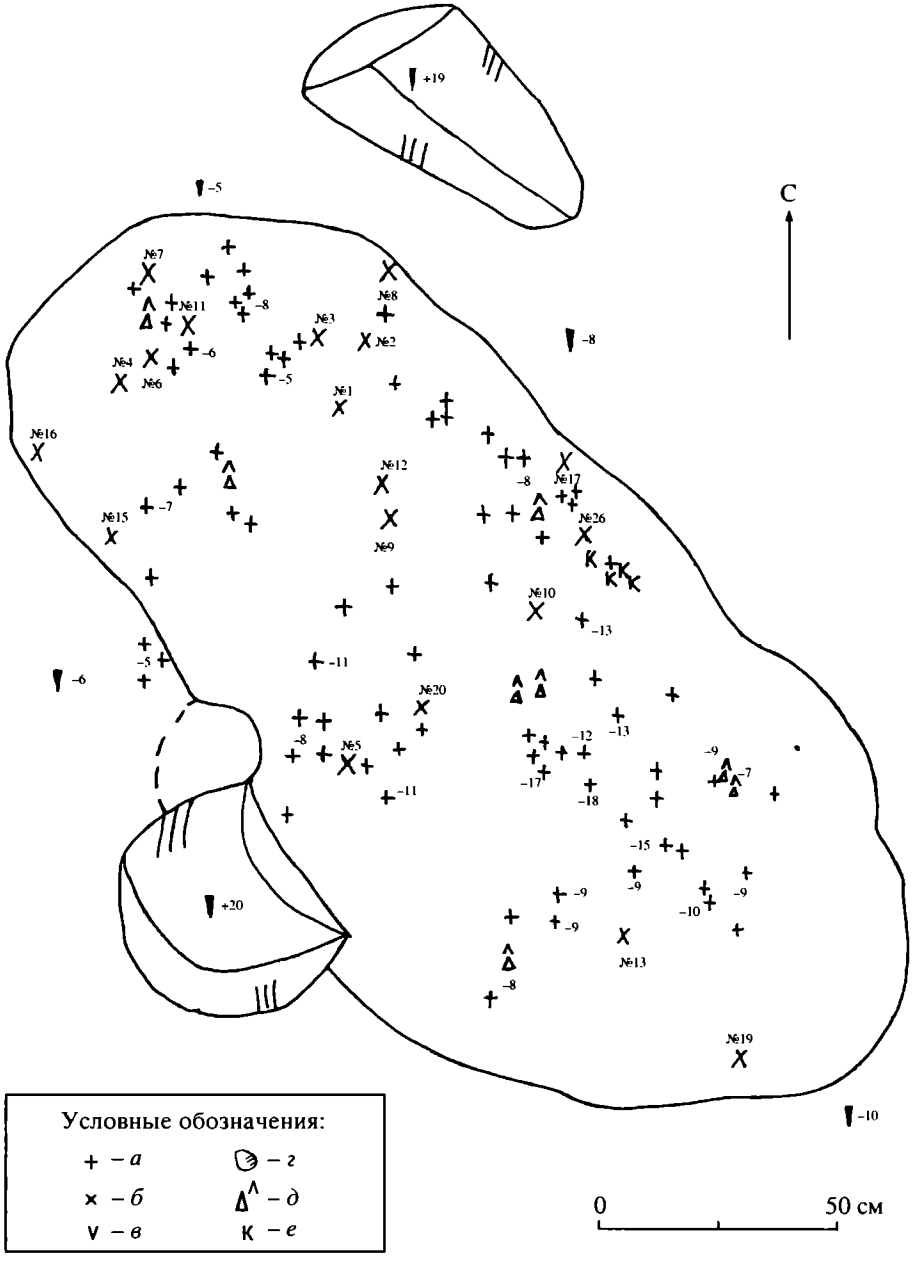
Погребения 69 и 73 (рис. 155, 313–316) находились в квадратах С-51, D-1,51,52. *Погребение 73,* совершенное по обряду ингумации в яме 59, полностью разрушило *погребение 69* по обряду кремации. Часть кальцинированных костей, относящихся к погребению 69, собрана в квадратах D-1, 51, в слое почвенного гумуса, часть — в заполнении ямы 59. Наиболее высокой концентрация костей была в квадрате D-51. Всего в этом квадрате собрано 37,5 г кальцинированных костей. Среди костей определены мелкие фрагменты костей черепа и корень коренного зуба, фрагмент нижней челюсти и фрагмент лобной кости взрослого индивида. Здесь же находился зуб, возможно, другого индивида. Вместе с ними собраны кальцинированные кости животных и оплавленные

Рис. 312. Могильник Минино II. Глиняный лепной сосуд из погребения 68



313. Могильник Минино II. Погребение 69

а — кальцинированная кость; *б* — индивидуальная находка; *в* — уголь; *г* — камень; *д* — фрагмент лепной керамики; *е* — кость. Расшифровку условных обозначений слоев см. рис. 217



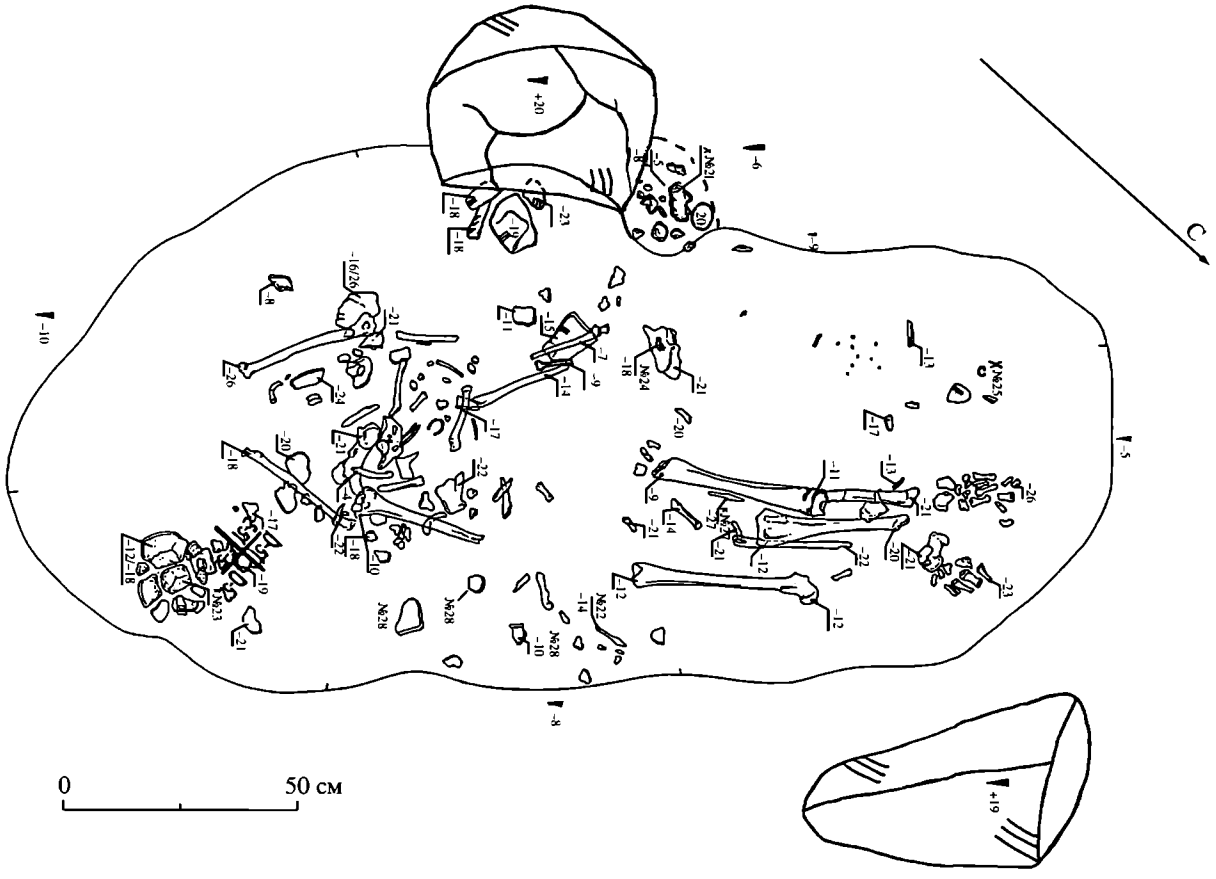


Рис. 314. Могильник Минино II. Погребение 73

украшения. Кости и вещи перемешаны распашкой.

После снятия верхнего слоя на уровне поверхности материка были выявлены контуры ямы 59, имеющей вид неправильного овала, ориентированного по линии СЗ — ЮВ с отклонением 51° к северу от линии В — З. Размеры ямы 242 × 94/118 см, стенки отвесные, дно плоское. Глубина ямы составила 46 — 50 см от уровня современной дневной поверхности и 19 — 25 см от уровня поверхности материка. Заполнение ямы — слой серо-коричневой гумусированной супеси. У юго-западного и северо-восточного краев ямы зафиксировано два крупных валуна. Кальцинированные кости находились в переотложенном состоянии в заполнении ямы на всей ее площади. Всего в яме собрано 48 г кальцинированных костей: 43 г костей человека и 5 г костей животных. Среди них определены корень постоянного коренного зуба и другие мелкие фрагменты костей человека. Предположительно к *погребению 69* можно отнести оплавленные украшения: 18 стеклянных бусин, фрагменты бронзовых шумящих украшений, фрагменты кальцинированной расчески, железный приостренный стержень (шило? № 9), два фрагмента бронзового кольца (№ 19). Вероятно, с этим погребением связаны и многочисленные фрагменты лепного сосуда (№ 28), обнаруженные преимущественно в заполнении ямы и частично в перекрывающем ее слое почвенного гумуса. Из заполнения ямы 59 происходят также фрагмент ложнозолотостеклянной цилиндрической бусины (№ 18), фрагмент бронзового проволочного перстнеобразного височного кольца (№ 25), шесть сырых костей неопределимых млекопитающих и кремневая пластина (№ 17). Эти предметы не были оплавлены и скорее всего не связаны с погребением 69.

Погребение 73. В нижней части ямы 59 открыто погребение по обряду ингумации. Кости хорошей сохранности были частично фрагментированы, анатомический порядок большей части костей нарушен. Тем не менее, кости черепа располагались в юго-восточной части ямы, ключицы и ребра — в средней части, а кости ног — в северо-западной части ямы. Полностью анатомический порядок сохранили только кости стоп. Кости принадлежали одному индивиду — мужчине 40 — 44 лет. Вместе с костями около северо-восточной стенки ямы находился железный наконечник стрелы (№ 22), а около большой берцовой кости лежал железный нож (№ 27). Около костей черепа в юго-восточном углу ямы расчищен развал лепного сосуда (№ 23). Еще один развал лепного сосуда обнаружен за пределами ямы около ее юго-западной стенки (№ 21). Он стоял на материке около большого камня.

Погребение 70 (рис. 317, 318) выявлено в квадратах G-57, G-58, H-57, H-58 в яме 54. В плане яма 54 имела форму овала, размеры ее по верхнему краю равны СЮ — 196 см, ЗВ — 244 см. Стенки ямы наклонные. Яма сильно сужалась ко дну, где ее размеры составляли СЮ — 48 — 68 см, ЗВ — 148 см. Дно ямы было чашевидным. Глубина ямы от уровня материка равна 15 — 33 см. Верхнюю часть заполнения ямы соста-

Рис. 315. Могильник Минино II. Находки из погребения 69

1 — привеска-бубенчик (№ 24); *2* — фрагмент украшения (№ 20); *3* — привеска-бубенчик (№ 12); *4* — фрагмент шумящего украшения (№ 26); *5* — оплавленный обломок бронзового украшения (№ 5); *6* — оплавленный обломок бронзового украшения (№ 8); *7* — оплавленный обломок бронзового украшения (№ 10); *8* — кольцо (№ 19); *9* — височное кольцо (№ 25); *10* — бусина (№ 14); *11* — бусина (№ 18); *12* — бусина (№ 15); *13* — бусина (№ 4); *14* — бусина (№ 6); *15* — бусина (№ 5); *16* — бусина (№ 16); *17* — бусина (№ 13); *18* — бусина (№ 2); *19* — бисерина (№ 1); *20* — бисерина (№ 3); *21* — фрагменты расчески (№ 11); *22* — фрагмент шила (№ 9); *23* — лепной сосуд (№ 21); *24* — лепной сосуд (№ 28). *1—9* — цветной металл; *10—20* — стекло; *21* — рог; *22* — железо; 23, *24* — глина

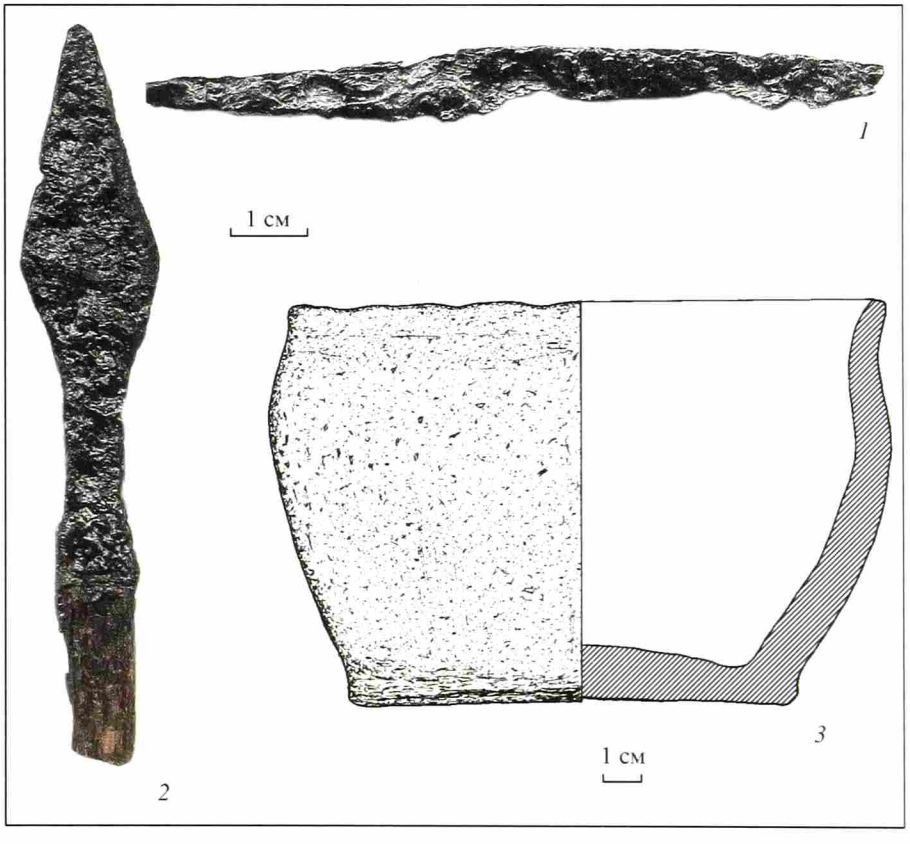


Рис. 316. Могильник Минино II. Находки из погребения 73

1 — нож (№ 27); *2* — наконечник стрелы (№ 22); *3* — лепной сосуд (№ 23). *1*, *2* — железо; *3* — глина

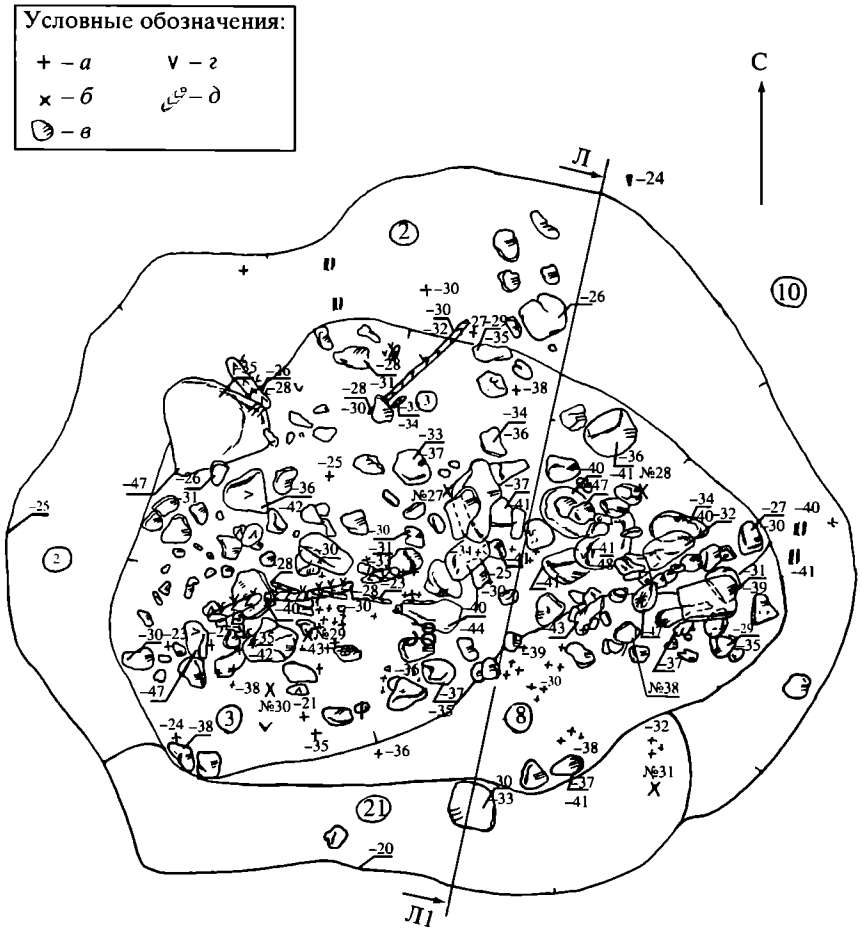
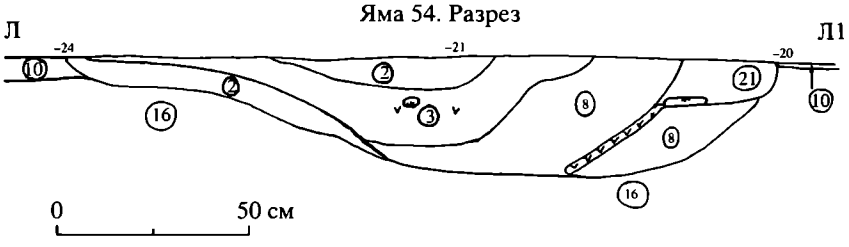


Рис. 317. Могильник Минино II. Яма 54. Погребение 70

а — кальцинированная кость; *б* — индивидуальная находка; *в* — камень; *г* — уголь; *д* — фрагмент обгорелого дерева. Расшифровку условных обозначений слоев см. рис. 217



вляет темный углистый слой толщиной до 9 см, наиболее мощный в центре ямы. Его подстилают прослойки светло-серого слабогумусированного песка и коричневой гумусированной супеси. В центральной части ямы на глубине 9 — 17 см от края зафиксировано довольно плотное скопление камней, имеющее овальную форму, размером 166 × 100 см. Среди камней в восточной части ямы находились два крупных фрагмента обожженой глины и железная крица круглой формы (№ 38[11]). Среди камней в центральной и северной частях ямы расчищены фрагменты обгорелого дерева длиной до 16 — 50 см, шириной и толщиной около 2 см.

В слоях темной углистой супеси и светло-серого слабогумусированного песка между камнями собраны обломки кальцинированных костей (погребение 70) общим весом 105,9 г. Среди них определяются кости молодой женщины (?): мелкие фрагменты свода черепа, нижней челюсти, в том числе с лунками в области клыка и первого предкоренного, ребер, губчатой ткани и плоских костей (таза?), а также трубчатых костей, в том числе плечевой, бедренной, малоберцовой. Наряду с костями человека в погребении находились неопределимые кости, принадлежащие нескольким животным. В яме обнаружены бронзовая колоколовидная пронизка (№ 34), фрагмент оплавленной бронзовой накладки (№ 29), обожженный железный гвоздь (№ 27), кальцинированный фрагмент роговой расчески (№ 39), уже упоминавшаяся железная крица (№ 38) и 5 кремневых пластин (№ 28, 30, 31, 36, 37). В западной части ямы около большого камня концентрировались крупные фрагменты от разных лепных сосудов (всего собрано 20 обломков). В яме найдено также семь кремневых сколов и 1,5 г костей рыб.

Погребение 71 открыто в квадратах Н-52, Н-53, Н-54, Н-55 в слое почвенного гумуса. В перемешанном распашкой слое собраны разрозненные каль-

[11] Находки из ямы 54 включены в нумерацию второго пласта.

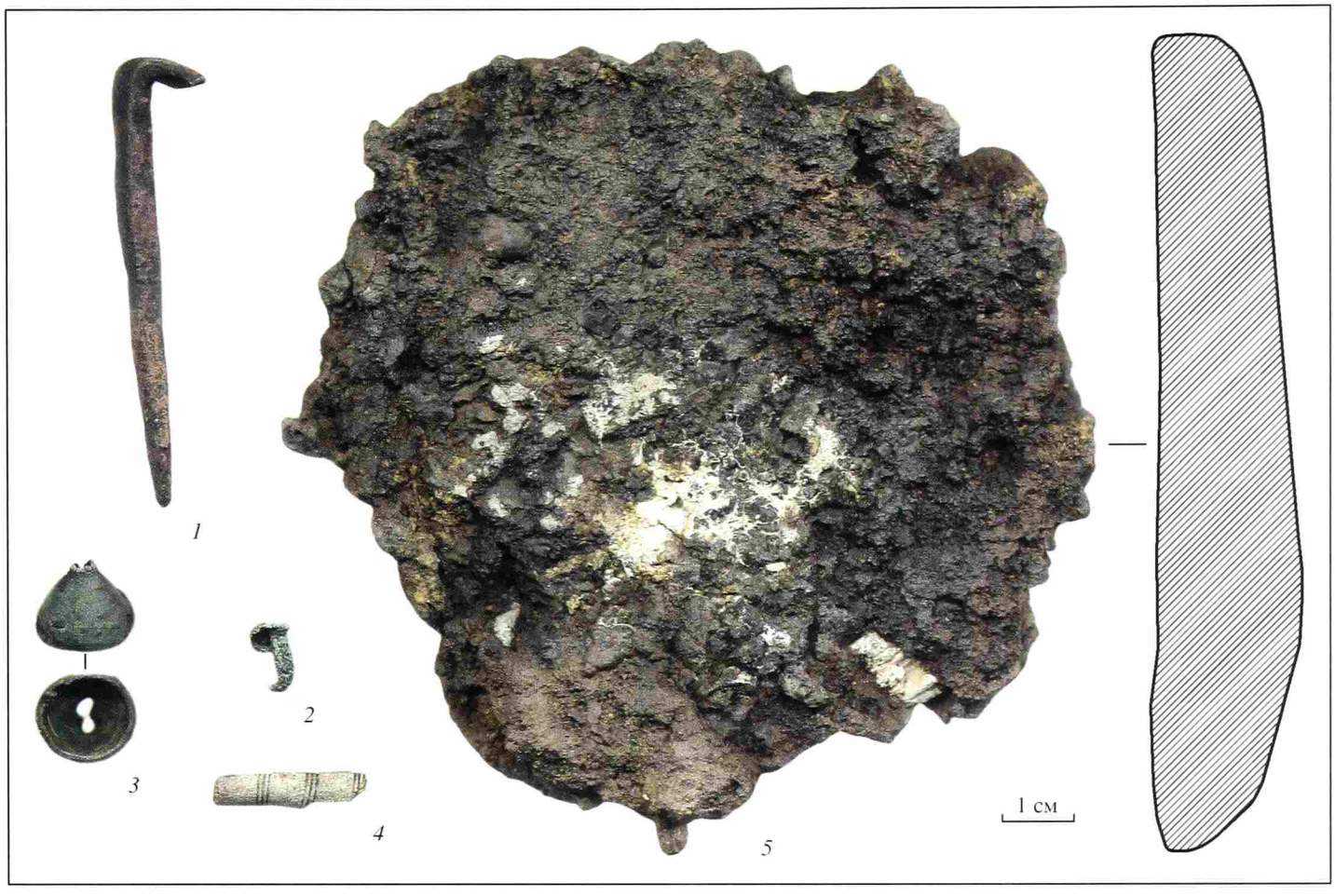


Рис. 318. Могильник Минино II. Находки из погребения 70

1 — гвоздь (№ 27); *2* — фрагмент накладки (№ 29); *3* — колоколовидная пронизка (№ 34); *4* — фрагмент расчески (№ 39); *5* — крица (№ 38). *1, 5* — железо; *2, 3* — цветной металл; *4* — рог

цинированные кости, принадлежащие одному индивиду: фрагменты трубчатых костей и фрагменты свода черепа взрослого человека.

Погребение 72 (рис. 319, 321) выявлено в квадратах С-54, С-55, D-54, D-55, в яме 60. Яма 60 имела в плане форму овала и была вытянута в меридиональном направлении. Размеры ямы равны СЮ — 366 см, ЗВ — 312 см. Стенки имеют форму чаши. В придонной части размеры ямы составляли: СЮ — 212 см, ЗВ — 168 см. Дно округлое, неровное. Глубина ямы равна около 100 см от уровня поверхности материка. Верхняя часть ямы глубиной до 20 см была заполнена слоем почвенного гумуса, который подстилался слоем серо-коричневой гумусированной супеси толщиной 18—47 см. Ниже залегал слой темной углистой супеси толщиной 3—13 см. В заполнении в центральной части ямы на глубине 9—29 см от края отмечены отдельные крупные угли и обгорелые фрагменты дерева длиной до 12 см, располагающиеся бессистемно. Уголь датирован радиоуглеродным методом, его абсолютный возраст 1080±35, калиброванная дата 890—920, 950—1020 (ЛЕ-6750). Нижняя часть ямы была заполнена слоем рыжей супеси, перемешанной с черным гумусом и слоем серо-коричневой супеси мощностью до 47 см. В нижней части ямы по всей ее площади зафиксировано скопление камней разных размеров, лежащих преимущественно на материке. Размеры наиболее крупного камня, лежавшего в центральной части ямы: 92 × 76 см, небольшие камни имели 7—8 см в поперечнике.

В заполнении ямы, преимущественно в ее южной и юго-восточной частях собраны многочисленные кальцинированные кости, залегавшие без определенного порядка, большей частью в слоях почвенного гумуса и серо-коричневой гумусированной супеси. Здесь же зафиксировано несколько скоплений кальцинированных костей. Скопление № 1 (184 г неопределимых костей животных) находилось на глубине 1—28 см от края ямы на участке диаметром около 30 см. Рядом с ним на глубина 24—26 см от края на участке диаметром около 15 см располагалось скопление костей № 2 общим весом 8,5 г. Среди них определены кости собаки. Рядом с этим скоплением расчищены целые кольчатые удила (№ 13), побывавшие в огне. Третье скопление находилось в 28 см к западу от скопления № 2. Всего на участке диаметром около 15 см на глубине 15—27 см от края ямы собрано 5,5 г костей животных, среди которых определяются кости собаки. В непосредственной близости от скопления костей находился развал

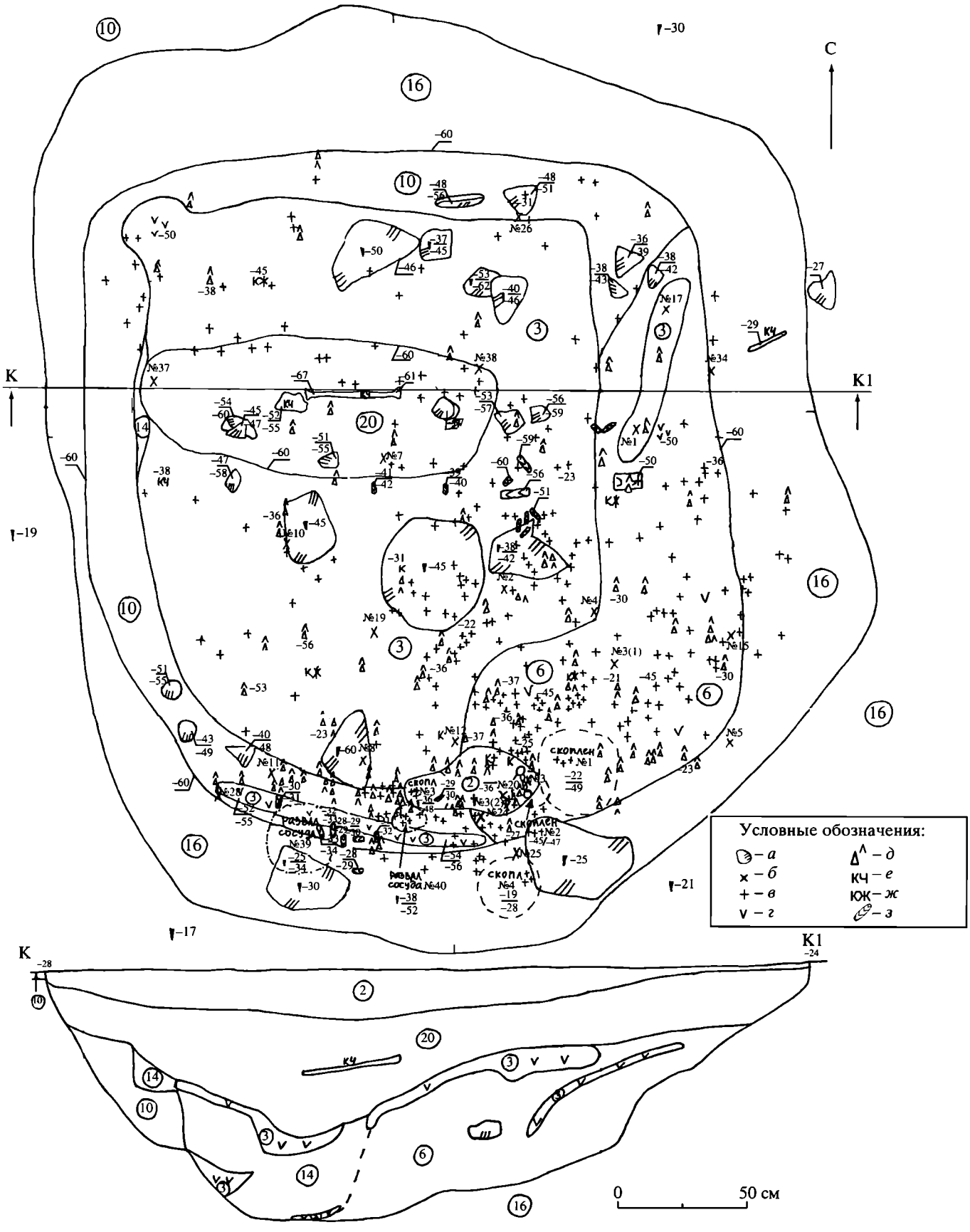


Рис. 319. Могильник Минино II. Яма 60. Погребение 72. Первый уровень расчистки

а — камень; *б* — индивидуальная находка; *в* — кальцинированная кость; *г* — уголь; *д* — фрагмент лепной керамики; *е* — кость человека; *ж* — кость животного; *з* — фрагмент обгорелого дерева. Расшифровку условных обозначений слоев см. рис. 217

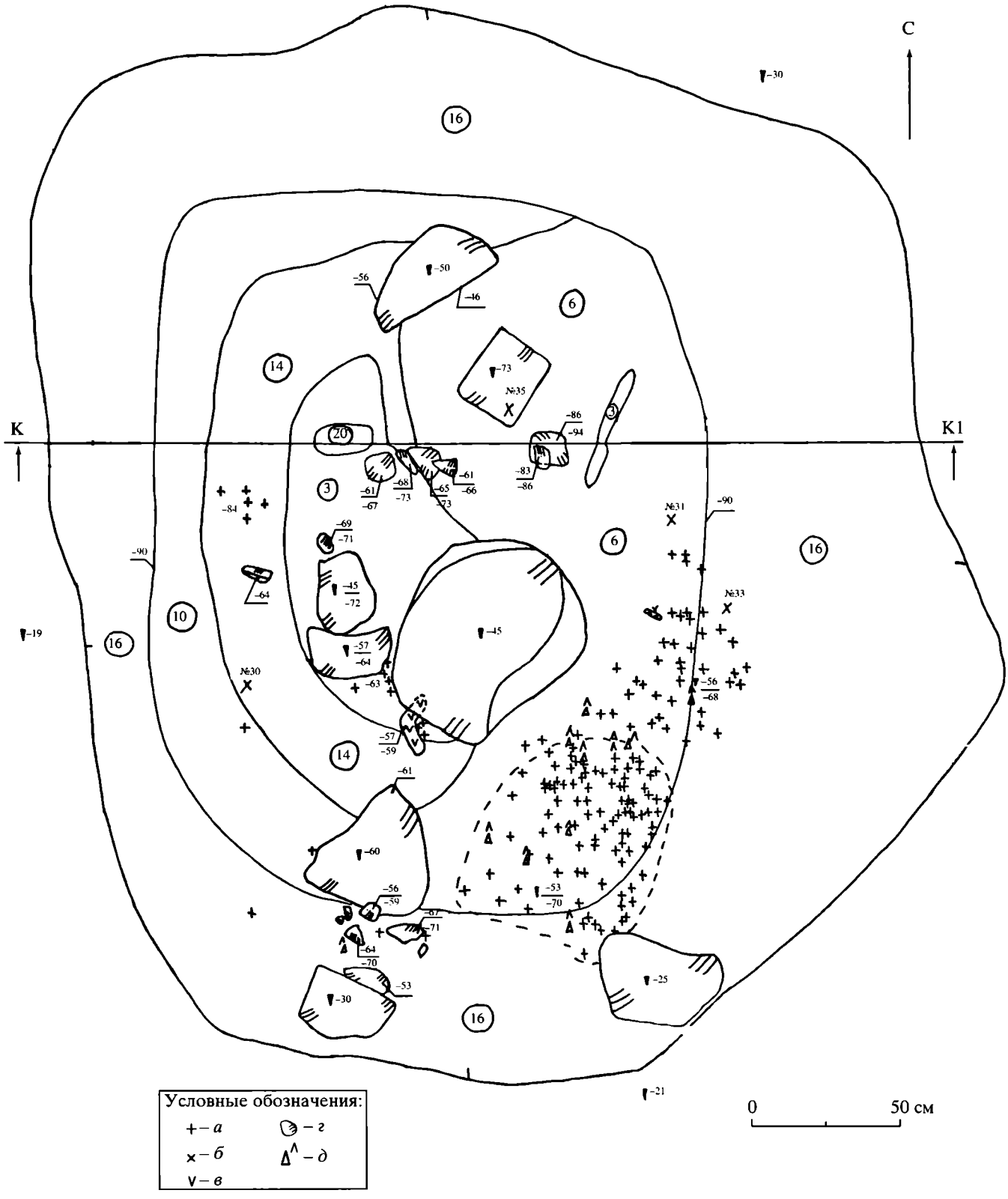
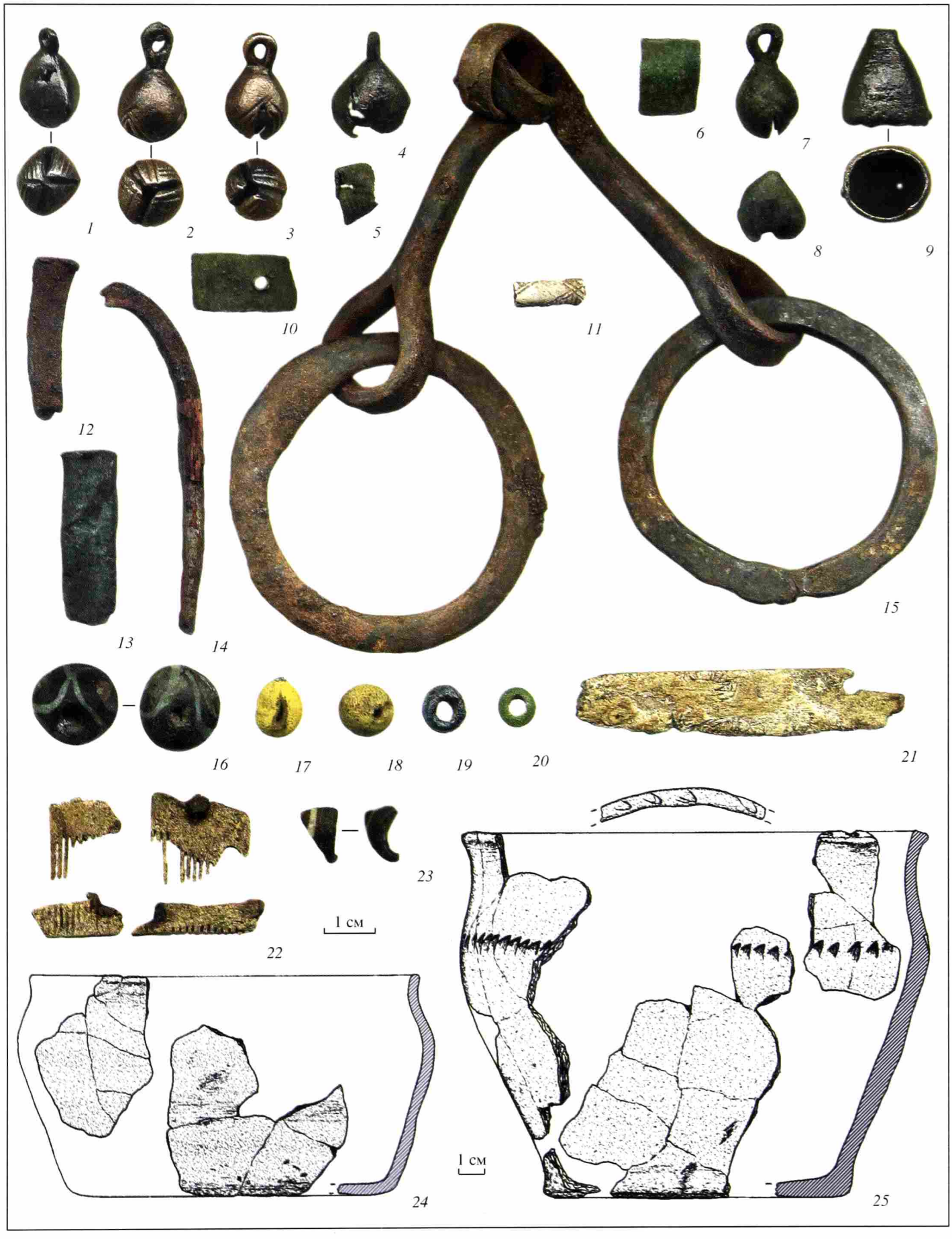


Рис. 320. Могильник Минино II. Яма 60. Погребение 72. Второй уровень расчистки

а — кальцинированная кость; *б* — индивидуальная находка; *в* — уголь; *г* — камень; *д* — фрагмент лепной керамики. Расшифровку условных обозначений слоев см. рис. 217

лепного сосуда (№ 40). Скопление № 4 располагалось на южной стенке ямы на контакте верхнего слоя и заполнения ямы и частично в ее заполнении на глубине +2/−7 см от края. Здесь на участке диаметром 23 см собрано 58 г костей животных, среди которых также присутствуют кости собаки. Развал второго лепного сосуда (№ 39) обнаружен в юго-западной части ямы. Около него расчищены крупные угли, датированные радиоуглеродным методом (абсолютный возраст: 1220±20, калиброванная дата


1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
1 см
24
1 см
25

775—870, ЛЕ-6748). В нижней части ямы кальцинированные кости преимущественно сосредоточивались в юго-восточном секторе, хотя и не образовывали скоплений. Всего в заполнении ямы (без учета скоплений) собрано 454 г кальцинированных костей: из них 170 г составляют неопределимые кости животных, 184 г — кости человека (*погребение 72*). Среди последних определяются кости черепа, кисти, трубчатые кости. Вместе с кальцинированными в заполнении ямы находились 24 сырые кости человека и 10 костей животных.

В яме 60 обнаружено шесть стеклянных бусин, пять из которых были оплавлены (№ 1, 9, 35, 37, 38); семь бронзовых грушевидных бубенчиков (№ 7, 20—24, 27), пять из которых найдены в южной части ямы около скоплений кальцинированных костей животных; колоколовидная пронизка (№ 6); два фрагмента бронзовых пластин (№ 10, 12). Среди предметов из железа стержень прямоугольного сечения (гвоздь? № 8), клин от топора (№ 16), уже упоминавшиеся кольчатые удила (№ 13), стержень прямоугольного сечения с остатками деревянной рукояти (№ 19). Найдены также фрагменты кальцинированной роговой расчески (№ 3, 5) и обломок негорелой костяной пластины с циркульным орнаментом и отверстием (№ 11). В заполнении ямы собрано 18 кремневых пластин (№ 4, 14, 15, 17, 18, 25, 26, 29—33, 36, 40, 41—45), а также 48 фрагментов лепных сосудов, два фрагмента круговых средневековых, один обломок позднесредневекового сосуда и 26 кремневых сколов.

Кроме погребальных на площадке могильника обнаружен целый ряд ям, не содержащих погребений. Нумерация ям продолжает нумерацию раскопа 3 (2000 и 2002 гг.).

Ямы 46 и 49 (рис. 107) открыты в квадратах Е-55, Е-56, Е-57, F-55, F-56, F-57, G-55, G-56, Н-55. Две ямы, частично соединенные в верхней части, в нижней части были разделены материковой перемычкой. В плане ямы имеют сложную форму, близкую к неправильному четырехугольнику, их северная часть осталась за пределами раскопа. Размеры вскрытой в раскопе части: СЮ — 420 см, ЗВ — 320/360 см. В северной части край ям был ограничен двумя крупными валунами, уходящими в стенки раскопа. Стенки ям наклонные, дно неровное, с углублениями, ямками и канавками различных форм и размеров. Общая глубина ям от уровня материка в южной части составляла 26 см, в центральной — 59 см, в северной — 54 см. Заполнение ям неоднородное, с чередующимися прослойками серо-коричневой супеси с галькой, перемешанной с желтым песком и прослойками рыжей супеси, и коричневой супеси. В верхней части в заполнении ям фиксировались прослойки черной гумусированной супеси с углистыми включениями. В южной части ямы 49 в заполнении было расчищено несколько камней мелких и средних размеров (до 20—25 см в поперечнике), располагающихся бессистемно. Часть камней была обожжена, отдельные камни были полностью пережженными и рассыпались, образуя дресву. К югу от них, в северной части квадрата Н-55 на контакте верхнего слоя и заполнения ямы обнаружено скопление мелких кальцинированных и сырых костей животных (скопление кальцинированных костей № 1). Всего здесь собрано 88 г кальцинированных костей неопределимых животных. В центральной части ямы 49 в придонной части заполнения расчищено несколько камней, лежащих компактно.

В заполнении ям 46 и 49 обнаружены следующие индивидуальные находки: 11 кремневых пластин (№ 1—3, 32, 33, 44, 55, 56, 58, 84, 85), фрагмент обработанной кальцинированной кости (№ 57), кремневый пренуклеус (№ 63), оплавленный бронзовый предмет (№ 105). В ямах собрано 15 фрагментов лепной и один позднесредневековой керамики, 32 кремневых скола, 7,6 г костей рыбы, около 180 мелких костей животных, три кости человека и 5 г кальцинированных костей животных и 55 г неопределимых кальцинированных костей.

Ямы 48 и 48а (рис 107) открыты в квадратах Н-1, Н-54, Н-55, Н-56, G-53, G-54, G-55, G-56, G-57, G-58, F-56—58. Яма 48 имела вид траншеи, вытянутой в направлении ЮЗ—СВ. Размеры ее по верху составляли: 1570 см в длину, ширина ямы колебалась от 32 см в западной части до 150—170 см — в центральной и восточной. В квадрате Н-54—56 южная стенка траншеи имела сильное расширение (яма 48а). Обе ямы имели наклонные стенки и округлое дно. Глубина ямы 48 в разных частях составляла 8—13 см. Она была заполнена слоем серо-коричневой супеси с мелкими белыми камешками (почвенный гумус). В яме 48 найдены обломок железного прямоугольного кресала (№ 12), обломок роговой кальцинированной расчески (№ 7), концевой скребок на отщепе (№ 51) и два фрагмента кремневых пластин (№ 9, 17). В ее заполнении собраны также 21 фрагмент лепной керамики, семь кремневых сколов, 20 костей животных, 3,5 г кальцинированных костей и два куска железного шлака.

Яма 48а имела в плане форму неправильного овала, вытянутого в направлении ЮЗЗ—СВВ. Размеры ямы составляли 424 × 252 см. В центральной части ямы расчищены два больших (140 × 120 см и 76 × 72 см) камня и скопление мелких камней, лежавших на материке вплотную друг к другу. Среди

Рис. 321. Могильник Минино II. Находки из погребения 72

1 — привеска-бубенчик (№ 21); *2* — привеска-бубенчик (№ 23); *3* — привеска-бубенчик (№ 24); *4* — привеска-бубенчик (№ 7); *5* — фрагмент привески-бубенчика (№ 27); *6* — фрагмент пластины (№ 10); *7* — привеска-бубенчик (№ 20); *8* — привеска-бубенчик (№ 22); *9* — колоколовидная пронизка (№ 6); *10* — пластина (№ 12); *11* — фрагмент расчески (№ 5); *12* — стержень (№ 8); *13* — клин (№ 16); *14* — стержень с остатками рукояти (№ 19); *15* — удила (№ 13); *16* — бусина (№ 37); *17* — бусина (№ 34); *18* — бусина (№ 1); *19* — бусина (№ 2); *20* — бусина (№ 38); *21* — фрагмент пластины (№ 11); *22* — фрагменты расчески (№ 3); *23* — фрагмент бусины (№ 9); *24* — лепной сосуд (№ 39); *25* — лепной сосуд (№ 40). *1—10* — цветной металл;, *11* — рог; *12, 13, 15* — железо; *14* — железо, дерево; *16—20, 23* — стекло; *21, 22* — кость; *24, 25* — глина

них собраны бронзовая скрученная пластина (№ 8), кость со следами обработки (№ 10) и кремневая пластина (№ 16), а также отдельные фрагменты лепной керамики, отдельные кости человека и животных, редкие кальцинированные кости. В восточной части ямы отмечено скопление лепных фрагментов керамики. Дно ямы было плоским, общая глубина достигала 41 — 43 см от уровня материка.

Яма 50 (рис. 107) расчищена в квадратах F-52, G-52. В плане она имеет прямоугольную форму, вытянутую в широтном направлении. Ее размеры равны: ЗВ — 188 см, СЮ — 196 см. Стенки ямы немного скошены к центру, глубина от уровня материка составляет 45 — 55 см. Верхняя часть ямы на глубину 2 — 18 см была заполнена серой гумусированной супесью, нижняя — серо-коричневой рыхлой гумусированной супесью. В яме 50 обнаружены железное кольцо от удил (№ 4) и медиальная часть кремневой пластины (№ 20), а также один фрагмент лепной керамики, один кремневый скол и 16 костей животных, из которых три принадлежат овце (козе) и три — неопределимым млекопитающим.

Яма 51 (рис. 107) расчищена в квадратах G-1, G-51. В плане она имела форму неправильного четырехугольника размерами 260 × 124 см, вытянутого в направлении ЮЗ — СВ. Стенки ямы были наклонными, дно округлым, глубина от уровня материка достигала 50 — 85 см. Основным заполнением ямы на всей ее глубине был слой серого почвенного гумуса с пятном более темной серо-коричневой супеси в центральной части. В яме обнаружены оплавленная бронзовая поясная накладка (№ 15) и бронзовая колоколовидная пронизка (№ 19), а также один фрагмент круговой средневековой и 17 фрагментов позднесредневековой керамики, куски кирпича, один кремневый скол, семь костей животных и 14 г кальцинированных костей, из которых 8 г принадлежали животным.

Яма 52 (рис. 107) выявлена в квадратах F-1, G-1. В плане она имела форму неправильного овала, вытянутого в направлении север — юг. Размеры ямы по верхнему контуру составляли: СЮ — 280 см, ЗВ — 144 — 244 см. Стенки ямы в верхней части были прямыми, в нижней — наклонными. Общая глубина от уровня материка равна 31 — 59 см. Основное заполнение верхней части ямы — серая гумусированная супесь толщиной до 40 см, в нижней части — серо-коричневая гумусированная супесь толщиной 4 — 24 см. В нижней части яма сужалась и имела в плане подквадратную форму.

В заполнении обнаружены бронзовая пластинчатая обоймица от сумочки (№ 6), фрагмент рогового кальцинированного томара (№ 5), оплавленная лимоновидная бусина (№ 13) и три другие сплавленные лимоновидные бусины (№ 26), железный кованый гвоздь (№ 14) и кремневая пластина (№ 59). В яме собраны шесть фрагментов лепной керамики, три кремневых скола, 0,1 г костей рыбы, две кости коровы и три от неопределимых млекопитающих, 0,1 г кальцинированных костей, а также 24 кости человека от одного индивида (подросток): зубы и их фрагменты из верхней и нижней челюстей, шейный позвонок, разрозненные фаланги кисти и кости запястья, мелкий фрагмент тазовой кости. Возможно, эти кости относятся к погребению 64.

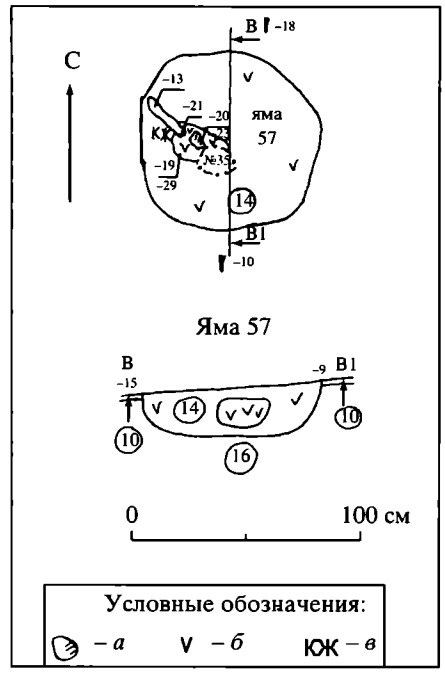


Рис. 322. Могильник Минино II. Раскоп 3. Яма 57

а — камень; *б* — уголь; *в* — кость животного. Расшифровку условных обозначений слоев см. рис. 217

Яма 53 (рис. 107) расчищена в квадратах F-54, G-54. Она имела в плане округлую форму, диаметр ее составлял 110 см. Стенки ямы были наклонными, дно — округлым. Общая глубина ямы достигала 38 см от уровня материка. Заполнение ямы в верхней части — темно-серая гумусированная супесь толщиной 16 см, в придонной части — светло-серый слабогумусированный песок толщиной 12 см. В заполнении обнаружены кремневая пластина (№ 11), один фрагмент средневековой круговой керамики, один кремневый скол, три кости животных и 3,5 г неопределимых кальцинированных костей.

Яма 57 (рис. 107, 322) располагалась в квадратах C-2, D-2. Западная часть ее осталась за пределами раскопа. Яма в плане имела круглую форму, диаметр ее 76 см. Стенки ямы были наклонными, дно — плоским, общая глубина от уровня материка достигала 12 см. Заполнение — темная серо-коричневая супесь. В центральной части ямы заполнение было насыщено углем. Здесь расчищен развал лепного сосуда. В яме собраны 14 костей животных, из которых одна принадлежит лошади, а другие неопределенным млекопитающим, 18 обломков от разных лепных сосудов и один кремневый скол.

Яма 58 (рис. 107) выявлена в квадрате H-57. Южная ее часть обрезается стенкой раскопа. В раскопе яма имела вид полукруга диаметром около 80 см с наклонными стенками и округлым дном. Глубина ямы от края равна 32 см. В верхней части яма по всей площади, исключая юго-восточный край, была заполнена слоем темно-коричневой супеси с галькой, в котором в северной части ямы расчищен фрагмент древесного тлена длиной 20 см, шириной около 6 см. Нижняя часть заполнения — рыжая су-

песь. В яме 58 обнаружены стеклянная оплавленная лимоновидная бусина (№ 24) и одна кость неопределимого млекопитающего.

Яма 61 (рис. 107) обнаружена в квадратах E-52, F-52. Она имела в плане форму неправильного овала, вытянутого в меридиональном направлении. У ее северного края находился большой (176 × 144 × 89 см) валун треугольной формы. Размеры ямы по верхнему краю равны: СЮ — 194 см, ЗВ — 132—167 см, стенки имеют скос внутрь. Глубина от края составляет 28 см. Основное заполнение северной части ямы — желтый слабогумусированный песок, южной — почвенный гумус. В яме обнаружено известняковое рыболовное грузило (№ 83) и четыре кости неопределимых млекопитающих.

Яма 62 (рис. 107) расчищена в квадратах C-51, C-52. Северная ее часть испорчена современной хозяйственной постройкой, стоявшей у края раскопа. В плане яма имела форму неправильного овала. Размеры вскрытой в раскопе части составили 360 × 88—140 см. В южной части ямы расчищены три крупных камня, являющиеся частями одного большого расколовшегося камня. Стенки ямы были наклонными, при этом юго-западная стенка имела уступы, дно не достигнуто (находится под постройкой). Глубина ямы от уровня материка составляет более 32 см. Верхняя часть заполнения представляет собой серую гумусированную супесь и серо-коричневую рыхлую гумусированную супесь (грунт, перемешанный при сооружении хозяйственной постройки). Нижняя часть ямы заполнена прослойками темной углистой супеси, перемежающимися с прослойками рыжей супеси, перемешанной с черным гумусом, и белого слабогумусированного песка. В слое гумусированной супеси и темном углистом слое в центральной части ямы собраны бронзовые плоская подвеска-уточка (№ 40), круглопроволочная пронизка (№ 41), фрагменты оплавленных шумящих украшений (№ 60, 66, 70, 73), поясные накладки (№ 64, 65, 71, 78, 86) и обломок оплавленного поясного кольца (№ 76), стеклянные желтые лимоновидные бусины (№ 72, 74, 75) и тянутая желтая бисерина (№ 81), фрагмент кальцинированной роговой расчески с геометрическим декором (№ 79). Некоторые вещи оплавлены, другие не были в огне. В западной части ямы, около ее стенки в слое темной серо-коричневой супеси расчищены развалы четырех лепных сосудов (№ 46—48, 50) раздавленных на мелкие фрагменты. Среди них найден бронзовый оплавленный бубенчик (№ 45). Кроме перечисленных находок в заполнении собрано 44 фрагмента лепной керамики, четыре кремневых скола, 1 г костей рыбы, 14 костей неопределимых млекопитающих, одна кость бобра и одна кость птицы, 33 г кальцинированных костей.

Яма 63 (рис. 107) выявлена в квадратах G-59, G-60, H-59, H-60. В плане она имела форму неправильного треугольника размерами: СЮ — 348 см, ЗВ — 340 см. В северной половине стенки ямы были практически отвесными. Южная стенка в верхней части имела большой скос к центру, а в нижней также была вертикальной. В придонной части яма имеет неправильную округлую форму, сужаясь до размеров: СЮ — 252 см, ЗВ — 230 см. Глубина ямы от уровня материка составляет 47—74см.

Заполнение ямы имеет сложную стратиграфию: в верхней части оно представляет собой в основном темную серо-коричневую супесь с галькой, ниже залегает светло-серый слабогумусированный песок и темная углистая супесь. В юго-восточной части ямы зафиксировано темное углистое заполнение толщиной 16—25 см. Внутри него расчищено плотное скопление фрагментов лепной керамики, как бы "размазанных" среди камней небольших размеров (до 10 см в поперечнике). С северо-востока скопление керамики ограничивает большой валун размерами 65 × 39—50 см, с юга три лежащих рядом камня меньших размеров (33 × 21 см, 16 × 17 см, 14 × 6 см). Все фрагменты принадлежали двум сосудам: № 42 (собрано 189 обломков) располагался в северной части скопления, № 41 (собран 91 обломок) лежал южнее. Радиоуглеродным методом датированы угли из нижней части заполнения: их абсолютный возраст равен 1140±16 лет, калиброванная дата: 890—900, 920—960, 890—960-е годы (ЛЕ-6752). На дне ямы зафиксирована прослойка светло-серого слабогумусированного песка толщиной 5 см. В заполнении ямы собраны 54 находки. Кроме развалов двух сосудов здесь обнаружены обожженный железный нож (№ 1), бронзовый держатель ниток бус в ожерелье (№ 30), подвеска из зуба животного (№ 16), обломки скобеля из резца бобра (№ 54), фрагмент костяного стержня подпрямоугольного сечения (№ 52), два фрагмента обработанной кости (№ 16, 53), кремневые нуклеус (№ 23), проколка (№ 25), два скребка (№ 5, 15), сланцевое рубящее орудие (№ 45) и 40 кремневых пластин (№ 2—4, 6—14, 17—19, 21, 22, 24, 26—29, 31—40, 43, 44, 46—51). Из ямы 63 происходит 35,5 г кальцинированных костей, из которых 4,5 г принадлежат человеку, 16 г являются костями животных, а 15 г неопределимы. Здесь же собрано 29 сырых костей животных, из которых две принадлежат северному оленю, а 13 неопределимым млекопитающим, и одна сырая кость человека, а также 29 лепных и два круговых средневековых обломка керамики, 70 кремневых сколов. Вероятно, в яме 63 смешаны заполнения средневекового и мезолитического времени.

Яма 64 (рис. 107) зафиксирована в квадратах G-58, G-59. Чашевидная яма в плане имеет овальную форму, размеры ее: СЮ — 81 см, ЗВ — 74 см. Глубина равна 17 см от уровня поверхности материка. Яма заполнена слоем темной углистой супеси, в котором в центральной и юго-восточной частях отмечено скопление необожженых камней размерами до 10 см в поперечнике. В яме собрано пять мелких фрагментов керамики: два средневековой круговой и три неопределимой.

Яма 65 (рис. 107) обнаружена в квадрате G-61. В плане она имеет овальную форму. Ее размеры равны: СЮ — 33 см, ЗВ — 50 см, стенки наклонные, дно округлое. Глубина ямы от края составляет 14—16 см. Яма была заполнена темным углистым слоем, в котором расчищены фрагменты лепного

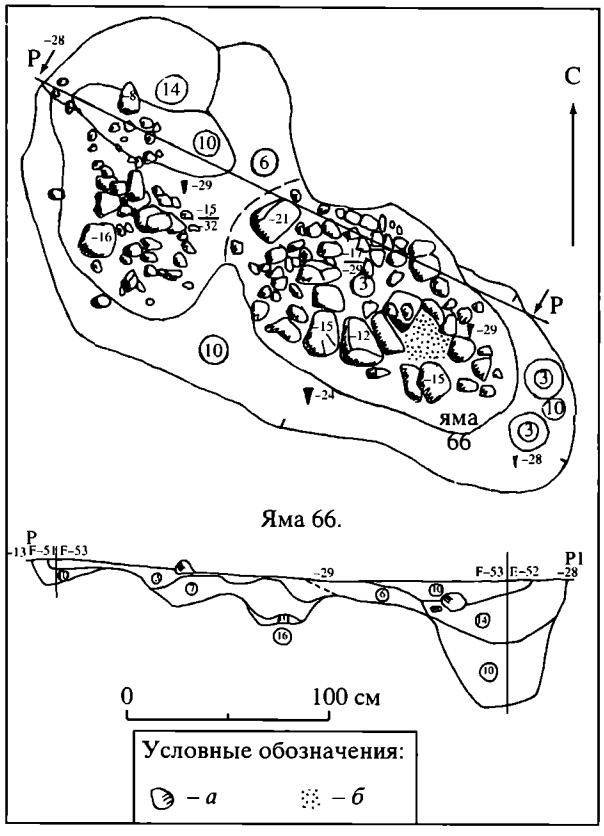


Рис. 323. Могильник Минино II. Раскоп 3. Яма 66

а — камень; *б* — песок. Расшифровку условных обозначений слоев см. рис. 217

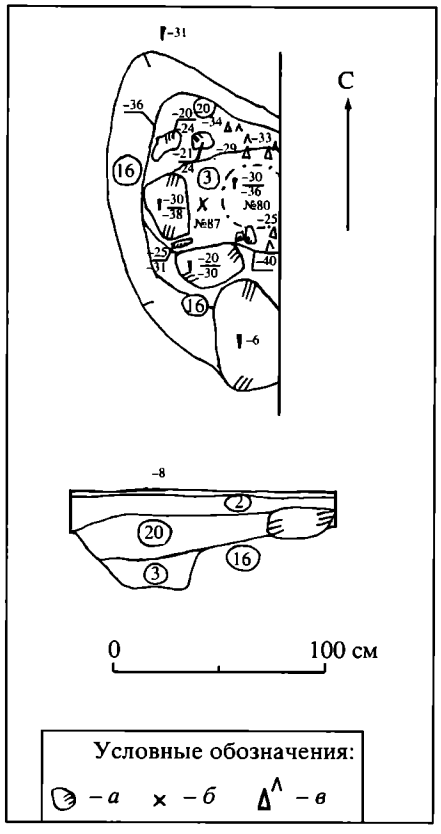


Рис. 324. Могильник Минино II. Раскоп 3. Яма 67

а — камень; *б* — индивидуальная находка; *в* — фрагмент лепной керамики. Расшифровку условных обозначений слоев см. рис. 217

сосуда, лежащие компактно в центре ямы (№ 61). Они принадлежат сосуду, основная часть которого была собрана в яме 63 (сосуд № 41). В яме зафиксированы также отдельные небольшие фрагменты обгорелого дерева и найдена кремневая пластина (№ 62).

Яма 66 (рис. 107, 323) располагалась в юго-восточном углу квадрата Е-52, юго-западном углу квадрата Е-53, восточной части квадрата F-52 и в квадрате F-53. Она имеет форму неправильного овала, вытянутого в направлении СЗ—ЮВ. Размеры ямы по верху равны 328 × 96—148 см. Глубина ямы от края составляет 23 см. Северо-восточная часть ямы 66 была разрушена ямой погребений 59/I, 59/II, 62. Заполнение ямы прорезает слой рыжей супеси толщиной 2—3 см и материк. Стенки ямы имеют незначительный скос к центру.

Яма 66 имеет неоднородное заполнение. Верх юго-восточной половины ямы занимает слой темной углистой супеси. Северо-западная половина сверху заполнена слоем рыжей супеси, перемешанной с черным гумусом. С юга и востока по периметру ямы эти слои оконтуриваются прослойкой рыжей супеси шириной 18—65 см. В слоях углистой супеси и рыжей супеси, перемешанной с темным гумусом, расчищены два компактных скопления камней средних размеров (5—20 см в поперечнике). Восточное скопление занимало участок размерами 150 × 80 см. Внутри этого скопления обнаружена подсыпка из чистого желтого песка круглой формы диаметром около 27 см. Второе скопление камней располагалось в 25 см к западу от первого на участке размерами 110 × 60 см. Северо-восточная часть ямы заполнена слоями рыжей и темной серо-коричневой супеси. Основным заполнением придонной части ямы является слой рыжей супеси, перемешанной с коричневой супесью. Дно ямы неровное, в юго-восточной части ямы в нем находились пять небольших углублений округлой формы диаметром 16—20 см, расположенных по периметру ямы. В яме 66 обнаружены одна кость животного и 14,5 г неопределимых кальцинированных костей.

Яма 67 (рис. 107, 324) располагалась в юго-восточной части квадрата С-55 и северо-восточной части квадрата D-55. Она обрезалась восточной стенкой раскопа. В раскопе яма имела подтреугольную форму. Ее размеры по верху составляли: СЮ — 136 см, ЗВ — 80 см. Северная и западная стенки ямы имели крутой скос к центру. Глубина ямы равна 34 см, дно плоское. С юга ее ограничивал камень размерами 52 × 32 см, лежащий на материке. Вдоль западного края ямы располагались еще несколько камней средних размеров. Верх ямы был заполнен слоем серо-коричневой гумусированной супеси толщиной 13—22 см, подстилающийся темным углистым слоем, являющимся основным заполнением нижней части ямы. В центре ямы обнаружен развал лепного сосуда (№ 80). На дне лежал кремневый нуклеус (№ 87). В яме собраны два кремневых скола и 5 г кальцинированных костей.

Раскоп 3 (2004 г.)

Погребение 74 (рис. 325) выявлено в квадратах Y-15, 16, в заполнении могильной ямы погребения № 75, имеющей подпрямоугольную форму, вытянутую по оси ЮВ – СЗ. Размеры ямы 100 × 270 см, ее глубина в материке – до 35 см (яма 79). Заполнение ямы – углистая темно-серая (черная) супесь. В нем встречены отдельные мелкие угольки, фрагменты обожженных до состояния дресвы камней. В ходе выборки заполнения ямы было обнаружено более полутысячи фрагментов кальцинированных костей общим весом 239,5 г. Это погребение, совершенное по обряду кремации на стороне, вероятно, было компактно расположено на этом участке могильника. Позднее, при сооружении на этом же месте углубленной в материк могильной ямы погребения 75, оно оказалось полностью переотложено и рассыпано по всей толще заполнения могилы (отметки кальцинированных костей от –30 до –60 см). Помимо кальцинированных костей к погребению 74 отнесено 170 мелких фрагментов двух лепных горшков древнерусского времени общим весом 0,6 кг. Оба сосуда орнаментированы по плечику и торцу венчика зубчатыми штампами.

Рис. 325. Могильник Минино II. Находки из погребения 74

1 – фрагмент расчески (№ 1); *2* – фрагмент расчески (№ 5); *3* – фрагмент расчески (№ 7); *4* – фрагмент расчески (№ 4); *5* – фрагмент расчески (№ 3); *6* – фрагмент расчески (№ 13); *7* – фрагмент расчески (№ 16); *8* – фрагмент расчески (№ 15); *9* – бусина (№ 2); *10* – наконечник стрелы (№ 12); *11* – фрагмент расчески (№ 11); *12* – оселок (№ 8); *13* – кресало (№ 14); *14* – фитильная трубка (№ 10); *15* – томар (№ 6). *1–8, 11* – рог; *9, 14* – цветной металл; *10, 15* – кость; *12* – сланец; *13* – железо

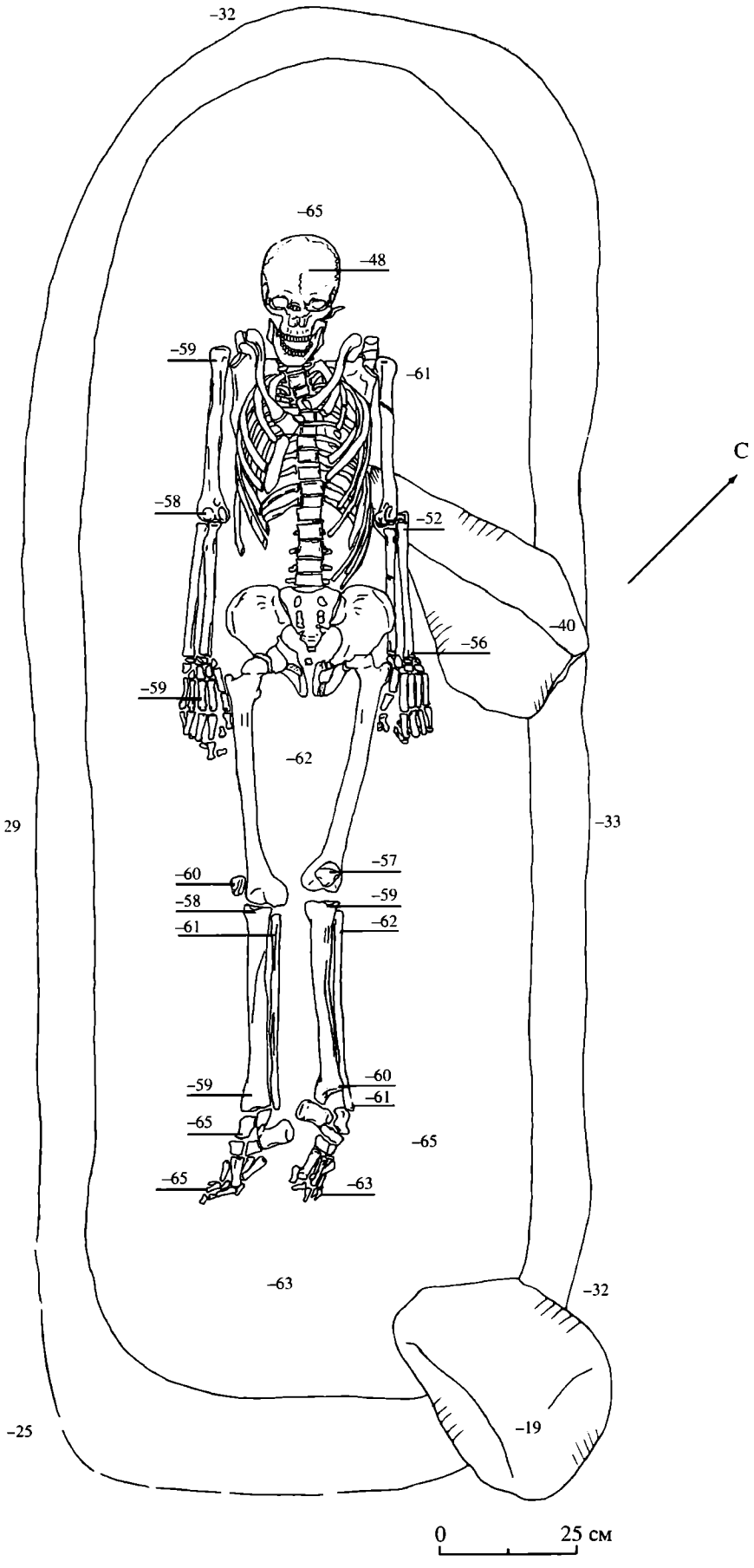


Рис. 326. Могильник Минино II. Погребение 75

С кремацией связаны и побывавшие в огне вещи: костяной наконечник стрелы (№ 12); роговой томар (№ 6); бронзовая фитильная трубка (№ 10); кресало (№ 14); сланцевый оселок (№ 8); фрагменты одной (?) составной роговой расчески с футляром, украшенной геометрическим орнаментом (№ 1, 3—5, 7, 11, 13, 15); бронзовая флаконовидная бусина (№ 2). Перечисленные артефакты оказались переотложены таким же образом, как и кальцинированные кости (отметки вещей от —30 до —64 см).

Погребение 74 относится к концу X — началу XI в.

При просеивании грунта, извлеченного из ямы, найдены также фрагмент кремневой пластины (№ 9) и пять экземпляров отходов кремнеобработки, относящиеся к существовавшей здесь же стоянке эпохи мезолита.

Погребение 75 (рис. 326) выявлено в квадратах Y-15, 16, в яме 79. Размеры ямы 100 × 270 см, ее глубина в материке — до 35 см. Яма имела в плане подпрямоугольную форму со скругленными углами. Дно ямы ровное, имеющее слабый (2 см) уклон к СЗ. В пределы ямы на несколько сантиметров выступали из материка два камня-валуна (в восточном углу и у северо-восточной стенки). Заполнение ямы — углистая темно-серая (черная) супесь. В нем встречены отдельные мелкие угольки, фрагменты обожженных до состояния дресвы камней. В заполнении ямы располагались остатки погребения № 74, совершенного по обряду кремации и нарушенного ямой погребения № 75. Погребение 75 располагалось в материковой яме размерами 1,0 × 2,7 м и глубиной в материке до 0,35 м.

Вытянутое на спине трупоположение было ориентировано на СЗ (302°). Останки принадлежали мужчине в возрасте 40—49 лет. Руки погребенного были вытянуты вдоль тела, кости предплечья левой руки частично перекрыты крылом распавшегося таза. Кисти рук обращены тыльной стороной вверх, две последние фаланги пальцев обеих кистей подогнуты. Кости голеней лежат параллельно, на некотором расстоянии одна от другой. Кости оттянутых стоп завалены по направлению к торцу ямы. Сохранность костей удовлетворительная, типичная для погребений древнерусского времени на памятнике. Остатков гроба не обнаружено.

Инвентарь на костях погребения 75 и вблизи них на дне ямы отсутствовал. Все найденные в могиле вещи имели следы воздействия огня и залегали совместно с кальцинированными костями погребения 74 в толще засыпки могилы.

Судя по ориентировке погребения в западную четверть горизонта и отсутствию сопровождающего инвентаря, погребение 75 относится к поздней фазе существования могильника (позднейшие датированные погребения на Минино II относятся к рубежу XII—XIII вв.).

Кроме погребальных на площадке могильника обнаружен целый ряд ям, не содержащих погребений. Нумерация ям продолжает нумерацию раскопа 3 2000, 2002—2003 гг.

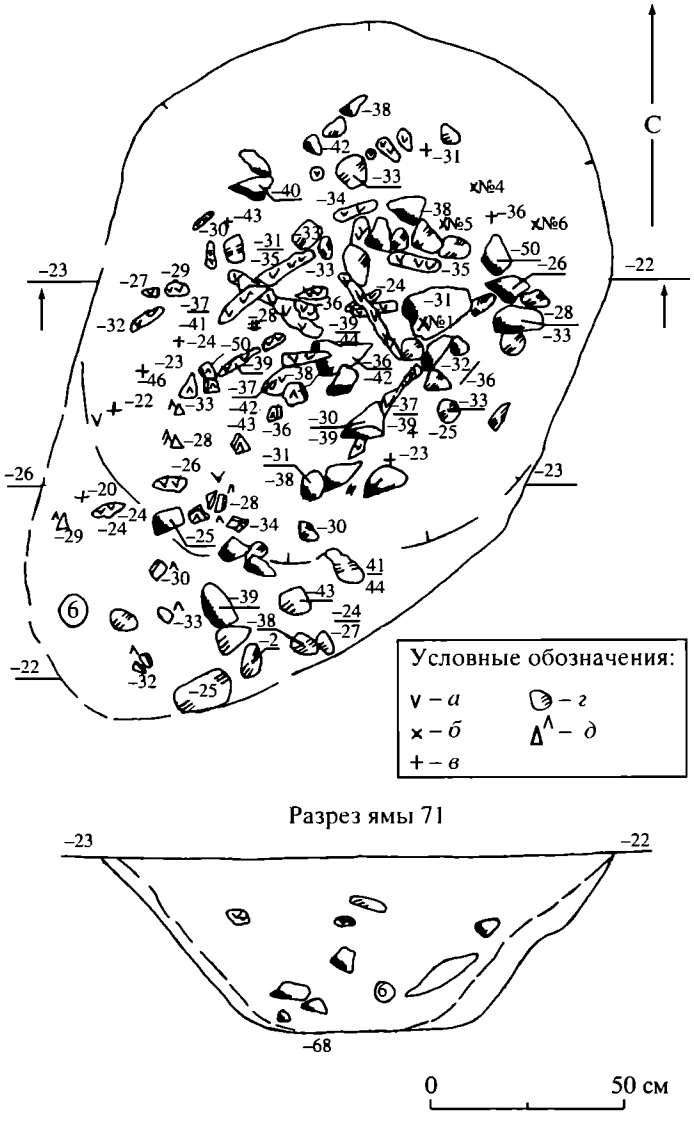


Рис. 327. Могильник Минино II. Раскоп 3. Яма 71

а — уголь; *б* — индивидуальная находка; *в* — кальцинированная кость; *г* — камень; *д* — фрагмент лепной керамики

Яма 71 (рис. 327) выявлена на западном участке раскопа, в квадрате А-15 и южной части квадрата Z-15. Контур темного заполнения ямы четко прослеживался лишь после снятия пахотного слоя. Размеры ямы по линии З—В — 1,3 м, по линии С—Ю — 1,8 м. Яма представляет собой глубокую яму со скошенными стенками и уплощенным дном диаметром около 1,3 м и глубиной 45 см в материке, к которой с ЮЮЗ примыкает вдвое менее глубокая часть шириной до 50 см с несколько менее насыщенным углями заполнением.

В ходе выборки ямы в ее заполнении (углистой темно-серой (черной) супеси) встречены некрупные обожженные и необожженные камни, несколько беспорядочно залегавших головней древесного угля длиной 10—30 см и шириной до 4—6 см, отдельные мелкие угольки.

В пределах ямы найдены четыре индивидуальные находки — ушко бронзовое пластинчатое с одним валиком и заклепкой, залегавшее по центру площа-

ди ямы на отметке −32; пластина кремневая со следами использования (отметка −23); две кремневых пластины (отметки −23 и −24). Кроме того, в заполнении ямы найдено 10 мелких кальцинированных костей общим весом 5,5 г и 40 фрагментов лепной керамики общим весом 159 г, относящихся к одному сосуду.

Яма 78 (рис. 107) выявлена на западном участке раскопа у кола, разграничивающего квадраты Y-17/18 и Z-17/18. Контур темного заполнения ямы был четко прослежен лишь после снятия пахотного слоя. Диаметр округлой ямы со скошенными стенками и округлым дном — около 80 см, глубина в материке — 21 см. В ходе выборки ямы в ее заполнении (углистой темно-серой (черной) супеси) встречены некрупные необожженные и обожженные (в том числе до состояния дресвы) камни, компактно залегавшие преимущественно на дне ямы, отдельные мелкие древесные угольки. Среди камней обнаружены 19 мелких фрагментов лепной керамики древнерусского времени общим весом 25 г от одной расслоившейся стенки с венчиком, принадлежавшей неорнаментированному горшку средних размеров.

Яма 81 (рис. 107) выявлена на западном участке раскопа, в квадратах B/C-18/19. Контур темного заполнения ямы был прослежен лишь после снятия пахотного слоя. Яма имеет овальную форму; она вытянута по оси СВ—ЮЗ. Размеры ямы по линии СВ—ЮЗ — 230 см, по линии СЗ—ЮВ — 140 см. Глубина ямы в материке — до 15 см. Дно ямы имеет округлую форму.

Заполнение ямы — углистая темно-серая (черная) супесь в верхнем слое, розовый подзол в нижнем. В северо-западной части ямы находились мелкие и средние камни, в центре — большой камень диаметром 0,46 м. В ходе выборки ямы в центре на отметке −76 был обнаружен роговой томар (?) с линейным декором. В заполнении ямы найден массовый материал — фрагмент лепной средневековой керамики, отходы кремнеобработки (4 экз.), кальцинированные кости (6 г). Яма может быть датирована древнерусским временем.

Архивные источники

Александров А.А., Харлашов Б.Н., А-1990. Отчет о раскопках селища в Выбутах и разведке в Псковском, Островском, Пушкиногорском районах Псковской области, а также на территории Пскова в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15548.

Башенькин А.Н., А-1983. Отчет о работе археологической экспедиции Череповецкого краеведческого музея в Вологодской области в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10328.

Васильев С.Ю., А-1993. Отчет о полевых исследованиях в Вологодской области в 1993 году (Вологодский, Кичменгско-Городецкий районы) // Архив ИА РАН. Р-1. № 18301, 18302.

Васильев С.Ю., Суворов А.В., А-1994. Археологическое обследование низины Кубенского озера: Отчет о НИР (заключительный) // Архив Дирекции по реставрации и использованию памятников истории и культуры в Вологодской области. Вологда. Б. №

Гоняный М.И., А-1995. Отчет об археологических исследованиях, проведенных ГИМ в Домодедовском и Подольском районах и в г. Подольске Московской области в 1995 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 19111.

Гоняный М.И., А-1997. Отчет о результатах археологических исследований, проведенных ГИМ в г. Подольске, Подольском, Наро-Фоминском, Серпуховском районах Московской области в 1997 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 22047.

Кашкин А.В., А-1988. Отчет о раскопках селища и могильника Оленино в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12638.

Кашкин А.В., А-1989. Отчет о работе Волжского отряда Волго-Окской экспедиции в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13781.

Кашкин А.В., А-1990. Отчет о работе Волжского отряда Волго-Окской экспедиции в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15490.

Конецкий В.Я., А-1980. Отчет об исследованиях Новгородского музея: Новгородская область // Архив ИА РАН. Р-1. № 8573а.

Коновалова З.С. А-1990. Отчет о работе Наговицынского отряда Нижегородской археологической службы и Городецкого краеведческого музея на древнерусском селище I у д. Наговицыно, Городецкого района в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15828.

Коновалова З.С., А-1991. Отчет о работе Наговицынского отряда Нижегородской археологической службы и Городецкого краеведческого музея на древнерусском селище I у д.Наговицыно, Городецкого района в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15065.

Королькова Л.В., А-2001. Отчет о работе этноархеологической экспедиции РЭМ в полевой сезон 2001 года в Тихвинском районе Ленинградской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 24379.

Королькова Л.В., А-2002. Отчет о работе этноархеологической экспедиции РЭМ в 2002 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 24381.

Кудряшов А.В., А-1988. Отчет Шекснинского отряда Северорусской археологической экспедиции о полевых работах в Вологодской области в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13409.

Кудряшов А.В., А-1989. Отчет о раскопках поселений Октябрьский мост в г. Череповце и Кривец в Череповецком р-не и археологических разведках в Вожегодском, Харовском, Усть-Кубинском районах Вологодской области в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14222.

Кудряшов А.В., А-1990. Отчет Шекснинского отряда Северорусской экспедиции о раскопках поселений Минино 2, Шексна 1, могильника Кривец II и разведках в Череповецком, Шекснинском, Кадуйском и Верховажском районах Вологодской обл. в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15010.

Кудряшов А.В., А-1991. Отчет Шекснинского отряда Северорусской экспедиции о раскопках поселений Минино 5, Шексна 1, Минино I и разведках в Череповецком, Белозерском районах Вологодской обл. в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 16853.

Кудряшов А.В., А-1992. Отчет Шекснинского отряда Северорусской экспедиции о раскопках поселения Октябрьский Мост в г. Череповце, поселения Луковец в Череповецком р-не, поселения у д. Телешово Пошехонского р-на Ярославской обл. и разведках в Белозерском и Кирилловском р-нах Вологодской обл. и Пошехонском р-не Ярославской обл. в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17412.

Кудряшов А.В., А-1993. Отчет о работе Шекснинского отряда Северорусской экспедиции о раскопках поселения Октябрьский мост в г. Череповце, поселения и могильника у п. Кривец Череповецкого района и разведках в Череповецком, Шекснинском, Кадуйском и Белозерском районах в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18331.

Кудряшов А.В., А-1994. Отчет Шекснинского отряда Северорусской археологической экспедиции о раскопках поселения Октябрьский мост в г. Череповце, поселения и могильника у дер. Нередово в Белозерском районе и разведках в Череповецком, Шекснинском, Кадуйском и Белозерском районах Вологодской области в 1994 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 19045.

Кудряшов А.В., А-1995. Отчет Шекснинского отряда Северорусской археологической экспедиции о раскопках поселения Соборная горка в г. Череповце, поселения Луковец в Череповецком районе, поселений Нефедово и Муриновская пристань в Белозерском районе и разведках в Череповецком, Шекснинском, Белозерском, Кадуйском районах Вологодской области в 1995 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18208.

Кудряшов А.В., А-1996. Отчет Шекснинского отряда Северорусской археологической экспедиции о раскопках поселений Минино 4 и Луковец в Череповецком районе и разведках в Череповецком, Шекснинском, Белозерском районах Вологодской области в 1996 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 20482.

Кудряшов А.В., А-1997. Отчет Шекснинского отряда о раскопках могильника Минино 7 в Череповецком районе, поселения Дюково в Белозерском районе и разведках в Вологодской области в 1997 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Кудряшов А.В., А-1999. Отчет Шекснинского отряда Северорусской археологической экспедиции о раскопках

поселений Октябрьский мост в г. Череповце, Андрюшино-Ирма в Шекснинском районе, Луковец в Череповецком районе и о разведках в Вологодской области в 1999 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 24163.

Кудряшов А.В., А-2000. Отчет Шекснинского Отряда Северорусской археологической экспедиции о раскопках поселения Андрюшино-Ирма в Шекснинском районе и о разведках в Череповецком, Шекснинском, Белозерском, Кадуйском районах Вологодской области в 2000 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Кудряшов А.В., А-2001. Отчет Шекснинского отряда Северорусской археологической экспедиции о работах в Вологодской области в 2001 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 24163.

Кудряшов А.В., А-2002. Отчет Шекснинского отряда Северорусской археологической экспедиции о раскопках поселения Луковец в Череповецком р-не, поселения Муриновская пристань и могильника Девичья гора 4 в Белозерском р-не и разведках в Череповецком, Шекснинском, Белозерском, Кадуйском районах Вологодской области в 2002 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 24382.

Лапшин В.А., А-1980. Раскопки селища Гнездилово-2 под Суздалем. 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7690.

Лапшин В.А., А-1981. Раскопки селища Гнездилово-2 под Суздалем. 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10059.

Лапшин В.А., А-1982. Раскопки селища Гнездилово-2 под Суздалем. 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9193.

Лапшин В.А., А-1984. Раскопки селища Гнездилово-2 под Суздалем. 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9468.

Лапшин В.А., А-1985. Раскопки селища Гнездилово-2 под Суздалем. 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10771.

Лапшин В.А., А-1986. Раскопки селища Гнездилово-2 под Суздалем. 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14672.

Лапшин В.А., А-1987. Раскопки селища Гнездилово-2 под Суздалем. 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12076.

Леонтьев А.Е., А-1978. Отчет Волго-Окской новостроечной экспедиции о работах в Ярославской и Костромской областях // Архив ИА РАН. Р-1. № 7167.

Леонтьев А.Е. А-1988. Раскопки селища и могильника Оленино в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11982.

Макаров Н.А., А-1982. Отчет о разведках и раскопках в Вологодской и Архангельской областях в 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9705.

Макаров Н.А., А-1983. Отчет о работах Онежско-Сухонской экспедиции в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10604, 10604а—в.

Макаров Н.А., А-1985. Отчет о работах Онежско-Сухонской экспедиции в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10762.

Макаров Н.А., А-1988. Отчет о работе Онежско-Сухонской экспедиции в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12844.

Макаров Н.А., А-1989. Отчет о работе Онежско-Сухонской экспедиции в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14354.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., А-1990. Отчет о работе Онежско-Сухонской экспедиции в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14355.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., Суворов А.В., А-1996. Отчет о работах Онежско-Сухонской экспедиции в 1996 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 23700, 23701.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., А-1997. Отчет о работах Онежско-Сухонской экспедиции в 1997 г. (охранные обследования Белоозера, раскопки поселения Минино I и могильника Минино II в Вологодской области и разведки в Вашкинском районе Вологодской области) // Архив ИА РАН. Р-1. № 21102—21104.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., Суворов А.В., Зайцева И.Е., Минаев И.В., А-1998. Отчет о работах Онежско-Сухонской экспедиции в 1998 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 23702, 23703.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., Зайцева И.Е., Суворов А.В., А-1999. Отчет о работах Онежско-Сухонской экспедиции в 1999 г. (раскопки поселения и могильника Минино I в Вологодском районе Вологодской области и разведки средневековых поселений в Вологодском и Белозерском районах Вологодской области) // Архив ИА РАН. Р-1. № 23758.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., Зайцева И.Е., Меснянкина С.В., Суворов А.В., А-2000. Отчет о работах Онежско-Сухонской экспедиции в 2000 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 23704, 23705.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., А-2001. Отчет Онежско-Сухонской экспедиции о разведках средневековых памятников в Вологодской области в 2001 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., Зайцева И.Е., Меснянкина С.В., Мокрушин М.Л., А-2001. Отчет о работах Онежско-Сухонской экспедиции в 2001 г. (раскопки могильника Владышнево II и поселения Минино VI в Вологодском районе Вологодской области) // Архив ИА РАН. Р-1. № 23706, 23707.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., Суворов А.В., Зайцева И.Е., Меснянкина С.В., А-2002. Отчет о работах Онежско-Сухонской экспедиции в 2002 г. (раскопки поселения Минино I и могильника Минино II в Вологодском районе Вологодской области) // Архив ИА РАН. Р-1. № 23754, 23755.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., А-2002. Отчет Онежско-Сухонской экспедиции о разведках средневековых памятников в Вологодской области в 2002 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Макаров Н.А., А-2003. Отчет Онежско-Сухонской экспедиции о разведках средневековых памятников в Вологодской области в 2003 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., Суворов А.В., Зайцева И.Е., Месянкина С.В., Михайлов К.А., А-2003. Отчет о работах Онежско-Сухонской экспедиции в 2003 г. (исследования могильника Минино II, поселений Минино VI и Минино I в Вологодском районе Вологодской области) // Архив ИА РАН. Р-1. № 23756, 23757.

Мильков В.В., А-1986. Отчет о проведении археологических работ отрядом Новгородского музея в Новгородской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 11561.

Мильков В.В., А-1990. Отчет о проведении раскопок по доисследованию разрушаемых курганов и поселения у д. Заручьевье Окуловского р-на, разрушаемых курганов у д. Дрегли Любытинского р-на и о разведках в Хвойнинском и Боровичском р-нах Новгородской области в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15069.

Мошенина Н.Н., А-1986. Отчет о раскопках селища у с. Весь Суздальского р-на Владимирской обл. в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11963.

Мошенина Н.Н., А-1987. Отчет о раскопках селища у с. Весь Суздальского р-на Владимирской обл. в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11984.

Мошенина Н.Н., А-1988. Отчет о раскопках селища у с. Весь Суздальского р-на Владимирской обл. в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14579.

Мошенина Н.Н., А-1989. Отчет о раскопках селища у с. Весь Суздальского р-на Владимирской обл. в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14578.

Мошенина Н.Н., А-1990. Отчет о раскопках селища у с. Весь Суздальского р-на Владимирской обл. в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15721.

Мошенина Н.Н., А-1991. Отчет о раскопках селища у с. Весь Суздальского р-на Владимирской обл. в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 16721.

Никитинский И.Ф., А-1982. Отчет о работе Вологодской экспедиции в 1982 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 9341, 9341а.

Олейников О.М., А-1985. Отчет о работе третьего отряда Калининской экспедиции ИА АН СССР в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10915.

Олейников О.М., А-1986. Отчет о раскопках древнерусского поселения Благовещение в верховьях Волги в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11311.

Олейников О.М., А-1987. Отчет о раскопках средневекового поселения и курганной группы Струйское и поселения Бобровники в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12339а.

Олейников О.М., А-1988. Отчет по раскопкам поселения Струйское в Ржевском р-не Калининской области в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13000.

Олейников О.М., А-1989. Отчет по раскопкам селища Шитовичи-6 и курганной группы Шитовичи-1 в Вышневолоцком р-не Калининской области в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13638.

Олейников О.М., А-1990. Отчет о раскопках курганной группы Шитовичи-1 и поселения Шитовичи-6 в Вышневолоцком-р-не Тверской области в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15480.

Олейников О.М., А-1991. Отчет об охранных работах на поселении Волково 1 в Селижаровском районе Тверской области в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 16012.

Олейников О.М., А-2003. История населения Тверского Поволжья в VI—XIII вв.: Дис. ... канд. ист. наук. М. // Архив ИА РАН. Р-2. № 2723.

Платонова Н.И., А-1979. Отчет о полевых исследованиях Лужского отряда Ильменской экспедиции ИА РАН в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7540.

Платонова Н.И., А-1980. Отчет о полевых исследованиях Лужского отряда Ильменской экспедиции ИА РАН в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8037.

Платонова Н.И., А-1981. Отчет о полевых исследованиях Лужского отряда Ильменской экспедиции ИА РАН в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8740.

Платонова Н.И., А-1982. Отчет о полевых исследованиях Лужского отряда Ильменской экспедиции ИА РАН в 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10242.

Платонова Н.И., А-1984. Отчет о полевых исследованиях Лужского отряда Ленинградской областной экспедиции ЛОИА в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10242а, б.

Праздников В.В., А-1994. Отчет о работе Ярославской археологической экспедиции в 1994 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18942.

Праздников В.В., А-1995. Отчет о работе Ярославской археологической экспедиции в 1995 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 19286.

Рыкунов А.Н., А-1991. Отчет о научно-исследовательских археологических работах на памятниках Усть-Шексна 1 и 2 в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 16346.

Рыкунов А.Н., А-1992. Отчет о произведенных работах на археологических памятниках Усть-Шексна 1 и 2 в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17026.

Рыкунов А.Н., А-1993. Отчет о научно-исследовательских археологических работах на памятниках Усть-Шексна 1 и 2 в 1993 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17904.

Рыкунов А.Н., А-1994. Отчет о научно-исследовательских работах на археологических памятниках Усть-Шексна 1 и 2 в 1994 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 20077.

Рыкунов А.Н., А-1996. Отчет о научно-исследовательских работах на археологических памятниках Усть-Шексна 1 и 2 в 1996 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 20531.

Рыкунова И.И., А-1995. Отчет о научно-исследовательских работах на археологических памятниках Усть-Шексна 1 и 2 в 1995 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 20530.

Седов В.В., А-1955. Отчет о полевой работе Смоленского отряда Среднерусской археологической экспедиции ИИМК АН в 1955 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1093.

Седов В.В., А-1956. Отчет о полевой работе Смоленского отряда Среднерусской археологической экспедиции ИИМК АН 1956 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1263.

Сорокин А.Н., А-2001. Отчет об исследованиях в Сергиев-Посадском и Серпуховском р-нах Московской области в 2001 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 23250.

Станкевич И.Л., А-1983. Отчет о работе археологической экспедиции Ярославского государственного университета в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9960.

Станкевич И.Л., А-1984. Отчет о работе археологической экспедиции Ярославского государственного университета в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10457.

Станкевич И.Л., А-1985. Отчет о работе археологической экспедиции Ярославского государственного университета в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11086.

Станкевич И.Л., А-1986. Отчет о работе археологической экспедиции Ярославского государственного университета в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11357.

Станкевич И.Л., А-1987. Отчет о работе археологической экспедиции Ярославского государственного университета в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11891.

Станкевич И.Л., А-1988. Отчет о работе археологической экспедиции Ярославского государственного университета в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12790.

Станкевич И.Л., А-1989. Отчет о работе археологической экспедиции Ярославского государственного университета и Управления культуры в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13539.

Станкевич И.Л., А-1990. Отчет о работе археологической экспедиции Ярославского государственного университета и Управления культуры Ярославского облисполкома в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 15931.

Станкевич И.Л., А-1991. Отчет о работе археологической экспедиции Ярославского государственного университета в 1991 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 16400.

Станкевич И.Л., А-1992. Отчет о раскопках древнерусского поселения Введенского археологической экспедиции Ярославского университета и научно-производственного центра по охране памятников истории и культуры Ярославской области в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 17125.

Станюкович А.К., А-1977. Отчет об археологических и археофизических исследованиях в Московской и Рязанской области РСФСР и Крымской области УССР в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6276.

Станюкович А.К., А-1978. Отчет о комплексных исследованиях на археологических памятниках в Ленинском и Луховицком районах Московской области, г. Москве и Анапском районе Краснодарского края в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6801.

Станюкович А.К., А-1979. Отчет о комплексных археолого-геофизических исследованиях на территории Ленинского р-на Московской обл. и Анапского р-на Краснодарского края в 1978 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7298.

Станюкович А.К., А-1980. Отчет о комплексных археолого-геофизических исследованиях на территории Ленинского района Московской области, Лыскинского района Воронежской области и Темрюкского района Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 7998.

Станюкович А.К., А-1982. Отчет об археологических разведках и раскопках на территории г. Москвы, Солнечногорского, Подольского, Раменского и Ленинского районов Московской области в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8908.

Суворов А.В., А-1996. Отчет о полевых исследованиях в 1996 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 20350.

Фехнер М.В., А-1955. Отчет за 1955 год о раскопках на территории Угличского района Ярославской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 1143.

Фехнер М.В., А-1956. Отчет об археологических работах в 1956 г. в Угличском районе Ярославской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 1228.

Фехнер М.В., А-1957. Отчет об археологических работах 1957 г. в Угличском районе Ярославской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 1487.

Фехнер М.В., А-1958. Отчет об археологических работах 1958 г. в Ростовском и Угличском районах Ярославской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 1734.

Фехнер М.В., А-1959. Отчет об археологических работах 1959 г. в Угличском районе Ярославской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 1887.

Фехнер М.В., А-1960. Отчет об археологических работах 1960 г. в Угличском районе Ярославской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 2104.

Халиков А.Х., А-1959. Отчет о полевых работах Горьковской археологической экспедиции в 1959 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1928.

Харлашов Б.Н., А-1988. Отчет о раскопках селища в Выбутах и разведке в центральных и западных районах Псковской области в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 12564.

Харлашов Б.Н., А-1989. Отчет о раскопках селища в Выбутах и разведке в Псковской области в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13478.

Хохлов А.Н., А-1985. Отчет о раскопках Суходольского отряда Калининской археологической экспедиции в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10700.

Хохлов А.Н., А-1986. Отчет о раскопках Суходольского отряда Калининской археологической экспедиции в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11524.

Хохлов А.Н., А-1987. Отчет о раскопках Суходольского отряда Калининской археологической экспедиции в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 13549.

Церковно-исторические и статистические описания церквей Вологодской епархии // ВГИАХМЗ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 5 (ВОКМ 29439/2).

Шполянский С.В., А-1995. Отчет об археологических исследованиях в Ленинском и Подольском районах Московской области // Архив ИА РАН. Р-1 № 19319.

Шполянский С.В., А-1996. Отчет об археологических исследованиях в Ленинском и Подольском районах Московской области // Архив ИА РАН. Р-1. № 20256.

Шполянский С.В., А-1999. Отчет об археологических исследованиях Подмосковного отряда ГИМ в Подольском и Ленинском районах Московской области в 1999 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Шполянский С.В. А-2001. Отчет об охранных археологических раскопках, проведенных Государственным Историческим музеем на селище Кутьино 1А в Подольском районе Московской области в 2001 году // Архив ИА РАН. Р-1.

Яковлева Т.Ф., А-1977. Отчет о раскопках меряно-славянского селища у села Васильково в 1977 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6775.

Яковлева Т.Ф., А-1978. Отчет о раскопках меряно-славянского селища у села Васильково в 1978 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8525.

Литература

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1958. Т. 2.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1964. Т. 3.

Александровский А.Л., Кренке Н.А. 1993. Изучение средневековых пахотных горизонтов в Москве и Подмосковье // КСИА. Вып. 208.

Альслебен А., Кенигсен Л.-К., Кролль Х., Мюллер-Вилле М., Носов Е.Н., Хаммер Т., Янссон И., 1994. Международные палеоботанические исследования в Новгородской земле (400—1200 гг. н.э.) // Археологические вести. СПб. № 3.

Арсакова М.Е., 1928. Археологические разведки в Вологодском уезде // Север. Вологда. № 7—8.

Археологическая карта России: Владимирская область. М., 1995.

Археология Республики Коми / Отв. ред. Э.А. Савельева. М., 1997.

Архипов Г.А., 1984. Дубовской могильник // Новые памятники археологии Волго-Камья: Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола. Вып. 8.

Арциховский А.В., 1930. Курганы вятичей. М.

Атлас Вологодской области. М., 1965.

Башенькин А.Н., 1985. Погребальное сооружение у д. Никольское на р. Суде // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.

Башенькин А.Н., 1995. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси: Славяно-русские древности. СПб. Вып. 3.

Башенькин А.Н., 1997. Вологодская область в древности и средневековье // Вологда: Краеведческий альманах. Вологда. Вып. 2.

Башенькин А.Н., Кукушкин И.П., 1994. Древняя Вологда // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вологда. Вып. 1.

Беленькая Д.А., 1976. Кресты и иконки из курганов Подмосковья // СА. № 4.

Беленькая Д.А., 1993. Медная пластика городов Московской Руси (XIII—XV вв.) // КСИА. Вып. 208.

Беляев Л.А., 1994. Древние монастыри Москвы (кон. XIII — нач. XV в.) по данным археологии / Отв. ред. Г.К. Вагнер. М. (Материалы и исследования по археологии Москвы; Т. 6).

Богословский Н.А., 1898. Церковь святаго пророка Илии в селе Кубенском. Вологда.

Бранденбург Н.Е., 1895. Курганы Южного Приладожья // МАР. СПб. № 18.

Бродель Ф., 1992. Время мира: Материальная цивилизация, экономика и капитализм. М.

Бужилова А.П., 2005. Homo sapiens: история болезни. М.

Буров В.А., 1989. Жаровский конец Жабенской волости в VIII—XVI вв. по историко-археологическим данным // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Подвинье. Калинин.

Буров В.А., 1995. Два гнезда памятников VI—X вв. на р. Шлине и их судьбы в XI—XVI вв. // Славянская археология — 1990: Раннесредневековый город и его округа. М.

Бызова Е.Г., Кренке Н.А., Спиридонова Е.А., Чернов С.З., 1993. Средневековый Радонеж: археологический, палинологический и геоботанический подходы к изучению ландшафтов // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М.

Васильев С.Ю., Папин И.В., Суворов А.В., 1994. Исследования центра "Древности Севера" в Вологодской области // АО 1993 г. М.

Васильев С.Ю., Суворов А.В., 1995. Исследования центра "Древности Севера" // АО 1994 г. М.

Васильев С.Ю., Шемякин А.Ю. 1990. Археологические исследования на южном и восточном берегах Кубенского озера // История и культура Вологодского края: III краеведческая научно-практическая конференция. Вологда, 23—24 мая 1990 г.: Тез. докл. и сообщ. Вологда.

Векслер А.Г., Двуреченский О.В., Зубарев Н.В., Коваль В.Ю., 1996. Археологические исследования Мякининского селища на северо-западе Москвы // АО 1995 г. М.

Вишневский В.И., 2002. Финно-угорский раннесредневековый могильник на Ратьковском городище в верховьях р. Дубны // ТАС. Тверь. Вып. 5.

Водарский Я.В., 1970. Вологодский уезд в XVII в. (к истории сельских поселений) // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда.

Водарский Я.В., 1977. Население России в конце XVII — начале XVIII века. М.

Воронин Н.Н., 1935. К истории сельского поселения феодальной Руси // ИГАИМК. Л. Вып. 138.

Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Вытные книги, хлебные оброчники и переписная книга вотчин Кирилло-Белозерского монастыря 1559—1601 гг. / Под ред. А.Г. Манькова. М.; Л., 1983. Т. I; II.

Вытная книга села Рукина Слободка с деревнями 1620—1660-х годов / Публ. З.В. Дмитриевой // Кириллов: Краеведческий альманах. Вологда, 1997. Вып. II.

Гайдуков П.Г., 1992. Славенский конец средневекового Новгорода: Нутный раскоп. М.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949.

Гнёздовский могильник: Археологические раскопки 1874—1901 гг. (по материалам ГИМ). М., 1999. Ч. I. (Тр. ГИМ: Памятники культуры; Вып. XXXVI).

Гнутова С.В., Зотова Е.Я., 2000. Кресты, иконы, складни: Медное художественное литье XI — начала XX века из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. М.

Голдина Р.Д., 1985. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В., 1990. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск.

Голдина Р.Д., Кананин В.А., 1989. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск.

Голубева Л.А., 1973. Весь и славяне на Белом озере. X—XIII вв. М.

Голубева Л.А., Кочкуркина С.И., 1991. Белозерская весь: (по материалам поселения Крутик IX—X вв.). Петрозаводск.

Гоняный М.И., 1999. Археологические памятники начального этапа славянской колонизации среднего течения р. Пахры в Подмосковье // Археологический сборник памяти Марии Васильевны Фехнер. М. (Тр. ГИМ; Вып. 111).

Гоняный М.И., 2003. Древнерусские археологические памятники конца XII — третьей четверти XIV в. района Куликова поля: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Гоняный М.И., 2005. Археологические памятники района Куликова поля (конец XII — третья четверть XIV в.) // Куликово поле и Донское побоище 1380 года. М.

Гоняный М.И., Александровсий А.Л., Гласко М.П., 1996. Опыт археолого-географических исследований древнерусских памятников XII—XIV вв. долины Верхнего Дона (район Куликова Поля) // На юго-востоке Древней Руси: Сб. науч. тр. Воронеж.

Гоняный М.И., Кац М.Я., Наумов А.Н., 2003. Древнерусские археологические памятники конца XII — третьей четверти XIV века в приустьевой части Непрядвы на Куликовом поле // Русь в XIII веке: Древности тёмного времени. М.

Дашкова И.А., Дворников А.С., Хохлов А.Н., 1993. Предварительные итоги исследования комплекса древнерусских памятников у деревень Холмово—Суходол в 1985—1987 гг. // Археологические памятники на Верхней Волге. Тверь.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950.

Дубровин Г.Е., 2004. Археологические исследования на Никитинском раскопе в 2003 г. // Новгород и Новгородская земля: История и археология: Материалы науч. конф. Великий Новгород, 2004. Вып. 18.

Захаров С.Д., 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.

Зимин А.А., 1988. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М.

Зимин А.А., 1991. Витязь на распутье. М.

Ильина Л.Л., Грахов А.Н., 1987. Реки Севера. Л.

Исланова И.В., 1982. Селище Шурскол II близ Ростова Великого // СА. № 2.

Исланова И.В., 1995. Структура сельского расселения в Мстинско-Моложском междуречье в VI—XIII вв. // Славянская археология: Раннесредневековый город.

Исланова И.В., 1997. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М.

Казаков Е.П., 1991. Булгарское село X—XIII вв. низовий Камы. Казань.

Коваль В.Ю., 2006. О древнерусских амулетах-змеевиках // КСИА. Вып. 221.

Колпаков Е.М., Назаренко В.А., 2004. Новый тип погребальных сооружений приладожской курганной культуры // Археологические вести. СПб. Вып. 11.

Колпакова Ю.В., 2003. Предметы христианского культа в археологической коллекции Псковского музея-заповедника // Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы науч. семинаров. 2001—2002. Псков.

Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.

Колчин Б.А., Янин В.Л., 1982. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.

Комаров К.И., 1973. Славянское поселение Стрелка на р. Лух // КСИА. Вып. 135.

Конецкий В.Я., 1992. К истории сельского расселения и хозяйства в долине р. Ловать в эпоху средневековья // Новгород и Новгородская земля. Новгород. Вып. 6.

Конецкий В.Я., Носов Е.Н., 1995. К вопросу о сложении административных центров конца I тыс.н.э. в восточных районах Новгородской земли // Проблемы истории Северо-Запада Руси. СПб.

Коновалова З.С., 1992. Раскопки древнерусского селища у с. Наговицыно в Городецком р-не Нижегородской области // Городецкие чтения: (материалы науч. конф.). Городец.

Корзухина Г.Ф., Пескова А.А., 2003. Древнерусские энколпионы: Нагрудные кресты-реликварии X—XIII вв. СПб.

Королькова Л.В., 2002. Археологические исследования селища XI—XII вв. Петровское-3 (р. Сясь) // Новгород и Новгородская земля: История и археология: Материалы науч. конф. Великий Новгород. Вып. 16.

Кочин Г.Е., 1937. Материалы для терминологического словаря древней России. М.

Кочин Г.Е., 1965. Сельское хозяйство на Руси конца XIII — начала XVI в. М.; Л.

Кочкуркина С.И., Спиридонов А.М., 1988. Поселения эпохи средневековья // Поселения древней Карелии (от мезолита до эпохи средневековья). Петрозаводск.

Кренке Н.А., 2000. Нательные крестики из раскопок во дворе старого здания Московского университета // РА. № 1.

Кренке Н.А., 2003. Ближайшая сельская округа Москвы в XII – XIII вв. // Русь в XIII веке: Древности тёмного времени. М.

Кубенское озеро: взгляд сквозь тысячелетия: Шесть лет исследования Мининского археологического комплекса. 2001 / Отв. ред. Н.А. Макаров. Вологда.

Кудряшов А.В., 1992. Средневековые памятники Шексны. // Новгород и Новгородская земля: История и археология: Тез. науч. конф. Вып. 6.

Кудряшов А.В., 1996а. Поселение и могильник Кривец на Нижней Суде // Древности Русского Севера. Вологда. Вып.1.

Кудряшов А.В., 1996б. Поселение Октябрьский Мост в Череповце: (итоги исследований 1989, 1992, 1993 гг.) // Череповец: Историко-археологический альманах. Вологда. Вып. 1.

Кудряшов А.В., 1999. Средневековая история череповецкой округи по археологическим данным // Череповец: Историко-краеведческий альманах. Вологда. Вып. 2.

Кудряшов А.В., 2000. Средневековое поселение Октябрьский мост на Шексне // РА. № 3.

Кудряшов А.В., 2001. Археологические памятники Средней Шексны X – XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Кудряшов А.В., 2003. Исследование волостного центра в Ирме // Вестн. Череповецкого гос. ун-та. Ист., филос., филол. и пед. науки. Череповец. Вып. 1.

Куза А.В., 1985. Неукрепленные поселения // Древняя Русь: Город, замок, село. М. (Археология СССР).

Кузьмин С.Л., 1991. Которский погост – локальный центр конца I – начала II тыс. н.э. в верховьях Пмосы // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М.

Кузьмин С.Л., Михайлова Е.Р., Селин А.А., Соболев В.Ю., Тарасов В.И., 1999. Работы Северо-западной экспедиции СПбФ РНИИ КПН в 1998 г. // Новгород и Новгородская земля: История и археология: Материалы науч. конф. Новгород. Вып. 13.

Кузьмин С.Л., Михайлова Е.Р., Соболев В.Ю., 2000. Могильник Которск IX – кладбище населения Которского погоста // Stratum plus. № 5.

Культура средневековой Москвы: Исторические ландшафты / Под ред. Н.А. Кренке и С.З. Чернова. М., 2004. Т. I.

Кучкин В.А., 1984. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X – XIV вв. М.

Кучкин В.А., 2003. Договорные грамоты московских князей XIV века: Внешнеполитические договоры. М.

Лапшин В.А., 1985. Население центрального района Ростово-Суздальской земли X – XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Лапшин В.А., 1989. Археологический комплекс у с. Гнездилово под Суздалем // КСИА. Вып. 195.

Лапшин В.А., Мухина Т.Ф., 1988. Раннесредневековый археологический комплекс у села Васильково под Суздалем // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М.

Ле Гофф Ж., 1992. Цивилизация средневекового Запада. М.

Леонтьев А.Е., 1983. Древнерусские поселения Верхней Мологи // Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин.

Леонтьев А.Е., 1984. Поселения мери и славян на озере Неро // КСИА. Вып. 179.

Леонтьев А.Е., 1988. Городище Выжегша и происхождение Выжегшского клада // Проблемы изучения древнерусской культуры. М.

Леонтьев А.Е., 1996. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. М.

Любавский М.К., 1929. Образование основной государственной территории великорусской народности: Заселение и объединение центра. Л.

Макаров Л.Д., 2001. Древнерусское население Прикамья в X – XV вв. Ижевск.

Макаров Н.А., 1988а. Средневековые памятники Белозерской округи: (археологическая карта и комментарий) // Проблемы изучения древнерусской культуры. М.

Макаров Н.А., 1988б. Средневековые поселения Устюжской округи // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Сыктывкар. Вып. 11.

Макаров Н.А., 1990. Население русского Севера в XI – XIII вв.: По материалам могильников восточного Поонежья. М.

Макаров Н.А., 1993. Русский Север: таинственное средневековье. М.

Макаров Н.А., 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI – XIII вв. (по материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.

Макаров Н.А., Зайцева И.Е., 1999. Новые иссследования средневековых могильников на Русском Севере: Могильник Минино II на Кубенском озере // РА. № 4.

Макаров Н.А., Зайцева И.Е., 2003. Средневековые могильники на севере Древней Руси: новые исследования на Кубенском озере // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (14).

Макаров Н.А., Захаров С.Д., 2003. Накануне перемен: сельские поселения на Кубенском озере в XII – начале XIII века // Русь в XIII веке: Древности тёмного времени / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П., 2001. Средневековое расселение на Белом озере. М.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., Суворов А.В., 1997. Работы Онежско-Сухонской экспедиции // АО 1996 г. М.

Макаров Н.А., Захаров С.Д., Суворов А.В., Зайцева И.Е., Меснянкина С.В., 2003. Работы Онежско-Сухонской экспедиции // АО. 2002 г. М.

Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Шполянский С.В., 2004. Средневековое расселение в Суздальском Ополье // РА. № 1.

Макаров Н.А., Шполянский С.В., Красникова А.М., Федорина А.Н., 2005. Раскопки средневековых поселений Весь 5 и Вишенки 3 под Суздалем // АО 2004 г. М.

Макаров Н.А., Шполянский С.В., Красникова А.М., Федорина А.Н., 2006. Раскопки средневековых поселений под Суздалем // АО 2005 г. М.

Макарова Т.И., 1967. Поливная посуда: Из истории керамического импорта и производства древней Руси // САИ. М. Вып. Е 1-38.

Материальная культура средне-цнинской мордвы VIII – XI вв. / Под ред. А.Е. Алиховой. Саранск, 1969.

Медведев А.Ф., 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII – XIV вв. М. (САИ; Вып. Е1-36).

Милонов Н.П., 1950. Древнерусские курганы и селища в бассейне Верхней Волги // Материалы по археологии Верхнего Поволжья. М.; Л. (МИА; Вып. 13).

Моргунов Ю.Ю., 2003. Сампсониев остров: Пограничная крепость на посульской окраине Южной Руси в XI – XIII веках. М.

Моруженко А.А., Косиков В.А., 1977. Курганы у с. Городное // СА. № 1.

Моца А.П., 1990. Погребальные памятники южнорусских земель IX – XIII вв. Киев.

Моця А.П., 1995. Южнорусское село: результаты и перспективы исследований // Славянская археология. 1990: Раннесредневековый город и его округа. М.

Мошенина Н.Н., 1992. Раскопки селища Весь близ Суздаля // Городецкие чтения. Городец.

Мугуревич Э.С., 1974. Крестовидные подвески XI—XV вв. в Латвии // Archeologija un etnografija. Riga. Grām. XI.

Мурашова В.А., 2000. Древнерусские ременные наборные украшения (X—XIII вв.). М.

Недомолкина Н.Г., 2000. Сухонские кремневые фигурки // ТАС. Вып. 4, т. I.

Никитинский И.Ф., 2006. Погребения XII в. в селе Кубенском // Европейский Север России: Традиция и модернизационные процессы: Материалы науч. конф. Вологда; Молочное. Ч. I.

Николаева Т.В., 1983. Древнерусская мелкая пластика из камня. XI—XV вв. М. (САИ; Вып. Е1-60).

Носов Е.Н., 1984. Новгород и Новгородская округа IX—X вв. в свете новейших археологических данных: (к вопросу о возникновении Новгорода) // Новгородский исторический сборник. Л. Вып. 2 (12).

Носов Е.Н., 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.

Носов Е.Н., 1991. Археологические памятники верховьев Волхова и Ильменского Поозерья конца I тыс. н.э.: (Каталог памятников) // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М.

Носов Е.Н., Горюнова В.М., Дорофеева Т.С., Плохов А.В., Хвощинская Н.В., Янссон И., 1995. Исследования Рюрикова городища // Новгород и Новгородская земля: История и археология: (Материалы науч. конф.). Новгород. Вып. 9.

Носов Е.Н., Плохов А.В., 2002. Новые исследования в Ильменском Поозерье // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб. 2002.

Озерные ресурсы Вологодской области. Вологда, 1981.

Олейников О.М., 2003. История населения Тверского Поволжья в VI—XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Орлова Н.И., 1990. Схема флористического районирования Вологодской области // Ботанический журнал. Т. 75. 9.

Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1967. (Тр. ГИМ; Вып. 43).

Ошибкина С.В., 1983. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.

Ошибкина С.В., 1989. Мезолит центральных и северо-восточных районов Севера Европейской части СССР // Мезолит СССР. М. С. 32—45 (Археология СССР).

Ошибкина С.В., 1994. Мезолитические погребения Восточного Прионежья // Археологические вести. СПб. № 3.

Ошибкина С.В., 1998. Археологическая характеристика мезолитических могильников Европейского Севера России // Вестник антропологии: Альманах. М. Вып. 5.

Ошибкина С.В., Макаров Н.А., 1979. О работе в зоне переброски северных рек // АО 1978 г. М.

Ошибкина С.В., Макаров Н.А., 1980. О работе Северной экспедиции // АО. 1979 г. М.

Панченко А.А., 1998. Исследования в области народного православия: Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб.

Папин И.В., Суворов А.В., 1997. Исследования центра "Древности Севера" в Вологодской области // АО 1996 г. М.

Переписная дозорная книга дворцовых земель Вологодского уезда 1589—1590 гг. // Северный археографический сборник. Вологда, 1972. Вып. 2.

Петрашенко В.А., 2005. Древнерусское село: По материалам поселений у с. Григоровка. Киев.

Петренко В.П., 1994. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII—X вв.: Сопки Северного Поволховья. СПб.

Південноруське село IX—XIII ст. / За ред. О.П. Моці, В.П. Коваленко, В.О. Петрашенко. Київ, 1997.

Писцовые книги русского Севера // Каталог писцовых книг Русского государства. М., 2001. Вып. 1.

Платонова Н.И., 1985. Новые исследования средневековых поселений в Новгородской земле: (к вопросу о сельском домостроительстве) // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.

Платонова Н.И., 1988. Погосты и формирование системы расселения на северо-западе Новгородской земли (по археологическим данным): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Платонова Н.И., 1991. Укрепленные поселения Лужской волости // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М., 1991.

Праздников В.В., 2000. Предметы христианского культа на поселении Введенское в Ярославской области // ТАС. Вып. 4, т. 2.

Проблемы стратиграфии четвертичных отложений и краевые образования Вологодского региона (Северо-Запад России). М., 2000.

Прохоров Г.М., 1991. Сказание Паисия Ярославова о Спасо-Каменном монастыре // Книжные центры Древней Руси XI—XVI вв. СПб.

Прохоров Г.М., 2005. Житие Иоасафа Каменского // Святые подвижники и обители Русского Севера: Усть-Шехонский Троицкий, Спасо-Каменный, Дионисьев Глушицкий и Александров Куштский монастыри и их обители. СПб.

ПСРЛ. М., 1965. Т. 10, 11: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью.

ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23: Ермолинский летописец.

ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24: Типографская летопись.

ПСРЛ. М., 2000. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.

Раппопорт П.А., 1975. Древнерусские жилища. Л. (САИ. Вып. Е1-32).

Романов Б.А., 1960. Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма: (По поводу работ Н.Н. Воронина и С.Б. Веселовского) // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII вв. М.; Л.

Руденко К.А., 2001. Материальная культура булгарских селищ низовий Камы XI—XIV вв. Казань.

Рыбаков Б.А., 1956. Радзімічы // Працы Археолегічнаі Камісіі. Менск. Т. III.

Рыбаков Б.А., 1946. Сбыт продукции русских ремесленников в X—XIII вв. // Учен. зап. МГУ. Вып. 93. Сер. история, кн. 1.

Рыбаков Б.А., 1948. Ремесло Древней Руси. М., 1948.

Рыбаков Б.А., 1956. Предисловие // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М. (Тр. ГИМ; Вып. 32).

Рыкунова И.И., Рыкунов А.Н., Иванов Л.М., 2003. Археологический памятник Усть-Шексна на территории современного г. Рыбинска Ярославской обл. // Вестн. Череповецкого гос. ун-та. Ист., философ., филол. и пед. науки. Череповец. Вып. 1.

Рыкунова И.И., Рыкунов А.Н., Иванов Л.М., 2004. Тысячелетия вокруг устья Шексны. Рыбинск.

Самоквасов Д.Я., 1915. Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева, Обоянского уезда Курской губернии. М.

Седов В.В., 1960. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. VIII—XV вв. // МИА. М. Вып. 92.

Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VI—XIII вв. М. (Археология СССР).

Седов В.В., 1998. Писанки // Славяне и их соседи: (археология, нумизматика, этнология). Минск.
Седов В.В., 2002. Славяне: Историко-археологическое исследование. М.
Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X – XV в.). М.
Седова М.В., 1997. Суздаль в X – XV вв. М.
Селин А.А., Магола А.А., 2001. Новые исследования Тесовского погоста // Староладожский сборник. СПб. Старая Ладога. Вып. 4.
Село Київскої Русі (за матеріалами південнорусьских земель) / Від ред. О.П. Моци. Київ, 2003.
Сердитов С.Н., 1957. Природа Вологодской области. Вологда.
Сизов В.И., 1902. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1: Гнездовский могильник близ Смоленска. // МАР. СПб. № 28.
Соболева Н.А., 1991. Русские печати. М.
Сотная с писцовых книг Т.А. Кармышева на земли Кирилло-Белозерского монастыря в Вологодском уезде // Социально-правовое положение северного крестьянства. Вологда. 1981.
Спегальский Ю.П., 1972. Жилище Северо-Западной Руси IX – XIII вв. Л.
Спиридонов А.М., 2001. Археологические культуры Прионежья от эпохи неолита до средневековья // Очерки исторической географии: Северо-Запад России. Славяне и финны / Под. ред. А.С. Герда и Г.С. Лебедева. СПб.
Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д., 2005. Особенности природной среды в окрестностях Рюрикова городища и воздействие на нее человека в средневековье // Археология и естественно-научные методы. М.
Спицын А.А., 1902. Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых // МАР. СПб. № 26.
Средневековое поселение Настасьино / Под ред. А.В. Энговатовой. М., 2004.
Станкевич И.Л., 1989. К вопросу о датировке древнерусского поселения Введенского // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и в Верхнем Подвинье. Калинин.
Станюкович А.К., 1980. Исследования Московской археолого-геофизической экспедиции // АО 1979 г. М.
Станюкович А.К., 1985. Ранние этапы славянского заселения Подмосковья // Человек и окружающая среда в древности и средневековье. М.
Станюкович А.К., Алексеев А.В., Ёлкина И.И., Насырова Н.Ш., 2001. Работы Звенигородского музея // АО 2000 г. М.
Станюкович А.К., Вахрушин С.И., Калашников М.В., Кулешов Ю.Г., Нестеровская О.В., Тарнопольская Н.Б., 1979. Работы Московской археофизической экспедиции // АО 1978 г. М.
Суворов А.В., 1996. Археологические разведки на Кубенском озере // ТАС. Вып. 2.
Суворов А.В., 1998. Могильник Минино I на Кубенском озере по материалам работ 1993, 1996 гг. // ТАС. Вып. 3.
Суворов А.В., 2000. Ярусное погребение № 19 мезолитического могильника на памятнике Минино I // ТАС. Вып. 4, т. I.
Суворов А.В., Бужилова А.П., 2004. Неординарные погребальные комплексы каменного века у д. Минино на Кубенском озере // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии: Сб. статей. М., Вып. 3.
Суворов А.В., Васильева Н.Б., 2003. Два вкладышевых орудия из погребения III памятника Минино II на Кубенском озере // Петербургская трасологическая школа и изучение древних культур Евразии: В честь юбилея Г.Ф. Коробковой. СПб.
Суворов Н.И., 1893. Описание Спасокаменного, что на Кубенском озере монастыря. Вологда.
Сумина И.А., 1999. Металлические перстни средневекового Белозерья // Археологический сборник: Памяти М.В. Фехнер. М. (Тр. ГИМ; Вып. 111).
Тимощук Б.О., 1976. Слов'яни північної Буковини. Ужгород.
Тропин Н.А., 2004. Сельские поселения XII – XV веков южных территорий Рязанской земли. Воронеж.
Угорское наследие: Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург, 1994.
Успенская А.В., 1964. Древнерусское поселение Беницы // Ежегодник ГИМ. 1962. М.
Успенская А.В., 1971. Пекуновское селище и курганы // СА. № 1.
Фараджева Н.Н., 1999. Древнейшие постройки Троицкого XI раскопа // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Новгород. Вып. 13.
Фехнер М.В., 1957. Селища Ярославского Поволжья XI – XIII вв. // Краеведческие записки / Ярославский обл. краеведческий музей. Ярославль. Вып. 2.
Фехнер М.В., 1959. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X – XIII вв. М. (Тр. ГИМ; Вып. 33).
Фехнер М.В., 1960. Раскопки селища близ Грехова ручья // Археологический сборник. М. (Тр. ГИМ; Вып. 37).
Финно-угры и балты в эпоху средневековья / Под ред. В.В. Седова. М., 1999. (Археология СССР).
Фоломеев Б.А., Александровский А.Л., Гласко М.П., Гоняный М.И., Гуман М.А., 1990. Древние поселения и природная среда приустьевой части Непрядвы // Куликово поле: Материалы и исследования. М. (Тр. ГИМ; Вып. 73).
Френкель Я.В., 1997. Стеклянные бусы Сясьского городища: (раскопки 1987 – 89 и 1996 – 97 гг.) // Ладога и религиозное сознание. СПб.
Фролов А.А., 1999. Раскопки древнерусского поселения Бор IV в 1998 г. // Новгород и Новгородская земля: История и археология: Материалы науч. конф. Новгород. Вып. 13.
Фролов А.А., 2001. Территориально-административная система XIV – XV вв. на землях Деревской пятины Новгородской земли: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Харлашов Б.Н., 1986. Археологическое изучение селищ Изборской округи // КСИА. Вып. 183.
Хвойко В.В., 1904. Раскопки могильника при с. Броварки Гадячского у. Полтавской губ. // Древности. М. Т. 20, вып. 2.
Хвощинская Н.В., 2004. Финны на западе Новгородской земли. СПб.
Хорошкевич А.Л., 1963. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV – XV вв. М.
Цыбин М.В., 1987. Юго-восточная окраина Руси в XII – XIV вв. (по данным археологии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
Черкасова М.С., 1996. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XV – XVI вв. М.
Чернов С.З., 1989. Исторический ландшафт древнего Радонежа: Происхождение и семантика // Памятники культуры: Новые открытия. М.
Чернов С.З., 1991. Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества XIII – XV вв. и происхождение волостной общины // СА. № 1.
Чернов С.З., 2000. Погост Афанасия и Кирилла Александрийских в Радонеже (по данным археологических исследований 1997 – 1998 гг.) // РА. № 1.
Шекун О.В., Веремейчик О.М., 1999. Давьоруське поселення Ліскове. Чернігів.

Шемякин А.Ю., 1990. Селище Кубенское IV // Экология и история Вологодской области: Тез. к науч. конф. Вологда.

Шполянский С.В., 1996. Новые сведения о памятниках начального этапа славянского освоения Московского региона // Тез. докл. отчетной сессии ГИМ по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991 – 1995 гг. М.

Шполянский С.В., 1999. Новые данные по хронологии памятников начального этапа славянской колонизации Москворечья // Забелинские научные чтения – 1995 – 1996: Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. М. (Тр. ГИМ; Вып. 103).

Шполянский С.В., 2002. Исследования средневековых памятников в Подольском и Домодедовском районах Московской области в 2001 г. // АО 2001 г. М.

Шполянский С.В., 2003а. Изучение малодворных сельских поселений на примере раскопок селища XIII в. у села Ознобишино в Подмосковье // Русь в XIII веке: Древности тёмного времени. М.

Шполянский С.В., 2003б. Охранные раскопки селища конца XII – первой половины XIII в. Кутьино 1А. в Подольском районе Московской области в 2002 г. // АО 2002 г. М.

Энговатова А.В., Коваль В.Ю., Панченко К.И., Смирнов А.М., Хижняков О.И., 2005. Работы на Мякининском комплексе памятников // АО 2004 г. М.

Энговатова А.В., Коваль В.Ю., Хижняков О.И., 2004. Раскопки на селище Мякинино 1 // АО. 2003 г. М.

Юшко А.А., 1986. Раскопки селища Покров 5 // АО 1985 г. М.

Юшко А.А., 1991. Московская земля в IX – XIV веках. М.

Юшко А.А., 1998. Ранние славяне в Подмосковье // Историческая археология: традиции и перспективы. М.

Юшко А.А., 2001. Этапы и закономерности освоения славянским населением Московской земли // КСИА. Вып. 211. М.

Янин В.Л., 2001. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород.

Янин В.Л., Зализняк А.А., 1986. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977 – 1983 гг.) М. Т. VIII.

Янин В.Л., Зализняк А.А., 1993. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984 – 1989 гг.) М. Т. IX.

Янин В.Л., Зализняк А.А., 2000. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1990 – 1996 гг. М. Т. X.

Ярославское Поволжье. X – XI вв. М., 1963.

Ясинский М.Э., Овсянников О.В., 1998. Взгляд на Европейскую Арктику // Архангельский Север: проблемы и источники. СПб. Т. 1

Altenberg K., 2003. Experiencing landscapes: A study of space and identity in three marginal areas of medieval Britain and Scandinavia // Lund Studies in Medieval Archaeology. Stockholm. N 31.

Andersson H., 1993. Reflections on Swedish medieval rural archaeology // Archäologie des Mittelalters und Bauforschung im Hanseraum: Eine Festschrift für Günter P. Fehring. Rostock.

Andersson S., Svensson E., 2002. Skramle – the true story of a deserted medieval farmstead // Lund studies in medieval archaeology. Lund. [Vol.] 27.

Barker G., 1999. Cattle-keeping in ancient Europe: to live together or apart? // Settlement and Landscape: Proceedings of a conference in Århus, Denmark, May 4 – 7 1998. Århus.

Baug I. Who owned the products? Production and exchange of quernstones, Hyllestand in Sogn, Western Norway // Utmark" The outland as Industry and Ideology in the Iron Age and the Middle Ages / Eds. I. Holm, S. Inneselset, I. Øye. Bergen. (University of Bergen Archaeological Series; 1).

Beresford M., Hurst J., 1990. Wharram Percy: Deserted Medieval Village. London.

Berglund B.E., 1991. The cultural landscape during 6000 years in Southern Sweden // Ecological bulletins. Copenhagen. V. 41.

Binderup M., Christoffersen J., Crumlin-Pedersen O., Holmberg B., Nielsen N., Porsmose E., Tharne H., 1996. Atlas över Fyns kyst i jernålder, vikingetid og middelålder. Odense.

Boscardin M-L. 2005. Production and use of soapstone vessels in the Swiss Alps // "Utmark" The outland as Industry and Ideology in the Iron Age and the Middle Ages / Ed. I. Holm, S. Inneselset, I. Øye. Bergen. (University of Bergen Archaeological Series; 1).

Brivkalne E. 1974. Tervetes saktas // Arheologija un etnogrāfija. Riga. Grām. XI.

Broberg A. 1992. Archaeology and East-Swedish Agrarian Society 700 – 1700 A.D. // Rescue and Research: Reflections of Society in Sweden 700 – 1700 A.D. Riksantikvarieambetet Arkeologiska undersökningar / Ed. L. Ersgård, M. Holmström, K. Lamm.

Deserted Medieval Villages: Studies / Ed.M. Beresford, J.G. Hurst. London, 1971.

Duzcko W., 1997.Byzantine presence in Viking Age Sweden: archaeological finds and their interpretation // Rom und Byzanz im Norden: Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8. – 14. Jahrhynderts. Stuttgardt. Bd. I.

Dyer C., 1997. Recent developments and future prospects in research into English medieval rural settlements // Rural settlements in Medieval Europe Papers of the "Medieval Europe Brugge 1997 Conference". Zellik. Vol. 6.

Emanuelsson M. 2001. Settlement and land-use history in the Central Swedish forest region: The use of pollen analysis in interdisciplinary studies // Acta Universiätis Agriculturae Sueciae. Silvestria 223. Umeå.

Fox H., 1992. The origins of the midland village. Leicester.

Garbiriel I., 1988. Hof-und Sakralkultur sowie Gebrauchs – und Handelsgut im Spiegel der Kleinfunde von Starigard/Oldenburg // Bericht der Romisch-Germanischen Komission. Mainz am Rhein. Bd. 69.

Gardiner M., 2004. Timber buildings without earth-fast footings in Viking-age Britain // Land, Sea and Home. Proceedings of a Conference on Viking-period Settlement, at Cardiff, July 2001. Leeds.

Hamerow H. 2002. Early medieval Settlements: The Archaeology of Rural Communities in North-West Europe 400 – 900. Oxford.

Hurst J.G., 1985. The Wharram Research Project: problem orientation and strategy 1950 – 1990 // Medieval villages: A Review of Current Work. Oxford.

Hvass S., 1979. Jernålderlandsbyen ved Vorbass: Nationalmuseets Arbejdsmark. København.

Hvass S., 1993. Settlement // Digging into the Past: 25 years of archaeology in Denmark / Ed. S. Hvass, B. Storgaard. Copenhagen.

Jaždžewski K., 1951. Cmentarzysko wczesnośreedniowieczne w Lutomersky pod Łodzia w Swietle badań 1949 // Materiały Wezesnośredniowiczene. Warszawa. T. I.

Lund studies in medieval archaeology. 2002.. Lund. [Vol.] 27.

Magnusson G., 1986. Lågteknisk järnhantering i Jämtlands län. Stockholm.

Magnusson G., 1995. Iron production, smithing and iron trade in the Baltic during the Late Iron Age and the early middle

ages (c.5th – 13th centuries) // Archaeology East and West of the Baltic: Papers from Second Estonian-Swedish Archaeological Symposium. Sigtuna, May 1991. Stockholm.
Mahler D., 1998. The stratigraphical cultural landscape // Outland use in Preindustrial Europe / Eds. H. Andersson, L. Ersgard, E. Svensson. Lund. (Lund studies in medieval archaeology. 20).
Medieval villages: A Review of Current Work / Ed. Della Hook. Oxford, 1985.
Meyer W., 2005. The "Utmark" in a Central European perspective // "Utmark": The outland as Industry and Ideology in the Jron Age and the Middle Ages / Ed. I. Holm, S. Innselser, I. Ôye. Bergen. (Universiy of Bergen Archaeological Series).
Meyer W., Auf der Maur F., Bellwald W., Bitterli-Waldvogel T., Morel P., Obrecht J., 1998. "Heidenhuttli": 25 Jahre archaologische Wustungsforschung im schweizerischen Alpenraum. Basel.
Mogren M., 2000. Faxeholm i maktens landskap: En historisk arkeologi. Lund; Stockholm.
Müller-Wille M., 1997. Relations between Byzantium and the North in the Light Of Archaeology: Some concluding remarks // Rom und Byzanz im Norden: Musion und Glaubenswechesel im Ostseeraum während des 8. – 14. Jahrhunderts. Stuttgart. Bd. I.
Müller-Wille M., 1999. Settlement and non-agrarian production from the high mountain region to the shoreline // Settlement and Landscape: Proceedings of a conference in Århus, Denmark, May 4 – 7 1998. Århus.
Müller-Wille M., Tummuscheit A., 2004. Viking-Age Proto-Urban Centres and their Hinterlands: some examples from the Baltic Sea // Land, Sea and Home: Proceedings of a Conference on Viking-period Settlement, at Cardiff, July 2001. Leeds.
Nekuda V., 2000. Mstěnice: Zaniklá středověká ves u Hrotovic: Raně středověké sidliště. Brno. V. 3.
Nekuda V., 2004. Das frühmittelalterliche Dorf in Ostmitteleuropa // Archxologia historica. Bd. 29/04. Brno. 2004.
Nosov E.N., 1994. New archaeological data on the Economy of the population of the lake Ilmen region in the second half of the first millennium AD // Fenno-Ugri et Slavi 1992: Prehistoric economy and means of livelihood. Helsinki.
O'Connor K., 2000. The ethnicity of irish moated Sites // Ruralia III: Conference Ruralia III – Maynooth, 3 – 9 September 1999: Pamätky archeologické-Supplementum 14 / Ed.: J. Klápště. Praha. 2000.
Outland use in preindusrial Europe / Eds. H. Andersson, L. Ersgård, E. Evensson. Lund; Stockholm, 1998.
Øye I. 2000. Norway in the Middle Ages: farms or mamlets and villages too? // Ruralia III.Conference Ruralia III – Maynooth, 3 – 9 September 1999: Pamätky archeologické-Supplementum 14 / Ed.: J. Klápště. Praha.
Pettersson S., 2005. Settlement, shieling and landscape // "Utmark": The outland as Industry and Ideology in the Iron Age and the Middle Ages / Ed. I. Holm, S. Inneselset, I. Øye. University of Bergen Archaeological Series. 1. Bergen.
Pollard S., 1997. Marginal Europe: The contribution of the marginal lands since the middle ages. Oxford.
Rippon S., 2004. A push into the margins? The development of a coastal landscape in North-West Somerset during the late 1-st millennium A.D. // Land, Sea and Home: Proceedings of a Conference on Viking-period Settlement, at Cardiff, July 2001. Leeds.
Settlement and Landscape: Proceedings of a conference in Århus, Denmark, May 4 – 7 1998. Århus, 1999.
Skre D., 2001. The Social Context of Settlement in Norway in the First Millennium AD // Norwegian Archaeological Review. Vol. 34, N 1. P. 1 – 12.
Sørensen A.B., 2000. Østergård: A Medieval Rural Settlement in Southern Jutland through time, emphasizing the period 1000-CA.1200 // Ruralia III: Conference Ruralia III – Maynooth, 3 – 9 September 1999: Pamätky archeologické-Supplementum 14 / Ed. J. Klápště. Praha.
Steensberg A., 1983. Borup. A.D. 700 – 1400: A Deserted Settlement and its Fields in South Zeland, Denmark. Copenhagen. V. 1 – 2.
Svensson E., 1998a. Manniskor i utmark. Lund. (Lund studies in medieval archaeology; 21).
Svensson E., 1998. Outland use in Northern Varmland: Landscape, local society and household // Outland use in Preindustrial Europe / Eds. H. Andersson, L. Ersgard, E. Svensson. Lund. (Lund studies in medieval archaeology; 20).
Svensson E., Makarov N., Emanuelsson M., Johansson A., Nilsson S., Pettersson S., Zakharov S., 2003. Different peripheries. Two examples from Russia and Sweden // Lund Archaeological Review. Lund. Vol. 7: 2001.
Taavitsainen J-P., Simola H., Gronlund E., 1998. Cultivation History Beyound the Periphery: Early agriculture in North European boreal forest // Journal of Prehistory. 12(2).
The Rural house from the migration period to the oldest still standing buildings // Ruralia IV. 8 – 13 September 2001. Pamätky archeologické-Supplementum 15 / Ed. J. Klápště. Praha, 2002.
Ulriksen J., 2004. Danish coastal landing places and their relation to navigation and Trade // Land, Sea and Home. Proceedings of a Conference on Viking-period Settlement, at Cardiff, July 2001, Leeds.
"Utmark" The outland as Industry and Ideology in the Iron Age and the Middle Ages / Eds. I. Holm, S. Inneselset, I. Øye. Bergen, 2005. (University of Bergen Archaeological Series; 1).
Wallerström T., 1995. Norrbotten, Sverige och medeltiden. Problem kring makt och bosättning i en europeisk periferi. Lund; Stockholm. Del 1.

Принятые сокращения

АО	–	Археологические открытия. М.
АСЭИ	–	Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.
ВГИАХМЗ	–	Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ВОКМ	–	Вологодский областной краеведческий музей
ГВНП	–	Грамоты Великого Новгорода и Пскова
ГИМ. ОПИ	–	Государственный Исторический музей. Отдел письменных источников

ДДГ	—	Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV — XVI вв.
ИГАИМК	—	Известия Государственной Академии истории материальной культуры
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии РАН
ЛОИА	—	Ленинградское отделение Института археологии РАН
МАР	—	Материалы по археологии России. СПб.; Пг.
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР
НПЦ	—	Научно-производственный центр
НИР	—	научно-исследовательская работа
ПСРЛ	—	Полное собрание русских летописей
РА	—	Российская археология
РГАДА	—	Российский государственный архив древних актов
РЭМ	—	Российский этнографический музей
СА	—	Советская археология
САИ	—	Свод археологических источников
СПбФ РНИИ КПН	—	Санкт-Петербургский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия
ТАС	—	Тверской археологический сборник. Тверь.

List of illustrations

Fig. 1. Rus' dwelling sites of the 10th — the first half of the 13th cent. explored archaeologically.

А — excavated area of 80—500 m²; Б — excavated area of 500—1000 m²; В — excavated area of more than 1000 m2.

1 — Vybuty; *2* — Petrovskoe 3; *3* — Udraj IV; *4* — Udraj III; *5* — Udraj I; *6* — Udraj II; *7* — Zapol'e 2; *8* — Zaruch'ev'e IV—VII; *9* — Bor IV; *10* — Nikolskoe V on Kema; *11* — Murinovskaya Pristan'; *12* — Nikolskoe VI; *13* — Molebny Ostrov; *14* — Dyukovo; *15* — Nefedovo; *16* — Selishche — Vorkop'; *17* —Andryushino-Irma; *18* — Minino I on Kubenskoe Lake; *19* — Minino VI on Kubenskoe Lake; 20 — Krivets; *21* — Octyabrsky Most; *22* — Sobornaya Gorka; *23* — Uryvkovo; *24* — Minino 4 on Yug; *25* — Minino 5 on Yug; *26* — Minino 2 on Yug; *27* — Teleshovo II; *28* —Morozovitsa I—II; *29* — Gostinskoe; *30* — Volkovo; *31* — Kholmovo; *32* — Blagoveshchenie; *33* — Struiskoe; *34* — Shitovichi 6; *35* — Pekunovskoe; *36* — Kimrskoe; *37* — Olenino; *38* — Grekhov Ruchej; *39* — Altynovo; *40* — Zolotoruch'e; *41* — Nesterovo; *42* — Vasil'ki; *43* — Ust'-Sheksna 1; *44* — Ust'-Sheksna 2; *45* — Shurscol II; *46* — Vvedenskoe; *47* — Ves' 1; *48* — Gnezdilovo; *49* — Vasilkovo; *50* — Rybino (Strelka 1); *51* — Drosnenskoe; *52* — Yanovskoe; *53* — Savvinskaya Sloboda; *54* — *Piskovo*; *55* — Kut'ino 1 a; *56* — Zhdanovo; *57* — Pokrov 5; *58* — Novoe S'yanovo; *59* — Nagovitsyno I; *60* — Priluki I; *61* — Desna; *62* — Myakinino; *63* — Ves' 5; *64* — Vishenki 3; *65* — Kistysh 3. (The site numbers correspond to ones in the Table 1.)

Fig. 2. Artefact collections gained during the excavations of Rus' dwelling sites of the 10th — the first half of the 13th cent.

А — up to 200 items; Б — 200—500 items; В — 500—1000 items; Г — more than 1000 items.

1 — Vybuty; *2* — Petrovskoe 3; *3* — Udraj IV; *9* — Bor IV; *10* — Nikolskoe V on Kema; *11* — Murinovskaya Pristan'; *12* — Nikolskoe VI; *13* — Molebny Ostrov; *14* — Dyukovo; *15* — Nefedovo; *16* — Selishche — Vorkop'; *17* — Andryushino-Irma; *18* — Minino I on Kubenskoe Lake; *19* — Minino VI on Kubenskoe Lake; *20* — Krivets; *21* — Octyabrsky Most; *22* — Sobornaya Gorka; *24* — Minino 4 on Yug; *25* — Minino 5 on Yug; *26* — Minino 2 on Yug; *27* — Teleshovo II; *28* — Morozovitsa I—II; *29* — Gostinskoe; *30* — Volkovo; *31* — Kholmovo; *32* — Blagoveshchenie; *33* — Struiskoe; *34* — Shitovichi 6; *36* — Kimrskoe; *37* — Olenino; *38* — Grekhov Ruchej; *39* — Altynovo; *40* — Zolotoruch'e; *41* — Nesterovo; *42* — Vasil'ki; *43* — Ust'-Sheksna 1; *44* — Ust'-Sheksna 2; *46* — Vvedenskoe; *47* — Ves' 1; *48* — Gnezdilovo; *50* — Rybino (Strelka 1); *52* — Yanovskoe; *54* — Piskovo; *55* — Kut'ino 1 a; *56* — Zhdanovo; *57* — Pokrov 5; *58* — Novoe S'yanovo; *59* — Nagovitsyno I; *60* — Priluki I; *61* — Desna; *62* — Myakinino; *63* — Ves' 5; *64* — Vishenki 3; *65* —Kistysh 3. (The site numbers correspond to ones in the Table 1.)

Fig. 3. The density of finds in uncovered cultural layers of the dwelling sites of the 10th — the first half of the 13th cent.

А — up to 0,5 of unit per 1 m²; Б — 0,5—1 unit per 1 m²; В — 1—2 units per 1 m²; Г — 2,5—4, 5 units per 1 m².

2 — Petrovskoe 3; *3* — Udraj IV; *9* — Bor IV; *10* — Nikolskoe V on Kema; *11* — Murinovskaya Pristan'; *12* — Nikolskoe VI; *13* — Molebny Ostrov; *14* — Dyukovo; *15* — Nefedovo; *16* — Selishche — Vorkop'; *17* — Andryushino-Irma; *18* — Minino I on Kubenskoe Lake; *19* — Minino VI on Kubenskoe Lake; *21* — Octyabrski Most; *22* — Sobornaya Gorka; *24* — Minino 4 on Yug; *25* — Minino 5 on Yug; *26* — Minino 2 on Yug; *27* — Teleshovo II; *28* —Morozovitsa I—II; *30* — Volkovo; *31* — Kholmovo; *32* — Blagoveshchenie; *33* — Struiskoe; *34* — Shitovichi 6; *36* — Kimrskoe; *37* — Olenino; *38* — Grekhov Ruchej; *39* — Altynovo; *40* — Zolotoruch'e; *41* — Nesterovo; *42* — Vasil'ki; *43* — Ust'-Sheksna 1; *44* — Ust'-Sheksna 2; *46* — Vvedenskoe; *47* — Ves' 1; *48* — Gnezdilovo; *50* — Rybino (Strelka 1); *52* — Yanovskoe; *54* — Piskovo; *55* — Kut'ino 1 a; *56* — Zhdanovo; *57* — Pokrov 5; *58* — Novoe S'yanovo; *59* — Nagovitsyno I; *60* — Priluki I; *62* — Myakinino; *63* — Ves' 5; *64* — Vishenki 3; *65* — Kistysh 3. (The site numbers correspond to ones in the Table 1.)

Fig. 4. View of the Kubenskoe Lake, with the issue of Dmitrievka River and Minino cluster of sites in the foreground.

Fig. 5. The Kubenskoe Lake west shore opposite Spaso-Kamenny (Savior on the Stone) monastery.

Fig. 6. The source of the Sukhona River. View from Svyataya Luka down the Kubenskoe Lake.

Fig. 7. Rozhdestvenski monastery at Syama district.

Fig. 8. Kubenskoe Lake. Special map of the European Russia. Edition of the Chart Department of the Military Topographers Corps. Moscow, 1920. Sheet 55.

Fig. 9. Stone Age, Bronze Age and Early Iron Age sites in the north-west part of the Kubenskoe Lake's depression.

1 — Shlyuz N 6, site 3; *2* — Shlyuz N 6, site 1; *3* — Shlyuz N 6, site 2; *4* — Shlyuz N 6, site 4; *5* — Shlyuz N 6, site 5; *6* — Shlyuz N 6, settlement 6; *7* — Shlyuz N 6, site 7; *8* — Shlyuz N 6, site 9; *9* — Shlyuz N 6, site 8; *10* — Shlyuz N 6, site 10; *11* — Peski site 5; *12* — Shlyuz N 6 site 11; *13* — Peski 1 site; *14* — Peski 3 site; *15* — Peski 4 site; *16* — Peski 2 site; *17* — Dor 2 site; *18* — Dor 1 site; *19* — Peski 9 site; *20* — Mys Golova find spot; *21* — Peski 6 site; *22* — Peski 7 site; *23* — Peski 8 site; *24* — Pogost of St. Antony 4 site; *25* — Pogost of St. Antony 5 find spot; *26* — Pogost of St. Antony 3 site; *27* — Pogost of St. Antony 6 find spot; *28* — Pogost of St. Antony 2 site; *29* — Pogost of St. Antony 1 site; *30* — Bor 4 site; *31* — Bor 5 site; *32* — Podolnoe 2 settlement; *33* — Podolnoe 3 settlement; *34* — Tavlash 1 site; *35* — Greater Lyskariovo 1 site; *36* — Greater Lyskariovo 2 site; *37* — Mys 13 find spot; *38* — Mys 12 find spot; *39* — Mys 11 find spot; *40* — Mys 10 find spot; *41* — Mys 9 find spot; *42* — Grozilovo 1 find spot; *43* — Minino II, settlement and cemetery; *44* — Minino I, settlement and cemetery; *45* — Minino IV site; *46* — Minino V site; *47* — Minino III site; *48* — Minino VI settlement; *49* — Vladyshnevo 2 site; *50* — Vladyshnevo 3 site; *51* — Vladyshnevo I site; *52* — Vladyshnevo II, site and cemetery; *53* — Vladyshnevo 4 site; *54* — Syama 1 location; *55* — Gorka Pokrovskaya 1 location; *56* — Syama 2 find spot; *57* — Sazonovo 1 find spot; *58* — Novlenskoe 1 site; *59* — Korobovo 4 find spot; *60* — Korobovo 3 site; *61* — Korobovo 2 site; *62* — Korobovo 1 site; *63* — Korobovo 6 settlement; *64* — Korobovo 5 find spot; *65* — Novlenskoe 2 site; *66* — Mys 8 find spot; *67* — Mys 7 find spot; *68* — Mys 6 find spot; *69* — Mys 5 find spot; *70* — Mys 4 find spot; *71* — Mys 3 find spot; *72* — Mys 2 find spot; *73* — Mys 1 find spot; *74* — Andreevskoe 4 find spot; *75* — Andreevskoe 1 site; *76* — Andreevskoe 2 site; *77* — Andreevskoe 3 site; *78* — Nikola-Koren' 1 site; *79* — Ust'e 13 find spot; *80* — Ust'e 12 site; *81* — Ust'e 11 site; *82* — Ust'e 10 site; *83* — Ust'e 6 site; *84* — Ust'e 5 site; *85* — Ust'e 7 site; *86* — Ust'e 4 site; *87* — Ust'e 3 site; *88* — Ust'e 8 site; *89* — Ust'e 9 site; *90* — Ust'e 2 site.

Sites of the Mesolithic Period — *53, 58, 65*; sites of the Neolithic Period — *2—5, 7—10, 12—18, 21—31, 35, 36, 40—42, 49, 50, 55, 57, 59—62, 64, 66, 67, 72, 74, 75, 82, 87, 90*; sites of the Early Iron Age — *37, 38, 47, 56, 69, 79, 80, 85, 88, 89*; multilayer sites — *1, 6, 11, 19, 20, 32—34, 39, 43—46, 48, 51, 52, 54, 63, 68, 70, 71, 73, 76—78, 81, 83, 84, 86.*

Fig. 10. The Early Metal Age figured flint from the Kubenskoe Lake area settlements (finds from the surface).

1, 2 — Kubenskoe II; *3* — Kapustino 3; *4* — Alexandrovo 7.

Fig. 11. The Early Metal Age drilled stone axes from the Kubenskoe Lake area sites.

1 — Ust'e 6 settlement, rabotage, depth 45 cm; *2* — Vozdvizhenje III site, surface find; *3* — Shlyuz N 6, settlement 6, excavation trench 1, layer 2; *4, 5* — Shlyuz N 6, settlement 6, surface find.

Fig. 12. The Chalcolithic Age porous ware from the Kubenskoe Lake area sites.

1–3 — Ozerko 1 settlement, sondage, layer 2; *4, 5* — Sumarokovo 2 site, surface find; *6, 7* — Shlyuz N 6, settlement 6, excavation trench 1, layer 2.

Fig. 13. Territorial and administrative structure of Beloe Lake, Kubenskoe lake and Upper Sukhona lands in the end of the 14th — the beginning of the 15th cent.

1 — Bokhtyuga; *2* — Kubena; *3* — Ukhtyuzhka; *4* — Karachev.

Fig. 14. Chirkovo village — centre of Zaozerskoe principality.

Fig. 15. Kubenskoe village. Parish churces of St. Trinity and St. Ilya. The view from the north-west. The beginning of the 20th cent. Photographic Archives of the Institute of Material Culture History, Russian Academy of Science, N Q775 — 34.

Fig. 16. Spaso-Kamenny (Savior on the Stone) monastery. General view.

Fig. 17. Parish centers (pogosts) of the Syama district (volost) according to the 1645—1647 Cadaster Book of the Vologda region.

1 — Terebaevsky on the River Elenga (St. Nikola); *2* — in Dyagilevo; *3* — Troitsky on the River Kilebovka; *4* — Rozhdestvenski; *5* — Karachevski on the River Karachevka (St. Dmitri); *6* — On the River Karachevka (St. Nikola); *7* — On the River Elma; *8* — On the River Elma (St. Ilya); *9* — Nikolski on the Sorninskoe Lake; *10* — in Zamol'e; *11* — Egor'evski on the Inkhorosha; *12* — in Belkovo; *13* — Mikulinski; *14* — Pokrova Presvyatoy Bogoroditsy; *15* — Pokrova Presvyatoy Bogoroditsy; *16* — Nikolski; *17* — On Sindosh (St. Cyril).

Fig. 18. Part of Syama district (volost) territory on the 1785 General Layout of the Vologda region (RSAAD. Collection 1356. N 310).

The villages marked on the Layout are the ones mentioned in the 1628—1630 Cadastre book of the Vologda region as villages on the River Karachevka: *1* — Dmitrievski (Mitevskoy) Karachevski pogost; *2* — Nikolski pogost in Karachev.

Fig. 19. Villages of the Karachev local unit (stanok), belonging to the estates, according to the 1619—1631 Cadaster Book of the Vologda region.

1 — Gureevo; *2* — Faleleevo (Daleleevo); *3* — Kurkino; *4* — Ievlevskaya, *5* — Mal'gino; *6* — Staroe; *7* — Zelenino; *8* — Chuprovo; *9* — Roslovskoe; *10* — Medvedkovo; *11* — Nefedovo. A — Dmitrievski pogost in Karachev; Б — Nikolski pogost in Karachev.

Fig. 20. Dmitrievski parish center (pogost) in Karachev. Plan of the land plot of the General measuring, 1785. RSAAD. Collection. 1354. N 68. Pt. 1 [610]. Г — 76c; D — 128c; D — 129c.

Fig. 21. View on the Ievlevskaya village close to the former Nikolski parish center (pogost) in Karachev

Fig. 22. Abandoned hamlets in Karachev mentioned in the charter of prince Andrei Vasil'evich of 1471.

1 — Abandoned hamlets in Karachev mentioned in the charter of prince Andrei Vasil'evich of 1471; *2* — the villages of Vakhnevski local unit recorded in the grain tribute book of Cyrillov monastery of 1559.

Fig. 23. Archaeological sites of the 10th — 14th cents. in the Kubenskoe Lake area.

A — settlement; Б — cemetery.

1 — Pogost of St. Antony (Peski); *2* — Ivanovskoe I (Troitskaya Gora); *3* — Ivanovskoe II; *4* — Berezhnoe (Kurkinskaya); *5* — Priluki II; *6* — Minino I; *7* — Minino II; *8* — Minino VI; *9* — Minino VII; *10* — Vladyshnevo I; *11* — Vladyshnevo II; *12* — Gorka Pokrovskaya; *13* — Korobovo VI; *14* — Kubenskoe, cemetery; *15* — Kubenskoe, settlement; *16* — Chirkovo I; *17* — Chirkovo II; *18* — Luka VI; *19* — Arkhangelskoe-on-Bokhtyug. A Site numbers correspond to ones in the Catalogue (Appl. 1).

Fig. 24. Korobovo VI dwelling site. General view from the south.

Fig. 25. Korobovo VI dwelling site. Profile of the cultural deposits.

1 — light grey coarse alluvial sand (lake deposits); *2* — dark grey humidic sand and clay mixture; *3* — dark grey weakly humidic sand and clay mixture (lake deposits); *4* — dark grey intensely humidic sand and clay mixture with gravel and hearth stones; *5* — grey sand (lake deposits); *6* — dark grey intensely humidic sand and clay mixture; *7* — subsoil — dense grey clay with gravel. X — yellow lemon-shaped glass bead.

Fig. 26. Korobovo VI dwelling site. Medieval pottery collected on the surface of the settlement.

1–3, 8 — fragments of hand-made vessels; 4—7 — fragments of wheel-turned vessels.

Fig. 27. Korobovo VI dwelling site. Medieval pottery collected from the scoop.

1, 2, 4, 5, 8–10 — finds from the wall of the scoop; 3, 6, 7 — finds in the throw out of the scoop.

Fig. 28. Ivanovskoe II dwelling site. General view from the south.

Fig. 29. Ivanovskoe II dwelling site.

1 — plan of the settlement; *2* — section through the cultural layer; *3, 4* — find material (fragment of a medieval hand-made vessel and iron fire-steel).

Fig. 30. Priluki II dwelling site. General view on the platform from the north

Fig. 31. Medieval settlements in the Kubeskoe Lake basin. Surface finds from the disturbed parcels

1 — Priluki II; *2* — Korobovo VI (mirror negative image); *3* — Peski (Pogost of St. Antony). *1, 3* — nonferrous metals; *2* — stone.

Fig. 32. Chirkovo I dwelling site. Ceramics and artefact material of the 10th — the first half of the 13th cent. collected from the parcels 1, 2.

1–4, 8 — hand-made ceramics; *5, 7* — nonferrous metals; *6* — glass; *9–19* — wheel-turned ceramics.

Fig. 33. Chirkovo I dwelling site. Hand-made and wheel-turned ceramics collected from parcel 1.

1–3 — wheel-turned ceramics, the 13th—15th cents.; *4, 5* — hand-made ceramics, second half of the I millennium.

Fig. 34. Chirkovo I and Chirkovo II dwelling sites. Surface finds. Wheel-turned ceramics of the 12th—15th cents. (1—31) and ceramic plummet (32).

1–30 — Chirkovo I, parcels 2 and 3; *31, 32* — Chirkovo II.

Fig. 35. Arkhangelskoe-on-Bokhtuga dwelling site.

A — plan of the settlement; Б — medieval wheel-turned ceramics collected from tilled up parcels.

Fig. 36. Arkhangelskoe-on-Bokhtyuga dwelling site. General view.

Fig. 37. Luka VI dwelling site. Medieval and Modern Ages wheel-turned ceramics collected from the eroded parcels of the settlement.

Fig. 38. Chirkovo I dwelling site. Find material.

1, 2 — lead-tin-alloy image-pendants; *3* — stone cross; *4* — 1440—1462 silver 'denga' of Great Prince Vasili II; *5* — unknown russian copper coin dating to the first half of the 15th cent.; *6* — 1462—1485 silver Moscow denga ('dozor') of Great Prince Ivan III.

Fig. 39. Chirkovo I dwelling site. Find material.

1, 3, 7–11 — iron; 2, *4–6* — nonferrous metals.

Fig. 40. Chirkovo I dwelling site. Find material.

1–9, 11, 12, 14–17, 19–23 — nonferrous metals; *10, 13, 18* — iron.

Fig. 41. Dwelling sites and burial monuments of the 10th — the beginning of the 12th cent. on Kubenskoe Lake.

A — dwelling site; Б — burial site.

3 — Ivanovskoe I (Troitskaya Gora); *6* — Minino I; *7* — Minino II; *8* — Minino VI; *10* — Vladyshnevo I; *11* — Vladyshnevo II; *13* — Korobovo VI; *15* — Kubenskoe settlement; *16* — Chirkovo I. Site numbers correspond to ones in the Catalogue (Appl. 1).

Fig. 42. Dwelling sites and burial monuments of the 12th — the first half of the 13th cent. on Kubenskoe Lake.

А — dwelling site; Б — burial site.

5 — Priluki II; *6* — Minino I; *7* — Minino II; *8* — Minino VI; *9* — Minino VII; *13* — Korobovo VI; *14* — Kubenskoe, cemetery; *16* — Chirkovo I; *19* — Arkhangelskoe-on-Bokhtyug. A Site numbers correspond to ones in the Catalogue (Appl. 1).

Fig. 43. Minino cluster of sites. General view from the south-east.

Fig. 44. Minino cluster of sites. Layout chart of the medieval sites.

1 — plan; 2 — isometric display. *1* — Minino I; *2* — Minino II; *3* — Minino VI; *4* — Minino VII; *а* — settlement; *б* — cemetery; *в* — the Church of St. Dmitri Solunski.

Fig. 45. Land plot on the Dmitrovka River left bank near its eastuary, on the plan of General measuring, 1785.

The Plan shows part of territory where Minino I settlement is situated (RSAAD. Collection. 1354. N 68. P. 1 [610]. Г — 76с).

Fig. 46. Parish center (pogost) of St. Dmitry in Karachev on the 1785 General measuring plan of the land plot.

The Plan shows part of territory where Minino VI settlement is situated (RSAAD. Collection. 1354. N 68. P. 1 [610]. Д — 128с).

Fig. 47. Dwelling site and burial site Vladyshnevo on the River Delyalevka. The layout of medieval sites on the plan of the land plot of the General measuring of 1785. (RSAAD. Collection. 1354. N 68. P. 1 [610]. Б — 80к).

1 — Vladyshnevo I, dwelling site; *2* — Vladyshnevo II, burial site.

Fig. 48. Minino VI dwelling site and Minino II burial site. View from the south-east.

Fig. 49. Minino II burial site. View from above.

Fig. 50. Minino II cemetery. Burials in excavation trench 3.

Fig. 51. Vladyshnevo I dwelling site. General view.

Fig. 52. Vladyshnevo I dwelling site. Find material from the excavation place.

1–9 — glass; *10, 13, 14, 16, 17* — iron; 1*1, 12, 15, 18, 19, 21–23* — nonferrous metals; *20* — clay.

Fig. 53. Vladyshnevo I dwelling site. Ceramics from the excavation place.

Fig. 54. Vladyshnevo I dwelling site. Ceramics from the excavation place.

Fig. 55. Minino I dwelling site. View of the settlement platform from the north-north-west. Proceedings in the excavation trenches 3 and 4.

Fig. 56. Minino I dwelling site. Settlement platform after spring flood-time.

Fig. 57. Minino I dwelling site. West section through the 1997 excavation trench 1.

1 — medieval horizon (1a — tilled up part of the medieval layer); *2* — Early Iron Age horizon; *3* — Stone Age horizon.

Fig. 58. Minino I dwelling site. The 1997 excavation trench 3 on the second layer level. The stones of two ruined stoves explored at the trench.

Fig. 59. Minino I dwelling site. Plan of the settlement, with the excavation trenches and the site division grid.

A — scheme of the excavation trench 2 × 2 m squares division into quarters.

Fig. 60. Minino VI dwelling site. View from the south-west, with ruins of St. Dmitri Solunski church and up-to-date cemetery seen at the bottom of the picture.

Fig. 61. Minino VI dwelling site. 2003 excavation trench on the subsoil level. There are distinct dark spots of the pits and the furrows of tractor ridging seen on the surface, including unexcavated.

Fig. 62. Minino VI dwelling site. Undisturbed medieval cultural layer of the second half of the 11th — the 12th cent., preserved in the pit 23. View from the east.

Fig. 63. Riddling of the cultural layer after sorting it out by hands.

Fig. 64. Floatation of the cultural layer by round close-meshed metal sieves.

Fig. 65. Floatation of the cultural layer with the use of a large close-meshed sieve.

Fig. 66. Cultural layer sieving by a large close-meshed sieve.

Fig. 67. Floatation of the cultural layer with the use of a table permanently washed by controlled stream from a spring.

Fig. 68. The iron tank used for the cultural layer floatation. Measurements in *cm*.

Fig. 69. Floatation of cultural layer in iron tank.

Fig. 70. Extraction of finds from the washed out soil on the table with a light surface.

Fig. 71. Estimation of number of finds, which one may gain through floatation and sieving of the total amount of the cultural layer of Minino I dwelling site.

The real characteristics excavation trenches show: *1* — 1996 excavation trench 1; *2* — excavation trench 2; *3* — 1997 excavation trench 1; *4* — 1998 excavation trench 1; *5* — 1999 excavation trench 3; *6* — excavation trench 4; *7* — 2000 excavation trench 1; *8* — excavation trench 5. Groups of estimated trendlines: а — group А (R^2 = 0, 999); б — group Б (R^2 = 0, 975); в — group В (R^2 = 0, 843). Real number of finds gained through floatation and sieving of cultural layer assumed to be 100 percent.

Fig. 72. Minino I settlement in the various stages of its existence.

1 — horizon of the 10th — 11th cents.; *2* — horizon of the end of the 11th — the beginning of the 13th cent. *а* — excavation trenches, with uncovered strata of this period, buildings disclosed in them and its numbers; *б* — the settlement cultural layer limits.

Fig. 73. Minino I dwelling site. Radiocarbon dates of the structures.

Fig. 74. Minino I dwelling site. The most well-preserved structure (N 5) on the foundation stones level. View from the south-east.

Fig. 75. Minino I dwelling site. Structure 5 (excavation trench 3).

1 — plan with remains of the structure and distribution of material evidences in its inhabited horizon: *а* — fragments of decayed wooden remains of the structure; *б* — fragments of decayed wooden remains of the heath foundation; *в* — foundation stones; *г* — points of getting samples for radiocarbon analysis and its laboratory numbers (see. Tab. 15); *g* — stove; *е* — material evidences. *2–6* — density of distribution of various classes of evidences in the structure inhabited horizon: *2* — material evidences (items per m^2); *3* — ceramics (kg per m^2); *4* — bones of animals (g per m^2); *5* — fish scales and bones (g per m2); *6* — burned bones (g per m^2).

Fig. 76. Minino I dwelling site, structure 1 (excavation trench 1, squares Λ-H/33—35)

1 — summary plan of the plot on the 3rd — 4th layers level; *2* — plan with remains of the structure: а — fragments of decayed wooden remains of the structure; *б* — fragments of decayed wooden remains of the heath foundation; *в* — foundation stones; *г* — points of getting samples for radiocarbon analysis and its laboratory numbers (see. Tab. 15); *g* — stove; *е* — reconstructable details of the structure.

Fig. 77. Minino I dwelling site, structure 2 (excavation trench 1, squares Ж-Л/27–30).

1 – summary plan of the parcel on the 2nd – 4th layers level; 2 – plan with remains of the structure (for legend, see fig. 76).

Fig. 78. Minino I dwelling site, structure 3 (excavation trench 1, squares К-М/27–29).

1 – summary plan of the plot on the 1st – 2nd layers level; *2* – plan with remains of the structure (for legend, see fig. 76).

Fig. 79. Minino I dwelling site, structure 4 (excavation trench 3, squares Ч-Э/51, 50, 0–2).

1 – plan of the plot on the 3rd layer level; *2* – plan with remains of the structure (for legend, see fig. 76).

Fig. 80. Minino I dwelling site, structure 6 (excavation trench 4, squares АА-АБ/27–29).

1 – plan of the parcel on the 2nd layer level; *2* – plan with remains of the structure (for legend, see fig. 76).

Fig. 81. Minino I dwelling site, structure 7 (excavation trench 4, squares Я-АБ/27–29).

1 – plan of the parcel on the 3rd layer level; *2* – plan with remains of the structure (for legend, see fig. 76).

Fig. 82. Sketch plans of the structures revealed at the Minino I dwelling site.

1 – structure 1 (excavation trench 1); *2* – structure N 2 (excavation trench 1); *3* – structure N 3 (excavation trench 1); *4* – structure N 4 (excavation trench 3); *5* – structure N 5 (excavation trench 3); *6* – structure N 6 (excavation trench 4); *7* – structure N 7 (excavation trench 4); *а* – heating installations and hypothesized location of a fire-chamber mouth; *б* – doorways hypothesized location.

Fig. 83. Remains of the heating installations belonged to the Minino I settlement dwellings.

1 – stove in the structure N 4; *2* – stove in the structure N 5; *3* – stove in the structure N 6; *4* – stove in the structure N 3; *а* – stove stones; *б* – fragments of stove daub; *в* – charcoal; *г* – decayed wooden remains of the heaths foundations; *g* – ashes; *е* – clay loam; *ж* – heath foundation post.

Fig. 84. Remains of the heating installations from the Minino I settlement manufacturing structures, and from the Minino VI and Vladyshnevo I settlements dwellings.

1 – heating installations in the structure N 7 at Minino I; *2* – stove in the structure N 1 at Minino VI; *3* – stove in the structure at Vladyshnevo I settlement; *а* – stove stones; *б* – fragments of stove daub; *в* – charcoal; *г* – decayed wooden remains of the heaths foundations; *g* – ashes; *е* – clay loam.

Fig. 85. Stove in the structure N 3 at Minino I dwelling site. View from the south.

Fig. 86. Stove in the structure N 4 at Minino I dwelling site. View from the south-west.

Fig. 87. Stove in the structure N 5 at Minino I dwelling site.

1 – cross-section through the stove along the northern wall of the 1999 excavation trench, view from the south-west; *2* – investigated in 2002 northern part of the stove, view from the west.

Fig. 88. Stove in the structure N 6 at Minino I dwelling site. View from the south.

Fig. 89. Stove in the structure at Vladyshnevo I dwelling site. View from the west.

Fig. 90. Structure N 1 at Minino I dwelling site and its surrounding.

а – stove stones; *б* – fragments of stove daub; *в* – charcoal; *г* – partially burned wood; *g* – decayed remains of wood; *е* – fragments of ceramics; *ж* – open hearth; *з* – stove; *и* – spot of trampled soil, *к* – cesspit; *л* – dug in ground tub; *м* – shed posts; *н* – hypothesized location of an entrance door.

Fig. 91. Features of the Minino I settlement lay-out.

а – orientation of the structures unearthed in the excavation trenches (the mean value); *б* – remains of the stoves seen on the settlement surface; *в* – excavation trenches and its numbers; *г* – the settlement boundaries.

Fig. 92. Minino VI dwelling site.

1 – plan of the dwelling site; *2* – pits of various stages location in the excavation trench; *а* – the pits dating to the middle of the 11th – the 12th cent.; *б* – the pits dating to the second half of the 12th – the 13th cent.; *в* – medieval pits without detailed dates; *г* – dwelling house N 1.

Fig. 93. Lay-out of the Stone Age graves at Minino I (the 1993 sondage and burials *1–17, 19–22* in the excavation trench 1) and Minino II (burials I–VIII in the excavation trench 3) sites.

Fig. 94. Grave 19 in the excavation trench 1 at Minino I. Plan, photograph, grave goods: bone dagger and flint inlays (individual 1); types of the sew-on mounts made of elk, marten, dog/wolf teeth, fish teeth and fin rays (individuals 2 and 3).

Fig. 95. Graves 4 and 13 in the excavation trench 1 at Minino I. Plan, photograph, grave goods.

1 – denticulated point made of ungulate's rib; *2* – sew-on mount made of elk incisor, *3* – horn dagger, *4* – flint rabot, 5 – fragments of a bone harpoon

Fig. 96. Grave 5 in the excavation trench 1 at Minino I. Plan, photograph, fork-head made of ungulate's long bone.

Fig. 97. Minino I dwelling site, excavation trenches 1 (*1, 2, 4–8, 10–22, 24–26, 28–33*) and 5 (*3, 9, 23, 27*). Neolithic ceramics with mineral (*1–11, 17–32*) and organic (*12–16*) admixtures to clay

1 – level 7, И-34Г, pit 23; *2* – level 7, И-35, pit 20; *3* – level 5, Х-49А; *4* – level 5, К-32; *5* – level 5, И-31, pit 4; *6* – level 5, Л-27А; *7* – level 6, И-35Б; *8* – level 4, Ж-32; *9* – level 6, Ч-49Б; *10* – level 7, И-27/28, pit 74; *11* – level 7, И-27/28, pit 74; *12* – level 6, И-27А; *13* – level 6, И-27А; *14* – level 7, И-27/28, pit 74; *15* – level 7, И-27/28, pit 74; *16* – level 6, И-27А; *17* – pit 11; *18* – level 7, К/Л-35, fill of the grave 15 upper part; *19* – level 7, Л-35А, pit 17; *20* – level 3, М-34В; *21* – level 6, Л-32; *22* – level 6, М-34А; *23* – level 4, Х-49В; *24* – level 7, Л-27А; *25* – level 6, Л-27Б; *26* – level 7, М-27В; *27* – level 5, Ц-49Б; *28* – level 5, М-28Б; *29* – level 7, Л-28Б; *30* – level 7, Л-27А; *31* – level 5, М-28А; *32* – level 5, М-31; *33* – level 5, Л-32.

Fig. 98. Minino I dwelling site, excavation trenches 1 (*1–8, 10–19*) and 4 (*9*). Early Iron Age ceramics with organic (*1–7*) and mineral (*8–19*) admixtures to clay.

1 – level 5, И-28Б, pit 66; *2* – level 4, К-27А; *3* – level 5, К-29А; *4* – level 5, К-28Г; *5* – level 5, К-29А; *6* – level 4, К-30А/Б, pit 37; *7* – level 5, М-29Г; *8* – level 6, М-29В; *9* – level 5, АБ-28В; *10* – level 5, Ж-31; *11* – level 6, Л-29А; *12* – level 7, М-34Г; *13* – level 6, М-29Б; *14* – level 5, К-29А; *15* – level 5, М-30А; *16* – level 4, К-27Б; *17* – level 4, К-28В; *18* – level 3, И-34Г; *19* – level 3, И-35А/Б.

Fig. 99. Minino I dwelling site, excavation trench 1 (*1–4, 6–17*) and 1993 sondage (5). Earthenware: fragments of moulds (*1–9, 11–13*) and of Dyakovo type loom-weights (*10, 14*).

1 – level 5, И-35; *2* – level 4, И-34; *3* – level 5, Л-32; *4* – level 5, М-35; *5* – level 3, Р-42; *6* – level 6, Л-28Г; *7* – level 5, Л-33; level 3, К-32; *8* – level 4, К-30А; *9* – level 6, К-29А; *10* – level 7, М-35, pit 25; *11* – level 2, И-32; *12* – level 6, М-28В; *13* – level 5, М-35; *14* – level 5, М-30В; *15* – level 6, И-32, pit 7; *16* – level 4, М-29Б; *17* – level 3, М-30Г.

Fig. 100. Vladyshnevo II burial site. General view of the cemetery ground after dismantling the humidic layer with burned bones. The photo displays the spot of the pit 2 containing cremation on the foreground, and spot of pit 1 with humidic soil containing solitary burned bones.

Fig. 101. Vladyshnevo II burial site. Plan of the excavation trench. Pits, grave goods, burned bones, ceramics.

а — the assemblage from male grave; *б* — the assemblage from female grave; *в* — everyday objects; *г* — smelted indefinable objects; *g* — burned bones; *е* — fragments of medieval hand-made pottery; *ж* — fragments of Early Modern Ages wheel-turned pottery; *з* — animal and fish bones; *и* — stones.

Fig. 102. Minino II burial site. Layout.

Fig. 103. Minino II burial site. Excavation trench 1. Medieval remains.

а — bone; *б* — artefact find; *в* — burned bone; *г* — charcoal; *g* — stone; *е* — ceramics fragment; *ж* — human bone; *з* — ashes; *и* — grave pits. For the layers notation conventions, see fig. 104.

Fig. 104. Minino II burial site drafts notation conventions for the layers.

Fig. 105. Minino II burial site. Excavation trench 2. Medieval remains.

а — slag; *б* — artefact find; *в* — burned bone; *г* — charcoal; *g* — stone; *е* — bone; *ж* — human bone; *з* — partially burned wood; *и* — ceramics fragment. For the layers notation conventions, see fig. 104.

Fig. 106. Minino II burial site. Excavation trench 3. General view after dismantling the arable layer. There are pit spots with humidic soil cleared in the trench, including pit 1 containing the remains of cremation, and the 1960s hunting lodge foundation posts.

Fig. 107. Minino II burial site. Excavation trench 3. Medieval remains.

а — cremations and inhumations; *б* — subsoil pits; *в* — stones.

Fig. 108. Minino II burial site. Excavation trench 3. Disclosing of the inhumation grave and of the pit 1 with remains of cremation.

Fig. 109. Minino II burial site. Medieval inhumations in the excavation trench 3.

Fig. 110. Minino II burial site. Grave 40 — the 12th century undisturbed inhumation.

Fig. 111. Minino II burial site. Graves 44 and 45. Inhumations disturbed in the process of repeated burials.

Fig. 112. Minino II burial site. Grave 62. Disturbed inhumation.

Fig. 113. Minino II burial site. Medieval cremations and inhumations in the excavation trench 3.

Fig. 114. Minino II burial site. Grave 65. Remains of cremation.

Fig. 115. Vladyshnevo II burial site. Medieval artifacts and burned bones distribution in the subsoil pits.

а — the assemblage of male burial; *б* — the assemblage of female burial; *в* — everyday objects; *г* — burned bones; *g* — fragments of medieval hand-made pottery; *е* — fragments of the Early Modern Ages wheel-turned pottery; *ж* — bones of fish; *з* — stones; *и* — pits without remains of burials; *к* — pit containing cremation remains.

Fig. 116. Vladyshnevo II burial site. Subsoil pits in the excavation trench, with pits 8 and 9 filled with humus and solitary burned bones on the background.

Fig. 117. Vladyshnevo II burial site. Grave goods from the upper humidic layer.

1 — belt buckle; *2*—20 — belt mounts. All of bronze.

Fig. 118. Vladyshnevo II burial site. Grave goods from the upper humidic layer and from the pits filled with humidic soil.

1–3, 5, 6, 10, 13 — iron; 4, *7–9, 11, 12, 14, 15* — bronze. *3–12* — upper humidic layer; *1, 14* — pit 1; *2, 13, 15* — pit 9. *1* — key; *2* — tinder-pipe, *3* — arrowhead; *4* — ring with a lug; *5* — blunt-tipped arrowhead; *6* — fish-spear; *7–8* — parts of a sheath tier; *9* — hemispheric mount; *10* — knife; *11–12* — details of a purse; *13* — chain; *14* — bottle-shaped pendant; *15* — belt mount.

Fig. 119. Vladyshnevo II burial site. Grave goods and ceramics from the upper humidic soil.

1–6 — bronze; *7–14* — glass; *15–20* — ceramics. *1–6* — bell-pendant; *7–9, 12–14* — beads; *10, 11* — beads; *15–17* — Early Modern vessels profiles; *18* — Medieval Rus' wheel-turned vessel profile; *19, 20* — Medieval hand-made ceramics. *19* — vessel N 1, *20* — vessel N 2.

А — vessel N 1 fragments distribution through the excavation trench, and the fitting pieces; *Б* — vessel N 2 fragments distribution through the excavation trench, and the fitting pieces; *В* — the vessels fitting pieces.

Fig. 120. Vladyshnevo II burial site. Cremation in the pit 2. Plan (at the −110 / −135 cm depth) and cross-section.

а — burned bones; *б* — find numbers (correspond to ones in the field inventory); *в* — level mark; *г* — partially burned boards fragments; *g* — stone. 1 — brown-grey humidic sand and clay mixture (tillage); 2a — red or yellow weakly humidic sand and clay mixture; 3 — grey-brown humidic sand and clay mixture; 4 — grey-yellow humidic sand and clay mixture; 5 — dark grey humidic sand and clay mixture; 6 — yellow-grey coarse sand and clay mixture with tiny white stones; 8 — grey weakly humidic coarse sand and clay mixture; 8a — dark grey weakly humidic coarse sand and clay mixture with inclusions of little pieces of charcoal; 15 — yellow-brown coarse sand and clay mixture.

Fig. 121. Vladyshnevo II burial site. Burial in the pit 2. Assemblage.

1, 6–11, 13–15 — bronze; *2–5* — glass; *12* — clay. *1, 7, 13* — bell-pendants; *8, 9, 11, 14* — half-tubular long-bead pendants with bells; *15* — trapezoid pendant; *2–5* — beads; *12* — ladlies with remnants of lead-tin alloy.

Fig. 122. Vladyshnevo II burial site. Subsoil pit 8 filled with humidic soil and solitary burned bones. Plan and cross-section.

а — burned bones; *б* — fragments of medieval hand-made pottery; *в* — level mark; *г* — charcoal; *g* — partially burned boards fragments; *е* — stone. 2a — red or yellow weakly humidic sand and clay mixture; 3 — grey-brown humidic sand and clay mixture; 12 — charcoal black sand and clay mixture; 13 — yellow-brown sand and clay mixture.

Fig. 123. Vladyshnevo II burial site. Disclosing of pit 8 filled with humidic soil.

Fig. 124. Minino II burial site. Cremations in the excavation trench 3.

а — graves with the bones total weight of more than 200 g; *б* — graves with the bones total weight of 100–200 g; *в* — graves with the bones total weight of less than 100 g; *г* — stained backdrop shows the distribution of the upper level burned bones through the excavation trench square (g per 4 m^2).

Fig. 125. Minino II burial site. The subsoil pit backfilled with humidic soil containing remains of cremation (excavation trench 2, pit 2, burned bones accumulation 1).

Fig. 126. Minino II burial site. Excavation trench 3. Grave 16. The remains of cremation placed in a shallow pit.

Fig. 127. Minino II burial site. Excavation trench 3. Grave 39. The remains of cremation placed on the surface or in a shallow pit.

Fig. 128. Minino II burial site. Excavation trench 3. Subsoil pit backfilled with humidic soil and remains of cremation (grave 72).

Fig. 129. Minino II burial site. Excavation trench 3. Subsoil pit backfilled with humidic soil and remains of cremation (grave 66).

Fig. 130. Minino II burial site. Excavation trench 3. Artefact finds from the upper humidic soil layer.

1 — fragment of a whetstone; *2, 3* — fragments of a neck-ring; *4–62, 64–69, 74, 78–80, 85, 86, 112* — beads and its pieces; *70, 72, 73* — clips; 63, *71, 107, 113, 117, 120* — fragments of swishing pendants; *81–84* — fragments of combs; *87–92, 94, 95, 98–100, 104, 105,*

109, 110, 122, 123 — pieces of smelted items; *93, 108* — rivets; *96* — bullet; *97* — fragment of a finger-ring; *101–103, 106, 111, 114, 115* — spiral spacers; *75–77, 116* — spacers rings; *118* — fragment of a bell; *119* — bell-mount; *121* — an article. *1* — stone; *2, 3, 63, 70–73, 75–77, 87–111, 113–120, 122, 123* — nonferrous metals; *4–62, 64–69, 74, 78–80, 85, 86, 112* — glass; *81–84* — horn; *121* — clay.

Fig. 131. Minino II burial site. Excavation trench 3. Artefact finds from the upper humidic soil layer.

1–7 — knives; *8* — ring; *9, 10* — wedges from an axes; *11* — arrowhead; *12, 14* — plates; *13* — needle; *15, 46* — fragments of belt buckles; *16, 18, 19, 38, 44, 45* — belt mounts; *17, 21, 35* — bell-pendants; *20, 28, 37* — bell-shaped long-beads; *22, 23, 25–27, 32, 40–42* — bell-pendants; *24* — bottle-shaped pendant; *29* — fragment of a wire; *30, 31* — tape staples; *33, 48* — fragments of smelted jewelry; *36* — fragment of a pendant; *39, 47* — fragments of swishing jewelry; *43* — bead. *1–14, 30, 31* — iron; *15–29, 32–42, 44–48* — nonferrous metals; *43* — glass.

Fig. 132. Minino II burial site. Excavation trench 3. Artefact finds found in the upper humidic soil.

1–10, 12–16, 18, 19, 21 — belt mounts; *11* — zoomorphic pendant; *17, 20, 23* — belt buckles; *22* — fragment of a swishing jewel. *1–23* — nonferrous metals.

Fig. 133. Minino II burial site. Excavation trench 3. Cremations and the related grave goods plan.

а — graves with the bones total weight of more than 200 g; *б* — graves with the bones total weight of 100–200 g; *в* — graves with the bones total weight of less than 100 g; *г* — stained backdrop shows the distribution of the upper level burned bones through the excavation trench square (g per 4 m^2); *g* — female inventory; *e* — male inventory.

Fig. 134. Minino II burial site. Cremations in the excavation trench 3.

а — graves with the bones total weight of more than 200 g; *б* — graves with the bones total weight of 100–200 g; *в* — graves with the bones total weight of less than 100 g; *г* — stained backdrop shows the distribution of the upper level hand-made pottery through the excavation trench square (g per 4 m^2).

Fig. 135. Minino II burial site. Excavation trench 3. Graves layout.

а — inhumations; *б* — cremations, with placing the remains to the pits.

Fig. 136. Minino II burial site. Grave 75.

Fig. 137. Minino II burial site. Grave 7.

Fig. 138. Minino II burial site. Grave 18.

Fig. 139. Minino II burial site. Grave 9. Metal and glassy slag in the burial pit backfill material.

Fig. 140. Minino II burial site. Graves 9 and 10. Metal and glassy slag in the burial pit backfill material.

Fig. 141. Minino II burial site. Inhumation graves. The burial pits depth (from the virgin soil surface level, in *cm*).

Fig. 142. Minino II burial site. Inhumation graves. The burial pits length (in *cm*).

Fig. 143. Minino II burial site. Inhumation graves. The burial pits width (in *cm*).

Fig. 144. Minino II burial site. Inhumation graves of adults. The burial pits length and width (in *cm*).

Fig. 145. Minino II burial site. Length, width and depth interconnections in the burial pits with adult inhumations.

а — cluster 1; *б* — cluster 2; *в* — cluster 3; *г* — cluster 4; 2 — length; 3 — width; 4 — depth.

Fig. 146. Minino II burial site. The inhumation graves distribution according to the orientation.

Fig. 147. Minino II burial site. Grave 56.

Fig. 148. Minino II burial site. Grave 38.

Fig. 149. Minino II burial site. Grave 7. Human individual, buried without grave goods, oriented westwards, with the hands folded on the abdomen.

Fig. 150. Minino II burial site. Grave 15.

Fig. 151. Minino II burial site. Grave 19.

Fig. 152. Minino II burial site. Grave 29.

Fig. 153. Minino II burial site. Grave 47.

Fig. 154. Minino II burial site. Graves 41, 42, 43, 58.

Fig. 155. Minino II burial site. Grave 73.

Fig. 156. Minino II burial site. Grave 4. In the pelvis area of buried woman bronze pendants, horn comb in a case, and iron knife, all attached to the belt were disclosed, on the finger broken bronze finger-ring was found.

Fig. 157. Minino II burial site. Grave 19. In the pelvis area, next to the hand, of buried woman horn comb in a case, iron knife with remains of wooden handle, and fragmented vessel were disclosed.

Fig. 158. Minino II burial site. Grave 19. Metal parts of a composite belt in the pelvis area of buried man, finger-ring on the right hand, and iron axe to his arm right.

Fig. 159. Minino II burial site. Grave 10. Horn comb at the feet of buried woman.

Fig. 160. Minino II burial site. Grave 17. Two hand-made vessels at the feet of buried woman.

Fig. 161. Minino II burial site. Grave 8. A woodland polecat skeleton next to the scull of buried man.

Fig. 162. Minino II burial site. Graves 9, 10.

Fig. 163. Minino II burial site. Graves 20, 21.

Fig. 164. Minino II burial site. Graves 27, 28, 32.

Fig. 165. Minino II burial site. Graves 48, 49

Fig. 166. Minino II burial site. Graves 48, 49. Detail.

Fig. 167. Minino II burial site. Grave 22. Grave goods.

1 — denarius-pendant (N 7); *2* — bell pendant (N 3); *3* — bell pendant (N 4); *4* — bell pendant (N 5); *5* — sheathed knife (N 6); *6* — beads (N 1); *7* — temporal ring (N 7); *8* — glazed model of an egg (N 2). *1* — silver; *2–4, 7* — nonferrous metals; *5* — iron, leather, nonferrous metal; *6* — glass; *8* — ceramics.

Fig. 168. Minino II burial site. Excavation trench 3. Pit 67, with a fragmented vessel and burned bones pieces.

Fig. 169. Minino II burial site. Burials of a various chronological stages in the excavation trench 3.

а — the burials of the second half of the 10th — the early 11th cent.; *б* — the 11th century burials; *в* — the burials of the 12th — the early 13th cent.; *г* — the burials with indefinable dates.

Fig. 170. Gorka Pokrovskaya dwelling site.

1 — general view from the south-east; *2* — plan of the settlement.

Fig. 171. Kubenskoe burial site. Ceramics.

Fig. 172. Kubenskoe dwelling site. Layout.

Fig. 173. Kubenskoe dwelling site. Wheel-turned pottery revealed in sondage (N 2, 4, 5, 7, 8) and collected from cultivated plots (№ 1, 3, 6).

Fig. 174. Luka VI dwelling site. Layout of land plot.

Fig. 175. Minino I dwelling site. excavation trench 1. Master plan of the trench on the second stratum (–10 / –20 cm).

а — stove stones; *б* — burned stove stones; *в* — stones; *г* — slag; *g* — ceramics; *e* — Late Middle Ages wheel-turned pottery; *ж* — medieval wheel-turned pottery; *з* — medieval hand-made pottery; *и* — mesh ware and stroke ware; *к* — Neolithic pit ware; *л* — Neolithic comb ware; *м* — pieces of stove daub; *н* — flint (bulk material);

о — animal bones; *п* — animal teeth; *р* — human bones; *с* — fish bones; *т* — burned bones; *у* — individual finds; *ф* — level marks; *х* — charcoal; *ц* — partially burned wood; *ч* — decayed wood; *ш* — birch bark; *щ* — ochre; *ы* — sand; *э* — ashes; *ю* — clay loam.

Fig. 176. Minino I dwelling site, excavation trench 1. The west section through the explored in 1996 parcel of the trench.

а — sod; *б* — homogeneous dark grey sand and clay mixture with a single stove stones (arable layer); *в* — dark grey (black) sand and clay mixture with a stove stones, charcoal and daub pieces; *г* — grey-brown sand and clay mixture with a single pieces of charcoal (buried soil); *g* — dark grey-brown sand and clay mixture with a pieces of charcoal and a few stove stones; *е* — dark grey-brown sand and clay mixture with a pieces of charcoal, getting lighter with approaching to the subsoil; *ж* — dark grey (black) sand and clay mixture with extra content of stove stones and charcoal and daub pieces; *з* — dark grey sand and clay mixture saturated with charcoal; *и* — subsoil.

Fig. 177. Minino I dwelling site, excavation trench 1. Explored in 1997 parcel on the second stratum. View from the west.

Fig. 178. Minino I dwelling site, excavation trench 1. Explored in 1997 parcel on the level contiguous with subsoil. View from the west

Fig. 179. Minino I dwelling site, excavation trench 1. Explored in 2000 parcel after dismantling of the second stratum. View from the west-north-west.

Fig. 180. Minino I dwelling site, excavation trench 2. Plan of the trench on the third stratum level (−20 / −30 cm).

а — sod; *б* — homogenous dark grey sand and clay mixture with a single stove stones (arable layer); *в* — dark grey sand and clay mixture with stove stones, charcoal, pieces of daub and spots of yellow sand; *г* — black, saturated with charcoal, sand and clay mixture with spots of ashes, yellow sand and pieces of stove daub; *g* — whitish sand and clay mixture with an occasional spots of charcoal (podzol); *е* — grey-brown sand and clay mixture; *ж* — grey-yellow sand and clay mixture; *з* — yellow sand; *и* — subsoil. For the rest of legend, see fig. 175.

Fig. 181. Minino I dwelling site. Excavation trench 2 on the third stratum level. View from the east.

Fig. 182. Minino I dwelling site, excavation trench 3. Master plan of the trench on the second stratum (−10 / −20 cm). For legend see figs. 175 and 183.

Fig. 183. Minino I dwelling site, excavation trench 3. The east section through the explored in 1999 parcel of the trench.

а — sod; *б* — homogeneous dark grey sand and clay mixture with a single stove stones (arable layer); *в* — dark grey (black) sand and clay mixture with a stove stones, charcoal and daub pieces; *г* — dark grey sand and clay mixture saturated with stove stones, charcoal and pieces of daub; *g* — dark grey sand and clay mixture with charcoal and ashes, single stove stones and pieces of daub; *е* — dark brown sand and clay mixture saturated with rotten organic; *ж* — grey sand and clay mixture with inclusion of a single pieces of charcoal (an ancient tillage); *з* — light grey-yellow sand and clay mixture with inclusions of a single pieces of charcoal; *и* — light orange-red, partially burned, clay loam with an occasional spots of charcoal; *к* — subsoil.

Fig. 184. Minino I dwelling site, excavation trench 3 of 2002 on the second stratum. View from the south-east.

Fig. 185. Minino I dwelling site, excavation trench 3 of 2002. Dismantling of the second stratum in progress. View from the east.

Fig. 186. Minino I dwelling site, excavation trench 4. Plan of the trench on the fourth stratum (−30 / −40 cm) and section of the north wall of the trench.

а — sod and the late horse-tillage; *б* — dark grey (black) sand and clay mixture saturated (especially in the lower part) with pieces of charcoal, grains of stove daub, stove stones (the dwelling layer of the structure 6 and the backfill of pits dug in the layer); *в* — ochre (red-brown here and there) weakly burned clay with admixture of a small-sized carbonate pebbles (the demolition layer of the cob construction in the structure 7); *г* — streak of ocher clay (the erection layer of the structure 7); *g* — dark grey-brown, growing lighter downward, sand and clay mixture with inclusions of a single pieces of charcoal, fragments of decayed wood and birch bark, stove stones, slag in the upper part (the lower Old-Russian cultural layer); *е* — light grey, growing lighter downward, sand and clay mixture (buried soil with artifacts dating from the Mesolithic to the Early Iron Age); *ж* — light yellow-grey sand and clay mixture with unsorted pebbles (carbonated, mainly) and boulders (shifted subsoil material); *з* — the 6th layer, saturated with pieces of charcoal and slag); *и* — discolored light grey sand and clay mixture; *к* — light grey sand and clay mixture with single small-sized pieces of charcoal (buried soil — tilled? — with artefacts dating from Mesolithic to Early Iron Age); *л* — subsoil. For the rest of legend, see fig. 175.

Fig. 187. Minino I dwelling site, excavation trench 4 on the second stratum. View from the north-east.

Fig. 188. Minino I dwelling site, excavation trench 4 on the subsoil level. View from the south-east.

Fig. 189. Minino I dwelling site, excavation trench 5. Plan of the trench on the third stratum (−20 / −30 cm) and section of the trench north wall.

а — sod; *б* — homogenous dark grey sand and clay mixture with a single stove stones (arable layer); *в* — dark grey sand and clay mixture saturated with stove stones, charcoal and pieces of daub; *г* — dark grey (black) sand and clay mixture saturated with charcoal, burned stove stones, burned stove stones, fragments of daub and ashes; *g* — grey-brown sand and clay mixture with charcoal, gravel, ashes and pieces of daub; *е* — dark brown rotten sand and clay mixture, saturated with charcoal and ashes in the upper part and single pieces of charcoal in the lower one; *ж* — grey-brown humidic sand and clay mixture, growing lighter downward; *з* — grey-yellow humidic sand and clay mixture; *и* — yellow weakly humidic sand and clay mixture with small-sized pebbles; *к* — yellow-grey firmed sand and clay mixture with spots of charcoal pieces, stove daub and limestone gravel; *л* — grey-brown humidic homogenous sand and clay mixture; *м* — brown-grey humidic homogenous sand and clay mixture; *н* — yellow sand and clay mixture with limestone crumbs; *о* — subsoil. For the rest of legend, see fig. 175.

Fig. 190. Minino I dwelling site, excavation trench 6. Plan of the trench on the third stratum and section of the trench north wall.

а — sod and grey-brown sand and clay mixture humidic in the upper part (alluvial deposits of the 19th— 20th cents.); *б* — dark grey sand and clay mixture with inclusions of stove stones, gravel, small-sized pieces of charcoal (Medieval Rus' cultural layer); *в* — suite of streaks of light grey sorted sand with inclusions of gravel and small-sized stones (shifted and sorted by alluvial processes cultural layer dating from the Mesolithic to the Middle Ages once bedded higher along the slope); *г* — dark grey (black) sand and clay mixture including stove stones, gravel, small-sized pieces of burned wood, stove daub fragments (cultural layer of the Medieval Rus' period in the upper part and of the Early Iron Age in the lower one); *g* — suite of grey-brown and grey-yellow clays and clay loams (alluvial deposits containing single artefacts of the developed Neolith); *е* — suite of grey-yellow clays and clay loams (alluvial deposits); *ж* — suite of light grey and white clay loams and sand and clay mixtures (alluvial deposits with a single Neolithic artefacts); *з* — light grey sorted sand and clay mixture saturated with small-sized pebbles, with angularly bedded lenses of dark brown rotten sand and clay mixture (sorted by alluvial processes cultural layer of the developed and early Neolithic, Mesolithic (?) periods); *и* — subsoil. For the rest of legend, see fig. 175.

Fig. 191. Minino VI dwelling site, excavation trench 1. Parcels 2 and 3 after dismantling of arable layer. View from the south-east.

Fig. 192. Minino VI dwelling site, excavation trench 1, parcel 4. Plan of the south part of the parcel and sections of the south and west walls.

а — sod; *б* — homogenous dark grey humidic sand and clay mixture (arable layer); *в* — grey shuffled sand and clay mixture with inclusions of subsoil sand; *г* — grey-brown shuffled sand and clay mixture with inclusions of subsoil sand; *д* — dark grey humidic sand and clay mixture with small-sized pieces of burned wood; *е* — dark grey humidic sand and clay mixture with small-sized stones and pieces of burned wood; *ж* — light yellow sand (shifted subsoil material); *з* — dark grey humidic sand and clay mixture; *и* — subsoil; *к* — brown-grey shuffled sand and clay mixture (ancient tillage horizon?). For the rest of legend, see fig. 175.

Fig. 193. Minino VI dwelling site, excavation trench 1, parcel 3. Medieval pits 24 and 29 after dismantling of the late tillage layer bulk. View from the north-east.

Fig. 194. Minino VI dwelling site, excavation trench 1, parcel 4. Pit 129, dating to the second half of the 12th — the 13th cent. View from the south-east.

Fig. 195. Vladyshnevo I dwelling site, excavation trench 1. Section of the east wall of the trench.

а — sod; *б* — homogenous dark grey humidic sand and clay mixture with a single stove stones (arable layer); *в* — dark grey (black) intensely humidic sand and clay mixture with stove stones and streaks of charcoal; *г* — grey-brown sand and clay mixture with single pieces of burned wood, growing lighter down the subsoil; *д* — subsoil.

Fig. 196. Minino II burial site. Grave 1.

Fig. 197. Minino II burial site. Grave 1. Detail.

Fig. 198. Minino II burial site. Finds from grave 1.

1 — zoomorphic pendant (N 6); *2* — zoomorphic pendant (N 7); *3* — temporal ring (N 43); *4* — circular pendant (N 24); *5* — temporal ring (N 56); *6* — belt buckle (N 8); *7* — finger-ring (N 9); *8* — fragment of a wheel-turned vessel (N 5); *9* — beads (N 15, 16, 26, 27, 60); *10* — bead (N 51); *11* — beads (N 1—4, 10—14, 17—23, 25, 28—35, 37—42, 44—48, 50, 55, 57, 59). *1—7, 10* — nonferrous metals; *8* — clay; *9* — amber; *11* — glass.

Fig. 199. Minino II burial site. Grave 4.

Fig. 200. Minino II burial site. Grave 4. Detail.

Fig. 201. Minino II burial site. Grave 4. Detail.

Fig. 202. Minino II burial site. Finds from grave 4.

1 — belt ring with long-beads (N 38); *2* — comb with case (N 35); *3* — temporal ring (N 19); *4* — temporal ring (N 20); *5* — spiral long-beads (N 44); *6* — zoomorphic pendant (N 45); *7* — spiral long-beads (N 21); *8* — denarius-pendant (N 22); *9* — denarius-pendant (N 24); *10* — finger-ring (N 13); *11* — belt ring (N 41); *12* — belt ring (N 42); *13* — spiral long-beads (N 37); *14* — belt ring (N 36); *15* — belt ring (N 43); *16* — knife in a sheathe and spiral long-beads with organic remnants (N 40). *1, 3—7, 10—13, 15, 16* — nonferrous metals; *2* — horn; *8, 9* — silver, *14, 16* — iron.

Fig. 203. Minino II burial site. Finds from grave 4 (continuation).

1 — beads (N 1—11, 14—16, 23, 25—33); *2* — sew-on mounts (N 12); *3* — fragment of hand-made vessel (N 46). *1* — glass; *2* — nonferrous metal; *3* — clay.

Fig. 204. Minino II burial site. Grave 3.

Fig. 205. Minino II burial site. Grave 3. Details.

Fig. 206. Minino II burial site. Finds from grave 3.

1 — spiral long-bead (N 67); *2* — temporal ring (N 81); *3* — temporal ring (N 82); *4* — spiral long-bead (N 73); *5* — spiral long-bead with organic remains (N 74); *6* — temporal ring (N 80); *7* — temporal ring (N 85); *8* — temporal ring (N 83); *9* — zoomorphic pendant (N 69); *10* — temporal ring (N 77); *11* — temporal ring (N 93); *12* — finger-ring (N 64); *13* — finger-ring (N 65); *14* — temporal rings (N 94); *15* — temporal ring (N 97); *16* — temporal ring (N 98); *17* — temporal ring (N 96); *18* — temporal ring (N 84); *19* — neck-ring (N 100); *20* — zoomorphic pendant (N 71); *21* — zoomorphic pendant (N 70); *22* — zoomorphic pendant (N 68); *23* — bracelet (N 76). *1—23* — nonferrous metals.

Fig. 207. Minino II burial site. Finds from grave 3 (continuation).

1 — beads (N 1—62, 78, 79, 86, 88, 92, 99, 101—119, 122, 123, 127); *2* — button (N 95); *3* — knife (N 66); *4* — fragment of a comb (N 72); *5* — cowrie shells (N 87, 90, 91, 117, 120, 121); *6* — hand-made vessel (N 63); *7* — chain and spiral long-bead (N 75). *1* — glass; *2* — glass, iron; *3* — iron; *4* — horn; *5* — shells; *6* — clay; *7* — nonferrous metal.

Fig. 208. Minino II burial site. Grave 5.

Fig. 209. Minino II burial site. Grave 5. Fragment of a bronze temporal ring.

Fig. 210. Minino II burial site. Grave 6.

Fig. 211. Minino II burial site. Grave 7.

Fig. 212. Minino II burial site. Grave 8.

Fig. 213. Minino II burial site. Graves 9, 10.

Fig. 214. Minino II burial site. Finds from grave 9.

1 — belt mounts (N 45); *2* — finger-ring (N 43); *3* — finger-ring (N 44); *4* — ring (N 47); *5* — spiral long-beads (N 42); *6* — axe with a wedge (N 41); *7* — ring (N 49); *8* — ring (N 46); *9* — knife with remains of a handle (N 48). *1—3, 5* — nonferrous metals; *4, 6—8* — iron; *9* — iron, wood.

Fig. 215. Minino II burial site. Finds from grave 9.

1—21 — beads (N 4, 6—11, 13—14, 16, 17, 26, 30—33, 29, 34, 28, 27, 35); *22* — collar (N 5); *23* — lunate pendant (N 12); *24—30* — temporal rings (N 18—22, 25, 24); *31* — spiral long-beads (N 37); *32* — zoomorphic pendant (N 40); *33* — temporal ring (N 23); *34* — knife (N 38); belt ring (N 39); comb (N 36). *1—21* — glass; *22* — textile, birch bark; *23—33* — nonferrous metals; *34, 35* — iron; *36* — horn.

Fig. 216. Minino II burial site. Grave 13.

а — stone; *б* — artefact; *в* — bone; *г* — charcoal. For legend, see fig. 217.

Fig. 217. Minino II burial site layers notation conventions.

Fig. 218. Minino II burial site. Bronze finger-ring from grave 13.

Fig. 219. Minino II burial site. Grave 14.

Fig. 220. Minino II burial site. Grave 15.

Fig. 221. Minino II burial site. Finds from grave 15.

1 — buckle (N 2); *2* — belt ring (N 1); *3* — belt ring (N 11); *4* — fire-steel (N 10); *5* — fire-steel flint (N 4); *6* — pieces of a little belt bag (N 3, 5); *7* — tinder-pipe (N 8); *8* — whetstone (N 9); *9* — knife (N 7). *1—3, 6—7* — nonferrous metals; *4, 9* — iron; *5* — flint; *8* — slate.

Fig. 222. Minino II burial site. Accumulations of burnt bones N 1 and N 2.

а — bone; *б* — individual find; *в* — burned bone; *г* — charcoal. For legend, see fig. 217.

Fig. 223. Minino II burial site. Accumulations of burnt bones N 3—6.

а — slag; *б* — individual find; *в* — burned bone; *г* — charcoal; *д* — stone; *е* — bone. For legend, see fig. 217.

Fig. 224. Minino II burial site. Excavation trench 2. Pit 3. Pit 11. Grave 11.

а — slag; *б* — individual find; *в* — burned bone; *г* — charcoal; *д* — stone, *е* — bone. For legend, see fig. 217.

Fig. 225. Minino II burial site. Grave 16.

а — stone; *б* — individual find; *в* — burned bone; *г* — charcoal. For legend, see fig. 217.

Fig. 226. Minino II burial site. Finds from grave 16.

1 — fibula (N 8); *2* — fragments of a comb and a case (N 15); *3* — beads (N 1—7, 9—14, 16—32).

Fig. 227. Minino II burial site. Grave 17.

Fig. 228. Minino II burial site. Grave 17. Detail.

Fig. 229. Minino II burial site. Grave 17. Detail.

Fig. 230. Minino II burial site. Finds from grave 17 and from backfill of the burial pit

1 — bracelet (N 11); *2* — denarius-pendant (N 2); *3* — denarius-pendant (N 12); *4* — lunate pendant (N 16); *5* — temporal ring (N 5); *6* — bracelet (N 7); *7* — temporal ring (N 19); *8* — beads (N 4); *9* — cuttings of a plate (N 1); *10* — beads (N 4, 6). *1, 4–6, 8, 9* — nonferrous metals; *2, 3, 7* — silver; *10* — glass.

Fig. 231. Minino II burial site. Finds from grave 17 (continuation).

1 — brooch (N 3); *2* — comb with a case (N 9); *3* — knife (N 11); *4* — finger-ring (N 10); *5* — diadem (N 15); *6* — hand-made vessel (N 18); *7* — hand-made vessel (N 17); *8* — neck-ring (N 13); *9* — temporal ring (N 14). *1, 4, 5, 8* — nonferrous metals; *2* — horn; *3* — iron; *6, 7* — clay; *9* — silver.

Fig. 232. Minino II burial site. Grave 18.

Fig. 233. Minino II burial site. Finds from grave 18.

1 — temporal ring (N 7); *2* — temporal ring (N 6); *3* — temporal ring (N 8); *4* — neck-ring (N 9). *1–4* — nonferrous metals.

Fig. 234. Minino II burial site. Finds from grave 18 (continuation).

1 — blade (N 1); *2* — comb with a case (N 5); *3* — temporal ring (N 10); *4* — knife with remains of a handle (N 4); *5* — brooch (N 2); *6* — beads (N 3). *1* — flint; *2* — horn; *3, 5* — nonferrous metal; *4* — iron, wood; *6* — glass.

Fig. 235. Minino II burial site. Grave 19.

Fig. 236. Minino II burial site. Finds from grave 19.

1 — finger-ring (N 8); *2* — comb with a case (N 5); *3* — knife with remains of a handle (N 6); *4* — temporal ring (N 2); *5* — temporal ring (N 1); *6* — temporal ring (N 4); *7* — made-by-hand vessel (N 7); *8* — beads (N 3). *1, 4–6* — silver; *2* — horn; *3* — iron, wood; *7* — clay; *8* — glass.

Fig. 237. Minino II burial site. Graves 20, 21.

Fig. 238. Minino II burial site. Graves 20, 21. Detail.

Fig. 239. Minino II burial site. Finds from grave 20.

1 — zoomorphic pendant (N 1); *2* — boss-shaped pendant (N 2); *3* — bell-pendant (N 6); *4* — bell-pendant (N 5); *5* — bell-pendant (N 3); *6* — bead (N 9); *7* — case for a comb (N 8); *8* — knife (N 4); *9* — knife with remains of a handle (N 7). *1–5* — nonferrous metals; *6* — glass; *7* — horn; *8* — iron; *9* — iron, wood.

Fig. 240. Minino II burial site. Finds from grave 21.

1 — boss-shaped pendant (N 2); *2* — the lug of a pendant (N 10); *3* — fibula (N 9); *4* — temporal ring (N 8); *5* — temporal ring (N 6); *6* — temporal ring (N 4); *7* — temporal ring (N 7); *8* — belt buckle with remains of textile (N 3); *9* — blade (N 1). *1–7* — nonferrous metals; *8* — iron; *9* — flint.

Fig. 241. Minino II burial site. Grave 22.

Fig. 242. Minino II burial site. Grave 23.

Fig. 243. Minino II burial site. Glass beads from grave 23.

Fig. 244. Minino II burial site. Grave 24.

Fig. 245. Minino II burial site. Grave 25.

Fig. 246. Minino II burial site. Finds from grave 25.

1 — cross-pendant (N 1); *2* — bell-pendant (N 2); *3* — bell-shaped long-bead (N 4); *4* — zoomorphic pendant (N 3); *5* — beads (N 5). *1–3* — nonferrous metals; *4* — mineral; *5* — glass.

Fig. 247. Minino II burial site. Grave 26.

Fig. 248. Minino II burial site. Finds from grave 26 and from the backfill of the burial pit.

1 — belt mount (N 1); *2* — belt mount (N 2); *3* — belt mount (N 4); *4* — finger-ring (N 6); *5* — temporal ring (N 3); *6* — knife (N 7); *7* — fragment of a temporal ring (N 12); *8* — zoomorphic pendant (N 5); *9* — temporal rings (N 10); *10* — finger-ring (N 8); *11* — finger-ring (N 9); *12* — temporal rings (N 11). *1–5, 7–12* — nonferrous metals; *6* — iron.

Fig. 249. Minino II burial site. Graves 27, 28.

Fig. 250. Minino II burial site. Finds from graves 27, 28.

1–6 — temporal rings (N 12); *7–11, 13–15* — temporal rings (N 1); *12* — finger-ring (N 3); *16* — fibula (N 7); *17* — pendant (N 4); *18* — needle (N 9); *19* — beads (N 5); *20* — nail (N 20); *21* — belt ring (N 2); *22* — knife with remains of a handle (N 6); *23* — knife with remains of a handle (N 10). *1–17, 21* — nonferrous metals; *18, 20* — iron; *19* — glass; *22, 23* — iron, wood.

Fig. 251. Minino II burial site. Grave 29.

Fig. 252. Minino II burial site. Finds from grave 29 and from the backfill of the burial pit.

1 — knife (N 7); *2* — lunate pendant (N 3); *3* — lunate pendant (N 8); *4* — lunate pendant (N 11); *5* — temporal ring (N 12); *6* — brooch (N 1); *7* — beads (N 9); *8* — fragment of a nail (N 4); *9* — temporal ring (N 10); *10* — needle (N 6); *11* — needle (N 5); *12* — blade (N 2). *1* — iron, wood; *2–5, 9* — nonferrous metals; *6, 8, 10, 11* — iron; *7* — glass; *12* — flint.

Fig. 253. Minino II burial site. Excavation trench 3. Graves 30, 31, 34.

а — burned bone; *б* — artefact; *в* — stone; *г* — charcoal; *g* — bone. For legend, see fig. 217.

Fig. 254. Minino II burial site. Graves 30, 31.

Fig. 255. Minino II burial site. Finds from pit 1 (excavation trench 3).

1 — buckle (N 4); *2* — knife (N 7); *3* — wallet edgings (N 6); *4* — belt spacer (N 14); *5* — wedge from a knife (N 12); *6* — wedge (N 17); *7* — awl (N 24); *8* — strip (N 22); *9* — finger-ring (N 23); *10* — fragment of a comb (N 38); *11* — fragments of a knife winding (N 11); *12* — fragments of a plate with remains of wood; *13* — fragment of a comb (N 2); *14* — bead (N 3); *15* — bead (N 5); *16* — fragment of a comb (N 8); *17* — fragment of a comb (N 40); *18* — tinder-pipe (N 9). *1, 3, 4, 9, 11* — nonferrous metals; *2, 5–8, 12, 18* — iron; *10, 13, 16, 17* — horn; *14, 15* — glass.

Fig. 256. Minino II burial site. Excavation trench 3. Pit 24. Grave 35.

а — burned bone; *б* — artefact; *в* — animal bone; *г* — human bone; *g* — fragment of a hand-made vessel. For legend, see fig. 217.

Fig. 257. Minino II burial site. Finds from grave 35.

1 — knife (N 36); *2* — fire-steel (N 44); *3* — rivet (N 9); *4* — smelted jewel (N 43); *5* — applique (N 20). *1, 2* — iron; *3–5* — nonferrous metals.

Fig. 258. Minino II burial site. Graves 44, 45.

Fig. 259. Minino II burial site. Grave 45. Detail.

Fig. 260. Minino II burial site. Finds from graves 44, 45.

1 — icon-pendant (N 6); *2* — lunate pendant (N 10); *3* — fragment of an edging (N 1); *4* — fang-pendant (N 11); *5* — needle (N 8); *6* — buckle (N 7); *7* — temporal ring (N 2); *8* — temporal ring (N 4); *9* — temporal rings (N 9); *10* — temporal ring (N 3); *11* — beads (N 5); *12* — bead (N 12); *13* — bead (N 13). *1–3, 7–10* — nonferrous metals; *4* — animal tooth; *5, 6* — iron; *11–13* — glass.

Fig. 261. Minino II burial site. Grave 36.

Fig. 262. Minino II burial site. Finds from grave 36.

1 — knife (N 2); *2* — fragment of a nail (N 4); *3* — axe (N 3). All of iron.

Fig. 263. Minino II burial site. Grave 37.

Fig. 264. Minino II burial site. Finds from grave 37.

1 — fire-steel (N 4); *2* — wheel-turned vessel (N 1); *3* — tinder-pipe (N 2); *4* — appliqué (N 3).

Fig. 265. Minino II burial site. Grave 38.

Fig. 266. Minino II burial site. Finds from grave 38.

1 — knife with remains of a handle (N 4); *2* — comb (N 2); *3* — axe (N 3); *4* — wheel-turned vessel (N 5). *1* — iron, horn; *2* — horn; *3* — iron; *4* — clay.

Fig. 267. Minino II burial site. Grave 39.

Fig. 268. Minino II burial site. Grave 40.

Fig. 269. Minino II burial site. Grave 40. Detail.

Fig. 270. Minino II burial site. Finds from grave 40.

1 — beads (N 1); *2* — finger-ring (N 8); *3* — spindle whorl (N 6); *4* — temporal ring (N 3); *5* — temporal ring (N 12); *6* — temporal ring (N 11); *7* — temporal ring (N 2); *8* — temporal ring (N 13); *9* — temporal ring (N 14); *10* — zoomorphic pendant (N 9); *11* — buckle (N 4); *12* — zoomorphic pendant (N 5); *13* — purse (N 10); *14* — knife with remains of a handle (N 7). *1* — glass; *2, 4, 6—10, 12* — nonferrous metals; *3* — whetstone; *5* — nonferrous metals, fossil; *11, 14* — iron; *13* — leather.

Fig. 271. Minino II burial site. Graves 41, 42, 43, 58. The first level of skeletal remains.

Fig. 272. Minino II burial site. Graves 41, 42, 43, 58. The second level of skeletal remains.

Fig. 273. Minino II burial site. Graves 41, 42, 43, 58. The third level of skeletal remains.

Fig. 274. Minino II burial site. Finds from graves 41, 42, 43, 58.

1 — temporal ring (N 1); *2* — temporal ring (N 4). *1—2* — nonferrous metal.

Fig. 275. Minino II burial site. Graves 46, 55.

Fig. 276. Minino II burial site. Finds from grave 46.

1 — finger-ring (N 1); *2* — knife (N 2). *1* — nonferrous metal; *2* — iron.

Fig. 277. Minino II burial site. Grave 47.

Fig. 278. Minino II burial site. Finds from grave 47.

1 — lunate pendant (N 1); *2* — fragment of a fire-steel (N 3); *3* — bead (N 2). *1* — nonferrous metal; *2* — iron; *3* — glass.

Fig. 279. Minino II burial site. Excavation trench 3. Pit 23. Grave 50.

а — burned bone; *б* — artefact; *в* — charcoal; *г* — partially burned wood. For legend, see fig. 217.

Fig. 280. Minino II burial site. Finds from grave 50.

1 — bead (N 3); *2* — bead (N 4); *3* — bead (N 5); *4* — bead (N 7); *5* — bead (N 8); *6* — bead (N 10); *7* — bead (N 11); *8* — bead (N 13); *9* — bead (N 14); *10* — bead (N 16); *11* — bead (N 17); *12* — bead (N 18); *13* — bead (N 19); *14* — bead (N 21); *15* — bead (N 22); *16* — bead (N 23); *17* — bead (N 25); *18* — bead (N 28); *19* — bead (N 29); *20* — bead (N 30); *21* — bead (N 31); *22* — bead (N 34); *23* — bead (N 33); *24* — bead (N 32); *25* — bead (N 38); *26* — conglomeration of beads (N 26); *27* — bead (N 39); *28* — bead (N 40); *29* — bead (N 45); *30* — bead (N 35); *31* — bead (N 58); *32* — bead (N 55); *33* — bead (N 57); *34* — conglomeration of beads (N 81); *35* — bead (N 56); *36* — bead (N 75); *37* — bead (N 66); *38* — bead (N 76); *39* — bead (N 73); *40* — bead (N 74); *41* — fragments of zoomorphic pendant (N 6, 80); *42* — claws-shaped pendant (N 59); *43* — applique (N 77); *44* — claws-shaped pendant (N 79); *45* — fragment of a jewel (N 12); *46* — fragment of wire (N 54); *47* — swishing pendant (N 52); *48* — arrow (N 64). *1—40* — glass; *41—47* — nonferrous metals; *48* — iron.

Fig. 281. Minino II burial site. Finds from grave 50 (continuation).

1 — fragment of blunt-tipped arrowhead (№ 82); *2* — fragments of two combs (№ 15); *3* — fragments of cauri shell (№ 27). *1, 2* — horn; *3* — shell.

Fig. 282. Minino II burial site. Graves 48, 49.

Fig. 283. Minino II burial site. Graves 48, 49. Detail.

Fig. 284. Minino II burial site. Graves 48, 49. Detail.

Fig. 285. Minino II burial site. Finds from graves 48, 49.

1 — knife (N 8); *2* — knife with remains of a handle (N 10); *3—7, 9, 10* — temporal rings (N 4); *8* — shank of a knife (N 2); *11—13, 15, 16* — temporal rings (N 13); *14* — finger-ring (N 12); *17* — icon-pendant (N 3); *18* — zoomorphic pendant (N 11); *19* — axe (N 1); *20* — comb (N 9); *21* — beads (N 5). *1, 8, 19* — iron; *2* — iron, wood; *3—7, 9—18* — nonferrous metals; *20* — horn; *21* — glass.

Fig. 286. Minino II burial site. Grave 51.

Fig. 287. Minino II burial site. Excavation trench 3. Pit 31. Grave 52. The first level of clearing.

Fig. 288. Minino II burial site. Excavation trench 3. Pit 31. Grave 52. The second level of clearing.

Fig. 289. Minino II burial site. Finds from grave 52.

1 — Hand-made vessel (N 8); *2* — hand-made vessel (N 9); *3* — hand-made vessel (N 7); *4* — bead (N 2); *5* — bead (N 3); *6* — bell-pendant (N 4); *7* — fragment of a temporal ring (?) (N 5); *8* — bead (N 6); *9* — bead (N 1). *1—3* — clay; *4, 5, 8, 9* — glass; *6, 7* — nonferrous metals.

Fig. 290. Minino II burial site. Excavation trench 3. Pit 30. Grave 53.

а — burned bone; *б* — artefact; *в* — charcoal; *г* — fragment of hand-made vessel. For legend, see fig. 217.

Fig. 291. Minino II burial site. Finds from grave 53.

1—57, 59—67 — beads; *58* — smelted object. *1—57, 59—67* — glass; *58* — nonferrous metal.

Fig. 292. Minino II burial site. Grave 54.

Fig. 293. Minino II burial site. Bronze pendant from grave 53.

Fig. 294. Minino II burial site. Grave 56.

Fig. 295. Minino II burial site. Finds from grave 56 and from backfill of the burial pit.

1 — zoomorphic pendant (N 5); *2* — fragments of a pendant (N 3); *3* — zoomorphic pendant (N 6); *4* — needle (N 4); *5* — pendant (N 21); *6* — belt mount (N 1); *7* — temporal ring (N 34); *8* — temporal ring (N 22); *9* — bead (N 10); *10* — bead (N 11); *11* — bead (N 12); *12* — bead (N 13); *13* — bead (N 14); *14* — bead (N 15); *15* — bead (N 16); *16* — bead (N 9); *17* — bead (N 30); *18* — bead (N 19); *19* — bead (N 35); *20* — bead (N 8); *21* — bead (N 27); *22* — bead (N 31); *23* — bead (N 27); *24* — bead (N 27); *25* — bead (N 25); *26* — bead (N 27); *27* — bead (N 27); *28* — bead (N 27); *29* — bead (N 36); *30* — bead (N 17); *31* — bead (N 18); *32* — bead (N 26); *33* — knife with remains of a handle (N 7); *34* — bead (N 24); *35* — fragments of a collar embroidered with golden threads (N 32); *36* — fragment of worked bone (N 39). *1—3, 5—8, 10, 34* — nonferrous metals; *4* — iron; *9, 12—32* — glass; *33* — iron, wood; *35* — textile, birch bark; *36* — bone.

Fig. 296. Minino II burial site. Grave 57.

Fig. 297. Minino II burial site. Finds from grave 57.

1 — icon-pendant (N 2); *2* — beads (N 1). *1* — nonferrous metal; *2* — glass.

Fig. 298. Minino II burial site. Graves 59/I, 59/II, 63.

Fig. 299. Minino II burial site. Finds from graves 59/I, 59/II, 62.

1 — finger-ring (N 13); *2* — finger-ring (N 1); *3* — tubular long-bead (N 3); *4* — plate (N 8); *5* — bead (N 2); *6* — bead (N 5); *7* — bead (N 7); *8* — fragment of a lunate pendant (N 6); *9* — bead (N 11); *10* — zoomorphic pendant (N 4); *11* — javelin-head (N 12); *12* — wheel-turned vessel (N 14). *1—3, 8, 10* — nonferrous metals; *4, 11* — iron; *5—7, 9* — glass; *12* — clay.

Fig. 300. Minino II burial site. Graves 60, 61.

Fig. 301. Minino II burial site. Graves 60, 61. Detail.

Fig. 302. Minino II burial site. Finds from graves 60, 61.

1 — finger-ring (N 33); *2* — finger-ring (N 16); *3* — belt mount (N 49); *4* — belt mount (N 50); *5* — belt mount (N 27); *6* — belt mount (N 29); *7* — belt mount (N 30); *8* — belt mount (N 31); *9* — belt mount (N 46); *10* — belt mount (N 48); *11* — belt mount (N 10); *12* — belt mount (N 46); *13* — belt mount (N 47); *14* — belt mount (N 51); *15* — belt mount (N 32); *16* — belt mount (N 8); *17* — belt mount (N 9); *18* — belt ring (N 12); *19* — belt buckle (N 13); *20* — strapend (N 23); *21* — strapend (N 43); *22* — belt mount (N 28); *23* — strapend (N 34); *24* — strapend (N 36); *25* — belt mount (N 11); *26* — belt mount (N 37); *27* — belt mount (N 38); *28* — belt mount (N 29); *29* — belt mount (N 35); *30* — belt mount (N 36); *31* — belt mount (N 7); *32* — belt mount (N 42); *33* — belt mount (N 6); *34* — neck-ring (N 20); *35* — bead (N 24); *36* — bead (N 40); *37* — bead (N 41); *38* — bead

(N 2); *39* — bead (N 3); *40* — bell-shaped long-bead (N 4); *41* — finger-ring (N 39); *42* — fire-steel (N 25). *1—33, 40* — nonferrous metals; *34, 42* — iron; *35—39* — glass; *41* — silver.

Fig. 303. Minino II burial site. Finds from graves 60, 61 (continuation).

1 — temporal ring (N 19); *2* — hand-made vessel (N 1); *3* — fragment of a knife (N 22); *4* — whetstone (N 44); *5* — whetstone (N 17); *6* — fire-steel (N 21); *7* — comb with a case (N 26); *8* — knife (N 15); *9* — knife (N 18). *1* — nonferrous metal; *2* — clay; *3, 6, 8, 9* — iron; *4, 5* — stone; *7* — horn.

Fig. 304. Minino II burial site. Grave 63.

Fig. 305. Minino II burial site. Bronze cross-pendant from grave 63.

Fig. 306. Minino II burial site. Grave 64.

Fig. 307. Minino II burial site. Grave 65.

Fig. 308. Minino II burial site. Finds from grave 65.

1 — smelted pieces of jewelry (N 4); *2* — smelted piece of jewel (N 8); *3* — spiral long-bead (N 12); *4* — spiral long-bead (N 3); *5* — spiral long-bead (N 6); *6* — spiral long-bead (N 5); *7* — smelted piece of jewel (N 11); *8* — smelted piece of jewel (N 10); *9* — wire (N 9); *10* — fragments of a comb (N 1); *11* — plate fused with a piece of a jewel (N 7). *1—9* — nonferrous metals; *10* — horn; *11* — iron, nonferrous metal.

Fig. 309. Minino II burial site. Pit 70. Grave 66.

Fig. 310. Minino II burial site. Finds from grave 66

1 — belt mount (N 36); *2* — belt mount (N 13); *3* — belt mount (N 21); *4* — belt mount (N 34); *5* — belt mount (N 25); *6* — bell-pendant (N 24); *7* — smelted piece of a bronze jewel (N 14); *8* — smelted piece of a bronze jewel (N 5); *9* — bell-pendant (N 6); *10* — spiral long-bead (N 2); *11* — spiral long-bead (N 31); *12* — spiral long-bead (N 37); *13* — spiral long-bead (N 43); *14* — clip (N 19); *15* — temporal ring (N 30); *16* — fragment of a temporal ring (N 9); *17* — clip (N 20); *18* — beads (N 7, 11, 17, 28, 35, 1, 33, 22, 8, 3, 27, 10, 15, 4, 23, 16, 26, 12); *19* — clip (N 18); *20* — fragments of a comb (N 38); *21* — arrow-head (N 42); *22* — knife (N 40); *23* — arrow-head (N 32). *1—17, 19* — nonferrous metals; *18* — glass; *20, 23* — horn; *21, 22* — iron.

Fig. 311. Minino II burial site. Graves 67, 68.

Fig. 312. Minino II burial site. Hand-made vessel from grave 68.

Fig. 313. Minino II burial site. Grave 69.

а — burned bone; *б* — artefact; *в* — charcoal; *г* — stone; *g* — hand-made pottery; *е* — bone. For legend, see fig. 217.

Fig. 314. Minino II burial site. Grave 73.

Fig. 315. Minino II burial site. Finds from grave 69.

1 — bell-pendant (N 24); *2* — fragment of a jewel (N 20); *3* — bell-pendant (N 12); *4* — fragment of a swishing jewel (N 26); *5* — smelted piece of a bronze jewel (N 5); *6* — smelted piece of a bronze jewel (N 8); *7* — smelted piece of a bronze jewel (N 10); *8* — ring (N 19); *9* — temporal ring (N 25); *10* — bead (N 14); *11* — bead (N 18); *12* — bead (N 15); *13* — bead (N 4); *14* — bead (N 6); *15* — bead (N 5); *16* — bead (N 16); *17* — bead (N 13); *18* — bead (N 2); *19* — bead (N 1); *20* — bead (N 3); *21* — fragments of a comb (N 11); *22* — fragment of an awl (?) (N 9); *23* — hand-made vessel (N 21); *24* — hand-made vessel (N 28). *1—9* — nonferrous metals; *10—20* — glass; *21* — horn; *22* — iron; *23, 24* — clay.

Fig. 316. Minino II burial site. Finds from grave 73.

1 — knife (N 27); *2* — arrow-head (N 22); *3* — hand-made vessel (N 23). *1, 2* — iron; *3* — clay.

Fig. 317. Minino II burial site. Pit 54. Grave 70.

а — burned bone; *б* — artefact; *в* — charcoal; *г* — stone; *g* — fragment of partially burned wood. For legend, see fig. 217.

Fig. 318. Minino II burial site. Finds from grave 70.

1 — nail (N 27); *2* — fragment of a mount (N 29); *3* — bell-shaped long-bead (N 34); *4* — fragment of a comb (N 39); *5* — bloom (N 38). *1, 5* — iron; *2, 3* — nonferrous metal; *4* — horn.

Fig. 319. Minino II burial site. Pit 60. Grave 72. The first level of disclosing.

а — stone; *б* — artefact; *в* — burned bone; *г* — charcoal; *g* — fragment of hand-made pottery; *е* — human bone; *ж* — animal bone; *з* — fragment of partially burned wood. For legend, see fig. 217.

Fig. 320. Minino II burial site. Pit 60. Grave 72. The second level of disclosing.

а — burned bone; *б* — artefact; *в* — charcoal; *г* — stone; *g* — fragment of hand-made pottery. For legend, see fig. 217.

Fig. 321. Minino II burial site. Finds from grave 72.

1 — bell-pendant (N 21); *2* — bell-pendant (N 23); *3* — bell-pendant (N 24); *4* — bell-pendant (N 7); *5* — fragment of a bell-pendant (N 27); *6* — fragment of a plate (N 10); *7* — bell-pendant (N 20); *8* — bell-pendant (N 22); *9* — bell-shaped long-bead (N 6); *10* — plate (N 12); *11* — fragment of a comb (N 5); *12* — shank (N 8); *13* — wedge (N 16); *14* — shank with remains of a handle (N 19); *15* — bits (N 13); *16* — bead (N 37); *17* — bead (N 34); *18* — bead (N 1); *19* — bead (N 2); *20* — bead (N 38); *21* — fragment of a plate (N 11); *22* — fragments of a comb (N 3); *23* — fragment of a bead (N 9); *24* — hand-made vessel (N 39); *25* — hand-made vessel (N 40). *1—10* — nonferrous metals; *11* — horn; *12, 13, 15* — iron; *14* — iron, wood; *16—20, 23* — glass; *21, 22* — bone; *24, 25* — clay.

Fig. 322. Minino II burial site. Excavation trench 3. Pit 57.

а — stone; *б* — charcoal; *в* — animal bone. For legend, see fig. 217.

Fig. 323. Minino II burial site. Excavation trench 3. Pit 66.

а — stone; *б* — sand. For legend, see fig. 217.

Fig. 324. Minino II burial site. Excavation trench 3. Pit 67.

а — stone; *б* — artefact; *в* — fragment of hand-made vessel. For legend, see fig. 217.

Fig. 325. Minino II burial site. Finds from grave 74.

1 — fragment of a comb (N 1); *2* — fragment of a comb (N 5); *3* — fragment of a comb (N 7); *4* — fragment of a comb (N 4); *5* — fragment of a comb (N 3); *6* — fragment of a comb (N 13); *7* — fragment of a comb (N 16); *8* — fragment of a comb (N 15); *9* — bead (N 2); *10* — arrow-head (N 12); *11* — fragment of a comb (N 11); *12* — whetstone (N 8); *13* — fire-steel (N 14); *14* — tinder-pipe (N 10); *15* — blunt-tipped arrowhead (N 6). *1—8, 11* — horn; *9, 14* — nonferrous metal; *10, 15* — bone; *12* — slate; *13* — iron.

Fig. 326. Minino II burial site. Grave 75.

Fig. 327. Minino II burial site. Excavation trench 3. Pit 71.

а — charcoal; *б* — artefact; *в* — burned bone; *г* — stone; *g* — fragment of hand-made vessel. For legend, see fig. 217.

Summary

Introduction

An archaeological survey of rural Rus', 900–1300

Rural Rus' as an archaeological problem

Important new insights are emerging into the interaction between the general development of medieval society and culture, on the one hand, and the introduction of specific patterns of settlement and cultural landscape, exploitation of natural resources and agricultural models, on the other. Medieval Rus' is no exception: a process not only of emerging urban centres, but also a parallel formation of a specifically rural life-style. The largest category of Rus' archaeological sites dating to around 1000 is that of unfortified settlements: thousands are scattered throughout the vast territory of the east European plain, from the forest-steppe zone of the Middle Dnieper to the taiga strip in the Lake Ladoga region and the Northern Dvina basins. The very abundance of such sites is compelling evidence of the agrarian nature of medieval Russian society: the overwhelming majority of people lived in villages, their lives sustained by farming.

"Rus' rural archaeology" is not exactly a new trend in medieval studies. Its development has been a lengthy process involving such key stages as the investigation of medieval Russian barrows (which were interpreted as rural burial grounds), the first excavations of medieval fortified settlements, and large-scale surveys of rural hinterlands together with the parallel compilation of archaeological maps of rural settlement structures. In recent decades archaeology has entered an interdisciplinary phase, combining archaeological investigation methods with those borrowed from the natural sciences, and giving us the chance to reconstruct the actual appearance of medieval rural landscapes.

Trial excavation trenches were first dug at medieval Rus' rural settlements in the mid-nineteenth century, although the first serious results were only obtained in the late 1950s and early 1960s from fieldwork carried out in Central Russia under the aegis of the State Historical Museum (M.V. Fekhner and A.V. Uspenskaia) and the Institute of Archaeology (V.V. Sedov). These archaeological expeditions were the first to expose significant surface-areas at a number of settlements, enabling us to gain an idea of the actual appearance of rural sites as an archaeological category. However, until recently the source-value of such rural settlements was considered low, as they produced relatively limited number of finds and their cultural deposits were thin and had been disturbed.

Of particular significance were the works investigating the internal structure and dynamics of rural settlements in the Dnieper basin (around Smolensk), which were started in the 1950s by V. V. Sedov and resumed from the 1970s – 1990s by a number of different specialists. Their approach was based on the routine archaeological procedure of exposing, surveying and mapping the dwelling sites and identifying the various chronological strata. However, techniques gradually improved, with increasingly sophisticated excavation methods and more comprehensive processes for collecting field-survey finds paralleling more accurate ways of determining location and topography, enabling a much more precise and reliable chronology of the settlements to be established. In the 1980s another new trend in "Rus' rural archaeology" emerged, related to the complex palaeoecological investigation of medieval landscapes which combined archaeological and the natural sciences' methods. The excavation of rural settlements in central and northern European Russia expanded in the 1970s and 1980s, aimed at profiling the ethno-cultural characteristics of the different Rus' regions and reconstructing the physical appearance of individual medieval sites. The study of medieval villages in southern Rus' (present-day Ukraine) developed somewhat differently. Fieldwork on rural settlements there focused on mapping the whole area and reconstructing the medieval settlement pattern, as well as the extensive excavations of open settlements in the Dnieper and the Desna basins.

The excavation of rural settlements in the central and northern regions of medieval Rus'

We shall consider some sixty-six rural sites in central and northern European Russia, altogether an excavated area of over 80 square metres. These sites date from the tenth to the first half of the thirteenth centuries and contain substantial finds. However, we are excluding the unfortified outskirts of hillforts, medieval settlements built on sites once occupied by Iron Age settlements, and multi-layered dwelling sites where it is practically impossible to distinguish pre-Mongol artefacts from those of an earlier or later period. The sixty-six sites therefore form only a small part of the total number of excavated settlements in central and northern medieval Rus'.

Most of the excavation trenches in the sixty-six rural settlements under consideration covered 500 square metres or less. At ten sites, the excavated area ranged between 500 and 1,000 square metres and at a further seven, it exceeded 1,000 square metres. The largest area (about 5,000 square metres) was excavated at Vvedenskoe near Yaroslavl.

The excavations have shown that – despite numerous individual and regional differences – all rural settlements in northern Rus' as a whole are characterised by thin strata of cultural deposits (30–40 cm) which have been disturbed by ploughing. Long-term ploughing makes both reconstruction of the general settlement plans and stratigraphic differentiation of the cultural deposits at many sites difficult or almost impossible, especially those where the remains of dwellings barely survive. The lay-out of the site often remains unclear and even excavation of a sizeable area does not guarantee that one will find significant data. In such a situation, the entire collection of material finds gains special importance, for it often turns out to be the only 'output' of the excavations.

Find collection data from forty-nine of the rural settlements gives us a clear picture of both the concentration of artefacts and the types of material found. Six collections contain fewer than 20 objects; the number of finds ranges from 20 to 200 items in a further twenty-three collections; eleven collections comprise between 200 and 500 objects; and 5 collections yield between 500 and 1,000 finds. Four collections contain over 1,000 objects apiece, the largest number of artefacts being recovered during excavations at the settlements of Minino I near Lake Kubenskoe (over 5,150 artefacts) and Vvedenskoe near Yaroslavl (more than 2,360 artefacts) (see Fig. 2). The concentration of finds at the majority of settlements is between 0.25 to 1 object per square metre of the area excavated. At six settlements this index ranges from 1 to 2 objects per square metre, and at four sites it exceeds 2 objects per square metre. The variance in the proportion of finds per square metre between collections is not necessarily an indicator of the actual concentration of medieval objects in the cultural deposit. Other factors must be taken into consideration, including the care taken during excavation of the cultural deposit and the principles used when selecting objects for keeping in a collection; the largest collections come from sites where the gathering of small objects was prioritised.

Nevertheless, the collections' general composition shows that the cultural deposits of pre-Mongol rural settlements in northern and central Rus' are rich in medieval artefacts. The collections available are representative enough to allow us to characterise the material culture of those sites: they contain considerable numbers of everyday objects characteristic of medieval Rus' culture, such as knives, slate spindle-whorls, glass bracelets and beads, ornaments made of precious metals and pendant crosses. However, one of the most important outcomes of the northern Rus' excavations is the light it casts on new settlement formations and the farming landscape across the vast territories of the east European forest zone in the tenth to early-thirteenth century. This in turn raises questions about the drivers of demographic and economic growth in medieval rural Rus', and the social, economic and cultural processes which contributed to such rapid change. It would appear that towards the end of the first millennium AD, particular social and economic conditions gave a new impetus to rural development, and a detailed investigation of various micro-regions may hold the key to the processes involved.

The Minino project in context

The Minino project was planned as an in-depth investigation of the colonisation of a rural micro-region in the northern Rus' periphery, aiming to reveal the growth mechanisms and cultural transformations involved. We decided on pilot excavations of a medieval open settlement in the north – or of a local group of such sites – in the mid-1990s, once fieldwork of settlement patterns in the Lake Beloe basin was complete. This latter project included a wide-scale survey of the central part of the area and a detailed mapping of the dwelling sites, but did not include excavations. The next step in the investigation of the northern rural territories would be stationary excavations at one of the sites discovered, which had well-preserved cultural deposits. After a long search, the Minino I settlement was selected for excavation. The site is situated on Lake Kubenskoe, to the east of the Lake Beloe area covered by the Onega-Sukhona expedition surveys of the Institute of Archaeology, RAS. When planning our fieldwork in the Lake Kubenskoe region, we agreed that significant scientific results would be obtained only through extending excavations to selected sites of outstanding quality, together with new methods and new principles of field research to tackle the problems faced.

Our approach was based on three principles. From the start, our fieldwork was planned as a "slow excavation". Painstaking, fine-meshed collection and analysis of cultural deposits meant that we were able to collect artefacts in their entirety and to record more accurately the structure of the cultural deposit and the building remains; traditional collection methods inevitably result in the loss of some finds. The project aimed not at

excavation of the entire site, but at obtaining representative data sufficient for the reconstruction of many aspects of medieval life-style. Secondly, our excavations went hand-in-hand with thorough scientific investigations adapted to the peculiarities of each site, and palaeoecological analysis of the materials collected was given special attention. Various palaeoecological problems relating to medieval colonisation have now been studied much more comprehensively in the Minino micro-region than in the other areas of the southern taiga sub-area, thanks to our comparison and cross-checking of different categories of sources. Finally, we undertook an essentially parallel investigation of the settlements, burial grounds and the zone of economic activity within a single archaeological micro-region, aiming to take account of all the archaeological data about medieval settlement patterns in the vicinity of Lake Kubenskoe.

An important component of the ongoing investigation is comparative study of the materials excavated from medieval settlements in northern Rus'; this must involve detailed analysis and publication of materials from separate sites, paying attention to find collections. As a first step, we intend compiling a register of sites where there have been excavations and a tally of certain categories of finds that are essential for characterising settlements as well as archaeological objects. Interpreting the Minino materials is impossible without comparison to those found in other rural settlements across a wide geographical span. Are the finds from the Minino settlements in the far northeast frontier of Rus' typical of eleventh and twelfth century village life, or do they rather reflect particular historical features and processes in a single, highly peripheral micro-region? To answer this question we must assess the distribution-pattern across the settlements of certain categories and types of finds regarded in medieval archaeology as markers of social-economic development, intensity of trade and involvement in the general cultural sphere of medieval Rus'. Thus, the Minino finds are a starting-point for reviewing more general aspects of the formation and development of rural Rus', taking stock of the whole phenomenon of northern Rus' villages in the tenth to thirteenth centuries.

Chapter I

Lake Kubenskoe region: natural environment, history and archaeology

1. Natural environment and prehistoric monuments

Lake Kubenskoe is a large body of water of glacial origin, located south of the 60th parallel in the southern taiga sub-area. In summer the lake measures c. 370 square metres. The River Sukhona rises from the lake and its confluence with the Yug marks the beginning of the Northern Dvina, one of the largest rivers in the White Sea basin. The area around the lake lies close to the watershed of the Caspian, Baltic and White Sea basins, and in environmental terms it is a typical inland region of the East European plain.

Lake Kubenskoe's depression forms an elongated shape of almost 60 kilometres, lying along a northwest-southeast axis. In its central part the lake is up to 13 kilometres wide, while its north-eastern part is only 2.5 kilometres wide at some points. The lake's surface area and mass undergo substantial seasonal variations, depending on the water level. The south-western and north-eastern shores of Lake Kubenskoe are markedly different from one another. Along the south-western shore, some 2–3 kilometres inland from the present waterline, there is a steep terrace which acts as a boundary to areas of accumulative glacial lacustrine plain and marshy plain. The north-eastern side of the lake is slightly sloping, turning in places into marshland. The bedrock coastline is set back 10–16 kilometres from the present-day lake. The general physical relief is that of a lacustrine plain, and up to 80 tributaries flow into Lake Kubenskoe, including small rivulets.

The region around Lake Kubenskoe is subject to Atlantic and continental atmospheric air streams, with strong cyclonic activity and frequent breakthroughs of air masses; the region has a temperate continental climate with fairly warm summers, long, quite cold winters and generally unstable weather. The average January temperature in the region ranges from −11.5 °C to −12 °C, while the average temperature in July is around +17 °C; the warm period lasts for 200 days. The growing season lasts for around 170 days, from the resumption of winter-sown crops' growth and appearance of the first meadow grass, to the end of autumn (with average daily temperatures <5 °C). Lake Kubenskoe is situated on the border of the middle and southern taiga sub-areas. Coniferous forests cover a significantly smaller area today than in the past, the main trees being fir and to a lesser extent pine.

Agricultural land in the region of Lake Kubenskoe includes dry meadows and plough-lands, situated in areas once occupied by coniferous forests. The south-western side of the lake is seriously deforested. The late eighteenth century ordnance survey shows that most land was given over to arable, with hayfields situated near the shore line; patches of forests survived only in the actual lake depression. The present-day distribution-pattern of villages and hamlets in the region derives from the numerous small communities made up

of several households that were already well documented in late sixteenth and early seventeenth century registers.

Between 1988–1994 the expedition organised by The Antiquities of the North Research Centre, headed by S. Yu. Vasil'ev, carried out a continuous land survey of the Kubenskoe Lake depression. Around 170 archaeological sites have been registered, dating from the Mesolithic period to the eleventh and twelfth centuries. The majority are non-fortified settlements (some 144), but in addition, some 36 individual find-spots have been registered, mostly involving artefacts re-deposited in the lake's present-day artificial banks.

Most of the sites were occupied more than once, with around a third of them yielding materials from several different eras. The latter sites occupy the few raised areas in the low-lying floodplain; as a rule, their cultural deposits (between 0.5 and 0.8 metres thick) are poorly stratified. Mesolithic materials have been found at 10 sites, while 132 sites yielded artefacts from the Neolithic era. Porous pottery from the Eneolithic era was registered at 23 sites, with Late Bronze Age and Early Iron Age pottery found at 79 sites. The concentration of prehistoric sites in the Kubenskoe Lake depression is comparable to the concentrations found around Lake Beloe and the River Sheksna; in the Lozskoe-Azatskoe lake system; around Lake Onega; and in the River Sukhona plain. These sites' chronological break-down is also similar, with markedly more finds of Neolithic and Early Iron Age artefacts than of materials from the Bronze Age and the Early Middle Ages.

The environmental conditions around Lake Kubenskoe are typical of those inland regions of northern Europe situated at the same latitude of the southern taiga sub-area. One key feature is the river network, giving easy access to the river systems of the Sukhona and the Northern Dvina, and at the same time good communications with the Rivers Onega and Sheksna (a northern tributary of the Volga). The riverway from the Volga to the Northern Dvina has been in periodic use from the Neolithic era until the present day, relying on a variety of portage routes.

2. Local centres in the region around Lake Kubenskoe from the fifteenth to seventeenth centuries: the written sources

The Kubenskoe Lake region lies between Beloozero and Vologda, two major territorial and administrative districts (*uyezd*) that appear in our written sources much earlier than do the administrative units (*volost'*) around Lake Kubenskoe. The latter first appear – as 'Kubenskoe *volosti*' – in a chronicle entry for the year 1398, which lists those northern lands belonging to the Grand Prince Vasily Dmitrievich and his allies plundered by the Novgorodians in the course of their expedition to the River Dvina. The first mention of the Syama *volost'* occurs slightly earlier, in the second will of Grand Prince Dmitry Ivanovich (1389); the *volost'* was part of his fourth son Peter's appanage, although to be held in life tenancy by the Grand Prince's widow.

By the early fifteenth century, at least five major independent territorial and administrative units had appeared on Lake Kubenskoe and the upper reaches of the River Sukhona. Their centres were located on the western shore of Lake Kubenskoe, at Syama and Kubena; at Zaozer'e, near the estuary of the River Kubena, which flows into the lake from the east; on the lower reaches of the River Uftyuga, at Oukhtyushka; and on the left bank of the Upper Sukhona, at Bokhtyuga. Some of these units were independent principalities, while others were the hereditary possessions or acquisitions of Muscovite princes. The affiliation of Zaozer'e, Kubena, Bokhtyuga and Syama in the second half of the fourteenth century clearly points to a previously close political link with the principality of Rostov-Suzdal. The written sources seem to imply that in the initial period of colonisation they separated both from Beloozero (which belonged to the Rostov princely dynasty until 1238) and from Vologda: it was only in the fifteenth century that the Kubenskoe *volosti* gradually became part of the district of Vologda. There is no suggestion in our written sources of territorial-administrative unity across the Kubenskoe region in the initial period of colonisation: the expansion from Rostov-Suzdal into this region did not result in the establishment of any homogeneous local territorial structure; rather, it was accompanied by the formation of a series of *volost'* units.

The Minino excavations have been carried out in the Syama *volost'*. From the later fifteenth until the seventeenth centuries, Syama formed the western boundary of the Vologda district; to the west, it bordered the administrative unit of Volochek Slavenskiy, which was affiliated to the district of Beloozero. Syama is mentioned in the wills of the Grand Princes Vasily Dmitrievich (1406) and Vasily Vasil'evich (1461), and in that of Prince Andrey Vasil'evich, which was written before 1481. The land records do not help us to establish the exact boundaries of the Syama *volost'* in the fifteenth century, and only its western border can been reliably drawn. However, the places mentioned in charters relating to Syama clearly prove that by the late the fifteenth century, Syama was a major administrative unit consisting of at least 100 villages. The fullest picture of the territory encompassed by the Syama *volost'* in the seventeenth century can be gained from the 1645–1647 land record of the Vologda *uyezd*. This mentions 19 parishes (*pogosti*) as forming part of the Syama lands. Some 14 of these *pogosti* can be placed on a map, and judging from their distribution, the mid-seventeenth century Syama *volost'* stretched southeast to northwest along Lake Kubenskoe for almost 50 kilometres, and northeast to southwest for 20–25 kilometres (from the lakeside to the watershed with the Sheksna river system). The stability of the western boundary of the Syama *volost'* is confirmed by the fifteenth and seventeenth century cadastre registers, which also suggest that it was territorially stable by the fifteenth century at latest.

Between the fifteenth and the seventeenth centuries, Karachev – another local territorial and administrative

unit — was situated in the north-eastern part of the Syama *volost'*. Its centre was in the Dmitrievsky *pogost* near Lake Kubenskoe, and 'the Karachev *stanok*' is mentioned in the cadastre registers for the years 1619—1631, 1677/78 and 1700/01. "The uncultivated Karachev plots" in the Syama *volost'* are also mentioned in the charter given by Prince Andrey Vasil'evich the Younger to Ignatiy, the abbot of the Kirillo-Belozersky monastery; the document dates back to 1471—1475, and indicates that the Karachev *stanok* must have been in existence by the mid-fifteenth century at latest. It is possible to reconstruct the Karachev *stanok*'s core from the cadastre register 1619—1631, which lists the places it encompassed. The place-name Karachev was first used to denote a substantial area of land (of at least 100 square kilometres), which stretched from the north-western side of Lake Kubenskoe and the Dmitrievka (Karachevka) river estuary to the upper reaches of the rivers forming the Yagrysh river system, and to Lake Zailovskoe and the River Orlovitsa. In the fifteenth century, the eastern part of Karachev came into the possession of the Kirillov monastery. Its western part remained in the hands of the authorities up to the Time of Troubles in the early seventeenth century, when most of its villages were granted out as fiefs. Karachev was undoubtedly an ancient territorial and administrative unit, in existence before Prince Vasily Vasil'evich presented the Kirillov monastery with a part of the Karachev *stanok* lands, i.e. before the mid-fifteenth century. The earliest places to be mentioned by the written sources were located in the west of the Karachev *stanok*, although its centre was in the east, as the clustering of *pogosti* there shows. The settlements situated at the watershed of Lake Zailovskoe and the Yagrysh and Porozovitsa rivers were small offshoots, arising as a result of forest clearance by migrants from the eastern lakeside settlements.

3. Medieval sites and settlement patterns in the tenth to thirteenth centuries

Materials dating from the tenth to the fourteenth centuries have been found at 19 sites in the region of Lake Kubenskoe: 16 settlements and 3 burial grounds. All 19 sites are located close to the rivers flowing into either Lake Kubenskoe or into the River Sukhona. In three cases, the settlements form minor local clusters (at Minino, Chirkovo and Ivanovskoe) and two of the three burial grounds are situated close to settlements.

Certain artefacts, including pottery, help to date the Lake Kubenskoe sites, suggesting three, quite lengthy periods of habitation: from the second half of the tenth to the beginning of the twelfth century; from the twelfth to the earlier thirteenth century; and from the thirteenth to the fifteenth century. Materials which can be firmly dated to the tenth and eleventh centuries have been found at 7 settlements and 2 burial grounds, located in 6 micro-regions. Finds dated to the twelfth and thirteenth centuries have been recovered from 7 settlements and 2 burial grounds in 6 micro-regions. Thirteenth to fifteenth century artefacts have been found at 11 sites. In reality, sites of this latter period are much more numerous, but the limitations of fine-tuning pottery dating for this period prevent us from building up a true picture of the thirteenth to fifteenth century settlement system from archaeological data alone. Most of the Kubenskoe settlements are the remains of stable villages that existed over a period of two or three centuries (Minino I and Korobovo VI) — or even longer, into the late middle ages and even to modern times.

Although the settlement network around Lake Kubenskoe was not as dense as in neighbouring regions to the west — around Lake Beloe and the River Sheksna basin, for example — the archaeological materials nevertheless show a definite acceleration in colonisation around 1000. A stratum of tenth- to twelfth-century artefacts stands out clearly among the archaeological materials found in the region of Lake Kubenskoe, while those from earlier centuries are almost unknown. The earliest settlements appeared on the north-western side of the lake in the second half of the tenth century, forming a new network; in contrast, no finds firmly datable to the tenth or eleventh century have been discovered at the settlements situated on the upper reaches of the River Sukhona. The overall distribution of tenth- to thirteenth-century settlements around Lake Kubenskoe, as well as the high concentration of tenth- and eleventh-century sites on its western shore, show that territorial expansion spread from the west.

Lake Kubenskoe was probably on the north-eastern fringes of the large, long-term settlements of the tenth to twelfth centuries, typified by a high concentration of artefacts and building remains found in the cultural deposits. These sites were the most important elements in the medieval settlement system on the Upper Volga, Mologa and Sheksna rivers and around Lake Beloe. The settlement network around Lake Kubenskoe in the eleventh to earlier thirteenth centuries was made up of 7 settlement clusters, together with their respective outlying sites, located far apart from one another. The system shows no signs of hierarchy: most clusters were probably of similar status. The distribution of settlements ensured their inhabitants had convenient access to water routes, while also allowing each site its own generous hinterland replete with natural resources and a trading area.

When comparing the map of twelfth- to early thirteenth-century archaeological sites in the region around Lake Kubenskoe with historical data on the region's territorial and administrative structure in the later middle ages and early modern period, one sees continuity between the pre-Mongol rural settlement and the later administrative centres. A good example of this is the relationship between the court of the Zaozer'e princes in the early fifteenth century and the settlements that arose on the River Kubena in the eleventh-century or earlier. A series of settlements were abandoned in the thirteenth century, while at the same time we see a kind of "flight to the hills" — a movement towards watersheds and fundamental changes in the lay-out of settlements. But it important to note that those micro-regions which had first been occupied in the eleventh to the earlier thirteenth century were rarely abandoned altogether.

Chapter II

The Minino cluster of sites

1. General information

The Minino cluster is made up of seven archaeological sites on the estuary of the River Dmitrievka, situated within a strip stretching for around one kilometre from the confluence of the river and Lake Kubenskoe. At six of the sites, cultural deposits from different eras have been discovered, but varying both in depth and state of preservation. Burials were discovered at two of the sites; some of the burials cut through the cultural deposits, others were overlaid by them. One site turned out to have been entirely washed away by the lake waters. The settlements and the cemeteries were named after the present-day village of Minino; they are closely associated with the former *pogost* of Dmitrievsky in Karachev, whose church was located some 900 metres from the lake. Cultural remains ranging from the Mesolithic era to the middle ages have been found at the sites; medieval deposits were identified at three settlements on the River Dmitrievka estuary (Minino I, VI and VII), and a large medieval burial ground (Minino II) is located close to these settlements.

Two further sites were discovered some 1.5 kilometres to the south-east of the *pogost:* a settlement (Vladyshnevo I) and a settlement together with a burial ground (Vladyshnevo II). Both are situated on the lower reaches of the River Delyalevka, which runs into Lake Kubenskoe. At Vladyshnevo I, materials dating from the Mesolithic and possibly from the Early Metal period (?) were found, as well as a medieval cultural deposit. At Vladyshnevo II, a Mesolithic cultural deposit and medieval burials were discovered.

The Minino and Vladyshnevo complexes are examples of the dense clusters of archaeological sites found in river estuaries and these are typical of the lake regions in the north of European Russia. Lakeside areas have always been ideal for hunting, fishing and trading, and convenient plots in such areas are reoccupied time and again. The depression around Lake Kubenskoe is a low-lying flood-plain of little use for permanent settlements, while the Dmitrievka estuary is one of the few micro-regions near the lake offering plenty of dry areas favourable to settlement. This explains why the region has been settled so often over different eras.

Exploration of the Minino cluster began in 1993, when S. Yu. Vasil'ev dug the first trial trench at Minino I. This yielded a stratified cultural deposit containing materials from different eras and the remains of a Mesolithic burial ground, indicating that the site was a highly promising rural settlement for excavation, ordinary enough but with unusually well-preserved medieval cultural deposits, building remains and palaeoecological materials. The site was therefore selected for the long-term excavations started in 1996 by the Onega-Sukhona expedition of the Institute of Archaeology, RAS, in co-operation with. The Antiquities of the North Research Centre, and they lasted for nine seasons. The main aim was to obtain as large and as varied a collection of materials as possible, in order to reconstruct the history of one local, medieval population group in northern Rus'. As the project developed, we had to extend excavations at the core settlement (Minino I) and to undertake a detailed field-survey of the micro-region, fully investigating all the medieval sites that form a complex on the left bank promontory of the River Dmitrievka.

The fieldworks of 1996–2004 yielded data on six medieval sites that formed two dense clusters. Our investigations assumed that we would not excavate the whole site area, but would dig individual trenches, allowing us to study the character and chronology of the cultural deposits, buildings and burials. The Minino and Vladyshnevo micro-regions are highly important sites and their significance for research into medieval rural settlements in northern Rus' cannot be overestimated. It is not only the nature of the separate finds, their unusual state of preservation and their high concentration in the cultural deposit that make the sites so important. Minino and Vladyshnevo also offers clusters of settlements that are relatively intact, together with their medieval landscape and environment. The sites revealed unexpected opportunities for the study of the interrelationship between individual objects, history and landscape, cross-referring between various aspects of medieval settlement patterns, economic and cultural life within the context of a single local territory and drawing on a wide variety of source materials.

2. Medieval cultural deposits at the settlements: investigation methods and techniques

The medieval settlements in the Minino cluster have a number of characteristic features, including the outstanding state of preservation and depth of the cultural deposits, the very complicated stratigraphic structure of the deposits, and the presence of sizable deposits dating from earlier periods. These characteristics required us to adopt new excavation techniques at the various sites, in order to obtain the best possible results at each.

The most complicated site for investigation was Minino I. It is a stratified site, where a sequence of deposits has been found, dating from the Mesolithic, Neolithic and Early Iron Age up to the middle ages. The medieval deposits here are notable for their thickness and quite complicated stratigraphy. They have the appearance of dark-grey sandy loam, with significant admixture of humus, numerous oven stones, fragments of oven plaster, and animal and fish bones. Given the well-preserved state of the cultural deposits at Minino I, we assumed from the outset that we should pay special attention to the quality of our fieldwork, a highly time- and labour-consuming process. It soon became apparent that, because of the exceptionally dense concentration of finds in the cultural deposits, we would only be able to investigate a small area thoroughly each season. But by using

this method, it would have taken us over 15 years to excavate just 5% of the site's area, and we therefore decided to dig six small trenches, covering a total area of 309 square metres, instead of one large trench. This also gave us the chance to investigate different parts of the rural site.

A small trench covering an area of 16 square metres was dug at the Vladyshnevo I settlement. No stratified deposits from earlier eras were found at this site, and only some isolated Mesolithic finds have been registered in the medieval deposit. The colour — an almost black sandy loam — and the presence of humus admixture appeared similar to Minino I's, but the Vladyshnevo deposit had a thinner and less complicated stratigraphic structure; it also had a much lower concentration and narrower range of finds than at Minino I. The nature of the deposit, together with the fact that all the potsherds from Vladyshnevo I were from hand-made pottery, suggests that the site was occupied for a relatively short period of time.

The situation at Minino VI was quite different: here, the cultural deposit's state of preservation was far more typical of most medieval Russian settlements, with its upper layer destroyed by ploughing over a long period of time. Underneath the upper layer we found an undisturbed medieval layer of dark-grey sandy loam with significant humus admixture, although this layer was preserved almost exclusively in pits cut into the subsoil. Since the deposit was thin and of a simple structure, we managed to excavate some 588 square metres over three seasons.

Although different excavation strategies were used, depending on the nature of the cultural deposits and their state of preservation at the different sites, we used a uniform method of investigating the stratum itself. Throughout our excavations, our prime concern was not speed but quality. We excavated a deposit in layers 10 cm thick and when the stratigraphic situation allowed, our excavations took account of the lithological structure. Mass categories of finds (potsherds, oven plaster fragments, slag lumps and bones) were registered within grids of one square metre.

We not only focused on excavating a cultural deposit as accurately as possible, but also on recovering as many finds as possible from the deposit, the find inventory being one of the most important parts of any archaeological dig. For this reason, we used panning on a large scale while investigating cultural deposits at the Minino sites, and about a third of the total mass of medieval deposits underwent panning and sieving. As a result, we discovered 2,990 artefacts — over 42% of the total number of finds made in the settlements — and one cannot help noting that this collection of finds is comparable in both size and diversity to those obtained through large-scale excavations at many medieval Russian settlements.

Another basic principle of our fieldwork strategy at Minino was to collect as many palaeoecological materials of various kinds as possible. Extensive carpological and palaeozoological materials were collected from the excavation trenches and a series of radiocarbon samples taken. Samples taken for pollen analysis have enabled us to characterise the palaeoenvironment in the micro-region over various phases of time. Of special significance was the interdisciplinary research carried out at the settlements and at their burial ground, and this has helped shed new light on the micro-region's cultural situation and development processes.

3. Medieval structures

Among the important results of the Minino cluster excavations is the discovery of nine buildings. Medieval Rus' archaeology has tended to overlook the study of rural house-building, making these excavation finds — and particularly those from the Minino I settlement — of special interest. Despite the small size of the area excavated (a total of 309 square metres), six houses and one jeweller's workshop were uncovered. Detailed find analysis, stratigraphy and radiocarbon dating all show that these buildings were in use at various stages of the site's occupation. The earliest house can be dated to the second half of the tenth or eleventh century, while the latest two were built in the second half of the twelfth or the early thirteenth century.

Because the excavation trenches were comparatively small, only two buildings have been fully uncovered. And although the medieval deposits at Minino I are not very thick, they nevertheless cover a lengthy period of time. Both factors make it difficult to determine the buildings' exterior walls and interior layout with complete confidence. These problems were most successfully tackled through planigraphic analysis of the distribution of various categories of materials in those deposits relating to the period when the buildings were in use. Changes in the find density of artefacts, potsherds, animal and fish bones, oven plaster and oven stones inside and around the best-preserved buildings showed certain distribution patterns. It should, however, be stressed that many details were only established through the enormous number of finds, many of which were obtained through the panning of cultural deposits. The distribution patterns which emerged were used when studying the other buildings which were in a worse state of preservation, and this allowed us to propose the most probable basis for their reconstruction.

All the houses discovered were rectangular log cabins, built above ground, and even the earliest ones had two interior rooms of unequal size divided by a party wall. The oven was always located in the chamber (the larger of the two rooms), and on entering the house you would have passed through the non-heated room or lobby. The main entrance was generally in the shorter lobby wall; in only one case does it seem to have been situated in the long wall of the lobby. Where we were able to establish the position of both the main entrance and the interior door (leading from the lobby to the chamber), we found that they were located as far as possible from one another. Most probably all the houses had wooden floors, although their remains can only confidently be identified in three. The houses were of different size. The earliest house was the largest, measuring 6.8 by over 6.2 metres. One of the smallest dates back to the late eleventh or earlier twelfth century, with a floor area of around 27 square metres (the heated chamber measured over 19 square metres, while the lobby was 7 square metres). We could establish the size of the inner, heated, chamber in three houses: this ranged from 19.3 to 26.6 square metres, and between 7% and 20% of this area was occupied by the oven.

In addition to the types of finds, the oven was taken as the surest indicator of a dwelling house, distinguishing it from a storehouse or outbuilding. All the heating devices discovered in the Minino I houses were ovens,

of similar stone and clay construction. They used 5 or 6 big stones as a base, often arranged on their sides, and they surrounded a sub-rectangular area that was filled with clay. The ovens' size ranged from 1.5 by 1.2 metres to 2.3 by 1.5 metres. The mass of clay used for oven construction varied from 10 to 532 kg, and the volume of stone used was up to one cubic metre.

It is important to note that the Minino I cluster was densely built up, as can be seen from the total number of houses excavated. Moreover, three of the six houses were built over earlier constructions, whose remains were partly or wholly overlaid. The situation at the Minino VI settlement was different. The site's cultural deposit had been seriously disturbed by ploughing over the years. Although the area excavated was twice as large as at Minino I, only one house was reliably found. The concentration of various types of finds in the cultural deposits of the two sites also differs substantially. At Minino I, an excavation of one square metre produced on average over 17 individual finds and around 0.6 kg of pottery, while at Minino VI these were only 3 and 0.25 kg respectively.

These variations point to a fundamental difference in the settlements' layout. Our analysis clearly shows that the development of Minino I was not spontaneous but planned: the site's general layout follows a system. Although we found no evidence of the division of the site into household plots, certain spatial limitations clearly obtained, prompting the inhabitants to continue building their houses on the same sites. Some form of street planning can therefore be attributed to Minino I, whereas the siting of houses at Minino VI does not appear to have been planned, and they were located quite far apart from one another. However, this difference in density and layout does not signal a substantial difference in lifestyle and living standards between their inhabitants. The two settlements were very similar, judging by the general range, profile and quality of the finds and by the bone collections. Site-specific topographical features would seem to have been responsible for the differences in layout. Minino I covered a relatively small area, hemmed in by natural boundaries, and in the site's heyday it was almost entirely built up, while there was virtually nothing to limit the territorial growth at Minino VI. However, the differences in layout may also reflect variations in the status of the two settlements.

The excavations of the Minino cluster, situated in the remote northern periphery of medieval Rus', provide new insights into the character and pattern of life in rural settlements. The remarkably clear and full array of finds point to a high standard of living in the countryside, with traces of various crafts being plied there, a wide-scale use of two-chamber houses and some form of street-planning. Our excavations clearly show that even quite modestly-sized rural settlements were in fact relatively complicated organisms.

4. Prehistoric remains: from the Stone Age to the Early Iron Age

The Minino micro-region has been inhabited for over nine thousand years, but because of the limited number of suitable settlement spots on the marshy lakeside, those plots which could support habitation were repeatedly built on. Materials dating from the Stone Age and the subsequent early metal eras were found at all seven sites excavated on the banks of the River Dmitrievka, some 1.2 kilometres from its estuary. This concentration of sites, close to the mouth of a small river which cuts through several terraces and a high waterside bank, is a typical feature of the landscape in the region. The objects discovered at the largest site (Minino I) turned out to be the most diverse both in type and in dating.

Mesolithic materials were discovered at four sites in the micro-region (Minino I, II, IV and VII). Similar artefacts were also found on the left bank of the River Dmitrievka, in a strip measuring over 300 metres in length, and sometimes situated as far as 90 metres from the bank. Mesolithic cultural deposits were uncovered at Minino II (in excavation trenches 1 – 3 and test-pits 4 and 5) and at Minino I (in excavation trenches 1 and 5). A saturated cultural deposit was also found at Minino I (located beneath the water-table in excavation trench 6) and further artefacts were excavated at Minino IV (on the left-hand promontory of the riverbank, at a height of up to 1.5 metres, at the point where the River Dmitrievka empties into Lake Kubenskoe).

Soil samples for pollen analysis were taken from the lowest strata of the cultural deposit at Minino I. The pollen spectra show that in the early period the site was meadowland, surrounded by sparse forests of mixed pine and birch and mixed pine and spruce. According to the palinological data, human settlement at Minino began in the pre-Boreal period; this era is characterised by climate stabilisation following a period of glacial melting and the drying out of residual water-pools.

The Mesolithic finds allow us to reconstruct some details of the everyday life of the original population. The area around Lake Kubenskoe was inhabited by hunter-gatherers and fishermen; the remains of hundreds of mainly beaver, elk, fox and wolf or dog bones have been found, as well as some fish bones. Fireplaces and household pits containing hunting tools and paraphernalia have been discovered: among the flint artefacts were numerous blades and blade-fragments, inserted flints, tools such as knives, scrapers, awls, borers and arrowheads, tools for flaking flints and those made from unevenly-shaped blanks. Bone and antler artefacts are well preserved in the cultural deposit of Minino I, with over 1,000 examples collected. These comprise weapons for hunting (including arrowheads and inserted arrowheads; large bear-spears, made from the metatarsal bones of elk; single- and double-edged knives; and daggers, with slots for inserting and fixing flints); fishing tackle (including hooks, harpoons and denticulate points); tools for working bone and wood (including a flat antler axe, with a notch for the handle shaft; a chisel; several sets of tools made from beaver-jaws and-incisors, designed to work organic matter); and tools for processing skins (including side-scrapers, points and awls). Finds identified as clothing accessories include pendants and sewn-on ornaments, made of animal and fish teeth and fragments of bone; flat, rectangular pendants with round openings; and fragments of incised platelets.

Similar Mesolithic artefacts have been found at the nearby Veret'e and Butovo excavations, but most finds

cannot be dated precisely and range from the later Mesolithic to the Early Neolithic (the Boreal to the Early Atlantic periods). The difficulties in dating arise from the fact that the dry cultural deposit — some 30 — 50 centimetres thick and formed of sandy loam — is not divided by any sterile inter-layers and is disturbed by pits. This prevents us from identifying most flints through cultural and chronological associations, even though the total collection is made up of over 12,000 artefacts. Excavations were begun in 2002 — 2003 of the damp, stratified deposits with well-preserved organic materials. A cultural deposit up to 1.5 metres thick was uncovered in excavation trench 6 and in a test-pit in the River Dmitrievka floodplain, to the east of the dry part of the site; the layer dates from the Stone Age and the subsequent early metal eras.

Within the area of the site with the dry cultural deposit, a series of closed sites were excavated which can be reliably dated to the Stone Age. In the eastern part of Minino I (excavation trench 1) over 15 Mesolithic burials were investigated (marked with Arabic numerals). The bones were in a satisfactory state of preservation. Eight more Mesolithic burials were discovered in Minino II (excavation trench 3, marked with Roman numerals) (Fig. 93)

At Minino I and II, burials were uncovered in the Mesolithic cultural deposit and they were also cut into shallow, narrow pits, often corresponding very closely to the size of the body buried. The positioning of the burials within the excavation trenches suggests that they did not form a single burial ground: groups of asynchronous burials were performed according to different burial rites. The majority of graves were not furnished with any goods. It was impossible to establish the chronology of all the graves (Table 1). It should be noted that dietary factors can sometimes result in the build-up of carbon in human bones; the radiocarbon dates obtained from such cases can be distorted making them seem some 300 — 400 years older than they are in reality. Some of the most important burials are described below.

Triple-grave 19 dates from the Middle Mesolithic Era, and is of great importance: it is unique in the north-east European forest zone and clearly consists of three successive layers of interment. Individual 1 was represented only by some fragments of skull, which were located 10 centimetres above the remains of individuals 2 and 3. The latter were the skeletons of a young woman and a male youth; they were buried at the same time, one above the other, in supine positions with their heads pointing north-northwest. The lower of these two skeletons (individual 3) was the male youth: 18 — 19 years old, he was not accompanied by any grave goods. Individual 2 was the young woman: 20 — 24 years of age, her clothing was decorated with over 160 ornaments, each incised at one end to enable them to be sewn onto the garment, and fashioned from the bones and teeth of fish and animals. Among the bones of individual 1, we found the fragment of a bone dagger with grooves for inserting flint edges, three of which have survived.

Grave 3 dates from the Late Mesolithic Era. It contains the skeleton of a 30-39 year-old male, buried in a pit cut into the subsoil. He lies in a supine position, facing north-east, and we found a small bone peak in the grave. Grave 20 contains the body of a woman in a costume decorated with around 300 ornaments of various types that had been sewn on. These ornaments were made from marten and dog or wolf molars and canine-teeth, and from elk incisors; they were fashioned into thin, rectangular mounts, each with an opening. The woman had a garlanded headdress, with around 150 sewn-on ornaments, and her wrists were also decorated by numerous ornaments, which would originally have been sewn onto a costume detail covering her hands. On her waistband there was a kind of bag, with ornaments sewn around it, which contained a flint blade. The area around her skull was strewn with red ochre.

Of special interest at Minino II is grave II, as this is the first time since the excavation of the Oleniy Ostrov burial ground on Lake Onega that a polished slate knife of the Oleniy Ostrov type has been found. It is also the first time that a grave has been found, covered by a large stone, and with the corpse laid on its back in a foetal position.

Several graves at Minino I can be dated to the turn of the Mesolithic and the Neolithic Eras. Male graves 4 and 13 have several important features: they are almost contemporary and were arranged parallel to one another. Both pits were strewn with ochre, and the hunting tools placed in them had been deliberately damaged. These burial goods included a bone dagger, whose hilt was fashioned in the shape of a snake's head, and the fragment of large flint blade (grave 13); and two bone harpoons with their teeth deliberately broken (graves 4 and 13). The dead were buried full-length, lying supine in grave 13 and prone in grave 4, and the two skeletons were facing in opposite directions (south-southeast in grave 4 and north-northwest in grave 13).

The graves excavated show varying treatments of the dead, including dismemberment and partial burials. The transition to the **Neolithic Era** was marked by the appearance of grave pottery. Neolithic potsherds were found at five sites on the River Dmitrievka (Minino I, II, IV, V and VI). With the exception of Minino I, these are all separate finds, and this is probably related to the significant expansion of the lake-surface in the Neolithic Era which resulted in settlements being located closer to the lakeside. At Minino I, the Neolithic finds were scattered within a strip of over 150 metres, stretching along the lakeside from excavation trench 6 to excavation trench 3.

Pottery from various eras can be identified by the mineral admixtures, and the finds of pottery have been categorised as follows: archaic combed potsherds (around 80 fragments), pit-and-comb sherds and those with only a few pits (altogether around 800 fragments). In the lowest strata of the cultural deposit, separate fragments of thin-walled vessels with shell admixture were uncovered, ornamented with narrow stamp impressions. The archaic combed pottery fragments with mineral admixtures are similar to vessels found at the earliest Neolithic sites in the southern part of the Lake Onega basin and the River Sukhona basin at the turn of the sixth and the fifth millennia BC. Similar pit-and-comb pottery has been found at sites where the L'yalovo culture existed and at Kargopol-type sites, although this pottery dates from the late fifth to early fourth millennia BC, a time when settlers in the Minino region were still hunter-gatherers and fishermen.

Grave 5 at Minino I has been radiocarbon-dated to the Neolithic Era. The skeleton of a 20 — 29 year-old

male was buried in a supine position, his head pointing to the south-east. This burial showed unusual features: the head and arms, with clavicles and scapulae preserved in anatomical order, had been driven into the chest, suggesting that the entrails had first been removed. The arms were correctly placed to the right and left-hand sides of the body, with the hands positioned in the pelvic region. The head of a large bear-spear – made of tubular bone – had been placed between the feet of the individual.

The Minino I finds include some 300 fragments of vessels with porous surfaces, characteristic of the **Eneolithic Era.** The pores are formed when the organic admixtures are burnt out from the clay paste, for example ground shell valves and other such matter not visually identifiable. The pottery was decorated with pits of various shapes, together with comb-like and smooth stamp imprints. Despite its varied appearance, this pottery is similar to the Modlona-type pottery found at nearby sites in the Lake Onega basin.

The **Bronze Age** is poorly represented, with only a few fragments of net-impressed pottery discovered at Minino I, II, IV and V. We have not managed to identify any undisturbed associations, and so only a series of fragments from the general mass of net-impressed pottery can reliably be dated to the Bronze Age. These potsherds have a very distinctive profile: rims are S-shaped and are decorated with small pits, strokes, and narrow comb-like imprints. However, it is likely that other net-impressed fragments – with smooth profiles and band-type ornamentation below the rim – likewise date from the Bronze Age.

Early Iron Age finds were made at six of the sites on the Dmitrievka River. The oldest materials came from Minino I: dozens of thin-walled vessels, with shell admixture in the paste and the collar rims. Similar pottery has been found in the Komi Republic and the River Kama basin, at sites dating from around 500–250 BC (from the middle and the late stages of the Anan'ino culture). Minino I also yielded a collection of nearly 10,000 potsherds with mineral admixture: these included over 2,000 net-impressed fragments; over 5,000 hatched-surface fragments; and around 1,500 smooth-surface fragments with various decorative types. This pottery is similar to vessels found at the adjacent, open, late Kargopol-type sites and the settlements on the Upper Sukhona which date from c. 500 BC-c. 500 AD. At Minino I and II a series of cord-impressed potsherds has also been identified, ornamented with 4–16 horizontal cord imprints, sometimes forming wavy bands. This type of decoration derives from the Anan'ino culture and is a typical feature of late Kargopol-type pottery.

Further Early Iron Age materials include five fragments of so-called D'yakovo-type loom-weights; 150 fragments of tubular-shaped casting moulds with one – sometimes two or three – slightly bent parallel channels; and several bone implements. The fragment of a clay horse-figurine and a bronze pendant of trapezoid shape can also be dated to the Early Iron Age.

A pit containing Early Iron Age pottery, where one of the D'yakovo-type loom-weights was found, also yielded several charred grains of barley and wheat, together with flax seeds. However, without further, more representative, paleobotanic finds, this data is insufficient for drawing any firm conclusions about the rate of agricultural development in the Lake Kubenskoe region in the Early Iron Age. On the other hand, stock-breeding in this period can be documented through finds of domestic animal bones, including those of cattle, sheep or goats, horses and pigs. It was probably the development of an agrarian economy that triggered substantial changes in the relative proportions of trees and grasses in this period, suggesting an active process of forest clearance.

In summary, the great significance of the prehistoric sites excavated around Minino should be highlighted. The region around Lake Kubenskoe was subject to cultural influences coming from the Volga basin in the south-west, and from the Urals in the north-east. The region's rich natural resources, as well as its prime position on the water and portage routes leading from the Volga basin to the Northern Dvina, fostered these varied and active connections.

Table 1: Minino I – Radiocarbon dates of the Stone Age burials

N	Grave, Sample Type	^{14}C Age (BP)	cal BC (68% probability)	cal BC (95% probability)
AAR-5791	grave 19, individual 2, bone (human)	9320±55	8640–8530	8740–8420
AAR-5792	grave 19, individual 2, bone, tooth (elk) – pendant (N 11)	8960±55	8280–8180	8290–7960
AAR-5793	grave 19, individual 3, bone (human)	9435±55	8780–8630	8850–8550
AAR-5794	grave 19, individual 2 or 3, bone (animal) – pendant (N 27)	8790±55	7970–7730	8250–7600
GIN-8837	grave 3, bone (human)	7240±160	6260–5970	6450–5800
AAR-5787	grave 4, bone (human)	6680±50	5645–5555	5710–5510
AAR-5788	grave 4, bone (animal) – spearhead (N 1)	6165±45	5210–5050	5230–4980
AAR-5789	grave 13, bone (human)	6590±50	5560–5480	5620–5470
AAR-5790	grave 4, bone (elk) – spearhead – harpoon (?) (N 2)	6140±50	5210–5090	5220–4940
GIN-8838	grave 5, bone (human)	6210±210	5400–4850	5650–4600

Calibrated ages in calendar years have been obtained through application of the calibration program OxCal v.3.10.

Chapter III

The Minino cluster: burial grounds and customs

Two medieval burial grounds have been excavated on Lake Kubenskoe (Vladyshnevo II and Minino II). Both cemeteries were set into the earth, situated on small river terraces and very close to the medieval settlements, leaving no traces visible above-ground today.

At Vladyshnevo II, the excavated area was around 200 square metres. Under the turf was a layer of sandy loam with humus admixture, containing charred bones and medieval objects. Four large pits had been dug, cutting through the subsoil; these contained charred bones, charcoal and grave goods. A total of 91 medieval artefacts were found at the burial ground, together with around 220 grams of charred bones.

Three excavation trenches were made in different parts of Minino II, covering a total area of over 880 square metres. The trenches revealed more than 80 medieval graves: 65 of these were inhumation-burials, of which 41 were undisturbed and a further 22 had been partly or wholly disturbed. At least 17 of the graves contained cremated remains. Most of the charred bones (in total over 1,500 grams) gathered from the upper layer were probably the remains of cremations performed above-ground and they were similar to those found at Vladyshnevo II. The upper layers of the trenches uncovered some 600 medieval finds, mostly from the above-ground cremations, but with a small number of finds coming from disturbed inhumation-burials. The area where cremation remains were laid was quite extensive from the start, stretching for at least 40 metres from west to east; the ash-pits were situated on the highest part of this area, located far apart from one another. The inhumation-graves were densely-packed groups, but these were separated from one another by relatively large, grave-free areas (measuring some 4 – 5 metres).

Several types of cremation rites appear to have been practised at the burial grounds excavated around Lake Kubenskoe, including dense deposits of the ashes – perhaps in some sort of wooden construction – either at ground-level or in shallow pits; deposits of charred bones in deep, rounded pits; deposits of charred bones at the bottom or on the edge of large, unfilled pits, with the result that over time the bones became mixed with the pits' infill; and finally, charred remains and funerary gifts deliberately scattered over the ground-surface. At both burial grounds, most of the grave goods from cremation-burials were collected from the upper, ploughed layer, a fact which can be explained both by the relatively high proportion of burials with scattered remains, and by the custom of placing grave goods separately from the charred bones.

Inhumation-burials were placed in simple pits of oval or rectangular shape; the dead were probably put in some sort of wooden container or perhaps coffin, usually made without nails; nails were only found in 4 graves. The orientation of 43 graves has been established: 34 individuals were buried with their heads pointing to the east, north-east or south-east and 9 with their heads pointing to the west or north-west. The earliest of the graves were oriented to the east. The skeletons were generally found in a supine position, their arms placed beside the body or slightly bent, with their hands resting on or close to their pelvis. However, skeletons were discovered in unusual positions in several graves – either slightly turned on their sides and/or with bent legs. One small grave contained an unusual group burial: we found four full skeletons, densely packed together in several layers, with the bones' anatomical order partially preserved. Presumably this was a reburial of people who had died far from home in extraordinary circumstances.

Grave goods, including tools and utensils, were found at Minino II in 31 inhumation-burials. Some 57% of the undisturbed burials contained grave goods: in general, these were not found in the graves of infants under 3 years of age, whereas only 3 adult graves contained no goods. Metal ornaments and costume details were found in 35 graves; most were for clothing the dead, although in a few cases they had been placed in the grave separately as funerary gifts. Among the undisturbed graves, 28 contained metal ornaments and costume details, some 70% of the total. Again, the graves of infants less than 3 years old did not normally contain ornaments (a total of 7 graves).

Several types of utensils were found in the inhumation-burials, the most popular being iron knives, found in 25 male and female graves, as well as in those of children. Single-sided combs were found in nine graves, fire-steels in five, and axes in four. Clay vessels, both intact and whole but in fragments, were discovered in eleven graves containing burials, some 20% of the total of undisturbed graves.

The excavation of the two medieval burial grounds on Lake Kubenskoe allows us to trace the development of burial rites over at least two and a half centuries, ranging from pagan cremations to western-facing burials lacking grave goods, which correspond to Christian ritual.

The cremation-burials at the Lake Kubenskoe burial grounds are of particular importance, providing reliable information on rare and little-studied burial rites practised around the year 1000. Both cremations with ground-level ash deposits and cremations with rounded-pit charred bone deposits have been previously observed in the burial practices of Russia's northern forest zone, but in Vladyshnevo II and Minino II these rituals have been investigated and recorded much more accurately and reliably than ever before. The Lake Kubenskoe cremation-burial grounds are similar to a wide circle of burial grounds typified by ground-level ash deposits in the Baltic region and in north-western Rus'. Of these, the Beloozero cremation-burial grounds are geographically closest to those at Lake Kubenskoe,

but their most characteristic feature — log constructions known as "the houses of the dead" — is missing from Lake Kubenskoe. This would seem highly significant. In the light of the recently-excavated burial grounds near Kotorsk and at the Ratnitskoe fortified settlement, the Minino II and Vladyshnevo II materials would suggest that cremation-burial grounds, with shallow-pit burials or ground-level ash deposits, were widespread in the east European forest zone between 500 and 1000 AD.

The transition to inhumation-burial rituals around Lake Kubenskoe did not necessarily mean that old burial traditions were abruptly abandoned. Most cremation-burial finds at Minino II and Vladyshnevo II can be dated to the tenth or early eleventh century, a broad chronological range — and individual cremation-burials from Minino II excavation trench 2 may even be dated to the mid-eleventh century. And the earliest inhumation-burial excavated in this region dates to no later than the turn of the tenth and the eleventh centuries. Thus it would appear that for some time in the earlier eleventh century, cremation- and inhumation-burials were practised in parallel at Minino II.

The inhumation ritual of placing the dead in burial pits, variously oriented and accompanied by many ornamental and functional grave goods is similar to that found in the Beloozero region in the eleventh and twelfth centuries. It developed there from cross-cultural interaction between the Slavic and Finnish traditions. Typical of this tradition is the absence of barrows, and a stable inventory of grave goods, including richly-adorned female costumes and plenty of utensils. This practice was gradually abandoned, and western-facing burials without any — or only a limited number of — ornaments or other grave goods can be dated to the earlier twelfth century in the central Beloozero region, but on the eastern periphery, in Volok Slavenskiy, it dates from the turn of the twelfth and thirteenth centuries.

The Minino II burial ground has some features of ritual not found at other sites, including the coexistence of cremation- and inhumation-burial rites in the early eleventh century; the absence of nailed wooden coffins; double male and female burials; and specific types of later-tenth- and eleventh-century male burial goods, including purses with metal facings, tinder-pipes and composite decorative belts. Although some standard burial rites are certainly present at Minino, the graves have more individual features than those at the nearby burial ground at Nefed'evo in Volok Slavenskiy.

The earliest western-oriented graves at Minino II can be dated to not before the mid-twelfth century. The dead were laid with arms extended and were accompanied by utensils and "food for the journey". On the edge of the burial ground, four western-oriented graves were found furnished with no utensils or ornaments at all. Although we cannot date these graves precisely, they appear to come from the final period when the burial ground was in use.

Two key turning-points in the development of burial traditions on Lake Kubenskoe can therefore be detected: firstly, the transition from cremation to eastern-oriented burial at the beginning or in the first half of the eleventh century; and secondly, the transition to western-oriented burial without any grave goods at the turn of the twelfth and thirteenth centuries. The Lake Kubenskoe burial ground fell out of use soon after it became customary to bury the dead in a western orientation and without grave goods. When it comes to characterising the cultural situation of the Minino burial ground, the essential point is its topographical stability, that the same place was used for burials for two and a half centuries — from pagan burials to Christian ones — despite radical changes in burial rituals.

Translated by L.I. Avilova

Содержание

Предисловие (*Н.А. Макаров*) 5

Введение

Археологическое изучение древнерусской деревни X–XIII вв. (*Н.А. Макаров*) 7

Глава первая

Кубенозерский край: природа, история и археология 21

Природная среда и первобытные древности (*Е.А. Спиридонова, Н.А. Макаров, А.В. Суворов*) 21

Кубенские волости по письменным источникам XV – XVII вв. (*Н.А. Макаров*) 30

Средневековые памятники и система расселения X – XIII вв. (*Н.А. Макаров*) 43

Глава вторая

Мининский археологический комплекс 63

Мининский археологический комплекс: общая характеристика (*Н.А. Макаров*) 63

Средневековый культурный слой поселений: методы и приемы исследования (*С.Д. Захаров*) 76

Средневековые постройки и сооружения (*С.Д. Захаров*) 96

Материалы эпохи камня, бронзы и раннего железного века (*А.В. Суворов*) 117

Глава третья

Мининский археологический комплекс: погребальные памятники (*Н.А. Макаров, И.Е. Зайцева*) 130

Приложения

1. Средневековые поселения и могильники в бассейне Кубенского озера. Каталог археологических памятников (*Н.А. Макаров*) 185

2. Поселения Мининского археологического комплекса. Описание раскопов 197

Селище Минино I. Раскоп 1 (*С.Д. Захаров*) 197

Селище Минино I. Раскоп 2 (*С.В. Меснянкина*) 204

Селище Минино I. Раскоп 3 (*С.В. Меснянкина*) 207

Селище Минино I. Раскоп 4 (*С.Д. Захаров*) 215

Селище Минино I. Раскоп 5 (*С.В. Меснянкина*) 220

Селище Минино I. Раскоп 6 (*С.Д. Захаров*) 223

Селище Минино VI. Раскоп 1 (*М.Л. Мокрушин*) 225

Селище Владышнево I. Раскоп 1 (*С.Д. Захаров*) 230

3. Могильник Минино II. Описание погребальных комплексов (*И.Е. Зайцева, Н.А. Макаров*) 233

Архивные источники 339

Литература 342

Принятые сокращения 348

List of illustrations 350

Summary 361

Contents

Preface and Acknowledgements (*N. Makarov*) 5

Introduction

Archaeological investigation of Rural Rus' 900–1300 AD. (*N. Makarov*) 7

Chapter I

Kubenskoe lake region: natural environment, history and archaeology 21

Natural environment and prehistoric monuments (*E. Spiridonova, N. Makarov, A. Suvorov*) 21

Local centres in the Kubenskoe lake region in the XVth – XVIIth centuries in the light of the written sources (*N. Makarov*) 30

Medieval sites and settlement patterns in the Xth – XIIIth centuries (*N. Makarov*) 43

Chapter II

The Minino cluster of sites 63

The Minino cluster of sites: general information (*N. Makarov*) 63

Methods and techniques of field investigation of the cultural deposits (*S. Zakharov*) 76

Medieval cultural deposits and structures (*S. Zakharov*) 96

Prehistoric remains: from the Stone Age to the Early Iron Age (*A. Suvorov*) 117

Chapter III

The Minino cluster of sites: cemeteries and burial customs (*N. Makarov, I. Zaitseva*) 130

Appendix

1. Medieval settlements and cemeteries in the Kubenskoe lake region. Catalogue of the sites (*N. Makarov*) 185

2. Medieval settlements in the Minino local area. Excavation sites 197

The settelment Minino I. The site 1 (*S. Zakharov*) 197

The settelment Minino I. The site 2 (*S. Mesnyankina*) 204

The settelment Minino I. The site 3 (*S. Mesnyankina*) 207

The settelment Minino I. The site 4 (*S. Zakharov*) 215

The settelment Minino I. The site 5 (*S. Mesnyankina*) 220

The settelment Minino I. The site 6 (*S. Zakharov*) 223

The settelment Minino VI. The site 1 (*M. Mocrushin*) 225

The settelment Vladyshnevo I. The site 1 (*S. Zakharov*) 230

3. Minino II burial site. Catalogue of the burials (*I. Zaitseva, N. Makarov*) 233

Archivist sources 339

Bibliography 342

List of abbreviations 348

List of illustrations 350

Summary 361

Научное издание

Археология севернорусской деревни X–XIII веков

Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере

В трех томах

Том 1

Поселения и могильники

Утверждено к печати
Ученым советом
Института археологии
Российской академии наук

Заведующая редакцией *Н.Л. Петрова*

Редактор *М.М. Леренман*

Художник *В.Ю. Яковлев*

Художественный редактор *Т.В. Болотина*

Технический редактор *Т.В. Жмелькова*

Корректоры *А.Б. Васильев,*
Е.Л. Сысоева, Т.И. Шеповалова

Компьютерная верстка
Л.А. Дронова, С.В. Ишутина

Подписано к печати 24.09.2007. Формат 60 × 90 $^1/_8$
Гарнитура Балтика. Печать офсетная
Усл.печ.л. 47,0. Усл.кр.-отт. 173,5. Уч.-изд.л. 51,2
Тип. зак. 4490

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП "Типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12